

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://pasternakboris.ru/> Приятного чтения!

Полное собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак

Е. Д. ОРЛОВСКОЙ

4 января 1954, Москва

4 янв. 1954

Дорогая Елена Дмитриевна!

Благодарю Вас за телеграмму. С Новым годом и Вас, и верю в близкое исполнение самых смелых Ваших, казавшихся прежде не-сбыточными, мечтаний.

У меня было очень немного экземпляров Фауста, когда я один послал Кайсыну, и теперь ни одного не осталось. Но ведь это слыш-ком большая для стихотворного произведения и слишком пута-ная и сложная вещь, наверное ни Кайсын, ни Вы, ни кто бы то ни было из лучших моих друзей не в состоянии будут дочитать ее це-ликом до конца даже из преданности мне.

Я Вам или Кайсыну, кажется, летом писал, какой переворот (в состоянии здоровья после долгой прошлогодней болезни серд-ца и долгого лежания в больнице) произвела во мне во всем спеш-ная напряженная и объемистая работа над переводом, который я подверг обширной переделке в корректуре, по собственному же-ланию и наперекор опасениям редакции, что я текст, ею одобрен-ный и принятый, испорчу и задержу печатание книги. Эта работа возродила меня и осчастливила, – с нее, с этих летних трудов по-шли разные другие приятности, я сильно двинул вперед роман, написал много новых стихов и т. д. и т. д.

Переработку Фауста я производил под поторапливание Гос-литиздата в листах верстки; все сделанное, тысяч до двух новых стихов, написанных недели в три – в месяц, ушло на этих листах, у меня не было времени переписать новый текст для себя и не ос-талось ни следа от него. В разлуке с этой работой воображение мое разыгралось, я стал фантазировать насчет значения сделан-ного, и, наверное, часть того преувеличенного, что я чувствовал в те дни, попало в мою переписку, в том числе, вероятно, в письмо к Кайсыну.

Теперь, раскрыв книгу, он не найдет в ней ничего из того, о чем я писал, как в том же положении оказался и я, когда на днях стал перелистывать только что вышедшую книгу. Я не разочаро-вался во внешних качествах перевода: язык именно в той мере ес-тественен, и стих плавен и певуч, как мне того хотелось. Но у меня в воспоминании осталось ощущение, будто прозрачностью и лег-костью перевода я исправил грехи самого произведения, умень-шил гнетущую громоздкость целого, оживил мертвые и неподвиж-ные страницы маскарада, космогонических рассуждений и про-чих аллегорий, сгладил претящую нравственному чувству после-довательность некоторых мест, вроде следования Вальпургиевой ночи и, что еще хуже, праздной, ученой, барской «Золотой свадь-бы Титании» и пр. после душераздирающей, святой, земной и на-писанной с такой силой лирики и страсти драмы Маргариты, ее конца и казни! Но увы, все эти странности остались. Но ведь это Гете, скажете Вы, разве Вы брались его переделывать, и разве Вам это бы разрешили?

В том-то и дело, что в момент, когда разбереженная гениаль-ным гетевским Фаустом энергия моя кипела, я, не искажая тек-ста, мог бы произвести над ним много превращений. Я бы мог, например, в предисловии или в комментарии, если бы мне дали их написать (а сколько раз я просил позволить мне написать их, но разве мыслимо мне, лицу не должностному и не обладающему никаким милицейским чином братья за такие высокоидейные задачи!) я бы мог, говорю я, в предисловии или комментарии по-стараться разгадать для себя несколько дальше и свободнее то, начало разгадывания чего дал в переводе, и тем самым и с други-ми, с читателями сделал бы несколько шагов вперед в сторону большей ясности темного и трудного произведения и его оправ-дания. Но разве можно ждать этого от нынешних бездарных авто-ров комментариев и предисловий, так охотно и увлеченно прини-мающих узаконенно бездарное направление нынешних требую-щихся предисловий и по нему идущих¹. Елена Дмитриевна, Кай-сын, как много я мог бы сделать, – пожалейте меня!

И все же я*счастлив. У меня очень, очень хороший год, хотя время мое еще не настало. Я закончил черновой пересказ содер-жания романа и надеюсь кончить его к весне, я много работаю. Если Господь пошлет мне еще года три-четыре жизни, Вы обо мне еще услышите совсем по-другому и увидите совсем по-новому. Крепко Вас обоих, даже если Вы во вражде и не раскланиваетесь, целую (если Вы в ссоре, то в два приема, порознь). Всего лучшего.

Ваш Б. П.

Впервые: «Дружба народов», 1990, № 2. – Автограф.

¹ Предисловие к «Фаусту» было написано другом Пастернака Н. Н.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori Ви-льям-Вильмонтом, специалистом по немецкой литературе и Гёте. По же-стким канонам времени оно содержало необходимые ссылки на автори-теты, долженствовавшие подкрепить мнение автора о значении Гёте, в том числе на «замечательную надпись И. В. Сталина на странице книги Горького, где была напечатана поэма "Девушка и смерть": "Эта штука сильнее, чем "Фауст" Гёте (любовь побеждает смерть)"», а также вуль-гарно-социологические штампы вроде того, как «Гёте не видел, что выс-шая цель всемирно-исторического развития, которая рисовалась его во-ображению... может быть осуществлена лишь в результате революцион-ной самодеятельности масс» («Гёте и его "Фауст"» // Гёте. Фауст. М., Гос-литиздат, 1953. С. 22, 8-9).

1258. О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

7 января 1954, Москва

7 янв. 1954

Дорогая моя Олечка, сестра моя!

Этим ответом на твою телеграмму я хочу предупредить тебя, хочу предотвратить ненужную с твоей стороны трату времени и душевных сил, ненужную, как говорила покойная Цветаева, рас-траву. Третье письмо я пишу тебе, чтобы рассказать тебе, как двой-ственна и таинственна, как разбросана по сторонам и противоре-чива моя жизнь, каким счастьем я полон последние месяцы и в каком я отчаянии оттого, что внутренний этот план для внешнего ничего не значит, – третье письмо пишу я тебе об этом и до сих пор ничего не сумел объяснить.

Не страдай за меня, пожалуйста, не думай, что я терплю не-справедливость, что я недооценен. Удивительно, как уцелел я за те страшные годы. Уму непостижимо, что я себе позволял!! Судь-ба моя сложилась именно так, как я сам ее сложил. Я многое пред-видел, а главное, я многого не в силах был принять, – я многое предвидел, но запасся терпением не на такой долгий срок, как нужно. И, как я писал тебе, время мое еще далеко.

И ведь Фауст – не главное. Рядом есть вещи, перевешиваю-щие значение работы, – роман, подведение его к концу, новые стихотворения к роману, новое состояние души. Это внутренне значит безмерно много, и внешне не значит ровно ничего. Я знаю, что много хорошего в переводе. Но как мне расска-зать тебе, что этот Фауст весь был в жизни, что он переведен кро-вью сердца, что одновременно с работой и рядом с ней были и тюрьма, и прочее, и все эти ужасы, и вина, и верность. Но и это не главное.

Последнюю волну живой воды, расшевелившей текст, я про-лил на него в листах корректуры нынешним летом. Переделки мои, совершенно новые страницы, количественно очень многочислен-ные, уходили в возвращаемых листах, у меня дома следов от сде-ланного не оставалось, и вследствие спешки я ничего не помнил. С результатами я столкнулся только теперь, и во всей книге стро-чек, которые продолжали бы меня коробить своей скованностью, наберется не больше десятка, их так легко было переделать, – не хватило смелости отойти от буквы подлинника чуть-чуть больше в сторону, на свободу. В остальном же все звучит и выглядит, как мне хотелось, все отлилось именно в ту форму, о которой я мечтал.

Разочарован я другим. Сверх хорошего перевода сам Гёте еще нуждался в претворении и превращении посредством хорошего, вдохновенного введения и комментария, которых нет. Сколько раз предлагал я в этом направлении свои услуги. Но разве можно ка-кому-то непосвященному беспартийному доверить такой ответ-ственный идеологический участок? А я мог бы так живо и доступ-но, легкою сжатою прозой пересказать содержание, так естествен-но выделить действительные странности оригинала, несообразнос-ти его последовательности с нравственной точки зрения, остающиеся здесь неотмеченными и необъясненными, и так чес-тно и заинтересованно сам бы постарался найти им объяснение, что из этого что-нибудь наверное бы получилось, приносящее свой деятельный свет в дополнение к проясняющему действию пере-вода. Ах, как все мы были без надобности свободны, когда еще ничего не значили и ничего не умели!

Не пиши мне много, пожалуйста, не утруждай себя длинным и сложным разбором. Ты знаешь, как я ценю и люблю твои пись-ма, – дело не в этом. Не отравляй себе удовольствия, которое все же тебе, наверное, доставили некоторые страницы, вымыслен-ной утомительной обязанностью в ответ или отплату. Не терзай своего сердца обидными сопоставлениями того, как это велико, с тем, как это мало или недостаточно признано. Я не могу тебе ни-чего сказать о том подпольном признании, которым балует меня судьба, оно всегда так неожиданно, но говорить об этом было бы глупо и нескромно, – и самое неслыханное и фантастическое из этой области – чужие тайны, которых я не вправе касаться. Про-сти меня, зачем я пишу это все тебе, я ничего не умею сказать. Мне хорошо, Оля. Твой Б.

Впервые: Переписка с О. Фрейденом. – Автограф.

1259. Е. Б. ПАСТЕРНАКУ

8 января 1954, Москва

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
8 янв. 1954 Дорогой Женя!

Получил твое письмо. Конечно, все это очень печально, но что же делать. Все перечисленные тобою неточности я в ответе отметил, но напрасно ты думаешь, что они умышленные и что тут такой лично заостренный, дьявольский расчет¹. Отказ, формаль-но, получил я, но и то не ощутил никакой личной ноты, а служа-щих в армии и обращающихся с прошениями так много, – едва ли случаи, подобные твоему, мыслимы, как единичные. Тебе очень тяжело, а фразы мои очень спокойные, тут действительно боль-шое противоречие, но ведь и из этого нельзя извлечь ничего прак-тически действенного, ничего, изменяющего положение. Я не ве-рил в реальность ваших представлений и о действительности, и о силе моего вмешательства и письма, и оказалось, что я гораздо ближе к жизни, чем ты и мама и И-<лья> Г-<ригорьевич>, а вы все – восторженные романтики, видящие вещи превратно и наивно. Я никогда для своих надобностей не делал шага, который сделал для тебя, я его сделал против воли, чтобы у тебя не получилось ощущения холода и сдержанности, которые огорчили бы тебя.

Я не понимаю, что ты собираешься делать и что в таком по-ложении значит не оставлять борьбы. Во всех областях человечес-кого существования есть два разряда, дела и разговоры. Я всегда старался напирать на первое и только иногда, уступая чьим-ни-будь настояниям, делал ошибку, вступая на второй путь. Но ведь у меня совсем другая философия, и примиренность с жизнью, смяг-чающая все огорчения². Если я скажу тебе, чтобы ты не падал ду-хом, ты будешь прав, полагая, что это – слова, не стоящие мне ни копейки.

Мне показывали стихи о Байкале, мне они очень понрави-лись. Есть один факт в твоей судьбе, который мне кажется самым, пока, здоровым и положительным, это твоя женитьба и твоя жена. Мне очень хочется, чтобы вы друг друга не потеряли, а сохраните вы друг друга только в том случае, если будут в действии другие стороны вашей участи и ваших характеров, не военные, не долж-ностные, не направленные на бесцельное прошибание стенки лбом и, временно, не осуществимые споры с временно неотвра-тимым, а те, при которых кяхта, оставаясь географически на мес-те, перестает быть кяхтой, впредь до действительного переезда из нее, осуществимого благодаря тому же миру в душе, который по-дает счастливые мысли и озаряет фантазией, по-настоящему дей-ственной и плодотворной.

Прости, что отвечаю тебе так второпях и, вследствие тороп-ливости, такими малопонятными и неряшливыми периодами.

Крепко целую тебя. Твой папа

Впервые: «Существованья ткань сквозная». – Автограф.

¹ Е. В. Пастернак получила отказ на письмо Б. Л., которое он напи-сал по ее просьбе, внушенной советом И. Г. Эренбурга, председателю со-вета министров Г. М. Маленкову о содействии увольнению Е. Б. Пастер-нака в запас. Уступая настояниям, Б. Пастернак писал, что, не смея су-дить о характере работы своего сына, просит дать ему возможность ее за-кончить, так как ее научное значение в области автоматического регулирования засвидетельствовано специалистами.

² Об этой философии жизни Пастернак писал сыну 31 янв. 1954: «Все время я тебе твержу одно. Держись доступных, достигнутых рамок в своей жизни, работе, службе. Подвигайся вперед в этих действительных грани-цах (отправляясь от них спокойно и честно, можно зайти Бог знает как далеко). Надрывом, истерикой, фантастикой, ходулями никогда ничего не достигалось! Если естественность в быту и семейной жизни дана тебе, не считай этого нестойкой безделицей, иногда это не удастся. В течение долгого времени не пиши мне. Мне некогда, а оставлять тебя без ответа неловко и жалко» (там же. С. 504).

1260. М. В. ЮДИНОЙ

18 января 1954, Москва

18 янв. 1954

Дорогая Мария Вениаминовна!

Благодарю Вас за письмо. Но не полнота признательности заставляет меня на него отозваться. Надо, чтобы Вы знали, что никому, кроме Вас, не удавалось так метко и исчерпывающе на-звать и понять коренной изъян Фауста, причину, отяжеляющую все взлеты этого произведения, разгадку главного препятствия, всегда стоявшего передо мною при переводе и сущность которого все время оставалась тайною и скрытой от меня, между тем как Вы так легко и пронизательно ее определили¹. Меня именно убивали эти немислимые, необъяснимые, не-позволительные примеры внезапного повисания крыльев после так счастливо взятых высот, страницы грязи и пошлости вслед за картинами и трагедиями чистоты и нежности, проявления праздной учености, по-барски надменной и такой далеко не вы-сокой.

Секрет этого порока, этого стилистического балласта имен-но в том ложном, самим автором осужденном красноречии Ме-фистофеля, которому Гете тем не менее уделяет в трагедии так много места. Это ораторство, заведомо ограниченное, сознатель-но второстепенное и, однако, такое пространное и блестяще аргу-ментированное, – вот

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori тот двойственный и внутренне противоречивый придалок, который разбивал в прах лучшие мои усилия по отношению к тексту и отравлял мне радость работы, без того что-бы хоть раз я понял, где корень зла.

Вы молодчина, я восхищен глубиной Вашей прозорливости и не мог не высказать Вам восторга по этому поводу. На гражданской панихиде по Пришвине кто-то превосходно играл Бетховена, Баха, Балакирева, очень необыкновенные раскаты арпеджий. Я думал, это Вы, но человек из пришвинского круга сказал, что нет, это не Юдина². Во всяком случае, пианисту играть было, наверно, очень трудно, толпа стояла стеной, заслоняла ему свет и лишала его воздуха.

Еще раз спасибо. Ваш Б. Я.

Впервые: «Новый мир», 1990, № 2. – Автограф (РГБ, ф. 527).

1 В письме 15 янв. 1954 м. в. Юдина писала о «Фаусте», которого Пастернак подарил ей на Рождество: «По-моему, – у Вас многое – пре-много лучше, чем у Гёте. Отрваться нельзя. – Но я его боюсь. Видно, мои душевные силы слабы – я не могу долго читать о воплощенной нечистой силе, которая так умно, остроумно и порою гениально разглагольствует <...> Как Вы могли выдержать?» (там же. С. 182). В ответ на предложение Юдиной прислать ему работу А. А. Мейера

«Размышления при чтении "фауста" Гёте» (1936) Пастернак писал 18 янв. 1954: «Но Вы не представляете себе до какой степени нетерпеливо и торопливо отдаю я все свободное время работе над романом. Те немногие часы, что я им занимаюсь, не оставляют места для чтения, и ознакомление с трудом, о котором Вы пишете, позвольте отложить мне до более удобного времени. Еще и еще раз: все, что Вы сами пишете о Фаусте, необычайно и замечательно. Я испытал сходные ощущения за работой. И слово поставлено в совершенно разные условия, смотря по тому, из чьих уст оно звучит, Ф<ауста> или М<ефистофеля>» (там же. С. 183).

2 «У гроба М. М. Пришвина, – писала 21 янв. в ответ Юдина, – разумеется, играла я – по личной просьбе Валерии Дмитриевны. Кроме Баха, Моцарта и Бетховена – Бородин, а не Балакирев» (там же. С. 183).

1261. К. П. БОГАТЫРЕВУ

27 января 1954, Москва

Дорогой Костя!

Ждать осталось недолго! Мужайтесь, крепитесь. Спасибо за память. Папа Вам обо мне напишет. От души желаю Вам в нужном количестве сил и здоровья, нет, в избытке, больше, чем нужно. И терпения, терпения.

Всегда Ваш Б. Пастернак

27 января 1954 г. Москва

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. Е. А. Суриц). Письмо послано в лагерь в Воркуте.

Студент филфака МГУ Константин Петрович Богатырев был арестован в 1951 г. по обвинению в покушении на Сталина; расстрел по молодости лет был заменен ему 25 годами. Его отец, филолог и фольклорист Петр Григорьевич Богатырев, передал Пастернаку привет от сына, который расспрашивал о нем, и жаловался, что Костя унывает. Летом Пастернак послал К. Богатыреву сб. своих переводов из Шекспира (1953) с надписью: «Дорогому Косте с наилучшими надеждами и горячим поцелуем. Б. П. Это – пустяки, а через месяц будет Фауст. Мужайтесь, Костя, Вы молодец, как я всегда и думал». На сохранившемся экземпляре «Фауста» поставлен синий штамп: «Разрешаю к личному пользованию. Начальник лаготделения № 14 майор Фадеев. 12. VIII. 1954 г.» (там же. С. 141–142).

1262. Е. Б. ПАСТЕРНАКУ

4 февраля 1954, Москва

4 февр. 1954 Дорогой женечка!

Боюсь, как бы предыдущее мое письмо не огорчило тебя своим мнимым холодом и кажущейся сухостью¹. Это не так, не печалься. Но мне невероятно много надо еще сделать при небольшом, вероятно, сроке жизни, оставшемся мне. (Вот ты сейчас во-пьясься в эту фразу и примешься расписывать мне, как необходимо, чтобы я долго жил и пр. и пр. Не делай этого, я верю в твои добрые чувства. Эти слова сказаны совсем в другом смысле.) Вот причина, отчего и отстраняюсь я от разбора твоих и ваших дел. Эти дела без меня устроятся. К этому самоограничению моему люди вблизи меня уже привыкли, и даже по праву считая эту черту эгоизмом, прощают его мне. Прости и ты и будь здоров. Крепко целую тебя. Твой папа

Впервые: «Существованья ткань сквозная». – Автограф.

1 В предыдущем письме 31 янв. Пастернак писал: «Дорогой женечка! Когда я был моложе, я, бывало, Рильке, Марину Цветаеву, родителей и всех, кто мне был дорог, просил в письмах (если являлась необходимость писать их) не отвечать мне, так мне важно было избавить их от муки и нежизненного тупика письмописания. <...>

На все, что ты написал мне, скажу тебе одно. Ты страшно все, может быть под влиянием мамы, преувеличиваешь: безвыходность своего положения... мое значение (несуществующее), мою сердечность (существующую еще меньше). <...> Кроме теплоты

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori субъектив-ного мира есть ведь также объективный, с которым заставляет меряться гор-дость, и столкновения с которым надо выдерживать с готовностью спокой-но, без истерики отступить или погибнуть» (там же. С. 503).

1263. А. С. ЭФРОН

18 февраля 1954, Москва

18 февр. 1954 Дорогая моя Аля!

Я ужасная свинья перед тобой. Не думай, что я забыл тебя, или что плохое самочувствие мешает мне писать. Но я страшно занят, то есть, пользуясь временным здоровьем, все свободное вре-мя, остающееся от каждодневной обиходной бестолочи, отдаю работе над концом романа. А полное самообольщения намерение писать хорошую прозу отнимает столько сил! То и дело перечерки-ваешь все написанное и по несколько раз переписываешь то со-всем по-новому, то с незначительными изменениями. Сплошное, еле подвигающееся вперед, топтание на месте, не то что стихи.

Но не только этот недосуг и трудолюбие причины моего мол-чания. Вместе с желанием написать тебе и Асе я давно хочу по-слать тебе денег. Я связал оба желания вместе и они стали неразъ-единимы, а с исполнением второго все время происходит задерж-ка. Прости, я уже и сейчас, напрягшись, мог бы перевести тебе что-нибудь, но предпочитаю это сделать, когда мне будет удоб-нее, а эта возможность все время откладывается.

Наконец, последнее, в чем я виноват перед тобой и Асей. Я так мечтал послать Вам по экземпляру Фауста, тебе и ей¹. Он вышел, но в очень небольшом количестве экземпляров, и почти не попал в продажу, я сам с огромным трудом его доставал. Прости меня за все и не теряй надежды на мое исправление. Это ведь уже бывало. Вдруг выяснялась слабая моя надежность и несостоятельность, а потом все снова менялось. Так будет и на этот раз. Будь здорова, не сердись.

Целую тебя. Твой Б.

Впервые: «Знамя», 2003, № 11. – Автограф (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 434).

¹ Поздравляя Пастернака с Новым годом, А. Эфрон писала, что по-лучила письмо от тетки о том, что вышел «Фауст», но «в Москве его дос-тать невозможно» (А. Эфрон. О Марине Цветаевой. С. 430). Пастернак послал ей «Фауста» в апреле. «Фауст же меня просто ошеломил, – писала она в ответ. – Работа гигантская, талантлив необычайно... Какой ты мо-лодец – талантливый и трудоспособный, а ведь в России это сочетание встречается раз в столетие, да и то не в каждое» (там же. С. 432).

1264. А. И. ЦВЕТАЕВОЙ

20 февраля 1954, Москва

20 февр. 1954

Дорогая моя Асенюка! Благодарю Вас за открытку, адресован-ную Зине. Я и не подумаю показывать ее. Вот еще новости, огра-ничивать меня в работе, единственном, что осталось еще важным¹.

Мое молчание именно от недосуга. Очень хочу и надо кон-чить роман в течение года, как ни далек он по духу от требуемого.

Вчера написал несколько слов Але, перед которой виноват так же, как перед Вами.

Я все хочу послать денег Вам и ей, и, в конце концов, это сделаю, но возможность, представлявшаяся мне близ-кою, все время откладывается и иногда становится сомнительною.

Также не могу урвать времени переписать несколько новых стихотворений, как всегда делал это раньше. Не в них дело, не в частностях, не в романе, не й фаусте, а во всей их совокупности вместе с жизнью. И все это надо успеть. Хотел было оставить Вас и Алю без Фауста, едва появившего-ся в продаже, и которого почти что нет у меня. Но – сердце не камень, это выше моих сил и Вы обе его получите².

Будьте здоровы, надо еще пожить, может быть когда-нибудь можно будет еще сказать что-нибудь.

Целую Вас. Ваш Б.

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 397).

¹ А. И. Цветаева в своей открытке просила З. Н. Пастернак следить, чтобы Б. Л. не слишком переутомлялся работой.

² Свое восхищение «фаустом» А. И. Цветаева, кончив чтение, выра-жала в письме 7 июля 1954: «...Перевод восхитителен. Это гигантский, доблестно выполненный труд. Выше похвал. Краткие строки Эвфориона повеяли на меня Мариной, вспомнила ее Красного коня. Братское Ваше с ней сходство. Пишу я в том письме, что не люблю ни замысел Гёте, ни Фауста <...> что мне не довлеет никак мифологическая часть, – и тем, видимо, ценнее мое восхищение Вашим Фаустом, совершенством Вашего труда» (Материалы ГМГЛ. С. 40).

1265. А. И. ЦВЕТАЕВОЙ

24 февраля 1954, Москва

24 февр. 1954 Дорогая Ася!

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Работать мне нельзя¹, а разбирать мелкий Ваш шифр и отве-чать Вам надо?
Трогательная история, очень жизненно рассказанная, та-кая обыкновенная, с таким
вдруг трагическим и неожиданным поворотом в аборт. И как всегда у Вас,
написанная очень хо-рошо².

Как мне знакома до сих пор эта мертвая хватка жалости, это холодное обмирание от
сознания совершаемого обмана, ужас пе-ред собственной жестокостью, как это все
страшно, как лучше ничего этого не шевелить!

Это, конечно совершенно не то, что Вы имели в виду, когда удивлялись, что смерть
не вопрос для меня. То вина перед силь-ным, а не перед слабым, там, в надежде,
сопровождающей покая-ние, уже наперед все по-детски улаживается. Множество
содеян-ных мною лютых помышляя, окаянный, трепещу страшного дне судного, но
надеяся на милости благоутробия Твоего...³ Но вина перед слабыми, безответными,
доверчивыми!

О, ради Бога, не вступайте в спор со мной по поводу ошибок моих и непонимания.
Начнется переписка! Клянусь, ни слова Вам на эту тему не отвечу.

Но как жить? Мне думается надо любить добро превыше все-го и носить его в
сердце, но быть принципиальным, но быть вер-ным правилам только в самом главном,
в самом большом, захва-тывающе, головокружительно большом, а в остальном –
оставать-ся в жизни, не изменять жизни, не закосневать ни в чем, ни даже в праве
на законенение. И опять, ради Бога, не входите в разбор и оценку, не возражайте
– ничего не отвечу.

Я очень занят. Мне еще очень много надо и хочется сделать. Оставьте меня в этом
заблуждении.

Выслал Вам фауста. Едва ли найдется у Вас время прочесть весь перевод. Но тогда
ограничьте чтение хотя бы самыми драма-тическими местами в конце первой части,
некоторую долей тре-тьего акта во второй части и пятым актом или концом его. И
не сердитесь на меня.

Ничего написанного послать не могу, нет ни копий, ни под-линников. Все в голове,
приведу в порядок, когда допишу глав-ное.

Целую Вас. Будьте здоровы. Ваш Б.

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 397).

1 Об открытке А. И. Цветаевой к З. Н. Пастернак с просьбой «огра-ничивать»
работу мужа см. письмо № 1264 (коммент. 1).

2 Имеется в виду рассказ под названием «Грех», вошедший в сб. «Моя Сибирь» (М.,
1988).

3 Глас 6-й на Воскресной утрени в неделю мытаря и фарисея до пятой недели
Великого поста, после чтения Евангелия.

1266. В. Д. АВДЕЕВУ

4 марта 1954, Москва

4 марта 1954

Дорогой Валерий Дмитриевич!

Поздравляю, поздравляю, поздравляю! Вот Вы и доктор!¹ Есть еще судьи в Париже,
как говорил старик Вольтер. Нет, серьезно, по такому бездорожью это большая
радость. Бедный Дмитрий Дмитриевич не дожил до этой минуты². Она бы принесла ему
боль-шое удовлетворение.

Опять Ваши слова об «обещанных стихах» мне немой укор³. Нет у меня переписанных.
И на что они Вам? Будут, говорят, в апрельском «Знамени»⁴, попадут к Вам в
Йошкар-<Олу>, раз «Фа-уст» добрался.

А мои дни по-прежнему пролетают со скоростью реактивных самолетов. Часть времени
занимаюсь прозой, часть уходит неиз-вестно на что, бесследно и бесцельно.

Крепко Вас целую. Зина кланяется.

Будьте здоровы.

Ваш Б. П.

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2867, оп. 1, ед. хр. 41).

1 В. Д. Авдеев защитил докторскую диссертацию по ботанике при институте в
Йошкар-Оле.

2 Д. Д. Авдеев скончался в 1952 г. В письме 30 нояб. 1953 в. Д. Авдеев писал
Пастернаку, что после смерти отца авдеевский дом в Чистополе опу-стел и
развалился. Он сам переехал в Йошкар-Олу.

3 В. Д. Авдеев приезжал поздней осенью 1953 г. в Москву, Пастернак читал ему
«Август» и «Свадьбу» и обещал текст прислать в письме.

4 В журн. «Знамя», 1954, № 4, опубликовано 10 стихотворений Пас-тернака из
романа «Доктор Живаго».

1267. Г. М. КОЗИНЦЕВУ

4 марта 1954, Москва

4 марта 1954

Дорогой Григорий Михайлович!

Не вхожу в обсуждение придуманного Вами конца. Я привык к Шекспировскому и он

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
кажется мне естественным¹. Это гул про-должающейся общей жизни после тишины
единичной кончины. Такие контрасты нередки у Шекспира под занавес, намеренны у
него и по умыслу ясны. Но Вы – автор постановки и ни на мину-ту не вступлю с
Вами в спор по данному поводу. Только как Вы проведете сценическое воскрешение
Гамлета после только что представленной его смерти, и поддержит ли трудность
этой по-пытки чтение сонета в чьем бы то ни было переводе?²
Конечно, придется перевести его мне, и конечно, придется читать его в моем
переводе, даже в том случае, если он вне всякого спора будет неудачней перевода
Маршака, потому что такого ко-оперирования разноименных текстов я никак не
мыслю. Только при безоговорочности этого условия³ решаюсь без мысли о
сопер-ничестве (для него потребовалась бы большая сосредоточенность и время)
записать Вам вчерне, как я или как бы я, застигнутый за совсем другими работами,
это сделал. (Глыбы камня, могильного креста и последних двух строчек перевода
С<амуила> Я<ковле-вича>: черепки разбитого ковша и вина – души в подлиннике нет
и в помине⁴). Перевод мой – набросок. Он должен вылежаться, даже, если он
удачен, а в ближайшие дни я заниматься им не буду⁵.
У меня не остается копии, так что если будете просить пере-делать, перепишите,
пожалуйста, и приложите к просьбе. Спаси-бо за приветы⁶. Простите за
торопливость.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Вопросы литературы», 1975, № 1. – Автограф (собр.
В. М. Козинцевой).

1 Г. Козинцев писал Пастернаку 26 февр., что ему «пришлось исклю-чить из
"Гамлета" всю историю фортинбраса. <...> Либо это декоратив-ный финал:
страусовые перья на шлеме, знамена, фанфары... Либо... ко-нец этот в свое время
был необходим по цензурным причинам» (там же. С. 217).

2 «...Хочу обратиться к Вам с просьбой, – писал Козинцев, – если бы только
нашлось у Вас желание и время, – перевести для нас 74-й сонет (и если возможно,
строим наиболее приближенным к строю монологов Гамлета). Если же не сочтете
возможным сделать это, то в этом случае... буду просить Вас разрешить
использовать в спектакле перевод этого сонета С. Маршака» (там же. С. 218).

3 Это условие не было соблюдено, в спектакле Козинцева Гамлет чи-тал сонет в
переводе Маршака (см. письмо № 1273).

4 Имеются в виду последние строки перевода Маршака: «Ей – че-репки разбитого
ковша, / Тебе – мое вино, моя душа». У Пастернака: «А ценно было только то одно,
/ Что и теперь тебе посвящено».

5 Далее идет текст перевода в первой редакции: варианты ст. 5, 10 и 12. Через
два дня на экземпляре кн.: В. Шекспир. Избранные произведе-ния. М., Гослитиздат,
1953 Пастернак записал Д. Н. Журавлеву этот сонет в окончательном виде: «Дорогой
Дмитрий Николаевич, горячий, пушки-ноподобный, вот Вам одному библиографический
подарок. Выписываю Вам перевод трех шекспировских сонетов, 66-го, 73-го и 74-го.
Первые два я перевел и напечатал в 1939 году, третий – позавчера по просьбе
Ле-нинградского Александрйского театра. Б. Пастернак 7 марта 1954» (Д. Н.
Журавлев. Жизнь, искусство, встречи. М, 1985. С. 342–343).

6 Козинцев передавал Пастернаку привет от художника Н. Альтмана.

1268. Г. М. КОЗИНЦЕВУ

14 марта 1954, Москва

14 марта 1954

Дорогой Григорий Михайлович!

Простите меня, ради Бога. Я не помню, что я Вам написал, но если сказала в
письме частая у меня за последнее время уг-рюмость, то меньше всего, разумеется,
должна была она коснуться Вас, я должен был в себе найти силы не показывать ее
человеку, к которому ничего, кроме благодарности, я не могу чувствовать.
Разумеется Ваша постановка большая честь для меня и ра-дость, тут не может быть
двух мнений. И только по невежествен-ности я не знал, что линия фортинбраса
тяготила и казалась лиш-нею и раньше, и ею жертвовал и МХАТ и после него Первая
сту-дия¹.

Перед своим отъездом из Москвы Ахматова вызвалась пере-дать Вам привет от меня в
Ленинград. Я рассказал ей о разных сво-их настроениях и обстоятельствах, среди
которых Ваш Гамлет мо-жет быть только светлым пятном и счастливым исключением².
Но рассказывал я ей и о поспешном переводе 74-го сонета. Ей показалось, что его
мог бы читать Горацио. Если она Вам это скажет, я боюсь, что какие-то праздные
наши рассуждения или их замирающие отголоски, дойдя до Вас, вызовут новые
осложне-ния, и, на этот раз я окажусь виноват не только перед Вами, но и пред
ней. Верьте честному моему слову, – право Ваше на любую концепцию в воплощении
Гамлета – непререкаемо, а конец, о котором Вы мне писали, улегся в моем сознании
и мне нравится.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Вот исправления к сонету:

Строчка пятая: И ты увидишь, их перечитай

Строчки 10, 11, 12:

Не стоящий нисколько сожаленья,
То, что отнять бы мог головорез,
Добыча ограбленья, жертва тленья³.

Спасибо Вам за все. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Вопросы литературы», 1975, № 1. – Автограф (собр. В. М. Козинцевой).

1 С постановкой «Гамлета» в 1924 г. Первая студия получила статус профессионального театра МХАТ П.

2 После надежд на некоторое ослабление идеологического зажима после смерти Сталина, снова все возвращалось к старому, задерживалась реабилитация арестованных. О «фоне настроений» Пастернака весны 1954 г. см. также письмо к Ахматовой, ожидавшей возвращения сына (№ 1274 и коммент. 1 к нему).

3 Ст. 5 раньше читалась: «Ты вновь разыщешь, их перечитай»; ст. 10: «Нисколько не достойный сожаленья»; ст. 12: «Случайности добыча, жертва тленья».

1269. О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

20 марта 1954, Москва

20 марта 1954

Дорогая моя Олюшка, спасибо тебе сердечное за открытку. Я знаю об этом спектакле, со мной списывался Козинцев, режиссер, и тоже звал в Ленинград. Я не поеду. Мне надо и хочется кончить роман, а до его окончания я – человек фантастически, ма-ниакально не свободный. Вот, например, до какой степени. В апрельском номере журнала «Знамя» собираются напечатать 10 моих стихотворений из романа «Живаго», в большинстве написанных в этом году. Я их читаю в гостях, они мне приносят одну радость. Их могло бы быть не 10, а 20 или 30, если бы я позволил себе их писать. Но писать их гораздо легче, чем прозу, а только проза приближает меня к той идее безусловного, которая поддерживает меня и включает в себя и мою жизнь, и нормы поведения и пр. и пр. и создает во внутреннее душевное построение, в одном из ярусов которого может поместиться бессмысленное и постыдное без этого стихописание. Мне не терпится освободиться поскорее от этого прозаического ярма для более мне доступной и полнее меня выражающей области.

Или, например, если не считать некоторого Зининого неприкосновенного сбережения, с текущим, повседневным бюджетом, у меня теперь некоторая временная заминка. И опять, из-за неоконченного и пишущегося романа у меня нет времени постоять за себя, что-то предпринять, похлопотать в издательстве и т. д. Вследствие поглощенности этой мыслью у меня нет времени спорить, когда мне говорят глупости, и за недосугом я со всеми соглашаюсь, и предпринимаю правку, о которой просят редактора переиздаваемых переводов, хотя этого совсем не надо делать. Видишь, какое несчастье этот роман, и как надо постараться поскорее от него избавиться. По тем же причинам пишу тебе втропях, за что прошу простить меня.

Я тебя не поблагодарил за твое щедрое чувствами, великодушное письмо о Фаусте.

Но оно было именно то, написание которого я хотел предупредить и не успел. Как ты доверчива, если думаешь, что перевод оценят и обратят на него внимание (я привожу в своих выражениях надежды, которые ты питаешь в письме¹). У меня никогда расчетов и притязаний таких не было и быть не может.

Теперь о другом, гораздо более важном. Если ты знаешь кого-нибудь из участников постановки и спектакля, передай им от меня выражение сильнейшей признательности и пожелание успеха. Что-бы они не думали, если я остался в стороне, молчу и не даю о себе знать, что я что-то возомнил о себе, что безразличен к ним и что работа их не представляет для меня значения. Или иногда я отзываюсь слишком вынужденно торопливо с превратными последствиями, на письме лежит налет угрюмой отписки, способной оскорбить получателя. Так на меня кажется обиделся Козинцев.

Милая, дорогая Оля, вот и тебе написал я безобразное по глупости письмо, состоящее из единственного слова «роман» в двадцати повторениях. А как бы я хотел обнять тебя, повидаться и поговорить с тобой!! И это будет, будет когда-нибудь, увидишь. Без конца целую тебя. Твой Боря

Впервые: Переписка с О. Фрейденоберг. – Автограф.

1 Получив «Фауста», О. Фрейденоберг писала: «...Когда я взяла в руки твою книгу, я подумала: вот это – ощупь культуры во всей ее осознанности. <...> Тут уж нет ни вкусов, ни школ. Означаешь ты будущее или прошлое. Сурков ты или Исаковский, Бурлюк или буржуй – или Александр Александрович Смирнов. На Фаусте они зубы себе обломают...» (там же. С. 308).

1270. Г. М. КОЗИНЦЕВУ

25 марта 1954, Москва

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
25 марта 1954

Дорогой Григорий Михайлович!

Сердечное спасибо за присланную афишу¹. Но при дальней-шем печатании надо будет имя склонять: Перевод Б. Пастернака. Мне так кажется. Скажите, чтобы в дальнейшем исправили.

В здешнем театре им. Маяковского говорят, будто премьера будет 31-го. Вообще о Вашей постановке повсюду заговорили, в Вас верят, Вас любят. Надеюсь, не принесу Вам несчастья, не знаю, как выразить Вам мои лучшие пожелания, чтобы не сгла-зить.

Альтману и всем, кого я не знаю, приветы от души. Об игре Фрейндлиха в «Ревизоре» пишут мне восторженные отзывы.

В час добрый, спасибо Вам. Воздерживаясь от поездки в Ле-нинград, знаю, отказываю себе в большой радости и счастье, но так надо. Только силой, граничащей с отречением, удастся удер-жать себя за работой, которую необходимо завершить. Так бывало большую часть жизни.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Вопросы литературы», 1975, № 1. – Автограф (собр. адре-сата).

1 Ответ на письмо Козинцева 24 марта и посылку афиши. Через два дня, 27 марта Пастернак писал об этом О. Фрейденберг: «Мне прислали афишу о готовящемся Гамлете, расклеенную у вас. Это очень радостно, но там неправильность, сказано: переводе Б. Пастернак, а не Пастернака, как надо. Я об этом написал Козинцеву, но в вежливой, не настойчивой форме, прося его, чтобы в следующих афишах о днях спектаклей ошибку исправи-ли и имя склоняли. Если у тебя есть знакомства с кем-нибудь из группы близко стоящих к театру или постановке, сделай милость, напости об этой моей просьбе, и чтобы кто-нибудь последил о ее исполнении». О. Фрей-денберг сообщила об исполнении просьбы, но сомневалась, «дойдет ли грам-матика до сознания корректора» (Переписка с О. Фрейденберг. С. 310).

1271. Г. В. БЕБУТОВУ

27марта 1954, Москва

27 марта 1954 г.

Уважаемый Гарегин Владимирович!

Посылаю Вам единственное переведенное мною стихотворе-ние Чаренца, напечатанное в Литературной газете, кажется, в 1935 году¹. Какое пророческое по содержанию!² Посылаю в двух экзем-плярах, потому что сразу решил, что это Вам нужно для напеча-тания в числе других его стихотворений в русских переводах, но по-том перечтя Ваше письмо, нигде не нашел упоминания об этой цели.

Помню Вас и рад, что Вы о себе напомнили. Сердечный привет.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 3100, оп. 1, ед. хр. 150).

1 Перевод Пастернака стих. Егише Чаренца «Кудрявый мальчик» («Закрываю устало глаза...») был напечатан в «Известиях», 7 нояб. 1935.

2 В стих, рисуется картина светлого будущего Армении, но задумчи-вый мальчик обнаруживает на прогулке могильный камень с надписью: «Здесь покоится прах / Егише, – он читает, – Чаренца. – / И дочитывает второпях: – / Стихотворца, Маку уроженца». В 1937 г. Егише Чаренц был арестован и расстрелян.

1272. О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

12 апреля 1954, Москва

12 апр. 1954. Золото мое, Олюшка, спасибо тебе, что ты так горячо и деятельно держишь меня в курсе событий. Слышал очень хорошие отзывы о спектакле¹. В Ленинграде часто бывает Лива-нов, большой мой друг, который должен был играть Гамлета во МХАТе 15 лет тому назад. На днях он был с женой и оба (приятели Черкасова²) просили у него и Козинцева, чтобы их пустили на гене-ральную, и им отказали. На премьеру отсюда выехала Л. Ю. Брик. Вообще это – театральное событие, о котором будут мнения са-мые разнообразные и противоположные. Не страдай за меня, как я всегда прошу. Сейчас должен выступить на одном вечере вен-герской поэзии. В 4-ом, апрельском номере журнала Знамя есть несколько моих стихотворений из романа, 16-го будет обсужде-ние Фауста (перевода) в Союзе писателей. Пока все это очень не-значительно и пока, все же, очень чуждо. Только бы хватило сил для решающих проявлений и не подорваться на этих предвари-тельных пустяках. А столько еще можно сделать и сказать! Целую тебя, хорошая моя. Твой Б.

Впервые: Переписка с О. Фрейденберг. – Автограф.

1 Пастернак писал 4 апр. О. Фрейденберг: «Мне привезли уже одно мнение артистов московского гастроллирующего у вас театра, соперников и недоброжелателей, похваливших Полония и призрака отца, и нашед-ших Гамлета» слишком деятельным и оптимистичным, не оставившим ничего от трагедии. Но ведь таков перевод. Бедные исполнители!» (там же. С. 311).

2 Актер Ленинградского драматического театра Николай Константи-нович Черкасов.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
1273. О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ
16 апреля 1954, Москва
16 апр. 1954

Дорогая Оля! Мгновенно отвечаю тебе по прочтении твоего талантливом, увлекательного, большого и глубокого письма, и в момент самый неподобающий: сейчас седьмой час вечера, а в 7.30 в Союзе писателей обсуждение моего перевода Фауста, и я иду туда. Я плакал, читая твои строки¹. Милый друг мой, достань где-нибудь через неделю или дней через десять четвертый номер журнала «Знамя» (тут он уже вышел). Там за вычетом двух-трех стихотворений, раньше написанных, – все новое. Тебе приятно будет увидеть в нынешней печати такое простое, естественное и непохожее на нее. Главное, конечно, не в них, а в прозе, в «системе» которой они вращаются и к которой тяготеют. И слова «доктор Живаго» оттиснуты на современной странице, запятнаны им!² Без конца тебя целую, радость моя. Меня огорчает, что присобачили они ко мне Маршака³. Зачем это? Твой Б.

Впервые: Переписка с О. Фрейденом. – Автограф.
1 О. Фрейденом написала подробное письмо после премьеры: «Спектакль великолепный, но без Шекспира. Гамлета ставят, как со-временную психологическую драму. <...> Фортинбраса нет совсем. А тем самым нет и замечательного философского образа <...> Убраны шекс-пировские метафоры и афоризмы. Стих "снят": читают, как говорят.

Если б мы не жили в яркую, замечательную эпоху, я сказала бы, что такое противоборство стиху, ритму, страсти, темпераменту могла бы породить только эпоха, распластавшая человека и вынудившая из него внутренности, эпоха растоптанного стиха и облёванной души» (там же. С. 313-314).

2 Публикация в журн. «Знамя» (1954, № 4) предварялась заметкой от автора, где говорилось о романе «Доктор Живаго», в который входят эти стихи.

3 Сонет 74, посланный Пастернаком по просьбе Козинцева, в спек-такле был заменен переводом Маршака, как более «красивым». Переводя сонет по просьбе Козинцева, Пастернак писал о немыслимости «коопе-рирования разноименных текстов» (письмо № 1267, коммент. 3 к нему).

1274. А. А. АХМАТОВОЙ
18 апреля 1954, Переделкино
18 апр. 1954

Дорогая Анна Андреевна!

Вы ужасно требуетесь здесь. Отчего Вы к нам не едете?¹ Я ду-мал Вы приедете на Пасху. Нина Антоновна² в отчаянии, что ни-как не может залучить Вас сюда. Может быть Вас останавливают соображения об Алеше, который сейчас тут?³ Н. А. говорит, что двадцатого он уедет, и что это Вам известно⁴. Если Вам грустно, то на фоне моих настроений густота Ваших на два-на три оттенка просветлеет.

Нейгауз страшно горд, что Вы были на его концерте и рас-сказал, как низко он Вам поклонился с эстрады. Я догадываюсь, отчего Вы задерживаетесь в Ленинграде. Вы наверное не хотите разъехаться с Comedie Frangaise и дожидаетесь ее приезда⁵. Тут мы ничего не можем поделать. Но как мы все по Вас соскучились и какую радостью было бы поскорее Вас увидеть!

Ваш Б. И

Впервые. – Автограф (РНБ, ф. 1073, № 942).

1 Анна Ахматова пробыла в Москве январь-февраль 1954 г. по вызову Союза писателей для предоставления ей 10-метровой комнаты в комму-нальной квартире. Пастернак подарил ей только что вышедшего «Фауста» с надписью: «Дорогому другу, Анне Андреевне, моей великой знакомой, милой, бесконечно милой и еще более бесконечно бессмертной Ахмато-вой. Б. Пастернак 7 января 1954 г. Москва». Она начала хлопоты о реаби-литации сына, написала К. Е. Ворошилову и собиралась скоро вернуться в Москву, надеясь на ответ.

2 Н. А. Ольшевская.

3 Алексей Владимирович Баталов – киноактер, сын Н. А. Ольшевс-кой. В его комнате Ахматова останавливалась во время своих приездов в Москву.

4 Ахматова приехала в начале мая.

5 Театр французской комедии приезжал на гастроли в Москву и Ле-нинград.

1275. Г. М. КОЗИНЦЕВУ
23 апреля 1954, Москва
23 апр. 1954

Дорогой Григорий Михайлович!

Слава Вашего Гамлета давно докатилась до Москвы. Искрен-не Вас поздравляю. Рассказала мне много и подробно о нем и Любовь Михайловна¹. Не хочу откладывать ответа на Ваше пись-мо, и простите, что откликаюсь второпях. Но столько работ в жиз-ни начато, брошено и оставлено без окончания. Надо хоть что-нибудь раз хотя бы довести до конца. Когда я слышу признания, подобные Вашему (о поэзии и т. д.), мне становится совестно, я не совсем понимаю, о чем речь.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Еще раз от души поздравляю Вас. Спасибо Альтману, спаси-бо всем артистам. О Фрейндлихе мне писали, когда еще он играл в Ревизоре. Я давнишний должник Мамаевой. Исполнение ею роли Джульетты хорошо известно в Москве². Одно время ее хотел переманить сюда Малый театр.

Жаль, что у Вас не было времени написать мне, что не удов-летворило Вас в моем переводе сонета. Я охотно бы все исправил.

Еще раз всего лучшего.

Ваш ²>. Пастернак

Впервые: «Вопросы литературы», 1975, № 1. – Автограф (собр. адре-сата).

1 Любовь Михайловна Козинцева-Эренбург.

2 Бруно Оскарович Фрейндлих играл Гамлета, Нина Васильевна Ма-маева – Офелию.

Джульетту Мамаева играла в ТЮЗе.

1276. А. С. ЭФРОН

27 апреля 1954, Москва

27 апр. 1954 Дорогая Аля!

Спасибо тебе, что написала мне так, как можешь, не больше и не принуждая себя.

От Е<лизаветы> Я<ковлевны> знал, что ты жива, и не беспокоился о тебе и за молчание не винил. У самого нет времени на переписку. Момент во всех смыслах переломный и в отношении возраста и обстановки. Надо торопиться, чтобы не побросать начатого неконченным и в беспорядке.

Я знаю, родная моя, что у тебя нет и не может быть денег и что ты в страшной нужде. И они опять будут, верь мне, как бывало прежде. Но представь, наперекор всякому смыслу и вероятию, зима принесла некоторое бюджетное ухудшение, которое до сих пор не выправилось. Однако так остаться не может. Потерпи еще немного, через месяц, уверен я, я вернусь к старым привычкам¹.

Не думай, пожалуйста, писать мне еще что-нибудь о Фаусте. Ты все, что надо, написала мне. А разборы Фаустов, характера Печорина, личности Гамлета и отношений Евгения и Татьяны за-дачи еще более трудные, чем создание самих прообразов. Избави тебя БОГ от этой каторги. Я все знаю, Алечка моя.

Крепко тебя целую. Твой Б.

Впервые: «Знамя», 2003, № 11. – Автограф (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 434).

1 Деньги были посланы только 2 июля, после чего Пастернак писал: «Дорогая Аля! Наконец-то удалось перевести тебе эту малость. Отправлял впопыхах и не мог ни слова написать на сопроводительном бланке. Не сочти это невниманием. Я здоров в отпущенных мне пределах, и работаю. Слава Богу, жаловаться не на что, но разумеется было бы веселее, когда бы не этот очередной поворот вспять. Что мне сказать тебе, родная, чего бы ты не знала заранее. Прости за возрастающую скудость и бессодержатель-ность моих записок. Крепко целую тебя. Твой Б.» (там же. С. 175).

1277. М. В. АЛПАТОВУ

30 апреля 1954, Москва

30 апр. 1954

Дорогой Михаил Владимирович!

Нет, это уж слишком! Быть таким замечательным эстетиком и историком, иметь такую милую и красивую жену, и писать и посылать в подарок такие талантливые письма!¹ Что же теперь мне делать и куда деваться?

Я страшно занят сейчас и не могу Вам ответить по-настояще-му (роман, спешное составление одночастной пьесы «Фауст» для театра по Гетевскому двухчастному², и многое другое). Настоящим извещая. Баланс наших отношений нарушился в выгодную для Вас сторону. Благодаря Вашему письму я – долгосрочный Ваш должник, а может быть и пожизненный, неоплатный. Мне нечем Вам ответить. Вы в счастливом положении. Я Вам завидую. Без конца благодарю Вас. Привет Софии Тимофеевне.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Печатается по машин, копии (ГМИИ, ф. 61, ед. хр. 648).

Местонахождение автографа неизвестно.

1 Алпатов отозвался на чтение перепечатанной части «Доктора Жи-ваго»: «В наши дни всеобщего разброда и затмения умов, даже тех, кого не страшат трудные, крутые подъемы, Ваш роман волнует прежде всего тем, что внушает уверенность, что сделать нечто подлинное можно, лишь ос-таваясь верным тому способу смотреть на вещи, который каждому чело-веку дается только в единственном числе и который нельзя менять или приноравливать к обстоятельствам без опасности утратить в себе главное» (Ивинская. В плену времени. С. 211).

2 Сокращенную версию «Фауста» Пастернак делал по заказу Н. Ох-лопкова для Театра им. Маяковского, но спектакль не был поставлен.

1278. Н. ТАБИДЗЕ

7 мая 1954, Москва

7 мая 1954 Дорогая Нина!

Получил то письмо Ваше, которое Вы писали ночью о гото-вящемся издании Паоло и

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Тициана¹. Милый друг мой, возьмите себя в руки. Мне так важно, чтобы Вы жили и
были здоровы.

8 Какое-то смысле Вы самый близкий человек мне. Вы вы-ражение какой-то стороны
моей души, моей совести и моего во-ображения в таком умном, прекрасном и любимом
облике². От-куда Вы взяли, что я сержусь на Вас? Но я так привык верить Вам во
всем, что наверное Вы правы, хотя сам я об этом ничего не знаю.

Нина, не берегите самой главной раны. Что делать. Я сам то поддавался этой
счастливой вере, то ее терял. И теперь сам колеб-люсь по-прежнему, то проникаюсь
надеждой, то падаю духом³.

Меня без конца обманывают, все время что-то обещают и во-дят за нос⁴. Я этому не
придаю никакого значения. Ах, как мне хотелось бы Вас успокоить, Ниночка!

Крепко люблю Вас и крепко целую. Ваш Б.

Впервые: «Литературная Грузия», 1980, № 2 (с купюрами). – Авто-граф (ГМГЛ, №
24953).

1 Планы издания стихов П. Яшвили и Т. Табидзе ничем не кончи-лись, поскольку
начался идеологический откат. Пастернак писал Н. Та-бидзе 2 июля 1954: «В
середине года на минуту показалось, что с печата-нием, с Тицианом, со всем самым
главным, может быть станет легче и лучше. Оказалось, это было ошибкой. Ну, что
же, надо смириться» (ГМГЛ, мь 021914, 2).

2 «Нина, милая, дорогой друг мой! Ваш ум, блеск Вашего понима-ния, Ваше сердце и
все Ваше существо бросились бы мне в глаза и так же привязали бы меня к Вам и в
другие, более светлые и легкие времена, а тут еще вдобавок мы попали с Вами
вместе в одну общую дорожную катаст-рофу жизни, сдавлены крушением рядом, и наши
стоны смешались. Как же мне не любить Вас?», – писал Пастернак 6 марта 1954
(«Литературная Грузия», 1980, № 2. С. 30).

3 См. телеграмму 17 июля 1954: «Не телеграфировал. Ждал письмен-ных известий.
Рад оправданию, но ведь этого мало. Жив ли Тициан. Креп-ко целуем. Когда
приедете? = Боря, Зина» (ГМГЛ, № 2482).

4 Более подробно Пастернак объяснял Н. Табидзе в письме 30 апр. 1954: «Теперь я
Вам скажу, что начиная с конца декабря, почти полго-да, как это ни странно, у
нас было большое ухудшение с деньгами, и только теперь намечается перемена к
лучшему, хотя, может быть, еще рано радоваться» («Литературная Грузия», 1966,
№2. С. 86). Деньги были посланы только 2 июля 1954, вслед за чем Пастернак
писал: «До-рогая Нина! Я торопился, заполняя переводной бланк, – на почте было
много народа. Вот отчего я ни строчки не написал Вам на отрезном та-лоне.
Извините и не сердитесь на меня. Я и сейчас не сообщу Вам ни-чего интересного.
Ведь скоро, вероятно, мы увидим Вас у себя, не правда ли? Как всегда весь в
работе. И все остальное, как всегда, слава Богу» (ГМГЛ, № 021914, 2).

1279. Ю. Г. ВИЛЯВИНУ

Май 1954, Переделкино

Милый Юра Вильявин, благодарю Вас за Ваше милое письмо. От души желаю Вам счастья
и удачи в жизни. Я сейчас заканчи-ваю большой длинный роман в прозе (именно тот,
о котором была речь в заметке перед стихами в «Знамени»). Едва ли ему
когда-нибудь или скоро суждено быть напечатанным, так далек и про-тивоположен он
по своему духу всему, что у нас требуется и к чему привыкли. И хотя я пишу его
для себя, я очень поглощен этой ра-ботой, ни с кем не вижусь и нигде не бываю.
Пройдет еще много времени, пока я смогу удовлетворить Ваше желание –
встретить-ся и поговорить со мной. Когда-нибудь познакомимся.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Приложение к газ. «Волга» (Астрахань), 1 нояб. 1990. – Ав-тограф (собр.
адресата). Датируется по содержанию.

Юрий Григорьевич Вильявин – студент филологического факультета Моск. гос.
педагогического института им. Ленина, занимаясь в Ленинс-кой библиотеке, прочел
публикацию «Стихов из романа» в «Знамени» (1954, № 4). В письме к Пастернаку он
назвал их «дивным живым цветком на фоне мертвого официоза».

1280. В. Т. ШАЛАМОВУ

4 июня 1954, Переделкино

4 июня 1954

Дорогой мой Варлам Тихонович!

Ваша синяя тетрадь, еще не дочитанная мною, ходила по ру-кам и везде вызывала
восторги. Я только сегодня получил ее об-ратно и увезу на дачу, где дочитаю до
конца и перечту еще раз за-ново¹. Когда я принялся читать ее, я стал отчеркивать
каранда-шом наиболее понравившиеся мне и исчертил сплошь, почти все страницы
прочитанной половины. Наверное, я напишу Вам под-робнее об этом собрании, когда
толком перечту его. Вы одна из редких моих радостей и в некоторых отношениях
единственная, и Вам наверное странно, как это можно, не кривя душой, так долго
воздерживаться и отказываться от того, что так близко и дорого. Но я так создан,
что пока мучаюсь над чем-нибудь, что надо сде-лать и что еще не сделано, я

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
вынужден отгораживаться от самого естественного и милого. Это еще продолжается, потерпите, рас-пространите свое всепрощение на более долгий срок.

Никто из читавших не говорил о незаконченности, о неокон-чательности отдельных стихотворений, никаких недостатков ник-то не находил, а я по-прежнему поразился богатствам основного потока, питающего стихотворения, одухотворенностью наблюдений, чувств и мыслей, точностью слов и их тонкостью, и относи-тельной, по сравнению со всем этим, недостаточностью того, что превращает некоторую последовательность строф в отдельно сто-ящее стихотворение, в самостоятельную форму, в какое-то после-днее слово по данному поводу. Напрасно я завязал вновь разговор об этом. Я не собирался писать Вам ничего серьезного, а перед отъездом на дачу хотел еще раз сказать Вам, что я люблю Вас, счи-таю, что Вы одарены настоящим талантом, и верю в Вас.

Посылаю Вам в качестве подарка полученный из «Знамени»² читательский отклик на стихотворения в апрельском номере. Не сопровождаю комментарием, Вы слишком тонки, чтобы не оце-нить всей прелести этих рассуждений. Меня с детства удивляла эта страсть большинства быть в каком-нибудь отношении типическими, обязательно представлять какой-нибудь разряд или ка-тегорию, а не быть собою. Откуда это, такое сильное в наше время поклонение типичности. Как не понимают, что типичность это утрата души и лица, гибель судьбы и имени. Будьте здоровы, всего лучшего. Ваш Б. И

Впервые: «Юность», 1988, № 10. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2596, оп. 1, ед. хр. 54).

¹ Шаламов вспоминал, что 13 ноября 1953 г. при встрече с Пастер-наком передал ему «синюю тетрадь» со стихами, написанными в Яку-тии. «Через час после моего ухода, – писал Шаламов, – Пастернак по-звонил сестре жены – он рад, он взволнован стихами» («Встречи с про-шлым». Вып. 6. М., 1988. С. 293). Позднее они составили часть книги «Ко-лымские тетради» и публиковались при жизни Шаламова в разных сборниках.

² К письму приложена машин, копия отклика читателя Анатолия Карпова из Ростова-на-Дону на публикацию «Стихов из романа» в «Зна-мени» (1954, № 4): «Опубликованные здесь стихотворения производят, прямо сказать, дурное впечатление своей сыростью, грубой неотесаннос-тью, попиранием смысла. <...> По-моему это не та лирика, тов. Пастер-нак, которую ждет от своих поэтов советский читатель!».

1281. Е. Б. ПАСТЕРНАКУ

27 июня 1954, Переделкино

27 июня 1954 Дорогой женичка!

Мама дала мне твои стихи с просьбою прочитать их и напи-сать тебе что-нибудь о них. Я всегда боялся этого и уклонялся не оттого, что не допускал мысли, чтобы они были хороши или даже очень хороши; но если бы даже у тебя открылся дар гениальнос-ти и именно стихи явились его выражением, и это случилось бы еще при моей жизни, я обязательно прозевал и проморгал это, так совсем, совсем по-другому, чем принято, смотрю я на искус-ство и в особенности на то, что называется стихами, поэзией, литературой. Например, чтобы не далеко ходить, пожелание Ма-яковского, чтобы поэтов было много и разных¹, или возня Горь-кого с молодыми литераторами, учреждение литературных ин-ститутов, воспитывание кадров и прочая, совершенно не понят-но мне. Так могли желать только плохой поэт и плохой писатель. Это так же странно, как думать, что много богов во много раз лучше, чем один Бог, или что чем больше будет отцов у человека, тем лучше. Мало ли что можно пожелать? Например, если бы на деревьях росли жареные сосиски, это, наверное, было бы очень удобно, но едва ли земля выиграла, если бы вся превратилась в кухмистерскую. Есть множество людей, которые читают и пи-шут стихи, собираются, любят поэзию, знают поэтов, знают, что хорошо и плохо.

Множество моих знакомых, ты и круг твоих дру-зей – люди этого порядка. Я всегда чувствовал себя чужим и сму-щался в таком обществе. Мне недоставало начитанности этой среды, принятых ею мерил, ее условного понимания, вообража-емой ее твердой почвы. Я не знаю, что хорошо, что плохо, даже в таких определенных, осязательных и действительных, имеющих-ся на свете искусствах, как музыка и живопись. Что же мне ска-зать о таком расплывчатом, лишенном основ и очертаний, несущестующем призраке, как поэзия? Мне кажется, всегда, и осо-бенно у самых больших, она являлась взамен чего-то другого. И только когда она заменяла какую-то неизвестную редкую дра-гоценность, когда она возникала вместо какой-то великой му-зыки, великой живописи, великой жизни или великой деятель-ности, – величие дела, которое она заменяла, придавало ей со-стоятельности, несколько не прибавляя определенности и само-стоятельного значения. Я смертельно не люблю слова «поэт» и кроющихся за этим словом представлений, как не люблю слова «скрипка» и самого инструмента, когда его плаксивый жалост-ный звук не поддержан гармоническими безднами рояля, оркес-тра или органа. В такой же степени деятельность стихотворца, не соотнесенная со зрелищем эпохи или не

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
противопоставлен–ная ему, не дополненная параллельно идущим, в прозе выражен–ным
самостоятельным миром, не освященная отдельно сложив–шейся философией и особо
сложившейся жизнью, есть не дове–денная до конца, не сомкнувшая концов, ничего
собой не об–ведшая очертанием, оставшаяся некоторою кривою среди кривых, кривой
притязательною. В твоих стихах язык лучше, чем обыкновенно бывает у таких
молодых неопытных любителей. Это их хорошая сторона. Всякое искусство –
упражнение в объек–тивности. Я ее не нашел у тебя в той степени, которая
утвержда–ла бы и оправдывала это обращение к стихотворной форме. Эле–гизм
содержания слишком житейски личный, слишком подчи–нен каким–то действительным
счетам, недостаточно широк, не поднят до какой–то более общей значительности.
Эта повесть превратности, только изложенная стихотворным языком, а не внутренне
претворенная. Это моя первая придирка. Вторая. «Пу–стыня», «тропа», «пашня»,
«котлован» и пр. и пр. Это название представлений, которые сами по рельефности,
определенности и сложности, могут быть отдельными образами или картинами. Я не
люблю, когда они употреблены не в их собственном значе–нии и не в переносном
метафорическом, а в виде понятий, в виде служебных слов или вспомогательных
частиц вследствие нена–ходчивости автора, не подыскавшего более точных
обозначений для своей мысли, если это действительно додуманная мысль, а не
принятая за мысль зачаточная мозговая видимость: Сюда же надо отнести общую
бледность и неяркость всех построений, подчиненное положение природы в них,
любовь к ней, но неза–хваченность ее красками до страсти, до самозабвения. Это
вто–рая придирка.

Очень часто, и даже в лучших стихах (на 2–й странице и на 3–й в том
стихотворении, которое зимой, в слушании, мне больше всех понравилось) случаи
немного поспешного и чересчур уверенного самовозведения в поэты. Много ли
радости в этом слове? Я уже сказал, как мне чужды некоторые оттенки его
значения. Остава–ясь в кругу этих несвойственных мне выражений, скажу, что
преж–девременность этого самопроизводства непоэтична. Вот третья придирка.
Я знаю, что мои грехи гораздо хуже и многочисленнее, что мне можно возразить и
припереть меня к стене множеством вы–держек, что я непоследователен и
несправедлив. Но я ведь и от–малчиваюсь всегда на тему об искусстве и как чумы
боюсь разго–воров о «стихах» и просьбы дать отзыв о них.

Вот то пустое, несправедливое, холодное и к делу не идущее, что должен был я
сказать на неридостную для меня, спорную, со–мнительную и мне навязанную тему.
Но побежденное страдание, и при этом побежденное так глубоко и благородно, и
выраженное так задушевно и мягко, занимает в жизни большое и высокое ме–сто и
покоряет и настраивает на уважение.

Это главное, остальное пустяки.

Целую тебя. Твой папа

Впервые: «Существованья ткань сквозная». – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, без шифра).
Письмо написано в ответ на переданные стихи, но не было отправ–лено из боязни
обидеть сына (сохранилось в бумагах О. В. Ивинской). Через некоторое время было
послано другое письмо 12 июля 1954, где в возмещение неотосланного Пастернак
писал: «Дорогой Женя! Тебя нельзя оставлять без письма. Мама расскажет тебе о
нашем разговоре и нисколь–ко не будет виновата, если оставит тебя в неясности
насчет моего мнения о твоих стихотворениях. Она не могла вынести из моих слов
ничего опре–деленного, потому что никакой определенности они не заключали» (там
же. С. 510).

1 Неточная цитата из стих. В. Маяковского «Послание пролетарским поэтам» (1926):
«А мне / в действительности единственное надо – / чтоб больше поэтов / хороших и
разных». В письме 12 июля эта мысль объяс–нена подробнее: «Например, когда
какие–то годы жизни шли у меня в сопровождении Тютчева, или меня сводил с ума
Лермонтов, мне никог–да не приходило в голову, что еще лучше бы она шла под
целый хор Тют–чевых или при участии десяти Лермонтовых. Напротив, я радовался их
единственности и немногочисленности, а не вынужденно мирился с ней. Эта
единственность требовалась мне, входила в состав моего ощущения, моего
наслаждения их символическою силой, их условностью, воздей–ствием их одних за
всех других. А Маяковскому требуются все эти другие. Ему хотелось, чтобы поэтов
было «много и разных». Мне это так же не–понятно, как если бы он хотел, чтобы на
земле было много солнц или у него самого было как можно больше разных сознаний.
Всю жизнь я вожу с собой умещающийся на одной полке отбор любимейших, без конца
пе–речитываемых книг. Однако и среди этих немногих с годами оказывают–ся лишние.
А Горький считал целесообразным разводить не только цвет–ную капусту и кроликов,
но еще и молодых писателей. Отсюда и инсти–туты его имени» (там же. С. 510–511).

1282. А. И. ЦВЕТАЕВОЙ

2 июля 1954, Москва

2 июля 1954 г. Дорогая Ася!

Простите, что отправляя деньги, я не мог ничего написать Вам на сопроводительном

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
талоне. Перед почтовым окошком была большая очередь, и я потерял бы свое место в

ней, если бы еще задержался за заполнением бланка. Ваши страницы с гаснувшим и возгорающимся светом очень хорошо начаты и хорошо задуманы, но я напишу Вам о них в следующую раз, когда разберу их до конца. Работаю, чувствую себя хорошо, но часто бывают перебои, аритмия. Крепко целую Вас и от души желаю всего лучшего.

Большое спасибо Вам за все ласковые слова двух последних Ваших писем.
Ваш Б.

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 397).

1283. О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

12 июля 1954, Переделкино

12. VII. 1954

Дорогая Олюшка! Жива ли ты и что делаешь? Как твоё здоровье? Я более чем свинья перед тобой, я подлец и мерзавец (если только это действительно более свиньи), что отделался короткой отпиской в ответ на твой большой обстоятельный разбор Гамле-товской премьеры. Это было замечательное письмо, содержащее целый мир представлений, в общей сложности споривших глубиной и яркостью с самим Гамлетом. И когда я теперь слышу или узнаю что-нибудь об этой постановке, передо мной встают не Шекспир, не Александринка, не Ленинград, а твоё письмо¹. Я боюсь, что ты не знаешь, как я люблю тебя, и не чувствую-ешь, как я тебя целую. Но если я расстанусь со своим, вошедшим в привычку, трудолюбием, что тогда от меня останется?

Зимой несколько либеральных месяцев были в том отношении облегчением, что знакомые заговорили живее и с большим смыслом, стало интереснее ходить в гости и видеть людей.

Кроме того, наступил перерыв в утомительном этом плавание по собственной вынужденной безбрежности, без руля и без ветрил, некоторое подобие органического, наполненного жизнью воздуха подступило к твоей судьбе, охватило её кругом, опять придало ей очертания. Стало легче работать. Элемент определенности хотя бы даже далекой, одним своим присутствием в пространстве дал опять почувствовать, где ты начинаешься и кончаешься, чего хочешь, почему у тебя такие странные желания и что ты должен делать.

Я и тогда был вне этих слабых перемен и не льстил себя никакими надеждами. Но обстановка была приятнее своим большим сходством с жизнью. А теперь опять я погрузился в бездонность полной своей свободы и одиночества. Я хочу кончить роман и верю, что кончу его. Ничто не мешает мне писать его. Я здоров и хорошо себя чувствую. Зимой был ремонт дачного дома, который мы арендуем у Литфонда. Он переделан и превращен во дворец. Водопровод, ванна, газ, три новых комнаты. Мне неловко в этих помещениях, это не по чину мне, мне стыдно стен огромного моего кабинета с паркетным полом и центральным отоплением. Я работаю, я не умею отдыхать, наслаждаться, но как скучны и бездарны черновые карандашные заготовки, которые я делаю к последней части! Можешь себе представить, какой это ужас и отчаяние, если я позволил себе отложить в сторону свой дневной урок и дал волю постоянному желанию немного побыть с тобой. Но не буду гневить Бога: вот я немного отвел душу с тобой, ничего не упомянув. А разве это не счастье. И кроме того: судьба так мягка ко мне. Но так несоизмерима разница между тем, что можно и должно было бы сделать, будь хоть какая-нибудь связь и сходство с любимым путем в окружающем, и тем, что даешь и делаешь без этой общности. Каждое лето я с некоторой надеждой, что это когда-нибудь осуществится, зову тебя к нам. Я не повторяю этой просьбы, она только возрастает в силе.

Поцелуй, пожалуйста, от меня Машуру. Это не слова, не безразличная условность. Очень часто целые полосы отдаленного детского прошлого проходят передо мною особенно нынешним обжигающе-жарким летом, с заскакивающими в дом кузнечиками. Я опять все вижу не только с жаром, звуками и запахами тех дней, но и с чувством, что освобождающее, облегчающее дыхание будущего уже было после горячей тесноты их бедной правды. Ах, Оля, Оля! Тик, как тебя, мне надо было бы повидать только девочек, и не из-за близости родства только, а прибавившегося потом знания мира. Обширности кругозора, твоей деятельности, их путешествий.

Крепко целую тебя. Твой Боря

Впервые: Переписка с О. Фрейденом. – Автограф. 1 Имеется в виду письмо О. Фрейденберг 14 апр. 1953 с подробным описанием спектакля (см. коммент. 1 к письму № 1273).

1284. М. В. АЛПАТОВУ

16 июля 1954, Переделкино

16 июля 1954

Дорогой Михаил Владимирович!

Спасибо за подарок. Вы не правы. Статья, как всегда у Вас, очень хороша. Вы сами знаете, как все это мне близко¹. Непостижимо, как Вам дают думать в таком

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori направлении и писать в таком тоне. В этой редкой вольности Вам, наверное, самому приходится-ся немного сдерживаться, и Вы сознаете только это самоограни-чение, не чувствуя избыточности сказанного.

Сердечный привет Софье Тимофеевне.

Ваш Б. И

Очень хорошо об идее совершенства у гуманистов², о том, что они называли homo homo, quinta essentia*, и, действительно, этим началом по преимуществу полон Рафаэль, больше, чем всякий большой художник бывает полон чувством формы.

Впервые: «Панорама искусств». Вып. 7. М., 1984 (с купюрами). – Автограф (ГМИИ, ф. 61, ед. хр. 649).

1 По-видимому, имеется в виду оттиск статьи М. В. Алпатова из посвященного эпохе Возрождения 2-го тома его трехтомной «Всеобщей истории искусств» (1948-1949).

Позднее эти работы составили книгу М. Алпатова «Художественные проблемы итальянского Возрождения» (1976).

2 Пастернак занимался в университете философией итальянского гуманизма, к своей статье «Несколько положений» (1918), первоначально-но называвшейся

«Quintessentia», он сделал «Историческую справку»: «К четырем "основным стихиям" воды, земли, воздуха и огня итальянс-кие гуманисты прибавили новую, пятую – человека. Слово "quinta essentia" ("пятая сущность") стало на время синонимом понятия "чело-век" в значении основного алхимического элемента вселенной» (см. т. V наст. собр.).

1285. О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

21 июля 1954, Переделкино

21 июля 1954

Дорогая Олюша, опять мне нечем отплатить тебе за твое моло-дое и полное силы чудное письмо. Не ходи никуда, высылаю тебе «Знамя»¹. Но не только не вздумай писать в ответ и утруждать себя разбором. Совсем даже не предполагается, что ты должна быть в восхищении. Посылаю тебе курьеза ради: любопытные страницы, где лени и стали нет и в помине². Потом для меня было радостью, что два сакраментальных слова: доктор Живаго попали в печать.

Здесь часть того (сверх немногого, имевшегося раньше), что я написал прошлым летом. Вдруг после больницы, санатория, тре-пета, ограничений, произошли вещи, непредусмотренные режи-мом, – волна счастья, еще раз прочистившегося слуха и открыв-шихся глаз, и тогда именно я заново пробежал всего Фауста перед окончательной редакцией и написал эти вещи, и еще несколько.

Спасибо тебе большое за письмо. Крепко целую тебя.

Твой Боря

* совершенным человеком, пятой сущностью (лат.).

Впервые: Переписка с О. Фрейденоберг. – Автограф.

1 Еще до присылки «Знамени» со стихами из романа О. Фрейденоберг писала: «До чего же это вышло глупо и глупо: как только ты написал мне "возьми Знамя", тут-то я и смолкла. А рецензии уже были мне известны. Мое молчанье как бы становилось мненьем» (там же. С. 318).

2 Пастернак подхватывает яркое выражение из письма О. Фрейдено-берг о неизданных «Записках» своего отца-изобретателя, которые «слу-чайно уцелели, сквозь революции, войны, осады, смерти и смерчи... Но в хламе и пыли семейной рухляди, по которой бегали крысы, они лежали под броней истории спокойней, чем в пантеоне лени и стали» (там же. С. 320). О. Фрейденоберг намекает на мавзолей Ленина, в который после смерти Сталина положили и его тело.

1286. З. Н. ПАСТЕРНАК

29 июля 1954, Переделкино

29 июля 1954. Дорогая Зиночка! По-прежнему все в наилуч-шем порядке.

Единственное огорчение – Мишка¹. По всему Пе-ределкину идет какая-то собачья война, Мишка приходит домой с прокушенной головой, окровавленный, опухший, без задних ног, а чуть отдышится после крови, рвот и прочего, опять бежит мстить и сражаться. Я не знаю, доживет ли он до вашего возвращения. Обе девочки были накрыты на месте преступления, рвали с яб-лонь зеленые яблоки. Я пригрозил обеим, после чего Мариша и Аночка² ежеминутно подбегают и с необычайной ласкою обни-мают мои колени. Опять возвратились жаркие дни с грозами. Очень хорошо. Последовала ли ты моему совету насчет комнат? Ты молодец, что выдержала этот экзамен по поезду. Сердечный привет дорогой Ларисе Ивановне. Крепко целую. Всем участникам поездки и Лёне привет³. 2>.

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, оп. 1, ед. хр. 63).

«Письмо написано из Переделкина в Ялту» (примеч. З. Н. Пастернак). В Ялте З. Н. Пастернак с Леной жили на даче у Ларисы Ивановны Трениевой.

1 Мишка – собака-дворняжка, много лет жившая у Пастернаков в Переделкине. О. И. Попова вспоминала, как Пастернак радовался на Мишку, говоря, что он так «похож на Андрея Белого», и жалея, что Ольга Ильинична не видела Белого и не может сама

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
убедиться в этом сходстве.

2 Дочери Станислава Нейгауза и Федора Александровича Пастернака, жившие на даче.

3 Поездка в Ялту была на автомобиле Тренивых вместе со С. Г. и Г. С. Нейгаузами. Пастернак беспокоился о самочувствии З. Н., которая жаловалась на головные боли и повышенное давление. Пастернак писал Н. Табидзе 2 сент. 1954 о состоянии жены: «Когда она приехала из Ялты, ее состояние напугало и огорчило меня так же, как и Вас. Я боялся, что ее здо-ровье будет ухудшаться и дальше. Но ей не стало хуже. В последнее время она реже жалуется и на головные боли <...> Я сообщил Вам главное и един-ственно важное. Что Зине лучше, чем было при Вас. По-видимому ее очень утомила автомобильная поездка» («Дружба народов», 1996, № 7. С. 209).

1287. З. Н. ПАСТЕРНАК

30 июля 1954, Переделкино

30 июля 1954 Дорогая Зиночка!

Допускаю мысль, что упорным молчанием Нина, может быть, готовит сюрприз и явится вдруг, не предупреждая, вдвоем с Тици-аном¹.

Вчера зашел Федин и рассказал неожиданные вещи. Пере-сматривается «дело» Бабеля, и есть сведения, что он жив и выйдет на свободу. Уверяет, что видели вернувшегося Чаренца, которого все считали расстрелянным. Отчего не может этого случиться с Тицианом и Пильняком?²

В воображении вижу вас на морском берегу и больше всего радуюсь за вас в этом отношении. Что побудете среди скал, кра-бов и камушков и, может быть, поедите жареной морской рыбы, может быть, даже и камбалы.

Предсказывают жаркие дни в августе. Последнее время дож-ди и грозы. На грядах кабачки в полкареты величиной. Сегодня в гостях Туся и Нина Иоаникиевна³. Крепко тебя и Леничку целую. Привет Ларисе Ивановне, Андрею Дмитриевичу и Михаилу Ефи-мовичу⁴.

Твой Б.

Впервые: Вестник РСХД, № 106. Париж-Нью-Йорк, 1972. – Авто-граф (РГАЛИ, ф. 379, оп. 2, ед. хр. 63). «Письмо, написанное из Передел-кина в Ялту» (примеч. З. Н. Пастернак).

1 Начавшийся в это время пересмотр дел репрессированных внушал новые надежды и разочарования. Тициан Табидзе был расстрелян осенью 1937 г., вскоре после ареста, однако сообщаемый родственникам приго-вор: десять лет без права переписки, – вводил в заблуждение и позволял надеяться и ждать его возвращения.

2 И. Э. Бабель был расстрелян 27 января 1940 г. Армянский поэт Еги-ше Чаренц – 27 ноября 1937 г.; Б. А Пильняк – 21 апреля 1938 г., – но эти сведения были не известны родственникам.

3 Наталья Феликсовна Блуменфельд и знакомая Нины Табидзе Нина Иоаникиевна Меунаргия.

4 Знакомые Ларисы Ивановны Тренивой.

1288. З. Н. ПАСТЕРНАК

31 июля 1954, Переделкино

31 июля 1954

Дорогая и родная моя! Я тебе часто пишу из опасения, как бы у тебя вдруг не легли плохо карты, не разбилось бы зеркальце и, вспомнив о моей прошлогодней болезни, ты бы вдруг не забеспо-коилась о том, как у нас тут и все ли в порядке. Сегодня суббота, приехала Маруся¹, тихомолком положила Лене на постель пакетик конфет, а в уголок на столик – неволь-шой куличик, не знала, бедная, что он в Ялте. Какой чудак, он мог рассказать ей об этом предположении, когда она в последний раз его видела. Вечером, наверное, привезет Юрий Мих<айлович>² Ирину и Шуру. На даче тихо, чисто, хорошо, светло, просторно. Едим до отвалу. Подали счет на июнь, вскочило вдруг до 526 руб-лей, это, вероятно, расходование электричества все время на край-нем напряжении, например, холодильника, всегда на экстренном, исключительном делении. Но Т<атьяна> М<атвеевна>³, говорит, что по-другому он не действует.

Не вози ради Создателя ничего из Крыма, у нас все поспекает и всего гибель.

Федин обронил что-то о том, будто бы в передовой «Лите-ратурной газеты» за прошлую неделю (около 27 VII) упомина-ется, что за границей интересуются причинами молчания не-скольких человек, в первую очередь Шолохова и меня, и будто бы (так сказал Федин) наши имена стоят рядом⁴. Я из прили-чия не расспрашивал и понятия не имею, правда ли это и что это такое.

Я тебе с утра собирался сообщить что-то фактическое, ради этого решил писать письмо, а теперь забыл, в чем это заключа-лось, – ничего, напишу в следующем письме.

Мишка невозможный, сплошные прокусы до кости над пра-вым глазом и на правой щеке, и чуть услышит собачий лай вдале-ке, несется на эти звуки как угорелый.

Сердечный привет Ларисе Ивановне. Работаю не так блестя-ще, при тебе, временами,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
все же бывало тише.

Крепко тебя, Леню и всех остальных целую.

Впервые: Письма Пастернака к жене. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, оп. 2, ед. хр. 63). «Письмо, написанное из Переделкина в Ялту» (примеч. 3. Н. Пастернак).

1 Бывшая няня Лени.

2 Шофер, на своей машине возивший Пастернаков.

3 Домработница Пастернаков.

4 Речь идет о статье Зои Кедровой «Многообразие жизни и литерату-ры», в которой она писала, что западные обозреватели объясняют молча-ние М. А. Шолохова, Л. М. Леонова и Б. Пастернака их нежеланием от-кликаться на официальные темы.

1289. О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

31 июля 1954, Переделкино

31. VII. 1954 Дорогая Оля!

Несколько слов еще совсем впопыхах в торопливость твоих дорожных сборов или, может быть, тебе вдогонку¹. Я знаю, что ты имеешь в виду, говоря о напряженности своих писем или обвиняя себя в вычурности. Но ведь ты клеветешь на себя. Чувство нео-кончателности мысли и, вследствие этого, неполной точности ее выражения так знакомо всем, кто имеет с этим дело! Я мог оста-вить твое письмо без ответа на этот раз, но не могу не защитить тебя от твоих собственных нападок.

И, – несколько совпаденый. Ты случайно в конце письма назвала одно имя, – ты помнишь, кого? – («Это стиль раннего А<сеева>»²). У меня был разрыв со всем этим кругом и, шире, со всей средой, но истекшею зимой несколько человек так растро-гали меня теплотой и определенностью своих изъяснений, что я не устоял и, между прочим, был как-то у него и его жены. Мы втроем провели вечер, я на память читал им все новое, часть ко-торого потом попала в «Знамя». Кто-то плакал из них, я, честное слово, не помню кто, но она сказала мужу (они на «вы»): Вы зна-ете, точно сняли пелену с «Сестры моей жизни». Это как раз и твое мнение³. А другое, – вместе с твоим письмом пришло от дочери, пове-сившейся в 1941-м году Марины Цветаевой, из восемнадцатилет-ней ее ссылки, из Туруханска⁴. Мы с ней на «ты», и очень большие друзья, я девочкой видел ее в 35 году в Париже. Это очень умная, пишущая страшно талантливые письма несчастная женщина, не потерявшая юмора и присутствия духа на протяжении нескончае-мых своих испытаний. Так вот я хотел переправить тебе ее пись-мо, так вы в чем-то похожи, такие соседки по месту в моем сердце и так неоправданно строга она к себе и неведомо, чего требует от себя и хочет. Но пересылать это письмо было бы нескромно. Нет, Олечка, все хорошо. Хорошо даже и то, что грустно. Крепко целую тебя. Твой Б. Впервые: Переписка с О. Фрейденоберг. – Автограф.

1 О. Фрейденоберг уезжала на лето в санаторий на Карельский пере-шеек.

2 Ругая свои письма, О. Фрейденоберг называла их стиль «стилем ран-него Асеева, многозначительная вычурная недоговоренность с намеками на личность» (там же. С. 322).

3 Фрейденоберг писала Пастернаку о его стихах в «Знамени», что не-смотря на новую логику и «чеканку точной мысли», ей показалось, что нигде он так не приближался к «молодым началам, так не возвращал к Близнецам в тучах, словно <...> оказался, в своей зрелости в двух шагах от своей юности» (там же. С. 322).

4 Ариадна Эфрон, прочтя в «Знамени» стихи Пастернака, писала: «По-матерински я вечно "молюсь о чаше" и вместе с тем – прости и пойми меня! горжусь и радуюсь тому, что она, предназначенная величайшим и достойнейшим, не минула тебя. Ты сам это знаешь, и в конце концов ве-лика ли беда говорить с потомками, перешагнув через современников? И велика ли беда в том, что, пока история движется спиралеобразно, луч-шие идут по прямой?» (А. Эфрон. О Марине Цветаевой. С. 435). 1290. З. Н. ПАСТЕРНАК

2 августа 1954, Переделкино

2 авг. 1954 Дорогая моя!

Это последнее письмо, что я пишу тебе. Вероятно, оно при-дет к тому времени, когда вы уже будете собираться обратно, и больше писать нет смысла.

Телеграфируйте, когда выедете, о вре-мени, когда рассчитываете приехать, если хочешь, чтобы мы об этом знали, а если не хочешь, приезжайте сюрпризом, неожи-данно.

Вчера, в воскресенье, были и ночевали Шура и Ирина и, без ночевки, приехали Роза и Мариша Вильям¹.

Выходная Валя маленькая² видела в метро в Москве, как чело-век с женой, маленьким ребенком и множеством чемоданов выс-тавил первым делом на перрон маленького ребенка и, не огляды-ваясь на него, бросился внутрь вагона за чемоданами, а ребенок тем временем сделал шаг назад к вагону и до половины провалился в щель между краем вагона и платформой. Поднялся крик, пере-полох, но его вытащили без последствий, и Валя только рассказа-ла о страхе, который всех при этом охватил.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
я по этому поводу в мыслях опять увидел тебя в таком же по-ложении на станции
Коминтерн³, когда я хотел выскочить к тебе, и не видел, как, т. е. совершенно ли
без вреда тебя вытащили, но поезд уже тронулся, а когда я вернулся назад со
следующей оста-новки, тебя уже на станции не было. Годы прошли, а я вновь во
всей живости увидел твое растерявшееся, побледневшее лицо и испытал все это
потрясение и ужас.

Весь женский персонал, до Зинаиды Михайловны⁴ включи-тельно, готовят тебе чудеса
садоводческого искусства на клубнич-ной площадке. Л. остатка долга еще не
отдали. Неожиданно мне пришло в голову, что, может быть, вы в Ялте не остались,
а уехали со Ст<асиком> и Галей на пароходе в Сочи, и я совершенно по-напрасну
исписал тебе столько бумаги.

Крепко тебя и Леню целую, сердечный привет Ларисе Ива-новне и всем остальным.
Твой Б.

Впервые: Письма Пастернака к жене. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, оп. 2, ед. хр.
63). «Письмо, написанное из Переделкина в Ялту» (примеч. 3. Н. Пастернак).

1 Розалия Константиновна, жена Ф. А. Пастернака, и Марина Нико-лаевна Вильям,
дочь Н. Н. Вильям-Вильмонта.

2 Няня маленькой Марины Нейгауз.

3 Летом 1935 г. Зинаида Николаевна, выходя из вагона метро, прова-лилась в щель
между ним и перроном. Станция метро, теперь Кропоткин-ская, была названа по
зданию Коминтерна, строившемуся на месте сне-сенного храма Христа Спасителя.

4 Зинаида Михайловна Яржемская – мать Г. С. Нейгауз, жившая в Переделкине с
внучкой и няней.

1291. Е. А. КРАШЕНИННИКОВОЙ

2 августа 1954, Переделкино

2 авг. 1954 Дорогая Катя!

Да, это очень хорошо. Сначала, не заглядывая внутрь, я не поверил Вашей записке,
а потом, развернув холст, увидел, как Вы правы¹. Лицо живет, дышит и молится, и,
хотя оно повторяет пред-ставления обычной дореволюционной иконописи, и хорошо,
что с ними не расходится, художник в виде особого тепла и тонкости вливает в его
формы все свое пережитое. Если бы не было этого тождества со знакомым обликом, с
детства привычным, и неожи-данность была бы больше, я был бы, наверное, смущен,
не мог бы разобраться в своем чувстве и не знал бы, что сказать.

Но, Катя, варварство скатывать масло на холсте в трубку. Меня не было в Москве,
я пропустил тот вторник (20-го июля), когда Вы передали сверток М<арии>
Э<дуардовне>². Когда, спу-стя неделю, я его развернул у себя, уже имелась
трещина в слое краски поперек левого виска и глаза. У меня на даче нет картона
такого размера, чтобы завернуть холст в разглаженном виде, на-кануне его
возвращения Вам, и я повторяю то же самое варвар-ство в надежде, что эта
трещинка останется единственной, и к ней не прибавится вторая. Холст надо
наклеить на картон или на доску, жаль, что у него нет незаписанных краев, чтобы
натянуть на подрамok.

Великий Четверг оставляю у себя и считаю Вашим подарком. Как в этом
сосредоточении и собрании заученное наизусть и зна-комое и неизвестное и новое
соединяется воедино³, и парит, и су-ществует в небе, на земле, в пространстве, в
вечности, в тысячеле-тиях и только основаниями, как бы кончиками ног, касается
стра-ниц книги, скользит по ним, проносится по ним. Как окрыленно гениально и
бессмертно слово св. Димитрия Ростовского о при-чащении⁴.

А другая книжка не для меня. Я ее возвращаю. Благодарю Вас, Катя. От души всего
лучшего Вам. То, что я написал Вам о недосу-ге, не шутка. Простите, если это
грубо, но до ноября забудьте обо мне⁵.

Ваш Б. Я.

Впервые. – Автограф.

£. А. Крашенинникова – историк и библиограф. Познакомилась с Пастернаком в
августе 1941 г., некоторые черты ее характера нашли отра-жение в образе Симы
Тунцевой в «Докторе Живаго». Вместе с родителями была выселена из Москвы за
«буржуазное» происхождение, 13-летней де-вочкой добилась освобождения отца из
тюрьмы, написала воспоминания «Крупичи о Пастернаке» («Новый мир», 1997, № 1),
где передавала свои разговоры с Пастернаком, который объяснял их многолетнюю
дружбу «по судьбе – сходными переживаниями веры в детстве». Их встречи в 1950-е
гг. были посвящены участию Пастернака в помощи реабилитированным, вер-нувшимся
из лагеря.

1 Е. Крашенинникова вспоминала: «В пятьдесят четвертом году мы с сестрой отнесли
ему картину очень близкого нам художника Георгия Эду-ардовича Бострема "Моление
о чаше". Дома его не застали» (там же. С. 209). Г. Э. Бострем –
художник-иконописец и реставратор, жил в За-горске около Сергиевой лавры.

2 М. Э. Киреева работала лифтером и жила у Пастернаков в их мос-ковской
квартире.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

3 Имеется в виду чинопоследование служб на Великий (Страстной) Четверг. Крашенинникова вспоминает рассказ Пастернака, как он с детства полюбил богослужение, слова которого и молитвы он «впитывал, как губка». Няня, крестившая его, считала, что это Ангел-хранитель по-мощает ему все запоминать (там же. С. 206). По просьбе Пастернака, Крашенинникова достала ему Библию взамен погибшей во время войны, снабжала его богослужбными и другими книгами, Пастернак советовался с ней по поводу определенных мест в тексте «Доктора Живаго»; 4 сент. 1956 он благодарил ее за «Успенскую книжечку. Много там, – писал он, – знал наизусть. Между прочим выкинул из романа как места, которые могли показаться кощунственными, рассуждения Симы о жи-вых нотах и этих служб (скажу по телефону на словах). В Олафе не доставало третьего тома, только 1,2 и 4-й». Речь идет о вычеркнутых в руко-писи романа словах из стихир на всенощной Успения Богородицы: «Вижу ты ясно, простерту просту и удивляюсь, в ней же вселися будущая жизни наслаждение» (т. IV наст. собр. С. 727). Кроме того, Пастернак возвращал Крашенинниковой роман Сигрид Унсет «Олаф, сын Аудуна» (в 4 т., 1925–1927).

4 Святитель Димитрий, митрополит Ростовский, ученый и просвети-тель конца XVII в., составил новую редакцию Четий Миней, книги для чтения священных текстов на каждый день.

5 Работа над заключительными главами романа растягивалась, и 1 дек. Пастернак снова писал Крашенинниковой в ответ на какое-то ее предло-жение: «Дорогая Катя, спасибо. Я к Вам обращаюсь с этой просьбой после 15-го, предупредив Вас через Олю Сетницкую по приложенному телефо-ну. До 15-го я не только занят, но некоторым образом это – заколдован-ные сроки, которыми я связан скорее даже... по часам, чем по рукам. Я Вас очень люблю, целую Вас. Ваш Б.

1292. А. И. ЦВЕТАЕВОЙ

17 августа 1954, Переделкино

17 авг. 1954. Дорогая Ася, это ответ на Вашу открытку. Не знаю, кто сообщил Вам это известие о переводной работе, мои сведения скорее обратного порядка¹. Несколько моих приятельниц, между прочим и Ваши знакомые, зарабатывающие перепиской на ма-шинке, великолепно знающие новые языки и владеющие литера-турным слогом, годами добивались и не могли достать этой рабо-ты в издательстве²: какой-то контингент уже утвердился, став зам-кнутой и несменяемой кастой. Исключения очень редки. Я чув-ствую себя хорошо, работаю помногу, как постоянно, но ведь все это бесцельные начинания, вроде злополучного этого романа, который реализации пока не допускает.

Мне еще листов Ваших не разобрали. При пересылке в пути они еще верно стираются, так что моему прочтению совершенно не поддаются, слова приходится утомительно угадывать, как при разгадывании иероглифов³. Вам надо было бы прислать бумаги и я когда-нибудь это сделаю. Целую Вас. У нас все благополучно. Но – безысходно одиноко.

Ваш Б.

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 397).

1 По-видимому, А. И. Цветаева спрашивала о возможности найти ка-кую-нибудь переводную работу, – ей передавали, что в Москве нужны переводчики.

2 Речь идет в первую очередь о переводчице М. К. Баранович, пере-печатывавшей для Пастернака роман «Доктор Живаго».

3 А. И. Цветаева 7 июля 1954 прислала Пастернаку следующую часть рукописи своего романа: «Шлю Вам из "Атог'а" (продолжение начала посланного) – от желания Вам подарить Морица» (материалы ГМГЛ. С. 40). Мориц – главный герой романа, написанного в 1939–1941 гг. в Даль-невосточном лагере мелким почерком на крохотных листочках под копир-ку. Эти странички пересылались по частям в Москву. Впоследствии, в ссыл-ке в Пихтовке Новосибирской области, А. Цветаева была не в силах про-должать работу над романом и пачками стала пересылать его Пастернаку со своими приписками на полях. Разобрать ее почерк Пастернак не мог и передал О. В. Ивинской для расшифровки; эти пачки сохранились в ее архиве, переданном в ГМГЛ (№ 99031, 3). Роман «Атог» был опублико-ван в журн. «Москва», 1990, № 2–5.

1293. А. С. ЭФРОН

1 сентября 1954, Переделкино

1-е сентября 1954

Дорогая моя Алюша! Спасибо тебе за оба письма. Отвечаю на последнее, – в нем изложение твоего плана относительно воз-можности и перспектив после получения «вольной»¹. Я согласен с твоей точкой зрения, не порывать с Туруханским пепелищем на зиму, а зимой слетать на свидание с нами и для рекогносциров-ки². По этому поводу следующее. Последний год я совершенно лишил тебя помощи, потому что у меня не было новых дел и до-говоров с издательствами, а привычки домашних не давали мне требующейся свободы для пользования другими источниками, которых было бы достаточно для посылок тебе. Есть поговор-ка – дурак суленому рад – и

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori конечно, это неблагоприятно, но недавно в Госиздате мне пообещали переиздать Фауста и мой собственный томик так определенно, что я не вижу причин не верить³. Я хочу сказать, что в этом случае в середине зимы нужные тебе две тысячи обеспечены. Да и во всяком случае, лети, за мною дело не станет, но, если можно, не сейчас, а так, скажем, в декабре.

Прости, что пишу, наверное, сухо и от твоей пронизательности не укроется торопливость письма. Я здоров, насколько требуется для работы, и работаю с увлечением над давно, вчерне, составленным концом романа, но, конечно, меняющимся и разрастающимся в отделке. Он тб, что я мог мечтать и должен был сделать в жизни и также фантастически далек от требующегося, принятого и привычного, как далека от нас твоя мама, как далек город, счастливо, вероятно, снявшийся тебе иногда, и как далека от меня истинная моя счастливая звезда, о которой иногда урывками рассказывают мне университетские люди по каким-нибудь им доступным статьям в Slavonic papers [каких-нибудь] и о чем я не рассказываю даже домашним, так далеко и непонятно должно быть это им, и так близко и понятно тебе, милый друг мой.

Целую тебя. Твой Б.

Впервые: «Знамя», 2003, № И. – Автограф (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 434).

1 А. Эфрон писала Пастернаку 20 авг. 1954 о пересмотре дела, употребляя привычные эвфемизмы слов, связанных с этой темой: «...Мы получили официальное сообщение о том, что реприманд с нас снят и что мы получим в течение сентября паспорта (такие, какие у нас были до поезд-ки, то есть на тройку с минусами, но все же и за то спасибо)» (А. Эфрон. О Марине Цветаевой. С. 435).

2 «И вот мы думали-думали... – писала А. Эфрон, – и решили эту зиму, до следующей навигации, зимовать здесь <...> Может быть, Бог даст, за зиму дождемся реабилитации, тогда все значительно упростится» (там же. С. 435, 436).

3 Второе издание «Фауста» вышло в 1955 г., типографский набор сти-хотворного сборника, составлявшегося в 1956 г., был рассыпан, издание не состоялось.

1294. М. К. БАРАНОВИЧ

2 сентября 1954, Переделкино

2 сент. 1954

Дорогая Марина Казимировна!

Я хотел Вам ответить раньше, но вот вышло так, что пишу Вам сегодня утром, не выспавшись, с тяжелой головой. Вчера вечером в отсутствие Зины и домработницы вдруг приехали Ливановы и случайно зашел Кома, которого я не отпустил, с телеграфным за-просом от Жени, обеспокоенного моим молчанием. Я им немного почитал, а потом ужинали и так как я не могу себе позволить, что-бы кто-нибудь пил, т. е. исполнял эту тяжелую даже для пьяницы обязанность, а я пользовался правом оставаться от этой повинности в стороне, то сегодня первое за все лето утро, что я себя чувствую не так непозволительно, не так до подлости хорошо, как все эти истекшие месяцы.

Сейчас, к осени, я захвачен партизанской частью прозы¹ так же глубоко и счастливо, как это было прошлым летом с Фаустом и стихами, каковы бы они ни были объективно.

О проработке, краешком задевающей и меня, я просто ниче-го не знаю, так как из газет читаю одну «Правду», а то, что напи-сал обо мне весной Ермилов, ни капли не обидело меня². Со сво-ей точки зрения он совершенно прав, становясь на его место, я с ним согласен.

Для меня будет только радостью оправдать свое существова-ние в практическом для Вас отношении³. Но Вы знаете, главная трудность тут, как это сделать незаметно. В Гослитиздате опять обещают переиздать Фауста и томик моих собственных избран-ных⁴. Но деловые разговоры об этом они сами откладывают на октябрь, то есть, на их предположения надо накинуть еще месяц. Зимой сделать это не будет для меня никакого труда. Так Вы это и примите. Считайте, что на ближайшие сроки я Вам грубо отказал, и изворачивайтесь как сможете⁵, а я в свою очередь со следующей же поездки в Москву начну придумывать, как это сделать техни-чески по возможности скорее.

Большое спасибо за письмо. Крепко Вас целую. Привет всем Вашим и Поливановым.

Ваш Б. И

Впервые: Переписка Б. Пастернака с М. Баранович. – Автограф (Hoover Institution Archives, Stanford).

1 Речь идет о главах «На большой дороге», «Лесное воинство», «Ряби-на в сахаре».

2 В письме конца августа М. Баранович спрашивала: «...Неужели все-таки расстроились подготовкой к писательскому съезду, выразившейся в частности в проработке Вас?» (там же. С. 65). Имеется в виду статья В. Ер-милова «За социалистический реализм», где автор обнаружил «субъекти-вистские» и «декадентские» рассуждения в стих. Пастернака «Свадьба»: «Жизнь... только миг... только сон, только голубь сизый» («Правда», 3 июня 1954). Подготовка к съезду

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
отразилась также в статье В. Назаренко «Идейность поэтического образа»
(«Литературная газета», 27 июля 1954).

3 М. Баранович писала в том же письме: «Как Ваши денежные дела – простите за грубый вопрос. Я откровенно рассчитываю на Вашу помощь в сентябре. Ради Бога, простите мою бесцеремонность и помогите, но все-таки, если трудно, как весной, то из кожи не вылезайте. Положение не безвыходное и я перекручусь, просто Вашу помощь легче и приятнее – просить и принимать». Лето Баранович с семьей проводили на даче в Ва-силевском и не могли уехать, не заплатив хозяевам (там же).

4 Об обещаниях издать стихотворный сборник и переиздать «Фауста» см. в коммент. 3 к письму № 1293.

5 Баранович записала: «Я "извернулась", заняв у Асмуса» (там же).

1295. А. С. ЭФРОН

10 сентября 1954, Переделкино

10 сент. 1954 Дорогая Аля!

Жалею, что успел отправить тебе свое письмо до получения твоего последнего, радостного, о получении денег из Елабуги и о твоих планах¹. Все это замечательно. Страшно загадывать вперед, но если судьба нам увидеться, то вот мое предложение.

Зина хочет, чтобы я зимовал на даче. Дом в этом году отре-монтировали на зимний лад, со всеми удобствами, ббльшими, чем в городе. Но все эти приспособления еще не проверены в холода, неизвестно, оправдают ли они ожидания.

Хотя я никогда не тяготился городскими зимами, и без Мос-квы тут будет скучно, я не прочь остаться на даче. В этом году мне будет безразлично, где находиться, потому что буду я адски занят. (Это я не для тебя говорю, ты сейчас увидишь, что воспоследует.)

Будет чудесно, если на все то время, что ты проведешь в Мос-кве, ты поселишься у нас на даче. У тебя будет отдельная комната. Утром, хоть каждый день, ты будешь уезжать по делам в город на электричке, а в некоторые дни на машине, встречаться там, с кем тебе будет нужно, а к концу дня возвращаться на дачу, и вечера, поработав, погуляв и позанимавшись, сколько мне нужно, я буду проводить с тобой. Увидишь, как это будет замечательно.

В прошлом письме я писал тебе о деньгах. Это тоже обле-г-чится, когда ты будешь здесь рядом, и я тебе достану, сколько тебе надо будет и сколько ты захочешь на покупки и дорогу и прочее.

Больше пока ничего не хочу говорить, кроме только того, что благодаря твоему ожидаемому приезду решение мое определилось и в воображении я уже тут зимую. Целую тебя. Твой Б.

Наша дача в Переделкине по Киевской дороге, в Городке пи-сателей, № 3.

Впервые: «Знамя», 2003, № И. – Автограф (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 434).

1 Пастернак не понял, что деньги были предложены А. Эфрон не из Елабуги, а от приятельницы М. Цветаевой по эвакуации в Елабуге Н. П. Саконской: «...Так что одно чудо уже есть, и я, если все будет бла-гополучно, смогу ненадолго приехать в Москву в отпуск. Вернее всего в ноябре. И тогда я отниму у тебя, у романа, у переводов, у семьи (твоей) и у всего на свете два часа, которые я не только заслужила, но и выстрадала» (А. Эфрон. О Марине Цветаевой. С. 438).

1296. А. Е. КРУЧЕННЫХ

5 октября 1954, Переделкино

5 окт. 1954 Дорогой Алеша!

У меня маленькая денежная заминка сейчас, которая, мне кажется, прекратится к середине ноября. И тогда, разумеется, по-стараяемся раздобыть Цветаеву на всю названную тобою сумму¹.

Еще более признателен я тебе за твое терпеливое доверие, за то, что ты знаешь, как ты мне мил и трогаешь меня. Прости, что это доходит до тебя только окольно и верь, что по-другому нельзя².

Спасибо тебе также за поклон, переданный коле³. Опять проти-воречие, которое может удивить его и Ксению Михайловну. В душе на расстоянии он и она сейчас дороже мне сестры и брата. Но времен-но я связан множеством зарок, обязательств и препятствий, кото-рые и создают это странное существование, мешают мне выразить им все это лично, и должны казаться со стороны смешною блажью.

Я бываю в городе только раз в неделю, приезжаю на полдня, пролетающие слишком быстро. Слухи, известные тебе, доходят до меня только из третьих рук, после вас. Я не знаю, откуда они идут и им не верю. Я не думаю, что это правда. А то бы я это знал непосредственно и прямее⁴. Не правда ли? Крепко тебя целую. Твой Б. Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 1334, оп. 1, ед. хр. 184).

1 Пастернак хотел с помощью Крученых к приезду А. Эфрон достать различные издания М. Цветаевой.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
2 Извинения по поводу прекращения встреч и объяснения причин этого появились в письмах Пастернака несколько лет назад: «Дорогой Алеша! Спасибо за память, – писал он 6 апр. 1951. – Не думай, что я за-был тебя или за что-нибудь в претензии. Я по-прежнему полон лучших чувств к тебе, но Зина против наших встреч, и во всех отношениях так-то оно лучше. Хорошо, что ты не звонишь ко мне. От души желаю тебе всего лучшего. Твой Б.» (РГАЛИ, ф. 1334, оп. 1, ед. хр. 184). Или в письме 16 февр. 1952: «Дорогой Алеша! Спасибо тебе за письмо. Не обижайся на создав-шееся положение. В виду неослабнувшей напряженности некоторых тем, пусть оно так остается, хорошо, что мы не перезваниваемся, так лучше и на будущее время» (там же).

3 Н. Н. Асеев и его жена.

4 Слухи о выдвижении Пастернака на Нобелевскую премию (см. пись-мо № 1302).
1297. В. Т. ШАЛАМОВУ

27 октября 1954, Переделкино

27 окт. 1954

Дорогой мой Варлам Тихонович!

Никогда Вас не забываю. Ничем не могу Вас порадовать от-носительно себя. Если говорить об окончании романа в смысле плана и общего построения, то в этой грубой приблизительности, я дописал его еще в ноябре прошлого года. Но в выполнении под-робностей я еще очень далек от цели.

Если недавно я не мог нахвалиться своим самочувствием, тру-долюбием, настроением. Сейчас не помню и, может быть, не знаю, что его изменило. В один из промежутков отчаяния, когда силы души оставляют меня, и отвечаю Вам.

Ужасна эта торжествующая, самоудовлетворенная, величаю-щаяся своей бездарностью обстановка, бессобытийная, доисто-рическая, ханжески-застойная. Я так не люблю ее.

Я сам желал встреч с Вами и легко назначал их Вам, когда мог сойтись с Вами хоть на клочке какой-то твердой почвы, и радость достигнутой определенности звала и побуждала делиться ею с са-мыми близкими. А теперь я снова плаваю, вязну, тону, погрязая в начатом, неоконченном, несделанном, несовершенном, безнадеж-ном. И руки опускаются. – И не вижу конца. Не сердитесь на меня, милый друг.

Я живу на даче, отделанной по-зимнему, со всеми удобствами, наподобие дворца, и живу непозволительно и незаслуженно до бес-стыдства роскошно. Я тут буду зимовать. Я вас непременно вызову к себе. Вы, я знаю, думаете, что я Вас обманываю. Увидите!

Все-таки случай со «Знаменем» был коротким просветом². Можно было временно надеяться, обольщаться. Не на свой соб-ственный счет, – на общий. А тогда я пренебрежительно отнесся к этой возможности. Не оценил.

Я никогда не верну Вам синей тетрадки³. Это настоящие сти-хи сильного, самобытного поэта. Что Вам надо от этого докумен-та? Пусть лежит у меня рядом со старым томиком алконостовско-го блока. Нет, нет и загляну в нее. Этих вещей на свете так мало. А что тут еще выдумать. Стихов новых не писал, и не пробовал. Их по плану до окончания прозы и не полагалось.

Поклон Галине Игнатьевне.

Еще раз: не сердитесь на меня.

Ваш Б. И

Пишите, если захотите и понадобится, на городской адрес. Оттуда почту доставляют раз в неделю.

Впервые: «Юность», 1988, № 10. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2596, оп. 1, ед. хр. 54).

1 Шаламов вспоминал, что был приглашен на обед в Переделкино 21 июня 1956 г. и читал свои стихи перед собравшимися гостями (Воспо-минания. С. 624).

2 Имеется в виду временная либерализация весны 1954 г., когда были опубликованы в «Знамени» (№ 4) стихи из романа «Доктор Живаго».

3 Синей тетрадкой Пастернак называет цикл «Колымских стихов», привезенный Шаламовым из Якутии и подаренный ему в ноябре 1953 г. во время их первой встречи (см. письмо № 1280 и коммент. 1 к нему).

1298. А. И. ЦВЕТАЕВОЙ

30 октября 1954, Переделкино

30 окт. 1954 г. Дорогая Ася!

Я, слава Богу, здоров, и все у меня благополучно, а у Зины часто, чуть ли не каждый день болит голова. Ей доктора велют бросить курить, а она курит, не может бросить (я эту глупую при-вычку оставил 20 лет тому назад).

У Вас превратное представление о моем взаимоотношении с Литфондом, Союзом Писателей и т. д.¹ Я числюсь в этих органи-зациях и из них еще не исключен, но уже около 10-ти лет не пока-зывался на глаза им, ни на каких правлениях не бываю, и если бы явился, мой приход, по непривычности, показался бы демонст-рацией и был бы ложно истолкован. По нравственной несостоя-тельности и внутреннему безличию, проявленному этими полчи-щами пишущих за истекшие

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori десятилетия, и с которыми они и сей-час не могут расстаться, потому что кроме этих застарелых поро-ков у них за душой ничего не имеется, я эту публику (не исключая и двух имен, Вами названных) людьми не считаю, и с ними не имею ничего общего. Другое дело, например, Вы и я и нам подобные. Это совсем другая порода. Мне хорошо, Ася. Не знаю, за что небо меня так балует. О, если бы Вы знали, о, если бы Вы знали! Но нельзя и не надо знать².

Крепко Вас целую. Ваш Б.

Живаго зовут Юра, а Вы как-то описались. Мне до сих пор не могут разобрать под лупой и переписать Ваши микрограмм. А я хотел бы почитать продолжение Морица³. Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 1190, орф. 2, ед. хр. 397).

¹ Эта тема возникла, видимо, в связи с собиравшимся в декабре 1954 г. 2-м съездом писателей, делегатом которого был выбран Пастернак. См. письмо Пастернака А. А. Суркову с отказом присутствовать на нем (№ 1304).

² Эти намеки относятся к дошедшим до Пастернака слухам об обсуж-дении его кандидатуры на Нобелевскую премию.

³ Продолжение романа «Атог», который А. Цветаева пересылала Па-стернаку по частям. См. об этом письмо № 1292 и коммент. 3 к нему.

1299. л. к. ЧУКОВСКОЙ

5 ноября 1954, Переделкино

Дорогая Лидия Корнеевна,

Вы не можете себе представить, как мне нравятся Ваши сти-хи, Болшевское, «Сердце сахаром кормить» и «Встреча»¹. Как я Вам благодарен за последнее! Оно – как талантливый, полный схождения рисунок с дорогой модели, который так ценно держать в руках и так легко с первого чтения запоминать наизусть. Глубо-кое, глубоко-личное Вам спасибо. Я не мог удержаться, чтобы не сказать Вам этого. В нем Вы выразили больше, чем я мог сказать в «Свидании»².

Ваш Б. И

5 окт. 1954 г/

Впервые: Лидия Чуковская. Сочинения в 2 томах. Т. 2. М, «Гудьял-Пресс», 2000. – Автограф (собр. Е. Ц. Чуковской).

⁸ дневнике Л. К. Чуковской сохранилась запись о разговоре с Пас-тернаком по поводу ее стихов 15 апр. 1947 г. На ее просьбу, «чтоб он не был снисходительным», Пастернак отозвался: «Стихи ведь непонятно чем измеряются. Ахматова, как и Мандельштам, и Гумилев, думает, что есть "ремесло", "уменье". А я думаю, что... – и он заговорил о глубине и б раскрытии человека, о личности. Я читала, он помечал что-то на лист-ках. <...> Вот и неправы мы оказались в начале разговора. Те ваши стихи хороши, где не только глубина, а есть и форма, и довоплощенность, и красота. <...> Обо всем он говорил доброжелательно и, вероятно, искрен-не, но во мне совсем не было радости, и я все время думала: "надо, надо бросить стихи". (Как он сам у Скрябина о музыке.)» (там же. С. 217-218). В надписи на переводе «Фауста» Пастернак отмечал и предска-зы-вал развившийся в дальнейшем гражданский характер творчества и жиз-ненной позиции Л. Чуковской: «Дорогая Лидия Корнеевна! Любовь, ува-жение и благодарность моя Вам, как писательнице, представительнице декабристов и Герцена в нашем веке и дочери Корнея Ивановича – не-измеримы. Желаю Вам здоровья и счастья. Б. Пастернак 3 янв. 1954 г. (собр. Е. Ц. Чуковской).

¹ Какое стих. Пастернак называет «Болшевским» установить не уда-лось; «Сердце сахаром кормить...» входит в цикл «Попытка любви» (1955-1962); «Встреча» («И что-то страстное, родное...») сохранилось в бумагах Пастернака (см: там же. С. 336, 452).

² Имеется в виду стих. «Свидание» («Засыплет снег дороги...»), 1949, из «доктора Живаго».

1300. А. К. КОТОВУ

9 ноября 1954, Переделкино

9 ноября 1954

Дорогой Анатолий Константинович!

У меня к Вам большая просьба: дайте ход переизданию фаус-та, –я боюсь, что подготовленная к печати, просмотренная и исправ-ленная рукопись опять залежится без движения, как прошлый раз¹.

* Авторская ошибка датировки. Пометка адресата: «По-лучено 7 ноября л. ч.».

Обо мне, как о множестве людей ходят ни на чем не основанные слухи, представляющие меня крупнее, богаче и интереснее, чем я на самом деле есть. Только в одном отношении нельзя преувеличить дей-ствительного положения дел: я гораздо счастливее любой выдумки обо мне или догадки. В остальном под всеми этими сплетнями нет никакой почвы, и я боюсь, что они вредят мне, заводя мне врагов и создавая впечатление, будто мне ничего не нужно, будто я не нужда-юсь в выпуске своих трудов и в Вашей в этом отношении поддержке.

С целью рассеяния этой иллюзии я и пишу Вам, твердо уве-ренный в Вашем

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
дружелюбии и вероятности Вашей помощи.

Искренне преданный и уважающий Вас

Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 1460, оп. 1, ед. хр. 160).

1 Осенью 1954 г. Пастернак вновь прошел текст своего перевода «Фауста», о чем писал Н. Табидзе 15 окт. 1954: «Сейчас пришлось перебить мне работу над прозой пересмотром Фауста, для переиздания» («Литературная Грузия», 1980, № 2. С. 31). Говоря о «прошлом разе», Пастернак имеет в виду задержку с первым изданием «Фауста», перевод которого он кончил в августе 1951 г., а книга вышла в декабре 1953-го.

1301. Т. М. НЕКРАСОВОЙ

9 ноября 1954, Переделкино

9 ноября 1954

Дорогая Татьяна Михайловна!

Как же я, оказывается, заморочил Вам голову и сколько отнял у Вас времени последствиями телефонного разговора! Ничего не надо Вам писать и прилагать в виде предисловия к рукописи¹, сохрани Вас Боже! Я имел в виду только попросить Вас, чтобы Вы предупредили интересующихся, и то только в тех случаях, когда это будет необходимо, что у меня не было притязаний художественно-технических в этой вещи, что это не по правилам возникшая вещь, слагавшаяся в не совсем нормальное время. Вы это повторили в Вашем живом и полном такой души письме с точностью и добросовестностью, какой не заслуживают ни я, ни случай. Но речь шла о попутном предупреждении на словах, а не письменном, и предупреждении вольном, необязательном. Видимо, я неявно выразил свою просьбу и слишком настоятельно, и выражение, что я «обяжу» Вас при передаче рукописи сообщить то-то и то-то, ввело Вас в заблуждение.

Ваша собственная часть письма страшно ценна и интересна. В ней так много пронизательного². Сердечно благодарю Вас. От души Вам всего лучшего.

Теперь мне первая книга кажется вступлением ко второй, менее обыкновенной.

Большая необыкновенность ее, как мне представляется, заключается в том, что я действительность, то есть совокупность совершающегося, помещаю еще дальше от общепринятого плана, чем в первой, почти на границе сказки.

Это вышло само собою, естественно, и оказалось, что в этом и заключается основное отличие и существо книги, ее часто и для автора скрытая философия: в том, что именно, среди более широкой действительности повседневной, общественной, признанной, привычной, он считает более узкой действительностью жизни, таинственной и малоизвестной.

Еще раз большое спасибо. Вы до глубины души растрогали меня.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Борис Пастернак. Доктор Живаго. Избранные письма. – Автограф (собр. адресата).

Татьяна Михайловна Некрасова – историк литературы, многолетняя сотрудница Государственного музея имени Л. Н. Толстого, писала работу об иллюстрациях Л. О. Пастернака к Толстому. Б. Пастернак был близок коллективу музея, делал доклад о Толстом.

¹ Имеется в виду машин, первой книги романа «Доктор Живаго», предназначавшаяся для чтения в кругу друзей Т. М. Некрасовой и сотрудников Толстовского музея. Речь идет о письме Некрасовой 3 нояб. 1954 Пастернаку (ГМГЛ, № 9901).

² Т. М. Некрасова отмечала, что «существо и своеобразие» романа заключается в том, что автор, задаваясь, целью обрисовать исторические события, передает в своих образах «дыхание эпохи, атмосферу ее». «Ровный поток жизни... заменился отдельными пятнами событий и происшествий <...> Также не столь существенно, что характеры героев не углублены, не дорассказаны подробно, так как не в них дело, а суть в той атмосфере, которую они создают» (Материалы ГМГЛ. С. 70).

1302. О. М. ФРЕЙДЕНБЕРГ

12 ноября 1954, Переделкино

12 ноября 1954 дорогая моя Олюшка!

Как я рад бываю каждой твоей строчке, виду твоего почерка!

Такие же слухи ходят и здесь. Я – последний, кого они достигают, я узнаю о них после всех, из третьих рук¹. «Бедный Боря, – подумаешь ты, – какое нереальное, жалкое существование, если ему некуда обратиться по этому поводу и негде выяснить истину!»

Но ты не представляешь себе, как натянуты у меня отношения с официальной действительностью и как страшно мне о себе напоминать. При первом движении мне вправе задать вопросы о самых основных моих взглядах, и на свете нет силы, которая заставила бы меня на эти вопросы ответить, как отвечают поголовно все. И это все обостряется и становится страшнее, чем сильнее, счастливее, счастливее, плодотворнее и здоровее делается в последнее время моя жизнь. И мне

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
надо жить глухо и таинственно.

Я скорее опасался, как бы эта сплетня не стала правдой, чем этого желал, хотя ведь это присуждение влечет за собой обязательную поездку за получением награды, вылет в широкий мир, обмен мыслями, – но ведь опять-таки не в силах был бы я совершить это путешествие обычной заводной куклой, как это водит-ся, а у меня жизнь своих, недописанный роман, и как бы все это обострилось! Вот ведь вавилонское пленение! По-видимому, Бог миловал, эта опасность миновала. Видимо, предложена была кандидатура, определенно и широко поддерживаемая. Об этом писали в бельгийских, французских и западногерманских газетах. Это видели, читали. Так рассказы-вают.

Потом люди слышали по BBC будто (за что купил, продаю) выдвинули меня, но зная нравы, запросили согласия представительства, ходатайствовавшего, чтобы меня заменили кандидатурой Шолохова, по отклонении которого комиссия выдвинула Хемингуэя, которому, вероятно, премию и присудят. Хотя некоторые говорят, будто спор еще не кончен. Но ведь все это болтовня, хотя и получившая большое распространение.

Но мне радостно было и в предположении попасть в разряд, в котором побывали Гамсун и Бунин и, хотя бы по недоразумению, оказаться рядом с Хемингуэем. Я горжусь одним: ни на минуту не изменило это течения часов моей простой, безымянной, никому не ведомой трудовой жизни.

Есть Ангел-хранитель у меня в жизни. Вот что главное. Слава ему.

Крепко целую тебя, золото мое. Твой Боря Р. С. Прости меня за явную для тебя торопливость тона. Чувство чего-то нависающего, какой-то предопределенной неожиданности не покидает меня, без вреда для меня, т. е. не волнуя и не производя во мне опустошающего смятения, но все время потопрапливая меня и держа все время начеку.

Я хорошо работаю. Да, и вот что интересно. Зина отделала дачу на зимний лад, по-царски, и я зиму в Переделкине.

Впервые: Переписка с О. Фрейденберг. – Автограф. 1 Речь идет о выдвижении кандидатуры Пастернака на Нобелевскую премию; в 1954 г. премию получил Хемингуэй.

1303. С. А. ОБОЛЕНСКОМУ

25 ноября 1954, Переделкино

25 ноября 1954

Милый Сергей Алексеевич!

Посылаю Вам мою фотографическую карточку истекшего лета, как Вы того желали. Она любительская, но краше я никогда не выхожу, как ни стараюсь.

Ваша чернильная война с Литературной газетой совсем меня не радует¹. Скажите правду, – действительно существует такая газета? В молодости, в начале революции, помнится, я заглядывал в листок под таким заглавием. Значит его все еще, все еще выпускают?

Как Вы можете любить меня и в то же время давать власть над собою таким пустякам и химерам? Я и мир этих споров и интересов диаметрально противоположны. Симонов и Ермилов знают меня гораздо лучше, чем Вы. Я уже раз писал Вам, что, щадя меня, они не договаривают истины обо мне до конца и отзываются обо мне очень смягченно. Зачем хотите Вы приобщить меня благодати социалистического реализма?² Мои труды и стремления проистекли между восторгами жизни и смерти, а не между проблемами социалистического реализма и вопросами второго съезда писателей. В страшном привидевшемся сне, который я разделил с большинством России, всё – трагично, и только союз писателей единственная комическая, почти увеселительная нота. Наши воспоминания отягощены таким морем лжи и крови! Зачем в этом утверждаться, зачем этого хотеть еще и еще?

Рискуя потерять Вашу дружбу, хочу открыть Вам глаза на себя. Я совсем не то, что вы думаете. Я с Блоком, я с Гумилевым, я с будущим, я со всем миром. Я предпочитаю реализм настоящий реализму особенному, сердечность прирожденную риторической проповеди человеколюбия, и так далее и так далее. Я не верю в хорошест декларированную, оглашенную в печати, обнародованную с трибуны. Знаете ли Вы мои стихи «Август», «Рождественскую звезду» и другие Живаговские? Но я заговорился. Благодарю вас за добрые чувства, которых я не заслуживаю, потому что Вы представляете себе мою деятельность совсем превратно.

Ваш Б. Пастернак

Не возражайте мне, т. е. не заводите со мной переписки на эти темы.

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, без шифра). Письмо не было отослано и осталось в бумагах О. В. Ивинской.

С. А. Оболенский – главный инженер засекреченного конструкторского бюро в Ленинграде. Сохранилось около десятка его писем Пастернаку с сообщениями о его защите Пастернака против нападок С. Вургуна, В. Ермилова, В. Назаренко и др. и

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
настоячивыми рекомендациями, что-бы Пастернак широко публиковал свои стихи,
роман и пр.

1 К письму Оболенского Пастернаку были приложены обращения к К. Симонову и в
«Литературную газету». «Простите мне эту непрошенную "защиту" Вас, по существу,
конечно, ни в какой защите современников и не нуждающегося, ибо у Вас есть
другой защитник – всемогущее время! Но – хоть убейте, – "не могу молчать!" Ибо
слишком люблю Вас как по-эта» (Материалы ГМГЛ. С. 77). В «Литературной газете» 5
сент. 1954 г. Симонов, отмечая большую формальную простоту последних стихов
Пастернака, писал, что раньше, однако, он «проявлял себя человеком бо-лее
широких взглядов, чем в стихах, напечатанных в 1954 г.».

2 Имеется в виду статья В. Ермилова «За социалистический реализм» («Правда», 3
июня 1954). Оболенский писал в «Правду» по поводу выс-тупления Ермилова: «Я –
старый производственник, я не критик, но я – большой любитель стихов, ценитель
поэзии. И вот, прочитав статью В. Ермилова "За социалистический реализм",
опубликованную в № 154 газеты "Правда", – я подумал: "Если бы мы,
производственники, так же критиковали друг друга, – если бы каждый из нас
радовался промахам другого и старался бы их раздуть – не далеко ушли бы мы в
своем про-изводстве"» (Ивинская. В плену времени. С. 294).

1304. А. А. СУРКОВУ

13 декабря 1954, Переделкино

13 декабря 1954

Дорогой Алексей Александрович!

Прошу передать товарищам, избравшим меня в делегаты Съезда, мою сердечную
благодарность за честь избрания¹.

Пусть они простят мне, а также извините и Вы, мое отсут-ствие на заседаниях
Съезда по нездоровью. Желая товарищам ус-пеха в их работах.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 1899, оп. 1, ед. хр. 475).

А. А. Сурков был первым секретарем Союза писателей СССР. Его многолетнее
недоброжелательство по отношению к Пастернаку и обви-нения его в отсталой
идеологии никогда не вызывали у Пастернака обиды или раздражения, он был убежден
в его искренности и считал, что, по-своему, он прав, – действительно, с точки
зрения Суркова, взгляды Пас-тернака на мир и задачи искусства составляли полную
противоположность тому, в чем Сурков был искренне убежден.

1 Бывший делегатом и активным участником Первого съезда писателей в 1934 г.,
Пастернак попал в число делегатов Второго, созванного через 20 лет. Свое
отношение к съезду и писательским организациям вообще Пастернак высказал в
письме № 1298. К. И. Чуковский записал в дневнике о своем «ужас-ном впечатлении»
от съезда: «Это не литературный съезд, но антилитератур-ный съезд <...> Заехал
было за Пастернаком – он не едет: "Кланяйтесь Анне Андреевне", – вот и все его
отношение к съезду». (Воспоминания. С. 270). Ахматова была делегатом съезда от
ленинградской писательской организации.

1305. А. И. КЛИБАНОВУ

27 декабря 1954, Переделкино

27 дек. 1954

Уважаемый Александр Ильич!

Я обману Ваши ожидания. Данная Вам рекомендация связа-ла меня. Я напрасно
вызвался посмотреть, что Вы пишете¹.

У меня очень узкое, спорное отношение к искусству, я неспра-ведлив и
непоследователен и не гожусь в судьи в нем.

Вероятно я сам не удовлетворяю требованиям, которые предьяв-ляю к нему (вот
лучший пример моей непоследовательности и неспра-ведливости), но мне кажется,
что для того чтобы быть художником, надо быть очень большим художником, надо с
предельной силой и определенностью выразить свое особое предназначение, свою
осо-бенность, надо сделать какой-то свой, отчетливый и отличный шаг вперед в
истории человеческой духовности, надо быть почти богом. Как хорошо сказано о
Христе в службе на Вознесение: «Родился еси, яко сам восхотел еси, явился еси,
яко сам изволил еси...» и т. д. и т. д.

Мне чужда мнимая вдохновенность и ложная глубина не-самостоятельного,
производного рода, зиждущаяся на прибли-зительности и неточности выражения и
произвольном сочетании понятий, особенно у людей начитанных, образованных с
хорошо натренированной мыслью и хорошим словарем. И так же далека мне кажущаяся
музыкальность, возводящая в добродетель пере-певы классической ритмики, точно
повторяя ритмический ход Блока или Пушкина, открываешь его в первый раз, как
они. Всем этим, для меня, т. е. на мой взгляд грешат Ваши стихи,
малоосвяза-тельные, лишенные характера, неопределенные.

Мне понравились два стихотворения: «Новогоднее» и «Ми-нувшее невозвратимо». В
них меньше этих недостатков. По той же причине, как более удачные, я выделил 3

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
строк в середине сти-хотворения «Зеркало» (Я зеркало другое Вам открою) и конец
сти-хотворения «Художнице» (Так мукой неземной напоена).

Так же не близка мне Ваша манера мышления, Ваше отношение к вещам и людям. Вы говорите в письме: «Я хочу, чтобы Вы высказались о мире этих стихов». Как поспешно и сложно! Мы еще не выяснили, стихи ли это, а они уже и мир. И то же самое в Ваших словах обо мне. Мятащийся дух, поиски, почва, косноязычие. О какое страшное старье! Когда мы начинали, Маяковский, Есенин, я, другие, революция была молода, значение душевного дара, личных за-датков было необычайно велико и все перевешивало. Мы стали именами, еще не научившись писать и говорить. И с тех пор, больше тридцати лет, все косноязычие? И кинетическая речь? Дело не во мне. Вот Вам совет. В любом случае, а не только в моем, – чем признавать так осложнение и несостоятельно, лучше сильно и просто отрицать.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, без шифра). Письмо не было отослано адресату и осталось в бумагах О. В. Ивинской.

А. И. Клибанов – историк общественной мысли, автор работ по истории русского сектантства.

1 Клибанов прислал Пастернаку свои стихи, объясняя, что пишет «только для себя», читает их в узком кругу друзей и решился показать их по рекомендации общих близких знакомых.

1306. В. В. РИХТЕР

1954, Переделкино

У меня очень мало времени, и я отступаю от правила, отвечая Вам <...>

В отличие от музыки и живописи литература и в особенности поэзия – явление с очень неопределенными границами. Музыка требует врожденного предрасположения, которое можно разгадать в зачатке, ей надо учиться, она искусство, потому что в ее состав входит труд и ремесло. То же самое относится к рисованию. Но может ли поэзия быть призванием, которое твердо, избирают по зрелом размышлении и в котором затем <тренируются>. Что могут значить слова «способность к литературе»? Ее основание доступно каждому. Всякий, исключая больших, владеет речью и начатками воображения. Поэзия служит выражением самых общих качеств человека, а не каких-либо особенных. Большие поэты были большими людьми, а не большими специалистами. В отличие от Маяковского, Асеева и других я никогда не считал рифмовки, музыкальности и пр. большой хитростью. Брюсова и Горького, освятивших своим авторитетом учреждение литературных техникумов и институтов, наподобие консерваторий и художественных школ, я никогда не понимал. Другое дело филологический факультет, изучение языков, истории, общее гуманитарное образование. Это самостоятельные ценности и они с неба не валятся. Этому надо учиться. Вопрос Ваш, стоит ли Вам писать и не махнуть ли на это дело рукой, вообще мне чужд и оставляет меня безучастным. Нет человека, который мог бы Вам на это ответить. Вещи, подобные «Весне», сти-хотворению «Тушите свет», «Дома» и «В синем вечере», обнаруживают вкус и чувство природы, которое является драгоценностью в человеке независимо от того, какое он им избрет приложение. Это залог высоты и тонкости на любом поприще, а также и будущего счастья, как бы ни обманывала противоречивая видимость на пути к нему. Придерживайтесь в будущих своих опытах правильных рифм и избегайте ассонансов. Это укрепит Ваш слог и усилит общую содержательность. Хорошо, что от скованной и принужденной образности 39-го года Вы перешли к большей естественности и свободе. Однако заботьтесь о яркости и острейтесь пустой болтливости, которую часто приносит с собой еще не вполне усвоенная и еще наполовину разыгранная непринужденность. Желаю Вам счастья.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по машин, копии с купюрами переписчика.

Вера Владимировна Рихтер – школьная учительница. Родилась в Гатчине в 1922 г., жила в Одессе, затем снова в Гатчине. В 1930-е – в Подмосковье; работала учителем с 1949 г. Послала Пастернаку свои стихи.

1307. М. В. ЮДИНОЙ

22–27 января 1955, Переделкино

22 янв. 1955

Дорогая Мария Вениаминовна!

От души благодарю Вас за письмо! Ваши обращения, то, как Вы титузуете и величаете Вашего покорного слугу, не испортят меня: я люблю Вашу доброту и восторженность, светящиеся в них.

Я зимую на даче. Мне хорошо. Особенно большое спасибо Вам за широту, с какой Вы сформулировали Ваши новогодние пожелания мне. Вы мне пожелали: «исполнения моих любых желаний, Вам неведомых»². Мне хочется, чтобы все было хорошо. В такой полноте это желание наверное недостижимо, но оно достигается в таком большом

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
приближении, что уже и это сверхсчас-тье, так что просто не верится.

Я очень много работаю. Внешне и по имени эта работа не представляет ничего нового. Это вторая книга «Живаго» во вто-рой ее редакции, перед перепиской окончательно начисто, к ко-торой я надеюсь приступить через месяц и предполагаю довести до конца через два-три, к весне³. Но внутренне, в действительности это труд такой же новый, как если бы я начинал что-нибудь новое и по названию, так много я изменяю при отделке, и столько нового вставляю.

Эта книга будет очень большая по объему, страниц (рукопис-ных) до пятисот, тяжелая, сумбурная и вряд ли кому-нибудь по-нравится.

У нас на даче два или три раза собирались. Ловлю Вас на вы-раженной вами готовности повидаться, так сходящейся с моим желанием, и как только что-нибудь наметится, Вас извещу и по-забочусь о технике доставления Вас к нам.

Вы сами знаете, как тронули меня своей доброй памятью, как я предан Вам и как Вас чту.

Ваш Б. Пастернак

27/1-55. Дата письма не вымышленная. Оно действительно без смысла и надобности пролежало у меня неделю.

Впервые: «Новый мир», 1990, № 2. – Автограф (РГБ, ф. 527).

1 Имеется в виду обращение, которым М. В. Юдина начала свое пись-мо 9 янв. 1955: «Дорогой и глубокоуважаемый и любимый Борис Леони-дович!!» (там же. С. 184).

2 В письме Юдиной: «Шлю Вам запоздалые пожелания в Новом Году здоровья и исполнения – неведомых мне – Ваших любых желаний...» (там же).

3 Переписывание растянулось до августа 1955 г., когда Пастернак от-дал в перепечатку вторую книгу.

1308. М. В. АЛПАТОВУ

27 января 1955, Переделкино

27 янв. 1955

Дорогой Михаил Владимирович!

Извините, не могу сейчас написать Вам по-настоящему, и это не письмо, а только восклицание радости и благодарности, выр-вавшееся в ответ на Ваш подарок¹.

Проглотил биографическое сопровождение к так чудесно по-добранному Венецианову, повторяющее постоянные достоинства Ваших статей и работ: столько мыслей на таком небольшом про-тяжении, и тот же дар повествования, возвращающий историю-графию то, чем она должна быть, прелесть художественного увле-кательного чтения.

Павловск еще впереди.

Сердечный привет Вам и Софии Тимофеевне.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (ГМИИ, ф. 61, № 650).

1 Речь идет о художественном альбоме из серии «Русские мастера живописи»: «Алексей Гаврилович Венецианов. 1780-1847». М., 1954. Со-ставитель и автор биографического очерка М. В. Алпатов.

1309. М. Н. ВИТАШЕВСКОЙ

29 января 1955, Переделкино

29 янв. 1955

Дорогая Мария Николаевна!

Когда при встречах в коридорах Гослитиздата Вы заговарива-ли со мною о китайцах¹, упущением с моей стороны было, что я ни разу не назвал Вам Спасского, Сергея Дмитриевича, велико-лепного, первосортного поэта и переводчика.

Он много переводил, между прочим очень замечательных, в художественном отношении, грузин, как например Важа Пшаве-лу. Его хорошо знает Александра Петровна Рябинина и наверное поддержит мою рекомендацию.

Искреннейшим образом называю его в интересах дела.

Адрес его: Ленинград 11, Невский 66, кв. 5, Сергею Дмитрие-вичу Спасскому.

Поручите ему каких угодно корейцев, классиков-китайцев, кого хотите.

Сердечный привет.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2871, оп. 1, ед. хр. 68).

М. Н. Виташевская – журналистка, с 1950 г. – сотрудница восточ-ной редакции Гослитиздата.

1 Виташевская редактировала сб. «Китайская классическая поэзия. (Эпоха Тан)» (М., 1956), для которого А. Ахматова сделала 6 переводов Ли-Бо и 3 – Ли-Шаниня.

Пастернак отказался в нем участвовать. Пере-водов С. Д. Спасского там нет.

1310. Е. Б. и Я. З. ЧЕРНЯКАМ

5 февраля 1955, Переделкино

5 февр. 1955

Дорогие Елизавета Борисовна и Яша! Что это Вы вздумали обо мне беспокоиться?

Если бы Вы отдаленно догадывались, что я за пропащая скотина, ото всего отвернувшаяся, всему враждеб-ная и живущая только собственным помешательством,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Вы бы бро-сили это неблагоприятное занятие.

Я здоров. Мне хорошо. Мучительно и мудреною ценой я – счастлив, иногда на удивление себе. Но как труден план жизни, который я себе избрал и придумал! Я зиму в Переделкине и так много работаю, что никого не вижу. Может быть сегодня, 5-го, в субботу я позвоню Вам по теле-фону между часом и двумя. Меня очень огорчает нездоровие Якова Захаровича¹. Не до-пускаю мысли, чтобы Вы были материально стеснены, но посы-лаю немного денег, – в моменты житейских осложнений они не лишни и, может быть, Вам пригодятся². Поскорее выздоравливай-те, Яша! Сердечный привет Вам обоим и детям.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Воспоминания. С. 711. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2208, но-вое поступление).

Об историке литературы Я. З. Черняке см. письмо № 216 и коммент. к нему.

1 Е. Б. Черняк, по просьбе мужа, написала письмо Пастернаку о се-рьезном характере заболевания Якова Захаровича. «Мне это было очень трудно, – вспоминала Е. Б. Черняк. – Не могла ведь я написать Б. Л., что Яша не может умереть без слова привета от него, я еще сама не теряла на-дежды. Не помню, что я написала, кажется, что Яша давно о нем ничего не знает, а теперь вот заболел» (Воспоминания. С. 140).

2 «Однажды утром, – вспоминала Е. Черняк, – появился шофер Б. Л. и передал мне письмо и довольно значительную сумму денег. Меня от де-нег покорило, захотелось тут же их вернуть. <...> А днем Б. Л. позвонил. Расспрашивал о Яше <...> После смерти Яши я получила от Б. Л. теле-грамму: "Глубоко сокрушен вестью о смерти дорогого незабвенного Яко-ва Захаровича, честного, мужественного, талантливого. Переносюсь мыс-лью в далекое и вижу его молодым в лучших рядах тогдaшней молодой литературы. Болею душой и всем сердцем разделяю горе семьи и друзей. Пастернак". На похороны ему не позволили пойти» (там же. С. 140, 141).

1311. Н. И. ГАГЕН-ТОРН

8 февраля 1955, Переделкино

8 февр. 1955

Милая Нина Ивановна!

Я прочел Вашу рукопись до 40-й страницы, до посещения Ломоносовым Шувалова на фонтанке¹.

Все это родилось у Вас очень живо, но неровности отделки ставят Ваш труд в невыгодное и ложное положение. Места, где вдохновенная небрежность слога и свободное течение рассказа сочетаются с хорошими и оправдывающими их образами, череду-ются с местами совсем иного значения, лишенными этого оправ-дания, производящими впечатление неряшливости и бесформен-ности, и, однако, изложенными в том же тоне. Это чередование удач с неудачами, внешне неотличимое, на невнимательный слух, может обесценить всю поэму в целом.

Вам надо позаботиться о большем единстве стиля и выраже-ния не в этой вещи, а на будущее время в виде постоянной основы для Ваших дальнейших начинаний.

Мне приятно было познакомиться с поэмой. Все о севере, море, поморах, рыбном обозе², Законоспасском училище и Мос-кве очень хорошо.

Так вольно и образно писали вслед за символистами в начале революции. За истекшие десятилетия всех научили писать серее, однообразнее, логичнее и более связно.

Я не знаю, что Вам посоветовать в смысле устройства руко-писи. В этих делах я не влиятелен и не сведущ.

От души Вам всего лучшего.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Ново-Басманная, 19. М, 1990. – Автограф (собр. Г. Ю. Га-ген-Торн).

Н. И. Гаген-Торн – этнограф и писательница, была членом Вольной философской ассоциации (Вольфила), в 1920-х гг. формировавшейся вок-руг А. Белого; в те же годы познакомилась с Пастернаком, вспоминала, как он приходил к К. Н. Бугаевой утешать ее после смерти Белого и про-сидел с ней всю ночь.

1 Речь идет о поэме Н. И. Ыген-Торн «Михайло Ломоносов», напи-санной в тюрьме и лагере.

2 Эти главы отразили живые впечатления этнографических экспеди-ций на Северную Двину, в которых принимала участие Н. И. Гаген-Торн.

1312. М. Ф. РЫЛЬСКОМУ

6 марта 1955, Переделкино

6 марта 1955

Дорогой Максим Фаддеевич!

Устроители Вашего чествования¹ просят прислать для юби-лейной выставки автографированную пробу какого-нибудь пере-вода из Вас. Мне настолько неловко переписывать по счастью со-хранившийся текст старого ерундового и единственного моего перевода², что я отказал бы клубу в исполнении этой просьбы, если бы, как во всяком коллекционировании, количество накап-ливаемых материалов и тут не

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori имело бы такого значения и не зас-тавляло радоваться каждому лишнему экземпляру, каково бы ни было его собственное значение.

Пользуюсь случаем поздравить Вас и пожелать Вам долголе-тия и доброго здравия. Отчасти по невежеству, отчасти по другим, более веским при-чинам, Вы один из тех двух примеров Украинской поэзии, при имени которых сочувственно и горячо загорается мое воображе-ние и на которые естественно и живо отзывается мое сердце. Дру-гой случай, рядом с Вами, это тот самый Тарас Шевченко, кото-рого Вы так часто редактируете³.

Другие Ваши нынешние корифеи, как и большинство наших прочих современников, остались мне неведомыми, так как не су-мели покорить меня при первом ознакомлении. Они далеки и чуж-ды мне. Одни – лощеной поверхностью, неспособной заме-нить отсутствие настоящего, по-новому изведенного и действи-тельно выстраданного содержания. Другие – холодом и сухостью, производящими впечатление нездоровья.

Только у Вас, даже в условиях болезненно-вынужденного су-жения Ваших возможностей, находил я всегда свидетельства вов-леченности в тот круг широких и редких запросов, которыми из века в век живет большое творчество. Желаю дальнейшего счас-тья Вам, Вашему вкусу, Вашим силам, Вашему кругозору.

Ваш Б. Пастернак⁴

Впервые: Литература плюс (Киев). 2002, Березень, ч. 3. – Автограф (Отдел рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т. Шев-ченко, ф. 137, ед. хр. 6190).

Максим Рыльский – украинский поэт и общественный деятель, пе-реводчик «Божественной комедии» Данте, исследователь творчества Шев-ченко, Пушкина, Мицкевича, Словацкого.

¹ Имеется в виду широко отмечавшееся 60-летие М. Рыльского.

² Пастернак в 1943 г. перевел стих. Максима Рыльского «Полдень» для его сб. «Лирика» (М., 1944).

³ В 1944 г. Рыльский составлял сб. Шевченко «Кобзарь», к участию в котором, как он писал, «привлечен был широкий круг поэтов, среди них и такие, как Борис Пастернак, который поначалу даже удивился, когда ему была предложена эта работа; Пастернаку казалось, что шевченковская поэтика слишком далека от его собственной, а в конце концов он дал чу-деснейший перевод поэмы "Мария", показывающий не только мастер-ство переводчика, а и подлинную любовь его к переводимому произведе-нию –любовь, которая является одним из необходимейших условий твор-ческой удачи» (цит. по кн.: Борис Пастернак. Не я пишу стихи: переводы из поэзии народов СССР. М., 1991. С. 340).

⁴ В ответ на поздравление Рыльский прислал Пастернаку свою последнюю книгу стихов, Пастернак благодарил его 7 мая 1955: «Дорогой Максим фаддеевич! Сердечное спасибо за прекрасную книжку и весен-ний привет. Пишу в момент получения бандероли и в разгаре затяжной неотложной работы, так как боюсь, что выражение моей благодарности надолго задержится. Ваш Б. Пастернак» (Отдел рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т. Шевченко, ф. 137, ед. хр. 6189).

1313. А. П. РЯБИНОЙ

21 марта 1955, Переделкино

Дорогая, дорогая Александра Петровна!

(Не повторяю трижды, потому что пишу второпях). Подстроч-ники Абашели взял, отберу 3–4, потому что страшно занят¹. Ос-тальные позволю себе передать моей доброй знакомой, Ольге Все-володовне Ивинской, которая прекрасно с этим справится². Сер-дечный привет Элизбару Ананишвили⁴. Убедительная просьба к нему: не сноситься со мною и домашними по этому поводу непос-редственно, во избежание неприятных и роковых для меня послед-ствий. Пусть ограничится переговорами о переводах Абашели с Оль-гой Всеволодовной. Так надо. Пусть он поверит мне и простит меня.

Вы знаете, как я поклоняюсь Вам и люблю Вас. Пребываю неизменно в этой слабости. Ваш ij Пастернак

21 марта 1955 г. Впервые. – Автограф.

¹ Вместо 3–4 Пастернак перевел 7 стих. А. Абашели (опубликованы: Александр Абашели. «Избранное». М., 1957).

² Сохранились два автографа Пастернака с переводом стих. «Ласточ-ка» и «День и ночь» Абашели, записанные прямо поверх подстрочника. Беловой автограф Пастернака носит его указание: «Перевод О. В. Ивинс-кой». С тем же авторством эти стихи вошли в сб. Абашели 1957 г., кроме них, там опубликованы еще 31 стих, в переводе О. Ивинской.

³ Элизбар Ананишвили – переводчик с грузинского, составитель и редактор сб. А. Абашели 1957 г.

1314. Н. ТАБИДЗЕ

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

24 марта 1955, Переделкино

24 марта 1955 дорогая Нина!

Спасибо Вам большое за письмо. Я не писал Вам, да и теперь напишу очень мало, потому что очень занят. Вторая книга Живаго и конец очень разрослись, переписка этой части набело отнимает много времени, потому что я переписываю не механически, а попутно все переделываю, порчу, восстанавливаю, мучусь. С нетерпением жду Вас.

У меня к Вам одна просьба. Если Вы в городе увидите Зину до встречи со мною, постарайтесь уклониться, насколько это будет в Ваших силах, от разговоров с ней на тему об О<льге> В<се-володове>, которые она, вероятно, с Вами заведет. Держитесь прежней Вашей позиции полного неведения и незнания, не выражайте никакого мнения на этот счет, не становитесь ни на чью сторону, пока меня не увидите и я не расскажу Вам кое-чего¹.

Я не могу этого сделать в письме, потому что это растянуло бы его до бесконечности, но чтобы не оставлять Вас в неизвестности и тревоге, успокою Вас. Дело только в том, чтобы Зинино одностороннее освещение и Ваше вынужденное согласие с ней не связали Вашей свободы суждения даже в Ваших отношениях с ней самой. Если бы по прибытии в Москву, Вы не очень откладывая, зашли бы к О. В., это заменило бы Вам такой предваряющий разговор со мной и приблизило бы Вас к объективности.

Крепко целую Вас. Как всегда, Ваше пребывание у нас будет праздником и сплошной радостью.

Ваш Б.

Впервые: «Дружба народов», 1996, № 7. – Автограф (ГМГЛ, № 021914, 9).

¹ Известие о том, что О. Ивинская сняла на лето комнату в деревне Измалково по соседству с Переделкиным и восстановились их отношения с Пастернаком, прерванные в 1949 г.

1315. Н. П. СМРНОВУ

2 апреля 1955, Переделкино

2 апр. 1955

Дорогой Николай Павлович!

(Я не забыл Вашего отчества, не путаю его? Если перевираю, то простите.) Мне страшно дорога была Ваша записка, благодарю Вас за память и сердечное тепло¹.

Я очень хочу, чтобы Вы прочли роман и стихи, и, что касается последних, – перепишите их или дайте переписать, если у Вас явится потребность.

Три тетради прозы, имеющиеся у милой Валерии Дмитриевны, составляют первую книгу романа. У меня в работе вторая, законченная и содержащая окончание романа. Я ее переписываю набело от руки с почти сплошными изменениями, которые всегда претерпевают рукописи в авторской переписке. Эта вторая книга наверное в отношении слога бледна и менее отделана (и такую и останется), но полнее в сюжетном смысле, мрачнее, трагичнее.

Вот я зачем так подробно говорю Вам об этом. Вам эта проза не сможет понравиться. Я начал ее писать в те послевоенные годы, когда, задолго до осложнений с Зощенкой и Ахматовой², по собственному какому-то отчуждению, я оказался не у дел и меня стало отмыкать куда-то в сторону все больше и больше. Я лишился художественной собранности, внутренне опустился, как ослабнувшая тетива или струна, – я писал эту прозу непрофессионально, без сознательно выдерживаемого творческого прицела, в плохом смысле по-домашнему, с какой-то серостью и наивностью, которую разрешал себе и прощал. Она очень неровная, расползшаяся, она мало кому нравится, в ней чудовищное множество лишних без надобности введенных лиц (часть их, правда, во второй книге возвращается), потом в ходе изложения исчезающих. Но я по-другому не мог. Еще хуже было бы, если бы в условиях естественно сложившейся отрешенности от литературы, без каких-либо видов на то, чтобы когда-нибудь вернуться в нее, и занимаясь одними переводами, я продолжал по-прежнему, с верностью приему, со страстью мастерства «служить музам», писать как для печати и прочая. Это было бы какою-то позой, притворством перед собой, чем-то нереальным и фальшивым. Я не люблю (или я их превратно понимаю) двух слов и двух, соответствующих им, понятий, – «мудрости» и «романтики». Мне кажется, это то, без чего можно обойтись, то, чего нет или не бывает в жизни, две формы совсем не требующейся вольности или неоправдываемого попустительства*. Так вот одинаково писать, что для печати, что не для печати было бы мне не-свойственной романтикой.

Дорогой Николай Павлович, скажите мне что-нибудь по этому поводу по прочтении тетрадей!³ Вы такой тонкий, такой близкий по всему Вашему миру человек и такой знаток всей этой музыки, такой судья в ней!

* А «мудрость» это вид ложной глубины, а часто даже и тупоумия, которому не успели подыскать разгадки. (Прим. Б. Пастернака.)

Но я не только по отношению к этой прозе чувствую себя так неудобно и неловко.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Гослитиздат предлагает мне собрать 15 листов избранных стихотворений, и им
утвердили это предпо-ложение. Хотя я не отказался, но всеми правдами и
неправдами стараюсь оттянуть насколько возможно переиздание, до такой степени
весь я не в тоне современности, до того сам я сознаю и чувствую себя среди
остальных белою вороной. И я совсем не говорю, что они плохи, что советская
нынешняя литература блед-на, напротив. Наверное она очень хороша – говорю это
совер-шенно искренне, наверное так именно и надо, таков дух време-ни. Но я не
могу последовать за нею при всей моей прирожден-ной и бывлой демократичности и
революционности в жизни, нор-мах поведения и поступках, совсем другие силы
управляют мною, когда я прихожу к искусству. В плане общественном это
одино-чество факт роковой и неотменимый, это предосудительно и при-скорбно.
Но внутренне, для самого себя мне не на что жаловаться. По наполнению, по
ясности, по поглощенности любимой работой жизнь последних лет почти сплошной
праздник души для меня. Я более чем доволен ею, я ею счастлив, и роман есть
выход и вы-ражение этого счастья.

Наверное все это – самооправдания, которые не спасут его в Ваших глазах.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Русская речь», 1990, № 2. – Автограф (собр. В. Лаврова).

Пастернак познакомился с писателем и литературным критиком Н. П. Смирновым,
секретарем «Нового мира», когда он работал в со-ставе редакции В. П. Полонского,
и подарил ему рукопись «Лейтенанта Шмидта». Н. Смирнов был арестован в 1934 г.,
Пастернак прислал ему в лагерь сб. грузинских переводов. Был освобожден в 1939
г., участник войны.

1 Имеется в виду письмо Н. П. Смирнова Пастернаку 1 апр. 1955 с просьбой взять у
В. Д. Пришвиной машин, романа.

2 Имеется в виду постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» 14 авг. 1946 г.

3 Посылая Н. П. Смирнову машин. «Доктора Живаго», Пастернак уточнял свою
просьбу: «Я в письме прошу вас написать мне после чтения прозы: но только
несколько слов, самое главное, что вырвется безотчетно само собой, хорошее ли
или плохое. Не тратьте времени, не создавайте себе из этого муки, сохрани Боже,
– я знаю проклятие длинных писем и "подробных" разборов!», (собр. адресата).

1316. Е. В. и Е. Б. ПАСТЕРНАКАМ

7 апреля 1955, Переделкино

7 апр. 1955 дорогие жени!

С новосельем вас, в добрый час¹. Я хочу дать вам денег, не-много больше, чем
обыкновенно. Пусть кто-нибудь из вас зайдет ко мне в Лаврушинский в субботу
9-го, около 2-х часов дня.

Если полный Андерсен², которого я однажды у вас видел, был вашей собственностью,
а не из библиотеки, дайте его, пожалуй-ста, 3<инаиде> Н<иколаевне> на прочтение.
А мне, Женя, принеси для временного пользования мой од-нотомник 33 года, с
портретом Яр-Кравченки. Мне он нужен для составления нового собрания, после чего
я его с благодарностью верну³.

При разворашивании вещей во время переезда не попался ли вам на глаза альманах
«Стык» 20-х годов? Там был более полный Спекторский, который потом
воспроизводился в сокращениях⁴. Если чудом такая вещь подвернулась вам,
принесите. До скорого.

Б.

Впервые: «Существованья ткань сквозная». – Автограф.

1 При расширении Литературного института Е. В. и Е. Б. Пастернаки переехали из
флигеля дома Герцена на Тверском бульваре в квартиру на Бол. Дорогомиловской
улице.

2 Имеется в виду «Собрание сочинений Андерсена в 4-х томах» (СПб., 1894) в
переводе А. П. Ганзен.

3 У Пастернака не было собственных книг, для переизданий он брал их у знакомых и
иногда не возвращал. Здесь речь идет о «Стихо-творениях в одном томе» («Изд-во
писателей в Ленинграде», 1933). Составление предложенного Гослитиздатом сборника
стихов Пас-тернака было поручено редактору Н. В. Банникову, которому помогала О.
В. Ивинская.

4 В сб. «Стык», издания Московского цеха поэтов, 1925, был опуб-ликован «Отрывок
из гл. 1 романа "Спекторский"» о встрече Нового года. Исключенный из
очнчательного текста отрывок со слов: «Когда рубашка врезалась подпругой...»
(см. т. II наст. изд. С. 371) был перепе-чатан на машинке для составлявшегося Н.
Банниковым сборника с при-меч. Пастернака: «Этот кусок... появился, кажется,
только один раз в первоначальной редакции поэмы... Выпущено, как слишком
натурали-стическое» (каталог Кристи. С. 42).

1317. Н. А. ГОЛУБЕНЦЕВУ

8 апреля 1955, Переделкино

8 апр. 1955

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Дорогой Николай Александрович!

Очень жалко, что Вы не собралась к нам сегодня вечером, как обещали. Вероятно, Вам помешала дурная погода¹.

Если письмо быстро дойдет до Вас, было бы все же хорошо, если бы Вы могли приехать к нам послезавтра в воскресенье днем, часу во втором – к двум. Вы спросили жену, неужели к нам можно только по воскресениям. У нее не хватило духу подтвердить это, она боялась, что это покажется негостеприимным. Но я со всем бесстрашием скажу это Вам. Мне очень хочется видеть Вас и я буду очень рад Вам в удобное для меня время, экспромты же совершенно уже невозможны для меня. Мне не так уж много осталось жить, а вторая книга Живаго вчерне разрослась до 600 страниц, у меня нет второго параллельного существования в запасе для переписки ее. Если Вы явитесь не в воскресенье и в неурочное время неожиданно для меня, земля, конечно, под нами не разверзнется, но много сил и времени уйдет у меня на притворство, чтобы скрыть сожаление о нарушенном порядке и прерванной работе, между тем, как я могу искренне радоваться Вам в свободные часы отдыха.

Итак, будьте душенькой и подчинитесь. Привезите, пожалуйста, Вашу жену Наталию Николаевну. Если ближайшее (10/IV) воскресенье Вам неудобно, договоримся о следующем в субботу по телефону. Позвоните мне тогда, пожалуйста, по городскому телефону в субботу 16-го в 1 час дня. Дело в том, что это будет Пасха и я еще не знаю, как у нас соберутся, в субботу ли вечером или в воскресенье днем². Сердечное спасибо Вам за письмо.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по ксерокопии (РГАЛИ, ф. 2984, оп. 1, ед. хр. 63).

Знакомство Пастернака с лектором и декламатором Н. А. Голубенцевым завязалось в 1944 г., через Д. М. Лузанова (см. письмо № 939). Н. А. Голубенцев вместе с А. Н. Глумовым читали перевод Пастернака «Гамлета» 7 февр. 1946 г. Об этом вечере см. письмо № 900.

¹ Сохранилась записка 10 марта 1955 г. с более ранним приглашением Голубенцева: «Дорогой Николай Александрович! О Вас доходят самые радостные и лестные слухи, я часто думаю о Вас. Я редко бываю в городе, все время занят. Я не видел Ваших афиш, но если поездка днем в воскресенье 13-го в Переделкино не может повредить Вам и у Вас нет выступления вечером, не соберетесь ли к нам на дачу часам к двум в воскресенье 13-го, это отнюдь никакая не дата, а просто я свободен и рад буду Вас видеть. Если в это воскресенье Вы заняты, надо будет списаться особо о каком-нибудь другом воскресении (я тогда напишу Вам). В будни я занят работой. Самый сердечный привет Вам. Ваш Б. Пастернак» (по ксерокопии, там же). Встреча не состоялась.

² Голубенцев находился в это время в командировке в Казахстане, где «прочел 25 лекций о Съезде писателей и задачах советской литературы», – как писал он 29 марта 1954, благодаря за приглашение. По-видимому, он задержался, и назначенный в записке его приезд 4 апр. тоже был перенесен: «Дорогой Николай Александрович! У нас будут гости в воскресенье 17-го днем. Милости просим к нам к часу – к двум. Не могу ничего обещать Вам в смысле транспорта ни сюда ни обратно, так как это день праздничный, Пасха, и все тонкости насчет машины в ведении З. Н., а не моем. Если Вы нездоровы и не в настроении, возможности предвидятся еще в будущем, а если приедете, буду рад. Ваш Б. П.» (ГЛМ, ф. 143, оп. 1, д. 21). 1318. К. А. ФЕДИНУ

16 апреля 1955, Переделкино

16 апр. 1955 Дорогой Костя!

С наступающим светлым праздником тебя!¹ Завтра днем в час – во втором у нас будут гости, – главным – ты, если ты в Переделкине и сможешь, и захочешь, и придешь. Осчастливь нас своим присутствием².

Твой Б.

Впервые. – Автограф (собр. Н. К. Фединой).

¹ В тот же день Пастернак получил ответную записку: «Спасибо. Наверно приду. Федин». Это было празднование Пасхи (см. коммент. 2 к письму № 1317). Среди приглашенных был также И. Л. Андроников, который, оглядев всех хитрым взглядом, провозгласил тост за «новое начальство». Федин, недавно выбранный первым секретарем Московского отделения Союза писателей и задетый насмешкой, сказал о разнице между писателями, которые жертвуют своим талантом на благо других, и теми, кто эгоистически культивируют его, перекладывая трудности на чужие плечи и отрешаясь от общественных нужд.

² Последние годы Федин много времени проводил в заграничных командировках, что отразилось в другой записке Пастернака к нему близкого времени: «Дорогой Костя! Как хорошо, что ты иногда бываешь в СССР и Переделкине. Надо бы повидаться. Доставь нам большую радость, и приходи к обеду в 2 часа дня 8-го, в понедельник.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Крепко целую тебя. Твой Б.» (там же).

1319. В. Д. ПРИШВИНОЙ

21 апреля 1955, Переделкино

21 апр. 1955, четверг

Дорогая моя, драгоценная Валерия Дмитриевна!

Какую Вы мне радость доставили, какую честь оказали своей выпиской! Как всегда у Пришвина, все видимо и многозначительно, все полно света и смысла, в таком повороте, при котором свет и смысл как бы одно и то же, а их тожество есть явление силы.

Сколько воздуха в этой картине! Не правда ли эти строки дневника напоминают слова: ныне вся исполнишася света, небо же и земля и преисподняя...² и т. д. Сердце мое отозвалось на Вашу память мгновенно, и запоздалость отклика не должна удивлять Вас. Почту из города привозят за целую неделю. Я только час тому назад, к концу дня получил Ваш конверт, а мое спасибо достигнет Вас только послезавтра, в субботу.

А я изнываю, изнемогаю от скучной, приводящей в отчаяние и наверное ненужной работы и чувствую себя заезженной ломовой лошадью. Все легкое, мгновенное из того, что каждому положено в жизни, проделано давно, и осталось одно трудное, чему не видно конца, многословное и бездарное³.

Будьте здоровы, от души желаю всего лучшего Вам.

Ваш Б. И

Впервые: Борис Пастернак. Доктор Живаго. Избранные письма. – Автограф (Музей М. М. Пришвина в Дунине).

В. Д. Пришвина – жена писателя М. М. Пришвина, соседка Пастернака по дому в Лаврушинском пер. Близкий друг Пришвиных, художник В. М. Никольский, вспоминал о приходах Пастернака и о том, как он, по просьбе М. М., «своеобразно и неповторимо ровным, на одной ноте, почти без интонаций, низким рокочущим голосом» читал свои стихи. Он приходил на встречу Нового, 1954 года «в какой-то выгоревшей ковбойке и в старом пид-жаке <...> был грустным, смотрел на Пришвина влюбленными глазами, читал "Магдалину"» («Воспоминания о Михаиле Пришвине». М., 1991. С. 332, 336).

1 В. Д. Пришвина разбирала и перепечатывала дневники мужа и обещала Пастернаку выписку из них, когда тот принес ей машин, романа. Пастернак напоминал ей об этом 16 марта 1955, сопровождая посылку стихов к роману: «Дорогая Валерия Дмитриевна! Вот недостававшее стихотворное дополнение к роману. Сказанное о прозе относится и к стихам: не тратьте на них драгоценного своего времени, а поручите прочесть верным Вашим рыцарям Константину Сергеевичу и Никольскому. Они будут так любезны и сделают Вам потом обо всем краткое сообщение. Как только буду в Москве, зайду за обещанным (дневником М<ихаила> М<ихайловича>). От души всего Вам самого наилучшего. Ваш Б. Пастернак» (Валерия Пришвина. Не-видимый град. М., 2003. С. 495). Речь шла о дневниковой выписке в день Радоницы (поминовения усопших): «5 апр. 53. Ездили на кладбище, и трудно сказать, что на свете значительней и прекрасней "неодетой весны" в Москве. Народ шел по чистым улицам не растерянный, не бежал, а собранный, праздничный. А на кладбище каждый покойник подозвал к себе родного человека, и вот собралось великое множество людей, и каждый из них нашел своего человека, лежащего под камнем. Эта великая встреча живых и мертвых была тем особенно замечательна, что люди были все вместе, и каждый глядел на своего, и не со стороны, как на улице, а прямо в душу, и не через образ, как в церкви, а прямо глядя из души своей в душу каждого».

2 Слова из молитвенного песнопения на Пасхальной всенощной службе.

3 Работа над переписыванием последних глав «Доктора Живаго».

1320. Н. А. ГОЛУБЕНЦЕВУ

21 апреля 1955, Переделкино

21 апр. 1955

Дорогой Николай Александрович!

Если Вам действительно хочется прочесть неизвестные Вам тетради из первой книги романа и найдется на это время, позвоните, пожалуйста, Марии Антоновне Чагиной с просьбой передать Вам рукопись (папка содержит 3 тетради, 1-ю, П-ю и Ш-ю)¹. М<ария> А<нтоновна> сказала Зине, что прочла их, и они, на-верное, ей не нужны. Телефон Чагиных Б-8-33-62. Заберите все тетради, не разрознивая, хотя первую Вы знаете и она не нужна Вам. Журавлев хотел освежить в памяти 3-ю тетрадь. По минове-нии надобности перешлите папку ему (Г-1-04-16).

Если у Чагиных роман задержится и у них Вы получите отказ, позвоните, пожалуйста, от моего имени в Толстовский музей (Г-6-93-21) Татьяна Михайловне Некрасовой, с приветом от меня и извинением, что я сам не звоню ей об этом из Переделкинской конторы, откуда это технически затруднительно. Между сотрудниками музея, не доставляя им никакой радости, ходит та-кая же

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
трехтетрадная папка. Выпросите ее у Татьяны Михайлов-ны, Вы меня этим обяжете.
Ваше участие в судьбе рукописи будет услугою Т<атьяне> М<ихайловне> и мне.
Я был очень рад Вам, еще как-нибудь встретимся. Если взду-маете когда-нибудь
черкнуть мне, пользуйтесь городским адресом: Москва, В 17, Лаврушинский пер. д.
17/19 кв. 72.

От души всего Вам лучшего. Привет Вашей супруге.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по ксерокопии
(РГАЛИ, ф. 2984, оп. 1, ед. хр. 63).

1 Голубенцев воспользовался этой возможностью и 28 апр. писал Па-стернаку, что
получил рукопись у М. А. Чагиной и будет читать.

1321. Е. И. ЗИНКОВОЙ

22 апреля 1955, Переделкино

22 апр. 1955 г.

Я отвечу Вам, Елена Иосифовна, когда буду немного свобо-ден. Сейчас я страшно
занят, да и не могу последовать другому своему обыкновению. Через месяц, при
изменившихся обстоя-тельстввах, я может быть переведу Вам немного денег¹. Но даже
и этого не могу в настоящее время обещать определенно.

Ваш Б. Пастернак Впервые. – Автограф (собр. И. Охлопкова).

1 Е. И. Зинкова – жена школьного учителя из пос. Панютино Харь-ковской обл. Б.
К. Губарева, арестованного в 1952 г. по обвинению в со-трудничестве с немцами на
оккупированной территории. См. письмо № 1254. Сохранились три письма Зинковой
Пастернаку с благодарностью за посылку денег (10 сент. 1953, 3 февр. и 16 сент.
1954). Пастернак помо-гал в хлопотах о помиловании Губарева, писал ему в лагерь,
посылал очки. Незадолго до освобождения Губарев просил о присылке ему словаря и
грам-матики английского языка. В ноябре 1955 г. он писал Пастернаку уже из дома,
что его полностью реабилитировали, но в школу не взяли, и он ра-ботал маляром.

1322. Н. П. СМЕРНОВУ

28 апреля 1955, Переделкино

28 апр. 1955

Дорогой Николай Павлович!

Валерия Дмитриевна недели две тому назад сказала мне, что передала Вам рукопись.
Это не напоминание о ее возвращении. Держите ее сколько хотите. Но если у Вас
будет что-нибудь ска-зать мне и Вы пожелаете написать мне несколько строк,
сделайте это обычным способом на городской адрес по почте.

Я боюсь, что если Вы вложите записку в возвращаемую руко-пись или с недостаточно
определенным внушением попросите домашних передать мне что-нибудь, Ваш листок
долго залежится где-нибудь без моего ведома или затеряется. Между тем к виду
писем, доставляемых по почте или в конверте из рук в руки, привыкли.

Получили ли Вы мое письмо? Какого бы низкого мнения я ни был о второй книге
Живаго, я ее дописываю, и довести ее до конца мой долг перед собою.

Но все более преследующее меня стремление писать скром-но, без эффектов и
стилистического кокетства завело меня навер-ное слишком далеко, в область
добродетелей, противоположных искусству, и оставив нервное, отмеченное энергией
письмо, обя-зательное для художника, я усвоил рыхлую, водянистую
обстоя-тельность, которая губит мои лучшие намерения.

И отовсюду слышишь: зачем вы пишете прозу? Ваше ли это дело?

Сердечный привет. Ваш Б. Пастернак

Москва В-17, Лаврушинский пер., д. 17/19, кв. 72.

Впервые: Пастернак. Об искусстве. – Автограф (собр. В. Лаврова).

1323. В. Д. ПРИШВИНОЙ

8 мая 1955, Переделкино

8 мая 1955

Дорогая Валерия Дмитриевна!

Это не выражение светскости – я искренне против того, чтобы Вы утруждали себя
чтением этой третьей, отыскавшейся, тетради. Но Николаю Павловичу передайте ее,
пожалуйста, обязательно¹.

Она не утомит его. В ней только 65 страниц. По тематичес-кой последовательности
она падает как раз на те бытовые сторо-ны пережитого, которые сосредоточились в
том периоде, укоре-нились впоследствии и без конца повторялись, почему и могут
казаться, во внешнем отношении, основными в нашем воспоминании. Эта тетрадь у
каждого читающего вызовет больше знако-мого, чем остальные, и по этой побочной
причине может пока-заться более удачной. Я напишу Николаю Павловичу, что прошу
его прочесть тетрадь².

Я должен сдерживаться, чтобы не повторять Вам до смешно-го, до чрезмерности, как
я удивляюсь Вам, Вашему уму и меткос-ти и мягкости Ваших замечаний.

От всего сердца желаю Вам душевной ясности и счастья.

Ваш Б. Пастернак

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Впервые: Валерия Пришвина. Невидимый град. М., 2003. – Автограф (Музей М. М. Пришвина в Дунине).

1 В. Д. Пришвина не успела передать Смирнову недочитанную третью тетрадь, он писал Пастернаку 10 мая, что В. Д. уехала в Дунино, чтение было отложено до ее возвращения.

2 Имеются в виду главы 8-я и 9-я: «В дороге» и «Приезд».

1324. Н. П. СМИРНОВУ

8 мая 1955, Переделкино

8 мая 1955

Дорогой Николай Павлович!

Сердечно благодарю Вас за щедрое, отзывчивое, содержательное письмо. Множество Ваших замечаний очень дороги мне¹. Но такова человеческая неблагодарность.

Вместо того, чтобы в награду за потраченные труд, время и внимание освободить Вас от своей особы и дать надолго отдых, я запискою прошу Валерию Дмитриевну передать Вам нашедшуюся третью тетрадь с просьбой непременно прочесть ее, пока Вы не забыли содержание предшествующих. И ненасытимость эта будет возрастать: через месяца два-три, если Бог даст буду жив, навяжу Вам окончание.

Не шутя, от всего сердца горячо благодарю Вас. Всего Вам лучшего.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Русские новости», Париж, 28 мая 1965. – Автограф (собр. В. Лаврова).

1 Возвращая рукопись «Доктора Живаго» 1 мая 1955, Н. П. Смирнов писал

Пастернаку: «Роман волнует оттого, что он по-настоящему современен (если брать, конечно, это определение не с поверхности, а из глубины), оттого, что он с большой изобразительной силой показывает судьбу поколений "страшных лет России", – в том числе и моего поколения, – оттого, наконец, что он вплотную касается не "текущих", а непреходяще-вечных вопросов, в частности – религии и творчества».

1325. К. А. ФЕДИНУ

20-е числа мая 1955, Переделкино

Дорогой Костя!

Прости, что направляю это через твои руки, что затрудняю тебя. Если товарищам из Цека хоть на минуту покажется, что написанное недостаточно разборчиво и его могут перевернуть, вызовите меня, и пусть они махом свозят меня в город и обратно, где мне это перепишут с речательством за правильность.

Но это только в наихудшем случае, я занят и не хотел бы этого.

Целую и благодарю тебя и им привет.

Твой Б.

Впервые. – Автограф (собр. Н. К. Феединой).

В конверт с грифом «Комитет по международным Сталинским премиям "За укрепление мира между народами"» и надписью: «тов. Федину К. А.» вместе с письмом

Пастернака вложены 4 машин, страницы с немецким текстом приветствия Бертольда Брехта; примеч. Феидина: «Берт. Брехт (Речь при вручении Международной премии мира в Кремле). Брехт – через ЦК – выразил просьбу к Пастернаку, чтобы он перевел речь на русский и П. исполнил это пожелание».

Сохранилось письмо Б. Полевого 22 мая 1955 Пастернаку с просьбой, чтобы он прочел свой перевод речи Брехта в Кремле. Посылая более четкий экз. текста Брехта, Феидин 23 мая писал: «Разумеется не надо бояться переделок, ведь это перевод Брехта». На другой день Феидин в записке 24 мая тоже просил прочесть перевод в Кремле, с той же просьбой сохранилось письмо Брехта 25 мая, но Пастернак решительно отказался ехать в Кремль.

1326. М. А. МАРКОВОЙ

26 июня 1955, Переделкино

26 июня 1955 Дорогая моя Машура!

Спасибо тебе, что ты догадалась написать мне¹. Письмо привезли мне только что из города на дачу. Ни о чем из того, что ты сообщаешь в открытке, я понятия не имел, никакого молодого человека в Ленинград мы не направляли, в первый раз об этом слышу и не знаю, о чем речь. Может быть, это кто-нибудь от Шуры и Ирины, но я тоже не имею об этом сведений². Ниже я вернусь еще к этой теме о моей отрешенности или отъединенности от всего, чтобы она не представлялась тебе в ложном свете.

Меня всегда беспокоили Олины желудочные неурядицы, я давно ими напуган. Я не знаю, жива ли еще ее приятельница, жилица того же дома, потерявшая дочь, о которой кто-то из Шуриной семьи, ездивший к вам, рассказывал. По этим рассказам, близость Оли с этой женщиной служила ей поддержкой и смягчала ее одиночество.

Я на Олины письма отвечал всегда мгновенно. Если бы даже она не была так умна и талантлива, и я ее и тебя не любил, все равно, вы – голоси прожитой мною жизни, которой я благодарен целиком, сверху донизу, во всех подробностях. Так что я

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
твое за-мечание, что ты – Машура, если это имя мне что-нибудь гово-рит³, принял
с улыбкой, как милую шутку. Именно Оля, переда-вавшая тебе мои расспросы и
поклоны, подтверждала тебе, как много оно мне говорит.

Я в последнее время ни с кем не переписываюсь и уклоняюсь от встреч даже с
близкими, даже со старшим сыном и Шурой (от-чего и не стали мне известны
обстоятельства с бывшим в Ленин-граде молодым человеком и обострившейся Олиной
болезнью) не потому, что я настолько поглупел, что разважничался и что-то
во-образил о себе, не вследствие мнимой и в природе совершенно не существующей
какой-то именитости, а потому что с особенной торопливостью в этом, 55 году, и в
особенности сейчас летом, хочу довести до конца один объемистый труд, который не
хотел бы ос-тавлять без окончания. Это – вторая книга того самого романа,
какие-то доли первой книги которого ты читала⁴. Вот второе до-казательство того,
что некоторое знакомство со значением слова «Машура» я имею. Я очень хорошо
помню твои замечания. Ты в своем недовольстве вещь была не одинока. Большинству
роман не нравится и вызывает возражения. Довольных им можно по паль-цам
пересчитать.

Если к этому прибавить, что это труд только для души, кото-рый никогда или
только в далеком будущем увидит свет, то есть что он не размеряется реальной
надобностью и издательскими сроками, не служит источником заработка, но
наоборот, пишется с большими перерывами, урывками, в ущерб выгоде заказной
ра-боты и в убыток, ты поймешь, что привести такую мечту в испол-нение можно
только насильственными мерами временного разоб-щения со всем окружающим, которые
не имеют ничего общего с самомнением.

Но довольно об этом. Я понимаю, какую угрозу может зак-лючать род Олиной
болезни. Но я столько раз и на собственном опыте убеждался, что скопившаяся и
неотвратимая, казалось бы, гроза, проходит, не разразившись, и опасность минует,
что и тут не расстанусь с надеждой на хороший исход. Напиши мне адрес Олиной
больницы и сообщи, можно ли ей написать туда. Изве-щай меня, пожалуйста, такими
же открытками по тому же город-скому нашему адресу о состоянии ее здоровья.
Поцелуй ее и расскажи ей обо мне, если посетишь ее. Пого-вори с врачами и сообщи
их мнение. Спасибо тебе за сообщен-ный номер телефона, но перезваниваться с
тобой отсюда я не могу, а в городе почти не бываю.

Обнимаю тебя. Я здоров, очень много работаю, в ужасе от бездарной серости и
растянутости своей рукописи (в ней больше шестисот страниц), но это не трагедия,
то есть этой печали не до-статочно, чтобы омрачить мое самочувствие. Я здоров,
полон внут-ренней силы и просто боюсь сказать, как счастлив.

Твой Боря

Впервые: Переписка с О. Фрейденберг. – Автограф (собр. А. В. Кур-сина).

1 В письме 23 июня 1955 М. А. Маркова писала: «Борюшка! Считаю своим долгом тебе
сообщить, что двадцать четвертого Олю отправляют в больницу» (там же. С. 329).

2 Это был Вяч. Вс. Иванов, который хотел познакомиться с О. Фрей-денберг, и Е.
Б. Пастернак дал ему ее телефон. Но увидеться с ней не уда-лось, О. М. была уже
тяжело больна и не могла его принять.

3 М. Маркова дала Пастернаку свой номер телефона и приписыва-ла: «моя фамилия
Маркова Мария Александровна и вообще – я Машура, если это имя тебе что-нибудь
скажет. Звони мне часов в двенадцать ночи, всего лучше» (там же).

4 Пастернак посылал первую книгу романа О. Фрейденберг и Лап-шовым в середине
окт. 1948 (письмо № 1071).

1327. М. А. МАРКОВОЙ

6 июля 1955, Переделкино

6 июля 1955

Дорогая Машура! Как это все прискорбно и, судя по твоим словам, неотвратимо!¹ Но
только в этом и горе, в угрозе нависше-го конца и утраты, а ни в чем другом. Не
создавай себе добавоч-ных забот, ломая голову над неразрешимым.

Оля – профессор университета, даже при самом крайнем от-щепенчестве ее
принадлежность к этой корпорации будет судь-бой и ее трудов и ее памяти. Я не
хочу сказать, что верю в ангель-скую отзывчивость этого круга, но если бы даже
тут что-то хотела сделать ты или я, наша готовность все равно приведет нас к
гра-ницам и рамкам, поставленным организацией. Организации в любом случае, при
твоем участии или без него, принадлежит ини-циатива и последнее слово. У Оли
есть и были признательные уче-ники и ученицы, не может быть, чтобы у нее не было
товарищей. То, что ты пишешь о ее ученых работах – дело их ведения, а не
твоего².

Тебя может удивить, что я пишу обо всем этом так спокойно и обнаруживаю главное
стремление устранить от этих забот и ничего не делать. Это не совсем так. Мне
очень легко было бы спрятаться за перенесенный инфаркт, опираясь на практику, по
которой от меня скрывают огорчения или неприятности, чтобы меня не волновать,
или просят не ходить на погребения и отпева-ния. Но все это было бы враньем.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Уклончивость моя (я ведь вот не ринулся в Ленинград по первой твоей открытке) жидетса на том, что между первым моим письмом к тебе и этим вторым к прежним моим делам прибавилась куча новых и все они – неотложны, т. к. связаны с репертуаром двух театров Малого и Художественного³ – текущего года и тут, пока инфаркт дает мне отсрочку, это сильнее меня, и я не могу отказываться от жизни и участия в ней.

Я вскользь скажу тебе другое. Не для Оли или вызванных ее болезнью надобностей, но лично для тебя, чтобы развязать тебе руки на те часы, которые ты отдаешь этому печальному обстоя-тельству и, значит, теряешь, я при первой возможности прошу позволения перевести тебе немножко денег⁴. Вчера или позавчера у меня был такой случай, но до твоей открытки, и деньги истраче-ны, я его упустил. Но я думаю, не за горами новая возможность.

Тебя должны изумлять мои письма, должно казаться, что я отношусь без всякого чувства к Оле и ее судьбе, и так спокойно хороню ее заживо, – о как ты ошибаешься! Но я так много думал о собственном конце и конце всего любимого, и так давно готов ко всему, – чтб мы тут можем сделать?

Единственно, что во всей совокупности по отношению ко всем дорогим случаям и ко всей этой драгоценной, обреченной утрате жизни мы можем сделать, это перелить всю нашу любовь в создание и выработку живого, в полезный труд, в творческую ра-боту.

Целую тебя. Твой Боря

А может быть мы напрасно оплакиваем с тобой эту чудную, благородную, близкую, так богато одаренную, при жизни. Бог милостив, может быть, все обернется по-хорошему и нас ждет не-жданная радость?⁵

Впервые: Переписка с О. Фрейденберг. – Автограф (собр. А. В. Кур-сина).

1 Ответ на письмо М. Марковой 2 июля 1955: «Борюшка! Я только что от Оли, после консилиума. Она в больнице. Профессора не предсказывают нам хорошего исхода. Состояние ее тяжелое, находится в прострации. Ни-чего не ест и не пьет и не всегда хочет разговаривать» (там же. С. 331-332).

2 Маркова писала: «Беспокоит, помимо всего прочего, участь ее тру-дов – рукописей. Ее желание было, чтоб спустя определенный промежуток времени они могли выйти в свет под ее именем» (там же. С. 332). Бумаги О. М. Фрейденберг были, по завещанию, переданы Р. Р. Орбели. Некото-рые из ее работ теперь изданы Н. В. Брагинской.

3 Имеются в виду предложения Малого театра поставить «Генриха IV» в одном спектакле, для чего Пастернак должен был свести две трагедии в одну, и для МХАТа – перевести «Марию Стюарт» Шиллера.

4 «Я не совсем поняла, – отвечала М. Маркова 10 июля, – что ты хо-тел сказать в своем письме относительно "развязывания мне рук на те часы", которые я отдавала Оле. <...> я все делала по чувству к Оле. Если ты предлагаешь мне помочь как брат, я это приму спокойно и с благодар-ностью, но если ты хочешь мне уплатить за труды, то очень больно и не-заслуженно меня обидишь» (там же. С. 335).

5 О. М. Фрейденберг скончалась в тот же день, когда Пастернак пи-сал свое письмо. «Этот печальный удар постиг нас раньше, чем я думал, – телеграфировал он Марковой в ответ на известие о смерти. – Бедная Оля. К тебе ушло письмо со слабыми надеждами. Ответ напиши, когда будет время. Благодарю тебя за все. Целую = Боря» (там же. С. 333).

1328. А. В. и В. Б. СОСИНСКИМ

14 июля 1955, Переелкино

14 июля 1955.

Благодарю Вас, милые Ариадна Викторовна и Бронислав Бро-ниславович, за Ваши добрые чувства и пожелания, но сейчас от мысли о встрече придется отказаться и отложить ее исполнение на большой срок, до будущего Вашего наезда, – я очень занят.

Это не слова, я действительно долгое время был отвлечен ра-ботой, печатного осуществления которой я наверное не увижу, писанием романа в прозе «Доктор Живаго», вещи неактуальной и едва ли кому нужной, которую я подвожу к концу и должен за-кончить, потому что она задерживает другие мои занятия, более насущные и неотложные, вызванные несколькими недавними и срочными театральными предложениями¹.

Что я не преувеличиваю степень своего недосуга, заключите вот из чего. В планы Гослитиздата включен выпуск избранного собрания моих стихотворений, я не заключаю на них договора и всячески оттягиваю реализацию этого предположения за недостат-ком времени (и слабостью желания)².

Наверное мне не только приятно было бы познакомиться с Вами, но может быть Вы даже могли бы сообщить мне что-нибудь интересное, имеющее ко мне отношение³, из того, чего я, правду говоря, о себе совершенно не знаю, и вот я временно и от такого соблазна вынужден отказаться. Так не сердитесь же и не обижай-тесь. До

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori следующего, более счастливого обмена вестями. Всего лучшего Вам обоим.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Борис Пастернак. Доктор Живаго. Избранные письма. – Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по фотокопии.

Владимир (Бронислав) Брониславович Сосинский – писатель, ли-тературный критик, знакомый М. Цветаевой в 1920-1930 гг. в Париже; приезжал в Москву как сотрудник ООН. Ариадна Викторовна Сосинская (Чернова) – его жена.

1 Сведение двухчастной трагедии Шекспира «Генрих IV» в одну пьесу по договору с Малым театром и перевод «Марии Стюарт» Шиллера для МХАТа.

2 В ответ на письмо Пастернака В. Сосинский писал 29 июля 1955: «...Надеюсь, что Вы сделаете все нужное для скорейшего выхода Вашей книги стихов. Такая книга – даже только "избранная" – очень нужна, так как она приблизит немного то время, когда не только для поэтов или окс-фордских студентов... но и для всех русских Ваше имя будет так же близ-ко, как имена Пушкина и Некрасова» (Материалы ГМГЛ. С. 75).

3 По поводу интересующего Пастернака отношения к нему за границей Сосинский писал: «...Месяца два тому назад в Лондоне... – мне, напри-мер, выпало на долю мирить группу студентов – правда, из кембриджа, – дравшихся за право, кому писать диссертацию о Вашем творчестве» (там же).

1329. Вяч. Вс. ИВАНОВУ

15 июля 1955, Переделкино

15 июля 1955 дорогой комочка!

Благодарю Вас за «P&реге»¹, за то, что Вы сами пришли и при-несли их. Я гулял. Жаль, что Вы не застали меня. Самым интерес-ным в тетрадях были для меня сведения о первой лексикографи-ческой описи русских речевых богатств в конце XVI века. Эта по-пытка Джемса составить русско-английский словарь, равно как и обстоятельства его записи песен и разговорной речи на пороге Смутного времени поразительны!² Сверхъестественной кажется эта возможность проникнуть в отдаленную тремя с лишним сто-летиями жизнь, как бы еще текущую, на всем ее ходу и во всем разгаре, ошеломляющая, как нескромное подглядывание! И как мало изменился язык за столько времени! Видимо, только ссоря-щиеся бояре каждое десятилетие изобретают новые формы сакра-ментальной витиеватости, а ими управляемые веками выражают-ся приблизительно одинаково.

Из трех статей о нас троих мне больше всего понравилась ста-тья Паскаля о Есенине³. Оттого ли, что начало прошлого века так сблизило оба языка, русский и французский, или вследствие дей-ствительной особенности звуковой романской стихии, но даже самый язык статьи в отношении Есенина показался мне соответ-ствующим и неслучайным. Музыка и гармоничность французского языка как бы пришлись тут к месту. В них, как в благозвучной бес-предельности растворился образ Есенина и представление о его судьбе и поэзии.

Именно противоположные качества, по-моему, составляют недостаток статей обо мне и Маяковском⁴. Их общая черта, что утверждения насильственные и крайние делаются в них на очень ограниченном (устаревшем) и неубедительном материале. Как раз эта противоположность безмерных выводов и скудных оснований особенно неприятна. По-моему о чем угодно, даже в плане осуж-дения, а не признания, можно писать богаче и содержательнее.

Я был бы очень рад, если бы Вам удалось достать «Диогена»⁵, о котором Вы говорили. Главное мое любопытство возбуждает об-щий обзор, по Вашим словам, содержащийся в статье и, навер-ное, больше займет меня, чем то небольшое, что там относится к моей собственной колокольне.

Глупо, что я пишу Вам с одной стороны садового забора на другую, но степень моей поглощенности работой еще увеличилась. На меня навалилось несколько театральных предположений, час-тично требующих много новой работы. И я не могу зайти к Вам. Власть Вашей мамы и Вашего папы надо мной велика, я люблю их и боюсь, как пения сирен, а в настоящее время мне нельзя от-лучаться со своего острова на соседние. Недалеко время, когда я навяжу Вам своего доктора полностью.

Крепко целую Вас. Ваш Б. П.

Впервые. – Автограф (собр. Вяч. Вс. Иванова).

1 Имеются в виду «Oxford Slavonic Paperz», Vol. II, 1951.

2 Речь идет о статье: J. S. G. Simmons and B. O. Unbegaun «Slavonic Manuscript Vocabularies in the Bodleian Library» («Славянский рукописный словарь в Бодлеанской библиотеке»), в которой рассказывается о словаре Ричарда Джемса и приводятся примеры из его рукописного словарика. Английский священник и ученый Ричард Джемс пробыл в России с 1615 по 1620 г. в составе английского посольства. Для него также были записа-ны несколько исторических и лироэпических песен.

3 В том же номере «Oxford Slavonic Papers» напечатана статья о Есе-нине французского слависта Пьера Паскаля: «Esenin, poete de la campagne russe» («Есенин, поэт русской деревни»).

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

4 Статьи Николая Бахтина о Маяковском и Ч.-Л. Ренна о Пастернаке.

5 В журнале «Diogenes». A Quarterly Publication of the International Council for Philosophy and Humanistic Studies. Vol. 1, N 1, 1953, напечатана статья С.-М. Баура «Poetry in Europe. 1900-1950», в которой Пастернак назван величайшим из живущих сейчас поэтов, «приговоренным к молчанию, так как его стихи не издаются в Советском Союзе».

1330. М. А. МАРКОВОЙ

19 июля 1955, Переделкино

19 июля 1955 Дорогая Машура!

Отвечаю тебе страшно второпях, – я изнемогаю от срочной работы. Это будет еще долго, это всегда будет. Благодарю тебя за письмо. Как все это печально, еще печальнее, чем я думал.

Пусть тебя не ранят никакие непредвиденности. Оля была хранительницей семейных преданий, вещей, писем. Может быть часть их касается нас¹.

Я спешу в двух словах сказать тебе. У меня и в части, касающейся лично меня нет того, что называется обстановкой, библиотечкой, собранием чего бы то ни было, архивом, святыней. Я не храню ни переписки, ни черновиков, не даю ничему накапливаться, мою комнату легче убирать, чем номер в гостинице. Я живу как студент.

Когда мне что-нибудь дорого, оно дорого мне не обязательно в моих руках, а в любых, да и не в руках, а в живой человеческой памяти или в истории, так дороги мне все воспоминания, прошлое каждого, так дорого мне место, занимаемое в творческой истории века моим отцом, замечательным художником. Ничему этому не надо помогать, ни о чем печься и страдать. Либо оно есть само по себе, либо его не сделаешь никакими заботами.

Я рад, что ты проговорила о деньгах². Я писал тебе, что последнюю свою возможность я упустил и воспользуюсь ближайшей. Хотя это неопределенно, но обязательно будет в течение месяца.

Как тебе не стыдно писать такие глупости, как то, что ты для нас (кто это такие мы? я и жена? я и Шура? я и еще кто-нибудь?) parvenue*, что нас осталось трое³. Ах, если бы ты знала, насколько дальше, веселее и проще все! Какие трое, какие parvenues, какие Шуры? О совсем не этим я живу, а работой, требующейся жизнью и животворящей меня.

Обрываю это письмо неожиданно. От меня, значит, еще будет весточка. Будь здорова, целую тебя.

Твой Боря

Первые: Переписка с О. Фрейденберг. – Автограф (собр. А. В. Кур-сина).

1 М. Маркова думала, что О. М. Фрейденберг не оставила завещания и что все вещи достанутся не тому, кому она их предназначала.

2 Маркова писала 10 июля 1955, что в ее возрасте на работу не принимают, а ее пенсия в 285 р. – «это не прожиточный минимум» (там же. С. 335).

3 «...Для тебя и Шуры я – parvenue, – писала Маркова, – хотя Оля этого не находила; ведь я даже не знаю и меня не знают ваши семьи <...>, не порывай совсем со мною. Нас ведь осталось только трое!» (там же. С. 334).

1331. М. К. БАРАНОВИЧ

5 августа 1955, Переделкино

5авг.1955

Дорогая Марина Казимировна!

Начинаю прямо с дела, но ведь и это дело есть дело сердца. С рукописью произошла такая история. Пока я переписывал ее начисто, у меня не было времени перечитывать написанное, а едва я в середине июля довел ее до конца, на меня посыпались предложения Малого и Художественного театров, требующих немедленно и срочной работы¹.

Рукопись осталась непросмотренной, неисправленной. Там есть много несглаженных резкостей, не до конца выдержана естественность разговоров, не гладок слог. Это неокончательный ее вид. Как человек пишущий и талантливый, Вы знаете, что это значит. В таком виде я не думал отдавать ее в переписку, ни Вам ни кому бы то ни было. Но и в этом виде книгу давно знает Ольга Волододовна, а затем на днях прочел и Кома Иванов. Когда он вернул мне ее, я набрался храбрости и решил дать ее читать через руки

* выскочка, самозванка (фр.).

О. В. ее приятельнице Л. Чуковской. О. В. нашла более разумным и своевременным отдать ее в переписку Татьяне Ивановне², чему я страшно обрадовался, хотя размазывать исправления по многим перепечатанным экземплярам перспектива глупая, гораздо умнее было бы сделать это в одном чернильном подлиннике. Но у меня нет времени просмотреть его.

Мне страшно хочется, чтобы Вы прочли книгу и если как-то можете привести это в соответствие с ходом работы Т. И., принялись и за переписку ее. Но ведь это

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
страшно длинное сочинение, пять рукописных тетрадей в шестьсот с чем-то страниц. Однако несмотря на шероховатости и невыгодную внешность произведения, это очень важное происшествие и очень важное выражение моей душевной сущности и жизни, гораздо более важное, чем первая книга. Самое главное, думаю, дойдет до Вас. Сговоритесь как-нибудь с Т. И., как Вам делить это детище³. В конце, как и было задумано, наподобие предшествующей прозы, должны идти сти-хи, в той редакции и последовательности, как они были в поза-прошлогодных тетрадках. У меня было время открыть их ряд толь-ко Гамлетом; остальных от руки я не успел вписать в тетрадь.

Для Малого я должен свести в одночастную пьесу двухчаст-ного Генриха IV-го, это нетрудно. Но Мхат хочет в этом сезоне поставить Марию Стюарт. Только что был юбилей Шиллера, де-лались новые переводы, выпускались избранные однотомники, есть старые переводы, по которым трагедию играли более ста лет – Мхату приспичило, чтобы я сделал эту работу, и вот я на всех по-рах перевожу трагедию, это надо сделать в полтора месяца.

О как мне хочется, как мне хочется, чтобы Вы прочли жива-го! Если Вы захотите написать мне что-нибудь о нем, сделайте это по адресу О. В. Москва, Потаповский пер. д. 9/11 кв. 18, ей, мож-но без упоминания передачи.

Детям, Насте, Мише, жене Левитину⁴, Поливановым сердеч-ный привет. Крепко Вас целую. Спасибо за письмо, оно не только радость, но и новый, очень удачный толчок в судьбе живаго, как и самоуправство О. В.

Ваш Б. П.

Рано об этом говорить, но перепечатанный текст надо по-моему разделить где-то на половине третьей тетради, где будет удобно, и сшить двумя томами.

Бумагу дополнительно доставлю в ближайший городской на-езд на городскую Вашу квартиру⁵.

Впервые: Переписка Б. Пастернака с М. Баранович. – Автограф (Hoover Institution Archives, Stanford). Примеч. М. Баранович: «Написано в ответ на мою просьбу дать прочитать последнюю часть романа. К этому времени мое знакомство с О<льгой> В<севолодовой> после ее возвра-щения из лагеря не возобновилось, поэтому она привлекла к перепечатке свою приятельницу и машинистку Татьяну Ивановну. Борис Леонидович оказался в замешательстве – последняя часть была еще зимой обещана мне (что видно из предыдущей записки). "Самоуправство" О. В. лишало меня возможности перепечатать конец живаго. Но когда (как будет вид-но из следующих писем Б. Л.) мне удалось получить рукопись для прочте-ния на время отпуска Т. И., я не могла не перепечатать ее для себя, хотя Б. Л. требовал, чтобы я очень быстро вернула ему ее» (там же. С. 87). «За-пас бумаги для предполагающейся второй книги», которую должна была перепечатывать М. Баранович, Пастернак посылал ей еще 3 янв. 1955 вме-сте с поздравлением с Новым годом. «И странно, – писал он, – на этот, нынешний, редкий раз без веры, что такая книга есть, или будет, или что вообще что бы то ни было будет. Какая-то странная, просто руки от нее опускаются – печаль!» (там же. С. 36). Переписывание набело второй кни-ги растянулось на полгода.

¹ «Чтением и пересмотром рукописи (чернильной) я смогу заняться не раньше чем через 1У2-2 месяца. Я даже толком не знаю этого произве-дения», – писал Пастернак Баранович 10 авг. 1955 (там же. С. 37).

² Т. И. Богданова.

³ В письме 10 авг. Пастернак уточняет последовательность действий: «Сильнейшее мое желание, чтобы Вы прочли вторую книгу в рукописи, в те две недели отпуска, в которые Татьяна Ив. будет в отъезде <...> Сгово-ритесь с ней, как ее получить. Берегите подлинник. Пока нет его перепе-чаток, это ведь единственный экземпляр» (там же).

⁴ А. Баранович, М. К. Поливанову и Е. С. Левитину, их другу, искусствоведа.

⁵ Дополнительную бумагу для перепечатки Пастернак просил прине-сти А. С. Эфрон: «15 авг. 1955. Дорогая Аля! Не забудь пожалуйста напи-сать Асе. Пусть извинит меня, что никак не могу ей написать и еще очень долго не буду иметь возможности. И, если хочешь, – о Магдалине, – но это неважно. Бумагу всю, обе пачки и рулон, в будущем, при случае, еще очень далеко, передай Марине Казимировне Баранович. Я тебе городс-кой ее телефон назвал правильно. Вот, вдобавок еще дачный: и-1-30-10 доб. 40 попросить к телефону дочь ее Настю, потому что сама М. К. болеет горлом и говорит шепотом: ее почти неслышно. Рукопись у нее. Но мож-но ли ее читать в таком виде? Мне кажется, нельзя. А там как знаете. Через месяц она мне потребуется. Крепко тебя целую. Твой Б.». Просьба напи-сать А. И. Цветаевой «о Магдалине» объясняется тем, что А. Эфрон, вер-нувшись из ссылки, сразу погрузилась в разбор архива матери и послала Пастернаку цикл М. Цветаевой «Магдалина» (1928), увидев в нем пере-кликну со стихами Пастернака на эту тему, – «те же волосы, о которых ты мне говорил, и те же грехи!» (А. Эфрон. О Марине Цветаевой. С. 449). Этим объясняется то, что О. Ивинская, видевшая список

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
«Магдалины»

М. Цветаевой («О путях твоих гадать не стану...»), приписала авторство этого стих. Пастернаку и поместила его на обложке своей книги «В плену времени» (Париж, 1978).

1332. Н. ТАБИДЗЕ

75 августа 1955

15 авг. 1953

Дорогая Нина! Леню провалили на экзаменах¹. Его срезали в самом начале по математике. Для Зины эти две недели были вре-менем страшного горя и испытания. Только ценою нечеловечес-ких ее хлопот его допустили к дальнейшим экзаменам по осталь-ным предметам, но его первая неудача уже отразилась на дальней-ших его ответах, по которым ему ставили четверки и тройки².

Я не люблю в случае неудач и несчастий сваливать все на по-сторонние обстоятельства, на какие бы то ни было виды пристра-стия и на несправедливость. Чем труднее и обиднее на свете, тем более должна собственная гордость заботиться о том, чтобы в лю-бую минуту быть во всеоружии и готовым отразить всякое посяга-тельство на твою честь и достоинство.

Я никогда не понимал, зачем так баловать детей. Им приви-ли барство и совершенно не научили работать. Леня почти ничего не делал последние годы в школе. Он произвел хорошее впечатле-ние в начальных классах и ему по старой памяти продолжали ста-вить пятерки и четверки неизвестно за какие заслуги. На экзаме-ны он пошел со страшным легкомыслием, неподготовленным, почти ничего не зная. То, что с ним случилось, в порядке вещей и очень близко к правде, это им заслужено. С другой стороны бросается в глаза и то, что желание прова-лить на экзаменах, преобладающее над желанием поддержать и допустить в высшее учебное заведение, проистекает не из стара-ния повысить общий уровень и не из ограниченности вакансий, а совсем из других оснований.

Это тот же принудительный набор рабочей силы, который до 53-го года производился до чудовищности просто и жестоко³, а теперь по-другому, не прямо, косвенно и мягче. Может показаться, что в Ленином случае сказалась борьба с белой костью, с ма-ленькими баловнями-сыновьями и еще с чем-нибудь, но вот про-валили и дочерей Смирнова Тоню и Лиду⁴, девочек старательных, хорошо учившихся и подготовленных, и никак не белую кость. Это общее явление.

Когда Вы уезжали из Москвы, Вы обронили фразу, что в слу-чае, если Леня не попадет в вуз в Москве, Вы его устроите в Тиф-лисе⁵. Этих слов я не слышал, Вы их наверное сказали Зине и Лене в Москве, а не в Переделкине. Как бы то ни было, я их нисколько не принимаю всерьез, надежды Вашей на Ваши возможности не разделяю и ничего не жду в этом направлении. Но среди иллю-зий, которые еще питают Зина и Леня в отношении каких-то уси-лий, хлопот, писем и поисков места лаборанта при каком-нибудь институте имеется и эта мечта, тбилисская.

Они собираются к Вам, и если какие-нибудь изменения в Лениной судьбе их от этого не удержат, хотят на днях приехать к Вам вместе с Галей и Стасиком на двух машинах.

Мне Вас очень жалко, они наверное Вас очень утомят⁶. Когда Вы уезжали, Зина не могла навязать Вам столько, сколько мне хоте-лось, тогда, на текущем счету была задержка, потом затруднение раз-рядилось. Если за их отсутствие у меня будет какая-нибудь денеж-ная удача, я Вам подошлю еще, чтобы у Вас руки были развязаны и пребывание у Вас Зины с детьми не ввело Вас в лишние расходы.

Я пишу Вам сравнительно успокоенным, в счастливой Пере-делкинкой обстановке, солнечным утром начинающейся осени, в цветущем саду и среди созревания до избытка обильного огоро-да. Все на даче в сборе, немного отдохнули, угомонились, утеши-лись. А недавно эта экзаменационная история большой печалью лежала у меня на сердце, еще больше, хотя и прежнего было дос-таточно, приближала к Зине, которую мне было жалко, удаляла от Лени, которому я удивлялся и на которого был странцо сердит, и еще больше, чем всю жизнь и чем у меня в написанном романе, восстанавливала против этих прелестных нынешних нравов, про-тив благороднейшего нашего духа времени и всей современной дивной обстановки. Так было несколько дней, а теперь прошло.

Крепко целую Вас. Ваш Б.

Впервые: «Дружба народов». 1996, № 7. – Автограф (ГМГЛ, № 021914, 10).

¹ Леня Пастернак сдавал вступительные экзамены в Московское Выс-шее техническое училище им. Баумана, славившееся своим строго анкет-ным отбором. В следующем году он прекрасно сдал экзамены и был при-нят на физический факультет Московского университета.

² О приемах отсеивания абитуриентов Пастернак писал в письме № 1376: «...Его (сына. – Е. #., М. Р.) провалили на приемных экзаменах в Баумановский институт (Высшее Техническое училище в Москве) искус-ственно и нечестно сбивая его на ответах».

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

3 Имеются в виду повальные аресты, обеспечивавшие при Сталине принудительный труд социалистического строительства.

4 Дочери Гаврииле Алексеевиче Смирновой, работавшего сторожем на даче Пастернаков в Переделкине.

5 Из этих планов ничего не вышло, 31 авг. 3. Н. Пастернак писала мужу из Тбилиси: «Леню не удалось устроить, все списки уже подписаны».

6 Получив от жены известие о том, как их принимали в Тбилиси, Пастернак 7 сент. 1955 писал Н. Табидзе: «Спасибо Вам за ту бездну душевного тепла, которую Вы уделите Зине и Лене и особенно за все, что Вы пишете о Леничке. <...> Двадцать пять лет живет и продолжается эта цельная, на части не делимая повесть, вся захватывающая, вся из одного звука, временами страшная, горькая, временами до божественности проясненная, небывалая, и эта повесть – моя жизнь, и моя тайная, глухая борьба, и бедная моя Зиночка и Леня жертвы моей судьбы и всего моего склада, и ближайшие доли этой повести, и Вы, и ближайшие Вам Б<вфимия> А<лександровна> и Г<еоргий> Н<иколаевич>. И все это оказалось вместе, рядом, опять под чудным Вашим небом, соединенное цельностью Вашего тепла и красот, точно цельность вдруг все охватившего, объединяющего душевного порыва» («Литературная Грузия», 1966, № 2. С. 89).

1333. Б. В. РЯЖСКОМУ

24 августа 1955, Москва

Военному прокурору Б. В. Ряжскому
Глубокоуважаемый Борис Всеволодович!

Я до сих пор не сдержал слова и не закрепил для Вас письменно нашего разговора о Мейерхольде¹, потому что все время очень занят.

Вы помните наш разговор? Главное его существо заключалось вот в чем. Так же, как и Маяковский, я был связан с Мейерхольдом поклонением его таланту, удовольствием и честью, которое доставляло мне посещение его дома или присутствие на его спектаклях, но не общей работой, которой между нами не было; для меня и он и Маяковский были людьми слишком левыми и революционными, а для них я был недостаточно лев и радикален.

Я любил особенно последние по времени постановки Мейерхольда: «Ревизора», «Горе от ума», «Даму с камелиями». Дом Всеволода Эмилиевича был собирательной точкой для всего самого передового и выдающегося в художественном отношении. Среди писателей, музыкантов, артистов и художников, бывавших у него, наиболее сходной с ними по душевному огню и убеждениям, наиболее ему близкой братской фигурой был на мой взгляд Маяковский. Я не знаю, насколько решающим может быть мое мнение на этот счет. Вкратце вот самое живое, что я мог об этом сказать и вспомнить. Будьте здоровы.

Ваш Б. Пастернак

24 августа 1955 года

Впервые: «Литературная газета», 4 мая 1988. – Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по машин. копии (РГАЛИ, ф. 2437, оп. 1, ед. хр. 180).

1 Пастернак рассказывал, что когда его вызвали в прокуратуру по вопросу о реабилитации Мейерхольда, то молодой прокурор (Б. Ряжский), занимавшийся этим делом, удивился, узнав, что Пастернак жив и никогда не подвергался аресту. По всем документам процесса над Мейерхольдом Пастернак выступал как соучастник заговора, якобы возглавляемого Мейерхольдом, и его имя фигурировало в допросах и донесениях. Ряжский вспоминал, что присутствовал на заключительном заседании этого процесса и видел замученного пытками и допросами Мейерхольда и тогда же решил, что когда-нибудь сам разберется в этом деле, показавшемся ему слишком запутанным. На вопрос прокурора о взглядах Мейерхольда Пастернак сказал, что в действительности Мейерхольда надо было спрашивать о его взглядах, а не наоборот, потому что Мейерхольд во всем был более советским, чем он. Пастернак просил не стенографировать его слова, потому что знал, как перевираются всегда такие записи, и обещал прислать основное содержание сказанного в письме.

1334. Е.Д. СУРКОВУ

28 августа 1955, Переделкино

28 авг. 1955

Дорогой Евгений Данилович!

Мне передали Вашу просьбу позвонить Вам, когда я буду в Москве. Я буду в городе нескоро и просьбы Вашей в ближайшее время не исполню.

«Мария» будет готова, вся, к середине сентября, в том случае, если на остающееся до этого срока время забудут о моем существовании¹.

Если желание связаться со мной по телефону вызвано другими причинами (Охлопков, Фауст?), все равно, всем нужно пренебречь.

А также не дробить почти готового труда разрозненными по-актными сдачами². Это технически невозможно.

Ваш Б. Пастернак

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 3078, оп. 1, ед. хр. 338).

Литературный критик Е. Д. Сурков в 1955–1957 гг. был заведующим литературной частью МХАТа. Возможно, его знакомство с Пастернаком состоялось в 1940-х гг., когда он был старшим политредактором Главреперткома и начальником репертуарного отдела Главного управления по делам театров и Пастернак сталкивался с ним в своих неудачах с постановками шекспировских переводов.

1 Договор со МХАТом был подписан 20 июля 1955 г., и 1 авг. Пастернак торопил Суркова с выплатой аванса: «Глубокоуважаемый Евгений Да-нилович! Недавно я заказным письмом вернул Вам подписанный договор, сопроводив его просьбой в бухгалтерию о переводе следуемых пяти тысяч. Сейчас в дни летнего застоя они очень бы понадобились. Но может быть, Вы в отпуску где-нибудь далеко, и письма совсем не достигают Вас? От души Вам всего лучшего. Ваш Б. Пастернак» (там же).
2 Пересылая 21 июля 1955 Е. Д. Суркову «подписанные экземпляры договора и заявление в бухгалтерию о перечислении аванса», Пастернак предполагал, что будет «знакомить театр с работой поактно, как тогда кем-то из нас предлагалось, об этом рано говорить, видно будет. Ваш Б. Пастернак» (там же).

1335. Л. В. СТЕФАНОВИЧ

2 сентября 1955, Переделкино

2 сент. 1955

Дорогая Людмила Владимировна!

Если Вы и Николай Владимирович живы и здоровы, мне, может статься, придется обратиться к Вашей помощи. Окончательно об этом я позвоню Вам по телефону из Переделкина в воскресенье 4-го в 2 часа дня. На этот случай, если возможно, очень попросил бы Вас быть дома. Тогда и условлюсь с Вами обо всем. Если звонка не будет, значит все обошлось до следующего, тоже уже задуманного случая.

Я здоров, работал конец зимы и все лето очень напряженно. В середине июля дописал вторую книгу романа, но не имел времени сам прочесть ее по написанию, так как в тот же день засел за одну очень срочную, спешно заказанную работу. Художественный театр задумал поставить в этом сезоне Шиллеровскую Марию Стюарт, забраковал все существующие переводы и обратился ко мне с просьбой перевести трагедию. Я это сделал в месяц с не-большим. В перепечатке перевода, сделанного разом карандашом начисто, и будет заключаться Ваша работа, если я Вас обременю именно ею, а не другою, перепискою второй книги романа, го-раздо позже.

В том случае, если скучная задача переписки «Марии» выпадет на Вашу долю, это надо будет сделать очень скоро, примерно в неделю¹. В рукописи 200 страниц, на машинке это составит пол-тораста. В этом случае бумагу и рукопись я Вам привезу в город (в предположении) во вторник 6-го сентября, рано утром, часов в 9, и буду просить переписать ее к следующему вторнику, 13-го. Впрочем, человек предполагает, а Бог располагает, все это будет видно.

Привет Вам и Николаю Владимировичу. Я никогда его и Вас не забываю². Пишу Вам второпях, так как все время очень занят. Итак, до воскресенья, а потом, может быть до вторника.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2893, оп. 1, ед. хр. 80).

1 К письму приложены «Замечания для перепечатки: 1. Не обращать внимания на левые, тыльные покрытия страниц. 2. Не переписывать ударений. 3. Не придавать значения разному написанию некоторых имен (Фот-рингей, Фотерингей, Керл и т. д.). Переписывать с тем же разнобоем. 4. Лучше не торопиться и внимательно, спокойно вчитываться в быстро стирающийся карандаш. 5. Следить хорошо ли оттискивает текст копир-ка. 6. Хорошо выверив экземпляры, сшить с обложкою» (там же).

2 После перепечатки Пастернак подарил Л. В. Стефанович рукопись перевода «Марии Стюарт» Шиллера (там же).

1336. М. К. БАРАНОВИЧ

18 сентября 1955, Переделкино

18 сент. 1955

Дорогая Марина Казимировна! С перерывами; вызываемы-ми необходимостью, начал наслаждаться Вашей работой¹. Я не преувеличиваю: только в Вашем высоком, достойном, насквозь пропитанном родством и пониманием изображении начинаю я воспринимать и себя: спокойно и уравновешенно, без затрудня-щих суждение распространений в хорошую или дурную сторону. Какие-то полдела, которые по примеру прежнего Вы опять взяли на себя, оздоравлиют общую судьбу всего труда, душевно воспол-няют какой-то пробел, оставленный мною, моим здравым смыс-лом, моею волей.

Я никогда не забывал того близкого места, которое Вы зани-маете во времени, в обществе, в жизни, я может быть недостаточ-но хорошо помнил, как действительно эта близость, как много значат и много делают Ваша помощь и присутствие.

Сейчас мне спокойно, без суеты и тревоги уясняется то ощу-щение недоделанности,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori которое у меня осталось от непросмотренной рукописи. Там есть действительно тяжелые сложные места, которые надо будет упростить и облегчить, длинные фразы со множеством придаточных предложений, от избытка старательности, от стремления всадить в одно восприятие все сопровождающие его подробности. Иногда это удастся, чему немало примеров в том же Живаго, иногда надо уметь жертвовать этой мечтой общему чувству меры. Вот случаи этой тяжести в самом начале вещи (я ведь прочел еще очень немного).
Таков Самдевятковский абзац о партизанщине на стр. 11–12; слова о продолжающемся у Ант<онины> Ал<ександровны> страхе проехать платформу на стр. 15 (слишком громоздко) (кстати тут у Вас: сок платформы вместо песок); о падающем с задней стороны дома снопе света в овраг на стр. 28; (мимоходом: на стр. 39 в записках Ю<рия> А<ндреевича> об искусстве мною в рукописи и неудачно по выраженной мысли и неразборчиво написано хозяином, но так, что действительно можно было прочесть козликом, как ошибочно у Вас). Продолжаю о тяжестях. На стр. 58 тяжело и неясно сказано о чугунных плитах лестницы и о плавности Лариных движений. Дальше я не читал.

Все это не предполагает большой правки и многое из этого я может быть изменю, может быть нет – видно будет. Дорогой мой друг, но потерпим, воздержимся в отмену позавчерашней просьбы (о Журавлевых) от сообщения работы кому бы то ни было², пока я сам не прочту всего и не решу, как быть.

Ближайшие и, наверно единственные друзья сделанного это О<льга> В<севолодовна> и Вы. И она совсем не как «вдохновительница» или «натура» для героини (в истории литературы всегда эти пошлости далеки от правды), но как единственная собеседница по предметам работы в ее начале, а Вы, как такая же со-беседница в ее конце.

Не создавайте себе лишних забот по машинной правке Ваших машинных опечаток. Вы много хорошего говорите о моем почерке. Он – родной брат Вашей манеры печатанья, шрифта, которым Вы пользуетесь, способа расположения печати и много-го другого. Мне очень приятно бывает карандашом проходиться по Вашей печати, я почти рад бываю случаям, когда это требуется.

Еще раз бесконечное Вам спасибо.

Крепко целую Вас.

Ваш Б. П.

Впервые: Собр. соч. Т. 5. – Автограф (Hoover Institution Archives, Stanford).

1 Получив от Пастернака рукопись второй книги, М. Баранович писала 8 сент. 1955 о своем впечатлении: «Я, конечно, перепечатала Вашу рукопись. Мне трудно было жить без нее, и она нужна моим детям. Я, к несчастью, не успею вычитать свою работу, и Вы простите меня за все мои опечатки и перебивки, тем более, что я посылаю Вам только один экземпляр (или два?) в надежде, что это поможет Вам при подчистке» (Переписка Б. Пастернака с М. Баранович. С. 67). Пастернак благодарил ее 15 сент. 1955: «Дорогой мой, огромный мой друг! Как я это знал, как предчувствовал, что ничего не изменилось, не ослабло и осталось по-прежнему, что единственным явлением, родным "Живаго" и соперничающим с ним по значению, станет рядом с ним чудо Вашего пони-мания, чудо Вашей отзывчивости, чудо Вашей совершенной, ничего, кроме удивления, не требующей помощи. Ваше письмо (но и Ваша пе-репечатка также) талантливее повода, которым оно вызвано. О<льга> В<севолодовна>, прочитав его, ушла в другую комнату и заплакала, и потом долго повторяла: «Какой большой человек М. К., какая умная женщина!» (там же. С. 38–39).

2 В предыдущем письме 15 сент. Пастернак предлагал М. Баранович на ее усмотрение: «Нельзя ли было бы из двух Ваших экземпляров дать один на быстрое срочное прочтение интересующимся и достойным, т. е. заслуживающим этой Вашей милости, с обязательной оговоркой, что текст еще не подвергся последней моей отделке... Такой случай, достойный внимания известен мне только один. Это – Журавлевская группа, т. е. он, Аля, с которой Вы познакомились и страшно полюбились ей, ее тетя и все, кого они придумают. Это люди очень близкого нам с Вами духа» (там же. С. 40).

1337. Р. Н. СИМОНОВУ

18 сентября 1955, Переделкино

18 сент. 1955

Дорогой Рубен Николаевич!

Как-то давно, года три тому назад, я Вам дал, то есть сам на-вязал старые свои заметки к Шекспировским переводам, – это был последний экземпляр их. Если тетрадка у Вас не затерялась, не были бы Вы так любезны передать их кому-нибудь из Малого театра, всего вернее это будет молодой человек Л. А. Заславский, который с Вами свяжется по телефону и за ними явится?¹

Пользуюсь случаем передать Вам, Елене Михайловне и Вашему сыну² сердечный мой привет.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Это не напоминание о себе. Наоборот. С некоторого времени у меня скопилось много работ и необходимость заставляет меня желать, чтобы меня на некоторое время совершенно забыли. Но как только я освобожусь, мы постараемся опять собраться как-нибудь, и тогда позвольте надеяться, что мы снова свидимся.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (собр. Е. Р. Симонова).

1 По заказу Малого театра Пастернак делал сокращенную версию «Генриха IV» и для понимания трактовок этой трагедии хотел, чтобы актеры познакомились с «Заметками к переводам Шекспировских трагедий» (1946).

2 Е. М. Берсенева – жена Р. Н. Симонова и их сын Евгений Рубенович. В 1957 г. Пастернак встретился с Е. Р. Симоновым в санатории «Узкое» и надписал ему книгу: «Евгению Рубеновичу Симонову. Желаю Вам такого же счастья, какое было мне в жизни и искусстве, хотя я не был достоин и не заслужил ни того ни другого. Б. Пастернак. И все-таки грустно, и присутствие печали во всем, вероятно, закон существования, когда оно тронато одухотворением. Б. П. Узкое под Москвой 8 июля 1957 г.» (На кн.: Борис Пастернак. «Стихотворения в одном томе». Л., 1933; там же).

1338. Е. Д. СУРКОВУ

77–19 сентября 1955, Москва Дорогой Евгений Данилович!

Вот перевод. Я его кончил 6-го сентября, неделю его переписывали. Пока что главное его и единственно доступное мне качество, это то, что он исполнен неслыханно быстро, чудовищно и может быть преступно быстро, карандашом начисто в один прием. Но по-другому я трагедией и не стал бы заниматься.

Это полный Шиллеровский текст по-русски. Невозможно было совместить две задачи сразу: изготовить перевод и на ходу сократить его, подвергнуть изменениям и переработке. Да за вторую задачу я бы и не взялся.

Это, наверное, будет Вашей заботой и делом режиссуры.

Сейчас мне кажется, что в трагедии два настоящих действия, третье и пятое, и в них две неподдельных из жизни во всей свежести взятых ноты: мечущаяся детскость и непосредственность Мариной тяги на волю, когда ее выпускают на прогулку, и естественность и определенность ее веры, – источник ее самообладания перед казнью. Наверное, оба мотива я передал в переводе.

В остальном он вероятно оказался во вред подлиннику и по-кажется более серым и скучным, чем переводы менее удачные, которые именно своею корявостью и тяжеловесностью, затемняя оригинал, повышают его интерес духом непонятности. Я давно заметил, что от моей манеры переводить, просто и плавно, без ложной поэтизации, гениальные произведения, сила которых выступает более отчетливо (Фауст, Гамлет, Ромео и Джульетта, Антоний и Клеопатра) – выигрывают, а произведения смешанные и неровные, или с порочной основой (Отелло, Король Лир), слабости которых при этом обнажаются, прогадывают. Может быть так получилось и с Марией.

В моем переводе (как и во всех других, по всей вероятности) оставлена та, Шиллером на основании английских обыкновений заимствованная странность, что все говорят королеве ты, а она обращается на вы ко всем остальным. Зритель сразу улавливает эту условность и входит в нее на протяжении спектакля, для чего ему даже и не надо знать о риторической приподнятости английского «ты», неупотребительного в житейском обиходе. Переинчавать это и перестраивать в этом направлении диалог показалось мне смешным и ненужным притязанием.

Русское ухо привыкло к имени Стюарт с французским ударением на последнем слоге. Хотя совершенно бесспорно, что по-английски говорят Опъарт и хотя в ямбической строке последование Мария Опъарт мыслимо только с таким ударением (отчего оно и проводится во всех переводах), мне показалось странным и нежелательным, чтобы в заглавии, на афише, в обсуждении в зрительном зале и так далее Стюарт была Стюарт и только во время исполнения на подмостках именовалась Опъарт. Поэтому, несмотря на ритмические трудности, я в тексте писал Стюарт, придерживаясь утвердившейся русской практики.

Неимоверно длинный этот текст (в нем по-нбмецки, пожалуй, строк 4500 или больше) надо сокращать смело и решительно, отбросив, примерно, до трех четвертей его и сохранив только одну четвертую. Как на сценические положения, т. е. воплощенные автором движущиеся картины надо смотреть только на 3-й и 5-й акты, и сберечь из них главное, а к 1-му, 2-му и 4-му действию относиться только как к сообщениям, излагающим в словах и лицах все, что надо знать зрителю для понимания разыгрываемой драмы. Из этого пояснительного потока надо выделить самое небольшое, содержащее: 1) обрисовку характера Марии и некоторые подробности, освещающие ее взаимоотношения с другими. 2) То же самое в отношении Елизаветы. 3) Двойственно-героическую роль Мортимера. 4)

Двойственно-подлую роль

Лестера1, – (3-й и 4-й пункты как составляющие механизм интриги и развязки).

Сокращать и резать надо свободно, не оглядываясь на этот план (все равно результат с ним сойдется) по такому методу: оставлять самое удачное в переводе, самое живое, непосредственное, выразительное, выбрасывая все вялое, затрудненное и шероховатое. Вследствие многочисленных повторений подлинника (откуда и его длинноты) даже при таком кромсании с завязанными глазами, оставшегося всегда будет достаточно, и оно всегда будет составлять органическое, в отношении содержания осмысленное связное целое. У меня было только два старых перевода, Шишкова и Вейнберга². Остальных я не доставал и не имею о них понятия. Может быть я их безбожно повторяю. Так как сейчас же я перейду к другой работе, тоже срочной и неотложной, для Малого театра³, и затем в дальнейшем мне тоже дорого будет время для моих собственных предположений, я по недостатку времени не буду томить Вас проявлениями нетерпения, даже если бы я был болезненно любопытен. Недели на две, а то и на месяц, я забуду о том, что сдал Вам Марию, и сопровождаю ее эту запиской, и не буду ждать на них ответа.

Но у меня просьба. Эту работу, так же как и сведенного в одностороннюю пьесу Фауста (рукопись его я передал Павлу Александровичу⁴) мне надо будет отдать в Отдел Распространения при Во-аппе. Там для принятия работ требуется рекомендательная виза какого-то репертуарного учреждения (я не знаю, какого именно). Вы бы меня крайне обязали, если бы (не Вы лично, разумеется, а сотрудники из Вашего театрального аппарата) взяли хлопотание этой визы на себя и по отношению к Фаусту, не говоря о Марии. Я этого не умею, у меня ничего не выйдет.

Охлопков⁵ недавно посылал ко мне с просьбой, чтобы я с ним связался по телефону из Переделкина. Я ничем не отозвался не из соображений дипломатии, а потому что это был разгар моей спешки в отношении Марии. Так я и не знаю, что ему было нужно.

Я еще много хотел написать Вам о трагедии, но половина, видимо, вылетела у меня из головы.

Я не люблю и считаю знахарством специалистов, ересь и суеверием взгляд, будто бы стихотворная ритмическая речь чем бы то ни было отличается от прозаической, и будто бы стихи со сцены надо произносить как-то особенно, подчеркнуто, с дрожанием и враскачку, чтобы слушатель, мерзавец, чувствовал, что это стихи. В театральных программах читаешь: парики – такой-то; свет – такой-то; сапоги – такой-то; пуговицы – такой-то; работа над стихом – такой-то. Ничего подобного, по крайней мере по последнему пункту, не существует. Если для рассеяния этого заблуждения и утверждения здоровой точки зрения я бы когда-нибудь потребовался, я рад буду встретиться с участниками спектакля, когда он вчерне определится, зимой в декабре, наверное(?).

Будьте здоровы. Сердечное спасибо Вам за письма и телеграммы. Привет всем.

Ваш Б. Пастернак

У меня не оказалось ни одного экземпляра договора на «Марию» и один лишний на «Корюла» Лира». Это моя ошибка, вероятно, когда я возвращал их подписанные по почте, я вложил в конверт и свою копию. Извините, что затрудняю Вас, но при ближайшем случае попросите в бухгалтерии, чтобы мне прислали один экземпляр. Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 3078, оп. 1, ед. хр. 338). Датируется по содержанию

¹ Мортимер – племянник главного стража Марии Стюарт, коменданта крепости Паулета, привлеченный красотой и жалостью к участи Марии и покончивший с собой в момент ареста. Роберт Дадли, граф Лестер, фаворит королевы Елизаветы Английской, влюбленный в Марию Стюарт, но в последний момент изменивший ей из страха. «Завидна, искрометно ярка роль Мортимера», – писал Пастернак в статье, посвященной «Марии Стюарт». «Самая трудная, невоплотимо трудная роль Лестера. Непостижимо, как после крушения заветнейших и возвышеннейших надежд Марии и после всей низкой двойственности Лестера и совершенных им подлостей, судьба может столкнуть их рядом, и где, и в какой ответственный миг, у порога вечности!» («Фридрих Шиллер. "Мария Стюарт". Трагедия». Т. V наст. собр. С. 95).

² Впервые полностью на русский язык «Мария Стюарт» была переведена А. С. Шишковым (в кн. «Избранный немецкий театр». Т. 2. СПб., 1831); перевод Петра Исаевича Вейнберга вошел в Полное собрание сочинений Ф. Шиллера (изд. Н. В. Гербеля, СПб., 1893). За перевод «Марии Стюарт» Вейнберг получил Пушкинскую премию 1895 г.

³ Работа по сокращению двух частей «Генриха IV» в односторонний спектакль.

⁴ П. А. Марков, театральный критик, режиссер, историк театра; с 1955 г. – режиссер МХАТа.

⁵ Н. П. Охлопков, главный режиссер Театра им. Маяковского, интересовался сокращенной версией «Фауста».

1339. М. К. БАРАНОВИЧ

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
24 сентября 1955, Переделкино
24 сент. 1955

Дорогая, милая Марина Казимировна! Нижеследующее – одно из частых у меня за последнее время вырывающихся восклицаний о Вас, попавшее на бумагу. Не перестаю Вам удивляться. Какое успокаивающее действие оказывают на меня Ваши страницы. Сейчас прочел конец первой сшивки, «Рябину в сахаре». Слава Богу. Это скорее хорошо, чем плохо.

И наверное главное достоинство (не сплошь, в особо счастливых сочетаниях) именно то, что задним числом, по воспоминанию, казалось мне недостатком, недоработкой: нелитературное спокойствие слога, отсутствие блеска в самых важных, сильных или страшных местах.

Конечно при такой торопливости есть ошибки, опечатки, пропуски. Например, среди многого другого, в мой второй экземпляр (т. е. в первую копию) не вшита и отсутствует 92-я страница, начинающаяся (по 1-му экземпляру) со слов: «фронтную войну, упорную и продолжительную» и кончающаяся словами: «человека рабочих, старые участники первой революции, среди...». Но до первого моего сигнала ни о чем не беспокойтесь. Конечно, страница в будущем понадобится (наверное ее надо будет свернуть в трубку при передаче, чтобы не сгибать), но может быть что-нибудь встретится и во второй тетради. Ждите знака от меня.

Я вчера вечером был у Жени, рассчитывал встретить там Настю и Мишу. Там мне сказали о болезни Константина Михайловича¹. Но сердечная терминология не так пугает меня, я по собственному опыту знаю, что не во всех случаях это так страшно.

Крепко целую Вас. Забудьте на некоторое время о рукописях, никому не давайте, не начинайте новой перепечатки, пока не извещу Вас².

И бесконечное спасибо Вам.

Ваш Б. И

Впервые: Переписка Б. Пастернака с М. Баранович. – Автограф (Hoover Institution Archives, Stanford).

1 23 сентября был день рождения Е. Б. Пастернака. У К. М. Поливанова случился второй инфаркт.

2 Уже в первых числах октября, получив письмо от М. Баранович, Пастернак писал ей о новой перепечатке: «Дорогая Марина Казимировна!

Вот Вам запас бумаги и тысяча поцелуев. Я на словах много передал Насте. Наши роли перевернуты шиворот навыворот. По-настоящему романы должны были бы писать Вы, а я их переписывать, так хорошо Вы пишете письма. Я был бы счастлив, если бы Вы нашли достаточно времени, сил и решимости переписать весь роман целиком, с начала до конца, со сквозной нумерацией страниц и любым делением на отдельно сброшюрованные единицы» (там же. С. 42). Оставшаяся между страницами автографа второй книги «Доктора Живаго» записка М. К. Баранович с тем же содержанием датируется 26 сент. (РГАЛИ, ф. 379, без шифра).

1340. Н. ТАБИДЗЕ

4 октября 1955, Переделкино

4 окт. 1955

Дорогая Ниночка! Спасибо, что в такие минуты Вы написали мне¹. Вы во мне не ошибаетесь, я этого заслуживаю: давайте жить, я всегда нравственно поддерживаю Вас. Для этого я жил все это время, в этом мое назначение. Я всегда чутьем догадывался об этой страшной правде. Это определило мои взгляды, мое отношение ко времени и его главным представителям, мою судьбу. Бедный, бедный Тициан, которому суждено было пройти этот путь мученичества, сердце мне всегда это говорило, я это подозревал.

Но соберитесь с силами, дорогая Нина, я хочу, чтобы Вы жили, мне надо, чтобы Вы жили. Вы нужны мне, чтобы сохранить ясность, чтобы довести наш общий ответ до конца, чтобы выдержать все. Крепко Вас целую, милая моя, бедная моя, близкая моя.

Ваш Боря

Обещанные деньги задерживаются, как только будет возможность, я переведу их. Наши путешественники доехали хорошо. Все в доме благополучно. Бесконечное спасибо Вам и семье Леонидзе. У Лени на фотографиях часто фигурирует Е<вфимия> А<лександровна>. Какая она красавица! Главное лицо во всех группах, больше, значительнее, выразительнее всех.

Да, – поручение Вам! Я получил приглашение по телеграфу на Гурамишвилевские торжества от Абашидзе и Чилая². Я не знаю, по какому адресу протелеграфировать благодарность и извинение по поводу того, что не поеду и не могу поехать. Не можете ли Вы передать это от моего имени? Слишком я далек от общего духа этих мероприятий (ведь он остался тем же) и с каждым днем ухожу все дальше.

Простите, что мало пишу Вам. Семья Чиковани также привет. В его поэме о Гурамишвили были очень живые, яркие страницы³.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Впервые: «Дружба народов», 1966, № 2 (с купюрами). – Автограф (ГМГЛ, №021914,
7).

1 Н. Табидзе получила известие о расстреле Тициана, состоявшемся 15 декабря 1937 г.

2 В Тбилиси широко отмечалось 250-летие со дня рождения грузинского поэта, князя Давида Гурамишвили. Ираклий Абашидзе и Сергей Чи-лая – секретари Союза писателей Грузии.

3 Имеется в виду «Песнь о Давиде Гурамишвили» (1942–1946).

1341. М. К. БАРАНОВИЧ

15 октября 1955г Переделкино

15 окт. 1955

Дорогая Марина Казимировна!

О как я Вас всегда без толку будоражу! Я боюсь, что следуя моим намекам, Вы начали переписывать роман с начала. В этом не было бы большой беды, но лучше было бы, если бы это мое предостережение предупредило Вашу переписку.

Дело в том, что когда я допускал такую возможность, я не предполагал, что подышу достаточное количество экземпляров первой книги¹, чтобы заново пересмотреть и может быть исправить также и ее, для Вас, для Т<атьяны> И<вановны> и Л. В. Стефанович². Но я их теперь подобрал, и если Вы пока ничего не делали, дождитесь лучше моих распоряжений.

Я почти перемарал все, что надо было в частях с восьмой по двенадцатую, но еще не готов и, кроме того, надо будет перечесть первую книгу и, может быть, заняться ей. Я все время ошибаюсь в сроках, но мне кажется, через неделю, числа в двадцатых, я смогу доставить Вам просмотренную и утвержденную первую книгу и названную половину второй. А пока Вы будете ими заняты, я подготавливаю вторую половину второй книги.

Вы должны сами знать и не нуждаетесь в заверениях, что если бы это было мыслимо и не грозило Вам нервным заболеванием, я мечтал бы, чтобы все экземпляры в эновом количестве закладок переписывали Вы, а не кто другой, но т. к. это невозможно, я и обращаюсь к их помощи.

Наверное вещь надо будет сшивать в четырех брошюровках, по две на книгу: первая останется, как была; вторая составит из

2-й и 3-ей тетрадей первой книги; дальше пойдет, как у Вас. Из титула надо будет устранить все подзаголовки, обозначения частей, и имя автора, и оставить только слова: Доктор Живаго. Книга первая. Доктор Живаго. Продолжение книги первой. Доктор Жи-ваго. Вторая книга. Доктор Живаго. Окончание второй книги.

Я не ответил еще Вам на Ваше большое, полное огромной душевной щедрости письмо.

Его нет у меня. Его мне прочли вслух в дни получения³. Не могу сказать, как я Вам благодарен за него. Пересматривая вещь, я иногда радуюсь, что все же написал и довел ее до конца, для себя, Вас и еще нескольких, очень немногих, простых, скромных, образованных и одаренных. И это какая-то одна семья, не правда ли?

Впервые: Переписка М. Баранович с Б. Пастернаком. – Автограф (Hoover Institution Archives, Stanford).

1 Собирая нужные для окончательного просмотра разновременные перепечатки романа, разбросанные по знакомым, Пастернак писал Н. А. Голубенцеву 4 окт. 1955:

«Дорогой Николай Александрович! Я совершенно не помню участи данных на прочтение первых трех тетрадей романа и утерю их следы. Если никто не отбирал их у Вас и они еще, по счастью, у Вас, не найдете ли Вы возможным доставить их нам на городскую квартиру через лифтершу 5-го подъезда в Лаврушинском доме, Марию Эдуардовну Кирееву. Бели же Вы их давно передали кому-нибудь, да вдоба-вок еще по моей просьбе, простите, пожалуйста, мою забывчивость. Я всегда помню Вас и как стану посвободнее к середине зимы, опять да-вайте соберемся как-нибудь, я очень по Вас соскучился и хочу повидать Вас. Сердечный привет Вам и Вашей жене Наталии Николаевне. Ваш Б. Пастер-нак» (ГЛМ, ф. 143, оп. 1, д. 21). Голубенцев вернул рукопись 31 окт.

2 Несколько позже, 2 нояб., с аналогичными указаниями очередные главы рукописи были отданы Л. В. Стефанович: «Дорогая Людмила Владимировна! Посылаю Вам половину продолжения, чтобы Вам не сидеть без дела. Переписывайте до цифры 16 на странице 302-й ремингтона или до той же цифры на странице 478-й рукописного чернильного экземпляра, не дальше. Дальнейший материал в другом (1-м лицевом машинном) экземпляре я Вам привезу, когда отделаю эту оставшуюся часть, если Бог даст, во вторник 13-го или в один из следующих дней. Помните, за указан-ными рубежами (печатной 302 или письменной 478 страницами) матери-ал не пригоден и не только не пользуйтесь им, но и не читайте его. Не прошить ли страниц несшитой тетрадки, чтобы они не перепутались. Итак, с Богом. Извините, что так опаздываю и задерживаю Вас. Итак, до слов: правота, правота, правота. Стрельников! (включительно). Сердечный при-вет Вам и Николаю Владимировичу. Ваш Б. П. Я вечером в субботу или воскресенье позвоню Вам для устранения возможных

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori неясностей». К записке были приложены технические указания: «Располагать текст так, чтобы допустить шивку (достаточные поля слева). Но не доводить печати и до правого края. Это всегда имеет очень дурной вид. Следить за лентой и копиркой. Желательно, чтобы 1 и 2 экземпляры были обр<азцовы>. Эк<земпляры сбросжуровать и переплести. Есть ли моя обложечная бумага? Так чтобы одного и того же цвета были и следующие 4. Довольно милый тон был картона на Мар. Стюарт». Работа по перепечатке романа была окончена через месяц, и 22 дек. Пастернак писал: «Еще раз сердечно благо<дарю Вас за помощь и прекрасную работу. Простите, что измучил и продол<жаю утруждать Вас. Сердечный привет Николаю Владимировичу. <...> От души Вам признательный Б. Пастернак» (РГАЛИ, ф. 2893, оп. 1, ед. хр. 80). 3

Вероятно, письмо было послано на адрес О. В. Ивинской.

1342. С. А. ОБОЛЕНСКОМУ

18 октября 1955, Переделкино

18 окт. 1955

О Господи, когда Вы, Сергей Алексеевич, уgomонитесь? Ког<да Вы по более прямому поводу вступили, в защиту меня, в пере<писку с редакцией Правды¹, я должен был дать Вам понять, как далеки мне эти выдуманнные страсти, как они мне неведомы, как ни холодно мне от них, ни жарко.

Я не помню, как я это сделал, но что<то в этом роде я должен бы был Вам написать и наверное написал.

Теперь эти треволнения по поводу доклада Эренбурга. Если бы Вы послали мне эту копию² в качестве наброска предполагае<мого письма к нему, я бы успел отсоветовать Вам писать ему об этих пустяках. И опять это из сферы очень чужой мне, абсолютно мне неинтересной, разъезды, доклады, культуры, обвинения, оп<равдания.

Наверное он не упоминал дорогих Вам имен, потому что они и без того там известны, и речь была не о том далеком времени, когда эти имена установились, а о близком, последнем, относи<тельно которого может быть отмечался упадок, и где надо было именно козырять этими молодыми. Но ведь я пишу о том, чего без Вашего письма бы не знал и о чем решительно не имею поня<тия. Ах, ах и ах! Вы все<таки несправимы.

Я несколько раз порывался черкнуть Вам несколько слов о том, что я здоров, благодарю Вас за беспокойство обо мне, что я страшно занят и что прошу Вас передать привет милой Харшите Алиевне³, – и все откладывал.

Я в июле дописал вторую книгу романа и кончил его. Мне не пришлось перечесть его, так быстро навалились на меня всякие театральные работы, среди них просьба перевести Шиллеровскую

Марию Стюарт для МХАТа, которую я перевел и сдал в августе, и кое<что еще из Шекспировских пьес для Малого.

Теперь я отвечу на другие Ваши вопросы, но Вы меня так плохо представляете себе и Ваши движения в мою сторону так часто идут совсем мимо, что мои слова покажутся Вам рисовкой, и Вы не поверите в их искренность.

Переиздание моих Избранных задерживаю я сам и отказыва<юсь от их издания⁴. Я не люблю советской литературы и себя как части ее. Все это давным<давно смертельно надоело. Требуется нечто коренным образом новое, не в рамках полувековой долбеж<ки, а вне ее, сокрушительно новое, по существующим привычным мерилам недопустимое, и часть этого есть в романе. До его появ<ления (а до этого я наверное не доживу) я не хочу появляться в сообществе людей, которых поголовно отрицаю.

Теперь о «Старике и море»⁵. Прошлой осенью распространи<лись толки будто на Западе выставлена была моя кандидатура на Нобелевскую премию. Верный своим правилам, последним об этом узнал я, из третьих уст, по случайности, сам этим не интересовался, нигде не наводил никаких справок. Но что<то действительно было. Люди ловили сообщения по иностранному радио, видели упоми<нания об этом в иностранной печати. Будто бы были предложены два соискателя, Хемингуэй и я. Когда премию получил он, будто бы это мотивировали: <as more wanted by our government*>⁶.

Так что у меня с этим рассказом родственные связи. Вчера я на<чал его читать и сегодня закончил бы, если бы Вы мне не помешали.

Я возвращаю Вам копию Вашего письма, потому что она со<вершенно не нужна мне. Вы наверное страшно молодые люди, Вы и Ваша Харшит, а то бы Вы не занимались такими глупостями, а она бы Вас остановила.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (собр. адресата). Печатается по машин, копии со вставками рукой О. В. Ивинской (РГАЛИ, ф. 379, без шифра).

¹ Оболенский прислал Пастернаку свое письмо в «Правду» по поводу статьи Ермилова. См. письмо № 1303, коммент 2. В ответ на упреки Пас<тернака Оболенский писал 13 нояб. 1954: «...я не могу удержаться от рез<кого протеста всякий раз,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
когда на Вас нападают необоснованно и несправедливо. Когда это сделал Ермилов,
это еще понятно (на то он и критик, чтобы к чему-либо прицепиться), но когда с
"декларацией" против Вас выступил Симонов (сам крупный поэт и писатель) – это уж
слишком!

* желанием нашего правительства (англ.).

И как я ни занят (по заводу, по Институту и по редактируемой мною трудной
книге), – я не мог удержаться, чтоб не ответить Симонову!» (Материалы ГМГЛ. С.
76–77). Имеется в виду статья Симонова «Человек в поэзии» («Литературная
газета», 4 нояб. 1954).

2 В конверт была вложена копия письма С. Оболенского Эренбургу.

3 Харшит Алиевна Ренне, которую Оболенский в письме называет своим «нежным
другом». Сохранилось ее письмо к Пастернаку.

4 В письме 31 авг. 1954 Оболенский писал, что видел в плане Гослитиздата
объявление о сборнике стихов Пастернака и спрашивал, когда он выйдет и будут ли
там ранние стихи. О нежелании переиздавать свои стихи Пастернак писал также И.
С. Буркову 9 сент. 1956: «Очень, очень много всякого очередного, срочность
которого увеличивает все недовольство половиной сделанного, нелюбовь к книгам
среднего периода и их беспомощности и бесформенности, и невозможность почтить на
лаврах и согласиться на простое переиздание бывших сборников» («Наше наследие»,
1990, № 1. С. 45).

5 Рассказ Э. Хемингуэя «Старик и море» в переводе Е. Гольшевой и Б. Йзакова был
опубликован в «Иностранной литературе», 1955, № 3.

6 Английский текст, вписанный О. Ивинской с ошибками, восстановлен по смыслу.
1343. Е. А. ЛОПЫРЕВОЙ

2 ноября 1955, Переделкино

2 ноября 1955 г.

Дорогая и глубокоуважаемая Елена Александровна!

Сердечно благодарю вас за подарок и надпись¹. Ваша книга застает меня за спешною
работой, в разгаре которой я не могу ответить Вам так, как хотел бы и как
обязательно надеюсь Вам ответить к концу года.

Работа, препятствующая моему желанию более полно отозваться на Ваш труд и Вашу
любезность, некоторую стороной по странности, связана с народной песней и ее
природой. Но и к этому я вернусь в ответе Вам.

Достаточно беглого взгляда, который успел я бросить на начало Вашей вводной
статьи, на состав собрания и на некоторые примечания, чтобы уже и сейчас
поздравить Вас с чистотой и существенностью Вашего выбора и живой
основательностью Вашей мысли в области, где так принято отыгрываться водянистыми
повторениями тысячу раз сказанного и общими местами. Я обещаю себе истинное
наслаждение от чтения предисловия и замечаний при ближайшем досуге.

Всего лучшего

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (собр. М. Н. Виролайнен).

Е. А. Лопырева – историк литературы, автор предисловия к сб. но-велл Вашингтона
Ирвинга (1951), сб. «Лирические народные песни» (1955). Свой сб. французских
народных сказок (1959) она подарила Пастернаку с надписью: «Борису Леонидовичу
Пастернаку от составителя с приветом и вполне сознавая, что "Образ Синей Бороды
/ Сильнее, чем мои труды". Е. Лопырева. 10 ноября 1959 г.» В ответ на получение
книги Пастернак писал 17 нояб. 1959: «Дорогая Елена Александровна! Ваш новый
подарок застает меня в разгаре новой задуманной работы и старых продолжающихся
забот. Сердечное спасибо. Не измеряйте, пожалуйста, немногословностью отклика
степени моей признательности. Мне не хотелось откладывать ответа. Может быть, я
еще напишу Вам, но не скоро. Ваш Б. Пастернак» (там же).

1 Имеется в виду сб.: Лирические народные песни. Л., 1955 (малая серия «Библики
поэта»). Составитель и автор вступительной статьи Е. А. Лопырева.

1344. И. А. КОМИССАРОВОЙ

75 ноября 1955, Переделкино

15 ноября 1955 г.

Дорогая Ирина Алексеевна!

Я узнал о смерти Сергея Николаевича с большим опозданием¹.

Я живу в большом отъединении от города и городского общества; из газет читаю
только «Правду» и очень редко; иногда мою подпись ставят под коллективными
некрологами и обращениями, а сам я об этом ничего не знаю.

Я очень любил Сережу, и в далеком прошлом, когда закладывались основания нашей
будущей жизни, многим обязан ему. Я любил в нем соединение дарования,
способности до страсти служить и быть верным проявлениям творческого начала со
скромностью и трудолюбием, позднее обеспечившими ему его огромные познания.
Свой высокий вкус, который не был редкостью в наши молодые годы, он сохранил на
протяжении всех последующих лет, полных испытаний.

Мне очень легко и отрадно будет присоединить свои воспоминания к составляемым Вами². Но, наверное, еще месяца три или больше я буду занят до крайности и совершенно неопишимо, точно так же, как в настоящее время.

Я совсем недавно в чернильной рукописи кончил свой роман, вторую книгу, очень большую. Его окончание перебили мне одним театральным предложением³. Я на месяц с чем-то отложил работу, не имевши случая перечесть и просмотреть, что я написал.

Теперь надо это сделать. Мне не терпится привести это в форму, пригодную для перепечатки на машинке и чтения для друзей, очень немногочисленных. Это живая внутренняя потребность, в которой я не могу отказать себе. Эту возможность можно отвоевать только силой, ценой насильственного разобщения со знакомыми и отказа от переписки и многого другого.

Вот причина, почему и не смогу я участвовать в вечере, о котором Вы пишете. Я нигде не выступаю и по другим соображениям, но сейчас главное препятствие к этому – отсутствие времени и напряженная работа. Так же точно пришлось мне отказать от выступления на вечере памяти Есенина и от участия в предполагающемся вечере, посвященном Блоку⁴, память которых так же близка и дорога мне, как и Сережина.

Мне очень дорого Ваше письмо. Это нескромно и очень далекие догадки, но мне кажется, что в жизни Сергея Николаевича, истонченной и одухотворенной до хрупкости, Вы были добрым гением, веянием и дуновением радости и здоровья. Как таковой, как большому другу большого человека я и выражаю Вам свое глубокое сочувствие и уважение. Все, что Вы перечисляете в письме, все Ваши замыслы и предположения – прекрасны, дай Вам Бог удачи в них.

Преданный Вам Б. Пастернак

Впервые: «Встречи с прошлым». Вып. 8, 1996. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1785). И. А. Комиссарова – жена С. Н. Дурылина.

1 С. Н. Дурылин скончался 14 дек. 1954 г. И. А. Комиссарова просила Пастернака выступить на вечере памяти С. Н. Дурылина а Доме ученых 12 дек. 1955 г.

2 Предполагалось составить сборник воспоминаний из выступлений участников вечера; сборник не был издан.

3 Перевод «Марии Стюарт» для МХАТа.

4 Н. А. Голубенцев в письме 31 окт. 1955 просил Пастернака быть председателем на вечере в ВТО, посвященном А. Блоку, где он сам будет читать лекцию; 5 нояб. Пастернак телеграфировал: «<В> вечере участвовать не буду, не могу. Приезжайте с женой на дачу в воскресенье шестого в три часа. Назад отвезут на машине. Просим = Пастернак» (РГАЛИ, ф. 2984, оп. 1, ед. хр. 63).

1345. В. Т. ШАЛАМОВУ

10 декабря 1955, Переделкино

Дорогой Варлам Тихонович!

Дайте мне еще месяц отсрочки, родной мой¹. Когда я летом говорил Вашей жене или Вам писал, что роман окончен, речь шла о необработанном, но сюжетно завершенном пересказе содержания. Какая работа еще предстояла потом! А тут еще МХАТ затесался с просьбой перевести Шиллерову Марию Стюарт, на что ушло полтора месяца.

В январе, если я, Бог даст, доживу и если вторая книга в окончательной редакции будет к тому времени перепечатана на машинке, я сам навяжу Вам ее, мне надо, чтобы Вы прочли ее. Вот Вы меня разругаете!!

В промежутке я еще раз напишу Вам, я это ясно предвижу и знаю, а Вы не пишите мне, чтобы не конфузить меня.

Ничего не изменилось. То есть изменилось колоссально много: я окончил роман, исполнил долг, завещанный от Бога², но кругом ничего не изменилось. Я здоров и счастлив в своем замкнутом кругу, когда же делаются учащающиеся попытки вытащить меня из этого одиночества, это всякий раз разочаровывающий удар для меня, настолько я в своей тиши забываю, до какой степени люди могут быть чужими и ненужными, всего лишившись, выродившись и обо всем позабыв.

От души желаю всего лучшего Вам и Вашей жене. Забудьте обо мне до нового напоминания.

Если до нового года не напишу, то с наступающим Новым годом.

Преданный Вам Б. Пастернак

Переделкино, 10 дек. 1955 г.

Впервые: Переписка Бориса Пастернака. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2596, оп. 1, ед. хр. 54).

1 Еще 22 мая 1955 Шаламов выражал желание повидаться, чтобы передать Пастернаку все написанное им, и просил дать почитать окончание романа. Летом его жена Г. И. Гудзь снова передавала его просьбу.

2 Повторяя слова летописца Пимена из «Бориса Годунова», Пастернак датирует время окончания пересмотра рукописи романа, которая была снова передана для

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
последней перепечатки.

1346. З. Ф. РУОФФ

10 декабря 1955, Переделкино

10 дек. 1955.

Дорогая Зельма Руофф!

Я не мог найти Вашего первого письма, где, может быть, указано Ваше отчество, и, потому простите меня за это обращение.

Сердечное Вам спасибо за письмо, за Ваши добрые чувства и за открытку с надгробием Паулы Модерзон¹. Какой хороший па-мятник! Чьей он работы? Не жены ли Рильке, Клары Рильке, она ведь скульпторша?

Не думайте, что я не отвечал Вам из высокомерия или небреж-ности или по еще более низким причинам. Весь год я был страш-но занят (да и сейчас еще не совсем освободился) дописыванием своего романа в прозе «Доктор Живаго». Написать эту вещь было моим внутренним долгом и я рад, что он исполнен. Эта проза, по объему очень большая, совершенно непригодна для печатания. Я естественно торопился довести ее до конца, потому что работа над нею была моим «отпуском без сохранения оклада», которого нельзя было растягивать на долгие годы. Все это время я ни с кем не виделся, нигде не бывал, забросил дела, даже необходимые, и не отвечал на письма.

Мне хочется в немецких измерительных единицах дать Вам понятие о романе, вернее о его духе. Это мир Мальте Бригге или Якобсеновской прозы, подчиненной, если это мыслимо, строгой сюжетной нешуточности и сказочной обыденности Готфрида Кел-лера², да еще в придачу, по-русски, еще более приближенной к зем-ле и бедности, к бедственным положениям, к горю. Очень печаль-ная, очень много охватившая, полная лирики и очень простая вещь.

Благодарю Вас особенно за Ваши ссылки и упоминания о Рильке, Вы знаете, как велико и свято для меня это имя. Со всем умением видеть и любить, которому он меня научил и часть кото-рого мне передал, желаю Вам светлого, живо-ощутимого, тихого и глубокого счастья.

Ваш Б. Пастернак

Адрес Ваш мне кажется неполным. Сообщите, дошло ли пись-мо. Есть ли у Вас Фауст в моем переводе? Мне хочется что-нибудь подарить Вам.

Впервые: Собр. соч. Т. 5. – Местонахождение автографа неизвес-тно.

¹ Художница Паула Модерзон – подруга Клары Рильке.

² Имеются в виду «Записки Мальте Лауридса Бригге» (1910) Рильке, романы Е.-П. Якобсена «Нильс Люне» (1880) и «Мария Груббе» (1876), роман Г. Келлера «Зеленый Генрих» (1855).

1347. Н. ТАБИДЗЕ

10 дек. 1955

Дорогая Нина, любимый друг мой!

Ах как часто мне недостает Вас, как надо мне, чтобы Вы были рядом в важнейшие минуты жизни. Оставаясь без Вас, я в этих случаях перебираю в мыслях длинные тихие разговоры с Богом или с самим собою. А то я разговаривал бы с живою, с Вами.

Я сделал много свинства Вам, с сентября ввел Вас в заблуж-дение насчет денег, пообещав их и до сих пор не послав ни копей-ки, до сих пор не трогал Тициановых стихов¹ и не ответил на Ваши последние письма. И я не прошу прощения у Вас, я знаю, Вы оп-равдаете меня.

Не могу сказать, сколько труда я положил на постепенную, медленную отделку второй книги романа. Когда летом я сказал, что кончил его, и описывал Вам его конец, дело, собственно, шло только о грубой записи содержания, еще не приведенного в окон-чательную художественную форму. В глубине души я и не надеял-ся, что буду в силах подвергнуть новой переработке это необозри-мое множество страниц (450 машинописных), уже стоивших мне столько времени, труда и души.

И вот это незаметно произошло само собой в течение пос-ледних двух-трех месяцев, особенно благодаря одной знакомой, М. К. Баранович, которая, несмотря на мое запрещение, перепе-чатала рукопись на машинке и этим наполовину облегчила мне возню с ней. А я так мало, повторяю, надеялся на осуществимость этой вторичной переработки, что летом меня томил и интересо-вал вопрос, простят ли мне, во внимание к имени, к прошлому и, главное, к серьезности и глубине содержания, тяжеловесность, не-решительность и растянутость изложения. И вот это сделано. Мне трудно в это поверить и я сам не знаю, как это случилось. Но еще, наверное, до середины января я еще буду очень занят доделкою пос-ледних мелочей.

Вы не можете себе представить, что при этом достигнуто! Найдены и даны имена всему тому колдовству, которое мучило, вызывало недоумение и споры, ошеломляло и делало несчастны-ми столько десятилетий. Все распутано, все названо, просто, про-зрачно, печально. Еще раз, освеженно, по-новому, даны опреде-ления самому

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
дорогому и важному, земле и небу, большому горя-чему чувству, духу творчества,
жизни и смерти.

Я мог бы быть счастлив, в самом узком моем кругу все очень хорошо и
действительно, даже и в грусти я бываю полон ликова-ния, пока остаюсь в
относительном одиночестве.

Но сейчас так много кругом поводов и желаний нарушить его, вовлечь меня в общую
деятельность! И тогда для меня на-чинаются несчастья. Так мало общего между мною
и людьми, которые чтут или любят меня и считают меня своим то по общ-ности
времени, то по общему призванию, то еще по чему-ни-будь!

Так я хочу совсем другого, чем они и безмерно большего, так мало хотят они, так
не умеют сильно и много хотеть. И каждый раз при столкновении с ними я начинаю
чувствовать себя небла-годарным, отступником, предателем, плохим братом, плохим
дру-гом, плохим товарищем. О как бы я хотел сохранить замкнутость, чтобы мне ни
о чем этом не напомнили!

Не бойтесь Нина, что я так запаздываю. Дела и без меня все-гда затягиваются, а
потом я все быстро наверстаю. Зато все свое сердце, всю душу я вложу в эту
небольшую дань памяти Тициана, Вы увидите².

Я мог бы Вам писать без конца, так много хотел бы Вам ска-зать, о стольком
посоветоваться. Недавно на минуту зашел в Гос-литиздат после полугодового
отсутствия и увидел, что если бы я вечно толкался там, как все, я был бы
миллионером, столько вся-ких дел там делается, к которым я имею отношение по
Шекспиру или по Гете или еще по чему-нибудь. Но тогда бы я и моя жизнь были бы
совсем другими. И мне надо терять, оставаться в неведе-нии и все прозевывать,
пока что-нибудь не сделается само собой, без напоминания.

Сегодня суббота, 10-го, а завтра, 11-го, в воскресенье мы ждем <Чиковани и
Леонидзе>*

Впервые: «Литературное обозрение», 1988, № 5. – Автограф (ГМГЛ, № 2482).

1 Для посмертного издания Тициана Табидзе Пастернак взялся пере-вести несколько
его стихотворений.

2 В 1956 г. были опубликованы 7 новых переводов Пастернака из Та-бидзе: 5 – в
«Новом мире», № 7; 2 – в «Дружбе народов», № 8.

* Конец письма не сохранился.

1348. Н. ТАБИДЗЕ

11 дек. 1955 Дорогая Нина!

Я запечатал готовое письмо к Вам вчера, хотя его еще не ото-слал. Несмотря на
мороз, Чиковани и Леонидзе были сегодня у нас. Они Вам об этом расскажут.
Гогла напомнил, что 15-го годовщина мученической кончи-ны Тициана¹, просил
написать Вам.

Друг мой Нина, что я могу еще сказать сверх того, что я ска-зал всеми долгими
годами своего горького отчуждения от всех или большинства. Это повернуло меня
спиной к людям вроде Тихо-нова или ничтожествам и советским Молчалиным вроде
Гольцева. Как бедный Паоло еще спорил со мной, упрекал меня, как можно идти
против всего народа, как еще недавно та же фатъма² почти тем же самым укоряла
меня!

О, как давно почувствовал я сказочную фантастическую ложь и подлость всего, и
гигантскую, неслыханную, в душе и голове не умещающуюся преступность!

Но все это к делу не относится. Нужно как-то так выплакать эту боль, чтобы, если
возможно, принести Вам облегчение и ути-шить упрек и жалобу этой тени,
удовлетворить ее беззвучное напоминание, ее справедливый иск.

Все это не делается в письме, все это, может быть, когда-нибудь сделается.

Когда в редкие, почти не существующие моменты я допус-кал, что Тициан жив и
вернется, я всегда ждал, что с его возвратом начнется новая жизнь для меня,
новая форма личной радости и счастья.

Оказалось в этом нам так страшно отказано. Все остается по-старому. Тем
осмотрительнее внутри своей совести, тем прямее и непримиримее надо быть нам,
наученным таким страшным уро-ком. Я говорю о нас самих, а не о воздаянии кому-то
другому. Дру-гие никогда не интересовали меня. Обнимаю Вас.

Ваш Б.

Впервые: Материалы ГМГЛ. – Автограф (ГМГЛ, № 2482).

1 Годовщина расстрела Тициана Табидзе.

2 фатъма Твалтвадзе.

1349. Г. А. ДАЙЛИС

11 дек. 1955 Дорогая Ета!

Нельзя оставить Вас без ответа, как я ни занят. Очень рад был узнать, что Вы
живы, и все подробности о Вас.

Сестры живы, в Оксфорде, где, как Вам по-видимому извест-но, умерли в 1939 г.
мама и в 1945 г. папа. У них, в особенности у Лиды, большие знакомства в
художественном и университетском мире. Всякий раз, приезжает ли оттуда театр,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori или какие-нибудь ака-демики-историки, или еще кто-нибудь, они поручают этим приез-жим, чтобы они со мной поведались, но я из предосторожности уклоняюсь от этих встреч и не переписываюсь с ними. Неинтерес-но делиться одною собою из того, чем живешь, что знаешь и что носишь в себе, а сказать все или самое главное нет возможности.

Я нисколько не изменился с тех пор, которые Вы вспоми-наете в письме.

Удивительно, как я еще цел и как земля меня носит, так много я себе позволяю, как никто. Немного Вы знаете или можете знать обо мне по журналам, если все силы на-правлены к тому, чтобы быть от этого мира насколько возможно подальше. Я и Вам, как сестрам, не могу ничего рассказать!

Впервые: Борис Пастернак. Доктор Живаго. Избранные письма. – Автограф (собр. М. С. Пойзнера).

Генриетта Абрамовна Дайлис – врач, дочь А. Герстена, двоюродного дяди Б. Пастернака.

1350. Е. А. ЛОПЫРЕВОЙ

12 декабря 1955, Переделкино

12 дек. 1955

Глубокоуважаемая Елена Александровна!

До сих пор не освободился, но статью Вашу прочел с прежним, сразу сказавшимся ощущением¹. Мы не знакомы, но в самых ум-ных, естественнее всего вылившихся, не замедленных побочно, излишнею обстоятельностью местах – чувство, будто видишь ав-тора, будто бы Вы передо мною в комнате.

Очень хорошо о песне, как свидетельстве духовного пре-восходства над судьбою и задатке освобождения (конец стр. 15 и начало 16)² и о легкости вхождения народно-лирических отрыв-ков в роман и драму (верхняя половина стр. 29)³. Из разборов от-дельных текстов лучше всего толкование белой олени на стр. 364.

Скажите, есть ли у Вас полный двухчастный Фауст в моем перево-де, мне бы чем-нибудь хотелось отдарить Вас в ответ. Если есть, я придумаю что-нибудь другое, хотя своих книг у меня совсем не осталось и я противник их переиздания. Все, о чем я бегло упомянул в выражении своей первой бла-годарности Вам, касается моего романа в прозе. Этот разговор от-кладывается, это «долга песня».

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (собр. М. Н. Виролайнен).

1 Речь идет о предисловии Е. А. Лопыревой к сб. «Лирические на-родные песни»

(Л., 1955). Пастернак всегда живо интересовался русским фольклором, – об «обманчивом спокойствии» русской песни он писал в «Докторе Живаго», характеризуя ее как «попытку словами остановить время».

2 Имеются в виду следующие слова: «В народной лирике певец са-мим складом песни проявлял духовное превосходство над трудным и бед-ственным положением, в которое ставила его жизнь. Самые песни, самое их существование являются ярким свидетельством того, что бесправие и угнетение не принимаются народом как нечто неизбежное и вечное» (С. 15-16).

3 См.: «Песня так легко и естественно входит в роман, в драму, в опе-ру оттого, что уже в самой себе содержит повествовательные и драмати-ческие элементы» (С. 29).

4 См.: «История прекрасного оленя полней разработана в другой пес-не, принявшей эпические черты и уже не имеющей отношения к свадеб-ному обряду. В этой песне («Из-за лесу было, лесу темного») перед нами раскрываются основания народной эстетики» (С. 35-36).

1351. М. Г. ВАТАГИНУ

15 декабря 1955, Переделкино

15 дек. 1955

Милый Марк Григорьевич. (Отчество Ваше восстанавливаю по догадке из инициала, извините, если ошибся). Я все время очень занят, совсем не так, гораздо больше, чем себе представ-ляют. Сын был прав, что отсоветовал Вам заходить ко мне, он не прав был, что согласился взять на просмотр стихи. Когда мои читатели и почитатели обращаются ко мне с просьбами, подоб-ными Вашей, я с сожалением или раздражением устанавливаю, что, значит, они в недостаточной степени читатели и почита-тели мои, потому что не поняли во мне главного: что я «стихов вообще» не люблю, в поэзии, как ее принято понимать, не раз-бираюсь, что я не судья, не ценитель в этой области. Я бы не мог сказать, как Маяковский, – побольше поэтов и разных¹, мне это совершенно не нужно. В согласии с моим пониманием этой стороны жизни мне хотелось бы, чтобы не только их было как можно меньше, но чтобы по возможности был один, очень боль-шой, а стихотворчества или даже поэзии, как вида занятий, пусть даже «боговдохновенного», многих или для многих не существовало.

Вы спрашиваете, есть ли у Вас основания мечтать о поступ-лении в Литинститут².

Избави Бог Вас думать об этом учебном за-ведении с основаниями или без оных.

Если у Вас отвращение к истинным наукам, математике, физике, химии, и Вы чувствуете тягу к предметам словесного цикла, то тогда, во всяком случае, посвятите себя изучению истории, это нечто осязательное, это даст Вам знания и воспитает, хотя историю сильно фальсифицируют сейчас, но Вы сумеете отделить подлинное от подделки. Вот Вам прямой, твердый, уверенный ответ на Ваш вопрос. Если Вы разделите людей на партийных и беспартийных, муж-чин и женщин, мерзавцев и порядочных, это все еще не такие раз-личные категории, не такие противоположности, как отношение между мною и противоположным мне миром, в котором любят, ценят, понимают, смакуют и обсуждают стихи, пишут их и чита-ют. Это мир мне полярный и враждебный, и ту же ноту враждеб-ности вызывает во мне Ваша просьба, Ваша поддержка царящего предрассудка, Ваше участие в общем заблуждении.

Как же непоследовательна в таком случае моя деятельность, – скажете Вы, – но я никогда не утверждал себя «поэтом» (это сло-во очень годится на обертки к туалетному мылу, и в русской прак-тике я не люблю его), я много думал, писал прозу и занимаюсь ей, я многим занимался в жизни и до такой степени был противни-ком образования секции поэтов при Союзе писателей, что даже спорил по этому вопросу с Горьким³. Но оставим лучше меня, я скажу Вам, что думаю, по-другому.

Даже в случае совершенно бессмертных, божественных тек-стов, как например, Пушкинские, всего важнее отбор, окончатель-но утвердивший эту данную строчку или страницу из сотни иных, возможных. Этот отбор производит не вкус, не гений автора, а тай-ная побочная, никогда вначале не известная, всегда с опозданием распознаваемая сила, видимостью безусловности сковывающая произвол автора, без чего он запутался бы в безмерной свободе своих возможностей.

В одном случае это трагический задаток, присутствие мелан-холической силы, впоследствии сказывающейся в виде преждевременного самоубийства, в другом – черта предвидения, раскрывающаяся потом посмертной победой, иногда только че-рез сто лет, как это было со Стендалем.

Но во всех случаях именно этой стороной своего существо-вания, обусловившей тексты, но не в них заключенной, разделяет автор жизнь поколения, участвует в семейной хронике века, а это самое важное, его место в истории, этим именно велик он и его творчество.

Я просмотрел то, что Вы мне передали. Бог и природа не оби-дели Вас. Ваша тяга к художественному выражению не заблужде-ние. Некоторые попытки Вам удалось. Элегическая нота Ваша располагает к Вам, в Вашу пользу. Больше ничего я на эту тему сказать не могу, не потому что Вы недостаточно одарены, а пото-му что вера в то, что в мире существуют стихи, что к писанию их приводят способности, и прочая и прочая, – знахарство и алхи-мия. Вы напрасно (и меня это удивляет) обратились ко мне. Об-ратитесь к алхимикам. Их множество.

А Вам желаю всего лучшего, удачи и счастья в Вашем общем развитии. Допущения, что есть какие-то стези стихописательства, на которые вступают с отрочества, представления, уродующие образ молодости, и только общее уродство современных понятий мешают это видеть.

Ваш Б. Пастернак Ваши стихи передам Чуковским, я ничего не храню у себя.

Впервые: «Грани». Мюнхен, 1976, № 25. – Автограф (собр. адре-сата).

Наст, имя адресата: Марк Германович Вайнштейн – переводчик с языков народов СССР.

1 См. коммент. 1 к письму № 1281.

2 Пастернак писал об этом многим начинающим поэтам. См., напри-мер: «Брюсова и Горького, освятивших своим авторитетом учреждение литературных техникумов и институтов, наподобие консерваторий и ху-дожественных школ, я никогда не понимал» (письмо № 1306).

3 в 1934 г. во время подготовки Первого съезда писателей.

1352. М. К. БАРАНОВИЧ

16 декабря 1955, Переделкино

16 дек. 1955

Дорогая Марина Казимировна!

Господи, до чего же я Вас мытарю! Если Настя не успела отнести Шекспировских заметок в Лаврушинский¹, может быть все-таки перепишите их экземплярах в трех-четырех, как быва-ло, размером в осьмушку (не знаю, правильно ли указываю раз-мер тех тетрадок, – Вы знаете о чем речь). Дело касается той второй редакции, из которой выпало копирование художника-ми старых мастеров в музеях² и прочие сложности, то есть я гово-рю о варианте средней простоты, который Вы не раз переписывали. Напечатайте, пожалуйста, не очень убористо, с полями, чтобы можно было править. Но искусственно разгонять для правки тоже не надо, это отталкивает неестественностью и усып-ляет мысль.

Макбет переведен был после³, о нем в заметках ни слова, для полноты надо будет

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
вставить два-три соображения и о нем. Привожу вставку ниже, вставьте ее,
пожалуйста, перед Королем Лиром. Она не отделана, это я сегодня записал, но все
равно перепишите, пожалуйста, я потом отделаю⁴.
Крепко целую Вас. Всего лучшего. Я скоро позвоню Вам.

Ваш Б. И

Впервые: Переписка Б. Пастернака с М. Баранович. – Автограф (Hoover Institution Archives, Stanford).

1 Днем раньше, 14 дек. 1955, Пастернак писал М. К. Баранович: «Ра-зыщите мне, пожалуйста, экземпляр "Шекспировских заметок" и Шо-пена, но не переписывайте их, в Шекспира надо будет кое-что вставить и то и другое немного упростить по внутренним побуждениям, а не из вне-шних соображений. Если нетрудно будет Насте, может быть она будет так добра и занесет то и другое на квартиру в Лаврушинском» (там же. С. 44).

2 Имеется в виду первонач. вариант 1946 г. гл. «Общая цель перево-дов», в котором Пастернак сопоставлял законы копирования произведе-ний искусства и практику переводов.

3 «Макбет» был переведен в 1951 г. после того, как вышел двухтомник переводов Пастернака из Шекспира, для которого были написаны «За-метки к переводам Шекспировских трагедий».

4 Далее в письме приведена дополнительная глава к «Заметкам...» «Макбет» (см. т. V наст. собр. С. 477-479).

1353. В. Т. ШАЛАМОВУ

22 дек. 1955

Дорогой друг мой! Спасибо за скорый ответ. Страшно второ-пях: мне пришла безумная мысль послать Вам конец романа на спешное прочтение, до отдачи в дальнейшую переписку, недели на полторы – на две, до первых чисел января. Как только у Вас освободятся обе тетради, доставьте их для передачи мне на город-скую квартиру. Если никого там не будет, в 5-м подъезде Лавру-шинского дома дежурит лифтерша Мария Эдуардовна Киреева, отдайте пакет ей для передачи мне в собственные руки, когда я приеду в город. Киреева проживает у нас. Не утруждайте себя подробным обстоятельным отзывом. Не тратьте на это времени и души. Я по двум-трем словам все угадаю.

Но вот условие. Если Вам будет до неприятности чуждо общее восприятие вещей в романе и Вас от меня отшатнет, про-стите мне мое ошибочное отношение к ним ради тех отдельных страниц, которые останутся Вам родными в нем и понравятся. Я совершенно был согласен с Вашим замечанием о разгово-рах людей из простого народа, что они представляют лубок и не-естественны¹. Вы обнаружите, как я упорствую в своих пороках и продолжаю им предаваться.

Дорогой, дорогой мой! То, что Вы усмотрите в этих тетрадях, не следствие тупоумия и черствости души, наоборот, у меня почти на границе слез печаль по поводу того, что я не могу как все, что мне нельзя, что я не вправе.

Сейчас большой поворот в сторону «левого искусства», «опальных имен» и пр. Конечно, я не составляю исключения. Ча-сто куда-то зовут, что-то предлагают. За всеми этими движениями твердая уверенность, что у всех в головах одна и та же каша, и ни-чего другого быть не может, и только в том разница, в каком виде ее подают, горячую или холодной, с молоком или маслом. Того, что можно думать совсем о другом и совсем по-другому, нет и в допущении. Конечно я ото всего отказываюсь и еще более одинок чем прежде. Пожалейте меня.

Прочтите, прочтите роман. Неважно, что Вы забыли предше-ствующее. Это несущественно.

Привет Галине Игнатьевне.

Любящий Вас Б. И

Впервые: «Юность», 1988, № 10. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2596, оп. 1, ед. хр. 54).

1 После чтения первой части «Доктора Живаго» В. Шаламов 23 дек. 1953 писал, что «язык простого народа» «дисгармоничен кни-ге» и «представляет собой грубое, резко кричащее, выпадающее из строя романа явление»: «Ваш народный язык – это лубок, не боль-ше» (там же. С. 60).

1354. Р. Н. СИМОНОВУ

29 декабря 1955, Переделкино

29 дек. 1955

Дорогой Рубен Николаевич!

Как страшно, что эта неизбежность нависает над каждым из нас, либо самим испытать этот удар, либо своим уходом нанести его нашим близким. И вот этот горький час пробил для Вас и Ва-шей семьи.

Я узнал о смерти Елены Михайловны вчера в городе. Мне все-гда кажется, что выражения сочувствия окружающих так при этом излишни и так растрavляют раны пострадавших.

Но вот Евгения Казимировна Ливанова своей запиской из города подсказывает мне,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
что я вправе присоединить выражение своей печали к голосу общего горя.
Что мне сказать Вам, Рубен Николаевич? Утешения тут не бывает. Наоборот, каждая
ласка и теплое слово, как бы только еще шире освобождают путь слезам и вслух
вырывающимся жа-лобам.

Но Вы не одиноки в своей утрате и среди людей, которым дорога останется память о
покойной, всегда буду вспоминать и я эту так рано и неожиданно скончавшуюся
талантливую, порыви-стую, красивую и молодую женщину, так живо и увлеченно
гово-рившую таким чарующе заглушённым голосом, которую столько раз еще я
надеялся увидеть после едва лишь заведенного знаком-ства, и только откладывал
мечту о встрече до более уважительного предлога, который дал бы мне право

отвлечь Вас и ее от Ваших работ и планов.

Обнимаю Вас Ваш Б. Пастернак
Впервые. – Автограф (собр. Е. Р. Симонова).

1355. Э. Е. ЛАЗЕБНИКОВОЙ-МАРКИШ

31 декабря 1955, Переделкино

31 дек. 1955

Глубокоуважаемая Эстер Ефимовна!

Преклоняюсь перед непомерностью Вашего горя. Помимо свое-го художественного
значения Маркиш был слишком необыкновенным явлением самой жизни, ее улыбкой, ее
лучом, который прикоснове-нием красоты, радующим знаком ложился всюду, куда он
являлся.

Я очень хорошо помню его посещение, наш разговор и со-держание подстрочника его
замечательных стихов памяти Михо-элса¹. Но в противоположность мнению Вашего
соредактора Е. Пермяка, который пишет мне, что память у меня точнее
фото-графических снимков², я не только не помню своего перевода, но не помню
даже, переводил ли я их. Думаю, что я только обещал и собирался, откуда и
возникло это заблуждение.

Не должно удивлять также исчезновение следов работы, на-чатой или
предположенной, у меня самого. Если я сделал пере-вод, то наверное вернул
подстрочники вместе с переводом.

Никто, ни Вы, ни кто-либо другой никогда не поверят, на-сколько не
по-писательски устроен мой обиход, без книг, без пе-реписки, без следов
написанного, без авторского «портфеля», без письменного архива, с уничтожением
писем и рукописей, с хра-нением только в душе и сердце самого необходимого.

Стихи надо перевести вновь (а может быть и впервые). Это должен сделать
кто-нибудь другой, Петровых или Мартынов, у нас немало превосходных
переводчиков, из них одни не хуже, а дру-гие – лучше меня.

Меня отовсюду теснят просьбами о переводах. Есть случаи, такие же высокие,
достойные и страшные, как Ваш. Но если бы люди относились ко мне хорошо и
внимательно, они должны были бы предостерегать и удерживать меня от переводов, а
не поручать их мне. Пора мне заняться собой.

Ваш сын, очаровательный мальчик, говорил со мною о пере-водах, между прочим и о
Шелли и Эдгаре Поэ. Я все ему расска-зал. Пусть он меня перед Вами защитит.

А что наши годы наполнены были чудовищным и страшным и неисчислимыми примерами
мученичества, я догадывался дав-но, и неспособность мириться с этим давно, около
сорока лет тому назад, определила мою жизнь и связала мне руки.

Не сердитесь на меня.

Впервые: Эстер Маркиш. Столь долгое возвращение. Тель-Авив, 1989. С. 317.

Приводится факсимиле. – Автограф (собр. адресата).

Э. Е. Лазебникова-Маркиш – вдова поэта Переца Маркиша, расстре-лянного в 1952
г., как члена антифашистского комитета. Вернувшись из Казахстана, куда она была
выслана вскоре после ареста мужа, составляла вместе с А. Вергелисом сб. стих.
Маркиша.

1 В сб. Переца Маркиша «Избранное. Стихотворения и поэмы» (М., 1957) перевод
стих. «Михоэлсу – неугасимый светильник» сделан Арка-дием Штейнбергом.

2 Евгений Андреевич Пермяк, член комиссии по изданию сб. стих. Переца Маркиша,
писал Пастернаку 27 дек. 1955: «Вы переводили одно из его стихотворений. Перевод
затерян. Вспомните перевод и перешлите его».

3 Симон Маркиш – филолог-классик, вернувшийся в Москву из ссылки и работавший в
иностранной редакции в Гослитиздате.

1356. К. А. ФЕДИНУ

31 декабря 1955, Переделкино

31 дек. 1955 дорогой Костя!

С наступающим Новым годом тебя и всех твоих домашних. Желаю тебе наиболее
полного осуществления твоих планов и за-мыслов, самых заветных и своевольных.
Наверное тебя нет в Пе-ределкине, и ты встречаешь Новый год где-нибудь высоко и
дале-ко, или в своей давно и заранее составленной компании. Но если бы ты по
случайности, едва представимой, оказался рядом на даче, ты знаешь, каким дорогим

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
гостем вместе с Ниной и Александром Викторовичем ты явился бы для нас и нашего
узкого круга¹. Обнимаем тебя.

Твой Б. И

Впервые. – Автограф (собр. Н. К. Фединой).

1 Несмотря на все большее отдаление в связи с официальным статусом Федина, Пастернак продолжал по-прежнему нежно относиться к нему и по-соседски запросто приглашал его в гости. Сохранилась аналогичная записка 4 нояб. 1954: «Дорогой Костя! Мы давно по тебе соскучились. Если ты тут и здоров, и у тебя нет возражений, приходи, пожалуйста, к нам обе-дать в воскресенье, 6-го, в три часа. Если Нина и Саша тут и свободны, приходи с ними. Твой Борис» (там же). Александр Викторович Роговин – актер Московского драматического театра им. К. С.

Станиславского, муж Н. К. Фединой.

1357. Е. Н. ГОГОЛЕВОЙ

19 января 1956, Переделкино

19 янв. 1956

Дорогая Елена Николаевна!

Пожалуйста ничего не отвечайте мне, а то похоже будет, буд-то я напрашиваюсь на Ваши автографы¹.

Вы стали играть леди Макбет еще сильнее и глубже, хотя вер-хом совершенства было уже Ваше исполнение на генеральной. Прибавилась мимика, метания отчаяния и безнадежности, пред-варяющие реплики, движения души, неумещающиеся в словах. Усилилась их решительность и резкость. Это очень хорошо. Вы страшно, страшно нравитесь публике, – я это слышу отовсюду, так же целиком и безоговорочно, как мне.

Все это Вы знаете и сами, без моих уверений, и если я об этом заговариваю, то только для того, чтобы стать между Вами и теми, иногда мерещащимися призраками, которые порою вызывает веч-ная и ненасытная неудовлетворенность художника.

Мне хочется послать Вам какое-нибудь овеществленное по-здравление или привет, что-нибудь осязательное на память и нет ничего подходящего.

Я недавно закончил большой роман в прозе, написанный не только не так как полагается, но с точек зрения, противоположных требующимся и привычным. Но совсем не по этой причине чтение его, по счастью, минует Вас, а потому что он очень длинен, и я сам не хочу, чтобы в Вашей так счастливо отданной искусству жизни нашлось так много досуга на посторонние или соседние цели².

Но главный герой, незадачливый, опускающийся врач Жи-ваго, умирает в 1929-м году, и после него остается некоторое ко-личество стихотворений, помещенных в конце книги, после про-зы. Часть их была напечатана, часть ходила по рукам в списках. В надежде, что может быть Вы их не знаете, посылаю их Вам ради надписи, в которой мечтаю еще раз повторить Вам выражение сво-их восторгов³. Без конца рукоплещу Вам.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Независимая газета», 9 янв. 1992. – Автограф (собр. адре-сата).

Е. Н. Гоголева – актриса Малого театра, играла Леди Макбет в спек-такле, поставленном по переводу Пастернака.

1 В архиве Пастернака два письма Е. Н. Гоголевой.

2 В ответном письме, написанном в начале февраля 1956 г., Гоголева выражала желание прочесть «Доктора Живаго».

3 Надпись на машин, стихов из романа: «To the very Lady Macbeth, great, frightening and enchanting. Артистке, настолько стершей границу меж-ду ролью и исполнительницей, между леди Макбет и Гоголевой, что я ис-кренне не знаю, кому надписываю тетрадку, и к кому из них в ужасе и вос-хищении обращаюсь. Б. Пастернак 20 янв. 1956 г.» («Настоящей Леди Макбет, великой, устрашающей и очаровывающей». – англ.; там же).

1358. А. К. КОТОВУ

3 февраля 1956, Переделкино Дорогой Анатолий Константинович!

Это письмо на случай, если я завтра не застаю Вас лично в Гос-литиздате, или если Вы будете заняты. Помогите мне уладить мои де-нежные дела. Сам я с семьей не нуждаюсь, но мне постоянно требуют-ся огромные вторые параллельные деньги в огромное множество рук. А еще отказ мой от утробения гонорара при утробении тиража в 1953 году при выпуске Шекспира¹, не по моей вине не оставшийся в секрете, породил басни о каком-то несуществующем моем богатстве.

Отчего с 75 000 экземпляров Фауста сошли на 25 000?² Как мне выразиться о своей собственной работе? Это был труд очень серь-езный.

В «Искусстве», как только что мне оттуда письменно сооб-щили, в полное собрание Шекспира включили только моего «Ген-риха IV» и «Макбета»³. Не удивительно ли?

Чем это объяснить. Ах, ах, ах! Если бы у меня было собственное издательство!

Конеч-но, при моей бездарности, я бы мигом прогорел, никто ничего бы не покупал. Какое счастье, что нынешние благодетельные поряд-ки спасают меня от этого

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori разочарования.

Спешно для МХАТа я перевел Марию Стюарт. Там ее в этом переводе поставят. Где издать эту работу? «Искусство» Шиллером не занимается⁴. У Вас планы расписаны до 65-го года.

Мне страшно не хочется воспользоваться утвержденной возможностью с однотономиком⁵. Мне кажется тяжесть колхозов ничто по сравнению с тяжестью советской литературы. Вся она решительно без каких-либо исключений смертельно надоела. Нельзя без последствий сорок лет долдонить одно и то же.

Я счастлив был узнать от Казакевича, что стихи в альманахах не попали, мне так этого не хотелось! Может быть на мое счастье и заметки о Шекспире не будут помещены⁶.

Но деньги все-таки какие-то надо выдумать. Нельзя ли заключить сейчас же, в феврале, авансовый договор на точное воспроизведение моего гослитиздатовского однотомика 1936 г.⁷ (в нем 20 авторских листов). В договоре значилось бы, что это точное переиздание, и это исключало бы беспокойство, что я надую издательство, а также избавляло бы меня от редакторских радений и акушерских консультаций и забот. А в ходе осуществления договора, к нынешней осени, я слабейшую половину сборника выкинул бы и заменил позднейшим, не вошедшим в нее материалом.

Но это для меня наихудший выход, и Вы осчастливили бы меня, если бы эту меру можно было заменить переизданием всех Шекспировских переводов, или только массового Гамлета, или Шиллеровской «Марии».

Не сердитесь, что пишу второпях, в слепой вере, что Вы меня простите. Отсюда и резкости, которые Вас рассмешат, к сожалению. Но ведь я Вас, наверное, увижу⁸.

Ваш Б. Пастернак

3 февраля 1956 г.

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 1460, оп. 1, ед. хр. 160).

1 Сб. Вильям Шекспир. Избранные произведения (М., Гослитиздат, 1953) включил все восемь трагедий, переведенных Пастернаком. Тираж 25 000 (вместо 75 000 по договору).

2 Гете. Фауст. Перевод Б. Пастернака. М., Гослитиздат, 1955. Тираж 25 000 (вместо 75 000 по договору).

3 В 1958 г. из собр. соч. Шекспира были исключены и эти переводы.

4 «Мария Стюарт» Шиллера в переводе Пастернака была издана в Гослитиздате в 1958 г.

5 Имеется в виду предложенное Пастернаку издание сб. «Стихотворения и поэмы».

6 По просьбе Э. Казакевича, одного из редакторов альм. «Литературная Москва», Пастернак дал подборку стихов из романа «Доктор Живаго» и «Замечания к переводам из Шекспира», которые были опубликованы в jsjb 1 альманаха с сокращениями. Об отношении Пастернака к «кооперативным» изданиям см. письмо № 1373.

7 Речь идет о сб. «Стихотворения в одном томе». М., 1935.

8 Об этом свидании Пастернак писал Котову в те же дни: «Дорогой Анатолий Константинович! Я буду искать встречи с Вами во второй половине будущей недели: всего бы лучше в четверг 9 февраля или в субботу 11 февраля, если можно, в утренние часы. Поставьте, пожалуйста, Вашу секретаршу в известность о дне и часе, когда это можно сделать. Я из Переделкина буду справляться у нее об этом по телефону. Я зиму на даче и в городе бываю очень редко и ненадолго. Сердечный привет. Ваш Б. Пастерна/о (там же).

1359. К. А. ФЕДИНУ

17 февраля 1956, Переделкино

17 февр. 1956 г. Дорогой Костя!

Я еще не поблагодарил тебя за твои чудные слова о Фаусте¹. Докажи, что ты не рассердился на меня, и исполни нашу общую просьбу. У нас будут гости в понедельник, 20-го, к обеду, в три часа дня, люди главным образом театральные², почему и выбран этот выходной театральный день.

Страшно прошу тебя прийти к нам! Хотя это день присутственный, рабочий, – освободись как-нибудь и не огорчай меня своим отказом.

Твой Б.

Впервые: «Волга», 1990, № 2. – Автограф (собр. Н. К. Фединой).

1 Письмо Федина о «Фаусте» не сохранилось, он писал о нем в своей книге «Писатель, искусство, время» (М., 1957): «Получил с новыми книгами "Фауста" в переводе Пастернака. Послал ему письмо с тем первым и ни капли не обдуманым порывом, какому поддаюсь сразу под впечатлением таланта, остро схватывающего воображение и душу. Так было с этим русским "фаустом", подаренным нам трудами и виртуозностью Пастернака: никто из прежних переводчиков Гете не в силах был заставить читателя его трагедию с таким непосредственным увлечением» (С. 389–390). К. Чуковский записал в дневнике, что Федин восхищался «просторечием этого перевода, его гибкой и богатой фразеологией, "словно он всего Даля

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
наизусть выучил"» (Воспоминания. С. 271).

2 В этот день были приглашены актеры Малого театра, играющие «Макбета».

1360. Е. Б. ПАСТЕРНАКУ

3 марта 1956, Переделкино

Дорогой Женя!

Отовсюду доходят сведения (и Леня в этом уверен), что вопрос поступления в Университет – дело родственных и ведомственных связей, подкупа, всяческих происков и т. д. Зинаида Николаевна готова состязаться в подмазывании нужных пружин, но не знает места приложения своей готовности. Меня все время винят, что я чего-то не делаю, не пишу нужных писем неведомо кому.

Мне кажется, – если бы можно было поручиться, что Леню будут экзаменовать честно, не надо было бы никаких предвари-тельных хлопот. Но ввиду таких описаний мне очень хотелось бы, чтобы в какой-то части, преподавательской, экзаменационной среды Леню, очень немногословного и застенчивого, узнали и что-бы знакомство с тобою и Мишей Поливановым было бы первым шагом на пути такого будущего ознакомления. С другой стороны, и Леня постепенно узнал бы, с кем ему предстоит дело и, если бы это явилось нужно, сказал бы мне, к кому мне нужно обращаться с просьбой или письмом. Помогите мне в этом отношении, я тебе буду очень благодарен, а о Мише нечего и говорить.

В четверг, 5-го, они созвонятся с тобой может быть утром, и во всяком случае в 4 часа.

Целую тебя и маму.

3 марта 1956

Впервые: «Существованья ткань сквозная». – Автограф.

1 Михаил Константинович Поливанов недавно окончил физический факультет МГУ и работал в области ядерной физики у акад. Н. Н. Боголюбова. Заниматься физикой с Л. Б. Пастернаком стал доктор физико-матем. наук М. Л. Левин, вспоминая, что первым вопросом Б. Пастернака к нему был: «...Можно ли в наше время заниматься физикой, оставаясь порядочным человеком?» (Воспоминания. С. 359).

1361. О. М. МАЛЕВИЧУ

4 марта 1956, Переделкино

4 марта 1956

Уважаемый тов. Малевич!

Ваша посылка и просьба застают меня очень занятым. Я не знаю, когда смогу ответить Вам подробнее и отослать назад переплетенную тетрадь.

Свободный стих, которым очень давно пишут на свете, в редких случаях убеждает меня, а то бы я сам писал им.

Наверное, я и по более внимательном просмотре тетради не смогу согласиться с Вашей оценкой стихов Диденко.

Его тонкости, часто борющейся с простой расплывчатостью и бледностью, недостает силы и определенности. Строчки, внушенные действительно пережитым или подмеченным, как, например, «Половицы закрывают пыльные глаза» или «Дай припасть узкогорлой пшенице...» редки и тонут в произвольности полутонов, мало мне говорящих.

Видимо я груб и чего-то не замечаю, ясного Вам, но от этих стихов у меня протягивается параллель к былым, очень давнишним моим собратьям, которые потом ни к чему не пришли и так же когда-то всех превосходили тонкой недосказанностью и нео-пределенностью, никаких надежд мне не подававших. Много такого и на Западе, и тоже ничего не говорит мне, за редкими, сразу приковывающими исключениями.

Вы определенно обратились не по адресу, я должен обмануть Ваши ожидания.

Ваш Б. Пастернак Впервые. – Автограф (собр. адресата).

Олег Михайлович Малевич – литературовед и переводчик, специа-лист по чешской и словацкой литературам.

10. Малевич прислал Пастернаку тетрадь стихов своего убитого друга Валерия Валентиновича Диденко. Он читал эти стихи А. Ахматовой, посылал их И. Эренбургу, А. Вознесенскому и Е. Евтушенко, ответил ему только Пастернак. Доклад О. Малевича «Поэтическое наследие Валерия Диденко и проблемы истории неофициальной литературы» опубликован в «Блоковском сборнике» XII (Тарту, 1993). См. также: Олег Малевич. О Валерии Диденко (газ. «Невское время», 29 февр. 1992). Здесь же напечатана подборка стихов Диденко и заметка о нем С. А. Лурье.

1362. Н. ТАБИДЗЕ

7 марта 1956, Переделкино

7 марта 1956 Дорогая Нина!

Вот последние два стихотворения. «Стихи о Мухранской долине» сложны и значительны по движению своей поэтической мысли, и в переводе у меня может быть вышли тяжеловесными, хуже, чем у Ольги Севолодовны.

В первом из отданных Вам стихотворений я испортил при переписке заглавие и

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
шестую строфу, прежде было лучше. Эти два исправления я прилагаю на двух
полосках для наклейки по-верх прежних вариантов, – где-нибудь в квартире должен
най-тись клей.

Крепко целую Вас, привет от всей души дорогой Евфимии Александровне. Устройте
опять обязательно, чтобы с субботы до вторника вдвоем побывать на даче.

Ваш Боря

Впервые: «Дружба народов», 1996, № 7. – Автограф (ГМГЛ, № 021914, 18).

1 В 1955–1956 гг. Пастернак перевел для посмертного издания Тици-ана Табидзе
семь его стихотворений.

2 О. В. Ивинская ошибочно считала, что именно ее перевод «Стихов о Мухранской
долине» был опубликован в кн.: Тициан Табидзе. Избран-ное. Тбилиси, «Заря
Востока», 1957 (Ивинская. В плену времени. С. 42).

1363. М. Н. ВИТАШЕВСКОЙ

12 апреля 1956, Переделкино

12 апр. 1956

Дорогая Мария Николаевна!

Я с радостью узнал, что Вы руководите или имеете ближай-шее отношение к
переводам из бенгальской поэзии¹. Меня хотел привлечь к этому и об этом звонил
Боровик Эммануил Исаако-вич, но городская наша квартира пустует и только в
последнее время в ней гостят две знакомые из Грузии, – они не осведомле-ны о
моих делах и не знаю, что ответили Э<ммануилу> И<саа-ковичу>.

Я страшно занят сейчас и не знаю, когда это кончится. Обо мне временно надо
забыть. Но я от души рекомендую Вам хоро-шую переводчицу, работающую в близком
мне духе и направле-нии, Ольгу Всеволодовну Ивинскую, которой очень удавались
переводы армянских и грузинских поэтов для Гослитиздата и у которой, по
независящим от нее обстоятельствам в 1949-м году, когда с ней самой случилось
несчастье, пропала составленная ею книга переведенных ею корейских поэтов.

Боровику после сообщения о его звонке я пробовал звонить безуспешно по телефону
Емельяникова². Но я ни ему, ни Вам пока совсем не нужен и совершенно
бесполезен, цель же настоящего письма – просьба и совет испробовать силы О<льги>
В<севоло-дрвны> в задумываемом Вами издании. Всего лучшего, сердечный привет.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2871, оп. 1, ед. хр. 68).

1 Имеется в виду составление «Восточного альманаха» (М., 1957. Вып. 1).

2 Эммануил Исаакович Боровик – специалист по бенгальской поэзии; Сергей Павлович
Емельяников – заведующий иностранной редакцией Гослитиздата.

1364. А. И. КЛИБАНОВУ

12 мая 1956, Переделкино

12 мая 1956

Милый Александр Ильич!

Благодарю Вас за оттиск, он застает меня очень занятым, – я никому не отвечаю на
письма. Это будет еще довольно долго. Как только немного освобожусь, с
величайшим интересом прочту Ваше исследование¹, пробежать глазами по которому
было и то боль-шим удовольствием. Сколько канонических кусков в языке
при-ложенных текстов «Со человеки поживе» и т. д! Открывать это и наткаться на
них, освежая памятное, тоже приятно.

Еще раз спасибо и сердечный привет.

Ваш Б. Пастернак Впервые. – Автограф (собр. адресата).

1 Оттиск статьи А. И. Клибанова «Самобытийственная ересь. Из ис-тории русского
свободомыслия конца XV – первой половины XVI в.» из сб. «Вопросы истории религии
и атеизма». Вып. IV. М., 1956. Статья по-священа взглядам еретиков Федора
Курицына, Феодосия Косого и неко-торых анонимных авторов.

2 «Со человеки поживе...» – октоих воскресен богородичен 8-го гласа.

1365. З. Ф. РУОФФ

12 мая 1956, Переделкино

12 мая 1956

Милая Зельма Федоровна!

Благодарю Вас за письмо и фотографию Рильке. Вы правы: стихотворение, которое
Вам прислала Ленинградская приятель-ница, не мое, – я такого не писал и его не
знаю. Но кто бы его ни написал, он лучше бы сделал, сказав:

«Я зй городом жил один...»

Я не могу Вам ответить по-настоящему, потому что очень за-нят сейчас и это долго
еще будет продолжаться. Едва ли возмож-ности напечатания романа возросли.

Относясь к совершенно ино-му, не злободневному миру, он все же касается многого
реального, наболевшего и совсем непринятых точек зрения.

В статье о Шекспире многое выброшено и неверное отдаляет ее от тех, кому она
была бы ближе без сокращений, может быть ви-доизменяя ее общий дух. Я этого не
проверил. Я так занят, что даже не видал альманаха¹. Я не старался достать его.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Его у меня нет.

Три тома писем Рильке я добыл совсем недавно². Dichterin*, о которой Вы спрашивали – Марина Цветаева³. Он сыграл огромную роль в моей жизни, но мне никогда в голову не приходило, что я мог бы осмелиться ему написать, пока по прошествии двадцати лет оказываемого на меня и ему не ведомого влияния я вдруг не узнал (это упомянуто им в его письме моему отцу), что стал известен ему во французском переводе Извольской. Я не представлял себе, чтобы почта могла служить мостом к недоступному, со всем по-другому, чем все на свете существующему миру, с которым я был связан только своим поклонением, и вдруг оказалось, что мост этот перекинут далекой случайностью помимо меня. Только тогда я в первый раз в жизни подумал, что мог бы написать ему. Но у нас были прерваны сношения со Швейцарией. И во Франции жила Цветаева, с которой я был в переписке и большой дружбе и которая тоже знала и любила Рильке. Мне хотелось по-путно сделать ей подарок, представить ее Рильке, познакомить их. Я просил его не отвечать мне, не тратить на меня драгоценного времени, но в качестве знака, что письмо дошло до него, послать «Сонеты к Орфею» и «Элегии» Цветаевой во Францию. Помещенное в томе письмо было препровождено ей с напечатанным внизу и к ней обращенным сопровождением, она переслала его мне⁴. Получение этой записки было одним из немногих потрясений моей жизни, я ни о чем таком не мог мечтать. Они потом переписывались. Он жаловался ей, что я больше не пишу ему, что это огорчает и заботит его (В-s Sweigen kummert und bekummert mich**)⁵. Поэтесса (нем.). ** «Молчание Бориса огорчает и заботит меня» (нем.).

А мне не хотелось разменивать и растрчивать желания повидать его (я мечтал к нему поехать) в переписке, от которой я нарочно воздерживался. И вдруг он умер. Для готовящейся книги моих избранных стихотворений я пишу предисловие биографического характера. Когда я на днях дошел до места, где надо сказать о Рильке, я вместо характеристики и описаний, которые не дали бы о нем никакого представления, в ходе изложения без особого труда перевел две его вещи «Der Lesende» и «Der Schauende» из «Buch der Bilder»⁶, чего никогда бы не сделал так легко, если бы поставил себе эту задачу отдельно. У меня нет времени переписать их для Вас, если книга осуществится, Вы их прочтете в тексте предисловия. Опять-таки на днях, совсем недавно, я обратился в Ино-странную комиссию Союза писателей с просьбой, чтобы они мне выяснили, жива ли дочь Рильке и ее муж, живы ли Kirpenberg издатель Insel Verlag'a и Lou Andreas Salome и доставили мне их адреса. Я хочу связаться с кем-нибудь из них⁷.

Все это я Вам сообщаю, потому что Вы об этом спрашивали и Вас это интересует. Но я делаю это второпях и не считаю письма настоящим ответом Вам⁸.

Мне кажется, у Вас превратное представление обо мне. Стихи значат гораздо меньше для меня, чем Вы, по-видимому думаете. Они должны уравниваться и идти рядом с большой прозой, им должны сопутствовать новая требующая точности и все еще не нашедшая ее мысль, собранное, не легко давшееся поведение, трудная жизнь. Я так и не сделал за все свое существование ничего особенного, а у меня уже есть неизвестная мне мировая судьба за нашими пределами. Она стала докучать до меня и застает меня врасплох, неподготовленным, с пустыми руками, потому что, тб единственное, чем бы я мог ответить ей, мой роман не может быть напечатан.

Будьте здоровы. Наверное, я Вам написал часть того, что собственно надо было бы написать в Веймар⁹.

От души Вам всего лучшего.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Вопросы литературы», 1972, № 9. – Местонахождение автографа неизвестно. О Зельме Федоровне Руофф см. в письме JNfe 1025 и коммент к нему.

1 «Литературная Москва» (кн. 1), 1956, где были опубликованы «За-мечания к переводам из Шекспира» с сокращениями.

2 Имеется в виду издание: Rainer Maria Rilke. Briefe aus den Jahren 1914 bis 1921. Insel Verlag zu Leipzig, 1938; Briefe aus Muzot 1921 bis 1926, 1940; Briefe an seinen Verleger 1906-1926, 1941. Судя по сохранившейся записке, Пастернак брал его читать у М. К. Баранович: «Дорогая Марина Казими-ровна! Буду Вам страшно благодарен, если дадите мне на прочтение все письма Рильке (3 тома). Буду искать для Жени Левитина Фауста. Книжки дайте, пожалуйста, подателю записки Ю. М. Николаеву. Ваш Б. Пастернак» (собр. И. Охлопкова). Купленные Пастернаком три тома писем Рильке носят владельческую надпись: «Aleksis Rannit 1943» и имеют многочисленные пометки Пастернака.

3 З. Ф. Руофф спрашивала Пастернака о поэтессе, упоминаемой в письме Рильке к нему, напечатанном без объяснений в томе «Писем из Мюзот»: «Дорогой мой Борис Пастернак, Ваше желание было исполнено тотчас, как только непосредственность Вашего письма коснулась меня словно веянье крыльев: "Элегии" и "Сонеты к Орфею" уже в руках по-этессы!» (3 мая 1926; письма 1926. с. 102).

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
4 Вместе с письмом Рильке Цветаева переслала Пастернаку слова Рильке из письма к ней, которые напечатаны как приписка.

5 Цитата из письма Рильке к Цветаевой 19 авг. 1926, видимо, выпи-санная ею для Пастернака.

6 В автобиографический очерк «Люди и положения» включены пере-воды стихотворений Рильке «За книгой» и «Созерцание» из «Книги обра-зов».

7 Рут Рильке и ее муж Карл Зибер занимались изданиями произведе-ний Рильке и его писем. Антон Киппенберг – владелец изд-ва Insel Verlag, с 1905 г. выпускавшего книги Рильке. Лу Андреас Саломе – близкий друг Рильке, с которой он приезжал в Россию в 1899 и 1900 гг., скончалась в 1937 г.

8 З. Ф. Руофф спрашивала Пастернака о Рильке и их взаимоотноше-ниях. Позднее она написала исследование на эту тему (РГБ).

9 В Веймаре жила вдова Рильке, Клара Вестгоф, скончавшаяся в 1954 г.

1366. М.Я. АПЛЕТИНУ

26 мая 1956, Переделкино Дорогой Михаил Яковлевич!

Лучше мне не отвечать лично Брехту, а то я отвечу нелюбезно и резко¹. Меня всегда взрывает это желание кого бы то ни было и очень многих быть переведенными мною. В этой погоне за име-нем люди не додумывают, что это имя заработано не переводами, а самостоятельно, в те далекие годы, когда еще выражали себя люди, личности, индивидуальности, а не общие установки, и что для таких людей, да нет, – для всех, для всей истинной, творче-ской литературы область переводов есть выход из положения, замаскированный позор, вынужденное батрачество, какую бы дружбою народов это ни прикрывалось. И когда с улыбкою меня просят о переводах, на меня это действует так, как если бы меня поздравили с поражением или неволей. Брехт живет не в лесу, до него доходят разные сведения. Он должен был бы знать, что я не переводчик, что у меня есть свои большие работы, куда интереснее моих прежних, и что если они ему неизвестны, то это оттого, что для их напечатания условия еще недостаточно свободны, а его старью двери еще широко открыты. Напишите, пожалуйста, ему, чтобы он извинил меня, что я не отвечаю ему и перестал заниматься переводами, потому что очень занят, как оно и есть в действительности.

Возвращаемые оригиналы прилагаю.

Ваш Б. Пастернак

26 мая 1956

Его адрес: Bertolt Brecht. Berliner Ensemble Am Schiffbauerdamm 4a. Berlin NW7. Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2876, оп. 1, ед. хр. 139).

М. Я. Аплетин – председатель иностранной комиссии Союза писателей.

1 Пастернак получил письмо Бертольда Брехта: «9 мая 1956. Дорогой товарищ Пастернак, я решил еще затруднить Вас небольшой переводной работой, понимая, что моя неожиданная просьба может быть неудобна Вам, но мне хотелось бы представить в самом лучшем в СССР переводе несколько стихотворений о Ленине, ведь я никогда еще не делал подоб-ной попытки. Само собой разумеется, я вполне пойму, если у Вас нет для этого времени или желания. Сердечно Ваш. Бертольд Брехт» (нем.).

1367. М. Н. ВИТАШЕВСКОЙ

26 мая 1956, Переделкино

26 мая 1956

Дорогая Мария Николаевна!

Не сердитесь на меня. Я очень занят и дал себе слово или по-клялся, что никогда ничего больше не буду переводить. Это каса-ется чего бы то ни было, как бы подлинник ни был хорош, – ка-сается и Тагора. Не ждите от меня переводов из него¹.

Я видел несколько переводов Ольги Всеволодовны и некото-рые кое-где подправил. По-моему они очень живы и естествен-ны: я лучше бы не сделал².

Если дело в действительном качестве, а не в моем имени, тоже, в конце концов, двойственным, несуществующем и спорном, я бы на Вашем месте удовлетворился очень удавшимися переводами О<льги> В<севолодовны> и не старался бы дополнить ее хороших работ еще неизвестно какими моими, тем более, что мне так не-когда и трудно. Спасибо Вам за ласку к О. В. Сердечный привет.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2871, оп. 1, ед. хр. 68).

1 Несмотря на занятость, Пастернак перевел для «Восточного альма-наха» 7 стих. Рабиндраната Тагора.

2 В «Восточный альманах» вошли несколько переводов О. Ивинской из Тагора.

1368. А. И. ПУЗИКОВУ

17 июня 1956, Переделкино

17 июня 1956

Дорогой Александр Иванович!

Опять возникают препятствия с финансовыми и договорны-ми правомочиями

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori Банникова¹. Меня это очень огорчает.

Но не об этом моя записка. У меня явилась мысль, не дать ли мне к третьему изданию «Фауста» несколько слов от себя о его существовании, о его духе, подобно тем сообщениям, которые я делал для Воксовских заграничных начинаний и для радио?² У меня своя точка зрения на Фауста, и ее изложение заняло бы страницу–две, не больше, между предисловием Вильмонта и началом текста.

Не торопитесь отвечать утвердительно, я очень люблю Вас и не нуждаюсь в доказательствах Вашей отзывчивости. Подумайте трезво, может быть это лишнее. В случае положительном все равно мне пришлось бы вставить предполагаемую вступительную за–метку в корректуру. Я пока все еще загроможден всякими неотлож–ностями, а мог бы написать о Фаусте спустя месяц, и тогда – на ходу, в процессе производства книги, пока бы он типографски это позволил. Подумайте, пожалуйста, и мнение свое передайте в отдел, для сообщения мне. Речь о вставке двух страниц, не более.

Крепко жму Вашу руку. Уладьте, пожалуйста, если это в Ва–ших силах, недоразумение с Банниковым.

Преданный Вам Б. И

Впервые: Ново–Басманная, 19. М., 1990 (с купюрами). – Автограф (собр. Т. А. Пузиковой).

1 Пастернак беспокоился о том, что издательство отказывает Н» В. Бан–никову в оплате составления сб. стихотворений, так как он состоит в шта–те на жаловании.

2 Рассказ Пастернака о такой заметке для «Бюллетеня ВОКСа» по поводу работы над «Фаустом» записал в дневнике Вс. Иванов 10 июня 1954 г.: «...Написал Вильмонт, очень хорошо, а я приписал следующие мыс–ли: "Фауст – это владение временем, попытка превратить короткий отре–зок времени во что–то длительное, более или менее устойчивое". Я напи–сал это, читаю по телефону сотруднице и спрашиваю: "Понятно?" – "Да, понятно, но ведь у нас переводчики, вот они, не знаю, поймут ли". <...> "Знаете что? Давайте я напишу вам то же самое по–английски <...>" На–писал. Спрашиваю: "Понятно?" Отвечают: "Да, очень, гораздо лучше, чем по–русски, мы посылаем в набор!.."» (Воспоминания. С. 250). Третье из–дание «Фауста» вышло в 1957 г. без вступительной заметки Пастернака.

1369. Дж. ФЕЛЬТРИНЕЛЛИ

30 июня 1956, Москва

Москва, 30 июня 1956

Господину издателю Джанджакомо Фельтринелли Милан. Via Fatabenefratelli 15 Милостивый государь,

Ваши предложения замечательны, я с удовольствием подпи–сываю договор¹. Нельзя сказать, чтобы я совсем не был заинтере–сован в заработке, но мы живем в совсем других условиях, чем Ваши. Моей заслуги нет в том, что денежная сторона для меня ничего не значит или вторична². Во всяком случае сохраните все, что мне причитается, под своей защитой, я это полностью пору–чаю вам и не будем говорить об этом до тех пор, пока я не приеду к вам или не вернусь к этому вопросу сам. Тем больше меня радует, что роман будет издан у Вас и его будут читать. Если его публикация здесь, обещанная несколькими нашими журналами, задержится, и Вы ее опередите, ситуация будет трагически трудной для меня. Но это вас не касается. Ради Бога, свободно принимайтесь за перевод и печатание романа, в добрый час! Мысли рождаются не для того, чтобы их таили или душили в себе, но чтобы быть переданными другим.

Обеспечьте работе хороший перевод. Г–н профессор Ло Гатто хвалил и рекомендовал мне для этого поэта и переводчика Рипел–лино в Риме³.

Примите мои лучшие чувства.

P. S. Будьте любезны известить меня телеграммой о получе–нии письма.

Впервые: «Мир Пастернака». М., «Советский художник», 1989. – Автограф по–фр. (РГАНИ). Печатается по авторской копии.

Дж. Фельтринелли – итальянский издатель, активный член комму–нистической партии Италии. Через своего литературного агента С. Д'Ан–джело получил от Пастернака рукопись «Доктора Живаго» и прислал ему договор на его издание по–итальянски. Переписка с Фельтринелли вклю–чает 8 писем Пастернака, 3 из них остались неотосланными. Опубликова–на по–русски в журн. «Континент», 2001, № 107–108.

1 Договор с Фельтринелли был подписан с согласия обоих сыновей, с которыми Пастернак специально советовался, понимая ответственность этого шага в условиях того времени.

2 В письме 13 июня 1956, благодаря Пастернака за передачу ему пра–ва на издание, Фельтринелли предлагал в качестве гонорара 15% отпуск–ной цены и 50% за права, предоставляемые иностранным издательствам. Эти пункты не были выполнены из–за неосуществимости нормального об–щения автора с издателем.

3 В июне Пастернака посетил в Переделкине проф. Этторе Ло Гатто, автор «Истории русской литературы»; благодаря Пастернака за прием в письме 23 июня 1956, он

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
советовал пригласить для перевода «Доктора Живаго» молодого слависта Анджело

Мария Рипеллино.

1370. С. ЧИКОВАНИ

10 июля 1956, Переделкино

10 июля 1956 дорогой Симон!

Извините, что не ответил на Ваше письмо, полное такого ве-ликодушия и готовности
оказать нам так много услуг с разных сто-рон; свинство такого отмалчивания в
ответ я стал позволять себе, чтобы справиться со множеством срочных задач,
неисполнение которых задерживает мою книгу и отражается на некоторых дру-гих
предположениях.

Жгенти сказал, что Вы в августе собираетесь в Москву, зна-чит скоро я буду иметь
радость Вас увидеть. В ближайшее по Ва-шем приезде воскресенье днем часам к 2-м
непреренно приезжай-те к нам в Переделкино с Марией Николаевной, если она тоже
приедет. Тогда я расскажу Вам все подробно.

А пока вкратце. Мы согласились с Лениным желанием, что-бы он экзаменовался в
Москве. Без конца и горячо благодарю Вас за все Ваши предложения в этом
отношении, вплоть до гостепри-имного согласия, которым мы никогда бы не
злоупотребили и не воспользовались, приютить Леню у Вас¹.

Про роман Нина, по ее словам, сказала Вам кому она его дала читать в Тбилиси.
Вторая книга (то, чего Вы не знаете) состоит из двух отдельно переписанных
томов. Обязательно достаньте их и, если у Вас будет время до отъезда, прочтите
конец.

Биографическое вступление я только на днях закончил и Зина его переписывает².

Когда приедете, надо будет постараться, что-бы Вы получили экземпляр. Это
страниц 70 сжатой и живой про-зы, Бесо слышал отрывки.

По задуманной составителем (Банниковым) структуре книги стихотворений для нее
требуется заключительный раздел новых неопубликованных стихотворений, которые
служили бы тыловым прикрытием «Стихам из романа в прозе», которые только в таком
случае будут напечатаны. Займусь теперь этим³. И на все даются недели. До
скорого свидания.

Крепко целую Вас и М. Еще раз без конца благодарю Вас.

Ваш Б. И

Впервые: Материалы ГМГЛ (отрывок). – Автограф (ГМГЛ, JNfe 147,21).

¹ В случае поступления в Тбилисский университет.

² Речь идет об очерке «Люди и положения», написанном в качестве вступительной
статьи.

³ Начало работы над последней стихотворной книгой «Когда разгу-ляется».

1371. Э. Г. КАЗАКЕВИЧУ

Июль 1956, Переделкино Милый Эммануил Генрихович!

Извините, что вследствие чудовищной занятости забросив наши собственные
взаимоотношения (у меня также залеживается милое, великодушное, посвященное
заботам обо мне и моим делам письмо К. Г. Паустовского и я не могу ответить
ему), следую просьбе писательницы О. С. Неклюдовой¹, пожелавшей, чтобы я ввел ее
к Вам. Я читал ее повесть «Ветер», которую она Вам покажет, мне ее проза
нравилась, живая и свежая. Она во всех отношениях досто-на внимания². Извините
еще раз, что я в одно и то же время исчез с горизонта и не скоро появлюсь, и с
другой стороны беспокою Вас. Сердечный привет.

Ваш Б. И

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2285, оп. 1, ед. хр. 298). Датируется по
содержанию.

Э. Г. Казакевич был одним из учредителей «кооперативного» писа-тельского альм.
«Литературная Москва», куда Пастернак передал для пуб-ликации «Замечания к
переводам из Шекспира» и обещал дать новые стихи.

¹ Ольга Сергеевна Неклюдова – писательница, автор романа «Ветер срывает
вывески», первую часть которого она написала в 1939 пив 1942 г. в Чистополе
читала его; Пастернак хорошо отзывался о нем. В 1956 г. она переделала и
дописала его.

² Роман О. Неклюдовой напечатан не был.

1372. К. Г. ПАУСТОВСКОМУ

12 июля 1956, Переделкино

12 июля 1956

Дорогой Константин Георгиевич!

Извините меня: я до сих пор не поблагодарил Вас за письмо и Ваши великодушные
заботы о моих делах. Я все время в трудах, и им не видно конца.

Я боюсь попасться на глаза Федину, которого так люблю, и перед Вами в таком же
положении. Никто не поверит, что нашего общего альманаха¹ я еще в глаза не
видал, и его у меня нет, так я занят.

Я еще ничего не решил насчет чехословацких предложений, ничего от них не получал

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori (да и не надо!), ничего им не писал и, за недосугом, совсем еще не действовал в этом направлении².

Наверное, я напишу им, чтобы они отказались от своей мыс-ли в отношении меня (все эти наши половинчатые, недосказан-ные и малосодержательные произведения революционных деся-тилетий, и мои в том числе, так вынужденно-неинтересны!). А из-дать им предложу двухтомного «Доктора Живаго».

Списываться с ними (когда освобожусь) и налаживать пути для пересылки объемистого и тяжелого Живаго буду через Ино-странную комиссию Союза писателей. Боюсь, впрочем, что рукопись во время весеннего наплы-ва делегаций, когда она ходила по рукам, куда-нибудь увезена без моего ведома³ и сама собой дойдет, в числе прочих и до них. Тогда мне смерть, а впрочем, может быть, это неосновательные страхи.

Козакевича⁴ тоже ни разу не видал, так некогда. Вас всех ос-тановит неприемлемость романа, так я думаю. Между тем только неприемлемое и надо печатать. Все приемлемое давно написано и напечатано.

Извините за отрывистость и краткость письма. Еще раз сер-дечное спасибо.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Литературное обозрение», 1990, JNfe 2. – Автограф (собр. Г. А. Арбузовой).

¹ Имеется в виду альм. «Литературная Москва», в числе учредителей которого были К. А. Федин и К. Г. Паустовский. Там были опубликованы «Замечания к переводам из Шекспира».

² Речь идет о намерении чешского издательства «Свет Советов» вы-пустить сборник стихов Пастернака. В. Шаламов записал содержание письма Пастернака чехам: «В 1956 году чехи прислали с Паустовским письмо Б. Л., предлагая издать "1905 год" и "Лейтенанта Шмидта" в "Из-бранном". Борис Леонидович категорически отказался. Я читал черно-вик ответного письма. Пастернак благодарит издателей за <предложе-ние>, но разрешение на издание этих сборников не дает. Если издатели действительно относятся к нему с уважением и могут помочь выполнить заветное желание поэта, пусть издадут его новый роман «Доктор Жива-го», где он, Пастернак, отвечает на все вопросы искусства, жизни, исто-рии и общества. В этом же письме Пастернак отрицательно отзывается о прозе Горького и Алексея Толстого – писателей, отступивших, по его мнению, от идей, от задач большой русской литературы» (Воспомина-ния. С. 617).

³ Весной 1956 г. рукопись «Доктора Живаго» была передана Земови-ту Федецкому, первому секретарю польского Союза писателей, собирав-шемуся опубликовать роман в Польше, и Серджо д'Анджело для италья-нского издательства фельтринелли.

⁴ Правильно: Казакевич; ему была тоже передана рукопись романа для публикации отрывков во втором номере альм. «Литературная Моск-ва». К. Чуковский 1 сент. 1956 записал в дневнике рассказ Федина: «С этим роман<ом> большие пертурбации: П<астерна>к дал его в "Лит. Москву". Казакевич, прочтя, сказал: "Оказывается, судя по роману, Октябрьская ре-волюция – недоразумение и лучше было ее не делать". Рукопись возвра-тили» (Воспоминания. С. 270).

1373. О. В. ИВИНСКОЙ

Июль 1956, Переделкино

Попросить в «Знамени», чтобы удовлетвоались Рабиндра-нат Тагором¹.

Стихи мне надо будет дать в «Альманах»². Кроме того, в «Зна-мени» они пройдут незамеченными.

Но вообще говоря, я теперь предпочитаю «казенные» журна-лы и редакции этим новым «писательским», «кооперативным» начинаниям, так мало они себе позволяют, так ничем не отлича-ются от официальных. Это давно известная подмена якобы «сво-бодного слова» тем, что требуется, в виде вдвойне противного под-лога. Так ведь после войны возникла «Литературная газета», как глас народа или писательской общественности, во мнения кото-рой «правительство не имело права вмешиваться».

Об этом предпочтении моем Нового мира Альманаху надо сказать Кривицкому³. Он должен обязательно предупредить Алигер или Каверина, что по моему окончательному решению «предисло-вие» пойдет не у них, а в «Новом Мире»⁴.

Если он согласен, пусть назовет эту прозу «Люди и положе-ния». Тогда в сноске под звездочкой надо будет объяснить: «Ста-тья, написанная в качестве предисловия к готовящейся в Гос-литиздате книге избранных стихотворений».

<...> Часть заключения, до благодарности Банникову надо оставить, как полагающую конец статье⁵.

Моя мечта (в отношении Нового мира), чтобы статья появи-лась в журнале, как можно скорее. Нельзя ли в августовском но-мере? Привет А<лександр>у Ю<льевич>. Пусть не боится рез-костью относительно Маяковского и других⁶. Все беру на себя. Я думаю для «Нового Мира» надо подборку разделить на два отдела, следующие друг за другом, а еще лучше вслед за прозой (чтобы не повторять лишний раз слов

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori «Борис Пастернак». Пер-вый отдел озаглавить: Стихи из романа в прозе и дать в нем Гамле-та, Землю, Осень, Объяснение, Август и Сказку.

Второй отдел назвать: Новые стихотворения и поместить в нем все стихотворения из синей тетрадки после напечатанных в «Зна-мени» (следующих за «Первым снегом»). Вероятно чего-то не примут, что-то отсеется, но и оставше-гося будет довольно⁷. Если хочешь, расположи их по-своему, но перенумеруй стихи или страницы, чтобы ясен был порядок.

Впервые: Материалы ГМГЛ. – Автограф (ГМГЛ, № 9894). Купюры публикатора.

Датируется по содержанию.

1 Переводы из Рабиндраната Тагора не были напечатаны в «Знамени».

2 В альм. «Литературная Москва» стихи Пастернака не вошли и были опубликованы в «Знамени» (1956, № 9).

3 А. Ю. Кривицкий – зам. главного редактора «Нового мира».

4 Написанный как предисловие к сб. стихов, готовившемуся в Гос-литиздате, очерк был передан в «кооперативный» альм. «Литературная

Москва», в число учредителей которого входили В. Каверин и М. Алигер. К. И. Чуковский записал в дневнике 1 сент. 1956: «Кривицкий склонялся к тому, что "Предисловие" можно напечатать с небольшими купюрами. Но когда Симонов прочел роман, он отказался печатать и "Предисло-вие» Нельзя давать трибуну Пастернаку!» (Воспоминания. С. 270).

5 Первонач. редакция автобиограф, очерка кончалась «Заключением», включавшим благодарность составителю сб. стихотворений Н. В. Банникову. «По его почину написан настоящий очерк, по его побуждению вызван к жизни и прибавлен новый стихотворный раздел», – писал Пастернак

6 Редакционные придирки касались резких высказываний Пастерна-ка по отношению к «ЛБФу» и «пропагандистского усердия» послерево-люционной поэзии Маяковского.

7 «Новый мир» напечатал только одно стих. «Хлеб» (1956, № 10).

1374. А. Г. ЛЕВИНТОНУ

17 июля 1956, Переделкино

17 июля 1956

Уважаемый Ахилл Григорьевич!

Если Жирмунский и прав, что у меня сверх перечисленных Вами переводов из Сакса были еще какие-то другие, я их не по-мню и, вероятно, все же он ошибается¹. У меня нет архива, старых работ и рукописей я не храню, старые издания забываю. Названные Вами работы возьмите, пожалуйста, из моего сбор-ника «Избранные переводы», выпущенного издательством «Со-ветский писатель» в 39 или 40-м году (у меня этой книги тоже не осталось ни экземпляра).

Неужели Вы нигде не смогли разыскать моего адреса или дога-даться направить письмо через Гослитиздат или ССП? На конверте у Вас написано только Москва и мне. Удивительно, как оно дошло.

Когда Ваша затея договорно оформится и дело дойдет до де-нег, пусть Ленинградское отделение запросит меня о номере моей сберкассы и текущего счета или переведет их мне по почте.

Всего лучшего

Ваш Б. Пастернак Москва в 17 Лаврушинский пер., д. 17/19 кв. 72

Впервые. – Автограф (собр. Г. А. Левинтона).

А. Г. Левинтон – историк литературы, германист, составитель сб. переводов Ганса Сакса.

1 В. М. Жирмунский – историк западноевропейской литературы. Па-стернак перевел 4 масляничных интермедии Ганса Сакса в 1918–1919 гг. Публиковались в журналах и сб. «Избранные переводы» (1940).

1375. Л. А. ВОРОНЦОВОЙ

25 июля 1956, Переделкино

25 июля 1956

Дорогая Любовь Андреевна!

Большое спасибо за книжку¹. Я урывками начал читать ийе-ша. Я обязательно напишу ему, он именно то, что Вы мне о нем писали², и мне очень нравится. Того, что я Вам сейчас скажу, Вы ему не передавайте, да и Вас оно удивит. Представьте себе, если я и слышал его имя (должен был слышать, не правда ли, или даже видеть³, я, участвовавший в Венгерской антологии своими пере-водами из Петефи⁴), если я и слышал его имя, то не обратил вни-мания или забыл: так много наносного, ложного, обязанного сво-им существованием торопливой, непроверенной потребности в зарубежной плохо понимаемой дружбе, так много державшегося и еще продолжающего держаться только благодаря политическим подпоркам связано с миром наших переводческих начинаний и в большинстве огульно казалось мне несуществующим. Так я и на западе, не только дома у нас, усложнил и ухудшил свое положение роковым и не отвечавшим требованиям времени распределением своих редких симпатий и многочисленных антипатий.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Ийеш умница и прелесть, что сам проявил активность и избрал такой верный и
замечательный путь для моего ознакомления, как себя в издании *Autour du monde*⁵.
Я и о Незвале, чешском поэте, не имел представления, пока он не сделал того же
(№ 17 той же серии).

Я ему обязательно напишу и тѣк, хочу надеяться, что мое пись-мо займет его и
доставит ему радость. Но давным-давно прерван-ную переписку с заграницей я в
виде очень немногих попыток возобновлю, по некоторым причинам, только поздней
осенью, и благодарность Ийешу откроет эту цепьб.

Я еще скажу Вам несколько слов, на которые не требуется от-вета. Я только год
назад кончил первую достойную действительно-го внимания работу, роман в прозе
«Доктор Живаго», которая пока никому не известна. То обстоятельство, что
побочные, взаимостал-кивающиеся и никакого отношения к настоящей жизни сердец и
идей причины создали слабое подобие имени и мне, всегда покрывало меня стыдом и
смущало. Роман, который я Вам назвал, первая попытка оправдать это вперед,
впрок, подаренное доверие чем-то до конца состоятельным, пережитым, стоившим
труда, содержа-тельным и додуманным до последних формулировок, точных и но-вых.
Но мало надежд, чтобы он скоро у нас появился.

Но тогда чем же я мог привлечь ийеша или людей, чувствую-щих, как он?
Социального содержания, которым так по-настоя-щему, творчески, подлинно,
олицетворенно полон он, у меня нет или в особенности не стало, когда выражение
этой ноты стало выражением такой легко подхватываемой и такой страшной
дву-смысленности.

И в художественной форме он представитель искусства пе-редового, развивавшегося
и дальше в том направлении, которое было общим и для нас в двадцатых годах, и от
которого я стал сильно уклоняться вправо из собственных побуждений, а не под
давлением борьбы с формализмом, из предпосылок скорее об-щерусских, чем
революционных, скорее толстовских, чем горь-ковских.

Не пишите мне, пожалуйста, чтобы не склонять к ответам. Но как-нибудь сообщите в
открытке № Вашего телефона, если он у Вас есть. Я тогда позвоню Вам по
прошествии времени, когда будет надо.

Серьезно, серьезно благодарю Вас, со всей сердечной тепло-той, которую можно
вложить в благодарность.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: В. Огнев. Свидетельства. Дневник критика. М., 1982 (с ку-пюрами). –
Автограф (Музей М. И. Цветаевой).

1 Писательница и переводчица Л. А. Воронцова известила Пастерна-ка, что хочет
передать ему стихотворный сб. Дьюлы ийеша (Gyula Illyes. *Poemes. Pierre Seghers*,
1956), который он оставил для него, как знак свое-го уважения.

2 Воронцова писала Пастернаку 17 июля 1956: «Дьюла Ийеш очень любит Вас. <...>
Это очень сложный и очень хороший поэт, мужествен-ный, честный, прекрасный
человек. Простите за бесцеремонность, но, кажется, в вас обоих есть много общего
в строе чувства, в направлении мыслей». Пастернак отозвался 19 июля: «Жаль, что
хотя бы внизу на кон-верте, вместе с Вашим адресом, Вы не раскрыли Ваших
инициалов и сде-лали невозможным обращение к Вам по имени и отчеству, которых я
не знаю. Благодарю Вас за письмо и заботу. Мне кажется и городская почта
доставит бандероль по адресу, или же во вторник, 24/VII я утром, часов в девять
пошлю к Вам за книжкой. Вы очень меня обяжете, если на первых порах сами
передадите мою искреннюю благодарность Ийешу. Потом я, конечно, напишу ему, но
это будет нескоро. У меня много спешных неотложных работ, я все время в трудах,
напряженных и разнообразных. Еще раз большое спасибо. Ваш Б. Пастернак» (там
же).

3 Ийеш и Пастернак виделись в 1934 г. во время Первого съезда писа-телей.

4 Имеется в виду «Антология венгерской поэзии». М., ГИХЛ, 1952. В нее вошли 11
стих. Дьюлы Ийеша в переводах М. Зенкевича и Л. Мар-тынова.

5 Французская книжная серия современной поэзии.

6 После конца экзаменов Л. Б. Пастернака, поступавшего в универ-ситет (см.
письмо № 1383). Пастернак написал ийешу 7 авг. 1956 (№ 1381).

1376. А. Е. КОРНЕЙЧУКУ

28 июля 1956, Москва

Москва 28 июля 1956

Дорогой Александр Евдокимович!

Вместе со множеством бедной нашей молодежи второй год охотятся и за младшим
сыном моим Леонидом. В прошлом году его провалили на приемных экзаменах в
Баумановский институт (Высшее Техническое училище в Москве) искусственно и
нечест-но сбивая его на ответах. Я тогда еще писал Елютину¹, но он и его
министерство никогда обо мне ничего не слышали, и письмо не дошло по назначению.
Теперь он подал заявление на физический факультет университета, допущен к
экзаменам и подготовлен к ним. Вообще он учился хорошо и в средней школе не

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori добрал только одной пятерки до серебряной медали. Экзамены в университете начнутся на днях, 1-го августа. Вчера он получил повестку о явке в свой районный военкомат. Казалось бы так естественно просить, чтобы ему дали отсрочку до сдачи экзаменов и выяснения их ре-зультатов. Но ведь нарочно все это так подогнано, чтобы в после-днюю минуту стало немыслимо и невыполнимо. Ему вообще не повезло. Он явился на свет на рубеже 37-го и 38 годов, в 12 часов, в новогоднюю ночь. Тогда мать радовалась, что в числе немногих родившихся по бою часов в эту минуту, пропечатан был в «Вечер-ке» и этот новорожденный. Собственно ему еще 18 лет и он рож-дения 1938-го года, но загс записал его родившимся в 00 часов в 37 году. Извините, что я Вам излагаю всю эту скучную чепуху. Его дело и судьба, которой я еще не могу предрешить сейчас, за своим письмом Вам, находятся в Ленинском военкомате города Моск-вы, на Большой Якиманке д. 34 у главного военного комиссара полковника Пантелкина (тел. В-1-63-37). Вы сами большая величина и у Вас большие связи. Помогите мне.

Ваш Б. Пастернак Извините, что беспокою Вас и заранее за все горячо благодарю. Впервые. – Автограф (Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины, ф. 435, оп. 1, ед. хр. 1089).

Драматург А. Е. Корнейчук был членом ЦК КПСС и депутатом Вер-ховного совета СССР.

1 Вячеслав Петрович Елютин – министр высшего и среднего образо-вания.

1377. А.-М. РИПЕЛЛИНО

29 июля 1956, Переделкино

Москва, 29 июля 1956

Мой дорогой, дорогой господин Рипеллино!

Несмотря на то, что Вы так же владеете русским, как русский по рождению, из вежливости или по некоторым другим причи-нам, я предпочитаю писать на плохом французском, в особеннос-ти, в первый раз.

Только что я получил Вашу замечательную Антологию, Ваш незаслуженный подарок¹. Я тотчас же проглотил Ваши вдохновен-ные переводы, озаренные вторичным авторством, благодаря сво-ей крепкой и живой решительности и совершенной убедительно-сти. Своим предисловием Вы обязали меня на всю жизнь. Ваш глубокий вкус сказался в удивительном выборе стихов. Вы вник-ли в литературные события нашей половины века более чем кто-либо из нас и более чем я сам.

Что бы я дал, чтобы Вы прочли мой роман в прозе «Доктор живаго»! Это моя первая работа, которая способна сделать меня достойным того незаслуженного мною имени, которое мне при-писывают в Европе.

Экземпляр рукописи находится у издателя фельтринелли в Милане, via Fatebenefratelli, 15. У него благородное желание из-дать итальянскую версию и после появления ее в Италии дать перевести эту вещь на другие языки. Будьте любезны, поручите кому-нибудь отпечатать за мой счет несколько экземпляров ма-шинописных копий, тщательнейшим образом выверенных по рукописи, которыми можно было бы воспользоваться при же-лании ознакомиться с романом, как например, в Вашем случае². Правда ли, что у Вас есть план напечатать книжечку, целиком состоящую из моих стихотворений, таких, как отдельное изда-ние *Folana felice*?³ Если это так, то милейший г-н Ло Гато, может быть, проявит любезность и снабдит Вас маленькой тетрадкой моих предпоследних стихов, взятых из романа живаго. Если не ошибаюсь, я уже ему их подарил. У меня недостает слов, чтобы выразить Вам достойную благодарность. Весь Ваш Борис Пас-тернак

Мой городской адрес: Москва В-17, Лаврушинский пер. 17-19 кв. 72. Лучше пользуйтесь этим адресом, чем дачным. Вы – ангел Божий, я Вами восхищаюсь. Впервые: *Nuova Rivista Europea*, 1979, № 10-11. – Автограф по-фр. (собр. Э. Рипеллино, Рим).

А.-М. Рипеллино – итальянский славист и переводчик. Е. Евтушен-ко пишет, что он привозил Рипеллино к Пастернаку в Переделкино. Уста-новить время этой встречи по воспоминаниям Евтушенко не удастся, – возможно, она состоялась осенью 1956 г., как предполагал Рипеллино в письме 6 июля.

1 Имеется в виду антология *Angelo Maria Ripellino. Poesia Russa del Novecento. Parma*, 1954. В книгу вошли 34 стих. Пастернака и предпосла-но большое предисловие Рипеллино.

2 Заинтересованность Пастернака в распространении копий «Докто-ра живаго» наталкивалась на ревнивое отношение фельтринелли, следив-шего за соблюдением своего издательского права и боявшегося пиратских изданий.

3 Рипеллино писал Пастернаку: «я приготавливаю теперь для издатель-ства Einaudi выбор Ваших стихов. Книга эта содержит русский текст сти-хотворений, мои переводы, критическое вступление и примечания. Я уже перевел для этого выбора, который выйдет в первых числах декабря, со-рок стихотворений из разных Ваших сборников и блестящие поэмы "1905 год", "Лейтенант Шмидт", "Волны". Я

мое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
намереваюсь приложить и несколько стихов из романа "Доктор Живаго", которые я
нашел в старом номере журнала "Знамя"» (6 июля 1956).

1378. М. К. БАРАНОВИЧ

4 августа 1956, Переделкино

4 авг. 1956

Дорогая моя Марина Казимировна!

Это величайшая для меня радость и подарок этого, в остальном счастливого года,
-- что у Вас все сошло благополучно, что Вы живы и поправляетесь. Как я боялся,
как я боялся!1

Из статьи кое-что выкинут, а оставшееся, кажется, появится в сентябре в Новом
мире2.

Я сейчас очень много работаю. Зимой, после окончательной отделки романа
очередным делом стала забота о книге избранных стихотворений и ее подготовка.
Возникновение вступительного очерка -- заслуга Банникова, составителя,
попросившего меня о статье. Кроме того ему требовались новые стихи для
последнего дополнительного раздела книги, их надо было написать, и едва только
(совсем недавно, недели две-три тому назад), я кончил статью, я принялся за
стихи.

Я их пишу не глубоко, не напряженно, как очень давно, до революции, совершенно
не сознаю и не чувствую их качества, и написал уже довольно много.

Часть их тоже, как мне обещали, появится в сентябрьских номерах «Нов. мира» и
«Знамени»3.

Я наверное увижу Вас не скоро, потому что почти совсем не бываю в городе. Может
быть попрошу О<льгу> В<севолодовну> или Алю разыскать Вас и кое-что рассказать4.
Горячо благодарю Вас за письмо. Вы знали, как оно меня осчастливит. Крепко
целую Вас. А при свидании и сам спрошу Вас о многом и много расскажу. Привет
всем Вашим, Насте, Мише. Поцелуйте внучку.

Ваш Б. И

Впервые: Переписка Б. Пастернака с М. Баранович. – Автограф (Hoover Institution
Archives, Stanford). Примеч. М. Баранович: «Ответ на мое первое письмо после
операции, к исходу которой и относится первый абзац».

1 М. К. Баранович перенесла онкологическую операцию. Она писала Пастернаку: «Я
жива, хоть Вам это и не очень интересно. Больше всего о том, как я умирала, я
хотела бы рассказать Вам. Но, Вы, кажется сами знаете, как это делается. И Вы
знаете, как потом полно и счастливо и свободно живется» (там же. С. 69).

2 Одновременно с письмом Пастернак передал Баранович вступительный очерк «Люди
и положения», на публикацию которого в «Новом мире» Пастернак тщетно надеялся.

3 В «Новом мире» (№ 10) было опубликовано 1 стих., в «Знамени» (№ 9, 1956) – 10.

4 Примеч. М. К. Баранович: «Б. Л., обещая много рассказать при свидании...
имеет в виду... передачу романа Фельтринелли» (там же).

1379. М. Н. ВИТАШЕВСКОЙ

6 августа 1956, Переделкино

6 авг. 1956

Дорогая Мария Николаевна!

Я давно хотел поблагодарить Вас за все, что Вы для меня сделали, и вот
представляется случай. По-моему, последние переводы О<льги> В<севолодовны>, в
особенности «Бьют часы», очень хороши1, и мне кажется, она оправдывает внимание,
которое Вы ей оказываете, и все же, от всей души спасибо, спасибо!

Меня огорчает, что судьба романа волнует Вас2. Берите с меня пример: совсем не
надо этим интересоваться. Моим долгом, нешуточным и трудным, было написать его,
а остальное не наша печаль, а дело случая. Даже то небольшое, что Вам известно о
его судьбе (только в этой доле определившейся), произошло не по моей воле и не
против нее, а само собой, благодаря цепи случайностей, к которым я не имел
никакого отношения3. Так будет и дальше.

Мне очень жаль, что О. В. рассказала мне о своем разговоре с Вами. Совсем не
следовало мне и не надо об этом знать. Я хочу отговорить Вас от Ваших
намерений4. Не стоит этот вопрос Ваше-го труда и забот. О. В. требует, чтобы я
дал ей новый экземпляр рукописи, несколько лучше предшествующего. Я делаю это
страшно нехотя. В экземплярах этого изготовления есть ошибки. Я их не правил
вследствие недостатка времени, отчего не бываю в городе, не буду и сегодня.
Я никогда не вмешивался в будущность написанного, никогда ничего не пристраивал
даже в случаях самых невинных, когда содержание сделанного не осложнялось
соображениями политическими. Я всегда говорил, что всякое истинное и стоящее
произведение – посмертное, даже при живом и здравствующем авторе, и только
неудачную вещь неудачный автор до конца дней водит и прогуливает за ручку.
Единственный вид моей прикосновенности к судьбе «Жива-го» – мое полное
безучастие к ней. Я Вас ни на что не уполномочиваю, ни на что не благословляю.
По правде говоря, меня бы порадовало, если бы Вы отказались от своих планов. Но

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori и это не в такой степени, чтобы препятствовать и мешать Вам.

Поймите меня и не обижайтесь. Я не знаю, как это сказать, чтобы это не прозвучало фразой, но даже предполагая самое горькое, я ничего не боюсь. Ответ у меня готов наперед. Я написал то, что я думаю и на эту тему никогда не перестану думать. В наших искусственных условиях я не желаю искусственной участи тому лучшему, чем мне удалось оправдать свое существование.

Еще раз благодарю Вас.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2871, оп. 1, ед. хр. 68).

1 Переводы из Рабиндраната Тагора.

2 О. В. Ивинская пишет в своей книге, что, узнав о передаче рукописи «Доктора Живаго» Фельтринелли, решила посоветоваться с М. Н. Виташевской, «с некоей странной личностью», которая, по ее словам, в прошлом «работала начальницей одного из концлагерей». Она дала ей «переводить для Гослитиздата Тагора, пыталась делать еще какие-то одолжения, даже и не прошенные, выказывала... всяческое благорасположение». «Виташевская мне очень посочувствовала: – Вы знаете, Оленька, – мягким кошачьим голоском говорила мне эта огромная заплывшая жиром туша, – разрешите мне показать этот роман выше-стоящему лицу, все станет на свое место» (Ивинская. В плену времени. С. 219). Ивинская писала также Поликарпову в августе 1956 г., что сразу по передаче романа Д'Анджело, она советовалась с Виташевской, которая «свой партийный капитал наживает некрасивыми средствами» (РГАЛИ, ф. 379, без шифра).

3 Имеется в виду неожиданный для Пастернака приход к нему итальянского журналиста и эмиссара издательства Фельтринелли Серджо Д'Анджело, попросившего рукопись «Доктора Живаго».

4 По словам О. Ивинской, Виташевская хотела дать почитать роман В. М. Молотову, с которым была знакома, но для этого ей был нужен новый, лучший экз. машинописи.

1380. А. П. РЯБИНИНОЙ

6 августа 1956, Переделкино

6 авг. 1956

Дорогая Александра Петровна!

Я давно порываюсь сказать Вам свое горячее, сердечное спасибо за Ваши продолжительные и многократные подвиги находчивости и великодушия. Вы – совершенная волшебница. Благодаря Вашей помощи, Ольга Висолодовна могла стать на ноги в смысле заработка и в правовом отношении. Она сейчас работает очень хорошо и не только самостоятельно, но, по некоторым причинам, часто управляется теперь за двоих. Тем более спасибо Вам, это Вы наворожили, это с Вашей легкой руки.

Она и Нина расскажут Вам, как я занят сейчас, не только лишь много, а с пользой, счастливо и плодотворно, и совсем не езжу в город. Как только явится случай и необходимость погонит меня в Москву, я поспешу с Вами повидаться и подтвердить и доказать Вам мою признательность и преданность.

Ваш Б. И

Впервые. – Автограф.

1 Нина Табидзе приезжала в Москву для работы над стихотворной книгой Т. Табидзе, издававшейся в редакции у Рябининой.

1381. Д. ИЙЕШУ

Москва, 7 августа 1956 Мой дорогой Ийеш, я Вам отвечаю на языке Вашей надписи, при том, что успел забыть и то небольшое, что знал.

Спасибо за счастливую мысль послать мне Ваши стихи по-французски. Я издавна знаю Незвала лично, но только когда он прислал свои стихи в таком же французском сборнике, я узнал его как поэта.

Ваша книга близка мне и в целом много мне говорит. Тем не менее стихотворения в начале и конце книги мне нравятся больше других. «Анна», «Грусть повседневности», «Дочь соседки», «Элегия», «Бедность», некоторые места из «Очарованного замка», «Новорожденный», «Стадо» (стихотворение несравненной силы), «Ужас», «В Пловдиве», несколько поразительных мест в «Кон-структорах» и в «Двух руках», из цикла «В Тихане», «Дикие утки», два других отрывка и «Гости». Все это очень высоко, бесспорно, правдиво и сильно. Более всего восхищает меня – и, вероятно, Вы один владеете этим, – это глубина и точность Ваших совершенно новых мыслей о душе, истории и обществе, – областях, в которых риторика, все равно красная или белая, левая или правая, допустима в поэзии и настолько на своем законном месте. И, что увеличивает ценность этого богатства нравственных понятий и подлинного, а не поддельного применения найденных Вами собственных определений – это то, что эта способность связана с совсем другой, если не противоположной особенностью, – Вашей безграничной пластической силой, которая

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori живописует почти независимо от Ваших образов и размах которой всегда достигает цели и безошибочно ведет от одной победы к другой. Я поздравляю Вас от всего сердца. И не только с Вашей собственной удачей, а с тем, что у Вас оказался такой составитель и такой прекрасный переводчик. Книга – настоящий праздник, Вас следует с ним поздравить. Примите мою искреннюю благодарность за этот прекрасный подарок.

Весь Ваш Б. Пастернак

P. S. Последняя строчка Вашей трогательной надписи меня огорчила: («его венгерский переводчик»). Что нашли Вы во мне достойного для перевода? Это долго рассказывать, но я так ненавижу вынужденную неполноценность всего того, что нам пришлось пережить, нашей призрачной деятельности, нашей несуществующей литературы. Какая путаница в том, что тем или иным образом звенит в ушах, а на самом деле значит совершенно противоположное!

Моя первая и единственная работа, в которой я сказал то, что думаю без умолчаний и до конца, куда я вложил всю свою фило-софию, смысл существования и возможность выразить его суть по-своему, это мой роман в прозе «Доктор Живаго», который я окончил прошлой зимой. Это мое суждение о нашей протекшей жизни, о судьбе нашего поколения, о странной попытке бесчеловечным образом построить человеческое счастье, основу личности заменяя хвастливой и слепой механичностью. Сомневаюсь, что нам удастся увидеть его когда-нибудь напечатанным.

Тот же

Впервые: Domokos Maryas. Ad6ssddglevel. Bp., Konirs kiad6, 1998. – Автограф по-фр. (собр. Марии Ийеш, Будапешт).

1 Надпись на книге Gyula Nies. Pofines. Pierre Seghers editeur. Pbetes d'aujourd'hui. 1956: «A Boris Pasternak en remerciant de tout ce qu'il a fait pour la poesie hongroise en lui serrant bien respectueusement la main son traducteur hongrois Gyula Nies. Budapest, le 7.VI/1956» («Борису Пастернаку в благодарность за все, что он сделал для венгерской поэзии, почтительно пожимает руку его венгерский переводчик». – фр.). В книге отмечены страницы с названными в письме и др. стихотворениями.

1382. А. Г. ЛЕВИНТОНУ

13 августа 1956, Переделкино

13 авг. 1956

Уважаемый Ахилл Григорьевич!

Я больше переводами не занимаюсь, у меня много очередного своего. Вот что я должен был сказать вам в своем письме и, видно, упустил. Ганса Сакса дополнять новыми переводами я, таким образом, не буду!

Последнее отступление, которое год тому я сделал от этого зарок не заниматься больше переводами, выразилось в том, что по просьбе МХАТа я перевел для их готовящейся постановки «Марию Стюарт» Шиллера. Этот перевод пока нигде не издан и у меня нет времени на серьезные шаги по его пристраиванию. Вы германист и наверное у Вас есть знакомства среди представителей этой специальности в Ленинграде, или, вернее, в издательстве, выпускающем Сакса. Не сосватаете ли Вы мне Шиллеровской Марии? Сердечный привет.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (собр. Г. А. Левинтона).

1 Несмотря на заключенный с Пастернаком договор, его переводы не были включены в сб.: Ганс Сакс. Избранное. М.-Л., ГИХЛ, 1959; его перевод интермедии «Конокрад и вороватые крестьяне» был заменен новым, сделанным Е. Г. Эткингом. По договору Пастернак просил выплатить 60% гонорара (см. письмо № 1612 и коммент. к нему).

1383. Л. Л. СЛЕЙТЕР,

Ж. Л. и Ф. К. ПАСТЕРНАКАМ

14 августа 1956, Переделкино

14 авг. 1956

Дорогие мои Лида, Жоня и Федя! Я глазам своим не верю, выводя ваши имена. Целая вечность прошла за то время, что я не писал вам. Для меня праздник возобновлять с вами переписку. Что сказать вам, чтобы это было также праздником для вас?

Я живу так, как нельзя было мечтать, не в том смысле, что кто-нибудь меня благодетельствовал или осчастливил, но что жизнь сложилась из цепи случайностей, мною прямо не вызванных и которых я не заслужил и несмотря на свою постоянную рискованность послуживших мне на пользу и на счастье. Мне было очень стыдно узнать, что какое-то наличие футуристических глупостей, о последствиях которых я не думал, снижали мне подобие имени далеко отсюда. К тому времени я и без этого позора уже отрицал половину сделанного в прошлом и ее стыдился, а тут еще эта преувеличенная переоценка. Я не знал, куда деваться от стыда. И пример папы стоял передо мной, этого, так много сделавшего, редко сильно и совершенного художника, так, при всем признании все же недооцененного.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Скоро естественно явившаяся мысль укоренилась во мне, что это не по заслугам отведенное место надо занять и заполнить, этим вниманием надо воспользоваться и это великодушное, ничем не объяснимое доверие оправдать.

Так прошли мои послевоенные годы. Чередуя эти занятия с многочисленными переводами (двухчастного Генриха IV-го, обе-их частей Гетевского Фауста, Короля Лира, Макбета, огромного множества лирических вещей венгерского поэта Петефи и т. д.) я несколько лет работал над большим романом «Доктор Живаго», самое начало которого (пятую долю всего целого) я вам послал¹, но которая ничего не сказала вам, потому что не могли вы знать, что у меня задумано дальше, как серьезен сюжет и куда заведет меня его изложение.

Я не буду распространяться о нем. Его вам привезет Б<ерлин> и вы его прочтете. Кстати. Жизнь у многих, если не у всех, подвигается вперед странными совпадениями. Это давно замечено, но не объяснено. Я собрался вам писать и начал письмо дня за три до его внезапного появления. Вообще я последнее время воздерживался от писа-ния вам по просьбе Зины, просившей, чтобы я дождался, когда Леня поступит в университет.

Его в прошлом году провалили на конкурсных экзаменах в Высшее техническое училище только как моего сына, потому что в некоторых органах моя жизнь известна до более тонких подроб-ностей, чем мне самому. И вот, желание матери было, чтобы своим письмом вам я не повредил ему и на этот раз. Половина экза-менов у него прошла отлично (он держит на физико-математи-ческий факультет), половина, три экзамена счетом, еще предсто-ят. Но в то же время он получил призывную военную повестку и в перерывах между экзаменами должен являться в военный комис-сариат на освидетельствование². Две силы борются за бедного мальчика, и одна у другой оспаривают, доверяя его экзаменац-онные волнения и затрудняя ему подготовку между испытания-ми. Если он не сдаст экзаменов блестяще, он тотчас же попадет в солдаты. Я не знаю, чем это кончится, но допишу письмо и от-правлю его с Б<ерлином> не раньше, чем все определится.

Возвращаясь к роману. Вы будете иметь возможность про-чсть его. Быть может, он даже вам не понравится – надоедливой и чуждой философией – скучными растянутыми местами, несоб-ранностью первой книги, серой неэффе-ктивной бледностью пере-ходных мест. И все-таки, все-таки это большой труд, книга огром-ного, векового значения, судьбы которой нельзя подчинять моей судьбе и вопросам моего благополучия, но существование кото-рой и выход которой в свет, где это возможно, важнее и дороже моего собственного существования.

Поэтому доводы осторожности и благоразумия, которые вы-двигал мне Б<ерлин>, после некоторых уже свершившихся с книгой обстоя-тельств, о которых он вам расскажет, до меня не доходят³. Он не представляет себе, о чем речь, он себе не представ-ляет, что может быть написано о жизни в нашем поколении, худо-жественные обыкновения, литературные прецеденты после симво-листического периода не подготовили его к этому, не дали ему та-ких мерил. В скобках, если когда-нибудь в будущем вы захотите написать мне по почте о впечатлениях, напишите, понравилась ли вам вещь и насколько понравилась, не слишком вдаваясь в ее существо.

Я дам Б. один экземпляр. Он пообещал мне, что у вас на мес-те переписут рукопись по-русски во многих экземплярах (я бы хотел не менее, чем в 12-ти) грамотно и точно, с тщательною про-веркою (у меня, кстати, не было времени проверить последнюю машинопись (dactylotypie). Он возьмет это на себя, это не ваша забота⁴.

По изготовлении этих копий надо будет дать прочсть роман вашим виднейшим русским, – Каткову, Оболенскому, Коновало-ву⁵ и, обязательно Bowg'e. Может быть, по истечении времени пос-ле того, как роман появится в Италии по-итальянски в полном, несокращенном виде, возникнет возможность и необходимость перевести и выпустить его на других языках, в частности по-анг-лийски. Инициатива во всем будет принадлежать итальянскому издательству Фельтринелли в Милане. Подробности Б. известны.

Я ничего ни вам, ни ему не поручаю и даже это не желатель-но, и ни о чем не прошу, кроме одного единственного: когда оче-редь дойдет до выпуска английского издания, чтобы экземпляры оригинала в хорошем виде имелись у вас или у кого-нибудь друго-го под рукою, и чтобы подыскали очень хорошего переводчика (литературно одаренного англичанина), в совершенстве владею-щего русским, потому что этой вещи нельзя переводить кое-как, ближайшими доступными средствами, по-домашнему⁶.

Но даже и в этом случае, при существовании художественно совершенного, идеального переводчика ему необходимо потребу-ются советы знатоков русского народного фольклора и разных цер-ковных тонкостей и текстов, потому что всего этого очень много в романе и не в форме проходящих выдержек и заимствований, по-нятие о которых может дать словарь или справочник, а в форме новых

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori образований, живо и творчески возникших на основе дей-ствительных подлинностей, то есть всего того, что в новом для него, ином, чем до сих пор разрезе, будет открыто человеку сведущему.

Б. говорит мне о возможности вызова к вам в университет или на шекспировские торжества в Стратфорде в будущем году. Я про-шу этого не делать. Я этим не воспользуюсь. Я мечтаю поехать на запад, если Бог даст, буду тогда еще жив, года через два. Мне страш-но хочется вас повидать. Но очутиться у вас так просто ради одно-го свидания с вами (как это ни дорого) или с целью разъездов и путешествий для накопления впечатлений как-то немного мало. Мне представляется общение с людьми более деятельное и широ-кое с обменом каких-то действительно выношенных и назревших мыслей, а не только их подобием, как это в большинстве бывает. Между тем огромное множество их содержится как раз в романе, появление которого должно надолго предшествовать моим пере-движениям.

Б. не хочет этого взять в толк, потому что смотрит на все толь-ко с точки зрения моей невредимости и практической удачи. У него порядок обстоятельств получается обратный. Сначала, по его мне-нию, надо получить английское приглашение и воспользоваться им, а потом допустить выход романа в переводах. С точки зрения наших порядков появление произведения за границей до напеча-тания его у нас беззаконие, за которое я, не знаю как, но очень сурово отвечу. Но я не представляю себе, как и когда его могли бы напечатать у нас, а написал я его не для того, чтобы прятать. И я пошел на этот риск и, сколько бы раз ни повторилось это искуше-ние, вновь пошел бы на него.

Но вернемся к вопросу о поездке. Эти годы я был очень за-нят, совершенно ничего не читал и то немного, что знал по-фран-цузски и английски, подзабыл порядком. Может быть, я все это еще освежу. Во всяком случае, для каких-то импровизаций на са-мые тонкие и неуловимые темы человеческого духа я достаточны-ми данными не располагаю, а тогда зачем бы я поехал?

После этого пространного письма и все на одну тему мне ос-талось добавить, что Леня, по-видимому, попадет в университет. Только одна отметка, письменная, по сочинению, пока еще не известна, остальные все пятерки.

Письмо мое к вам отойдет. Не считайте эгоизмом и безразли-чием ко всему на свете то, что большое письмо полно только сло-вами даже не о самом себе, а об одном последнем произведении. Но это главное не только для меня, но и на самом деле, объектив-но. Остальное вы, наверное, знаете из писем других. В прошлом году умерла Оля Фрейденберг, – вы, наверное, об этом знаете. Шура с семьей живет сносно, всегда заняты и перегружены рабо-той. Ну что я вам буду рассказывать в этой плоскости о себе? – Лучше я здесь с вами распрошусь и расцелуюсь, пожелав вашим обеим семьям, о которых много хорошего рассказывали Б. и ез-дившие к вам в Оксфорд⁷, счастья и здоровья не меньшего, чем выпало и продолжает выпадать мне на долю.

Пишите, когда хотите, и все, что хотите, мне по городскому адресу: Москва В-17. Лаврушинский пер. д. 17/19 кв. 72.

Но живу я круглый год на даче, Зина превратила ее в зимний дом с паровым отоплением и всеми удобствами.

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф (Pasternak Trust, Oxford).

1 Первая книга «Доктора Живаго» была послана сестрам в декабре 1948 г. вместе с письмом № 1083.

2 См. об этом в письме № 1376.

3 По просьбе З. Н. Пастернак, И. Берлин пытался отговорить Пас-тернака от печатания романа за границей, обещая сделать микрофильмы с рукописи и спрятать их во всех концах света, в Оксфорде, в Вальпараи-со, на Гаити, в Ванкувере и пр. для сохранности даже на случай ядерной войны (см. Воспоминания. С. 532). Это предложение страшно рассердило Пастернака, желавшего, чтобы текст романа был известен, и как можно шире и свободнее распространялся во многих копиях.

4 Берлин не сделал этого, а просто передал машин, романа сестрам, вероятно, надеясь, что они это сделают сами.

5 Георгий Михайлович Катков, Дмитрий Дмитриевич Оболенский и Сергей Александрович Коновалов – профессора разных колледжей Окс-фордского университета.

6 Перевод был поручен слависту Максу Хейуорду.

7 Имеется в виду встреча К. М. Симонова и Л. Л. Слейтер с сыновья-ми в мае 1947 г.

1384. Е. А. КРАШЕНИННИКОВОЙ

16 августа 1956, Переделкино

16 авг. 1956 Дорогая Катя!

У вас очень хорошо написано первое письмо, от 7/8, лиловы-ми чернилами. Вы перебираете, ступень за ступенью, движение вре-мени в то первое военное лето, ход наших встреч¹, ход событий, ход и логику Ваших чувств, Вашего душевного

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
созревания.

Когда человек, припоминая, шаг за шагом восстанавливает прошлое или что-нибудь другое, далекое, недоступное, мысленное с таким сходством с подлинно бывшим или подлинно существующим, не понижая, не опошляя, не разводя водою его доку-ментальное™ и первичности – это большой Божий дар, родствен-ный художественному, это свидетельство душевной красоты и силы, это редкость, которой нельзя не радоваться и которую нельзя не любоваться.

Я всегда любил Вас именно так, как это хорошо и нужно (и как Вы, может быть, этого хотите), я обладал способностью вос-принимать и хранить в памяти Вашу чистоту и одаренность, как вода и зеркало отвечают предметам их верными отражениями. Называя Вашу чистоту, я имею в виду высшую ценность живого существования, – Вашу предельную существенность и освобож-денность от всего лишнего, второстепенного, праздного, Вашу деятельную, движущуюся всегда вдаль, направленную всегда к плодотворности и к добру устремленную природу. Смею ли я судить, так ли Вы живете, как Вам надо? Может быть, я слеп и постоянное свое впечатление от Вас принимаю за Вашу действительную жизнь, но мне кажется, что Ваша жизнь, несмотря на трудность одиночества не только завидно правильна, но на удивление светла, счастлива и удачна.

Вот чего Вы не знаете обо мне. Наверное всех обманывает моя беззаботность и способность к спокойствию даже в страдании. Я себя совершенно не знаю, такое чрезмерное значение имеет власть моей души надо мной и над всем, что со мной происходит. Я никогда не знаю, кем или чем я буду в следующую минуту, по-тому что не знаю, что она вздумает выкинуть, куда меня вознесет или как меня унизит. То есть, я совсем не то, чем кажусь, и неко-торых, очень немногих, от неизбежного разочарования спасает только их бесконечная доброта и снисходительность.

С Вами, Катя, очень хотят познакомиться подвижница и ве-ликий друг мой О. В. Ивинская и ее дочь Ирина. Их адрес: Пота-повский переулок (на Покровке) д. 9/11 кв. 18.

По вторникам я почти не сижу дома, а всегда в бегах по де-лам². Я немного подожду Вас, а когда уйду, пусть этот конверт, который передаст Вам Мария Эдуардовна, будет заменой того, что я сказал бы Вам, но не заменит мне Вас и лицезрения Вас.

Я, конечно, люблю Вас, Катя, остановившись в нескольких шагах от черты, за которой начинаются судьбы, совместности, соучастия в жизни, вещи счастливые и роковые. Я рад, что мы не связали друг друга ничем таким, что никогда не свяжет Вас, и что мы свободны. Целую Вас. Спасибо за все, что Вы сказали о романе. Вы раз или два упоминаете, что просили молиться за своих близких и за меня. Вдвойне благодарю Вас, и за отнесение к род-ным, и за молитвы. Их благотворным током и существованием добрых Ваших мыслей, наряду с другими благими силами я, на-верное, так необъяснимо счастлив, так безмерно глубоко и разно-образно и в столь многих отношениях, как счастливы, конечно, и Вы. Я не поверил бы противному, как не мог бы, зная Вас, пове-рить, что Вы недостаточно хороши собой, душевно богаты и ода-рены. А счастье и одаренность – одно и то же³. Впервые. – Автограф.

1 Обстоятельства первого знакомства Крашенинниковой с Пастер-наком в августе 1941 г. описаны в ее воспоминаниях «Крупцы о Пастер-наке». Она рассказывала, что узнала от Б. Садовского, ютившегося в сы-ром подвале в Новодевичьем монастыре, о котором она с подругами забо-тилась, в каком плохом положении находится Цветаева, и они захотели встретиться с нею. Они пошли к Пастернаку за ее адресом, но Цветаева как раз в эти дни уехала в эвакуацию. Знакомство с Пастернаком продол-жилось. Его очень заинтересовала статья Б. Крашенинниковой о filo-софских идеях Н. Ф. Федорова. Они часто виделись в это время, до его отъезда в Чистополь, накануне которого он оставил им папку с письмами Цветаевой («Новый мир», 1997, № 1).

2 Пастернак приезжал в Москву по делам каждую неделю по вторникам.

3 Почувствовав, что на исповедальное письмо Крашенинниковой он ответил слишком сухо, Пастернак на следующий день писал ей с извине-ниями: «17 авг. 1956. Дорогая Катя! Простите, если письмо мое близоруко или бездушно. В этом виновата не только моя ограниченность, но и род, качество моего недосуга. Дело в том, что я никогда не осознаю его в виде помехи или занятия, чему-то препятствующего, так как все эти неотлож-ные обязанности и поделки лежат в области искусства, то они кажутся жизнью, свободой и отдыхом, и я никогда не замечаю, что я недостаточно внимателен и слишком тороплив. Наверное, в таком заторможенном со-стоянии я и написал Вам и продолжаю писать. Главным остается вот что. Вы снова заставили меня подивиться редкой слитности Вашего ума и души, их глубине и благородной силе».

1385. А. Ю. КРИВИЦКОМУ

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

16 августа 1956, Переделкино

16 авг. 1956

Дорогой Александр Юрьевич!

Спасибо Вам за доброе отношение, знаки которого до меня доходят. Я согласен со всеми Вашими купюрами¹ (но мне надо будет посмотреть в корректуре, не нарушена ли ими последовательность и связь) со всеми, кроме одной, в отрывке 10-м главы «Перед первой мировой войною» на стр. 55 машинописи. Восстановите или, лучше сказать, оставьте нетронутым весь этот десятый раздел. Здесь внимание обращено на очень важную черту ранней поэтики Маяковского, для него даже более типическую, чем для Есенина. Он тут обыгрывает ход и текст обряда освящения св. даров не только вольно или на взгляд догматики, кощунственно (в личную сферу реально текущей жизни переносит эти представления всякое сектантство), но заимствует у привычного понятия таинства сопутствующую ему торжественную темноту и внушительность². Вспомните, как действовали элементы этого рода в исполнении самого Маяковского, как легкой примесью распева в общем потоке чтения он без оттенка издевательства оттенял откуда смонтированы подобные куски. Оставьте, прошу Вас, эту страницу на моей совести и ответственности, как, в конце концов, и весь почти текст, так непопадающий в установившийся общий тон. В Гослитиздатской книжке сокращают гораздо меньше, и это место, с некоторыми другими, оставлено³.

Привет и благодарность также дорогой Софье Григорьевне. Я не видел еще ее записки ко мне, но знаю ее содержание. Спасибо Вам обоим.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 3126, оп. 1, ед. хр. 295). А. Ю. Кривицкий – зам. главного редактора «Нового мира».

¹ Речь идет о публикации очерка «Люди и положения» в «Новом мире».

² В отрывке отмечены параллели стихов Маяковского с литургическими текстами, «церковные распевы» которых, по словам Пастернака, были ему «дороги в их буквальности, как отрывки живого быта» и «подсказывали Маяковскому пародическое построение его поэм».

³ Автобиографический очерк писался как предисловие к стихотворному сб., готовившемуся в Гослитиздате, где он тоже подвергался редакционным сокращениям, но не был издан ни тут, ни там.

1386. А.-М. РИПЕЛЛИНО

17 августа 1956, Переделкино

17 авг. 1956

Дорогой мой Рипеллино!

Сердечное спасибо Вам за письмо, за фотографию, за все, за все. Страшно рад буду, если Вы приедете в Москву и я Вас увижу¹.

Но еще раньше, как это ни трудно выразить в двух словах, вот Вам несколько моих соображений о времени и о поэзии.

Поэзия никогда не начинала собою, не определяла состояния умов, настроений и взглядов какого-нибудь нового века или оформившегося и наставшего периода, но наоборот, служила выражением этих взглядов после того, как их складывали достижения наук, публицистика, художественная проза, новый круг государственных стремлений и интересов. Сначала дом должен быть выстроен из кирпичей, а потом стены квартир окрашивают изнутри или оклеивают обоями, увешивают картинами, обставляют, обживают. Дом в данном случае – попытки новой философии, теоретическая мысль, новые романы, а жизнь въезжающих в дом жильцов – новая поэзия времени.

Я в невыгодно одиноком положении сейчас не только по отношению к моим товарищам тут в России, но и у Вас на западе и, может быть, лично к Вам.

Все продолжают смотреть на жизнь прежними глазами, остаются верными прежним привычным именам и понятиям. А между тем огромный вековой круг забот и замыслов, огромный цикл тем и идей закончился, высказал себя весь до конца, огромный ход мысли, зародившейся в пятидесятых годах прошлого века, доведен до последних своих выводов и приложений и, незримо, необнародованно, и не нуждаясь ни в каких внешних подтверждениях, началось новое, не только у нас, но во всем мире.

Я не пророк, я в общественном смысле невежествен и ничего об этом новом не могу сказать с точки зрения его житейских форм. Но вот Вам несколько догадок о его будущем искусстве.

Если развитие импрессионизма, сюрреализма и т. д. и т. д. связывали со все увеличивавшимися скоростями средств передвижения, авиацией, радио, телевидением и т. д., то я предчувствую, – такой, нарушающий всякую непрерывность скачок цивилизации, как переход от старых видов энергии к внутриатомной, в ее будущем повседневном применении, приведет в культуре духа к совершенно обратным результатам. Мне кажется, наоборот, искусство будет избавлено от мелко

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori дергающей нервной системы последних периодов и снова выйдет на временно по-кинутую дорогу больших вековых тем, ожидающихся продолжения, искусство, открывающее новые небеса для новых земных потребностей, искусство, мастерски и органически приходящее со своим новым содержанием как с большой военной или гор-ной добычей. И мне больно, когда Вы, или Ло Гатто, или Федецкий, или кто бы ни было другой (и таких немало), слишком милостиво го-ворите мне о моих стихах или о моем прошлом значении (как буд-то оно продолжается), и затем в том же тоне что-нибудь роняете о моем романе, тогда как этот роман и это прошлое – вещи несоиз-меримые и он не только во сто раз важнее всего, что я до сих пор делал, но говорить можно только о нем, потому что он также на-рушает непрерывность, как скачок от пара к внутриатомной энер-гии, и между тем, как моя и вместе со мною вся современная по-эзия, все уменьшаясь, осталась вдали на берегу, от которого мы отплыли, роман, пусть и плохой и слабый, но единственный про-блеск берега, к которому мы плывем.

Не пишите, пожалуйста, фельтринелли². Раз Вы знакомы с Федецким, обратитесь со своею просьбой к нему. К сожалению у меня нет его адреса, а то бы я сам написал ему об этом. Попро-сите его, чтобы он каким-нибудь образом доставил Вам руко-пись, экземпляр полного текста есть у него³. Меня меньше огор-чило бы полное непонимание и отрицание всей моей деятель-ности, чем его ослепленность доводами предосторожности, его забота о моем благополучии и его полная слепота насчет того, что у него залеживается на полке без всякой для кого бы то ни было пользы.

Извините, что отвечаю Вам наспех, не перечитывая напи-санного второпях и не приводя сказанного в больший порядок и ясность. Вы сами писатель и понимаете, что так писать непозво-лительно.

Но у меня много дел и я оторвался от них, чтобы ответить Вам поскорее. Итак, простите, простите и будьте здоровы и счастливы.

Преданный Вам Б. И

Вот объяснения отдельных слов, о которых Вы просили.

1) Любка⁴ – название очень пахучего ночного цветка, расту-щего в сырых лесах на болотистой почве. Другое его название – ночная фиалка, но он не лилово-зеленого цвета, как в поэме Бло-ка, а беловатого с бледной празеленью. Это северное растение и его наверно нет в Италии, – сильно пахнущие цветки орхидного строения, колосом расположенные на прямо торчащих кверху, как свечки, мясистых .стеблях. У меня нет подходящих справочников, но ботаническое их обозначение *orhis* или *hesperis* (?) как мне ка-жется.

2). Ивака⁵ – географическое название лесного владения на северном Урале.

3). Путивль⁶ старый, исторически известный город, упоми-нающийся в «Слове о полку Игореве» – стольный град (резиден-ция) князя Игоря, на стенах которого плачет Ярославна.

4). Вогулки⁷ – обмотанные платками и башлыками обморо-женные рожи полицейских сравниваются с монгольскими лица-ми вогульских баб. Тут не обязательно, конечно, чтобы они были вогулками (это для рифмы), они могут быть бурятками, якутски-ми или тунгусскими женщинами, лишь бы были монгольскими, азиатскими. Я наверно это место переделаю, чтобы в нем не ус-мотрели не содержащегося тут пренебрежения к какой-нибудь народности.

5). В стихотв<орении> «Упрек не успел потускнеть» не Скря-бин, а другой музыкант, петербургский пианист, композитор, про-фессор консерватории и дирижер императорской оперы Felix Blumenfeld, о котором упоминает Иг. Стравинский в «Chroniques de ma vie» (Denoel et Steele), на стр. 26.

6). С матрацев глядят, не моя ли платформа⁸. С матрацев, т. е. с диванов глядят соседи по купе, едущие, не мне ли сходить с по-езда, не моя ли станция, и т. д.

7). Ледяной лимон обеден⁹, – да, церковной службы и сзыва-ющего к обедням благовеста (колокольного звона) и высящихся в небе колоколен и золотящихся на них крестов.

8). Метиолы¹⁰ – ночные цветы (садовые) с еще более силь-ным, чем у любки (но любка – растение дикое, лесное) запахом. Мелкая травка с крошечными цветочками в виде розовато-фио-летовых крестиков с пряным запахом ванили (напоминающим аромат гелиотропа).

9). С#днап, да, суда, корабли.

10). Майный¹² – маятный, мающий, томящий. От слова мае-та, маять.

11). Газовые, жаркие¹³ – розы в цветнике на бульваре из пред-шествующей строфы – ветер розу пробует приподнять по просьбе и пр. Т. е. нашаркали и наиграли розам (люди, гуляющие и пр.).

Впервые: «Россия–Russia*. Torino, 1980, № 4. – Автограф (собр. Э. Рипеллино, Рим).

1 В письме 6 июля 1956 Рипеллино писал, что, может быть, ему удаст-ся приехать осенью в Москву.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

2 Рипеллино писал 6 июля 1956: «Жаль мне очень, что не знаю еще романа. Напишу издателю Feltrinelli: я уверен, что он не откажет показать мне Вашу рукопись». В письме № 1377 Пастернак советовал ему обратиться за текстом романа к Фельтринелли.

3 Еще раньше, чем Фельтринелли, рукопись «Доктора Живаго» Пастернак передал председателю польского Союза писателей З. Федецкому.

4 Рипеллино писал: «...Я знаю, что глупо разбирать так поэзию, но часто нельзя перевести без точного понимания» и спрашивал: «Любка: это географическое название? Дача, село или женщина?» Имеется в виду назв. стих. Пастернака 1927 г.

5 Далее – вопросы Рипеллино к Пастернаку: «Ивака: географическое или женщина?» – Так названо стих. 1916 г. из книги «Поверх барьеров».

6 «Путивль (или Путивля?): это грузинское село?» – Это назв. упоминается в стих. «Весенней порою льда...» (1932).

7 «В поэме "1905 год" говорится о "вогулках": это вогульские лошади или женщины?» – Имеются в виду строки из главы «Москва в декабре»: «Шашки. / Бабы платки. / Бакенбарды и морды вогулок.» После вопроса Рипеллино Пастернак изменил эту строчку в машин, сб. 1956 на «Караульные у караулок».

8 «В стихотворении "Сестра моя жизнь" есть стих "с матрацев глядит, не моя ли платформа". Подлежащее есть "жизнь"? А "жизнь" – это "любимая"?» – Непонимание Рипеллино толкнуло Пастернака на переделку всей строфы, которая в сб. 1956 должна была читаться: «Что только закат озарит хуторянок, / Толпою теснящихся на полотне, / Я слышу, что это не тот полустанок, / И солнце садясь, соболезнует мне».

9 «В стихотворении "Весна" Разве только <...> "обедня" есть, как обыкновенно, церковная служба?» – Имеются в виду строки из стих. «Весна» (1914): «Разве только птицы цедят, / В синем небе щебеча, / Ледяной лимон обеден / Сквозь соломину луча?»

10 «Что такое "метиол" в Балладе о Днепре? Растение?» – Правильное назв. этих цветов: маттиолы; после вопроса Рипеллино Пастернак в машин, сб. 1956 исправил ошибку, чем нарушал аллитерацию в строке: «Метель полных метиол», вызвавшую сравнение.

11 «В стихотворении "Мельницы": А только, как судна... "судна" = суда (плавающие сооружения) или сосуды? Я думаю, что речь идет о судах». – Имеются в виду следующие строки: «А только, как судна, земле вопреки, / Воздушною ссудой живут ветряки».

12 «В стихотворении "Лето" <...> "майным" происходит от "май" (месяц)?» – Вопрос относится к следующим строкам: «Тянулось в жажде к хоботкам / И бабочкам и пятнам, / Обоим память оботков / Медовым, майным, мятным».

13 «В поэзии "Звезды летом": газовые, жаркие, / осыпают в гравий... "все, что им нашаркали" значит "все, что (люди, ветер, природа) нашаркали и наиграли звездам"?» – В автографе стих. «Звезды летом» (1917) в предыдущей строфе были «розы» во множественном числе: «Ветер розы пробует / Приподнять...», что давало правильное согласование с эпитетами следующей строфы – «газовые, жаркие», утраченное в публикации.

1387. Э. ПЕЛЬТЬЕ

14 сент. 1956

Дорогая Елена Мариусовна! Кажется мне в понедельник, 17-го, потребуется рукопись романа во второй половине дня. Если Вы его еще не прочли, я потом, спустя некоторое время, дам его в другом экземпляре.

Во всяком случае, если Вам не трудно, позвоните мне пожалуйста в понедельник, в 4 часа дня, по тел. в-1-77-45, я буду в городе, рад буду услышать Ваш голос и скажу Вам, как нам быть с Вами на этот счет.

Кроме понедельника, когда я Вас может быть тоже увижу мимоходом, мне очень хочется видеть Вас еще раз в Переделкине, предположительно днем в воскресенье 23-го, я Вас об этом извещу особо.

От души Вам всего лучшего. Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Знамя», 1997, № 1. – Автограф (собр. адресата).

Элен Пельтье – французская славистка, в 1940-е гг. посещала лекции в Московском университете. Стала одним из переводчиков «Доктора Живаго», проф. университета в Тулузе. Осенью 1956 г. Э. Пельтье проходила стажировку в течение двух месяцев в Москве и написала Пастернаку с просьбой принять ее вместе с ее другом А. Д.

Синявским; 7 сент. 1956 она получила приглашение в Переделкино: «Уважаемая Mlle Peltier! Приезжайте, пожалуйста, если будет хорошая погода, ко мне на дачу в воскресенье 9-го сент. в 2 часа дня. Если письмо до тех пор не дойдет до Вас, я Вам напишу еще раз как-нибудь, спустя некоторое время. Я живу в Переделкине по Киевской жел. дор., городок писателей, ул. Павленко, дача № 3. Сердечный привет. Ваш Б. Пастернак» (там же. С. 109).

1 Узнав, что Э. Пельтье собирается писать диссертацию о русской литературе XX

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
в., Пастернак дал ей прочесть машин, романа.

2 Пастернак узнал, что его собирается посетить проф. Г. М. Катков из Оксфорда, с которым он предполагал послать рукопись в Англию, но Катков неожиданно пришел 13 сент. и, чувствуя за собой откровенную слежку, воспротивился намерениям Пастернака. Действительно о «беседе» Пастернака с «белоземитом» Катковым докладывал председатель КГБ А. Н. Шелепин в записке ЦК 18 февр. 1959, приводя слова Пастернака. (Пастернак и власть. С. 183). Повторяя свое приглашение Э. Пельтье, Пастернак отмечал срочное возвращение романа: «19 сент. 1956. Елена Мариусовна, дорогая моя! Я Вас жду в воскресенье 23 к нам на дачу. Но приезжайте немного раньше других, в час или в половине второго, мне о многом хочется с Вами переговорить. Кроме того мне не хочется, чтобы Вы тащили с собой такие тяжести. Не привозите романа и не торопитесь дочитывать его, а по прочтении дайте читать Синявскому, если Вы не возражаете, с тем, чтобы он потом вернул его мне. Итак, жду Вас. До скорого свидания. Ваш Б. Пастернак фла всякий случай повторяю Вам дачный адрес: ст. Переделкино по Киевской жел. дор., городок писателей, ул. Павленко, дача № 3». Э. Пельтье вспоминала об этом вечере у Пастернака, о «горячих разговорах с Федимым, с Всеволодом Ивановым» («Знамя», 1997, № 1. С. 110-111).

1388. В. Г. Лидину

16 сентября 1956, Переделкино

16 сент. 1956

Дорогой Владимир Германович!

Зинаида Николаевна обращалась в Литфонд с просьбой о приеме своей внучки, Марины Нейгауз¹, в писательский детский сад при Литфонде, и получила в этой просьбе отказ.

Вероятно не было достаточно объяснено, что эта девочка отчасти и моя внучка и что прямое назначение ее – находиться в ее возрасте в писательском детском саду. Дети З. Н. от первого брака с малолетства выросли и воспитывались у меня, жили на моем иждивении. Это родство не закреплено только окончательным юридическим усыновлением, что при живом отце было неудобно.

Зинаида Николаевна много поработала на пользу Литфондовского детского сада в годы эвакуации в Чистополе – это помнят очевидцы – надо было бы и с этой стороны уважить ее просьбу.

Прошу Вас лично, пересмотрите, пожалуйста, решение дирекции детского сада с изменением его в благоприятную сторону, а также передайте эту просьбу Леониду Максимовичу².

Сердечный привет Вам и Марии Александровне.

Искренне Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 3102, оп. 1, ед. хр. 822).

Писатель Владимир Германович Лидии был заместителем председателя Литфонда. С Пастернаком они были знакомы еще с 1920-х гг., в Переделкине часто встречались и дружили. Сохранилась записка Пастернака с приглашением Лидиных в гости: «20 авг. 1950. Дорогой Владимир Германович! Вы думаете, события будут развиваться как в Гоголевской "Коляске"? Мы действительно ждем Вас и Марию Александровну сегодня в воскресенье к четырем часам к обеду и очень хотим Вас видеть. За обедом легче и приятнее всего встречаться, потом кто работает, кто отдыхает, и у каждого свои привычки, а так это не будет для Вас и Марии Александровны потерей времени и жертвой. Сделайте нам удовольствие и убедите Марию Александровну прийти. Ваш Б. Пастернак» (там же).

1 Марина Нейгауз – дочка Станислава Генриховича, родилась в 1953 г.

2 Л. М. Леонов – председатель правления Литфонда.

1389. М. К. БАРАНОВИЧ

18 сентября 1956, Переделкино

18 сент. 1956

Милая, милая Марина Казимировна, друг мой! Вы удивительная, Вы всегда являетесь или случайность наталкивает на Вас в темные и тревожные минуты неясностей или осложнений, и от Вашей внутренней стройности исходит успокоение. Я потом, когда Вас увижу, – объясню Вам эти слова¹.

Посылаю Вам статью и часть стихотворений, которых Вы не знаете, по случайности переписанных. Стихи потребуются мне назад к субботе, 22-го, – может быть кто-нибудь принесет их к этому дню на квартиру². Статью подержите, пока не перепишите. Меня торопят, наши уезжают в город.

Крепко целую Вас и люблю.

Ваш Б. Пастернак Есть еще стихи, менее цензурные, но и менее интересные³.

Впервые: Переписка Б. Пастернака с М. Баранович. – Автограф (Hoover Institution Archives, Stanford).

1 Намек на получение письма редакции «Нового мира» с отказом от публикации «Доктора Живаго». Пастернак получил от М. Баранович просьбу дать ей

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
вступительную статью «Люди и положения» к сб. 1956. «Говорят, Вы не слишком
почтительно отозвались о Маяковском и слишком хорошо о Цветаевой, и ее не
пропустят», – писала Баранович (там же. С. 70)

2 Необходимость срочной перепечатки стихов объясняется приездом Э. Пельтье (см.
письмо № 1387 с приглашением ее в гости 23 сентября).

3 Имеются в виду посланные в тот же день стих. «Душа», «Перемена», «Трава и
камни», «Ветер», снабженные следующей припиской: «18 сент. 1956. Дорогой мой
друг Марина Казимировна, милая, милая моя! Вот несколько недосланных Вам
стихотворений. Они хуже, их не надо возвращать.<...> Не знаю, зачем досылкой
этих оставшихся я порчу впечатление от ранее переданных. Может быть только
затем, чтобы еще раз назвать Вас милою, милою и пожелать Вам здоровья и
крепости. Ваш Б. Я.» (там же. С. 48, 53).

1390. К. А. ФЕДИНУ

20 сентября 1956, Переделкино

Дорогой Костя!

В воскресенье 23-го, днем я хочу пригласить кое-кого из обычных наших друзей к
обеду¹, и очень хочу, чтобы ты освободился на эти часы (к трем часам) и тоже
пришел.

Дома ничего не знают о судьбах романа, о редакционном послании и т. д. и т. д.,
я от всего самого живого и важного своего их оберегаю, чтобы не беспокоить, –
поэтому не проговорись на эти темы в их присутствии, да это и не темы².

Целую и жду тебя. Твой Б.

Впервые: «Волга», 1990, № 2. – Автограф (собр. Н. К. Феединой). Дата поставлена
К. А. Феединым, его рукой также отмечен по полю последний абзац о «редакционном
послании».

1 Записка с приглашением к обеду была послана также Ивановым 19 сент. 1956:
«Дорогие, дорогие друзья мои Всеволод и Тамара Владимировна! Мы хотим
попробовать собраться в воскресенье 23-го в 3 часа дня, за обедом, и просим и
ждем Вас обоих. Кроме того, приписка от себя самого в 1-м лице. Я также
приглашу Константина Александровича с тем же легким сердцем и без задней мысли,
как в предыдущие годы, – пусть это Вас не удивляет. Итак, до скорой встречи. Ваш
Б. Пастернак» (Воспоминания. С. 252). «Еще в кухне (зимний вход в дом был через
кухню), – вспоминала Т. В. Иванова их приход в тот день, – мы увидели
обнимающихся Феедина и Пастернака. Пастернак был очень оживлен, находился в явно
приподнятом настроении» (там же). На вечер была также приглашена Ах-матова,
которая рассказывала «о блестящем светском собрании на даче: до обеда Рихтер,
после обеда – Юдина, потом читал стихи хозяин <...> Мне там было неприятно,
тяжко. Устала от непонятности его отношений с женою <...> Устала от того, что
никак было не догадаться: кто здесь се-годня стучит?» (Лидия Чуковская. Записки
об Анне Ахматовой. Т. 2. М., «Согласие», 1997. С. 233).

2 Имеется в виду отказ редакции «Нового мира» от публикации романа «Доктор
Живаго» как идеологически порочного произведения. Среди подписавших письмо был
К. Феедин. Пастернак получил этот отказ на вто-рой неделе сентября и 13 сент.
жаловался навестившему его Г. М. Каткову, что не знает, как теперь разговаривать
с Феединым при встрече, – ведь еще на днях, собирая вместе грибы, он говорил ему
добрые слова о романе.

1391. Т. В. ИВАНОВОЙ

26 сентября 1956, Переделкино

26 сент. 1956

Дорогая Тамара Владимировна! Совершенно верно: Акимов попросил у меня почитать
роман, и я его уполномочил получить его через Зою Александровну от
Казакевича¹. Это было давно, и я позабыл об этом.

Как всегда, все сходится. Мне на некоторое время придется расстаться с письмом
из Нового Мира. Я только что, наконец, прочел его. Оно составлено очень
милостиво и мягко, трудолюбиво продумано с точек зрения, ставших привычными и
кажущихся неопровержимыми, и только в некоторых местах, где обсуждаются мои
мнения наиболее неприемлемые, содержат легко объяснимую иронию и насмешку.
Внутренне, то есть под углом зрения советской литературы и сложившихся ее
обыкновений, письмо совершенно справедливо. Мне больно и жаль, что я задал такую
работу товарищам².

Впервые: Воспоминания. – Автограф (собр. Вяч. Вс. Иванова).

1 Н. П. Акимов – художник и главный режиссер Ленинградского театра комедии. З.
А. Никитина была секретарем редакции альм. «Литературная Москва», куда
Пастернак отдавал рукопись «Доктора Живаго» для несостоявшейся публикации.

2 «Работа товарищам» была задана Отделом культуры ЦК КПСС, ко-торый составил
мнение о романе после донесения министра Госбезопасности И. Серова. «Роман
Пастернака является злостной клеветой на нашу революцию и на всю нашу жизнь», –
сообщалось в подробной справке Д. А. Поликарпова и И. С. Черноуцана,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori направленной в Союз писателей для того, чтобы предупредить публикацию «порочного и антисоветского произведения» (Пастернак и власть. С. 70). Писателям оставалось только оформить данное поручение.

1392. С. Н. МОТОВИЛОВОЙ

30 сентября 1956, Переделкино

30 сент. 1956

Глубокоуважаемая госпожа Мотовилова!

Вы не раскрыли своих инициалов (С. Н.), я думал было по догадке назвать Вас Софья Николаевна (в таком случае Вы сегодня именинница, и я Вас поздравляю) – и не решился¹. Извините меня.

Я прочел Ваши воспоминания². Мне они очень понравились своей живостью и непосредственностью. По-моему, так и надо писать. Хотя все относящееся к Брюсову в воспоминаниях не так существенно, я попрошу отдать их в журнал «Литературное наследие» и там пристроить³. Не возлагайте, пожалуйста, особых надежд на меня. В кругах официальных я отнюдь не авторитет и в отношении рекомендации скорее величина отрицательная.

Оттого и роман мой долго еще не сможет появиться, как че-ресур далекий по духу от принятых установок.

Когда я начал читать Ваши страницы о библиотечном отделе, сердце у меня сжалось: вот-вот, думаю, напорюсь на что-нибудь неприятное. (Впрочем, тогда бы Вы рукописи мне не послали.) Спасибо Вам, что помянули меня так мило.

Мне кажется, я вижу Вас в том далеком прошлом, но может быть это обман воображения после прочитанного у Вас, имени же отчества Вашего я не мог восстановить.

От души Вам всего лучшего.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Русская мысль», Париж, 29 июля – 4 авг. 1999. – Авто-граф (собр. А. Е. Парниса).

София Николаевна Мотовилова – литератор и автор мемуаров. По-лучила образование за границей, в 1915 г. училась на библиотечных курсах в ун-те им. Шанявского, работала в Наркомпросе.

¹ 30 сентября по новому стилю – праздник св. Веры, Надежды, Люб-ви и Софии.

² Имеется в виду глава из воспоминаний Мотовиловой о Брюсове, посвященная работе эмигрантом в библиотечном отделе наркомпроса в 1918 г., где недолгое время секретарем отдела служил Пастернак. По сло-вам Мотовиловой, он «разъезжал по помещичьим имениям, описывая библиотеки» (там же. С. 13). Глава была опубликована в «Новом мире», 1963, № 12, без упоминаний о Пастернаке.

³ Пастернак передал присланные воспоминания С. Мотовиловой редактору и одному из основателей серии «Литературного наследия» С. А. Макашину и писал ей 19 окт. 1956: «Глубокоуважаемая София нико-лаевна! Я рукопись с соответствующей рекомендацией передал в "Лит. на-следство" Сергею Александровичу Макашину и рассказал ему о моем впе-чатлении. По прошествии некоторого времени запросите его письмом о том, когда они думают напечатать "Воспоминания". Адрес журнала: Мос-ква, Волхонка 18, редакция журнала "Литературное наследие". Желаю Вам успеха. Ваш Б. Пастернак» (там же).

1393. М. А. МАРКОВОЙ

30 сентября 1956, Переделкино

30 сент 1956 Дорогая моя Машура!

Спасибо тебе за твои теплые строки. Не думай, что я забыл тебя, или отношусь безразлично к папиной или Олиной памяти¹. Просто-напросто я все время чем-нибудь да занят и считаю, что самая лучшая память об ушедших – напряженная, близостью с ними связанная и производительно наполненная Деятельность остающихся. Да и устраивать там, по-моему, ни-чего не надо.

Спасибо тебе, что ты так живо отозвалась на неведомое мне, случайно услышанное обо мне известие. Главная моя судьба скла-дывается все же и протекает так далеко в стороне от меня, что ни воздействовать на нее, ни в точности что-либо знать о ней, я не в состоянии.

Она наверное не раз еще принесет мне неприятности, и по-этому я в нее не посвящаю даже своих домашних, чтобы не вол-новать их.

Но я здоров и счастлив, и мне очень хорошо, только немного сложно, как на луне или в четвертом измерении. Крепко целую и обнимаю тебя, моя хорошая, и еще раз благодарю тебя сердечно.

Твой Боря

Впервые: Переписка с О. Фрейденберг. – Автограф (собр. А. В. Кур-сина).

Письмо вскоре вернулось обратно и было вложено в новый конверт с запиской 16 окт. 1956: «Машурочка, родная! Я давно ответил тебе на твое дорогое письмо, но по старому, более не существующему адресу, т. к. не нашел обратного адреса на конверте. Нарочно вкладываю в записку всю эту путаницу, а то ты мне не поверишь.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Здоров, дико, страшно и производительно занят, – крепко целую тебя. Твой Боря».
1 М. Маркова писала Пастернаку 26 февр. 1956 о наследственных делах О. М. Фрейденберг и ее душеприказчице Р. Р. Орбели, которая распорядилась картинами Л. О. Пастернака и материалами, связанными с М. Ф. Фрейденбергом.

1394. Ж. Л. ПАСТЕРНАК и Л. Л. СЛЕЙТЕР

1 октября 1956. Переделкино

1 окт. 1956

Дорогие Жоня и Лида!

Тут было много делегаций, члены их ко всем ходили, может быть случайно вы что-нибудь узнаете по их рассказам, но кроме того, мне хочется попробовать послать вам несколько строк по почте.

Для меня большим подарком было знакомство с Георгием Михайловичем¹. Еще одно новое начало, по-видимому близкое и благодетельное, вошло в жизнь и, если не ошибаюсь, скажется в ней в дальнейшем светло и радостно. Мне только очень жалко, что ни он, ни кто из вас не читали романа (потому что его надо прочесть весь целиком, от начала до конца)².

Все увлеченно и с большой похвалой отзываются о ваших делах и их способностях, о том как они прекрасно учатся, идут впереди всех и всех забывают.

Доходят сведенья, что судьба папина художественного наследия беспокоит вас. Вам, наверное, кажется, что вы недостаточно радивые хранительницы его памяти, что вы сделали недостаточно для ее поддержания и ознакомления людей с его творчеством. Это неправда. Пусть это вас не тревожит. Конечно, если

представляется возможность устроить выставку в ответ на назревшую и проявившуюся потребность, этим желанием, если оно широко и свободно, и не требует, в придачу к искусству, еще какой-то дополнительной рубрики и марки, надо воспользоваться, да тогда это и нетрудно.

Вообще же помните, что верность памяти ушедших всего лучше соблюдается, когда жизнь остающихся продолжается в том же деятельном и производительном наполнении, как при них, или еще больше, а в этом отношении вы обе и ваши семьи – лучший памятник папе и маме.

Что касается нас, то и тут лучше и пока единственно возможною его выставкой, которая не наткнулась бы на какие-нибудь непредвиденные глупости, остается мое собственное существование, я сам, моя жизнь и мое, всем известное почитание его и его высокого художественного примера. Я совершенно безболезненно выслушиваю любую критику на себя и гораздо, гораздо больше: я всегда подготовлен к любому удару, даже смертельному и, боюсь много взять на себя, но, мне кажется, способен встретить его с достоинством и спокойно. Но в отношении папы у меня повышенная чувствительность и любая оговорка в признании, любое ограничение похвалы лишили бы меня самообладания и убили.

Я не знаю адреса Bowra и прилагаю несколько слов к нему на ужасном английском языке, над которым будете смеяться вы сами, он и ваши дети. Он давно раззвонил меня по всему свету, и я не знаю, какими словами мне бранить и благодарить его. Поцелуйте, пожалуйста, Федю и всех ваших. Напишите мне что-нибудь, и пусть Bowra и кто захочет мне напишут. Испытаем на опыте, нельзя ли опять переписываться по-человечески.

Обнимаю вас обеих. Ваш Боря

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф (Pasternak Trust, Oxford).

1 В сентябре 1956 г. в Москву приезжала делегация оксфордских преподавателей. В ее составе был Георгий Михайлович Катков, добрый знакомый сестер Пастернака. Ему удалось поехать в Переделкино и он взял на себя инициативу издания романа в Англии. Катков запомнил, что в разговоре о романе Пастернак назвал Юрия Живаго «наследником Тургеневского Рудина», так как он «человек высоких принципов, не привязанный к жизни и вне политики», что делает его «идеальным свидетелем своего времени». На вопрос Каткова, есть ли вокруг него люди, которые думают так же, как он, Пастернак ответил, что хотя такие люди есть, они не общаются друг с другом, они «как апостолы, каждый должен идти в мир и самостоятельно творить чудеса».

2 Машин. «Доктора Живаго» была послана с И. Берлином в августе 1956 г., но, возможно, сестры ее еще не получили.

1395. Г. В. РУДАКОВУ

6 октября 1956, Переделкино

6 окт. 1956

Милый мой Георгий Васильевич!

Вы наверное оставили надежду получить от меня когда-нибудь ответ, и будете удивлены, дождавшись его. Я все время очень занят, и не так, как это принято говорить, а действительно, и без перерыва.

Но Вам надо ответить, а то, как это часто бывало с другими, Вы решите, что в моем молчании заключено косвенное осуждение присланного Вами и это будет

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori неправильно.

Что сказать мне Вам совсем вкратце?

Ваши стихи, помимо беспорядочно разбросанных свидетельств дарования, обнаруживают также и начитанность, и знание, и ум. Я взываю к последним, и они, помимо меня, Вам под-скажут, что никакой суд мой ничего ни в Вашей жизни, ни в судь-бе Вашего увлечения литературой не изменят и не могут означать¹. Кроме того, мы с Вами люди разные вот в каком, очень важном для данного вопроса отношении. Для меня существование и пи-сание стихов на свете не представляет той непререкаемой и само-стоятельной ценности, чтобы уже годиться в эмблемы и служить символом чего-то высшего, как для большинства. Может быть поэзией, с помощью поэзии, я чему-то поклоняюсь, но не покло-няюсь поэзии.

Мне нравится, что в форме эпической композиции Вы объе-диняете чередование реальных звеньев, излагающих содержание, с личной лирикой. Отступления, доведенные до такой повторяющей-ся периодичности – Ваша находка. Это живет, это интересно.

У Вас есть внутренний напев, наполняющий стихотворный размер жизнью и смыслом, плавность воображения и порыв, при-водящий в движение повествование. Но все это наблюдается в виде неряшливо рассеянных признаков и задатков, еще очень далеких от той окончательности и определенности, которую в творчестве все решается. Как Вы ими распорядитесь – Ваше дело и тайна. Желаю Вам успеха.

Ваш Б. Пастернак

Пока я так постоянно занят, не посылайте мне больше ниче-го. И встречу нашу, если судьба Вас занесет в Москву, придется пока отложить на неопределенное время.

Впервые: Борис Пастернак. Доктор Живаго. Избранные письма. – Автограф.

Георгий Васильевич Рудаков – издававшийся поэт, прислал Пас-тернаку свои стихи. ¹ Так в тексте.

1396. л. л. СЛЕЙТЕР

10 октября 1956, Переделкино

10 окт. 1956

Лида, дорогая девочка моя!

Получил вчера твою открытку, – спасибо. Это не внук, а внуч-ка, и не совсем моя, а Зинина, дочь младшего ее сына от первого брака, пианиста¹.

Не торопись отвечать мне, не страдай в будущем, что пишешь не то или недостаточно, – это все пустяки. Я вам наслал так много, что год потребуется это все прочесть, – Фауста, роман, автобиографию.

В экземпляре последней, которую увезли, на странице, примерно 55-ой, где речь о переложении Пушкиным и Алексеем Толстым молитв, ошибочно напечатано «Исаака Сирина» вместо Ефрема Сирина². Исправь, пожалуйста, чтобы не плодить и не мно-жить ошибки в перепечатках и переводах.

Мне кажется «фауст» вам доставит удовольствие, «Meine Ruh ist bin, Mein Herz ist schwen»³ и еще многое, многое другое. Тем временем как шла твоя открытка, ты, наверное, успела получить другое мое письмо, предшествующее, с запиской для Bowra.

Мне, кажется явится возможность прочесть роман и Георгию Михайловичу. Я так был бы рад получить прямо от него или через вас несколько слов о его впечатлении⁴.

Если оно будет достаточно велико и вещь привлечет его, и если бы такая возможность улыбну-лась ему и была близка его сердцу, я рад был бы отдать часть тамошней судьбы вещи в его руки. Передайте ему привет от меня, а также адрес уехавшей Helene Peltier, 6, Allee des Desmoiselles, Toulouse.

Мне передали 20 томиков сочинений Virginia Woolf, целую полку! Тысяча благодарностей дарителю⁵. Сердечный привет ему и его милой жене. Ахматова без конца говорит о нем.

Я уже писал тебе в какой чести и славе твои дети. Целую тебя.

Твой Боря

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф (Pasternak Trust, Oxford).

¹ Лидия поздравляла Леню с поступлением в университет и спраши-вала, чей ребенок снят на фотографии, привезенной Г. М. Катковым.

² Речь идет об автобиографическом очерке «Люди и положения». Имеется в виду следующее место: «В отличие от классиков, которым был важен смысл гимнов и молитв, от Пушкина, в «Отцах пустынных» пере-сказывавшего Ефрема Сирина, и от Алексея Толстого...». По поводу этой ошибки Пастернак писал Д. Г. Резникову, чтобы ее исправили в машин, у Ж. де Пруайяр: «Кажется у M-me de Pг. один из первых экземпляров, где вместо Ефрема Сирина в машинописи напечатано Исаака Сирина и в тексте "ничто же земное в себе да помышляет" сказано "живое" вместо земного. Это надо исправить» (машин, копия В. Б. Сосинского).

³ Песня Гретхен за прялкой: «Нет покоя и смутно / И сил ни следа...» (перевод Пастернака).

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
4 Экз. «Доктора Живаго» для Г. М. Каткова взяла с собой Элен Пель-тье и писала Пастернаку 5 янв. 1957: «Рукопись, которую Вы мне поручи-ли, благополучно прибыла в Англию. Мне было больно расставаться с этим единственным экземпляром, но Катков обещал прислать копию. Как толь-ко я ее получу, сразу начну переводить» («Знамя», 1997, № 1. С. 112).

5 И. Берлин, желая познакомить Пастернака с произведениями Вирджинии Вульф, прислал на адрес посольства собр. ее сочинений, Г. Катков принес эти книги Пастернаку.

1397. Д. Е. МАКСИМОВУ

14 октября 1956, Переделкино

14 окт. 1956

Дорогой Дмитрий Евгеньевич!

Опять пишу Вам очень второпях. Кроме сказанного в письме о стихах у меня не было никакой задней мысли и не ищите в моих словах побочного смысла¹.

Благодарю Вас за оттиск из журнала². Как это все хорошо ра-зобрано и написано!

Как чудесно и правильно, как чисто охарак-теризована роль Л<юбови> Д<митриевны>.

Очень, очень высоко и тонко. Существует же эта мерзкая тема – в Толстовском

Бессо-нове из «Хождения», например, и совсем младенчески слюняво в «исследованиях» Андрея Белого о губительной роли «Щ» в вопро-се его собственного здоровья³. И как меня всегда возня на эту тему возмущала; – покойного Вячеслава Иванова, например, удивля-ло, как меня, человека естественного и, как он думал, сильного, мог привлекать Андрей Белый (с соответственными намеками на тему о слабосилии). Нечего было людям делать!

В декабрьском номере Нового Мира, кажется, будет напеча-тано большое прозаическое мое вступление к готовящейся в Гос-литиздате книге моих избранных стихотворений. Там о Блоке Вы прочтете больше, чем полфразы⁴.

Там же среди нескольких новых моих стихов будут напеча-таны строки мои о Блоке.

Но я ошибочно произносил Шахматово, с ударением на втором слоге, а, говорят, надо Шахматове А в сти-хах оно упоминалось. Придется выбросить это собственное имя и заменить чем-нибудь нарицательным⁵.

Видели ли Вы в 9-м номере «Знамени» несколько новых моих стихотворений?

Мне очень близко все, что Вы напечатали в статье и пишете в письме.

Желаю Вам здоровья и счастья.

Ваш Б. Пастернак

Но главная моя работа, роман в прозе Доктор Живаго, в 40 печатных листов, самое лучшее и важное из всего, что я сделал. Но для нынешней печати он не предназначен.

Впервые: Тезисы I Всесоюзной конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. – Автограф (РНБ, ф. 1136, № 33).

Дмитрий Евгеньевич Максимов – историк литературы, писавший о поэзии М. Лермонтова, А. Блока, В. Брюсова и др.

1 Имеется в виду записка Пастернака, посланная в ответ на стихи Д. Е. Максимова

1 окт. 1956: «Не сердитесь на меня, Дмитрий Евгениевич. Очень трудно самому стремясь к строгой ясности, разбирать свидетель-ства иного склада или направления. Мне больше других понравились три военных стихотворения и «На реке». Ни в коем случае не превращайте этой склонности в вопрос судьбы или решающего выбора. Берегите сло-жившуюся форму заработка и призвания, а стихи должны остаться для Вас делом досуга. Желаю Вам здоровья и счастья. Ваш Б. Пастернак»

(Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы. Л., 1989).

2 Статья Д. Е. Максимова «Из архивных материалов о Блоке» («Уче-ные записки Ленинградского гос. пединститута», 1956, № 18). В своей работе Максимов публикует и комментирует письма из переписки А. А. Блока с женой, о которой пишет: «...В жизни молодого Блока Л. Д. Менделеева сыграла скорее всего положительную роль» (С. 248).

3 Имеется в виду карикатура на А. Блока, данная в романе А. Н. Толстого «Хождение по мукам» под именем поэта Бессонова. Иссле-дованиями А. Белого Пастернак называет его мемуарную прозу «Начало века» и «Между двух революций», в которых Л. Д. Менделеева скрыта под буквой «Щ».

4 Очерк «Люди и положения» не был опубликован.

5 Речь идет о 3-м отрывке из цикла стих. «Ветер». Строки рефрена: «О детство! О школы морока! / О песни Шахматовских слуг!» в окон-чательном тексте заменены на: «О песни пололок и слуг!» Стих, не было напечатано в «Новом мире».

1398. Д. ИЙЕШУ

15 октября 1956, Переделкино

Москва, 15 октября 1956 Дорогой, дорогой мой ийеш!

Какая же я свинья, что еще не поблагодарил Вас за прекрас-ные подарки¹, не

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori ответил на Ваше замечательное и милое письмо!

Под тяжестью дел, которыми я теперь занят, я, к сожалению, не могу написать Вам настоящее письмо, лучше и больше того, чем пишу сегодня.

Что касается Вессели и моего небольшого сборника², – не лучше ли ему отложить предполагаемую книгу до зимы, когда Гос-литиздат издаст мои избранные стихотворения с большим авто-биографическим предисловием, пополненные новыми стихами. Это издание предоставило бы ему много полезного³.

Рукопись романа уже многие прочли, она переходила из рук в руки, пока неожиданно не оказалась у издателя Дж. Фельтри-нелли в Милане, ул. Fatebenefratelli 15. Но судьба Горьковского Дела Артамоновых к этому случаю неприменима⁴, я готов к тому, что меня обольют грязью за эту невольную ошибку.

Но, искренне говоря, мне не на что жаловаться, со мной все все-гда обходились и продолжают обходиться с редким великодушием.

Я предупредил, что письмо будет пустым и коротким. Об-нимаю Вас горячо и по-братски.

Впервые: Domokos Mdyts. Addssddglevel. Bp., Kortars kiad6, 1998. – Автограф по-фр. (собр. Марии Йеш, Будапешт).

1 Через Марину Усиевич Д. Йеш переслал Пастернаку книги и подарки.

2 Д. Йеш передавал в письме, что изданием сб. стихов Пастернака заинтересовался издатель Вессели.

3 Издание не состоялось.

4 На конверте письма Йеша 24 авг. 1958 Пастернак записал: «Дьюла Йеш, лучший и ведущий поэт Венгрии, левый, из крестьян. 1) Сообщает, что "Дело Артамоновых,, Горького вышло в венгерском переводе раньше оригинала. 2) Предлагает сделать то же самое с романом и послать руко-пись ему в Венгрию». Речь идет об издании романа Горького «Дело Арта-моновых» в Будапеште, которое давало автору мировые права, не обеспе-чивавшиеся советскими изданиями из-за отсутствия книжной конвенции. Аналогичным способом Горький предлагал Пастернаку издать «Охранную грамоту» в Германии. См. об этом письма № 599, 615.

1399. л. л. СЛЕЙТЕР

21–25 октября 1956, Переделкино

21 окт. 1956 Дорогая Лида!

Ты – мать семейства, на тебе целый дом и ты одна без помо-щи, а я бомбардирую тебя письмами. Но мне известно твоё состо-яние, мне ничего не надо, и даже эти письма можешь читать не в момент их получения, а откладывать их чтение, как сплошь и ря-дом делаю я, до более свободного времени (которого, кстати ска-зать, никогда не бывает).

Затрудненность нашей переписки, необычность и неудобство главной темы и множество других препятствий я считаю, искрен-нейшим образом, совершенно нормальным. Такою должна быть, в моем понимании и вкусе, жизнь, – загроможденной преграда-ми, склоняющей к таинственности, замкнутой, трудной.

Оттого ли высшей формой художественного выражения ста-ла у греков трагедия, что необходимейшей задачей искусства они считали жалобу на бедственность земного существования?

Нет, но тиски и стеснения трагедии концентрировали и сгу-щали яркость и назидательность сопутствующего всякой судьбе содержания. Такою и должна быть жизнь. Она должна быть траге-дией полноты, трагедией производительности и счастья.

Я получил от Г<еоргия> М<ихайловича> письмо. Он обеща-ет еще раз написать мне, когда дочитает последнюю четверть кни-ги. Тогда я напишу ему лично. Но полученное от него письмо не то, которое я надеялся получить.

У меня самого очень разнообразное отношение к вещи. Я со-знаю ее неровность, разбросанность, ее художественные недостат-ки. Я готов к любым мнениям, противоположным и одинаково крайним, и в глубине души со всеми соглашаюсь.

Но у меня есть сознание решающих переломных сроков в ходе мировой мысли и мирового искусства, сознание того, что нельзя боль-ше продолжать писать только хорошие вещи, что это ничего не зна-чит и совсем не интересно, что где-то, кем-то в разных местах земли должны делаться какие-то шаги, не политикой, но творческой чело-веческой душой¹, и сознание того, что роман один из таких шагов. Г. М. полон готовности и самопожертвования, десятой доли которых я бы никогда не принял, но этого совершенно не надо, я мечтал о его помощи в том случае, если бы вещь его захватила в том самом смысле, как я сказал выше, если бы разряд явлений, которым, мне кажется, ее надо мерить и в который надо поме-щать, вывел его из круга стилистических оценок, заключающихся в письме и очень верных, очень справедливых.

Также по многим другим причинам надо дать обстоятельствам течь их естественным путем и не спешить, как я думал раньше, им навстречу. Имеется требование издать роман у нас во что бы то ни стало². По-видимому, он выйдет из печати зимой

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
несколько сглаженный и смягченный.

Мне очень хочется, чтобы Г. М. дочитал конец и мне написал. Тогда я отвечу ему. Не секрет от него и то, что я тебе говорю о его письме. Он прав, его отзыв легко вообразим и заслужен, дело не в этом, а я сказал уже в чем.

Теперь от вас и от него посыплются уверения в вашей потрясенное™ и гениальности произведения, в том что я его не понял. Пойми, что соображениям мягкости и вежливости здесь не место.

Крепко целую тебя и всех твоих.

Твой Боря

25 X. Письмо по ряду случайностей залежалось и я отправлю его только 28-го, в воскресенье.

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф (Pasternak Trust, Oxford).

1 Ср. «Не потрясенья и перевороты / Для новой жизни очищают путь, / А озаренья, бури и щедроты / Души воспламенной чьей-нибудь» («После грозы», 1958).

2 По просьбе А. К. Котова, Пастернак дал ему роман, который ему очень понравился, и он собирался издать его в Гослитиздате.

1400. М. К. БАРАНОВИЧ

21 октября 1956, Переделкино

21 окт. 1956

Дорогая Марина Казимировна! Я обязательно повидаяю Вас, хочу и мечтаю. Отсюда трудно говорить, ничего не слышно¹. Приходится подбирать выражения ясные и односложные. Я имел нео-сторожность сказать Насте то, что Вы повторили в письме. Больше никогда не буду².

Мне нужно задержать появление отдельных стихотворных сборников в Югославии, Венгрии, Чехословакии и Италии и предупредить их выходом избранных с биографическим предисловием у нас. Кроме того много географических хлопот с романом. Вот что я имел в виду своей жалобой Насте, а она и Вы поняли совсем не так.

Я совсем перестал говорить о своих делах с кем бы то ни было, кроме той, которая знает, что их заводит и движет не тщеславие. Я не обижен, но жалею, что говорил эти глупости по телефону на-сте и люблю и увижу Вас.

Ваш Б. И

Впервые: Переписка Б. Пастернака с М. Баранович. – Автограф (Hoover Institution Archives, Stanford).

1 Пастернак звонил по телефону из конторы дома творчества в Переделкине.

2 «Вы сказали Насте, что переписываетесь со всем миром, поэтому нет времени для ответа Мише», – писала Баранович 23 окт. 1956. Примеч. М. Баранович: «Я не поняла, что он имеет в виду и попеняла ему, написав, что я стою мира.

По-видимому, уже тогда до Б. Л. доходили упреки в тщеславии. Ко мне одной в такой форме и с такой горечью он не обратился бы в последнем абзаце и, наверное, назвал бы 0<льгу> <севолодовну>» (там же. С. 71, 90). Михаил Константинович Поливанов – муж Насти Баранович.

1401. Ю. Г. ВИЛЯВИНУ

Конец октября 1956, Переделкино

Дорогой Юра!

Благодарю Вас за Ваше горячее и порывистое письмо¹. Я Вам не писал, потому что все время занят, а не потому, что Ваши стихи плохи. Я не помню их, и не могу найти Ваше письмо, к которому они были приложены. Вас не должно это огорчать. Я к вам отно-шусь очень хорошо.

Есть требование даже «из сфер», чтобы роман был напечатан. Но в том виде, в каком он написан, это пока немыслимо. Значит, его будут подчищать и сглаживать некоторыми добавлениями. Я не знаю, что из этого получится, и получится ли что-нибудь. Не пи-шите мне, или написавши, не ждите ответа. Мне надо привести в порядок собрание лучших старых и новых стихотворений для Гос-литиздата. Для этого сборника я написал большое биографи-ческое вступление и множество новых стихов. Часть из них напе-чатана в 9-м сентябрьском номере «Знамени» (достаньте и про-читите), другая, может быть, будет напечатана в 11-м или 12-м но-мере «Нового мира»². Недосуг у меня очень велик и занят я буду неотложными работами еще очень долго.

От души желаю Вам удачи, успехов в образовании и самого-самого лучшего в Вашей жизни.

Б. Пастернак

Впервые: Приложение к газ. «Волга» (Астрахань), 1 нояб. 1990. – Ав-тограф (собр. адресата). Датируется по пометке Пастернака на конверте Вилявина: «Взять болгарское письмо и ответить» (см. письмо Jsfe 1402).

1 Ю. Вилявин писал Пастернаку 29 сент. 1956 из Астрахани о романе «Доктор Живаго», что нельзя оставлять его неизданным и надо любыми способами добиваться публикации.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
2 Публикация в «Новом мире» не состоялась.

1402. А. ГУЛЯШКИ

30 октября 1956, Переделкино

30 окт. 1956 г.

Уважаемый товарищ Гуляшки!

Благодарю Вас за письмо. Вашу просьбу легко будет удовле-творить: в двенадцатом декабрьском номере «Нового мира» напе-чатана будет моя автобиографическая большая статья и довольно много моих новых стихотворений¹. Несколько новых стихотворе-ний было также помещено в 9-м, сентябрьском номере нашего журнала «Знамя» – видели ли Вы их? Перепечатайте или воспро-изведите в переводе все что Вам понравится из обоих источников.

Если речь идет о ненапечатанном материале, то я не знаю, как его Вам доставить. Наибольший интерес, конечно, представ-ляет ненапечатанный мой роман в прозе «Доктор Живаго». Но в той форме и с тем содержанием, как он написан, он у нас нескоро дождетс напечатания².

Еще раз спасибо за внимание.

Сердечный привет. Ваш Б. Пастернак

Впервые: Пастернак и власть (факсимиле). – Автограф (РГАНИ, ф. 5, оп. 36, д. 61).

Андрей Гуляшки – болгарский писатель, автор исторических и на-учно-фантастических повестей, главный редактор журн. «Пламя». Пере-давая автограф письма Пастернака в ЦК КПСС в 1958 г., в период гоне-ний на Пастернака, Гуляшки рассказал, что «Пастернак еще в октябре 1956 г. предложил свой роман для опубликования в журнале "Пламя", глав-ным редактором которого он (Гуляшки) является, а через болгарского пи-сателя Божидара Божилова, который в это время находился в Москве, пы-тался переслать его с этой целью в Болгарию. По словам Гуляшки, редак-ция журнала "Пламя" ответила Пастернаку отказом после того, как узна-ла от вернувшегося из Москвы Божилова об отрицательном отзыве о романе Константина Симонова» (там же. С. 208). Судя по содержанию письма, не Пастернак предлагал в Болгарию свои ненапечатанные стихи и «порочный роман», а журнал «Пламя» просил их у него.

¹ Публикация не состоялась.

² Пастернак послал Гуляшки вместе с письмом машин, очерка «Люди и положения» через Божилова. О встрече с ним он договаривался через Иностранную комиссию Союза писателей: «Дорогая Зинаида Александ-ровна! Вы мне переслали приглашение и анкету Европейского Общества Культуры из Венеции, но там упоминается также брошюра с их уставом, которая наверное придет отдельной бандеролью. Смотрите, чтобы она не затерялась и перешлите ее мне. Пусть Божиков и Чехмолатова не беспо-коятся, мы обязательно повидаемся. Вероятно я приглашу его к себе в Переделкино к двум часам в пятницу, 30-го. Давайте и решим так. Я буду ждать его в этот день и час, и только может быть справлюсь накануне, не перерешил ли он. Ваш Б. Пастернак 27-х1-56».

1403. В. С. БАЕВСКОМУ

12 ноября 1956, Переделкино

12 ноября 1956 г. Дорогой мой Баевский!

Я не знаю Вашего имени-отчества и потому простите мне та-кой род обращения. Благодарю Вас за доброе отношение, благо-дарю за очень лестную, хорошо, интересно написанную статью¹.

Вы не поверите, Вам это покажется неправдоподобным, что зимуя на даче и почти не бывая в городе, я предоставляю обстоя-тельствам самим складываться, как они хотят. Ни я, ни кто-ни-будь вместо меня не явится в «Знамя». Судьба Вашего письма не-известна и останется неизвестна мне.

Должен сказать Вам, что мое отношение к современности, мои убеждения везде известны. В согласии с ними ко мне отно-сятся не только хорошо, но необъяснимо много прощают. Это я к тому, чтобы Вы не считали меня несправедливо обойденным, что-бы Вы не полагали нужным и возможным защищать меня.

Допущение, будто наш порядок заведен навеки и это никогда не изменится, есть отрицание истории, насилие над духом более ошутимое, чем физическое порабощение. В такой внеисторичес-кой безвоздушно[™] едва мыслимо прозябание и совсем невоз-можно и не нужно искусство, которое творчески именно и зарож-дается в сознании и в чувстве того, что все меняется, пока оно живо, и никогда не перестанет изменяться.

Я не скрываю своего отрицания того, что каждый день утвер-ждается в газетах. При этих условиях то, что я остался цел, живу и искушаю Вас своею ересью, – едва оценимая, неизреченная ми-лость. Напечатанные в «Знамени» стихи – часть тех новых, кото-рые я написал в последнее время. Как-нибудь я пошлю их Вам². Еще раз сердечное, сердечное Вам спасибо.

Желаю Вам счастья.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Ваш Б. Пастернак

Впервые: В. С. Баевский. Б. Пастернак-лирик. Основы поэтической системы. Смоленск, 1993. – Автограф (собр. адресата).

Вадим Соломонович Баевский в то время был школьным учителем в шахтерском поселке Чистяково в Донбассе, теперь – профессор Смоленского педагогического института. Навестил Пастернака в Переделкине 11 янв. 1959 г.; впоследствии написал в книге о своем разговоре с ним.

1 Статья была написана в виде письма в ред. журн. «Знамя» после публикации стихов Пастернака (1956, № 9). Баевский 29 нояб. 1956 благодарил Пастернака за «теплое и серьезное письмо» и за помощь в опубликовании статьи. Рассказывал, как на уроках в 9-м классе сравнивает переводы «Гамлета» Пастернака и Лозинского и собирается перевод Пастернака «Фауста» сравнить с переводом Холодковского.

2 Вскоре Баевский получил по почте машин, подборку «14 стихотворений» (из книги «Когда разгуляется»).

1404. л. л. СЛЕЙТЕР и ж. л. ПАСТЕРНАК

23 ноября 1956, Переделкино

23 ноября 1956

Дорогие Лида и Жоня! Теперь будет все интереснее и интереснее, и неизбежность смерти не имеет никакого значения. Вы обе страшно одаренные. Спасибо за ваши полные живой мысли, содержательные письма. Я не задерживаюсь на их частностях не потому что они не остановили моего внимания. Напротив, все тонкости у Лиды и Жонина характеристика слога, как рассказа, который вторично был бы пересказан по-другому (так именно и шла отделка вещи: я переходил от черновых вариантов к беловым не стилистически совершенствуя и переписывая их, а по памяти, часто не заглядывая в них, излагая суше и более сжато их содержание) – да, так знаков вашей пронизательности, рассеянных в письмах, я, конечно, не мог не отметить¹. Но я не буду говорить о них особо, потому что половина того душевного, что я имею вам сказать, всегда – деловое, требующее своего времени и места, которого не остается на другое. Но перед тем, как перейти к этому, скажите, отчего ни слова я не слышу о Феде? Жив ли он и как его здоровье? Неужели он не знает, что его существование так же дорого мне, как ваше? Не может быть, чтобы я так ошибался: мне кажется, мое первое письмо я писал всем вам троим.

И еще два слова о вашем призыве к осторожности². Но я боюсь, что мои слова покажутся вам фразой, что вы примете их за рисовку. Может быть не всегда, но в тех случаях, когда издали идущие любовь и доверие создают человеку имя, он должен на них ответить, а то полученный им подарок становится кражей. Ограничиваться жизнью, огражденной от опасностей, нельзя не потому, что тогда она кажется серой и от нее не хлопают в обморок девочки, а потому что это форма опыта слишком узкая, что в ее границах не узнаешь о жизни самого важного и существенного, того именно, что надо передать людям в ответ на их любовь. Надо жить под постоянной тяжестью своей вины перед близкими, жизнью, омраченной только этим видом страдания, в вечном ужасе перед собою, своим обманом и двойственностью, и перекрывающей все радостью по поводу безмерных прав своих, которых не надо ни перед кем отстаивать и ни от кого получать, так они природно особенны, так ни на что не похожи.

Хотя я об этом же напишу профессору Б<ерлину> для практики, по-английски, но знайте о моей просьбе и вы. Когда теперь у меня просят из-за рубежа что-нибудь для журналов, мне кажется, самое подходящее это то именно введение, которое вы читали. Его взял у меня Б. по доброй воле, мне казалось, у него было желание перевести очерк и где-нибудь поместить. Я много раз повторял, что это возможно и желательно. Но, может быть, у Б. или его друзей нет времени, или пропало желание, или они встретили какое-нибудь другое препятствие³. Тогда другое дело. Во всяком случае просьба следующая. В Москве была, искала знакомства со мной, но вследствие краткости пребывания (она быстро уехала) не добилась его одна издательница художественного журнала «Единорог» из Южной Америки. Письмо ее так горячо и порывисто, что мне хотелось бы послать ей этот очерк для журнала. Она не знает по-русски. Если готов или близится к завершению английский или французский перевод этого очерка (автобиографии), я попрошу Б. или Г<еоргия> М<ихайловича> переслать копию перевода ей по адресу: Senora Susana Soca, 824 San Jose. Montevideo. Uruguay. На худой конец перешлите ей и оригинал рукописи, если ее не переводят, – от вас дойдет вернее. – Ну вот и все на этот раз. Не отрывайтесь от своих дел, можете долго не отвечать мне, да и не на что отвечать. Шура здоров, все там благополучно. Целую вас. Ваш Боря

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф (Pasternak Trust, Oxford).

1 Сестры, взволнованные чтением автобиографического очерка, писали о том, как бы ему радовался отец Л. О. Пастернак. В романе им больше всего понравились дневниковые записи Юры в Барыкине и стихи. Жозефина отмечала в стихах Живаго

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
торжество духа над скованностью физической оболочки.

2 Письма сестер полны беспокойства за брата, просьба, чтобы он берег себя и не рисковал.

3 В письме 4 нояб. 1956 Пастернак объяснял сестре свою нужду в распространении очерка: «Я не знаю, как это тебе сказать, чтобы это не получило характер хвастовства, но за истекшие шесть месяцев оживившегося общения остального мира с Союзом я получаю письма с разных концов света, откуда не жду. Кроме того, в четырех местах отдельные сборники мои в переводах задуманы в Югославии, в Венгрии, в Праге, в Риме. Я оттягивал их появление в ожидании напечатания автобиографической статьи и нового подбора стихов, давно обещанного, в одном из наших журналов (Новом Мире). Эти материалы чрезвычайно существенные для предположенных иностранных изданий, которые без них, основанные на давно надоевшем старье, лишились бы половины своего значения. Появление этих материалов в нашей печати легализовало бы их перепечатку. Но что ты поделаешь, если именно этот несчастный интерес ко мне издаюлка оказывается провинностью, за которую меня надо наказывать задержкой и непечатанием этих, восторженно принятых шесть месяцев назад материалов. От вас бывали тут делегации. У некоторых являлась мысль, что очерк подошел бы для какого-нибудь журнала вроде Encounter или какого-нибудь французского его подобия. Отчего это не осуществлено? Материал отвергнут как недостаточно любопытный? Появление этой прозы (очерка) или сокращенных выборок из нее у вас страшно облегчило бы судьбу названных начинаний, которые я нарочно задерживаю до ознакомления составителей с автобиографией» (там же. Кн. П. С. 259–260).

1405. И. БЕРЛИНУ

24 ноября 1956, Переделкино

24-XI-56

Дорогой друг и благоразумный защитник!

Это просто упражнение в английском, полное ошибок. Сестра Лидия перевозносит до небес Вашу осторожность по отношению ко мне. Печальная судьба и трогательная забота. Именно отсюда исходит скромная просьба к Вам в конце письма. Но главная цель этого упражнения – еще и еще раз поблагодарить Вас за великолепную писательницу. Благодаря г-же Вульф я совершенно овиджинился. Мне некогда было познакомиться с ее беллетристикой, я читаю ее статьи в «Чтении для всех».

И уже не в первый раз я замечаю. Когда говорят о ком-нибудь выдающемся в искусстве, мы представляем себе оригинальность впервые услышанного имени, как чудо ненормальности и характер его исключительности как нечто недоступное никогда ничьему пониманию. Тогда как единственность гения (и я вновь проверил это на ее эссе) состоит не в размерах его отклонения от обычного и всеобщего, но напротив: степень его гениальности – в его единственной и сказочной правильности.

Вульф очаровательна. Я восхищен сжатостью и стремительностью ее заметок, яркостью и существенностью ее взгляда. Это очень, очень близко мне. Теперь, не отдали бы Вы полцарства, если бы заморская дама Вам написала: Вы были единственным человеком, которого я мечтала повидать в Москве. ...Ваша поэзия так значительна для меня в то время, когда поэзия уже ничего не стоит в этом мире, когда она восхитительна... и т. д. и т. д. Возьмите рукопись моего автобиографического предисловия (она лежит в Оксфорде без пользы для Вас) и пошлите: Senora Susana Soca, 824 San Jose. Montevideo. Uruguay1.

Прошу Вас, сделайте это.

Тысяча приветов Вашей милой очаровательной жене.

Впервые. – Автограф по-англ. (собр. А. Берлин).

1 Сусанна Сока-уругвайская поэтесса и издательница журн. «La Licorn», для которого просила у Пастернака новые материалы. О публикации автобиографического очерка в Монтевидео см. коммент. 3 к письму № 1468.

1406. К. А. ФЕДИНУ

30 декабря 1956, Переделкино

30 дек. 1956 дорогой Костя!

Мне никогда не пришло бы в голову звать тебя на нашу тихую, домашнюю и почти безлюдную встречу Нового года, так много, легко себе представить, у тебя более подходящих и праздничных возможностей на этот вечер, приглашений и обязательств.

Но Зина, поддержанная в этой вере городским разговором с ливановыми по телефону, почему-то допускает, что ты пришел бы. Надо ли говорить, какая это была бы радость? Ливановы, Нейгау-зы, которые приедут вечером из города, останутся ночевать, и, если не в новогоднюю ночь, может ты придешь к нам на другой день, первого, в 3 часа к обеду?

Крепко целую тебя. Твой Б. И1
Впервые: «Волга», 1990, JSFe 2. – Автограф (собр. Н. К. Феединой).

1 Кроме этого приглашения, сохранилась записка, выражающая тре-вогу за здоровье Феидина, посланная ему 24 февр. 1957, в день его рожде-ния: «Дорогой Костя, поздравляю тебя! Как ты себя чувствуешь? Не отме-нить ли тебе лучше приема сегодня вечером, что ты на это скажешь? Ехать ли мне к тебе в город или нет? Извести меня об этом часов до пяти. Обни-маю тебя. Твой Боря» (там же. С. 170). Празднование дня рождения Феидина традиционно объединялось с рождением Вс. Ивановна, жена которого вспоминала приподнятое настроение Пастернака в тот день, когда при большом стечении народа у Феидина он сыпал стихотворными экспромта-ми в честь каждого из гостей. Непосредственным отзвуком этого вечера стали первые наброски стих. «Вакханалия».

1407. л. в. ЦЕЛИКОВСКОЙ

Декабрь 1956–январь 1957, Переделкино

Дорогая Людмила Васильевна!

Сердечно благодарю Вас за «Венецию» и Ваши сопроводи-тельные слова к ней1. Часто с преданностью и в предвкушении но-вой встречи когда-нибудь в театре и у нас дома, живо думаю о Вас й в мыслях Вас вижу.

Просьба, которую я сейчас изложу Вам, скорее относится к Евгению Рубеновичу, к которому я с нею обращусь по телефону. Но может быть что-нибудь на таком расстоянии трудно будет ра-зобрать, тогда он у Вас найдет недостающие объяснения2. Кроме того, поспособствуйте, чтобы это было исполнено.

В Москве в качестве корреспондента французской газеты France Soir находится сын покойного поэта-символиста Вячесла-ва Иванова Jean Neuvesselle Жан Невесел3. Он живет в Метрополе комн. 313 (коммутатор К-4-20-00, доб. 313). Звонить утром от 10 до 11 или после 12-ти ночью. Страшная моя просьба, созвонив-шись с ним, доставить ему роман в течение этой недели. Надо ска-зать ему, куда ему зайти или заехать за обеими книгами, и он сам это сделает. Может быть пригласите его на «Ромео и Джульетту» или на какой-нибудь другой спектакль с Вами. Он – русский, зо-вут его Дмитрий Вячеславович.

Привет Любимову и Симоновым.

Целую Вашу руку

Ваш Б. Пастернак

Впервые: М. И. Вострунов. Людмила Целиковская. М., «Молодая гвардия», 2004. – Автограф (собр. адресата). Пастернак познакомился с Л. В. Целиковской, когда она играла роль Джульетты в Вахтанговском те-атре. Ю. П. Любимов, который играл Ромео, вспоминает, что они наве-щали Пастернака в дни гонений после присуждения ему Нобелевской пре-мии.

1 Л. В. Целиковская рассказывала, что очень любила стих. Пастерна-ка «Венеция» (1913) и в 1955 г., будучи на гастролях, купила для Пастерна-ка серию видов Венеции и подарила ему.

2 Имеется в виду не только плохая слышимость разговоров по теле-фону из конторы дома творчества в Переделкине, но и их вынужденная сдержанность, потому что ждущие очереди становятся невольными слу-шателями. Этим и вызвано желание разъяснить Е. Р. Симонову просьбу Пастернака и проконтролировать ее выполнение.

3 Дмитрий Вячеславович Иванов – корреспондент французской га-зеты «Le soir», писал под псевдонимом Жан Невсель.

1408. л. л. СЛЕЙТЕР

10 января 1957, Переделкино

10 янв. 1957

Дорогая Лида! Все изменилось к старому1. Я редко буду пи-сать вам в ближайшем будущем. Но вас эти ограничения не каса-ются. Сообщай мне, как только тебе захочется, обо всем, что име-ет литературное или личное значение.

Спасибо за фотографии. Я получил их. Я должен поздравить тебя, у тебя очаровательные дети. Я не поклонник домашних тра-диций, врожденных черт характера, семейного сходства и т. д. Я рад, что не нашел деспотических следов этого в прелестных улы-бающихся лицах. Напротив, я увидел в них счастливые признаки независимо развивающихся судеб и свободного выбора жизнен-ного пути. Жизнь это путешествие во времени, поступках, трудах и будущем. В своих сыновьях и дочерях ты достигла удивительно большого и далеко идущего. Мне очень понравились твои девоч-ки, и я верю в будущее твоих мальчиков.

Обнимаю тебя. Передай мой привет жоне и феде. У Шуры, Ирины и у их домашних все благополучно. Их сын федя находится в экспедиции к Южному полюсу. Может быть, он тебе напишет.

Твой Б.

Ты можешь писать мне по-русски. Это английское письмо не вызвано необходимостью, это просто моя причуда.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф по-англ. (Pasternak Trust, Oxford).

1 После подавления восстания в Будапеште началось ужесточение в политической и общественной сфере. Для Пастернака это означало бло-кирование переписки с границей, срыв публикации стихов и очерка «Люди и положения» в «Новом мире», остановившиеся переговоры об издании «Доктора Живаго».

1409. Н. ТАБИДЗЕ

17 января 1957, Переделкино

17 янв. 1957 Дорогая Нина!

Я ужасная свинья, что не пишу Вам, – простите меня. Я и сей-час не напишу Вам ничего толкового и ограничусь только просьба-ми. С этим письмом, со стихами, которые я Вам обещал, и с авто-биографическим очерком к Вам придет хранительница Толстовско-го музея в Париже Жаклина Яковлевна (Jacqueline, comtesse Daniel de Proyart de Bailllescourt)¹. Как видите она – графиня, аристократка с таким длинным титулованным именем. Но кроме того она милый, замечательно хороший человек с глубокой светлой женской душой. Она путешествует и скоро должна вернуться во Францию, где в фев-рале ее младшая сестра вступает в монастырь и принимает первую схиму, при чем она хочет присутствовать. Она собирается пробыть в Тбилиси дня четыре. Как интуристка, Жаклина будет наверно иметь доступ в гостиницу, но если у нее будут затруднения, пусть Симон или Гогла помогут ей. Мне кажется, она Вам очень понравится.

Будьте совершенно просты и откровенны с ней. Если ее по-явление вызовет у Вас роковые параллели с приездом Jean Neuvesselle², которого я тоже тогда направил к Вам, можете ей это сказать (я предупредил ее) и отказать в гостеприимстве, – она это поймет. Между прочим, судьба французского издания «Доктора Живаго» будет отчасти в ее руках. Дайте ей дочитать конец рома-на, тут она успела прочесть его только до смерти Стрельникова. Простите меня и не делайте себе затруднений из моей просьбы.

Целую Вас без конца. Благодарю Вас и Гивика за новогодние поздравления.

Ваш Боря

Впервые: «Дружба народов», 1996, № 7. – Автограф (ГМГЛ, № 24953).

1 Французская славистка Жаклин де Пруайяр проходила стажировку в Московском университете и познакомилась с Пастернаком в начале ян-варя 1956 г., Пастернак дал ей прочесть «Доктора Живаго».

2 Приездом в Грузию журналиста Д. В. Иванова (Жана Невсея) и его знакомством с Ниной Табидзе заинтересовался Комитет государственной безопасности.

1410. Э. ПЕЛЬТЬЕ

17 января – 6 февраля 1957, Переделкино

Душа моя, Елена Яковлевна¹, дорогой мой друг! Как мучи-тельно стремиться передать Вам на своем бедном и ужасном фран-цузском все, что у меня накопилось! Всякий раз, слыша со всех сторон Ваше имя, произносимое с большой теплотой, я испытываю гордость! Известие, что Вы готовы помочь мне в судьбе «док-тора» и берете на себя его перевод, стало для меня высочайшей и неожиданной радостью. Если бы я знал об этом раньше, я бы со-вершенно иначе вел себя и не писал бы Парену (у Галлимара)² и не старался бы переслать ему рукопись. Была бы снята большая часть забот, которыми я обременил удивительно отзывчивую М-м де Пруайяр. Скажу кратко. Теперь я хочу не только, чтобы Вы и Жаклин взяли на себя труд перевода романа на французский, но и чтобы Вы воспользовались всеми авторскими правами и гонорарами (хотя думаю, что это будут пустяки). И я хочу, чтобы вы-бор, инициатива и все права на ведение дел, относящихся к судьбе моих работ за границей (не только во Франции), включая изда-ние оригинального русского текста, были сосредоточены исклю-чительно в Ваших руках и руках М-м де Пруайяр и полностью в Вашу пользу, без каких-либо отчислений мне, в которых я вовсе не нуждаюсь. Более того, я готов отказаться от обусловленных мне фельтринелли 15%, позволить ему издать роман даром и сде-лать ему этот подарок за то, чтобы он отказался от права распо-ряжаться иностранными переводами, кроме итальянского, и пе-редал этот груз вам. Я по-свински говорю о фельтринелли. Я ух-ватился за его предложение, которое свалилось прямо с неба и было единственным в то время, когда и вопроса о подобных от-ношениях еще не существовало. Никаких издательских законов между Россией и границей нет. Фельтринелли мог сделать с Живаго все, что бы ему ни захотелось и притом бесплатно. Толь-ко по моей просьбе он любезно взял на себя обязанность зани-маться другими иностранными переводами и стал ими распоря-жаться по-хозяйски. Условия, которые он мне предложил, были для меня прямым подарком, благородную щедрость которого я теперь неблагодарно забываю. Какая глупая и несносная путаница, которой я Вас мучаю, – сами по себе эти дела просты и легко разрешимы, но искусст-венная трудность отсутствия прямой почтовой связи их затруд-няет!

Г-н Морис Надо, издатель журнала «Les Lettres nouvelles» пишет мне, что хотел бы

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
напечатать несколько «моих недавних вещей, прозаических или стихотворных»³.
Поскольку он упоминает Вас и Г-жу С. Сока, я думаю, что его журнал пользуется
хорошей репутацией, и мы могли бы удовлетворить его желания.
Итак, Вы могли бы ему предложить в частности: Несколько отрывков из романа по
своему выбору, какие-нибудь размышления, выдержки из диалогов или из дневника
доктора и откуда пожелаете, – рассуждения об искусстве, России, истории,
бессмертии... Или если хотите, – описательные отрывки, пейзажи или изображения
происшествий, домашние сцены. Или, быть может, Вы захотите написать статью или
очерк о смысле романа и проиллюстрировать его положения цитатами по своему
выбору? Я хочу снова заявить и еще раз повторить на всякий случай в будущем, что
ни Вам, ни Жаклин не нужно советоваться со мной по поводу отдельных
предложений, которые вам будут делать и того, как на них отвечать. В силу
данных вам полномочий⁴ вы можете взять за правило поступать со мной, как вам
заблагорассудится, переводить меня и предавать, публиковать меня и по-всякому
судить обо мне, смотреть на мое существование за границей как на свою
собственность, и распоряжаться ей без всяких вопросов ко мне. Поскольку речь
идет не о деньгах или тщеславной популярности, но о расположении души – я не
говорю о будущем – о перспективе, которая открывается с порога каждой жизни, о
широкой перспективе человеческого существования, об истории. И вопрос не обо
мне, но о том, что духовное зерно падает в плодородную почву. И так как я знаю и
вижу, в какие руки я все это отдаю, это больше, чем благодарность, это счастье.
6 февраля 1957

Дорогой мой ангел, Елена Яковлевна!

Я оставляю неоконченным это письмо. Жаклин уезжает, я тороплюсь. Вот вкратце. Я
обременяю Жаклин доверием, которое хотел бы возложить и на Вас. Вопросы
опасности, осторожности и т. д. это целая головоломная философия, способная
разбить сердце Вам и мне. К примеру, – если Мишель Окутюрье (передайте ему от
меня самый горячий привет) не будет упоминать романа в своем сообщении в
«Esprit»⁵, – что, возможно и было бы благоразумной заботой обо мне, – что тогда
вообще останется от меня? Не логично ли, что за счастье написать роман я должен
платить риском и опасностями! Не забывайте, что я Вам сказал. Я не диктую и
ничего Вам не подсказываю. Я хочу, чтобы Вы и Жаклин действовали совершенно
независимо, в соответствии со своими собственными мыслями и врожденной
смелостью. И благодарю, бесконечно благодарю Вас. Слава Вам!

Со всей преданностью Б. Пастернак

Впервые: Boris Pasternak. *Lettres a mes amies francaises. 1956-1960. Paris, Gallimard, 1994.* – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Ошибка автора, надо: Мариусовна.

2 Брис Парен (Parain) – философ и писатель, консультант в изд-ве Галлимара.
Пастернак познакомился с ним в 1920-х гг, когда он был атташе по культуре во
французском посольстве в Москве и женился на художнице Н. Г. Челпановой, дочери
профессора Московского университета, психолога и философа, Г. И. Челпанова. В
бумагах Э. Пельтье сохранилось французское письмо Пастернака к Парену 30 дек.
1956: «Милостивый господарь, мне сказали, что издательство Галлимар не
отказалось бы заняться моим романом "Доктор Живаго" и именно в Вашем лице оно
проявило интерес к этой работе. Это заставило меня попытаться послать Вам
рукопись для ознакомления <...> Хотя это и не соответствует нашим нравам, я не
вижу в такой передаче ничего противозаконного. Я не прячу эту работу. Почти год
ее машинопись лежит в редакциях наших журналов, Государственное издательство
предлагает напечатать несколько отредактированный текст. Но это Вас не
касается. Держитесь посланного Вам текста» («Дружба народов», 1998, № 2. С.
201). Пастернак читал сб. статей Б. Парена «Formation» (1955) и с похвалой
отзывался о нем в письме 10 июня 1958 (там же. С. 207).

3 Морис Надо (Nadeau) – главный редактор ежемесячного журн. «Les Lettres
nouvelles». Сохранилось его небольшое письмо 7 янв. 1957 Пастернаку, в котором
Надо признавался в своей давней любви к его поэзии и просил для публикации
что-нибудь из его новых вещей. В газ. «Le Monde» 15 дек. 1961 он опубликовал
факсимиле ответа Пастернака 4 февр. 1957 (с купюрами). – Диалог писателей. С.
529.

4 Пастернак выдал Ж. де Пруайяр официальную доверенность на ведение его дел за
границей.

5 Мишель Окутюрье познакомился с Пастернаком в мае 1956 г., когда приезжал с
группой французских стажеров в Переделкино; 20 мая Пастернак написал ему на
форзаце книги «Второе рождение» автограф стих. «Быть знаменитым некрасиво...». Для журн. «Esprit» Окутюрье подготовил переводы нескольких стих. Пастернака и
написал статью о его поэзии (1957, № 3). Элен Пельтье обратилась за помощью в
работе над переводом «Доктора Живаго» к М. Окутюрье, проходившему аспирантуру в
университете Тулузы, где она преподавала.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
1411. М. К. БАРАНОВИЧ

2 февраля 1957, Переделкино

2 февр. 1957

Дорогая Марина Казимировна!

Ничего не говорю о Ваших записках и воспоминаниях. Мне стыдно, что я их знаю, что они дошли до меня¹. Ужасное свидетельство против меня, что я не догадываюсь, как воспрепятствовать их возникновению. Вот что по тому же поводу я (с оказией) написал в Тулузу Mile Peltier². Je ne me reconnais pas dans la figure si bien dessinée. J'admets qu'un pareil être peut exister, mais ce n'est pas moi, cet homme existe dans une autre incarnation*.

Целую Вас без конца или, скажем, возобновляю тогдашние коридорные поцелуи. Мне Мария Стюарт действительно нужна, и срочно, недели через две, в четырех или, если это много, трех экземплярах. Этот «завод» переписывала Зина. Правда, она научилась неплохо печатать? Если правка даже покажется спорной Вам и предпочтительным прежний вид, придер-живайтесь исправленного, это проверено временем. Можно ли действительно взвалить это на Вас, не утомит ли Вас работа? Если можно, получение Ваших оттисков будет счастьем для меня, и больше чем себе, буду верить в Вашу легкую руку при сдаче Марии в печать. Какой пятый акт! Нельзя не плакать. Выясните, пожалуйста, с Ольгой В<севолодовой> сколько еще понадобится бумаги. И надо будет, тщательно проверив, шить. Обнимаю Вас.

Ваш Б. И

Впервые: Переписка Б. Пастернака с М. Баранович. – Автограф (Hoover Institution Archives, Stanford).

¹ Примеч. М. Баранович: «Письмо, написанное в ответ на мое ново-годнее поздравление, в котором я вспоминаю некоторые встречи и разговоры с Б. Л.» (там же. С. 90).

² Это письмо Пастернака к Пельтье не было отослано и осталось в бумагах О. Ивинской (РГАЛИ, ф. 379, без шифра).

Я не узнаю себя в нарисованном Вами изображении. Сомневаюсь, что подобный человек может существовать, но это не я, этот человек существует в другом воплощении (фр.).

1412. Г. В. БЕБУТОВУ

6 февр. 1957

Дорогой Гарегин Владимирович!

Благодарю Вас за книгу. Я просмотрел ее наспех. Кажется очень хорошо составлена, много трогательного. Я очень занят и оттого так долго не отвечал М<арку> И<зраилевичу>¹ и Вам на Ваше декабрьское письмо.

Благодарю Вас за желание издать книгу, о которой Вы пишете². Составьте ее, как Вам захочется, если Вы также хорошо знакомы с моей деятельностью, как с гимназическими годами Маяковского³, или, если нет, поручите ее составление кому-нибудь знающему.

Я очень занят и все позабыл, у меня ни одной своей книжки под руками, – я от участия в ее составлении совершенно отстраняюсь. Я даже от подбора своего томика избранных здесь под боком в Гослитиздате отказался, и книгу составил редактор Н. В. Банников, – она, говорят, скоро выйдет⁴.

В каком положении предлагаемая Вами книга? Составляют ли ее, определились ли договорные отношения по ее поводу?

Я это спрашиваю вот почему. В Тбилиси в гостях у Нины Александровны Табидзе находится жена моя Зинаида Николаевна. Если бы ей понадобились деньги, нельзя ли было бы ей получить что-нибудь по доверенности, которую я к этому письму прилагаю, для заверки моей подписи в Союзе⁵. Но вероятно это невозможно, таю как соглашение по книге еще не оформлено. В таком случае не делайте из этого забот для себя. Еще раз большое спасибо. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Б. И Сердечный привет М. И. Златкину.

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 3100, оп. 1, ед. хр. 150).

¹ Имеется в виду сб. стихов Тициана Табидзе, изданный в «Заре Вос-тока»; М. И. Златкин – директор издательства.

² Бебутов предлагал издать сб. Пастернака, объединивший посвященные Грузии стихи и его переводы грузинской поэзии. Составленная Бебу-товым книга вышла в 1958 г. в Тбилиси под назв. «Стихи о Грузии. Грузин-ские поэты: избранные переводы».

³ Бебутов занимался сбором материалов о детстве Маяковского в Грузии.

⁴ Сб. «Стихотворения и поэмы» был подписан к печати, но тираж ос-тановлен.

⁵ См. об этом в письме № 1414.

1413. Дж. ФЕЛЬТРИНЕЛЛИ

6 февраля 1957у Переделкино

Москва, 6 февраля 1957 Милостивый государь,

В нашем государственном издательстве настаивают, чтобы я послал Вам телеграмму с

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
просьбой задержать итальянское издание моего романа до времени его издания
здесь в отредактированном виде¹. Я предложил бы Вам предельный срок, к
при-меру, в шесть месяцев. Подчинитесь этой отсрочке, если это не противоречит
Вашим планам, и дайте телеграмму в ответ не мне, а по адресу издательства:
Москва. Новая Басманная 19. Гос-литиздат².

Но мне будет очень тяжело, если, вопреки моему постоянно-му желанию, чтобы Ваша
публикация строго соответствовала ав-торскому тексту рукописи, я узнаю, что в
итальянском переводе Вы захотите последовать редакторским изменениям, которые
ес-тественно причиняют мне боль неизбежной угрозой искажений текста.

Еще один вопрос: я сам отяготил Вас заботами по пункту 4 договора и обязал Вас
заниматься переводами на другие языки³. Недавно у меня появились новые близкие
друзья во Франции, которые согласны работать вместе со мной и связаны с лучшими
издательствами, такими как например, Галлимар и Фаскель⁴. Я го-тов обеспечить
Вам любое вознаграждение дополнительно ко 2-й статье договора, если Вы уступите
дело французского издания груп-пе французских переводчиков, о которых Вам
напишет М-м Жак-лин де Пруайяр, моя представительница в литературных делах в
Париже, по инициативе которой создалась эта группа. Если Вы не хотите
освободиться от контроля за изданием романа во Фран-ции, по крайней мере
переговорите с М-м де Пруайяр, М-ль Элен Пельтье, Мишелем Окутюрье и Мартинезом,
как с переводчиками, в которых Вы нуждаетесь в соответствии со статьей 4.
Договоритесь с ними. Я прошу Вас исполнить это, как мое настоятельное желание⁵.
И простите, что затрудняю Вас.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Континент», 2001, № 107. – Автограф по-фр. (РГАНИ). Печатается по
фотокопии.

¹ Фельтринелли претерпевал давление со стороны итальянской коммунистической
партии, членом которой он состоял. В январе 1957 г.
в Москву приезжал секретарь компартии Луиджи Лонго, который, по на-стоянию
Кремля, взялся заставить издателя вернуть рукопись и отказать-ся от публикации.
Ему было обещано, что Пастернак пошлет своему изда-телю соответствующее письмо.
С этой целью 7 янв. 1957 г. был подписан договор с Пастернаком на издание
«Доктора Живаго» с Гослитиздатом, что позволяло редакции диктовать автору свои
условия. Текст телеграммы был составлен в изд-ве, но Пастернак отказался его
подписать и послал свой (см. письмо № 1415).

² Ответное письмо фельтринелли в Гослитиздат было послано 10 июля
1957.

³ Пункт 4 договора с фельтринелли касался переводов романа на иностранные языки,
прибыль за которые делилась поровну между изда-телем и автором, что создавало
ситуацию, при которой единственным лицом, получавшим законные основания вести
переговоры об уступке прав, был издатель, а владелец был полностью связан
заключенным кон-трактом.

⁴ Э. Пельтье сообщала Пастернаку 5 янв., что изданием «Доктора Живаго»
заинтересовались изд-ва Фаскель, Роше и Галлимар, которых, однако, смущает
необходимость вести дела через фельтринелли.

⁵ Фельтринелли не захотел договариваться с французскими перевод-чиками и
намеренно задерживал издание у Галлимара, опасаясь, как бы тот не обогнал его.

1414. З. Н. ПАСТЕРНАК

6 февраля 1957, Переделкино

6 февр. 1957

Дорогая, бедная мамочка Зинуша, как мы обрадовались тво-ей открытке. Оттепель,
дождик, скользкие дороги, вчера вечером приехала де Пруайяр¹, передала поклон от
Нины и Гудишвили (они ей очень понравились), распили с ней и Леной бутылку
бор-до. Сегодня утром Леня согласился отвезти ее на станцию, но снег с краю
общей дороги был не разгребен, а снизу показалась в ма-шине Тамара
Владимировна². Леня задержался в воротах, чтобы пропустить ее, а она – чтобы
дать проехать ему, но после остано-вки наша машина забуксовала и ненадолго
застряла, короткая ос-тановка осложнялась, выходили из машины, знакомились,
сове-товали, помогали. Потом благополучно разъехались и, когда вер-нулись со
станции, нашли твою открытку.

А вчера телеграфировали тебе, что если тебе понадобятся деньги, чтобы
попробовать попросить их в «Заре Востока» под книгу³, которую они намерены
выпустить. Но, наверное, на нее еще нет договора, и ничего не выйдет. Спросить
надо (попытать-ся) Бебутова Гарегина Владимировича, очень милого, но совер-шенно
невлиятельного человека. Или, если тебе или Нине нужно, не прислать ли вам по
телеграфу отсюда? Привези мне Нину сюда в виде подарка.

Меня очень затянула правка (добровольная, для себя) «Ма-рии Стюарт». Я переделал
около четверти текста, мало гулял и со-всем не ездил в город.

По утрам во МХАТе пошли репетиции трагедии на сцене, и, так как им дорога каждая

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
минута репетиционных утренних ча-сов, Станицын⁴ предложил в один из вечеров приехать на дачу заняться новыми требующимися сокращениями, но мне не хотелось разбивать собственную, ничего общего с их потребностями не имеющую работу, и я попросил подождать до твоего при-езда или приурочить встречу к моей поездке в город. Наверное, поеду впервые во вторник, двенадцатого, и то не знаю, может быть, отменю.

Завтра у Леночки начинаются университетские занятия. Он очень много играет, чудесный мальчик, радуюсь своим наблюде-ниям над ним и иногда недолго приятно с ним разговариваю. К нам собирались 3-го, в воскресенье, Рихтеры и Ливановы, я про-сил отложить, воскресенье прошло без гостей, как и предшествую-щее. Живем спокойно, взятых денег пока хватает. Было повреж-денье вентиля в котельной, благодаря чему промыли несколько раз всю систему. Прочищенные батареи стали вдвое чувствитель-нее к нагреву, и при показании градусника в 50–60 гр., когда преж-де бывало только не холодно, сейчас внизу и даже в рояльной очень жарко. Очень кланяйся Нине, Берте Яковлевне⁵. Хозяйство в доме идет налаженным порядком. Татьяна⁶ придумывает всякие блю-да, сегодня угощала нас шашлыком на лучинках. У Нейгаузов тоже все благополучно. Крепко целую тебя. 2>.

Впервые видел на прогулке внучку Сельвинских⁷. Красивая девочка и как пристально всматривается, смело, в упор.

Впервые: Письма Пастернака к жене. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, оп. 2, ед. хр. 63).

«Письмо, написанное из Переделкина в Цхалтубо» (примеч. 3. Н. Пастернак).

1 Ж. де Пруайяр ездила в Тбилиси и по совету Пастернака навестила Нину Табидзе и Гудишвили.

2 Т. В. Иванова.

3 На следующий день 7 февр. 1957 Пастернак посылал деньги и писал: «Дорогая Зина! Сегодня Леня съездил в университет, привез извещение о пришедших из "Зари Востока" по телеграфу трех с чем-то тысячах, из ко-торых часть посылаю тебе. Надеюсь, что дойдет до твоего отъезда». Через день – телеграмма 8 февр. 1957: «В отмену прежнего предложения насчет издательства высылаю немного денег почтовым переводом. Здоровы, кла-няемся, целуем = Боря».

4 Виктор Яковлевич Станицын – режиссер, ставивший «Марию Стю-арт» Шиллера во МХАТе.

5 З. Н. Пастернак была в Цхалтубо вместе с Н. Табидзе и Б. Я. Сель-винской.

6 Татьяна Матвеевна – домашняя работница.

7 Дочка Цецилии Сельвинской-Воскресенской.

1415. А. И. ПУЗИКОВУ

7 февраля 1957, Переделкино

7 февр. 1957

Дорогой Александр Иванович!

Мне очень жалко, что я написал Вам так легкомысленно и шутивно. Обещания повидать Вас и дать через Ваше посредство желаемую телеграмму я бы 12-го, во вторник по своему слову и исполнил¹. Но теперь, ввиду произошедших в Гослитиздате изме-нений, разные вопросы обуревают меня.

Может быть важно было, чтобы дать телеграмму уговорили меня Вы лично, а не кто-нибудь другой и чтобы она была при Вашем участии? Мне это именно только и дорого, т. е. личная нота моих с Вами отношений, а больше ничего. И тогда, если хотите, текст те-леграммы я прилагаю к письму² и отдаю Вам в руки для любого ее использования, для отправки по адресу или уничтожения, если эта телеграмма какое бы то ни было приобретение для Вас. Это я делаю только в исполнение Вашей просьбы, от которой я долго увивал, так как нелегка она и не включает для меня ничего отрадного. Но и только. Мне хочется, чтобы Вы знали, что я не только не жажду появления «Живаго» в том измененном виде, который исказит или скроет главное существо моих мыслей, но не верю в осуществимость этого издания и радуюсь всякому препятствию³.

Так что это письмо и телеграфическое приложение к нему и ускорение назначенного к 12-му разговора, не меры на пути реа-лизации договора и сдачи романа в набор, а только звено наших личных отношений, которые единственно реальны для меня во всем этом мне чуждом и вредном тумане.

Телеграмму я должен был составить серьезно, с определен-ными сроками, а не ввиду просьбы «навечи»⁴, потому что хотя она и дается коммунисту-издателю, но при этом человеку реально-шу и деловому, и надо показать, что и просят его о деле.

Я прошу о полугодовой отсрочке, в течение которой может выйти советское издание, но спорить о сроках не имеет смысла, так как ведь все это неосуществимо-противоречивое намерение (издание Живаго в Гослитиздате) и телеграмма только идеологи-ческая формальность. Мой ломаный и забытый итальянский язык как раз и подходит к телеграфным сокращениям и может быть понят получателем только в телеграмме.

Если Вы ее пожелаете отправить, мне кажется, не надо давать ее на отредактированное нашим переводчикам с итальянского, но оставьте у себя копию. Извините, что утомил Вас длинным письмом. Мне жалко, что разница во взглядах делает невозможным для Вас почувствовать, как я Вас люблю и уважаю.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Ново-Басманная, 19. М., 1990. – Автограф (собр. Т. А. Пу-зиковой).

1 Имеется в виду записка Пастернака в ответ на просьбу о встрече с тем, чтобы послать фельетрину телеграмму о возврате рукописи: «До-рогой Александр Иванович! Слово честного человека: 12-го, во вторник, у меня будут дела со Станицыным во МХАТе, к которым мне надо с затра-той большого труда подготовиться по всей пьесе (а тем самым и пригото-вить к печати М. Стюарт в последней дополнительной отделке). Тогда буду у Вас, будет телеграмма, тогда будет Вам и белка, будет и свисток. Целую. Ваш Б. Пастернак» (там же. С. 490).

2 Русский перевод телеграммы, написанной по-итальянски: «Из-дателю Джанджакомо фельетринелли, улица Фатенефрателли, Милан. В соответствии с просьбой Гослитиздата, Москва, Ново-Басманная 19, прошу задержать итальянское издание романа "Доктор Живаго" на пол-года, до первого сентября 1957 г. и выхода романа в советском издании; ответ направить телеграфно в Гослитиздат = Пастернак» (собр. Т. А. Пу-зиковой). Телеграмма была отправлена 21 февр. 1957.

3 Договор с Гослитиздатом на издание «Доктора Живаго» предпола-гал редактирование романа, которое должен был осуществлять А. В. Ста-ростин с целью сглаживания и устранения острых мест текста.

4 Речь идет о тексте телеграммы, предложенном Пастернаку на под-пись: «Продолжаю работу над романом Доктор Живаго, который гото-вится к изданию Гослитиздатом. Будут дополнения и изменения. В свя-зи с этим прошу направить рукопись романа в Гослитиздат по адресу: Москва, Ново-Басманная, 19. Для перевода вышлю корректуру романа = Борис Пастернак» (Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 490).

1416. 3. Н. ПАСТЕРНАК

10 февраля 1957, Переделкино

10 февр., воскресенье 1957 Дорогая Зинуша!

Спасибо тебе большое за вчерашнее письмо (о банкетах, о красотах природы в Цхалтубо), адресованное мне. В нем так мно-го интересных сведений, и оно так хорошо написано! Не дальше как вчера я тебе написал, что в твоих открытках Ленечке я слышу обращение ко всему дому и нахожу естественно и без напряжения заботу и мысль и обо мне! И вдруг особое твое письмо ко мне! Я прямо боялся его распечатать, думая, что кто-нибудь восстано-вил тебя против меня (и, наверное, справедливо) и я найду в нем печаль и упреки. И вдруг такое чудное, свободно дышащее, не-заслуженно радостное содержание! Бесконечное спасибо тебе!

Я уже писал тебе, что пришли по телеграфу какие-то деньги из Тифлиса. А еще раньше я успел подсказать тебе, не воспользу-ешься ли ты пожеланием «Зари Востока» переиздать мои перево-ды и не возьмешь ли ты у них перед возвращением денег на обрат-ную дорогу. В первый момент получения денег я решил, что они из «Зари Востока» и, следовательно, что мое предположение с до-веренностью тебе отпадает. Но сегодня я подумал, не за помещен-ную ли в грузинском журнале статью они? Хотя для статьи этих денег слишком много, этого все-таки быть не может. Кто перево-дил этот автобиографический очерк? Это ведь очень трудная была художественная задача. А стихи Рильке? Неужели это перевел Симон? Тогда это такая честь для меня!

Ты действительно можешь не беспокоиться о доме. Обиход так прочно создан тобой и так глубоко заложены его основания, что и в твое отсутствие все идет как по маслу. Но ты напрасно в письме так выразилась, что хочешь нам дать отдохнуть от себя. Любовь не утомительна, от нее не надо отдыхать, и мы с Леной постоянно говорим о тебе с преданностью и благодарностью. У ме-ня будет что написать тебе интересного послезавтра, во вторник, когда я вернусь с репетиции «Марии Стюарт» во МХАТе, а сейчас ничего существенного не сообщу.

Хотя я принял все меры на сегодня, 10, чтобы никто не при-езжал к нам, но неожиданно собрались люди непредупрежден-ные, и я был им очень рад. Приехали Jean Neuvesselle и Michel Gorday со множеством роскошных книг в подарок и с вагнеров-скими пластинками Лене, напетыми в Bayreuth'еб. Леня, бедный, не знал куда деваться от растроганности и счастья. Потом при-ехал Асмус. Потом, когда мы уже пообедали, Женя со своей новой женой (внучкой Шпета) и Евг<ения> Вл<адимировна> с цвет-ком и конфетами. Мне очень интересно было встретиться с Дм<ит-рием> Вяч<еславовичем> и Мишелем Горде, очень живо и увле-ченно провели время.

Я на днях напишу Нине, это моя потребность, мое большое желание. Может быть, я ей именно напишу о театре, чтобы на-полнить чем-нибудь интересным письмо. А пока, как ни самосто-ятельны Нинины и Ефимии Александровны чувства к тебе, пря-мые и нисколько не связанные с моим существованием, я не могу не благодарить

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori их горячо и растроганно за сердечную ласку, кото-рую они тебе расточают, и заботу и тепло, которыми окружают тебя⁸. Сердечный привет Берте Яковлевне. Крепко целую тебя.

Твой Боря

Не торопись назад, не скучай, не думай о доме. Достань нот в городе и играй в номере, благо есть пианино.

Впервые: Письма Пастернака к жене. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, оп. 2, ед. хр. 63).

1 Из письма З. Н. Пастернак: «Здесь место необычайной красоты. Кругом горы Сванетии со снежными вершинами, а внизу весна. Первые два дня было яркое солнце и синее небо. Вчера пошел дождик, очень теп-лый <...> В Тбилиси не обошлось без банкетов... Здесь мы живем в роскошной гостинице. Номер у нас люкс с пианино и чудесной ванной и убор-ной, но как всегда, полного счастья не бывает, очень холодно и вода идет только по вечерам» («Второе рождение». С. 461–462).

2 В письме 9 февр. Пастернак писал: «Очень мило с твоей стороны, что ты пишешь частые открытки Ленечке, эта форма обращения к дому так задушевна и естественна и не нуждается в комментариях. Там, так ска-зать, я в поклонах и себя нахожу» (Письма Пастернака к жене. С. 180).

3 Автобиографический очерк «Люди и положения» в переводе на груз. яз. Г. Г. Маргвелашвили был опубликован в журн. «Мнатоби», 1956, № 11–12. В текст очерка входят два стих. Рильке.

4 10 февраля – день рождения Пастернака. Пастернак рассылал пись-ма друзьям с просьбой не приходить к нему. Сохранилась записка к Е. Е. Та-гер: «Дорогая Елена Ефимовна! Опять Вы лежите, бедная! Не могу уловить по телефону Евгения Борисовича. Я хотел через него передать Вам, что я для всех, для дома, для близких и, в числе друзей, для Вас, отменил день своего Рождения. Умоляю Вас игнорировать это число, если у Вас есть хоть тень Уважения ко мне и если Вы не хотите сделать меня несчастным. Я в про-шлом году заболел в этот день от общей фальшивости всего этого положе-ния. Итак это дошло до Вас, и я не представляю себе, чтобы одна Вы обошли мою просьбу и столь явно слышимую ее настоятельность. Но не только для этого я называю Е. Б. Если я захвачу его звонком дома, я спрошу его о Вас, передам Вам привет и, если он сможет, упрошу зайти ко мне за продол-жением прозы для Вас. Сам я страшно опять занят и не соберусь к Вам. От души Вам всего лучшего, выздоравливайте. Ваш Б. И» (РГАЛИ, ф. 2887, оп. 1, ед. хр. 398). Е. Б. Тагер – литературовед. «Ты очень избаловала знакомых нашими приемами, – писал Пастернак 9 февр. – все очень рвутся к нам, и перед каждым воскресеньем мне приходится воздвигать оборонительные заграждения, чтобы сдержать их натиск. Три воскресенья это удавалось, я принял также меры, чтобы никто не приехал в ближайшее, 10-го, но дальше это все труднее и труднее...» (Письма Пастернака к жене. С. 180).

5 Жан Невсель (Д. В. Иванов) и Мишель Горде – французские жур-налисты русского происхождения.

6 Оперный театр в Байрейте, созданный Рихардом Вагнером для ис-полнения его произведений.

7 Елена Владимировна Пастернак

8 Пастернак получил поздравление от Е. А. Леонидзе и писал жене 9 февр.: «Ефимия Александровна послала мне из Цхалтубо поздравитель-ную телеграмму. Я горячо благодарю ее. Покажите ей, ты и Нина, как я вспомнил о ней и ее упомянул в коротком и скупом очерке, где названо так мало людей и где так мало упоминаний» (там же). Речь идет о словах из очерка «Люди и положения»: «...В Бакурианах, в гостях у Леонидзе, са-моытнейшего поэта <...> Ночное пиршество на траве в лесу, красавица хозяйка, две маленьких очаровательных дочки» (т. III наст. собр. С. 344).

1417. З. Н. ПАСТЕРНАК

13 февраля 1957, Переделкино

13 февр. 1957 Дорогая Зиночка!

Очень огорчают в получаемых письмах и телеграммах выра-жения твоего удивления или недовольства по поводу нашего мол-чания¹. Мы начали поздно писать тебе, числа с 6-го, после чего пишем часто. Мы не думали, что ты так скоро после отъезда нач-нешь беспокоиться, и начали писать не из предположения о тво-ей потребности в наших письмах, а из нашей собственной потреб-ности написать тебе. Кроме того, когда ты уехала, я напряженнейшим образом за-нят был коренной переработкой текста «Марии Стюарт», целыми днями сидел над ней, почти не гулял и совсем не ездил в город. Опять я произвел работу, которой не только никто не требовал от меня, но которая, наоборот, еще больше отдалит меня от круга редакторов и переводчиков и их недалеких и посредственных пред-ставлений о возможном и должном.

Я уже писал тебе, что мне трудно сдерживать натиск желающих приехать на дачу, и

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori в воскресенье, 17-го, у нас будут гости. Становится глупою частностью нашего существования, стеснительною и требующей много жертв, моя дружба с Борисом². Он со всеми в споре и в то же время главный друг дома. Не приглашать его нельзя, ради него устраиваются воскресные собрания, а приглашая его, нельзя приглашать других интересных людей. Если бы не это препятствие, мне хотелось бы и надо было пригласить уже и на это воскресенье Станицына и еще кое-кого из спектакля, как раз из играющих слабее и не так хорошо, чтобы в приятной приподнятой беседе за столом и в многолюдстве на самые широкие темы, об искусстве вообще, освободить их от тех частных пут скотванности и несвободы, которые им мешают. И этого нельзя сделать из-за Бориса, или надо позвать всех без него, скрывши от него факт встречи. Это одна из тех глупостей, которыми изобилует жизнь. В начале ее, в молодости, со станции отправления отбывают многие или все. Большинство доезжает только до полдороги с иллюзией, что путешествие совершено, и остается на промежуточной станции, того не замечая. Надо ли упрекать немногих, едущих дальше, что они неверные друзья или плохие товарищи, что и они должны были бы из чувства дружбы только шуметь в жизни и сделать очень мало?

Вчера я с десяти утра до трех просидел во МХАТе. Тарасова³ играет с большим благородством и изяществом. Она совершенно овладела образом Марии и им прониклась, так что представление мое о Стюарт уже от нее неотделимо. Еще лучше играет, то есть пользуется возможностями, представляемыми текстом, Степано-ва⁴, но это еще роль, а Тарасова уже реальное лицо, уже история. Обе очень большие, великие артистки. Мы слишком легко ко все-му привыкаем, слишком скоро все забываем. Хорошо играют и остальные. Хорошо скомпонованы уже две-три картины. Только две важных роли, кормилицы Кеннеди и погибающего за Марию юноши Мортимера, пока играют неудовлетворительно. Стихотворная форма заученного текста властвует над исполнителями, и они декламируют свои реплики, отвечают их риторически приподнято, как урок. Кажется, что это единственные слова, которыми они располагают, и что они их говорят не потому, что их выбрали из множества других, а потому, что в голове у них одни только эти фразы, страх сбиться в ответе и горячее желание ответить на пятерку.

Между тем Степанова в роли Елизаветы все время говорит медленно, с паузами, с выбором и так, точно она могла бы сказать и иначе, и что-нибудь другое, но сама предпочла выразиться так. Даже мне, знающему многие места ее монологов наизусть, казалось, что это ее собственные слова, что это она так приду-мала.

Не беспокойся, пожалуйста, о нас. Надо больше верить в себя, в свои силы, в свое право на счастье, вообще в свои права, и тогда ты будешь уверена во всем остальном, в том числе и в благополучии дома, и в нас.

Убежден, что, наверное, Сельвинский стал писать Б<ерте> Жковлевне с вечера ее отъезда, она стала получать письма раньше, и из этого невольного сравнения родились твои ощущения. Но теперь, наверное, давно уже наши письма у тебя, и ты будешь получать их и дальше. Крепко тебя целую. Мне очень хочется написать Нине. Если успею, я это сделаю сегодня, если нет, то на днях.

Твой Боря

Впервые: Письма Пастернака к жене. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, оп. 2, ед. хр. 63).

1В ответ на жалобы З. Н. Пастернак на отсутствие писем 12 февр. была послана телеграмма: «Написали много писем. Дойдут. Все благополучно. Здоровы. Адресуй письма на дачу. Доходят очень хорошо. Целуем, обнимаем, не торопись, отдыхай. Привези Нину и Ефимию Александровну = Боря, Леня» (там же. С. 242).

2 Борис Николаевич Ливанов.

3 Алла Константиновна Тарасова играла роль Марии Стюарт.

4 Ангелина Осиповна Степанова играла роль Елизаветы Тюдор.

1418. С. Н. МОТОВИЛОВОЙ

15 февраля 1957, Переделкино

15 февр. 1957

Милая и дорогая Софья Николаевна!

Ровно месяц тому назад, 15 января, наверное, в день получения Вашего письма, которое показалось мне удивительным и неожиданным только по сплетению случайностей, в нем заключенных, только по той невероятности, что и до Вас дошла эта особенность моего существования¹, – в этот день, стало быть, я написал Вам большое письмо об этой стороне моей судьбы, слишком подробное, наверное, по Вашей вине, потому что в такие подробности завел меня порыв моей благодарности Вам. Я хорошо сделал, что его не отправил.

Пусть лучше не пишет мне Ваш студент². Не потому, что так велик трепет мой за свою шкуру. Но все равно, чтобы ни написал он, его письмо не дойдет до меня. В конце лета и в первые осенние месяцы, в период такой короткой перемены, на меня нахлынул поток писем со всех концов света. Вот уже три или четыре месяца как, видимо, приняты меры, чтобы это начисто прекратилось. Письма ко мне не доходят,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
мои пропадают.

Видите, как это грустно, дорогая моя доброжелательница! Я цел, невредим, живу на даче, не нуждаюсь, но истинные мои мысли, для которых я родился на свет и ради которых живу, час-тью изложенные в недавно написанном романе, – неизвестны и во всей их подлинности едва ли когда станут известны³. А истинная моя судьба, загорающаяся иногда звездой на моем горизонте в виде несбывшейся возможности, тут же на моих глазах предается удушению и уничтожению. Вам не жалко меня?

Ваш Б. Пастернак

Вы – чудо доброты, я люблюсь Вашим великодушием.

Впервые: «Русская мысль», Париж, 29 июля – 4 авг. 1999. – Авто-граф (собр. А. Е. Парниса).

1 Имеется в виду присланная С. Н. Мотовиловой вырезка из итальянской газеты, касающаяся давления на фельетринелли со стороны ком-партии Италии, с целью остановить издание «Доктора Живаго».

2 Речь идет о Витторио Страда, теперь известном слависте, учившемся тогда в аспирантуре МГУ, с которым Мотовилова была в переписке и получила от него итальянскую заметку о фельетринелли, а через несколько дней переводы на итальянский стихов Пастернака и в апреле – статью В. Страды о его поэзии («Contemporaneo», 1956, № 48). Эти материалы Мо-товилова переслала Пастернаку, который благодарил ее за них (письмо № 1434). Осенью 1957 г. Пастернак познакомился с Витторио Страдой и дал ему прочесть «Автобиографический очерк». Он просил его передать фельетринелли, чтобы тот не принимал во внимание письма и телеграммы с требованием вернуть рукопись «Доктора Живаго» и остановить печатание. Оказавшийся весной 1957 г. в Милане племянник С. Н. Мотовиловой, писатель Виктор Платонович Некрасов, взялся передать письмо от фельетринелли А. А. Суркову, написанное в ответ на требование Гослитиздата задержать издание романа (см. «Независимая газета», 16 июня 2005). По-видимому, это было письмо, посланное фельетринелли в Гослитиздат 10 июня 1957, где он писал о значительности «Доктора Живаго» для Запа-да, как произведения, которое лучше других показывает «природу и душу России» («Континент», № 107. С. 295).

3 Пастернак не имел известий об издании романа уже восемь месяцев и начал сомневаться в его осуществлении.

1419. М. И. ШАЦКОМУ

15 февраля 1957, Переделкино

15 февр. 1957 Милый тов. Шацкий!

Ваше письмо переслали мне. Оно пролежало у меня около месяца. Весною, говорят, Гослитиздат выпустит том моих избран-ных стихотворений, вероятно книга появится и в Киеве¹.

Напрасно Вы считаете отношение ко мне несправедливым. Причины его – политические. Пока принято полагать, что в Рос-сии нет разноречия во взглядах на самое важное, нет разности мировоззрений, – ко мне и нельзя относиться иначе, это заслу-жено.

Мне кажется, что более, чем столетняя эра в истории мира, начавшаяся с сенсимонизма во Франции и завершившаяся созда-нием нашего государства, все свое сказала и все свое сделала и, под повторения давно известного, началась, народилась следующая по счету эра, неведомая, незримая и еще не определившаяся, в основании которой главные достигнутые истины залягут как очевидности, не требующие ежедневного напоминания, и как точ-ки отправления к дальнейшим целям. Я бы не жил, если бы в это не верил.

Я любил Маяковского и, бесспорно, Багрицкий был большим талантом. Но если бы они теперь жили, может быть мы были бы противниками.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Russian Philology and History: In honour of prof. V. Levin. Jerusalem, 1992. – Автограф (собр. адресата).

Моисей Иосифович Шацкий в 1957 г. был студентом пятого курса Киевского медицинского института. Его письмо Пастернаку было откли-ком на статью К. Л. Зелинского «Поэзия и чувство современности», в ко-торой он писал о напечатанных в сб. «День поэзии» 1956 стих. «Рассвет» и «Зимняя ночь»: «В стихотворении Б. Пастернака "Рассвет" в иносказатель-ных образах идет речь о ком-то, о ком "долго-долго... ни слуху не было, ни духу", и вот теперь, через много лет этот голос снова встревожил поэта. Какое же чувство вызвало у поэта возвращение его друга к жизни, пусть и посмертное? "Мне к людям хочется, в толпу... И всех поставить на коле-ни". Как-то делается не по себе от какого-то страшного жеста тонкого лирического поэта: все разнести в щепу и всех поставить на колени перед поэтом?» («Литературная газета», 5 янв. 1957).

1 Сб. 1956 не был напечатан.

1420. М. П. ГРОМОВУ

15 февр. 1957

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Дорогой Михаил Петрович!

Пишу Вам страшно встопорях, улучив подходящую минуту. Что за дикая мысль писать обо мне книгу! Оставьте, оставьте ее. Ни-чего, кроме неприятностей, кривотолков и недоразумений эта фантазия Вам не принесет. Я знаю, много Ваших доброжелателей отговорят Вас от нее.

Весной Гослитиздат обещает выпустить сборник моих стихотворений разных периодов. Там будут биографические дан-ные во вступлении.

Перед предполагаемым приездом в Москву спишитесь со мной и сообщите Ваш будущий московский адрес и номер теле-фона, если имеется, и я назначу Вам день и время встречи. Благо-дарю Вас за сердечное письмо.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Литературная газета», 12 февр. 1992. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, новое поступление).

1 М. П. Громов писал работу о родословной стиха Пастернака.

1421. З. Н. ПАСТЕРНАК

17 февраля 1957, Переделкино

17 февр. 1957, воскресенье

Дорогая мамуся! Я все хочу написать Нине и вместо нее вык-ладываю все, припасенное для нее, тебе. Мне все еще не дали от-вета о Тициановой книге¹, и я в такой же неизвестности о ней, как и о себе, как о романе и о прочих своих делах в Госиздате.

Сегодня у Татьяны дым коромыслом – жарит, парит и печет на целую казарму, а всего, дай БОГ, чтобы приехало шесть человек. Началось с того, что на прошлой неделе Симонов² выражал неотложное желание повидаться с таким жаром, что чуть не рас-плавил телефонного провода. Так же рвались к нам Рихтеры. Из-за них и заварил я эту кашу на нынешнее воскресенье. Но ведь как разговаривает Ливанов? «Надеюсь, никого из МХАТа не бу-дет». И никого нельзя звать из-за него. Сегодня оказывается: у Си-моновых вечером филумена³, Рихтер не готов к концерту 19-го, и т- д. и т. д.

Я думаю, это последнее письмо, что я тебе пишу, принимая во внимание медленность их доставки. Дальше будем объяснять-ся телеграммами⁴.

Сегодня, проснувшись ни свет ни заря, долго лежал и думал, как ты все делаешь образцово, как следует: принимаешь решение, приводишь его в исполнение, едешь, лечишься, пишешь письма о горах, о природе, о бедных больных, купающихся в речке. Ле-жал в темноте и повторял про себя: хорошие письма, хорошая жен-щина. И я правда люблюсь тобой.

Леня завтра утром опустит это письмо в городе. Если потре-буется что-нибудь, я припишу это вечером.

Твой Боря

Гости разошлись. Были Ливановы, художник Верейский с женой и режиссер театра им. Ермоловой П. Васильев⁵. Андрияша с успехом читал свои стихи⁶. Читал и я. Выпили 5 бутылок конья-ку и 2 бутылки водки. Ливановы напугали меня слухом, будто 8 марта будет премьера Марии Стюарт. Это слишком рано, они еще не готовы. Книга Тициана в типографии, в производстве, но больше ничего Старостин не знает⁷.

Впервые: Письма Пастернака жене. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, оп. 2, ед. хр. 63).

1 Речь идет о книге Т. Табидзе «Избранное», издававшейся в Гос-литиздате, для которой Пастернак сделал новые переводы.

2 Актер и режиссер театра им. Вахтангова Р. Н. Симонов.

3 Спектакль в театре им. Вахтангова «Филумена Мартурано» по пьесе Э. Де Филиппе Главную роль Доменико Сориано играл Р. Н. Симонов, режиссер спектакля – его сын Е. Р. Симонов.

4 Телеграмма 18 февр. 1957: «Срочно телеграфируй <в> город нужно ли выслать деньги и сколько. Здоровы. Любим, целуем, не торопись. Все в порядке = Леня, Боря» («второе рождение». С. 234).

5 Георгий Семенович Верейский – художник-график.

6 Андрей Андреевич Вознесенский.

7 Анатолий Васильевич Старостин – редактор Гослитиздата.

1422. Г. В. БЕБУТОВУ

27 февраля 1957, Переделкино

27 февр. 1957

Дорогой Гарегин Владимирович!

Благодарю Вас и Златкина за деньги. Несколько слов о книге¹. Ваш список от 1 февр. неполон и Вы (не Вы лично, а Вы вместе с проживающим в Тбилиси окружением) пугаете меня своей неосведомленностью.

Лет пять тому назад Маргвелашвили в Московском Детгизе выпустил избранного Церетели с более существенными моими переводами, чем два Вами указанные².

Обратитесь за этим к Мар-гвелашвили.

Приблизительно тогда же Ефимия Александровна Леонидзе ездила лечиться в Москву.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Тогда я по просьбе Георгия Николаевича перевел его поэму о Бараташвили в Гяндже (не помню ее названия) и рукопись подарил Ефимии Александровне³. Я не знаю, что случилось потом с переводом. Справьтесь у Леонидзе.

Наконец измором у меня весной Э. Г. Ананишвили добился, чтобы я перевел несколько (не помню сколько) стихотворений А. Абашели⁴. Из них я помню только одно, под названием «Море». Я попрошу его, при случае, разыскать их и переслать Вам.

Это очень плохо и странно, но честное слово, у меня никаких следов сделанного никогда не остается, и я Вам не помощник в составлении книги. После перевода стихов Абашели не прошло и года, а я ни одного не помню кроме «Моря», как самого значительного. И мои указания о Церетели и Леонидзе вызваны тем, что я оба случая запомнил, один – вследствие значительности «Песни песней» Церетели, – другой ввиду сопутствующих обстоятельств.

Мне трудно что-нибудь сказать о предисловии кого-нибудь из товарищей, я не знаю, что из этого в результате, в соединении с цензурной фильтрацией, выйдет. Не порадовала меня и присланная Вами старая стенограмма⁵. Я всегда говорю неудачно, с пере-скоками, без видимой связи и не кончая фраз. В стенографической записи это получает форму до комизма дурацкую. Только начало записи содержит нечто удобопонятное. Дальше начинается бред с перевранными, может быть, словами. (Например «периодами» может быть неправильно расшифровано, а было «переводами».) Но я не помню, где и когда все это было сказано и не вижу надобности к этому возвращаться.

Очень бы просил у меня в сборнике не разводить рацей о дружбе народов⁶. Говорить много и долго надо о спорном или несуществующем. Но Кавказ потрясающее место на земле независимо от каких бы то ни было принципов и таинственная одухотворенная прелесть Грузии и немногих лучших ее выразителей захватила бы меня (и в таком случае может быть еще больше), если бы она не была рекомендована, а находилась под запретом.

Что касается моих собственных стихов, связанных с Грузией тематически, дождемся выхода моего сборника в Гослитиздате и тогда будем руководствоваться им: дополнять его грузинскую составную часть или сокращать ее.

Что-то, потом не вошедшее в книги, или в других редакциях, появлялось в «Новом мире» и «Красной Нови» в 30 и 31-м году⁷. Затем надо достать книжечку «На ранних поездах». Там есть кавказский раздел. А я думал, Вы мне дадите библиографа, который произведет открытия и находки, мне неведомые. Крепко жму Вашу руку. Ваш Б. П.

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 3100, оп. 1, ед. хр. 150).

1 Речь идет о составлении книги «Стихи о Грузии. Грузинские поэты: избранные переводы», о которой Пастернак писал Бебутову (письмо № 1412).

2 Имеется в виду сб. Акакия Церетели «Избранные стихотворения» (1953), в котором впервые опубликованы новые переводы трех стих.: «Ibi горька моя жизнь бесталанная...», «Песнь песней» и «Лири» (см. письмо № 1190).

3 О переводе поэмы Г. Леонидзе «Н. Бараташвили» Пастернак писал автору в письме № 1186. Вошел в кн.: Георгий Леонидзе. Стихотворения и поэмы. М., 1955.

4 Пастернак перевел 7 стих. Александра Абашели в 1955 г. (см. письмо № 1313 и коммент. 1 к нему).

5 Бебутов прислал Пастернаку неправоленную стенограмму его выступления «На первом всесоюзном совещании переводчиков» в 1936 г. (т. V наст. собр. С. 438-445).

6 Предисловие написал Г. Бебутов, широко цитируя высказывания Пастернака о Грузии и ее поэтах.

7 Имеется в виду публикация небольшого цикла «Кавказские стихи» в «Новом мире», 1931, № 12.

1423. Э. ПЕЛЬТЬЕ

6 марта 1957, Москва

Москва, 6 марта 1957

Дорогая Елена Яковлевна¹, пользуюсь печальным случаем отъезда Жана Невсея, чтобы еще раз передать Вам свои восхищение и преданность. Если б я не отвык писать письма, если б позволяла почта, если бы я владел беглым французским, Вы и Жаклин были бы единственными, кому бы я надоедал своими постоянными признаниями и без конца изливал свои чувства.

Ничего хорошего ждать не приходится. Обстоятельства, глубоко проанализированные Вами в статье², усугубляются, растет раболепие, свойственное веку и настолько укоренившееся в нем, что стало внутренней природой целого поколения (даже у людей с именем, чье положение, кажется, могло бы помочь им преодолеть свой омерзительный страх).

Готовятся два события, две радости, которые мне ничто не может испортить, даже легко предугадываемая желчность официального общества: это публикация сборника

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris
моих избран-ных стихотворений и первое представление «Марии Стюарт» Шиллера в
моем переводе в Художественном театре (МХАТ)3. Я Вам пошлю два экземпляра
предполагаемой книги через Союз писателей и, если представится более верная и
широкая возможность, еще столько, сколько понадобится Вам для раз-дачи.
Жалею, что дал волю своей горечи по поводу наших ны-нешних нравственных устоев.
Теперь, пусть любовь к Вам и ко всем близким, наполнит то, что я скажу.
Допустим, что нашей жизни угрожает атомный конец света. Тем более, – остающее-ся
нам время надо наполнить тем бессмертным, что доступно человеку. Жизнь каждого –
божественная повесть, повесть о Боге, Божья повесть*. Чем она короче, тем более
она должна напитаться одухотворением, разумом и всепобеждающей радо-стью.
Прощайте, прощайте, дорогой друг, простите мне, по боль-шей части
невразумительное, письмо.

Ваш Борис Пастернак

Впервые: Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956-1960. Paris,
Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Ошибка автора, надо: Мариусовна.

2 Элен Пельтье послала Пастернаку свою статью «Записки о путеше-ствии в СССР»
(«Esprit», 1956, № 12). «Она вылилась единым порывом, потому что я была
потрясена страшным кошмаром Будапешта», – объяс-няла она в письме.

3 Пастернаку не пришлось испытать ожидаемых «радостей»: книга не была издана, на
премьеру «Марии Стюарт» он не попал из-за страшной боли в колене, с которой был
срочно госпитализирован.

«Божья повесть» написано по-русски.

1424. л. А. ЕЛЬНИЦКОМУ

9 марта 1957, Переделкино

9 марта 1957

Л. А. Ельницкому

Прочитал до «Коломенского». Может быть дальше скрыты перлы – они останутся мне
неизвестны. Дальше не могу1. Я не для того родился. Я занят.

Очень нехорошо, что Вы не пожалели моего времени, что с такой смелой
непринужденностью решили меня со всем этим (в таком страшном количестве)
познакомить. Это удивляет больше всего и не принесет Вам ничего приятного. И еще
две рублевых марки приложили, так сказать обязав ответом на всю эту сумму. А
человеку ни до марок Ваших, ни до стихов.

То-то и горе, что это не бездарно. Почти везде свидетельства тонкости, хорошие
мысли, меткие наблюдения, подходящий под-бор образов, случаи живого, естественно
родившегося ритма, сжа-тые, обнимающие очень сложные вопросы, определения. («Мы
видим жизнь в минуты потрясенья», «Я все не верю, что война / Уже судьбой не
управляет». Перевод из Верлена, Цыгане, Все что-то бьется в глубине. И тучи
выровнявши фронт, Мой милый Гам-лет, мы с тобой. Еще не вывезены вещи,
Сентимонтия, Платони-ада, Озеро в темной каемке сосны и пр. и пр.).

Но нигде во имя удачи не принесено в жертву все неудачное (самоуслаждение
любительства, отличающее его от непримиримости творчества), – и все скупое
рассеянные находки и крупички истины и все благие помыслы утоплены в море
интеллигентского красноречивого праздномыслия.

Это мир совершенно мне чуждый, чтобы не сказать враж-дебный. Что такое
искусство, спросим по Толстому2. Это вот что. Это сила, расставляющая вехи в
истории, по три, по четы-ре вешки в столетие. Да, но их надо воткнуть на самом
деле, они должны устоять, удержаться, такие одинокие и редкие на таком большом
протяжении! Для этого что-то требуется, это не так просто.

Либо не надо браться за стихописание, либо надо писать стихи остающиеся,
побеждающие, обозначающие путь законо-мерности, более железной, чем
существование и смена госу-дарств!

А какой-то, довольно многочисленный городской слой вооб-ражает, что
начитанность, владение хорошим терминологическим словарем, понимание живописи,
посещение концертов уже что-то значит. Между тем не концерты надо посещать, а
оставлять де-вятые симфонии, не стихи писать, а быть Блоком.

Бездеятельная, бездетная духовность неизвестно что и не ду-ховность вовсе. Рифма
должна быть рифмой и сила не должна смешиваться с бессилием.

Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, без шифра). Письмо осталось в бумагах О.
Ивинской и не было отослано адресату, о котором не удалось ничего узнать.

1 Ответ на присылку стихов.

2 Название трактата Л. Толстого: «Что такое искусство» (1897–1898).

1425. о. в. ИВИНСКОЙ

2 апреля 1957, Кремлевская больница

Дорогая Олюша, я не могу найти положения в постели, в ко-тором без боли мог бы
написать тебе. Я тебя непременно вызову, мне это надо, но когда лучше узнаю всех

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
здесь. Мой лечащий врач Валентина Николаевна Быстрова, я ей расскажу о тебе и
попрошу позвонить тебе. Буду действовать через нее, чтобы тебя вызвали. Мне
сегодня перестало казаться, что это радикулит. Это либо ка-кая-то бурно во все
стороны разрастающаяся и их захватывающая опухоль, либо опухоль того участка
спинного мозга, который управляет действием нижних конечностей и того, что
рядом. Меня не пугает эта мысль, страшно, что конец придет через такие пытки,
которые будут замедлять лечением. Я вызову тебя. Мне надо будет посмотреть на
тебя в последний раз, благословить тебя на эту долгую жизнь во мне и без меня,
на примирение со всеми, на заботу о них. Целую тебя.
Ночь с 1-го на 2-ое апр<еля>.

Но спасибо тебе за все бесконечное! Спасибо. Спасибо. Спа-сибо.

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Еме-льяновой).

Факсимиле: Каталог Кристи. С. 49.

Записки № 1425–1428 написаны карандашом в больнице, куда Пастернак попал со
страшными болями в колене. Датируются по содер-жанию.

1426. Н. ТАБИДЗЕ и О. В. ИВИНСКОЙ

3–4 апреля 1957, Кремлевская больница

Дорогие Нина и Олюша! Я страдаю физически неизъяснимо (нога, колено, поясница и
все вместе), не сплю. Молите Бога о ско-рой смерти для меня, об избавлении от
этой пытки, равной кото-рой я никогда не знал. Спасибо, Ниночка, что Вы пришли,
спасибо за письмо, спасибо, что Вы часть жизни моей, что Вы привели Олеч-ку.
Олюша, ангел мой, ну что делать? Ты видишь, прелесть моя, мне надо умереть,
чтобы не помешаться от боли. Может быть потом, впоследствии, можно будет сделать
так, как ты пишешь, и вызвать тебя к себе, но едва ли, это не такая больница.
Пока еще меня и не начали толком лечить. Живи и веди мои дела за меня совсем
сво-бодно, находи в этом поддержку и утешение. Целую тебя и плачу без конца. За
что это мне? Такое невыносимое, все обостряющееся физическое страдание. Христос с
вами, золотые вы мои. Какая прав-да и радость в том, что вы пришли обе!!
Может быть потом и будет так, как ты говоришь, но не скоро.

Целую вас обеих.

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Еме-льяновой). На
конверте: «Ольге Всеволодовне Ивинской, которая придет за письмом». Факсимиле:
Каталог Кристи. С. 50.

1427. О. В. ИВИНСКОЙ

6 апреля 1957, Кремлевская больница

6 апр.

Лялюша дорогая, опять я тебе не скажу ничего утешительного. Вчерашнее улучшение,
достигнутое Блохиным¹, в течение ночи пошло насмарку и все опять по-прежнему.
Ночь была кошмарная. Я не сомкнул глаз ни на минуту, извивался червем и не мог
найти положения хоть сколько-нибудь терпимого. Нельзя, конечно, так. Мы вели
себя как испорченные дети, я – идиот и негодяй, каким нет равного. Вот и
заслуженная расплата. Прости меня, но что ска-зать мне. Боль в ноге, слабость,
тошнота. Ты все-таки не предств-ляешь, как мне плохо (не в смысле опасности, а
страдания). Если мне во вторник будет лучше, я вызову тебя², но в таком
сегодняш-нем состоянии мне жизнь не мила, свет не мил и это невыносимо. Целую
тебя. Не сердись на меня. Спасибо Ирочке³ за письмо.

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Еме-льяновой).

¹ Николай Николаевич Блохин – хирург-онколог.

² Вторник – 9 апреля.

³ Ирина Ивановна Емельянова – дочь О. Ивинской.

1428. О. В. ИВИНСКОЙ

7–8 апреля 1957, Кремлевская больница

Олюша, лечение становится все сложнее и трудней. У меня не остается сил на
устранение твоих беспокойств, на успокоение тебя. Ты видела, как радовался я
тебе. Но не на этой неделе. Мо-жет быть к ее концу, или после воскресенья 14-го.
Ночи совер-шенно невыносимые. Многие портит наивность Жени, во все
вме-шивающегося. . . >

Целую тебя и прошу успокоиться, я вызову тебя, когда будет можно. Сумасшедшие
боли ночью и неоткуда почерпнуть жела-ние жить. Целую. Прости. Не могу.

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Еме-льяновой).

Купюры публикатора. факсимиле 1-й страницы: Каталог кри-сти. С. 52.

Вероятно, свидание состоялось в тот же день или следующий, о чем свидетельствует
записка: «Лялюша, вечером вчера было тихо, хорошо, я даже немножко полежал на
спине. А ночь была ужасная, и так всегда, каждый раз к сумеркам и потом до
рассвета. Объясни маме и всем: я не боюсь уме-реть, а страстно этого хочу, и
поскорее. Все более и более ухудшается и ос-ложняется все: мертвеют все
жизненные отправления, кроме двух: способ-ности мучиться и способности не спать.
И не нахожу себе места, где бы от-дышаться. Этим мук не представляешь себе даже

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori и ты. Успокойся. Не ходи сюда. Я опять вызову тебя неожиданно. Когда, не знаю. Целую. Ты ведь вчера видела! Без сил от мук» (там же. С. 394). Факсимиле: Каталог Кристи. С. 51.

1429. А. И. ПУЗИКОВУ

16 апреля 1957, Кремлевская больница

16. IV. 57

Дорогой Александр Иванович!

Сердечно благодарю Вас за деньги, устроенные по Марии Стюарт, за поклоны, за память, за участие. Не сердитесь, если узнаете, что прорва или дыра эту последнюю выплатой еще не заткнута. Как только будет возможно, устройте, пожалуйста, перевод крупной суммы на сберкнижку по ожидающейся книге стихов (однотомнику), или по Фаусту, или, как думает Ольга В<сево-лодовна>, но как мне представляется неосуществимым, по роману (но ведь и он, и все вокруг него одна фантазмагория!)

Целую Вас, друг мой и благодетель, и благодарю за все, за все! Мучусь несказанно, особенно ночами, и не вижу и не знаю, когда это кончится.

Всем в Гослитиздате сердечный, действительно сердечный привет. Ведь это вторая семья моя (или третья?), я от боли счет потерял.

Ваш Б. Я.

Впервые: Ново-Басманная, 19. М., 1990. – Автограф (собр. Т. А. Пу-зиковой).

1430. С. Д'АНДЖЕЛО

16 апреля 1957, Кремлевская больница

16 апреля 1957 дорогой Д'Анджело!

Как жаль, что мы с Вами не встретились, пока я был здоров! Теперь я надолго залег в Кремлевскую больницу со страшными болями в правой ноге и не представляю себе сейчас, когда и как я выздоровею.

Телеграмма о задержании выпуска романа по-итальянски до 1 сентября 1957 года была послана Фельтринелли из Гослитиздата с моего ведома¹. Срок его выпуска к 1-му сентября 1957 года был, при отправке телеграммы, мне действительно обещан. Что касается просьбы об отступлении итальянского перевода от первоначального русского текста рукописи, с которой делается перевод, я никогда Фельтринелли не просил ни о чем подобном и мысль о расхождении итальянского перевода, сделанного с точного подлинника, с той его формой, в которой он будет отредактирован в русском издании, никогда меня не останавливала и не пугала².

Эти предполагаемые изменения буду производить и вносить в русский текст не я, а специальный редактор, которому издательство поручило сгладить углы романа, неприемлемые для советского издания. Я еще не видел результатов его работы и теперь, лежа в больнице с заболеванием, пока что нестерпимо мучительным и которому я не вижу конца, наверное не скоро увижу.

В стадии, в какой сейчас нахожусь я и физически, и мои мысли, и состояние дел со здешним изданием романа, мне кажется, издателю Фельтринелли не надо заходить в его любезностях так далеко, как он, по-видимому, готов³, и ограничиться отсрочкой напечатания романа по-итальянски до 1 сентября этого года.

Вида, в какой будет превращен роман, чтобы стать приемлемым для печати, я себе пока не представляю и его невозможно предугадать. Кроме неопределенности, заключенной в этих предположениях самих по себе, дело страшно и на неопределенно долгий срок осложнилось моей болезнью. Неужели Фельтринелли поставит себя в зависимость от таких, пока не поддающихся определению, условий. Мне трудно (физически больно писать), – простите меня. Надеюсь, что из моих слов Вы извлечете что-нибудь полезное для Вашего решения. Будьте здоровы, благодарю Вас за внимание.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Континент», 2001, JNfe 107. – Автограф (собр. К. Фельтри-нелли, Милан).

1 См. письмо JNfe 1415 и коммент. 2.

2 Пастернак писал Фельтринелли (письмо JNfe 1413) о своем «посто-янном желании», чтобы итальянский перевод делался непосредственно с присланной рукописи, предостерегая его от «следования редакторским изменениям», искажающим подлинный авторский текст.

3 Взволнованность Пастернака по поводу текста итальянского издания объясняется тем, что, по воспоминаниям Д'Анджело, к нему приходила О. Ивинская, обеспокоенная сопротивлением Пастернака тем изменениям, которые вносили в текст романа редакторы Гослитиздата, и, боясь последствий, просила передать Фельтринелли, чтобы тот следовал этой переработке («The Sunday Telegraph», May 7, 1961). См. также письмо № 1432.

1431. О. В. ИВИНСКОЙ

18 апреля 1957, Кремлевская больница

18 апр. 57

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Дорогая Олюша! Насчет посещений на неделе очень строго. Третьего посещения никак не разрешат и даже ворчат за второе. Напиши мне в субботу и передай через комендатуру письмо о де-лах и что чем кончилось. Я плохо сделал, что не попросил в пись-ме Ал<ександра> Ив<ановича> об ускорении выпуска стихотвор-ного сборника: это было бы очень важно. Аля¹ через Зину спра-шивала, когда можно будет ко мне. Я назначил среду 24-го. Если бы была хоть маленькая возможность прийти в будни двум лицам, а не одному, и если бы ты пришла с ней, это было бы замечатель-но, я об этом буду просить Вал<ентину> Ни<колаев>ну², но ка-жется это нельзя, это расходится со здешними законами.

Сегодня меня в первый раз спустили с постели и заставили посидеть и походить. Это у меня выходило беспомощнее годова-лового ребенка. При этой проверке и установил. Основное гнездо боли, довольно невыносимой при ступании, но и вообще никогда не проходящей – в колене: оно как бы чугунное и как бы одереже-невшее, как бы вспущее от боли. Другое. Пусть это необъясни-мое колдовство, но по какой-то причине способность... самосто-ятельно утрачена без воспоминаний и я не верю в ее постепенное возвращение. Мне кажется мне самому надо будет желать опера-ции, если только удачный исход ее действительно обеспечивает нормальное действие этого элементарного отправления ценой ут-раты всех остальных. Все страшно резко изменилось от этого нео-жиданного удара за этот месяц, это не шутка. Напиши мне пожа-луйста спокойно о том как ты распорядилась с Данж<ело> и с Гос-литиздатом и чего достигла. Четверг и воскресенье будут заняты. Если тебе удастся добиться разрешения прийти с Алей, это будет неслыханно.

Целую тебя. Твой Б.

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Емель-яновой).

Факсимиле: Каталог Кристи. С. 53.

¹ Ариадна Сергеевна Эфрон.

² Лечащий врач В. Н. Быстрова.

1432. О. В. ИВИНСКОЙ

22 апреля 1957, Кремлевская больница

22-4

Дорогая Олюша.

Прочел письмо А<лександра> И<вановича>. Сердечное спа-сибо ему. В письме мне не нравятся строчки: «Работаю, переде-лываю, дополняю»¹. Мое реальное желание: чтобы вышли стихи. Чтобы подо что-нибудь в течение ближайшего месяца можно было получить для дома большие деньги. Чтобы перекрестная и ослож-нившаяся двусторонняя мистификация с романом кончилась его появлением в его истинной форме где-нибудь, – и ничем не кон-чилась у нас, забылась, не оставила следа. Неужели ты веришь, что сомнительное чудо скорого выздоровления я увенчаю тем, что сяду в Переделкине пересочинять роман шиворот-навыворот? Но и конечно предположение, будто бы в марксизме можно сомне-ваться и его критиковать абсолютно неприемлемо и останется та-ким, пока мы будем жить. На эту тему вчера бывшая у меня с Зи-ной Ливанова мне сказала: «У нас диктатура пролетариата, Боря, ты что об этом не слышал или с ума сошел?» Это по поводу прочте-ния романа Косыревым, их знакомым сов. послом в Италии². Возвращаю тебе письмо Пузикова. О чем ты говорила с Зелинским? Урологическая тема тут со-вершенно отпала. Может быть интерес к ней когда-нибудь ожи-вет, но пока об этом нет разговора. И я категорически против того, чтобы ее возобновлять, кого-то звать и т. д. Это все ни к чему.

Печально, что так остры формы артрита в коленном суставе. Нога болит почти все время невыносимо, невысимо. Каждую ночь, едва засну на полчаса, – говорят – испускаю во сне стоны и кричу от боли. Если является иногда мысль о созвании конси-лиума, то только с этой, хирургической стороны, то есть относи-тельно ноги. Но и в этом нет надобности. Я их мысль понимаю, и она справедлива и разумна, – гимнастикой, массажем, движен-ем расходить солевые отложения в колене, но они не представля-ют себе страданий, которые приносят эти попытки. Сегодня мыли меня в ванне и впервые сам сегодня переко-вылял в ванну. Если хватит сил добраться до телефона, сегодня или завтра вечером позвоню тебе. Вчера, в первый день Пасхи было много писем, между про-чим два замечательных из МХАТа.

Когда прийти тебе? в среду будет Аля. В четверг, после нее скажут, слишком рано, надо будет попробовать в пятницу. Слаб, страшно быстро устаю. И весь в поту от писания ответа.

Целую тебя. Твой 2>.

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Еме-льяновой).

¹ Пузиков 22 апр. уверял Пастернака: «Книгу стихов отпечатаем в мае, а за ней приналяжем на "Живаго". Г. И. Владыкин согласен, чтобы Ваше-го доктора лечил Старостин. Через две недели займусь вплотную рома-ном. Советую... думать о здоровье и не встречаться с людьми, которые могут Вас волновать. У Вас один

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
ответ: Госиздат роман издает. Работаю, переделываю, дополняю. Сейчас болен.
Поправлюсь – продолжу работу. Срок – сентябрь. Я глубоко верю в благополучное
завершение всех наших начинаний» («Континент», 2001, № 107. С. 294). Григорий
Иванович Владыкин – директор Гослитиздата.

2 Евгений Александрович Косарев – советский дипломат в ранге чрезвычайного и
полномочного посла; на дипломатической работе с 1947 г., послом Италии не был, в
эти годы был ответ, работником в центральном аппарате МИД, с 1957 г. – консул в
Карл-Маркс-штадте (ГДР).

1433. Г. И. ВЛАДЫКИНУ

26–27 апреля 1957, Кремлевская больница

Многоуважаемый Григорий Иванович!

Более двух лет тянется история с изданием моей стихотворной книжки, и даже
после подписания ее в январе к печати меня вновь просят вносить в нее изменения
и делать купюры. Никто не скажет, что я был неуступчив и упрям, когда книга
готовилась в производство. Из своего вступительного очерка я выбрасывал тогда
целые страницы. Тем не менее, печатание книги затянулось так, что это вызывает
по меньшей мере, тревогу и удивление. Разве мыслимо было в таких условиях
предусмотреть появление ругательных фельетонов о Цветаевой и заранее
приноровиться к этому?

Мне представили сейчас свод требований издательства по исправлениям и купюрам в
подписанной к печати книге. Я иду навстречу издательству и снимаю несколько
абзацев, относящихся к обстоятельствам возвращения Цветаевой в Советский Союз и
к моей оценке ее творчества, хотя всего три месяца назад мне позволялось думать
о ней то, что я думаю. Я устраняю или исправляю несколько мест об Андрее Белом.
Соразмерно моим возможностям я касаюсь и Октябрьской революции¹. Я не настаиваю
на печатании моего очень старого стихотворения «Брюсову»². Мною внесен и ряд
других мелких исправлений – вычеркнута моя, авторская, оценка романа «Доктор
Живаго»³ и т. д.

Однако в четырех случаях я должен был отказаться от того, что мне предлагают. Я
считаю, что следует оставить в книге стихотворение «Нас мало»⁴. Оно датировано
1921 годом, не содержит никаких вызывающих деклараций и уже ушло в глубь
истории. В стихах о Блоке⁵ я позволил себе в самых общих выражениях ругнуть
подхалимов, фальсифицировавших историю русской словесности, и не думаю, чтобы
это служило основанием для запрета печатать стихотворение. Во вступительном
очерке на странице 51 я говорю о трагической судьбе двух дорогих мне людей –
Табидзе и Яшвили. Судьба их в самом деле страшна, и обоих их теперь и печатают и
ценят. Неужто я не могу сказать о своей горе, о своей утрате, если я даю в книге
мое жизнеописание? И последнее: касательно моей благодарности Николаю
Васильевичу Банникову⁶. Я не вижу резона, почему я не могу поблагодарить
человека, если он даже работает в Гослитиздате. Составление книги не было его
служебной обязанностью, он это делал по договору. Если моя книга кому-то и не
понравится, то это не вина Н. В. Банникова, а вина моя, не может он нести
ответственности и за каждую строчку в моем вступительном очерке. Забота о его
интересах и безопасности в данном случае совершенно излишня. Неужели по-Вашему,
я так зачумлен, что никому не могу сказать и простого «спасибо»? Снимите тогда и
фамилии редактора Коляджина, техреда, корректора – ведь они тоже трудились,
готовя книгу к печати, и несут за нее ответственность.

Мне до сих пор неясно, хотите ли Вы печатать мою книгу. Те пункты, по которым я
разошелся с издательством относительно купюр, столь незначительны, что они не
могут служить оправданием для задержки книги. Следовательно, только от Вас
зависит, печатать ее или нет. Переговоров и обсуждений было достаточно.

Последняя моя книга стихов вышла двенадцать лет назад, в 1943 году. От месяца к
месяцу откладывается и эта. Очень хотелось бы получить ее в готовом виде, а не
возиться в десятый раз с корректурами.

f>. Пастернак

P. S. Покорно просил бы Вас не задерживать платежи по книге – она подписана в
печать, и я имею право на полный гонорар.

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, без шифра). Датируется по содержанию. Письмо
не было послано и осталось в бумагах Ивинской.

1 Имеется в виду вставная глава «Сестра моя, жизнь», написанная по требованию
редакции.

2 В стих. «Брюсову» (1923) редакцию смущали строки: «Что мне сказать? Что
Брюсова горька / Широко разбежавшаяся участь? / Что ум черствеет в царстве
дурака? / Что не безделка – улыбаться, мучась?»

3 Последние фразы вступительного очерка относились к недавно законченному
роману «Доктор Живаго», который Пастернак называл «главным и самым важным»
своим трудом, и собранные в книге стихотворения определял как «подготовительные
ступени» к нему (т. III наст. собр. С 534).

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
4 Речь идет о стих. «Нас мало. Нас может быть трое...» из книги «Темы и вариации».

5 В стихах о Блоке «Ветер» (1956) нарекания вызывали строки: «Кому быть живым и хвалимым, / Кто должен быть мертв и хулим, – / Известно у нас подхалимам / Влиятельным только одним».

6 Вступительную статью Пастернак заканчивал словами: «В заключение мне осталось принести глубочайшую благодарность составителю книги, Николаю Васильевичу Банникову. Без него она не могла бы явиться-ся. По его почину написан настоящий очерк, по его побуждению вызван к жизни и прибавлен новый стихотворный раздел». Эти слова вызвали со-противление в Гослитиздате, но Пастернак отстоял их и к тому же просил дополнительно к жалованию Банникова, состоящего в штате Гослитиздата, оплатить его составительскую работу (см. письмо № 1368).

1434. С. Н. МОТОВИЛОВОЙ

27 апреля 1957, Кремлевская больница

27 апр. 1957

Дорогая Софья Николаевна!

Я уже больше месяца как нахожусь в Кремлевской больнице. У меня страшные боли в правом коленном суставе (отложение солей, артрит), которые вначале доводили меня до обморока, да и сейчас еще не прошли и не знаю, когда пройдут. Извините, что не успел тогда ответить Вам, и сейчас отзываюсь на Вашу трогатель-ную память этими беглыми строчками с большим трудом¹.

Вероятно у меня кроме этого артрита еще что-нибудь, иначе не могу понять степени и упорства этой боли, неотступной, не оставляющей меня ни на час и совершенно не дающей мне спать.

С тем большим проникновением желаю Вам доброго здоровья.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Русская мысль», Париж, 29 июля – 4 авг. 1999. – Авто-граф (собр. А. Е. Парниса).

1 Предложение Мотовиловой прислать Пастернаку новые материа-лы от В. Страды.

1435. К. А. ФЕДИНУ

29 апреля 1957, Кремлевская больница

29 апр. 1957 г. Дорогой Костя!

Благодарю Тебя за письмо и в свою очередь поздравляю с на-ступающим праздником.

Кроме того я к тебе с просьбой. Здесь думают, что мое лечение надо было бы завершить месяцем пребы-

вания в санатории, в котором имелись бы все нужные лечебные процедуры, каковым, видимо, является одно «Узкое». Не мог ли бы ты оказать мне протекцию в помещении меня в отдельную комнату санатория*¹, говорят, туг требуется обращение к акд. Несмеянову, которого ты, может быть, знаешь. Врачи кремлевки представили бы при сем весь требующийся для приема материал. Извини, что беспокою тебя². Подумай, какое наказание, и свалилось как снег на голову. Нога болит в колене до сих пор и не дает мне спать. А как я за этот месяц намучился! Целую тебя крепко. Твой Б. П.

Впервые: «Волга», 1990, JSfe 2. – Автограф (собр. Н. К. Фединой).

1 Просьба объяснялась высказанной врачами необходимостью сана-торного лечения, в обсуждение чего включилась О. Ивинская: «27 апр. 1957. Дорогая Олюша! Дернула тебя нелегкая сказать Вал<ентине> Ник<олаевне> об Узком так определенно! В ее сознании я там уже устро-ен, что облегчит ей задачу выписки меня дней через 10, через две недели с еще больной ногой, которую долечат в Узком, как будто это уже устроено. А я мечтал, что полежу тут, пока нога совсем не пройдет, а потом домой в Переделкино. А теперь этот срок укоротят со спокойной и чистой совес-тью. Но я не упрекаю тебя, а просто <сержусь> на дьявольщину в колене и крепко целую. Все для Гослитиздата написал» (Ивинская. В плену време-ни. С. 397).

2 По возвращении из Узкого Пастернак благодарил Фебина: «9 авг. 1957. Дорогой Костя, я просил Нину передать тебе, когда ты был в Ясной, меру моей

благодарности тебе за все, что ты для меня сделал. Можно ска-зать, что хлопоты, твои и Тамары Владимировны, спасли мне жизнь. Дос-тавь нам радость, отобедай у нас послезавтра, в воскресенье 11-го, в 2 часа дня. Если к тебе случайно приедет Валерия Константиновна Михайлова, передай, пожалуйста, также это приглашение и ей. Мы позовем также Ивановых. Целую тебя и жду. Твой Б.» (собр. Н. К. Фединой).

В. К. Ми-хайлова – литературный секретарь К. А. Фебина.

1436. А. К. ТАРАСОВОЙ

7 мая 1957, Кремлевская больница

7 мая 1957

Дорогая Алла Константиновна!

Не могу сказать, как я огорчен Вашим нездоровьем и как рад возможности передать Вам свои восторги по поводу Марии Стю-арт отдельно, а также по поводу той печальной и сказочной слу-чайности, благодаря которой я оказался в таком

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
соседстве с Вами¹.

Конечно за наличный расчет. (Прим. Б. Пастернака.) 229

12 марта я направился с дачи в город на одну из последних черновых репетиций перед генеральной. Я уже видел Вас в не-скольких отрывках, я довольно ясно представлял себе, каким от-кровением будет Ваша Стюарт в целом. В воображении я забегал вперед и видел Вас на генеральной и в премьерe, и в допущении, на случай, если бы вызовы режиссуры, музыканта и декоратора дошли до имени переводчика, в мыслях при всех опускался перед Вами на сцене на колени, подобно Мортимеру. И вдруг, сделав шаг с дачного крыльца, я вскрикнул от нестерпимой боли в том самом колене, которое в близком будущем я собирался преклонить пе-ред Вами, и следующего шага я уже не был в состоянии сделать. Бог наказал меня за грех нетерпения и дерзость предугадывания того небывалого и громко разнесшегося по всей Москве, что сам он заранее заготовил и только еще выдерживал до наступления своих задуманных сроков.

Я на словах еще Вам расскажу, каким исключением из обык-новения всех этих последних лет явился спектакль, которого Вы остаетесь главным существом и сердцевиной, а пока желаю Вам хорошего самочувствия и буду счастлив навестить Вас в тот день и час, который Вы мне вперед укажете.

Всей душой Ваш Б. Пастернак

Не затрудняйте себя ответом и не торопитесь назначением приема, – впереди еще много времени.

Впервые: Алла Константиновна Тарасова. Документы и воспомина-ния. М., «Искусство», 1978. – Автограф (Музей МХАТ).

1 Исполнительница роли Марии Стюарт во МХАТе А. К. Тарасова внезапно заболела и была помещена в ту же Кремлевскую больницу, где лежал Пастернак.

1437. А. И. ПУЗИКОВУ

27мая 1957, Узкое

27 мая 1957

Дорогой Александр Иванович!

Как жалко, что Вы не посмотрели «Марии Стюарт», – мне так этого хотелось!

Я говорил Григорию Ивановичу, что не верю ни в издание ро-мана, ни даже в выход стихотворной книги. Но она уже более чем пять месяцев тому назад подписана к печати, и нельзя ли получить часть сорока выходных, ну скажем, хоть половину, т. е. 20%! Выяс-ните это, пожалуйста, и поспособствуйте разрешению вопроса в положительном смысле. Для удобства технического использования прилагаю заявленье в дирекцию и бухгалтерию по этому поводу¹.

Грустно как-то. И до такой степени, что затягивающаяся бо-лезнь, доставляющая много физических страданий, – лишь пол-беда. А можно было бы жить, работать...

Ваш Б. Пастернак

Москва, Сан. «Узкое», комн. 40.

Впервые. – Автограф (собр. Т. А. Пузиковой).

1 «В дирекцию и бухгалтерию Гослитиздата. Заявление. Если у меня перебраны полностью (рукопись разрасталась и не подвергалась оконча-тельной калькуляции), все 60% основных по моей книге избранных сти-хотворений под названием "Стихотворения и поэмы", прошу выплатить и перевести мне на сберкнижку половину обусловленных договором сорока выходных процентов, то есть двадцать процентов всей договорной суммы в виду того, что книга давным-давно разрешена к выпуску и в январе месяце 1957 г. была подписана к печати, и так как дальнейшая ее задержка вызвана не мною. С товарищеским приветом. Б. Пастернак» (там же).

1438. М. Ф. МАНСУРОВОЙ

3 июня 1957, Узкое

3 июня 1957

Дорогая Мария Федоровна!

Извините, что пишу Вам карандашом. Я долго болел, лежал в больнице и мне от слабости трудно писать чернилами.

Когда я начал читать Ваше письмо, я ждал впереди худшего, то есть бблыпего с моей стороны расхождения с истиной, чем на самом деле оказалось.

Все же простите, что последними строчками сообщенного Вам раздела я огорчил Вас¹. Если еще не поздно, я вычеркну это место. Но может эти строки не увидят света по совершенно другой при-чине. Извлечение, которое сделали для Вас (наверное Николай Сергеевич Родионов², не так ли) взято из короткой автобиогра-фии, которую я написал в виде предисловия к предположенному сборнику моих избранных стихотворений.

Я давно потерял надежду на выход этой книги. Хотя меня уве-ряют, что издательство ее выпустит, я этому не верю.

В заключение мне хочется сказать Вам, что неточности, на ко-торые Вы обратили мое внимание, проистекли не из небрежного отношения к памяти Дмитрия Федоровича. Я и в остальных частях писал это жизнеописание намеренно по одной живой памяти,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori пре-терпевшей за долгое время естественное изменение, не сверяя вос-поминаний с источниками или объективными документациями. Я позволял себе этот способ даже в частях, касавшихся Блока, Скря-бина, Л. Толстого и других, не говоря уже о себе самом или о моем отце. Мне хотелось бегло, ни на чем не останавливаясь особенно, передать атмосферу, характер, колорит того далекого удивительно-го времени, так, как мне его сохранило воображение.

Я очень рад, что Вы мне написали. Если книжка все же вый-дет, я пошлю Вам экземпляр. Я думаю, судьба еще раз сведет меня с Вами когда-нибудь. Тогда я доскажу Вам то, чего не дописал в письме.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф.

Мария Федоровна Мансурова – сестра Дмитрия Федоровича Сама-рина, знакомого с Пастернаком по гимназии и университету.

1 Во вступительном очерке «Люди и положения» Пастернак вспоми-нал о Д. Ф. Самарине, но в слова о его конце вкралась ошибка, потребо-вавшая уточнения. В корректурах в этом месте сделаны исправления, со-ответствующие сведениям, сообщенным его сестрой. Слова: «он был тя-жел и в общежитии невыносим» исправлены на: «он был человеком не-легким в общежитии». Вычеркнуто: «Измученные лишениями близкие отказались от него и не пустили его к себе. Он заболел тифом и умер, ког-да эпидемия пошла на убыль» и сверху написано: «Заболевши плевритом, он умер от отека легких». В окончательном тексте: «Измученные лишениями близкие, окружили его заботами. Но было уже поздно».

2 Н. С. Родионов – историк литературы, сотрудник Музея им. Л. Н. Толстого; Пастернак передал ему машин, очерка «Люди иложе-ния» для включения главы о Толстом в «Яснополянские записки», кото-рые он редактировал.

1439. Дж. ФЕЛЬТРИНЕЛЛИ

20 июня 1957, Узкое

Москва, 20 июня 1957 милостивый государь,

я был болен больше трех месяцев и находился сначала дома, потом в больнице, а сейчас в санатории под Москвой.

Еще раз благодарю Вас за согласие на отсрочку, которую тре-бовало Государственное издательство (Гослитиздат)¹. И это все, что я от Вас хотел. Больше было бы лишним.

Если вещь не появится у Вас по-итальянски 1 сентября в том виде, который соответствует первоначальной русской рукописи, это в высшей степени заденет и огорчит меня.

Задержка итальянского издания создаст препятствие для по-явления других иностранных переводов (например, во Франции, Англии, Чехословакии и других местах), осуществление которых я поручил Вам и поставил в зависимость от Вас. У нас роман никогда не будет издан. Лишения и беды, кото-рые, возможно, ожидают меня, когда появятся заграничные изда-ния и не будет аналогичного советского – это не наше дело, ни мое, ни Ваше².

Нам важно только, чтобы работа, не взирая на это, увидела свет, – помогите мне в этом.

Примите выражение моих лучших чувств.

Б. Пастернак

Впервые: «Континент», 2001, № 107. – Автограф по-фр. (РГАНИ).

1 Получив телеграмму от Гослитиздата, Фельтринелли писал 22 марта Пастернаку, что его обрадовало известие об издании «Доктора Живаго» в Москве и он торопит своего переводчика с быстрейшим окончанием ра-боты. О своем намерении издать роман после выхода его в Москве в сен-тябре, Фельтринелли извещал Гослитиздат письмом 10 июня 1957, где из-лагал соображения в пользу публикации этого произведения, показываю-щего вслед за русскими писателями XIX в. «природу и душу России» в духе реализма «в лучшем смысле слова» (там же. С. 295).

2 Этот абзац отчеркнут рукой адресата по полю, как непонятный.

1440. П. ЦВЕТЕРЕМИЧУ

25 июня 1957, Узкое

25 июня 1957 Дорогой Цветеремич!

Сердечный привет! Спасибо Вам за все заботы и хлопоты обо мне. Если у Вас будет случай, раздобудьте, пожалуйста, мартовс-кий номер французского журнала «Esprit». Там есть статья обо мне и переводы¹. Я ведь ничего этого не вижу, не получаю и не знаю ничего из того, что имеет отношение ко мне. Было предположе-ние во французском издательстве Gallimard об издании «Доктора Живаго» во французском переводе. Наверное переводчики и пе-реводчицы M-lle Helene Peltier, M-me Jacqueline de Proyart de Baillescourt, M. Aiscouturier и др. списались с Фельтринелли об этом, как и представители английской фирмы Collins². Я хотел бы, чтобы они знали, что не надо задерживать выпуска книг из-за того, какие это может иметь последствия для меня. Я писал роман для того, чтобы он был

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
издан и прочитан и это остается единственным моим желанием. Еще раз всего
лучшего. Я выздоровливаю и, может быть, скоро увижу Вас³.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Континент», 2001, № 107. – Автограф (собр. адресата). Пьетро
Цветеремич – итальянский славист и переводчик «Доктора Живаго».

1 Имеется в виду «Esprit», 1957, № 3, в котором опубликованы перево-ды М.
Окутюрье и его статья о Пастернаке. Пастернак познакомился со ста-ттей и
переводами Окутюрье только в начале августа и писал сестре Лидии: «Сколько
самостоятельной ценности, в смысле таланта и понимания, в ста-тте и в
особенности в переводах, не правда ли? Как понято существо, т. е., что у меня
главное, что нет» (Письма к родителям и сестрам. Кн. П. С. 267).

2 Фельтринелли всячески задерживал договорную процедуру с Галли-маром и требовал
такую цену за уступку прав Коллинзу, что ставил под угрозу возможность издания,
– при этом никакие связи с французскими переводчиками, несмотря на выраженное
желание Пастернака, наладить-ся не могли.

3 Письмо написано в ответ на известие от Цветеремича об окончании перевода и
скором его приезде в Москву. Цветеремич виделся с Пастерна-ком в конце сентября,
приехав в составе делегации, приглашенной Со-юзом писателей. Официальные власти
сразу завели разговор о нежелатель-ности итальянского издания «Живаго» и
передали ему машин, подложно-го письма, якобы от Пастернака, датированного 19
сент., в котором автор признавался, что ему «стало известно» о Цветеремиче, как
об одном из переводчиков его романа, и излагал свое отношение к тексту «Доктора
Живаго», как «начальному, нуждающемуся в серьезном совершенствова-нии
предварительному варианту будущего произведения», издание кото-рого считал
«невозможным» («Сопреge della Sera», 14 gennaio 1987). См. коммент. к письму №
1451.

1441. А. Д. СИНЯВСКОМУ

29 июня 1957, Узкое

29 июня 1957

Дорогой Андрей Донатович!

От всей души благодарю Вас за доставленную радость¹. Неза-висимо от того, кому
посвящена она, великим удовольствием было прочесть статью, с такой исчерпывающей
сжатостью выражаю-щую существо разбираемого и его «душу», «философию», и
кото-рая была бы написана с таким естественным изяществом, напо-миная лучшие в
этом отношении впечатления юности, вроде Ак-саковской биографии Тютчева или
Страховских статей о Фете².

С какой счастливой законченностью поняли Вы все главное во мне! И как до конца,
без остатка, прозрачно и стройно изложи-ли, развили и разъяснили! Часть широкого
материала, который Вы привлекли и охватили, и которым так увлекательно
пользуе-тесь, целиком его себе подчинив, я встречаю в первый раз, – она мне была
неведома; о другой я забыл.

Исправьте две описки в приводимых Вами примерах на стр. 13.

Казалось альфой и омегой (а не «казались») и затем:

Бывало снег несет вкрутую, что только в голову придет³

(а не «идет»), т. е. снег несет, что в голову взбредет, как несут око-лесицу...

Собственные достоинства статьи (помимо того, что она напи-сана обо мне) отнимают
у меня всякую надежду на то, что ее при-мут у Вас, одобрят и, не искромсав,
напечатают⁴. Мой опыт под-сказывает, что это более чем сомнительно. Больше года
шла подго-товка и составление моих избранных стихотворений. Над книгой живо и
плодотворно поработал составитель Н. В. Банников, а я на-писал для нее
биографическое вступление (знаете ли Вы его в руко-писи?) и много новых
стихотворений для заключительного разде-ла. Долго верили, что книга будет
издана. Я редко, периодами, и очень слабо разделял эту веру. Но нынешняя
обстановка ничего от этих вероятий не оставила. Книги не напечатают, так же как
и «Док-тора Живаго», романа в прозе, об издании которого тоже была речь.
Но если когда-нибудь положение изменится, Ваш разбор, с моей точки зрения, не
будет иметь соперников по пронизатель-ности Вашего понимания, по
содержательности мысли и литера-турной живости формы⁵.

Мне о Вас говорили прошлым летом, это была наилучшая рекомендація⁶. Я рад, что
случай столкнул нас и что жизнь, на-верное, сведет нас еще ближе. Буду рад с
Вами познакомиться и повидаться⁷, как только по истечении больнично-санаторных
сро-ков попаду опять к себе в Переделкино, и прежняя жизнь опять наладится. Об
этом я не смел мечтать еще очень недавно. Я был болен очень долго, физически
мучительно и очень серьезно. Те-перь мне лучше, теперь мне почти совсем хорошо.
О возможнос-ти встречи извещу Вас особо.

Еще раз благодарю Вас за Вашу работу, за желание добра, скво-зящее в ней, за
Вашу свободно дышащую мысль, за неторопли-вый, скромный и достойный тон статьи,
за светлое преодоление всего мнимого и лишнего.

Ваш Б. Пастернак

Иногда мои письма пропадают. Удостоверьте меня хотя бы двумя строчками на открытке о получении письма.

Впервые. – Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по машин, копии (РГАЛИ, ф. 2833, оп. 1, ед. хр. 536).

А. Д. Синявский – историк литературы, преподаватель Университе-та, в ту пору сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горько-го. Осенью 1956 г. через Э. Пельтье Синявский получил от Пастернака ма-шин, романа «Доктор живаго» (см. коммент. 2 к письму jsfe 1387).

1 Имеется в виду статья Синявского о поэзии Пастернака, написан-ная для «Истории русской советской литературы» (в 3 т.). Изд. ИМЛИ АН СССР. 1958–1961. «Написав статью, – вспоминал позднее Синявский, – я был в ней не уверен; я сомневался, насколько мне удалось войти в по-этический мир Пастернака, насколько я угадал его образ. Я шел непосред-ственно от стихотворных тек-стов Пастернака – и не знал, правильно ли я их понимаю по сравнению с авторским замыслом. <...> Мои сомне-ния в себе кончились тем, что, еще никому не показывая статьи, я решил-ся послать ее по почте на суд самому Пастернаку» (Boris Pasternak. Colloque de Cerisy-la-Salle. Paris, 1979. P. 11).

2 И. С. Аксаков. Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк (1874); Н. Н. Страхов. А. А. Фет (Биографический очерк к «Полному со-бранию стихотворений»; там же «Заметки о фете») СПб., 1901. Т. I.

3 Из стих. «Все наклоненья и залого...» (1936).

4 Предсказания Пастернака относительно статьи Синявского сбы-лись. Он сказал, что «статья о нем в том виде, как она написана, не может быть напечатана: не пропустят» (там же. P. 14).

5 Действительно первой серьезной работой о Пастернаке в России ста-ло предисловие Синявского к тому «Стихотворения и поэмы» (Большая серия «Биб-ки поэта». М.–Л., 1965), до сих пор не потерявшее своего зна-чения, в основу которого вошли основные положения его статьи 1957 г.

6 Вероятно, эта рекомендация исходила от Н. М. Любимова.

7 Синявский датировал встречу с Пастернаком «самым концом 57-го года», когда он пригласил его к себе в Переделкино. Синявский вспоми-нал разговор с Пастернаком в докладе на конференции во Франции в 1975 г.: «Радикальные перемены в сознании и в обществе были для Пас-тернака делом завтрашнего дня, – процессом необратимым и всесторон-ним. Но самым первым в этом процессе представлялось ему высвобожде-ние из-под формы идеологии, прежде всего не от самой идеологии даже, сколько от ее ограниченности, формализма, от ее осточертевшей, навяз-шей в зубах фразы» (там же).

1442. Э. Р. КУЧЕРОВОЙ

4 июля 1957, Переделкино

4 июля 1957 Э. Р. Кучеровой.

Я не сравниваю Макбета с Раскольниковым¹, а дух обдумывания и подготовки убийства в романе и трагедии, сверхреалис-тическое, в обоих случаях, и доведенное до мелочей обилие под-робностей, благодаря которым одинаково живо до содрогания встают в воображении парк, где ночью убийцы подстерегают Банко и городское лето в Петербурге, с малярными работами в нижней пустующей квартире. В мои планы входило дать выдержку только из этого места в Макбете, и я не знаю, во что превратился мой текст после множества редакционных сокращений. Я альманаха не видал и этим не интересовался².

Напрасно Вы говорите, будто знаете и цените меня. Люди, которым близки мои работы, чувствуют и догадываются, что я никогда не пишу по материалам, что я доверяю живости моих вос-поминаний³, а не ищу в них документальности, что я их не прове-ряю. Что когда я пишу, я не заглядываю в книги, потому что я ис-хожу не от того, что есть и было, а из того, что стало в ходе жизни, и «помнить» для меня значит «поддерживать жизнь» виденного и воспринятого, питаться им и, вместе со своим собственным пре-вращением, перерабатывать. Если бы Вы действительно имели обо мне понятие, Вы бы знали, что, с Вашей точки зрения, я не только в этом случае, но всегда перевираю⁴. Не только в отношении Дос-тоевского, но еще более и в отношении Шекспира статья написа-на очень легкомысленно и свободно, с той единственной забо-той и свободой, которые позволяют разбегаться на шаг на два дальше, чем обыкновенно делают на этом месте, таком топтаном и хоженном. Если бы Вы меня знали, Вы бы не написали мне в таком тоне. Вы бы не взяли на себя смелости делать умозаключения на мой счет: «Мир Достоевского, очевидно, так чужд и безразличен Вам»... «Есть люди, чувствительные к неправильному цитированию Дос-тоевского» (как будто я его где-нибудь цитировал).

Наконец Вы не забылись бы и не дописались до того, чтобы давать мне советы, с кем мне сравнивать Макбета, если уж на то пошло, как будто цель моя была, как в гимназическом сочинении провести сопоставление героя во что бы то ни стало с кем

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori бы то ни было, не с тем, так с другим. Но в этом невообразимом случае я стал бы сравнивать Бориса Годунова с Генрихом Четвертым, как это принято. Все что Вы говорите, правильно и Вы совершенно правы (может быть позднейшая приписка о Макбете действительно сделана торопливо и неосторожно; а вообще говоря статья написана 15 лет тому назад и я ее не помню⁵). Может быть все это и правильно и Вы правы. Но я не потрясен, потому что правота и правильность для меня не наивысшее. Непредвзятому взору ясно, что для меня Достоевский и Шекспир, и зачем я пишу, и в каком смысле. Прав Вашей предвзятости я не отрицаю, но она ничего не говорит мне. И опасения Ваши («Статья чего доброго в таком виде, переводит-ся на иностранные языки») запоздали. Но там мне грехи мои дав-но простилиб. Там привыкли ко мне больше, чем Вы. Если можно, не пишите мне больше. И не оттого, что Ваши письма так неприятны (напротив, мы когда-нибудь будем больши-ми друзьями), но оттого, что Вы настаиваете на ответе, в отличие от прочих пишущих мне, которые догадываются о моем недосуге.

2>. Пастернак

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, без шифра). Письмо не было отослано и осталось в бумагах О. В. Ивинской. Личность Э. Р. Кучеровой установить не удалось.

1 Речь идет о главе «Макбет» из «Замечаний к переводам из Шекспи-ра», опубликованной в альм. «Литературная Москва», 1956. В ней Пастер-нак сопоставляет приемы описания обстоятельств преступления у Шекс-пира и Достоевского: «Макбет и Раскольников не природные злодеи, не преступники от рождения. Преступниками делают их ложные головные построения, шаткие ошибочные умозаключения».

2 Текст «Замечаний к переводам из Шекспира» при публикации в альм, подвергся сокращениям.

3 Если Пастернак и пользовался «материалами» для работы над поэма-ми о 1905 г. или для «Доктора Живаго», то для того, чтобы восстановить в памяти общую атмосферу времен гражданской войны или технические под-робности эксплуатации железной дороги, – для пьесы «Слепая красави-ца» – общественную обстановку вокруг Великих реформ 1860-х гг.

4 Ср.: «По-русски врать значит скорее нести лишнее, чем обманы-вать. В таком смысле и врет искусство. Его образ обнимает жизнь, а не ищет зрителя. Его истины не изобразительны, а способны к вечному раз-витию» («Охранная грамота», 1931).

5 Глава о «Макбете» написана в 1956 г., статья в целом – в 1946-м.

6 В газ. «Британский союзник» (3 июня 1944) была опубликована статья Ч.-Л. Ренна (Ch. L. Wrenn) «Шекспир в переводах Пастернака». По-английски «Замечания к переводам из Шекспира» появились в журн. «Soviet Literature*» в 1946, JNfe 9 («Some remarks by a translator of Shakespeare*»).

1443. А. К. ТАРАСОВОЙ

5 августа 1957, Переделкино

5 августа 1957

Дорогая Алла Константиновна!

В «Узком», где я долечивался, мне сказали, будто Вы себя пло-хо чувствуете. Я огорчился, но заподозрил в этих слухах запозда-лые сведения времен Кремлевской больницы. Так оно, по счас-тью и оказалось при моем разговоре по телефону с Солодовнико-вым¹, утешившим меня на Ваш счет. Ну, слава, слава Богу, совсем Вам не надо и никогда нельзя будет болеть.

Хотя нога у меня таинственным и никем не разгаданным об-разом еще болит, но я опять у себя на даче, колдовские превраще-ния в кого-то неузнаваемого, составлявшие главный ужас боль-ничных наваждений, кончились, продолжается прежняя, мне зна-комая жизнь и живет тот же человек.

Хотя последнее время в санатории мне было легче, я при боль-шом досуге ничего не делал в течение этих четырех месяцев, так как не верю в состоятельность и достоверность того, что сочиняет больной или считающийся больным, и писать себе не позволял.

Но теперь мне хочется вернуться к прерванным занятиям, и я не смогу сделать шага дальше, пока не уплачу дани своим после-дним впечатлениям на пороге между здоровьем и заболеванием. Такими пограничными впечатлениями на этом рубеже были: под-готовка «Марии Стюарт» в театре и две зимних именинных ночи в городе (я лето и зиму живу на даче) в конце февраля.

Мне хотелось стянуть это разрозненное и многообразное воедино и написать обо всем этом сразу в одной, охватывающей эти темы компоновке. Я это задумал под знаком вакханалии в ан-тичном смысле, то есть в виде вольности и разгула того характера, который мог считаться священным и давал начало греческой тра-гедии, лирике и лучшей и доброй доле ее общей культуры. Тут где-то совсем рядом находятся роль и действие банальности и цыган-щины не только у Ап. Григорьева,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Блока и Есенина, но и в мире Лермонтова, и которую знал в себе и всю жизнь в себе подавлял Лев Толстой. В чем-то в этом роде, то есть на грани почти «садо-вых» или «каскадных» мотивов зарождается дух и гений Чайков-ского, и тут же, сразу, с «открытой эстрады» достигает высот и тра-гизма Шестой симфонии и «Пиковой дамы».

Я Вам эту вакханалию посылаю, так как одна ее часть, как Вы сами увидите, косвенно связана с Вами². Но, пожалуйста, не подходите с меркою прямой точности ни к изображению артист-ки, ни к пониманию образа самой Стюарт. В этом стихотворении нет ни отдельных утверждений, ни какого бы то ни было сходства с кем-нибудь, хоть артистка стихотворения это, конечно, Вы, но в той свободной трактовке, которой бы я ни к Вам лично, ни в об-суждении Вас себе не позволил³. Если вещь в целом не понравится Вам, или Вы ее найдете не-приличной, не сердитесь и простите меня, что я Вас вставил в та-кой контекст. Целую Вашу руку и от души желаю Вам всего лучшего. С нетерпением жду осени, когда я наконец увижу Вас в спек-такле и в жизни.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Алла Константиновна Тарасова. Документы и воспомина-ния. М., «Искусство», 1978. – Автограф (Музей МХАТ).

1 Александр Васильевич Солодовников – директор МХАТа.

2 Вместе с письмом Пастернак послал стих. «Вакханалия».

3 См., например: «То же бешенство риска, / Та же радость и боль / Слили роль и артистку, / И артистку и роль».

1444. Ел. В. и Е. Б. ПАСТЕРНАКАМ

7 августа 1957, Переделкино

7. VIII. 57.

Дорогие Елена Владимировна и Женя, получил, Женя твое письмо¹. Нога у меня болит и все еще не в порядке, а в остальном я здоров и живу в Переделкине по-прежнему и очень занят, в осо-бенности после 4-х месячного перерыва. Ждите моего звонка по телефону. Может быть, 13-го, когда я надеюсь быть в Москве, если вы к тому времени вернетесь, увидимся².

Впервые: «Существованья ткань сквозная». – Автограф.

1 Письмо отправлено в Ужгород Закарпатской области до востребо-вания.

2 Пастернак заходил 13 августа и приглашал в Переделкино за новы-ми стихами.

Вскоре в связи с рождением внука Пастернак писал: «26 но-ября 1957. Дорогие Аленушка и Женя, поздравим друг друга и примем друг от друга поздравления с рождением маленького Петиньки. Как во всех серьезных и чудесных случаях жизни, все слова тут лишние, и страшно навязчивым вмешательством сглазить это милое новое и так доверчиво начинающееся существование. По всем правилам Вам полагается, Але-нушка, подарок, на зубок родильнице. Извините, что я это сделаю в бес-тактной денежной форме, по недогадливости и из боязни, что мы доста-нем Вам что-нибудь ненужное, в то время как Вам необходимо что-ни-будь другое. Желаю Вам поскорее оправиться и окрепнуть. Ваш Б. Я.».

1445. Г. В. БЕБУТОВУ

7 августа 1957, Переделкино

7 авг. 1957

Дорогой Гарегин Владимирович!

Вы меня страшно тронули обстоятельностью и заботливос-тью в отношении того, что Вы сделали, собрали и мне сообщили. О таком знании материала, с которым я не могу тягаться, я не мог мечтать. Тем сильнее прошу Вас извинить меня, что в переговорах о материале, когда книга была еще только в обсуждении, я на Вас как-то нелюбезно огрызнулся по поводу разночтений и вариан-тов, которые я перезабыл.

Страшно обрадовался выпущенным строфам из «Пока мы по Кавказу...»¹. Какой Вы молодец, что их где-то нашли, – без конца Вам благодарен. У меня ни следа нет того, что я сделал, и все пе-резабыто. Из этих трех Ваших страничек на машинке действительно нужно выбросить конец второй и начало третьей, от слов: «От-кос уносит эту странность...» до слов «На пыльном малахите плит». Но выпускаемые слова о Лермонтове не бессмыслица, я имел в виду, что в противоположных свидетельствах современников он предстал обладателем взаимно друг друга исключающих черт, двуликим как Янус².

Из «овчара», действительно, надо будет выкинуть строфу с кнутом: «Он – повесть ближних сел» и т. д.³

Вот изменения в «Волнах».

Я Вам их сообщаю, но предоставляю Вам принять их или не принять <...>⁴.

В выход моей книги здесь я перестал верить. Я хочу, чтобы были напечатаны стихи на евангельские темы и все предисло-вие. Но дело не только в этих расхождениях. Мне последнее вре-мя мешает, что мне стали придавать слишком большое значение и всякий вопрос, связанный со мной, рассматривают в увеличи-тельное стекло. Так

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
наверно пройдет остаток моей жизни. Мне будут давать денег, сколько я попрошу, и
ничего не будут печатать, кроме переводов. Теперь республикам дали большую
самостоятельность. Спросите в «Заре Востока», не возьмется ли издательство
напечатать предположенный Гослитиздатом сборник (до 35-ти листов). Его будут
вывозить в Россию как импортный товар.

Хотя я совершенно перестал заниматься переводами, Нина Александровна Табидзе
перед отъездом от нас упростила меня перевести 2 стихотворения Паоло Яшвили, а
еще раньше она же, моя жена и еще кое-кто уговорили меня заняться новыми
стихотворениями Чиковани⁵. Посылаю Вам это все для пополнения переводной части
моего сборника и притом в двух видах: 1) рукописном – для Вас, так как Вы
показали себя таким знатоком старых, забытых и малодоступных материалов и
наверное любите тексты работ, написанные от руки; и 2) в машинописном виде, для
ознакомления с ними Симона Ивановича и Нины Александровны. Кроме того, как я
только набросал эти переводы, они слишком рано неотделанными поступили в оборот.
Между прочим одна моя большая приятельница, с которой говорил тут Конст.
Лордкипанидзе, дала ему эти переводы в старой, необработанной форме, далекой
от их нынешнего окончательного вида. Сделайте одолжение, размножьте прилагаемые
переводы на машинке и раздайте тем заинтересованным в них, которые Вам наверное
известны и к которым они попали в неготовом виде.

Я не помню ни о каком посвящении Яшвили, о котором говорил Вам Чиковани. По
всей вероятности это ошибка.

В Вашем списке моих переводов числится также стихотворение Машашвили «Морской
орел». Не ошибка ли и это? Мне кажется, я никогда Машашвили не переводил.
Пришлите мне, пожалуйста, перевод этого стихотворения. Наверное, это не мой и
тут какая-то путаница⁷.

Наверное теперь, когда состав издания вполне выяснился, можно будет заключить
договор на него. В свой наезд в Грузию жена уже получила у Вас под книгу 3000 р.
Можно ли будет остальные платежи производить не по почте, а переводами на мою
сберкнижку, данные о которой я прилагаю, или это неудобно. Я такие перечисления
предпочел бы почтовым переводам⁸.

Еще раз большое спасибо Вам от всего сердца. Извините, что так задержал Вас
ответом – я четыре месяца был тяжело болен и у меня накопилось множество
неотвеченных писем и всяких дел.

Крепко жму Вашу руку.

Благодарю Вас за тщательность в сличении изданий разного времени, по пункту 6-му
Вашего письма (о переводах Змеида, Церетели и пр.). Конечно, надо держаться
последних, исправленных мною.

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 3100, оп. 1, ед. хр. 150).

1 У Бебутова сохранился автограф первонач. редакции стих. «Когда мы по Кавказу
лазаем...», который Пастернак передал ему 15 окт. 1931 г. и по которому стих,
было опубликовано в журн. «Темпы» (1931, № 10).

2 Имеются в виду отброшенные из окончательного текста строки: «Откос уносит эту
странность / За двести тысячелетний Мцхет, / Где Лермонтов уже не янус / И больше
черт безликих нет».

3 Речь идет о стих. «Чернее вечера...» (цикл «Из летних записок», 1936), третья
строфа которого: «Он – повесть ближних сел. / Поди, что хочешь, вынай. / Он
кнут ременный сплел / Из лиц, имен и жизней».

4 Далее Пастернак приводит строфы 2, 19, 60, 66–69 в новой редакции, написанной
им для сб., готовившегося в Гослитиздате. Бебутов принял эти варианты, и они
вошли в книгу «Стихи о Грузии. Грузинские поэты: избранные переводы». Тбилиси,
«Заря Востока», 1958.

5 Переводы стих. П. Яшвили «Вступление в поэму» и «Малтаква»; С. Чиковани –
«Майский дождь», «Табак», «В тени платанов», «Цветы» и «Снежок».

6 Константин Лордкипанидзе – главный редактор журн. «Литературная Грузия»,
опубликовал в № 3 за 1957 г. перевод «Вступления в поэму» Яшвили под назв.
«Самому себе» в ранней редакции, сильно отличающейся от окончательной; «Цветы» и
«Майский дождь» Чиковани были переданы ему О. В. Ивинской.

7 Путаница произошла от того, что стих. «Морской орел» Пастернак перевел 15 лет
тому назад, осенью 1941 г., кроме того он не связал псевдоним Машашвили с
настоящим именем Алио Мирцхулава. Бебутов прислал текст стих., и 31 авг.
Пастернак писал ему: «Конечно, "Морской орел" – мой. Но текст был для меня
совершенно нов, я и по сей миг его забыл и абсолютно не помню. Этим можно
похвастаться. Вот как надо работать, много, легко и разносторонне, без хранения
черновиков и рукописей, чтобы забывать себя бесследно и чтобы сделанное не
останавливалось в движении, чтобы не сознавать его, чтобы оно не мешало тому, что
всегда впереди и не заводило в душе творческого склероза. Тем большее Вам
спасибо, что Вы "орла" разыскали и заставляете его усыновить» (РГАЛИ, ф. 3100,
оп. 1, ед. хр. 150).

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
8 В ответ на первые полученные деньги Пастернак 26 авг. послал телеграмму:
«Сердечно благодарю за ценную помощь, отзывчивость, обстоятельность. Скоро
ответчу письмом. Будут дополнения, новые пе-реводы. Крепко жму руку = Пастернак»

(РГАЛИ, ф. 3100, оп. 1, ед. хр. 150).

1446. Э. ПЕЛЬТЬЕ

7 августа 1957

Моя милая и невыразимо дорогая Елена Мариусовна, насто-ящий роман – это вовсе не Живаго, а то непостижимое и неверо-ятное, что происходит с вами со всеми и со мной. Это Вы сами, Ваши идеи, Ваши обиходные мысли, то, что Вы пишете. Это уди-вительный, невероятный, замечательный Окутюрье, чьи мартов-ские страницы в «Esprit» (какой проникновенный поэт, а я и не знал) попались мне на глаза только позавчера. (Дорогой Мишель Окутюрье, Вы сами должны дать себе отчет в том, что Вы сделали, по внутренней силе Ваших переложений, их верности и незави-симой ценности, совершенства и высокой красоте. Пусть бы хоть некоторая часть расположенных читателей откликнулась похва-лой на Ваши достижения! А если это не так, то значит это мои не-достатки, моя манера, которая слишком проста и слишком старо-модна для Запада...)

Затем, это Жаклин, воплощенный противовес существующей в мире искусственности и надуманности, великая женщина своенравной чистоты и детской готовности, – веры в то, что она легко справится со всем в любых обстоятельствах. Это, наконец, Мартинез¹, который, вероятно, покажет себя столь же неожидан-но, как и Окутюрье с его прекрасным поэтическим дарованием. И главное – это наше, ничем определенно не оформленное един-ство, которое основано на очень старых и знакомых вещах, новое ответвление которых оно собою представляет, кроме других, свой-ственных времени и потому непреднамеренно современных и без принуждения.

Я боюсь только того, чтобы работа не оказалась слишком дол-гой и утомительной, чтобы бесконечный «доктор» не опротивел вам всем в конце концов.

Я был очень болен, дорогая Элен, в течение четырех месяцев. И у меня не было никакой надежды выздороветь. Теперь мне луч-ше, чем было до болезни².

Я хочу напомнить Жаклин, чтобы она не забыла того, что я ей действительно повторял, когда мы с нею прощались. Что между вами и мною нет никаких денежных отношений и воп-росов. Что все, что могут принести французские публикации моих текстов (как в виде книг, так и в журналах) принадлежит вам. Такова моя воля, и я хочу, чтобы вы из нашей общей рабо-ты получили как можно больше выгодных возможностей, – для своих собственных судеб в литературе, да и в материальном смысле тоже. И я без конца повторяю, что даю вам полную сво-боду, что вам не надо ни с чем считаться. Не нужно принимать во внимание как появление, так и непоявление моих оригиналь-ных работ у нас (ничего никогда у меня не напечатают), ни мою безопасность, ни вообще то, что происходит тут у нас в разное время года. Бессмысленно предполагать в этом какой-либо смысл.

Мой дорогой, обожаемый друг, я утомил Вас своим длинным письмом и обрываю его. Я не могу пожелать Вам ничего особен-ного прежде, чем расстанусь с Вами в этом письме, – Вы посто-янно и непрерывно живете в моей памяти и моих лучших пожела-ниях.

Пастернак

В последнее время (почти шесть месяцев!) я не получал ни строчки – ни от Вас, ни от Жаклин, ни от госпожи Сока, ни от кого-либо еще. Попробуйте написать мне несколько слов по из-вестным каналам или на адрес Союза советских писателей: Мос-ква В-1. Воровского 52. Может быть, стоит воспользоваться моим почтовым адресом: Москва В-17. Лаврушинский переулок 17/19 кв. 72. По этому адресу ко мне пришло Ваше первое незабывае-мое письмо.

Передайте, пожалуйста, прилагаемую записку М. Скутю-рье», я не знаю его адреса. Впервые: Boris Pasternak. Lettres ames amies francaises. 1956-1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

¹ Луи Мартинез – славист, специалист по творчеству Ф. Достоевско-го, приезжавший вместе с М. Окутюрье в Переделкино в мае 1956 г. и став-ший одним из четырех переводчиков «Доктора Живаго».

² В тот же день Пастернак писал сестре Лидии: «И вот, когда я забо-лел, самое печальное было не боль в правом колене, лишавшая меня сна и сознания с целым рядом внутренних последствий, но утрата веры в то, что прежняя ошеломительная жизнь с ее связями только по дальним и таин-ственным основаниям когда-нибудь вернется. <...> И вот, представь себе радость, – по прошествии четырех месяцев все вернулось, я в Переделки-не, нарушенная непрерывность восстанавливается на том, за чем ее заста-ла болезнь и на чем ее бросили, это та же жизнь и тот же человек» (Письма к родителям и сестрам. кн. П. С. 265).

1447. М. ОКУТЮРЬЕ

9 августа 1957

Мой дорогой, удивительный Мишель Окутюрье, боюсь пи-сать Вам по-французски,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori настолько меня подчиняют себе склад Вашего ума, Ваша манера думать и писать. Почему Вы сразу не предупредили меня о своем прекрасном и огромном таланте! Меня потрясли строчки Вашей статьи и стихов. Лаконизм языка и вдохновенная, глубокая гармония Ваших строк в журнале «Esprit» (который я увидел лишь неделю тому назад) привлекли бы мое внимание в любом случае, – будь то пе-реводы моих вещей, или чьих-то других, или даже подборка Ва-ших собственных стихотворений¹. Если эти страницы принесли Вам тень успеха и Вам делают предложения на будущее, распола-гайте мною по своему желанию. Я пошлю Вам все, что написал и что напишу нового.

Я думаю, что та осторожность, которую Вы и все вы соблю-даете по отношению ко мне, преувеличена и чрезмерна. Чувствуйте себя свободнее и не бойтесь больше рисковать².

Я в восхищении от Вас и растроган до глубины сердца. Я Вас обнимаю.

Со всею благодарностью. Ваш Борис Пастернак

Впервые: «Дружба народов», 1998, № 2. – Автограф (собр. адресата).

Французский славист, поэт и переводчик Мишель Окутюрье позна-комился с Пастернаком в мае 1956 г., когда приехал в Переделкино с груп-пой французских аспирантов.

¹ Речь идет о публикации в журн. «Esprit» (1957, № 3) переводов 8 стих. Пастернака. В публикацию вошли переводы важнейших вещей: «О, знал бы я, что так бывает...», «Гамлет», «Рассвет», «Во всем мне хочется дой-ти...», «Быть знаменитым некрасиво...». Статья, предвещающая переводы, показывала глубокое понимание поэзии Пастернака в ее последователь-ной эволюции. Основу его поэтики Окутюрье видел в широком использо-вании метафоры, сопоставляя этот прием со стилистикой Пруста, гово-рившего, что только метафора «придает черты вечности стилю».

² Оценивая рискованность для Пастернака передачи рукописи «Док-тора Живаго» для издания за границей, французские переводчики романа не афишировали знакомство с ним. Слова Пастернака о том, чтобы быть смелее и не бояться за него, предвещали серьезные последствия его «легко-мыслия». Через неделю после написания этого письма состоялось экстрен-ное заседание правления Союза писателей, вслед за чем последовали вызо-вы в ЦК и категорические требования (с угрозами немедленного ареста и расстрела) остановить издания романа в Италии, Франции и Англии.

1448. Ж. де ПРУАЙЯР

10 августа 1957, Переделкино

10 августа 1957, Москва

Дорогая Жаклин Яковлевна, г-жа графиня, у меня перед гла-зами все еще то зимнее утро, слегка тронутое приближением от-даленной весны. Мы провожаем Вас на станцию, прощаемся и расстаемся¹. Вскоре после этого я заболел почти на четыре меся-ца, частью проведенные в больнице, частью – в санатории. У ме-ня было что-то загадочное в правом колене (точнее говоря, в ко-ленной чашечке), сочетание менискита, воспаления нерва и про-чих прелестей. Я страдал от неопишуемой боли, от которой време-нами терял сознание, это сопровождалось и внутренними осложнениями. Невралгическая боль в ноге еще не совсем про-шла, но теперь ее уже можно терпеть, она стала меньше. В осталь-ном я чувствую себя так же хорошо, как до болезни.

За это время произошло одно приятное событие: постановка во МХАТе Марии Стюарт Шиллера в моем переводе. Я не видел спектакля, так как проболел весь конец театрального сезона. Го-ворят, что спектакль замечательный.

Недавно с большим опозданием я увидел то, что Окутюрье напечатал в 3-ем номере Esprit. Я не судья в этом, тонкости и тре-бования современного французского стиха мне не доступны, но перевод мне кажется прекрасным и неожиданным по богатству и мастерству. Я передан верно по мысли и точно по форме, это бли-же дословных прозаических переводов. Было бы любопытно уз-нать судьбу этих переводов, то, как их приняли и оценили. Высо-кое качество работы дает возможность проверить (тем, как встре-чен этот номер), – вызовут ли вообще мои произведения интерес во Франции.

Я просмотрел несколько статей во французских и английских журналах, и мне бросилась в глаза очень близкая мне, да и нам всем, мысль. Неверно делить мир на капиталистическую и ком-мунистическую части. Мир однороден более чем когда бы то ни было. Думающих молодых людей на Западе объединяет серьез-ность и естественность сказанного, простота и насыщенность мысли. Эта свобода языка от многословия, лишнего украшения и напыщенности, возникавших в предыдущие времена у наших предшественников от избытка досуга и лени – высокое нравствен-ное качество. Это уже – целая новая философия, – остается лишь заполнить ее пережитым содержанием, найденным творческой человеческой душой. Серьезность этого поколения – следствие двух войн и других суровых уроков, в особенности нашей револю-ции, первого учителя нашего времени.

мое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris
Дорогая Жаклин, мое письмо становится тяжеловесным и скучным. Я его обрываю и заканчиваю. Я ничего не знаю о том, как идет ваша работа. Не раздражает ли вас текст, который вы сделали предметом своего длительного труда, не наскучил ли он вам? Не забывайте, пожалуйста, что в деле использования переводов и публикации оригинального текста инициатива и доходы принадлежат вам, я не имею к этому никакого отношения.

Примите мое глубокое, бесконечное уважение и прошу передать мой поклон Вашему мужу.

Остаюсь преданный Вам 2>. Пастернак

Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres й mes amies francaises. 1956-1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Утро 7 февраля 1957 г.

1449. К. А. ФЕДИНУ

19 августа 1957, Переделкино

Дорогой Костя!

Общее мнение, что мне не следует ездить, как я предполагал, для переговоров с товарищами завтра, во вторник, в Союз1, так как эта встреча, там ли или у меня, будет при неравных силах сторон, слишком тяжким для меня и может быть опасным испытанием, а написать Суркову и удовлетворить его требование насчет рукописи, к чему я и склоняюсь2.

Я тебя предупреждаю об этом, чтобы ты не терял завтрашнего утра на поездку, чего, вероятно ты не стал бы делать и без моего предупреждения3.

Твой Б.

Впервые: «Волга», 1990, № 2. – Автограф (собр. Н. К. Феединой). На записке рукою Феединой: «Получена 19. VIII в 1 час дня».

1 В связи с приближением срока издания «Доктора Живаго» в Ита-лии, назначенного на сентябрь в телеграмме к Фельтринелли, Пастернак 13 авг. 1957 г. получил вызов на заседание секретариата Союза писателей, назначенное на 16-е. Об этом он осторожно писал Нине Табидзе: «Немно-го обострится мое положение, опять надо мною скапливаются тучи вслед-ствие разных зарубежных причин и не знаю, как я из этого выпутаюсь!» (15 авг. 1957; «Дружба народов», 1996, № 7. С. 213). Вместо Пастернака на это заседание поехали О. В. Ивинская, А. И. Пузиков и А. В. Старостин, работавшие над редактированием «Доктора Живаго». По воспоминаниям Пузикова, сообщение Старостина о готовности к изданию романа в Гос-литиздате «было встречено в штыки»: «В ход пошла известная формула – "черного кобеля не отмоешь добела". Сама идея доработки романа была сочтена абсурдной. Совещание на том и закончилось, и мы, как побитые, ушли, поняв, что дальнейшая дорога к изданию "Доктора Живаго" закрыта» (Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 496). На следующий день Пас-тернака вызывал к себе зав. Отделом ЦК Д. А. Поликарпов (о разговоре с Поликарповым см. письмо № 1450).

2 Несмотря на опасения, Пастернак 20 авг. 1957 г. поехал к А. Суркову для переговоров, которые прошли в деловом и спокойном тоне (см. об этом в письме № 1450).

3 К. И. Чуковский 14 янв. 1958 г. записал слова Феединой: «В последнее время у меня была преинтересная переписка с Пастернаком – я так и ска-зал начальству: не натравливайте меня против Пастернака – я на это не пойду» (Воспоминания. С. 271).

1450. Н. ТАБИДЗЕ

21 августа 1957, Переделкино

21 авг. 1957

Дорогая Нина, меня продолжают огорчать и тревожить све-дения о Вашем нездоровье и физических страданиях. Я слишком хорошо это понимаю, пережив то же самое так недавно1.

В этом письме я пошлю Вам несколько стихотворений конца зимы (до болезни) и четыре новых, написанных после переезда из Узкого на дачу2. Как раз накануне заболевания последними моими впечатлениями были: подготовка Марии Стюарт в театре, две име-нинных ночи в городе и вообще вид вечернего зимнего города, куда я приезжал из заснеженных полей. Мне хотелось, как всегда сказать это все сразу в одном стихотворении. Мне мерещилась форма того, что древние называли вакханалией, выражением разгула на границе священнодействия, смесью легкости и мистерии. И вот я заболел.

Я знал, что если после выздоровления я вернусь к работе, ко-торую больница и санаторий прервали, то есть к писанию и на-капливанию стихов для новой книги, мне не миновать этого узла зимних впечатлений и нельзя будет двинуться дальше, пока я не заплачу дани этому замыслу.

Таким образом возникло это зимнее стихотворение в летнее время3.

Здесь было несколько очень страшных дней. Что-то случилось касательно меня в

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori сферах мне недоступных. Видимо Х<рущев> показали выборку всего самого неприемлемого из романа. Кроме того (помимо того, что я отдал рукопись за границу) случилось несколько обстоятельств, воспринятых тут также с большим раз-дражением. Тольятти⁴ предложил Фельтринелли вернуть рукопись и отказаться от издания романа. Тот ответил, что скорее выйдет из партии, чем порвет со мной, и действительно так и поступил. Было еще несколько мне неизвестных осложнений, увеличивших шум.

Как всегда, первые удары приняла на себя СКльга> В<сево-лодовна>. Ее вызывали в ЦК и потом к Суркову. Потом устроили секретное расширенное заседание секретариата президиума ССП по моему поводу, на котором я должен был присутствовать и не поехал, заседание характера 37 года, с разъяренными воплями о том, что это явление беспримерное и требованиями расправы, и на котором присутствовала О. В. и Ан<атолий> Вас<ильевич> Ст<аростин>, пришедшие в ужас от речей и атмосферы (которым не дали говорить) и на котором Сурков читал вслух (с чувством и очень хорошо, говорят) целые главы из поэмы⁵.

На другой день О. В. устроила мне разговор с Поликарповым в ЦКб. Вот какое письмо я отправил ему через нее еще раньше, с утра.

«Люди нравственно разборчивые никогда не бывают доволь-ны собой, о многом сожалеют, во многом раскаиваются. Един-ственный повод, по которому мне не в чем раскаиваться в жизни, это роман. Я написал то, что думаю, и по сей день остаюсь при этих мыслях. Уверяю Вас, я бы его скрыл, если бы он был написан слабее. Но он оказался сильнее моих мечтаний, сила же дается свыше и таким образом, дальнейшая судьба его не в моей воле. Вмешиваться в нее я не буду. Если правду, которую я знаю, надо искупить страданием, это не ново, и я готов принять любое». П<оликарпов> сказал, что он сожалеет, что прочел такое письмо и просил О. В. разорвать его на его глазах.

Потом с П<оликарповым> говорил я, а вчера, на другой день после этого разговора, разговаривал с Сурковым⁷. Говорить было очень легко. Со мной говорили очень серьезно и сурово, но веж-ливо и с большим уважением, совершенно не касаясь существа, то есть моего права видеть и думать так, как мне представляется, и ничего не оспаривая, а только просили, чтобы я помог предотвра-тить появление книги, т. е. передоверить переговоры с Ф<ельтри-нелли> Гослитиздату и отправил Ф. просьбу о возвращении руко-писи для переработки. Я это сделаю, но во-первых, преувеличи-вают вредное значение появления романа в Европе. Наоборот, наши друзья там считают, что напечатание первого нетенденци-озного русского патриотического произведения автора, живуще-го здесь, способствовало бы большему сближению и углубило бы взаимопонимание...⁸ Во-вторых, вместо утихомиривающего вли-яния эти внезапные просьбы с моей стороны вызовут обратное действие, подозрение в применении ко мне принуждений и т. д., из меня сделают нечто вроде Зоценки, скандал совсем иного рода и пр. и пр.⁹ Наконец, в третьих, никакие просьбы или требования в той юридической форме, какие сейчас тут задумывают, не име-ют никакого действия и законной силы и ни к чему не приведут¹⁰, кроме того, что в будущем году, когда то тут, то там начнут появ-ляться эти книги, это будет вызывать очередные взрывы бешен-ства по отношению ко мне и неизвестно, чем это кончится.

За эти несколько дней, как бывало в таких случаях и раньше, я испытал счастливое и поднимающее чувство спокойствия и внут-ренней правоты и ловил кругом взгляды, полные ужаса и обожа-ния. Я также при этом испытании натолкнулся на вещи, о кото-рых раньше не имел понятия, на свидетельства и доказательства того, что на долю мне выпало счастье жить большой значитель-ной жизнью, в главном существе даже неизвестной мне.

Ничего не потеряно, я незаслуженно, во много раз больше, чем мною сделано, вознагражден со всех сторон света.

Разумеется Лёне и Зине известна лишь ничтожная, наиболее безболезненная часть случившегося, остальное я скрыл от них, щадя их спокойствие. Эти передряги, поездки в город на элект-ричке, объяснения и прочая перепутали мне весь мой режим, обе-ды стали попадать в ночное время, и только. Я не волновался ни капли. Бебутову я послал переводы тех двух стихотворений Паоло, которые Вы просили меня перевести, и несколько Симоновых¹¹. Это очень бледные работы, но если Вам будет интересно, попро-сите их у него, пусть он Вам их покажет, и пусть известит меня об их получении. А может быть Вам так плохо, что не до моих дел и стихов.

Крепко Вас целую. Ваш Боря

Впервые: «Литературная Грузия», 1966, № 2 (отрывок). – «Литера-турное обозрение», 1988, № 5. – Автограф (ГМГЛ, № 24953).

1 Пастернак писал Н. Табидзе 15 авг.: «Мы давно беспокоимся о Ва-шем здоровье. Зина искренне готовилась, в случае Вашего нездоровья, поехать в Тбилиси, чтобы ухаживать за Вами. Не знаю, как она решит теперь, обстоятельства у ней сложились по-иному. То, что Вы пишете, ужас-но. Я недавно испытывал нечто подобное,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori представляю себе, как Вы стра-даете» («Дружба народов», 1996, № 7. С. 213).

2 Вместе с письмом были посланы стихи «После перерыва», «Снег идет», «Следы на снегу», «После вьюги» февраля-марта 1957 г. и «Тиши-на», «Стога», «Липовая аллея», «Вакханалия» августа 1957 г.

3 Имеется в виду стих. «Вакханалия». См. коммент. к письму № 1406.

4 Пальмиро Тольятти – генеральный секретарь итальянской ком-партии.

5 А. Сурков, как первый секретарь Союза писателей, вел заседание секретариата 20 авг. 1957 г. и в качестве доказательства антисоветского ми-ровоззрения

Пастернака читал отрывки из «Высокой болезни» («Предве-стьем льгот приходит гений / И гнетом мстит за свой уход»). Об этом засе-дании см. также в коммент. 1 к письму № 1449.

6 Дмитрий Александрович Поликарпов заведовал в это время Отде-лом ЦК КПСС по культуре.

7 Пастернак хотел избавить Федина от участия в этом разговоре с Сурковым 20 авг. 1957 г. (см. письмо № 1449).

8 Пастернак имеет в виду мнение фельтринелли из его письма в Гос-литиздат 10 июня 1957: «...Западный читатель впервые найдет в книге вы-сокий художественный и поэтический голос, озабоченный поисками пути, ведущими от Октябрьской революции к перспективам новой эпохи в рус-ской истории <...> И то, что этот голос в глазах западного читателя при-надлежит человеку, не вовлеченному в активную политическую деятель-ность, придает его словам большую искренность и веру...» («Континент», 2001, № 107. С. 295). В письмо фельтринелли эти слова включены из ре-цензии переводчика романа Пьетро Цветеремица на рукопись «Доктор Живаго» 15 июня 1956 (Пастернак и власть. С. 347).

9 Имеется в виду партийное постановление 1946 г. о журн. «Звезда» и «Ленинград», по которому А. Ахматову и М. Зощенко исключили из Со-юза писателей и лишили возможности публиковаться.

10 Ссылка на слова Д'Анджел о, которого О. Ивинская просила воз-действовать на Пастернака, чтобы он подписал требующееся от него заяв-ление о возврате рукописи и остановке издания у фельтринелли. «фельт-ринелли не придаст никакого значения телеграмме, – сказал он, – и не изменит своего отношения к Пастернаку, если тот пошлет ее» («The Sunday Telegraph, May 7, 1961»).

11 См. письмо № 1445 и коммент. 5 к нему.

1451. И. И. ЕМЕЛЬЯНОВОЙ

21 августа 1957, Переделкино

21. VIII. 57

Ирочка, золотая, ты написала остроумное чудесное письмо маме, она сейчас его читала вслух, и мы восхищались. Здесь раз-разилась страшная гроза по моему поводу, но пока, слава Созда-телю, мы не убиты молнией. Ввиду отсутствия тебя и твоей под-держки пришлось отказаться от неуступчивой позиции, которую я до сих пор занимал, и согласиться послать ф<ельтринелли> те-леграмму с разными тормозящими просьбами¹. Громы были оглу-шительные, мама тебе все это расскажет по твоём приезде. Она высылает тебе некоторую толику денег, если у нее будет возмож-ность, дошлет еще, а пока не расставайся с настроением твоего письма, не отказывай себе ни в чем и позволь поцеловать тебя на прощанье.

Твой Б. И

Впервые: Ирина Емельянова. Легенды Потаповского переулка. М., «Эллис Лак», 1997. – Автограф (собр. адресата).

1 Дочь О. В. Ивинской И. Емельянова занимала более решительную позицию по поводу отношений Пастернака с Поликарповым, чем ее мать. Текст телеграммы, составленной по-русски в канцелярии Поликарпова: «В процессе дальнейшей работы над рукописью романа "Доктор Живаго" я пришел к заключению, что написанное мною нельзя считать закончен-ным произведением. Находящийся у вас экземпляр рукописи этого рома-на рассматриваю, как нуждающийся в серьезном совершенствовании пред-варительный вариант будущего произведения. Издание книги в таком виде считаю невозможным. Это противоречило бы моему правилу издавать только вполне законченные сочинения. Соболаговолите распорядиться о возвращении по моему московскому адресу возможно кратчайшие сроки рукописи романа, крайне необходимой мне для работы» («Континент», 2003, № 107. С. 300). Под сильным давлением Пастернак был вынужден подписать этот текст.

1452. С. ЧИКОВАНИ

23 августа 1957, Переделкино

23 авг. 1957

Дорогой Симон, извините, что не сразу ответил на Ваше письмо.

Вот уже не первый раз Вы являетесь свидетелем моих стран-ных заболеваний, всегда внезапных, всегда предельно мучитель-ных физически, всегда продолжительных, всегда необычных и похожих на колдовские превращения. Видно я слишком при-вык чувствовать себя субъектом неисчерпаемого здоровья и быть объектом болезни для

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
меня состоянии невыносимое и равносильное общему потрясению.

Мне очень хорошо сейчас, как все эти последние годы в Переделкине и, боюсь сказать, может быть даже лучше. Ваше счастье, что месяц назад я не позволял еще себе писать ничего своего, потому что отрицаю состоятельность большого творчества, каким бы оно ни казалось мнимо интересным (в документы оно не годится, а всякое настоящее, то есть большое искусство должно быть актом историческим и величиной мирового значения). Таким образом я еще во время своей душевной диеты успел перевести 5 Ваших стихотворений из имевшихся у меня 7-ми подстрочников. Они пригодны к печати только в том виде, в каком я их недавно послал Бебутову. Кажется Константину Лордкипанидзе или Ананиашвили получили их раньше, когда они были готовы вчерне, то есть еще не готовы. Предупредите их, что эти варианты не годятся¹.

Я уже почти жалею, что зарифмовал и отдал эти чудеснейшие Ваши стихотворения, потому что это создает предпосылку для дальнейших просьб и предложений, между тем как мне переводить больше нельзя и Вы сами, Вы, Леонидзе и другие должны были бы требовать, чтобы ко мне не обращались с такого рода запросами. Пока я жив и здоров, мне надо заниматься своим, а не тратить время на чужое, как бы оно ни было дорого и близко, это кажется ясно. Я получил от Златкина телеграмму, которая меня в этом смысле огорчила. Он просит меня принять участие новыми переводами в подготовляемой книге Георгия Николаевича и спрашивает, сколько-то строк я соглашусь перевести². Я еще не ответил, но неужели причина моего отказа не может быть ясна и кого-нибудь обидит?

Попросите Бебутова написать мне несколько строк о том, получил ли он мое письмо и материалы. Пусть покажет Вам Ваши стихи в моей передаче³. Я также послал Нине несколько стихотворений, половину которых, написанную в конце зимы до болезни, Вы знаете, а другие я написал сейчас, и они для Вас будут новы, если это Вам любопытно и Вы к ней зайдете⁴. Пусть тоже известит меня о получении моего письма, – иногда они у меня не доходят до цели и по пути пропадают.

У меня тут были осложнения с ЦК и с Союзом, во время которых я воочию увидел степень своего значения и измерил свою силу. Это были очень радостные дни, хотя совершенно очевидно, какие смертельные угрозы и неприятности неизбежно скрывают для меня самые ближайшие мои годы. Но только так жить и интересно и я не понимаю, как можно воображать себя художником и отделяться дозволенным, а не рисковать крупно, радостно и бессмертно.

Целую руку Марики и обнимаю Вас. Напишите мне до Вашего приезда. Страшно рад буду Вас видеть и, как всегда, по-прежнему, всего лучше к 2 часам в любое воскресенье, к обеду, в Переделкине.

Все новое, что я делаю, мгновенно везде переводят. Я видел замечательные, в размере и с рифмой французские и английские переводы, не говоря о чешских, италийских, польских и прочих. Баронесса Будберг, последняя жена Горького, перевела Живаго по-английски. Роман готов и на других языках⁵. Едва ли требования приостановить это все выполнимы, хотя я и пошел навстречу⁶. Ах Симон, Симон, за что мне это все, и так много! А главного нельзя рассказать.

2>. Пастернак

Впервые: «Литературное обозрение», 1988, № 5. – Автограф (ГМГЛ, № 147,23).

1 Окончательные тексты переводов из П. Яшвили и С. Чиковани были посланы Бебутову 7 авг. 1957, К. Лордкипанидзе и Э. Ананиашвили получили первонач. редакции от О. В. Ивинской. См. письмо JSfe 1445 и коммент. 5 и 6 к нему.

2 Одновременно Пастернак писал об этом Бебутову: «Сейчас подали мне телеграмму от Златкина, которому прошу передать сердечнейший привет, с запросом о том, сколько строк я взялся бы перевести для нового издания Леонидзе. Позвольте затруднить Вас поручением объяснить, так чтобы ни Георгию Николаевичу и никому другому не было никакой обиды, что переводить мне давно пора бросить, а заниматься только своим, и что именно друзья должны были бы препятствовать тому, чтобы я занимался переводами. Но что-нибудь самое трудное, два-три стихотворения, которые ни у кого не выйдут, я переведу в последнюю минуту, о чем заранее не нужно договариваться и на что сейчас я не могу дать твердого обещания. Я в семье Леонидзе и в нем самом души не чаю, но разве я сделал недостаточно для книги своими старыми переводами? Переводы отняли у меня лучшие годы моей деятельности, сейчас надо наверстывать это упущенье» (РГАЛИ, ф. 3100, оп. 1, ед. хр. 150).

3 В том же письме Бебутову Пастернак писал: «Дорогой Гарегин Владимирович, получили ли Вы мое письмо с материалами? Бели получили, уведомьте меня пожалуйста безотлагательно и покажите новые переводы Чиковани и Нине Александровне» (РГАЛИ).

4 См. письмо JSfe 1450 и коммент. 2.

5 Пастернак узнавал об английском переводе с чужих слов, чем вызвана путаница имени Мани Харари и гражданской жены Горького М. И. (Муры) Будберг-Закревской. К

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori тому же ни английский, ни французский перево-ды еще не были готовы, только итальянский из-за того, что фелътринелли задерживал заключение договоров. 6 Имеется в виду подпись под телеграммой фелътринелли, состав-ленной в ЦК. См. коммент к письму JSfe 1451.

1453. Н. ТАБИДЗЕ

30 августа 1957, Переделкино

30 авг. 1957

Дорогая Нина, я все забываю написать Вам о Тициановой книжке¹. Это большая Ваша удача, Вы можете гордиться сделан-ным и достигнутым Вами. У меня язык не поворачивается сказать Вам, что я поздравляю Вас с этими плодами Ваших забот, старан-ий и усилий.

Вообще трудно говорить об искусстве, о поэзии в этом ис-ключительном случае, как если бы надо было разбираться в этих тонкостях на лобном месте, так близко черта страдания и проли-той крови, так близко подкачивается угроза, сжимающая сердце и напоминающая о тех страшных годах, все эти последние дни лич-но ко мне.

Очень, очень хорошие переводы Тихонова, Антокольского, Заболоцкого, всех без исключения, едва ли не самые лучшие по цельности и лирическому напряжению – переводы Сережи Спас-ского. Из моих нет ни одного, где бы опечатки не затемнили смыс-ла до полной непонятности. Это вина Старостина, не удосужив-шегося показать мне корректуру, где бы я эти ошибки исправил. Но это не представляет интереса для Вас, я об этом напишу Бебу-тову, чтобы он не повторял их в тбилисском издании².

Самые лучшие вещи – последних лет, составляющие вторую половину книги. Вы правы, предчувствие конца везде присутству-ет. Особенно я это почувствовал в строках «Родной очаг свой лю-бит и отчизну лишь тот, кому грозит утрата их».

Так как многое зависит от качества перевода и даже самые лучшие не передают того, что составляет существо и прелесть ори-гинала (о чем невозможно догадаться), то только как о счастли-вых случайностях, резко вырывающихся из всего остального и производящих впечатление ослепительной свежести, можно го-ворить о «Встрече с Бальмонтом» (перевод Державина), о «Та-параванском сказании» (Заболоцкий) и о «Рождении стиха» (Мартынов).

Везде выступает главная, движущая сила поэта Тициана – чувство преданности жизни, родной истории и природе, которое в соединении с чувством обреченности придает выражению этой темы постоянный элегический оттенок. Очень много доброты, че-ловечности в этом, гораздо больше, чем у меня и Паоло, не говоря уже о Есенине и Маяковском.

Эта черта доброты в сочетании со строчками большой образ-ности (как «Матери ртом и губами младенца», «Как черный снег берлинских улиц», «Где иволог желтая стая видна, но это не ивол-ги, а мандарины») – это главное в книге и ее лучшее, ее душа³.

Дошли слухи, что в Польше стал выходить роман главами (в журнале) с продолжениями⁴. Новая волна бешенства, новые вы-зовы О. В. в ЦК. Не думайте, Нина, догадываться, кто бы это мог быть, я ничего не знаю. Тучи все копятя и будут копиться все боль-ше. Совершенно нельзя сказать, к чему это приведет и чем обер-нется. «Я не болтливая сорока, чтоб тешиться твоим испугом»⁵, авось, Господь этого не допустит, но Нина, если Зина и Леня лишатся моей поддержки, если гроза разразится над домом и Пе-ределкином, а Вы будете здоровы, выпишите их тогда в Грузию переждать испытания, чтобы они были не одни в искусственно созданной враждебной обстановке.

Не доверяйте также моих опасений никому, ни даже самым близким, чтобы эти допущения не повлияли на судьбу сборника в «Заре Востока», где я также, на всякий случай, хочу попросить о переводе некоторых денег.

Я надеюсь, что все это будет не так (дома колебаний этой ат-мосферы, то ухудшающейся, то улучшающейся, не знают). Все это, вместе со мною – игра высших, мне недоступных сил, слишком громадных, слишком широких, чтобы тут можно было бы что-нибудь предвидеть. Год тому назад я никак не мог думать, что все повернется назад так круто.

Крепко Вас целую. Боря

Впервые: «Вопросы литературы», 1966, JNfe 1 (с купюрами). – Авто-граф (ГМГЛ, № 24953).

1 Речь идет о посмертном сб. стихов Тициана Табидзе (М., 1957), в составлении которого Нина Александровна принимала непосредственное участие.

2 Пастернак написал Бебутову 31 авг. 1957: «Дорогой Гарегин Влади-мирович, в избранном Тициана Табидзе Гослитиздатском (М., 1957) в моих переводах есть опечатки, затемняющие текст до бессмыслицы. Случилось это во время моей болезни, мне корректуры не показывали. Во избежание повторения ошибок и в Вашем издании, возьмите сборник и слушайте следя по страницам». Далее перечисляются опечатки: 2 – в стих. «Авто-портрет», 4 – в «Ликованье», 1 – в стих. «Всходит солнце,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
светает», 1 – в «Если ты брат мне, то спой мне – за чашею...», 2 – в «Сельской
ночи», 2 – в «Окроканах», причем по поводу строки 19, напечатанной как: «Жди
Души (?) настоящей», которую Пастернак называет «бессмысленной», – он пишет:
«Наверное, было: Жди поры настоящей... Если это подозри-тельно в цензурном
отношении, то скажем: Жди, чтоб мысли созрели, и выжди, / Но как все... и т.
д.». Бебутов прислал Пастернаку ранний вари-ант этого стих., где строчка
читалась: «Жди души настояний...». Пастер-нак писал в ответ 16 нояб. 1957:
«Когда у Табидзе я прочел перевернутую "жди души настоящей", я не помнил, что
было раньше и мне не по чему было это выяснить, какой удивительный случай
опечатки! Спасибо Вам, Вы неиссякаемый кладезь библиографических сведений!» Из
разных ва-риантов первой строки «Мерани» Пастернак останавливался на первонач.:
«Стрелой несется конь мечты моей». В стих. Яшвили «На смерть Ленина» предлагал
новый вариант ст. 18–19 (РГАЛИ, ф. 3100, оп. 1, ед. хр. 150).

3 Строки из стихов Тициана Табидзе в разных переводах.

4 Имеется в виду публикация отрывков из «Доктора Живаго» в жур-нале «Opinie»
(1957, № 1), одним из редакторов которого был Земовит Федецкий. По договору с
Гослитиздатом «Доктор Живаго» был переведен на польский и должен был быть издан
после выхода его в Москве. По тре-бованию Поликарпова, который высказался о
необходимости принятия мер по этому вопросу, журнал был закрыт, переводчики Анна
Каменская и Северин Поллак вызваны в Москву и с ними были проведены
«необхо-димые беседы» (Пастернак и власть. С. 83, 97).

5 Из стих. «Иду со стороны черкесской...» в переводе Пастернака: «Нет троп от
демона и рока. / Любовь, мне это по заслугам. / Я не болтливая сорока, / Чтоб
тешиться твоим испугом».

1454. Д. А. ПОЛИКАРПОВУ

30 августа 1957, Переделкино

30 авг. 1957

Дорогой Дмитрий Алексеевич!

Договор у меня был только с фельтринелли. Прошлою зимой Паустовский написал мне,
что пражское издательство «Свет Со-ветов» хочет выпустить мои два тома. Я не
списывался с ними, потому что переиздание старого меня не интересовало, а
появле-ние романа у нас стало задерживаться, и я не знал, как поступить.
фельтринелли мог сам договориться с другими зарубежными издательствами и
размножить рукопись по-русски. Ничего я это-го не знаю. Думаю, что посланная
Вами за моей подписью теле-грамма все это приостановит, если только не повредят
этому ка-кими-нибудь дальнейшими неосторожными действиями.
Приблизительно с года победы, с 45-го или даже с 43 года еще при жизни Сталина и
когда он был в такой страшной силе, бед-ный покойный Фадеев не раз предлагал мне
отмежеваться пись-мом от неведомых мне англичан или чехов, что-то обо мне
писав-ших, в чем я всегда ему отказывал, так как мне казалось неесте-ственным и
неправдоподобным лаяться из родного дома, из кото-рого сору не выносят, но и где
меня ни в грош не ставят, в окошко на прохожих, здоровающихся со мною и знающих
меня.

Я уже говорил Вам, что прочесть роман и не усмотреть в его содержании горячей
любви к России и ее судьбам в том широком смысле, без которого не бывает
искусства, невозможно, а это все определяет.

Если когда-нибудь Вам для истинного, а не призрачного бла-га потребовалось бы
мое слово, к которому как ни мало, все же где-нибудь может прислушиваются, надо,
чтобы оно оставалось неопороченным, как до сих пор. Вот почему никакого
«разгне-ванного» письма никому из тех, кого трогают мои работы из ни у нас, ни где
бы то ни было я, по неестественности положения писать неспособен, да и
фальсификация в этом случае была бы прозрач-на и приводила бы к противоположным
результатам.

Вы просите достать Вам копию телеграммы, которую за мою подписью послал в марте
Гослитиздат фельтринелли. Я ее соста-вил для Гослитиздата и мой оригинал либо
есть у них, либо они его помнят¹. Я всегда пишу от руки без копий, не храню
чернови-ков рукописей и не завожу бумажного царства. Пишу без копии и Вам,
единственная копия, которая от него останется, это рубец в сердце от Вашей общей
ласки, а остальное я забуду.

Половины бывавших у меня литераторов из Польши я не по-мню, частью даже не знал
и не узнавал их фамилий. Все они про-ходили через Иностранную комиссию Союза
Советских Писате-лей, где наверное имеются их списки.

Вы все время забываете, что год или полтора тому назад, ког-да все это
происходило, все было по-другому, и усилия направля-лись главным образом к тому,
чтобы произвести впечатление пол-ной свободы и отсутствия слежки и принуждения,
и глупейшим образом я этому верил (не полякам, а усилиям), не предвидя, что это
все опять повернет к старому.

Мне больно, что в отношении меня Вы продолжаете идти по пути, который кажется

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori мне ложным. Мне думается, гораздо больше добра принесло бы, если бы меня поместили в «Правде» и вы-пустили в ускоренные сроки переводы «Фауста» и «Марии Стю-арт», а также собрание моих стихотворений и роман с выпуском неприемлемостей. Легализовать меня было бы, мне кажется, ра-зумнее, чем множить признаки моей незаконности.

В чем-то (не со мной, конечно, что я, малая песчинка) у нас перемудрили. Где тонко, там и рвется. Я рад быть по пого-ворке этой ниткой или одной из этих ниток, но я живой человек и, естественно, мне страшно того, что Вы мне готовите. Тогда Бог Вам судья.

Все в Вашей воле, нет ничего в наших законах, что бы я мог ее неограниченности противопоставить.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, без шифра). Письмо не было отослано и осталось в бумагах О. В. Ивинской. Там же черновые наброски к нему: «1) Внимание к моим работам извне нарастало не только помимо меня, но и помимо моего вedomа. Так бывало всегда. Ни один из больших художников прошлого не пропагандировал себя, не делал своей славы сво-ими руками, но наоборот, стыдился и стеснялся ее. 2) Было наивно ду-мать, что двенадцатилетнее (1945–1957) замалчивание меня сотрет след моего существования. Этими мерами достигнуто обратное. 3) Телеграм-ма, которую в предложенном мне виде я подписал, вызывает мое сожаление не только потому, что я это сделал нехотя и скрепя сердце, но и отто-го, что шум, которого желают избежать, и которого появление романа несколько бы не вызвало, подымется только теперь, в результате запре-тительных мер по отношению к его напечатанию. 4) Я ничего хорошего впереди для себя не вижу. Недоразумения в отношении меня будут мно-житься, отраженные их следствия будут отзываться на мне, может быть, все гибельнее и острее. И совершенно ясно, что мною это каждый раз кон-чатся не будет, а будет влечь за собой нежелательное сочувствие ко мне и к судьбе моих мыслей. 5) Как можно думать, что в век Туполевского реак-тивного самолета, телевизоров, радиолокации и прочего, в мире, связан-ном современными средствами сообщения, взаимным интересом народов друг к другу, именно духом мира и дружбы, о которых столько говорилось на фестивале, чье бы то ни было горячее и сосредоточенное творчество мо-жет быть утаено от мира простою укупоркой при помощи пробки, наподо-бие бутылки. Не только в Польше, но, наверное, во многих странах роман или отрывки из него станут известны без моих личных усилий и напере-кор моему противодействию. Мне кажется есть только один путь к успо-коению: успокоиться самим и оставить в покое меня и эту тему. Но разу-меется этим средством никогда не воспользуются к обоюдной беде и вреду».

1 см. коммент. 2 к письму № 1415.

1455. В. Л. АНДРЕЕВУ

8 сентября 1957, Переделкино

8 сентября 1957

Дорогой Вадим Леонидович, есть надежда, что сегодня к нам приедут Сосинские, я хочу воспользоваться случаем и Вам напи-сать. Когда Вы с О<льгой> В<икторовной> нас посетили, у меня не было на руках ничего своего, ни послевоенного сборника, ко-торого за границей не знают¹, ни ненапечатанных стихов, ни ро-мана в рукописи². И свидание с Вами было таким поспешным, на пороге Вашего отлета. Всем этим и множеством сообщений я на-гружу и обременю милого Владимира Брониславовича³.

Ознакомьтесь, пожалуйста, с последними стихотворениями в зеленых тетрадках⁴, и прочтите, если у Вас будет время, роман. Это чрезвычайно важный документ, это то, для чего я явился на свет, и появление этой вещи в круге русского и человеческого со-знания важнее превратностей моего существования.

Мне хочется написать Вам о Вашей книжке <...>⁵

В<ладимир> Б<рониславович> Вам много расскажет. Никог-да еще направление моей деятельности, разгар моих замыслов и мои силы не находились в такой несовместимости с окружающим, не подвергались таким нападкам, не грозили такими испытаниями и бедами, как сейчас. Надо, чтобы это было известно. Надо, чтобы роман и стихи вышли вне зависимости от моей воли, как это быва-ет с великими вещами, как оно и будет, но надо, если я Вам дорог, чтобы это выходило наперекор мне и с печатной оговоркой в пре-дисловии, рисующей мое истинное положение, и то, что это изда-ется без моего вedomа и участия (да так оно и есть) как документ, существенный в ходе современной русской мысли. Ах, как все это нужно, радостно и страшно. Но я не уверен, что оно доходит до Вас.

Решающие поворотные линии в Вашей судьбе пролегли ис-торически по-другому, и может быть главное во мне ускользает от Вас и Вы считаете, что я ошибаюсь. А может быть я действительно неправ? Будущее покажет.

Впервые. – Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по машин, копии В. Б. Сосинского с его купюрами. Вадим Андреев – писа-тель и мемуарист, сын

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori писателя Леонида Андреева, познакомился с Пас-тернаком в 1922 г. в Берлине, в кафе «Леон», где устраивались вечера чте-ний. Он вспоминал, что, провозжая Пастернака после вечера у Зайцевых, признался, что «полюбил невнятность» его стихов. «Но я хочу, – сказал Пастернак, чтобы мои стихи были понятны зырянам» («История одного путешествия». М., 1974. С. 353).

1 Имеется в виду последнее прижизненное издание Пастернака «Из-бранные стихи и поэмы» (М., 1945).

2 В тот же день Пастернак писал в записке, предназначенной для жур-налиста Д. Г. Резникова, который навещал его в прошлом году: «Я... ниче-го не дал Вадиму Леонидовичу, потому что в вечер нашей встречи с ним у меня не было ни одной своей книжки, ни одного экземпляра романа, а также не готовы были списки последних стихотворений. Один экземпляр зеленых тетрадок дайте также и ему. Я сейчас напишу ему, у меня нет под руками его книжки, которую я в недочитанном виде отдал в городе своему редактору» (машин, копия В. Сосинского). Зеленые тетрадки с перепе-чатками стихов были переданы Сосинскому.

3 Вместе с письмом Андрееву Сосинский получил машин. «Доктора Живаго», тетрадки со стихами и записку с поручениями для Д. Г. Резникова, который в нояб. 1955 г. передавал Пастернаку поклон от А. М. Ремизова и предлагал свою помощь для перевода и публикации его прозы: «1. Даниилу Георгиевичу с большим запозданием однажды ответил на его письмо и по-слал заказным пакетом большое автобиографическое вступление к предпо-лагавшемуся тогда изданию моих избранных стихотворений. По-видимому то и другое затерялось, потому что извещения о получении письма и рукопи-си я не получал. Автобиографическую статью я послал в качестве материала Наталии Викторовне для задуманного ею помещения чего-нибудь моего в NRF. Экземпляр этой статьи есть у M-me Jacqueline de Proyart, 21 Rue Fresnel, Paris 16-e. Бели она не думает ею воспользоваться для Maurice Nadeau в Lettres Nouvelles или для каких-нибудь Gallimard'овских предположений, пусть она будет так любезна и уступит рукопись на поддержку Вере Викторовне или Наталье Викторовне для перевода на французский, если оригинал им понра-вится <...> 2. Возможно ли изготовить несколько ремингтонных списков с "Доктора Живаго"? Едва ли это осуществимо. Если бы это было приведено в исполнение, то потребовало бы точнейшей и тщательнейшей сверки с ори-гиналом (кстати сказать, тоже, за недосугом, оставшимся непроверенным и, наверное, содержащим бросающиеся в глаза и потому легко исправимые опе-чатки). Один из новоизготовленных экземпляров я просил бы направить фед. Авг. Степуну, другой (может быть, но необязательно) Ал. Мих. Ремизову, хотя я вспомнил, что ему трудно читать и надо это предположение оставить, щадя его зрение. В отношении русского издания «Д. Живаго» надо посоветоваться с M-me de Pг., а также иметь в виду права издательского первенства, закреп-ленного за издателем Giangiacomo Feltrinelli, 15 Via Fatebenefratelli, Milano. 3. Размножьте и распространяйте тетрадки 1-ю и П-ю (Стихи из романа в прозе и книги "Когда разгуляется"). Если Вы размножите вторую (Когда разгуля-ется), пошлите один экземпляр Helene Peltier, 6 Allée de Demoiselles, Toulouse» (машин, копия В. Сосинского). Андреев, Сосинский и Резников были жена-ты на сестрах Черновых: Ольге, Ариадне и Наталии. Н. В. Резникова работа-ла в изд. Галлимара (NRF). Упоминание в записке Веры Викторовны, по-ви-димому, – ошибка Пастернака.

4 Зеленые тетрадки с последними стихами Пастернака печатала М. К. Баранович. См. записку этого времени: «Дорогая Марина Казими-ровна, я с трудом, с целью проверки одолел зеленую стихотворную тет-радку, до того это мертво, несуществующе и скучно, кроме, разве, началь-ной половины Вакханалии. Извините, что и Вас протомлю перепечаткой этой, в большинстве наизусть Вам памятной тетради. Но это нужно не из-за достоинств текста или его заслуг, а формально, из деловых соображе-ний, потому что материал этой части требуется, точно так же как и авто-биография, которая, все же живет стихов и не так убийственна. Автобио-графии сделайте, пожалуйста, три или четыре экземпляра, в границах по-лучающейся четкости (у Т<атьяны> И<вановны> третий экземпляр уже совсем неразборчив, а четвертый и подавно, Вы пробиваете неслыханно хорошо), – стихотворений, если у Вас хватит терпения, сделайте две зак-ладки. Если у Вас нет бумаги, позвоните об этом О<льге> В<севолодов-не> – она достанет. С тех пор как мы виделись, я получил кое-какие пись-ма. Спешность и потребность в этих вещах изменились. Они могут скоро понадобиться. Но не создавайте из этого никоим образом горячки для себя. Крепко Вас целую. Извините за надоедливое однообразие всего этого же-ваного и пережеваного столько раз. Ваш Б. П. Не следуйте и не удивляй-тесь неправильностям переноса в "Автобиографии"» (Переписка Б. Пас-тернака с М. Баранович. С. 55). Т. И. Богданова – машинистка.

5 Купюра в машин, копии В. Сосинского. Видимо, имеется в виду книга В. Андреева «Детство» – воспоминания об отце, писателе Леониде Андрееве. 1456. А. А. и Б. С. РОМАШОВЫМ

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
20 сентября 1957, Переделкино

20 сент. 1957

Дорогие Александра Александровна и Борис Сергеевич, наших хозяек, мою и Всеволодову, Тамару Владимировну, произведших полную очистку обоих участков от шелкопрядовых отложений, бес-покоит состояние ближайших смежных наделов, просмотренных неполно и несовершенно, Вашего, Афиногеновского и других. Из-вините, что по их просьбе докучаю Вам этим, но на собственном опыте убедился, что это очень несложная и в течение одного дня, не более того, легко выполняемая работа. Если хотите и откликни-тесь, они охотно Вас этому научат, а то, с Вашего разрешения и сами Вам это сделают или Вам помогут. Зины завтра и в воскресенье не будет на даче, но с понедельника она вернется из Москвы и готова быть к Вашим услугам. Рад случаю передать Вам самый, самый сер-дечный привет.

Ваш Б. И

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2246, оп. 1, ед. хр. 463).

1457. Ю. Г. ВИЛЯВИНУ

24 сентября 1957, Переделкино

24 сент. 1957

Милый Юра, Вы меня измучили. Каждый день я получаю от Вас письма и Вы ждете на них немедленного ответа.

Я долго и мучительно болел, больше 4-х месяцев. У меня ско-пилось множество дел и срочно свалившихся тревог и неприят-ностей, требующих скорого разрешения. Оставьте Вы все это, пожалуйста. Так вопросов не ставят. Вы так еще молоды, Вы еще мальчик. Ваша сущность пройдет еще через столько превращений, Вы будете таким еще разным, Вы при-мете еще столько форм. Как можно на основании первого ковы-ляния учащегося ходить ребенка выносить суждение о том, будет ли он и каким он будет бегуном или лыжником.

Дело совсем в другом. Если стихи даются Вам с трудом, если им не предшествует острота особенного, ни с чем не сравнимого ощущения и желания закрепить его и развить в выражении, если это вымучено, если этот труд печалит, томит или унижает Вас, тогда бросьте это, как ненужную обузу, и, может быть, временно, не на-всегда. Может быть то, что звало Вас к стихотворчеству вернется к Вам когда-нибудь в виде какого-нибудь другого более широко-го и углубившегося творческого начала, в жизни или в работе.

Если же писание стихов не доставляет Вам разочарования и боли и не приводит Вас в отчаяние, если Вам хочется их писать, то отчего Вам не писать их? О том, доказывают ли первые опыты что-нибудь и обещают ли эти признаки что-нибудь в будущем, обык-новенно только спрашивают молодые дураки старых дураков. Я от-казываюсь от таких предсказаний.

В том что Вы мне посылали, я не находил ничего мертвенно-го и ложного, но милую детскую печаль и надутость, милую дет-скую восторженность, подобающую Вашему возрасту. Все это еще страшно зелено и рано о назначении этих попыток думать.

Ваш Б. И

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, без шифра). Письмо не было отослано и осталось в бумагах О. В. Ивинской.

1458. С. ЧИКОВАНИ

6 октября 1957, Переделкино

6 октября 1957

Дорогой Симон, во время последней болезни я был в долгом разъединении с моим обычным образом жизни, ее деятельная не-прерывность временно прекратилась, ничто не трогало, ничто не запоминалось. Наверное, именно в те дни Зина или Нина доста-вили мне в больницу или в санаторий русский перевод (очень хо-роший, высоколитературного качества) Вашей статьи о Тициане Табидзе¹. Я ее куда-то засунул и забыл куда.

Я случайно ее обнаружил сегодня вечером, когда безуспеш-но разыскивал другую пропавшую, исчезнувшие копии переписан-ной на машинке перед самой болезнью «Марии Стюарт». Я нат-кнулся на сложенные страницы Вашей статьи и впервые сейчас ее прочел.

Это очень хорошая статья, несколько встающих перед глаза-ми, живо рассказанных воспоминаний, несколько размышлений, важных, серьезных, увлеченно изложенных, имеющих более об-щее значение, веское, авторитетное свидетельство, к которому впоследствии все будут обращаться, вся часть вокруг прогулки по ул. Чавчавадзе, вся часть вокруг понятия «гадавардна»².

Мне предстоит очень серьезная зима, полная, вероятно, ис-пытаний и ударов. Я сам описал в романе умственное раздвоение людей, обвинения которых в повседневных, привычных из статей и кинофильмов, высоко и красиво звучащих выражениях, кажу-щихся такими очевидными и бесспорными, доводили их до ис-кренной сдачи и самообвинения. Наверное призраки этих состо-яний суждены и мне, но это в ходе фактов ничего не изменит, я не чудотворец, я жизни идей, интересов и

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori представлений в мире ос-тановить не в состоянии, а «Докт<ор> Жив<аго>» слишком зна-чащее, слишком естественное и своевременное звено в их цепи. Судьба произведения должна отделяться от судьбы писателя, она должна быть самостоятельной и иной, чем его судьба. Это ес-тественно в отношении больших людей и большой литературы, это понимают дети, в счастливые для искусства эпохи и этого не понимает никто в наше время, так постаравшееся над уничтоже-нием художника в человеке, так поработавшее над уничтожением личности и ее понимания в нас. Для того, что мне предстоит, нет в обращении подходящих категорий: мое имя и мое дело будут раз-виваться в закономерности, незаслуженной и даже отдаленно не снившейся мне, но моя личная участь будет предметом слепой случайности, допускающей что угодно от благополучного исхода до несчастной катастрофы.

Я еще хотел сказать несколько слов о Вашей статье. Очень правильны Ваши замечания о несущественности различий между не облеченной уподоблениями прямой и прозрачной речью в по-эзии и теми случаями, когда она пользуется метафорами, очень хороши примеры из Пушкина и Бараташвили. Ошибочно дума-ют, что это элементы письменности или творчества, они занесе-ны в литературу из разговорной речи, которая еще больше, чем язык художественного отбора, состоит одинаково из слов, сказан-ных в прямом и переносном смысле, и где, мне кажется, яснее, что прямая формулировка и метафора – не противоположности, а разновременные стадии мысли, ранней, мгновенно родившейся и еще не проясненной в метафоре и отлежавшейся, определившей свой смысл и только совершенствующей свое выражение в немета-форическом утверждении. И как в природе рядом уживаются ран-ние и поздние сорта разных сроков, было бы бессмысленным аске-тизмом ограничивать течение душевной жизни одними явления-ми только начального или только конечного порядка. Наконец, об интонации. Это слово когда-то часто применя-лось ко мне в речах и статьях, и всегда вызывало во мне неизмен-ное недовольство и недоумение. Это понятие слишком побочное и бедное, чтобы заключить в себе что-то принципиальное и мно-гоохватывающее, на чем можно было бы построить теорию, даже отрицательную и боевую, даже в молодые дни общественного рас-пада и уличных потасовок. Наверное, Тициан пользовался этим наименованием непра-вильно и в большей степени, чем другие, подразумевал под ним нечто совершенно иное. Может быть он имел в виду то, что имело власть технического обета надо мной периода «Сестры моей – жизни», и если это было так, то был ближе к правде.

В 17-м и 18 году мне хотелось приблизить свои свидетельства насколько возможно к экспромту, и дело не в том, что стихи «Се-стры моей жизни» и «Тем и вариаций» я старался писать в один присест или перемаривать как можно меньше, но в основаниях более положительного порядка.

Если прежде и впоследствии меня останавливало и стихотво-рением становилось то, что казалось ярким, или глубоким, или горячим, или сильным, то в названные годы (17 и 18) я записал только то, что речевым складом, оборотом фразы как бы целиком вырывалось само собой, произвольное и неделимое, неожидан-но-непререкаемое.

Принципом отбора (и ведь очень скупого) была не обработка и совершенствование набросков, но именно сила, с которой не-которое из этого сразу выпаливалось и с разбега ложилось имен-но в свежести и естественности, случайности и счастье. Извините, что я Вас так томлю разбором Ваших же мыслей. Вот главная, трагическая похвала Вам, которая все время горько напрашивается, которую я все время сдерживал и все-таки выскажу. Статья – знак и мерило Вас самих, Вашей затерянности среди такого множества слившихся имен и лиц, давно и далеко где-то остановившихся и неотличимых. Для кого бьющаяся жил-ка Ваших розысков, Ваша точность, Ваше изящество, высота и сжатость Ваших одиноких знаний?

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Вопросы литературы», 1966, № 1 (с купюрами). – Авто-граф (ГМГЛ, № 147, 24).

1 Статья С. Чиковани о Т. Табидзе была написана в качестве предис-ловия к кн.: Тициан Табидзе. Стихотворения. Тбилиси, «Заря Востока», 1957.

2 «Тициану Табидзе, – писал Чиковани, – ...была присуща какая-то особая тревожная интонация, которую поэт сам называл "гадавार्дна", что означает: "бросаться очертя голову", "окунуться"» (там же. С. 15).

1459. С. д'АНДЖЕЛО

22 октября 1957, Переделкино

22 окт. 1957

Дорогой мой Sergio! Бесконечно благодарен Вам за Ваши за-боты. Мне страшно больно и стыдно, что Вы на нас тратите так много времени и сил. Один югославский писатель из Загреба, осе-нью бывший в Париже, во французской открытке оттуда сообщил мне: J'ai lu dans «Esprit» un recit de vous...*1 Речь, таким образом о

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
какой-то прозе и, по-видимому, в каком-то из номеров конца лета или осеннем.
Едва ли этот писатель мог так спутать факты, чтобы о стихотворениях, помещенных
в марте, сказать recite, и что он их недавно читал. Я не могу письменно
справиться об этом, мое пись-мо пропадет, не дойдет и ответ на него. Если бы Вы
могли навести справки и, если бы подтвердилось, что кроме мартовского
мате-риала, действительно напечатано что-то, если бы Вам удалось до-стать этот
номер! В этом случае меня ждет либо огорчение, либо радость. Огорчение – если
переведено что-нибудь из моей ста-рой прозы, мало содержательной, манерной и
тексты которой лег-че достать за границей, чем мои новые работы; и радость, если
вдруг, на мое счастье, это отрывки той автобиографии, которую Вы знаете и
переводили сами².

* Я прочел в «Эспри» Вашу повесть... (фр.). 267

В отношении F<eltrinelli> у меня к Вам две просьбы! 1) что-бы на эту
возмутительную, основанную на неслыханном издева-тельстве надо мной переписку
(принуждают угрозами смерти и ареста и заставляют изображать мое «недовольство»
Е в качестве личного дела свободного человека, в которое власти как бы не
вме-шиваются и о котором якобы не знают)³, чтобы на эту переписку Е совершенно
не отвечал ни слова и ее абсолютно игнорировал. Мож-но ли участвовать в такой
подлой двойственности и насмешке над душой, совестью, жизнью человека, всем,
всем самым святым! Я сам все усилия употребляю, чтобы этот дешевый и
отвратитель-ный спорт по мере возможности, прекратился.

2) Чтобы F. позаботился, как бы эта фиктивная игра якобы «моей волей» никого не
запутала, чтобы нигде на нее не обращали внимания и чтобы везде книги вышли как
можно скорее⁴.

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, без шифра). Письмо не было отправлено
адресату и осталось в бумагах О. В. Ивинской.

1 Имеется в виду сербский славист Миловой Джованович, который прочел «Повесть»
(1929) Пастернака, опубликованную во французском переводе Б. Горелого в
«Esprit», 1957, № 19–23.

2 Очерк «Люди и положения» был переведен С. Д'Анджел о и издан у фельтринелли в
конце 1958 г.

3 «1). Самое важное все-таки, – писал Пастернак в сохранившемся наброске, –
чтобы эти фиктивные, позорные и не мною писанные пись-ма не ввели в заблуждение
не только фельтринелли, но и Галлимара и Кол-линза. Надо, чтобы об этом
позаботились. Остальное, в конце концов, ме-лочи, которыми можно было бы
пренебрегнуть. 2). Но вообще говоря, ф., чтобы отвечать мне, мог бы написать в
Гослитиздат или даже в ЦК. "Я давно ответил Пастернаку, и если он не получил
письма, то может быть его пере-писка конфискуется и письма к нему не доходят.
Вообще, разберитесь в своих собственных порядках". Пусть лучше на этот раз
действительно не отвечает мне, не отвечает никогда. Так мне будет легче» (РГАЛИ,
ф. 379, без шифра).

4 В архиве Галлимара сохранилась телеграмма за подписью Пастер-нака, в которой
требовалось возвращение переданных из Милана «без ве-дома и согласия» автора
«фотокопий рукописи предварительного вариан-та неоконченного романа "Доктор
Живаго"». Аналогичный текст от лица автора о нежелании издавать «нуждающийся в
серьезном совершенство-вании предварительный вариант будущего произведения» был
послан из-дательству Коллинза в Англию. Имеются еще другие, более
распростра-ненные варианты обращений к обоим издателям, на одном из которых
красным карандашом Пастернак написал: «Текст письма составлен в ЦК, угрожали
жизнью» (там же). Рукою Пастернака сделан перевод письма 6 нояб. 1957 издателя
У. Коллинза, который подтверждал получение теле-граммы, и сообщал, что не может
остановить издание романа, выпустить который они обязаны по условиям контракта и
который окупится только продажей книг. «Мне едва ли нужно добавлять, – писал
Коллинз, – что как литературное произведение "Доктор Живаго", по-нашему, едва ли
нуждается в отделке, и наша величайшая задача будет состоять в том, что-бы
воспроизвести его по-английски в достойном переводе» (там же).

1460. С. ЧИКОВАНИ

25 октября 1957, Переделкино

25 окт. 1957

Дорогой Симон, у меня такое чувство, будто Вы приедете на праздники в Москву, и
я Вас скоро увижу.

Я не уверен, написали ли Вы Ваши строки ко мне (где назва-на Вакханалия и пр.)
после получения моего письма о Вашем пре-дисловии к книге Тициана.

Вероятно тогда Вы письма моего еще не получили. Для меня было новостью, что
статья пошла предисловием к русскому тиф-лисскому изданию¹. Насколько внешним
видом, это издание луч-ше московского! Я нине об этом телеграфировал. Она
подарила по экземпляру всем у нас: отдельно Зине, Лёне, Стасику. Было решено,
что все они ей отдельно напишут. Но в тот же день Ста-сик срочно вылетел в свое

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori концертное турне по Уралу, а Леня заболел гриппом с 40-градусной температурой (теперь ему легче, он выздоравливает).

Симон, я телеграфировал Златкину, чтобы из «Зари Востока» перевели мне еще, сверх полученных 6 тысяч, некоторое количество денег за готовящуюся книгу. Я не нуждаюсь, но я не знаю, что со мною захотят выкинуть по прошествии некоторого времени, к концу года. Надо воспользоваться этим перерывом и что-нибудь перехватить, даже если бы Златкину пришлось для этого нарушить какой-нибудь закон.

Ко всему можно привыкнуть, и любая дикость может показаться обычной, в этом отношении можно зайти очень далеко. Забыто, что настоящий художник, носитель имени действительно должен чем-то вычлаться, должен быть большим человеком. Вообще-то и с людьми нельзя так обращаться, как у нас, но глупо думать, что можно чего-то достигнуть, обращаясь с человеком, уверенным в своей правоте и внутренней силе, как с мальчишкой.

Разумеется я могу лавировать до поры до времени пустяками, чтобы выиграть в сроке, но в решительную минуту, когда я буду знать, что все достигнуто, я взорвусь и пойду на любую крайность.

Всегда прикрываются величием времени, якобы поглощающим отдельные личности. Но ведь это вранье и вздор. Как будто события произошли только затем, чтобы ими прикрывались ничтожества и невежды.

Обнимаю Вас. Ваш Б. Я.

Впервые: Материалы ГМГЛ (с купюрами). – Автограф (ГМГЛ, № 147,25).

1 Тициан Табидзе. Стихотворения. Тбилиси, «Заря Востока», 1957.

1461. Д. Е. МАКСИМОВУ

25 октября 1957, Москва

25 окт. 1957

Дорогой Дмитрий Евгеньевич, сердечное Вам спасибо! Не обижайтесь на меня. Я долго болел. Потом начались у меня неприятности, которые будут продолжаться, развиваться, осложняться.

Я Вас хочу поздравить с большим успехом и высказать Вам удивление и благодарность по поводу Вашего Лермонтова, по поводу первых страниц статьи Вашей, где так метко и с такою силой, не в бровь, а в глаз, в самый нерв, Вы определяете существо магнетической лермонтовской притягательности (как у Баратынского –

И поэтического мира Огромный очерк я узрел и т. д.)²,

особенность, особое качество этой оригинальности, силу и жар ее.

Когда в 1917 году я наобум, недолго думая, написал на титуле Сестры моей жизни не «Памяти Лермонтова» или что-нибудь подобное, но «Посвящается Лермонтову», точно он был еще тогда не то что в живых, но в рядах случайных прохожих, еще неведомых или еще недостаточно увековеченных абстрактностью признания, точно его тем летом где-нибудь еще можно было встретить, я не только имел в виду выразить это чувство чего-то совсем недавнего, непросохших следов ночного дождя или затихающих, неотзвучавших отголосков только что прокатившегося звука, — я долго, всю жизнь льстил себя надеждой раскрыть в статье, в прозе это таинственное могущество Лермонтовской сущности, эту драму свежести, что ли, и ее секрет и загадку. Я мечтал это сделать так, как по случайности, без наперед составленного умысла, мне эхо удалось в отношении себя, то есть всех моих поэтических книг и их духа, в романе «Доктор Живаго».

Разумеется, это была ложная иллюзия, никогда бы я не привел своего намерения в исполнение, не было у меня для того ни знаний, ни требующихся теоретических средств. Как же я должен был поразиться и содрогнуться, заставши Вас за таким внутренне изученным и заветно-знакомым движением души, но, в Вашем случае, таким удавшимся, таким сверкающим и до конца завершенным! Обнимаю Вас и завидую Вам. Благодарю Вас за все, что Вы мне посылали. Не пишите мне, я не буду иметь возможности Вам ответить (так я занят), и это будет больно мне.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Тезисы I Всесоюзной конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975. – Автограф (РНБ, ф. 1136, № 33).

1 Максимов прислал Пастернаку томик М. Ю. Лермонтова в изд. «Биб-ки поэта» (Малая серия). М.–Л., 1957, со своим предисловием.

2 Из стих. Е. А. Баратынского «В дни безграничных увлечений...» (1831).

1462. А. И. ЦВЕТАЕВОЙ

26 октября 1957, Переделкино

26 октября 1957

Дорогая Ася, меня очень огорчают Ваши последние письма! Как это все страшно и как объяснимо, как в порядке вещей! Я чувствую, мой долг помочь Вам, как иногда, очень редко бывало раньше, и как только минуют копящиеся и ожидающие меня грозы, и положение мое опять определится и станет относительно устойчивым,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
я это сделаю.

Меня слишком полюбили где-то в далеком мире, и роман проник туда и стал известен, в особенности вторая, неизвестная Вам книга, и это на мне отзывается, сурово, неприятно и никогда не предвидимо. Кроме того ведь, наметившийся в течение истекшего года поворот становится все круче, набор готовившейся бо-лее года книги моей рассыпан, эта же судьба постигла или имеет постигнуть и Цветаеву, и Ахматову¹.

Но я здоров и полон сил, на что я не имел права даже наде-яться в течение моих четырех месяцев в больнице и потом в «Уз-ком», где Вы, кажется, когда-то были. У меня были мучительные, лишавшие меня сознания и вызывающие внутренние спазмы, боли в правой ноге, бедре и колене, загадочные, складывавшиеся из нескольких явлений радикулита, воспаления седалищного нерва и, главным образом, мениска, – блуждающего осколка надорван-ной связки или хряща в правой коленной чашечке. Нога постоянно, непрерывно болит у меня еще до сих пор и никогда, по-видимому не пройдет совершенно (колени надо опе-рировать и извлечь из него осколок), но это далеко не то, что было раньше, с этим можно существовать, жить, двигаться, работать. Я очень занят и оттого так долго не отвечал Вам и наверное буду грешить этим и в дальнейшем. Я так же не отвечал давно Але, пи-савшей мне. Она в Тарусе, строится, – Вы наверное об этом знае-те. Крепко обнимаю Вас, спасибо Вам за Вашу память и заботы.

Ваш Б. И

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 379).

¹ Небольшой сб. Анны Ахматовой «Стихотворения» вышел в 1958 г.; «Избранное» Марины Цветаевой действительно было задержано и появи-лось только в 1961 г.

1463. Е. А. СОФРОНИЦКОЙ

27 октября 1957, Переделкино

Дорогая Елена Александровна, сердечно благодарю Вас, что Вы позволили мне участвовать в помощи, которую Вы так благо-родно оказываете бедной, милой и чудесной М<аргарите> К<и-рилловне> (продли Господь ее дни)¹. Для меня все это было со-вершенной новостью, едва поддающейся вероятию.

Спасибо за Ваши ласковые слова, за Ваши милые строки. Вы знаете, какую бы радость Вы нам доставили, если бы, сговорив-шись ради удобства сообщения с Гариком, Милицей Сергеевной, или с кем-нибудь другим, Вы к нам приехали днем в какое-ни-будь из воскресений!

Желаю Вам состояния души самого беззаботного, светлого и смеющегося, и, конечно, здоровья, без которого этого не бывает.

Полный искреннего восхищения и преданности Вам.

Б. Пастернак

27 окт. 1957

Впервые. – Автограф (Музей им. А. Н. Скрябина). Елена Александровна Софроницкая – пианистка, дочь композито-ра А. Н. Скрябина, жена пианиста В. В. Софроницкого. Пастернак был

знаком с ней с 1903 г., когда ей было три года; в течение жизни они под-держивали теплые дружеские отношения; Б. А. Софроницкая приезжала к Пастернаку в октябре 1958 г. в дни жестокой травли после присуждения Нобелевской премии.

¹ Маргарита Кирилловна Морозова – вдова промышленника и ме-цената М. А. Морозова, директор Музыкального общества и учредитель-ница

Религиозно-философского общества; она объединяла вокруг себя широкий круг московской интеллигенции, в частности была близким дру-гом и покровительницей А. Н. Скрябина. Последние годы тяжело болела и бедствовала, скончалась в 1958 г.

1464. Н. В. УГРИМОВОЙ

27 октября 1957, Переделкино

27 окт. 1957

Дорогая Надежда Владимировна, извините меня и не истол-ковывайте превратно моего долгого молчания.

Я больше четырех месяцев тяжело болел и долго лежал в боль-нице. У меня сильно, до потери сознания болела правая нога в коленной чашечке, это явление мениска, если Вы знаете, что это такое, а если не знаете, то и не надо, и не стоит объяснять.

Я очень ценю Вашу память и внимание, для меня большою честью было получить письмо от Вас.

Против прошлого лета, когда Вы с Александром Ивановичем у нас были (просто не верится, что это было только год, а не де-сять лет назад), все изменилось очень к худшему. Ни о каких кни-гах моих больше речи нет. Кроме того, слишком большое распрос-транение (по некоторым признакам) получило то, о чем не позво-ляет говорить многое, в том числе и скромность, – какая-то мне неведомая и представляющаяся мне необъяснимой, судьба моя в том далеком и недостижимом мире,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori где Вы жили так недавно. Отсюда у меня крупные неприятности, которые будут увеличиваться в течение зимы, и не знаю, к чему приведут и чем кончатся. Но я здоров. Мы живем и будем зимовать по-прежнему на даче. Иногда по воскресеньям у нас бывают гости. Если Вы с Александром Ивановичем как-нибудь окажетесь в Москве и вспомните, вместе с Верочкой, Шушу, Ниной¹ или кем-нибудь из Ваших об этом «дне», – Вы знаете сами и не нуждаетесь на этот счет в моих заверениях, – Вы доставите нам своим посещением большую радость. От души желаю Вам и Александру Ивановичу здоровья, бодрости и счастья.

Ваш Боря

Впервые: Борис Пастернак. Доктор Живаго. Избранные письма. – Автограф (собр. Н. И. Сарабьяновой).

1 В. А. Решикова, А. А. Угримов, дети А. И. и Н. В. Угримовых и их внучка Нина Георгиевна Бруни.

1465. Л. Л. СЛЕЙТЕР

1 ноября 1957, Переделкино

1 нояб. 1957

Моя дорогая, началась пропажа моих писем, причем самых важных. Это письмо придет к тебе непрямыми, иностранными путями. Вот почему я пишу по-английски.

Я надеюсь, что приближается исполнение моей тайной мечты – публикации романа за границей; сначала, к сожалению, в переводах, но когда-нибудь и в оригинале.

На меня здесь было недавно угрозами и запугиванием оказано давление с тем, чтобы остановить появление романа в Европе. Меня вынудили подписать нелепые и ложные телеграммы и письма к издателям. Я их подписал в надежде, – которая не обманула меня, – что эти люди, видя насквозь прозрачную и столь неслыханно-низкую подделку, оставят без внимания лицемерные требования, – к счастью, они именно так и поступили. Мой успех будет либо трагедией, либо полным и ничем не омраченным. В обоих случаях это радость и победа, и одному мне бы никогда этого не добиться.

Здесь надо сказать о том участии и той роли, которую последние десять лет играет в моей жизни Ольга Всеволодовна Ивинская, Лара моего романа, перенесшая четыре года заключения (с 1949 года) только за то, что была моим самым близким другом. Она делает для меня невообразимо много, избавляет от докучливой торговли с властями, все удары в этих столкновениях принимая на себя. Это единственная душа, с кем я обсуждаю, что такое бремя века, что надо сделать, подумать и написать. Ее перевод из Рабиндраната Тагора ошибочно был приписан мне: это единственный случай, когда я не стал возражать против ошибки¹. Зина – кроткая, запуганная, постоянно зывающая к сочувствию, по-детски тираническая и всегда готовая плакать, создательница и хозяйка дома и сада, четырех времен года, наших воскресных приемов, семейной жизни и домашнего уклада – это не та женщина, которая способна страдать за другого или жертвовать собой, чтобы уберечь и перетерпеть.

Так идет жизнь, омрачаемая опасностью, жалостью и притворством, – неистощимая, непроницаемая и прекрасная.

Ты достаточно понятлива, что догадаешься, чего касаться и чего нет в своем русском ответе по почте.

Со всей нежностью обнимаю тебя. Твой 2>.

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф по-англ. (Pasternak Trust, Oxford).

¹ Имеется в виду перевод стих. «Единый голос» в собр. соч. Тагора (1957), включенный в т. 7 как перевод Пастернака.

1466. Дж. ФЕЛЬТРИНЕЛЛИ

2 ноября 1957, Переделкино

2 ноября 1957, Москва

Мне недостает слов, чтобы высказать Вам свою благодарность. Будущее вознаградит нас с Вами за перенесенные унижения. Как я счастлив, что ни Вы, ни Галлимар, ни Коллинз не дали себя обмануть этими идиотскими и грубыми требованиями с моими подписями (!), ложными и почти поддельными, поскольку были вырваны у меня насильно. Можно ли зайти так далеко в бесстыдной наглости, чтобы возмущаться Вашим «давлением» на мою «авторскую свободу», и не замечать того, что применяют ко мне именно то самое давление! И этот вандализм под прикрытием заботы обо мне, во имя святых прав художника! Но вскоре появятся Живаго итальянские, французские, английские и немецкие – и в один прекрасный день, может быть, географически удаленные, Живаго русские!! И всего этого столько, что будь что будет, и была не была!

Не беспокойтесь по моему поводу о деньгах! Отложим денежные вопросы (не существующие для меня) на то время, когда установится более мягкий и человечный порядок, когда в XX веке можно будет снова переписываться друг с другом и путешествовать. Я Вам безгранично доверяю и уверен, что Вы сохраните то, что

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori мне предназначаете.

Только на тот случай, если меня, к несчастью, полностью лишат заработка и отрежут все средства к существованию (это в исключительном случае и ничего нельзя предвидеть) – тогда ладно, я найду способ известить Вас и воспользоваться Вашим предложением через Серджио, который в соответствии со своим именем настоящий ангел и тратит все свое время и всего себя на это скучное дело. Примите мои лучшие пожелания.

Весь Ваш Б. Пастернак Впервые: «Континент», 2001, № 107. – Автограф по-фр. (РГАНИ).

1467. Ж. де ПРУАЙЯР

3 ноября 1957, Москва

Дорогая Жаклин, я не верю своим глазам, когда пишу буквы Вашего имени. Как все это далеко: Ваше пребывание в России, мое знакомство с Вами, Ваш отъезд, моя долгая болезнь, больницы, выздоровление. Целая вечность отделяет прошлую зиму от этого воскресного дня, когда я начинаю свое письмо к Вам. Догадываетесь ли Вы, сколько раз мысленно я был с Вами, с вами со всеми. Два месяца назад я написал Элен и выразил Мишелю Окутюрье свое горячее восхищение его прекрасной статьей и несравненными переводами, я и Вам хотел написать и, если не ошибаюсь, должен был это сделать. Неужели все это ни до кого не дошло и все письма пропали?1

Я представляю себе, как утомил Вас своим доктором! Не проклинаете ли Вы меня? Но, говорят, этот тяжелый, окутанный дымом поезд с Божьей помощью уже достиг места назначения. Как я счастлив, что ни Г<аллимар>, ни К<оллинз> не дали себя одурачить фальшивыми телеграммами, которые меня заставляли подписывать, угрожая арестовать, поставить вне закона и лишить средств к существованию, и которые я подписывал только потому, что был уверен (и уверенность меня не обманула), что ни одна душа в мире не поверит этим фальшивым текстам, составленным не мною, а государственными чиновниками и мне навязанными. И под прикрытием какого нравственного благородства! Мне внушали, чтобы я в этих подлых телеграммах попросил издателей вернуть мне рукопись романа только для стилистической доработки и больше ничего! Видели ли Вы когда-нибудь такую трогательную заботу о совершенстве произведения и авторских правах? И с какой идиотской подлостью все это делалось? Под гнусным нажимом меня вынуждали протестовать... против насилия и незаконности того, что меня ценят, признают, переводят и печатают на западе. С каким нетерпением я жду появления книги!

Югославский писатель, будучи в Париже, написал мне: «Журнал Esprit напечатал ваш рассказ, знаете ли вы об этом? Я прочел его...» О чем идет речь? Не может же он так ошибиться, чтобы принять стихотворные переводы Окутюрье, напечатанные в марте, за прозу и говорить об этом, как о чем-то совсем недавно случившемся. Или действительно речь о прозе? И о какой именно?2

Посылаю Вам маленькую тетрадку своих последних стихотворений, которые мне переписали и большая часть которых Вам известна. Пожалуйста, покажите их Мишелю и Элен. Их надо когда-нибудь напечатать по-русски вместе с автобиографией (сохранилась ли она у Вас?). Тогда внесите в нее исправление. Подклейте, пожалуйста, к странице 70, если я не ошибаюсь, вместо старого заключения, которое там напечатано, новое3, которое я прилагаю. Напрасно надеяться, что что-нибудь, написанное мною, издадут у нас. Отношение ко мне все ухудшается. Примите мои лучшие пожелания и чувство искренней привязанности к Вам, Вашему мужу и всему Вашему семейству.

Б. Пастернак

Впервые: «Новый мир», 1992, JSfe 1. – Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956–1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 См. письма № 1446, 1447.

2 О письме Миловоя Джовановича по поводу публикации «Повести» (1929) в «Esprit» см. письмо № 1459. Через некоторое время Джованович просил Пастернака прислать ему текст «Повести» для перевода ее на сербскохорватский язык. «Дорогой товарищ Миловой Иованович, – отвечал Пастернак 19 нояб. 1959, – высылаю Вам единственный, случайно у меня оказавшийся экземпляр "Повести". Вы наверное знаете, что в моих глазах прежние мои писания, в том числе и "Повесть" настолько же незначительны, запутаны и позорны, насколько глубок, на мой взгляд, роман "Доктор Живаго". Но нельзя ведь жить одним этим романом, это было бы слишком мало. И мне непоправимо горько, что столько лучших моих лет и даже десятков лет ушло на переводы. Слухи об издании "Доктора Живаго" лишены оснований. Я ничего об этом не знаю. Всего Вам лучшего. Ваш Б. Пастернак» (фотокопия).

3 Новое заключение к очерку «Люди и положения» было написано для несостоявшейся публикации в «Новом мире».

1468. Л. Л. СЛЕЙТЕР

20 ноября 1957у Переделкино

20 нояб. 1957 Моя дорогая,

я снова мучаю тебя своим ужасным английским языком, в некотором смысле ради упражнения в тщетной надежде, что внешне управляющая сила, пошлет меня, минуя все препятствия, когда-нибудь за границу.

Письмо это вызвано желанием послать вам машинку (по правде говоря, совершенно слепую и с трудом читаемую) недавно написанных стихотворений. Некоторые из них тебе нравились. Может быть часть тех, которых ты еще не знаешь (осенние и зимние: «Тишина», «Липовая аллея», «Стога», «Вакханалия»), заинтересуют тебя и доставят удовольствие. Тогда напиши мне что-нибудь о них искренне и неприкрашено и доверь свое письмо нашей простой русской почте. Покажи рукопись Ж<оне> и Ф<еде>, я часто и с нежностью думаю о них. Но не зарывай тетрадку среди своих книг на полке. Я не могу бесконечно размножать их. Если у тебя нет возможности срочно сделать выверенные копии на машинке, перепиши несколько экземпляров от руки и не скрывай их от интересующихся. Может быть, я попрошу тебя послать их г-же Пельтье, или г-же Сока или кому-то еще. В Милане, мне кажется, есть план дать автобиографию в качестве предисловия к сборнику этих стихотворений и издать их отдельной книжкой¹. То же предполагается в Венгрии, в Чехословакии, и других местах. Довольно большой сборник стихотворений (к моему сожалению – старых), очаровательно переведенных на итальянский Риппелино, появился у Эйнауди в Риме². Г-жа Сока в № 9–10 своего «Единорога» включила собственную статью, начало автобиографии и свой перевод двух стихотворений, одно из которых – твое любимое «В больнице». Этот материал открывает номер, а продолжение автобиографии должно появиться в следующих выпусках³.

Только что получил милое и полное уважения письмо от Кол-линза. В этот раз я найду способ ему ответить, но в будущем при-бегну к твоей помощи и он (N. A. R. Collins Esq. 14 St. James's Place, London S. W. 1) будет у нас называться Коля. Надеюсь, тебя не затруднят мои поручения.

Мне пришлось пережить угрозы, неприятности и унижения и думаю, что предстоят еще худшие. Но цена за то, чтобы выпуск-тить роман в свет и сделать известным, не так велика по сравне-нию с тем, чтобы им пожертвовать и отречься от него.

Ты считаешь, что достаточно стихов, и не можешь предста-вить себе всю боль и стыд от того, чтобы стать известным и про-славиться невесть за что, за чистые пустяки. Путь от стихов к ро-ману огромен. Это просто другой мир, другая жизнь, иные изме-рения. Во имя чего я мог бы отказаться от этого. При том, что круг идей и чувств последних послевоенных лет полностью высказан и изложен, как мне кажется, в романе, автобиографии и неопубли-кованных стихах, которые я тебе посылаю, это должно привести к новым, более глубоким и совершенным задачам. Я полон этим стремлением и верю в его обещания и силу. Но период упомяну-тых мною неприятностей, опасностей, неопределенности и испы-таний препятствует и удерживает меня от этого долгожданного шага. Пусть бы поскорее прошло это время бездействия.

Вторая жена Жени (с первой он развелся), внучка погибшего в тюрьме и известного в свое время философа Г. Шпета, на этой неделе родила сына. Они назвали его Петей. Их адрес Москва. Б. Дорогомиловская д. 2/10 кв. 37.

Я обнимаю тебя и всех племянников и племянниц обоих се-мей с нежностью. Твой Б. Напиши мне о стихах.

Впервые: Борис Пастернак. Письма к родителям и сестрам. М., НЛО, 2004. – Автограф по-англ. (РГАЛИ, ф. 379, без шифра). Письмо не было отправлено и осталось в бумагах О. В. Ивинской.

1 Boris Pasternak. Autobiografia e nuovi versi. Traduzione di Sergio D'Angelo, Bruno Carnevali, Juri Kraiski e Mario Socrate. Milano, Feltrinelli, 1958.

2 Boris Pasternak. Poesie, 1915–1957. Introduzione, traduzione e note di Angelo Maria Ripellino. Torino, Einaudi, 1957.

3 Entregas de la Licorne. 2. Époque-Apo IV. JSfe 9–10, 1957. Susana Soca.

Encuentro y Desencuentro. Переводы стихотворений «Во всем мне хочется дойти...», «В больнице» и первой главы очерка «Люди и положения».

1469. Дж. ФЕЛЬТРИНЕЛЛИ

25 ноября 1957, Переделкино

25 ноября 1957, Москва Милостивый государь,

вчера я получил, наконец, Ваш драгоценный ответ, датиро-ванный 10 октября, блуждавший неизвестно где более полутора месяцев. Не имея возможности вдаваться в подробности, я тороп-люсь поблагодарить Вас от всего сердца за то, что все счастливо пришло к благополучному концу, благодаря Вашей чуткой пре-дусмотрительности, с которой Вы входили во все тонкости этого необычного дела. Я Вам безмерно обязан.

Я далек от глупого бесстыдства приравнять себя голосу са-мой истины, но имею смелость надеяться, что разделяю склон-ность и чаяния тех, кто деятельно и

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
благодарно любит родину, жизнь, истину и красоту. И сделал мне безмерно много добра, Вы послужили достижению прекрасной и истинной цели.
Я страдал и стадился того, что приобрел имя такой малостью, как несколько разнородных стихотворений, что современная поэзия вообще (и моя также) недосказанная, обрывающаяся на полу-слове и далекая от полноты в такое великое и ответственное время, требующее ясного зрения и договаривания своих мыслей до конца. Именно в подробной прозе, стоившей большого и долгого труда, можно было положить конец этому тягостному и постыдному положению и тем открыть новую главу своего призвания, новый период жизни, бесконечно запоздавший, но в конце концов наступивший. Судите сами, как я благодарен Вам за помощь!
У меня к Вам большая просьба. Ничто из происшедшего не могло бы осуществиться без участия С. Д'Анжелло, который был нашим неустанным ангелом-хранителем. Хотя помощь столь высокого уровня не может быть денежно оценена, доставьте мне большую радость, вознаградите его, когда он вернется к Вам, за безграничную трату времени и сил. Удержите из суммы, которую Вы считаете нужным сохранить для меня на будущее, значительную часть в пользу С. Д'А., какую сочтете нужной, и удвойте ее!

Прощайте надолго, дорогой, дорогой зачинатель моей новой счастливой судьбы (несмотря на пугающие последствия)!

Весь Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Континент», 2001, № 107. – Автограф по-фр. (РГАНИ).

I Письмо было передано через С. Д'Анджело и прочитано ему вслух. Д'Анджело просил вычеркнуть последний абзац, но «Пастернак был не-преклонен», – как записал он в своих воспоминаниях, и против этого места написал: «Нет» («The Sunday Telegraph», May 7, 1961). Это не помешало, однако, Д'Анджело впоследствии потребовать себе у фельетринелли половину гонораров Пастернака.

1470. П. П. СУВЧИНСКОМУ

11 декабря 1957, Переделкино

II дек. 1957 г.

Петр Петрович, родной мой, я глазам своим не верю, выводя Ваше имя спустя несколько минут после получения Вашего письма и его прочтения. Какое чудо! Какой добрый гений надоумил Вас взяться за перо, написать мне и отправить письмо наудачу, не задумываясь, дойдет ли оно до цели и найдет ли меня? И вот оно дошло! Как я рад, как я Вам благодарен!

Итак, для первого (или возобновленного) раза, в двух словах, наскоро. Я счастлив, что Вы наверное прочтете последний, главный труд моей жизни, то, для чего, по-видимому, я родился и жил. О, тогда напишите мне что-нибудь. Ведь я ничего не знаю, только случайно с какой-нибудь оказией долетает что-нибудь из пятого в десятое.

Когда после войны я убедился, что какая-то горсточка чудаков за морем знает обо мне, мне стало беспокойно, тяжело и стыдно, что какое-то, пусть и ничтожно малое, имя приобретено мной такими ничего не значащими пустяками, как современные стихи, как индивидуальность в современной поэзии, такой все-гда уклончивой, недоказательной, недоговоренной. Я подумал, что раз уже такая неловкость совершилась, и я злоупотребил чьим-то вниманием на свете, таким далеким и мне неведомым, раз я остановил его на себе, и этого больше не поправить, надо будет по крайней мере искупить этот стыд чем-нибудь окончательным и исчерпывающим, чем-нибудь действительно выражающим меня целиком до конца, чем-нибудь, что будет мне стоить большого труда и времени, больших сердечных сил и, может быть, самой жизни. Было совершенно удивительно, что плохо ли хорошо ли, я это исполнил. Обыкновенно такие вещи остаются мечтами, не удаются.

Это так сильно расходится с нашими навыками, что, разу-меется, никто не может этому радоваться и меня не за что гладить по головке. Но спешу успокоить Вас и всех тех, кто, может быть, тревожится обо мне: я жив и здоров, мне незаслуженно хорошо, лучше, чем я заслуживаю, и я удивляюсь мягкости и благородству, с каким со мной обходятся и щадят меня.

Благодарю Вас за сообщение о музыке, о Вашей роли и участии в ее современном движении, благодарю за приложенные проспекты² – обо всем этом разговор будет позже, я наверное воспользуюсь Вашей готовностью сблизить и познакомить меня с тем из нового, чего я совсем не знаю. Пока это мне радостно с той стороны, с какой это касается лично Вас, – мне радостно, что жизнь для Вас не остановилась, что творчески Вы в передних рядах, что язык времени, язык исторического развития – язык Вашей души, Ваш собственный язык.

Но сейчас заговаривать об этом рано, – много неотложного и некогда. Сейчас у меня множество просьб к Вам и поручений.

Во первых, – сердечный привет Н^каталии² Викторовне, сообщившей Вам адрес Союза, и ее милому, чудесному мужу³. Передайте последнему, что пусть с

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
опозданием на год, я ему од-нажды ответил и по почте отправил ему рукопись
автобиографии, которую предполагалось напечатать тут в виде предисловия к
за-думанному и неосуществленному моему сборнику. Видимо ни то, ни другое не
дошло (вот почему я прошу писать мне через по-средство Союза, в личной переписке
с помощью обычной почты мне не везет, письма доходят лишь в виде редкого
исключения). Между тем этот автобиографический очерк, вместе со стихотво-рениями
последнего года очень для меня существенны, очень меня выражают. Кстати, положа
руку на сердце, совершенно, со-вершенно искренне не могу постигнуть, как меня
могут призна-вать люди современного искусства в разных странах и что я могу для
них составлять при том все большем <без>различии, с ка-ким я отношусь к «вопросу
формы» в своей работе, все более и более зиждущейся на одном только содержании,
личном и веко-вом, все еще не успокоившемся, все еще новом для меня, все еще
непривычном.

Да, но вернемся к рукописям. Часть этих новых стихотво-рений, – половину, Вы
прочтете в романе, в состав и строение ко-торого они входят, если их только
переведут вместе с прозой, – ведь я ничего, ничего решительно не знаю. Но другая
половина – позднейшая, ничего общего с романом не имеет, и жаль, что Вы их не
увидите. Есть у меня смутное допущение, что они могут быть у хранительницы
Толстовского музея в Париже, m-me de Proyart. Было время, когда к нам хлынул
поток путешественников в боль-шом количестве, потом многочисленные гости во
время фестива-ля⁴. Люди брали кое-что почитать, что-то непостижимым обра-зом
пропадало, не возвращалось, просачивалось.

Эта m-me de P. чудесная душа, светлейшая, увлекательней-шая. У нее в моем сердце
есть большая, сильнейшая соперница в Тулузе, и эта бы, наверное, победила⁵.
Какое счастье, что волне этой растроганности положены границы другими
участниками этого небывалого, Богом данного существования! Что было бы, когда бы
не эти границы! Но то, что вне границ, какая-то радую-щаяся, благодарная,
душевная бесконечность вся положена к но-гам их, передайте им.

Еще просьба. Где-то поминают меня сейчас, что-то перево-дят, помещают,
объясняют. Случайно до меня доходят одни кру-пицы. Из этих толкований пока что
мне всего ближе и роднее по-нимание < >⁶.

Меня поразили стихотворные переводы Michel Aucouturier, сжатые, полновесные,
звучные, бесподобные. Я не знаю, знает ли он, что они мне так нравятся. Очень
хороша справка обо мне в Горелого в начале переведенной «Повести»...*Ц n'y a pas
d'oeuvre creatrice sans ouverture sur runivers. C'est implicitement que le Recit
de Pasternak condamne une literature sans transcendance** – Моло-дец, умница, это
очень тонко угадано⁷.

Наконец, последнее (как разрастается мое письмо! Вам не надоест читать его?).
Главное из того, что я делал последние годы, Вы тем или иным способом, к моей
радости в свое время прочте-те. Из кучи переведенного выделяется Гетевский
фауст. Я перевел его четыре года тому назад. Сейчас он вышел третьим изданием.
Вы бы не посмотрели его? Знаете ли Вы Фед. Авг. Степуна⁸ в Мюн-хене, он
профессором при тамошнем университете? Я не знаю его адреса и не переписывался с
ним никогда, я в этом году прочел его предисловие к Цветаевской прозе⁹ и еще
позже, осенью узнал с радостью, что он жив и здравствует, и порадовался тому, с
каким восторгом о нем отозвались Андреевы и Сосинские и два моло-дых немецких
студента из Мюнхена, бывшие на фестивале.

Попытаюсь послать Вам два экземпляра Фауста, не знаю, дой-дут ли, один для Вас,
другой для пересылки Степуна – извините, что затрудняю Вас.

Вот что в фаусте было самое главное. Мне хотелось, чтобы слова заключительного
мистического хора и пасхального богослу-жения и говора на народном гулянье и
язык женской страсти и горя, и дьявольщины и волшебных превращений, чтобы все
это было в один уровень друг с другом и все сплошь, и таинства и
по-вседневность, одинаково подлинно и горячо жило, значило, дви-галось и
говорило. Чтобы глубина и бездонность были в действии, а не в притязательной
стилизации и изображении. За этой рабо-той, проделанной чрезвычайно быстро
(впережку с «Д-ром Живаго») в год с чем-то, у меня было такое чувство, что
какой-то новый шаг сделан в русской лирике, достигнута какая-то новая ее
ступень, вроде того, что ли, как самым ошеломляющим существом Тютчева, а потом и
Блока, мне представляется до сих пор ощути-мая легкость, обиходность и
естественность языка, отвечавшего новизне их времени, свежести беглого текучего
словаря, на каж-дом шагу предоставляющего мгновенный ненасильственный вы-бор. Но
при условии такого простого прозрачного пересказа, пе-редача трагедии есть
наиболее прямое философское ее толкова-ние. Я думаю, это не может не
интересовать Степуна.

...нет творческих работ без новых открытий мира. «По-весть» Пастернака неявно
выносит приговор литерату-ре без реальности высшего порядка (трансцендентнос-ти)
(фр.).

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Но наконец пора расстаться нам. Еще раз от души благодарю Вас за все, крепко целую и обнимаю. Известите меня как-нибудь потом о получении письма и книжек тем же способом, но номер дома на улице Воровского 52, а не 62, а все остальное верно.

Ваш Б. Пастернак

Ах, да, и одно очень важное. Как я любил всегда Ремизова, как верил, что какая-нибудь уважительная, непреодолимая при-чина заставит меня попасть когда-нибудь на Запад и я А<лексея> М<ихайловича> увижу! Дай Бог ему поскорей выздороветь и по-правиться¹⁰.

В последнюю минуту вспомнил про свою статью о Шопене, не понадобится ли она Вам для Ваших музыкальных журналов? Располагайте ею, как угодно. В выдержках и видоизменениях ее как-то печатали у нас¹¹. Вкладываю ее в Шубертовскую страницу Фауста. Gretchen am Spirmrad*.

Впервые. – Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по машин, копии. Это письмо не было получено Сувчинским и через несколько месяцев вернулось к Пастернаку.

1 Письмо Сувчинского было послано на адрес Союза писателей.

2 «Вот уже много лет как я занимаюсь только музыкой; я убежденный сторонник так называемой додекафонической музыки...», – писал Сув-чинский 26 нояб. 1957 (Revue des Etudes slaves. Т. 62.4. Paris, 1990. P. 728).

3 Н. В. Резникова и ее муж Даниил Георгиевич. По поводу посылки Резникову рукописи очерка «Люди и положения» см. коммент. 3 к письму № 1455.

4 Имеется в виду Международный фестиваль молодежи и студентов, проходивший в августе 1957 г. в Москве.

5 Речь идет об Э. Пельтье.

6 В машин, отсутствует имя.

7 Цитата из вводной статьи Бенжамена Горелого к публикации «По-вести» в «Esprit», 1957, № 19–23. На это высказывание Пастернак ссылается в письме к Ж. де Пруайяр 8 мая 1958, когда говорит, о чем он хотел бы написать в предисловии к французскому «Доктору Живаго»: «о револю-циях вообще, о нашем поколении, о том, что такое "трансцендентность", которую два или три раза упомянули в отзывах обо мне и т. д...» («Новый мир», 1992, № 1. С. 142). См. также письмо № 1503.

8 Ф. А. Степун – русский писатель и философ, был выслан декретом 1922 г. из России.

9 Марина Цветаева. Проза. Составление Ек. Еленевой. Предисловие Ф. Степуна. Изд-во им. Чехова. Нью-Йорк, 1953.

Гретхен за прялкой (нем.). 284

10 Сувчинский пишет о своей дружбе с А. М. Ремизовым, «который очень-очень болен» (Revue des Etudes slaves. Т. 62.4. Paris, 1990. P. 728).

11 В журн. «Ленинград», 1945, № 15–16.

1471. К. А. ФЕДИНУ

12 декабря 1957, Переделкино

12 дек. 1957 дорогой Костя!

Вот, полюбишь кого-нибудь в жизни и потом хранишь к нему эту теплоту, позабыв, за что и почему, так, по душевной инерции. Вероятно это и называют верностью, дружбой и считают добро-детелью. Лично я не люблю этих остановившихся бездеятельных вещей¹.

Зато какая радость, когда воочию опять столкнешься с при-чиной того, чем так полюбился однажды и потом всегда так нра-вился человек, – очевидной, трепещущей, горячей на ощупь.

Как по-Пушкински ты отхватил Пушкина, как облетала твоя мысль ровно столько, сколько ей надо было, как ловчей птице, чтобы кинуться к цели и поразить добычу, как это редко, как это-го теперь не бывает! Как я терпеть не могу того, что выдают теперь за мысль, этого нанизывания слов без упорядочивающего начала, из одного желания быть добрым и обстоятельным, которые сами по себе ничего бы не стоили, даже если бы были искренни, а они к тому же фальшивы.

Я с большим опозданием начал читать твою книгу², и спешу сказать тебе о восторге, охватившем меня с первых страниц. Я знаю, тебя нет в Переделкине, но тебе может быть это перешлют. Я буду читать ее с большими перерывами, – у меня очень слож-ная зима, и эти осложнения только еще начались. Так же хороши, как Пушкин, почти все «Вечные спутники». Неожиданно хороша статья об Эренбурге, в том же почти уровне. О Блоке и Зощен-ке – с какими-то препятствиями, без такого сквозного, победо-носного бушевания.

Наперед, заблаговременно извини меня, если я надолго, ино-гда на месяцы исчезаю с горизонта. Я целыми полосами иногда совсем не принадлежу себе, и никто этого не знает, потому что на этих темах (общественных? государственных?

политических?) лежит долг или запрет молчания. Но это не невнимание, не заб-вение³.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Впервые: «Волга», 1990, № 2. – Автограф (собр. Н. К. Фединой). Примеч. Фебина:
«О "Пис<ателе>, иск<усстве>, врем<ени>" – отклик. Высоко!.. Оч<ень> странно... и
вероятно – нужно?».

10 дружбе, становящейся с годами в тягость, Пастернак писал в письме № 1417,
говоря о людях, которые отъезжая вместе «со станции отпра-вления», доезжают
«только до полдороги с иллюзией, что путешествие со-вершено».

2 Речь идет о книге Фебина «Писатель, искусство, время» (М., 1957). В первый
раздел «Вечные спутники» вошли статьи о Пушкине, Гоголе, Л. Толстом,
Чернышевском, Чехове и Блоке. Из раздела «Современники» Пастернак имеет в виду
характеристики, взятые из статей «А. Фадеев. Н. Тихонов. И. Эренбург» и «Вяч.
Шишков. Мих. Зощенко. Юр. Тыня-нов». В разделе «Запад старый и новый» в статье о
Гете Фебин благожела-тельно упомянул перевод «Фауста», «подаренный нам трудами и
виртуоз-ностью Пастернака» (С. 389-390).

3 Фебин подарил свою книгу Пастернаку 8 нояб. 1957 в ответ на при-глашение в
гости и вместо несостоявшейся встречи, о которой шла речь в следующих записках:
«Дорогой Костя, с наступающим праздником тебя! Если ты в субботу, 9-го вечером
свободен, мы очень просим тебя, и будем ждать к девяти. Обнимаю тебя. Твой Б.
7-Х1-57» и «8 ноября 1957. Дорогой Костя. Сердечно благодарю за книгу, крепко
целую и страшно сожалею, что ты занят завтра и я тебя не увижу. Придется
отложить до возвращения Ивановых, до конца ноября, когда мы снова соберемся.
Твой Б.» (собр. Н. К. Фединой).

1472. л. л. СЛЕЙТЕР

14 декабря 1957, Переделкино

14 дек. 1957

Как умно и хорошо ты пишешь, радость моя. Только что вче-ра я подумал, что я и
моя героиня – третий на орбиту выстрелен-ный спутник1, как я встречаю у тебя эту
аналогию, ты пользуешь-ся ей.

Я завидую вам, что вы собираете отзывы и они вас радуют. Я только кое о чем
догадываюсь отраженно. Так например, по офи-циальной просьбе мне приходится
теперь иногда принимать у себя иностранных корреспондентов2, и когда неделю тому
назад у меня были представители заграничной коммунистической печати,
скан-динавской (Ny dag и Triheten) и английской (Daily worker и Challenge),
дейлиуоркерец высыпал на крышку рояля горсть га-зетных полосок из разных
английских печатных органов – я толь-ко на глаз мог определить их количество. Он
не мог мне их оста-вить, а я не хотел его задерживать ознакомлением хотя бы с
заго-ловками, – неприятная публика. Между прочим при этом выяс-нилось, что я
совсем не владею английским, говорить никогда не приходится, и я слухом и
пониманием не успеваю за быстрым течением разговорной речи. Они все огорчены
размерами проис-ходящего. Я не сказал, что это их, а не моя задача что-то
противо-поставить живости отклика (не мне же самому бороться с самим собой), что
теперь их идейное дело разгромить роман критичес-ки, что люди, как Арагон,
Бехер3 и другие, должны были бы те-перь, в тамошней печати разобрать
произведение и показать его бездарность. Станным образом такие естественные
очевидности не доходят до их сознания, а все интересуют какие-то окольные
заковыристые соображения.

Я попытался бандеролью послать тебе стихи. Хочу верить, что ты их, с некоторым
запозданием, получишь4. Тогда черкни мне, сделай милость, не откладывая дела в
долгий ящик, что тебе при-дет в голову по поводу неизвестных тебе, последних.
При такой затрудненности сообщения тем удивительнее слу-чаи иных исключений.
Например, письмо, которое я вкладываю и тебе пересылаю, дошедшее по
недостаточному адресу, и сравни-тельно скоро. Оно, очевидно, от твоей или
Жониной учительни-цы французского языка в гимназии Мансбах. Я отвечу ей, но не
знаю, давать ли ей без твоего разрешения твой адрес?5

Это письмо, быть может, я направлю через любезное посред-ство Иностранной
комиссии Союза Советских Писателей, но ни-какого вывода о переписке ты из этого
не должна делать, адресуй свои письма по-прежнему на нашу городскую квартиру.
Обнимаю тебя и горячо благодарю, равно как и Жоню и Федю и всех Ваших. Твой Б.
Впервые: Борис Пастернак. Письма к родителям и сестрам. М., ИЛО, 2004. –
Автограф (РГАЛИ, ф. 379, без шифра). Письмо не было отправле-но и осталось в
бумагах О. В. Ивинской. Пастернак снова частично по-вторил его 18 дек. 1957, №
1474.

1 Основным событием времени был запуск первого советского ис-кусственного
спутника Земли, состоявшийся 4 окт. 1957 г. Газеты были пол-ны сообщениями об
этом. На этом фоне выход в свет итальянского изда-ния «Доктора Живаго» в ноябре
стал новой сенсацией.

2 Решительно отказавшись от пресс-конференции, которую, по на-стоянию ЦК,
Пастернак должен был дать в помещении ВОКСа в Моск-ве, он вынужден был давать
объяснения различным журналистам, на-правляемым к нему на дачу, и выражать

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
возмущение публикацией «нео-конченного» произведения. Называя газеты, Пастернак
предоставлял сестрам возможность самим посмотреть репортажи журналистов о
встрече с ним.

3 Ни французские коммунисты, в лице Л. Арагона, ни немецкие, как И. Бехер, ни
словом не отозвались на выход романа «Доктор Живаго».

4 Стихи должны были прийти с письмом 20 дек. 1957, но оно оста-лось
неотосланным.

5 Речь идет о мадемуазель Э. Викар, которая в 1900–1910-х гг. была
преподавательницей в гимназии Мансбах, находившейся на Новой Бас-манной. Там
учились сестры Пастернака – Жозефина и Лидия. См. пись-мо Пастернака Э. Викар в
коммент. 1 к письму № 1474.

1473. Е. А. БЛАГИНИНОЙ

16 декабря 1957, Переделкино

16 дек. 1957

Дорогая Елена Александровна, как меня тронули Ваши сло-ва, Ваша заботливость и
беспокойство! Я болел весной и летом, долго и тяжело, и долго лежал в больнице,
а с тех пор слава Богу чувствую себя очень хорошо.

У меня были некоторые неприятности, на меня было оказа-но некоторое нравственное
давление, отталкивающее своею двой-ственностью, – я частично должен был ему
покориться. Я дол-жен был принять участие в попытке приостановить появление
романа в неведомом далеке, в форме, настолько неправдоподоб-ной, что попытка эта
заранее была обречена на неудачу.

Говорят, роман вышел по-итальянски, вскоре выйдет на англ-ийском языке, а затем
на шведском, норвежском, французском и немецком, все в течение года.

Я не знаю, известно ли Вам, что около года тому назад Гослитиздат заключил
договор со мной на издание книги¹, и если бы ее действительно вышпустили в
сокращенном и цензурованном виде, половины неудобств и неловкостей не
существовало б. Но даже и теперь, когда преувеличивая значение создавшейся
нескладницы, тем самым способствуют возникновению шума по поводу этого случая в
разных концах света, даже сейчас выпуск романа в открыто цензуро-ванной форме
внес бы во всю эту историю тишину и успокоение. Так в двух резко отличных видах
выходило Толстовское «Воскресе-ние» и множество других книг у нас и за границей
до революции, и никто ничего не боялся и не стыдился, и все спали спокойно и
сто-яли и не падали дома\ Я все время выдвигаю эти доводы и все время это
предлагаю, но это ни до чьего сознания не доходит. Наконец, те-перь не поздно
еще и другое, я тоже постоянно об этом напоминаю. В каждой из стран, где будет
появляться роман, есть революцион-ные писатели коммунисты, Арагон, Бехер и
другие². Теперь их зада-ча прочесть идейно чуждый роман по его выходе у них и
критически его развенчать и обезвредить, разобрав его и показав его бедность
мыслями и художественную несостоятельность. Это ведь люди дале-ко не беспомощные
и безответные, и задача, мне кажется, им по си-лам³. Но и это здоровое
соображение ничьего слуха не достигает.

Я не знаю, что меня ждет, – вероятно время от времени ка-кие-то друг за другом
следующие неожиданности будут в том или другом виде отзываться на мне, но
сколько бы их ни было, и как бы они ни были тяжелы или даже может быть ужасны,
они никог-да не перевесят радости, которой никакая вынужденная моя
двой-ственностью не скроет, что по слепой игре судьбы мне посчастли-вилось
высказаться полностью, и то самое, чем мы так привыкли жертвовать и что есть
самое лучшее в нас, художник, оказался в моем случае незатертым и
нерастоптанным.

Целую Вашу руку, Вы – дорогая, милая, – благодарю Вас.

Ваш Б. И

Впервые: «Огонек», 1987, № 16. – Автограф.

Елена Александровна Благинина – поэтесса, переводчица и детская писательница.

Пастернак познакомился с ней в 1930-х гг.

В ответ на поздравления Благиной с Новым, 1960, годом Пастер-нак, забыв об
этом письме, снова благодарил ее за душевную поддержку: «Дорогая душенька моя
Елена Александровна, неужели не написал я Вам тогда? Я настолько был убежден в
обратном (то есть желание поблагода-рить Вас настолько ошутительно и прочно
сидело во мне), что открывая Ваше сегодняшнее поздравление, я ждал упоминания об
этом, как оказы-вается, несуществующем, но предполагаемом письме, оставившем
след чего-то действительно бывшего. Вы вправе любить меня: это только
есте-ственное проявление взаимности. Вы знаете, какую несравненной преле-стью я
Вас считаю. "Мело, мело по всей земле", кажется, действительно, я написал в
1946-м году. Но во всяком случае не позже 47-го. Ну что мне Вам сказать. Если
все это (у нас) хорошо со мною кончится, это будет бас-нословно. Я не был готов
к такой сказке. Но, по мере сил, с ней справля-юсь. Благодарю Вас за разрешение
обнять Вас и признательно им пользует-ся. Ваш Б. Пастернак» (24 февр. 1960).

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

1 Договор был подписан 7 января 1957 г.

2 По документам ЦК КПСС известно о предложении Луи Арагона опубликовать в журн. «Lettres Francaises» отзыв редколлегии «Нового мира», который «будет важным оружием в той борьбе, которую придется вести против романа прогрессивной французской прессе», и объяснит, «почему роман не вышел в Советском Союзе», но письмо не было опубликовано (Пастернак и власть. С. 93).

3 Подобная статья была напечатана: Jack Lindsey. On Doctor Zhivago / Anglo-Soviet Journal. Winter 1958-1959. См. о ней в письме № 1594.

1474. л. л. СЛЕЙТЕР

18 дек. 1957

Дорогая Лида, я было попробовал ответить тебе на твое мо-лодое, полное непосредственности и остроумное письмо о спут-никах и о Юре в Италии через Союз Сов. Писателей, но потом передумал и, кажется в последний раз, пользуюсь старой оказией. Представь, ведь, все эти заметки и вырезки недоступны мне. Об их количестве я мог судить лишь косвенно, когда должен был при-нять несколько представителей коммунистической печати, скан-динавской и английской, и корреспондент DaUy Worker выложил передо мной горсть бумажных полосок, но не мог их оставить для просмотра и тут же спрятал их обратно в карман. Это касалось только нескольких английских газет.

Пересылаю тебе любопытное письмо старой твоей или Жо-ниной учительницы французского языка, и сам ей отвечаю, без твоего разрешения давши ей твой адрес1.

Если, как предсказывают (но это случалось уже раньше, наши представители отсюда всегда это отклоняли и ничего не получа-лось), – если, как некоторые думают, несмотря на советские про-тесты мне дадут Ноб<елевскую> премию, меня здесь всякими правдами и неправдами будут, наверное, убеждать от нее отказать-ся. Думаю, у меня хватит выдержки на это не согласиться. Но, воз-можно, меня не пустят поехать за ее получением.

Можно ли будет тогда попросить феду по какой-то неофи-циальной моей доверенности, формы которой я сейчас не могу предвидеть, получить премию в свое распоряжение и внести куда-нибудь на хранение впредь до мыслимого моего приезда или ка-кого-нибудь изъяснения моей особой воли, – согласен ли он бу-дет мне в этом помочь? Но все это придется (с моей стороны) про-делать в самой частной и конфиденциальной форме. Я и F<eltrinelli> просил никаких денег мне сюда не переводить, а все, что он думает мне предназначить, беречь у себя, пока не станет возможно путешествовать, и я его не увижу.

Для пробы, чтобы проверить, дойдут ли они, посылаю тебе две открытки2. Беда в том, что если я укажу, кто отправитель, они подвергнутся риску быть задержанными или пропасть.

Крепко обнимаю тебя. Твой 2>.

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф (Pasternak Trust, Oxford).

1 Пастернак ответил на письмо Э. Викар 19 дек. 1958: «Дорогая маде-муазель, благодарю Вас за то, что сохранили такие трогательные воспомина-ния о моей сестре, думаю, что о младшей (они обе учились в гимназии Мансбах). Ее зовут Лидия. Замужнее имя ее Л. Элиот Слейтер, она живет в Англии, в Оксфорде. Я пошлю ей Ваше письмо и надеюсь, что преврат-ности почты не помешают ей его получить. Ваши слова и чувства по пово-ду столь далекого прошлого тронули меня до слез, и я все живо себе пред-ставил. Спасибо за любовь, которую Вы пронесли к ней. Мой роман, как я слышал, выйдет у Галлимара этой весной. Вероятно, Вы там найдете не-которые черты, которые покажут Вам близкими и которые Вы видели и знали. Мои лучшие пожелания Вам к Новому году. Я оставляю письмо без подписи для большей уверенности, что оно до Вас дойдет» (фр.). Но это письмо вернулось к Пастернаку, и через полгода он снова послал его, при-писав: «6 мая 1958. Дорогая мадемуазель Викар, по непонятным причи-нам мое ответное письмо Вам в феврале было возвращено мне нашей по-чтой». В открытке 23 мая Э. Викар писала Пастернаку, что будет счастли-ва прочесть «Доктора Живаго», о котором ей сказали у Галлимара, что он выйдет на следующей неделе» (Диалог писателей. С. 534-535). Как выяс-нилось вскоре, у Э. Викар училась Жозефина Пастернак, которая сразу написала ей. Летом она приезжала с мужем во Францию и виделась со своей старой учительницей.

2 Имеются в виду две открытки 17 дек. с поздравлениями с Новым годом (Письма к родителям и сестрам. Кн. II. С. 269).

1475. м. А. МАРКОВОЙ

20 декабря 1957, Переделкино

20 дек. 1957

Дорогая Машура, не беспокойся, я жив и даже здоров, но никогда этот балаган не был мне так почти до обморока, ненавис-тен. Я необычайно, выше всякой меры, благодарен твоей Милоч-ке за приписку1.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Со мной ведь не случилось ничего печального или позорно-го. Наоборот, то, что отдельные чудачки из твоих и Олиных знако-ных говаривали вам обо мне так давно и могли казаться полусу-масшедшими, стало общепризнанным во всем мире фактом. Мне выпало на долю счастье стать вровень с самыми замечательными и самобытными людьми истории и оказаться свидетелем этого при жизни. И это баснословное счастье думают тут превратить то в смертоубийственную демонстрацию, то, когда это не выходит, в забавную, жирным шрифтом набираемую, шутку из «Крокодила». Разумеется, мне стало еще труднее, чем прежде, и все: право-вое, денежное, деловое повисло в воздухе, в неизвестности, ко-торой может быть ничто уже больше не рассеет и не разъяснит.

К этому прибавляются еще и осложнения семейного и домашне-го рода, но не в том упрощении, как это бывает в пьесах, когда одна женщина сталкивается с другою женщиной и все так ясно, а в более естественном виде, когда жалость не дает распутать пере-плетение добрых сил со злыми и новых со старыми, и когда надо зарабатывать на восемь домов.

Когда в самом начале я выражал тебе сочувствие по поводу тех страданий, которые ты должна испытывать на мой счет, у меня втайне теплилась надежда, что, может быть и до тебя долетают го-лоса другого рода, как они достигают иногда меня, сочувствие и понимание, из среды образованной, а еще чаще из простого на-рода, но как видно они очень редки и их значение мне преувели-чивают. Крепко целую вас обеих.

Впервые: Борис Пастернак. Доктор Живаго. Избранные письма. – Автограф (собр. А. В. Курсина).

1 Людмила Ивановна Маркова – дочь Марии Александровны.

1476. Н. ТАБИДЗЕ

22 декабря 1957, Переделкино

22 дек. 1957

Дорогая Нина, я давно хочу попросить ниту или кого-нибудь, чтобы написали, как Вам, и все время что-нибудь мешает, и я от-кладываю это естественное выражение моего беспокойства. Ро-дам¹ около недели тому назад привезла мне в Переделкино совершенно стершееся Ваше письмо карандашом. Там были совершенно страшные показания Вашей температуры, очень высокой. Мне подумалось, что это у кого-то залежавшееся письмо более ранних сроков, чем то, что мы получили по почте. Очень прошу, пусть кто-нибудь напишет, как Вы себя чувствуете сейчас.

Потом передайте Симону, Конст. Лордкипанидзе и всем, что хотя я не видел «Литературной Грузии»², мне отовсюду рассказы-вают, как благородно выражают многие свое отношение ко мне, это рассказывали Евтушенко, Старостин, об этом писал Здане-вич³ и другие. Я страшно признателен всем за это, это радует и поддерживает меня.

Нина, можете поздравить меня. Ж<иваго> вышел в начале декабря в Италии, в январе выйдет в Англии, а потом в Париже, в Швеции, Норвегии и Зап<адной> Германии, все это до весны⁴. Я был двойственен и не мог быть искренним до конца в своих по-пытках приостановить осуществление этого заветнейшего моего желания и помешать ему. По слепой игре случая мечта моя сбы-лась, как вынужденно я этому ни препятствовал.

Как бы мне хотелось, Ниночка, встретить этот наступающий Новый год вместе с Вами! Может быть, если здоровье позволяет Вам, соберетесь, как это часто бывало, и к нам приедете?

Я не знаю, что со мной будет. Иногда, когда замечают, что я продолжаю жить и чем-то заниматься слишком радостно и спо-койно, меня пугают, что я смотрю на свое положение слишком розово и не подозреваю, что мне готовят в Союзе Пис<ателей>. Потом задерживают деньги. Но все это пустяки, немножко иные формы той самой неизвестности, которой всегда бывает окруже-на жизнь и к которой пора бы привыкнуть. Крепко целую вас.

Ваш Б.

Впервые: «Литературная Грузия», 1966, № 2 (отрывок). – Автограф (ГМГЛ, № 24953).

1 Родам Амирэджиби – жена поэта М. Светлова.

2 Главный редактор «Литературной Грузии» К. А. Лордкипанидзе опубликовал подборку из 4 стих. Пастернака (1957, № 4).

3 Кирилл Михайлович Зданевич – художник и историк искусства.

4 Английское издание «Доктора Живаго» вышло только осенью 1958 г., французское за три месяца до него, немецкое и др. – к концу года.

1477. П. П. СУВЧИНСКОМУ

23 декабря 1957, Переделкино

23 дек. 1957

Дорогой Петр Петрович, ответил Вам закрытым письмом че-рез посредство С. С. П.1 Хочу выяснить, дойдет ли также до Вас эта открытка. Стороной узнал о смерти А<лексея> М<ихайлови-ча>². Страшно, страшно огорчен. В числе немногих соблазнов,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
манивших меня иногда в Вашу даль, были всегда желание и надежда повидать
Ремизова. Я льстил себя надеждой, что он прочтет когда-нибудь в подлиннике
Доктора Живаго». Кстати, в будущем, когда вещь выйдет из печати и о ней
что-нибудь напишут, и отзыв попадетсЯ Вам на глаза, попробуйте послать мне
вырезки тем же способом, каким дошло Ваше письмо. Радость, которую мне оно
доставило, неизобразима!!! Поздравляю Вас, родной мой, и всех, кого Вы
встречаете и с кем близки, с наступающим Новым годом. Большой круг, более чем
десятилетний, замкнулся для меня в истекающем году. Хватит ли сил и времени на
еще одну такую главу?

Крепко целую Вас. Ваш Б. И

Впервые: Revue des Etudes slaves. Т. 62. 4, 1990. – Автограф (Bibliothèque
National, Paris).

1 Имеется в виду не полученное Сувчинским письмо № 1470. Пастернак снова
повторял его содержание 20 янв. 1958: «Дорогой Петр Петрович, я Вам тем же
путем давно ответил и послал Вам и (через Ваше посредство, может быть, не
знакомому Вам) Степуну Фауста, но далеко не уверен, дошло ли до Вас это все. Я
необычайно обрадовался Вашему письму, необычайно обрадовался тому, что мы оба
остались живы, что судьба сберегла нас друг для друга. Скольких ведь
посчастливилось может быть, когда-нибудь вместе вспомнить, сколько вещей
рассказать, понять и определить! Я Вас называл в последнее время людям в
непосредственной Вашей близости, Вы будете скоро иметь доказательства того, как
я откликнулся на Ваши строки, как мне дороги Вы, Ваше вероятное единомыслие,
Ваше собственное... умонастроение. Может быть, и случится когда-нибудь
увидеться. Обнимаю Вас и за недостатком места не подписываюсь» (там же. С. 732).
Под «людьми в непосредственной Вашей близости» Пастернак имеет в виду Ж. де
Праийяр (см. письмо № 1483).

2 Пастернак познакомился с Ремизовым в Берлине зимой 1922–1923 г. А. М. Ремизов
скончался 26 нояб. 1957 г.

1478. К. А. ФЕДИНУ

30 декабря 1957, Переделкино

30 дек. 1957 дорогой Костя,

с чувством радости и счастья поздравляю тебя с близящимся Новым Годом. Для меня
истекший год был поразительным, почти чудесным, по благополучному избавлению от
болезней, казавшихся угрожающими и неизлечимыми, и от других ловушек судьбы, с
виду еще более неотвратимых. Наступающий год, независимо от того, что бы лично
со мной ни случилось, обещает еще больше широты и осмысленности, еще больше
независимости от мелкого и местного, слишком временного и наполовину
отгнившего¹. Той же самой природы, того же состава, мои радостные и благодарные
чувства к тебе. При чтении тебя и при мысли о тебе испытываешь то же чувство
облагораживающей надежности, достойного будущего, живой животворящей свободы.
Другой вариант этой же силы – Ивановы. Как удивительно, что я живу между вами.
Это соседство в пространстве даже случайно по сравнению с неслу-
чайностью другого соседства, – во времени, в назначении, в возможностях и
вкусах². Ну вот все, что я хотел сказать и что по размерам не превысило бы
тоста перед первым поднятым бокалом. Поздравь и поцелуй от нас Нину, Сашу,
Вареньку, Костю³ и всех твоих и вокруг тебя.

Мы встречаем Новый год скромно, по семейному (даже без ливановых) с одними
Нейгаузами и с только что приехавшей Ел. Пельтье, которая писала о тебе работу.
Мне и в голову не придет приглашать тебя на такую тихую и малолюдную встречу. Но
если ты в Новогоднюю ночь в Переделкине и, встретив Новый Год у себя, завернул
бы потом к нам, ты всем доставил бы огромную радость.

Другая просьба. Была мысль собраться у нас днем первого, но Ивановы предлагают
перенести на второе. Согласен ли ты и можешь ли? Уговорись с ними, когда Вы
увидетесь, а потом сообщите нам⁴.

Твой Б.

Впервые: «Волга», 1990, JSfe 2. – Автограф (собр. Н. К. Фединой).

1 Это место отчеркнуто на поле Фединым.

2 По полю отчеркнуто Фединым.

3 Н. К. Федину, ее мужа А. В. Роговина и их детей.

4 В благодарность за ответ Пастернак писал: «2 янв. 1958. Дорогой Костя, мы ждем
тебя, заранее этому радуясь, к трем часам дня, с Ниной и Сашей, если они на даче
и свободны. Твой Б.» (собр. Н. К. Фединой).

1479. Е. Е. ТАГЕР

2 января 1958, Переделкино

2 янв. 1958

Дорогая Елена Ефимовна, с Новым годом! Благодарю Вас за щедрую, полную души и
содержания, телеграмму. Очень все хорошо у меня, незаслуженно, несоответственно
хорошо! Как это всегда удивительно! Если серьезно потрудиться и что-то сделать,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori как судьба сделанного перерастает все ожидания, права и мерила! Придется мне еще пожить и поработать, чтобы дотянуться до положений, непривычных, неиспытанных и несоразмерных, в которые сразу, без подготовки переносит меня распространение романа во всем мире, и чтобы оправдать имя, которое он мне создает и которое несоизмеримо больше меня, которым пока, без новых дополнительных усилий я пользоваться еще не вправе. Крепко целую Вас и Евгения Борисовича. Спасибо за все.

Ваш Б. И

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2887, оп. 1, ед. хр. 398).

1480. К. П. БОГАТЫРЕВУ

2 января 1958, Переделкино

2 янв. 1958

Дорогой Костя, с Новым годом Вас и всех Ваших! Благодарю Вас от души за письмо и вложения. Я этих вещей не знал, Вы мне доставили большую радость, спасибо!

Благодарю Вас и папу за память, за поздравление и телеграммы к праздникам, за переводы, которые Вы мне посылали и которые мне очень понравились¹. Я все время очень занят, хотя и не всегда с пользой и производительно. Но все складывается у меня великолепно, я и отдаленно не заслуживаю такой судьбы. Но недосуг такой, что даже нет времени опомниться и сконфузиться.

Не думайте, что я забыл Вас. Когда можно будет, я по примеру прошлых лет извещу Вас и позову к себе. Всего Вам лучшего.

Ваш Б. И

Впервые: W. Kasack, J. Etkind, L. Kopelw. Ein Leben nach dem Todesurteil.

Bornheim, Lamuv Verlag, 1982 («Жизнь после смертного приговора»). –

Местонахождение автографа неизвестно.

¹ Константин Петрович Богатырев прислал Пастернаку несколько своих переводов Р.-М. Рильке.

1481. К. Л. ЗЕЛИНСКОМУ

3 января 1958, Переделкино

3 янв. 1958

Милый Корнелий, с Новым годом!

Мне до зарезу нужен роман, а у меня не осталось ни одного экземпляра. Если рукопись у Вас на даче, соберите, пожалуйста, составляющие ее пять тетрадей, заверните и передайте пожалуйста подателю записки Юрию Михайловичу Николаеву, он мне ее отвезет¹ его еще более аккуратно завернутым до 6-го января на нашу городскую квартиру² в Лаврушинском пер. (кв. № 72), можно через лифтершу. Сердечный привет Вам и всем Вашим.

Ваш Б. И

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 1604, оп. 1, ед. хр. 764).

¹ Ю. М. Николаев работал шофером у Пастернаков.

² Год назад К. Зелинский в статье «Поэзия и чувство современности» выражал недоумение по поводу стих. Пастернака «Рассвет» («Литературная газета», 5 янв. 1957. См. письмо № 1419 и коммент. к нему). На общемосковском собрании

писателей 31 окт. 1958 г., обсуждавшем «антисоветское» поведение Пастернака в связи с присуждением ему Нобелевской премии, Зелинский сказал: «В прошлом году я имел возможность внимательно, с карандашом в руках прочитать роман «Доктор Живаго» <...> Я почувствовал себя буквально оплеванным. Вся моя жизнь казалась оплеванной в этом романе. <...> передо мной внутренний эмигрант, враг, совершенно враждебно идейно, человечески, во всех смыслах чужой человек <...> я просто удивился, откуда такая начитанность узко-церковной литературе. <...> Он действительно наполнен пошлыми, мещанскими, обывательскими анекдотами, вроде того, что марксизм – самая далекая от

жизни наука и т. п. <...> имя Пастернака сейчас на Западе – это синоним войны.

Пастернак – это знамя холодной войны. Не случайно за это имя уцепились самые реакционные, самые монархические, самые разнужданные круги. <...> Я совершенно согласен с тем, что мы должны сказать этому человеку: "Иди, получай там свои 30 серебрянников! Ты нам сегодня здесь не нужен..."» («Горизонт», 1988, № 9. С. 47, 50). В письме Е. А. Фурцевой 23 нояб. 1958, прося разъяснить ему позицию ЦК в отношении Пастернака, Зелинский писал о своем выступлении на Ученом совете ИМЛИ, задачу которого видел «в том, чтобы возбудить гражданские чувства против антипатриотического поступка Пастернака». Зелинский жаловался на скрытое сочувствие присутствовавших к Пастернаку, на то, что теперь, когда кампания затухает, выигрывают отмолчавшиеся, а те, кто выступал, по его словам, «с открытым забралом» в защиту линии партии, оказались в худшем положении (РГАЛИ, ф. 1604, оп. 1, ед. хр. 449).

1482. К. Г. ПАУСТОВСКОМУ

6 января 1958, Москва

6 янв. 1957*

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Дорогой Константин Георгиевич!

Сердечно благодарю Вас за новогоднюю телеграмму. Как и многие другие, слышал кое-что о Вас, и не тревожусь, не огорчаюсь¹, но горжусь Вами и радуюсь за Вас. Да и могло ли быть иначе.

Как стоит особняком Ваша деятельность среди литературы кажущейся, бездейственной и несуществующей, внешне неотличимой от истинной и легко обманывающей этим поверхностным словесным сходством, так не могла не столкнуться Ваша личность с многообъемлющим нашим окружением, задуманным в виде бо-гадельни, с неисчислимым миром душ, жаждущих опеки, с цар-ством слабых и давно выдохшихся дарований, средних людей с бедною судьбой и боящихся страданий.

В наше время это не поиски правды, не взрыв гражданского мужества, как сто лет тому назад, это спор движущегося тела с препятствием, реальности с пустотой, это столкновение факта с выдумкой, это конфликт силовой.

Будьте здоровы, крепко обнимаю Вас.

Ваш Б. Пастернак

Я предназначал письмо для отправки по почте, как вдруг вы-звались отнести его Вам и сдать с рук на руки. Для такого чрезвы-

Авторская ошибка датировки. 298

чайного случая письмо слишком сдержанно и малосодержатель-но, – Вы должны простить меня.

Б. И

Впервые: «Литературное обозрение», 1990, № 2. – Автограф (собр. Г. А. Арбузовой).

¹ Речь идет о выходе альм. «Литературная Москва», одним из состави-телей которого был К. Г. Паустовский и в котором участвовал Пастернак публикацией «Замечаний к переводам из Шекспира». Появление альмана-ха было встречено резкой критикой в «Правде» (4 февр., 20 марта, 19 мая 1957).

1483. Ж. де ПРУАЙЯР

7–10 января 1958, Переделкино

7 января 1958. Рождество по старому стилю

Дорогая, невыразимо дорогая Жаклин, что сказать о Вашем удивительном письме от 12 декабря, которое, как подымающейся волною, затопило меня величием Вашей души, унесло и захвати-ло. Читая, я должен был отступать перед ним строка за строкой, как шаг за шагом отступают перед наводнением. Чем мне отве-тить на этот прилив Вашей до осязаемости прекрасной души?

Я сочувствую Вам в Ваших физических страданиях, которые, возможно, еще не прошли¹.

Меня смущают Ваши слова и предложения, которыми Вы меня одариваете, и близость, которую Вы устанавливаете между своим будущим ребенком и мной, – меня наполняет стыдом незаслуженность Вашего выбора. Я его принимаю мысленно и хра-ню в душе, как событие своего внутреннего мира. Но не прида-вайте этому значения наперекор реальности. Я боюсь связывать явление такой мрачности и противоречивой неустойчивости, как я и моя судьба, с самым чистым и небесно ясным из того, что есть на свете, – с новорожденным младенцем, тем более Вашим ре-бенком². Меня восхищает смелость, с которой Вы без малейшего намека на суеверие принимаете решение о своем близком буду-щем. Ваше мужество и вера сокращает между нами расстояние. Для меня этот желанный и ожидаемый крестник уже живет с тех пор, как Вы заговорили о нем. Я тревожусь о нем и люблю его.

Я уважаю также ту искреннюю прямоту, с какой Вы говорите о моих литературных пожеланиях: «Надеюсь, Господь продлит

Вашу жизнь, чтобы Вы могли собственными глазами увидеть свои книги... и т. д. а если нет, спокойно умереть, не заботясь об их судьбе...». – Это именно то самое, что я был бы счастлив чувство-вать, но кто, кроме Вас, с Вашим характером и индивидуальнос-тью, избежал бы банальности пробормотать, как принято в таких случаях: «Вы проживете еще сто лет... и т. д.!»

Вы без труда представите себе, с каким безумным изумлени-ем и радостью, открыв дверь на чей-то стук, я увидел – о, Боже! – появившуюся на пороге Элен!³ Всякий раз, мечтая о встрече, я воображал, сколько я всего сделаю и сколько разделю с ней уди-вительных чудес, и в воображении рисовал замечательные воз-можности! И вот настает этот чудесный случай, перед которым должно отступить все и дать место единственной редкой встре-че, – однако продолжается ежедневная жизнь с ее заботами и при-вычками, и после всех ожиданий и обещаний, данных ей, Элен встречает мое озабоченное и черствое сердце. Я виделся с ней дважды, приближается ее отъезд, и, хотя я предвижу свою безу-тешность, когда она окажется вне досягаемости, я не пользуюсь оставшимся временем, чтобы еще раз ее увидеть, своего доброго и любимого друга, пока не подготовлю и не просмотрю для Вас тексты.

Ваше упоминание о Голландии и то, что мне рассказала об этом Элен, – весьма

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
кстати4. Не упускайте этой возможности, немедленно хватайтесь за нее. Убедите
фельтрине>лли 1) чтобы сам он не сносился ни с кем из русских издателей за
границей и не дублировал Ваших усилий. 2) чтобы согласился стать подставным
лицом в будущих объяснениях по поводу тайны, каким образом подлинный текст
(романа) попал в русское издательство. Пусть позволит представить дело таким
образом, будто его рукопись была сфотографирована и распространялась среди
издателей и переводчиков, и в конце концов он уже не мог помешать появлению
оригинального текста неизвестно где.

Когда я готовил для Вас текст, я перечитал еще раз роман, – после того, как за
эти два года слегка подзабыл его. Меня не сильно обескуражило открытие, что в
его неоднородном составе количество скучных и бледных страниц превосходит живые
и яркие части. Среди нескольких благоприятных отзывов, которые мне удалось
просмотреть, я нашел немецкую рецензию, в общем положительную, но с жалобами на
то, что после работ Джеймса Джойса, Фолкнера, Хемингуэя и Музиля5 роман кажется
совершенно устаревшим. Не огорчайтесь, если в будущем будет расти число
справедливых претензий, упреков в недостаточной оригинальности или порочном
академизме. Это скорее заслуга, чем бросающийся в глаза недостаток.

Пришло время, чтобы как раз из области упомянутых современных имен и течений,
богатых поисками, увлечениями, которыми я тоже разделял лет тридцать тому назад,
родилось нечто существенное, спокойное, прозрачное, что может дать полное и
точное представление об этих течениях, уже исчезнувших или еще продолжающихся,
об их существовании и философии, новых перспективах, которые они видят в будущем и к
которым они приходят. Если «Живаго» не стал этим произведением, то он, по
крайней мере, послужит толчком в нужном направлении.

Говоря о романе, я думаю о предложении голландцев, то есть о русском издании,
надеясь, что у Галлимара6 дело уже решенное и несомненное. Долгое ожидание
книги меня беспокоит только с той точки зрения, что за это время не исключена
будет вероятность новых попыток сорвать французское издание. Достаточно ли
хорошо понимает Галлимар7 и основательно ли он осведомлен, что никакая
возможная хитрость или двусмысленность, на которую в будущем меня могут вынудить
косвенным давлением, не должны поколебать принятого им решения? Если ему
предложат миллионы отступного, пусть знает, что непримиримая позиция и выход
книги принесут ему в десять раз больше. Если его уверяют, что публикация романа
грозит мне гибелью, пусть знает, что отсутствие публикации наверняка вызовет еще
более страшную расправу.

Мне показали итальянскую книжку. По-моему, она оформлена со вкусом и
благородно. Они правы, не деля текст на две книжки, на два тома, как в рукописи,
и давая сквозную нумерацию глав, как в неделимом произведении. Последуйте их
примеру. Но давать отчество в заглавии (Boris Leonidovitch Pasternak)
неуместно, надо просто Boris Pasternak.

Однако перед тем, как вернуться к голландцам и чтению этого нескончаемого
письма, отдохните немного со своим очаровательным маленьким Обером или своим
великодушным мужем, который так благородно переносит печальные и нелепые
превратности, связанные с моим призванием, и не ворчит на Вас за то, что Вы так
глубоко в них погружены6.

10 января 1958

Ну теперь о голландцах. Речь может идти только о двух книжках: романе и книге
избранных стихотворений, которой в качестве предисловия будет предпослана
автобиография. Я абсолютно против полного собрания. Что там такого, чтобы
воскрешать в памяти и увековечивать? Большая часть моих старых стихов и прозы
ничего не стоят. Надо выбрать ценное.

Если можно издать русскую книжку в Голландии раньше, чем выйдут переводы романа,
и это не будет противоречить юридически правам иностранных издателей и их
отношениям с Фельтринелли8 пусть она выйдет чем раньше, тем лучше. Тут нечего
тянуть, торопите дело, как только можно7.

Пусть сборник стихов издадут под тем предлогом, что это копии книги,
подготовленной в Гослитиздате два года тому назад, и утверждают, что эта книга,
вероятно, уже давно должна была появиться, что машинопись случайно попала в
руки издателей и ее печатают без ведома автора.

Если голландские предложения содержат что-либо материально выгодное, пусть вся
прибыль будет отдана в Ваше распоряжение, пользуйтесь ею по своему усмотрению,
денежные вопросы меня не касаются.

Однако, дорогая Жаклин, напоминая себе, что Вас ждут радости скорого
материнства, его заботы и огорчения, я задаюсь вопросом, откуда Вы возьмете
время и силы, чтобы взвалить на себя беспокойства, связанные с моими
литературными делами.

Может быть, Вам найти помощника или заместителя по русским делам, оставив за
собой только общее наблюдение. Не надо отбирать для сборника много стихов из

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori посланных Вам книг. Двойное, тройное предпочтение последним книгам, начиная с 1940 года. Нужно следить, чтобы сборник состоял из действительно лучшего, главного, понятного, и больше ничего не надо. Это суровый отбор, требующий от редакторов строгого и тонко-го вкуса, и снять эту тяжесть с Ваших плеч и доверить выбор кому-то другому я соглашусь только против воли. Лучшими судьями в этом могли бы стать другие члены Вашей переводческой коман-ды, – что касается стихов, то в первую очередь Мишель. Но что делать, если Элен, Мартинез и все Вы так перегружены? Может быть, Вы привлечете к этой работе кого-нибудь из Ваших рус-ских знакомых в Париже, разумеется, достаточно опытных. (Я все время забываю, что в голландском издательстве должны быть свои знатоки этого дела, за работой которых Вы можете следить и влиять издали.) Я мог бы Вам рекомендовать очень интересно-го и знающего человека, чтобы посоветоваться по этому вопро-су, музыковед и теоретик современной додекафонической му-зыки Петра Сувчинского, 15 rue Saint-Saens, Paris XV, если бы не боялся, что он окажется слишком снисходительным, восторжен-ным модернистом, тогда как здесь нужна холодная беспри-страстность.

Дорогая Жаклин, тут я обрываю свое длинное и утомитель-ное письмо. Элен уезжает 14-го. В этот зимний вечер я мысленно говорю Вам до свиданья. Завтра утром я скажу эти слова Элен вслух и во всей реальности. Такие живые, значительные прощания и разлуки – смертельная рана, некоторое подобие смерти. Увижу ли я вновь с Элен, поговорю ли еще раз с Вами? Да осыплет Гос-подь Вас своей милостью с головы до ног.

Борис

Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956-1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Письмо 12 дек. 1957 ж. де Пруайяр писала в постели, потому что плохо переносила начало беременности.

2 Де Пруайяр хотела бы видеть Пастернака крестным отцом своего будущего ребенка в надежде, что тот унаследует его высокие духовные ка-чества.

3 Элен Пельтье приезжала в Москву на Рождественские каникулы. Сохранилась записка Пастернака к ней 3 янв. 1958 о билетах для нее на «Зимнюю сказку» А. Н. Островского во МХАТе. Ей были переданы выве-ренные тексты «Доктора Живаго», очерка «Люди и положения», стихов из книги «Когда разгуляется» для русских изданий и юридическая доверен-ность на ведение дел на имя Жаклин де Пруайяр.

4 Перед отъездом Э. Пельтье в Москву 17 дек. 1957 они с Ж. де Пру-айяр встретились с проф. Клеменсом Геллером и сотрудниками русского изд-ва Мутона в Голландии для обсуждения изданий «Доктора Живаго» и сб. стихов Пастернака по-русски.

5 Имеется в виду роман австрийского писателя Роберта Музиля «Че-ловек без свойств», который критика сравнивала с эпосом Пруста.

6 Пятилетний сын Обер и его отец адвокат Даниель де Пруайяр.

7 В конверт с письмом к Ж. де Пруайяр была вложена записка к Фель-тринелли 12 янв. 1958, в которой Пастернак просил его не чинить препят-ствий его поверенной в делах и другу Ж. де Пруайяр в ее намерениях из-дать русский текст «Живаго»: «Милостивый государь, я не знаю, когда мне представится другая возможность, чтобы высказать Вам огромную при-знательность за Вашу ослепительную деятельность, объектом и очевид-цем которой я оказался. Я восхищен осторожностью данных Вами интер-вью, Вашим бережным отношением ко мне, которое я ощутил в оформле-нии книги, преподнесенной мне немецким журналистом<...>. Если я тоже, в свою очередь, был Вам в чем-то полезен, хочу попросить Вас исполнить мое желание. Ваши издания так баснословно расходятся, что можно было бы пожелать увидеть мне свою работу напечатанной так, как она была на-писана, в оригинале. Иными словами, не мешайте мне отдать это дели-катное дело (сопряженное, может быть, с обстоятельствами, губельными для меня, как впрочем, и вся живаговская фантазмагория), в заботливые руки моего большого друга Жаклин де Пруайяр в Париже. <...> Я не вижу, чем это может нанести ущерб или противоречить Вашим интересам, если каждый поступающий в продажу экземпляр русского издания будет нести под заглавием обозначение Ваших прав на все иностранные переводы, то есть самое широкое объявление вашего копирайта. Если все-таки моя просьба ущемляет Ваши намерения, тем не менее, прошу Вас, уступите мне, возместив свои убытки за счет статьи 2 договора. Уменьшите про-центы, которые Вы мне назначили до той цифры, которую сочтете нуж-ной, но не мешайте мне дать право выпустить от моего имени и пользо-ваться материальными выгодами во всех литературных начинаниях, каса-ющихся русского текста моих работ, мадам Ж. де Пруайяр и не стесняйте ее в этой деятельности» («Континент», № 107, 2001. С. 313-314). На пись-ме было указание Пастернака воспользоваться им в случае надобности, но оно не было отправлено Фельтринелли, так как, по мнению Ж. де Пру-айяр, в нем были

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
недостаточно точно определены ее юридические права. Как следует из дальнейшего,
Фельтринелли решительно воспротивился этим инициативам.

1484. Л. Л. СЛЕЙТЕР

14 января 1958, Переделкино

14 янв. 1958. Дорогая Лидочка, не могу сказать, как я рад был твоей новогодней открытке! Она пришла 11-го, очень скоро. Верь, честное слово, я не притворяюсь, – я не помню, какие свои пись-ма я послал тебе, какие нет. Но была в предположении одна просьба к Феде, далекая, гадательная¹. Она отпадает. Ничего не надо и никогда не надо будет. Я себя чувствую очень хорошо. Бы-вают, и будут еще, полосы неизвестности и напряжения, но они окупаются такими неистощимыми запасами счастья! Я люблю многолюдные приемы у нас на даче по праздникам, но в после-днее время от них пришлось отказаться. З<ина> устает, тяжелеет, недовольна (непонятно почему) детьми, с основанием недовольт-на мною. Мы встречали Новый год в очень узком кругу и тихо, но из далекой Тулы по делам ненадолго приехала Леночка и раздели-ла с нами эту праздничную ночь². Стыжусь того, что я тебе писал о новых стихах, пока их у тебя не было. Какая-нибудь десятая часть, или еще меньше, живут и чего-то стоят, остальные – так мертвы и зауражны!

Целую всех. 2>.

Да, и просьба относительно тетрадки, чтобы ее не прятать, а переписать и пр. отпадает. Ничего не надо, никаких забот и по-ручений. Все складывается гораздо проще. Печалит медлитель-ность колиз и прочая галиматья. Хотелось бы, чтобы все это было скорее.

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф (Pasternak Trust, Oxford).

1 Имеется в виду изложенная в письме № 1474 просьба получить Нобелевскую премию по доверенности Пастернака. Теперь, когда до-веренность была выдана Жаклин де Прауйяр, старые предположения отпадали.

2 Приезд Элен Пельтье из Тулузы. Этот шифр был не сразу прочтен Лидией, которая писала, что долго мучилась над этой загадкой.

3 Именем Коли Пастернак называет английское изд-во Коллинза, где печатался «Доктор Живаго».

1485. М. С. ЖИВОВУ

15 января 1958, Переделкино

15 янв. 1958 г.

Дорогой Марк Семенович,

не сердитесь на меня за допущенную, было, путаницу. На-прасно, поддавшись сомнениям, я решил опять заняться тем, от чего давно должен был отказаться, – так распространенными в наше время стихотворными переводами. Я не молод, мне много еще осталось сделать своего, мне дороги каждый день и час соб-ственной работы. Я ничего переводить не буду; часть стихов Яс-труна¹, предназначенных мне, передайте, пожалуйста, Ольге Все-володовне Ивинской, она хорошо переведет их. Прошу Вас про-стить меня, что поддавшись малодушию, я Вас напрасно обна-дежил.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (собр. В. М. Живова).

Пастернак был знаком с М. С. Живовым, журналистом и сотрудни-ком «Известий», с 1930-х гг. Позже Живов стал специалистом по польской литературе, составителем сборников и переводчиком.

1 Мечислав Яструн – польский писатель, автор поэтических сбор-ников «Встреча во времени» (1929) и «Дело человеческое» (1946), пере-водчик Пастернака.

1486. М. ОКУТЮРЬЕ, Э. ПЕЛЬТЬЕ, Ж. ДЕ ПРУАЙЯР, Л. МАРТИНЕЗУ

19 января 1958, Переделкино

19 января 1958

Невыразимо дорогой мой Мишель, Элен, Жаклин и Марти-нез, мои помощники и любимейшие друзья, – мне снова не дают покоя. У меня есть причины подозревать, что в ход французского издания вмешается «Международная книга», которая собирается возбудить процесс против Галлимара¹. Желая помочь Вам сорвать эти планы и избавить от опасений мне навредить, хочу высказать Вам свои истинные желания на случай, если понадобится их офи-циально противопоставить ложным утверждениям обвиняющей стороны.

Итак, вот смысл и направление, в которых Вы, не слишком опасаясь за меня, можете сослаться на мои действительные по-желания и намерения. Надо только отнести все это в прошлое и датировать оправдательные основания летом 1956 года.

Именно в это время в письме к Фельтринелли мною были сказаны те слова, которые он процитировал в газете Nuova Stampa в середине ноября 1957 года «пусть он публикует роман непременно, независимо и не взирая на то, что, может быть, позже меня заставят возражать самому себе, говорить против моих настоящих взглядов, против моей воли. Ибо, – прибавил я, – моя собствен-ная судьба для меня не так важна, как судьба моих мыслей»².

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Если будут ссылаться на интервью, которые я давал в декабре прошлого года иностранным журналистам³, пусть ясно представ-ляют себе следующее. В этих интервью я вынужден был согласить-ся с тем, что подписи под телеграммами с просьбой о возвращении рукописи были подлинными, что, стиснув зубы и скрепя сердце, я должен был поддаться идее «пересмотра» работы и ее «улучшения». Но, – добавлял я, – невыполнение просьбы ни в коем случае не трагедия, и я не собираюсь оспаривать текст, если он будет напеча-тан по рукописи. Насколько глупо и бесполезно говорить об этом теперь, когда неискаженный текст уже вышел в Милане несколь-кими тиражами и уже поздно пытаться фальсифицировать его до-полнительными «переделками» и изменениями!

Если попытка «Международной книги» возбудить процесс опирается на наиболее либеральные статьи французского автор-ского права (какая злобная наглость пользоваться свободными возможностями законодательства для крючкотворских уловок полного порабощения духа!), пусть Галлимар привлечет фельтри-нелли в качестве свидетеля защиты перед судом. Он сумеет опро-вергнуть эти построения, обстоятельно опираясь на свой собствен-ный опыт и не слишком касаясь меня. Я поручаю ему также рас-сказать, каким образом, желая заранее обезопасить себя от всяко-го постороннего вмешательства в мои планы, я его предупредил, чтобы он не обращал внимания на все, что я должен буду сказать ему против единственного и неизменного желания всей моей жиз-ни (видеть «Живаго» напечатанным), и чтобы он знал, что все про-тиворечащие этому проявления нерешительности будут ложны-ми документами, полученными под давлением, в той или иной сте-пени грубым или мягким.

Как до тошноты противно вновь и вновь возвращаться к этой грязной теме! Я расстаюсь с Вами не имея времени добавить к это-му хоть несколько человеческих слов.

Борис

Элен, Ольга боится, что использовать написанное здесь «в полном виде» будет опасно⁴. Тогда подумайте и сделайте выдерж-ки в пределах разумного.

Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956-1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. ж. де Пруайяр).

Письмо обращено к 4 переводчикам «Доктора Живаго», с которыми Пастернак познакомился в разное время. Первой по времени была его встреча с М. Окутюрье и Луи Мартинезом 6 мая 1956 г., когда они приез-жали в Москву на стажировку и навестили его в Переделкине. Окутюрье, очарованный оказанным им приемом и еще ранее поэзией Пастернака, перевел несколько его стихотворений и предварил их статьей, опублико-ванной в журн. «Esprit» (1957, № 3). Об этих переводах см. в письмах № 1503, 1521, 1539.

1 Всесоюзное объединение «Международная книга» – монопольная советская организация по изданию и продаже книг за границей. Пастернак получил от них письмо, которое, «в соответствии с договоренностью», он должен был подписать, с поручением сообщить издательству Галлимара, что он не «планирует» издание своей книги во Франции и просит вернуть руко-пись. Пастернак отвечал 19 янв. 1957: «Уважаемый тов. Утенков, "Галлима-ру" давно писали в том духе, как Вы предлагаете, и от него больше месяца тому назад получен ответ, известный в "Авторских правах" и выше, в кото-ром он мне телеграфирует, что он юридически связан с фирмой Фельтри-нелли, перед кем единственно и ответственен, а не со мною. В телефонном разговоре с Вашей сотрудницей речь шла о запросах, направляемых к Вам с издательскими предложениями относительно рукописи романа, которые я дал согласие отклонять от моего имени без указаний мотивов моего неже-лания. С уважением. Пастернак» (Пастернак и власть. С. 92–93).

2 Речь идет о следующих словах: «Если его (романа. – Е. И, М. Р.) публикация здесь, обещанная несколькими нашими журналами, задержит-ся, и Вы ее опередите, ситуация будет трагически трудной для меня. Но, – добавлял Пастернак, – мысли рождаются не для того, чтобы их таили или душили в себе, но чтобы быть переданными другим» (письмо № 1369). Фельтринелли повторял их в интервью после появления книги в Милане.

3 См. об этих интервью в письме № 1472, коммент 2.

4 О. В. Ивинская, запуганная Поликарповым, удерживала Пастерна-ка от рискованных поступков и слов.

1487. О. В. ИВИНСКОЙ

26 января 1958, Переделкино

Воскресенье 26 янв.

Дорогая моя, с ногой сегодня стало хуже¹. Я попробую поле-жать сегодня и завтра, может быть отойдет. Наверное я не смогу позвонить тебе в эти дни. Если во вторник мне не станет лучше и я не попаду к тебе, не волнуйся пожалуйста: сейчас мне ясно, с чего все начинается; это приступ ишиаса (воспаление седалищ-ного

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
нерва в тазобедренном суставе). Надеюсь, я вылежу его и пре-дотвращу обострение.
Не волнуйся и в том смысле, что не нарушай заведенного по-рядка. Сиди в
Измалкове и старайся работать, пока я не приду, а если и до пятницы я не
появлюсь, тогда сговоришься в пятницу с Андрюшей², чтобы он в будущее воскресенье
меня здесь проведаль в обеденные часы. Тогда я с ним передам весточку тебе, и он
мне о тебе расскажет.

Ни в коем случае не предпринимай ничего со своей стороны непредусмотренного,
неожиданного. Никого не посылай на дачу, ни, тем более, не пробуй зайти сама.
Любое отклонение от заведенного и ставшего привычным перевернуло бы весь образ
жизни, и это было бы хуже перелома рук и ног, для чего у меня не хватило бы сил.
Но я знаю, что ты не сделаешь этого, моя золотая. Я думаю, – все обойдется, в
крайнем случае, –яна день, на два опоздаю к тебе. На самый худой конец жди,
значит до пятницы (до посылки Андрюши). Я думаю, что не придется. Без конца тебя
обнимаю, ангел мой. О Шуплецов³, конечно, не может быть и речи.

Твой Б.

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Емельяновой).

Факсимиле: Каталог Кристи. С. 55. Письмо отпра-влено в соседнюю с Переделкином
деревню Измалково, где снимала ком-нату О. В. Ивинская.

1 Возобновившаяся болезнь ноги (воспаление мениска), которая в прошлом году
уложила Пастернака в больницу.

2 А. А. Вознесенский был частым гостем О. Ивинской.

3 Борис Савельевич Шуплецов – редактор отдела западной литерату-ры в
Гослитиздате, где готовился к печати перевод «Марии Стюарт» Шил-лера.

Сохранилась записка Пастернака Ивинской о Шуплецов³: "1) Пусть делает, что хочет
я исполню все просьбы. Можно в корректуре. 2) Перево-да Вильмонта не видел до
сих пор в глаза. Сейчас бросил взгляд на начало (1-2 страницы). Гораздо лучше,
чем думал. Не понимаю, почему МХАТ его забраковал. Наверное, при обн-ности
подлинника и сходстве языка и манеры есть совпадения в переводе Вильмонта и
моем. Если их много, это позор и этого надо избежать, так как похоже на плагиат.
Пусть Бор. Сав. возьмет на себя труд сличить, укажет совпадения, и я изменю
совпадаю-щие места. 3) Если разница качества не очевидна и у моего нет
преиму-ществ или они невелики, еще не поздно подумать: я смогу возместить
Гослитиздату полученные 16 тысяч другими работами и откажусь от изда-ния. 4) В
моем переводе есть тенденция, от которой я не откажусь, сжи-мать ненужные
длинноты подлинника там, где это возможно» (Материа-лы ГМГЛ. С. 32). Записка
объясняет ситуацию с переводом Пастернака, ставшую причиной обиды Н. Н.
Вильям-Вильмонта на своего друга и по-ложившей конец их отношениям.

1488. Н. С. РОДИОНОВУ

29 января 1958у Переделкино

29 янв. 1958 г.

Дорогой мой Николай Сергеевич!

Пишу Вам в постели. Опять со мной обычное мое несчас-тие, – нога и колено.
Страшно мучительно, но, кажется, на этот раз обойдется без больницы. Пользуюсь
случаем принести безмер-ную, безмерно запоздалую благодарность Валерии
Дмитриевне за Пришвинские (и – наполовину ее) «Глаза земли»¹. Я их стал чи-тать
еще летом, будучи в Узком, и поражался, насколько афоризм или выдержка,
превращенная в изречение, могут много выразить, почти заменяя целые книги. Но
потом кто-то у меня зачитал кни-гу, и я надолго с ней расстался. Конечно, я
потом припомню, чья это вина, и добуду ее назад. Я Вас обоих (ничем
насильственно не соединяя Вас) страшно люблю и пишу Вам эту записку в слезах. Я
плачу оттого, что во-первых больно мне, затем оттого, что за стеною играют
Скрябина², главным же образом, от восторга: от сознания того, какую стройность
вложил Бог в жизнь каждого, почти как бы выстроив из нее церковь Себе³ (если
только в этой мысли нет ереси или кощунства).

Николай Сергеевич, в Астаповском отрывке⁴ постоянно повто-ряется опечатка,
которая сохраняется, сколько я ее ни выправляю. Тут не два раза «успокоился», а
первый раз успокоился, второй же раз – упокоился, т. е. таким образом фразу
следует читать так: «Было как-то естественно, что Толстой успокоился, упокоился
у дороги» и т. д. Со мной случилось много баснословно непредвиденного, и это,
кажется, на всю жизнь будет иметь такое же неожиданное продолже-ние, – я говорю
о судьбе моих работ и о душевных нитях, которые ко мне вдруг неожиданно
протянулись с разных концов света.

Крепко Вас и В. Д. целую. Пусть она простит меня. Ваш Б. П.

Впервые: Борис Пастернак. Доктор Живаго. Избранные письма. – Ав-тограф (Музей М.
М. Пришвина в Дунине). Письмо написано карандашом.

1 М. М. Пришвин. «Пгаза земли». М., 1957. Книга составлена из днев-ников

Пришвина после его кончины вдовой писателя Валерией Дмитри-евной.

2 В соседней комнате играл Станислав Нейгауз.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
31 Кор. 3, 16–17: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог: ибо храм Божий свят; а этот храм – вы».

4 Речь идет о гл. 14 (ч. «Девятисотые годы») очерка «Люди и положение», посвящ. поездке в Астапово в ноябре 1910 г. на похороны Льва Толстого.

1489. Е. Е. ТАГЕР

30 января 1958, Переделкино

30 янв. 1958

Дорогая Елена Ефимовна, помимо благодарности, которую вызывают Ваша тревога, участие и то неисчислимо многое, что Вы сделали для меня в эти дни¹, я лишний раз убеждаюсь, как я бездушно эгоистичен, потому что и сотой доли достигнутого Вами не только ни для кого не сумел бы сделать, но считал бы немислимым и неисполнимым.

Хотя нога у меня очень болит и очень тяжелы наполненные бессонницей или кошмарами долгие ночи, но на этот раз все-таки это не так страшно, как было недавно, с попутными трудностями, но не дошедшими до осложнений. Зина умело, уверенно и почти с гениальной удачей заменяет мне больницу. Я думаю, все обойдется и по счастью, на этот раз требуется только терпение².

Ах, как ничтожен и неисправим человек, несмотря ни на какие уроки! После летнего напоминания я больше должен был ценить каждую минуту здоровья и за полугодовую отсрочку успеть «накатать» что-нибудь не хуже нового живаго, а я жил ажиотажем вокруг старого и ничем не оправдал упущенного времени. Я пишу Вам глупости, это все лишнее и совсем неинтересно. Ваша доброта удивляет меня, вот все, что я хотел Вам сказать. Привет Евгению Борисовичу. Зимой Синявский познакомился со мной³ и страшно тепло отзывался о нем.

Без конца благодарю Вас. Ваш Б. Я.

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2887, оп. 1, ед. хр. 398).

¹ Е. Е. Тагер договаривалась и возила к Пастернаку врачей и лекарства. К. И. Чуковский, навестивший Пастернака 1 февр. 1958 г., записал в дневнике о знакомстве «у постели Бор. Л-ча с Еленой Ефимовной Тагер, очень озабоченной его судьбой. Мы сговорились быть с нею в контакте. Сегодня и завтра я буду хлопотать о больнице. О Кремлевке нечего и думать. Ему нужна отдельная палата, а где ее достать, если начальство продолжает гневаться на него» (Дневники. 1930–1969. М., 1994. С. 263).

² Пастернак был помещен в больницу МК в Давыдовке 8 февр., и вскоре писал оттуда Е. Е. Тагер: «Дорогая Елена Ефимовна! Вы фантастка и чудачка. Нельзя так. Я на земле, меня окружают физические условия. Не затрудняйте их. Мне некуда повернуться, и все нужные вещи вместе с чемоданом остались в кладовой. Умоляю Вас, не безумствуйте больше. Мне труднее от этого, а не легче. Возвращенные вещи я получу от Вас, когда выздоровею, а сейчас некуда их положить. Не сердитесь. Спасибо. Ваш Б. Я.» (РГАЛИ). Там же сохранилась более поздняя записка Пастернака из Переделкина с приглашением Тагеров в гости: «Милые Елена Ефимовна и Евгений Борисович, в воскресенье будет толкучка и я буду более раздражителен, чем обычно. Приходите лучше завтра, в субботу 2-го, в час дня, в промежутке между моими часами занятия и прогулкой. Ваш Б. Я. 1 авг. 1958».

³ Речь идет о приходе А. Синявского к Пастернаку в конце 1957 г. О его разговоре с Пастернаком см. коммент. 7 к письму № 1441, написанному непосредственно после чтения статьи Синявского о поэзии Пастернака.

1490. Л. Л. СЛЕЙТЕР

24 февраля 1958, Давыдово

24 / II / 58. Дорогая Лида, не удивляйся тому, что я долго не отвечал тебе.

Месяц тому назад у меня снова разыгрался ужасный мой радикулит или трофический неврит правой ноги (бедро и коленка) и, вследствие того, что степень болезненности и вызываемые ею внутренние неполадки и температура кажутся каждый раз загадочными, я, несмотря на нежелание, – опять в больнице. Боли в ноге уже не такие адские до обморока, как первые две недели. Преодолевая ее приступы, начинаю ходить. Это у меня третий раз. Было в 1940 году и в прошлом, и опять повторилось. Пока я бываю здоров, я своими руками сдерживаю валяющиеся друг на друга противоречия моей жизни, когда же я заболелаю, начинается их ничем не препятствуемый обвал. Как все это трудно, сказочно и ужасно. Пиши мне по-прежнему на дом. Страшно рад устраиваемой вами папиной выставке¹. Твой Б. Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф (Pasternak Trust, Oxford). Открытка написана карандашом.

¹ Выставка работ Л. О. Пастернака была устроена в Музее Ашмолеан в Оксфорде.

1491. А. А. БИСКУ

24 февраля 1958, Давыдово

24 февраля 1958 г. Дорогой Биск, я лежу с приступом страшнейшего неврита правой ноги в больнице. Знакомые носят мне сюда разные книги. Среди них принесли вчера

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Вашего парижского Риль-ке1. Я прежде никогда не видел Ваших переводов. Если бы я
знал их раньше, я бы расстался с убеждением, что Рильке еще не знают по-русски и
не имеют о нем представления. Самое существенное и не-уловимое Вами передано с
редкой удачей. Поздравляю Вас со всем тем большим и недостижимым, что
завоевывает такая победа.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: газ. «Новое русское слово». Нью-Йорк, 16 марта 1958. – Автограф (собр.
адресата).

Александр Акимович Биск, поэт и переводчик. Первую книгу своих переводов из
Р.-М. Рильке издал в Одессе в 1919 г.

1 Книгу переводов А. Биска из Рильке, изданную в Париже в 1957 г., Пастернаку
прислал его сын, французский поэт Аллен Боске.

1492. А. И. ПУЗИКОВУ

4 марта 1958, Давыдково Дорогой Александр Иванович!

Я сам своими частыми заболеваниями и больницами так на-доел себе, что наверное,
еще больше должен был надоест вам и самым близким людям. Я не верю в
возобновившееся шевеление вокруг моего стихотворного сборника и толки о
возможностях напечатания романа. Никогда этого не будет, ни к чему эти
разго-воры не поведут.

Но и мифы о моей самостоятельности преувеличе-ны. Раньше или позже и,
может быть, довольно скоро, мне пона-добятся большие деньги. Как хорошо было бы,
если бы, как в бы-лые годы, вместо гаданий о вещах неосуществимых издательство
согласилось переиздать мои переводы Шекспировских трагедий, как в сборнике 1958
года1. Скажите 0<льге> В<севолодовне>, что Вы вообще думаете о моих делах, если
тут есть что-нибудь думать. Сердечный привет. Преданный Вам Б. И

4 марта 1958

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Еме-льяновой).
Письмо было написано в больнице и отдано Ивинской для передачи Пузикову, но
осталось у нее.

1 Ошибка публикатора: надо 1953 г. Имеется в виду сб.: Вильям Шек-спир.
Избранные произведения. М., Гослитиздат, 1953, куда вошли все переведенные
Пастернаком трагедии. В бумагах Пузикова сохранилась аналогичная просьба,
обращенная к директору издательства Г. И. Влады-кину, отправленная полгода
назад, но также оставшаяся без внимания: «Уважаемый Григорий Иванович! Мне
требуются деньги, в размерах, мне кажется, заслуженных долгою и небесполезною
моею переводческой ра-ботой. Я бы избежал неприятности обращаться к Вам, если бы
резким скач-ком не были недавно занижены вчетверо перспективные отчисления,
почти на нет сведшие этот источник заработка. Не сочтете ли Вы возмож-ным
переиздать в 1953-м году вышедшую книгу: Вильям Шекспир. Из-бранные
произведения. Гослитиздат, Москва, 1953 полностью или в час-ти, касающейся меня
и содержащей семь трагедий Шекспира, и не согла-ситесь ли Вы поручить, чтобы со
мною заключили договор на это переиз-дание? Б. Пастернак. 17 ноября 1957» (собр.
Т. А. Пузиковой).

1493. О. В. ИВИНСКОЙ

Середина марта 1958, Давыдково

Если столько разговоров об отдаленном будущем1, пусть в ближайшем, не
собственными силами, но при опоре на какое-нибудь очень решительное распоряжение
сверху (Н. С.??) добьет-ся моего помещения единственным больным в двухкоечную
пала-ту в первом отделении, но с ручательством, что этот порядок бу-дет выдержан
до конца, и мне не поместят соседа. Хотя это (даже мне) кажется преувеличенным
притязанием и чем-то неслыхан-ным, я достаточно поработал, чтобы это исключение
заслужить. Тогда я разложу свои вещи и книги в таком отдельном помеще-нии,
постепенно займусь чем-нибудь своим, и, Бог даст, с течени-ем времени приду из
больного состояния в здоровое. Надо толь-ко, чтобы до четверга, когда я жду к
себе Фед<ора> Ив<анови>ча, он запасся должными твердыми и действенными
полномочиями сверху, а может быть даже и сговорился по телефону. Вот это
(по-мещение одиночным больным в малую палату) было бы интерес-но, а все прочее
пока маловажно.

«Наш» или «чужой» и т. д. Странно, что для того, чтобы быть нашим, русским и т.
д., нужно, при подверженности таким ост-рым приступам, разъезжать и смотреть, а
если не ездить и сидеть спокойно дома, ты будешь голландским или аргентинским.
Ис-кренне хорошее отношение к человеку должно заключаться в том, чтобы его
оставили в покое и перестали им так сложно и двой-ственно заниматься.

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Еме-льяновой).

Датируется по содержанию.

1 Речь идет о разговоре О. Ивинской с Ф. И. Панферовым, который вызвал ее к себе
и, желая «спасти» Пастернака и не отдавать его «чужим», предлагал ему свою
машину для того, чтобы поехать в Баку посмотреть строительство нефтяных городов

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori в Каспийском море и написать об этом. Собирался приехать в больницу, чтобы обсудить с Пастернаком это предложение (там же. С. 235).

2 Никита Сергеевич Хрущев.

1494. П. П. СУВЧИНСКОМУ

26 марта 1958, Давыдково

26 марта 1958 г.

Дорогой Петр Петрович, месяц тому назад я Вам послал одну или несколько открыток из больницы, куда меня положили в начале февраля¹. Вот уже второй раз на протяжении года я болеваю этим страшным и мучительным радикулитом правой ноги, болезнью, вырывающей меня из житейского и трудового обихода на долгие месяцы. Я знаю, что экземпляры Фауста для Вас и Степуна не дошли до Вас, – мне их из ССП почему-то во время болезни вернули². Повторю попытку сам без их посредничества, чуть выздоровею. Напишите мне, меня Ваши письма, несмотря на Ваши незаслуженные преувеличения, очень поддерживают. Можете писать все, что захотите. Сейчас мне лучше, хожу, преодолеваю сильную боль. Очень хочется домой, на дачу в Переделкино, к брошенным планам и предположениям. Много теплого, значительного и трогательного пришло за время болезни из Ф<ранции>. Скажите Рене Шару и дю Б<уше>, что ничего этого я не могу прочесть в больничной обстановке, от всего сердца благодарю их и им отвечаю, лишь только выздоровею, вернусь домой и все посланное разберу³. Совершенно не представляю себе, как сложится мое ближайшее будущее. Все более неопределенно, далеко и бесформенно, чем когда-либо. Очень хочется поскорее выздороветь и подышать простотой и определенностью всего того, что приходит в голову среди природы.

Ваш Б. И

Впервые: Revue des Etudes slaves. Т. 72. – Автограф (Bibliothèque National, Paris).

1 Вероятно, имеется в виду открытка 20 янв. 1958 (там же. С. 732).

2 Книги были посланы 11 дек. 1957 вместе с недошедшим письмом № 1470.

3 Друг Сувчинского, французский поэт Рене Шар послал Пастернаку две книги «Poemes et prose* (1957) с надписью: «Борису Пастернаку мысленно восторгаясь им. Рене Шар – кому же как не Вам. 1 января 1958» и «Recherche de la Base et du Sommet suivi de Pauvrete et Privilege* (1955; «Поиски основания и вершины под знаком нищеты и преимуществ») с надписью: «Борису Пастернаку. К нему и для него в общей участи. От родственного сердца, преданного ему сквозь все испытания. Рене Шар». Пастернак получил также стихотворный сб. от друга Р. Шара Андре дю Буше «Le Moteur blanc» (1956), надписанный: «Борису Пастернаку от его современника как свидетельство глубокого восхищения и преданности. А. Д. Б.» и письмо с признанием, что его творчество «уже многие годы идет рядом» с ним, и «настолько незаменимо, что лишало желанья личного обращения», «теперь произошедшего» («Дружба народов», 1998, № 2. С. 196, 102).

1495. М. К. БАРАНОВИЧ

2 мая 1958, Переделкино

2 мая 1958

Дорогая Марина Казимировна, как я перед Вами виноват! Но не обижайтесь на меня, я только-только еще стал оживать. На разговоры о болезни не стоит тратить слов, но измерьте, каким ужасом обрушиваются эти боли, больницы и из жизни вырванные месяцы, без надежды, что это снова когда-нибудь кончится благополучно, при каждом новом возобновлении!

Мне сейчас много хочется и нужно сделать. Все так благоприятствует и так обязывает! Но ведь самые безумные из этих писем, полных души, которых я не заслуживаю и в сотой доле, Вас не минуют, – Ольга В<севолодовна> наверное не удержится, чтобы не попросить Вас их перевести¹. И все они в Вашем «ключе», как говорят теперь, точно моя судьба прошла через Ваши руки и Вы ее заморозили! Надо набраться духу на большую новую прозу, надо будет еще раньше, кроме того, написать нечто вроде статьи о месте искусства в жизнеустройстве века, может быть, по-французски для французского издания, в виде предисловия². А вместо того пробуждающаяся работа мысли начинается, как всегда, со стихов. Надо будет пописать и их, на серьезные, на глубокие, важные темы. А кругом грязь, весна, пустые леса, одиноко чирикающие птички, и все это лезет в голову в первую очередь, отсрочивая более стоящие намерения, занимая понапрасну место и отнимая время. И мне нечего Вам послать кроме прилагаемых двух, и Вы, как всегда, опять будете правы, что они с первого взгляда Вам не понравятся, так эти «птички» непростительно банальны и слабы³.

Целую Вас. Ваш Б. И

Я не забыл, кому я пишу, в отношении болезней, их тягостности, мучительности и их опасности, но я не хочу об этом говорить. И потом я всегда справляюсь о Вас регулярно.

Впервые: Переписка Б. Пастернака с М. Баранович. – Автограф (Hoover Institution

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris Archives, Stanford).

1 Примеч. М. К. Баранович: «Никаких писем в моем "ключе" я не видела». Имеются в виду письма, получаемые из-за границы от первых читателей романа «Доктор Живаго».

2 Предисловие для французского издания «Доктора Живаго» осталось ненаписанным.

3 Приложены стихи: «За поворотом» и «Все сбылось».

1496. Э. ПЕЛЬТЬЕ-ЗАМОЙСКОЙ

3 мая 1958, Переделкино

3 мая 1958

Элен, представьте себе, у меня снова возобновилась та же жестокая болезнь правого колена и бедра. С начала февраля и до конца апреля я находился в больнице, но не в той, что в прошлом году. Посудите, как угнетающе действуют частые рецидивы этих болей. Но что тут разговаривать? Скажите мне поскорее, как Вы поживаете, что делает Замойский?1 И, главное, расскажите мне о Жаклин. Что у нее происходит? Здорова ли она? Родила ли она уже? Кого она произвела на свет: мальчика или девочку?2 Из чистого суеверья я боюсь ей писать, чтобы осведомиться о ее здоровье, радостях и заботах. Мне так дорога ее жизнь и судьба!

Во время болезни я получил кучу писем, главным образом, отзывов на Д<октора> Ж<иваго>, причем наиболее многочисленными от Ваших соседей и из Западной Г<ермании>. В одном или двух случаях письма столь непосредственны, незаслуженно великодушны и вдохновенны, что их надо включить в наше ближайшее содружество, Ваше, Жаклин, О<льги> В<севолодовны>.

Что слышно о «наших баранах»?3 Как идут ваши дела с Гал<лимаром>? Какие возможные сроки вы себе представляете? Я ничего об этом не знаю. Я надеюсь, что было бы слишком поздно говорить о задуманном предисловии теперь, когда книга, вероятно, вот-вот выйдет? Но, если Вы хотите, я мог бы начать его писать в ближайшие дни для возможного переиздания?4

Сообщайте мне обо всем, что узнаете и что мне совершенно не известно. Ваши предыдущие письма всегда до меня доходили. Немецкие и французские письма, о которых я сказал раньше, были отправлены на адрес, взятый из газетных статей, где рассказывалось о воскресеньях в «загородном доме», местоположение которого было описано и названо5. И случилось так, что этот деревенский адрес (просто П<еределкин>о под Москвой) служит лучше, чем городской, поскольку деревенская почта вручает письма с меньшими потерями. Может быть, лучше воспользоваться им, когда Вам надо будет послать что-то, что жаль было бы потерять, например, письмо, написанное Вашим дорогим почерком, вырезки, или публикацию статьи. Все Ваши друзья кланяются Вам и Вас обнимают. Музыкант фр<еми>бтоже хорошая оказия. Я не сказал Вам ничего из того, что хотел и должен был. Посылаю Вам открытку, а не закрытое письмо для того, чтобы мои новости с большей вероятностью дошли до Вас.

Впервые: Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956-1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Весной 1958 г. Элен Пельтье вышла замуж за известного польского скульптора Августа Замойского. Она описывала Пастернаку покупку старой фермы в Сен Клар, недалеко от Тулузы, и ее оборудование под мастерскую.

2 Ж. де Пруайяр родила девочку 31 мая 1958 г. и назвала ее Полин.

3 Пастернак обыгрывает имя голландского издателя Мутона, соотнося его с французской поговоркой: «revenons a nos moutons», которая значит: «вернемся к нашим баранам», то есть к нашей теме.

4 Перевод «Доктора Живаго» был уже готов, шли корректуры. «На встрече Нового года, – писал Пастернак Ж. де Пруайяр 8 мая, – мы уговорились с Элен, что я сделаю предисловие к французскому изданию следующим образом. В нескольких длинных письмах к Вам или Элен я предоставлю готовый материал для этого предисловия в виде соображений, которыми мы обменивались, и которые Вы можете привести без изменений, как цитаты из переписки, в обрамлении предисловия, написанного Вами или ею» («Новый мир», 1992, № 1. С. 142).

5 Имеются в виду статьи Жана Невсея в «France Soir» и Герда Руге в «Die Zeit», где описывались встречи с Пастернаком в Переделкине. «Некоторые, – писал Пастернак Ж. де Пруайяр, – прочитав в иностранных статьях описание нашей дачи, почерпнули оттуда мой упрощенный адрес (Переделкино под Москвой, СССР, мне – и больше ничего), и вся неуместная дань восхищения и порой самые высокие душевные излияния, главным образом, из Франции и Западной Германии, при таком обозначении места благополучно доходят без всяких потерь или с меньшими, чем через Союз писателей или на мой городской адрес» (там же. С. 141).

6 Знакомый Элен Пельтье пианист Жерар Фреми проходил стажировку в Московской консерватории по классу Г. Г. Нейгауза.

1497. З. Ф. РУОФФ

5 мая 1958у Переделкино

5 мая 1958. Я вспоминаю, Зельма Федоровна, сколько мне, бывало, хотелось сообщить Вам в ответ на Ваши письма, как я считал невозможным оставлять их без ответа. Тогда было совсем другое время. Я реже болел или не болел совсем, у меня было больше досуга, а главное: моя судьба, мои интересы, круг моих забот и наконец, даже новые мои работы не были еще так далеко отнесены в недостижимость, за так называемый жел<езный> зан<авес>. В И<талии> доктор Ж. вышел уже девятым изданием за четыре месяца, скоро появится в Punteon Books и у Коллинза, у Галлима-ра во фр<анции>, в S. Fischer Verlag во фр<анкфурте> на М<ай-не>. Мне много пишут оттуда новые, мне интересные, неизвестные, очень любящие Россию, восторженно, сами представляющие для меня ценность своей оригинальностью и мыслью, я отвечаю им иногда на их трех языках. Они знают обо мне безмерно больше, чем Вы или кто-нибудь в Переделкинском доме творчества, от меня через дорогу. При том обстоятельстве, что все это противно установлениям и что часть сведений и писем пропадает с обеих сторон по дороге, надо удивляться чудесному вихрю, вырывающему какую-то долю фактов, вестей, радостей и удач из общего потока, и остающемуся их количеству. Но не могу же я сам рассказывать Вам и всем другим о себе самом. И таким образом жизнь моя, за немногими исключениями ото всех откололась, и мне неинтересно то, что Вы мне пишете, и непонятна доверчивость, с которой Вы слышите в сотый раз о том, что меня издадут или меня не издадут, и придаете этой ерунде какое бы то ни было значение¹. Впервые. – Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по фотокопии с открытки, посланной в Воркуту, пос. Рудник, школа № 3.

II В ответ на следующее письмо от З. Ф. Руофф Пастернак писал 10 февр. 1959: «Благодарю Вас, что Вы простили меня. Я написал Вам тогда нехорошее и грубое письмо, и потом жалел. Спасибо также за письмо и Роденовскую голову. Ваш Б. Пастернак».

1498. л. л. СЛЕЙТЕР

11 мая 1958, Переделкино

II мая 1958 г.

Дорогая Лида, я без году неделя из больницы. Это возвращение к жизни обладает страшной силой. У меня, когда я ее засиживаю больше часу, еще продолжает болеть нога. Но по-прежнему жизнь остается волшебным сочетанием, состоящим из удач и предположений, и мне ужасно хочется писать, но я вынужден откладывать работу, потому что у меня накопилась гора заграничных писем, на которые мне хочется ответить.

Я представляю себе, чем должна была явиться папина выставка безотносительно и объективно, и какое место она должна была занять в вашем существовании¹. Когда я понадергал из его альбомов и записных книжек до ста его рисунков, дал их окантовать и развесил по стенам, это преобразило не то что внешний вид помещения, это преобразило мою жизнь, начиная с дня их развески, точно ее перенесли в другое место с другим солнцем и другим климатом. Мне даже книжку, которая бы подобралась из вещей того времени, хотелось озаглавить: Комната, увешанная картинами.

Наверное благодаря вновь подтвердившейся его вечной победе вы испытали возврат всего прошлого, всех периодов пережитого в той восторжествовавшей, самоутвердившейся форме, какою никогда не может быть само воспоминание.

Я не знаю, зачем я тут же начну записывать тебе два весенних пустяка (когда я говорю о желании писать, речь о темах более серьезных, вроде «Вахханалии», «Музыки», «Ночи» и т. д.)².

И вот я забыл, о чем хотел написать.

У О<льги> В<севолодовны> есть дочь, Ирочка Емельянова, студентка. У ней были знакомые, учащиеся из заграницы. Один из них Georges Nivat, уехал в Оксфорд и с ней оттуда переписывается³. Сообщено, что он познакомился с кем-то из твоих мальчиков. С кем же? С Майклом или с Ники? Ирочка, о которой в ее институте распространили легенду, будто она моя приемная дочь (она прелестная, очень смелая и одаренная девочка), за моей спиной зовет меня класюшей (от слова классик). Она очень в курсе всего, относящегося ко мне, и иногда снабжает своих знакомых машинными копиями моих рукописей, не проверенными и содержащими много ошибок. Наверное этот Nivat очень милый, и О. В. утверждает, что я его или он меня однажды видел, но я в этом не уверен.

Крепко тебя, Жоню, Федю и всех ваших целую и обнимаю. Твой Б.

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф (Pasternak Trust, Oxford).

¹ «Никогда, нигде папочкины картины не висели так, как на этой выставке, – писала Жозефина на следующий день после ее открытия. – Как скорлупа и яйцо безошибочно выточены друг для друга, так этот зал будто создан для того, чтобы принять непередаваемую красоту папочкиных картин. Самое изобилие вещей, которое могло показаться нагромождением в другом месте, превращается здесь в дышащий

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori сад, в котором у каждого цветка свое место, прекрасное и неоспоримое» (там же. Кн. II. С. 277).

2 Далее переписаны стихи весны 1958 г. «За поворотом» и «Все сбылось».

3 Жорж Нива проходил аспирантуру в Оксфордском университете и жил в доме Лидии Слейтер, которая сдавала комнаты студентам.

1499. Ж. Л. ПАСТЕРНАК

12–16 мая 1958, Переделкино

12 мая 1958

Дорогая Жоня, благодарю тебя за сделанные выписки¹. Ты – папина Антигона, и за это честь тебе и слава. Все это потрясюще трогательно со стороны папы.

Осмеливаюсь думать, что угадываю оттенок сожаления, сопровождавший его мысли о маме, особенно после ее смерти. Ему могло казаться, что ей что-то осталось не

додано, что по вине его и семьи она осталась в тени, недостаточно оцененная... Может быть, это и было так, но это не оплошность, не упущение, заставляющее

терзаться впоследствии. Трагизм жизни – ее естественная закономерность, она должна быть трагической, чтобы быть реальной. Когда потом над ее свидетельствами

про-ливаешь слезы, то это не оттого, что в ней незадачливо стеклись обстоятельства, а оттого, что она дорого стоила, что за нее много заплачено.

Плакать заставляет ее значительность. Совершенная случайность, но так же (несмотря на привходящую действительную

катастрофичность) нельзя, например, не плакать над документацией последних дней жизни самого Шума-на, над письмом Клары Шуман к детям с извещением о смерти их

отца. Даже сведения, что его дочери жили так долго и умерли, не-замужними учительницами музыки, одна в 1928-м, а другая, 87-ми лет, в 1938 г. в Швейцарии, странным образом поражают и вызы-вают слезы.

Для меня в твоих выписках были, в папиных устах, очень важ-ны строчки: «Когда же и где я встретился в первый раз с нею? – с моей судьбой?» и что: «Ему очень

понравилось это определение». Далее, что папа не поддался литературному искушению предста-вить ответ на этот вопрос в виде припоминания, явившегося

вслед за тем в сновидении, приснившемся в ту же ночь. Кроме того, необычайно важно было узнать, что мама сыгра-ла Шумановский квинтет

у директора Британского Музея за один месяц до своей смерти. С этим квинтетом были, действительно, связаны первые годы существования семьи, до вашего

рождения; квинтет был звуковым наполнением обстановки и старых квар-тир, которых вы уже не застали.

Очень хорошо, что ты разобрала и переписала эти записи. По-моему, дальнейшим их сокращением и любой обработкой даже ради их обзорности, как материала, должна

заняться ты, раз ты уже это начала и проделала, и Лида тебе ни к чему. Когда ты это отожмешь как следует, тогда видно будет, что с этим делать.

Но в своей осторожности по отношению ко мне ты, конечно, права, и я тебе и Лиде наверное должен казаться до бессердечия не-благодарным эгоистом и по отношению к

памяти гюдителей, и Оли и ее работ, и всех судеб и людей, которых я встречал на своем пути, и всех окружающих и близких. И тут я ни слова не скажу в свое

оп-равдание, кроме того, что, ведь, не только уклонение от сердечного долга определяет меня, а, наверное, и еще что-то другое. И, может быть, этого второго

достаточно с избытком, чтобы простить меня. Когда у вас выйдет Д<октор> Ж<иваго>, и вы прочтете о нем что-нибудь

обстоятельное, интересное и стоящее внимания, при-шлите мне вырезки и напишите несколько слов о том, что вы уз-наете и услышите (даже если это будет что-нибудь

дурное), без боязни каких-либо последствий для меня, кроме того единствен-ного, что оно до меня не дойдет.

Крепко целую тебя, Федю и всех твоих. После этих двух пос-ледних заболеваний, продолжающейся боли в ноге и постоянной возможности их остро-го повторения

чувство прочности мне дос-тупных сроков покинуло меня, я не знаю, каким временем я рас-полагаю, не говоря уже о постоянной, смягченной, но до поры до времени,

политической угрожаемости моего положения, при ко-тором ощущение твердой почвы тоже становится немыслимым. Именно потому урывками, в промежутках жизнь кажется

вдвой-не волшебной и непередаваемой, и я не могу устоять против нее и того, чем она незаслуженно балует.

Твой Б.

Это отношение к жизни, т. е. удивление перед тем, как я сча-стлив и какой подарок – существование, у меня от отца: очаро-ванность действительностью и

природой была главным нервом его реализма и технического владения формой. На него, на папу внеш-не очень (больше всех нас) похож Леня, молодой человек, до

безу-мия любящий музыку, из застенчивости отказывающийся от регу-лярного занятия ею под руководством матери или знающего педа-гога, самостоятельным барахтаньем

достигший уже такого репер-туара, как Шопеновские скерцо и баллады, трагический относящийся к тому, что он не стал пианистом, как его сводный брат, который пьет

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori и которого лечат от алкоголизма. Для меня же печально, что мальчик так преувеличивает провидциальность музыки, что ок-руженный, если не прямо, то во втором плане, музыкантами-про-фессионалами, он не замечает, как много хороших музыкантов и как музыка обыкновенна. – Но, ведь, это не в сторону мамочки.

16 мая 1938

Я боюсь, – отрывочность моих слов, истолкованная непра-вильно, может повести к недоразумениям и тебя обидеть.

Мама была великолепной пианисткой: именно воспомина-ние о ней, о ее игре, о ее обращении с музыкой, о месте, которое она ей так просто отводила в обиходе, дало мне в руки то большое мерило, которого не выдерживали потом все последующие мои наблюдения. Именно ее одаренностью мерил я свои права и дан-ные и проваливался в собственных глазах, и музыку оставил.

Так же точно высота папиного мастерства, полнота и неисто-щимость того, чтб он вкладывал в совершенную форму рисунка и того, что он умел сделать из простого факта и явления сходства, не позволяли мне на протяжении всех следующих лет позировать кому-нибудь или вешать на стену что-либо из того, что мне дари-ли художники.

Но об этом нельзя и не надо говорить. Это азбука. Я думаю, что так же точно, как природа закономерна и не терпит отступле-ний от своих законов, так в искусстве, в истории творческих созда-ний человека законами являются одни единичности, одни только исключения, а не области, в которых эти исключения числятся и которые высоту этих исключений только оттеняют. И в моих глазах музыка с Шубертом, Брамсом и бездной прекрасных исполните-лей и педагогов есть огромное гигантское прегрешение посредствен-ности, которое должно было быть искуплено тем более гигантски-ми переворотами в ней самой, каковы Шопен или Вагнер или (не важно в какой мере с этим соглашаться, Чайковский).

Здесь на конкурсе пианистов прошел первым и завоевывает всеобщую любовь, и сводит всех с ума, и побеждает молодой пиа-нист из Америки Ван Клиберн². Вот это я понимаю. Он уедет, и никакой музыки опять надолго больше не останется.

Я долго не буду писать вам. У меня бездна неотмеченных пи-сем, мешающих мне работать. И ведь, «неприятности» всегда под-стерегают меня.

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф (Pasternak Trust, Oxford).

1 Жозефина послала брату выдержки из записок отца, 25 апр. 1958 она писала: «несколько лет назад я решила заняться приведением в поря-док папочкиных записей. Я стала переписывать все им занесенное: в тет-ради, на отдельные листы, листочки, записочки и т. д., ничего не меняя. Тут и биографический материал, и папочкины взгляды на искусство и встречи с интересными людьми и лирические отступления. Лидочка на-стояла на том, чтобы я тебе послала хотя несколько строк, выписок из на-чала первой тетради, так как в них прямое обращение к тебе» (там же. Кн. II. С. 281). Эта тетрадь была начата в Оксфорде в июне 1940 г. после смерти Р. И. Пастернак и содержала «дополнительный материал к биографии до-рогой нашей мамочки, которым Боря может воспользоваться», – как пи-сал в заголовке отец: «Все это и следующее – лишь конспективные на-броски и разновременные отрывки, не сведенные между собою – либо для биографии, либо иной литературной формы беллетристического ха-рактера или большой семейной хроники, также большого романа конца XIX и начала XX века, если бы Боря вздумал использовать этот материал в связи с внешними крупными событиями первой половины 20-го века, повлиявшими на судьбы семьи» (там же). Позднее эти записи вошли в книгу Л. О. Пастернака «Записи разных лет», составленную Жозефиной и изданную в Москве в 1975 г.

2 Ван Клиберн (Харви Лаван Клайберн) получил 1-ю премию на Меж-дународном конкурсе им. Чайковского, проходившем в Москве в 1958 г.

1500. К. вольфу

12 мая 1958, Переделкино

12 мая 1958

Дорогой, глубокоуважаемый господин Вольф, в крайней спешке хочу воспользоваться неожиданной оказией и ответить, наконец, на Ваше милое, сердечное и содержательное письмо, которое мне в свое время доставило такую радость.

Итак, прежде всего: спасибо, спасибо, спасибо за то, что Вы так просто, с живо ощутимыми подробностями написали о себе самом, об университетских годах в Марбурге (и кое о чем еще)¹.

Мне передали письмо в середине марта в больнице, куда меня поместили с нестерпимо болезненной невралгией ноги и где при-шлось пробыть почти три месяца. Поэтому так непростительно опаздываю с ответом.

Но сейчас я не смогу отплатить Вам тою же щедростью за сер-дечность и тепло Вашего обращения ко мне и останусь неоплат-ным должником дружелюбия и любезности, которыми Вы меня осыпали. Эту задолженность я увеличу еще своей просьбой к Вам. Говорят, что роман скоро появится у Вас и у Коллинза. Я не верю

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori в это. Вероятно, об этом еще рано думать. Если же это действительно так, то получить от Вас книгу было бы для меня большой радостью! Вот куча адресов на выбор. Через посредничество Союзу писателей (для меня): Москва Г-69, улица Воровского 52. На городской адрес: Москва В. 17, Лаврушинский пер. 17/19, кв. 72. На дачу (и это в первую очередь): Переделкино под Москвой, мне. Если Герд Руге в Москве², пошлите ему для меня газетные вырезки и то, что обо мне у Вас имеется под рукой с указанием, что он может навестить меня в ближайшее воскресенье в 12 часов. Но больше всего меня обрадовало бы новое подробное письмо от Вас.

Мне кажется, – я сказал Вам о своей горячей благодарности, – и это было единственно необходимое. То, что Вы пишете о Стокгольме³, никогда не случится, потому что наше правительство никогда не даст согласия на то, чтобы меня наградили. Это и многое другое тяжело и печально. Но Вы вряд ли поверите, какое ничтожное место эти признаки времени занимают в моем существовании. И с другой стороны, – именно эти непреодолимые трудности придают моей жизни силу, глубину и серьезность и делают ее в высшей степени счастливой, волшебной и реальной.

Я желаю Вам счастья, здоровья и успехов во всех Ваших начинаниях.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Kurt Wolf. Briefwechsel eines Verlegers. 1911-1963. – Автограф по-нем. (Deutsche Literaturarchiv in Marbach).

Курт Вольф, немецкий издатель, публиковавший Ф. Кафку, Р.-М. Рильке, Г. Гартмана и братьев Маннов, в 1930-х гг. переехал в Америку, где основал издательство «Пантеон букс». В это время он издавал английский перевод «Доктора Живаго» и, получив от Р. О. Якобсона адрес Пастернака, написал ему. В архиве Вольфа сохранилось 36 писем Пастернака к нему и его жене.

1 В своем письме Вольф сообщал, что тоже учился какое-то время в Марбурге и помнит многих преподавателей, о которых хотел бы поговорить с Пастернаком.

2 Герд Руге – журналист западногерманской газеты «Die Zeit».

3 Вольф намечал свою встречу с Пастернаком к концу года в Стокгольме, так как не сомневался в том, что он получит Нобелевскую премию.

1501. Б. Б. ТОМАШЕВСКОМУ

17 мая 1958, Переделкино

17 мая 1958

Уважаемый Борис Борисович, гостившая у нас во время моей болезни вдова грузинского поэта Тициана Табидзе Нина Александровна передала мне в свое время о Ваших звонках по телефону. Теперь я знаю, по какому они были поводу.

В прошлом году я списывался с тов. Левинтоном об этом издании Ганса Сакса и выражал ему признательность за включение моих переводов¹.

Пришлите мне их в гранках. Я не думаю, чтобы потребовалась значительная авторская правка. Я несколько раз эти переводы (до их окончательного вида в издании 1940 г.) отделявал.

А то, что мне сейчас покажется нужным, я сделаю в процессе типографской работы. Благодарю Вас за новое извещение.

Впервые. – Автограф (ГНБ, ф. 645, к. 38, ед. хр. 33).

Б. Б. Томашевский – историк западноевропейской литературы.

1 См. письма JNfe 1374, 1382.

1502. Г. В. БЕБУТОВУ

24 мая 1958, Переделкино

24 мая 1958 г.

Дорогой Гарегин Владимирович!

Долгое пребывание в больнице виной того, что я Вас до сих пор не поблагодарил за книгу¹. Я не мог ей порадоваться. Я не люблю воспоминаний и прошлого, в особенности своего. Мое будущее неизмеримо больше, я не могу не жить им, мне незачем оглядываться назад.

Вы спросите, зачем я допустил ее издание? О, эти переиздания и переводы – материальные источники существования, они – мосты к будущему, пути к будущему, которым живу я.

Но мое отношение к книге (от которой меня также отталкивает грубость переплета) – одно, и совершенно другое – Ваше предисловие, Ваша редактура, забота и отбор, Ваши раскопки, – чудеса, которые Вы произвели с сохранением и отысканием вариантов, настолько мною забытых, что как бы больше и не существовавших для меня.

Простите меня, пожалуйста, и уже не в первый раз, что я так скуп и бледно выражаю свою признательность. Это не оттого, что я стал неблагодарен и освинел. Но все больше и больше мою судьбу относит в сторону мало кому известную и доступную только наполюину даже и мне. Я не знаю, сгладится ли этот разрыв и откроются ли все тайны при моей жизни. Вероятнее всего через много лет после

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori того, как я умру, выяснится, какими широ-кими, широчайшими основаниями направлялась моя деятель-ность последних лет, чем она дышала и питалась, чему служила. Но Вам большое, сердечное спасибо.

И хотя я не обойден счастьем, деньги иногда были бы очень кстати. Вполне ли разочлись со мною за книгу и почему задержи-вают окончательный расчет? И нельзя ли получить несколько ав-торских экземпляров книги?

Ваш Б. Пастернак.

Впервые: «Литературная Грузия», 1966, JNfe 1 (с купюрами). – Авто-граф (РГАЛИ, ф. 3100, оп. 1, ед. хр. 150).

1 Имеется в виду книга: Борис Пастернак. Стихи о Грузии. Грузин-ские поэты: избранные переводы». Тбилиси, «Заря Востока», 1958.

1503. Б. ГОРЕЛОМУ

29 мая 1958, Переделкино

29 мая 1958 г.

Мой дорогой, мой милый Горелый.

Я счастлив представившимся случаем поблагодарить Вас за Ваше чудесное предисловие к Повести, особенно за слова в пос-леднем абзаце:

«Повесть» нас лишний раз покоряет перворазрядной истиной: нет творческих работ без новых открытий мира...1 и т. д.

Это – очень верно и просто сформулированная истина, и, больше того, – очень точно угаданная в отношении меня. Спаси-бо за все. Но вот что я должен Вам сказать. Я понимаю интерес публики и людей образованных к Д<октору> Ж<иваго>. Это вни-мание заслуженное, и оно будет вознаграждено. Думаю, что я его не обману. Окутюрье тоже правильно сделал, выбрав несколько лучших стихотворений, или точнее несколько отрывков, добавив к ним подборку стихотворений последнего времени; он их вели-колепно перевел, с предельным блеском (в Esprit)2. Но это вовсе не значит, что две оправданные удачи утверждают имя автора также и во всем остальном и извиняют его ошибки в том, что было сделано им раньше и что по большей степени несостоятельно и лишено вся-кого интереса3. Сомнительно было уже, переводить ли и публико-вать ли «Повесть». Она могла не принести никакого успеха ни ав-тору, ни переводчику. Что же говорить тогда о 1905?4 Здесь я уже Вас совсем не понимаю. Даже для русского заинтересованного вос-приятия это – совершенно бессодержательная вещь, однообразная, растянутая, возникшая в то время, когда история сводилась исклю-чительно к истории революции, а ее события – исключительно к битью стекол и стачкам. А какая пустота, какое легкомыслие ис-полнения! Что способен дать непосвященному иностранцу этот за-рифмованный политический календарь? Разве французский чита-тель виноват в том, что Пастернак написал значительный роман и теперь должен в наказание глотать все другие его нелепости?

Савва и Викула5, это братья Морозовы, промышленники кре-стьянского происхождения. Это была известная фирма, показа-тель развития промышленности.

Спасибо за все. Пастернак

Впервые: «Esprit», 1961, JNfe 3. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

Бенжамин Горелый (Вениамин Антонович), французский славист и переводчик, в своем письме интересовался впечатлением Пастернака от его перевода «Повести», вышедшей в январе 1958 г. отдельной книгой в серии «Vent d'Est» (Vitte, Lyon).

1 Пастернак приводит цитату из предисловия Горелого к публикации «Повести» в журн. « Esprit», 1957. Он восхищался этими словами также в письме JNfe 1470.

2 Имеется в виду публикация стихов Пастернака в переводе М. Оку-тюрье в «Esprit», 1957, JNfe 3.

3 В письме 5 июля 1958 Горелый писал о несправедливости отноше-ния Пастернака к своему «литературному прошлому», когда он называет «прежние вещи "бессодержательными" и "несостоятельными"»: «Д. Ж. был бы невозможен без Ваших прежних вещей, которые Вам ка-жутся только неудачными. Каждая новая книга есть мнимая неудача, так как существует невозможность тождества между тем, что творец выразил, и тем, что стремился выразить. На самом деле эти неудачи есть не что иное, как тот творческий путь, о котором говорил еще Леонардо да Винчи» («Дружба народов», 1998, № 2. С. 212-213).

4 Горелый издал перевод поэмы Пастернака «Девятьсот пятый год» в сб.: Boris Pasternak. 1905 et autres poemes. Paris, Porte de France, 1947; в пересмотренном виде перевод и предисловие Горелого были напечатаны в кн.: В. Pasternak. L'An 1905. Nouvelle Editions Debresse, 1958. «Что каса-ется "1905 года", – писал Горелый 5 июля 1958, – это произведение, ко-нечно, отличается от остальных, но все же нельзя свести его до полити-ческого календаря. В "1905 г." перекликаются эпохи и сочетается музыка Вашего детства с общей симфонией первой русской революции. Это – поэма описательная и поэтому менее глубокая, чем Ваши остальные вещи, но зато в ней эпос и лирика сливаются в одно целое, и этот дар сочетания лирики – одна из удивительных черт Вашего поэтического гения» (там же).

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
5 Ответ на вопрос Горелого о том, что значит фраза «Просыпаются Саввы ИИ зреют Викулы в глуши», означающая в контексте поэмы начало русского послереформенного возрождения.

1504. Ф. А. СТЕПУНУ

30 мая 1958у Переделкино

Дорогой Федор Августович,

как радостно и важно дать Вам знать, что изредка я кое-что узнаю о Вас. Сборник Цветаевской прозы однажды попал мне в руки, с Вашим предисловием¹. Два немецких студента из Мюнхена рассказывали прошлым летом о Вас и Сосинских. Жива ли Ваша жена, о которой Вы писали в «Записках прапорщика»?² Если да, кланяйтесь ей. Я в памяти вижу ее перед собой в окружении былых собраний, художественных, философских. Я с таким живым чувством пишу Вам не под влиянием воспоминаний. Я не поклонник прошлого, я противник прохождения жизни заново в растроганных повторных пересмотрах. Наоборот, я полон счастья при мысли, что мы оба, Вы и я, еще живы в такое время, когда все меньше становится остатков самоуслаждающейся праздности, когда так дорого стоит и оплачивается каждое движение души, когда все так реально. Надо мной всегда нависают некоторые официальные угрозы и, в еще большей степени, возвращающееся заболевание правой ноги (следствие детского перелома, затем более позднего перелома колена), вдруг начавшее сказываться в запыленной совокупности, и так болезненно, что часто надолго приходится ложиться в больницу. Я не знаю, позволит ли Вам Ваш вероятный и вполне понятный недосуг знакомиться с д-ром Живаго, когда он выйдет у Фишера³. Но перевод «Фауста» я Вам послал, когда еще не знал Вашего адреса, через П. П. Сувчинско-го⁴. А если бы Вы его прочли, это за все вознаградит меня. Крепко Вас обнимаю и целую.

Впервые: «Русский альманах». Париж, 1981. – Автограф (собр. Р. Герра, Париж). Пастернак был знаком с писателем и философом Ф. А. Степуном с 1910-х гг., когда посещал его философский кружок при изд-ве «Мусагет».

1 Марина Цветаева. Проза. Нью-Йорк, Изд-во им. Чехова, 1953.

2 Речь идет о книге Федора Степуна «Из писем прапорщика-артиллериста». М., 1918.

3 «Доктор Живаго» по-немецки в изд. S. Fischer Verlag вышел осенью 1958 г.

4 Дарственная надпись на «Фаусте»: «Дорогому Федору Августовичу Степуну с целым роем воспоминаний, но с еще большим миром надежд на будущее, которые вызывает во мне его имя. Б. Пастернак. Москва. 10 мая 1958» (собр. Р. Герра).

1505. Р. ШАРУ

30 мая 1958, Переделкино

30 мая 1958

Дорогой Рене Шар, я мечтаю о том дне, когда смогу прочесть и перечесть еще раз Вашу книгу¹, и у меня появится так много поводов для разговора с Вами о полученной радости, которую, возможно, мне удастся передать и Вам. Но по непреодолимым обстоятельствам я все откладываю и откладываю исполнение этого желания. И вот неожиданно совсем недавно, только вчера, в самый разгар этих досадных отсрочек и до того, когда я получу право заговорить с Вами, у меня возникло желание именно Вам пожаловаться на свои баснословно трудные обстоятельства, – «кому же, как не Вам?»²

С одной стороны, – наши литературные вожди продолжают обвинять меня в измене родине, – что несет в себе реальную угрозу (в этом чувствуется также подлость «свободно мыслящих», вроде Луи Аргона³). С другой стороны, – когда английский биограф Рабиндраната Тагора хочет узнать, какое влияние мог оказать Тагор на современную русскую поэзию, он адресует не к этим прекрасным фразерам, чей пустой ответ, бессмысленный и бездумно лестный, ему обеспечен, но ко мне, преступнику³. Вот именно на это я и жалуюсь.

Что я могу ему сказать? Это великое имя, это великая жизнь, это поэзия, – а я кто такой, и чего мы все стоим, в сравнении с ним! К тому же с юности я был окружен теми, кто в постсимволистские времена восхищался Гитанджали⁴, – и не мог разделить их восторга. Мне была дорога скрытая и зависимая духовность великих русских прозаиков, Жуля Лафорга, Рильке, Блока, работавших в направлении определенных сторон жизни, века и переживаемой реальности, – вот что мне было нужно, а не та широкая и водянистая одухотворенность, равномерно распределяемая по всем страницам. Но как мне отважиться откровенно высказать такую дерзость?

И вдруг неожиданно, в минуту этой безысходной тоски при-ходит Ваше дорогое письмо от 16 мая, страница, подобная живому существу, со своей жизнью и дыханием, нежданное явление, как все, что идет от Вас.

Спросите Сувчинского, получил ли он моего Фауста⁵. Тысяча благодарностей. До свидания!

Впервые: журн.: «Poesie», № 54 (oct.). Paris, 1994. – Автограф по-фр. (собр.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori@yandex.ru (адресата).

10 французском поэте Рене Шаре и его книгах, присланных Пастернаку, см. коммент. 3 к письму JSfe 1494. Пастернак благодарил его письмом 6 мая 1958: «Ваша книга (которую я получил во время сильнейших приступов боли, доходивших до обморока, в начале моей жестокой болезни правой ноги) стала знаком моего прощания с домом, садом в снегу перед окнами, со своими привычками, с самим собой и Вами. Меня пришлось на носилках отправлять в больницу. Немыслимо было брать Вашу книгу с собой в палату на несколько человек, с взаимным тыканьем больных и нравами почти что военного госпиталя. <...> Я вернулся к себе, и снова Ваша книга, которую я первую нашел в скопившейся почте, ознаменовала для меня встречу с широкой оголенностью весенних просторов и лесом на горизонте, с тем, как принимают меня вновь ступени крыльца и непривычные комнаты, оказавшиеся обширнее, чем были в ожидании выздоровления и беспамятстве. Мне очень близко содержание Ваших страниц, Ваша манера освежать воспоминания в изображении, так что любимые предметы, виденные и пережитые, становятся реальностью, в полную силу слышится голос восприимчивости, непринужденная глубина доброй памяти и искусства достигает своей цели» («Дружба народов», 1998, № 2. С. 202-203).

2 Слова из дарственной надписи Р. Шара на его книге «Poemes et prose» (коммент. 3 к письму № 1494).

3 Про это Пастернак писал также сестрам 29 мая 1958: «Биограф Рабиндраната Тагора Чаттерджи запрашивает, что я думаю о Р. Т. В волне увлечения им, которая охватила Западный мир и Россию перед первой мировой войной и вскоре после нее, я не принял участия. Эта слишком широкая форма обобщенной духовности казалась мне бездейственной и воднянистой. Я слишком определенно был захвачен современной западной и русской поэзией, которые подмечали знаменательные, многоговорящие частности новой городской жизни и все свое одухотворение вкладывали в выражение и драматизацию этих признаков. Мне неприятно разочаровать Чаттерджи, его интерес к моему ответу делает мне честь, и вот я разочарую его» (Письма к родителям и сестрам. Кн. П. С. 286).

4 «Гитанджали» Тагора была подарена Пастернаком жене в 1922 г. в память о первых месяцах любви и сказках Тагора, которые много значили для нее в молодости.

5 Оказия, с которой Пастернак послал книги, задержалась на несколько месяцев. 1506. п. п. СУВЧИНСКОМУ

9 июня 1958, Переделкино

9 июня 1958

Дорогой Петр Петрович, ну что Вы скажете! Опять Фауст застрелял по дороге, вместе с закрытым письмом к Вам, как я узнал совсем недавно. Какое-то заклятие тяготеет над цепью случайностей вокруг этой книги, как это, вероятно, в природе ее темы. Но если до конца июля Вы все еще не получите книги, известите меня об этой неудаче особо, сверх всего того, что Вы, в своей щедрости, пожелали бы мне в промежутке написать. Книгу Michaux с музыкальными вложениями получил, спасибо ему. Очень хорошие стихи и мысли. Но в ближайшем будущем я гораздо больше скажу об этом и, может быть, набравшись храбрости, напишу ему самому. Приближается время, когда, как мне кажется, Вы получите возможность познакомиться с французским доктором. Воспользуетесь ли Вы ей? Время было гораздо ужаснее и тяжелее, и полно страданий, когда книга задумывалась и возникала. Но именно поэтому, хотя весь этот мрак меня близко касался, я был в лучшем положении, чем сейчас, когда мне все так сказочно, так несообразно с моими возможностями, благоприятствует. Этот замысел рождался из недр трагедии, а трагедия это ведь не только собрание несчастий, но кроме того еще и нагромождение определенностей, нечто вроде горных теснин, сообщающих ноту драматизма пространству, с перевалом и просветом впереди, которые обманывают только своей кажущейся близостью, но в конце концов, пусть и позже, все-таки наступают. О, как легко было все видеть в таких сдвинутых сокращениях. Ни о чем не приходилось думать: камни вопияли, вещи думали за тебя. Обнимаю Вас.

Впервые: Revue des Etudes slaves. 1990. т. 72. – Автограф (Bibliothèque Nationale, Paris).

1 Сувчинскому был послан «Фауст» с дарственной надписью: «Драгоценному Петру Петровичу Сувчинскому, другу, внушительной радости, духовному союзнику. Б. Пастернак. 10 мая 1958» (там же. С. 754).

2 П. Сувчинский послал Пастернаку книгу своего друга поэта Анри Мишо «L'espace du dedans» («Внутреннее пространство»). «Это поэт и писатель удивительный, – писал Сувчинский 12 апр. 1958, – <...> он поэт "пещерный" <...> Но кто сказал, кто может утверждать, что человек не есть и всегда будет (как и был) существом "пещерным" <...>» (там же. С. 737). Писем от Пастернака Мишо не получал.

1507. Н. В. РЕЗНИКОВОЙ

10 июня 1958, Переделкино

10.VI.1958. Только что получил Вашего Ремизова от Галли-мара и предвкушаю

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
удовольствие погрузиться в чтение Вашей чудесной французской прозы, дорогая
Наталья Викторовна! Но, конечно, это Ремизов в том сопряжении с жертвами
увековечи-вающего отбора, который может представлять хороший талантливый
перевод, когда жизнь и действительность, с которыми пе-рекликалась,
перемигивалась и пересмеивалась душа оригина-ла, перестала существовать, забыта
и половина игры, которою переливался и блистал подлинник, утрачена и
отказывается слу-жить, но должна выступить другая сторона произведения, более
глубокая и основная, открывающая собою испытание его дол-говечности. Я заглянул
в книгу, едва вскрыл бандероль. Неко-торые главы я читал раньше в Н<увель>
Р<евю> Ф<рансез>², я поперелистывал сборник, пробежал глазами предисловие.
Пре-красная внешность, теплые тона печати, каждая страница отме-чена
свидетельством Вашего совершенства, все живет и дышит. Передайте Галлимару мою
благодарность и скажите там, что ког-да выйдет мой доктор – пусть направят таким
же образом через Союз Советских Писателей, надеюсь, до тех пор меня еще не
успеют исключить из него, но мне передадут и в случае исклю-чения.
Я Вам ответил однажды длинным письмом, которое, навер-ное, погублено было
приложенной автобиографией³, и, не доплыв до Вас, пошло ко дну под тяжестью
лишнего груза. Я часто, много и мучительно болезненно, но без опасности для
жизни хворал пос-леднее время, половину которого провел в больницах. Сейчас мне
все благоприятствует, я дома, множество народу от Вас и из За-падной Германии со
мною в переписке. Доктор на сто голов выше меня и моего времени. Я не понимаю,
как это меня угораздило. Но этого больше не будет. Такие вещи не повторяются.
Впервые: «Новый журнал», кн. 115. Нью-Йорк, 1974. – Автограф (собр. Е. Д.
Резникова).

Наталья Викторовна Резникова (урожд. Чернова, 1903–1992) – пи-сательница и
переводчица русской литературы на французский язык.

1 Alexey Remisov. Les yeux tondus. Paris, Gallimard, 1957. (Перевод на фр. Н.
Резниковой.) Об этой посылке Пастернак в тот же день писал Брису Парену: «...Я
только что получил через Союз писателей прелест-ную книжечку Алексея Ремизова
"Подстриженными глазами" в краси-вом переплете и прекрасном переводе Н. Р.
Позвольте мне через Вас направить свою благодарность г-ну Галлимару за
драгоценный пода-рок и еще за то, что он по моему собственному поводу
победоносно отразил все вражеские атаки и, говорят, уже близок к завершению.
Слух идет, что доктор появится в Париже уже в текущем месяце. У меня чуть было
не остановилось сердце от радости, когда в руках оказался еще не распечатанный
пакет. Может быть, внутри него – "доктор"? Но книжка мне показалась слишком
тоненькой» («Дружба народов», 1998, № 2. С 207).

2 Литературный журнал, выпускаемый изд. Галлимара, на который Пастернака
подписали бывшие у него год тому назад Д. Г. Резников и Ва-дим Леонидович
Андреев.

3 Имеется в виду пропавшая при пересылке машин, очерка «Люди и положения». См.
коммент. 3 к письму № 1455.

1508. Ф. А. СТЕПУНУ

10 июня 1958, Переделкино

10 июня 1958

Дорогой Федор Августович, не думайте, что, узнав благо-даря любезности г-жи
Денцер Isar-Verlag'a Ваш адрес, я теперь замучаю Вас своими открытками. Но на
днях я написал Вам об экземпляре «Фауста», направленном для Вас через посредство
Сувчинского в Париже (я тогда не знал Вашего адреса). Сейчас с огорчением узнал,
что возможность, которой для этого восп-ользовался, задержалась в своем
дальнейшем движении. Это уже второй раз, что экземпляры «Фауста», отправляемые
через посредство или Союза пис<ателей>, или с какою-нибудь дру-гою оказией, не
доходят или возвращаются. Я вчера как раз жа-ловался П<етру> П<етровичу>¹ в
открытке на эту странность, которую может быть следует приписать самой природе
фаус-товского мира, отовсюду замкнутого и против всего заговорен-ного, и в ту же
минуту получил по своему дачному адресу пись-мо из Штутгарта, от куратора der
Faust-Gedenkstätte Knittlingen*, места рождения исторического д-ра Фауста!² Но,
дорогой Фе-дор Августович, я ведь не знаю, здоровы ли Вы и как себя чув-ствуете!
Может быть, Вы больны и Вам совсем не до моих от-крыток. На днях я попробую
послать Вам «фауста» просто по почте заказной бандеролью, – кто его знает, авось
дойдет. Тог-да, в том случае, если и прежняя посылка доберется неожидан-но до
цели, Вы вырвете надпись из дублета и передадите его от себя, кому захотите, или
не откажетесь передать или переслать его кому-нибудь по моей просьбе. Скоро д-р
(другой) будет в Париже³. Мне было очень легко писать его. Обстоятельства
кру-гом были так отчетливы, так баснословно ужасны! Приходилось только всей
душой прислушиваться к их подсказу и покорно следовать их внушению. Время
приносило самое главное в про-изведении, то что при свободе выбора всего
труднее: определен-ность содержания. Теперь все гораздо легче и сказочно

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
благо-приятствует мне, но я уже больше не слышу голоса необходи-мости, которому
подчинялся.

Впервые: «Русский альманах». Париж, 1981. – Автограф (Архив Йель-ского
университета, США).

Мемориального дома-музея Фауста в Книттлингене (нем.). 334

1 Письмо № 1506.

2 Имеется в виду Карл Тенс (см. письмо № 1509).

3 «Доктор Живаго» по-французски вышел в конце июня.

1509. К. ТЕНСУ

11 июня 1958, Переделкино

11 июня 1958

Многоуважаемый господин Тенс,
не считайте, пожалуйста, недостаточным уважением к Вам, что в ответ на Ваш
дружеский привет я ограничиваюсь непод-писанной открыткой, а не закрытым
письмом. Это делается для того, чтобы Вы вероятнее получили мой ответ. Для меня
было новостью, что доктор Фауст – историческая личность с точным, объективно
обозначенным местом рождения. Из Вашего пись-ма я не понял, есть ли у Вас в
собрании издание моего перевода на русский «Фауста» Гёте, что было бы самым
важным для Вас. Пожалуйста, дайте мне знать, как обстоит с этим дело, если же в
Вашем собрании нет этой книги, я достану для Вас экземп-ляр. Кроме того, я
охотно выполню другие Ваши просьбы, при-шлю свою фотографию и образец почерка.
Последнее, то есть автограф, я напишу по-немецки от руки и наполню
размышле-ниями о Гёте и своими взглядами на Фауста в такой форме, что-бы Вам
было удобно выставить этот документ¹. Естественно, что у меня есть много что
сказать о поэтическом мире Фауста, как у человека, который совершил попытку
представить подвижное здание трагедии с начала до конца в стремительном движении
ее первоосновы. Мое самое сокровенное желание выразить это как можно более
точно, и я обещаю это сделать, если у меня освободится для этого немного
времени, а, главное, если найду возможность и надежный случай передать это
приложение в Ваши руки. Месяца через два или, может быть, даже раньше, надеюсь,
у меня будет возможность удовлетворить свою душев-ную потребность в этом.

Благодарю за Ваши добрые слова и отвечаю тем же.
Впервые: «Новый журнал», № 209. Нью-Йорк, 1997. – Автограф по-нем. (собр. К.
Гинзбурга, США).

Карл Тенс (Theens) – основатель музея Фауста в Книттлингене, го-роде рождения
исторического Фауста, обратился к Пастернаку с просьбой прислать фотографию и
автограф для музея. Сохранились 7 писем Пас-тернака Тенсу.

1 По просьбе Тенса Пастернак 18 июня написал небольшую статью «Für die Faust
Gedenkstätte, Knittlingen» («В дом-музей Фауста в Книттлин-гене»). – Т. V наст.
собр. С. 96–98.

1510. Н. ТАБИДЗЕ

11 июня 1958, Переделкино

11.VI.1958

Дорогая Ниноша, спасибо Вам за заботы, за письмо, за от-крытки. Я чувствую себя
хорошо, нога болит гораздо меньше, но все-таки болит, когда я засиживаюсь. Мне
кажется, я осенью, даже если боль совершенно пройдет, покажусь Чаклину и, мо-жет
быть, попрошусь на операцию, там все-таки что-то сидит в колене и при малейшем
неловком движении, боюсь, может выз-вать все эти надолго растягивающиеся ужасы
сна. Но само-чувствие у меня очень хорошее и зевать некогда, надо
пользо-ваться здоровьем и свободой и что-то делать! Напоминанием о том, что в
мире творчества все держится не правилами, а только исключениями, а все
остальное, как бы оно ни было хорошо и почтенно, ни к чему, таким напоминанием
был здесь у нас пиа-нист Клиберн (да, ведь Вы застали его еще здесь). 0<льге>
В<се-володовне>, Банникову и многим кажется, что мне надо писать сейчас
стихотворения, в моем последнем духе, прерванном бо-лезнью. Я кое-что записал,
но не только не уверен, что они судят правильно, но убежден в обратном. Я думаю,
несмотря на при-вычность всего того, что продолжает стоять перед нашими гла-зами
и что мы продолжаем слышать и читать, ничего этого боль-ше нет, это уже прошло и
состоялось, огромный, неслыханных сил стоивший период закончился и миновал.
Освободилось без-мерно большое, покамест пустое и не занятое место для нового и
еще небывалого, для того, что будет угадано чьей-то гениальной независимостью и
свежестью, для того, что внушит и подскажет жизнь новых чисел и дней.
Сейчас мукою художников будет не то, признаны ли они и признаны ли будут
застаивающейся, запоздалой политической современностью или властью, но
неспособность совершенно ото-рваться от понятий, ставших привычными, забыть
навязывающи-еся навыки, нарушить непрерывность. Надо понять, что все стало
прошлым, что конец виденного и пережитого был уже, а не еще предстоит. Надо
отказаться от мысли, что все будет продолжать объявляться перед тем, как

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
начинать существовать и допустить возможность такого времени, когда все опять
будет двигаться и изменяться без предвараительного объявления.

Эта трудность есть и для меня. «Живаго» это очень важный шаг, это большое
счастье и удача, какие мне даже не снились. Но это сделано, и вместе с периодом,
который эта книга выражает больше всего написанного другими, книга эта и ее
автор уходят в прошлое, и передо мною, еще живым, освобождается простран-ство,
неиспользованность и чистоту которого надо сначала понять, а потом этим понятием
наполнить. И откуда мне взять на это сил, а заменять это, единственно нужное,
старыми мелочами – бли-зоруко и бесцельно. Поэтому меня не радует
возобновившееся мое стихописание, да и слабо это все, что я Вам посылаю¹.

Наверное, если уже на то пошло, требуется более резко разграниченный, но-вый,
объединенный сильно отличным, новым признаком, раздел стихов. Может быть, я и
приду к нему, но все же я их Вам посы-лаю. Я записываю их Вам от руки. Разберете
ли Вы их? Крепко целую Вас.

Впервые: «В мире книг», 1987, № 5. – Автограф (ГМГЛ, № 021914,17). 1 Вместе с
письмом посланы ранние редакции стих. «За поворотом» и «Все сбылось».

1511. К. ТЕНСУ

20 июня 1958, Переделкино

20 июня 1958

Многоуважаемый господин Тенс,

я хочу в ближайшие дни послать Вам через Красный Крест издание русского
«Фауста». Между страницей 192 и следующей я вложил свою фотографию. Дайте мне,
пожалуйста, знать, не по-вредило ли вложение пересылке и благополучно ли
получили Вы и то, и другое. В качестве автографа я написал для Вас три страни-цы
о поэтическом мире «Фауста». Если одна моя берлинская при-ятельница¹, на суд
которой я хочу сначала представить написан-ное, найдет мое сочинение
удовлетворительным, может быть, она будет так добра, что перешлет Вам эти
страницы. В противном случае дело останется незавершенным до будущего времени,
ког-да я снова смогу все передать с ней. Излишне говорить, что напи-санное
предназначено только для Вас в единственном экземпля-ре и переходит полностью в
Ваше распоряжение. Вопреки моему желанию у меня никогда не было возможности
открыто написать у нас о Фаусте Гете, и все мои представления о нем оказались
не-использованными. В ожидании новых известий от Вас желаю Вам всего хорошего.
Впервые: «Новый журнал», № 209. Нью-Йорк, 1997. – Автограф по-нем. (собр. К.
Гинзбурга, США).

¹ Писательница и либреттистка Ренате Швейцер вступила с Пастер-наком в переписку
весной 1958 г.

1512. К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

22 июня 1958, Переделкино

22/VI1958

Дорогой Константин Александрович,

я давно хотел поблагодарить Вас за внимание и поддержку, которую Вы мне так
благородно оказываете последние годы¹. Я по-лучил Вашу телеграмму и в ответ на
нее скажу, что только «Июль» был помещен один раз в «Знамени»², остальные же не
печатались. Прилагаю Вам еще несколько стихотворений, написанных недав-но, после
нового и очень долгого пребывания в больнице. Я их посылаю Вам только для
интереса, нисколько не навязываю и без всякого притязания, чтобы они были
напечатаны, так как сам пре-красно вижу, как они скучны и бесцветны. Я это
говорю без лож-ной скромности и без всякой горечи, потому что никакие другие
стихотворения у меня сейчас быть не могут. Я их пишу как-то меж-ду делом, не в
полную силу и без достаточной души по многим причинам. Во-первых, потому, что
время, вследствие моих час-тых и долгомесечных больничных провалов, кажется мне
каким-то промежуточным, переходным и непрочным <...> Во-вторых, даже и в той,
неизвестно насколько продолжительной, передыш-ке, которая мне дается до конца
или до нового заболевания, писа-ние стихов значит очень мало и не может занимать
много места. Кроме того, много от меня требует и много мне дает завязавшаяся у
меня в последнее время западная переписка по разным пово-дам: сегодня – о
Рабиндранате Тагоре по вопросу его лондонско-го биографа, завтра – о Фаусте по
просьбе какого-нибудь музея на месте его (Фауста!!), рождения близ Штутгарта, и
пр. и пр.

Крепко, крепко жму Вашу руку. Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Литературная Грузия», 1966, JNfe 2 (купюры публикатора). – Автограф
(собр. адресата).

¹ К. Лордкипанидзе, как главный редактор журн. «Литературная Гру-зия»,
опубликовал в № 4 за 1957 г. подборку из 4 стих. Пастернака. Из по-сланных
вместе с этим письмом в JSfe 4 за 1958 г. было напечатано одно стих. «Когда
разгуляется» (1956).

² Стих. «Июль» (1956) было опубликовано в журн. «Знамя», 1956, JSfe 9.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
1513. Д. ИЙЕШУ

24 июня 1958, Переделкино

24 июня 1958. Дорогой друг, простите, что так неосторожно пи-шу Вам в это зловещее время¹. Понимаю, каким неудобством мо-жет обернуться для Вас факт получения письма именно от меня². Но это сильнее меня. С кем еще я могу поделиться тем, как подавлен и убит этим возобновлением зверской жестокости, которая каза-лась уже навсегда канувшей в прошлое. Как неисчерпаемы запасы клеветы, лжи и раболепной трусости! Как всегда находятся толпы подхалимов, готовых выполнить все, что им прикажут! Исчезнут ли они когда-нибудь? Как оскорбляет и давит на сердце это не огра-ниченное добром всевластие зла!³ – Я дважды болел в течение того долгого перерыва, что не писал Вам, довольствуясь краткими со-общениями о Вашем здоровье. У меня хроническое заболевание правой ноги, отчасти неврологического происхождения, но чрез-вычайно мучительное, когда обостряется, – следствие давнишних повреждений (перелома и смещения колена и т. п. в детстве), кото-рые я переносил без боли в течение жизни и которые неожиданно стали чувствоваться полтора года назад. Непрерывное внимание к тому, что страдания, приводящие к бесконечным месяцам в боль-нице, в любой момент могут возобновиться, и неотвратимость дру-гих неприятностей, постоянно мне угрожающих, делают мое су-ществование неустойчивым и беззащитным. – Незаслуженная ра-дость, перекрывающая все страдания и беды, – это мой «доктор», выдержавший, как говорят, одиннадцать изданий в Италии (за шесть месяцев). Как только он появится в Париже, найдите воз-можность познакомиться с ним и потом напишите мне, прошу Вас. Я всегда видел свою цель в том, чтобы у тех, кто мне дорог, про-буждать надежду на ожидание лучшего. И вот теперь я пишу Вам в предельной душевной усталости и ничего этого не нахожу в себе. Достаньте французское издание доктора и будьте здоровы⁴.
Впервые: Domokos Mdyds. Ad6ssddglevel. Vp., Kortirskiad6, 1998. – Автограф по-фр. (собр. Марии Йеш, Будапешт).

¹ Речь идет о казни венгерского политического деятеля Имре Надя и его соратников.

² Письмо написано на открытке.

³ О событиях в Венгрии Пастернак писал в тот же день жене поэта дю Буше Тине Жолас: «Такое великое и драгоценное создание, как Вы (судя по Вашему редкостному и чудесному письму), которой все по силам, – сделайте, чтобы эта чудовищная кровавая трагедия, возобновившаяся в В<енгрии> и разрывающая мне сердце, не накатила на нас и не приняла бы свой обычный подлый характер с призывами к "общественному" мне-нию и к "писателям". Потому что скажу Вам первой – если меня спрово-цируют на это, мне это дорого обойдется, в этот раз я пойду до конца и все им скажу. Rje это видано или написано, чтобы можно было прожить це-лую эпоху сплошного палачества, как будто ничего не происходит и это все будет так продолжаться без конца?» («Дружба народов», 1998, JSfe 2. с. 210). Пастернак писал это, узнав о сборе подписей среди писателей в поддержку жестокой расправы в Венгрии. Известен рассказ, передавае-мый в писательских кругах, о его возмущении и скандале, когда он спуc-тил с лестницы человека, пришедшего к нему за подписью под этим до-кументом.

417 окт. 1958 г. Пастернак просил Бриса Парена выслать Дьюле Йе-шу французские издания своих книг: «Дорогой господин Парен, я хочу обратиться к Вам с просьбой, окажите мне услугу. Попросите издатель-ство послать по одному экземпляру Доктора и Автобиографии в счет моих расчетов с ф<ельтрине>лли (иными словами, ценой его любезности) вен-герскому поэту Дьюле Йешу Budapest II Josefhegy1 – u. 9» («Дружба на-родов», 1998, № 2. с. 215).

1514. К. И. ЧУКОВСКОМУ

25 июня 1958, Переделкино

25 июня 1958

Дорогой Корней Иванович, так как Вы все равно достанете образцы этой сонной, ничего не значащей мазни, то пусть лучше все же она будет от меня¹. Я утром тогда с Вами говорил, что я го-ловой и сердцем совсем не тут, а в ближайших, имеющих со мною скоро случиться, происшествиях, отчасти – в переписке. Это все время продолжается и отнимает у меня все время. Так что ничего Вам об этих, притом таких немногочисленных, пустых странич-ках ни думать, ни говорить не надо. Если хотите помочь мне, ска-жите Катаеву, что очки его сбили меня с толку, и я не знал, на чей поклон отвечаю². А потом и пошел любезно разговаривать с ним в ответ на приятные новости, которые он мне сообщил. Но, конеч-но, что лучше нам совершенно не знать, таково мое желание. И это без всяких обид для него и без каких бы то ни было граж-данских фраз с моей стороны. Просто мы люди совершенно раз-ных миров, ничем не соприкасающихся. И ведь скоро все эти «во-доразделы» возобновятся для меня. У меня не было времени чи-тать Вашу книгу³ дальше. Я рад, что встретил Вас и имел случай сказать Вам, до какой степени удивляюсь

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori талантливости и увлекательной силе Ваших беглых, движущихся, никогда не топчущихся на месте и вдруг озаряющихся светом целой эпохи изображений. Спасибо также за напоминание об А<нне> А<ндреевне>4. Я рад был благодаря Вам им воспользоваться, а без Вас забыл бы. Обнимаю Вас.

Любящий Вас Б. И

Впервые: «Русская мысль», Париж, 11 нояб. 1976. – Автограф (РГБ, ф. 620).

1 Вместе с письмом посланы стихи «Все сбылось» и «Пахота».

2 В. П. Катаев в 1958 г. вступил в КПСС и вошел в правление Союза писателей РСФСР; 13 авг. 1957 г. в Союзе писателей выступал с резкими нападками на Пастернака. Возмущенный недавно полученным письмом от Альбера Камю, Пастернак возмущился желанием Катаева предстать перед Камю в качестве его друга (см. письма № 1516 и 1517).

3 Книга К. Чуковского «Чехов» (1958).

4 К. Чуковский, по просьбе Пастернака, сообщил ему новый адрес Ахматовой и извещил о дне ее рождения: «Дорогой Борис Леонидович. Ленинград, ул. Красной Конницы, 4, кв. 3. 24 июня ей исполняется 69 лет. Если хотите, дайте телеграмму подателю, он отправит. К. Ч.» В телеграмме Пастернак писал Ахматовой: «От души поздравляю Вас с днем рождения. Вижу Вас радостной смеющейся. Целую Ваши руки, живу мыслью о Вашей бодрости и здоровье = Пастернак» (РГБ).

1515. Э. ПЕЛЬТЬЕ-ЗАМОЙСКОЙ

27 июня 1958, Переделкино

27 июня 1958

Дорогая Элен, как Вы меня успокоили насчет Жаклин!1 Надо бы самому ее поздравить, но я не знаю, скоро ли выберусь в город, и если не пошлю телеграммы, передайте ей мои самые горячие поздравления с радостным событием.

Не позже, чем вчера я послал ей открытку2 о заботах и огорчениях, которые мне выражают Сувчинский, Альбер Камю, Рене Шар, дю Буше и его жена по поводу толкований и отзывов в прес-се по поводу опубликованных отрывков3. Они представляются им досадными, и их последствия, как им кажется, могут мне повредить в ближайшем будущем. Они делают двойную ошибку. Они преувеличивают мое значение в прошлом и считают гением, в то же время принижая значение Доктора, который гораздо больше меня и всей последующей судьбы, которую они мне предсказывают4. Если в ней ничего нельзя изменить, то, на мой взгляд, никакой премии недостаточно, чтобы окупить причастность к удачно-му произведению. Я вижу дом и статую, которые Вы так вдохновенно описали5.

Для меня Камю, Шар и весь их круг – люди большого ума и тонкости, и я не смею судить их книги и письма. Мне кажется, что я должен гордиться их дружбой. Дю Буше пишет мне о моей манере, о своеобразии моих работ почти словами моей авто-биографии, в особенности тех страниц, где говорится о Льве Тол-стом. Это философия искусства брата по духу6. Он и его необыкновенно любезная жена благородно предлагают мне приготовить большой том моих стихов в их переводе и под редакцией Шара. Я писал об этом Жаклин7. Я не знаю, что вышло из их планов. Может быть, она захочет воспользоваться их готовностью? Надо было бы только присоединить к ним Окутюрье. Хотя я тут плохой судья, у меня ощущение, что он меня передает с большей полнотой, верностью и красотой, чем я когда-либо встречал или видел в переводе с одного языка на другой. Что бы из этого ни вышло, распорядительницей всего и облеченной всеми правами по этой части остается Ж<акли>н. Пусть она договаривается с ними, я их всех направлю к ней. Только что пришла в Переделкино Ваша вырезка («прослав-ления»). Так что пользуйтесь поочередно всеми тремя адресами (третий – адрес Союза – Воровского 52) в случае более сложных посылок. Но все, я полагаю, доходит. Кланяйтесь Вашему мужу. О<льга> шлет Вам свою любовь. Меня нисколько не смущают опасения П. С<увчинского>.

Впервые: Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956-1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Э. Пельтье написала Пастернаку о рождении дочери у Жаклин де Пруайяр. Пастернак 8 июля поздравлял ее: «Дорогая Жаклин, благодаря Элен, я, наконец, узнал о Ваших счастливых новостях. Я призываю благословение неба на Вас и на малютку, Вашу семью и Ваше общее будущее. Я делаю это от всего сердца, со всей любовью к тому, что Вас окружает, и со всею силою тоскуя о том, что отделен от Вас расстоянием и неожиданностями, которые выкидывает с моей перепиской своенравная почта» («Новый мир», 1992, № 1. С. 144).

2 Открытка 26 июня 1958 (там же. С. 143).

3 В журн. «Nouvelle revue francaise», 1958, № 6, «Preuves», 1958, № 88, и газ. «Figaro Litteraire», 8 июня 1958, были опубликованы отрывки из «Док-тора Живаго».

4 В открытке к Ж. де Пруайяр 12 июня 1958 Пастернак приводит сло-ва Сувчинского из его письма 8 июня: «Он пишет: "Нужно во чтобы то ни стало, чтобы в будущем

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
году вы получили высшую европейскую премию"^\)» (там же).

5 Э. Пельтье писала, что они с мужем назвали «свой дом в честь Иоанна Крестителя, поскольку перед ним поставили статую Иоанна – работу мужа. Фигура Иоанна Крестителя представляется очень нужной в современном мире: "глас вопиющего в пустыне". Это призыв к человеческому вниманию, звучащий из глубины одиночества» («Знамя», 1997, JSfe 1. С. 121).

6 Поэт А. дю Буше определял свое отношение к публикациям отрывков из «Доктора Живаго», взволновавших его «до глубины души», как «боль разрыва: действительность, которую в настоящий момент Вы один могли вырвать, бьет нас в сердце <...> Ваше творчество – вчера как и сегодня – как никакое другое, дает мне чувство подлинности этого разрыва и той всеобщности, которая есть не что иное, как величие человека в мироздании» («Дружба народов», 1998, № 2. С. 208). Интерес А. дю Буше к творчеству Пастернака нашел выражение в публикации отрывков из «Охранной грамоты» под назв. «Haute Maladie» («Высокая болезнь»; Cahier GLM, automne 1958).

7 «"Нам кажется, – передавал Пастернак в письме к Ж. де Пруайяр слова Сувчинского, – что теперь же нужно приступить к настоящему по-этическому переводу Ваших поэм и стихов. Это должна быть большая книга, может быть Вы сами могли бы сделать выбор и дать указания? Дю Буше и его жена готовы начать эту работу под редакцией Р. Шара". Может быть, это Вас заинтересует, Жаклин? Посовещайтесь с ними и привлечите их к своим планам, если это Вам улыбается. Ваша доверенность, ваши права и полномочия сохраняются» («Новый мир», 1992, № 1. С. 143). За советом по поводу этого предложения Ж. де Пруайяр обратилась к Брису Парену, но, по его мнению, такая книга не смогла бы представить Пастернака, – это будет «дю Буше под соусом Рене Шара», – сказал он (там же).

1516. П. П. СУВЧИНСКОМУ
27 июня 1958, Переделкино
27 июня 1958

Дорогой Петр Петрович, страшно тронут Вашим участием и беспокойством. Для меня безумною радостью было одновременное получение шести писем от Вас и Ваших друзей. A la veille un des nos gredins-voyageurs² m'a raconté d'avoir connu M. A. Camus et d'avoir parte avec lui de moi. Je ne voulais pas croire ce youou et tenais tout cela pour un conte. Et voilà que je recois une lettre de lui-meme!* Я был вне себя от радости³. А письма Шара и обоих Дю Буше! Как мне родственен этот строй души, как все это мне близко жаркою новизною, свежестью, благородным богатством! Спасибо вам без-мерное за них и за Вас самих. Что бы я без Вас делал? Mais je crains d'avoir perdu les Du Bouchet tous les deux, lui et elle, pour toujours, par ma tentative idiote d'exprimer a elle, en mon francais abominable, la tendresse debordante que sa lettre inspiree m'a evoque**. Меня огорчает, что Вы недовольны переводчиками⁴. Они так много сделали для меня. Все происшедшее ведь их заслуга. Я им останусь верен и, если действительно, книга посредственна, буду их защищать и утверждать, что таков оригинал. Я непременно напишу на днях А. Камюсу, это мое сильнейшее желание. Для меня громадная честь и гордость доброе отношение его, R. Schar'a, du Bouchet. Это, правда, новая страница в моей жизни. Но напрасно Вы думаете, что я чем-то был до романа. Я начинаюсь только с этой книги. Все, что было прежде, – чепуха⁵. Однако идеи Вашей насчет стихотворной книжки нельзя оставить без внимания. Мне только жалко милых Дюбуше и Шара, что они будут заниматься такой ерундой. Относительно материалов свяжитесь с Жаклиной де Пруайяр, 21 rue Fresnel, P. 16. Я напишу ей⁶. Фаусты и письма, наверное, застряли где-то по дороге. Я узнал адрес Степуна и послал ему еще один экземпляр. Если все-таки прежний, с надписью ему, дойдет до Вас, вырвите надпись и подарите кому-нибудь от себя. Может быть, И. Стравинскому? Комментарий к книге писать не буду⁷, cela aurait l'air d'une retractation***. Обнимаю вас без конца. Пишите.

Впервые: Revue des Etudes slaves. 1990. T. 72. – Автограф (Bibliothèque National, Paris).

1 Пастернак писал 24 июня 1958 Тине Жолас-дю Буше: «Мне привезли из Москвы шесть конвертов (полученных через Союз писателей) от На днях один из наших разъезжающих подлецов рассказывал мне, что познакомился с г. А. Камю и говорил с ним обо мне. Я не хотел верить этому негодю и счел это за выдумку. И вдруг я получаю письмо от него самого! (фр.)

** Но боюсь, что я потерял навсегда обоих дю Буше, его и ее, по-идиотски пытаюсь выразить ей своим чудовищным французским ту безбрежную нежность, которую вызвало во мне ее одухотворенное письмо (фр.).

*** это будет выглядеть как отречение (фр.).

Камю, от Вашего мужа, от Рене Шара, от П. Сувчинского и от Вас» («Дружба народов», 1998, № 2. С. 210). Имеются в виду письма от Рене Шара (16 мая и 8 июня), А. дю Буше (10 июня), его жены Т. де Жолас (16 июня) и Альбера Камю (9

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
июня), вошедшие в подборку в «Дружбе народов».

2 Речь идет о В. Катаеве (см. письмо № 1514).

3 «Скажите Камю, – писал Пастернак Тине Жолас-дю Буше, что я потрясен его письмом, что оно меня не испортит, и я не заставлю себя этому поверить. Как жаль, что он меня опередил! <...> Пусть великий художник Камю не обращает внимания и забудет обо мне до тех пор, пока я не напишу ему о его «L'Etranger», которого вчера начал читать и который сразу наполнил меня алжирской жарой, унесенной с похорон. Что он меня осчастливил и сделал своим вечным должником» (Revue des Etudes slaves. С. 210).

4 Прочтя публикацию отрывка из «Доктора Живаго» в «Figaro Litteraire» 8 июня 1958, Сувчинский писал Пастернаку: «Очень жаль, что среди переводчиков или переводчиц, нет ни одного писателя или поэта; это, конечно, сказывается на качестве перевода. Досадно» (там же. С. 741). Имена переводчиков не были указаны ни в публикации отрывков, ни в книге.

5 Эти слова из письма Сувчинскому были процитированы в записке председателя КГБ А. Н. Шелепина в ЦК 18 февр. 1959, где Сувчинский характеризовался как человек, «занимающийся изучением и популяризацией творчества Пастернака во Франции». Там же Шелепин цитирует слова Сувчинского из его письма 8 июня 1958: «В очень короткое время удалось, здесь во Франции, поставить Ваше имя на ту высшую степень признания, которой вы достойны, тем самым исправив одну из величайших несправедливостей русской истории» (там же; Пастернак и власть. С. 184).

6 Письмо к Ж. де Пруайяр по поводу инициативы Сувчинского и его друзей было написано 28 июня 1958 («Новый мир», 1992, № 1).

7 Сувчинский просил Пастернака: «Не могли бы Вы прислать R S<har'y >, мне или Gallimard'у хотя бы краткий текст, объясняющий Ваш роман, в плане чисто литературном» (Revue des Etudes slaves. С. 741). Свой отказ писать такой комментарий Пастернак объяснял Ж. де Пруайяр: «Это либо ухудшит мои нынешние обстоятельства, либо будет отречением, что не-возможно» («Новый мир», 1992, № 1. С. 143).

1517. А. КАМЮ

28 июня 1958у Переделкино

28 июня 1958

Дорогой господин Камю,

с трудом верю своим глазам, что пишу Вам – Камю. В моей жизни открылась новая страница, – я получил право и случай высказать Вам свое восхищение и благодарность за особую игру современной мысли, которой она обязана Вам. Один бесчестный человек, на чье приветствие я случайно от-ветил, потому что не узнал его из-за темных очков, сняв которые, он поразил меня неприятным известием (если можно ему верить), что у него была возможность познакомиться и говорить с Вами, – среди прочего, и обо мне¹. Как это мне неприятно! Я предпочел бы открыто стать жертвой низости, чем дать повод к тому, чтобы меня считали ее союзником. Мне редко выдается время, чтобы прочесть то, что мне нра-вится и что меня интересует. Не читанные мною Кафка и Фолк-нер ждут, когда я сниму их со своей книжной полки. «В поисках» прервано на «Содоме и Г<оморре>»². Я радуюсь и поздравляю Вас с такой прозой, чтение которой становится настоящим путеше-ствием: посещаешь описываемые места, попадаешь в обстоятель-ства, о которых рассказывается, испытываешь то же, что главные персонажи. В «L'Etranger»³, кроме всего остального, меня порази-ла мысль, – как при обнаженном и ничем не ограниченном сен-суализме чувственность становится слабой и тупой. Как будто ей для собственной силы необходима ее противоположность, то есть постоянное присутствие души: сострадание.

У меня есть Ваша «La Chute»⁴, я ее прочту.

Моя новая дружба, если я смею так сказать, с Вами, Р. Ш<аром>, А. дю Б<уше>, его женой и П. С<увчинским> это несказанное счастье и невообразимая волшебная сказка. Меня овевает непос-тижимое веяние сада на рассвете, хочу уловить тайну зеленого зат-мения густой листвы – и думаю о Р. Шаре, который и есть все это. Или я размышляю над абсолютной первичностью жизни и о том, что задача искусства в большей степени, чем философии, схва-тить ее суть и осязаемо выразить, – и это дю Буше и область его бездонной пронизательности, о которой можно только мечтать. И очаровывает чудесная одухотворенность его жены! Вы беспо-коитесь о том, что может случиться со мною, и забываете, что ни-какой платы недостаточна за то, чтобы пережить или даже выст-радать это новое, бесконечно ценное родство. Спасибо, спасибо за все.

Впервые: Canadian Slavonic papers. 1980. vol. XXII. N 2, June. – Авто-граф по-фр. (собр. адресата).

Альбер Камю написал Пастернаку 9 июня 1958: «Мой лучший друг Рене Шар дал мне Ваш адрес, потому что знает, как давно с дружеской симпатией и восхищением я думаю о Вашем творчестве и человеке, жизнь которого в нем ощущается. <...> Я,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
который был бы ничем без русского XIX века, нахожу у Вас ту Россию, которая
вскормила и укрепила меня.

Это ложь, что не существует границ, но одновременно с ними есть сила творчества
и правды, которая нас объединяет в смиренности и гордости од-новремененно. Я ее лучше
всего почувствовал, читая Вас, и поэтому хотел бы высказать Вам свою
благодарность и единомыслие» («Дружба наро-дов», 1998, № 2. С. 206). Интерес
Камю к творчеству Пастернака подтвер-ждается его биографом (H. R. Lottman.
Albert Camus: a biography. Garden City, NY, 1979). До того, как в августе 1958
г. Камю читал «Доктора Жива-го» и в своем дневнике восторженно отзывался о нем и
Автобиографичес-ком очерке (A. Camus. «Carnets». Vol. III. Paris, Gallimard,
1989. P. 249, 255, 259, 264), он, по сведениям, исходящим от Луи Мартинеза,
знакомился с ним в ходе подготовки французского перевода. После присуждения
Пас-тернаку Нобелевской премии Камю послал ему поздравительную телеграм-му, а
затем выступил с заявлением в его защиту и назвал выбор Нобелев-ского комитета
«лучшим из всех возможных»; он сказал, в частности: «На-гражденное произведение
великолепно, а его автор из тех людей, чьим со-временником сознаешь себя с
гордостью» («Combat», 24 octobre 1958).

1 О встрече с В. П. Катаевым см. в письме № 1514.

2 «Содом и Гоморра» – четвертый роман цикла «В поисках утрачен-ного времени»
Марселя Пруста.

3 Повесть А. Камю «Посторонний» (1944).

4 Повесть А. Камю «Падение» (1956).

1518. P. ШАРУ

29 июня 1958, Переделкино

29 июня 1958

Дорогой и великий друг,

не удивляйтесь, если я скажу, что дух «Ж<иваго>» не так да-лек от Вашего, как
можно было бы предполагать. Хотя бы эта стра-ница. Чтобы Вы поверили, я спешно
выписываю для Вас. «Gardez-nous la revolte, reclair...» – это моя собственная
молитва, «...tête rentier et long fardeau qui succede dont la difficulte nous
тепе и une revolte nouvelle»*1. Вот тот противовес и та среда, рядом с которы-ми
старомоден «Ж<иваго>». Но как у Вас в Ваших «Поисках» все четко и возвышенно!
Как трогают меня Ваши общие заботы обо мне! Я совсем не стою их. Я думаю, что Вы
напрасно волнуетесь. Ничего плохого, надеюсь, со мной не случится. В то же
время, если и станет хуже, разве сумасшедшая судьба Ж<иваго> не заслуживает
того, чтобы заплатить за нее любую цену? Я счастлив предложенной Вами
«Сохрани нам мятеж и молнию...»; «...само безгранич-ное и долгое бремя,
приходящее на смену, и тяготы ко-торого ведут нас к новому мятежу» (фр.).
помощью не потому, что страшусь нужды в ней, но просто потому, что меня радует
мысль быть рядом с Вами. Не прямота или сме-лость вели и охраняли меня в течение
всего этого времени, но глу-бокая наивность и невозможность заставить себя
поверить во всю эту политику, как бы она ни была значительна. Так пусть эта
на-ивность спасет меня еще раз.

Из короткой открытки Бр. Пар<ена> я узнал, что Ж<иваго> появится на этих днях. Я
жду книги. П<арен> упоминает о смер-ти какой-то Наталии. Которой? Возможно ли,
чтобы это была жена Резникова? Какое несчастье! Я недавно благодарил ее за то,
что она послала мне Ремизова в своем переводе2. Если Вам захочется мне написать,
пожалуйста, рассейте мои недоумения на этот счет.

С каким терпением и уверенным мастерством рисует Камю воскресную праздность
своего чудовища! Какая картина ничто-жества, чьи греховность и проклятие
узнаются не раньше, чем обо-рачиваются преступлением и бедой3.

Скажите всем, что если у нас в переписке возникнет корот-кий перерыв, то не надо
сразу начинать беспокоиться, это не сто-ит того. Если действительно случится
несчастье, одна из перевод-чиц узнает об этом от моего друга4. Но я не верю, что
это возмож-но. Напротив, я, вероятно, получу заказ на перевод «Эпипсихи-диона»
Шелли и «Марии Стюарт» польского классика Юлиуша Словацкого («Марию Стюарт»
Шиллера я перевел несколько лет тому назад)5. Я, может быть, отклоню эту
необходимость, переводы мне опротивели, я сыт ими по горло. Но до этого перерыва
я напи-шу дю Буше, это моя непреодолимая потребность. Никто не гово-рит мне
столько прекрасного, понятного и пережитого, как он.

Я не нахожу слов, чтобы выразить Вам свою любовь.

Впервые: журн. «Poesie», 1994, № 54 (oct.). – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Пастернак приводит цитаты из кн. Р. Шара «Recherche de la Base et du Sommet
suivi de Pauvrete et Privilege* («Поиски основания и вершины под знаком нищеты и
преимуществ»)». О присылке этой книги см. ком-мент. 3 к письму № 1494.

2 Наталия, о смерти которой горевал Парен, была его жена Наталия Георгиевна
Челпанова, скончавшаяся весной 1958 г. О переводе Н. В. Рез-никовой повести
Ремизова «Подстриженными глазами» см. письмо № 1507.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

3 Имеется в виду повесть А. Камю «Посторонний».

4 У Пастернака была договоренность с Жаклин де Прауйяр, что, если его арестуют, О. В. Ивинская тотчас же даст ей знать. См. письма № 1567, 1619. По-видимому, слова Пастернака о возможном перерыве в переписке были восприняты слишком прямолинейно, и переписка с французскими писателями оборвалась.

5 Беспокойство друзей по поводу материального давления на Пастернака имело основание. Переводов из Шелли ему действительно не дали, но благодаря настойчивости польских писателей, не соглашавшихся ни на какого другого переводчика, заключили договор на трагедию Ю. Словацкого «Мария Стюарт», которую Пастернак перевел, но выплату денег за сданную работу задерживали в течение семи месяцев.

1519. Вяч. Вс. ИВАНОВУ

1 июля 1958, Переделкино

1 июля 1958

Дорогой Кома, извините, что я так задержал Вас ответом. Когда я сам предложил Вам показать, что Вы соберете¹, это был один из тех неисчислимых случаев, когда человек второпях и не одумавшись говорит прямо противоположное тому, что он должен был бы сказать. Так сложно и оговорочно мое отношение к искусству, так следовало бы мне избегать необходимости судить о нем. У меня лежат книжки многих, в том числе Слуцкого, Евтушенко, Берестова и других, даривших мне свои выпуски, и я в них не заглядывал не из высокомерия или недостатка времени и не оттого, что предполагал, что не найду в них ничего интересного, а оттого, что наоборот, только заурядное в таких случаях оставляет меня спокойным, все же заметное поднимает бурю противоречивых ощущений, приносящих мне терзание, как терзает меня, и еще сильнее, половина или большая часть сделанного мною. Мне близок Платоновский круг мысли относительно искусства (и исключение художников из идеального общества, и соображение, что ояз рхтюдегкн* не должны переступать порога поэзии)², нетерпимость Толстого и даже, как вид запальчивости, иконоборческие варварские замашки писаревщины. Все это мне близко в сильном видоизменении. Эта же нота сидела в общем бунтарстве Маяковского, но с такой непосредственностью, которая превращает его в эстета или «поборника прекрасного», что ли, даже для меня. Я бы никогда не мог сказать: «побольше по-этов хороших и разных»³, потому что многочисленность занимающихся искусством есть как раз отрицательная и бедственная предпосылка для того, чтобы кто-то один, неизвестно кто, наиболее совестливый и стыдливый, искупал их множество своей

* лишенные вдохновения (греч.).

единственностью и общедоступностью их легких наслаждений как-торжной плодотворностью своего страдания.

Искусство не доблесть, но позор и грех, почти простительные в своей прекрасной безобидности, и оно может быть восстановлено в своем достоинстве и оправдано только громадностью того, что бывает иногда куплено этим позором.

Не надо думать, что искусство само по себе источник великого-го. Само по себе оно одним лишь будущим оправдываемое притязание. Всякая творческая деятельность личной, сосредоточенной складки есть пожизненное заглаживание несовершенной неловкости и неумышленной вины.

Если бы, говоря это Вам, я думал при этом о себе, высмеять меня не стоило бы труда, я сам рисовал бы на себя дешевую карикатуру. Но все же, Вы спросите, – как же я тогда занимаюсь тем, что так низко ставлю и осуждаю. Но ведь и грешат-то люди не потому, что считают грех добродетелью, а из слабости. Я и о громадности отвечу Вам под личным углом, притом ради Вас, потому что в конце письма сказанное на этот счет понадобится мне для совета Вам и в виде пояснительной ссылки.

Я давно и долго, еще во время войны, томился благополучно продолжающимися положениями стихотворчества, литературной деятельности и имени, как непрерывным накапливанием промахов и оплошностей, которым хотелось положить разительный и осязаемый, целиком перекрывающий конец, которые требовали расплаты и удовлетворения, чего-то сразу сокрушающего привычные для тебя мерилы, как, например, самоубийства в жизни других или политические судебные приговоры, – тут необязательно было, чтобы это была трагедия или катастрофа, но было обязательно, чтобы это круто и крупно отменяло все нажитые навыки и начинало собою новое, леденяще и бесповоротно, чтобы это было вторжение воли в судьбу, вмешательство души в то, что как будто обходилось без нее и ее не касалось.

Я не говорю, что роман нечто яркое, что он талантлив, что он – удачен. Но это – переворот, это – принятие решения, это было желание начать договаривать все до конца и оценивать жизнь в духе былой безусловности, на ее широчайших основаниях. Если прежде меня привлекали разностопные ямбические размеры, то роман я стал, хотя бы в намерении, писать в размере мировом. И, – о счастье, путь назад был

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
раз навсегда отрезан. Кома, это письмо, чрезвычайно важное для Вас и для себя, я пишу очень сбивчиво, тяжело и торопливо, в форме, не полагающейся для моего лите-ратурного звания, – и этот новый, совершенно мне раньше неведомый недосуг, это тоже уже – другая жизнь, это тоже смещение мерил и следствие романа. Просматривать Ваши стихотворения было для меня време-нами двойным страданием вот почему. Я заставлял одаренную юно-шескую душу на ложном и, может быть, ей не свойственном пути, и каждый раз, как меня что-нибудь у Вас не удовлетворяло, и что, может быть, было навеяно Маяковским или объясняется Вашей собственной незрелостью тех лет, я остро и тяжело чувствовал себя виноватым перед Вами, я в Ваших неверных или искусственных нотах слышал свои и мучился тем, какой я Вам подал дурной при-мер. Но это еще не все. При всяком столкновении с каким-ни-будь видом несостоятельности у Вас я сознавал, что, будь под эти-ми примерами моя подпись, они не только не встретили бы воз-ражения, но, может быть, вызвали бы восхищение нашего узко-го круга. И напоминание о слепоте и несправедливости общепринятого и условного тоже меня ранило. Вот отчего я на-звал эту муку двойною.

Мне очень легко писать Вам. Я ничем не огорчу Вас, мне не-чем Вас огорчать. Меня всегда удивляло, как мало обращено вни-мания на то, что я Вам сейчас напомним, как никогда об этом не говорилось. Об этом упоминается в Варькинских дневниках Жи-ваго. Как иногда внутренне пуст и технически блестящ Пушкин-лицеист, как обгоняют, как опережают его средства выражения действительную надобность в них. Он уже может говорить обо всем, а говорить ему еще не о чем⁴. После войны я собирался пи-сать о Блоке. Я разметил для себя первые его страницы, поры «Ante Tisem»⁵. Тут тоже предвосхищено много будущего, воспоследовав-шего, в отвлеченных слабых очертаниях, которые наивны, как слова взрослых в устах ребенка. Эти страницы и даже книги нико-го бы потом не остановили и так бы ничем и остались, если бы жизнь вскоре не наполнила, не подтвердила бы их. И как она дра-матически наполняла эти формы, какой подлила в них краски! Эти превращения были вызваны героической чертой обоих, готовно-стью к подвигам, тягой к большому.

Это (даже, как Вы видели, у людей гениальных, при ранней начитанности и очень хорошем воспитании) явление юношеского ораторствования, чтобы не сказать фразерства, все равно, деланно ли озорного или мнимо унылого толка, в Вашем особом случае очень велико. Это ставит Вас в ложное положение. Излишней хлесткос-тью рифм, сплошь как на подбор безукоризненных, Вы отпугивае-те* от содержания, слишком еще молодого и неокрепшего, слиш-ком небольшого, чтобы оно могло стать заметным и остановить на себе внимание, чтобы перевесить действие слишком громкой вне-шности и притянуть, привлечь от нее к себе. Это ведет к недоразу-мениям. Смысл сказанного не то, что понятно, но даже слишком точно и понятно, терминологически понятно, кажется непонятным только потому, что становится не сразу понятным от оглушения и отвлечения в сторону и оставляет это впечатление и в следующие минуты. Трудно представить себе истинное горе, достаточно траги-ческое для тона столь окончательного и определенного, это как если бы о некотором несчастий мы узнавали не из полуобморочных кри-ков падающего без сознания, но из анкетной графы о звании, хо-лодно заполненной словом «самоубийца».

Это я все говорю для того, чтобы в самых-самых общих чертах заключить следующим наблюдением. Все эти, не по Вашей вине и воле еще необжитые и потому не в меру гулкие и чересчур простор-ные формы вдруг наполняются и становятся правдивыми и возбуж-дающими участие к концу, в коктебельских стихах осени 1955 г. Здесь строчка: «Это пропасть на пропасть глядит» помимо того, что она очень хороша и сильна, еще, кроме того, убеждает. Ей веришь, как говорящей о чем-то действительном, между тем как такие же или еще более красноречивые строки на предыдущих страницах вызы-вают улыбку или отчуждают своей бездоказательностью. Вообще стихи этих последних страниц (вместе с тюльпанами и рынком в Л.) – живые, настоящие. Я сейчас перечислю Вам на-звания и отдельные строчки, выделившиеся в чтении и понравив-шиеся мне, а пока еще вот что.

Если Вы думаете не то что продолжать писать стихи испод-воль, но даже если бы Вам пришлось теоретически писать о по-эзии, мне думается, Вам нужно сломить что-то в себе и перестро-ить свои понятия о ней в большем соответствии с тем, что Вы но-сите в себе, смелее, скупее и существеннее.

Вот что мне понравилось (отдельные строчки и цельные сти-хотворения).

Мертвые души из мертвого дома...

В нашем чаду Чаадаев и Чацкий

Чем прозябание по-обезьяньи...

Пьером Безуховым быть бы я мог.

Правит бульварами жизни моей (милиционер)

Сейсмограф. Кито. Все стихотворение о Ст<алине>.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
я не принадлежал к числу... пляж. Гетто... И в больших бала-хонах... Здесь
плывут облака... Тополей запыленных. Сонет со сло-еным небосклоном. Гуляка я или
аскет. Бессонницей пусть невра-ст<еник>. Окна безумием застеклены. Измена марту
и природе, измена самому себе. Стихи рождаются (Вы читали раньше). Но это жизнью
мы зовем. А кладбище зовем вселенной. Сонет с пи-ретрумом. Сегодня я брожу в
тоске. И водоросли на песке, и недо-росли в море. Со сфинксов снег счищают
бурый. Иду я по лужам. Я припоминаю, и вдруг под ботинком... мне переводная
откры-лась картинка (не словесность, но реальное сходство, яркость,
обнаруживавшаяся из-под сошедшей пленки). Мне нравится нео-бозримый пляж. Сумрак
рентгеновского кабинета. Первобытная складка. Эти пропасти так мне знакомы. В
лунном иск. света. Март казался случайною смесью. То ли песня. Тюльпаны.
Но все, что я говорю, так ведь произвольно! И разве я непо-грешим? Кроме того,
мы столько еще раз увидимся, и я договорю на словах, если это понадобится, чего
не дописал. Обнимаю Вас.

Ваш Б. П.

Впервые: Пастернак. Об искусстве. – Автограф (собр. адресата).

1 Речь идет о подборке стихов Вяч. Вс. Иванова, далее в письме дают-ся цитаты из
них. Стихи остались неопубликованными.

2 В трактате «Государство» Платон рисует идеальное общество, в ко-торое входят
философы, музыканты и математики, но нет художников и поэтов.

3 Из «Послания пролетарским поэтам» Маяковского. См. коммент. 1 к письму № 1281.

4 В части девятой «Варыкино», гл. 6, Живаго отмечает в дневнике, как много
зависело в лицейских стихах Пушкина от размера: «в стихах с длинными строками
пределом юношеского честолюбия был Арзамас, же-лание не отстать от старших»,
стихи с короткими строчками пробуждали в подростковом «всего будущего Пушкина» (т.
IV наст. собр.).

5 Выписки из ранних стихов А. Блока и пометы на полях первого тома изд.
«Алконост» собраны в заметках «К характеристике Блока», 1946 (т. V наст. собр.
С. 363).

1520. А. А. РОМАШОВОЙ

2 июля 1958, Переделкино

2 июля 1958

Дорогая Александра Александровна!

Смерть Бориса Сергеевича была для меня неожиданным го-рем и ударом. Я только что
вышел из больницы после вторичного продолжительного рецидива прежней мучительной
болезни и едва еще ходил. Среди прочих удовольствий, которые я себе рисовал и
которыми себя тешил в будущем в случае полного выздоровления (во что я плохо
верил, – нога болит у меня постоянно, болит и сейчас), была давняя моя мечта о
моем сближении с Вами обо-ими, – помимо всего общеизвестного, что заслуженно
говорится о таланте Ромашова, я всегда ценил его богатую наблюдательнос-тью
беседу, знание жизни и немногословное остроумие.

О его кончине я узнал стороною, случайно и с запозданием. Говорили, что он умер
на юге, в Крыму, и что будто бы Вы еще там. Я подходил в те дни к воротам Вашей
дачи, – у Вас все было глухо, безлюдно – вероятно я хотел на словах или
письменно вы-разить Вам мое живое, живое несколькими вместе пережитыми
подробностями, соболезнование.

Но если бы даже я лучше и точнее знал о дне похорон или о подготовке общего
некролога, я не мог бы тогда поехать в город не только потому что был еще болен,
а потому что отношения мои с Союзом так испорчены и непрочны, что лучше мне туда
не яв-ляться.

Простите, что этим неурочным письмом я бережу Вашу све-жую рану, но не написав
его, я не осмелюсь поздороваться с Вами на улице, как это было на днях близ
конторы, когда завидев Вас издали, я свернул в сторону, чтобы не попадаться Вам
на глаза. Не думайте, что я бесчувственен и безразличен к памяти Бориса
Сер-геевича и Вашему страданию.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2246, оп. 1, ед. хр. 639). О близком соседстве по
Переделкину с Б. С. Ромашовым и его же-ной см. письма к ним № 1131 и 1456.

1521. Э. ПЕЛЬТЬЕ-ЗАМОЙСКОЙ

8 июля 1958, Переделкино

8 июля 1958

Дорогая Элен, от Б. Парена я узнал, что книга вышла и он мне послал ее, но я еще
не получил¹. Ваша вырезка из журнала «Elle» до меня благополучно дошла², дачный
адрес прекрасно вы-полняет свои обязанности, сообщите об этом Жаклин. Я хочу
на-писать ей открытку, но трудно впихнуть все, что надо сказать, в этот
маленький кусочек картона³. Мною овладело нетерпение, достойное порицания,
ожидание посланной книги и новостей от Вас делает меня мерзко несчастным.
Я предположительно догадываюсь, что фельтринелли, не об-ращая внимания на мои

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori требования, тем не менее вмешается в планы Жаклин, касающиеся баранов, и их расстроит. Как это меня огорчает! Что она сделает тогда с моими рукописями, существующими в единственном экземпляре и доверенными ей с бараньей целью, и которых больше нигде нет?4

Я Вам уже говорил, что Альбер Камю оказал мне честь своим сердечным и великодушным письмом. Супруги дю Буше предлагают под редакцией Рене Шара перевести достаточное количество моих стихов, чтобы составить из них том избранных стихотворений.

Я думаю, что они должны обратиться к Жаклин за выверенными текстами стихов и по вопросу их выбора5. Я должен повторить, что на всем протяжении моей жизни М. Окутюрье оказался единственным и первым из всех переводчиков на все языки, чьи поэтические переложения я бы заранее авторизовал без какого-либо ограничения. Но это случай несравнимый.

Если 0<льга> Вам пошлет несколько моих стихотворений, написанных после больницы, знайте, что эти безделушки передаются Вам только для того, чтобы Жаклин по своему усмотрению включила их в сборник еще более ничтожных рифмованных мелочей.

Некий Eug. M. Kayden из университета South Sewanee Tennessee USA посылает мне свои переводы Пушкина в октябрьском номере Sewanee Review 1942 и просит прислать ему мои стихотворения, написанные после 1945 года, для книги, задуманной как 100 лучших моих стихотворений в его переводеб. Я не мог сдержать поток слез, узнавая строчки П<ушкина> в английских отголосках. Но вот и все. Я не могу быть им судьей, но думаю, что это должно быть прекрасно. Может быть, Вы или Жаклин захотите изучить это предложение, тем более, что просьба прислать оригиналы все равно приводит к ней.

Между тем, как у Ж<аклин> нечаянная радость7, я подавлен мыслью о тех мучениях, которым в любую минуту готова меня подвергнуть моя нога, и о своей полной отрезанности из-за «за-навеса», по другую сторону которого такой праздник для меня в эти минуты, а ко мне ничто из этого не доходит.

Впервые: Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956-1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Изд. Галлимара послало экз. «Доктора Живаго» на адрес Союза писателей и до Пастернака он не дошел.

2 Пастернак для конспирации называет в открытке модный журнал «Еие» источником вырезок из газет и журналов, касающихся выхода романа.

3 Открытка к Ж. де Пруайяр была написана в тот же день 8 июля («Новый мир», 1992, № 1).

4 Речь идет о русских изданиях сб. стихов и романа у Мутона в Голландии, которые Пастернак называет «баранами» (mouton по-русски «ба-ран»). Он писал об этом Ж. де Пруайяр: «Я косвенным путем узнал (лучше сказать, я подозреваю), что фельетринелли вмешается в Ваши планы, касающиеся баранов, которые я так хотел сохранить для Вас! Неужели моя мечта о том, чтобы удивительное счастье и удача, которые Вы мне принесли, окупилась материально и возместили Ваши труды в течение целого года, – эта моя мечта никогда не осуществится из-за фельетринелли? Жить в полном неведении о том, что тебе дорого, и не иметь возможности что-либо сделать и изменить! Извлеките, по крайней мере, какую-нибудь пользу из того, что единственные рукописи, нужные для бараньей книги, биография и сверенная подборка стихов есть только у Вас и ни у кого больше! Известите фельетринелли, чтобы он придерживался Ваших материальных, советовался с Вами и Вас слушался, иначе издание будет испорчено» (там же. С. 144).

5 О сб., который хотел составить Сувчинский и его друзья, Пастернак писал Ж. де Пруайяр 26 июня 1958 и в письмах № 1515 (коммент. 7), 1529.

6 Ж. де Пруайяр удовлетворила просьбу Пастернака и переслала американскому переводчику Юджину Кайдону нужные ему тексты стих, и заключила договор с изд. Ann Arbor University of Michigan.

7 Имеется в виду рождение дочери.

1522. Н. ТАБИДЗЕ

10 июля 1958, Переделкино

10 июля 1958

Дорогая Нина, зачем Вам ждать вызова от Гослитиздата, когда Вам нужен только вызов от нас и вот он: приезжайте немедленно в Переделкино. Клубника в разгаре, Вы поможете собирать ее, Леня на днях вернется из Совхоза, куда он с другими студентами уехал на полевые работы, холода, наступившие после весенней жары, прошли, и только Вас недостает. Вас интересует состояние моей ноги, но этого я Вам не скажу, пока Вы не приедете. Вас интересует, как себя чувствует один мой знакомый доктор в Париже, и, что мне о нем пишут разные знаменитые люди из Франции, но и на это я Вам отвечу в Переделкине. Я Гарику, отправляющемуся в

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Цихис Джвари, поручил сказать Вам, как срочно Вы требуется в Переделкине, но
он, конечно, вследствие страшной перегруженности делами и занятиями забыл это
сделать и я восполняю его упущение. Обнимаю Вас.
Ваш Б.

Позвоните Бебутову или Златкину, попросите их поторопиться с перечислением
денег на мою сберкнижку. Но не это цель письма, поверьте мне.

Впервые: Материалы ГМГЛ. – Автограф (ГМГЛ, № 027029).

1523. П. П. СУВЧИНСКОМУ

11 июля 1958, Переделкино

11 июля 1958

Дорогой, дорогой мой Петр Петрович, позвольте мне крепко, крепко расцеловать
Вас. В. Parain уже больше недели сообщил мне о выходе книги и о том, что он
выслал ее мне, но я ее еще не получил и не знаю, когда получу и получу ли
вообще. И отзывы о ней я тоже, наверное, не увижу, но что делать, благодарение
Богу, что хоть открытки мои доходят до Вас всех и Ваши удивительные,
удивительные письма. А обнять и расцеловать Вас я хочу по тому поводу, что если
не я, то Вы хоть видите это все, и хотя, вероятно, с некоторых сторон вещь
подвергают заслуженной критике, но наряду с этим другие и радуются ей, и это,
как моему другу, должно быть Вам, наверное, приятно. Ах, дорогой мой, это все
же в моей жизни и неожиданное и долгожданное торжество. Торжество не ввиду
успеха (еще гадательного и, может быть, далеко не доказанного), а вот почему.
Всю жизнь, всю жизнь останавливали, за-минались, поражали отдельные
впечатления, виды, случаи, городские картины. Они приковывали, привораживали,
покоряли полностью значением, выразительностью, красотой. Но не только этим. От
них, как долгий отзвук, тянулись через всю жизнь то-мящие укоряющие напоминания,
они издали жаловались и зывали к мысли, точно то были не просто люди, вечера,
весенние виды и городские перекрестки, а какие-то несделанные уроки и
неисполненные поручения¹. И вот теперь, когда я вижу такие же случаи
человеческого горя или подавленности, такие же закаты или такие же зори и пожары
женской красоты, упрек, исходящий от них, – слабее, я вспоминаю, что что-то
сделано им в ответ, что-то выражено и сказано о них, по их поводу пролиты
настоящие слезы проникновения и восторга – и тогда так легко, так легко все
принять, со всем примириться и все перенести. Крепко обнимаю Вас, мой дорогой.
Пусть пошлет кто-нибудь «D<octeu>r J<ivago>» Renate Schweizer² Marburger str.
16, Berlin, W 30.

Впервые: Revue des Etudes slaves. 1990. Т. 72. – Автограф (Bibliothèque
National, Paris).

¹ Отношение к запомнившимся впечатлениям, как зывающим к мысли невыполненным
творческим задачам, неоднократно высказывалось в письмах Пастернака 1910-х гг. и
было основным оправданием его при-звания. «...Легенда действительности, которая
вызывает этот восторг, приходит как требование. Хотя действительность является
здесь задачей, однако кажется, что прекрасное требует своего продолжения и это
потому, что становится высшей задачей и требует следующего разрешения» (письмо
№ 27).

² Пастернак пишет фамилию Ренате Швейцер не совсем точно; надо: Schweitzer.

1524. К. А. ФЕДИНУ

12 июля 1958, Переделкино

12 июля 1958

Дорогой Костя, ничего решительно тогда на дороге не случилось¹, было так, как
того именно хотелось мне. Если бы мне хотелось, чтобы машина остановилась, вы по
действию мысли на расстоянии остановили бы ее. Но вот ничего такого как раз не
требовалось.

Завтра воскресенье. Если ты днем зайдешь в обеденное время, это будет чудесно.
Но можешь прийти в любой день и час, только я часто ухожу гулять, и я не
простил бы себе, если бы ты не застал меня.

Целую тебя. Твой Б.

Впервые. – Автограф (собр. Н. К. Феединой).

¹ Ответ на записку Феедины с извинениями. Примеч. К. Феедины: «Встреча на нашей
дороге (к даче), когда я поздоровался с Борисом через окно машины, и он ответил
ласково, с обочины, и потом я послал ему за-писку с извинением (я чувствовал
неловкость)». Этот обмен любезностями по поводу столкновения на дороге стал,
по-видимому, последним эпизодом в их переписке. О нем вспомнил Феедин, разбирая
письма и записки Пастернака после его смерти, в своем примеч., сделанном на
предыдущей по времени записке Пастернака 23 июня 1958: «Дорогой Костя, извини,
что такую обыкновенного, карандашом написанную запиской, я хочу по-здравить тебя
с большой радостью и праздником избрания тебя академи-ком. Я узнал это вчера
вечером случайно и все время до сегодняшнего утра много думал о тебе. Желаю тебе
долгой жизни и здоровья и целую тебя. Твой Б.». Примеч. Феедины: «Кажется,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori последняя (нет, нет!!) ко мне пись-мо-записка Бориса Пастернака. Нет!- потом последовали еще» («Вол-га», 1990, Мг 2. С. 175). Среди сохранившихся записок Пастернака имеет-ся также написанный за шесть дней до присуждения ему Нобелевской премии 18 окт. 1958 г. запрос к Н. К. Фединой по поводу имени Алянского (см. коммент. 3 к письму № 1202).

1525. М. А. МАРКОВОЙ

16 июля 1958, Переделкино

16 июля 1958 Дорогая моя Машура,

по счастью я с конца апреля дома, на даче, и с тревогой заду-мывался о том, жива ли ты и что с тобой, потому что смутно по-мнил, как мне хотелось тебе ответить на твои зимние упреки, и мне думалось, что я должен был написать тебе из больницы¹. По-этому спасибо тебе, – твое письмо успокоило меня.

У меня в правой ноге имеются повреждения, служащие ос-нованием для очень обостренных воспалений нескольких ножных нервов. Может быть, с одним из этих повреждений, обрывом ме-ниска в правом колене, мне удастся разделаться оперативным пу-тем (посредством извлечения осколка из колена). Вся жизнь эти недочеты, последствие детского перелома² и пр., сходили с рук благополучно и лишь в последнее время стали давать очень дол-гие и мучительные обострения, из которых я перенес уже два и не избавлен от третьего.

Что касается до «гнева богов»³, то, как видишь, земля меня, покамест, носит, и, как хочется надеяться, прошло слишком мно-го времени, чтобы с этой стороны со мной могло случиться что-нибудь чрезвычайное.

Но с другой стороны, в мое положение не может быть внесе-на окончательная ясность, ждать ее неоткуда, и мне, наверное, придется доживать свои дни в состоянии обвиненного или по-лупомилованного преступника.

Пишу я тебе об этом вот зачем. Я все время хочу послать тебе немного денег и сделаю это, наверное, в течение лета. И хотя, ко-нечно, сам я не терплю нужды, нависающая надо мной неопреде-ленность человека, которого, может быть, надо считать негласно состоящим вне закона, затрудняет и затягивает все денежные рас-четы со мной, денег никогда не удастся получить сразу много.

А в общем все великолепно, и если у тебя есть какие-нибудь хотя бы далекие литературные знакомства, ты, наверное, знаешь, отчего сыр-бор загорелся и где собака зарыта, а если нет, то неза-чем и огород городить, неделю буду сидеть и тебе писать, и все равно ничего не перескажу. Только если говорить честно, мне ни-когда не снилось, чтобы при жизни мне привалило такое счастье.

Я не забуду своего слова и желанья, ты в этом через некото-рое время уверишься. Целую тебя. Твой Боря

Впервые: Борис Пастернак. Доктор Живаго. Избранные письма. – Автограф (собр. А. В. Курсина).

1 Пастернак писал М. А. Марковой 3 марта 1958: «Дорогая Машура, твои обвинения и упреки застали меня больным, со страшным обостре-нием радикулита правой ноги, свалившим меня снова в постель, после того, как я всю прошлую весну (около 4 месяцев) пролежал в больнице, и вот я снова в ней, хотя и в другой. В Ленинграде не был я с 35 года, я не знаю, откуда принесли тебе эти ложные сведения. И зачем ты пишешь о день-гах? Как я только выздоровею и вернусь домой, я напишу тебе и может быть что-нибудь сделаю, хотя теперь я в большей неизвестности, чем ког-да-либо. Я выкинул штуку несколько неслыханную, вызвавшую страшный гнев богов, и я не знаю, что со мной будет. Целую тебя. Твой Б.» («Вечер-ний Ленинград», 10 февр. 1990). Талон к почтовому переводу на 1000 руб.: «Дорогая Машура, вот, что мог, наскреб тебе, может быть пригодится. Крепко тебя целую и благодарю за письма. Я чувствую себя хорошо и все в порядке. Будь здорова. Твой Б.» (собр. А. В. Курсина).

2 Падение с лошади летом 1903 г., когда Пастернак сломал ногу, срос-шуюся с укорочением.

3 Имеются в виду вызовы в ЦК и Союз писателей в связи с выходом «Доктора Живаго» в Италии и требования остановить издание.

1526. П. П. СУВЧИНСКОМУ

24 июля 1958, Переделкино

24 июля 1958

Мне снова приходится выставлять себя перед Вами в смеш-ном виде, прячась в этот прекрасный язык, взятый в долг и мною исковерканный, которым я почти не владею. Но как я люблю Вас, как Вы мне дороги! Случаю было угодно, чтобы все самое важное, для чего я проживу лучший остаток своей жизни, соединилось в Вас, в Вашей личности. – Я снова попытался послать Вам «фаус-та», самым простым путем, по почте¹. Я к этому еще вернусь по

ходу своей открытки. – Проклятая журналистика, которая не мо-жет обойтись без басен и рассказов о том, чего никогда не было, без разглагольствований!² Я не помню, чтобы был знаком с С<уц-кеве>ром; напротив, у меня ощущение, что я хотел

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori избежать этой встречи из-за страшного стыда, благоговения и ужаса перед этим мучеником, – и что это мне удалось³. С<урко>в никогда не раз-гуливал с револьвером; он всегда подавлял меня ex officio* и я искренне признаю, что это вполне справедливо по отношению ко мне⁴. Этот абзац – еще одна раздражающая выдумка. – Что касается «чтения друг другу стихов», то, уступая условному и фальши-вому обычаю, я неохотно читаю иногда что-то вслух, но «стихи», «стихотворения», «читать стихи» – ничего этого для меня не существует, но целые горные потоки некоторой бессмертной дея-тельности, формировавшей общие черты жизни, духа судьбы и времени тех могучих людей, чьи произведения скорее всего по-бочные следы тех потоков, чем их выражение. – Отец никогда не приглашал меня переехать к нему жить, я никогда не отвечал ему такими патриотическими восклицаниями, все это словесные кра-соты⁵. Я слишком мал, прост и обыкновенен для той безупречной порядочности, которая тут описана, и настолько же далек от нее, чуждой и мне недоступной. – А что же тогда действительность? Движущееся соответствие живой материи, как например, Фауст. Текст подобен реке, в которую погружаешься, – своим течением он непрестанно и беспорядочно несет смысл и вдохновение, всей своей массой и безостановочным стремлением создавая собственный мир и правду. – Вот именно так я попытался его перевести, и так же погружаюсь в непрерывное наслаждение мощью пласти-нок с музыкой И. Стравинского. Как все это грустно!

Впервые: Revue des Etudes slaves. 1990. т. 72. – Автограф по-фр. (Bibliothèque National, Paris).

1 Дарственная надпись на «фаусте»: «Дорогому Петру Петровичу Сув-чинскому с горячей любовью в предчувствии близкого часа просветления, когда тучи разойдутся и проглянет, наконец, лицо века, широкое, свет-лое, вернув смысл и цельность всему предшествующему, выстраданному и пережитому. Б. Пастернак. Москва 24 июля 1958» (там же. С. 756).

2 Письмо написано в ответ на полученную, возможно, от Сувчинско-го, статью Leon Leneman «J'ai vu pleurer Pasternak...» – «Я видел, как пла-чет Пастернак...» («Express», 26 juin 1958).

* по долгу службы (лат.). 361

3 В статье идет речь об организованной зимой 1944 г. в редакции газ. «Литература и искусство» встрече Пастернака с еврейским поэтом Авра-амом Суцкевером, бежавшим из вильнюсского гетто. Душевно разруши-тельные для Пастернака впечатления этого рассказа были вытеснены из его памяти.

4 По словам Суцкевера, Пастернак в ответ на его стихи прочел свое новое стих. «Зимние праздники» и предложил опубликовать его в газете, но редактор Мирская не выразила готовности. Пастернак сказал, что при-вык к отказам и ничего другого не ждет от главного редактора газеты А. Суркова, который «разгуливает с револьвером в кармане».

5 В конце статьи автор утверждал, что Леонид Пастернак, уехавший из России, предлагал сыну эмигрировать, на что тот отвечал: «Я – рус-ский – и только русский – писатель. Им я и останусь. Никогда, никогда не буду я эмигрантом. Никогда не покину русский народ» (Revue des Etudes slaves. С. 750).

1527. К. ТЕНСУ

25 июля 1958, Переделкино

25 июля 1958

Дорогой, многоуважаемый господин Тенс.

Большое спасибо Вам за Вашу фотографию, вырезки из га-зет, которые я наклеил на титульные листы моего русского фаус-та, и оба Ваших письма. Я благодарю Вас также за работу над фа-устом, которую Вы ведете, и при получении которой я освобожу время, чтобы с живейшим интересом ее прочесть. Однако, что до перевода Вашего текста и его издания, я ничем не могу Вас обна-дежить¹, в особенности это касается Ваших представлений о моей помощи и полезности в этом вопросе, – и это не только потому, что у меня нет времени. Вы не достаточно представляете себе частности моей жизни, природу моей здешней скованности, и я не в состоянии это объяснить, да и не нужно, – кое-что со време-нем Вы узнаете сами. –

Ит<альянского> издателя мне не при-шло искать. Случаю было угодно, чтобы моя рукопись, которая на родине в настоящее время не может быть издана, попала к нему и в течение зимних месяцев этого года выдержала одиннадцать изданий. Таким же образом издали в Париже французскую книгу. Осенью она должна выйти у С. Фишера во Франкфурте. Закажите книгу для себя (может быть, издательство пошлет ее Вам в пода-рок (?)) Тогда сядьте и в тишине за несколько дней прочтите свы-ше 700 страниц напряженной исторической прозы. До тех пор Вы ничего не сможете обо мне узнать, разве только буквы моего име-ни. Эта книга – моя главная работа, смысл и оправдание моего существования, в ней Вы найдете и сможете понять мои истин-ные мысли и чувства, желания и стремления. А теперь нижайшая просьба к Вам. Сообщите, пожалуйста, профессору Федору Сте-пуну (Munchen 13, Prof. Fedor

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris Stepun, Ainmillerstr. 30) тот адрес, которым Вы пользуетесь сами в своих письмах ко мне², и примите мои самые горячие пожелания счастья и благополучия. И удачи Вам во всех Ваших начинаниях.

Впервые: «Новый журнал», № 209. Нью-Йорк, 1997. – Автограф по-нем. (собр. К. Гинзбурга, США).

1 Тенс просил позволения познакомиться Пастернака со своими работами об истории Фауста и послать две книги: Karl Theens. Doktor Johannes Faust, 1948, и Aus dem Leben des Magisters und Magiers Doktor Johannes Faust von Dozent Karl Theens, Stuttgart und Karl Weisert, Knittlingen, 1954, сохранившиеся в Переделкине. Пастернак 5 авг. 1958 благодарил его: «Перелистывая и просматривая все в целом, перескакивая с одного на другое и местами углубляясь в чтение, я с первого взгляда оценил живое богатство и широту охвата <...>, объединение и смешение основополагающего и самостоятельного понятия, свободно вырывающегося из рамок сковывающего материала» (там же. С. 117).

2 Имеется в виду адрес: Переделкино под Москвой, по которому приходило большее число писем Пастернаку, чем по городскому адресу.

1528. Э. ПЕЛЬТЬЕ-ЗАМОЙСКОЙ

27 июля 1958, Переделкино

27 июля 1958

Дорогая Элен, счастливо прибыли два Ваших конверта. От скольких волнений Вы меня избавили! Я вернусь к этому позже. Вначале я скажу Вам, милая, дорогая автомобилистка, что я восхищен тем, как природа вокруг Вас соответствует Вашей улыбке и Вашему состоянию¹. Что в свою очередь черты Вашего лица такие же, как воздух и летний свет, пространство, поворот дороги и дальний лес. А дом! Наверное, это Ваш муж фотографировал Вас и уловил, как Вы хороши среди такой красоты. Спасибо за письмо, спасибо за фотографию; а поддержка университета Пуатье, – кто мог бы мечтать об этом! Как все устраивается и упрощается!² Не Жаклин ли пришла в голову гениальная мысль такого научно-го заказа, и не она ли получила на это разрешение? Я ей пенял на то, что она мне не пишет. Избавляю ее от моих упреков во имя ее подвигов. Пусть она не пишет писем и отдыхает на каникулах. А все то, что Вы пишете о Фельтринелли и как Вы с ним познакомились, приводит меня в восхищение. Это просто волшебная сказка³.

Я читал статью Э. Триоле, она у меня есть, не посылайте ее. Как я был невнимателен в своем русском тексте! В моем подлинном письме к Ст<алину> я благодарил его по двум поводам. Во-первых за то, что сказанное им о Маяковском справедливо, и во-вторых за то, что эти слова меня освобождали и т. д. и т. д.... Если бы я не опустил по невниманию первой причины, не было бы той нескромности, за которую Э. Триоле справедливо меня ругает и высмеивает⁴. Но я не придаю этой неловкости большого значения. Если Вы найдете, что это место надо исправить, я добавлю продолжение, опущенное в мутоновской рукописи, а если нет, то все пусть останется без изменения. Статья в журнале «Arts» мне понравилась значительно меньше⁵. Появляется книга. Кого-то просят отозваться на нее. Вместо того чтобы тратить время на чтение произведения, рецензент, обойдясь без этого, превозносит достоинства автора, приводя патетические измышления о нем в своем вкусе и надуманные, произвольные истории, слышанные с чужих слов, которые он принимает за правду, но чего никогда не было; вещи допустимые, правдоподобные, но неверные. Сцена с моими слезами в начале страницы – именно такое правдоподобие. Но этого не было никогда. Как мне помнится, я отклонял знакомство и встречу с ним из чистого страха и стыда перед его высоким мученичеством, в глазах которого я должен был выглядеть моральным ничтожеством и предателем. Мое прошлое трактуется так неточно. И С<урков>, прогуливающийся с револьвером!!, и моя переписка с отцом! Похож ли я на того, кто способен произносить торжественные фразы, вроде: Я не покину русский народ. Слышали Вы от меня когда-нибудь подобные трескучие слова? Но каковы бы ни были эти недоразумения, я их еще раз перечту, но опровергать ничего не стану. Впервые: Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956-1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Э. Пельтье сообщала, что в восторге от ощущений водителя, проделала путешествие на «ситроене» («Deux chevaux») до Парижа и посылала несколько фотографий дома, мужа и его скульптуры Иоанна Крестителя.

2 Во время краткого пребывания в Париже Э. Пельтье узнала от Ж. де Пруайяр, что издание русских книг у Мутона получило поддержку университета Пуатье и будет осуществлено в октябре-ноябре этого года.

3 Э. Пельтье виделась с Фельтринелли и нашла его в высшей степени симпатичным и увлеченным Пастернаком. Он очень заинтересован в том, чтобы Пастернак получил Нобелевскую премию, и поддерживает инициативу изданий Мутона.

4 Имеется в виду статья Эльзы Триоле «Маяковский и Пастернак» в газете «Les Lettres francaises» 3-9 июля 1958, в которой она резко отзывалась на слова

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Пастернака о Маяковском в Автобиографическом очерке. Пастернак объясняет
выдвинутые против него обвинения в нескромности тем, что, пересказывая свое
письмо к Сталину, опустил слова о благодарности за его резолюцию на письмо Л.
Ю. Брик о Маяковском, как «лучшем талантливейшем поэте нашей советской эпохи»,
снимавшие с Пастернака готовившуюся и чуждую ему роль заместителя Маяковского.
5 «Дорогая Элен, – писал Пастернак 30 июля 1958, – в мою позавчерашнюю открытку
вкралась досадная ошибка, и я тороплюсь исправить ее во избежание возможных
недоразумений. Статья, которая мне не понравилась – Леона Ленемана в "Express"
от 26 июня, а не в "Arts"» («Знамя», 1997, № 1. С. 125). Об этой статье см.
письмо № 1526.

1529. Ж. де ПРУАЙЯР

3–4 августа 1958, Переделкино

3 августа 1958

Милая и такая дорогая Жаклин, войдем же вместе в эту старинную Тальмонскую
церковь, и хотя, вероятно, там не служат, возблагодарим Бога за то, что
изображение этого храма было первой вестью, полученной мной от Вас¹. Судя по
тому, что Вы пишете о своих пропавших письмах, их было, по крайней мере, три, о
которых я и не подозревал. Мысль об их пропаже заставляет Вас, как Вы пишете,
топать ногами. Насколько же больше мое огорчение по этому поводу. Но эта грусть
отступает перед более сильным чувством. Это – вмешательство третьей силы,
враждебной случайности, которая хочет нас разделить и становится между нами, –
причем меня более всего оскорбляет, что, видя, как Вас это ранит, я ничего не
могу поделать, – и, однако почти физически ощущаемое вмешательство не может
оторвать нас друг от друга, а только еще теснее связывает общим чувством горечи
и отвращения. И это все, и ничего больше. Нас пытаются задеть разными способами,
то непосредственной угрозой, то подлыми ограничениями, а мы надо всем
торжествуем. Кроме того, враждебная сила огорчений и помех сама служит нам на
пользу, сохраняя живым то, что мы пережили и испытали в своей победе, и без чего
она, возможно, выродилась бы в пустую отвлеченность и напыщенные фразы...
Дорогая Жаклин, как Вам сказать, насколько все чудесно, как все полно будущим
даже в эти надвигающиеся часы, за несколько шагов до возможного конца! Элен
написала мне обо всех делах, я все знаю. Чем я могу Вас отблагодарить? Это
волшебство!

Я не получил обещанных книг от Парена и начинаю думать, что их украли или
перехватили. Пушки Эльзы Триоле не приводят меня в ужас. Статья «Я видел, как
плачет Пастернак» взволновала меня гораздо больше². Мне показалось, что автор ко
мне расположен и хочет сказать приятное. Зачем же в этом случае сочинять
благодушный роман правдоподобного содержания, по своей воле определяя меру его
достоверности, тогда как существует область фактов и реальных событий и прежде
всего, – опубликованная книга, которую лучше всего было бы проанализировать в
том же «Express'e». Но слезы, родительский дом, величие духа, огнестрельное
оружие... Как далеки от этого газетного и опереточного романтизма мои убеждения
и моя жизнь.

Обнимите маленькую Полин. Лучшие пожелания вам всем.

4 августа 1958

Жаклин, длинная открытка с лодками тоже пришла. С чего мне начать? Я прекрасно
понимаю, как ужасен мой французский. Но если я имею наглость писать на нем и
терзать Ваш слух, то это не только по глупости, но из «почтовой необходимости»,
возможно, кажущейся или выдуманной. Простите и позвольте и дальше прибегать к
этой возможности. Я рад, что догадался, увидев в заголовке состоянии баранов
заслугу Вашего мужа, Даниеля. Было бы прекрасно, если бы он нашел возможность
помогать нам советами в этих делах, а также и в литературных вопросах.

Рассуждая с Вами об этом, я часто косвенным образом обращаюсь и к нему.
Я совершенно согласен с Вами и Пареном по поводу «соуса»³. Ничего подобного, я
думаю, никогда не будет. Но, пожалуйста, не надо говорить об этом открыто и
задевать чувства, в этом случае такие дружеские и прекрасные, тем более, что
бараны сами по себе откроют путь всякого рода переводам. Желаю Вам и всей Вашей
семье хорошего и спокойного отдыха, полного и приятного восстановления сил.

Забудьте «Живаго», не пишите мне, не читайте критики, пусть она Вас не
беспокоит, не посылайте мне вырезок. Вот то решение, к которому я пришел.
Противоестественно читать о себе самом. Одна итальянка дала мне июньский номер
флорентийского журнала «II Ponte». Там я обнаружил «interventi di A. Moravia e
C. Cases sul Dre Zivago»* – продолжение обсуждения, о котором ничего не знал. Я
с трудом разбираю итальянский с помощью французского, как понимают

Интервью А. Моравиа и С. Казеса о «Докторе Живаго» (шя.).
польский с помощью русского. Иными словами я в нем ничего не понимаю, не
улавливаю смысла. Но я почувствовал, что оба писателя опровергают 1-й пункт
анкеты, который, судя по ответам, должен быть: «Является ли Ж. величайшим

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris романом нашего века?» Это грустно и обидно со всех сторон. Кому пришло в голову, ме-рить меня такой меркой? Моравия рассудительно начинает: «И secolò pop e ancora finito»\ и т. д. И снова перечисляют Пруста, Кафку, Джойса и иногда мою собственную былую оригинальность, от которой я отказался в Живаго, ставшем из-за этого плачевной неудачей. А мои друзья отправляются в Милан, в Париж и в кон-це концов (Ф. П<анферов>) – в Лондон, чтобы скупить тираж и спасти мою поэтическую репутацию. Доходят до того, что посе-щают мою сестру, чтобы она этим беспокоилась и повлияла на меня в нужном направлении⁴.

И неожиданно я вспоминаю об «истоках» романа. На что мне родственники, близкие, «друзья»? Нужно ли любить друг друга просто так, или нужно, чтобы мы любили друг в друге бессмерт-ное и единственно достойное? Между мной, писателями моего времени, критиками и друзьями встает одно, – единственное, что я ношу и держу в себе настолько физически, со всей страстью и по-земному. Это горсть русской земли и то, что, кажется, хотел от нас Христос.

Я еще не видел книги и не читал вашего перевода. Сделайте для меня хотя бы фотографию обложки.

Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956-1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 В открытке с видом старинной церкви в Тальмоне 23 июля 1958 ж. де Пруайяр писала, что статья Э. Триоле откровенно рассмешила их с Б. Пареном, и не надо эту болтовню принимать всерьез. Что роман хоро-шо продается по всей Франции, к вящей славе России, где в конце концов должны дать себе в этом отчет (там же. С. 145).

2 О статье леона Ленемана см. письма № 1526 и 1528.

3 О реакции Бриса Парена на предположение Сувчинского и его дру-зей составить стихотворный сборник см. письмо № 1515, коммент. 7.

4 Разговор идет о поездке А. Суркова в октябре 1957 г. в Милан к Фельтринелли, чтобы заставить его остановить издание романа; потом Сурков ездил в Париж к Галлимару с тем же намерением. Ф. Панферов пытался вести переговоры на эту тему с Коллинзом в Лондоне и просил Л. Л. Слейтер о содействии в «спасении» ее брата. * «Век еще не кончился» (ит.).

1530. л. л. СЛЕЙТЕР

14 августа 1958, Переделкино

14 авг. 1958. Дорогая Лидочка, я потрясен новостями, коснув-шимися, как оказывается, тебя, и о которых я узнал от О<льги> В<севолодовны> совсем недавно. Я имею в виду другого Федич-ку и его путешествия¹. До тебя, значит, бедняжка, протянулись его шулальцы, какая пронырливая наглость, ты подумай! Конечно, вернувшись, он не замедлил вызвать к себе О. В., расписал ей все свои подвиги, возобновил свои настояния насчет поездки в Баку с угрозами применения мер воздействия в случае отказа, запугал ее и расшантажировал. Поразительно, что ты так же смотришь на это предложение, как, вынужденным образом, и я. О. В. тоже меня не уговаривает. Действительно, я, ведь, не шучу, злоклучения пос-ледних лет с ногою научили меня осторожности в распределении разных часов дня, в чередовании движений и неподвижности, и мне опасно произвольно менять их. Куда тут разъезжать еще, да к тому же так ответственно и в свете такого высокопоставленного внимания! – Я и сам отказываюсь от мысли оперировать колено, да и, вероятно, и не будет нужно. – О. В. возмутилась и назвала меня свиньей, узнав о моих расспросах насчет Ломоносовой², ко-торые я веду через вас и о моем желании денежно через вас по-мочь ей, если она нуждается... «У Лиды столько детей и она одна; вместо того, чтобы осведомиться, не нуждается ли она в поддерж-ке, и предложить ей эти деньги, ты обращаешься к ее услугам в своей заботе о других»... – До сих пор не имею и не видел фран-цузского доктора. – С ужасом думаю о том, что запоздалые ве-сенние письма вас в конце концов не минуют и эдак к началу зимы вы будете завалены моими апрельскими сообщениями³. Опять распространяются слухи о пр<ix> N<obel>. Как бы хотелось мне, чтобы это было через год, а не раньше. Возникнет столько неже-лательных осложнений. Чувствую себя хорошо, дома и в душе у меня все в наилучшем порядке. Всех целую.

У меня в семье и доме все хорошо и без перемен.

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф (Pasternak Trust, Oxford).

1 О Ф. И. Панферове и его деятельности в Англии см. в письмах № 1493 и 1529.

2 Узнав от приехавшей в Москву приятельницы Р. Н. Ломоносовой о ее бедственном положении после смерти мужа и сына, Пастернак в пись-мах 16-17 июля 1958 к сестре просил передать Ломоносовой записку и надеялся найти способ, чтобы помочь ей (там же. Кн. И. С. 290-291).

3 Джульетта Гарритано, с которой Пастернак в середине мая посылал несколько писем за границу, задержала их отправление до осени.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
1531. П. П. СУВЧИНСКОМУ
14 августа 1958, Переделкино
14 авг. 1958

Дорогой Петр Петрович, ну как Вам там в Швейцарии?1 Отдохнули? Как Ваше здоровье? Я написал Вам дурацкую открытку. Надеюсь, Вы догадались, что я пустился на эту глупость из сдержанности и я боялся дать волю полной искренности из страха, что голос самой единственности до Вас не дойдет и останется недо-ступным2. Опять стали пропадать мои письма.

Каким сердечным приобретением явился для меня Камю! Робею написать ему об этом на своем ломаном и чудовищном французском3. Драгоценнее всего для меня он весь в целом как явление. Весь строй его мыслей, все то, к чему приходит и во что выливается сильная художественная страсть в наше время.

Ведь дело не в том, как определит себя художник по тому или другому вопросу, чтб он изберет и к кому примкнет, а в том, подхватит или не подхватит его волна, движущая время, а если подхватит, то унесет ли так далеко, что перемешаются и затонут все вопросы и ответы, и забудутся, и станут воспоминанием.

Мне кажется, в таком положении среди современности – Камю, что он не закоснел в былой, давно окаменевшей и мнимо-непререкаемой новизне, но все время впереди – всем своим луч-шим, что в нем есть, языком, интересами, стремленьями, вку-сом, – живет, уходит, рождается, все время обновляемый серьез-ностью труда и нешуточностью решений. Как это мне близко!

Ведь вот так же приблизительно не могу я понять рассужде-ний вокруг Д<октора> Ж<иваго>. Самобытно ли это или устаре-ло? Отказался ли я от оригинальности по уважительным причи-нам или, напротив, никогда не обладал ей, не знакомый с запад-ными ее образцами, я, вышедший в прозе из Андрея Белого и про-шедший через распад форм в их крайнем выражении.

А Д. Ж. был бурей чувств, наблюдений, ужасов и пожеланий, и единственной заботой во время его писания было не потонуть в нем.

Новых своих книг еще не видал (Бр. Пар<ен> послал их мне) и, наверное, не увижу. Ничего не знаю. никоим образом не хочу мешать Вам, но, если урвете минуту, черкните мне что-нибудь. Хотел послать Вам свою новую фотографию, но отпечатки еще не готовы. Посылаю старую, 1956 года, очень похожую и, кажется, неплохую. Может быть, она Вам на что-нибудь понадобится. Об-нимаю Вас. Не забывайте меня. Любопытно, дойдет ли до Вас это письмо.

Впервые: Revue des Etudes slaves. 1990. Т. 72. – Автограф (Bibliothèque National, Paris).

1 «Я завтра уезжаю в Швейцарию; пробуду около месяца, – писал Сувчинский 4 июля 1958, – недалеко от Sils-Maria, место обожаемое от-цом нашим Ницше» (там же. С. 746).

2 Имеются в виду изложенные в открытке № 1523 взгляды на сущ-ность искусства.

3 См. письмо № 1532.

1532. А. КАМЮ

14 августа 1958, Переделкино

14 августа 1958 Дорогой и великий друг, где найти слова, чтобы высказать Вам свою глубокую благо-дарность за редкую поддержку, которую дает мне Ваше существо-вание, именно только оно, свойственный Вам строй мыслей, Ваша манера видеть вещи, Ваше творчество и само Ваше существо? Ре-шусь ли сказать без известной доли нескромности, как поражает меня близость наших взглядов. Ваша устремленность к добру, выз-ванная не нравственностью, но движением души, настроенной и вылепленной вкусом к величию.

Еще до того, как я был удивлен и смущен Вашим прямым и незаслуженным упоминанием обо мне (и какими словами!), я по-нял Вашу дорогую надпись на книге «Discours» о моем присутствии в ней в переносном смысле1. И действительно, читая, я почти за-был, что эту книгу сочинили и напечатали по-французски и что не я сам это думаю и внутренне и безмолвно следую по-русски за сказанным. Мое восхищение и согласие были такими, что во мно-гих местах я готов был вскрикнуть от удивленья, что может суще-ствовать такая общность мысли! Как это утешительно, как значи-тельно для меня все, что Вы говорите на странице 142, Ваши ут-верждения об истине и свободе, об одиночестве и любви к людям, о причинной связи между страданием и красотой. Все Ваши мыс-ли о реализме, единственном, зрелом и большом стиле, так ска-зать, классическом в постоянно новом смысле. То, что Вы тракту-ете трагическое как нечто естественное, обязательное и даже же-лательное («Творить в наше время это значит творить рискуя») – так близко мне!3 Было время, когда я хотел снабдить «Доктора Ж<иваго>» двумя эпиграфами, стихом из ХС-го псалма4 и строч-кой Бодлера: «я знаю, что страдание единственная форма благо-родства». (В конце концов я их вычеркнул.)

Мне очень понравилась Ваша «Chute», но «L'Etranger*» про-извел на меня

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
значительно большее впечатление. Я все видел, все испытал и все почувствовал. –
Жару, пустыню, необитаемую в воскресный день, близость моря, страшное соседство
одухотворенной природы и бессердечного человека.

Я написал Вам одну открытку (эта–вторая), получили ли Вы ее?5

Впервые: Canadian Slavonic papers. 1980. Vol. XXII, N 2 (June). – Авто–граф
по–фр. (собр. адресата).

1 По просьбе Камю Сувчинский 4 июля 1958 послал Пастернаку «Шведские речи» с
дарственной надписью: «Борису Пастернаку, присутствующему в этой книге, как он
присутствует в наших сердцах, с братским восхищением от одного из его
французских друзей. Альбер Камю». Мно–гие страницы книги носят отметки
Пастернака.

2 В своей Нобелевской лекции Камю противопоставил искусство тех стран, где оно,
как во Франции, дается легкой ценой, тому, которое в не–которых странах является
делом риска и героизма. Примером такого рода он назвал «великого Пастернака».

3 Выражение подобных мыслей можно найти в выступлениях Пастернака 1936 г., в
которых он противопоставлял «идеализации обществен–ного» дух трагизма, как одну
из главных сторон искусства: «Трагизм при–сутствует в радостях, трагизм – это
достоинство человека и серьезность его, его полный рост». И в другом месте:

«Искусство без риска и душевно–го самопожертвования немисливо, свободы и
смелости воображения надо добиться на практике» («На дискуссии о формализме»;
«Выступление на III пленуме Союза писателей» – т. V наст. собр. с. 458, 235).

4 90–й псалом «Живой в помощи Вышняго...» цитируется и разбира–ется в тексте
«Доктора Живаго». Эпиграфа из него в сохранившихся авто–графах названий романа
нет, но вероятнее всего, именно первые слова это–го псалма Пастернак мог выбрать
для него. Эпиграф из стих. Бодлера «Benediction» («Благословение») поставлен на
обложке рукописи 10 сти–хотворений из «Доктора Живаго» 1947 г.

5 См. письмо № 1517.

* «Падение» и «Посторонний» (фр.). 371

1533. К. ВОЛЬФУ

17 августа 1958, Переделкино

17 августа 1958

Дорогой, глубокоуважаемый господин Вольф, только я со–брался написать Вам, как
мне жаль, что ни одно из моих писем до Вас не дошло, как вдруг Ваше письмо из
Цюриха, к счастью, под–твердило мне обратное. Это уже второй случай, что
знакомые про–водят эти месяцы в Швейцарии. Один мой парижский друг пишет мне из
мест, где жил Ницше в окрестностях Энгадина. Немецкая приятельница – с Майорки.
Все мои французенки на море1. Но я ничуть не жалеюсь. Место, где я живу, –
прекрасно. И это моя собственная вина и причуда, что я так приторк к нему и
никуда не хочу уезжать. Этому противостоит официальное желание, чтобы я объехал
разные новые стройки (на Волге или в Баку) с тем, чтобы написать о них2, – и это
неожиданное и угрожающее в своей на–стойчивости желание, которому я
сопротивляюсь из–за неприят–ностей с ногой и предписываемой ими осторожности.
Завидую Вашей свободе передвижения в более широком и полном смысле слова. Хотя
нелады с ногой постоянно дают о себе знать, и колено все время немного болит, в
целом я чувствую себя хорошо и ду–маю, что смогу обойтись без операции. – И еще
новый сюрприз, уже второй по счету сегодня. Только хотел я пожаловаться, что до
сих пор не видел французского д–ра и что мертвое каникулярное время долгой жары,
вероятно, повредит ему, как вдруг, по случай–ному и запутанному, как лабиринт,
стечению обстоятельств, мне удалось увидеть книгу в девятом (за месяц) издании.
– Я безмер–но буду рад письму от Вас, но не лишайте себя из–за этого редких для
Вас часов отдыха. Не смею злоупотреблять Вашей готовнос–тью присылать книги3,
хотя Ваша щедрость вновь искушает меня, – в другом случае это могли бы быть
дорогостоящие (эту сторону дела помог бы нам уладить ф<ельтринел>ли) и тяжелые
словари, которые можно переслать через Союз писателей. Но пока не будем об этом,
– было бы свинством с моей стороны так ши–роко пользоваться Вашей любезностью.
Желаю Вам всего лучше–го, здоровья, успехов и мира.

Впервые: Kurt Wolf. Briefwechsel eines Verlegers. 1911–1963. – Авто–граф по–нем.
(Deutsche Literaturarchiv in Marbach).

1 Имеются в виду П. П. Сувчинский, Р. Швейцер, Ж. де Пруайяр и Э. Пельтье.

2 Это официальное желание настойчиво навязывалось Пастернаку Ф. И. Панферовым
(см. письма № 1493, 1529, 1530, 1536).

3 К. Вольф писал Пастернаку: «Подозреваю, что больная нога вынуж–дает Вас к
долгой неподвижности, и у Вас много времени для чтения. Можно ли посылать Вам
интересующие Вас книги? Это доставило бы мне радость» («Знамя», 2005, № 3. С.
148).

1534. Ж. де ПРУАЙЯР

18 августа 1958, Переделкино

18 августа 1958

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris
Вчера Ж. Фр<еми> принес мне обе книжки¹. Я их впервые увидел. Жаклин, мой добрый гений и ангел-хранитель, ведь это Ваша забота. Какая радость! Как обязан я Вам на всю жизнь! Как я Вас люблю, Вас самих, милую Элен, обоих мальчиков!² Давайте с этого часа будем все пятеро говорить друг с другом на «ты», – мы ведь составляем своеобразное целое, не правда ли? Если Вы согласны, воспользуйтесь этим в следующем письме, но не принуждайте себя, если это покажется Вам неестественным. От Вас зависит, начинать это или нет. Вот уже два часа, как я перехожу от романа к очерку и вновь возвращаюсь от одного к другому. Кто переводил автобиографию?³ Я начинал плакать от восторга над каждым определением, каж-дой формулировкой. Какая прозрачность! Как все передано и из-ложено! Какое удовольствие следить за повествованием, простым, спокойным и естественным! И такие же поразительные, или даже еще больше, – достоинства языка романа! Стиль, ритм! Может быть, это синтаксис или литературная манера? – Нет, это вере-ница действительных событий, ход времени, любви, крушений, медленный, серьезный, размеренный (и – переворачивая страни-цу), – святой, торжественный. Дорогие, дорогие мои! А я все плачу и плачу. Какой перевод? – Гожусь ли я в судьи? Ни в коем случае. Для меня он именно такой, какого я не мог ждать и о котором не осмеливался мечтать. Кажется, я говорил Элен: пожалуйста, упрощайте, если нельзя сохранить оттенки или интонацию оригинала. Но будьте осторожны, чтобы не вводить в текст добавочные красоты. Луч-ше сократить и опустить сложные места. Но поскольку у меня нет права судить, – мое мнение о переводе не многого стоит. Есть гораздо более компетентная и объективная оценка. На моем экземпляре стоит номер девятого издания (за один месяц!). Этот порядковый номер – экзаменационная отметка, поставленная за перевод самыми требовательными экзаменаторами – жиз-нью, францией и ее читателями. И эта отметка говорит о том, что перевод превосходен, потому что какими другими средства-ми, кроме обаяния вашей прекрасной работы, можно было зас-тавить искать, покупать и читать эту книгу?.. Что до критики, которая, возможно, Вас оскорбляет и пытается поссорить со мной, я напишу Вам в следующий раз⁴. Я напишу Вам об исте-рии, о том, что в нас есть самое преходящее и смертное, самое бесплодное и при этом играет главную роль в искусстве и крас-норечии публицистов, в направлениях, которые называются новаторскими. Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956–1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Пианист Жерар Фреми принес Пастернаку французские издания «Доктора Живаго» и «Автобиографического очерка» («Essay d'autobiographie»).

2 То есть М. Окутюрье и Л. Мартинеза. Имена переводчиков не были указаны в книге. «Почему я нигде не вижу их имен? – спрашивал Пас-тернак Б. Парена 18 авг. – Может быть, потому, что они не хотят лишать себя возможностей новых поездок?» («Дружба народов», 1998, № 2. С. 214).

3 Перевод автобиографии был выполнен Ж. де Пруайяр, но имя ее не обозначено.

4 См. об этом в письме № 1535.

1535. Э. ПЕЛЬТЬЕ-ЗАМОЙСКОЙ

19 августа 1958, Переделкино

19 августа 1958

Элен, дорогой и добрый друг, сегодня шестое августа по ста-рому, «Преображение Господне»¹, я только что написал Жаклин и Парену о вашем в высшей степени прекрасном переводе², попро-сите их (я не хочу повторяться), чтобы Вам переписали то, что я сказал, мое мнение не только искренно в своем глубоком восхи-щении, но, насколько я понимаю, твердо и основательно. Не смей-тесь, у нас есть убедительное доказательство того, что представ-ляет собою этот перевод и какое ошеломляющее впечатление он производит. Прекрасные экземпляры романа и очерка, которые я, наконец, получил вчера, носят номера изданий 9 и 4. И это в течение только одного месяца мертвого сезона каникул. Как мог-ло случиться, что издания следуют одно за другим с такой скорос-тью, если бы перевод – не по каким-то неоспоримым и непости-жимым утверждениям, – а сам по себе, попав в руки, не привле-кал бы людей и не внушал им желания его прочесть. Что до кри-тики, пусть нас критикуют сколько угодно. Мы не хотим быть не-доступными или неуязвимыми. Однако есть совсем другая сторо-на вопроса. Я лишь коснулся ее в своих открытках к Жаклин и Парену, недостаток места не позволил мне остановиться на этом подробнее, я Вам об этом расскажу.

Есть изнанка души, разума, нервной системы, изнанка на-столько типичная и значительная, что ее часто принимают за душу как таковую, за ее лицо, за предмет интеллектуальной деятельно-сти, за ее сущность. Это – истерия. Я думаю, что это зерно нашей морали или душевного ничтожества, хроническое заблуждение личности, постоянно носимое нами в себе, тогда как наше бес-смертие – вне нас, – в той великой непознаваемой бесконечнос-ти, которая нас вдохновляет, притягивает и

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
ведет всю жизнь, вос-питывает и обновляет, в которой мы участвуем.
Основы и цели социальных учений действительно могут быть высоки и необходимы, но
распространение этих идей невозможно без истерии. Истерия присуща
второразрядному искусству, от-жившим направлениям, которые когда-то были
исторически но-выми и продолжают себя считать такими в упрямой и конвуль-сивной
приверженности устаревшим новаторским приемам. Ис-терия неотделима, например, от
романтизма, литературных школ, теории искусства, ее практики, обсуждений. И
следы вот этой са-мой истерии тщетно ищут в романе, в вашем переводе, ищут в нем
признаки принадлежности к какой-нибудь группе или на-правлению, а находя вместо
этого спокойствие, возвышенную широту, бессознательную смелость и другие ваши
достоинства, протестуют и набрасываются если не на автора, то хотя бы на
пе-реводчиков³.

Где я встречал такой возвышенно близкий, разговорный, по-коряющий французский
язык? Может быть, – в Мадам Бовари или в лучших стихотворениях Верлена.

Как хорошо, что вы сохранили «ангелов в Китае»!⁴ Благода-рю и обнимаю Вас.
Впервые: Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956-1960. Paris,
Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Строчка из стих. «Август» (1953): «Вдруг кто-то вспомнил, что се-годня /
Шестое августа по-старому / Преображение Господне».

2 Письма к Ж. де Пруайяр № 1534 и Б. Парену («Дружба народов», 1998, № 2).

3 «В этих двух книгах, – писал Пастернак Брису Парену, – ищут и не могут найти
истерию поверхностной оригинальности, упрямую в своих технических достижениях,
раздражаются на то, что автор не оказался в их обществе, и истерически переносят
свою досаду на бедных перевод-чиков, чья высокая спокойная ясность и одаренность
достойны не отри-цания, а прославления и превознесения до небес. Но эта истерия
– яв-ление более широкое. Я об этом дополнительно пишу Элен Пельтье» (там же. С.
214).

4 Восклицание в речи варьинского возницы Вакха из гл. 8 «Приезд» «Доктора
Живаго»: «Ангелы в Китае» («Angels de la Chine»).

1536. Ж. Л. ПАСТЕРНАК

22 августа 1958, Переделкино

22 авг. 1958. Дорогая Жонюра, благодарю тебя за твою милую открытку. Напиши мне,
как здоровье Феде. Сколько однако фе-дичек на свете! Твой, Шурин, тот, который
недавно надоедал Лиде под видом «моего друга», и, наконец, Ф. С<тепун>¹. Как
удиви-тельно, что судьба столкнула вас с ним! Меня только немного встревожило,
что, по твоим словам, он собирается принять учас-тие в Ж<иваго>. Если речь о
будущем обсуждении, о статье или чем-нибудь таком, ничего не может быть
приятнее. Если же он думает что-нибудь ввести в состав немецкой книги,
какую-нибудь, как вы там можете думать, обезвреживающую оговорку, то это
со-вершенно лишнее и очень нежелательно.

Наоборот, меня в восхищеенье привела безоговорочность французского издания. Ни
слова на эту тему. Я только на этой неделе увидел оба выпуска. Чудесный перевод.
Есть стремления ругать его в определенных кругах, чтобы представить дело так,
будто автор думал совсем другое, и его мысли исказила неудач-ная передача. Какие
наивные увертки! За один месяц это уже 9-ое издание «плохого перевода», который
я не могу читать без слез. Это же относилось и к оригиналу, когда я его
отделял года три-четыре тому назад, и с тех пор больше не видал, так как у
меня не осталось ни одного экземпляра. Это произведение настолько выше меня, выше
моих сил, выше того, чем я привык себя знать. Права одна моя приятельница (но не
О<льга> В<севолодовна>), которая тогда же мне сказала: Ne vous oubliez pas
jusqu'a croire d'avoir vous-meme ecrit cette oeuvre. C'est le peuple r<usse>,
ses souffrances qui l'ont creé. Louez Dieux qui vous Га mise sous votre plume*.
Это одна Катя Кр<ашенинникова>, церковница. – Но так как я заговорил об О. В.,
то если вы хотите знать, какая она с виду, взгляните на страницу 190 на
Маргариту у окна, она почти списана с нее². Montrez l'illustration a Georges,
quand il rentrera, qu'il vous affirme la ressemblance**. Я чувствую себя очень
хорошо. Как поразительно и трогательно, что вы постигли нежелатель-ность поездки
в Баку в своем далеке, на расстоянии. Но сколь-ких сил стоит противостоять этому
принуждению, прикрытому лаской. Пусть Лида напишет мне, не нуждается ли она
матери-ально.

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф (Pasternak Trust, Oxford).

1 Муж Жозефины Федор Карлович, сын А. Л. Пастернака Федор Алек-сандрович, Ф. И.
Панферов и Ф. А. Степун, с которым случайно встретились Жозефина с мужем под
Мюнхеном.

2 Имеется в виду гравюра А. Д. Гончарова в издании «Фауста», изоб-ражающая
Гретхен у окна.

1537. К. ВОЛЬФУ

22 августа 1958, Переделкино

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
22 августа 1958

Дорогой и уважаемый господин Вольф, жалею, что отправил Вам открытку до того, как основательно просмотрел французское издание. Перевод обеих книг (и Автобиографии тоже) необыкновенно хорош, я не могу спокойно его читать без волнения и слез. Если не меня, то переводчиков попытаются очернить по крайней мере по двум причинам. Во-первых, для того, чтобы создать впечатление, что истинные мысли автора не настолько отличаются от общеупотребительных, как это следует из будто бы неумелого и искажающего смысл перевода. Во-вторых, расположенные ко мне приверженцы экспрессионизма, сюрреализма и прочих устаревших художественных крайностей, не найдя в книге внешних эксцентрических форм и упуская самое важное, – содержание и вос-

* Не забываетесь настолько, чтобы поверить в то, что вы сами написали эту книгу. Это русский народ, его страдания создали ее. Благодарите Бога, что он дал вам это написать (фр.).

** Покажите эту иллюстрацию Жоржу, когда он вернется, чтобы он подтвердил вам сходство (фр.).

приятие действительности, – накинутся на переводчиков и станут обвинять их в том, что они будто бы упростили текст, сгладили и скрыли его головоломные особенности и странности. Как будто своеобразие охвата, изображения и трагизма не намного оригинальнее и недостижимее, чем все фиоритуры и вычурности фрагментарных поэтических афоризмов и рваного письма, бывших когда-то в моде. Мне бесконечно жаль, если мои дорогие переводчики подвергнутся этим несправедливым нападкам. – Я рад и восхищен тем, что во французском издании нет никаких оговорок, никаких упоминаний о том, издается ли книга по желанию автора или без него и т. д. Ничего такого, – благородство общепринятой простоты. Сейчас уже поздно подсказывать Вам сделать так же в издании Пантеона. Пусть и у Вас роман будет издан невиннейшим образом, как будто ничего не произошло. Меня радует, что в близком будущем книга может попасть в руки Хемингуэю или Фолкнеру (или таким, как они) или что кто-нибудь из прочитавших ее по-английски может рассказать им о ней? Это было бы таким счастьем! Думаю, что для пересылки мне этой книги придется изобрести другой путь, нежели указанный мною в предыдущих открытках. До свидания. Большое спасибо за все.

Впервые: Kurt Wolf. Briefwechsel eines Verlegers. 1911-1963. – Автограф по-нем. (Deutsche Literaturarchiv in Marbach).

1538. Ю.-М. КАЙДЕНУ

22 августа 1958, Переделкино

22 августа 1958

<...> В Вашем последнем и предыдущих письмах, в Вашем коротком эссе о Пушкине, переводах его стихов¹ и работах, относящихся ко мне, я вижу Ваши добрые намерения и успешные результаты. Вы говорите, что я «с начала и до конца поэт, лирический поэт». Так ли это на самом деле? И надо ли мне этим гордиться?

Понимаете ли Вы значение этих ограничений и как мне больно, что у меня не хватило способности выразить полнее цельность поэзии и жизни в их совершенном единстве? Что я значу без романа, что Вы можете написать обо мне, не привлекая эту работу и ее определений и открытий.

Я не мог бы сказать, как Маяковский: «Чтоб больше поэтов – хороших и разных»². Напротив, мне бы хотелось – не в буквальном смысле, конечно, – чтобы поэтов было поменьше; дело не в том, много ли их, а в том, чтобы поэт был великим и настоящим, мог независимо и непосредственно передать жизнь своего времени. Искусство не просто описание жизни, но выражение единственности бытия. То, что мы называем красотой и живостью описания, не качество стиля, а нечто гораздо большее, – свидетельство нового восприятия и философского понимания жизни, ее единства и полноты. Значительный писатель своего времени (а другой мне не нужен) – это открытие, воплощение неведомой и неповторимой единственности живой действительности. Что такое оригинальность, если не явление культуры, источник которого во всеобщей и абсолютной реальности мира?

Многие забытые периоды истории воспринимались когда-то как конец света так же, как наш нынешний ядерный век. Каждая эпоха исторического существования сочетает в себе два времени – известное и еще не наставшее, бесконечное и неведомое, поскольку будущее всегда – часть этой неизведанной и неизвестной бесконечности, которую можно, не впадая в мистику, назвать распускающимся, глубоким и мгновенным завтрашним днем.

Всякое искусство, в особенности поэзия, значит много больше, чем составляет. Его существо и ценность символичны. Это никоим образом не значит, что у нас есть ключ, с помощью которого мы можем открыть за каждым словом или положением какой-нибудь иной, скрытый смысл – мистический, оккультный или провиденциальный, как ошибочно думали о драмах Ибсена, Метерлинка или Леонида Андреева. И это не значит, что каждый истинно творческий поэтический текст

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori должен быть притчей или аллегорией. Я хочу сказать, что помимо и сверх отдельных тропов и метафор в стихотворении существует еще и переносный смысл, – это стремление всякой поэзии и искусства в целом – и в том его основная задача – связать общее значение вещи с более широкими и основными идеями, чтобы раскрыть величие жизни и бездонную ценность человеческого существования. Я хочу сказать, что искусство не равно самому себе и себя не исчерпывает, а обязательно значит нечто большее. В этом смысле мы и называем искусство, по существу, символическим.

Если мне кажется, что автор недостаточно одарен от природы, или я не нахожу в его работах этого всепобеждающего и все-объемлющего чувства значительности жизни, он для меня ничто, как бы хорошо он ни писал. Это похоже на то, что кто-то бегаёт взад и вперед по полю вдоль полотна железной дороги, размахивая сигнальными флажками и фонарями, при том, что никакого поезда нет и в помине. Искусство для меня – явление и знак; оно должно показывать, что перед нами новые всеобъемлющие ценности, что мы – перед лицом великого.

С Пушкина у нас началась русская современность, правдивая и действительная, нынешний образ мыслей. Пушкин построил здание нашей духовной жизни, дом русского исторического сознания. Лермонтов был первым, кто в нем поселился. В Лермонтове слышна независимая исповедальная нота последующей интеллектуальной традиции нашего века в поэзии и прозе, позднее ее обогатила величественная конкретность Льва Толстого и абсолютная зоркость глаза Чехова. Но там, где Пушкин объективен, осязаем и точен, в общем широчайшем смысле, Лермонтов горяч и личен, и потому он ограниченнее, – там, где Пушкин реалистичен и высок в своей творческой деятельности, Лермонтов – ее живое личное свидетельство. Его оперный романтизм, как Вы выразились, – не более чем частность. Влияние Байрона беспорочно, поскольку половина Европы была под его обаянием. Но то, что мы ошибочно называем романтизмом у Лермонтова, в действительности, как мне представляется, – необузданная стихия современного субъективно-биографического реализма и предвестие нашей современной поэзии и прозы.

Я посвятил «Сестру мою жизнь» не памяти Лермонтова, но самому поэту, точно он еще жил среди нас – его духу, все еще действенному в нашей литературе. Вы спрашиваете, чем он был для меня летом 1917 года? Олицетворением творческой смелости и открытий, началом свободного поэтического утверждения по-вседневности .<...>

Впервые: Boris Pasternak. Poems. Translated from Russian by Eugene M. Kayden. The University of Michigan Press, 1959. Foreword (купюры пуб-ликатора). – Местонахождение автографа (англ.) неизвестно.

Американский славист и переводчик Юджин Кайден, профессор университета в Теннесси, послал Пастернаку свои переводы Пушкина и просил у него тексты его последних стихов для составляемого сборника. По просьбе Пастернака, тексты ему послала Ж. де Пруайяр (см. письмо № 1521).

1 Статья и переводы Пушкина были опубликованы в журн. «Sewanee Review», 1942, Oct. «Я не мог сдержать поток слез, узная строчки П<уш-кина> в английских отголосках. Но вот и все. Я не могу быть им судьей, но думаю, что это должно быть прекрасно», – писал Пастернак в письме М> 1521.

2 Приводимая во многих письмах Пастернака цитата из «Послания пролетарским поэтам», 1926. См. коммент. 1 к письму JSfe 1281.

1539. Ж. де ПРУАЙЯР

3 сентября 1958, среда

Дорогая Жаклин, – когда в прошлый понедельник я в двадцатый раз спохватился, что ни словом не отозвался на переводы стихов к роману, которые сделал Окутюрье. Они представляют собой верх совершенства, – вдруг, как всегда по закону совпадений, произошло три удивительных события, совершенно независимых друг от друга, но неправдоподобно родственных по смыслу и одновременно-ти: появление Мишеля (!!!); письмо от Элен, привезенное из города через несколько минут после его ухода (в письмо вложена вырезка из Монда 22 авг. 1958 с похвалами анонимной группе переводчиков); и потом к вечеру, известия, проливающие свет на тайну Ваших про-павших писем и надежда получить их через два дня, в эту пятницу. Я был безумно рад встрече с Мишелем¹. Он был рассеян, мол-чалив, выглядел немного усталым и, казалось, что он хочет скрыть от меня огорчение, – если и не провал книги, то по крайней мере недостаточный ее успех.

Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956-1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 М. Окутюрье приезжал на проходивший в Москве 1-й Международ-ный конгресс славистов и 4 августа 1958 заверил подпись Пастернака на новой доверенности Ж. де Пруайяр, выданной ей на ведение издатель-ских дел «во Франции и во всем западном мире за пределами Советского Союза», ограниченное лишь «ранее

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori заключенным договором с Фельтри-нелли». Пастернак, находясь под постоянным давлением, не мог управлять своими изданиями. «Я мечтаю передать Вам, – писал он Жаclin де Пруайяр 27 авг. 1958, – неограниченные полномочия во всех моих делах и заботах за границей, не только в денежном плане, но и в издательских предположениях, авторизации и наблюдении за чужими попытками» («Новый мир», 1992, № 1. с. 148).

1540. И. МАЛИНОВСКОМУ

8 сентября 1958, Переделкино

8 сент. 1958

Милый господин Малиновский, если Вы останетесь в Москве до следующего воскресенья (14-го сент.), то очень прошу Вас приехать к двум часам (2 ч.) дня к нам к обеду. Это надо поехать по Киевской железной дороге до ст. Переделкино, там сойти и свернуть направо в «Городок писателей» (спросите встречных, чтобы Вам указали дорогу) и найти дачу № 3 на улице Павленко. Будем ждать Вас.

Если же для Вас воскресенье слишком далекий срок и Вы должны уехать раньше, приезжайте в Переделкино в любой из дней недели, к тем же двум часам¹.

Но мне было бы удобнее в воскресенье.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (собр. адресата, Копенгаген).

Иван Малиновский – датский поэт. В его переводе вышли книги Пастернака: сб. прозы, включавший повести «Детство Люверс», «Апеллесова черта», «Письма из Тулы» и «Воздушные пути» (1953); роман «Доктор Живаго» и «Повесть» (1959). Он познакомился с сестрами Пастернака в Оксфорде и привез от них несколько акварелей Л. О. Пастернака в Москву. «(Малиновский) был у меня на даче и очень мне понравился», – писал Пастернак сестрам в письме №1541. Свой сб. стихов он надписал: «Борису Пастернаку с сердечным приветом. Иван Малиновский. 10. 9. 58».

¹ Свидание состоялось 11 сент. 1958 г., о чем свидетельствует надпись, сделанная на экз. книги «Сестра моя жизнь» (изд. Гржебина, 1922): «Дорогому Ивану Малиновскому на память о нашем знакомстве и встрече утром на Переделкинской дороге, с пожеланием счастья и удачи ему и его семье. Б. Пастернак. 11 сент. 1958» (собр. адресата). Малиновский составил сб. стих. Пастернака в своем переводе, тексты неопубликованных вещей последнего времени он получил от Ж. де Пруайяр, которой Пастернак писал 17 сент. 1958: «к Вам обратится человек из Дании, достойный живейшего участия, – по поводу их перевода на датский, – простите меня за постоянное беспокойство, которые я бесстыдно все время Вам причиняю» («Новый мир», 1992, № 1. с. 151). Ж. де Пруайяр по доверенности заключила договор на издание сб. стихов и Автобиографического очерка в Дании. В феврале 1959 г. Фельтринелли обвинил ее в том, что она предлагала Малиновскому то, на что у нее нет никакого права, считая, что ее вмешательство в вопросы издания Автобиографии наносит вред Пастернаку, и потребовал от нее срочно послать в издательство отказ от своих полномочий.

1541. Л. Л. СЛЕЙТЕР и Ж. Л. ПАСТЕРНАК

19 сентября 1958, Переделкино

19 сент. 1958. Дорогие мои, есть признаки, что куча весеннего вздора (несколько моих страшно залежавшихся писем) вас не миновала или не минует¹. Не вздумайте на них отвечать, мне больно, что вы потеряете время на их бесполезное чтение. Утешительному в них только то, что они относятся к давно прошедшему, победенному, преодоленному времени, что по ним видно, как далеко оно ушло вперед к лучшему. Я там, наверное, еще жаловался на здоровье, а теперь давно поправился, многое, что тогда еще находилось в периоде ожидания, осуществилось и уже за плечами. – Мне показалось, что обложка английской книги немного кричаще ярка, но я к ней быстро привык, пожалуй, все очень хорошо². Молодчина Лиди со своей сказкой³. Иногда из Италии и Франции в письмах посылают по одной, по две вырезки, они доходят. В Понтремоли книга получила премию Банкарелло. Я не знаю, в чем она заключается. Один директор Штутгартского музея написал мне, будто по этой премии распределяют двадцать тысяч экземпляров книги по тюремным, больничным и приютским библиотекам⁴. – Благодарю вас за ваши чувства к Маргарите⁵. Лиди о ней упоминала осторожно, а Жоня назвала в открытке инициалы. Между тем у меня дома все по-прежнему, все здорово. М^{каргари-та} снимает комнату здесь неподалеку на даче, в соседней деревне. Вчера в городе у нее случилось большое несчастье, пока обошедшееся благополучно. Ее очень способная прекрасная дочь, приятельница Жоржа, сумасшедшая порывистая девочка, невеста одного своего институтского товарища ⁴«епайтиса» (Жорж его знает), находясь одна на городской квартире, пришла домой из института, где ч. ее чем-то очень огорчил, долго писала записки мне и маме, а потом выпила склянку уксусной эссенции и проглотила 10 порошков люминала. Ее спасли, сейчас она в больнице. – Правда

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
ли, что вышло и оригинальное издание? Ходят слухи, будто бы его продают на
выставке в Брюсселе?6 – Я еще до сих пор не видел Шуры, которому Малиновский
передал от вас папины акварели, и их не видел. Сам он (Малиновский) был у меня
на даче и очень мне понравился. Благодарю вас за все, в ваших открытках много
души, тонкости и понимания. Спасибо.

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф (Pasternak Trust, Oxford).

1 Речь идет о письмах середины мая, переданных через Дж. Гаррита-но, о которой
Пастернак писал сестре: «Одна дура итальянка таскает уже больше пяти месяцев с
собой несколько моих писем, и Бог ее ведает, что она с ними делает» (там же. Кн.
и. с. 295).

2 Имеется в виду английское издание «Доктора Живаго», вышедшее в начале августа
(Collins and Harvill Press. Translated by Max Hayward and Manya Harari, 1958).

3 Л. Слейтер прислала брату свои английские переводы его стихов. Среди них была
отмеченная им «Сказка» («Встарь, во время оно...»).

4 Пастернак получил сведения об этой премии от Карла Тенса и сообщал Ж. де
Пруайяр: «Мне писали из Западной Германии о "премии Бан-карелло", присужденной
книге в городе Понтремоли, в высоких Апенинах. В чем заключается эта премия?
Мой корреспондент пишет о распространении книги по тюремным библиотекам,
больницам и приютам для бедных. Если помимо этой благотворительной части, премия
содержит нечто материальное, возьмите причитающееся в Ваше распоряжение или
напишите, пожалуйста, фельетрину, чтобы он получил и сохранил день-ги» («Новый
мир», 1992, № 1. С. 150).

5 Пастернак называет Маргаритой О. В. Ивинскую, по аналогии с иллюстрацией
Гончарова к «Фаусту», о которой писал в письме № 1536.

6 Русское издание «Доктора Живаго» появилось в Голландии пиратским способом,
без разрешения фельетринелли, который, узнав об этом, прилетел в Гаагу и успел
поставить свой копирайт, остановив тираж. Было отпечатано около 100 с небольшим
экз., они раздавались посетителям ва-тиканского павильона на Всемирной выставке
в Брюсселе. «Прошел слух, – писал Пастернак Ж. де Пруайяр, для которой это тоже
было неожиданностью, – что роман вышел в оригинале, продается и читается. Как
это произошло? Правда ли это? Тогда даже приглашая Вас на мое грядущее
четвертование, не нахожу слов, чтобы высказать Вам свою благодарность и радость»
(там же). Разноречивые сведения об этом и об угрозе фельетринелли возбудить
судебный процесс против Мутона попали в газеты: «France Soir», 26 sept. 1958;
«Le Figaro», 1 nov. 1958; «Combat», 8 nov. 1958.

1542. А. И. ЦВЕТАЕВОЙ

22 сентября 1958, Переделкино

22 сентября 1958 г.

Ася, душечка, браво, браво! Только что получил и только что прочел продолжение,
читал и плакал¹. Каким языком сердца все это написано, как это дышит почти
восстановленным жаром тех дней! Как бы высоко я Вас ни ставил, как бы ни любил,
я совсем не ждал дальше такой сжатости и силы. Беру назад свои предостережения,
относившиеся к первой странице. Я боялся, как это ча-сто встречается даже у
хороших авторов, что Вы не все будете пи-сать с действительной, вызванной в
памяти натуры. Часто писа-тель приводит что-нибудь одно, наблюденное или
запомнившееся и потому живое, а дальше нанизывает словесные дополнения сходного
и вероятного к этому единственно истинному и нужно-му или же без конца разлагает
уже упомянутое и сказанное на его составные части. Вы не подвержены этой
слабости, Вам не надо было делать этих замечаний, простите, простите. Ваш слог
обла-дает властью претворения, – я забываю, что этих матерей и ком-нат и девочек
уже нет, они заново повторяют свой обреченный выход, заново живут и заново
уходят, нет слез, достаточных, что-бы оплакать их исчезновение и конец. Какие
драгоценные про-павшие клады. (Как Вы пишете о писании портрета
предшествен-ницы, эта способность в Вас, дочери, стать в положение матери, – это
потрясающе, Ася!) И сколько общего, – обстановка, матери-музыкантши, Поленов,
Рубинштейн², и когда вспомнишь, что было потом и чем кончилось, какое похоронное
рыдание, какой черный траур, надетый на всю жизнь. И как непонятно, что изо
всего этого уцелел живым только я и за что мне непомерная теп-лота последнего
года, вся эта, им и общему прошлому задолжен-ная растроганность. Нет, мне трудно
все это выразить достаточно складно, чтобы Вы поняли, Вы многого не знаете, Ася.
Пишите так дальше, это поразительные воспоминания. Позор, что я до сих пор не
нашел возможности перевести Вам немного денег, но я еще заглажу этот стыд.
Впервые: «Досье. Век Пастернака». Приложение к «Литературной газете», февраль
1990. – Автограф (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 397). Письмо послано в
Павлодар.

1 Имеются в виду первые главы книги «Воспоминаний», о которых А. И. Цветаева
впоследствии рассказывала в интервью: «...Я начала писать в первую же весну 1957
года, поселясь у сына в Павлодаре, сев у окошка в палисаднике хозяйки <...> Я

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
начала мой первый том "Воспоминаний" с первых воспоминаний детства, все сначала,
точно в первый раз взял перо <...> Я писала и отсылала начатое – в копиях –
Пастернаку, и он ответил мне удивительным письмом» (там же).

2 Пастернака взволновала близость описанной обстановки детства девочек Цветаевых
и своей, общих друзей дома, таких, как старший друг его отца художник В. Д.
Поленов и композитор и дирижер А. Г. Рубинштейн, руководивший музыкальным
образованием его матери и М. А. Мейн – матери сестер Цветаевых.

1543. П. П. СУВЧИНСКОМУ

24 сентября 1958, Переделкино

24 сент. 1958

Дорогой Петр Петрович, как горько думать, что какие-то письма Ваши (Вы о них
упоминаете во множественном числе) пропали! А я-то так ждал их и удивлялся
долгому перерыву в пе-реписке, отказываясь объяснить его Вашим желанием
отдохнуть поплотнее в Sils Maria. Перерыв этот упал как раз на месяц,
насту-пивший после выхода книги. В те дни я сам еще ее не видел, мое любопытство
было, естественно, обострено. Но не возвращайтесь мыслями к тем летним
впечатлениям, полученным от первого чте-ния. Не пополняйте пробела, нанесенного
виною почты. Трех строк, имеющих в Вашем, сегодня полученном «дубликате»¹,
более чем достаточно, – не пишите мне больше об этом. К тому же с тех пор я
видел французский экземпляр, а потом и английс-кий. Мне очень нравится
французский текст. Я не могу читать его без слез. Английский, мне кажется,
такого же высокого качества.

Видите, как хорошо и быстро дошло Ваше письмо по сельс-кому адресу. Давайте
остановимся на нем и оставим С<оюз> Пи-с<ателей> в покое. Письма будут попадать
ко мне еще скорее, если к адресу прибавить еще одно обозначение. Этот адрес:
Peredelkino pres <de> MoscouparBacovka (Баковка), – сообщите всем. Ко вре-мени
Вашего переезда в Швейцарию я несколькими открытками поблагодарил Камю, Шара и
обоих дю Буше за их письма, книги, подарки и добрые чувства. У меня нет знаков,
что эти открытки дошли, хотя, как ответные, они и не требовали отзыва и
продол-жения. Правда ли, что Д<октор> Ж<иваго> вышел в оригинале? Будто его
видели путешественники на выставке в Бр<юсселе>². Мне очень дороги Ваши слова о
фаусте, и огорчило то, что Вы пишете о Ст<епуне>³. Наверное, у него уже есть
один экземпляр, сверх того, что Вы теперь ему надоедали. Итак, залежавшиеся
от-правления наконец достигли Вас? Подумайте, насколько они за-поздали! Я
пытаюсь вспомнить, что я тогда мог Вам писать, и ра-дуюсь мысли, что так много
вещей изменилось с тех пор к лучше-му⁴. Поправилось мое здоровье. Целый ряд
сомнений рассеялся, осуществилось то, что тогда было еще в предположении,
ожида-лось.

Мой родной, дорогой мой друг, мне не стыдно писать Вам о счастливой волнующей
полосе, в которую с недавнего времени вступило мое существование, я не боюсь
стать смешным. Движе-ние, которое навстречу мне в самых дальних углах мира
вызвала книга, относится к тому решающему, краеугольному, что бывает лишь
несколько, – три-четыре раза в жизни, и разбивает ее на несколько разных, полных
особого смысла, разделов. Так бывает, когда либо сильно влюбишься или когда
истина, которую любил и которую добивался обнять, откроется тебе вдруг со
стороны, где ты этого никогда не ждал, или в любимой деятельности, в пути к
преследуемой цели наступит миг, когда после долгих незрелых дет-ских шагов
обнаружишь, что ты уже находишься на земле так дав-но влекшей тебя области, что
на пути к своей мечте ты перешел ее государственную границу. Перепиской и
отзывами стерта грань между событиями дня и размышлениями, половина
действитель-ности кажется приснившейся, все время полон чем-то горячим,
ответным, благодарным, как любовью к женщине. Иногда только спохватиться: но
ведь автору скоро будет под семьдесят. Неужели он начался только с этого
произведения? Нельзя ли познакомить людей с чем-нибудь из прежнего? Что он делал
раньше? И оказы-вается, позади у него нет ничего равного, не на что смотреть,
не-чего показать. Лишь немного спустя я вспоминаю, сколько лет, какое важное,
зрелое десятилетие отдано переводам. Я легко пред-вижу Ваши возражения. Но не
старайтесь. Вы и сами не постави-те с Д<октором> Ж<иваго> ничего рядом. Однако
тут тужить не о чем. Именно потребовалась целая жизнь, ушедшая на то, что
на-зывается модернизмом, на фрагментаризм, на формы: политичес-кие,
эстетические, мировоззрительные формы, на направления, левые и правые, на споры
направлений...

А жизнь тем временем (войны, владычество кретинических теорий, гекатомбы
человеческих существований, вступление но-вых поколений), жизнь тем временем шла
своим чередом и нако-пила множество полувекового материала, горы нового
неизвестного содержания, из которого не все охватывается старыми фор-мами
(политическими, эстетическими, левыми, правыми и пр., и пр.), а часть, самая
живая, остается еще без обозначения, как со-знание ребенка. И жалки те, кто

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori хранит верность бесполезной косности старых определившихся принципов, соперничеству идей и велениям былой, на пустяки растраченной новизны, а не смиряется перед простодушием и младенческой неиспорченностью све-жего, едва народившегося векового содержания. Надо было имен-но перестать принимать во внимание привычное, установившее-ся, и в своем значении сплошь такое фальшивое, надо было душе с ее совестью, способностями познания, страстью, любовью и не-любовью дать право на полный, давно назревший переворот, ко-торый перевел бы ее из ее неудобной, вынужденной скрюченнос-ти в более свойственное ей, свободное, естественное положение. Вот в чем, собственно говоря, вся суть и значение Д. Ж.

Кое-какие из отзывов мне показывали, кое-что послали в письмах (и дошли). Мне понравились заметки в Monde и Figaro, но всего больше критическая статья в Gazette (или Tribune?) de Lausanne⁵, где говорилось о самом важном: о свободе не только от заблуждений власти и времени, но и от собственных навыков и обычаев ремесла, о свободе от самого себя и собственных техни-ческих совершенств, как о главном достоинстве романа.

Такое длинное письмо я вновь напишу Вам нескоро. Есть все основания сомневаться, дойдет ли оно. Об этом я спрошу Вас в следующей французской открытке. Сообщите, оставили ли Вы квартиру на rue St Scaens⁶, или мне можно писать Вам по ста-рому адресу. Жаль, что фауста Вы послали не Стравинскому, а Ф. Ст<епуну>, у которого он уже есть. Я не буду ждать от Фед. Авг. писем и ответов, удовольствовавшись Вашим замечанием, напо-ловину понятым. Наверное, теперь будут отклики в английской печати. Вложите в конверт, если что-нибудь Вам попадетсЯ.

Вы преувеличиваете мою начитанность и широту историко-литературных сведений. Замечание Полевого об этом рабочем приеме Пушкина, до драгоценности интересное, впервые узнал только от Вас⁶.

Так бывало, наверное, со всеми, кто работал горячо иглубо-ко, кому дорого было, чтобы их истину поняли легче и полнее. Все доходили в своей деятельности до догадки, что понимание этой мысли можно облегчить, предваряя ее выражение незаметным вводом в нее и подготовкой.

Ни одного из русских переводов Ф<ауста>, кроме Холодков-ского, никогда не видал и в них не заглядывал⁷. – Обнимаю Вас. Всем в Париже (R. Ch<ar'у>, Камю, дю Буше и др.) сердечный привет.

Впервые: Revue des Etudes slaves. 1990. Т. 72. – Автограф (Bibliothèque National, Paris).

1 Письмо Сувчинского 15 сент. 1958 имело обозначение «дубликат» и содержало его отзыв о «Фаусте», которого он получил в конце июля (там же. С. 754).

2 О пиратском издании «Доктора Живаго» см. коммент. 6 к письму № 1541.

3 Сувчинский назвал перевод «Фауста» «одним из чудес русской ли-тературы и русского литературного языка! Выбор и расстановка слов, гиб-кость фразы, точность смысла, разнообразие интонаций, легкость и сво-бода всего изложения, когда его читаешь "насквозь", – все это чудеса Вашего гения, техники, виртуозности!» Он также написал Пастернаку, что ему неприятно иметь дело со Степуном из-за «его отношения к современной России», но перевод «Фауста» ему отослал (там же).

4 Имеется в виду опоздавшее на пять месяцев письмо 10 мая 1958 (там же. С. 739-740).

5 Пастернак называет статьи: A. Fontaine «Le chef-d'oeuvre de Paster-nak le Docteur Jivago en traduction française». «Le Monde», 27 aout 1958; CI. Mauriac «Revelation de Pasternak*». «Le Figaro*», 27 aout 1958; J. Bloch-Michel «Un homme libre: Boris Pasternak*». «La Gazette de Lausanne», 26– 27 juillet 1958.

Последняя статья, которую особенно отмечает Пастернак, написана другом А. Камю Ж. Блох-Мишелем и была послана П. Сув-чинским.

6 Сувчинский ссылается на слова Ксенофонта Алексеевича Полево-го, который писал о Пушкине: «...Он за несколько строк уже готовил мысль или созвучие и находил прямое выражение, не заменимое другим», на-ходя подобное в переводе «Фауста» («Записки о жизни и сочинениях Н. А. Полевого» в кн.: Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л., 1934. С. 227).

7 Перевод Н. А. Холодковского вышел в 1879 г. и многократно пере-издавался. Сувчинский спрашивал Пастернака, не имеется ли подтверж-дений тому, «что Пушкин поправлял Губертовский перевод». Э. И. Губер – первый переводчик «Фауста» на русский язык, уничтожил свою работу после цензурного запрещения и по совету Пушкина перевел вторично пер-вую часть.

1544. Г. БЕРМАН-ФИШЕРУ

26 сентября 1958, Переделкино

26 сентября 1958

Дорогой и глубокоуважаемый господин Фишер, тороплюсь подтвердить получение Вашего письма, полного души и благород-ства. В особенности благодарю Вас за

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
сердечный и такой душевно личный тон, что, оказывая честь, Вы передаете мне
поклоны сво-ей жены и друзей. Этот дружеский тон меня осчастливил чувством
духовной близости к Вам и кругу Вашей деятельности. На случай, если у Вас явится
возможность или желание обрадовать меня еще одним письмом, воспользуйтесь,
пожалуйста, моим дачным ад-ресом: Переделкино под Москвой, через Баковку, мне.
Для меня было бы большой радостью получить экземпляр немецкого издания книги. Не
могли бы Вы связаться с Гердом Руге, сотрудником немецкого радиовещания? Мне
кажется, что он сей-час в Мюнхене со своей большой женой (к сожалению, не знаю
точнее). Может быть, Вы узнаете их адрес. Кланяйтесь тогда им обоим. Вероятно,
г-н Руге не откажется привезти мне книгу, он безмерно ко мне расположен. –
Не обижайтесь, и пусть это Вас не задевает, что на Ваше боль-шое и щедрое письмо
я отвечаю скупой открыткой без подписи. Это для того, чтобы она вернее дошла.
Надеюсь вскоре послать Вам большие письма в конвертах, но сегодня не хочу
откладывать знаки своего восхищения новоприобретенной дружбой, которые дойдут до
Вас таким способом скорее. Моим живейшим удовлетво-рением стало то, что моя
книга понравилась Вам и Вашим близким. Я убежден, что мы живем во времена
результатов и завершения, а не развития жизни, которую мы видели и перестрадали,
что то небольшое и единственно необходимое, что стало причиной войн и
переворотов, давно достигнуто, доказано и заучено наизусть. Об этом уже не нужно
кричать во всю глотку. Я удивляюсь художни-кам и мыслителям, которые остаются
верными множеству ненуж-ных, изжитых политических и эстетических форм, при том,
что надо обращать внимание на новое содержание, еще непонятое и едва
зародившееся, как появлялись обработанные поля и зеленые ветви побегов после
30-летней войны или свержения татарского ига. Наступает новое время.
Но довольно об этом. Прекрасные переводы г-на Р. фон Валь-тера из Блока и
Пушкина, я видел, конечно, еще в двадцатые годы и рад, горд и уверен в его
успешном участии в моей работе¹.
Заканчиваю свое письмо выражением глубокой преданности Вам и высокочтимой г-же
Фишер.

Впервые: Brigitte V. Fischer. Sie schreiben mir oder was aus meinem Poesiealbum
wurde («Они мне писали или из моего поэтического альбо-ма»). Zurich, 1978 (с
купюрами). – Автограф по-нем. (Lilly Library Indiana University). Сохранились 11
писем Пастернака к Г. и Б. Берман-Фишерам.

Готфрид Берман-Фишер – с 1939 г. владелец издательства S. Fischer Verlag,
выпустившего «Доктора Живаго» по-немецки.

¹ Известный немецкий славист и переводчик, подготовивший «Док-тора Живаго» для
Fischer Verlag.

1545. Т. МЕРТОНУ

27 сентября 1958, Переделкино

27 сент. (Воздвижение) 1958

Мой дорогой и глубокоуважаемый друг.

От всего сердца благодарю Вас за теплое и душевно близкое письмо. Оно так же,
как Вам мои писания, кажется удивитель-ным образом полным родственных мыслей,
как будто наполови-ну написано мной самим¹.

Меня огорчает только, что Вы слишком много уделили внима-ния Охранной Грамоте и
моим старым стихам и прозе². Они не за-служивают Вашего интереса, в отличие от
изданного в Пантеоне ро-мана, который, вероятно, более достоин того, чтобы Вы
его прочли.

Ваш Прометей еще не дошел до меня³. Я с удовольствием и пользой прочту Вашу
поэму. Но запаситесь терпением в ожида-нии ответа, мне подчас приходится
отвечать на большое количе-ство писем.

От всей души благодарю за Ваши молитвы и желаю Вам здо-ровья и сил для Вашей
подвижнической жизни.

Я не подписываю письма, чтобы оно вернее дошло. Переделкино под Москвой, через
Баковку.

Впервые: Boris Pasternak. Thomas Merton. Six letters. Lexington, 1973. –
Автограф по-англ. (The Abbey of our Lady of Gethsemani, Kentucky).

Томас Мертон – католический монах ордена траппистов и духовный писатель.

¹ В письме 22 авг. 1958 Мертон писал Пастернаку, что его произведе-ния кажутся
ему ближе, чем чьи бы то ни было другие из великих совре-менных писателей
Запада. «Я думаю, что разделяю Ваш опыт более глубо-ко, чем опыт других
писателей» (там же. С. 3).

² Мертон писал, что «Охранная грамота» произвела на него очень сильное
впечатление, – годы юности на Урале, в Марбурге и Москве он ощутил как
собственные.

³ Мертон послал Пастернаку свою поэму в прозе «Прометей» («Prometheus.
Meditation». Abbey of Gethsemani, 1958) с надписью: «Бори-су Пастернаку,
великому поэту и великому писателю, реальной сущности нашего века от того, кто,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
отделенный большим расстоянием и большими барьерами, чувствует в нем родственные
мысли и близкий дух. Томас Мер-тон. Гефсиманское аббатство. Орден траппистов.
Кентукки. США» (англ.). Пастернак 3 окт. 1958 писал ему в ответ: «Дорогой
Мертон, благодарю Вас за "Прометея" с незаслуженно любезной надписью, я получил
его вчера. Думаю, что строфы IV-я и VII-я удались Вам больше всего, в последней
Вы дали собственное тонкое понимание Христовой мудрости. Пользуюсь возможностью
повторить Вам, что кроме "Др. Ж.", которого стоит прочесть, все остальное в моих
стихах и прозе лишено какого-либо смысла и значе-ния. Большую часть своих зрелых
лет я отдал Гете, Шекспиру и другим боль-шим и многотимным переводам. Благодарю.
Ваш Б. Я.» (там же. С. 8).

1546. И. А. КОМИССАРОВОЙ

1 октября 1958, Переделкино

1 окт. 1958

Дорогая Ирина Алексеевна (простите, если Вы Александров-на, я забыл и не
уверен¹) – мне хочется похвалить Вас за горячую, деятельную заботу о сохранении
в свежести и силе памяти Сергея Николаевича. Я также тронут и благодарю Вас за
то, что Вы снова обратились ко мне со своею приятною и лестною просьбой². Я,
наверное, напишу что-нибудь о С. Н. Я не столько обещаю Вам это, сколько сам
этого хочу и в это верю. Но, наверное, я примусь за это не раньше весны, если
доживу. Меня отвлекает от чего бы то ни было радостный, счастливый недосуг,
который создает мне переписка на трех иностранных языках с читателями и разными
лицами, пишущими мне по поводу романа «Докт<ор> Живаго», но когда-нибудь этот
угар и праздник кончится, и тогда в числе серьезных трудов и работ, к которым я
вернусь, будут на первом месте те несколько живых страниц, посвященных С. Н.
годах в десятых, которые мне уже и сейчас заманчиво рисуются. Будьте здоровы.
Ваш Б. Пастернак

Не беспокойтесь, пожалуйста, о состоянии и сохранности моих писем и сверх того
попутного и минутного интереса, кото-рый может представить для Вас их
использование, совсем не ду-майте о них. Я знаю, Вы не поверите, но у меня нет
ничего похо-жего на архив или библиотеку, или что-нибудь подобное, все
про-падало при переездах и семейных переменах, а черновики, оста-вавшиеся от
больших работ, я, по изготовлении их беловиков, уничтожал. Даже то, чем я
дорожил и что старался беречь (как, например, письма родителей или Мар<ины>
Цветаевой) – про-падали. Конечно, письма С. Н. ко мне где-то есть в какой-нибудь
из забытых корзин, но где? – у меня никогда нет ни минуты вре-мени все это
разобрать и привести в порядок.

Впервые: «Встречи с гфопшьгм». Вып. 7. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед.
хр. 1785).

¹ Верно: Ирина Алексеевна – вдова С. Н. Дурылина.

² Речь идет о сборнике воспоминаний о Дурылине, который составляла И. А.
Комиссарова. Пастернак включил в свой очерк «Люди и положения» несколько слов о
молодом, «ныне умершем Сергее Николаевиче Дурылине».

1547. К. ВОЛЬФУ

1 октября 1958, Переделкино

1 октября 1958

Мой дорогой, дорогой друг, господин Вольф, какую большую радость Вы постоянно
мне доставляете! Я стал получать письма из английской и американской провинции,
драгоценные письма, так глубоко западающие в душу, наполненные мыслями и
чувства-ми. В таком же роде мне написал др. Готтфрид Б. Фишер. Это пе-реливание,
переполняющее этот год, – созданный самой жизнью и наяву рождающийся роман
вокруг романа, – непередаваемо большое и праздничное испытание, окутанное
печалью, как все большое в действительной жизни. Мне было бы смертельно боль-но,
если бы это счастье отрывало меня от родины территориаль-но. Но то, что между
мною и моими соседями зияет пропасть време-ни, и то, что они считают настоящим,
а я не могу не ощущать как давно пережитое прошлое (даже если это только в моем
вообра-жении) – предмет непрестанного ликования. И, очевидно, если мне будет
подарено еще несколько лет здоровья, это будет суще-ством и духом моей следующей
работы. – Итак, несколько част-ных писем о Др-е я получил, но не получил
никакого упоминания в статьях и ни одной газетной вырезки. Или в печати вообще
не появлялось никаких отзывов? Очевидно, это как раз то, что Вы обещаете мне в
письме фел<ьтринел>ли¹. Я буду ждать его, не пытаясь прояснить некоторой
связанной с этим неясности. – Жена Руге заболела и уехала в Мюнхен, он вслед за
ней. Сейчас она, кажется, где-то в Швейцарии, недалеко от Вас. Я очень люб-лю их
обоих. Она – симпатичная, молчаливая и закрытая, он – бойкий и толковый в той
степени, когда ум становится делом вку-са и дарованием. Я очень верю в его
будущность. Болезнь госпо-жи Руге очень огорчает меня. Я Руге назвал г-ну
Готтфриду² на тот случай, если он захочет переслать мне немецкую книгу или
ка-кие-нибудь критические отзывы. Но теперь это отпадает, так как Руге в

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
ближайшее время не собирается возвращаться. Пожалуй-ста, передайте от меня г-ну
Уильяму3 мою глубочайшую благодар-ность за прекрасный внешний вид и великолепный
перевод кни-ги. Английское издание у меня уже есть, но Вашей книги, изда-ния
«Пантеона», я еще не видел. Между прочим: адрес П<ередел-ки>на служит гораздо
лучше, чем городской. Однако если Вы к словам «П<еределкино> под Москвой, Б. П.»
прибавите указание «через Баковку», письмо дойдет на два-три дня быстрее.
Пожа-луйста, скажите это всем. Мои заграничные друзья и знакомые воображают,
будто я так чуток, что могу по воздуху и наитию оп-ределить, что пишут и говорят
о вышедшей книге. Например, был слух, что Д<окто>ра где-то обсуждал Пристли4. Я
ничего об этом не знаю. Если судить педагогически, с точки зрения
воспитатель-ной, то, по-видимому, для меня спасительно, что я полностью ото-рван
от всех откликов. Они могли бы, чего доброго, сделать меня тщеславным и
испортить. Тешить себя ими было бы неестествен-но и недостойно. Не устану
повторять, как я Вам благодарен.
Впервые: «Знамя», 2005, JNfe 3. – Автограф по-нем. (Deutsche Literaturarchiv in
Marbach).

1 Вместе с письмом 5 сент. 1958 фельтринелли послал Пастернаку бандероль с
откликами и статьями о «Докторе Живаго» из разных газет и журналов.

2 Имеется в виду письмо JNfe 1544.

3 Чтобы не привлекать внимания почтовой цензуры, Пастернак в от-крытке называет
своих издателей по именам: Готфридом – Г. Берман-фишера, Уильямом – У. Коллинза.

4 Джон Пристли – известный английский писатель.

1548. Ж. Л. ПАСТЕРНАК и Л. Л. СЛЕЙТЕР

6–13–16 октября 1958у Переделкино

6 октября 1958. Дорогая Ж<оня>, я пишу тебе по-англ<ийс-ки> в виде упражнения,
но ты продолжай мне писать по-рус<с-ки>. Это ответ на твою открытку о Шуберте1.
Я рад был узнать, что Л<ида> послала мне газетные вырезки. Надеюсь, что получу
их, досадно, что я ничего не видел, кроме заметки в Times от 4 ав-густа.

По-моему, твое представление о нашем территориальном расположении здесь в
П<еределкине> не точно по моей вине2. Дом и сад в П<еределкине> со всеми
обитателями их (включая и меня) находятся в том виде, как описываются в газетах.
Это наше обита-лице с З<иной> и Л<еней>. Здесь ничего не переменялось. З<и-на>
не знает, что О<льга> снимает комнату в крестьянской избе в соседней деревне.
Если в этом году мне будет присуждена Н<обе-левская> премия (как иногда доходят
слухи), и у меня появится необходимость и можно будет поехать за границу (все
это для меня в полной тени), я не вижу возможности и не стану пытаться брать с
собой в поездку О<льгу>, если я получу разрешение, речь будет только о моей
собственной поездке. Но ввиду сложностей, свя-занных с Н<обелевской> пр<емией>,
надеюсь, что ее присудят другому кандидату, скорее всего А. Моравия3.

13 октября. Вчера, 12-го, Лидочка, я получил твою открытку (о Voice of
Sc<otland>, новой папиной выставке в Л<ондоне>, тво-ем милом беспокойстве по
поводу З<ининой> с Л<еней> поездки в Крым4). Письмо со статьей Пристли пока не
пришло. Боюсь, что так получилось почти со всеми письмами этого месяца, в
ко-торых были печатные вложения. Наверное, они были перехваче-ны и подверглись
проверке.

16 октября. Эта открытка лежит, и я все медлю закончить ее и отослать. Я потерял
надежду получить твой конверт с вырезками, но, за исключением Пристли, я видел
несколько англ<ийских> и америк<анских> заметок. Опасность внешних неприятностей
(в настоящий момент лишь воображаемых), которые вызваны успе-хом романа, не идет
в счет и чепуха по сравнению с другой, внут-ренней и значительно большей
опасностью! Этот успех вызовет дурацкие издания и переиздания моих старых
никчемных вещей в стихах и прозе. (Говорю, конечно, об иностранных начинани-ях.)
Как люди не чувствуют пропасти между тем, что я писал рань-ше, и Д<окто>ром
Ж<иваго>? Это больше чем предательство со стороны глупых (и потому ложных)
друзей вспоминать перед ли-цом романа о моем «поэтическом» прошлом, которое
претендует на то же авторство, что и последнее произведение. Я не могу
раз-делять этот жадный интерес и любопытство к первым шагам че-ловека, его
происхождению, влюбленностям, домашней и семей-ной жизни. Наша задача и
стремление не только быть и оставаться верным себе, но непрестанно расти,
изменяться, становиться неузнаваемым, воплотить всего себя без остатка в
жизнеспособ-ные и надолго остающиеся работы. Разве ты не считаешь, что па-пины
иллюстрации к «Воскресению» были поразительной и уди-вительной вершиной,
несравнимой с тем, что он делал до или пос-ле этого. Мне бы хотелось, чтобы эта
зима 58–59 (или весь год), охваченные такими неожиданными событиями и
перспективами, скорее прошли, и я мог бы возобновить свою спокойную еже-дневную
работу.

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф по-англ. (Pasternak Trust,
Oxford).

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

1 Имеются в виду сожаления Жозефины в письме 26 сент. о том, что в статье о Шопене Пастернак не упомянул Шуберта, который «так хорошо умел изображать течение, ручья ли или мелодии» (там же. Кн. И. С. 302).

2 Жозефина получила ошибочное представление о семейных обстоятельствах брата из слов О. Ивинской, которая на оборотной стороне письма Пастернака 10 июля 1958 писала: «Живем мы с Борей в маленькой комна-тушке в том же Переделкине, где его дача и протекает показная часть его жизни» (там же. С. 303).

3 Эти обстоятельства Пастернак более подробно объяснял в письме Вольфу 10 окт.: «Мой друг, я все время писал Вам в радостном, уверенном и приподнятом настроении. Жизнь и развитие событий вокруг Д-ра за протекшие месяцы все время шли хорошо. Но теперь, думаю, положение ве-щей станет хуже. Меня беспокоит возможность Н<обелевской> пр<ем>ии, которая, давайте надеяться, будет присуждена А. Моравиа, а не мне. Ведь было бы смешно и глупо, не правда ли, неслыханно и в высшей степени противоречиво сопротивляться этой возможности и ей противостать? Однако сама мысль о получении премии так проблематична и для меня такое испытание! И вовсе не с пол<итической> точки зрения. Но мои жизненные обстоятельства так сложны и запутаны. Только благодаря моему бездействию люди рядом со мной живут мирно. Необходимость ездить, что-то делать и утверждать мучительно изменила бы все дома и в непо-средственной близости со мной. А я не могу вынести пересекающихся вза-имных страданий родных и близких. У меня от этого разрывается сердце». «Я всегда думал, что Борис Пастернак должен получить Нобелевскую пре-мию и получит ее, – писал ему Курт Вольф 25 окт. 1958, узнав о присужде-нии. – ...И то, что все-таки это осуществилось – прекрасно, и надеюсь, что это все же доставило Вам какую-то радость. (Ваши слова, что премию при-судят Моравиа, прошу прощения, показались мне просто абсурдом)». В предвкушении будущих торжеств Вольф заканчивал письмо словами: «Я заказал номер в Гранд Отеле в Стокгольме на 9-е декабря, но приеду туда только, если Вы там будете» («Знамя», 2005, № 3. С. 152, 153).

4 Лидия писала 6 окт. 1958, что семь стих. Пастернака в ее переводе появились в «Voice of Scotland* и что они с сестрой готовят новую выстав-ку отца в Пушкинском клубе в Лондоне, которая открывается 7 октября.

1549. К. ВОЛЬФУ

18 октября 1958, Переделкино

18 октября 1958

Мой милый, дорогой и неоценимый друг, это, вероятно, пос-ледняя открытка, которую я посылаю Вам в Цюрих; хочу попро-бовать писать Вам в Н<ью> Й<орк>. Недавно мне через фел<эт-ринел>ли пришло много подарков, новостей и радостных сооб-щений. Я собираюсь написать ему в ближайшие дни, но если мое письмо запоздает, пожалуйста, окажите мне услугу, телеграфируйте ему и передайте мое восхищение и живейшую благодарность. По отношению ко мне он проявил себя не только как пример велико-душия, но, сверх того, и как истинный гений. Половину живагов-ских чудес я приписываю его духу изобретательности, другую по-ловину – Вам. – Бесконечна и моя благодарность за все, чем я Вам обязан, Вам и Вашей жене Элен Вольф, как я сейчас узнал из приложенной заметки в Public Weekly и из двух писем Т. Мерто-на1. Не нахожу слов, чтобы выразить, как я ценю Ваше внимание, побудившее переслать мне два этих листка. Т. М<ертон> написал мне и прислал свою работу «Прометей». Я ответил на его посла-ние двумя (но короткими) письмами и не уверен, что он их полу-чит. Пожалуйста, сообщите ему об этом. Пожалуйста, облегчите мне задачу как можно достойнее и быстрее ответить на щедрость его сердца и доброту, которыми он осыпал меня. Попросите мис-сис Элен написать ему, что правильность его понимания, чудо пронизательности (Гамлет, Красное море и Пресвятая Дева и что Бог теперь живет в человеке и т. д.2), несмотря на его преувеличе-ния (Пруст, литература Запада и т. д.), кажется мне невероятной. Он не должен тратить на меня время и силы, ни в письмах, ни в статьях. То, что он сказал в этих письмах мне и миссис Э. В<ольф>, – непомерно велико и исчерпывающе и переходит все границы уместного. Самое важное – это то, что он понял, что здесь имеются в виду не вопросы религии, и даже не сама рели-гия, но телесная осязательность исторического душевного потока, единственно возможного и настоящего. А преодоление следов де-каданса и модернистской ограниченности – тоже не мелочь фор-мы. Идет ли речь о небе или о земле, о поэтическом наследии веры или о реальном, отмеченном войнами и восстаниями столетия, – мне нельзя было останавливаться там, где привыкли и вынужде-ны останавливаться политические и эстетические навыки и воз-можности, когда-нибудь нужно было постараться сделать дальней-ший шаг. Например, Мальте Бригге изыскан и гениален, вершина изобразительных средств3. Но это тоска по роману, а не роман. В моем случае было достаточно пространства для того, чтобы идти к более полному осуществлению и воплощению, пятьдесят бур-ных лет жаждали своего воплощения. Дайте мне Ваш адрес в Н<ью>Й<орке>.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris
Впервые: «Знамя», 2005, № 3. – Автограф по-нем. (Deutsche Literaturarchiv in
Marbach).

1 Письма 22 авг. и 23 окт. 1958. Второе письмо Мертон написал Пастернаку под свежим впечатлением от «Доктора Живаго», в котором его снова поразила удивительная близость взглядов, в особенности отношение к искусству, «которое называется Откровением Иоанна, и тому, которое его дописывает». Мертон выражал сожаление, что мало сказано в романе о Н. Н. Веденяпине, но тут же признавал, впрочем, что его идеи скажутся на всем содержании и событиях романа. Он отмечал близость «Доктора Живаго» «смыслу любви» Владимира Соловьева (Boris Pasternak. Thomas Merton. Six letters. Lexington, 1973. P. 33). События, последовавшие за присуждением Нобелевской премии, не дали Пастернаку вовремя ответить на письмо Мертона, и он просил своего корреспондента в Англии Джона Харриса 7 нояб. 1958: «Напишите, если это возможно, поэту и прозаику, г-ну Томасу Мертоу, трапписту П. О., Кентуки США, что его великие мысли и бесконечно дорогие письма обогатили и очастливили меня. Когда будет более легкое и благоприятное время, я напишу и поблагодарю его. Сейчас я не в состоянии этого сделать. Передайте ему, что его высокие чувства и молитвы спасли мне жизнь. Я намерен упомянуть его в коротком, нематериальном (не касающемся предметов и вещей) памятном свидетельстве тех дней в нескольких строчках» («Scottish Slavonic Review», 1984, № 3. P. 85). Т. Мертон Пастернак упомянул в письме в «Правду» среди людей, сочувствие которых поддерживало его в страшную неделю обрушившегося на него общественного проклятия (см. коммент. 1 к письму № 1552). Письмо было опубликовано 6 нояб. 1958, но имя Мертона, как и других сочувствующих, было снято. О намерении Пастернака написать «свидетельство тех дней», к сожалению, ничего не известно.

2 Эти мысли высказаны Мертоном в письме к Элен Вольф, выписки из которого она послала Пастернаку.

3 Речь идет о романе Р.-М. Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге» (1910).
1550. Е. А. ФУРЦЕВОЙ

24 октября 1958, Переделкино

24 окт. 1958 г.

Глубокоуважаемая Екатерина Алексеевна

Мне всегда казалось, что советским человеком можно быть по-иному, чем это хотят заставить меня думать: живее, спорнее, свободнее, рискованнее. Мне бы не хотелось расстаться с этим представлением. Я готов оплатить верность ему любой ценой.

Я думал, что радость моя по поводу присуждения мне Нобелевской премии не останется одинокой, что она коснется общества, часть которого я составляю. Мне кажется, что честь оказана не только мне, а литературе, к которой я принадлежу, советской литературе¹. Кое-что для нее, положив руку на сердце, я сделал. Как ни велики мои размолвки с временем, я не предполагал, что в такую минуту их будут решать топором. Что же, если Вам кажется это справедливым, я готов все перенести и принять. Но мне не хотелось бы, чтобы эту готовность представляли вызовом и дерзостью. Наоборот, это долг смирения.

Я верю в присутствие высших сил на земле и в жизни и быть заносчивым и самонадеянным запрещает мне небо.

Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, без шифра).

Е. А. Фурцева – член Президиума ЦК КПСС. Написать ей письмо Пастернаку посоветовал К. Чуковский, пришедший поздравить его с Нобелевской премией и узнавший об угрозах, выдвинутых Союзом писателей. Письмо не было послано и осталось в бумагах О. В. Ивинской, некоторые фразы из него были использованы при составлении ею письма Пастернака Н. С. Хрущеву 1 нояб. 1958, публиковавшегося в «Правде».

¹ Узнав о присуждении премии, Пастернак в ответ на телеграмму секретаря Шведской академии, поэта Андерса Эстерлинга, утром 24 окт. 1958 благодарил в его лице академию за оказанную честь: «Бесконечно признателен, тронут, горд, удивлен, смущен» (фр.). В тот же день Д. А. Поликарпов приезжал к К. Федину, соседу Пастернака по даче в Переделкине, и потом писал М. А. Суслову, члену Политбюро, организатору травли Пастернака: «К. А. Федин осуществил разговор с Пастернаком. Между ними состоялась часовая встреча. Поначалу Пастернак держался воинственно, категорически сказал, что не будет делать заявления об отказе от премии и могут с ним делать все, что хотят. Затем он попросил дать ему несколько часов времени для обдумывания позиции» (Пастернак и власть. С. 147). Под «политической корректностью» этого документа скрывалось начало нравственного давления на Пастернака, несмотря на которое он открыто отвечал Федину, что ничто не заставит его плевать в лицо тем, кто оказал ему высокую честь; он уже послал телеграмму с благодарностью Нобелевскому комитету и не хочет выглядеть в их

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
глазах обманщиком. К вечеру того же дня Пастернаку принесли повестку о
необходимости его присутствия на заседании правления Союза писателей,
собиравшемся по его по-воду, на которое он не поехал из-за плохого самочувствия,
а отправил пись-мо (см. т. V наст. собр. с. 272-273).

1551. Д. А. ПОЛИКАРПОВУ

29 октября 1958, Москва

Благодарю за двукратную присылку врача¹. Отказался от пре-мии. Прошу
восстановить Ивинской источники заработка <в> Гослитиздате² = Пастернак
Впервые: Пастернак и власть (Предисловие. С. 39). – Черновой авто-граф
телеграммы (РГАЛИ, ф. 379, без шифра). Датируется по содержанию.

1 Жалобы на плохое самочувствие, помешавшее Пастернаку присут-ствовать на
заседании правления Союза писателей, вызвали проезд врача из поликлиники
Литфонда, вскоре на несколько дней поселившегося на даче у Пастернака.

2 По словам Ивинской, испуганная отказом Гослитиздата в обещан-ной ей переводной
работе, она в ответ на утешительные слова Пастерна-ка, резко сказала ему об
угрозах повторного ареста, которыми постоянно шантажировали ее в КГБ. Пастернак
немедленно отправил телеграмму в Нобелевский комитет: «Ввиду того значения,
которое получила присуж-денная мне незаслуженная награда в обществе, к которому
я принадлежу, не считите мой добровольный отказ за оскорбление» (фр.). И
одновременно телеграмму – в Отдел культуры ЦК Поликарпову.

1552. Д. А. ПОЛИКАРПОВУ

1 ноября 1958, Переделкино

1 ноября 1958

Дорогой Дмитрий Алексеевич!

Я знаю, что это не блестяще и ничем не замечательно, но прошу Вас, не надо
увлекаться переделкой и перекройкой¹. Это может быть до неприличия искренно, т.
е. это именно то, что я ду-маю и чувствую и самое сырое, неотделанное
изображение того, что было на самом деле. И если, как я Вас понял вчера,
главное, чтобы мне поверили, что никто на меня не давил и не влиял, и чтобы все
утихомирилось, этими спокойными неторжественны-ми строками, этим домашним тоном
все достигается.

У меня было дальше о предоставлении выезда, которым я не воспользовался² и пр. и
пр., но это лишнее, это вносит тревож-ность, которая поведет к новому шуму.
Но знаете ли Вы, что кое-что должны сделать и Вы, чтобы наступила перемена, а не
только я один, что не все в моих силах. Я вчера Вам поверил, но никакого
признака обещанного пока не вижу, простите.

Мне бы не хотелось присутствовать на пресс-конференции. Ее ни в коем случае
нельзя устраивать на даче. После всего, что все ^допустили со мной наделать,
дачу подожгут или в ней пере-бьют стекла после такой конференции³.

Ах, ах, ах, Дмитрий Алексеевич! И все я виноват!!! Бог судья Вам.

Ну покажите же что-нибудь кроме дежурства врачей, чтобы я Вам поверил!

Б. Я.

Пресс-конференцию надо устроить без моего присутствия и зачитать на ней мое
заявление. Кроме того восстановить мою пе-реписку, где я дам частные
каждодневные подтверждения заявлен-ного.

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, без шифра). Письмо не было отослано и
осталось в бумагах О. В. Ивинской.

1 Речь идет о письме Пастернака в «Правду», написанном по требо-ванию
Поликарпова, чтобы «помириться с народом». Вопреки просьбе Пастернака «не
увлекаться перекройкой», сохранившиеся в бумагах Ивинской следы многоэтапной
работы над текстом, говорят об обрат-ном. В первонач. автографе было: «В
продолжение бурной недели я не под-вергался судебному преследованию, я не
рисковал ни жизнью, ни свобо-дой, ничем решительно. Если благодаря посланным
испытаниям я чем и играл, то только своим здоровьем, сохранить которое помогли
мне совсем не железные запасы, но бодрость духа и человеческое участие. Среди
ог-ромного множества осудивших меня, может быть нашлись отдельные
не-многочисленные воздержавшиеся, оставшиеся мне неведомыми. По слу-хам (может
быть, это ошибка) за меня вступились Хемингуэй и Пристли, может быть,
писатель-траппист Томас Мертон и Альбер Камю, мои дру-зья. Пусть
воспользовавшись своим влиянием, они замнут шум, подня-тый вокруг моего имени.
Нашлись доброжелатели, наверное, у меня и дома, может быть, даже в среде высшего
правительства. Всем им приношу мою сердечную благодарность. В моем положении нет
никакой безвыходнос-ти. Будем жить дальше, деятельно веруя в силу красоты, добра
и правды. Советское правительство предложило мне свободный выезд за границу, но
я им не воспользовался, потому что занятия мои слишком связаны с родной землей и
не терпят пересадки на другую» (Пастернак и власть. С. 43). Этот текст был
заменен написанным Поликарповым. К листам его машин. Пастернак приклеивал
отдельные абзацы, которые потом были оторваны. Окончательный текст, имеющий мало

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
общего с автографом, после обсуждения в Президиуме ЦК был опубликован в
«Правде», 6 нояб. 1958.

2 В бумагах Ивинской сохранились наброски письма Пастернака с благодарностью «за
мягкую форму изгнания» – разрешение на выезд с семьей и просьбой выпустить
вместе с ним его «близкого друга О. В. Ивинскую с детьми», «в разлуке с
которой, в неуверенности в судьбе которой и в страхе за которую, существование
мое невыносимо» (РГАЛИ).

3 Пресс-конференция не состоялась. Сохранилась отдельная записка Поликарпову, в
которой, кроме отказа от участия в пресс-конференции и требования восстановить
блокированную переписку, Пастернак выражал сомнения в реальности данных ему
обещаний. Ивинская вспоминала, что в качестве «платы» за письмо в «Правду»
«Поликарпов твердым голосом заявил, что выручит нас в переиздании "Фауста" и
обещал снять вето с Бори и меня в "Гослитиздате", так что нас будут снабжать
переводческой работой» (Ивинская. В плену времени. С. 299). Пастернак был прав в
своих сомнениях: «Фауст» был переиздан уже после его смерти, деньги в
Гослитиздате за сданную по договору «Марию Стюарт» Сло-вацкого и за книгу «Стихи
о Грузии. Грузинские поэты», вышедшую в Грузии, были выплачены только через
год.

1553. Г. Е. НИКОЛАЕВОЙ

1 ноября 1958, Переделкино

1 ноября 1958

Благодарю Вас за искренность. Меня переделали годы Сталинских ужасов, о которых
я догадывался до их разоблачения.

Все же я на Вашем месте несколько сбавил бы тону. Помните Верещагина и сцену
справедливого народного гнева в «Войне и мире». Сколько бы Вы ни приписывали
самостоятельности Вашим словам и голосу, они сливаются и тонут в этом
справедливом негодовании.

Хочу успокоить Вашу протестующую правоту и честность. Вы моложе меня, и доживете
до времени, когда на все происшедшее посмотрят по-другому.

От премии я отказался раньше содержащихся в Вашем письме советов и пророчеств.
Я Вам пишу, чтобы Вам не казалось, что я уклонился от ответа.

Б. И

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Емельяновой).

Факсимиле: Каталог Кристи. С. 47.

Галина Евгеньевна Николаева – советская писательница. На заседании президиума
правления Союза писателей, состоявшемся 27 окт. 1958 г., Николаева,
«характеризуя предательские действия Пастернака, заявила: "Я считаю, что перед
нами власовец". Касаясь вопроса о мерах по отношению к Пастернаку, она сказала:
"Для меня мало исключить его из Союза, – этот человек не должен жить на
советской земле"» (Пастернак и власть. С. 158).

1 Сохранились два письма Николаевой Пастернаку, в первом 10 нояб. 1958, на 12
страницах, она писала, что любила его стихи и не понимает, как он может «принять
премию из рук врага»: «Слезы соленые лить над вами? Пулю загнать в затылок
предателю? Я женщина, много видевшая горя, не злая и не жестокая, но такое
предательство... Рука не дрогнула бы... Вам пишет не писательница... Вам пишет
женщина, у которой муж был расстрелян в 37 году и отец сослан тогда же... и у
которой одна цель в жизни – служить всей душой, всеми силами делу коммунизма и
своему народу. Это не слова. Это в сердце...» (Материалы ГМГЛ. С. 72).

Передавая свое письмо на усмотрение Ивинской, Пастернак спрашивал: «Олюша,
надо ли отвечать Галине Николаевой? Прочти и подумай. Если не надо, уничтожь
письмо. Целую тебя. Если бы не плечо и лопатка, я был бы на вершине блаженства. А
ты?» (Ивинская. В плену времени. С. 292). Письмо не было отправлено.

2 Пастернак вспоминает эпизод из «Войны и мира» Л. Толстого, когда московский
генерал-губернатор граф Ф. В. Растопчин демагогически направляет народное
негодование против оставления Москвы на невинного молодого человека Верещагина:
«Он изменил своему царю и отечеству, он передался Бонапарту, он один из всех
русских осрамил имя русского, и от него погибает Москва». Верещагин был разорван
возбужденной толпой (3-й том, часть 3-я, гл. XXV).

1554. М. А. МАРКОВОЙ

11 ноября 1958, Переделкино

11 ноября 1958

Дорогая Машура, извини, что я не сразу ответил тебе. Очень, очень тяжелое для
меня время. Всего лучше было бы теперь умереть, но я сам, наверное, не наложу
на себя рук.

Воображаю, как тебе тяжело быть случайной слушательницей того, как поносят меня
устно в обществе, помимо того, что ты читала в газетах. Ты, конечно,
догадываешься, как мало во всем этом правды. Что делать, во все времена это
иногда бывало.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Твой Боря

Впервые: «Вечерний Ленинград», 10 февр. 1990. – Автограф (собр. А. В. Курсина).

1555. М. И. ЗЛАТКИНУ

19 ноября 1958, Москва

19 ноября 1958

Глубокоуважаемый Марк Израилевич.

Извините, что я в такое время, когда у Вас в издательстве могут быть еще не ясны формы, которые должны принять взаимоотношения издательства со мной, затрагиваю денежные вопросы¹.

Кроме того, я знаю, в каких финансовых затруднениях находится оно, и задержки в наших расчетах не приписываю недоброй воле.

Но если можно будет в ближайшее время произвести частичный платеж в погашение доли задолженной суммы, я попрошу Вас перевести до пяти тысяч из нее почтой <...>, а остальное, как только представится такая возможность, на мой, известный в Вашей бухгалтерии текущий счет <...>.

Среди многого неверного, распространяемого обо мне в последнее время, занимают свое место и толки о моей состоятельности. Они основаны: 1) на том, что пять лет тому назад, когда Гослитиздат дал тройным тиражом Шекспира в моем переводе, я не потребовал утроения гонорара; и 2) на том, что я недавно отказался от Нобелевской премии. В сознании остаются цифры и суммы, а не отказы от них. Видите, как все это шатко.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Борис Пастернак. Доктор Живаго. Избранные письма. – Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по машин. копии Г. В. Бебутова с его купюрами.

1 Речь идет об изданной весной 1958 г. кн.: Борис Пастернак. Стихи о Грузии.

Грузинские поэты: избранные переводы. Тбилиси, «Заря Востока», 1958 (см. письмо № 1561). Пастернаку была хорошо знакома ситуация, при которой критическая кампания первым делом отражалась на издательской политике, и, несмотря на заключенные договоры, выплаты по ним осуществлялись по усмотрению властей. Еще в сентябре его беспокоила задержка денег по этой книге, и он дважды, 2 и 28 сент. 1958, запрашивал директора «Зари Востока»: «Дорогой Марк Израилевич, меня очень огорчает, что вместо того, чтобы выпустить меня с пользой для издательства, Вы издали мою книжку с таким страшным убытком. Выручка от 3000 экземпляров книги не покрывает и половины того, что, по расчетам, присланным мне в июне месяце тов. Захаровой, Вы мне должны в виде авторского гонорара. Хотя я забыл почти до полной неизвестности, но, думаю, все же не настолько, чтобы не могли разойтись до десяти тиражей, по крайней мере, которые окупили бы издание и покрыли Ваши издержки. Я знаю, что все это, конечно, зависит не от Вас, мудрят с общей судьбой литературы люди административно вышестоящие, однако, усердствуют вслед за ними и все. Что ж, – Ваше дело. Очень жалко. Б. Пастернак» (2 сент.; «Литературная Грузия», 1966, № 2. С. 96). Сведения о задержке гонораров в размере 21 тыс. руб. Пастернак получил от Бебутова в октябре 1958 г.

1556. Ж. де ПРУАЙЯР

28 ноября 1958, Переделкино

28 ноября 1958

Сколько времени, души и труда я отнимаю у Вас, дорогой мой друг! Что мне сказать, Жаклин, о Вашем письме от 4 ноября!¹ Я склоняю колена перед этими полными доброты страницами, целую руки за все, что Вы говорите. Это как если бы моя душа, отделившись или выйдя из меня, стала француженкой, оделась и села писать мне письмо, настолько оно мое и, можно сказать, извлечено из моего сердца.

Я пишу Вам в большой спешке и потому еще более ужасным французским, чем обычно. Чтобы сохранить рассудок и здоровье, я взялся за срочную работу (может быть, я писал уже Вам о переводе драмы Юлиуша Словацкого, который я делаю благодаря любезности польских писателей²). Когда к середине декабря я окончу эту работу, если все остальное будет благополучно, я, как прежде, возобновлю переписку.

Именно из-за работы, с которой я хочу скорее разделаться, как можно скорее, я никому не отвечаю и прошу свою любимую, небесную Элен и всех остальных временно мне это простить. Я получил письма от Элен, ее великодушное предложение помочь мне материально³ (это совсем не смешно, она многое угадала), я прочел ее проникновенную статью в «Figaro Littéraire»⁴ (какие еще богатства мне нужны, если у меня такие друзья, как Вы и она?) Скажите ей, что если бы можно было восхищаться ею еще больше, чем я восхищался раньше, то невозможное достигнуто. Я попытаюсь своими силами выпутаться из затруднений и горячо ее благодарю.

Затем я прилагаю свою фотографию тех лет, когда Ваши матери еще и не предполагали произвести вас на свет, – она нужна была для Элен, чтобы поместить ее, по-моему, в «Соттегсе»⁵. Здесь удобно возблагодарить Бога и в растерянности гадать, какой я мог дать повод, чтобы меня могли объявить атеистом⁶.

Чтобы покончить с этим, скажу, чего бы мне хотелось в делах нашей переписки, изданий, публичных выступлений и др. Един-ственное, что руководит мною и ограничивает желания, это Ваше преподавание, чрезмерная занятость и нехватка времени, чтобы жить, а не ломать голову по поводу моих сложностей и затрудне-ний. В этих условиях заботы о моих делах и, может быть, обо мне самом могут стать проклятьем и источником бед для Вас. В таком случае все планы отменяются и я умолкаю.

Иначе я бы пожалел, что еще не вышел предполагавшийся сборник стихотворений по-русски, где, кроме старых, должны были появиться новые неизданные стихи. Он открыл бы перевод-чикам доступ к моему стихотворному творчеству в целом, без чего они не подозревают о существовании основной его части и огра-ничиваются только старыми идиотскими книжками; без необхо-димого дополнения это даже не поэзия во всей полноте. Но речь идет о Вашей безумной занятости, которая связывает меня во всех замыслах и проектах.

Что до предосторожностей в отношении меня самого, я ска-жу Вам вот что. То, что со мной случилось и что без моего ведома, на недоступном расстоянии чудесным образом управляет моим существованием – так широко и безмерно выше меня, что любой шаг, любой поступок, даже безотчетный, которые сделаете Вы или совершу я, теряется и растворяется бесследно. Когда в моем по-ложении я получаю столько писем из-за границы, со всех концов земли (однажды, например, их было пятьдесят четыре, 54 за один раз), – писать мне обычной почтой или не писать, не составляет никакой разницы. Пусть мне пишут. Я думаю, что при этих усло-виях делать все лучше, чем не делать ничего⁷.

Надеюсь, что Вы получили мою открытку, касающуюся 10 де-кабря в Сток<гольме>⁸. Не подумав о Вашей нечеловеческой за-нятости и нехватке времени, я предлагал Вам воспользоваться Вашей прежней доверенностью, написанной до грозных событий, до скандала. Я представлял себе, как Вы, может быть, отправи-тесь в Ст<окгольм> и не по моему поручению, а в соответствии с Вашими собственными правами, примете вместо меня свободное участие в церемонии выдачи премии и по-своему скажете ответную речь, обращенную к королю. Но возможность этого, насколько я понимаю, прошла. Тем не менее я прилагаю для Вас письмо баро-нессы Гольштинской. Она, вероятно, посвящена в Нобелевские дела. Судя по ее словам, мой отказ не упразднил сумму, от кото-рой я отказался, ею еще можно распорядиться по нашему усмот-рению. Может быть, воспользоваться ее советом, как Вы думаете? Не возьмете ли Вы это на себя и не сделаете ли от своего имени этот дар Красному кресту?⁹ Я со своей стороны пальцем не при-коснусь к Нобелевской теме и буду вести себя так, как будто меня не существует. Но, конечно, мы опоздаем со всеми своими реше-ниями, все произойдет само собой, без нас.

С волнением и нежностью обнимаю Вас, Вы мой истинный ангел. В следующий раз, ближе к концу года, когда я буду свобод-нее, я опишу Вам:

1) Все разнообразие писем и жалоб, которые я получаю со всего мира, целую статистику нравов.

2) Темные дни и еще более темные вечера времен античности или Ветхого Завета, возбужденная чернь, пьяные крики, ругатель-ства и проклятья на дорогах и возле кабака, которые доносились до меня во время вечерних прогулок, я не отвечал на эти крики и не шел в их сторону, но и не сворачивал назад, продолжая прогул-ку. Но меня все здесь знают, мне нечего бояться.

Я отправляю это письмо, не перечитывая, со всеми ошибка-ми против правил, разума, против логики и грамматики.

Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956–1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 «Как я за Вас беспокоюсь, как я волнуюсь за Вас, милый друг, ми-лый Борис Леонидович, – писала Ж. де Пруайяр. – Я думаю только о Вас – по вечерам, когда засыпаю, ночью, если просыпаюсь, утром, когда голова у меня не заполнена преподаванием и семьей. Но в сердце – Ваше страдание и постоянная сосущая тоска...» (там же. С. 151).

2 Благодаря настойчивости польских писателей, не согласившихся ни на какого другого переводчика, Пастернак получил договор на перевод Ю. Словацкого (см. коммент. 5 к письму JSfe 1518).

3 Исключение Пастернака из Союза писателей, состоявшееся 27 окт. 1958 г., лишало его издательских заказов и, следовательно, заработков. См. письмо № 1561.

4 В «Figaro Litteraire» 1 нояб. 1958 была опубликована статья Э. Пель-тье «Rencontre avec l'auteur du "Docteur Jivago"», посвящ. ее встрече с Па-стернаком в сент. 1956 г.

5 В журн. «Commerce*» в 1925 г. были напечатаны два стих. Пастерна-ка в переводе Е. Извольской. Осенью 1958 г. в Риме проходила ретроспек-тивная выставка журнала, для которой Э. Пельтье просила у Пастернака фотографию 1920-х гг.; она

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori вместе с автографом стихотворения (вероятно, «Отпльгии», 1922) была представлена на выставке.

6 Имеется в виду интервью Пастернака, опубликованное в газете «Express» под назв. «Я почти атеист». «Даже если Вы так сказали, – писа-ла ему Ж. де Пруайяр, – они ничего не поняли в Ваших мыслях и сердце» («Новый мир», 1922, № 1. С. 153).

7 На аналогичный вопрос сестры Лидии, не вредят ли ему их письма и публикации, Пастернак писал: «Не преувеличивай значения того, что ты делаешь или не делаешь: пишешь ли мне или не пишешь; принимаешь ли участие в общем протесте или, боясь мне повредить, стараешься удерживать его и контролировать. Поверь, что любой твой поступок по отношению ко мне потонет и исчезнет в сотне других проявлений, такого же или противоположного смысла, которых нельзя предвидеть. Думаю, что в моем случае делать все, что можно – лучше, чем ничего не делать. Например, конечно, все письма, которые я получаю, тщательно проверяются. Но если число заграничных писем достигает двадцати штук в день (был день, когда пришло сразу пятьдесят четыре иностранных письма), твое, свободно и искренне написанное, не намного увеличит или уменьшит эту кучу. Так что я хочу избавить тебя от благородных, но лишних предосторожностей» (11 дек. 1958. – англ.). Письма к родителям и сестрам. Кн. И. С. 305.

8 День 10 декабря – день рождения Альфреда Нобеля, ставший днем торжественных вручений в Стокгольме премий его имени. Эта открытка Пастернака, касающаяся 10 декабря, была перехвачена КГБ, председатель которого А. Н. Шелепин писал в докладной записке в ЦК 18 февр. 1959: «...Какустановлено в ходе контроля за корреспонденцией Пастернака, он... уполномочивал получить ее (Нобелевскую премию. – Е. П., М. Р.) свою знакомую графиню де Пруайяр, проживающую во Франции» (Пастернак и власть. С. 185).

9 В конверт было вложено письмо от Алисы Шталь фон Гольштейн 18 нояб. 1958 из Стокгольма, в котором предлагается достойное и удачное, по ее мнению, решение – получить Нобелевскую премию в пользу Советского Красного Креста, что устранит непонимание и обвинения. Требуется, чтобы Пастернак написал соответствующее заявление и воспользовался ее посредничеством.

1557. Л. А. ВОСКРЕСЕНСКОЙ

12 декабря 1958, Переделкино

12 дек. 1958

Дорогая Лидия Александровна, как меня огорчают Ваши но-вести, как это Вас угораздило, бедную! Только бы не разыгралось Ваше воспаление! Тетрадка, о которой Вы мне напомнили, имеет-ся у Романовой¹, я ей позвоню, чтобы она Вам ее доставила, как она сама не догадалась? Держать ее в постели Вам будет легче, чем переплетенную книгу.

Но ведь Вы томитесь в больнице, испытываете боли, до того ли Вам? Я совершенно не принадлежу себе. Бури и анафематствования местного происхождения ничто по сравнению с тем, что ко мне приходит и тянется со всего мира. Я утопаю в грудах писем из-за границы. Говорил ли я Вам, что однажды наша Переделкин-ская сельская почтальонша принесла их мне целую сумку, пятьде-сят четыре штуки сразу. И каждый день по двадцати. В какой-то большой доле это все же упоенье и радость, – душевное единение века.

Выздоровливайте поскорее. Я сам леживал в больницах и знаю, как иногда деревянно звучат эти слова. Но что же сказать другого?

Как Вам легче читать? По-английски, по-немецки? Когда выздоровеете, я дам Вам Д<октора> Ж<иваго> в одном из пере-водов. В оригинале у меня его нет, и не достать. Крепко целую Вас.

Ваш Б. И

Впервые: «Литературное обозрение», 1988, № 5. – Автограф (собр. А. А. Воскресенского).

Л. А. Воскресенская работала в фундаментальной библиотеке обще-ственных наук АН СССР.

¹ Елена Дмитриевна Романова – историк и библиограф, приятель-ница Л. А. Воскресенской по фундаментальной библиотеке; речь идет о машин, тетрадке со стихами из романа.

1558. В. Д. ПРИШВИНОЙ

12 декабря 1958, Переделкино

12 дек. 1958

Дорогая Валерия Дмитриевна, временами я называю Вас, но звонок наверное раздастся в пустой квартире. Однако Вы ни-чего не потеряли. Порывался также забежать к Вам по одному очень важному делу: мне хочется крепко обнять и расцеловать Вас¹. Если позволите, я все же это сделаю без Вашего спроса. Горячо благодарю Вас за все.

Кроме того, несколько просьб. Передайте, пожалуйста, до-рогому Николаю

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori Сергеевичу² нежнейшую благодарность за книгу, за привет, за память. Знает ли он, что один из издателей Д<ок-то>ра Ж<иваго> в оригинале гр<аф> Владимир Толстой, один из внуков Л. Н. Какой это? Не сын ли Ильи Львовича? Но, видимо, нет – по фотографии он моложе такой возможности³.

Выражаю самую горячую признательность Николаю Павло-вичу, тепло, интересно и с привычной силой написавшему мне на прошлой неделе⁴.

Наконец, если Вы в переписке с Паустовским, перешлите, пожалуйста, и К<онстантину> Г<еоргиевичу> мое проникновен-нейшее спасибо за все, что невидимо и бесплотно доходит от него до меня. Он должен знать, как чту я его в качестве его читателя, и как много он для меня составляет.

Не сердитесь на такое множество поручений. Минувшие бури и анафематствования (нет ручательства, что они не повторятся) откинули меня далеко в сторону от свободного пользования сво-им временем. Я оценил тогда Ваше приглашение. Еще больше Вашего гостеприимства страшно тронула меня Ваша тонкая до-гадка, что на положении проклинаемого мне следовало бы вре-менно покинуть поселок проклинающих. Но надо было пройти через это испытание до конца.

Я очень люблю Вас. Ваш Б. И

Впервые: Борис Пастернак. Доктор Живаго. Избранные письма. – Автограф (Музей М. М. Пришвина в Дунине).

1 Лишенный гонораров, Пастернак вынужден был занимать деньги у друзей. В архиве Пришвиной сохранилась расписка: «27 дек. 1958. Вале-рия Дмитриевна Пришвина любезно одолжила мне три тысячи (3000) руб. Прошу моих близких, в том случае, если по каким-либо причинам я не смогу этого сделать сам, вернуть ей занятые мною деньги до конца 1959 года. Б. Пастернак*». Он смог возратить долг только 9 апр. 1960 г. за полтора месяца до своей кончины, о чем свидетельствует отметка Пришвиной на расписке.

2 Н. С. Родионов.

3 Живущий в Брюсселе Владимир Толстой – дальний родственник Л. Толстого через семейство Толстых-Милославских, принимал участие в русском издании «Доктора Живаго» в Гааге летом 1958 г.

4 Николай Павлович Смирнов, который в дни травли, после присуж-дения Нобелевской премии, написал Пастернаку письмо с поддержкой и ободрением. Он возлагал вину на «группу писателей» и писал о чувстве «острой горечи», которую переживает в это время. В письмах Пастернака в «Правду» он услышал «уверенность в своей правоте».

5 Константин Георгиевич Паустовский приглашал в это время Па-стернака к себе в Тарусу, чтобы избавить его от соседства в Переделки-не с К. А. Фединым и другими участниками Нобелевской травли. Ана-логичное приглашение в Дунино под Звенигородом он получил также от Валерии Дмитриевны Пришвиной, но не воспользовался ни тем, ни другим.

1559. Ж. ДЕВИВЕРУ

24 декабря 1958

Дорогой господин Девивер,

сегодня Рождественский сочельник. Уже поздно посылать поздравления и пожелания Вам к Новому году. Наша почта так медлительна. Даже то, о чем я скажу и что еще только ожидается, уже пройдет к тому времени, когда Вы будете читать эти строки. Я получил Ваше письмо. Оно меня растрогало. Я самым ис-кренним образом благодарю Вас за него¹. С гордостью и удоволь-ствием принимаю предложенную Вами дружбу. Не позволяйте себе никогда терять надежду от того, что Вы называете всеобщей обезличенностью², и вынужденного одино-чества и т. д. и т. д. Бывали ли времена, когда бы жизнь протека-ла – не скажу: без борьбы (это слово в наши дни слишком драма-тизировано и употребляется в ложном смысле), но: были ли ког-да-нибудь времена, лишённые сопротивления сил и элементов, составляющих существование как таковое. Напротив, наше тепе-решнее проклятие состоит в нелепой вере в социальное смазоч-ное масло, чтобы устранять из жизни всякое трение и устанавли-вать благополучие, одинаково обязательное для всех. В таком слу-чае (я говорю о своем опыте) лучше остаться со своими собствен-ными несчастьями (если Вам сохраняют это право).

И вот что я упомянул в начале письма и что имел в виду назвать позже. В первые дни января состоятся заседания Европей-ского общества культуры в Льеже. Там, между прочим, будет гово-рить и обо мне, о моем деле (по случаю присуждения Н<обелев-ской> пр<емии>). Если Вы прочтете что-нибудь об этом и не най-дете там слишком оскорбительных и неприятных вещей, которые задевали бы меня со стороны, никак не связанной со здешней бли-зорукой узостью, пошлите мне две или три самые существенные вырезки³.

Благодарю Вас, что написали свое письмо на машинке⁴, – это сильно облегчает чтение.

Чтобы увеличить вероятность того, что мое письмо дойдет, я его не подписываю.

Не смейтесь над моим невыносимым французским языком⁵.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris
Впервые: Диалог писателей. – Автограф по-фр. (собр. адресата). Печатается по фотокопии, присланной адресатом в 1960-х гг. Л. Л. Слейтер в Оксфорд. Сохранились 14 писем Жана Девивера Пастернаку. Он жил тогда в Брюсселе, ему было 35 лет, он был беден и тяжело работал, как сообщал в письме 10 дек. 1958. Свою работу в туристическом бюро он описывал как утомительную и однообразную. Это – человек, страстно влюбленный в литературу и хорошо знакомый с русской по французским переводам. Его жена – журналистка, у них десятилетний сын. Отрывки из четырех писем Пастернака опубликованы в журн. «Forum» (N 6. Sept. Lausanne, 1970) под заглавием: «L'ultime message de Boris Pasternak*» («Последнее послание Бо-риса Пастернака»).

1 Письмо было послано 10 дек. 1958, через месяц после политическо-го скандала, поднятого вокруг Пастернака. В нем Девивер хотел выразить участие и радостное чувство встречи с человеком, чьи мысли оказались близкими его собственным после чтения «Автобиографического очерка» и «Доктора Живаго».

2 Девивер писал, что в «Докторе Живаго» он увидел глубокий конф-ликт мыслящей личности с окружающим миром и понимание того, что жизнь, главным образом, в больших европейских городах все более и бо-лее обезличивается.

3 В письме 15 янв. 1959 Девивер сообщал, что сведения Пастернака о предстоящей сессии Европейского общества культуры, по-видимому, оши-бочны, в Льеже не было и не предполагалось ничего подобного. Во главе Европейского общества культуры стоял итальянский писатель Умберто Кампаньола, который переписывался с Пастернаком и летом 1959 г. наве-стил его в Переделкине.

4 Девивер просил прощения за то, что намеренно печатает письма на машинке, чтобы облегчить Пастернаку чтение по-французски.

5 В письме 4 янв. 1959 Девивер писал, что не только не смеется над «невыносимым французским» языком Пастернака, но восхищается, что «такой русский писатель» так знает этот язык (Диалог писателей. С. 551).

1560. М. РОДЖЕРС

8 января 1959, Переделкино

8 января 1959.

Дорогая госпожа Роджерс, сердечное спасибо Вам за Вашу надпись и книгу, которая только что пришла¹. Стыдно признать-ся, но имя Альберта Швейцера только в этом, прошедшем году стало привычным для моего слуха. Причиной тому ограниченность и оторванность нашей замкнутой жизни. Мне бы не хотелось, что-бы в моих словах звучала жалоба, но я сам оказался добычей и жертвой этого печального порядка и заблуждений.

Но с тех пор, как я услышал о нем впервые прошлой весной, упоминания, параллели и сравнения с Альб. Швейцером все чаще и чаще стали попадаться мне на глаза, и я понял: непредвиденная случайность должна однажды столкнуть нас. Этим первым случа-ем оказалась Ваша посылка.

Достаточно было минуты, чтобы пробежать Биографическую хронику, так богато насыщенную теоретическими рассуждения-ми. Меня поразили некоторые замечания или положения, такие, как «Благоговение перед жизнью» и «Мессианизм и тайны стра-дания Христа» и другие.

Основным духом моих опытов или стремлений (никакой фи-лософии у меня нет) стало понимание искусства или творческого воплощения и вдохновения как жертвы сосредоточенного само-отвержения, в далеком и скромном подобии Тайной вечери и Ев-харистии², – то, что образная сторона нашей культуры, герои и лица европейской истории в определенном смысле представляют собой некоторое подражание Иисусу Христу или тесно с ним свя-заны и что Евангелие – основа того, что называется царством сло-весности и реализмом.

Этого слишком мало, чтобы заменить великое подлинное твор-чество или нравственность, это слишком скудно, чтобы равнять-ся высоте и героической человеческой деятельности Швейцера.

Простите мой невозможный английский и краткость моего письма. Я оставляю его неподписанным, как лучшее пожелание того, чтобы оно вернее до Вас дошло.

Впервые. – Автограф по-англ. (собр. адресата). Печатается по ксе-рокопии.

Мириам Роджерс – американская писательница, знакомая Курта и Элен Вольфов.

Известны 5 писем Пастернака к ней 1959–1960 гг.

1 Albert Schweitzer. A selection of writings of and about («Избранные со-чинения его и о нем»). N. Y., 1958, с дарственной надписью: «For Boris Pasternak with admiration and all best wishes from Miriam Rogers, Brooklin Mass. Dec. 12, 1958» («Борису Пастернаку с восхищением и лучшими пожелани-ями от Мириам Роджерс, Бруклин, штат Массачусетс, 12 дек. 1958»).

2 Аналогичным сопоставлением Пастернак характеризует в «Охранной грамоте» поэзию раннего Маяковского, в которой он увидел знание того, что творчество нуждается «в такой страсти, которая внутренне подобна Стра-стям и новизна которой внутренне подобна новому Обетованию».

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
1561. Г. Б. ХЕСИНУ

11 января 1959, Переделкино

11 января 1959 г.

Глубокоуважаемый Григорий Борисович! Прошу Вас через посредство Отдела по охране авторских прав выяснить, отчего задерживаются и не производятся два платежа.

1) По тбилисскому издательству «Заря Востока» за выпущенную ими весной книгу «Стихи о Грузии и грузинские поэты», а также за участие в отдельных переводных изданиях Чиковани, Леонидзе и др., в общей сложности задолженность более 21-й тысячи (без удержания налога), как явствует из октябрьского письма Г. В. Бебутова, главного редактора издательства, которое прилагаю в виде справки. Часть этих денег, в размере пяти тысяч я просил перевести по почте О. В. Ивинской, остальное – мне на мою сберкнижку.

2) По Гослитиздату, согласно договору № 10876 от 17/Х-58 г. Означенная в договоре работа (стихотворный перевод драмы Сло-вацкого) выполнена и сдана около полутора месяцев тому назад¹.

Вместе с тем остается в силе моя третья просьба, обращенная к Вам в устной форме, выяснить будут ли действительно давать мне работы и их оплачивать в виде нужного мне заработка, как о том все время делаются официальные заявления, пока не соответствующие истине, потому что в противном случае мне придется искать иного способа поддерживать существование, один из которых (путем обмена доверенностями с Хемингуэем, Лакснесом, Ремарком, Мориаксом и другими) я Вам назвал². Уважающий Вас Б. Пастернак

Впервые: Пастернак и власть. – Заверенная машин, копия (РГАЛИ, ф. 1899, оп. 1, ед. хр. 728). Приложено сопроводительное письмо Г. Б. Хесина А. А. Суркову 21 янв. 1959. Судя по черновым наброскам О. Ивинской, сохранившимся в ее бумагах, инициатива этого и следующего письма № 1562 Поликарпову исходила от нее.

¹ Деньги за эти работы были выплачены только осенью 1959 г.

² Имеется в виду способ, которым Пастернак мог бы законно получать русские деньги за издаваемые в СССР книги названных писателей, а они компенсировали бы их за счет гонораров от изданий «Доктора Живаго».

1562. Д. А. ПОЛИКАРПОВУ

16 января 1959, Переделкино

Дорогой Дмитрий Алексеевич, помнится, я расписывал, что я не подвергался никаким нажимам и притеснениям, что от роскошной поездки (без оставления заложников) любезно предоставленной мне, я отказался добровольно¹, – я бессовестно врал под Вашу диктовку не затем, чтобы мне потом показали кукиш. Я понимаю, я взрослый, что я ничего не могу требовать, что у меня нет прав, что против движения бровей верховной власти я козявка, которую раздавить, и никто не пикнет, но ведь это случится не так просто, перед этим где-нибудь об <этом> пожалеют. Я опять-таки понимаю, что если я на свободе, и меня не выгнали с дачи, это безмерно много, но зачем в придачу к этим сведениям, соответствующим истине, два ведомства, министерство культуры и министерство иностранных дел дают заверения, что я получаю и впредь буду получать заказы и платные работы, что со мной будут заключать договора и по ним расплачиваться, между тем, как по этой части установилась царственная неясность, дожидаясь выяснения от тех же верховных бровей, чего никогда не будет².

Вы мне напомнили, что дело примирения с Союзом Вы выдделили и, как условие существования, возложили на меня. О, за-чем же я должен это помнить, зачем должен я быть воплощением благородства и верности честному слову среди сплошной двойственности и притворства? Я тоже забыл это. И мне казалось и продолжает казаться, что для восстановления меня в Союзе, дос-таточно последних слов во втором моем письме³. Я вообще, по глупости, ожидал знаков широты и великодушия в ответ на эти письма. Действительно страшный и жестокий Сталин считал не ниже своего достоинства исполнять мои просьбы о заключенных и по своему почину вызывать меня по этому поводу к телефону. Государь и великие князья выражали письмами благодарность моему отцу по разным негосударственным поводам. Но, разуме-ется, куда же им всем против нынешней возвышенности и блеска.

Повторяю, писать могу только Вам, потому что полон уваже-ния только к Вам и выше оно не распространяется. Раздражение мое обращено не к Вам, а мимо, в сторону. Но может быть в Ва-ших личных силах – действительно, с результатами уладить до конца все эти настроения и загадки с издательствами! Если нет, то горе мне. Никому, выше Вас, я писать не буду, ничего другого пред-принимать не стану⁴. С лучшими благодарными воспоминаниями о Вас

Б. Пастернак

16 янв. 1959 г. Переделкино

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, без шифра).

¹ См. письмо JSfe 1552.

² В письме 3 янв. 1959 Мак Ifreropy Пастернак писал: «Я напрасно ожидал

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori проявления великодушия и снисхождения в ответ на два моих опубликованных письма. Великодушие и терпимость не в природе моих адресатов, оскорбление и унижение будут продолжаться. Петля неясности, которая все больше и больше затягивается вокруг моей шеи, имеет целью силой поставить меня в материальном отношении на колени, но этого никогда не будет. Я переступил порог нового года с самоубийственным настроением и гневом» (Пастернак и власть. С. 185–186). Письмо не было получено адресатом, председатель КГБ А. Шелепин цитирует его в своей докладной записке в ЦК.

3 Этот вопрос возник вскоре после исключения Пастернака из Союза писателей, в ноябре 1958 г.; Пастернак рассказывал Герду Руге, что «Союз писателей хочет восстановить его членство при условии, что он покается. Но он на это никогда не пойдет, считая, что Союз писателей должен извиниться перед ним. Он решительно отказывался высказываться против западных интерпретаций "Живаго". "Нет, я этого не сделаю. Я не хочу подлизываться к своему правительству"» («Знамя», 2005, №3. С. 154).

3 Имеется в виду фраза из письма в «Правду»: «Я верю, что найду в себе силы восстановить свое доброе имя и подорванное доверие товарищей» («Правда», 6 нояб. 1958).

4 Имеется в виду отказ писать Н. С. Хрущеву, к чему Пастернака подталкивал Поликарпов. Однако под продолжающимся давлением такое письмо было составлено, но осталось не отосланным (письмо №1565).

1563. В. ФИЛИППУ

21 января 1959, Переделкино

21 янв. 1959 Дорогой Вальтер,

Можешь себе представить, как я обрадовался твоему письму и как глазам своим не поверил, читая его. Ты молодец, что написал мне так коротко, ограничусь и я очень немногим. Ужасно затруднена моя переписка обилием писем, на часть которых, особенно дорогих, я так охотно отвечаю, и необъятностью тем, которыми-то ведь я только и живу и которые так трудно охватить. Крепко целую тебя и желаю счастья тебе и твоим близким. Наверное трудно мне будет, потому что после открывшихся возможностей, таких задушевно-широких и настолько настоящих и моих, едва ли я добровольно скорчусь и соглашусь заползти в предписанный мне кружок, которым меня обведут. Обнимаю тебя.

Впервые. – Местонахождение автографа неизвестно; печатается по фотокопии.

Вальтер Филипп был учеником Пастернака в 1910-х гг., когда он был у них в доме гувернером. После смерти отца, в 1918 г. они с матерью переехали в Германию; впоследствии стал инженером-электриком, издавал научно-технический журнал.

1564. Ж. Л. ПАСТЕРНАК

22 января 1959, Переделкино

22 января 1959. (Жоне). Дорогая моя и любимая, я написал русское письмо Л<иде>.

Не знаю, получит ли она его. Она богато одаренный человек, ее книга совершенно замечательна¹. Но не сердитесь на меня ни ты, ни она. Я объяснил Л<иде> истинное существо «переписки» со мной, о которой пишет переводчик в «New Statesman*». Я его вежливо отговаривал от его намерений под тем предлогом, что недоволен своими вещами с литературной точки зрения, и он, не упоминая об этом, скромно назвал это «перепиской»². Но в тот же самый день, как ты ласково упрекала меня и предупреждала против доверчивости, ваш сосед, некто Камен вслед за Кайденом послал мне из Оксфорда пакет с новыми опытами³. Что же, по-твоему, я могу с ним сделать, кроме того, чтобы самым вежливым образом ответить ему? Я подумал, что если я даже убью их, их тени будут все равно продолжать свои упражнения. Я не знаю от них противоядия. Подобно Кайдено, который сначала прислал мне целую кипу переводов из Пушкина (кое-что неплохо) и еще большую кипу восхищенных отзывов своих читателей, этот Камен (который, как мне кажется, еще хуже Кайдена) также апеллирует к многочисленным хвалебным рекомендациям, между прочим, Берлина, М. Харари и пр. Вот набросок того, как я собираюсь ему ответить. Я могу принять свое написанное все в целом, темное и сложное, – всю прозу и всю поэзию, их судьбу и успех, неотделимые от окружающей жизни и собственного существования, от литературы, влияний и т. д. Но ничего из отдельно взятого, за редкими исключениями, я принять не могу, ни своих повестей, ни стихов. Меня просто убивает ощущение их слабости и пустоты, возрастающих и невыносимых, когда я читаю их в переводе. Но это вина автора, а не кого-либо из переводчиков. Совсем иное, почти противоположное впечатление производят на меня лишь переводы большой ритмической силы и динамичности, мастерски зарифмованные и точные. Они спасают стихотворение от моего осуждения и избавляют меня от неудовлетворенности. Я вижу написанное насвеже, как впервые после его создания. Но эти случаи неизмеримо редки! – Если бы меня не огорчал папин рисунок в Лидиной книжке⁴, я бы попросил разослать ее в разные адреса в Италии, Германии и повсюду. Но, видишь, я удерживаюсь от этого. Бесчисленные

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris
поздравления вам всем, слезы, сочувствие, похвалы, взрывы смеха и нежности. Я
начал писать после долгого перерыва. Коллинз написал мне про Автобиографию. Не
соглашайтесь, чтобы ее иллюстрировали.
Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф по-англ. (Pasternak Trust,
Oxford).

1К Новому году Лидия послала Пастернаку книгу избранных стихотворений в своем
переводе: Boris Pasternak. Poems. Translated by Lydia Slater. London, 1958.
«Русское письмо», написанное в ответ на посылку, не было получено.

2 В недошедшем письме Пастернак рассказывал о переписке с Ю. Кайденом, на
которую тот ссылался, публикуя переводы из Пастернака в газете «New Statesman»
27 дек. 1958.

3 Английский переводчик Г. Камен вскоре издал книгу стихотворений Пастернака
«In the Interlude. Poems 1945–1960». Oxford, 1962. Пре-дисловие С.–М. Баура,
примеч. Г. Каткова.

4 В книге переводов Л. Слейтер помещен рисунок Л. О. Пастернака с сына 1923 г.
1565. Н. С. ХРУЩЕВУ

26 января 1959, Переделкино

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Простите, что в дни, когда вы должны быть поглощены работами вдохновляемого
вами Съезда¹, имеющего такое безмерное значение для будущего всего мира, я
занимаю вас своими скромными нуждами.

Я не предполагал, что мне снова придется беспокоить вас. В моем письме к вам,
помещенном в печати, я обращался к вашей широте и милосердию, и вашему
великодушию приписываю, что остались целы я сам и мой дом.

Но нападки на меня продолжают и приобрели мелкий и мстительный характер. Я не
знаю, насколько они вообще справедливы. Суд вынесен о книге, которой никто не
знает. Ее содержание искажено односторонними выдержками². Искажена ее судьба.
Появлению ее на Западе предшествовали полугодовые договорные отношения с
Гослитиздатом на ее цензурованное издание. Но мне не хочется препираться по
этому поводу. Раз это не разобрано, значит, такой разбор нежелателен. Кроме
того, такие пререкания повели бы к новым искажениям.

В дни потрясений, когда я обращался к вам за защитой, я понимал, что должен
чем-то поглотиться, что в возмездие за совершившееся я должен понести какой-то
ощутимый, заслуженный ущерб. Я мысленно расстался со своей самостоятельной
деятельностью, я примирился с сознанием, что ничего из написанного мною самим
никогда больше не будет переиздано и останется неизвестным молодежи. Это для
писателя большая жертва. Я пошел на нее.

Но благодаря знанию языков я не только писатель, но еще и переводчик. Я не
думал, что эта полуремесленная деятельность, ничего общего не имеющая с кругом
личных воззрений и служащая мне средством заработка, будет мне закрыта. Надо
попросту желать мне зла, чтобы лишать меня и этой безобидной, безвредной
работы.

Не хочу утомлять вас ни перечнем сделанного мною в этой области (я перевел семь
трагедий Шекспира, Фауста Гете и много, много другого), ни перечислением тех
крайностей, до которых доходят в редакциях и издательствах, нарушая договоры,
рассыпая готовые наборы и заменяя мои труды другими работами³, чтобы изгладить
всякий след моего существования даже в далеком прошлом. Достаточно одного Вашего
недвусмысленного распоряжения, если вы пожелаете его сделать, чтобы Ваши
исполнили сами восстановили все подробности, не отягощая ими Вашего внимания,
и чтобы все изменилось. По последствиям я догадаюсь о Вашем решении, они мне
будут ответом.

Если же они не последуют, даю вам честное слово, я без чувства личной горечи и
обиды приму судьбу и расстанусь с лишними надеждами, как с ненужным
заблуждением.

Б. Пастернак

26 января 1959 года. Москва. Переделкино

Впервые: «Литературная газета», 5 сент. 1990. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, без
шифра). Письмо не было послано и осталось в бумагах Ивинской. Там же более
пространственный вариант этого письма, сделанный ее рукой.

1XXI съезд партии проходил с 27 января по 5 февраля 1959 г., Хрущев провозгласил
на нем близкое наступление коммунизма.

2 Все писавшие и выступавшие о «Докторе Живаго» говорили, что его не читали.
Цитаты, приведенные в «Письме "Нового мира"» были подобраны с точки зрения их
«неприемлемости» для советского писателя, без соотнесенности с контекстом и с
тем, кому из персонажей они принадлежат.

3 Договоры, заключенные с Пастернаком на переводные работы, были расторгнуты,
набор сб. стихотворений рассыпан, переводы, которые по договору должны были
войти в собр. соч. Шекспира, срочно заменялись другими; из 7 трагедий,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori переведенных Пастернаком, вошли только 2: «Отелло» и «Король Лир», включенные в т. 6, изданный после смерти Пастернака, в 1960 г. То же произошло с изданием Ганса Сакса, грузинскими переводами и т. д.

1566. К. А. ПРУТСКОЙ

29 января 1959у Переделкино

29 янв. 1959 г.

Дорогая Клавдия Андреевна!

Ну как мне ответить на Ваше письмо, над которым я плачу и которое меня так взволновало?1 Благодарю Вас, горячо благодарю за то, что Вы сказали в нем. Не думайте, что я не нуждался в Вашей ласке и поддержке.

А о Вашей уверенности в том, что Вы уходите из жизни, – что сказать Вам об этом? Кто не уходит из нас? Что мы об этом знаем? Я часто бывал близок к этому. Не надо бояться. И каждый час жизни есть жизнь. И с самого начала, задолго до конца, церковь ежедневно молится: христианские кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны и мирны...2 Да будет так. Целую Вас.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф.

1 Письмо К. А. Прутской Пастернаку было написано в тот же день, 29 янв. 1959, и передано ему в руки: «Поэту Борису Пастернаку. Я низко (до земли) Вам кланяюсь за счастье и радость, которую Вы дали мне свои-ми стихами с тех пор, как я их узнала. Я ухожу из жизни, но я ухожу с ними, и я давала их многим, которые их будут знать и не забудут. К. Прутская» (Материалы ГМГЛ. С. 79). Публикатор материалов фонда Пастернака в ГМГЛ И. Чернявская, цитируя письмо К. А. Прутской, добавляет: «В архиве немало писем от людей смертельно больных или идущих на тя-желые операции. С последними словами они обращаются к Б. П.» (там же. С. 78). Аналогичное письмо написал Пастернаку рабочий с завода «Ша-рикоподшипник» С. Максимов, о знакомстве с которым Пастернак рас-сказывал весной 1936 г. А. К. Тарасенкову (Воспоминания. С. 167). Напо-минанием об этих обстоятельствах 20-летней давности С. Максимов на-чинает свое письмо 23 апр. 1955: «Ваше творчество и Ваша личность оста-вили настолько сильное, поистине неизгладимое впечатление, что я не могу не обратиться к Вам в мой последний предсмертный час... Люди в после-дние минуты своей жизни всегда обращаются к кому-то большому и свя-щенному для них: кто к Богу, кто к герою... Я же обращаюсь к своему лю-бимому поэту» (Материалы ГМГЛ. С. 78). Об этом же писал Пастернаку В. Т. Шаламов 20 дек. 1953, узнав о его прощании с умирающим М. М. Пришвиным: «Ваше посещение больного Пришвина – чудесно. И так и должно быть. Он хотел Вас видеть, он звал Вас, далекого в быту, казалось бы, от него человека. Апостольское, святительское есть в жизни каждого большого поэта, и это ведь чувствуют люди, общающиеся с Вами, читающие Ваши стихи...» (там же. С. 65).

2 Слова из малой ектиньи просительной, читаемой на литургии: «Хри-стианские кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны и доброго ответа на страшнем судищи Христове просим».

1567. Ж. де ПРУАЙЯР

30-31 января – 3 февраля 1959, Переделкино

30 января 1959

Дорогая Жаклин, вчера я прочел, только что получив, три Ваши письма, – у меня разрывалось сердце, когда, пробегая их, я видел перед глазами Вас, моего дорогого и большого друга, – как Вы, измотанная причудами учебного расписания и семейными заботами, во вдохновенной спешке, – главным образом из-за меня, – набрасываете на бумагу свои милые каракули между ос-тановками ночных поездов, в которых со всей скоростью и в том же горячечном бреду несетесь от одного пункта своего тяжкого жребия до другого1. Я погибаю от сострадания к Вам, подкошен-ный такой же тяжелой ношей.

Это не ответ на те излияния доброты, таланта и других ду-шевных сокровищ, из которых состоят Ваши письма. Я оставляю в стороне даже деловые вопросы. Все серьезные разговоры я от-ложу до другого письма. Я напишу Вам на этой неделе. Сегодня я ограничусь случайным и незначительным только для того, чтобы поговорить с Вами, порадоваться сходству наших взглядов и по-стоянному взаимопониманию, чтобы отвлечься от такого же пе-реутомления.

Я никогда не писал Христос с маленькой буквы. Это ошибка одной из перепечаток, или скорее, «исправление» моей орфогра-фии, которую современная машинистка сочла неправильной. Хо-рошо, что хоть рукописи, которыми Вы располагаете, просмотре-ны и исправлены мною. Сделать это в других экземплярах (не го-воря уже о снятых с них копиях), у меня не было времени. Несом-ненно, что Ваш текст Автобиографии с новым заключением – единственно верный. Но не нужно подымать истории из-за этих расхождений2. Никто в них не виноват. Можно потерять голову, если все это помнить и за всем следить.

Получая от пятнадцати до двадцати писем ежедневно, я доб-рался уже до посланий

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
из Бельгийского Конго! (Вы привыкли к французским колониям, но из Переделкина
это смотрится по-другому.)

Доверяйте себе и своему мнению в вопросах текстологии и вкуса. У Вас в руках не
только наиболее верные материалы, лучше выверенные, чем все остальные, но Вы
сами, Ваше мнение, вкус и интуиция должны брать верх в любом сомнении, любом
споре, даже против меня самого. Вы тут верховный судья.

Как я счастлив был прочесть, что мы одинаково думаем о книжке, вышедшей в
издательстве Seghers³. Но эта книга не единственная. Ничем от этого нельзя
защититься, ни отменить, ни исправить, ни ограничить. Все, что было достигнуто
на пути ко всепобеждающей красоте (и составляет душу романа), все это
расстроено и разрушено кучей необдуманных публикаций плохих и плохо
переведенных стихов, незрелой и слабой прозы, фотографий, кото-рые уродливее
карикатуры, предельной неспособностью отличить красивое от безобразного. Это
касается даже нескольких рисунков моего отца. Они чудо мастерства и сходства,
но зачем делать такие невыгодные для меня разоблачения.

Мы переживаем период неизбежных неудач. Вы с le Seuil и Мишель можете добиться
новой победы и все исправить (как я счастлив, что Вы это придумали)⁴.

31 января, утром. Я перечитываю книгу и письмо. Я несправедлив и неблагодарен.
За исключением двух-трех фотографий, половина остального... переводы Мишеля,
Софи Лафитт, Г. Ару, Ж. Давида и большинство других, разве они не хороши? А
намерения Ива Берже?

Что касается денежных дел, то я еще не могу прийти к окончательному решению. Я
даже не представляю себе общей суммы, которую собрал для меня из разных
источников фельтринелли и которую он где-то хранит. Я не хочу этого знать,
потому что и без того мое положение в обществе мифически нереально, как
положение нераскаявшегося предателя родины, от которого ждут, что он признает
свою вину и продаст свою честь, но я никогда этого не сделаю. Если я
воспользуюсь заграничными деньгами, то стану настоящим предателем. Я не знаю,
какова общая сумма, но она должна быть велика. Если она находится под защитой
(или под именем) фельтринелли, пусть так и останется, пусть он берет от-туда
деньги в соответствии с моими указаниями, если это ему не трудно и он еще
согласен терпеть мою неуверенность и невольную медлительность.

Возможно, что атмосфера вокруг меня изменится. Но я ему бесконечно признателен,
больше, чем он может себе предста-вить, – за благородство его хлопот и услуг, за
трудности и непри-ятности, которые из-за меня у него постоянно возникают. Он
все-гда был в высшем смысле честен по отношению ко мне. Не забы-вайте об этом,
Жаклин, не спорьте с ним и не давите на него, – это чистое и легко устранимое
недоразумение. Напротив, если он устал от меня (а у него есть на это право),
тогда я буду умолять Вас заменить его в этой роли и взять все деньги под свое
наблюдение.

Но прежде всего приступим к разделу этих денег на части. Основная часть придет
сюда. Я посмотрю, как распорядиться этим богатством, когда положение вещей
станет светлее и легче, когда, может быть, произойдут некоторые изменения и, кто
знает (?), станет возможным поехать за границу. Тогда я смогу осмотреться,
понять обстановку, принять решение, проявить благотворитель-ность и ответить на
письма о помощи, которые ко мне приходят со всех сторон. Все это придет, а
сейчас отсюда невозможно ниче-го решить и надо отложить, и, может быть,
кто-нибудь из вас дол-жен будет взять на себя тяжесть этой отсрочки и терпеливо
ждать, пока я откладываю решение на ближайшее будущее.

Пока же я хочу, чтобы были посланы переводы следующим лицам (не сердитесь на
незначительность сумм; это только нача-ло; посмотрим, что нужно сделать, и
потом, доверяя Вам во всем, я поручу Вам поправлять меня и поступать так, как
Вам кажется лучше в этом направлении). К кому мне обратиться с этим
рас-пределением? Думаю, что к фельтринелли. Я с запозданием на-пишу ему длинное
письмо и попрошу об одолжении – выполнить мои поручения, и письмо это пошлю
через Вас, чтобы Вы все зна-ли. <...>⁵

Если немецкие, английские и другие переводчики узнают об этом, пусть не
обижаются. Их очередь придет. Повторяю, – это первая попытка. Надо посмотреть,
насколько это выполнимо. Вероятно, будут еще две предполагаемых выплаты, о
которых я скажу отдельно. Если он меня обяжет в тех размерах, на которые он
расчитывает, я буду должен Герду Руге некоторую сумму, ко-торая уточнится через
несколько дней (около десяти тысяч долла-ров, я думаю). Я дам ему отдельную
бумагу по-немецки, чтобы ему выплатили эти деньги.

Если я узнаю, что от этого не разразится надо мною новая гроза, я попрошу
перевести официально через Государственный банк (?) сто тысяч долларов (100.000)
моей жене Зинаиде Николаевне Пастернак Москва В-17, Лаврушинский пер. д. 17/19
квар-тира 72. Я Вам потом об этом напишу. Может быть лучше, чтобы деньги были
посланы не от имени известного издателя? Я остав-ляю вопрос открытым. Но если

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
дело станет срочным или оконча-тельно выяснится, я Вам дам телеграмму, где в
соответствующем контексте будет слово Зина (например, Зина чувствует себя
хоро-шо). Это имя будет сигналом, чтобы ей перевели деньги.

3 февраля 1959

Никак не могу закончить письмо. Прилагаю письмо к Фель-тринелли. Ознакомьтесь с
ним. Жаклин, Вам надо взять секрета-ря, чтобы справиться с моими литературными
делами. Можете неограниченно расходовать для своих личных и деловых нужд
имеющиеся деньги, – в частности, для оплаты помощника. Не-возможно одновременно
1) быть такою Жаклин, 2) матерью се-мейства, 3) преподавать в Туре, 4) писать в
поездах работу о Тол-стом, 5) вмешиваться во все предложения и неясности,
которые возникают по соседству с Вами или которые я задаю Вам день за днем. И
6), 7), 8), 9) и десять!!

И 11) переводить трактаты по медицине и фармакологии. А12) я забыл и вспомню,
когда письмо уже будет отправлено.

Спасибо за Вашу телеграмму с согласием и заказное письмо из Тура, которое я
получил сегодня и на которое отвечаю теле-граммой. Спасибо за драгоценные
подарки, книги Пеги и Клоде-ля, которые я чуть не вернул обратно, не зная, что
они от Вас.

Несколько моих писем и две или три открытки, достаточно существенные, о
Нобелевской премии и других вопросах, очевид-но, пропали. Но довольно об этом (о
премии, баронессе Голып-тинской и подобных вещах). Не ломайте себе головы над
этим. Ни о Красном Кресте. Не предпринимайте ничего в этом направ-лении!6

И еще договоримся об условном обозначении, которое мо-жет оказаться необходимым.
Сейчас у меня такое чувство, что мне нечего бояться в ближайшее время, возник
даже какой-то проблеск надежды. Но так как время от времени и без всяких причин
во-зобновляются страшные угрозы, я хочу уговориться с Вами вот о чем. Если не
дай Бог, арестуют Ольгу, я телеграфирую Вам, что кто-то заразился скарлатиной,
обозначая этим словом ее арест. В этом случае надо бить во все колокола, как
если бы дело шло обо мне, потому что этот удар в действительности направлен
про-тив меня7.

Вы прекрасно описываете ливень, который омыл Вас от ака-демической пыли. Как
часто совпадают наши впечатления! А Ва-ше определение Дюамеля!

Я снова возвращаюсь к пропаже моих писем этого времени вообще и, в частности,
посланных во Францию. Есть подозритель-ная закономерность в этих пропусках,
связанная с определенным периодом или отдельными странами. Писем из Франции я не
по-лучал в течение трех месяцев.

Подумав, я добавляю к списку необходимых денежных пере-водов. <...>8.

Вы не только блестяще говорите по-русски, но Ваш русский в точности
соответствует Вам самой. Он бежит и течет как песня Вашего сердца, нежного и
скромного. – Я не припоминаю других договоров с Фельтринелли, кроме
единственного, относящегося к Доктору Живаго. Все остальное было предположениями
и по-желаниями, свободой по отношению к другим работам, помимо Доктора, которую
я ему предоставил в своих письмах, во время нашего с Вами невольного молчания
из-за почтовых перерывов или остановок в делах. Но это, как мне кажется, не вело
ни к ка-ким дополнительным условиям9. Я всегда (и по-моему справедли-во)
полностью ему доверял и продолжаю сохранять признательность. И ни в коем случае
я не хотел бы (даже в крайнем случае) затро-нуть его интересы и еще менее
оскорбить его самого. Но я хочу, чтобы за Вами оставались возможности духовной
инициативы.

То, что два агентства, американское и французское передали в фонд помощи молодым
писателям мира для испанского писате-ля Хосе Виллалонга деньги на мое
путешествие и лекции и т. д. – полная новость для меня, ничем не
подтвержденная10. Я слышу об этом в первый раз. Естественно, что из этого ничего
не выйдет.

Я прерываю письмо в страшной спешке и не могу даже с Вами как следует
попрощаться.

Ваш Б.

Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres й mes amies
françaises. 1956-1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр.
адресата).

1 Письмо 19 дек. 1958 ж. де Пруайяр писала в поезде из Тура, где она
преподавала, в Париж.

2 В итальянском издании «Автобиографического очерка» контами-нированы первонач.
и оконч. варианты заключения, против чего Ж. де Пруайяр спорила с Фельтринелли,
который разослал его текст и заключил контракты с 20 изд-вами в разных странах.

3 Ив Берже составил сб. стихов, отрывков из прозы Пастернака и био-графических
материалов в изд-ве Pierre Seghers (1958). Далее в письме Пастернак перечисляет
имена переводчиков, участвующих в сборнике: М. Окутюрье, С. Лафитт, Г. Ару, Ж.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Давида.

4 Предположение написать книгу о Пастернаке в изд. Seuil было выполнено в 1963 г., когда вышел сборник, составленный М. Окутюрье «Pasternak par lui-même» («Пастернак о себе самом»).

5 Далее идет список тех людей, которым Пастернак просил фельетри-нелли перевести деньги; кроме сестер, в него вошли переводчики романа на французский и итальянский, сотрудники фельетринелли, выполнявшие поручения в Москве. Письмо к фельетринелли было написано 2 февр., но, по требованию О. Ивинской, задержано и осталось неотосланным (см. об этом в письме № 1591 и коммент. 5 к нему). В нем шел разговор о необходимости издания русского сб. стихов, который даст возможность переводчикам публиковать неизвестные стихи последних лет. Пастернак хотел, чтобы этот сборник составила и напечатала Ж. де Пруайяр, которой он посылал для него новые тексты. Затем повторялся тот же список, что и в письме к Ж. де Пруайяр, людей, которым Пастернак хотел сделать денежные подарки.

6 Кроме задержанной КГБ открытки «про 10 декабря», речь идет о письме № 1556.

7 Имеется в виду непрестанное давление и шантаж со стороны КГБ, которым подвергалась О. Ивинская.

8 Далее называются имена английских, немецкого и датского переводчиков, друзей по переписке – Джона Харриса, Карла Тенса и Ренате Швейцер, Герда Руге. Общая сумма денежных подарков составляла 120 тысяч долларов.

9 Речь идет о том, что у фельетринелли формально не было договора ни на издание «Автобиографического очерка», ни права запрещать русское издание стихотворного сб., от которого под давлением фельетринелли Мутон вынужден был отказаться.

Пастернак писал фельетринелли: «Я не могу себе представить никакого соперничества или столкновения между вами, поскольку г-жа де Пруайяр – мое alter ego знает и признает так же, как я сам, вынужденно двойственную роль, которую я возложил на Вас, – по необходимости молча и без возражений поддерживать мои заявления, хотя и редкие и запаздывающие, но все же лицемерно уязвляющие Ваше достоинство<...> Я Вам дорого обошелся, я каюсь в этом, и моя вторая душа, г-жа де Пруайяр, никогда не забудет ваши заслуги и страдания во всей этой дву-смысленной и шекотливой ситуации» («Континент», 2001, № 108. С. 235).

10 Сообщения о лекционном турне Пастернака по Англии и США публиковались во многих газетах, инициатор которых г-н Хосе Луис Вил-лалонга был совершенно уверен в успехе. Журналисты обращались с вопросами к Пастернаку, который узнал об этом только 9 февраля, получив письмо от г-на Виллалонга, уверенного в его согласии. Пастернак ответил ему телеграммой: «Полностью отвергаю Ваши проекты и прошу меня в них не впутывать» («Новый мир», 1992, № 1. С. 158).

1568. М. ОКУТЮРЬЕ

4 февраля 1959, Переделкино

4 февраля 1959

Мой дорогой Мишель,

безумие пытаться на своем смешном французском ответить на Ваш природный и полный обаяния русский язык. Но для этого есть другие основания.

Вы мне доставили большое удовольствие письмом и еще более своим стихотворением. Оно замечательно. Я вернусь к нему несколько дальше.

Я не хочу разбирать Ваше чувство близости ко мне, само по себе, Вам кажется, что оно основано на подражании.

У меня не было такого чувства по отношению к Блоку, который был для меня богом, поскольку этот поэт писал на том же языке. Но что касается Рильке, то от подобного чувства я избавился лишь очень недавно. Я всегда думал, что в своих собственных опытах и во всей своей художественной деятельности я лишь перевожу его и развиваю, что ничего не добавляю к его оригинальности и все время плаваю в его водах.

Как мне теперь кажется, есть основания считать, что я ошибался. Это именно та же ошибка, что и у Вас. Разница в языке усиливает кажущееся сходство между произведениями, мыслями и тенденциями, выраженными на одном и на другом.

Неопределенность, которая неизбежно связывает человечество, возрастает от неопределенности расстояния, отделяющего языки (чем его измерить?), и усложняет сравнение. Две несоизмеримые вещи кажутся сходными и одинаковыми. Пространство, так сказать, лежащее между каким-нибудь стихотворением и его переводом, взятым наугад, – это более широкая и неопределенная поэзия, чем обе эти вещи. В промежутке между ними располагается сама реальность, описанная в них, полная смысла, но молчаливая. Переходить с одного языка на другой – это больше, чем переместиться из одной страны в соседнюю. Скорее, это шаг из одного несуществовавшего столетия в другое, пригрезившееся.

Я распечатал Ваше письмо после предобеденной прогулки по белым полуденным снегам, купавшимся в ослепительном солнечном свете. Издалека доносились глухие раскаты поездов, своим рокочущим дыханьем окружавших широкий раскат горизонта.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Голос белоснежного сверкающего пространства, радостного и про-низанного солнцем, был голосом самой жизни, надежного и ши-рокого существованья, которое в своем огромном и спокойном молчании объяснялось на голубином языке. Недавно, несколько дней подряд, я стал записывать кое-что (в стихах), но после не-большого двухдневного перерыва мне пришлось снова уступить необходимости писать письма. Вернувшись с прогулки, я наме-ревался набросать что-нибудь об этом зимнем безмолвии, опоя-санном по всей длине горизонта бормотанием железных дорог. По возвращении я нашел то предполагаемое стихотворение уже на-писанным Вами. Но это ощущение – следствие той же ошибки, о которой я писал выше. Стихотворение мне чрезвычайно нравится.

«Se rompt et se reprend», «Quelque chose s'ourdit», то, как опи-сано состояние природы и сознания, – великолепно, великолепно, Мне показалось с первого взгляда, что «Le silence hesitant sur la /range des trembles* немного отклоняется в сторону поверхностной подробности, так как это уточнение не было целью стихотворе-ния, и что глагол «tremble» в конце какой-либо другой строчки я предпочел бы существительному, но я вижу, что ошибаюсь. «Et crible de cricris*1 тоже великолепно.

В моей вчерашней телеграмме к Жаклин есть слова «обнимите Элен». Я совсем забыл, что это может ввести ее в заблуждение. Пусть она мне простит эту невнимательность и не ломает себе над этим голову. Это было сказано в прямом смысле.

Впервые: Carriers du Monde Russe et Sovietique. 1-2. Vol. XV. 1974. Janvier – juin. – Автограф (собр. адресата).

1 Прочитанные строки можно было бы перевести: «Распадается, собирается», «Что-то возникает», «Дрожь тишины на бахrome осин, иссе-ченная трелью сверчков». Стих. Окутюрье «Апрель» ъм.: Диалог писате-лей. С. 532.

1569. А. И. ГРАЧЕВОЙ

12 февраля 1959, Переделкино

12 февр. 1959

Тов. Грачева, Вы – чудачка. Должен ответить Вам полным отка-зом¹. Со мной самим творятся одни только неприятности, имя мое может принести Вам только вред, я совершенно для Вас бесполезен и фотография Ваша ничего не может изменить. Извините меня².

2>. Пастернак

Впервые: «Вечерний Харьков», 10 февр. 1997. – Автограф (Отдел ред-ких изданий и рукописей Харьковской гос. научной библиотеки им. В. Г. Короленко, ф. 34, шифр Р-490).

1 В том же фонде сохранился черновик письма А. Грачевой Пастерна-ку, в котором она просила его помочь ей в поисках литературной работы.

2 В ответ на следующее письмо А. И. Грачевой Пастернак 16 марта 1959 послал ей записку, написанную наполовину по-французски, наполовину по-английски: «Спеге Madame, почему при таком прекрасном знании язы-ков и будучи такой красавицей, Вы не пытаетесь устроиться на службу в число переводчиков Иностранной комиссии Союза советских писателей, или, еще лучше, – в разряд переводчиков, сопровождающих всякого рода высоких иностранных гостей в музеях, путешествиях и т. д. и т. д.? Я по-лон уважения и симпатии к Вам, но, пожалуйста, поверьте, что мое поло-жение фантастически скверно и опасно и не дает мне ни минуты покоя и отдыха в течение некоторого, может быть, очень долгого времени. И за-чем мне читать Ваши переводы, даже если они так прекрасны, как кажет-ся, – ведь моя рекомендация будет им смертным приговором, а знаком-ство со мной ведет к осуждению? Как истинная и совершенная красави-ца, Вы скорее должны были бы ставить за меня свечу всем святым, жалеть и беречь меня, чем отвлекать и раздражать» (курсивом выделены слова, написанные по-русски). Письмо, адресованное в Москву, Ленинский пр., 72, кв. 94, не было послано и осталось в бумагах Пастернака.

1570. М. А. МАРКОВОЙ

16 февраля 1959у Переделкино

16 февр. 1959

Дорогая Машура, извини, что не ответил тебе на предыдущее письмо. Я помню твой совет в том письме, чтобы брать от жизни все, что она позволяет. Мне он понравился.

Моя жизнь фантазмагорична до неопишное™. Опять неко-торые обстоятельства скопили надо мною грозные тучи. Я и не буду пытаться тебе это рассказывать. Если все уляжется и я уце-лею, не может быть чтобы не наладилась и материальная сторона. В таком случае, если я буду жив и выйду сухим из воды, эдак, ска-жем, к лету, я обязательно пошлю тебе денег.

Я этого не могу сделать сейчас, не потому что их совершенно нет, а все неясно, и обстоятельства, и окружающие не дадут мне это сделать.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Ну зачем ты послала мне эту папину ерунду¹. Если папа, так значит уж все хорошо и свято! Я не люблю этого поклонения ве-щам также и в отношении себя. У меня в доме нет ничего подоб-ного, я не храню ни черновиков рукописей, ни чьих бы то ни было старых писем. Никакого «архива», никакого бумажного царства. Я щажу только самое редкое, победоносно красивое, замечатель-ное, бессмертное. А этого, по счастью, никогда не бывает много и оно не обременяет обстановки.

Итак, потерпи немного пока мне ясно станет, на каком я све-те. Кланяйся Милочке. Целую тебя.

Представь себе, среди этих, и все новых столкновений страс-тей, громов, государственных преступлений и совершенно баснос-ловных неожиданностей, – тьфу, тьфу, чтобы не сглазить, я со-всем не могу пожаловаться на здоровье.

Твой Боря

Мне очень больно, что на сквозняке ты подвергаешь все вре-мя испытанию свое здоровье. И наверное, это очень томительно и трудно. Но унижительного тут нет решительно ничего и я с удо-вольствием (недолго) поработал бы лифтером.

Впервые: «Вечерний Ленинград», 10 февр. 1990. – Автограф (собр. А. В. Курсина).

¹ Не удалось выяснить, что именно из вещей Л. О. Пастернака посла-ла М. А. Маркова.

1571. О. ГОНЧАРОВУ

18 февраля 1959, Переделкино

18 февр. 1959

Спасибо, дорогой мой Олег Гончаров! Если бы Вы знали, как были сегодня впору, как кстати были Ваши любящие строки! Я не могу сказать, чтобы я никогда не слышал слов ободрения, ласки, признания. Но так запутано мое положение, столько перекрест-ных, сталкивающихся страданий вокруг меня! Мне надо, по по-сторонним причинам, против воли, временно уехать, и этого не хочет одна близкая моя приятельница, которая знает, как много она для меня составляет, и могла бы быть уверена во мне, но кото-рую огорчает эта необходимость временного отъезда и которая хотела бы отговорить меня от него¹.

И весь день мне тяжело на сердце, точно в ожидании казни или какой-нибудь потери. И вот подали мне Ваш конверт. Ну вот, думаю, прочту что-нибудь вроде «Иуды», или «продали Родину», или что-нибудь другое в духе этого казенного негодования².

И когда я стал читать Ваше письмо, весь день сдерживаемые слезы грусти и сожаления хлынули у меня градом, я зарыдал, чи-тая Ваши золотые слова, полные доброты. Да воздаст Вам Бог сча-стьем за них. Я обнимаю Вас.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Огонек», 1990, № 8. – Автограф (собр. В. Приходько). Олег Гончаров – геолог из Львова, написал Пастернаку письмо с выражением участия и восхищения.

¹ Пастернаку было предъявлено категорическое требование покинуть Переделкино на время приезда в Москву премьер-министра Великобри-тании Г. Макмиллана. Его решение поехать с женой в Тбилиси и отказ от поездки с О. В. Ивинской к К. Г. Паустовскому в Тарусу были восприняты ею как предательство; после резких объяснений с Пастернаком (см. пись-мо № 1573 и коммент. 3) Ивинская уехала в Ленинград.

² Речь идет о письмах, которые Пастернак получал от «разгневанного народа».

Сохранилось анонимное стих. «Борису Пастернаку от Иуды»: «Я предал одного Христа, / А ты, – / Ты предал всю Россию» (Материалы ГМГЛ. С. 73).

1572. К. Н. ПОПОВУ

18 февраля 1959, Переделкино

18 февраля 1959

Дорогой мой Кирюша, от души благодарю Вас за поздравление. Как хорошо Вы уже пишете! И очень хорошо рисуете: Вы – молодец.

Но меня Вы страшно приукрасили, я никогда таким краси-вым в жизни не был¹.

Кирюша – Вы прелесть, и доставили мне большую радость.

Желаю Вам в жизни много успехов, радости и удач. И чтобы бабушка, мама и все в доме долго-долго жили и были здоровы.

Кланяйтесь им.

Целую Вас крепко.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. адресата).

Кирилл Попов – семилетний сын приятельницы Пастернака худож-ницы Ольги Ильиничны Поповой-Светловской.

¹ К письму с поздравлением с днем рождения приложен портрет Пастернака.

1573. О. В. ИВИНСКОЙ

24 февраля 1959, Тбилиси

24 февр. Дорогая моя Олюша, получилось очень глупо. Уез-жая, я скорее надеялся, что буду перекидываться с тобою телефон-ными разговорами, чем писать тебе, а

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
вышло наоборот. Я уехал с твердо выясненным номером твоего ленинградского
телефона и с неуявленным адресом. Оказалось, что отсюда звонить в Ленинград
очень трудно, потому что это делают не непосредственно, а через Москву и
говорить можно только ночью после часу. Я посылаю письма Ирочке в Москву для
тебя, в надежде, что она свяжется с тобой по телефону и скажет тебе, что я
тебе пишу¹. Хуже то, что я ничего не знаю о тебе и не могу узнать, здорова ли ты
и как у тебя с деньгами, заняла ли ты у кого-нибудь.
Очевидно сюда дали знать писателям, как вести себя со мной, тихо, сдержанно, без
банкетов и я живу у Нины в совершенной глухоте и неизвестности, читаю Пруста²,
ем, сплю, хожу по городу, чтобы не засиживать ноги, ничего не делаю и изредка
пишу тебе пустые и бессодержательные, ничего тебе не говорящие записки.
За мое короткое отсутствие наверно накопятся горы дорожных мне писем, часть
которых будет нуждаться в ответе. То привычное и знакомое, что составляло мою
жизнь и доставляло мне радость будет, если позволит Бог, продолжаться, но кое в
чем этот обиход изменится. Надо будет упорядочить денежное хозяйство, твое и
наше, и попробовать действительно, как говорил тебе Д<митрий> А<лексеевич>³ (я
уже об этом писал) жить неторопливее, мыслью о будущем, более далеком. Я
ужасно, как всегда, люблю тебя и уверен, что ты этого не чувствуешь, считаешь
недоказанным и не замечаешь. Что касается меня, то если бы можно было
надеясь, что все останется так, как было до наших последних объяснений⁴, я
был бы на вершине блаженства. фантазировать сверх этого немисливо и неисполнимо.
Мне мерещится что-то очень, очень хорошее впереди, неопределимое и
незаслуженное, часть которого я сейчас предвосхищаю, мысленно крепко обнимаю и
целую тебя.

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Емельяновой).

Факсимиле: Каталог Кристи. С. 58.

¹ Ивинская уехала в Ленинград, не дав Пастернаку своего адреса (см. письмо № 1571).

² Пастернак получил в подарок от Ж. де Пруайяр 5 томов цикла М. Пруста «В поисках утраченного времени» (Bibliothèque de la Pleiade, Callimard) и теперь, уже не страшась стилистической близости и влияния автора, которые мешали ему в 1920-е гг. дочитать его (письма № 425, 555 и др.), взял последний том «Обретенное время» с собой в Тбилиси.

³ Д. А. Поликарпов. О разговоре с Поликарповым, который потребовал от Пастернака, чтобы он покинул Переделькино на две недели, см. коммент. З к письму № 1571. По воспоминаниям Ивинской, Поликарпов был недоволен ее ссорой с Пастернаком, поскольку она была единственной, кто мог воздействовать на него в нужном направлении. Она записала свой разговор с ним по телефону в аналогичной ситуации: «Вы поссорились? – спросил раздраженно Поликарпов. – Нашли время... Поезжайте, миритесь с ним, всеми силами удержите его от новых безумств» (Ивинская. В плену времени. С. 318–319).

⁴ Объяснения касались вопроса о легализации отношений Пастернака и Ивинской, чему должна была способствовать совместная поездка к Паустовскому.

1574. О. В. ИВИНСКОЙ

26 февраля 1959, Тбилиси

26 февр. Олюша, дорогая моя, моя золотая, родная Олюша! Как я по тебе соскучился! Как грустно мне вообще по утрам той знакомою беспричинною грустью, которую я так хорошо знаю с детства! Струя свежего чистого воздуха, пахнущего весной, чириканье птиц за окном, голоса детей, и эта щемящая, томящая грусть уже налицо. Отчего она? Что-то нужно понять, что-то сделать. – Как странно, положение мое никогда не было так спорно и ненадежно, будущее никогда не было так неясно. И почему-то никогда не был я так ясен и спокоен, точно ты и все мы и наши дом, и дети, и работы и здоровье – обеспечены и им ничего не грозит, точно впереди ждет меня что-то очень хорошее. Никогда забота о доведении до конца каких-то мыслей, желание попасть домой и сосредоточиться не были так велики и не казались таким главным, никогда вера в то, что ничего не помешает удовлетворению этой потребности не была так тверда. Олюша любушка, золотая моя и мой ангел, я пишу тебе такие бессмысленные послания, прости меня. Мне нечего тебе рассказать. Что я тут делаю? Главным образом – скрываюсь¹. Эти прятки наполнены чтением Пруста, пешими прогулками, чтобы не отсидеть ноги, едою и сном. Нина> А<лександровна> окружает заботою каждый мой шаг, свинство этим пользоваться, я ни от кого, ни у кого, менее всего у нее это заслужил. Здесь нигде нет врагов тебе. Больше мы с нею ни о чем серьезном не говорили². Но мне кажется, многие без всякого основания любят меня, и, любя меня, любят тебя. Эта атмосфера молчаливого допущения и согласия исходит даже от Зины. Обнимаю тебя крепко, крепко. Не могу дождаться, чтобы перерыв этой животной праздности окончился поскорее, и мы вернулись. Как было бы хорошо, если бы ты была в Москве и Ирочке не приходилось пересылать писем.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Еме-льяновой).
Факсимиле: Каталог Кристи. С. 60.

1 Во избежание нежелательных встреч с писателями, которым было вменено из Москвы организовать «осуждение антисоветского поступка» Пастернака.

2 Между Пастернаком и Н. Табидзе произошла размолвка по поводу его отношений с Ивинской, которая настойчиво требовала его ухода от Зинаиды Николаевны.

Пастернак пытался объясниться; 28 янв. 1959 он писал Н. Табидзе: «Дорогая Нина, мне жалко, что я причинил Вам страдания, от которого Вы даже упали в беспмятстве.<...> Никто ничего не собирается разрушать, дело совсем не в этом. Все настоящее и важное лежит совсем в другом плане, в другой плоскости, и Вы должны успокоиться, все оно целиком только на моих плечах и не задевает чужих интересов. Ничего между нами не произошло и нас не разделило. Простите, что я Вас огорчил» («Дружба народов», 1996, № 7. С. 215).

1575. О. В. ИВИНСКОЙ

27 февраля 1959, Тбилиси

27 февр. 1959. Олюша, так грустно почему-то в минуту пробуждения, по утрам! Я в полном неведении о том, где ты и что с тобой, а также насчет того, что ждет меня по возвращении, в каком положении мои дела. Когда я хожу по городу, в эти серые, холодные дни, которые сейчас тут стоят, один, мне так печально-спокойно, и так ясно. Теплится какая-то вера, что ничего дурного но-вого против меня не предпримут, и что тайна Инюрчасти позволит мне поправить мои и твои денежные дела¹. Если меня и моих занятий не постигнет какая-нибудь катастрофа, равносильная концу, позволь мне верить, что жизнь моя будет продолжаться по-прежнему, что ты меня не оставишь и от меня не отвернешься. Никакого спора ведь ни с кем не происходит. Ты была неправа, когда, как тебе казалось, ты ставила «вопрос ребром» и требовала выбора от меня и твердого решения². Все это у нас по-другому, а посторонние тут так же не судьи, как трудно им судить и о моем месте в современной жизни, таком болезненно скромном и незаметном, таком единственном и приносящем горе и счастье такой свободы. Никакой драмы и трагедии у нас нет, моя дорогая девочка, – я дышу и этого достаточно, чтобы я всегда думал о своем и любил тебя, а вспоминать и привлекать к осуждению попутные и сопровождающие обстоятельства, в нашем случае – ложно и искусственно. Крепко обнимаю тебя. Не сердись на меня. Мне грустно и страшно без тебя.

Моя жизнь с тобой протекает совсем не в той области, в которую ты перенесла в последнее время свои требования и обвинения, но в области, которая вся целиком так посвящена самому высокому и светлому, что никакие несчастья не могут ее уничтожить и обесценить, потому что она сама побеждает все препятствия и несчастья.

Мне нельзя менять своей жизни не только из-за боязни причинить страдание окружающим, но из-за боязни неестественности, которую принесла бы с собой эта ненужная и резкая перемена. Мое и твое положение в нынешнем привычном мире и без того полно игры с огнем и дерзкого вызова. Потяни за ниточку и по-ползет и уничтожится вся ткань³.

Сегодня первый день за весь этот год, когда я с некоторым правдоподобием могу уверовать и пообещать тебе что, как мне кажется, по возвращении домой я примусь за большую и долгую новую работу, вроде «Доктора Живаго», за роман, какую-то час-тицею являющийся его продолжением.

Крепко, крепко обнимаю тебя и прерываю письмо, ко мне сейчас придут.

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Еме-льяновой).

Факсимиле: Каталог Кристи. С. 61.

1 Перед отъездом из Москвы Пастернак получил извещение из Инюр-коллегии от А. Ф. Волчкова (11 февр. 1959) с просьбой прийти для перего-воров по «касающемуся Ваших интересов делу в удобное для Вас время» (РГАЛИ, ф. 379, без шифра). Об этом см. также в письме № 1589.

2 Слова «вопрос ребром» относятся к «последним объяснениям», о которых шла речь в письме № 1573 и коммент. 3 к нему.

3 Чтобы снять болезненную для Ивинской определенность и прояв-ленную твердость в этом вопросе, Пастернак на следующий день писал ей ласковое письмо: «28 февр. 1959. Олюша, золотая моя девочка, я крепко целую тебя. Я связан с тобой жизнью, солнышком, светящим в окно, чув-ством сожаления и грусти, сознанием своей вины (о, не пред тобой, конечно), а перед всеми, сознанием своей слабости и недостаточности сделанно-го мною до сих пор, уверенностью в том, что нужно напрячься и сдвинуть горы, чтобы не обмануть друзей и не оказаться самозванцем. И чем лучше нас с тобой все остальные вокруг меня, и чем бережнее я к ним и чем они мне милее, тем больше и глубже я тебя люблю, тем виноватее и печальнее. Я те-бя обнимаю страшно, страшно крепко, и почти падаю от нежности и почти плачу» (Ивинская. В плену времени. С. 402; факсимиле: Каталог Кристи. С. 62).

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
1576. О. В. ИВИНСКОЙ

1 марта 1959, Тбилиси

1 марта 1959. Дорогая Олюша, все десять дней, что мы здесь, стояли пасмурные ветреные дни и холода, сегодня в первый раз на дворе тепло и солнце. Прошло только десять дней и мне так же трудно вообразить, что мне может быть дано будет услышать твой голос и тебя увидеть, как трудно себе представить на его месте Переделкин-ский дом. Мысль о том, что моя налаженная жизнь и привычное течение рабочего дня будут продолжаться, что я к ним вернусь, буду получать письма и отвечать на них, советоваться с тобой и обмениваться с тобой тем новым, что будет приходить тебе и мне в голову и с твоею помощью устраивать наши общие дела, мысль, что идущее от тебя счастье, сосредоточенность и работа в достижимой скорости ждут меня, кажутся мне дерзкою, незаслуженной и несбыточной мечтой. О как я люблю тебя и скольким я тебе навсегда, навсегда обязан! Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Емельяновой). Факсимиле: Каталог Кристи. С. 63.

1577. О. В. ИВИНСКОЙ

2 марта 1959, Тбилиси

2 марта 1959. Дорогая Олюша, меня никогда не пускают гулять одного, со мной всегда ходит дочь Нины Александровны, Нита и по дороге рассказывает мне историю домов и мест, мимо которых мы проходим, и своих знакомых, которые в большем числе встречаются нам. Это целые повести о нравственных подвижниках и золотых сердцах, много помогавших друг другу в страшные годы несчастий и лишений, о чудесах самопожертвования, жалости и самоотречения. Мне стыдно все это слушать, таким я стал убежденным и сознательным эгоистом в последние годы. Я хожу по Тифлису не так, как ходил по нему в прошлые свои наезды и гляжу на него не такими глазами как смотрел на него, наверное, недавно Митя. Я приехал сейчас не восхищаться, не вдохновляться, не произносить речи и пировать. Я приехал молчать и скрываться, провожаемый общественным проклятием и покрытый такими же справедливыми упреками с твоей стороны, и в таком настроении, пришибленном и грустном, всего лучше сидеть и помногу заниматься чем-нибудь неподвижным и не-трудным. Я дочитываю бесконечного Пруста, кончить которого я себе поставил целью уезжая. – И, как всегда, очень грустно по уграм, по пробуждении. Отчего это? Оттого, что часто ты, наверно, снишься мне, не оставляя следа о сновидении в памяти, и очень часто снишься с ясным запоминанием. Я уже несколько раз писал тебе об этом чувстве. И, наверное, еще оттого, что наши последние разговоры в городе произвели на меня тяжелое впечатление. Ты была, мне кажется, неправа. Я ничем не виноват перед тобой или, лучше сказать, виноват перед всеми, перед временем, перед близкими, но меньше всего перед тобой. Даже если опасения твои насчет себя самой были бы основательны, – ну что же, это было бы ужасно, но никакая опасность, нависшая над тобой, не зависела бы от того, что так или иначе сложилась моя жизнь, и не мое постоянное присутствие могло бы эту опасность отвратить. Нити более тонкие, связи более высокие и могучие, чем тесное существование вдвоем на глазах у всех, соединяют нас, и это хорошо всем известно. Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Емельяновой). Факсимиле: Каталог Кристи. С. 65.

1 Дмитрий Александрович Виноградов – сын О. В. Ивинской.

2 О. Ивинская, напуганная угрозами повторного ареста, которые возникали во время ее вызовов в КГБ, считала, что официальный брак с Пастернаком защитит ее.

1578. О. В. ИВИНСКОЙ

3 марта 1959, Тбилиси

3 марта 1959. Олюша, золотая, кажется (я боюсь искушать судьбу), кажется мы попытаемся прилететь в Москву (во Внуково) в воскресенье 8-го. Если это сойдет благополучно, и если ты жива, не арестована и в Москве, и если ты не отказалась от меня и согласна говорить со мной и меня видеть, я надеюсь, как обычно (о счастье!) позвонить тебе по телефону в город в воскресенье вечером, в 9 часов (от 9-ти до 10), а в понедельник 9-го утром, если ты пожелаешь подарить мне эту радость, это безумье, надеюсь увидеть тебя в Измалкове, как бывало. Но об этом мы переговорим вечером в воскресенье (как я боюсь предупреждать события, как боюсь писать эти слова!). (Неужели меня ждут удары судьбы, неожиданности, наказания?) Неужели я роковым образом ошибаюсь, рассчитывая найти одно хорошее? – Это последнее письмо отсюда, что я пишу тебе. Я написал их тебе много, наскоро, каран-дашом, дошли ли они до тебя? Они все пустые, не храни их и только отметь в дневнике, что в 1959 году, в конце зимы, я на две недели оставил тебя одну и каждый день писал тебе. Вместе с этим последним письмом дочитываю последние сто страниц из трех тысяч пятисот Марселя Пруста. Ты помнишь, он мне не очень нравился. А эти последние страницы (Найденное время) бездонно человечны, как у Льва Толстого. Без конца целую и обнимаю тебя. Прости за

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
торопливый и неизящный почерк, пишу стоя на почте.

3 марта 1959

Родная Олюша моя, я тебе уже написал сегодня и опять пишу, я целый день с тобой. Я чувствую тебя такой неотделимой от себя, как будто отправляю письма самому себе. Скоро я возвращусь. Что ожидает меня? Неужели мне готовится какая-нибудь угроза, требование или неприятность? Неужели могло что-нибудь случиться с тобой? Хотя я не суеверен, я так привык принимать чувства, предчувствия и пустые видимости за действительные данные, что при-даю душевным состояниям больше значения, чем достоверным сведениям. И мне кажется, что меня ждет только невероятная и еле представимая радость свидания с тобой и счастье возвращения к работе и общению с близкими людьми в далеком мире. Только бы нас оставили в покое, а остального мы добьемся сами. Я сделал ужасную ошибку, что внушил тебе мысль и попросил тог-да, после сдачи Словацкого, выяснить денежные вопросы и уско-рить их разрешение¹. Этого наверное не следовало делать. Мы долж-ны были притихнуть и затаиться, чтобы о нас забыли. С запоздани-ем и некоторыми ухудшениями сделаем это теперь. Но ведь я ничего не знаю. Я пишу тебе и умираю от нежности к тебе, которая пред-ставляет мне тебя и меня какими-то избранниками судьбы и счас-тья, а в это время ты может быть давно сидишь без денег и безуспеш-но бьешься в их поисках и стараньи их откуда-нибудь достать. Ах какое блаженство целовать тебя хотя бы на словах и на бумаге!

Будь здорова, обнимаю и целую тебя без конца милая моя жизнь, любимый друг мой!

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Еме-льяновой).

Факсимиле: Каталог Кристи. С 66-67. 1 Имеются в виду письма № 1561, 1562.

1579. О. В. ИВИНСКОЙ

4 марта 1959, Тбилиси

4 марта. Олюша, золото мое, вчера я написал тебе последнее письмо вечером на почте. Шел дождь, в выбоинах тротуаров в по-лутемных улицах скапливались глубокие лужи, на панелях расплы-вались отблески фонарей, мне казалось, что требующееся прави-лами приличия прощение с гостеприимным городом я провожу в этот дождливый вечер. Но вот я утром вновь пишу тебе, радость и любовь моя, без надежды на то, что это письмо предупредит меня и я не прилечу (какие глаголы пошли, благодаря авиации) рань-ше. Радость моя, прелесть моя, какое невероятное счастье что ты есть на свете, что в мире есть эта едва представимая возможность разыскать и увидеть тебя, что ты меня терпишь, что ты мне позво-ляешь изливаться и вываливать тебе все, что от встречи к встрече накопилось и собралось у меня в мыслях и в душе, что я получил в дар от тебя это драгоценное право самозабвенно погружаться в бездну восхищения тобой и твоей прелестью, твоей добротой и твоей одаренностью и снова, и дважды, и трижды твоей добротой. Когда-нибудь будет так, как, быть может ошибочно и напрасно, ты этого хочешь. А пока именно потому, что ты так балуешь меня счастьем и что я все время озарен твоей ангельской прелестью, будем, во имя мягкости, которой ты, сама этого не зная, все время меня учишь, любимый, обожаемый мой образ, будем великодуш-ны к другим, будем, если это потребует, еще великодушнее и предупредительнее к ним, чем прежде, во имя светлой неразрыв-ности, так горячо, так постоянно и полно связывающей нас. Об-нимаю тебя, белая прелесть и нежность моя, ты благодарностью моею к тебе доводишь меня до безумья.

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Еме-льяновой).

Факсимиле: Каталог Кристи. С. 68.

1580. Ч. ГУДИАШВИЛИ

8 марта 1959, Тбилиси

8 марта 1959 Дорогая Чукуртма!

Вы меня взволновали. Нельзя, чтобы это осталось так без сле-да, чтобы Вам осталось неизвестным, как дороги мне Вы, Ваше отношение. Но я не хочу говорить Вам глупостей, не хочу ничем смешным и неуместным нарушить серьезности Вашей и моей жизни. И, однако, я должен что-то Вам сказать.

Если к тому времени, как я умру, Вы меня еще не забудете и я Вам чем-нибудь еще буду нужен, помните, что я поместил Вас в первом ряду моих лучших друзей и дал Вам право сожалеть обо мне и думать, как очень близкому человеку.

В Вашей жизни будет много радостей помимо моих пожеланий.

Я Вам желаю еще больше, без конца.

Б. Пастернак

Впервые: «Литературная Грузия», 1980, № 2.–Автограф (собр. адресата).

В этот приезд в Грузию Пастернак подружился с дочерью художника Ладю Гудиашвили Чукуртмой, учившейся тогда в балетной школе. Сохра-нились четыре письма

Пастернака, обращенные к ней.

1581. М. А. МАРКОВОЙ

15 марта 1959, Переделкино

15 марта 1959

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris
Дорогая Машура, что ты сумасшествуешь? Наверное тебе трудно и несладко, но я уверен, что немало ты и преувеличиваешь в отношении дочери и детских воспоминаний¹.

Твоя мать была чудная красавица и прекрасная женщина. Это была единственная фигура из всей родственной галереи, врезавшаяся мне в память, единственная смелая, горячая, шедшая до конца и не останавливавшаяся на полдороге. Исключая мой пер-вый брак, вина за неудачу которого вся на мне (так не женятся, делать без большой любви и выбора такие вещи, – обман и пре-ступление), исключая мою женитьбу, все кто мне нравились по-том и разделили со мной жизнь, судьбу, мир души и прочая – были женщинами этого сияющего, смеющегося, счастливого и висо-кого рода.

Твоих воспоминаний я не трону. Я ими не воспользуюсь.

Ты очень далека от представления истинного моего положе-ния, его опасности, обреченности, может быть неотвратимой². Но и не пытайся интересоваться им и фантазировать, я не имею пра-ва говорить на эту тему.

Я может быть ускорю мою помощь тебе. Но как я могу давать тебе советы?

Обнимаю тебя. Твой Боря

Впервые: Борис Пастернак. Доктор Живаго. Избранные письма. – Автограф (собр. А. В. Курсина).

1 М. А. Маркова прислала Пастернаку свои записки о детстве и отно-шениях с матерью, К. И. Маргулиус-Лапшовой, которые она предлагала ему использовать в работе.

2 Пастернак имеет в виду вызов накануне, 14 марта, к генеральному прокурору Р. А. Руденко, который предъявил ему обвинение по статье 64 в государственной измене. Он получил предупреждение о необходимости прекратить «действия, которые... образуют состав преступления», во избежание «привлечения к уголовной ответственности». Кроме издания «Доктора Живаго» за границей, имелась в виду публикация стих. «Нобе-левская премия» в «Daily mail». Он был отпущен под обязательство не встречаться с иностранцами и прекратить переписку с заграницей (см. протокол допроса в кн.: Пастернак и власть. С. 191–193).

1582. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ

15 марта 1959, Переделкино

15 марта 1959

Дорогой Георгий Георгиевич,

(я не путаю Вашего отчества?), мы с женой уже были в Тби-лиси, когда Вы мне писали.

Разумеется, я рад буду сделать все, что Вы захотите, но выяс-ните твердо вперед, каково в данный момент мое гражданское положение вообще и, в частности, в глазах издательств, не будет ли моя работа для Вас и для меня впустую?¹

Мы провели около трех недель в полном смысле слова как у Христа за пазухой у Нины Александровны, отдавшей нам полдо-ма, окружившей нас любовью, заботой, уходом и покоем.

Я был рад без традиционной восторженной приподнятости, но тем искреннее, дельнее и провереннее ощутить то коренное и неуловимое в грузинской жизни и культуре, чего я до сих пор так и не сумел схватить и выразить и чего, быть может, не выражал никто из Ваших художников (а то бы оно не продолжало пресле-довать в жизни, не останавливало бы и не ускользало). Додумать это я когда-нибудь поставлю себе задачей. Это какое-то живое нечто, составившееся из переплетения современной городской жизни и природы и природного типа, а главное, из вековых на-слоений двух порядков празднично победоносных, грозных перейти в поверхностность и потом потрясающе трагических, об-рекающих на безмолвие, углубляющих, бездонных.

Я бывал много в Ваших музеях и в том, что является живым музеем или продолжением прошлого в нынешнем, – среди Ва-шей художественной молодежи. Я, наверное, не испытаю больше ничего такого светлого в жизни.

По возвращении домой меня ждали предвестия опасностей и страдания². Но за право жить голыми душевными запасами во всем мире надо расплачиваться.

Знаете, какие письма я получаю? Из Америки посылают пись-мо с ложным адресом: Hamburg, Germany, Boris Pasternak. И пись-мо доходит! В Переделкино!

Благодарю Вас за память и доброе отношение.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Вопросы литературы», 1966, № 1. – Автограф (собр. ад-ресата).

Гия Маргвелашвили – историк литературы и критик, собравший письма Пастернака к грузинским друзьям и опубликовавший их большими подборка-ми в «Вопросах литературы» (1966, № 1) и «Литературной Грузии» (1966, № 1, 2; 1980, № 2), автор книга «Выход в Грузию» (1981) о русско-грузинских связях.

1 Маргвелашвили заказывал Пастернаку переводы стихов Акакия Церетели для составляемого им в Тбилиси тома «Избранных стихотворе-ний» (1960). Для этого

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
издания Пастернак пересмотрел свои старые пере-воды, но новых заказов ему не
дали.

2 Имеется в виду вызов к генеральному прокурору. См. коммент. 2 к письму № 1581.
1583. Л. Л. СЛЕЙТЕР

15 марта 1959, Переделкино

15 марта 1959. Вот вам несколько случайных семейных фото-графий. Все твои
открытки получены, бесконечно благодарен. Вре-мя от времени в моих письмах,
возможно, будут перерывы, не беспо-койся об этом. На меня нашла полоса глубокого
давно забытого не-довольства собой, какого я не испытывал все предыдущие годы.
Ощущение грязи и оскорбления, того, что жизнь стала причиной постоянных,
ежедневных мучений на все оставшееся время. Я недо-статочно оценил мягкость и
человечность наших властей по отно-шению ко мне, – это было редким исключением.
Кажется, что ро-ковая неосторожность с этим несчастным стихотворением, по
мне-нию всех друзей, приведет к печальным нравственным последстви-ям¹. Я не могу
и не хочу менять свою беспорядочную, запутанную и трудную жизнь. Она создана не
моими руками. Но предоставляя ей идти своим путем, я со своей стороны должен
ниже склонить голову, ниже, чем этой осенью или зимой, – в тишине и смирении, и,
веро-ятно, попробовать начать новую большую работу. Не слушай моей воркотни (по
поводу иллюстраций или картинки на титуле твоей книжки²). У меня нет
определенного мнения по этому поводу. Пусть мои жалобы не сбивают тебя с толку.
Три недели тому назад мы с З<иной> летали в Тбилиси, чтобы избежать свидания с
англ<ийски-ми> журналистами и репортерами, которые приезжали с Макм<ил-ланом>
Когда будет более удобное время, я перескажу тебе те мело-чи, которые были в
моем очевидно пропавшем р<усском> письме. Обнимаю вас всех и прошу простить мне
уныние и краткость.

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф по-англ. (Pasternak Trust,
Oxford).

1 «Роковой неосторожностью» Пастернак называет передачу стих. «Нобелевская
премия» корреспонденту «Daily Mail» Энтони Брауну, ко-торый опубликовал его 11
февр. 1959 г. Именно этот факт был инкрими-нирован Пастернаку в прокуратуре как
государственная измена.

2 Имеется в виду письмо № 1564.

1584. Б. К. ЗАЙЦЕВУ

15 марта 1959, Переделкино

15 марта 1959

Дорогой Борис Константинович, не могу Вам передать, ка-кую честь Вы мне оказали,
как обрадовали своим письмом. На-верное, никто не догадывается, как часто я
желаю себе совсем дру-гой жизни, как часто бываю в тоске и ужасе от самого себя,
от несчастного своего склада, требующего такой свободы духовных поисков и их
выражения, которой, наверное, нет нигде, от пово-ротов судьбы, доставляющих
страдания близким. Ваше письмо пришло в одну из минут такой гложащей грусти, –
спасибо Вам.

О двух частностях 29-го числа знал, – Вы прибавили две но-вых; рад совпадению в
наших днях рождения, ему обязан я Ва-шим письмом¹.

Неприменно пришлите мне Вашего «Жуковского»², – может дойти, хотя все это – дело
случая. Пропадают иногда мои русские письма, так что я и русским пишу подчас
по-немецки, по-фран-цузски, по-английски, как куда придется.

Вполне ли оправилась Вера Алексеевна³ (в своем письме Вы пишете о ее болезни)?

Чрезвычайно дорого, что Вы мне говорите о моей книге⁴. Что бы Вы мне ни сказали,
я бы все принял с вели-чайшей благодарностью. Но еще дороже Ваших слов сознание,
что Вы книгу знаете (как я мечтал об этом!) и что В. А. слышала ее в Вашем
чтении. Вообще – лучшая награда за понесенные труды и неприятности то, что
лучшие писатели века, подобно Вам, ее чита-ли, кто на других языках, кто в
оригинале. Воображаю, сколько ошибок завелось в тексте от перепечатки к
перепечатке! Как все сказочно, как невероятно! Не правда ли? Пишу Вам, мысленно
вижу перед собой и глазам своим не верю. И – благодарю и обнимаю.

Знаете ли Вы П. П. Сувчинского, музыковеда, мыслителя, за-мечательного человека?

Если у Вас есть общие знакомые, пусть они сообщат ему, что лишь улучу минуту, я
ему отвечу на его драгоцен-ную, встревоженную записку⁵. Говорят, Стеггун
любопытствует, как ему лучше писать мне, по-русски или по-немецки. Пусть пишет,
как хочет, лишь бы написал. От души всего лучшего Вам и В. А.

Впервые: Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 1-2. Vol. xv. 1974, Janvier –
juin. – Автограф (Бахметьевский архив, Columbia University).

Б. К. Зайцев познакомился с Пастернаком в 1921–1922 гг., когда чи-тал его
повесть «Детство Люверс», еще не напечатанную. Сохранился экз. «Сестры моей
жизни» с дарственной надписью Б. Зайцеву (коммент. 5 к письму № 193). Потом они
встречались в Берлине в 1922–1923 гг. О сво-ем знакомстве и переписке с
Пастернаком Зайцев писал в кн. «Далекое» (Washington, Inter-Language Literary

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori Associates, 1965) и в статье «Путь (О Па-стернаке)» («Литературное обозрение», 1990, JSfe 2).

1 «...Вчера в Ваших "Автобиографических заметках" вычитал, что вы родились 29 января стар. ст. – день моего рождения, только я старше Вас на девять лет. Из-за этого 20-го мне пришла в голову мысль, может быть и странная, но подсказанная дружественным к Вам чувством: поздравить Вас с днем рождения», – писал Зайцев 10 февр. 1959. «Жуковский родил-ся 29 января. Пушкин умер 29 января, Достоевский скончался в ночь на 29 янв. 1881 г. (через несколько часов после его кончины я родился в Орле)» (Борис Зайцев. Собр. соч. письма 1923-1971. Т. 11, доп. М., «Русская кни-га», 2001. С. 176).

2 Борис Зайцев. «Жуковский». Париж, YMCA-Press, 1951. «Не знаю, – писал Зайцев, – доходят ли до Вас книги отсюда. Если доходят, послал бы Вам своего "жуковского", это чтение плодотворное (не то, что Сири). Удивительный человек был Жуковский. Единственный ангел в русской литературе» (там же. С. 177). Сири – литературный псевдоним В. В. На-бокова.

3 В. А. Зайцева, жена Бориса Константиновича, два с лишним года назад перенесла инсульт.

4 «Ваш роман я прочел весь, вслух, моей больной жене, и нам очень понравилось. Вы не романист, а поэт, и везде Вы, а не Ваши действующие лица. Но чрезвычайная Ваша привлекательность разлита всюду и покоря-ет. Я за Вас очень радовался, что Вы написали отличную хаотическую по-эму», – писал Зайцев (там же. С. 176).

5 Речь идет о письме Сувчинского 3 янв. 1959: «Дорогой Борис Леони-дович, прошу Вас, умоляю – напишите хоть два слова, две строчки! Так не-выразимо скучно и тревожно без Ваших писем» (Revue des Etudes slaves, 1990. Т. 72. Р. 762). На просьбу Пастернака Зайцев отвечал 5 апр.: «Степуну напи-сал, С<увчинско>го знаю очень мало, но просил передать через знакомых».

1585. Т. и Н. ТАБИДЗЕ

19 марта 1959, Переделкино

19 марта 1959

Дорогая Нита, я простить себе не могу, что когда мы пошли пешком на вокзал, я, в силу привычности этой минуты, так похо-жей на приготовления к обычной прогулке, забыл проститься с нянею и Маней¹. Попросите от меня прощения у них, я так по-мню все, что они нам сделали, и так им признателен!

Вот с какой я к Вам просьбой, не откладывайте, пожалуйста, ее исполнения, сейчас же возьмите телефонную книгу и списы-вайте просимые адреса (тех, у кого есть телефоны), а других уз-найте как-нибудь другим путем. Сообщите мне, пожалуйста, точ-ные адреса (почтовые, для писем и посылок):

Марины Мицишвили,

Медеи Яшвили,

Этери Николаевны (?) Какобадзе, Гудиашвили².

Наверное так же, как Фауст, у Вас в семье должно быть (у Ги-вика, наверное?) и все, что я переводил из Шекспира.

Я продолжаю в воображении без конца гулять с Вами и раз-говаривать. Мы таким образом давно оставили за собой границы Тбилиси. Если это будет продолжаться так дальше, мы скоро обой-дем пешком с Вами земной шар.

Я здоров (как и все у нас), и те личные огорчения и страдания, которых я опасался по возвращении, места не имели, слава Богу. Но вот что сделайте, вот чего добейтесь, Нита, для меня. Убедите, по-жалуйста, маму, чтобы она не связывала с помещением моих пре-жних переводов судьбы папиных изданий. Улучшения в этом воп-росе никогда не будет. Маме надо примириться с выпадением этих нескольких вещей или согласиться на то, чтобы их дали в чьей-ни-будь другой передаче. Всякий ведь поймет вынужденность этой меры.

Смягчения моего положения ждать неоткуда. Меня в лучшем случае окружат экономической блокадой, как Зоценку. От меня требуется просьба об обратном принятии в ССП, неизбежно зак-лючающая отречение от моей книги. А этого никогда не будет³. Эта книга во всем мире, как все чаще и чаще слышится, стоит после Библии на втором месте.

Крепко обнимаю и целую Вас, Алика, Гивика. Маме напишу тут же несколько слов. Позвоните Чукуртме. Когда я получу ее адрес, я пришлю ей Фауста.

Всем бесчисленные поклоны, Раисе Константиновне и ее дочерям, Тине Асатиани, музейной подруге Марины⁴, знающей древнегреческий.

Дорогая Нина, Вы однажды спросили меня об одном собствен-ном имени из Тицианова стихотворения, но наверное с тех пор Вы давно от других получили эти требующиеся справки. Если нет, для меня было бы счастьем, если бы все-таки, в конце концов Вы это разъяснение получили от меня. Не было ли это имя Авиафар? Я на эти сведения напал сейчас случайно. Первыми обращенными к Христу святой Ниной в 315 г. во Мцхете были еврейский раввин Авиафар и его семья. Его дочь Сидония была потом сподвижницей Нины, участницей совершенных ею чудес и проповедницей.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Крепко Вас целую. Когда Вы к нам приедете? Да, Нина, воп-рос о моих переводах
Тициана надо, ради меня, если Вы меня любите, перерешить по-другому, как этого
требуют. Тут нам не уступят.

Впервые: «Литературная Грузия», 1980, № 2. – Автограф (ГМГЛ, № 021914, 20).

1 Прислуга в доме Н. Табидзе.

2 Речь идет о друзьях Ниты и Нины Табидзе, с которыми Пастернак близко сошелся в
этот приезд: Марина Мицишвили – дочь расстрелянного поэта Николо Мицишвили,
археолог; Медея Яшвили – дочь Паоло Яшви-ли; Этери Николаевна Какабадзе – вдова
художника Давида Какабадзе. Пастернак писал М. Мицишвили: «2 апр. 1959. Дорогая
Марина Никола-евна, с Георгием Георг. Маргвелашвили послал кое-кому несколько
книг, в том числе и Вам. Того, что я сам писал последние 20 лет, не издавали.
Поэтому я не мог послать никому ничего своего и ограничился только переводами»
(Материалы ГМГЛ. С. 328).

3 Вопрос о примирении с Союзом писателей Поликарпов ставил еще в ноябре 1958 г.
См. об этом в письме № 1562, коммент. 3.

4 «...Как зовут Вашу сотрудницу, – спрашивал Пастернак Марину Мицишвили, –
милую, живую, одухотворенную, с такими красивыми глазами, такую знающую (она
знает немного по-гречески), кажется ее фамилия Канделаки, но наверное я
ошибаюсь. Как зовут сестру Гуги Ар-чиловны, дочери Раисы Константиновны Микадзе,
которая тоже обходи-ла с нами залы музея? Всем им самый сердечный привет.
Знакомство с ними было для меня большой радостью» (там же). М. Мицишвили
пока-зала Пастернаку Музей Грузии им. Н. Джанашия.

1586. Л. А. ВОСКРЕСЕНСКОЙ

27 марта 1959, Переделкино

27 марта 1959

Дорогая Лидия Александровна,
благодарю Вас за подарки, Вы меня так балуете своим вни-манием, щедростью,
добротой!1 Экзюпери у меня есть полный, но так и не могу урвать времени его
прочесть, авось малень-кого Вашего принца удосужусь пробежать глазами раньше2,
это давнишний мой долг перед французскими моими приятель-ницами.
Я обязательно повидаться с вами, может быть даже позднее, летом, соберусь к Вам.
Неужели правда, хватит у Вас труда и тер-пения одолевать «Доктора Живаго» в
переводах (тогда бы я по-просил 0<лью> В<севолодовну> дать Вам на английском и
на итальянском). Оригиналлов нет и их получить неоткуда, да и вооб-ще пора «Д.
Ж.» считать делом прошлого и, собравшись с силами, подумать о чем-нибудь новом.
Чем отдарить мне Вас за Вашу неиссякаемую сердечность? С чувством неоплатной
задолженности кончаю и от души желаю здоровья и радости Вам и всем Вашим. Ваш Б.
П.

Впервые. – Автограф (собр. А. А. Воскресенского).

1 Л. А. Воскресенская выписывала из поступавших в фундаменталь-ную библиотеку
общественных наук иностранных книг и журналов упо-минания о Пастернаке. Кроме
того, дарила ему книги; в данном случае имеется в виду «Древнерусская живопись в
собрании Третьяковской гале-реи». М., 1958, с надписью: «Милому гимназисту –
Боре Пастернаку – Поэту 1958 г., дорогому моему современнику. Л. В. Март, 1959».

2 Antoine de Saint-Exupery. Le petit Prince. М., «Литература на ино-странных
языках», 1958, с дарственной надписью: «Борису Леонидовичу с приветом от Л. В.
Март, 1959».

1587. Ч. ГУДИАШВИЛИ

28 марта 1959, Переделкино

28 марта 1959 Дорогая Чукуртма!

Мне очень хочется написать Вам, но в Вашем лице я также обращаюсь к Вашим
родителям, к Вашему дому, ко всем людям, выделенным мною в Вашем городе в этот
приезд, ко всем дням, проведенным в нем.

Как я однажды сказал, что не могу отделить картин Вашего отца, висящих по стенам
от людей, сидящих под ними вокруг сто-ла, и от жизни, протекающей в этих стенах,
так богато и тесно уве-шанных картинами (точно это деревья в лесу, постепенно
разрос-шиеся), как вечернее освещение комнаты как бы подхватывает и продолжает
тепло коричнево-телесных красок, преобладающих в его живописи, так сливается
для меня Вы и Ваша мама и Ваше жилище и история и деятельность Вашего отца с тем
уголком го-рода, с улицей, где помещается Ваш дом, с узкою истройной Ка-шуэти
(как бы сделавшей несколько шагов по направлению к Ва-шей квартире, чтобы Ваш
отец расписал ее алтарь)1, с выходом из-под кипарисов городского сада в узкую
улицу, где бывает мно-го тени и на некоторых домах фронтонные украшения над
подъез-дами и окнами.

Внешность места, где Вы были ребенком и работал Ваш отец, давно и в прошлый
приезд связались у меня с образом Вашего отца и его особенным миром. Для меня
имеет значение какого-то особ-няком стоящего, необычного начала: лето в городе,
как явление, как фактор. Для меня присутствие летнего солнца и летней

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
расти-тельности на городских улицах имеет более волнующее, загадочное и
драматическое значение, чем прелесть природы на воле за городом². Как
происшествия у чужих, куда сбегаются посмотреть и о чем рассказывают, служат
напоминанием, что кроме привычек и налаженного течением времени, еще есть жизнь,
к которой ни-когда нельзя привыкнуть и которая никогда не становится вполне
знакомой, так действует на меня это появление, это выраста-ние кипарисов и
тополей у изгородей городских летних садов, а тень, которую они бросают за
ограду, кажется мне их деятельны-ми проявлениями, их поступками. Вот Вам пример.
Вы любите музыку? Для меня больше всего, бездонно много по сравнению с другими
сделал в ней Шопен. И я его произвожу не из вздохов и слез, пролитых им в жизни
(я не люблю романтизма и слова ро-мантизм), но из особенностей Парижской
городской жизни трид-цатых годов прошлого века, из деревьев Парижских
бульваров³.

И Вы и Ваша семья живете у порога такого садового, листвен-ного вторжения.
Не смею подсказывать, но на месте Вашего отца, в ряду его исторических
композиций (как например с царицей Тамарой и пр.) с какой-то мерой вольности,
которую он допускает в своей фан-тастической графике, я бы написал полотно
маслом, семейную или домашнюю симфонию, где обязательно, вместе с его жизнью, и
вами, и мамой был бы клочок уличной достоверности с перекре-стком и воротами
городского сада, с темнотою тени на улице, с кипарисами и Кашуэти. И чем
эгоцентричнее и полнее он подчи-нил бы Вас и маму деревьям, и зданиям, и
вымыслам, чем больше перемешал бы Вас с ними, тем было бы лучше.
При первой возможности я пришлю Вам кое-что из моих ра-бот для чтения. Только
это будут переводы, у меня нет ничего сво-его. Фауста прочтите (не сразу,
небольшими частями в свободные минуты) обязательно. Но и в Марии Стюарт Шиллера,
где потря-сающее множество опечаток, самых неприличных, часто наруша-ющих ритм,
хороший конец (5-й акт).

Будьте здоровы, милая моя девочка. Желаю от души победы и удачи Вашим мечтам и
стремлениям, Вашей гордости, Вашему самолюбию. И поцелуйте, пожалуйста, маму и
Вашего легендар-ного отца.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Литературная Грузия», 1980, № 2. – Автограф (собр. адре-сата).

¹ Кашуэти – старинная грузинская церковь, во время реставрации которой Ладос
Гудиашвили расписал в ней алтарь.

² Тема лета в городе – один из многократно повторяющихся сюжетов Пастернака в
стихах («Лето в городе», 1956) и письмах, например: «Боюсь лета в городе, –
духоты, пыли, бессонницы, накатов чужого, но заразитель-ного скотства; идеи ада
(бесформенного страданья)» (письмо № 309).

³ См. стих. «Опять Шопен не ищет выгод...», 1931, и «Во всем мне хочется
дойти...», 1956.

1588. Ж. де ПРУАЙЯР

30 марта 1959, Переделкино

30 марта 1959

Дорогой мой бедный друг, мне надо сказать Вам две вещи, которые решительным
образом изменили мое теперешнее поло-жение, еще более стеснив его и отягчив.
Меня предупредили о тя-желых последствиях, которые ожидают меня, если повторится
что-нибудь подобное истории с Энт. Бр<ауном>¹. Друзья советуют мне полностью
отказаться от радости переписки, которую я веду, и никого не принимать.
Я пробовал соблюдать это в течение двух недель. Но это ли-шение уничтожает все,
ничего не оставляя. Такое воздержание искажает и разлагает все составные
элементы существования, воз-дух, землю, солнце, человеческие отношения. Мне
осознанно не-навистно стало все, что я бессознательно и по привычке любил до сих
пор. Итак, для того, чтобы существовать, я должен позволить себе дышать и в
разумных пределах рисковать головой. – Это пер-вое, что мне нужно было Вам
сказать. А вот второе.

Меня, наконец, вызвали в одно официальное, юридическое финансовое место и
сообщили о счете в Норвежском банке, где лежит для меня немногим больше ста
тысяч крон, и о другом сче-те в Швейцарии, в двадцать пять тысяч фунтов
стерлингов, – эти сведения исходят от их финансовых агентов за границей. Меня
спросили, что я думаю с ними делать. Я Вам скажу сейчас, что я предполагаю
сделать, но пока прошу этого не разглашать. Не знаю, что бы я делал в других
условиях, но сейчас я хочу воспользоваться этой возможностью. Задерживается
плата, причитающаяся мне за недавно выполненные работы, и зарабатывать мне
больше не дадут, этого лишена также 0<льга> <сесолодовна>, не захотев-шая
публично отречься от меня, хотя живет отдельно и независи-мо. К тому же отказам
в таких предложениях всегда придается скверная окраска. И вот на что я решился.
Я попрошу перевести всю сумму из Норвегии сюда, полови-ну Зине, половину
0<льге>. Что до денег из Швейцарии, то неко-торое время я подожду и не буду

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori открывать своего решения, пока не уверюсь в результатах норвежского мероприятия. Но у меня твердое намерение попытаться оставить там, у Вас, больше поло-вины (и с течением времени она будет увеличиваться). Возможно, дождавшись результатов этого испытания, я десять или пятнад-цать тысяч фунтов передам фонду помощи престарелым писате-лям, другими словами, той самой организации, из которой меня исключили.

Но это все не имеет отношения к существенным вопросам Вашего письма от 19 февраля, вернее, к одному первостепенному, который легко решается несколькими словами.

Моя мечта и желание – объединить все в Ваших руках, что-бы ф<ельтринелли> и другие должны были бы давать Вам отчет как единственной моей заместительнице, чтобы Вы всем свобод-но владели, распоряжались, выбирали применение и пользовались всеми моими авторскими правами без постоянной и мелочной отчетности передо мной (которая в моем положении невозмож-на), в такой степени, чтобы все: состояние дел, Ваши планы, по-ступки и т. д. в этом отношении были бы тайной и от меня, по-скольку у меня нет права даже переписываться на эти темы.

Если когда-нибудь положение и окружающие обстоятельства станут более нормальными, и я доживу до этого, я приведу в по-рядок горы писем, которыми набиты все мои ящики, как на по-чте. Там много просьб о материальной помощи от разных людей со всего мира. Я передам их Вам, на Ваше усмотрение. Но это еще так далеко, так далеко! И мы с Вами выработаем какой-нибудь общий план широкой благотворительности, не правда ли? Но если Вам придет в голову что-либо на этот счет раньше, делайте что хотите, и мне об этом ничего не сообщайте².

Послушайте, Жаклин, уясните себе смысл своих полномочий. Они обязывают Вас только к тому, что Вы сами добровольно со-гласитесь признать своими обязанностями. Они дают Вам право браться за все в целом или по частям, как Вам заблагорассудится. В той же мере они дают Вам право ничего не делать, если у Вас нет времени, возможности или желания.

Положение по самой сути нереальное, фантастическое и не-возможное. Железный занавес, неравная борьба одного против всех, выдуманный и искусственный мир, возникший когда-то из буйного помешательства школьников, чтобы превратиться в бе-шенство недоучек, – скажите, на что реальное, логичное и вооб-разимое здесь можно рассчитывать, можно ли бороться в этом враждебном мире всеобщего бешенства и озверения? Взгляните, – я полностью отрезан от всего, что жизнь дала мне редкостного и драгоценного, – изданных книг и откликов, целого мира горячей преданности и увлеченности, от какого-то богатства, наконец. Это – далекий призрак по ту сторону непреодолимой и неприс-тупной пропасти.

Если я отдаю эту мечту в Ваши руки, то не для того, чтобы Вы ко мне перебрасывали мост. Я просто хочу все это перенести из-под гнета постоянных превратностей под охрану более человеч-ной и одухотворенной случайности, под присмотр дружеских доб-рожелательных глаз. Вам не надо ни о чем беспокоиться. Мое до-верие ничего от Вас не требует. Действуйте в границах, легко до-пускаемых своими делами, преподаванием, литературной деятельностью, домом и семьей, не тратьте на это Вашего свобод-ного времени (которого у Вас нет!). Не умножайте трудностей жизни мыслью о ложной ответственности и мнимой отчетности передо мной. Не пишите длинных писем и не обращайтесь на меня внимания, пренебрегайте всем. Не держите меня в курсе событий и ни о чем не советуйтесь. Помогите мне (постарайтесь ради Вас самих) забыть об этих двух или трех годах чудес и потрясений вок-руг «Доктора Живаго», бурь, смертельных опасностей и угроз, – до тех пор, пока не будет создано и собрано достаточное количе-ство новых написанных работ (если я только буду жив), чтобы на-чать новую полосу жизни, может быть, в изменившихся, более спокойных, терпимых и мало-мальски человеческих условиях.

Позаботьтесь только о том, чтобы 1) тот духовный подъем, который был достигнут, не был извращен и полностью утрачен и 2) чтобы большая часть средств, примерно три четверти, времен-но осталась за границей, у Вас. Насколько возможно, пусть не раз-званивают сумм и цифр.

Я прилагаю бумагу для ф<ельтринелли>, в которой уточняю Ваши права³. Сокращу дальнейшее, чтобы, наконец, закончить письмо. Я был не в Крыму, а в Тифлисе и писал Вам об этом в открытке, которая до Вас очевидно не дошла. Я написал месяц тому назад Мишелю о его прекрасном стихотворении⁴, о поэзии и языке и, наверное, тоже попусту. – Очень интересно то, что Вы пишете о литографической технике Алексеева⁵. Хороший ли он рисоваль-щик? Я получил письма от Элен. Пусть она еще немного подожд-дет моего ответа. (Этот год совершенно не похож на предыдущий.) Все так переменялось вокруг меня, возникло столько затрудне-ний! Вы все так устали от меня, не правда ли, – я это чувствую. Я оказался недостойным вас и ваших усилий. Как знакома мне усталость разочарования!

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

В этой строке написано не «в заборе», а «в загоне» (dans une traque):

Я пропал, как зверь в загоне. Где-то люди, воля, свет, А за мною – шум погони, Мне наружу ходу нет. <...>6

Русское издание романа в Милане пестрит досадными опечатками. Это почти что другой текст, не то, что я писал. Наберите помощников, чтобы по Вашей рукописи, которую я проверил и которая верна, подготовить издание на основе выверенного и исправленного текста7.

Но вернемся к Элен. Поцелуйте ее. Это моя главная просьба.

Поцелуемся и мы.

P. S. Очень важно. Почему не выполнены мои просьбы о не-больших денежных подарках?8 Нужно увеличить долю Герду Руге от десяти до пятнадцати тысяч долларов, потому что я взял у него в долг половину этого и должен вернуть.

Б. П.

Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956-1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Имеется в виду вызов к генеральному прокурору 14 марта 1959, где Пастернак получил предупреждение «о тяжелых последствиях» случая с публикацией в «Daily Mail» стих. «Нобелевская премия», переданного ан-глийскому журналисту Энтони Брауну. См. коммент. 1 к письму № 1583.

2 Ж. де Пруайяр вспоминает, что Пастернак мечтал передать деньги на восстановление разрушенных церквей и облегчение участи обездолен-ных (переводя на современный язык: репрессированных).

3 Письмо № 1590.

4 См. письмо № 1568.

5 Ж. де Пруайяр писала 26 февр. 1959, что Галлимар затеял иллюстри-рованное издание «Доктора Живаго» и пригласил художника А. А. Алек-сеева, работавшего в технике симилографуры. Он выкладывает на экране булавками рисунок, с помощью освещения добивается нужного эффекта и фотографирует. Предлагает 400 иллюстраций. Пастернак благодарил Ж. де Пруайяр за это издание 5 нояб. 1959: «я не гожусь, чтобы судить о современном рисунке. Но мне кажется, что в книге я нашел иллюстра-ции, выполненные в манере (или даже с мастерством) Энгра или Шассе-рио, это может показаться странным и старомодным. Алексеев отразил именно дух книги. Все, что было сложного или таинственного (например, сон в главе "Против дома с фигурами"), схвачено и выполнено чудесно. Он делает гравюры даже из дыхания, из построения фразы, как, напри-мер, в трех двойных иллюстрациях в начале (романа. – Е. И, М. Р.): шли и шли и пели вечную память... Он мне напомнил обо всем, что было русско-го и трагического в нашей истории, что я забыл и недооценил» (там же. С. 177).

6 Пастернак исправляет ошибку в первой строке стих. «Нобелевская премия», по поводу публикации которого в «Daily Mail» Ж. де Пруайяр осаждали журналисты, и приводит далее в письме целиком его текст в 6 строф.

7 Фельтринелли, наконец, выпустил русское издание «Доктора Жи-ваго», но Пастернака огорчали многочисленные опечатки. Ж. де Пруайяр не была допущена к изданию, она подготовила и вычитала текст романа для Ann Arbor при Мичиганском университете, но, по вине фельтринел-ли, эта работа не была учтена до издания 1984 г.

8 Пастернак ничего не знал о том, что письмо к фельтринелли с пе-речнем «денежных подарков» и, главное, с распределением ролей между Ж. де Пруайяр и фельтринелли было остановлено О. В. Ивинской и оста-лось неотправленным (см. письмо № 1567, коммент. 5).

1589. Д. А. ПОЛИКАРПОВУ

1 апреля 1959, Переделкино Уважаемый Дмитрий Алексеевич!

Меня пригласили в Инюрколлегию и сообщили, что наше посольство в Норвегии предложило получить для меня в нор-вежском банке депонированный там гонорар за роман «Доктор Живаго».

Как Вы знаете, до сих пор я никаких денег за издание моего романа за границей не получал и не предпринимал никаких по-пыток к этому. Сейчас, когда предложение взять гонорар сделано мне в официальном порядке официальным лицом, я полагаю, что приняв такое предложение, я не совершу чего-либо, противоре-чащего интересам государства. Вы знаете также, что в Советском Союзе мои книги в настоящее время не издаются, а имеющиеся у меня договоры фактически приостановлены действием, и, следо-вательно на заработок внутри страны я рассчитывать не могу.

В Инюрколлегии мне сказали также, что я могу получить деньги, которые хранятся для меня в швейцарском банке в английской валюте, и попросили моей доверенности на их по-лучение.

Я хотел бы часть этих денег передать Литфонду СССР, на нуж-ды престарелых литераторов.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Если почему-либо это будет сочтено неудобным, или проти-воречащим
государственным интересам – чтобы я получил день-ги из-за рубежа и часть их
передал Литфонду – убедительно про-шу меня о том уведомить, чтобы предупредить
ошибочный шаг с моей стороны, который имел бы дурные последствия.

1 апр. 1959 г.

Б. Пастернак

Свое разрешение или запрещение доведите, пожалуйста, до моего сведения по
адресу: Москва, Потаповский пер. д. 9/11 кв. 18, Ольге Всеволодовне Ивинской.
Тел. Б-7-33-701.

Впервые: Пастернак и власть. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, без шифра).

1 Пастернак рассчитывал на легальное получение денег как на воз-можность
самостоятельной работы, потребность в которой он почувство-вал с особенной силой
в Грузии. Но из опасения провокации О. Ивинская настояла на том, чтобы Пастернак
получил разрешение от ЦК. «Мне пред-лагают официальные перечисления вкладов, но
я не знаю, не скрыта ли здесь ловушка, чтобы погубить меня тем вернее», – писал
Пастернак в пись-ме № 1591. В ответ на его запрос Поликарпов потребовал, чтобы
он отка-зался от денег в пользу Комитета защиты мира, советской организации,
ус-траивавшей поездки своих чиновников за границу с целью «защиты мира».
Пастернак решительно воспротивился этому «договору Фауста с Дьяволом» (письмо №
1593) и 24 апр. 1959 писал в Управление авторских прав: «Я от-казываюсь
пользоваться вкладами, имеющимися на мое имя за издание ро-мана "Доктор живаго"
в банках Норвегии и Швейцарии, о которых мне сообщила своим письмом
Инюрколлегия. Б. Пастернак» (там же. С. 253).

1590. Дж. ФЕЛЬТРИНЕЛЛИ

4 апреля 1959, Переделкино

Мой дорогой, большой и благородный друг,
к грустным событиям последнего времени добавляется глу-бокая досада, вызванная
тем, как я подозреваю, что мое длинное январское письмо, которое я написал Вам и
Вашей матери, ува-жаемой и достойной восхищения синьоре Джаннализе
фельтри-нелли, каким-то образом заблудилось и пропало¹.

Я теперь не могу уже пересказать Вам его содержание, к тому же в этом нет
необходимости. Я повторю лишь слова горячей бла-годарности Вашей высокочтимой
матери, бывшие в пропавшем письме, за честь, которую она мне оказала своим
осенним поздрав-лением, и повторю свою благодарность Вам за Ваше прекрасное
длинное двуязычное письмо (полуфранцузское, полуанглийское), за Ваше
великодушие, за Ваши слова обо мне, за то, что вынесли из-за меня (гнусные
обвинения в выдуманных провинностях по отношению ко мне или ложном недосмотре,
которые Вы, по сво-ей доброте, отклонили), за все, за все.

Вы хорошо знаете, как я стеснен в своих делах и полностью лишен возможности
действовать, я не могу ничего ни решать, ни обсуждать, ни списываться, у меня
связаны руки не только, что-бы распорядиться чем-то на расстоянии, но просто
чем-то инте-ресоваться. В условиях совершенной оторванности от меня Вы
действовали со сверхъестественной безошибочностью, как в бо-жественном озарении,
мне не в чем упрекнуть Вас, разве в том, что Вы ослепили меня и избаловали
блеском неизменных успе-хов.

Если бы у меня было право мечтать или надеяться на то, что я останусь жив, я бы
думал о совсем другом времени, года через два или три, более спокойном,
счастливым и терпимом, когда у меня будет возможность забыть Доктора Ж<иваго>,
вычесенного тре-мя новыми работами, о которых буду договариваться в первую
очередь с Вами, свободно и открыто обмениваясь письмами, или еще лучше в личной
встрече, когда навещу Вас в своих поездках по Европе.

Я предполагаю написать пьесу в прозе о крепостном театре перед освобождением
крестьян; 2) поэму в стихах, посвященную любви к свободе, олицетворенной в
героине сербке (инстинктив-ная, страстная жажда независимости, горы, море, мир
Адриатики несколько в стиле Мериме); 3) роман в прозе о переплетении древ-ности
и нашей действительности, о первых веках новой эры где-нибудь в Иберии и
воображаемых раскопках на Кавказе. (Вы мо-жете ускорить и благословить эти
начинания, послав мне матери-алы и книги для 2-го и 3-го пунктов, чтобы
разобраться в юго-славской тематике, или на темы археологических раскопок –
жизнь, факты, документы, драматические и заслуживающие вни-мания узлы, и
передать ту же просьбу о печатных источниках Кол-линзу и Фишеру)

Пока же, благодаря особенностям нынешнего положения, рядом с нашими возникли еще
и другие отношения, которые нисколько не ущемляют Ваших прав и интересов, ни
моего к Вам уважения, и притом они не менее значительны и заслуживают по-чтения.
Ваше прекрасное издание романа по-русски полно опечаток, значительной части
которых можно было избежать, если бы редактирование было поручено М-м де
Пруайяр, которая прекрас-но знает текст не только как славистка, которая
принимала учас-тие во французском переводе романа, но, кроме этого, она

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
располагает просмотренными и выправленными мною рукописями.

По естественному ходу событий и наших встреч она стала участником моих планов, которые я ей доверил, и, получив от меня рукописи, взяла на себя тяжкую обязанность быть моим единственным и полноправным доверенным лицом. В этом нет никакого обидного предпочтения ни перед кем из других моих друзей, никакого недовольства кем бы то ни было или осуждения. Я хочу, чтобы в течение долгого времени, пока у меня нет возможности влиять на ход дела, выбирать, сноситься и пользоваться плодами Вашей деятельности и моей мысли, пока я не могу узнавать о результатах этого и даже сметь или хотеть узнать о них, я желал бы, чтобы обе ваши роли, Ваша и ее, были четко и целесообразно разделены. Я хочу, чтобы Вы продолжали получать свою часть по договору за переводы романа (с той же двойной выгодой для меня, моральной и материальной), или чтобы Вы воспользовались любым новым соглашением, какое Вам захочется заключить с М-м де Пруайяр с ее согласия и по ее праву.

И я хочу, чтобы Мадам Вам заменила меня, чтобы она заместила меня в отчетности, которую Вы сочтете необходимой, и в обсуждении вопросов использования денежных средств или нужного совета по поводу Ваших новых планов. Потому что временно (и это продлится еще долго) меня нет ни для нее, ни для Вас, Вы должны забыть, что был человек, который носил это имя, и стереть его из памяти.

Именно с этим намерением я направляю Вам прилагаемую бумагу, дословно переписанную мною с доверенности, которую я пошлю М-м де Пруайяр².

Поверьте моей благодарной преданности. Я стольким Вам обязан! Все могло бы быть иначе, но я лишен самых элементарных возможностей.

Б. Пастернак

P. S. (очень важно). В моем пропавшем письме к Вам был список с перечислением сумм и лиц, которым я хотел перевести не-которые суммы в подарок (среди них 10 тысяч долларов Серджио Д'Анджело, десять тысяч, а сейчас я увеличил эту сумму до пятнадцати Герду Руге и т. д. и т. д.). Копию этого списка, к счастью, получила М-м де Пруайяр, и она есть у нее³.

Дорогой друг, не задерживайте и не меняйте этих выплат. Я хочу, чтобы подарки названным в списке людям были сделаны как можно скорее. С. Д'Анджело предложил мне денежную помощь на самый худой конец, когда мне будет приклонить голову. Быть может, в самом крайнем случае я буду вынужден прибегнуть к его предложению, но по этому поводу ему следует посоветоваться с М-м де Пруайяр в соответствии с прилагаемой доверенностью и не беспокоить Вас по этому вопросу⁴.

Б. и

Впервые: «Континент», 2001, № 108. – Автограф по-фр. (РГАНИ). Письмо датируется по приложенной доверенности, данной Ж. де Пруайяр 4 апр. 1959.

1 Речь идет о письме 2 февр. 1959, задержанном по просьбе О. Ивинской (см. коммент. 5 к письму № 1567).

2 К письму приложена записка, подтверждающая «полное и неограниченное право распоряжения всеми договорами и контроль над денежными поступлениями» Жаклин де Пруайяр: «Я хочу, чтобы Вы были обязаны отчитываться перед госпожой де Пруайяр в мое отсутствие во всех авторских правах, включая гонорары за роман. Я доверяю свободное распоряжение этими правами госпоже де Пруайяр или лицу, которое она назначит в случае своей смерти. Б. Пастернак» (там же. С. 244-245).

3 Речь идет о письме № 1567 и коммент. 5.

4 См. коммент. 7 к письму № 1666.

1591. С. Д'АНДЖЕЛО

6 апреля 1959, Переделкино

6 апреля 1959

Дорогой Sergio, благодарю Вас за письмо. Мы всегда вспоминаем Вас самым дружеским и признательным образом. С того времени, как мы с Вами виделись в последний раз, произошло так много неожиданного и значительного. Много предположений, составленных мною тогда устно или в виде шатких и гадательных, юридически неоформленных пожеланий насчет литературных переводов, изданий и т. д., обогнаны жизнью, которая опередила самые смелые наши допущения. Все разрослось и осложнилось ведь не только в дурном смысле, но и притом гораздо больше, в хорошем. Хотя опасность, которую мне пригрозили в самое последнее время, непреувеличенно смертельна¹, вещи бессмертного порядка, достигнутые наряду с ней, ее перерастают.

Благодарю Вас за помощь, которую Вы мне предлагаете². Я сейчас в неизвестности. Мне предлагают официальные перечисления вкладов, но я не знаю, не скрыта ли здесь ловушка, чтобы погубить меня тем вернее, – так велико все время желание утопить меня, так ничего, кроме этого желания, я по отношению к себе не вижу. Причем все время с претензией, будто мне готовили что-то хорошее, да не успели, а я опять все испортил, и примирение снова невозможно, – подумайте, какая дешевая низость! И в ответ на предложение перечислить вклады официально я еще ни

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori на что не решился³. Так что, может быть, я прибегну к Вашей готовности в самом крайнем случае. Даже вот что, испытайте эту возможность хоть сейчас же, не дожидаясь крайности.

Но общей доверенности на все средства я Вам дать не могу, потому что дал ее уже гораздо раньше Mme de Proyart. Да Вам та-кой доверенности и не надо. Обратитесь сами к ней за советом. Если она одобрит Вашу меру (а она такой же мне друг, как Вы, и так же полна обо мне заботы), она выделит Вам для Вашей доброй цели сумму достаточно большую (скажем, если предшествующи-ми своими просьбами и назначениями⁴ я не истощил запаса ниже возможности такой цифры), – скажем до ста тысяч долл<аров> (100.000 \$). Черпайте тогда отсюда безотчетно (переписываться на эту тему мне нельзя) с некоторой пользой и для себя, потому что я бы не хотел, чтобы Ваши труды и время пропадали даром.

Я выше упомянул о денежных просьбах, с которыми я уже обращался к Mme de Proyart⁵, сокращая таким образом, перво-начальные размеры вклада. Среди этих поручений я послал ей список лиц, которым я желал бы сделать денежные дарения. Я в этом перечне назначил Вам десять тысяч долл<аров>, наравне с моими сестрами, – извините, что так мало. Это никакого отно-шения не имеет к тому, что Вы предлагаете. Для денежной под-держки, которую Вы мне хотите обеспечить, будет другой источ-ник, и речь о нем была выше. Так что деньги эти (10.000 \$) Ваши в любом случае, даже, если Вы поссоритесь со мной и забудете ду-мать обо мне. Я также просил назначить две тысячи долл<аров> Гарритано⁶.

Доверенность г-же Депруаяр выросла сама собой в том есте-ственном ходе событий, в каком они развивались и о котором я говорил в начале письма. Так же необязательно, как с Вами, я го-ворил с ней об автобиографии, и о многом другом⁶. Она ее переве-ла и ее перевод опередил итальянское издание. Кроме того, она близка мне по духу, я мог поручить ей наблюдение за литератур-ной, мировоззрительной стороной многих дел и вопросов (кстати миланское издание русского текста ром<ана> кишит опечатками, я в ужасе от их количества). Пришлите нам, однако, два-три эк-земпляра с какой-нибудь оказией, а также два-три экз<емпляра> русского американского издания, которого я совсем не видел⁷. (Об иностранных изданиях не романа, а других я уже не говорю. Их можно было бы послать мне заказной бандеролью по почте, по которой книги доходят). Итак, доверенность с Mme de Proyart (21, rue Fresnel, Paris XVI) возникла не в пику sign. Feltrinelli, не из недоверия к нему или Вам, не из предпочтения перед моими сестрами или в ущерб и обиду другим моим друзьям, а парал-лельно и рядом с этими отношениями и в ужасную тягость г-же Депруаяр, писательнице, преподавательнице, общественной де-ятельнице и матери семейства, у которой и на свои дела нет ни минуты свободы.

Письмо к Fel-ли пройдет через Ваши руки. Ознакомьтесь с ним. Также прилагаю записку к M-me de Proyart, к которой прошу Вас с ней обратиться по поводу Вашего плана, письменно или устно⁸. Вы чудесно говорите и пишете по-русски. M-me de Proyart препо-дает русский язык. Это на случай, если объясняться с ней по-фран-цузски или по-английски Вам будет труднее.

Скажите Гарритано о его двух тысячах doll<ars>.

Крепко жму руку. Не сердитесь на меня, если я Вам кажусь недостаточно отзывчивым и благодарным.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: газ. «Vita», Рим, 11 мая 1961. – Автограф (собр. адресата).

1 Имеется в виду предъявленное Пастернаку 14 марта обвинение в государственной измене.

2 С. Д'Анджело, зная о финансовой блокаде Пастернака, предлагал пересылать ему деньги нелегальным путем, для чего просил доверенность на получение заграничных гонораров.

3 См. запрос Поликарпову по поводу предложенных Инюрколлегией денег (см. письмо № 1589) и отказ от них (коммент. 1 к тому же письму).

4 Речь идет о «денежных подарках», список лиц, которым они адре-совались, дан в письме № 1567.

5 Джузеппе Гарритано – сотрудник изд-ва Фельтринелли и друг Д'Ан-джело, чьей помощью Пастернак пользовался после отъезда Д'Анджело из Москвы в декабре 1957 г. Имя Гарритано жирно вычеркнуто адресатом в автографе письма, и именно его наличие в списке «денежных подарков» было причиной задержания письма к Фельтринелли 2 февр. 1959 (ком-мент. 5 к письму № 1567). Пастернак узнал об этом только 12 апр. 1959 г. и писал Ж. де Пруйяр: «Человек с итальянской фамилией, которому я назначил небольшую сумму в две тысячи, не хочет быть назван, то есть чтоб его имя фигурировало где бы то ни было в этой связи. Он согласен, как мне кажется, на анонимный подарок, но по личным или политичес-ким причинам энергично противится, чтобы его имя стало известно. Он не дал Ольге отсрочки на те несколько часов, которые ей были нужны, чтобы поехать за город, увидеться со

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
мной и рассказать об этом небольшом осложнении. Она вынуждена была поступить
самовольно, без моего ведома» («Новый мир», 1992, № 1. С. 164). Письмо осталось
у Ж. де Пруайяр и не было послано Фельтринелли.

6 «Необязательность» разговора Пастернака с Д'Анджело об «Авто-биографии» повела
к тому, что Фельтринелли без всякого договора взял на нее копирайт, хотя
французский перевод вышел на полгода раньше ита-льянского, сделанного Д'Анджело.

7 Русское издание «Доктора Живаго» вышло в Ann Arbor, Michigan University Press,
1959. Корректуры читал Д'Анджело, отказавшись от ра-боты, сделанной Ж. де
Пруайяр, и опечаток было не меньше, чем в Ми-ланском издании.

8 См. письмо № 1666 и коммент. 7 к нему.

1592. А. ДЕМАНУ

9 апреля 1959, Переделкино

9 апреля 1959

Глубокоуважаемый господин Деман. Отвечаю на Ваши вопросы.

1) Прототипы героев «Д<октора> Ж<иваго>» действительно жили на свете, но герои
сами по себе – видоизменения этих мо-делей. Ваше замечание о Дмитрие Самарине
очень тонкое и точ-ное. Его образ был передо мной, когда я описывал возвращение
Ж<иваго> в Москву¹.

2) Вы правы, хронология в романе совершенно запутана, не-последовательна и
неверна. Но я не придаю слишком большого значения неаккуратности такого рода.
Напротив, я сохраняю эти погрешности живо написанной картины даже тогда, когда
мне на это указывают, по причине, которая Вас удивит. Например, я го-ворю о
Марии Египетской, как современнице Марии Магдали-ны, тогда как между ними
промежуток в триста лет. Когда мне от-метили эту ошибку, я ее не убрал и не
исправил, она осталась в рассказе Симушки².

3) Конечно, в общих чертах, я не отделяю себя от идей Ж<иваго> и Симушки. В
определенном смысле их мысли – мои³.

4) Похороны Баумана я видел с балкона или из окна Учили-ща Живописи. Тот случай
не имеет никакого отношения к демон-страции, это было в другой раз (я лишь
вмешался в толпу демон-странтов, когда они проходили по нашей улице), это мелкие
впе-чатления ранней юности, не имеющие никакого значения⁴. Я не знаю, был ли
Маяковский в 1905 году в Москве и ни разу не слы-шал его имени, мне кажется, до
1912 или 1913 года. Я познако-мился с ним перед самой войной.

5) Может быть, я ошибся в последовательности съездов. Воз-можно, это был
какой-нибудь другой съезд. По-моему, я оказался там, получив пропуск
журналиста⁵. Я никогда не принадлежал ни к какой политической партии, и меня
никогда не выбирали ни в какое Учредительное собрание.

6) Не думаю, чтобы Верхарн приезжал в Москву по каким-то политическим или
социалистическим соображениям. Он приез-жал и останавливался в Москве просто как
художник. Возможно, его пригласили прочесть свои стихи на заседании московского
Художественного кружка того времени, который назывался (как мне кажется, в
подражание Бельгийской ассоциации) «Обществом свободной эстетики»⁶. Верхарн жил
в гостинице «Кокоревское подворье» на правом берегу Москва-реки, напротив
кремлевской стены и всех главных соборов.

7) Все мои собственные книги давно разошлись. У меня нет ни одного экземпляра ни
стихов, ни прозы. В частности, нет также и «Охранной грамоты», и я не могу
проверить то, что Вы меня спра-шиваете. Но я не помню такого места (о Генте)⁷.
Нет ли здесь ошиб-ки? Может быть, – переводчика? Или типографской опечатки?

8) (О масонской ложе). Так издавна читалось, и ничего боль-шого не значило⁸. Ни
в каких новых ложах я не принимал никако-го участия.

Я очень хотел Вас удовлетворить своими ответами, но сомне-ваюсь, что письмо
соответствует моим добрым намерениям и бла-гополучно достигнет Вас.

Впервые: «Revue des pays de l'est», 1972, № 1. – Автограф по-фр. (собр.
адресата).

Альбер Деман – профессор Брюссельского университета. Публика-цию письма
Пастернака он предварил вступлением, в котором объяснял, что роман «Доктор
Живаго» является защитой завоеваний Октябрьской революции от власти «новых
царей»; также он пересказал вопросы, кото-рые задавал Пастернаку по «Доктору
Живаго», автобиографическому очер-ку «Люди и положения» и «Охранной грамоте».

1 Деман спрашивал Пастернака об исторической реальности героев «Доктора Живаго»,
в частности по поводу прототипа Юрия Живаго, кото-рый он увидел в Д. Ф.
Самарине, дважды упоминавшемся в автобиогра-фической прозе Пастернака.

2 Второй вопрос касался нарушения датировки в романе событий 1917-1922 гг. О
совмещении образов Марии Египетской и Марии Магда-лины Пастернаку говорил А. В.
Звенигородский, указав на слова из служ- бы Великой Среды, которые цитирует
Симушка Тунцева, относящиеся к Великой грешнице (см. об этом в коммент. к
«Доктору Живаго» – т. IV наст. собр.). Деман спрашивал, не отразились ли мысли
автора в словах Тунцевой об «охране материнства, борьбы с властью наживы» как

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
приобретения революции и о «прокламациях о вождях и народах» как «смешном
пережитке», возвращающем к «ветхозаветным временам скотоводческих племен».

3 Третий вопрос Демана касался политических взглядов Пастернака в 1917 г. Деман
предполагал, что они были близки группе «Скифов» (А. Белый, А. Блок, С. Есенин и
Е. Замятин).

4 Демана интересовал упомянутый в «Охранной грамоте» эпизод с участием
Пастернака в демонстрации, когда он «бравировал» перед казачкой нагайкой и
получил ею удар «по спинке ватной шинели», дальше которого, по словам
Пастернака, его «грошова революционность» не пошла (т. III наст. собр. с. 213).
К похоронам Баумана эта демонстрация не имела отношения.

5 В издании «Охранной грамоты» в переводе Наталии Азовой (Paris,
Buchet-Castel-Correa, 1959) IX Всероссийский съезд советов, на котором
присутствовал Пастернак в 1921 г., назван П-м, проходившим в Петрограде 25 окт.
1917 г. Поэтому Деман спрашивал Пастернака, от какой партии он выступал и не был
ли членом Учредительного собрания.

6 Деман предполагал политическую подоплеку приезда Верхарна в Москву в 1913 г.

7 Вопрос Демана касался французского перевода «Охранной грамоты», который был
сделан с журнального варианта текста («Новый мир», 1929, № 7). Название
бельгийского города Гента было вставлено в текст переводчицей как обозначение
того «далекого северного города», сakra-пывающим дождем которого Пастернак
сравнил мимолетный дождик в Венеции. Это сопоставление отсутствовало в книжном
издании повести, и Пастернак не мог его вспомнить.

8 Последний вопрос относился к истории здания Училища живописи на Мясницкой, о
котором Пастернак писал, что «при Екатерине дом давал тайное убежище масонской
ложе» («Люди и положения»).

1593. Ж. де ПРУАЙЯР

17 апреля 1959, Переделкино

17 апреля 1959

Дорогая Жаклин, – неотвратимая и злополучная новость. Под видом «примирения» со
мною государство хочет присвоить плоды, которые приносят мои работы в свободном
мире.

Вы недостаточно знаете, до каких пределов в эту зиму дошла враждебность по
отношению ко мне. Вам придется поверить мне на слово, я не имею права и это ниже
моего достоинства описывать, как и в какой мере мое призвание, заработок и даже
жизнь оказались и остаются под угрозой. И вот, кажется, теперь решили обходиться
со мной помягче.

Мне не придется обдумывать, что выбрать из предлагаемого мне властями. Вы
знакомы с их повадками. Но я буду упорствовать (если удастся), чтобы
ограничиться вкладами в норвежском банке и в швейцарском, о которых им известно,
и вынужден буду пойти на то, чтобы их перевели в наш Государственный банк¹.
Сколько возможно, я стану отказываться подписать неограниченные права
Государственного банка на все будущие и наличные суммы, размеры и
местонахождения которых мне даже не известны. И дело не в том, что мне хотелось
бы скрыть деньги от их грязного и хитрого вынюхивания! Все мое существо восстает
против такой расписки, этого договора Фауста с Дьяволом о своем будущем, о
Божественной благодати, которую невозможно предвидеть, против ужасной системы,
захватывающей и подчиняющей себе живую душу, делая ее собственностью, системы
еще более ненавистной, чем былая крепостная зависимость крестьян.

Жаклин! Вникните в сущность моей мысли, отбросьте остальное. Может быть, Ваш муж
найдет какое-нибудь средство и что-нибудь придумает. Но поймите: было бы
недостойно Вас, глупо и мелочно думать, чтобы Вы приспособивались ко мне,
согласовывали и соблюдали мои интересы. Ваш единственный долг по отношению ко
мне это забыть меня с этого момента. Пользуясь Вашей доверенностью, получить то,
что еще можно спасти, и идти против меня, вплоть до полного разрыва, оспаривать
каждое мое заявление, каждую ссылку на меня, обосновывая это их
недостойностью и ставя мне это в вину, – поскольку заявления из тех мест, где
отсутствует свободная воля, всегда недостоверны. И поступайте так, как
подсказывает Вам воображение со всей добротой и великодушием, не думая обо мне
и не отдавая никому отчета. Знайте, что всякий раз, когда Вы поступаете
самовольно и безрассудно, исполняется моя мечта и меня радует мысль, что
какие-то средства вырваны из рук, делающих только зло, и отданы в руки,
совершающие добро.

Я не могу ничего Вам посоветовать, ослепленный расстоянием и окончательной
разлукой, я не вижу ничего, – так это далеко и так несведущ я в этих делах. Но
путь, который надо выбрать, мне кажется, все тот же, на который вступил
Фельтринелли, когда достойным доверия и близким трагической истине способом
издавал меня, не глядя на меня и открыто заявляя об этом, отказываясь признавать
мои аргументы, как вынужденные, неискренние и потому не имеющие веса.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Примите меры, чтобы об этом пока молчали и эти слухи не раз-званивали во весь
голос. Я никоим образом не имею в виду Вас са-мих, кого никак нельзя винить в
этом, – это несомненно моя вина, что всем все становится известно, но
используйте Ваше влияние, что-бы этого было меньше, чтобы важное совершалось в
тишине.

Дорогая Жаклин, в каждом письме я повторяю, что я Ваше несчастье и проклятье, и
это возрастает день ото дня. Я не знаю, что Вам сказать. Может быть, Вы
посоветуетесь с Ф<ельтринел>ли? Если Вы придете в отчаяние и не сможете более
выдержать это бремя, может быть, Вы передадите ему свои полномочия, как это было
раньше?

Я тону в неопределенности. Но осмеливаюсь в мыслях рисо-вать себе воображаемое
будущее, когда все совершенно изменит-ся, когда у меня появятся новые работы,
если только издания всех этих «Охранных грамот», ранней прозы и стихов, которые
обес-ценивают «Доктора Живаго» и то, что я недавно написал, не при-ведут нас к
полному литературному краху, – настанет время, в котором, может быть, я еще
успею пожить. Неужели у меня нет права мечтать о нем и заботиться уже сейчас?
Итак, если Вы получите сведения о новых гонорарах (весь мир знает, что Вы
доверенное лицо), не позволяйте, чтобы глупые мел-кие предубеждения удерживали
Вас от широких и спасительных шагов, подсказанных смелым предвидением. Откройте
свой соб-ственный текущий счет, не имеющий ничего общего с моим. Кла-дите на
него доходы, которые будут проходить через Ваши руки после произведенного отсюда
грабежа и насилия (размеры и зна-чительность которого я не могу предсказать)2.
Храните это иму-щество и распорядитесь им, как Вам угодно, не ставя меня в
из-вестность. Пусть ничего не значащая видимость Вас не останав-ливает. Весь мир
Вас поймет, благословит и прославит за прозор-ливость и живую
распорядительность.

Простите меня, Жаклин. Я вас обнимаю. И не задумывайтесь о нашей с Вами смерти.
Если я умру первым (что более вероятно), и в случае Вашей смерти, всегда
сохранится преемственность, и другие присмотрят за тем, чтобы все было
продолжено и законче-но. Не проклинайте меня.

P. S. Странно, что, оставляя без внимания десятки писем с просьбами о
материальной помощи (когда-нибудь, когда эти просьбы можно будет законно
выполнить, я выберу их из кучи других), я сообщаю Вам об одной случайной
просьбе. Обратитесь, если Вам захочется, к госпоже Кларе Е. Хонеггер, Basel,
Pflgerstrasse 18, Suisse, чтобы она написала Вам подробнее, в чем она
нуждает-ся... «Я по призванию воспитательница... Сейчас под моим попе-чением
находится несколько бедных и милых русских детей, бе-женцев... Мы обращаемся к
Вам за частной поддержкой и т. д. и т. д.» Может быть Вам покажется, что тут
можно и нужно что-ни-будь сделать?

Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres a mes amies
francaises. 1956–1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр.
адресата).

1 Имеется в виду сообщение Инюрколлегии о поступивших на имя Пастернака западных
гонорарах. См. письмо № 1589.

2 Пастернак отослал эти деньги обратно, отказав Государственному банку в их
использовании (см. коммент. 1 к письму № 1589).

1594. л. л. СЛЕЙТЕР

18 апреля 1959, Переделкино

18 апреля 1959

Милая моя, восхищение мое и гордость! Я получил от твоего издателя книжку,
сделанную тобой и Алеком Брауном1. (Я напи-шу и поблагодарю также и П. Элека.)
Сколько блеска и таланта употреблено на оригиналы столь сомнительного качества,
а по большей части и вовсе не стоящие. Переложения Брауна на с. 281–283 блестящи
и великолепны. Его объяснение слова «ко-лено» в сноске на с. 304 совершенно
верно. Это слово означает мелодическую фигуру или поворот2. «Это слезы вселенной
в ло-патках». Горох, бобы в лопатках (в стручках) – до революции это было
принятым названием в московских зеленных лавках для не-чищеного зеленого горошка
в стручках. Очень хорошо, что Браун не переводит их как плечевые кости, – как
делают многие, – это было бы ужасно3. А проза! А «1905 год»! Удивительные чудеса
под-вига и вкуса! Но сами оригиналы и их авторское содержание!!

Знал ли я твое «Пронесшейся грозой...»? Оно кажется таким знакомым. Ты
удивительный поэт. Я совершенно восхищен тво-им предисловием на с. 274.

Сжатость, здравый смысл, стреми-тельная живость стиля, все то, что я больше
всего люблю в прозе.

Например, такая фраза: «Те, кто стремится к совершенным анг-лийским стихам,
пусть читают своих собственных поэтов (их мно-го, и они ждут, чтобы их
прочли)»4.

Я не могу и мне трудно взвешивать все «за» и «против» своих прошлых писаний.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Недостатки, неудачи и невыносимая глупость настолько перевешивают все, что лучше и вернее было бы просто осудить их все целиком. Но иногда отдельные скромные стихотворения или строчки из старого (вроде тех, которые привезены у Брауна на с. 251–253 или даже у Кайдена в *Colorado Quarterly*) – лето 1917, «Поэзия» («Поэзия, я буду клясться...») или «Импровизация»⁵ переносят меня в то мгновение, подобное вспышке молнии, которое я тогда преследовал (ты права, что это у меня от папиного импрессионизма), которое переполняло меня в те дни, когда я стремился поймать момент и заставить его ос-таться во всей неожиданности и свежести (или бездонности, что то же самое). Это была художественная правда, открытие, до сих пор способное меня растрогать. Но разве можно из уважения к этим проблескам сохранять кучи и океаны бессмыслицы и без-вкусицы? Не могу с этим согласиться и ясно вижу, чем из этого надо пожертвовать. Но, вероятно, только теперь впервые я могу объяснить тебе достоинства романа.

Недавно мне показали статью Дж. Линдсея о Ж<иваго> в «Angl<o>-Sov<i>et> Journal»⁶. Критик начинает так: «Я открыл Д-ра Ж. с намерением им восхищаться». На его месте я бы про-должил: «Но, когда вспомнил и сообразил, для какого журнала я пишу, книга перестала оправдывать мои надежды». Он упрекает меня в неотчетливости характеров, отсутствии причинно-логичес-кой связи, необоснованности действий и событий.

Допустим, его разочарование вполне искренно. И тут мне внезапно все стало понятно, яснее, чем раньше. Помимо поли-тического, поэтического, идеологического и другого значения, Д-р Ж. – это вид новой прозы, полностью освобожденной от ли-тературных условностей, чего не заметил Линдсей со своей гро-шовой мудростью именно в силу этой особой новизны. Это те са-мые неопределенность и недостаток движения, интриги и плот-ности, которые Толстой ставил в вину чеховским драмам, тогда как то же самое безразличие к страстям, причинам и следствиям, прошлому и настоящему, та же склонность драматически изобра-жать взаимодействующие группы людей, как живые пейзажи, – и никак не более значительно и весомо, та же любимая манера смещать и стирать линии и границы в описаниях была как раз сильной стороной Чехова и его обаяния как рассказчика, и это восхищало Толс<того> в чеховских повестях.

И вовсе не шумиха и не присуждение премии, не актуальность или черты религиозности создали судьбу книги и влекут к ней души (например, в Западной Герм<ании>, судя по письмам, ей просто поклоняются). Дело в ее новизне, не той, за которую сражаются и намеренно прокламируют ее в своих манифестах литературные течения и программы, а в произвольной новизне духа и стиля, которая действует на простые сердца немудреных читателей как их собственное сегодняшнее восприятие и не может затронуть са-моуверенных специалистов вчерашнего дня с их испорченными и узкими предпочтениями.

Мои обстоятельства перестали ухудшаться; но еще рано го-ворить, что они будут выправляться. Но мне это давно уже неин-тересно. Мысленно я далек от этой видимости настоящего, кото-рое в действительности всего лишь медленно проходящее, засто-явшееся и агонизирующее прошлое.

Пожалуйста, передай мою благодарность и восхищение г-ну Брауну. Вырази мою признательность г-ну Элеку, пока я найду время им написать. Обнимаю всех в обоих ваших домах.

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф по-англ. (Pasternak Trust, Oxford).

1 Boris Pasternak. *Safe Conduct. An early autobiography and other works*. Elek Books. London 1959. В книгу вошли переводы Алека Брауна, поэта и слависта, друга Д. Святополка-Мирского (5 повестей и поэма «Девятьсот пятый год»); 5 стих, даны в переводе Л. Слейтер. Благодаря брата за доб-рые слова, она писала 29 апр. 1959, что он может не отвечать переводчику и издателю, потому что она послала им соответствующие выписки с его словами из письма к ней.

2 Имеется в виду строчка из стих. «Дрозды» (1941): «Наверное, из этих впадин / И пьют дрозды, когда взамен / Раззванивают слухи за день / Ог-нем и льдом своих колен». Л. Слейтер писала, что слово «колени» ей при-шлось в свое время объяснять Брауну.

3 Из стих. «Определение поэзии» (1917).

4 Стих, переводы Л. Слейтер, в частности отмеченное Пастернаком стих. «Пронесшейся грозой полон воздух...» (1958), были снабжены ко-роткой заметкой, в которой она излагала принципы своей работы. Она писала, что в поэзии Пастернака по наследству соединились живопись и музыка, он сменил инструмент, найдя выражение своей музыки в слове. Переводить Пастернака, не найдя того же ритма и мелодии, что в ориги-нале, вероятно, нельзя, и она предлагала «тем, кто хочет знать, на что по-хожи русские стихи Пастернака, но не может прочесть их в оригинале, эти стихи в своем переложении английскими словами, но по существу тем не менее они русские и близки подлиннику своей мелодией, содержанием, ритмом и

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
чувствами настолько, насколько было возможно это сделать».

5 Переводы Ю.-М. Кайдена из книги «Сестра моя жизнь» (Лето 1917), опубликованные в «Colorado Quarterly» (April, 1959). Пастернак писал о них 20 апр. 1959 Кайдену: «Ваши переводы Лета 1917 "Поэзии" и "Импровизации" взволновали меня, я побеждаю свое застарелое сопротивление против себя самого. Благодаря Вам, я вновь чувствую свежую дрожь пережитого. Я счастлив искренно сказать Вам это» (Boris Pasternak. Poems. Translated by E.-M. Kayden. Ohio, 1964. P. 304).

6 Речь идет о статье писателя, критика и члена английской компартии, Джека Линдсея (Линдси) «On Doctor Zhivago» (Anglo-Soviet Journal. Winter 1958-1959. P. 20-23). Пастернак писал о ней в «Ответах на вопросы еженедельника "Visto"»: «Судя по важному поучительному тону, это, вероятно, известный авторитетный критик (в чем нет сомнений). Мне надо извиниться за свое незнание. Пусть он простит меня, но я никогда не слышал о нем. <...> Линдси не дал мне спуска: в романе, по его мнению, нет правдоподобия, причинно-логической связи, обоснованности действий, отсутствует внутреннее содержание и поэтому герой слаб, опустошен и не стоит на ногах. В доказательство своих суждений он пускается в откровенно избитые размышления. Жаль только, что мой критик не понял одну довольно существенную вещь, что "Доктор Живаго" это попытка нового языка, свободного от всех тех устаревших литературных и эстетических условностей, на которых так настаивает Линдси. Короче говоря, эта книга для людей подготовленных и, расценив ее как мое неудачное послание к нему лично, Линдси совершил досадную в профессиональном смысле ошибку» (перевод с ит. – Т. V наст. собр. С. 275).

1595. Б. К. ЗАЙЦЕВУ

22 апреля 1959, Переделкино

22 апр. 1959

Дорогой Борис Константинович!

Как Вы меня балуете, – опять подарок от Вас, – и какой! Все это о Петрарке ведь так неподражаемо, эти дурачества и самодурства старой барыни-истории!¹ И об «Аде» как Вы верно пишете, о неvirtуозности и даже дикости Данте². Мне все это так близко. Эти Ваши слова и соображения надоумили меня послать Вашей дочери «Фауста». Пусть в свободное время она читает его понемногу, «в охотку», без утомления. Ваши упоминания в письме об Италии, то по поводу «Рафаэля», то по поводу Нат<алии> Бори<совны>³, напомнили мне случай, как Вера Алексеевна при мне пришла в фундаментальную б<иблиотеку> Университета за книгами для Вас по итальянской культуре, – я только что кончил, – мы еще не были знакомы, – но я, наверное, давно уже Вам об этом рассказывал. Этот теплый весенний день на Моховой так и стоит перед моими глазами.

Мне сейчас самое бы время начать что-нибудь новое, это было бы хорошо во всех отношениях, и со стороны завоеванного в прекрасном далеке доверия, и для внутреннего успокоения дома, где частые всплывки подстерегающей тревоги всегда к твоим услугам, пока не занят, и, которые, при поглощенности работой, не заслу<живали бы внимания.

Но мне мешает переписка, очень обширная и оживленная, проникновенная и подчас почти любовная переписка на трех иностранных языках, ставшая моей потребностью. Разумеется, в удовольствие, которое она мне доставляет, есть черта тщеславия. Я хочу написать пьесу разговорной прозой. Действие будет происходить в 60-м году (без искусственной архаизации языка), где-нибудь в богатом графском имении (с крепостным театром), на заре реформы⁴. Кругом только и толков будет, что о воле, освобождении (губернские комитеты, деятели, гости), а единственно свободный из всех, господ и слуг, вследствие своей бездонной ода<ренности>, будет один крепостной актер, который не будет нуж<даться ни в чем освобождении ни сверху, ни снизу. Разумеется это (творческий источник единственно истинной свободы) будет основной, центральной мыслью вещи. Но будет еще много чего другого. Необычайно ранняя весна. Благовещенье. Трактир на лесной опушке, через дорогу от церкви⁵. Частые возвращения (в по<ложениях>, в настроении жаркого тихого дня) к словам текста: «Благовествует Гавриил», к потрясающей естественности архангела, предупреждающего Марию, что он – архангел: «Не удивляйся странному моему зраку, не ужасайся; архангел бо есмь»⁶. Трактир. Лес. Щелкающий в глубине леса дрозд. И среди всех – актер, непонятный и свободный, как архангел и как дрозд в лесу⁷.

Если позволить себе в виде постоянно невысказанной параллели мысль о причастии⁸, я ощущения искусства не могу отделить от ощущения волшебности и таинства жизни и пищи. И о следу<ющей> ненаписанной вещи я всегда думаю, как хозяйка о предположенном званом обеде. Но так ведь оно и называется: пища для ума и сердца. Кухня Вашей школы была кухней времени расцвета Художественного театра, Блока, послечеховского символизма. Рецептура была почти пушкинская, я Вам сейчас это докажу. В пуш<кинской> рецептуре, по<моему>, было три части, одна меняющаяся (первая) и две неизменных. Его эстетику, кажется мне, составляли: 1)

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori время (его время, его прижизненная современность), 2) быст-рота восприятия и передача, 3) присутствие всепроникающего, все загрунтовывающего верования, постоянство одухотворения.

Обязательность этих трех слагаемых, с той разницей, что пуш-кинскую современность заменила действительность других, но-вых сроков, повторило поразительное русское искусство довоен-ного десятилетия⁹.

Когда в моем скромном случае говорят, – анимизм, мисти-ка, думают, что я служу какому-то догмату, которому боюсь изме-нить. А в ответ на эти обвинения в идеализме, я должен был бы признаваться: «Я готовлю на этом масле. Искусство иного соста-ва, по-моему, тяжело и несъедобно».

Но я страшно записался, – извините.

Целую Вас.

Я обрываю письмо неожиданно даже для себя. А то мало ли до чего можно договориться.

Впервые: «Наше наследие», 1990, № 1. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, без шифра). Зайцев не получил этого письма, оно было задержано на почте.

15 апр. 1959 Зайцев написал Пастернаку, что его письма делают «кон-курению Петrarке», то есть они так же популярны среди русских друзей, как письма Петрарки из Авиньона во Флоренцию. «Когда друг получал письмо, то вечером устраивался ужин. Приглашал знакомых и своих дру-зей – гвоздь всего чтение вслух письма Петрарки» (Борис Зайцев. Собр. соч. Письма 1923–1971. Т. 11, доп. М., 2001. С. 178).

2 Зайцев писал о своем прозаическом переводе «Ада» Данте, над ко-торым работал в 1913–1918 гг. и который недавно послал в Америку изда-телю (вышел в Париже в 1961). «Перевод Лозинского виртуозен, но звука Данте нет, несмотря на терцины. В Данте не было никакой виртуозности. Он вполне первозданен, даже дик» (там же. С. 179).

3 Италия, ее история и культура были предметом любви и постоян-ной темой прозы Зайцева. Новелла «Рафаэль» была написана в 1919 г. На-талия Борисовна Соллогуб, дочь Зайцева, уехала с мужем в Италию.

4 Первые замыслы пьесы «Слепая красавица», которая сначала носи-ла название «Благовещенье».

5 Сцена в трактире в лесу с поющим в глубине дроздом сохранилась в нескольких вариантах. Она положила начало работе над пьесой, но по ходу работы отодвинулась во второе действие, которое Пастернак не успел до-писать (см. Ранние варианты. Картина 8-я. – Т. V наст. собр.).

6 Стихира на литии (глас 2-й), поется в канун праздника Благовеще-ния Пресвятой Богородицы: «Благовестует Гавриил Благодатней днесь: радуйся, Невестная Мати, и неискусобрачная, не удивляйся странному моему зраку, ни ужасайся, Архангел бо есмь».

7 Сопоставление духовной свободы артиста с дроздом, поющим в лесу, см. в стих. «Дрозды» (1941): «Таков приют дроздов тенистый. / Они в неубранном бору / живут, как жить должны артисты, / Я тоже с них пример беру».

8 О понимании искусства как жертвы «в далеком и скромном подо-бии Тайной вечери и Евхаристии» Пастернак писал также в письме № 1560.

9 Речь идет о первом десятилетии XX в., до Первой мировой войны.

1596. Б. В. БАЖАНОВУ

27 апреля 1959, Переделкино

27 апр. 1959

Милый Борис Васильевич, обстоятельства не дают мне ника-кого досуга. О собственной работе не приходится думать, чтение по собственному выбору и желанию становится недостижимой роскошью. Я не рад бываю чужим рукописям, недогадливо по-сланным мне по почте. Признательность, о которой Вы упоми-наете, должна была бы удержать Вас от такой посылки, а не по-буждать к ней¹.

Пьеса показалась мне бледной, а в повести что-то есть. Хоро-шо, что она вся в движении, что «древности» не остановили Вас, что Вы не погрязли в подробностях. Многое изложено живо и страшно.

Стихов я не читал и не буду читать. Стихов, стихописателей и вообще этой темы я не жалею и не понимаю. Это редко удается и бывает извинительно раз в столетье, не чаще.

Ваш Б. Пастернак

Отчего Ваше имя и почерк кажутся знакомыми мне?

Впервые. – Автограф.

Б. В. Бажанов – библиотекарь из г. Калинина (Тверь), желая поддер-жать Пастернака в период развернувшейся травли октября-ноября 1958 г., пытался получить его адрес через справочный стол Москвы. Через два месяца он получил ответ, что Пастернак не проживает ни в Москве, ни в Московской области, – еще через месяц адрес удалось узнать через ми-лицию. На свое письмо 4 февр. 1959 он

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori получил ответ: «10 февр. 1959. Глубокоуважаемый Борис Васильевич, благодарю Вас за слова ободрения, которые Вы мне написали. Верьте, я оценил Ваше желание нравственно поддержать меня. Простите, что мое выражение признательности так коротко. Я очень занят, – неприятностями больше, чем делами, и необходимостью отвечать на многочисленные письма. По той же причине прошу Вас отложить присылку в подарок Вашей рукописи до особой моей об этом просьбы. Я долго еще не буду иметь досуга прочесть ее, и сознание неловкости и вины перед Вами будет угнетать меня. Еще раз сердечное Вам спасибо. Желаю Вам всего лучшего. Ваш Б. Пастернак. Я уверен, что перепутал и пишу неправильно Вашу фамилию, написанную неразборчиво. – Не взывайте».

1 Позже, в письме к сыну Пастернака, Евгению Борисовичу, Бажанов объяснял причину отправления такой посылки: «Желая как-нибудь выразить Бор. Пастернаку признательность за его стихи, я послал ему в подарок несколько своих рукописей». Это была пьеса «Свой дом» и повесть «Юдифь».

1597. Ж. де ПРУАЙЯР

2 мая 1959, Переделкино

2 мая 1959

Жаклин, Вы задаете мне работу. Только вчера я написал пост-скрипту к предпоследнему письму¹, и вот снова возникла необходимость приписать к нему пост постскрипту.

Элен спрашивала меня, почему Живаго так опустился к концу жизни. Это было в природе вещей в описываемые годы заката судеб, усталости и упадка².

Она хотела также знать время моего обращения. Я был крещен своей няней в младенчестве, но из-за ограничений, которыми подвергались евреи, и к тому же в семье, художественными заслугами отца избавленной от них, и пользовавшейся определенной известностью, – это вызывало некоторые осложнения и оставалось всегда душевной полутайной, предметом редкого и исключительного вдохновения, а не спокойной привычкой³. В этом, я думаю, – источник моего своеобразия.

Христианский образ мысли сильнее всего владел мною в 1910–1912 годах, когда закладывались основы моего своеобразного взгляда на вещи, мир и жизнь. Но об этом в другой раз, или, вернее, не будем об этом говорить вовсе. Намекните на это Элен, и пусть об этом никому больше не будет известно. Мне и без того хватает сложностей. Меня почти со всех сторон спрашивают о моих убеждениях и мнениях по поводу чуть ли не всего на свете и не хотят верить, что у меня нет никаких, и они для меня ничего не значат. Ибо «мнение» о Святом Духе ничего не стоит по сравнению с его собственным присутствием в произведении искусства, с чего начинается великое и чудесное. Однако вернемся к этому в следующий раз. Я скрыл от Б. Парена⁴, каких страданий стоила мне совершенная невозможность хоть ненадолго задержать его и поговорить по-человечески⁵, – за мной следят и шпионят почти открыто. Но если бы Вы знали, как это было больно! Жаль, что я написал нужные для Вас документы не под его диктовку, и уверен, что уклонился в сторону и сделал не то, что требовалось. Жаклин, добрая душа, близкая и понятная, так похожая на мою собственную, как благодарить Вас за все? – Какие великолепные, удивительные часы!! И запонки от Камю! Передайте ему мою радость и благодарность. Но пора проститься.

Ваш Б.

В предвидении возможных последствий, я не могу датировать эти новые доверенности временем, когда тут со мной расшаркиваются⁶. Поэтому, как видите, я подписал их задним числом.

Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956–1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Имеется в виду приписка, сделанная 30 апр. 1959 (к письму № 1593), смягчающая тревожное известие о желании государства «присвоить» заграничные гонорары словами о «существенных изменениях», дающих надежду на облегчение положения (там же. С. 165).

2 Э. Пельтье 11 февр. 1959 писала Пастернаку, что «была потрясена возвращением Живаго в Москву. Смысл этой части, – признавалась она, – остается для меня темным <...> Может быть это для того, чтобы подчеркнуть, что внешние явления, условия жизни – и даже чувства ничего больше не значат и остаются только внутренними исканиями...» («Знамя», 1997, № 1. С. 129).

3 «Мне хотелось бы задать Вам также очень деликатный вопрос: как, начиная с юности, развивались Ваши мысли о христианстве? – спрашивала Э. Пельтье Пастернака в том же письме. – И та интуиция, которой Вы обладаете, когда говорите о самом духе христианства: обещании новой жизни, предлагаемой Христом» (там же). О своей рано пробудившейся детской любви ко Христу Пастернак рассказывал также Е. А. Краше-нинниковой, которая записала его рассказ о том, как няня водила его в церковь и, по его просьбе, втайне от родителей, которые

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
могли бы не раз-решить этого, крестила его, чтобы он мог причащаться со всеми.

«А даль-ше – что Бог даст, может быть и родители станут христианами», –
надея-лись они тогда с няней («Новый мир», 1997, № 1. С. 206).

4 Брис Парен приезжал в Москву с подарками от парижских друзей. Пастернак снова
послал с ним доверенности Ж. де Пруайяр на ведение дел, которые требовал от нее
фельтринелли, но не понимал, в какой имен-но форме они были нужны (см. об этом в
письме № 1600).

5 Имеются в виду обещания со стороны Поликарпова о переиздании «Фауста» и
возможности будущих работ. Возобновились остановленные осенью театральные
спектакли по переводам Пастернака с обозначением его имени на афишах.

1598. Е. Ф. КУНИНОЙ

2 мая 1959, Переделкино

Проезд Кирова д. 2, кв. 15 Евгении Филипповне Куниной 2 мая 1959

Дорогая Женя, я, наверное, не привел в исполнение своего наме-рения сообщить Вам
письменно адрес Михаила Григорьевича Локса¹, а то бы у меня были следы Вашего
собственного почтового адреса, а я их не нахожу, и снова позвоню Вам по
телефону, чтобы его узнать.

Я еще не ответил на письмо Мих. Григ., но теперь напишу ему о Вас, а для Вас, в
свою очередь, переписываю его вопросы, обра-щенные ко мне, – ответьте ему, когда
он Вас запросит.

Итак М. Г. просит меня написать ему хотя несколько слов о том: как жил
К<онстантин> Г<ригорьевич> последнее время, как работал, долго ли продолжалась
его болезнь, где он умер и на ка-ком кладбище погребен.

Адрес М. Г.: Бразилия, Brazil, Sao-Paulo, Avenida Sao-Yoao 269 Conservatorio,
Professor de canto Michail Loks.

Вы, наверное, догадываетесь, что из моей отъединенное™ от всех нельзя делать
вывода о моем безразличии к Вам, к памяти К. Г., к Юзиной книге², ко всему на
свете. У меня есть новые пла-ны и я к ним не приступаю не из лени и
самодовольства; я не от-вечаю на большую часть писем не из высокомерия.

Просто-на-просто характер моих забот так сложен, а их круг стал так непо-сильно
велик, что я в каком-то другом смысле, чем принято гово-рить о недосуге,
несвободен и давно не принадлежу себе.

Если у Юзи есть еще экземпляр его книги, пусть он ее пода-рит Лене, который ее,
наверное, прочтет. А я давно забыл о време-ни, когда я читал что-нибудь в
последний раз.

Но это все вещи, которые не подлежат жалости и соболезно-ванию, – напротив.

Ваш Б. П.

Впервые. – Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по копии.

Е. Ф. Кунина была ученицей друга Пастернака К. Г. Локса в гимна-зии Потоцкой и
потом в Институте им. Брюсова. Пастернак познакомил-ся с ней и ее братом в 1922
Г.

1 Брат К. Г. Локса, музыкант, Михаил Григорьевич Локс, эмигриро-вал и после
войны оказался в Бразилии. Написал письмо Пастернаку 5 янв. 1959; на его
конверте рукой Пастернака написано: «Отвечено 2. V. 59. Брат Кости Локса Мих.
Локс». Ответ Пастернака неизвестен.

2 Юзя – младший брат Е. Ф. Куниной Иосиф Филиппович, му-зыковед, автор книги
«Петр Ильич Чайковский» (1956).

1599. М. МИЦИШВИЛИ

6 мая 1959, Переделкино

6 мая 1959

Милая Марина Николаевна, хорошо, что Вы мне догадались написать, а то бы я так и
не узнал о странной судьбе посланных в Тбилиси книг. Их любезно согласился
отвезти (это была большая тяжесть) Георгий Георгиевич Маргвелашвили,
Грибоедовская 13. Это было месяца полтора или больше тому назад, и теперь я не
помню, сколько книг и кому именно я послал¹.

Но там были книги Вам, Этери Какабадзе, Чукуртме Гудиашвили, Медее Джапаридзе,
Медее Яшвили, Мери Долидзе², если я не ошибаюсь. Что произошло с книгами?

Возьмите, пожа-луйста, на себя труд, зайдите к Георгию Георгиевичу и справьтесь,
не забыл ли он их в поезде или не потерял ли каким-нибудь дру-гим образом. Также
известите, пожалуйста, всех переписанных, чтобы они зашли к Г. Г. за книгами,
если они не пропали³.

Я знаю, что Ваша мама в Тбилиси, кланяйтесь ей и брату⁴, сердечный привет.

Ваш Б. Пастернак⁵

Впервые: Материалы ГМГЛ. – Автограф (собр. адресата).

1 В письме № 1585 Пастернак спрашивал у Ниты Табидзе адреса ее знакомых, которым
он собирался послать книги.

2 Медее Джапаридзе – актриса, Мери Долидзе – композитор.

3 Книги были получены, на «Фаусте» (1957) сделана дарственная над-пись: «Марине

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori Николаевне Мицишвили. С благодарными воспоминаниями о ней самой и ее чудесной маме, о ее брате и муже, по которому мы так увлеченно, поглощенные виденным ходили. С пожеланиями счастья и осуществления всех ее замыслов и желаний. Б. Пастернак. 31 марта 1959 г. Переделкино»; на «Марии Стюарт» Шиллера (1958): «Марине Мицишвили на добрую память (здесь очень много опечаток). Вы и Ваша семья исключительные люди и заслуживаете редкого, завидного счастья. Б. Пастернак. 31 марта 1959. Переделкино» (там же. С. 330).

4 Тамара и Иламаз Мицишвили.

5 Исполняя просьбу Пастернака, намеревавшегося писать роман об археологических раскопках в Грузии, М. Мицишвили прислала ему книгу «Мцхета. Итоги археологических исследований» (Тбилиси, 1959) с надписью: «Зинаиде Николаевне и Борису Леонидовичу с уважением. Марина Мицишвили. 23/X.59». Пастернак откликнулся 8 дек. 1959: «Дорогая Марина Николаевна, благодарю Вас за драгоценную книгу, которую я не заслужил и на которую не знаю чем Вам ответить. Отчасти я виноват, что сам напросился на этот подарок. Вы не единственная, кого этой весной я ввел в заблуждение. Неосторожно вырвавшиеся тогда у меня слова о моих планах повели к тому, что мне и из-за границы стали посылать книги об античности и первых веках христианства. А тем временем я занялся со-всем другой темой, в которую и ушел с головой. Я очень занят, не всегда себя хорошо чувствую и шлю сердечные приветы Вам, Вашей маме, брату и товарищам по работе. Еще раз спасибо. Ваш Б. Пастернак» (там же. С. 329-330).

1600. Э. ПЕЛЬТЬЕ-ЗАМОЙСКОЙ

10 мая 1959, Переделкино

10 мая 1959

Дорогая Элен, это не начало письма, оно начнется дальше. Вопрос спешный и тревожный. Как понимать Ваши слова о Жак-лин? Не было ли в ее страшном падении счастливо пресеченной попытки самоубийства?! А я сижу тут и ничего не знаю, и осаждаю ее (пусть и подталкиваемый ее податливостью) своими глупыми вопросами об уже зачерствевших делах! Но как я мог подозревать эти неизвестные драмы и страдания, под прикрытием ее редкой душевности и всегда таких живых слов? Дорогой, бедный мой друг! (Я напишу ей, не дожидаясь Вашего ответа.) Я не могу представить себе, как могут относиться ее родители и муж к далекому и чужому человеку, бесчувственному и жестокому, который ничего не подозревает и в минуты самых острых страданий забрасывает несчастную мученицу своими запросами и поручениями. Но могу сказать себе в оправдание, – сколько раз я ей повторял, что ее собственные литературные занятия, преподавание и семья – вещи слишком значительные и требовательные, чтобы ломать себе голову над моими делами, чтобы она освободилась от них (ведь мы не могли тогда предполагать, что дело станет настолько неохватным?); чтобы она забыла меня и вернула меня обратно Фельтринелли. Может быть, читая мои предостережения, она подозревала меня и обвиняла в пустословии и ложном сочувствии?

Не беспокойтесь о моем материальном положении. Не посылайте нам ничего, ни мне, ни Ольге. Понемногу как будто обходятся некоторые перемены и улучшения, но до какой степени, еще не могу сказать. Но какая-то болтовня об этом идет, как всегда, превышающая всякие меры.

И вот теперь, наверно, начинается настоящее письмо. Вы ведь знаете, не правда ли, какую радость доставило мне Ваше, я не ждал его и своим молчанием оказался его не достоин. Так, в чем же извиняться Вам?

Не могу сказать, как меня волнуют, смущают, толкают к благодарности и восхищению Ваши лекции. Элен, три дня, как пришло Ваше письмо, я лелею желание поговорить с Вами о том, что теперь я начинаю считать главной целью и задачей в своих занятиях. Но никак не доберусь до этого. Волны неожиданных обстоятельств, новостей и приходящей почты набегают без конца одна за другой, я в них тону, все колеблется, не могу ничего уловить и все теряю. Вчера пришел от Жаклин большой пакет с вырезками из газет и журналов и большое письмо, – не просто записка, а целое озеро ее души, светлой, прозрачной, спокойной и лазурной. Как прекрасно она пишет о наших отношениях, об отношении ко мне ее мужа и близких, ее круга. Я не мог сдержать слез. Передай-те ей следующее. Я боюсь, что слишком злоупотребляю Эвтерпой. Следовало бы сократить частоту музыкальных посещений. Мне кажется, что обстоятельства складываются к лучшему. Мне ничего не нужно. Я предпочел бы отказаться и не интересоваться отдаленными делами. Я доверяю ж., как вверяют себя судьбе. ж., если захочет, вправе быть бездеятельной, как судьба.

Представьте себе, какой мукой было для меня, когда я не мог принять как следует Бриса. Мне настоятельно велели воздерживаться от встреч с иностранцами. Я не представляю себе приезда ж. этой осенью. Было бы в тысячу раз желательней, если бы она просто отпраздновала путешествие, а ко мне приехала бы в будущем году. Я прерываю письмо, чтобы его отправить, а то продолжение и затягивание разговора

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
начинает этому угрожать.

Я хотел написать Вам о своих дальнейших планах, об истинной природе того, что можно назвать моим символизмом, о ложных идиотских попытках (например, в Америке) толковать каждый слог романа, слова, положения и даже имена собственные аллегорически, как неподвижные и разрозненные знаки тайно-писи.

Сердечно обнимаю Вас. Ваш Б.

Как здоровье Вашего мужа? Поправился ли он? Передайте ему мой сердечный поклон. Элен, передо мною длинное письмо от Жаклин. Я теперь все знаю. Но не переписываю первую встревоженную страницу, слава Богу, ставшую ненужной и лишней, и оставляю ее на память о том, что может сделать росчерк пера: слово ski* написано в Вашем письме как sui. Оно похоже на сокращенное suicide!!!** Давайте те-перь все вместе посмеемся над моими страхами!

Впервые: Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956–1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Э. Пельтье писала 24 апр., что Жаклин де Пруайяр, катаясь на лыжах, упала с 20-метровой высоты, чудом оставшись в живых, и теперь лежит в гипсе в больнице.

2 «Нас всех здесь очень заботит, что Вам ограничили материальные возможности. Это совершенный скандал!» – писала Э. Пельтье 24 апр. 1959 («Знамя», 1997, № 1. С. 131). См. об этом также коммент. 5 к письму № 1607.

3 Э. Пельтье читала лекции о Пастернаке и «Докторе Живаго» в Париже, в Тулузе и других городах, ее очень радовало заинтересованное отношение публики к Пастернаку.

4 Эвтерпа – муза музыки (греч. мифол.). Имеются в виду приезды в Переделкино французского пианиста Жерара Фреми, имя которого Пастернак из осторожности не называет в письме.

5 О приезде Бриса Парена см. в письмах № 1597 и 1605.

1601. Р.-Д. КАЙЛЮ

12 мая 1959, Переделкино

12 мая 1959

Дорогой, многоуважаемый господин Кайль, когда я получил Вашу первую посылку, Шекспировские сонеты¹, я не предполагал, что на следующий день Вы станете чудесным образом так мне близки. Я хотел бы сердечно поздравить Вас с прекрасной книжечкой издательства Дидерих.

Будучи поклонником Рильке, я, тем не менее, не мог никогда терпеть его переводов Микеланджело, как и Шекспировских сонетов в переводах Георге². Удивительно и непонятно, как тот же человек, победа и сила которого заключались в незаметности и прозрачности средств, в непритязательной естественности нестилизованного языка, в своих переводах использовал столько тяжелой-ловесной искусственности, что нагромождение формальных эле-

* лыжи (#.)•

1* самоубийство (#.).

ментов подавляет содержание и почти вытесняет из стихотворения смысл и значение сказанного. Переводы же требуют противуположного (я говорю не о свободе или дословности, а о жанре в целом, об идее перевода вообще); перевод сам по себе, как вид искусства, требует (вне зависимости от оригинала) обязательной легкости и ясности (думаю, что тяжелые, отягощенные потоками слов оригиналы, как, например, Сервантеса или Стерна в переводах можно и нужно упрощать). Потому что переводы – это проводники силы, а не источники энергии. Открытая и плавная речь перевода, обозримая и понятная проницаемость – достоинство жанра. Напротив, переводы эпохи символистского эстетства были непроводящими диэлектриками, тупиками, где невозможно ходить, в них застреваешь и не можешь сдвинуться с места. И, как это часто бывает в истории общества, эти недостатки воспевались как преимущества, сплошные неясности приводили в восторг. Итак, я бы хотел еще раз повторить: в одном отношении перевод должен быть независим от оригинала, – каким бы сложным ни был исходный текст, перевод не должен быть похожим на него с этой точки зрения. В своей плавности перевод должен быть доступным. Обязанность переводчика (не говоря о том, что это его неоспоримое право) – совершенствовать и доводить до конца то, что автор оставил непреодоленным. Нужно ли благоговейно копировать и подражать слабости и временной несостоятельности, пусть даже и гения?

Я вынужден спешно кончать это письмо. Мои уверения не могут дать Вам представления о том, как велика моя потребность подробно, на обоих примерах передать свою радость от Вашего мастерства, и насколько у меня не хватает времени и возможности это сделать. Я напишу Вам больше в следующий раз. Не могли бы Вы оказать мне услугу и передать мою горячую благодарность госпоже и господину Фишерам: за сохранившуюся фотографию 2) за оказанную любезность (поездка госпожи Бригитте в Марбург)³; за письма; за книги, которых больше не надо присылать, так как я уточнил план своей работы, и за все остальное. Я в

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris.com

ско-ром времени напишу Фишерам, Вольфам и Вам.

До свидания! Ваш Б. Пастернак

Впервые: Raissa Orłowa. Lew Kopelew. Boris Pasternak. Stuttgart, 1986. – Автограф по-нем. (собр. адресата).

Рольф Дитрих Кайль – поэт и переводчик сонетов Шекспира и Пушкина, подготовивший книгу переводов Пастернака «Когда разгуляется». Сохранились 8 писем Пастернака к нему.

1 Shakespeare. Die Sonette. Deutsch von Rolf-Dietrich Keil. Eugen Diederichs-Verlag. Düsseldorf-Köln, 1959. Дарственная надпись: «Б. Л. Пастернаку, переводчику, поэту, человеку в знак глубокого уважения от переводчика этого тома в апреле 1959. R.-D. Keil».

2 Стефан Георге – немецкий поэт, переведивший сонеты Шекспира.

3 Пастернак просил владельца издательства Г. Б.-Фишера и его жену 6 апр. 1959 послать какой-нибудь подарок Кете Беккер: «Она владеет газолитовой автостоянкой (?) Марбурга на Бундесштрассе (Марбург, Круммбоген, 57). Она поздравила меня с днем рождения и сделала подарок, по той единственной причине, что прочла в гессенской газете, что я учился в Марбурге в 1912 году и затем прекрасно описал город. <...> С Вашей дружеской помощью мне бы хотелось сделать этой даме какой-нибудь ценный подарок. Ей надо непременно получить по почте "Доктора Живаго" в подарок и, возможно, сборник новых стихотворений ("Когда разгуляется,")... <...> И еще какие-нибудь книги. Она любит путешествовать. Может быть, некоторые описания городов (монографии, богатые фотографиями, швейцарскими видами, итальянскими городами, Венеция, Флоренция, Рим). Но и это еще не все (как далеко заходит бессовестность!). Если кому-нибудь из Вашего издательства случится проехать в машине по улицам и остановиться на стоянке в Марбурге, можно ли будет (Марбург весь в садах, и букет цветов ничто для нее) привести ей еще большой торт, или что-нибудь еще лучше, что Вы или Ваша супруга мне подскажут» (Brigitte v. Fischer. Sie schreiben mir oder was aus meinem Poesiealbum wurde. Zürich, 1978. S. 301). Известны 9 писем Пастернака Кете Беккер. Бригитте Фишер ездила в Марбург и написала Пастернаку о своем знакомстве с его корреспонденткой (см. об этом в письме JSfe 1602).

1602. Б. ФИШЕР, Э. ВОЛЬФ, Г. Б.-ФИШЕРУ, К. ВОЛЬФУ

12 мая 1959, Переделкино

12 мая 1959

Дорогие друзья, милая госпожа Бригитте, милейшая и благо-роднейшая госпожа Элен, глубокоуважаемые господа Фишер и Вольф, – простите меня за это не совсем настоящее письмо, за это соборное послание! Пусть каждый найдет в моих строках то, что относится лично к нему.

С чего начать? Я не знаю, насколько велики и серьезны были давление и угрозы истекшего года. Я никогда не принимал их всерьез и не считал реальными и значительными. Настоящие трудности и испытания только начинаются. Я оглушен своей заграничной судьбой, заокеанской любовью и признанием, книгами, подарками и письмами, идущими издалека от этого заморского чуда. Это надо преодолеть и победить, чтобы идти дальше. Но когда и как я этого достигну?

Дорогой мой, душевный и внимательный друг Курт Вольф, Вам кажется, что на пути Вашего намерения создать памятник (Доктору Живаго)! стоят посторонние внешние препятствия? Внутреннее сопротивление этому – во мне самом. Не достаточно ли уже выпало на долю Доктора? Можно ли допустить, чтобы в качестве насилия над идеей у этой дойной коровы оборвали вымя? Памятником может быть только одно: новая работа. И это могу выполнить только я один.

Я хочу написать пьесу в прозе для театра, нечто сконцентрированное из времен отмены крепостного права в шестидесятых годах прошлого столетия в России. Это кладет конец моей нужде в источниках и книгах. Благодарю Вас за обе книги о Кумране, которые я получил². Больше ничего такого не требуется. Но от словарей (греческого и латинского), если они уже в пути, я не откажусь. Удивительно, как эти послевоенные находки соответствуют носившемуся в воздухе настроению тех лет. Разные части взаимосвязанного могут даже ничего не знать друг о друге.

Дорогой Вольф, благодарю Вас за душевное понимание, выразившееся в восхитительно изданном и оформленном Автобиографическом очерке («I гететьег»), за миниатюру с Вашей, глубокоуважаемый Вольф, надписью на обороте, за память и внимание, за письмо и газетные вырезки. Мне бы только приняться за работу, – каждую ночь я говорю себе, что завтра рано утром прекращаю все и сажусь работать, но как можно не отвечать на некоторые письма! И все хотят осенью приехать, чтобы меня навестить, тогда как я решил почтительным и самым решительным образом полностью отказаться от радости общения.

Большая ошибка представлять роман свалкой отдельных символических достопримечательностей вплоть до имен собственных (Моро и Ветчинкин и т. д. и т. д.), как это встречается в некоторых статьях³. Не чувствуется ли при этом, как

мое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori это противоречит худо-жественному подходу? Будь это так, как пытаются представить, – я был бы безвкусным дураком и тупицей. Что может быть неестественнее, чем сначала старательно искать что-то и потом, найдя, снова это затемнять и терять? Разве произведение искусства не глубже и благороднее, чем ребусы или игра в прятки? Этот при-кладной аллегоризм всегда был нетворческой и отвратительной бессмыслицей, всегда казавшейся мне необоснованной, даже ког-да это выискивали у Ибсена. Если роман нуждается в построчном толковании, то это неудача, не достойная даже минутных усилий и их не стоящая. Вместо того, чтобы истолковывать текст и строить догадки, лучше бы критики описали характер полученного впечатления (что и делают самые лучшие из них), тогда можно было бы приблизиться к правильному пониманию. О каком символиз-ме может идти речь в моих работах.

То, что для французских импрессионистов значили воздух и свет и то, как они писали увиденное, а не просто названное, – для меня единый и всеобъемлющий принцип, мое собственное устремление, противоположное неподвижной символике отдель-ной застывшей и законченной эмблемы. Тогда как железная при-чинность Толстого и Флобера, логика резко обрисованных харак-теров и т. д. – для меня любительски наивное и внушающее по-чтение суеверие. Моя цель, чтобы даже в единичном живо опи-сать ход жизни как таковой, жизни в целом, жизни, как я ее видел и испытал. Какой же я ее видел и пережил? Меня всегда удивляло, что данное, узаконенное, фактическое и принятое за истину не созданы раз навсегда, жизнь постоянно переполняет все сосуды, и помимо всяких бесчисленных физических и душевных движе-ний в пространстве и во времени, сама жизнь, как неделимое яв-ление мира в целом, охвачена стремительным движением, – все присутствует и совершается так, будто это нескончаемое вдохно-вение, выбор и свобода. Стиль моего письма, моя поэтика посвя-щены усилению и передаче этой стороны действительности, ее общего потока, перед разными мелкими подробностями. И по ошибке все (даже те, кто расточает похвалы) ищут у меня старой изжитой определенности классического романа притом, что но-визна этой прозы состоит именно в том, что я все время стараюсь обойти и избежать легко достижимой определенности очертаний.

Я не нахожу слов благодарности, дорогая госпожа Бригитте, за фотографию Вас с мужем. Что сказать о Вашей поездке в Мар-бург?! Как мило и любезно с Вашей стороны и как благородно! Вы так живо и метко описываете Кете Беккер!⁴ И с таким остроумием рассказываете обо всем происшедшем! К этому добавлю глубокую признательность Вам, дорогой, многоуважаемый доктор Фишер, за Ваши строки! Доктор Кайль прислал мне своего Шекспира⁵, а на следующий день мои стихотворения. У меня пока не было вре-мени просмотреть все это более добросовестно и внимательно, но в основном это прекрасно в том смысле, что хотя это переводной язык, но он остается человеческим языком, а это такая редкость. «Классические переводы», как Шекспир, сделанный Георге, или Микеланджело – Рильке (русские символисты шли в том же на-правлении) казались мне чудовищно страшными. Перевод дол-жен быть как раз обратным, объяснением оригинала и даже его упрощением. В стремлении к оригиналу перевод должен быть вто-ричной, подчиненной и зависимой формой, а не дублирующей (подлинный текст) и обладать дополнительной свободой, чтобы быть движущимся и прозрачно понятным, как народный или оби-ходный язык. Мне кажется, Кайль владеет всем этим. Ему следо-вало бы только совершенно отказаться от неполных рифм (ассо-нансов). Его рифмы хороши, часто блестящи, чувство ритма очень живое, бурное и свежее. Словарь насыщен красками и цветом. Но не слишком ли велико его пристрастие к уменьшительным суффик-сам? Не снижает ли это стиля? Я написал ему очень поспешно и поверхностно. Может быть, я это еще поправлю. Во всяком случае его свободные переводы кажутся мне талантливими и удачными.

Поскольку письмо получилось таким непривычно длинным, подтвердите, пожалуйста, его получение. И пишите мне свобод-но, обо всем, что захотите.

Впервые: Kurt Wolf. Briefwechsel eines Verlegers. 1911–1963. – Авто-граф по-нем. (Deutsche Literaturarchiv in Marbach).

1 Курт Вольф собирался издать сб. критических работ о «Докторе Живаго» и назвать его «Памятник Живаго».

2 Книги об археологических раскопках в долине Мертвого моря и найденных там рукописях ессейских общин II в. до н. э. – II в. н. э.

3 Главным образом имеется в виду статья американского историка литературы Эдмунда Уилсона «Legend and Symbol in Dr Zhivago» («Nation», № 17. Apr. 25, 1959).

4 Получив очередную серию подарков от К. Беккер ко дню своего 70-ле-тия, Пастернак 14 февр. 1960 писал Вольфам: «Это простая, искренняя женщина, <...> очень хорошая, у нее есть чувство юмора и дар наблюде-ния, она любит и не без основания самый процесс писания. Но она не попала в список лиц за границей,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
которым я распределил определенного рода подарки. Поэтому мне так стыдно, что
эта женщина по разным поводам посылает мне подарки, зря тратится, и это,
кажется, не кончится никогда. <...> Вы бы осчастливили меня, если бы как-нибудь
помогли мне щедро и существенно одарить эту женщину. Думаю, что грузовик или
ро-яль были бы для неё слишком большим подарком, – несколько книг – слишком
маленьким. В одном из своих писем, при описании домашнего празднования
Рождества, она, говоря о полученных подарках (Боже упаси, – конечно, без всяких
задних мыслей!), призналась: "Втайне я надея-лась получить золотой браслет и т.
д.". Не поймать ли нам её на слове? И если Вы обладаете даром гипноза на
расстоянии, пожалуйста, сделайте так, чтобы эта милая женщина больше не
обязывала меня к ответной бла-годарности» («Знамя», 2005, № 3. С. 165).
5 Shakespeare. Die Sonette. Deutsch von Rolf-Dietrich Keil. Dtisseldorf- Köln,
1959.

1603. P. ШВЕЙЦЕР

14 мая 1959, Переделкино

14 мая 1959 Ренате.

Прости, что до сих пор не ответил тебе. И, – чтобы не за-быть, – в водвороте, в
котором я тону и который меня заливает, я, может быть, уже спрашивал «Ангела»,
как ее фамилия, но она бесследно исчезла у меня из памяти. Назови, пожалуйста,
эту де-вушку, когда будешь писать мне. Девочка была неопишимо небес-но-голубая
и писаная красавица, я начал ей что-то говорить на своем плохом немецком,
который внезапно мне совсем отказал¹.

Ты очень хорошо описываешь свое новое жилище (озеро и деревня у окна, парк).
Удивительно, как определенность времени и пространства, пейзаж, квартал города
много для меня значат. Переезд на новую квартиру для меня больше, чем душевная
дра-ма. Если перевести это в шутку, я сказал бы, что трагедии пишутся для того,
чтобы оправдать изображение места действия, чтобы окупить декорации.

Ты совершенно права, говоря, что все было совсем другим в прошлом году, вплоть
до осени... произошло отдаление. Этот год чудовищно изменил все очертания, мою
действительность и мое существование! То, что множество твоих и моих зимних
писем пропало, тоже относится к закономерности этого изменения, к природе
событий года. Даже наше «ты» и в твоём и в моем про-изношении звучит уже
принужденно и странно. Но еще глупее было бы теперь говорить «Вы». Все, что
теперь стало реальнос-тью, известной всему миру, было, – когда я тебе писал год
тому назад из больницы, – робкой и потаенной мечтой, никого не касавшейся
(говорю о своей писательской судьбе, от которой все зависит).

Ты хочешь сюда приехать осенью. Пожалуйста, не делай это-го, отложи на год. Я
заклинаю не тебя одну отказаться от этого. Прауйяр, моя французская
приятельница, должна как славистка приехать с научными целями. Я ее тоже умоляю
отказаться от этого и отложить на год.

Я не могу принять тебя тем неестественным и убийственным образом, как мне это
теперь предписано. Как никогда прежде, я теперь несвободен в отношении таких
свиданий. Что если ты при-едешь, а я с порога запрещаю тебе входить в дом! Это
было бы безумием! Я даже не могу тебе объяснить колдовскую вмененность этих
временных мер и надеюсь, что все образуется. Намечаются улуч-шения, по-видимому,
скажутся добрые намерения.

Но в этом кроются не только посторонние обстоятельства и косвенные соображения.
Год отсрочки нужен мне также и по сво-им внутренним причинам. Мне стыдно
получать столько призна-ния и благожелательности со всех сторон, не платя за них
новыми делами. Я должен, наконец, осуществить то новое, что живет в моих мыслях,
не только по внутренним побуждениям, но для того, чтобы вытеснить все
производные следствия (как бы они ни были хороши) и освободившееся место
наполнить вновь пережитым. Я хочу написать пьесу в прозе для театра, но когда и
как смогу это сделать, так я перегружен различными обязанностями и пись-мами?
И повсюду распространяются разные ложные трактовки (из выдуманного желания меня
похвалить), которые, возможно, и тебя отчасти вводят в обман. Например, в
Америке истолковывают книгу как тайнопись, названия улиц, имена собственные,
ситуа-ции, все до отдельных слогов должно содержать символы и алле-гории, во
всем сокровенное глубокомыслие². Но если бы вообще была возможна такая противная
искусству неестественная неле-пость, что в этом хорошего? И весь мой символизм,
если о нем говорить, – только в том, что я стараюсь со всем обязательным для
меня реализмом, не нарушая требуемой точности, создать це-лое, как стремительно
ускользающее явление, действительность в состоянии подвижного вдохновения, как я
всегда ее наблюдал и знал.

После этих критико-биографических недоразумений к тому, что я тебе сейчас скажу
о музыке и романтизме, ты окажешься не подготовленной, и оно тебя удивит. Мне
жаль, что моя небольшая статья о Шопене (4–5 страниц) остается непереведенной и
неиз-вестной. Сегодня я напишу об этом в Париж, надо заполнить этот пробел. Там

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori все это сказано³.

То, что здесь стерто резинкой, грозило превратиться в статью, невыполнимую и невозможную в письме. Слова «романтизм», «музыка» для меня не святыни. На мой взгляд, эти области творчества лишь для того и существуют, чтобы гению, – которому одному дано искупить собой и наверстать упущенное за целые столетия посредственности и банальности, – как можно больше усложнить и затруднить его миссию. Я люблю умиротворенное безумство Шумана, все лиричное у него – в его фантазиях, во второй симфонии, в фортепьянном концерте, в его квинтете; я люблю все народно-мелодическое у Брамса; но Крейслериана – все это стремительно уносящееся у них обоих, громopodobные марши, угловатость ремесленной музыкальной формы по принятым образцам готовых тем, риторика, пустая выпренность несущихся, загнанных – или наоборот – «волевых», спокойно-отбарабаненных ритмов, – добрая половина всего сочиненного в музыке – как это все смехотворно ничтожно и легковесно! И это так мало отклоняется от механизма простых упражнений в гаммах – любой музыкант по профессии должен был бы ежедневно, импровизируя, исполнять подобные дикие прыжки и тут же их забывать... И вот после какой-нибудь паганиниевской скрипичной чертовски быстрой распилки воздуха смычком приходит какому-нибудь Шопену на ум, что музыка могла бы иметь свою неподдельную глубину, что новая и широкая область техники и виртуозности может быть наполнена действительным существующим, осмысленным и личным, талантливим и грандиозно новым содержанием, – и наступает освобождение этого царства шума и гама, и совершается спасение! (Рядом с Шопеном я могу поставить только Баха и Вагнера и – Чайковского.)

Романтизм меня не удовлетворяет как нечто официальное, признанное, вторичное, как искусство в вицмундире гениальности. Наоборот, неофициальная оригинальность какого-нибудь Готфрида Келлера⁴, его сказочность в гражданском платье, укрывающаяся за грубоватой видимостью реализма, говорит мне куда больше, чем вся дикая резвость Э.-Т.-А. Гофмана. С другой стороны, можно ли представить себе Достоевского, может быть, даже и Диккенса без Гофмана? ⁵

Как это все невыносимо глупо выглядит и звучит!

Обнимаю тебя. Твой Б.

Впервые: Renate Schweitzer. Freundschaft mit Boris Pasternak. Wien, München, Basel. 1963. – Местонахождение автографа (нем.) неизвестно.

Р. Швейцер – немецкая писательница и корреспондентка Пастернака; она составила книгу «Дружба с Борисом Пастернаком», в которую включила 27 писем Пастернака. Невозможность сопоставить их с утраченными (уничтоженными?) оригиналами и некоторые стилистические особенности текста заставляют сомневаться в их полной аутентичности. В бумагах Пастернака сохранились 63 письма от Р. Швейцер.

1 Речь идет о молодой женщине, которая передавала письма Р. Швейцер Пастернаку.

2 См. об этом в письме JNfe 1602.

3 Статья Пастернака «Шопен» (1945) была передана Ж. де Пруайяр, она вскоре перевела ее на французский и издала в 1961 г. в «Les Lettres nouvelles». Р. Швейцер собиралась опубликовать отрывки из письма Пастернака к ней в газете «Die Welt». Передавая статью о Шопене Ст. Спендеру в журнал «Encounter», Пастернак рекомендовал ему для комментариев обратиться к этой публикации (письмо 9 сент. 1959). Статью о Шопене Спендер не напечатал, публикацию отрывков из писем к Р. Швейцер запретил Фельтринелли, объявив себя владельцем всех текстов Пастернака.

4 Готфрид Келлер – швейцарский писатель, автор романа «Зеленый Генрих», которым Пастернак восхищался в письме № 1200.

5 Далее идет хвалебный отзыв на либретто Р. Швейцер к опере Макса Бауманна «Эликсир Дьявола», вероятно, приписанный к письму Пастернака самой Швейцер.

1604. К. ДЕДЕЦИУСУ

Весна 1959, Переделкино

Дорогой г. Дедециус. Сердечно благодарю Вас за томик Маяковского¹. Более превосходного перевода этого поэтического жанра, вероятно, быть не может... У меня опять был повод задуматься над сложным и противоречивым в Маяковском – не только в переводе его стихов, но гораздо больше в оригинале, над художественно-тяжеловесной (вплоть до каменной непереваримости) манерой речи, над характером выражения мыслей и образования рифм и слов, с одной стороны, и над редкой, неожиданно гениальной дальнозоркой мыслью, с другой.

Но так как идеал искусства языка заключается для меня в высшей незаметности и доступности, в прозрачной нейтральности, доходящей до такой степени, что слушатель или читатель не замечает языка и забывает о нем, как если бы образы и мысли сами собой возникали в его душе, без видимой помощи извне; так как такова именно моя точка зрения, – я все больше удивляюсь, как этот поэт гениальной проникновенности (но и поклонник полезного и разумного) сам не дошел до сознания, что для его необычайных представлений особенно нужно было избегать самых заурядных выражений...

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Желаю Вам всего лучшего.

Ваш Борис Пастернак

Впервые: «Новое русское слово», Нью-Йорк, 2 авг. 1959 (купюры пуб-ликатора). – Местонахождение автографа неизвестно. Датируется по со-держанию.

Карл Дедечиус – немецкий славист и переводчик.

1 К. Дедечиус подарил Пастернаку книгу: W. W. Majakowski. Gedichte uebertragen von Karl Dedecius. 1958. Сб. включает русский текст стихов и не-мецкий перевод. В ответ на письмо Пастернака Дедечиус прислал состав-ленный им сб.: Lektion der Stille. Neue Polonische Lyrik (Речь тишины. Новая польская лирика) в своем переводе с надписью: «Борису Пастернаку в знак симпатии к Вашему творчеству и жизни. Карл Дедечиус. Июнь 1959 (нем.).

1605. Ж. де ПРУАЙЯР

20 мая 1959, Переделкино

20 мая 1959

Дорогая Жаклин, уже неделю, как Ваше письмо с очередным описанием Вашего несчастья лежит передо мной. Это уже третья версия, первая была от Элен. Самое важное в этом известии сло-во – лыжи, – было написано в конце фразы торопливо и нераз-борчиво, и я терял голову от различных предположений¹. Я от всего сердца жалел Вас. Я вместе с Вами переживал это происшествие, день за днем перечитывая Ваши письма строка за строкой.

Успокоительные слухи обо мне, вероятно, имеют некоторые основания, но до какой степени? Это невозможно решить. Все меняется и может в любой день повернуть вспять.

Ваше намерение приехать сюда осенью – для меня целая тра-гедия. Представьте себе, как мне удержаться от желания принять Вас у себя в П<еределкин>е на время Вашего пребывания? Поду-майте, ведь может так случиться, что мне придется отказать Вам даже в короткой встрече? Таковы мои теперешние обстоятельства. Как было бы замечательно, если бы перенести эту поездку на сле-дующую осень!

Я получил от Элен два письма и ответил на первое из них. Пусть наберется терпения, я отвечу на вопросы второго письма (по пово-ду выставки «Согшпегсе»² и о ней самой) несколько позже.

Я огорчен, что не сумел поточнее выяснить у Б. П<арена>, что Вам нужно. Мне очень досадно, что я оказываюсь совершен-но бесполезен Вам и ничем не могу помочь в делах. Надо, чтобы Вы сами нашли какой-нибудь пригодный способ переговариваться между собой³. Я не могу этим распорядиться с такого большого расстояния.

Я хотел написать Элен о получившем распространение лож-ном толковании моего стиля. К нему присоединился даже такой знаток, как Эдмунд Уилсон⁴. Ищут тайный смысл в каждом слогe романа, расшифровывают слова, названия улиц и имена героев как аллегории и криптограммы. Ничего этого у меня нет. Даже возможность существования отдельных, изолированных симво-лов я отрицаю у кого бы то ни было, если он художник. Если про-изведение не исчерпывается тем, что в нем сказано, если есть еще что-то сверх того, это может быть только его общее качество, дух, движение или бесконечное стремление, пронизывающее произ-ведение все целиком и делающее его тем или другим. Это не идея, которая в нем скрыта, как решение загадки, но подобие души, за-ключенной в теле и его наполняющей, которую нельзя из него извлечь⁵.

Итак, если душой французской импрессионистической жи-вописи были воздух и свет, то какая душа у этой новой прозы, ко-торую представляет собой Д<октор> Ж<иваго>? По замыслу, за-даче и исполнению это было реалистическое произведение. По-тому что в нем должна была быть точная реальность определен-ного периода, – русская реальность последних пятидесяти лет. Когда эта работа была выполнена, оставалось еще одно, что надо было также охарактеризовать и описать. Что именно? Реальность как таковую, реальность как явление или философскую катего-рию: факт существования некой реальности.

Не надо думать, что это что-то совсем новое, что раньше не задавались подобными целями. Наоборот, великое искусство все-гда стремилось зарисовать общее восприятие жизни в целом, но это делалось (толковалось ее неделимое единство) каждый раз по-разному, в согласии с философией своего времени.

Например, девятнадцатый век, Флобер, Толстой, Мопассан, и прежде всего натуралисты выделяли задний план и глубину («действительность»), подчеркивая обусловленность, детерминизм и причинность происходящего; характеры были ясными и четки-ми, все последовательно. Отсюда проистекал серьезный и песси-мистический тон великого стиля флопера и его неизменный, бес-пощадный синтаксис, его обвинения действительности, рассказ о которой, то есть литература, приобретала гордые и суровые пол-номочия судебного приговораб.

Я невежда в современных точных науках. Но простым чутьем мне кажется, что мой способ восприятия жизни, – того, что происходит вокруг и в течение лет, –

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori соответствует состоянию и направлению современной логики, физики и математики. В молодости, в моменты самых глубоких потрясений я всегда чувствовал – не скажу мир или вселенную, но значительность со-вершающегося, неизмеримо большую, чем собственные испытан-ия, и даже в слезах, на пороге отчаяния, я любовался высотой и захватывающим величием природы, – существования, которое было передо мной, надо мной и не было мною.

У меня всегда было чувство единства всего существующего, связности всего живущего, движущегося, проходящего и появля-ющегося, всего бытия и жизни в целом⁷. Я любил всевозможное движение всех видов, проявление силы, действия, любил схваты-вать подвижный мир всеобщего круговращения и передавать его. Но картина реальности, в которой заключены и совмещаются все эти движения, все то, что называют «миром» или «вселенной», никогда не была для меня неподвижной рамой или закрепленной данностью. Сама реальность (все в мире) – в свою очередь ожив-лена особым волнением, иного рода, чем видимое, органическое и материальное движение. Я могу определить это ощущение только при помощи сравнения. Как если бы живописное полотно, кар-тина, полная беспорядочного волнения (как например, Ночной дозор Рембрандта), была сорвана и унесена ветром – движением, внешним по отношению к движению, изображенному и видимо-му на картине. Как будто этот вихрь, вздувая полотно, заставляет его вечно улетать и убегать, постоянно ускользая от сознания в чем-то самом существенном.

Вот мой символизм, мое понимание действительности и со-отношение с детерминизмом классического романа. Я описывал характеры, положения, подробности и частности с единственной целью: поколебать идею железной причинности и абсолютной обязательности; представить реальность такой, какой я всегда ее видел и переживал; как вдохновенное зрелище невоплощенного; как явление, приводимое в движение свободным выбором; как возможность среди возможностей; как произвольность.

Отсюда все «недостатки» (непонятые особенности) моей но-вой манеры: пренебрежение «определенностью», стирание едва заметных очертаний; сознательная произвольность «совпадений», изображение прочного, как ускользающего и исчезающего и т. д. Отсюда некоторый оптимизм этой манеры. Понимание бытия не как чего-то порабощающего и разочаровывающего, а как удиви-тельной и освобождающей тайны.

Превратности почты начинают сказываться после третье-го листа (она борется против больших писем), я хотел ограни-читься двумя. Я превысил это установление, и сомневаюсь в том, что Вы получите мой небольшой трактат. Подтвердите его получение телеграммой с успокоительным ответом на следующий вопрос.

Только из последних Ваших писем мне стало понятно, какие именно бумаги Вам были нужны. Будучи мучительно и невыно-симо занят, Бр<ис> недостаточно полно и отчетливо передал мне Вашу просьбу. Я даже не мог понять, зачем надо еще раз повто-рять то, что было неоднократно сделано. Что в этом нового? Если бы было тогда произнесено слово «циркулярный список»!! Меня сразила мысль, что моя бумага никуда не годится! Если это так, напишите мне или даже отпечатайте на машинке требуемый текст, и я подпишу его. Но если прежний все-таки сколько-нибудь по-лезен, если им можно удовлетвориться и выпутаться, наемните мне об этом в телеграмме. Хорошо бы с этим покончить и дать себе передышку! Вы правильно угадываете мои огорчения. Так называемые милости (пока я, впрочем, их не вижу) при таком положении ве-щей грубее и унижительнее всякой опасности и угроз.

Пожалуйста, передайте Вашему мужу мои добрые пожелания и поцелуйте детей. Поклонитесь и поблагодарите г-жу Попову: это чудо сделать такой барельеф «в отсутствии оригинала»⁸. Просьбу Чижевского я удовлетворю в письме к Элен⁹. Рассказывают, что видели русские издания «Доктора Живаго». Нельзя ли получить несколько экземпляров?

Это все, теперь можно вздохнуть, потянуться к работе и не найти для этого времени... дорогой, дорогой мой друг.

Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956–1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 См. письмо № 1600.

2 О ретроспективной выставке журнала «Соштегсе» см. коммент. 5 к письму № 1556.

3 Переговоры фельтринелли с Ж. де Пруайяр по поводу мировых прав на автобиографический очерк и русские издания вступили в напряжен-ную фазу.

4 См. об этом коммент. 3 к письму № 1602.

5 «Присутствие всепроникающего, все загроутовывающего верования, постоянство одухотворения» Пастернак называл одним из слагаемых эстетики, заложенной Пушкиным (см. письмо № 1595).

6 Об «аристократической нетерпимости "стиля без помилованья"» романов Флобера и

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Барбе д'Оревилли Пастернак писал еще в письме № 162 (см. также письмо № 1623).
7 Джон Харрис, английский школьный учитель, с которым Пастернак переписывался, отмечал в «Докторе Живаго» это единство и связность всего существующего и по поводу совпадений в романе цитировал известный отрывок из Джона Донна, взятый эпиграфом к роману Хемингуэя «По ком звонит колокол»: «Ни один человек не Остров, сам по себе: каждый человек – часть Материка, часть Суши <...> Смерть любого человека уменьшает меня, потому что я часть Человечества, и поэтому ни-когда не посылай узнавать, по ком звонит Колокол: он звонит по тебе».

Пастернак отвечал ему 8 февр. 1959: «Вы были совершенно правы, что на-помнили мне о Донне, о его чувстве всеобщности живого, о его "он – наш". А Ваша теория: "Совпадение – это поэтический прием Пастернака <...>", если и не сама истина, то близкая к правде, в нескольких шагах от нее <...> Тут с изменением времени, характера движения, свойства цвета и группировок, выявляется моя скрытая, невысказанная философия. Я скажу больше: сама по себе моя философия – в целом, более склонность, чем убежденность. И повторяю, Вы были правы, ссылаясь на Донна» («Scottish Slavonic Review», № 3, 1984. P. 88).

8 Вера Александровна Попова, русская художница и скульптор, жи-вущая в Париже, сделала портрет Пастернака в барельефе.

9 Речь идет о просьбе Д. И. Чижевского, проф. Гейдельбергского уни-верситета, об автографе для университетского музея. См. письмо № 1608.

1606. А. Н. ГЛУМОВУ

24 мая 1959, Переделкино

24 мая 1959

Дорогой Александр Николаевич.

Я очень тронут Вашим письмом и отношением и полон луч-ших чувств к Вам, но мои слова о том, как я занят и как протекает моя нынешняя жизнь, не доходят до Вашего сознания или Вы не верите в их полную непреувеличенную буквальность. Ваше предложение обсудить какие-то планы со мною и Зи-наидой Николаевной меня просто пугают. Я изнемогаю от избытка внимания, проявляемого ко мне во всем мире, и от дел, отсюда вытекающих, а Вы мне предлагаете еще какие-то перспективы в придачу и я просто пугаюсь Вашей неосведомленности и перед ней отступаю. Я горячо желаю Вам успеха в Ваших собственных предполо-жениях. Милости прошу к нам в обеденное время (3 часа дня) в любое воскресенье, с прочими гостями. Отдельной встречи я пока не в состоянии Вам назначить, но если в конце лета что-нибудь изменится в этом отношении, я с Вами созвонюсь отдельно на этот счет. Право, я не принадлежу себе, с этим надо совладать и упоря-дочить, оставьте меня до осени и не сердитесь.

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 2420, оп. 1, ед. хр. 52).

А. Н. Глумов – чтец и музыковед, познакомился с Пастернаком в 1946 г., когда они с Н. А. Голубенцевым выступали в университетском клубе с чтением перевода «Гамлета» (см. письмо № 990).

1607. Э. ПЕЛЬТЬЕ-ЗАМОЙСКОЙ

25 мая 1959, Переделкино

25 мая 1959

Невыразимо дорогая моя Элен, через несколько дней, а мо-жет быть, даже и завтра я приготовлю все, что Вы хотели для «Согшпегсе»¹. Но не хочу задерживать отправку своих спешных строк. Не знаю, удастся ли мне на этом торопливо написанном листке ответить на Ваш существенный и интересный вопрос (о роли художника в нашем современном мире). Если бы Вы знали, насколько Вы правы, написав мне: «Мне кажется, что в общих чертах я это угадываю и т. д.»

Будьте уверены – это именно так: Мишель, Жаклин и Вы луч-ше всех способны угадать все, что меня касается, даже предвидеть это и предсказать. Мне хотелось бы написать Вам несколько слов именно на эту тему! Я это сделал немного пространнее в ответе на итальянскую анкету (в английском переводе) для г-на Луиджи Вакки из журнала «Visto», Milano, via Zuretti 34. Я не знаю, полу-чил ли он мое письмо. Если бы мой английский не был бы еще хуже, чем французский, я бы посоветовал Вам попросить его при-слать текст вопросника и копию моего ответа. Речь шла об искус-стве, о современности, о том, что нужно, чтобы сохранить мир и предотвратить войну и т. д. и т. д.²

На этот последний вопрос я ответил, что в мои понятия не вмещается, как можно вести войну против войны с помощью при-зывов, конгрессов и сбора огромного количества подписей³. Но долг современного художника в этом вопросе остается все тем же, и опасность лишь усиливает и удваивает его.

Мы, современные люди искусства, должны были бы украсить, то есть сделать прекрасными дни нашей современной жизни, как это делалось в прошлом веке, – больше, значительно больше, чем мы это делаем в наше время из ненужного потворства интеллек-туалам, именам и знаменитостям (главным образом образам левой части общества). Нам следовало бы придать больше величия и гениаль-ности нашему

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori творчеству, что невозможно без доли риска, жертвенности и страдания.

Мы должны были бы возвысить и одухотворить нашу современность, чтобы каждый прожитый день стал более дорогим, чтобы его жаль было потерять и лишиться, чтобы жизнь стала настолько притягательной, одухотворенной и наполненной вдохновенной красотой, чтобы не возникало опустошающего желания убийства или самоубийства. Иного способа сопротивления войне я не знаю и не могу себе представить.

Жаклин просила меня прислать автограф и фотографию для профессора Чижевского⁴. Я их прилагаю, но неопубликованные фотографии так уродливы! В моем письме к Жаклин, получение которого я прошу ее подтвердить телеграммой, потому что оно настолько длинное, что я сомневаюсь в том, что оно дойдет, – в этом письме имеется тематическое отступление для Вас (о моем понимании реальности, которую можно назвать символической в том смысле, что она лишена статичности, и ни в каком другом). Даже говоря о данных сознания, надо более четко ощущать буквальный, динамический вкус этого слова (то, что они даны, что это – подарок). Говорю, конечно, лишь о едва заметном оттенке, но реальность мира я всегда видел (и всегда искал изобразить) как явление неведомого порыва, как прибытие мира, посланного из таинственной бездны. Нельзя точно выразить это. Главное мое стремление передать неожиданность реальности, ее появления, жест удивления...

Я благодарю Вас со всею мыслимой на свете нежностью за письма, будущие статьи, за книгу *Poitou Roman*⁵. Я ни в чем не нуждаюсь, ничего мне не посылайте, не создавайте себе лишних забот.

Поблагодарил ли я Замойского за его драгоценную приписку в одном из Ваших писем?⁶ Передайте ему мои лучшие чувства. Как его здоровье?

Обнимаю Вас со всею нежностью. Б.

Впервые: «Знамя», 1997, JSfe 1. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Элен Пельтье просила прислать для выставки в Риме автограф одного из стихотворений, опубликованных в *Commerce* в 1925 г.: «Душная ночь» или «Отплыть» и фотографию тех лет (там же. С. 134).

2 См. «Ответы на вопросы еженедельника "Visto"» в переводе с ит. – Т. V наст. собр. С. 273–279. Английский текст подлинника неизвестен.

3 Свой протест против бессмысленности подобных объединений и призывов Пастернак высказывал еще на Конгрессе в Париже в 1935 г. Следуя этим представлениям, в ноябре 1950 г. Пастернак отказался поставить свою подпись под «Стокгольмским воззванием за мир». На общемосковском собрании писателей 31 окт. 1958 г. С. С. Смирнов упрекал Пастернака за это. Летом 1959 г. Пастернак объяснял свой отказ тем, что если его творческие усилия, направленные на то, чтобы жизнь была более привлекательна, чем смерть, насилие и война, оказались недостаточными, то что может прибавить к этому его подпись. Войны, – говорил он, – возникают тогда, когда жизнь ничего не стоит, жизнь – копейка, и с ней не жалко расстаться, тогда, как оправдание искусства как раз состоит в том, что оно делает жизнь человека более значительной и дорогой ему и тем противостоит самоубийственным тенденциям человека («Существование ткань сквозная». С. 557). В «Ответах на вопросы еженедельника "Visto"» Пастернак говорил: «Нет, я не верю в действительность объединений, призывов, обращений. По-моему, спасение человеческих ценностей можно искать только в самой жизни, в любви к жизни, в стремлении к лучшей жизни, более богатой и насыщенной, более достойной того, чтобы ее хотелось прожить. Как бывает хорошо, например, когда наши дни освещаются улыбкою искусства! При этом нам больше думать о разлуке с жизнью в день смерти, и вместе с тем наше существование приобрело бы блестящую ценность» (Т. V наст. собр. С. 276).

4 Письмо Nq 1608.

5 Большой альбом изд. «Scira», посвященный памятникам романской архитектуры в Пуату. «Меня интересует, – писала Э. Пельтье, – как Вам живется? Достаточно ли у Вас денег? Я Вас умоляю: если Вам это необходимо, дайте телеграмму и я Вам вышлю прекрасное собрание книг по искусству – о живописи (издания Scira). Это замечательно и я уверена, что в Москве это стоит целое состояние, и я буду так счастлива иметь возможность Вам помочь» («Знамя», 1997, № 1. С. 129).

6 Август Замойский, муж Э. Пельтье, по поводу присуждения Пастернаку Нобелевской премии приписал к письму жены 31 окт. 1958 по-русски: «Дорогой Борис Леонидович! Посылаю Вам свои поздравления от всего сердца. Очень рад, что мой старый друг Слонимский, с которым я знаком около 40 лет – Вам во имя польских писателей послал поздравления! Надеюсь, что мы с Helene в будущем году приедем к Вам. Это короткое письмо, но оно написано для того, чтобы сказать Вам, как я счастлив, что в России есть люди подобные Вам. Гучио Замойский (там же). Польский поэт Антониуш Слонимский – был председателем Союза польских писателей, во время своей поездки в Париж на сессию ЮНЕСКО, виделся с Замойским.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
1608. Д. И. ЧИЖЕВСКОМУ
26 мая 1959у Переделкино
26 мая 1959 г.

Дорогой Дмитрий Иванович.

Madame de Proyart сообщает, что Вы хотели бы иметь образец моего почерка и какой-нибудь снимок с меня, менее известный. Я ма-ло снимался, потому что плохо выхожу, и это все воспроизведено.

Бор. Конст. Зайцев прислал мне свою книгу о Жуковском. Как мы тут отвыкли от такого слога, спокойного, честного, дышаще-го, прозрачного. В коротких фразах слова ложатся привольно и удобно и кажутся в этом естественном расположении похожими на то, что они называют и изображают.

Вы литературовед, то есть, значит, историк русского обще-ства и для Вас, может быть, не новость то, что меня в этой книге неожиданно остановило.

Я думал, Наташа Ростова – толстовская находка, внесенная им из жизни или из запасов его собственного гения в рассчитан-ную на правдоподобие историческую загрузку. В описании, которое Зайцев дает Протасовскому женскому царству¹, на каж-дом шагу натыкаешься на черточки, так по-особенному отличав-шие свежее и своеобразное остроумие Наташи. Не историческая ли это реальность, которая могла быть известна Толстому по се-мейным материалам? Видно это было в духе эпохи. (Наверное, все это давным-давно известно и, поражая Вас своим невежеством, я и на этот раз, как во многих других случаях, ломлюсь, что называ-ется, в открытые двери.)

Правильно ли мне сказали Ваше имя-отчество? Извините, если переверали.

От души Вам всего лучшего.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Дружба народов», 1990, № 3. – Автограф (Библиотека Гейдельбергского университета).

Д. И. Чижевский – философ и историк литературы, автор книги «Гегель в России» (1939). С 1945 г. преподавал в Гейдельбергском универ-ситете, в 1950-х читал курс лекций по славянской фольклористике в Гар-варде, где Ж. де Пруайяр училась в аспирантуре.

¹ Имеются в виду сестры Мария Андреевна и Александра Андреевна Протасовы (в замужестве Мойер и Воейкова), племянницы В. А. Жуков-ского, в первую из которых он был влюблен, а второй посвятил в качестве свадебного подарка балладу «Светлана» (1808–1812).

1609. Б. К. ЗАЙЦЕВУ

28 мая 1959, Переделкино

28 мая 1959

Дорогой Борис Константинович, все время зачитывался Ва-шим Жуковским. Как я радовался естественности Вашего всепо-нимания. Глубина, способная говорить мне, должна быть такою же естественной, как неосновательность и легкомыслие. Я не люб-лю глубины особой, отделяющейся от всего другого на свете, как был бы странен высокий остроконечный колпак звездочета в обыкновенной жизни. Помните, как грешили ложным навязчи-вым глубокомыслием самые слабые из символистов? Замечательная книга по истории, вся в красках. И снова до-казано, чего можно достигнуть сдержанностью слога. Ваши слова текут, как текут Ваши реки в начале книги, и – виды, люди, годы, судьбы ложатся и раскидываются по страницам. Я не могу ска-зать больше, чтобы не повториться. Вот в чем дело. Гейдельбергс-кому университету понадобился мой русский автограф. Его надо было наполнить каким-нибудь содержанием. Я им написал не-сколько строк о Вашей книге¹. Судите, как она мне нравится.

Я послал Вашей дочери фауста. Вот с каким сожалением и болью сопряжены у меня работы этого рода. Ни разу не позволя-ли мне предпослать этим работам собственных предисловий. А мо-жет быть, только для этого я переводил Гёте, Шекспира. Что-то редкостное, неожиданное всегда открывалось при этом, и как (!) всегда тянуло это новое, выношенное живо и сжато сообщить! Но для... «работы мысли» у нас есть другие специалисты, наше дело подбирать рифмы².

И только этот баснословный год открыл мне эти душевные шлюзы, но совсем с другого боку. И о фаусте написал я по-немец-ки по запросу из Штутгарта, где есть Faust Gedenkstatte (место рож-дения исторического фауста), и по-английски о Рабиндранат Та-горе (совсем не восторженное) его биографу в Лондоне, и по-фран-цузски о назначении современного поэта в Италию³ и пр. и пр. и пр. И стало легче. Но как это все странно, не правда ли? Оказыва-ется, можно и думать. Еще раз поздравляю Вас от души, благода-рю и обнимаю.

Ваш Б. Я.

Я обрываю письмо, чтобы не задерживать выражения моей радости и признательности. Впервые: Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 1-2. Vol. xv. 1974. Janvier – juin. – Автограф (Бахметьевский архив, Columbia University).

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
1 Письмо № 1608.

2 Б. Зайцев процитировал эти слова Пастернака в своей статье «Путь (О Пастернаке)» и писал далее: «Вот "специалист" в предисловии к его переводу "Фауста" и предупреждает читателей, что слово "Бог" у Гете надо понимать... как-то особенно, чтобы Бог не был Богом» («Литературное обозрение», 1990, № 2. С. 78). Зайцев имеет в виду слова Н. Н. Вильям-Вильмонта из предисловия к «Фаусту»: «Господь и архангелы, Мефисто-фель и т. п. не более как носители извечно борющихся природных и соци-альных «сил» (Н. Н. Вильмонт. «Гёте и его "Фауст"» // Гете. «Фауст». Пере-вод Б. Пастернака, 1953. С. 15).

3 Имеются в виду статья «В дом-музей Фауста в Книттлингене» (т. V. наст. собр. С. 96–98); текст заметки о Рабиндранате Тагоре, посланный Брамана Чаттерджи, неизвестен; в Италию были посланы «Ответы на воп-росы еженедельника "Visto"» (т. V наст. собр. С. 273–279).

1610. Р.-д. КАЙЛЮ

3 июня 1959, Переделкино

3 июня 1959

Дорогой мой Dr Keil, так же радуюсь Вашему скорому ответу, как Вас порадовал мой. В суждениях о переводах мне очень труд-но отрешиться от отношения, которое у меня установилось к моим собственным оригиналам. (Так, например, я недолюбливаю «Хле-ба», «Июля».) Erklarung, Morgendammer, Herbstwald, Nasskald, мне кажется, лучше всего. Но и Die Neuschöber и Lindenallee очень хо-роши. Однако, Вы не должны нисколько считаться с моим мне-нием. У Вас такой хороший вкус. Простите, что я взваливаю на Вас это бремя, но выбор старых стихотворений (в той пропорции, как указываете Вы) так же точно, как и новых, предоставляю со-вершенно Вам самим и тем, с кем Вы будете советоваться (в пере-водах – с господином Фишером, например). Благодарю Вас за все и желаю Вам всего лучшего. Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф по-нем. (собр. адресата).

1 Кайль прислал Пастернаку переводы стихов: «Объяснение» (1947) и «Рассвет» (1947) из «Доктора Живаго»; «Осенний лес» и «Заморозки» (1956), «Стога» и «Липовая аллея» (1957) из книги «Когда разгуляется»; Пастернак дает их немецкие названия.

1611. Р.-д. КАЙЛЮ

3 июля 1959, Переделкино

3 июля 1959

Мой дорогой господин Кайль.

В Ваших переводах ошеломляет и очаровывает сходство тона, настроения, содержания и общей сути. У меня такое ощущение, будто передо мной по-прежнему стихотворения на русском язы-ке, только в каком-то необъяснимо измененном виде, который позволяет почувствовать их по-новому и освежающе. (Как Вы преодолели трудности «Ветра»! Но зачем Вы переводите такие незначительные вещи?)

Я торопливо благодарю Вас. Продолжайте и дальше сами рас-поряжаться пониманием, трактовкой и выбором (но при этом больше держитесь существенного. Выбор должен исключать блед-ное и слабое).

Я не ищу и не нахожу никаких недостатков или слабых сто-рон. Рад был бы, если бы нашел (не из коварства, Боже упаси). Иначе перевод оспаривает первенство оригинала.

Песня в «Осени» – народная песня, частушка:

Позарастали Стёжки-дорожки, Там, где гуляли Милого ножки...²

Некоторые вещи в Ваших переводах поражают и восхищают меня. Я Вас поздравляю.

Примите мою благодарность. Желаю больших успехов в дальнейшем!³

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Raissa Orłowa. Lew Kopelów. Boris Pasternak. Stuttgart, 1986. –

Автограф по-нем. (собр. адресата).

1 Имеется в виду стих. «Ветер» («Я кончился, а ты жива...», 1953) из «Доктора Живаго». Кайль по мере работы посылал Пастернаку свои пере-воды его стихов.

2 Речь идет о ст. 7–8 из стих. «Осень» («Я дал разъехать домаш-ним...», 1949): «Как в песне, стежки и дорожки У Позаросли наполовину». Образ взят из народной песни, широко распространенной на Урале.

3 Следующую подборку переводов Пастернак получил 25 авг. 1959 и писал Кайлю о своем впечатлении. Русское название книги «Когда раз-гуляется» он предлагал перевести как: «Wenn es aufklart» (там же. S. 44).

1612. Б. Б. ТОМАШЕВСКОМУ

9 июля 1959, Переделкино

9 июля 1959

Милый Борис Борисович, что случилось с моим участием в выпускаемом Ленгизом Гансе Саксе? Наверное его коснулись за-прещения, последовавшие за присуждением мне Нобелевской пре-мии и моим исключением из ССП? Но в отношении допустимос-ти моих

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori работ к изданию многое изменилось. Знаете ли Вы это? Если Г<анс> С<акс> еще не вышел, и это еще не поздно, не со-гласились ли бы Вы возбудить ходатайство или сделать попытку пересмотра этого запрета, с целью включения моих переводов в издание?1 Это было бы тем желательнее, что материальные мои обстоятельства, вследствие всего происшедшего очень запутаны и неопределенны. Не откажите в любезности ответить мне по ад-ресу: Переделкино под Москвой, мне.

Ваш Б. Пастернак

Приложенное заявление передайте, пожалуйста, в бухгалте-рию Ленгиза и извините за доставленное беспокойство.

Б. П.

Впервые. – Автограф (РГБ, ф. 645, к. 38, ед. хр. 34).

1 Изд-во исключило переводы Пастернака из сб. Ганса Сакса «Избран-ное» (М.–Л., ГИЛ, 1959) и пересматривать это решение не стало. Но через полгода Б. Б. Томашевский известил Пастернака через О. В. Ивинскую, что может выслать ему некоторую сумму в компенсацию старого договора. Па-стернак благодарил его 28 янв. 1960: «Милый Борис Борисович, О. В. гово-рит, что Вы вызвались наскрести что-то, какие-то деньги. Благодарю Вас, это весьма кстати. Сведения о сберкассе прилагаю. Будьте здоровы. Ваш Б. Пастернак* (там же). См. также письмо № 1501.

1613. Э. ПЕЛЬТЬЕ–ЗАМОЙСКОЙ

21–30 июля 1959, Переделкино

21 июля 1958

Дорогая Элен, как они оба прекрасны: Иоанн Креститель рабо-ты Вашего мужа и сам Ваш муж. Спасибо за живое письмо, глубо-кое и проникновенное. Начинаю с самого главного и, возможно, этим ограничусь. Ваше понимание Д<октора> Ж<иваго>, особен-но в дополнительном рассуждении о художнике, о творческой жизни, жизни «гениализированной», превосходно и безупречно1. Я прыгал от радости и неожиданности, когда дошел до этого места. При том, что мне «посоветовали» не встречаться с иностр<анцами>, я вчера сказал одному англичанину: «Культура это плодотворное существование, история – опись урожая». Бытие, вселенная, мир, его порядок и его загадки – это вещи очень важные и великие, но я пленен и захвачен совсем другим. В огромной тысячелетней хро-нике одной семьи, единой и замкнутой, я увлечен современной жизнью, этой неосознанно свежей и новой страницей, на которой еще только подсыхают чернила. Столетия, изученные и записан-ные в памяти, подобны ежегодным описаниям старого заросшего сада, его урожаев, бедствий и обновлений. Надо восхищаться, оп-лакивать и повествовать о том, что живет, меняется, страдает, уми-рает и рождается – вот это моя стихия.

Меня ожидает большая беда. Я откладываю трудности разоб-раться с этим вплотную и вмешаться, но это неизбежно. Ф<ельтри-нелли> жалуется на Ж. П<руайяр> во многих письмах, которых я еще не читал, но их содержание О<льга> знает по рассказам2. По-чему он (Ф.) ограничивает ее (Ж.), говорит, что она препятствует ему и тормозит его и к тому же еще и оскорбляет его (я уверен, что он лжет). Она взяла на себя роль, героически превышающую ее силы, полную самопожертвования, и делает это для меня. В своей бескорыстной преданности она ведет с ним бесконечные споры из-за денег. Но нужно ли? Он совершил ослепительные и величест-венные дела. Где был бы Д<октор> Ж<иваго> и его кругосветное путешествие, разве были бы без него весь этот блеск и сияние пос-ледних двух лет? Могли ли мы это сделать своими руками? Пусть он обогащается. Разве он этого не заслужил? Разве нас касается мера его доходов? Давайте не обращать на это внимания. Он бла-городен и честен. Зачем ему обманывать и урезать долю?

Для меня большое несчастье, что Ф. и Ж. П. не нашли обще-го языка, что они недостаточно поняли, что случай со мной, ска-зочный, воздушный и своенравный, без видимой опоры и невоз-можно вести себя обычным образом в вопросах, касающихся его, и это ни к чему не приводит. Ф., как я предполагаю, хочет, чтобы я подписал ему какой-то новый договор3. Я одобряю все его планы. Я никогда ни в чем ему не откажу. Но подписывать, – это именно то графическое движение, которого я не имею права делать. Имен-но Жаклин должна была бы это делать за меня, но в том свой-ственном мне примирительном духе, принимая все, что не бес-честно, почти пренебрегая материальной стороной и зная, что даже при этом мы окажемся перед неожиданно большими суммами.

У меня никогда не было повода в чем-нибудь упрекнуть Жак-лин, и сейчас нет, и никогда не будет. Напротив, я от всего сердца жалел о тех тягостных обязанностях, которыми ее невольно надели-ло мое доверие, я испытывал от этого острые угрызения совести.

Но Ольга встревожена 1) двусмысленностью, все время возоб-новляющейся ненадежностью моего положения здесь и постоян-ными угрозами; 2) воинственным духом Ф., который возмущает-ся и восстает против Жаклин; 3) боязнию возможного судебного процесса между ними, который даст пишу жадной и крикливой заморской печати, что должно меня прикончить и окончательно погубить, о чем здесь так

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori страстно мечтают.

Она предлагает, чтобы Ж. нашла путь широкого и постоянного согласия с Ф., заменяя ему не только меня самого как личность, но мою покладистость, веру в него и готовность поддерживать полезные и имеющие смысл проекты – или, если согласие недостижимо, чтобы она нашла возможным сложить с себя возложенные на нее мною обязанности и по своей доброй воле облечь этими правами Ф. как нашего (моего и ее) окончательного и единственного доверенного. Ж. должна сделать выбор и решиться. Пусть она меня простит и не обижается, что я делаю ее судьей и арбитром в этом решении. Я восхищаюсь ею и обожаю ее. В моей любви к ней нет никаких «но». Но со дня на день становится все менее осуществимым для меня знать, следить за делами и распутывать их на этом страшном расстоянии, непреодолимом, заколдованном и мне запрещенном. И против меня целая дурацкая организация, одетая железным панцирем, она следит за мной и мешает, и сводит к нулю каждый мой шаг – вообразите во всем значении подобное состояние дел. Мне всегда оставалось в таком случае – дать волю событиям: будь что будет. Ничего большего я не требовал от Жаклин. Но она спорит с Ф., отравляет себе жизнь и ничего не добивается.

Я не читал еще писем, присланных мне Ф., и думаю, что теперь, после получения Вашего письма и конца экзаменов⁴, письмо от Жаклин уже в дороге. Может быть, все выяснится, устроится и будет в лучшем порядке. Может быть, я опережаю события, но Ольга⁴ требует, чтобы я поднял этот вопрос. Она хорошо понимает, какая опасность кроется тут для меня, в особенности судебная, которая вызовет новый досадный шум в газетах. Она это знает более, чем достаточно, она это узнала «на собственной бедной шкуре». Если единственный способ жизни (*modus vivendi*) с Ф. это война, значит надо сдаваться.

Я сегодня больше ничего не скажу и резко обрываю письмо. Надо ли Вам объяснять, как это разрывает мне сердце. Как непоследовательны и неожиданны эти мои предположения после всех просьб и уверений противоположного толка, которыми я забил голову бедной Ж. в эти последние два года.

Я пишу Вольфам (ему и ей) в Цюрих, чтобы они стали посредниками в этих печальных делах с Ф. и попросили извинить меня от мучительного удара, которого я с его стороны вовсе не заслужил.

30 июля 1959

И вот уже тридцатое. Тем временем я получил кружным путем письмо от Жаклин. Она ангел, Вы это знаете. Я ее люблю. Читаю описания «раутов», которые она дает⁵, и плачу, как если бы она была моей племянницей или дочерью. Я отвечу ей по почте. Но Вы расскажите, покажите ей все. Может быть, в сущности, дело обстоит не совсем так, может быть, оно не так ужасно?

По поводу книг обо мне, пусть она и Мишель предложат их написать⁶. Я не хочу напускать на себя большей скромности, чем это нужно, и не боюсь известности и возобновления шума. Мне ничто не может повредить. Исключительность моего положения не может быть ухудшена также, как математическая бесконечность не меняется и не увеличивается при добавлении конечных слагаемых. Но вот что происходит. Pantheon Books написал мне, увлеченный идеей сделать книгу «Памятник Д. Ж.» (лучшие статьи, корреспонденция и т. д. и т. д.). Я попросил его воздержаться от этого плана. Несоответствие между умеренностью самого произведения и целым морем комментариев и интерпретаций приводит к результату до смешного бесцветному и слабому. Это то же самое, как растворять кусочек сахара в бочке воды⁷.

Но для Жаклин – в одном письме за другим – я напишу целую философию искусства со свежими и новыми мыслями, которые, может быть, ее взволнуют. Я не шучу. Обнимаю Вас от всего своего верного сердца. Ваш Б.

Впервые: Boris Pasternak. *Lettres a mes amies francaises*. 1956–1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 В письме 10 июля 1959 вместе с фотографиями своего дома, мужа и его скульптур Э. Пельтье писала о последнем периоде жизни Живаго: «Он знает, что будет верным своему призванию поэта и, занимаясь им без устопок, станет более полезен людям, потому что помогает открыть то, чего наши поработанные техникой современники – советские и другие – больше всего жаждут: творческой жизни, жизни гениализированной» («Знамя», 1997, № 1. С. 137).

2 Фельтринелли отказался ратифицировать договор, выработанный его адвокатом в соответствии с документами, представленными Ж. де Пру-айяр, и угрожал начать против нее судебный процесс. Орудием давления на Пастернака стал приехавший в Москву немецкий журналист Хейнц Шеве, который шантажировал Ольгу Ивинскую угрозами огласки дела. Пастернак понимал, что в его переписке с Фельтринелли или с Ж. де Пру-айяр нет ничего преступного и писал 14 нояб. 1959: «Дорогая Жаклин, я не согласен с Ольгой⁸, которая считает, что нужно ограничить мою переписку тем путем, каким я пользуюсь сейчас. Напротив, я не представляю, что из того,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
что я Вам рассказываю или спрашиваю под покровом ночи, не мог бы я доверить
ясному дню обычной почты» («Новый мир», 1992, № 1. С. 177).

3 Фельтринелли еще 21 февр. 1959 просил Пастернака «пересмотреть все полномочия
мадам де Пруайяр и подписать новое соглашение, допи-сав от руки название
Автобиографии, и все сделать в присутствии Руге или Шеве, дав им удостоверить
названные бумаги». Пастернак на это пред-ложение отозвался в письме 2 авг. 1959,
где просил прощения за неуряди-цы, в которые он втянул фельтринелли и Ж. де
Пруайяр. Он писал, что согласен со всеми проектами и контрактами, которые ему
предлагает фель-тринелли, но просьбу их подписать адресовал к Ж. де Пруайяр, к
которой он просил фельтринелли обращаться также за советами и по поводу
гоно-рарных отчислений, желая, чтобы Ж. де Пруайяр стала для фельтринелли
Пастернаком в тех случаях, когда ему будет нужен Пастернак («Континент», 2001,
№ 108. С. 240, 252).

4 Время экзаменационной сессии в университете.

5 В письме 25 июля 1959 Ж. де Пруайяр описывала великолепный прием на 300
человек, устроенный ее матерью в их доме в Париже, расска-зывала историю этого
дома и своей семьи.

6 В письме Ж. де Пруайяр шла речь также о предложении, которое она получила от
Галлимара, написать книгу о Пастернаке для серии «Bibliothèque Ideale». М.
Окутюрье, со своей стороны, начал писать книгу для изд-ва «Le Seuil». (Книги
вышли в 1963 и 1964 гг.)

7 См. об этом в письме № 1602.

1614. P. ШВЕЙЦЕР

26 июля 1959у Переделкино

26 июля 1959

Как ты всегда радостно меня волнуешь, Ренате! Я свинья, что еще не ответил на
твое прелестное стихотворение о грозе. Еще большая низость, что я, ища опоры в
твоих вдохновляющих к жиз-ни строках, отвечаю влюбленными письмами, но позволь
мне на этом не останавливаться.

По поводу книжечки «Ковчега» я ничего не знаю. Не переве-шивает ли в ней
противное приемлемого? Тогда не посылай ее мне!

Доктор Рольф Дитрих Кайль (Гамбург, ул. Густава Шваба, 3), составитель
прекрасного сборника немецких переводов сонетов Шекспира в издательстве Дидерих,
прекрасно перевел кучу моих новых стихотворений в точной рифмовке и ритме.
Сделал он это для Fischer Verlag, достань себе эту книгу, когда она выйдет. Или,
может быть, госпожа Фишер может дать тебе машинописную ко-пию до ее выхода в
свет? Может быть, это вовсе не так хорошо, как мне кажется, и у тебя есть время,
чтобы сделать какие-нибудь замечания? Его уменьшительные суффиксы и некоторые
неточ-ные рифмы вносят в стихи привкус чего-то чуть-чуть чужого. Но этого
немного и не очень заметно.

Я получил кое-что из современной немецкой лирики, стихи Куно Ребера, Пауля
Селана² и других. Не считай, по моему пове-дению, что я враг современно-нового.
Все это достаточно хоро-шо, полно характерной остроты ощущений, неосвязаемо
правдиво. Когда-то я сам был таким, как они. Но ведь кроме зрелости возра-ста
есть еще и другая зрелость – которой достигаем не мы, а сама жизнь, задачи и
идеи времени, наконец, и материальный мир это-го времени. После всего виденного,
выстраданного и испытанно-го за последние десятилетия я не вправе оставаться
верным своим прежним принципам выражения, как бы привычны они ни были. Я должен
браться за куда более трудное и непривычное. Я должен, пусть даже это угрожает
мне гибелью, всегда быть осязаемо прав-дивым.

Немного о музыке. Крайне легкомысленно, с моей стороны, что я своей обычной
торопливой и сжатой манерой, да к тому еще на плохом немецком, английском или
французском излагаю не-связные мысли, хотя и имеющие некоторое глубокое
значение, но совершенно пропадаящие в таком затрудненном для понимания
изложении. Это отдает ребяческой смелостью дурного тона.

Различия стилей, исторические эпохи, периоды расцвета ис-кусства, подъема
культуры, – перед которыми преклоняются люди академического образования и чем
восхищаются и что смакуют, – для меня не святыни и вообще ничто. Несколько
утрируя, я мог бы сказать: не из-за четырехсотлетнего и бесспорного признания
велик Шекспир, а потому, что он действительно непостижимо живой и гениальный
поэт. Или так: несмотря на то, что Бах был композитором, его произведения
действительно вершины бес-смертия.

Далее, я мог бы сказать, – если это не понимать профессио-нально и узко
технически, – что искусство всегда переполнено (это его свойство) условностями
формы, которые, однако, не са-моцель, но, наоборот, помехи, через которые надо
пробиваться, не прикасаясь к ним, и которые надо, не устрояя с пути, оси-лить.
Они вроде цирковых канатов, по которым надо ступать так, как если бы их не было,
и хождение по ним не отличалось от хожд-дения по полу или по земле (снова

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
утрировано, но не в смысле виртуозности, Боже упаси, а по существу дела). Вот живешь, работаешь, пишешь и в конце концов приходишь к убеждению, что размер, рифма, стихи – только возможность в приеме искусст-венном оставаться естественным', расширить границы естествен-ного и исследовать такие закоулки и глубины природы, о которых неведение посредственности и невежества даже и не подозревает, которые им и не снятся!

Стоит вспомнить, например, с какой возрастающей свобо-дой вмещал Гете бурный поток своих мыслей в стихотворную фор-му. Как будто дело шло о полном освобождении речи, снова стано-вающейся первобытно необузданной!

Все сводится к содержанию. Однако возможность смешения понятий в культурном обществе так велика, что путают смысл ве-щей и чаще в своем заблуждении принимают одно за другое, чем судят правильно.

Так происходит и с упомянутыми канатами, по которым никто не ступал и не ходил (иначе говоря, с бессодержательным и пус-тым искусством, все равно классическим или романтическим), но которые тем не менее становятся признанными и действенными, как если бы это были настоящие пути канатоходца. Искусство со-храняется не само по себе и удерживает свою высоту не силою сво-их законов, а как раз нарушением их и исключением из правил. Кальдерон и испанский театр существуют потому, что в противо-вес их канареечному чириканию был Шекспир. Микеланджело спасает весь Ренессанс и вызывает к жизни то, что, возможно, не стояло бы на собственных ногах, не будь этого оправдания. И все вдруг разом становится живым и привлекательным (не забудь, что это говорится приблизительно и с преувеличением, чтобы дать беглое представление о существе мысли). Я так много и тяжело пишу тебе, чтобы ты не впала в ошибку. Боюсь показаться тебе доктринером, и ты мне припишешь причуды дурного вкуса и от-сталый снобизм поклонения классике, и по своей доброте готова будешь согласиться со всем, даже с тем, что противно твоей при-роде. Под романтизмом понимаю не когда-то существовавшее течение и не действующую школу, не степень развития искусства, но романтику как принцип, как производное и вторичное,-lite-ратуру о литературе и любованию искусством самого художника, тогда как творческий гений презирает искусство, и через искусст-во поклоняется жизни (опять немного однобоко и для понятнос-ти преувеличенно). То же относится и к музыке, так как бессодер-жательное и формальное в ней занимает почти исчерпывающую долю, гораздо большую, чем в поэзии и живописи. Вот слушаешь Брамса. Он трогает тем, что в нем все таково, каким должно быть, что ты не натолкнешься на что-то неожиданное и непривычное. Гайдн, Вебер, Шуберт кажутся невинным перезвоном колоколов или игрой часов того времени. Но вот возьмем Баха, например (частично Моцарта, в какой-то мере Бетховена, Шумана, Шопе-на или Вагнера). Так вот, возьмем Баха. Тут нечто неожиданное и выходящее за пределы требований эстетики, и это главное и это великое! Мы бы удовольствовались одной такой модуляцией; мы радовались бы и одному такому разрешению. Но нет! Он воздви-гает и воздвигает, запутывает и так запутанное, и все усложняет. Вот тут бы ему и кончить, и мы в слезах аплодировали бы ему. Но нет! Его упрямство идет дальше и дальше и не желает задержи-ваться. Происходит обвал, и лавина содержания засыпает все ус-ловное и формальное тем, что имеется налицо, – совершенным и внезапно вечным. Вот тут и начинается святость реализма, и все, чему грозила опасность остаться птичьим чириканьем, ничтож-ным и бесплодным, и пропасть, – восстанавливается, и музыка становится музыкой, а Вебер и Брамс – композиторами.

Тебя может удивить, что я назвал Вагнера. Конечно, Т. Манн прав, что его тянуло к XIX веку. Он прав еще больше, постоянно называя Вагнера душой и сущностью этого века. Надо лишь выз-вать в памяти увертюры его расцвета – и тут ты внезапно полу-чишь все сразу: тут тебе и железные дороги, и поезда, и путеше-ствия, летнее цветение лип в столицах, и все это не по привычке и не по ассоциативной связи, а потому, что все это так и торчит тут; а он только дает себе труд не удовлетворяться тем, что было тогда ожидаемым или признанным, а все время вводит в условное то неслышанное, что есть действительность жизни. Вот за это, дос-тигнутое им, и прощаешь ему все эти «Woge du welle, walle zur Wiege...»\

Говоря о содержании, я, естественно, имею в виду вовсе не иллюстративную или программную музыку. В сущности, иллюст-ративность невозможна ни в каком искусстве. Даже в слове ни фабула, ни предмет повествования не есть еще содержание, им является степень напряжения и воплощения прожитой жизни в искусстве. Еще недавно гармония была одной из сторон содер-жания, языком содержания музыки (твой выговор мне за Моцарта меня не пугает), совершенно так же, как выражением содержания

«Плечи волна, качай колыбель...» (нем.). 507

для Баха был хроматизм. Не знаю, к каким средствам выражения в этом смысле придет современность или будущее, но совершен-но ясно, что дело будет идти о

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris
познании жизни и открытиях, и это будут редкие отдельные вершины, потому что это
самое трудное, и только такие вершины и будут придавать смысл окружающей
местности, и только благодаря таким вершинам она станет гор-ной страной.
Против ожидания кончаю письмо. Как часто я пишу тебе так многословно и болтливо.
Письмо Макса Бауманна, о котором ты знаешь, так как адрес надписан твоей рукой,
тронulo меня, обра-довало и польстило мне². Я должен ему ответить. Я хотел это
сде-лать на следующий день, но из-за этого длинного письма нена-долго отложу.
Ему вовсе не нужно соглашаться с тем, что я говорю об искусстве, музыке и т. п.,
если ты ему об этом расскажешь. Я серд-ечно приветствую его. Если за чтением
письма ты забыла, как я полон любви к тебе, я тебе напоминаю.
Обнимаю. Твой Б.

Впервые: Renate Schweitzer. Freundschaft mit Boris Pasternak. Wien, Munchen,
Basel. 1963. – Местонахождение автографа (нем.) неизвестно.

1 О сб. «Ковчег» не удалось узнать.

2 У Пастернака в Переделкине стоит подаренная поэтом К. Ребером книга: Kuno
Raeber. Die verwandelten Schifte («Заблудившиеся корабли») с надписью: «Boris
Pasternak aus grosser und verehrungsvoller Distanz zugeeignet Kuno Raeber. 10.
II. 59» («Борису Пастернаку на большом и полном уваже-ния расстоянии посвящает
Куно Ребер»). Там же книга Пауля Селана: Paul Celan. Sprachgitter («Решетки
языка»), S. Fischer Verlag, 1959.

3 Композитор Макс Бауманы – друг Р. Швейцер, автор оперы «Элик-сир Дьявола» по
Э.-Т.-А. Гофману, для которой она писала либретто.

1615. Н. Б. СОЛЛОГУБ

29 июля 1959, Переделкино

29 июля 1959

Дорогая Наталия Борисовна, благодарю Вас за догадку, что мне небезразлично и
дорого будет получить несколько слов от Вас¹. Вы мне доставили ими большую
радость. Днем раньше я после боль-шого перерыва получил письмо от Бориса
Константиновича. На-верное, я сейчас же вслед за этим ответом Вам напишу и ему.
Я ког-да-то навсегда запомнил и люблю его спокойную и чистую цель-ность. Она
придает красоту и естественность его мыслям и движе-ниям, а его прозрачному
слогу позволяет становиться как бы собственным языком положений и вещей, которые
он изображает. Я в обновленном виде опять испытал это за чтением его
Жуковско-го. Это высшее, о чем смеет мечтать писатель, когда кажется, что
говорит не он и его прихоти, а само нарисованное им. Я наверное не знаю Вас и
Вашего мужа, но Вашу маму помню и вижу как сей-час, и естественно, что я полон
любви к Вам и Вашей семье.

Папа Ваш спрашивает, дошли ли до меня его строки о пись-мах Петрарки. Я не
только получил их, но ответил ему восхище-нием по их поводу. Раз он об этом
спрашивает, значит, мои вос-торги пропали по дороге². Он любопытствует также,
нельзя ли было бы издать Автобиографию у Вас по-русски³. Что касается меня, я бы
гордился его содействием. Так же мог бы он распорядиться и русским фаустом. Я
был бы только вдвойне счастлив, если бы это принесло какую-нибудь ошутимую
пользу ему самому или кому угодно другому, кому бы только он сам пожелал. У меня
есть одна близкая приятельница там, M-me de Pr<oyart>, ей это все виднее.

Мне выпало большое и незаслуженное счастье вступить к кон-цу жизни в прямые
личные отношения со многими достойными людьми в самом обширном и далеком мире и
завязать с ними не-принужденный, задушевный и важный разговор. К несчастью, это
пришло слишком поздно. В годы основных и общих нам всем по-трясений я успел, по
несерьезности, очень много напутать и нагрешить. Как страшно и непоправимо
грустно, что не одну Россию, а весь «Просвещенный мир» постиг этот распад форм и
понятий в течение нескольких десятилетий. Я не люблю воспоминаний, тем более
бесцельных. Если я об этом упоминаю, то вот почему.

Успех романа и знаки моей готовности принять участие в по-зднем образумлении
века повели к тому, что везде бросились пе-реводить и издавать все, что я успел
пролепетать и нацарапать именно в эти годы дурацкого одичания, когда я не только
не умел еще писать и говорить, но из чувства товарищества и в угоду ца-рившим
вкусам старался ничему этому не научиться. Как это все пусто и многословно,
какое отсутствие чего бы то ни было, кроме чистой и совершенно ненужной
белиберды!⁴

Моя жизнь далеко не гладка, дорогая Наталия Борисовна, меня окружают заботы и
тревоги и на каждом шагу подстерега-ют, – выразимся мягко, – неожиданности, но
знаете, милый друг мой, среди огорчений едва ли не первое место занимают ужас и
отчаяние по поводу того, что везде выволакивают на свет и дают одобрение тому,
что я рад был однажды забыть и что думал обречь на забвение.

До свидания. Поблагодарите, пожалуйста, Веру Алексеевну за ее бесценную приписку
собственной рукой. Сердечный при-вет Вашему мужу. Покажите некоторые места
письма Вашему папе, мы как бы беседовали все вместе, сообща.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 1-2. Vol. XV, 1974. Janvier – juin. – Автограф (Бахметьевский архив, Columbia University).

Н. Б. Соллогуб – дочь Б. К. Зайцева; Пастернак послал ей в подарок свой перевод «Фауста».

1 «Не могу передать, – писала Н. Соллогуб 12 июля 1959, – как я Вам благодарна, как была счастлива и горда получить от Вас Ваш прекрасный перевод "Фауста". Ведь мы Вас так любим и ценим! Я с детства знаю Вашу поэзию – и переводы, а теперь мы Вами зачитываемся».

2 Имеется в виду письмо № 1595, задержанное на почте.

3 «...Здесь есть русский текст Ваших автобиографических заметок, очень бы хотелось его опубликовать... – спрашивал Зайцев 14 июля 1959. – Не разрешите ли мне распорядиться напечатанием их» (Борис Зайцев. Собр. соч. Письма 1923–1971. Т. 11, доп. м., 2001. С. 180). Речь идет об автобиографическом очерке «Люди и положения».

4 «Не мучьтесь тем, – отвечал Зайцев 9 сент. 1959, – что многое теперь печатают, чего Вы не хотели бы, от чего отошли. То, что мне пришлось знать, все на настоящем уровне, одно лучше, другое меньше нравится, но это неизбежно. И неизбежно, что молодой Пастернак писал иначе, чем зрелый. Важно, что он как следует созрел» (там же. С. 182).

1616. Е. А. КРАШЕНИННИКОВОЙ

30 июля 1959, Переделкино

30 июля 1959

Дорогая Катя, благодарю Вас за письмо. Вы его чудесно написали, и я мысленно вижу, как и почему Вы писали его, вдохновляемые обстановкой, тем, что Вы не дома и должны сидеть в музее, как у себя¹, и убивать время. Вы правы во всем, касающемся нынешнего лета, я тоже не устаю восхищаться им. Вы правы, вероятно, и относительно Могема². Как жалко, что мне некогда читать, «Луна и грош» мне нравились и Вы заинтересовали меня. Вы особенно правы относительно соединения всеобщего с [частным] личным в таинстве, это, наверное, и есть существо тайны жизни.

Я увлекся своей новой работой и в нее уверовал³. Но мне пришлось прервать ее на несколько дней и заняться письмами. Я здоров.

Целую Вас. Ваш Б. Я.

Впервые. – Автограф.

1 Е. А. Крашенинникова дежурила в Музее им. А. Н. Скрябина во время отпуска сотрудников.

2 В 1959 г. вышел по-русски роман Сомерсета Моэма (Могема) «Бремя страстей человеческих» (1915), восхищение которым отразилось в письме Е. А.

Крашенинниковой. Пастернак читал роман «Луна и грош» (1919), русский перевод которого появился в 1927 г.

3 Имеется в виду работа над пьесой «Слепая красавица».

1617. Л. Л. СЛЕЙТЕР

31 июля 1959, Переделкино

31 июля 1959

Дорогая Лида, писала ли ты мне после своего возвращения из поездки? Если писала, то твои усилия пропали даром, я ни слова не получил от тебя. Знаю, что ты писала и телеграфировала Шуре. Они оба сейчас проводят время на Карпатах (Зап. Украина). Леня повез Зину и Нину Табидзе вдоль Балтийского побережья. Между тем Женя (он) с женой и маленьким Петей живут в Переделкине. Я получил известия о твоей встрече с Вольфами¹, о знакомстве Г-жи Фишер с Чарли, о встрече Феди и Жони с моей французской знакомой². Я счастлив узнать, что вы пользуетесь недоступными мне возможностями радовать собой других (не знаю, возможно, без всякого удовольствия для себя). Но все очарованы. («Epe vous ressemble un peu. J'en etais toute emue. Elle m'a demande si vous fumiez et un tas d'autres details de ce genre» etc.*)

Если б мне дано было прожить еще десять или хотя бы пять лет! Несоизмеримость между сделанным и обсуждаемым и разбираемым была бы не так велика, как теперь, сущность не так бедна, испарения не так широко разнесены. Я мог бы заполнить разрыв между новыми вещами и тем, что сделано, я на пути к этому. Недавно я с жадностью взялся за новую работу, перестал писать письма, но вдруг увидел, что вынужден прервать свои счастливые усилия. Я узнал, что Фельтринелли взбунтовался против моего французского ангела-хранителя³, он будет мне жаловаться на те препятствия, которые она чинит ему на каждом шагу (из-за чрезмерной, как думаю, и излишней осторожности). Ольга считает

* «Она немного похожа на вас. Это меня так взволновало. Она спросила меня, не курите ли вы, и множество подобных мелочей» и т. д. (фр.) ет, что это очень тревожно. Несогласия между ними обоими смертельны для меня. Ф. тоже верный и

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
благородный друг и достоин уважения. Успокаивать страсти на таком расстоянии
невозможно и рискованно. Но я все еще пытаюсь. И освободившееся от це-пей,
писание писем покатилося полным ходом.

Если только позволят внешние условия, я мог бы выдержать испытания этого
благословенного, неслыханного и бросающего в дрожь образа жизни, деятельного и
плодотворного, как у Гете! И, конечно, я его веду, хотя тайно, в высшей степени
скованно и незаметно.

Чем ты сейчас занята? Напиши мне, если можешь, несколько строк, или попроси
сделать это нашу сестру. Всем привет. Ваш Б.

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф по-англ. (Pasternak Trust, Oxford).

1 Лидия Слейтер получила приглашение прочесть несколько лекций и почитать
переводы стихов Пастернака в Нью-Йорке. На одном таком вечере она познакомилась
с супругами Вольфами, пришедшими ее послушать.

2 Сын Жозефины случайно встретился с немецкими издателями Фишерами, Жозефина с
мужем навестили в Париже Ж. де Пруайяр, о чем Пастернак узнал из писем своих
корреспондентов. Приведена цитата из письма Ж. де Пруайяр о знакомстве и
разговоре с Жозефиной.

3 Ж. де Пруайяр.

1618. Ж. де ПРУАЙЯР

2 августа 1959, Переделкино

2 августа 1959

Дорогая Жаклин, судя по образности Ваших оборотов, Вы должны были бы писать
романы, а не критические разборы. У ме-ня в ящике лежат письма от
Ф<ельтринелли>, и со дня на день я откладываю их чтение, зная, какие огорчения и
осложнения они должны мне принести. Он жаловался на Вашу суровую придир-чивость,
как он это называет. О<льга>, которой было рассказано содержание письма, была
встревожена угрозами разрыва с ним, судебных разбирательств и опасных, а в нашем
положении пагуб-ных, по ее мнению, разоблачений. Она (О.) убедила меня
восполь-зоваться своим влиянием. Против воли я написал об этом Элен. Она Вам
расскажет и покажет письмо¹. Я хотел избавить Вас от этого. И если я об этом
упоминаю, то только потому, что убедился, как надеялся с самого начала, что
тревога была ложной и напрас-ной и все устроится лучшим образом. Я хотел бы,
чтобы все оста-валось так, как было намечено раньше. Дайте ему полную свободу,
как это делаю я. Он заслужил это своей успешной предприимчи-востью, удивительные
доказательства которой он дал. Он достоин безграничного доверия.

Я был подавлен стыдом, узнав в конце Вашего письма, что Мишель и Вы, Вы тоже,
готовы заняться моей несчастной осо-бой². Меня удерживает в таких случаях не
должная скромность (наверное, ее у меня недостаточно), не страх политических
недо-разумений, которые подстерегают каждую мою публикацию, каж-дый печатный
шаг. Положение таково, что ничто не может его ухудшить, предел достигнут.

Несоразмерно нарушено равновесие между сделанным и от-раженным в обсуждениях и
толкованиях. Небольшая горсточка твердого вещества (в моей книге) растворена в
многообразии на-писанного и пишущегося о ней или обо мне! И теперь, начав с
увлечением работать, я чувствую, будто держу в руках все обстоя-тельства и смогу
уравновесить рост абстракции конкретным, за-пыхавшимся от быстроты содержанием.
Но я хочу, чтобы Вы написали свою книгу и чтобы она стала одной из лучших. И
если могу быть Вам чем-нибудь полезен, с удовольствием это сделаю. Все, что я
Вам скажу (кроме, может быть, установившихся понятий, лиц или национальностей),
Вы всегда можете открыто цитировать, переписывая мои письма пра-вильно
по-французски. Попутно я Вам расскажу ужасные вещи и открою Вам многое, чего Вы
не ожидаете.

Время предпочтений (любимых цветов, слов и т. д.) у меня давно прошло. С одной
стороны, необходимый выбор был однаж-ды сделан раз и навсегда. С другой, – с
течением лет сужая свобо-ду альтернативы, ограничиваешься тем, что находишь,
потому что выбирать не из чего. Мое нынешнее существование (внутренне очень
живое) представляется мне прямым следствием давно при-нятых и выполняемых
предпосылок. Это более активное, посто-янное и прямолинейное движение, чем когда
бы то ни было, – полу-желание, полу-долг.

Мечтали о равенстве. Я его достиг, видя вокруг полное равен-ство всех видов
несовершенства. Мечтали о братстве. Я полон без-различной доброжелательности по
отношению к большей части живых существ, которые, толпясь, наполняют жизнь, – и
только она сама способна внушить мне единственную настоящую лю-бовь, – любовь к
ней.

Но в далеком прошлом у меня было любимое сочетание цве-тов, достаточно
устойчивое и меня характеризующее. Это темно-лиловый (почти черный) в сочетании
со светло-желтым (цвета чайной розы или кремовым) в такой пропорции: например,
об-ложка или переплет должна быть лиловая (цвета пармских фиа-лок), и матовая,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris
водянисто-желтая наклейка с именем и названием, или желтые глубоко вдавленные
буквы3.

Здесь должно было бы начаться настоящее письмо, относящееся к Вашей будущей книге (я все-таки напишу его через две-три недели и отправлю по почте), – но по некоторым невинным признакам я понял срочность того, что должен Вам доверить, что-бы прояснить свои пожелания относительно Вас и фелътринел-ли. Простите мне откровенность, с которой я продолжу.

Но вместо того, чтобы продолжать, я обрываю. Не мучайтесь любопытством и тревогой, – Вам все объяснит Элен. Я набрасываю также письмо для фелъ<ринелли> по-немецки (в зависимости от того пути, которым оно пойдет). Конец письма к нему – обрывок моего прерванного заключения Вам4. Он скопирует эту приписку (она по-французски) и пришлет. Я не могу избежать формулировки, в которой вынужден сказать, что Вы – это как бы я сам за границей. Простите бесцеремонность и некоторую долю фамильярности, которую несет в себе эта глупая формула. Я польщен честью, которую Вы мне оказываете и сознаю тя-жесть той роли и унижения, которому Вы в связи с этим рискуете подвергнуться.

Good by.

Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956-1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Письмо № 1613.

2 О книгах, которые собираются писать М. Окутюрье и Ж. де Пруай-яр, см. коммент. 6 к письму № 1613.

3 Это сочетание цветов отразилось на обложке «Тем и варьяций», изданных в Берлине в 1923 г., на 2-м издании «Поверх барьеров», 1929.0 со-четании лилового и желтого Пастернак писал Ю. Кайдуну 3 дек. 1959: «Мое любимое сочетание цветов – это темно-лиловый и светло-желтый» (Boris Pasternak. Poems. Translated by E.-M. Kayden. Ohio, 1964. P. 304). См. об этом также в письме к Е. В. Пастернак № 230.

4 Письмо к фелътринелли 2 авг. 1959, см. о нем в коммент. 3 к письму № 1613. 1619. Ж. де ПРУАЙЯР

13 августа 1959, Переделкино

13 августа 1959

Дорогая Жаклин, я не знаю еще сколько их, но если бы Вы знали, как кстати деньги, которые мне обещала принести дорогая госпожа Дурова!1 Нам обещают, например, переиздать Фауста. На первый взгляд кажется, что осуществление этого произойдет за один день, за неделю. Но проходят месяцы, а о данном слове и не вспоминают. Это не предумышленная ложь. Это соответствует те-перешнему состоянию окружающей жизни. Она приговорена бес-поворотнo. Так жить нельзя. Она бесчестна и бесполезна. Время не идет вперед, оно тащится по инерции. Сколько продлится этот завершающий период? Годы, десятилетия? Вы вытащили нас из безнадежного затруднения. Нужно ли говорить, как велика моя благодарность? Спасибо, что Вы сделали это неожиданно и без всяких просьб.

Пожалуйста, не переоценивайте идилличности моего суще-ствования. Если я протелеграфирую Вам как-нибудь: внучка под-хватила ветрянку, – это будет значить, что 0<льга> арестована, в моем случае будет – внук, и Вы это узнаете от нее. Тогда Вы пой-мете, что началось следствие по делу об измене родине (эта угроза была официально записана у нас на глазах в тайный протокол в высоких сферах «правосудия» и объявлена весной2), – что открыто дело и нужно действовать и бить во все колокола.

Нельзя ли перевести и опубликовать статью о Шопене где-нибудь в журнале или газете? На этот раз это не будет новым пре-ступлением, статья была напечатана тринадцать лет назад в советс-ком журнале (вероятно, в несколько искаженном цензурой виде3). Ни в коем случае не надо на полях публикации делать этой оговорки. Никаких расшаркиваний перед этими крестинами! Не делайте себе из перевода обязанности. Поручите, если Вы заняты, кому-нибудь, кому захотите. Мне дорога эта небольшая и сама по себе незначи-тельная работа. Мне будет приятно, если ее прочтут.

Лондонский «Penguin Books» взял для своей серии «Повесть». Но эта проза слишком мала для их серийного объема. Они попро-сили меня о каком-нибудь дополнении. Я им отправил эти не-сколько слов о Шопене. Их адрес: Mr Richard Neunham, Penguin Books, Ltd. 15 Portman Str. London w14.

Стефен Спендер, поэт и издатель «Encounter», просит у меня, чтобы я написал статью в виде письма против приема аналитико-аллегорической интерпретации мнимо зашифро-ванного искусства.

Я не читал статьи Эдм. Уилсона5. Я спрашивал о нем у кого-то из американцев и немцев, людей новых и подчас мне неиз-вестных, которые мне пишут. В своих письмах они рассказывали мне об Эдм. Уилсоне. Его имя – авторитет для меня. Этот

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori прием исследования открыл не он. Таким методом пишут теперь о классиках. Нечаянное отступление – я продолжу разговор о Уилсоне потом. – Пришли два письма с бесконечными благодарностями, одно от Тенса, другое от Харриса⁶. Как бы мне хотелось, Жаклин, чтобы это, наконец, осуществилось! Чтобы они благодарили и превозносили не меня, а Вас. Как я счастлив, милый мой ангел, что могу позволить себе просто и безусловно выразить восхищение Вами и, благодаря Вашим стараниям, вместе с Вами сеять счастье, как играют на рояле в четыре руки. Ваша нежная забота приносит чувство осязаемого блаженства, как будто я встаю на колени и целую Вам руки. – И это знак того, что все другие разногласия с Фельтринелли⁷ может быть уладятся и урегулируются. Какая радость, какая радостная неожиданность!

Но раз уж так, поговорим о Ф., поговорим о положении вещей с этой стороны. Я дам Вам пример и Вы сразу поймете, как в реально достижимом идеале я представляю себе Ваши (и мои) с ним отношения. Я кончаю писать пьесу. Она становится русской рукописью, плодом творчества и документом бесспорного значения, каким был «Доктор Живаго». Ольга⁸ относит копии в здешние редакции. Их там терзают шесть месяцев. Работу не принимают. В этот долгий промежуток времени один экземпляр рукописи попадет в Ваши руки. Вы оцените ее, как явление искусства и мысли. Если Вы найдете ее хорошей, появится издатель (пусть это будет Фли! Хорошо, если Вы выберете его!), Вы с ним подписываете договор, всемирный, подобно «Д. Ж.», охватывающий все языки и многие издательства. Но это делается от Вашего имени, Вы подписываете договор, не упоминая меня и без моего ведома, и это Вы делаете по своей воле, по праву, которое Вам дает старая забытая доверенность, неведомо какого времени, какого содержания и на каких условиях составленная. Новая законченная работа, – вот чего временно не достает для всего этого великолепного построения. Я с минуты на минуту жду госпожу Дурову⁹. На случай, если она придет сегодня (она может это сделать и завтра, у нее еще есть два дня), я предварительно прощаюсь с Вами. Я продолжу письмо под угрозой оборвать его с ее приходом. Даже и в этом случае оно будет законченным. Я с Вами расстанусь, пусть и внезапно, но сказав, как я Вас люблю и Вами восхищаюсь, как бесконечно Вам благодарен.

Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956–1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Анастасия Борисовна Дурова приезжала в Москву в составе туристской группы и посетила Пастернака 10 авг. 1959 г. Ж. де Пруайяр переслала с ней Пастернаку некоторую сумму из его гонораров от Галлимара. В письме 14 нояб. 1959 Пастернак называл ее «кавалерист-девицей Дуровой» в честь ее двоюродной бабушки Н. А. Дуровой.

2 Речь идет об обвинении, предъявленном Пастернаку генеральным прокурором.

3 Статья Пастернака «Шопен» впервые была напечатана в журн. «Ленинград», 1945, № 15–16, в первонач. варианте и сокращенном виде. В переводе Ж. де Пруайяр она вышла в журн. «Les Lettres nouvelles» в 1961 г.

4 Издание «Повести» («The Last Summer». Penguin Modern Classics, 1959) в переводе Дж. Риви и с предисловием Л. Л. Слейтер вышло без статьи о Шопене.

5 Edmund Wilson. «Legend and Symbol in Dr Zhivago» («Nation», № 17, 25 Apr. 1959).

6 Фельтринелли по возможности оттягивал исполнение просьбы Пастернака о денежных подарках его друзьям, не торопясь получить сведения о величине общей суммы гонораров, что позволяло не платить налогов, которые были очень велики в Италии. Первым шагом Фельтринелли было извещение о подарках от Пастернака, которое получили школьный учитель Джон Харрис и директор музея Фауста Карл Тенс. Остальные посылки задержались еще на 5 месяцев.

1620. К. ТЕНСУ

14 августа 1959, Переделкино

14 августа 1959 Дорогой друг,

вчера я был вне себя от счастья, узнав из Вашего письма, что мои намерения, наконец, осуществились. Это задумывалось уже почти год назад, и заслуга госпожи Пруайяр¹, что вопреки всем препятствиям это осуществлено.

Итак, путешествуйте куда угодно, но только в том направлении, о котором Вы упомянули в письме, нас с Вами ждет горькое разочарование из-за невозможности увидеться². Извлеките отсюда также и другие выводы о моем нелепом и грустном, но, в конце концов здоровом, работоспособном и все-таки в узком смысле независимом и свободном существовании.

Как я рад, что по крайней мере в этом деле что-то удалось привести в порядок, и кое-что уже получилось!

Желаю Вам душевной радости.

Ваш Б. Пастернак

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Впервые: «Новый журнал», № 209. Нью-Йорк, 1997. – Автограф по-нем. (собр. К.
Гинзбурга, США).

1 Речь идет о получении известия о денежном подарке от Пастернака.

2 Тенс предполагал, что приедет в Москву, но Пастернак предупредил его о
наложенном на него запрете встречаться с иностранцами.

1621. Ж. де ПРУАЙЯР

20 августа 1959, Переделкино

Это письмо будет бесконечным, но начинаю я его 20 августа.

У меня два желания, дорогая Жаклин, которые я должен осуществить: одно это
написать Вам, а другое – Стефену Спендеру, по поводу очень важных вещей¹.

Не так давно, в начале века, перед Первой мировой войной еще верили, что пытки,
казни, массовые убийства, резня, боги, ходящие по земле, обнаженная догола
жизнь, существовали только во времена людей в тогах, рабов и гладиаторов.
Казалось оче-видным, что при современном укладе этого всего быть не может, что
железные дороги, пиджаки, галстуки нас от этого предохраняют и служат надежной
защитой.

А потом появились два царства: то, что у нас и царство Адольфа².

Жизнь всегда остается одной и той же. Ее, полную откровений и опасностей, как в
лесу, можно найти в недрах больших со-временных городов. Для этого нужно только
желание и мужество. Вдохновение.

Когда говорят об этом, представляют себя Дон Жуанами, от-важными воинами или
дерзкими мятежниками (и они правы). Но я имею в виду другое. Я думаю о совсем
особой жизни. В список ее действующих лиц входят: Бог, женщина, природа,
призвание, смерть... Вот те, кто по-настоящему мне близки, мои друзья,
со-участники и собеседники. Все существенное исчерпывается ими. И не для себя
одного я всегда хотел ограничить ими свое тайное общество и круг тех, кто в моем
существовании играет воистину плодотворную и значительную роль, – но своими
произведениями и характером поведения я предлагал и другим этот способ
ду-ховного счастья. Если мое скромное искусство безмолвно несет в себе этот
образ существования, если мне удалось его показать и я сделал это, то статьи,
которые пишутся обо мне, обилием мелких фактов и подробностей, которые я
давным-давно рад был забыть и сознательно вычеркнул из памяти, сбивают с толку и
стремятся это разрушить.

Вы просите снабдить Вас материалами, которые не вошли в ограниченный объем
Охранной грамоты и еще более сжатый – Автобиографии. Конечно, я сообщу их Вам.
Но с другой сторо-ны, – Ваша просьба подобна тому, как если бы, имея рисунок, Вы
захотели бы его расширить, стерев контур.

Я Вам доверю многое, что не предназначено для публикации. Почему я не держусь
точных биографических данных, избегаю их и стараюсь уклониться? Когда человек
что-то собою представляет и рассказывает об этом, это выглядит так, будто он
одобряет и со-глашается с тем, что он есть и чем был. Или наоборот, он открыто
восстает против, отрицает, жалеет о том, что было, строит це-лую философию в
опровержение. Но я не хочу ни того, ни друго-го. Я не хочу обсуждать ничего из
того, к чему имею отношение: ни еврейский вопрос, ни вопросы нигилизма и
славянского сми-рения, ни расхожие представления об искусстве, ни рев<олюцию>,
ни контррев<олюцию>, ни свои увлечения юности, женитьбы и привязанности. Все мои
предубеждения всегда были несправед-ливы и такими остались. Во всех своих
расхождениях с людьми всегда был виноват я, а не мои партнеры или противники. Но
хочу ли я и могу ли исправить? Решительно нет. Это неизбежно и непреодолимо.
То баснословно малое, что поистине я собою пред-ставляю, я вложил в свои
биографические очерки и роман.

Кроме того, есть и другие причины, а именно, оскорбительное упоминание близких
имен. Вы никогда не поверите, каким я был иногда трусом, невнимательным и
безразличным, не думающим о последствиях. Такова моя первая женитьба. Я вступил
в нее не же-лая, уступив настойчивости брата девушки, с которой у нас было почти
невинное знакомство, и ее родителей. Если бы они знали, как восставала против
этого моя совесть, если бы они догадыва-лись, как, давая свое согласие, я
обдумывал уже, как нарушу свои обещания и обязательства, как обману их
вскорости, они удержа-лись бы от открытой настойчивости. Это были совсем простые
и наивные люди, в тысячу раз лучше и честнее меня, но более низко-го и
неизвестного мне до тех пор круга, с которым у меня не было ничего общего и
который меня подавлял и удручал. Этот обман длился восемь лет. От этих
отношений, которые не были ни глубо-кой любовью, ни влекущей страстью, родился
ребенок, мальчик.

У меня есть теория. Красота есть отпечаток правды чувства, след его силы и
искренности. Некрасивый ребенок – следствие отцовского преступления, притворства
или терпеливости взамен естественной привязанности и страстной, ревливой
нежности. Несправедливость и горе в том, – что не я, виновник, а мой стар-ший

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris сын, неповинный в моем преступлении, обезображен веснуш-ками и розовой кожей. Представляется удобный случай ускорить дохождение пись-ма. Ваша помощь была так своевременна и велика! Я не нахожу слов, чтобы Вас отблагодарить. Как только смогу, продолжу эту беседу в новом письме и на другие темы. Госпожа Дурова меня очаровала, передайте ей самый сердечный привет³. Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956–1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Письмо № 1623.

2 Аналогия сталинизма и гитлеризма возникла у Пастернака еще в 1933 г. (см. письмо № 665).

3 Пастернак 14 нояб. 1959 в очередной раз благодарил Ж. де Пруайяр: «Постепенно у меня возникают подозрения, что деньги, которые Вы мне так часто и много посылаете, ничего общего не имеют с Ф<ель>тринелли». Что источником этих сумм, может быть, является г-н Галлимар, любезно сохранивший их для меня» («Новый мир», 1992, № 1. С. 177).

1622. Э. ГЕРЕНШТЕЙН

19 августа 1959, Переделкино

19 августа 1959

Дорогая, многоуважаемая госпожа.

Сердечно благодарю Вас за письмо и прекрасные выдержки из написанной Вами биографии Кассирера. Я знал и, естественно, вос-хищался Вашим мужем как философом и писателем, как автором нескольких увлекательных книг о Лейбнице, об истории процессов познания, философии языка (то есть символической формы) и т. д.¹

Во время юбилея Когена летом 1912 г. Эрнст Кассирер приез-жал в Марбург и на праздничном вечере говорил о Когене как о личности и человеке эпохи Возрождения, почти в тех же выраже-ниях, как пишете Вы на странице 72 Ваших воспоминаний². Благодарю Вас за остроту Вашего восприятия, Ваше внима-ние должно было бы воскресить в моей памяти далекое и прекрас-ное (если бы только строгая наука не растворилась бы во мне со-всем во мраке марбургских садов). Это тоже дело случайности.

Благодарю Вас также, что Вы написали мне на машинке. Я по-лучаю много писем, и машинописный шрифт облегчает и ускоря-ет чтение.

Я многое хотел бы Вам рассказать, если бы не недостаток сво-бодного времени, но прошу Вас поверить в глубину моей призна-тельности и чувства.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф по-нем. (собр. адресата). Печатается по ксеро-копии, полученной Л. Л. Слейтер.

Эстер Геренштейн (Тони Кассирер) – жена Эрнста Кассирера, фи-лософа и ученика Германа Когена, автор книги о нем «Меш Leben mit E. Cassirer. Errinnerungen von T. Cassirer» («Моя жизнь с Э. Кассирером. Воспоминания Т. Кассирер»). Hildesheim: Gesterberg, 1981.

1 E. Cassirer. Leibniz' Sistem in seinen wissenschaftlichen Grundlagen; Die Begriffsform in mythischen Denken.

2 Об этом вечере и речи Кассирера, которая произвела на него «силь-ное впечатление», Пастернак писал в письме № 56.

1623. Ст. СПЕНДЕРУ

22 августа 1959, Переделкино

22 августа 1959

Как я уже говорил прошлый раз¹, для меня большое удоволь-ствие и честь писать Вам. Но я сознаю, каким тяжким бременем для человека, которому Вы это поручите, будет извлечь смысл из моей тарабарщины и придать ей по-английски литературную форму.

Что касается Эдмунда Уилсона², то я должен лишь выразить ему благодарность и признательность. Каждый критик вправе тол-ковать свое впечатление от произведения искусства так, как ему хочется или как он привык. Меня просят написать короткие пре-дисловия, введения, вступительные заметки к изданиям, сборни-кам, произведениям Блока (для Италии), Толстого и Лермонтова (для Америки), Чехова (для Индии). Я не исследователь и не уче-ный. Я очень мало в жизни читал, а то, что прочел, большей час-тью забыл. Я всем напишу короткие письма на нужные темы, в каждом случае передавая только свое общее понимание предме-та, примерно так, как это делает г-н Уилсон по отношению ко мне.

Например, если я скажу, что своеобразие Чехова как драма-тического писателя и главное значение и достоинство его пьес – в том, что он вписал человека в пейзаж на равных правах с деревь-ями и облаками, что как драматург он был противник подчер-кивания социальных и человеческих оценок, что его диалоги не подчинены логике интересов, страстей, характеров или фабулы, но реплики и речи выхвачены

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
из пространства и воздуха, в котором они произнесены, и, как пятна и контуры лесов и лугов, передают подлинное и мгновенное сходство с содержанием пьесы, в широком смысле слова – жизнью удивительной, огромной и обитаемой формы, с ее симметриями и асимметриями, пропорциями и диспропорциями, – с жизнью как скрытой и таинственной основой всего³.

Если бы Чехов был жив и прочел это, разве бы он с этим согласился? Почему же свобода и вольности Уилсона должны быть меньше, чем мои?

Но в действительности я не придаю такого значения подробностям и случайным обстоятельствам. Точнее, – в мои намерения входит их сравнительное безразличие, как одна из особенностей моего стиля и подлинный язык моих мыслей.

Если взять сущность великих романов прошлого столетия, которую превозносит, к примеру, Генри Джеймс. Если разобрать величайших, Достоевского, Толстого, Диккенса, Флобера. Если из ткани «Мадам Бовари» постепенно вычесть одно за другим, действующие лица и их развитие, ситуации, события, фабулу, тему, содержание... После такого вычитания от второсортной развлекательной литературы ничего не остается. Но в названном произведении (или в «Дэвиде Копперфильде», например) остается самое главное: характеристика реальности как таковой, почти как фило-софской категории, как составной части нашего духовного мира, вечно сопутствующей жизни и ее окружающей.

Для характеристики реальности бытия, как субстрата и общего фона, XIX век пользовался неоспоримой доктриной причинности, убеждением, что объективная реальность определяется и управляется железной цепью причин и следствий, что все явления нравственного и материального мира подчинены закону возмездия и последствий. И чем строже и непреклонней автор в изображении этой последовательности (характеров и поведения) – тем большим реалистом он считался. Трагическое очаровывающее обаяние флоберовского стиля или манеры Мопассана коренится в том, что их повествование непоправимо, как приговор, и как решение суда не подлежит отмене⁴.

В свои ранние годы я был поражен наблюдением, что существование само по себе необыкновеннее и необъяснимее, чем какие-либо удивительные случаи и факты. Меня привлекала необычность обычного. Сочиняя музыку, прозу или стихи, я следовал каким-то представлениям и мотивам, развивал изблюбленные сюжеты и темы. Но высшим удовольствием было добиться чувства реальности, уловить ее вкус, передать саму атмосферу бытия, ту окружающую среду или охватывающую форму, куда погружены и где плавают отдельные описанные предметы.

Но – странным образом, – раздумывая об отличительных особенностях восприятия жизни (осознанного существования), пытаюсь выразить в искусстве те же ощущения, я прихожу к выводам, если не прямо противоположным тенденциям названных шедевров, то по крайней мере к наблюдениям, не сходным со взглядами наших предшественников и учителей.

Если бы мне надо было нарисовать широкую картину живой действительности, я не надеялся бы подняться до высот объективности, подчеркивая статику судьбы (осцил|)*, естественных законов и нравственных установлений. Чтобы достичь верного сходства подражательных приемов искусства и живого реально пережитого опыта, недостаточно передать свое представление в мгновенном движении. Я бы представил себе (метафорически), что видел природу и вселенную не как картину, неподвижно висящую на стене, но как расписанный холщовый тент или занавес в воздухе, непрерывно колышущийся и раздуваемый каким-то невещественным, неведомым и непознаваемым ветром⁵.

То ли это недостаточное и случайное знание различных физических волн, как внешней движущей силы наших субъективных ощущений, или оставшийся привкус легенды о сотворении мира, или представление о жизни как коротком промежутке между рождением и смертью, но я всегда воспринимал целое – реальность как таковую – как полученное послание или неожиданное пришествие, и всегда старался воспроизвести этот характер

* неизбежность, судьба (греч.). 523 прицельно посланного, который, как мне казалось, я находил в природе явлений.

Это единственное, что я мог бы – не противопоставить, – но прибавить к аллегорически направленной и детальной критике: то, что сверх указанных и отмеченных мелочей (даже в их удивительной пронизательности) и помимо значительности описанных человеческих судеб и исторических событий, в романе есть попытка представить весь ход событий, фактов и происшествий как движущееся целое, как развивающееся и проходящее вдохновение, несущееся и катящееся, как если бы сама действительность имела свободу и выбор и сочиняла саму себя, отбирая из бесчисленных вариантов и версий.

Отсюда – недостаточная обрисовка характеров, в которой меня упрекают (скорее, чем очерчивать их, я старался их затушевать), отсюда откровенность произвольных «совпадений» (этим я хотел показать свободу бытия и правдоподобность, которая

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris
соприкасается и граничит с невероятным).

Слишком смело и глупо посылать Вам эту неправленную не-разбериху, не перечитывая
и не пересмотрев. Только спешка, в которой я пишу, может служить этому
оправданием.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Encounter», 1960, June. – Автограф по-англ. (собр. адресата).

Английский поэт и издатель журн. «Encounten» Стефен Спендер об-ратился к
Пастернаку с просьбой откликнуться на статью Эдмунда Уни-сона «Legend and Symbol
in Dr Zhivago», перепечатанную в июньском но-мере его журнала. В ответ на три
письма, которые Пастернак написал Спен-деру вместо статьи, он послал Пастернаку
свой сб. стихотворений: Stephen Spender. Collected Poems с дарственной надписью:
«To Boris Pasternak with admiration from Stephen Spender. Aug. 12 – 1959»
(«Борису Пастернаку с восхищением от Стефена Спендера»), а через полгода сборник
эссе: Nine Sketches: «To Boris Pasternak with greetings from Stephen Spender.
April 1960» («Борису Пастернаку с поздравлениями от Стефена Спендера»).

1 В письме 9 авг. 1959 Пастернак писал: «Я безмерно польщен Вашим обращением ко
мне, положившим начало нашему знакомству» («Encounten». P. 44).

2 В своей статье «Легенда и символ в Докторе Живаго» Уилсон рас-шифровывал
названия улиц и имена, упоминающиеся в романе. Так угол Молчановки и Серебряного
переулка он толковал как пересечение поэзии Серебряного века и эпохи советской
«молчановки», рекламу «Моро и Вет-чинкин. Сеялки и молотилки» – как сочетание
Смерти (Mort) и Гамлета (Ham – ветчина). Пастернак рассказывал об этих находках
со смехом. Л. Л. Слейтер в своем отклике на статью Уилсона писала: «Разве это
по-стижимо, чтобы Пастернак захотел превратить своего любимого Гамлета в кусочек
вареного бекона? И ради чего? Для того, чтобы дать возможность мистически
настроенным энтузиастам с широким кругозором найти еще один "символ", как
находят гриб, и торжественно положить его в свою уже переполненную символическую
корзину?» («Encounter», August 1959).

3 О «неопределенности и недостатке движения, интриги и плотнос-ти» чеховских
драм, его безразличии к причинам и следствиям и о манере «смещать и стирать
линии и границы в описаниях» действующих лиц, ко-торые сближают его
художественные приемы в «Докторе Живаго» с че-ховскими, Пастернак писал в письме
№ 1594.

4 См. также в письме № 1605 о «серьезном и пессимистическом тоне великого стиля
флобера» и в коммент. 6 к этому письму.

5 В том же письме № 1605 Пастернак писал, что «сама реальность (все в мире)»
никогда не была для него «неподвижной рамой» и он представ-лял ее себе как
картину с движением, подобную «Ночному дозору» Ремб-рандта, сорванную и
унесенную ветром, внешним по отношению к дви-жению «изображенному и видимому».

1624. М. С. ЖИВОВУ

27 августа 1959, Переделкино

27 авг. 1959

Милый Марк Семенович, мне передали Ваш вопрос или просьбу, нельзя ли Риццио
переименовать в Риччио¹. И без того нет минуты свободной, а тут теряй еще время
на совершенно зряшние, ничем не вызванные, праздные размышления. Не знаю, как бы
Вы себя почувствовали, если бы, при крайнем Вашем недосуге я запро-сил бы Вас о
том, нельзя ли Словацкого переименовать в Красинс-кого. Итак, если Вас
интересует правильное произношение, то надо Риццио; если предпочтительнее
неправильное, то надо оговорить это в тексте, упомянув о том, что это делается
помимо моей юли.

Есть город Аяччо (Аджаччо, где родился Наполеон). Но он же и пишется Ajaccio. Но
есть город Ареццо и пишется Arezzo. Есть например слово меццо сопрано (а не
меччо сопрано) и пи-шется по-итальянски mezzo soprano. По-итальянски слепые
бу-дут чеки (с/echi), но дирижера Цекки зовут Цекки – Zecchi – и напрасно было
бы его переименовывать. Один наш профессор, которому я пообещал выписать книгу
по философии из Италии², даже при списывании издания с каталога переписал
Venecia, что было бы Венеция (вот куда заводит излишнее рвение при жела-нии
показать мнимую ученость) между тем как и в каталоге и в природе по-итальянски
пишут Venezia.

Во французских источниках, которыми пользовался и Шил-лер, David Rizzio назван
Rizzio. Это читается Риццио (даже точнее

Ридзио, как Мадзини). Надо, чтобы он был написан Riccio, чтобы быть прочтенным
Риччо (без и). Друга Герцена Mazzini никак, даже в итальянском раже, нельзя
прочесть Маччини. Начертания Riccio я не встречал. Надо ли следовать чьим-то
ошибкам, в неправиль-ной ли транскрипции этого имени или в ее неправильном
прочте-нии? Привет. Ваш Б. П.

Schiller: Vor Euren Augen liess er Euch den Liebling Den Schonen Sanger Rizzio
durchbohren*.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Впервые. – Автограф (собр. В. М. Живова).

М. С. Живов – специалист по польской литературе, был редактором сб.
стихотворений Ю. Словацкого в Гослитиздате.

1 Речь идет о персонаже из трагедии «Мария Стюарт» Словацкого, перевод которой,
выполненный Пастернаком, готовился к изданию; вы-шел весной 1960 г.

2 Пастернак просил фельетринелли достать для В. Ф. Асмуса книгу и, не получая от
него ответа, пересказал свою просьбу К. Вольфу 22 июня 1959: «Мой знакомый,
здешний профессор философии д-р Асмус, всегда достает для меня книги из нашей
университетской библиотеки. Я очень обязан ему за это и хотел бы в ответ сделать
для него что-нибудь приятное. Я написал г-ну Джанджакомо, чтобы он за мой счет
заказал и переслал профессору итальянскую философскую энциклопедию в четырех
томах, и не могу представить, чтобы г-н Ф., получив мое письмо, не сделал бы
этого. Либо книги находятся в пути и лежат где-нибудь под спудом у нас в
ненасытных любопытствующих ведомствах, либо мое письмо не дошло до г-на
Джан-джакомо» («Знамя», 2005, № 3. С. 159).

1625. П. П. СУВЧИНСКОМУ

11 сентября 1959, Переделкино

Псент. 1959

Дорогой мой Петр Петрович, не могу не воспользоваться представляющейся
возможностью написать Вам немного посво-бодней. По разным поводам с разными
людьми часто, хорошо и с благодарностью вспоминал Вас в последнее время. Мне
надо снова написать что-нибудь очень значащее, очень выражающее меня,
документально. Что это будет и о чем, соображение второстепен-ное. Надо это вот
почему. Не из побуждений скромности (навер-ное, ее у меня мало, недостаточно),
не из страха перед недора-

* Шиллер: «И Риццио, прекрасного певца, / Велел убить пред вашими глазами».
(Перевод Б. Пастернака.) зумениями общественно-политическими (даже смертельная
уг-роза, исходящая из этой несуществующей области, не делает ее реальнее), меня
беспокоит своей неловкостью моя судьба, мое положение в далеком мире.

Неравновесие между сделанным и отраженным в обсуждениях и толкованиях угнетает
меня своей не-соразмерностью. Моя связь с далекими сердцами и душами, моя жизнь
в них представляются мне чем-то вроде смеси или раствора. Твердое вещество,
каким мне кажется, предположим, написанное мною, я склонил развести в огромном
множестве написанного и пишущегося обо мне. Чем больше таких разборов, тем
раствор жиже. Он и так уже позорно слаб. Это не моя вина, но я послужил этому
предлогом.

Между тем в явлении этом нет случайности, нет ошибки. Это своевременно и
закономерно.

Пусть не я, а кто-нибудь другой, но кто-нибудь один на свете должен сейчас
каким-нибудь художественным подвигом, чем-нибудь живо и горячо созданным,
доступным, как природа, но и непроходимо девственным и новым, как природа, и
предельно, предельно значительным заменить власть опустевших, мертвых,
отвлеченных современных форм и значений политических, обще-ственных,
философских.

Как-то опять (давайте выразимся так) слово должно сбли-зиться с плотью. Мысль,
или то, что стали в наше время называть мыслью, обесцвеченная, подорванная,
опозорившаяся, мертвя-щая, так подчас эпидемически худосочна, так гнойно-опасна!
Пусть на первое время, пока лучший и более сильный не выр-вет этого дела из моих
рук и не опередит меня, этим первым за-стрельщиком буду я. Но вот именно, надо
подбавить нового сгу-щенного, осязательного вещества в раствор. Требуется
ощутимое, наглядное воплощение, а не цепь размышлений.

Я это хочу написать с меньшей примесью философии и ре-лигиозного символизма, чем
Д-октор Ж-иваго», реалистично, но и, если этого добьюсь, более безусловно. Это
будет картина жизни в большом русском поместье в тридцатых и шестидесятых годах
прошлого века, с крепостным театром накануне освобожд-дения крестьян и с
эпилогом, падающим на восьмидесятые годы и мартовское убийство¹, вещь в
драматической форме, но опять о вещах для всех на свете, только лишь изложенных
русскими сред-ствами.

Удивительно, не могу попрекнуть себя, чтобы я когда-нибудь способствовал
утверждению авторитета Ницше, когда он был у нас
в моде и его влияние находилось в расцвете. А теперь, именно этой осенью, в
исходе происшествий этого года, определилось, обо-стрилось и кристаллизовалось
основное мое теперешнее настрое-ние, жаждущее деятельности и дееспособное,
полное вызываю-щего презрения к «друзьям» и обстановке²... и оно мне кажется
прямым наследством и осуществлением сумасшедшей одинокой горечи того человека.
Над пьесой работаю я лениво и медленно, по часу, по два в день не больше. Откуда
эта вялость? Неужели меня испортило (не скажу – успех) счастье единения со столь
многими в мире? Но если бы, перебив эту прозаическую, связанную с

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori действительно-тью и ее изображением, работу, я захотел пописать стихи, я бы написал что-нибудь вроде моих былых молодых «Белых стихов» памяти Ницше³. Я помню Ваше упоминание о нем. Пришлите мне о нем что-нибудь яркое, биографическое, с фактами, какую-нибудь выходящую книгу (на любом из 3-х главных европейских языков)⁴. Я хотел бы, чтобы что-нибудь сделанное и обращенное мною к нему, попало в виде моего HommageV куда-нибудь из его музеев, в Sils Maria, например (как это было с Гетевскими местами и моим Фаустом)⁵. Потому что (как ни трудно передать) в каком-то смысле Переделкино мне кажется Силе Марией.

Крепко целую Вас.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Revue des Etudes slaves. 1990. Т. 72. – Автограф (Bibliothèque National, Paris).

1 Имеется в виду убийство Александра III марта 1881 г.

2 «Наследство» Ницше, о котором пишет Пастернак, объясняет душевный срыв, выразившийся в эти дни в ссоре с Б. Н. Ливановым (см. письмо № 1626). О правоте Ницше Пастернак писал также К. Вольфу 9 сент. 1959 «в пасмурный и холодный осенний вечер»: «Я... напишу в Сильс-Мария, чтобы мой портрет повесили на стену его рабочего кабинета. Окружение! Время! В конце концов, он оказался прав больше всех, хотя я никогда об этом раньше не думал» («Знамя», 2005, № 3. С. 160). О Сильс-Мария, где в 1880-х гг. жил Ницше и где находится его музей, писал Пастернаку Сувчинский, который проводил там, в Швейцарских Альпах в Эн-гадине, летние месяцы.

3 Чувство «сумасшедшей одинокой горечи», переживаемое Ницше в годы затворничества в Сильс-Мария, находило в ту осень соответствие в душе Пастернака, уставшего от травли со стороны властей и непонимания друзей. Вспоминая о «Белых стихах» (1918), Пастернак в задумываемой уважения (фр.). 528 мом стихотворении хотел передать Ницше вместо авторского лица свое душевное состояние тех дней. Стихотворение не было написано.

4 Сувчинский послал Пастернаку книги о Ницше, лучшей из них он назвал кн.: К. Jaspers. Nietzsche: introduction a sa philosophie Paris, Gallimard, 1950 («Ницше: введение в его философию»).

5 Возможно, имеется в виду подаренный в Музей Гёте в Веймаре надписанный экз. перевода «Фауста». Об этой посылке ничего не удалось узнать.

1626. Б. Н. ЛИВАНОВУ

14 сентября 1959, Переделкино

14 сент. 1959

Дорогой Борис, тогда, когда поговорили мы с тобой по поводу Погодина и Анны Никандровны, у нас не было разрыва¹, а теперь он есть и будет.

Около года я не мог нахвалиться на здоровье и забыл, что такое бессонница, а вчера после того, что ты побывал у нас, я места себе не находил от отвращения к жизни и самому себе, и двойная порция снотворной отравы не дала мне сна.

И дело не в вине и твоих отступлениях от правил приличия², а в том, что я давно оторвался и ушел от серого, постыдного, занудливого прошлого, и думал, что забыл его, а ты с головы до ног его сплошное воплощенное напоминание.

Я давно просил тебя не произносить мне здравниц. Ты этого не умеешь. Я терпеть не могу твоих величаний. Я не люблю, когда ты меня производишь от тонкости, от совести, от моего отца, от Пушкина, от Левитана³. Тому, что безусловно, не надо родословной. И не надо мне твоей влиятельной поддержки в целях увековечения. Как-нибудь проживу без твоего покровительства. Ты в собственной жизни, может быть, привык к преувеличениям, а я не лягушка, не надо меня раздувать в вола. Я знаю, я играю многим, но мне слаще умереть, чем разделить дым и обман, которым дышишь ты.

Я часто бывал свидетелем того, как ты языком отплачивал тем, кто порывали с тобой, Ивановым, Погодиным, Капицам⁴, прочим. Да поможет тебе Бог. Ничего не случилось. Ты кругом прав передо мной.

Наоборот, я несправедлив к тебе, я не верю в тебя. И ты ничего не потеряешь, живя врозь со мной, без встреч. Я неверный товарищ⁵. Я говорил и говорил бы впредь нежности тебе, Нейгаузу, Асмусу⁶. А конечно охотнее всего я всех бы вас перевешал.

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Емельяновой).

На другой день после отсылки письма Пастернак пришел с извинениями и забрал его обратно. Через месяц Пастернак приглашал Ливановых в гости, как прежде: «22 окт. 1959 г. Дорогие Боря и Женя, завтра утром попытаюсь зайти к вам. У меня будет очень много дел в городе и, если я вас застаю вставшими, это будет только на минуту, чтобы успеть сказать то, что я оставлю здесь в записке, если вы еще будете спать. Если можно перешагнуть через то письмо и забыть его, сделайте нам

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
радость, приезжайте к Зине на именины в 3 часа в воскресенье двадцать пятого. Если это еще невозможно, переждем некоторое время и попытаемся восстановить все спустя более продолжительный промежуток. Я ни на минуту не переставал любить вас. Боря» («Megalopolis-Continent», 11-17 дек. 1991).

1 Ссора по поводу Погодина имела отношение к его торжественно отмечавшемуся юбилею, с которым Пастернак поздравлял его 27 апр. 1959: «дорогой Николай Федорович, хочу подтвердить то, что Вы давно знаете и о чем догадывались и на этот раз. Что Вашему торжеству я обрадовался как своему собственному, как исключению из правила, как редкому случаю, когда удача и счастье заслужены и законны. Мои слова потонули бы в море полученных Вами поздравлений, если бы я сказал их вовремя. Пусть выделит их это позорное и неслыханное запоздание. По обыкновению я прозевал все сроки и узнал о Вашем празднике слишком поздно. Все сказанное исходит, конечно, и от Зины и относится в равной мере как к Вам, к Анне Никандровне и ко всей Вашей семье. Ваш Б. Пастернак» (РГАЛИ, ф. 2582, оп. 2, ед. хр. 75). О скандале, устроенном Ливановым в июле 1959 г., Пастернак рассказывал З. А. Маслениковой: «Он уже порядком выпил, когда вдруг пришла жена Погодина. Он начал ругать Погодина, кричать, что он бездарь, что его пьесы идут потому, что он, Ливанов, в них играет, что он живет скудно, а Погодин 80 тысяч заработал. Я его останавливал, говорил: Борис, ты все-таки у меня в доме, перестань, – он понесся. Она, бедная, встала и ушла. Когда Ливанов уходил, я с ним не простился» (З. Масленикова. Борис Пастернак. М., «Захаров», 2001. С. 191).

2 Б. Ливанов приехал в Переделкино с большим опозданием, задержав начало обеда, и привез с собой собутыльников из ресторана «Нацио-наль», с которыми уже крепко выпил. На вопрос о жене, которую тоже ждали к обеду, он стал осыпать ее грубой руганью, поток которой Пастернак резко оборвал.

3 «И начались такие преувеличенные восхваления и славословия, что мне стало не по себе, – записала Масленикова рассказ Пастернака. – Я не нуждаюсь в преувеличениях, у меня есть своя реальная судьба <...> Потому мне так неприятны были преувеличения Ливанова, вовсе не из скромности, а потому, что в этом была фальшь» (там же. С. 209, 212). Причем тосты провозглашал не только сам Ливанов, но он заставил привезенных им гостей тоже восхвалять Пастернака, которые заплетаясь языками призывали выпить за «известного переводчика».

4 Акад. П. Л. Капица с женой были близкими друзьями Вс. Иванова. О возрастающей и «требующей много жертв» трудности продолжать отношения с Ливановым, который «со всеми в ссоре», см. также письмо № 1417.

5 Масленикова записала слова Пастернака по поводу письма Ливанову: «Я взял всю вину на себя, написал, что это я к нему несправедлив, но попросил прекратить отношения» (там же. С. 212). Пастернак сравнивал дружбу с совместным путешествием, при котором «большинство доезжает только до полдороги с иллюзией, что путешествие совершено». «Надо ли упрекать немногих, – писал он, – едущих дальше, что они неверные друзья или плохие товарищи, что и они должны были бы из чувства дружбы только нашуметь в жизни и сделать очень мало?» (письмо № 1417).

6 Еще весной 1959 г. Пастернак писал нежные слова Е. К. Ливановой, в которых, однако, уже проглядывал скепсис по поводу далеко зашедших «хохота и блеска» их отношений: «Милая Женя, 3-го мая 1959 г., когда я подписывал эту книжку, опять все было хорошо, незаслуженно и невероятно: ты сияла сказочной красотой, а Борис поражал нас титанической высотой своего дара и остроумия. Неужели мы будем еще долго радоваться так и встретимся все вместе еще раз среди такого счастья, хохота и блеска» («Megalopolis-Continent», 11-17 дек. 1991).

1627. Ж. де ПРУАЙЯР

21 сентября 1959, Переделкино

21 сентября 1959

Дорогая Жаклин, кажется, я Вам написал несколько писем месяца два назад¹.

Получили ли Вы их? Я не жалею о молчании и ни в чем Вас не упрекаю, напротив, пожалуйста, не принуждайте себя писать мне раньше, чем Вы бы это сделали сами, без моего напоминания.

Но когда Вы будете готовы написать мне несколько строк легко и без ощущения, что теряешь время, объясните мне поточнее одну вещь. Почти одновременно с тем, как Вы так меня обя-зали своей большой помощью², за которую я не устаю Вас благо-дарить, я получил два письма и телеграмму с благодарностью от трех человек, безумно обрадованных сообщением, полученным от Вас, о наших будущих подарках. Эти трое (в Германии, Англии и Дании) остались до сих пор единственными³. Я совсем не хочу сказать, что это плохо, что нужно было делать все сразу, без остановок, ничего подобного. Но, вероятно, я ошибаюсь или ошибался, преждевременно успокоившись по поводу Ваших раз-ногласий с Ф<ельтринелли>, а Вы еще не помирились, как мне верилось, и я так радовался

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris
этому предположению. Какое не-счастье, если это не так!

Скажу Вам откровенно и ничего не преувеличивая. Ваши бес-конечные неприятности из-за меня – одно из двух зол, которые меня огорчают в моей сказочно незаслуженной, завидной и радо-стной в остальном участи.

Другая рана – это видеть З<ину> огорченной сплетнями кумушек об О<льге>. Я никогда не жалел Ольгу, как не сочувство-вал самому себе. Но я не могу видеть З. в слезах, которые она мол-чаливо пытается сдержать или скрыть, когда случайное огорче-ние внезапно старит ее в минуту печали, я не могу видеть скло-ненной в печали ее прекрасную голову. Она мне как дочь, как мой младший ребенок. Я ее люблю, как любила бы ее мать, скончав-шаяся в незапамятные времена. Но жизнь сложилась сама собой, свободная от вносимой фальши, без умышленных серьезных оши-бок, и тут ничего не переделаешь.

Переиздадут Фауста. Я подписал договор. Это покроет мно-гочисленные расходы последних месяцев.

Кажется, я уже жаловался, что слишком мало работаю, не больше двух часов в день. Тем не менее я работаю над замыслом, который охватывает некоторую протяженность действительнос-ти (воображаемого прошлого), достаточно богатую, широкую и разветвленную, но и достаточно устойчивую саму по себе, чтобы можно было верить в осуществление и жизнеспособность замыс-ла, как это было с моими последними работами. Неважно, чтб это будет, литературная трагедия или пьеса для театра. Важно, чтобы была схвачена жизнь в драматической или какой-нибудь другой форме, достаточно живая и покоряющая. Я возьму на себя труд предстать достойным Вашего доверия и не опозорить Вас, Элен и других самых близких из моих друзей.

Всегда Ваш, мысленно преданный Вам с самыми сердечны-ми пожеланиями. Б. Взяли ли куда-нибудь Шопена? Ст. Спендер, английский поэт, занимается этим в Лондоне и, может быть, поместит его в Encounter⁴.

Как Вы мне дороги, Жаклин, вы и вы все! А Ваши русские издания? Кто их когда-нибудь мне покажет?

Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956–1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

¹ Письма №1618, 1619, 1621.

² Деньги, посланные через А. Б. Дурову.

³ Это были Джон Харрис, Карл Тенс и Иван Малиновский (см. пись-мо № 1620).

⁴ Ж. де Пруайяр перевела статью на французский и издала в «Les Lettres nouvelles» в 1961 г. Спендер ее не напечатал; по-английски она вышла в газ. «The Gardian», 15 сент. 1960, в переводе Р. Ньюхема.

1628. П. П. СУВЧИНСКОМУ

26 сентября 1959, Переделкино

26 сент. 1959

Дорогой и бесценный мой Петр Петрович, как я рад Вашему сегодняшнему письму, как благодарен Игорю Федоровичу за при-вет его!¹

В тот короткий промежуток, что летали в оба конца наши письма, я поколебался в основаниях моего движения в сторону Н<ицше>, в его истинности. И чтобы не оставлять Вас в недоуме-нии, объясняю Вам подробнее.

Ко мне обращаются с такими странными предложениями! Издатель в Париже собирается выпустить «Апокалипсис наших дней» с семью участниками, с тиражом в семь экземпляров и про-сит моего участия. Издательство «Magnum» в Кёльне готовит к Рождеству книгу на тему «Was ist der Mensch»^{*} и пишет о том же. И так далее, и так далее. Вот я и думал ответ мой на Кёльнскую тему направить в сторону какого-то разговора о Ницше, посвя-тить какую-то стороной его памяти, его оправданию².

Передо мной стали все те противоречия, о которых таким уди-вительным образом пишете сегодня Вы³. Я знал об этих тупиках, но не представлял себе, как непреодолимы эти препятствия. Ниц-ше в первоисточнике я знал очень мало:

Заратустру, Рождение тра-гедии и о пользе и вреде истории в «Несвоевременных размыш-лениях»⁴. Я обновил это неполное мое знакомство с помощью одного старого обзора. Среди множества камней преткновения, на которые я вновь натолкнулся (отчасти этого в письме касает-есь и Вы), два важнейших.

Первое: о каком «влиянии», дурном или полезном, знания истории мог говорить этот человек, вся страсть которого была в том, что называется «культурой», т. е. в творчестве и образовании? Разве история – оттенок нашего существования, воспитательно благотворная или педагогически губительная, а не облегчающий нас остов, по неотменимое™ равный окружению вселенной? Можно ли о вселенной говорить как о частности, которую мы примем или

^{*} Что такое человек? (нем.) 533 отвергнем, в зависимости от нашей оценки? Я не люблю приев-шегося слова «культура», из языка посредственности, праздного, не народного. Но как обойтись без него? Некоторым собеседни-кам я сказал недавно.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Что такое культура? Это форма меняющегося, обладающего последствиями, плодотворного существования. Что такое история? Это запись плодов и урожая, итогов и следствий этого состояния. Это было сказано на моем английском языке, в котором хорошо и правильно только произношение. Я не представляю себе историю в виде легкой подвижности, которую мы могли бы переставлять с места на место. Что станет с Богом и человеком, если отнять историю?

Это одно. Другое – это то, что Вы назвали его христорборчеством. Как мог он не понимать того, что его сверхчеловек извлечен и почерпнут из той глубочайшей струи Евангелия, которая уживается в учении Христа рядом с другой, человеколюбиво нравоучительной его стороной, как мог он забыть, где он прочел и откуда пропитался чувством единственности и драматизма души и личности, ее божественной жертвенности, и отчего все это так хорошо понимал более бедный и скромный Киркегор?⁵

Так что за этот двухнедельный промежуток охладел я к своему предположению. Мое намерение неосуществимо. Тем временем уже не в первый раз я успел ввести Вас в заблуждение своей скороспелой и преждевременной просьбой о книгах. Начиная это письмо, я надеялся еще предупредить Ваши шаги и затраты. Но книги уже здесь, от души благодарю Вас.

Главное, по-моему, чем принес Ницше пользу и сослужил большую службу столетию, это то, что, когда переворотами XIX века были расшатаны прочные, долгое время удерживающиеся общественные основания живого вкуса, именно Ницше, и как раз своим беспорядком, своей путаницей, своей мешаниной из проникновений и здравого смысла, своими увлечениями и срывами, в которых столько безвкусицы, очистил вековое чутье художественно-существенного и действенно-нового, заложив воспитавший нас канон всего творческого, обращенного к будущему, обнадёживающего.

Только что я пришел в восторг от Вашего изображения Энгадина, как в следующей строчке Вы заявили, что не умеете писать и описывать.

Теперь главное – это то, над чем по часу, по два я работаю по утрам, то, что я называю пьесой. Это в ходе возникновения становится таким же важным, как был доктор Живаго, когда я одолевал его. Эту новую вещь я доведу до конца обязательно, серьезно, сосредоточенно, с горячим усердием, если только что-нибудь катастрофическое и враждебное не пресечет моих усилий. Пока, в прологе, это можно было бы назвать: «Слепая красавица», но заглавие изменится еще двадцать раз.

Будет удивительно, если это письмо дойдет до Вас. Тогда сообщите об этой невероятности. Вы не можете себе представить, сколько в моей жизни грустного, подстерегающе страшного. Обнимаю Вас.

Ваш Б. П.

Впервые: *Revue des Etudes slaves*. 1990. Т. 72. – Автограф (Bibliothèque National, Paris).

1 В письмо Сувчинского была вложена записка И. Ф. Стравинского: «Мой сердечный привет Борису Леонидовичу Пастернаку, о ком думаю постоянно и кого ценю глубоко. Игорь Стравинский. Париж, сент./59» (там же. С. 778). Была приложена также открытка от Рене Шара со словами приветствия: «Мы думаем о Вас и том лесе, насаженном Вами, который, разросшись, теперь донесся до нас на длинных волнах живого совершенства. С верностью дружбе Рене Шар» («Дружба народов», 1998, № 2. С. 219).

2 Ответ Пастернака на вопрос журн. «Magnum» – «Что такое чело-век» (см. т. V наст. собр. С. 279–282). В анкете намерение «посвятить» свой ответ памяти Ницше и его «оправданию» вылилось в его осуждение; ее текст очень близок письму Сувчинскому.

3 Сувчинский писал о Ницше 18 сент.: «Конечно, в самом Ницше многое осталось неразгаданным: хотя бы его странный музыкальный талант <...> Я уже не говорю о тайне его христорборчества» (*Revue des Etudes slaves*. С. 774–775).

4 Имеются в виду книги Ф. Ницше: «Так говорил Заратустра» (1883–1884); «Рождение трагедии из духа музыки» (1872); вторая часть книги «Несвоевременные размышления»: «О пользе и неудобстве истории для жизни» (1873).

5 Ср. в анкете «Magnum»: «Его отрицание христианства само взято из Евангелия. Разве он не видит, из чего творит своего сверхчеловека? Таким слепым может быть только полный дилетант, дилетант во всем. Как уда-лось все это понять бедному, менее начитанному и образованному Сёрену киркегору?» (т. V наст. собр. С. 282).

6 Ольга Карлайль записала аналогичные слова Пастернака о Ницше: «Каким старомодным теперь кажется Ницше, который был для нас самым важным мыслителем в дни моей юности! Какое огромное влияние он оказал на Вагнера, на Горького... Горький был нашпигован его идеями. На самом же деле Ницше был переносчиком дурного вкуса своего времени. Не ему, а Киркегору, почти неизвестному в те годы, выпала миссия оказать глубокое влияние на наш век» (Воспоминания. С. 652).

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
1629. Б. К. ЗАЙЦЕВУ

4 окт. 1959

Дорогой Борис Константинович, я еще не поблагодарил Вас за «Юность»¹. Я начал ее читать (про заводскую зиму и Гавриков пер.) и очередь на чтение уступил приятельнице, которая об этом просила и сама хорошо знала о некоторых неприятностях и помехах, приостановивших мое дальнейшее чтение². Но я опять с первых страниц (я дочитал до забастовки) был охвачен тем же самым, о чем я Вам писал по поводу Жуковского: сходством Вашего духа с существом изображаемого; так что Ваши личные особенности, то, что называют субъективностью, на пользу Вашей работе, словно и они (а не только Ваш слог, Ваше мастерство) – какие-то краски на палитре, изобразительные какие-то средства. В Ваших писаниях, как воздух, всегда присутствует живая, все охватывающая, движущаяся, дышащая, зыблящаяся ясность. В нее погружаешь сразу, с первых Ваших слов. Окна везде промыты и протерты так, точно в них не стало стекол. И в описываемых Вами домах и, так сказать, в мире Вашей души.

Больше я, верно, не скажу ничего сегодня. Я не хочу задерживать слов благодарности и за то, что Вы делаете, и за те поклоны, которые мне посылают Вера Алексеевна и Ваша дочь, не хочу оставлять Вас в ожидании.

Пожелайте мне, чтобы ничто непредвиденное извне не помешало ходу и, еще очень отдаленному, завершению захватившей меня работы.

Из поры безразличия, с каким подходил я к мысли о пьесе, она перешла в состояние, когда баловство или попытка становятся заветным занятием или делом страсти.

Не надо преувеличивать прочности моего положения. Оно никогда не станет установившимся и надежным. И никак нельзя по-другому, ни жить, ни думать.

Я очень люблю Вас и крепко целую.

Ваш Б. П.

Впервые: Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 1-2. Vol. XV. 1974. Janvier – juin. – Автограф (Бахметьевский архив, Columbia University).

¹ Повесть Б. Зайцева «Юность» (Париж, 1950).

² О. В. Ивинская. Прервать чтение пришлось из-за необходимости срочно закончить перевод пьесы Кальдерона «Стойкий принц», срок договора на который истекал к этому времени.

1630. Е. А. ОГНЕВОЙ

5 окт. 1959

Дорогая Елена Александровна, я с волнением прочел Ваше письмо, которое мне сегодня доста-вили.

Благодарю Вас за доверие и за ответственность, возлагаемую на меня Вашими добрыми, прочувствованными строками. Я сейчас принялся за новую продолжительную работу, в которую хотел бы тоже вложить много серьезного.

Почему Вы пишете, что Вам едва ли когда-нибудь будет легче, чем теперь¹. Этого не нужно никогда наперед загадывать.

От души желаю Вам, наоборот, постепенно и постоянно улучшающихся обстоятельств и проявляющегося самочувствия.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф.

Е. А. Огнева – историк искусств и иконописец, познакомилась с Пастернаком во время его пребывания в Узком летом 1957 г.

¹ Е. А. Огнева жаловалась на тяжелую болезнь своего мужа, Бориса Алексеевича Огнева, архитектора-реставратора.

1631. К. ВОЛЬФУ

14 октября 1959, Переделкино

14 октября 1959

Дорогой друг, чтобы эти слова дошли до Вас, я пишу на своем ужасном, выдуманном и никогда не существовавшем английском. Жалко, что любой подарок или простое проявление вежливости преувеличивается с другой стороны до непонимания и до неузнаваемости! Я вежливо написал скульптору, который собирался сделать мой портрет¹, – вдруг мое письмо печатается и становится объяснением в любви, похвалой и разрешением автору меня лепить. Я киваю и улыбаюсь американскому писателю по поводу его переводов, он использует мои поклоны и улыбки для своего грубого самоутверждения². Удивительно, зачем, если люди так хороши и довольны собой, им еще нужно подделывать мою поддерж-ку? Что касается г-на Риви (не говорю о нем ничего плохого), – я знаю его уже многие годы с лучшей стороны. Но по поводу литературы, меня удивляет, зачем он тратит на меня столько времени и сил; зачем ломает голову над предметом таким неблагодарным и безответным, как я. Мой тяжкий грех, что я так неблагодарен по отношению к нему и так мало платил ему в ответ на его внимание.

Моя жизнь (права, возможности, правила, цели, помехи, огорчения и радости) такая

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
особенная не по моей воле, но как следствие окружающего; она совершенно
непредставима для всех вас. Главное горе в том, что в мое отсутствие появляется
какой-нибудь опрометчивый олух или любитель скандалов и, приводя мою жену в
отчаяние и обижая ее, рассказывает сплетни о другой женщине. Это смерть для
меня. Можете разрезать меня на части, другого горя у меня нет. Но то, что спор
между буквами П. и Ф.З никогда не придет к окончательному согласию – это загадка
и удар для меня, – их общее преступление по отношению ко мне.

Я верю в задуманную пьесу. Мысли о ней захватили меня. Но я вынужден был
превратить работу над ней по материальным причинам, которые также неопределенны и
фантастичны, как все остальное. Я усидчиво и в страшной спешке перевожу «E1
principe constante»* Кальдерона, заглядывая в испанский подлинник, в пе-реводы
Шлегеля и во французский. Пишите мне (я буду так же отвечать Вам) по-немецки,
как раньше.

Ваш Б. И

Впервые: «Знамя», 2005, № 3. – Автограф по-англ. (Deutsche Literaturarchiv in
Marbach).

1 Шведский скульптор Леон Черни.

2 Американский переводчик Юджин Кайлен.

3 Ж. де Пруайяр и Фельтринелли.

1632. Н. ТАБИДЗЕ

17 октября 1959, Переделкино

17 окт. 1959

Дорогая Нина, Ваше письмо о Ваших болезнях нас очень огор-чило и напугало. Я не
умею беспокоиться и бояться, но горевать и падать духом умею. Бедная Вы, бедная!
Плеврит, тромбофлебит, ведь все это довольно серьезные вещи!

А за два часа до прихода Вашего письма Зина сидела и мечта-ла, как она даст
Тане1 отдохнуть до середины ноября, а потом по-едет к Вам, чтобы пожить с Вами
где-нибудь в Цхалтубо или еще где-нибудь. Но теперь до того ли Вам будет!

«Стойкий принц» (исп.). 538

Это намерение было у ней так твердо, что она меня спросила, как обстоит у меня
дело с переводами из Леонидзе. Я обещал ей, что приготовлю их ей к отъезду,
чтобы сделать удовольствие четы-рем дамам, Евфимии Александровне, Вам, Зине и
Песо2. Пусть Песо не обижается, что я ее назвал последней. Я боялся, что если я
с нее начну этот список, обидятся все остальные.

Что сказать Вам о себе самом? Я успел полюбить работу над пьесой и в нее
поверить. Если я доживу и не помешает что-нибудь непредвиденное, это будет вещь
не хуже и не меньше романа. Можете мне верить, я не стал бы говорить этого на
ветер. Но все кругом со мной так сказочно и нереально, между прочим и в
де-нежном отношении. Около недели мне пришлось бросить все свое и приняться за
просроченные переводы. Сейчас я бешено с утра до вечера (как когда-то Фауста)
перевожу Кальдерона. Но, навер-ное, только бешеная работа и реальна. Когда я
работаю не спеша с прохладцем, мозги мои спят, я ничего не чувствую, не замечаю.
Может быть я летом успел сказать Вам что-нибудь глупое об ис-панском театре, по
сравнению с Шекспиром3.

Это было поверхностное и скороспелое суждение. Мне после такой долгой жизни и
знакомства с такими разнообразными лите-ратурами разных эпох было приятно
натолкнуться на совсем неве-домое явление, такое ни с чем не схожее. Это
совершенно особый мир, очень высоко разработанный, гениальный и глубокий.
У меня несколько лирических подстрочников Г<еоргия> Н<иколаевича>, оставленных
мне Евф<имией> Ал<ександров>ной. Их я и переведу. Едва ли у меня будет время
заняться его поэмой.

Пьеса, какое-то ближайшее живое будущее, вместе со всем, что от этого
ответвляется и с ним связано, моя единственная страсть и забота. Остальное
совершенно меня не интересует, точ-но оно было двести пятьдесят лет тому назад.
Я Вас очень люблю, Нина, но из этого не следует, что я без-различен к Ните,
Гивику, Алексею Николаевичу и остальным. Всем им я низко кланяюсь от всего
сердца.

Ваш Б. Я.

Впервые: «Дружба народов», 1996, № 7. – Автограф (ГМГЛ, № 021914, 21).

1 Татьяна Матвеевна – многолетняя домработница Пастернаков.

2 Песо – дочь Г. Н. Леонидзе.

3 После первого ознакомления пьеса Кальдерона «Стойкий принц» ра-зочаровала
Пастернака и показалась бледной по сравнению с привычным для него Шекспиром. О
Кальдероне и испанском театре см. в письме № 1614.

1633. Л. Л. СЛЕЙТЕР

4 ноября 1959

Дорогая моя, догадываюсь, что при первом взгляде на мои строки ты почувствуешь
неестественность того, что я взял этот язык, натянутость и приподнятость стиля и

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
т. д. и т. д., – но ты ошибаешься. Ты не знаешь и не можешь понять причины и необ-
ходимость, которые толкают меня, чтобы переписываться этим искусственным
способом.

Прошла вечность, что я тебе не писал. Я был спокоен за ваше здоровье и жизнь. С
разных сторон я получал новости о вас, упо-минания в письмах и статьях.

Месяц назад денежные дела заставили меня отложить писа-ние пьесы. За три недели
я перевел «Ei principe constante» для со-брания Кальдерона. Я не писал писем и
не отвечал. Теперь я могу вернуться к своей пьесе и ко всему остальному.

В последние годы сам собою отчетливо проявился един-ственно возможный путь
жизни. Либо сама жизнь (в силу истори-ческих причин) должна открыть новую,
немыслимо сказочную главу реального существования; либо это я должен сделать
что-то подобное и изложить все на бумаге. Вот этими надеждами я и живу.

Не помню, посылал ли я тебе когда-нибудь свою короткую заметку о Шопене, которую
написал вскоре после войны¹. Было плохо и неправильно оставлять ее в таком виде,
как она была на-писана в то далекое время для газеты, и не развить и не углубить
ее. Теперь Ст. Спендер² взял ее для Encounter'a. Пожалуйста, прочти и напиши
мне о ней. При том, что она неполна и написана слишком торопливо и упрощенно, в
ней есть все, что я хотел ска-зать. Она содержит определенный взгляд на реализм
как на пре-дельно высокую ступень искусства (совершенное искусство, ко-торое
целиком держится редкими исключениями и отклонения-ми). Привычной мерой и
практикой искусства становится роман-тизм, то есть легкая и поверхностная
деятельность в узком кругу определенной культуры и определенных вкусов, как
например, французское искусство или литература эпохи рококо, или наш такой же
условный социалистический реализм, или типичная классическая немецкая музыка (и
Брамс наполовину) и т. д. и т. д. Но есть отдельные одинокие судьбы, которым не
нужны совре-менные искусство и красота, они создают целые миры в звуках,
повествовании или красках, исступленно и неустанно насыщая и напитывая свои
произведения содержанием и предвидениями, которые никому не снятся и которых
никто от них не требует – создать в своих работах подлинную вселенную для себя,
пугающе одинокую, великую и независимую. Об отказе, который получил Н<ива>, я
узнал из случайных бельгийских газет². Бедный маль-чик! Это было еще ббльшим
ударом для Ирины Е<мельяновой>, воображение которой слишком разыгралось от его
приезда. Жорж, поначалу отступившийся, преодолел препятствия и навещает ее
каждый вечер. Я, наконец, с ним познакомился. Твой издатель Элек пишет мне о
пьесе³. Но слишком рано говорить о недавно начатой вещи, которая еще, по большей
части, плавает только в чистых предположениях. Он также спрашивает меня о книге
Бертр. Рассела, которую он будто бы послал мне и которая не дошла. Передай ему,
чтобы он не повторял своей попытки. Кланяйся ему и поблагодари. Может быть, я
напишу ему, как только немного освобожусь.

Нежно обнимаю тебя и вас всех. Твой Б.

Пожалуйста, подтверди несколькими словами, не отклады-вая, получение этого
письма. Напиши мне что-нибудь существен-ное, что может быть мне интересно и
полезно.

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф по-англ. (Pasternak Trust,
Oxford).

¹ Статью о Шопене Пастернак послал сестрам в декабре 1945 г. вмес-те с письмом №
980.

² Жорж Нива для работы над диссертацией об Андрее Белом получил стипендию на
год, чтобы провести его в Москве. По поводу упоминаемых здесь событий, которые
обсуждались в бельгийских газетах, узнать не уда-лось; Жорж Нива ничем нам
помочь не мог и ничего об этом не помнит.

³ Издатель Питер Элек выпустил кн.: Boris Pasternak. Safe Conduct. An early
autobiography and other works. Elek Books. London 1959; туда вошли несколько
стихотворений в переводе Лидии Слейтер.

1634. Н. М. ТРЕТЬЯКОВОЙ

7 ноября 1959, Переделкино

7 ноября 1959

Дорогая Нина Михайловна, Вы ли были артисткой или же-ной или другом артиста, или
может быть оба играли на сцене и жили на Гоголевском (тогда – Пречистенском)
бульваре в начале двадцатых годов? Тогда я Вас знаю и видел один раз, и если это
так, именно Вас вспоминал на днях, совсем недавно, задаваясь вопросом, здесь ли
Вы и живы ли и что с Вами сталось? Если это действительно Вы (у С<ергея>
М<ихайловича> была еще одна сестра, кажется, Женя по имени и один маленький
брат¹), – если это действительно Вы, я особенно рад Вашему письму.

Я дружен с супругой Табидзе, вдовой Тициана Табидзе, рас-стрелянного в самый
страшный из наших страшных годов, кото-рый Галактиону² приходился двоюродным
братом. Я пишу ей о Вашей просьбе. Вот на всякий случай ее адрес, можете
написать ей, она, наверное, что-нибудь знает об Ольге Табидзе, с которой я

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori совершенно не знаком³: Тбилиси, ул. Гогебашвили, 43, кв. 13, Нине Александровне Табидзе.

Ваш Б. Пастернак

Сейчас я усомнился в правильности моих предположений. Не было ли у Вас еще одной сестры (Натальи Михайловны)?⁴

Впервые. – Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по фотокопии (РГАЛИ, ф. 2886, оп. 1, ед. хр. 218).

Нина Михайловна Третьякова – сестра поэта, драматурга и теоретика «Лефа» С. М. Третьякова, с которым Пастернак был знаком с 1910-х гг.; он погиб в тюрьме в 1938 г.

¹У С. Третьякова были сестры Евгения, Нина, Наталья и брат Вячеслав.

² Грузинский поэт Галактион Табидзе.

³ Ольга Окуджава – первая жена Г. Табидзе, была арестована в 1937 г., расстреляна в 1941-м. Пастернак писал Н. Табидзе 7 нояб. 1959: «Сестра покойного Серг<ея> Третьякова, Нина Сергеевна (Михайловна. – Е. И, М. Р.) Третьякова письмом просит меня узнать адрес жены Галактиона Табидзе, Ольги, уроженки Эстонии. Если Вы его знаете, сообщите этот адрес мне или ей. Ее (Третьяковой) адрес: Москва Г34, Мансуровский пер. 3, кв.1, Нине Михайловне Третьяковой» («Дружба народов», 1996, № 7. С. 217).

1635. К. Н. БУГАЕВОЙ

75 ноября 1959, Переделкино

15 ноября 1959

Дорогая Клавдия Николаевна, по некоторым сведениям Вам лучше, но это не уменьшает моего беспокойства о Вас. Совершенно непростительно с моей стороны, что я с большим запозданием, благодаря заботе некоторых обожающих Вас друзей узнал о больших трудностях, с которыми боретесь если не Вы, то Ваши близкие. Кажется, совершенно помимо меня и без моего участия что-то предпринимается или будет предпринято Литфондом. К Вам зайдет с этой запиской дочь лучшего моего друга, Ольги Всеволодовны, Ирочка Емельянова. Вам совсем не надо принимать ее и утомляться. Примите от нее только конверт с этой весточкой¹. Кстати, она приятельница того французского студента Georges Nivat², который еще не выбрал темы для своего выпускного сочинения в Сорбонне, но, по-видимому, будет писать о Борисе Николаевиче.

Выздоровляйте, пожелайте выздороветь, умоляю Вас, – извините за зверски-эгоистическую прямоту такой формулировки: мне страшно нужно, чтобы Вы были здоровы.

Я еле справляюсь с выпавшей мне на долю странной, полу-реальной, баснословной судьбой. С одной стороны, она до крайности затруднена, беспрестанно угрожаема, еле переносима. С другой, она незаслуженно светла и как-то при жизни больше, чем я вправе был надеяться, освобождена от несущественного и случайного и отнесена куда-то выше. Несомненно, это предназначалось кому-то другому и выпало мне по ошибке.

Обнимаю Вас

Да, – я еще занят очень важной новой работой и, когда она будет окончена, хочу привести ее в порядок вместе с Вами³.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Андрей Белый. Проблемы творчества. М, 1988. – Автограф (РНБ, ф. 60, ед. хр. 130).

Пастернак всегда поддерживал вдову А. Белого К. Н. Бугаеву, навещал ее и посылал свои стихи. В 1945 г. хлопотал об увеличении ей пенсии (письмо JSfe 936). «Каждое ваше слово, каждая ваша мысль для меня драгоценны <...> – писал он 13 янв. 1950, – я давно уже признавался Вам, что одно уже мое обращение к Вам приводит меня в душевный порядок» (там же. С. 704).

¹ Узнав от М. К. Баранович о болезни Бугаевой (см. коммент. 1 к письму JSfe 1636), Пастернак послал ей 100 рублей.

² Жорж Нива находился в это время на стажировке в Москве.

³ Речь идет о пьесе «Слепая красавица», в названии которой Пастернак использовал образ России как «спящей родины – красавицы, стоящей между механической мертвенностью Запада и первобытной грубостью» из книги А. Белого «Луг зеленый» (1905).

1636. М. К. БАРАНОВИЧ

15 ноября 1959, Переделкино

15 ноября 1959

Дорогая Марина Казимировна, Вы догадываетесь наверное, как я Вам благодарен, как тронут, но и как пристыжен с разных сторон (также и с Вашей), появлением Вашего письма¹. Из короткости моего ответа заключите, как, по счастью, пройдет сплошь в непрерывном трудолюбии мой день. Но, представьте себе, я хотел написать Вам по собственному почину такую же коротенькую записку на этих самых днях.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Может быть я сообщу Вам вещь давно известную, но она была новостью для меня. Я не знал элегии, которую Rilke написал М. Цветаевой². Мне ее прислал Ivar Ivask, довольно интересный мо-лодой поэт, живущий в Америке и пишущий по-немецки³. Он мне пишет:

Da es keine Zufille eigentlich gibt, verwunderte es auch nicht, dass ein femes Echo meines Namens schon auf dem Umweg tiber eine grosse Dichterin zu Ihnen gedrunge war⁴ – derselben Dichterin, der Rilke seine herrliche, erschreckend heilsichtige Elegie gerade noch 1926 wid-men konnte, die da beginnt:

«O die Verluste ins All, Marina, die sttirzenden Sterne! Wir vermehren es nicht, wohin wir uns werfen, zu welchem

Strene hinzu! Im Ganzen ist irnmer schon alles gezahlt So auch, wer fallt, vennindert die heilige Zahl nicht. Jeder verzichtende Sturz in den Ursprung und heilt»\

Я не знаю, есть ли продолжение или это все⁵, но на этом кон-чается сообщение Ivask'a. Не правда ли поразительной силы и яс-ности выражение очень глубокой и близкой мысли?

Обнимаю Вас Ваш Б. П.

Клавдии Николаевне я написал.

Впервые: Переписка Б. Пастернака с М. Баранович. – Автограф (Hoover Institution Archives, Stanford).

* Так как просто случайностей не бывает, то не удиви-тельно, что дальнее эхо моего имени дошло до Вас окольным путем через великую поэтессу, ту самую, ко-торой Рильке как раз в 1926 году посвятил свою велико-лепную и удивительно провидческую элегию, которая начинается так: «O, утраты вселенной, Марина, падаю-щие звезды! / Нам не восполнить их, какой бы порыв к той или иной звезде не увлекал нас! / Все подсчитано в целом навсегда, / И кто бы ни упал, это не уменьшит священного числа. / Всякое самоотреченное падение возвращает к первооснове и исцеляет нас» (нем.).

М. К. Баранович писала: «Простите, что я пишу Вам. Мне это очень трудно, но мне кажется, я не прошу себе, если не напишу Вам о Клавдии Николаевне. Она очень плохо. Все у нее болит и от слабости передвигает-ся держась за спинку стула <...> Живет она на пенсию 250 рублей. Ни под каким видом не хочет, чтобы кто бы то ни было поднимал вопрос об уве-личении ей пенсии. <...> Несколько старушек помогают ей чем могут. Среди них Машенька Скрябина <...> Они знают, что Вы помните о Клав-дии Николаевне – Вы не так давно звонили и говорили с ней. Но Вам-то она сама не расскажет, как ей плохо. Мне кажется, что я должна была рас-сказать» (там же. С. 77). Мария Александровна Скрябина – дочь компози-тора А. Н. Скрябина.

2 Цветаева в письмах 1926 г. неоднократно пишет о намерении по-слать Пастернаку «Элегию», которую написал для нее Рильке.

3 Немецкий поэт Ивар Иваск опубликовал 4 письма к нему Пас-тернака, 1959-1960 гг.: Books Abroad, Vol. 44, 1970, № 2. С. 195-200 в пе-реводе с немецкого на английский, с купюрами, касающимися разбора посланных Пастернаку стихов.

4 Пастернак спрашивал Ивара Иваска 16 сент. 1959: «...кто такой про-фессор Иваск, который переписывался с Мариной Цветаевой? Может быть это Ваш отец или родственник. Пожалуйста передайте ему уверения в моем глубочайшем почтении» (Books Abroad. С. 195). Пастернак имеет в виду проф. Юрия Павловича Иваска, к которому Ивар Иваск не имел отноше-ния, называя его только дальним эхом своего имени.

5 Иваск привел в письме только начало «Элегии», которая насчиты-вает 50 строк. 1637. Н. М. ТРЕТЬЯКОВОЙ

29 ноября 1959, Переделкино

29 ноября 1959

Дорогая Нина Михайловна, теперь я и Вас вспомнил. Раз Вы по мне вздыхали, значит еще раньше и я по Вас вздыхал. – Конечно. Иначе это не бывает. Вдруг вспомнил и Вашего отца. Но дома близ Зачатьевского не помню, однако, Женя права, я дол-жен был там бывать, раз увидел перед собою Вашего батюшку (кажется в длинном сюртуке).

Непреренно поклонитесь от меня Наталье Михайловне, Вы очень меня этим обяжете. Может быть она там что-нибудь слы-шала обо мне, может быть и роман читала¹.

Я не упущу нити, вдруг нащупавшейся между нами, и уже воз-никшее живое желание свидеться с Вами приведу, с Вашего со-гласия, в исполнение, немного спустя, к весне, когда буду посво-боднее.

Сейчас я очень занят новою работой, которая, хотя и прине-сет мне, наверное, столько же счастья, как ее предшественница, но внутренне очень нужна мне, поглощает меня и для меня очень ответственно. Также неизмеримо велика моя (главным образом заграничная) переписка.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Мне очень радостно было получить от Вас второе письмо и очень приятно писать Вам.

Кланяйтесь, пожалуйста, Евгении Михайловне, Ольге Вик-торовне и Тане. Жив ли Ваш младший брат?2

Ваш Б. Пастернак

Ваша Наташа – вот в кого тоже так легко было, а может быть и сейчас еще так легко влюбиться.

Впервые. – Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по фотокопии (РГАЛИ, ф. 2886, оп. 1, ед. хр. 218).

1 Наталия Михайловна Третьякова – старшая из сестер Третьяковых, актриса, жила в Париже.

2 Ольга Викторовна – вдова С. М. Третьякова и Татьяна Сергеевна Гомолицкая – ее дочь от первого брака. Вячеслав Михайлович Третьяков погиб во время гражданской войны в войсках Добровольческой армии.

1638. Л. А. ВОСКРЕСЕНСКОЙ

2 декабря 1959, Переделкино

2 декабря 1959

Дорогая Лидия Александровна,

благодарю Вас за письмо. Хотя словечко «никчемность» взя-то и у Вас в кавычки, и Вы с ним обращаетесь открыто шуточно, мне больно видеть его в письме у Вас даже в этом насмешливом применении.

Ваша Ника1 не могла не понять меня, когда, в Ваше отсут-ствие, я с ней говорил. Мне было жалко Ваших сил и времени, когда я говорил о карточках2. И чтобы сделать мой довод (в за-щиту Вас и Вашего времени) убедительней, я сказал, что ничего этого мне не надо знать, потому что это портит меня, делает не-скромным и тщеславным. Но если, как Вы пишете, Вы эти сведе-ния заносите на карточки походя, между дел (все равно, сколько бы Вы ни уверяли, я понимаю, какой затратой Вашего труда это достигается и чем я Вам обязан), продолжайте это отмечать. Вы нам оказываете этим золотую, неоценимую услугу. Мы узнаем сто-роной не более десятой доли того, что там появляется даже из моих переводных изданий, не говоря уже об их обсуждении. Вы наш добрый гений, и я только не хотел, чтобы наш добрый гений так уставал.

Далее, об уничтоженном письме к Вам. Я Вам много написал тогда о бедной мученице Вас и о бедной Наташе3, о случаях такого долголетнего или пожизненного лежания на моих глазах или на моей памяти (например из Испании мне в прошлом году по-французски писал один молодой человек; давно уже и надолго при-кованный к кровати) и пр. и пр. И в моем искреннем участии (ко-торого ни я, ни Вы не подвергнем сомнению) была какая-то нота, заставившая меня разорвать неоконченное письмо. Все это в своей чувствительности было слишком возвышенно и прекрасно душой. Но, может быть, и не надо заикаться о неотосланных письмах?

Как бы то ни было, мне нужно, чтобы Вы знали, как я Вас люблю и как дорожу и горжусь Вашим интересом и вниманием. Как раз из упоминаний, служащих материалом для Ваших карто-чек, Вы можете заключить без моих дополнительных уверений, какого рода стена стоит между мною и Вами и моею остальной жизнью и мешает нашим встречам. Это стена неопишуемой заня-тости и непередаваемого недосуга, но я счастлив, что все так сло-жилась и в такой степени радостно и приятно мне писать Вам4. Спасибо за все.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (собр. А. А. Воскресенского).

1 Ника Александровна Воскресенская – дочь Л. А. Воскресенской.

2 Речь идет о карточках, на которые Л. А. Воскресенская выписывала библиографические сведения о публикациях произведений Пастернака и откликах на него в западной прессе.

3 Наталия Александровна Воскресенская, младшая дочь Л. А. Вос-кресенской, заболела в конце 40-х гг. полиартритом и до конца жизни была прикована к постели.

4 25 янв. 1960 Пастернак вновь писал Л. А. Воскресенской: «Дорогая Лидия Александровна, я до сих пор не поблагодарил Вас за чудесное, бое-вое, чтобы выразиться по-нынешнему, веселое, остроумное письмо, за поздравления с Рождеством и Новым Годом, за гору подарков, за конфе-ты, за Рублева, за Noustan'a! Не думайте, что я не отзвучив и бесчувстве-нен. Я так упрям и во что бы то ни стало хочу опять написать что-нибудь удовлетворительное. Не правда ли, теперь уже не полагается срамиться. А привести это желание в исполнение так трудно, так трудно держать себя в состоянии веры и увлечения. Я так горжусь теплотой Вашего отноше-ния. Оно так обязывает меня! Преданный Вам Б. Пастернак» (там же).

1639. К. ВОЛЬФУ

8 декабря 1959

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Дорогие госпожа и господин Вольф, я от всей души благо-дарю Вас за прекрасные слова и чувства по отношению к З. П<астернак>. Я очень высоко ценю это внимание. Обещанных Вами критических разборов стихотворений я не получил, зато совсем недавно пришла книга Кайдена, заста-вившая меня оторопеть из-за страшной рожи на обложке¹. Я не могу оценить его переводы. Меня несколько не радует вялость и водянистость передачи. Передача звука и силы движения не просто формальная структура стихотворения, без этого любая попытка перевода остается пустой и бездушной. Насколько бли-же к цели г-жа Слейтер, твердостью намерений, верностью риф-ме и ритму!

Она спрашивает меня, не читал ли я ее письма в «Encounter»². Я его не читал. Мне тут неожиданно передали номер «Encounter'a» только со статьей Эдм. Уилсона. Не видел я и ни одной статьи о Шопене. Публиковалась ли где-нибудь эта статья по-английски, немецки или французски?³ Как составлена книжечка издательства «Penguin»? Это то же, что Риви делал в Avon Book (я имею в виду его перевод «Уезда в тылу», на отсутствие которого я жаловался в одном из писем к Penguin's, – по-видимому, последние следы это-го отрывка, исчезли для меня навсегда; я имею в виду также то, что Риви пишет о нем). То, что Риви увидел и утверждает в этой книжечке – его большая заслуга; это метко, пронизательно и правдиво⁴. Его ли перу принадлежат также переводы стихов, которые он как будто издал, как и Кайдена?⁵ К сожалению, я в этом не уверен. Меня очень мучает, что в свое время я не смог ответить Ст. Спен-деру и Т. С. Элиоту на их подарки (сборники стихотворений и письма). Не вызваны ли эти посылки глупыми переводами Риви и Кайдена и обсуждениями их в печати? Неужели я не достаточно бранил свою «деятельность» того времени, чтобы нельзя было про-стить мне вины и участия в этом стыде и позоре?

Я желаю Вам и дорогой г-же Элен счастливого Рождества и просветленного, приносящего здоровье Нового года. Напишите мне, пожалуйста, честно и объективно, не угрожают ли неудач-ные переводы моих стихотворений мне и моей репутации. Это за-поздалое разоблачение полностью совпало бы с моим собствен-ным мнением о себе. Это было бы совершенно справедливо, и я бы не принимал это близко к сердцу.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Знамя», 2005, JSfe 3. – Автограф по-нем. (Deutsche Literaturarchiv in Marbach).

¹ Имеется в виду портрет на суперобложке книги: Boris Pasternak. Poems. Translated by E.-M. Kayden. University of Michigan Press, 1959.

² Речь идет об ответе Л. Слейтер на статью Э. Уилсона, напечатанную в журн. «Encounter» (August 1959).

³ Текст статьи о Шопене был передан Жаклин де Пруайяр и Ст. Спендеру.

⁴ Boris Pasternak. The Last Summer. Avon book, 1958. В книгу вошли «Повесть» и «Уезд в тылу» в переводе и с предисловием Дж. Риви.

⁵ The Poetry of Boris Pasternak. Selected, edited and translated by George Reavey with essay of the life and writings of Pasternak. New York, 1959.

1640. Дж. РИВИ

10 декабря 1959, Переделкино

10. XII. 1959

Дорогой Риви. Я очень виноват перед Вами. Меня ошибочно оповестили о Вашем предполагаемом намерении отменить права Pantheon Books и противозаконно распорядиться судьбой моего романа «Доктор Живаго» на основании моей подложной автори-зации. Я написал в Пантеон, что ничего Вам не давал и не буду Вас защищать, если они подадут на Вас в суд. К счастью, все это оказалось ошибкой. Недавно я получил Вашу книжку «Последнее лето» в издании Avon¹. Путь, которым Вы пришли к счастливой находке «Уезда в тылу», удивительно прям и правилен². Это Ваша заслуга, свиде-тельство литературного вкуса и одаренной пронизательности. Именно этот отрывок я вспоминал и тщетно искал, когда «Penguins» просили меня о небольшом дополнительном материа-ле к «Лету», чтобы заполнить обычный объем Пенгвиновских вы-пусков³.

Но я его не нашел, и даже найди я его, кто бы мог дать необ-ходимые дополнения и разъяснения, чтобы обратить этот незна-чительный отрывок во что-нибудь стоящее? И я предложил им статью о Шопене⁴.

(Надпись на титульном листе русского издания написана не мной, а моим братом, А. Пастернаком, Александром. У меня никогда не было привычки помечать книги экслибрисами и т. п. и т. п. 5)

Я чудовищно, чрезмерно занят. У меня не было возможности прочесть Ваш перевод и его оценить. Но я пробежал Ваши рас-суждения и комментарии. Все, что Вы пишете, в высшей степени интересно и глубоко по содержанию, значению и правильной точ-ке зрения. Но Ваши умеренные похвалы! Если бы все было так, как Вы утверждаете в своих преувеличенных оценках!

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Мое невыразимое горе и боль в том, что мне вновь и вновь напоминают, что эти редкие зерна жизни и правды перемешаны с огромным количеством мертвой, схематичной бессмыслицы и несуществующего сырья! Я удивляюсь, зачем Вы и Кайдена пытаетесь спасти вещи, заведомо обреченные на гибель. Я не видел Ваших стихотворных переводов и не могу представить себе, что-бы они были удачны (вина в этом моя, а не Ваша). Я только уви-дел страшную грязь на книге Кайдена. Что он хотел сказать такой обложкой?6

Я думаю, что г-жа Слейтер достигает много большего своей верностью ритму и рифме. Это не вопрос внешней формы. Мне кажется, что в поэзии, лишенной иных сильных качеств, передать внутреннюю силу, порыв и музыку – значит достичь всего.

Лучшие Вам пожелания к Рождеству и Новому году.

Искренне Ваш 2>. Пастернак

Впервые: ^Harvard Library Bulletin*, 1967, vol. XV, JSfe 4. – Автограф по-англ. (Houghton Library, Harvard University).

1 Boris Pasternak. The Last Summer. Avon book, 1958.

2 В книгу включен в переводе Риви отрывок из романа «Записки Пат-рика» «Уезд в тылу» (публиковавшийся в «Литературной газете», 15 дек. 1938).

3 Имеется в виду «Повесть», изданная под назв. «The Last Summer* («Последнее лето»). Penguin Modern classics, 1959, в переводе Дж. Риви и с предисловием Л. Л. Слейтер. См. об этом в письме № 1639.

4 Статья о Шопене не вошла в эту книгу, как предполагалось (см. пись-мо № 1619).

5 Дж. Риви попросил у Пастернака текст «Повести», экз. которой он не мог достать на Западе. Ему была послана книга, принадлежавшая А. Л. Пастернаку, с его владельческой надписью на титульном листе («Издательство писателей в Ленинграде», 1934); у автора не было своего экземпляра. После смерти Риви эта книга была приобретена Тоби Хольц-маном и теперь передана в Hoover Institution Archives, Stanford.

6 Речь идет о скверно выполненном портрете Пастернака на супер-обложке сб.

Кайдена (см. письмо № 1639).

1641. P. ШВЕЙЦЕР

10 декабря 1959

Веселого тебе Рождества, Ренате, и прекрасного, богато-го, счастливого Нового года! Какими словами благодарить тебя за письма, рождественскую свечу, за Ли Тай По1, притом, что я так старательно обхожу слова любви, чтобы не ступить на путь измены и неверности. Я сказал бы: целую и обнимаю тебя, – но это так живо представилось мне, что я чуть не потерял со-знания.

Конечно, я сразу вспомнил о запахе мандарина под мышкой, мне это не надо напоминать2 (кроме того, ты заложила это место ниточкой золотой елочной канители). Клабунд замечательно пере-вел это. Для меня совершенно безразлично, насколько это близко к оригиналу, так перевешивает поэтическая безусловность пере-вода и его самостоятельность. Сомневаюсь, чтобы Клабунд в сво-ей собственной экспрессионистической поэзии в силу вкусов и моды того времени, мог позволить себе быть таким естественным и уверенным, как в этой несравненной книжечке издательства Insel. Жив ли Клабунд и где он живет?3 Не можешь ли ты передать ему благодарность и восхищение.

. Два замечания на мандариновую тему. Писал ли я, что до тво-его упоминания я ничего не знал об этих китайских мандаринах4. О Ли Тай По я знал примерно так же, как о всем прочем на свете, о звуке его имени и цвете книжной обложки. И какое удивитель-ное совпадение! Запах мандариновой кожуры в связи с первой школьной влюбленностью, зимними праздниками, ослепитель-ным светом елочных свечей и девичьей разгоряченности от танцев – этому лейтмотиву жизни я дважды искал и нашел выра-жение, – в одном из ранних стихотворений и в романе5.

Второе замечание. Во время Второй мировой войны меня посетил посол тогдашнего Китая, образованный человек, люби-тель искусства г-н Фу, который привез мне роскошное английское издание китайской поэзии с надписью: «Б. П., которого мои со-отечественники (г-н Фу не знал русского) сравнивают с Ли Тай По». Книгу я тогда же дал кому-то читать, кажется Ахматовой, и не взял обратно.

Спасибо тебе также за прекрасное стихотворение «Чужая».

К рассказу о доме Марии7 ты добавляешь, что слышала в этом саду песни русских военнопленных – и сразу ожило твое первое письмо ко мне, конец позапрошлогодней зимы, страдания, тре-воги и неудобства в больнице. Только сад твоего детства и солдат-ское пение я почему-то перенес южнее Гамбурга, куда-то вроде Висбадена или Вюрцбурга.

Спасибо тебе, дорогая моя подруга, за два этих прошедших года, в которые так легко, так много и обогащающе значило для меня любить тебя. Как далеко мы заходили в своих предположе-ниях и допущениях.

Не будем больше этого делать. При всем, что ты знаешь обо мне, это низко с моей

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris
стороны и нечестно. Но если мое молчание будет возрастать, его причиной будет не
это, – я заставляю себя преодолевать нежелание работать, – ведь работа тоже мой
долг тебе.

Здесь говорят, что ты ездила в Париж и посетила Пруайяр? Так ли это?

Будь здорова и счастлива на праздниках. Я желаю тебе неза-метно для себя, играя,
внести изменения в текст либретто, о кото-рых тебя просят8.

Твой Б.

Впервые: Renate Schweitzer. Freundschaft mit Boris Pasternak. Wien, Mtinchen,
Basel. 1963. – Местонахождение автографа (нем.) неизвестно.

1 Р. Швейцер прислала Пастернаку книгу стихов китайского поэта Ли Тай По (Ли
Бо), Insel-Verlag, 1956 в переводе немецкого поэта Клубунда с дарственной
надписью: «Zum Advent 1959» («В приближении Рожде-ства». – нем.).

2 Имеется в виду «Вечное стихотворение» Ли Тай По, последняя стро-фа которого:
«Долго ли пахнет мандарином, который женщина держит под мышкой? Долго ли не тает
снег на солнечном свете? Но стихотворение, которое я пишу сейчас, пусть
останется вечно» (там же. С. 58). Р. Швейцер нашла параллель между этим
стихотворением Ли Тай По и сценой в главе «Елка у Свентицких» из «Доктора
Живаго» («Платок издавал смешанный запах мандариновой кожуры и разгоряченной
Тониной ладони, одинако-во чарующий». – Т IV наст. собр.).

3 Немецкий поэт-эксперименталист Альфред Клубунд (наст, имя: Ген-шке) скончался
в 1928 г.

4 Р. Швейцер писала Пастернаку об этом стих. Ли Тай По год назад, 21 окт. 1958
он отвечал ей: «Я не подозревал, что у Ли Тай По держит такие строчки. Это
блестящее совпадение. Я считал, что сочетание запаха ман-дариновой кожуры и
легкой испарины – особенность моих личных вос-поминаний и опыта, и гляди-ка, –
здесь также подтверждается, что самое субъективное, если его правильно подметить
и назвать, оказывается об-щечеловеческим» (там же. С. 60).

5 Кроме сцены в «Докторе Живаго», имеется в виду стих. «Замести-тельница»
(1917): «Чтобы, комкая корку рукой, мандарина / Холодящие дольки глотать,
торопясь / В опоясанный люстрой, позади, за гардиной, / Зал, испариной вальса
запахший опять». Этот сюжет разрабатывался так-же в ранних прозаических опытах
Пастернака 1910–1912 гг. («Мышь» и «Однажды жил один человек...») – см. т. III
наст. собр. с. 450, 503. Его био-графической основой была встреча нового, 1907 г.

6 Пастернак передал эту книгу Ахматовой, которая перевела две по-эмы Цюй Юаня
«Лисао» и «Призывание», входившие в эту английскую антологию. Сопровождая
посылку, Пастернак писал: «Дорогая Анна Анд-реевна! Смотрите, что я для Вас тут
нашел! Привет Вам от меня и Вашего замечательного китайца. (Он-то открывает
книгу на стр. 3-ей). Ваш Б. и 20 янв. 1954. А как описано сражение (стр. 3)»
(РНБ, ф. 1073, № 942). Ахматова перевела также 6 стих. Ли Тай По, которые вошли
в сб. «Китай-ская классическая поэзия (эпоха Тан)», 1956.

7 Р. Швейцер описывала свой родной дом в Гамбурге, где жила ее се-стра Мария.

8 Либретто оперы «Эликсир Дьявола» по Э.-Т.-А. Гофману.

1642. Ж. де ПРУАЙЯР

22 декабря 1959, Переделкино

22 декабря 1959

Дорогая Жаклин, это ответ на два Ваши письма (третье было списком опечаток1).

Скажите Даниэлю2, что я крайне тронут его посланием, пусть он простит меня, что
благодарю его с опозда-нием. Полин мила необыкновенно, хорошенький, прелестный
ангелок!

Я попрошу Гудзия сообщить Федину о будущем приглаше-нии3. Мы прервали отношения,
но это несерьезно. Они когда-ни-будь возобновятся, когда все изменится в более
широких кругах, чем Союз писателей. Я живу только этой надеждой4.

Естественно, что в Венецию я не поеду. Не только потому, что само собой
разумеется, это невозможно. Но если бы меня даже «сверху» благословили поехать и
говорить не важно о чем, в свое удовольствие, я все равно бы не поехал. Сейчас
не тот момент. У меня нет ни времени, ни желания, ни оснований, ни права.

А теперь я Вас неожиданно удивлю, но, Вы, Жаклин, может быть, поймете. Я не могу
отделить мысль о Вашей предполагае-мой книге от течения своей действительной
жизни. Они должны идти в ногу. Отложите свою работу, не торопитесь ее писать.
Сей-час не время для меня отдыхать, жить за счет сделанного, опи-сывать это и
разбирать, писать воспоминания, фотографировать
дорогое и любимые места, где я жил. Не время для меня, не время и для Вас, как
душевно близкого мне автора.

Мне нужно снова сделать мучительное усилие оторваться от земли, совершить рывок
вперед, схватить новую часть этой зага-дочной темноты: судьбы, будущего. И,
будьте уверены, я это сде-лаю. Потом, когда будет окончена пьеса, можно будет
вздыхнуть и заняться воспоминаниями, комментариями.

Как Вы опрометчивы и неосторожны! Приступать к незна-комым людям с такими

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori сомнительными материями! А если бы эти люди из Марбурга Вам ответили: Как вы его назвали? Б. П.? Никогда не слышали. – Такой ответ огорчил бы Вас⁵. Знакомы ли Вы с Жаком Катто, французским славистом?⁶ Уезжая из Москвы, он написал мне письмо на прекрасном, блестящем русском языке. К сожалению, я не мог ответить до его отъезда. Он прислал мне № 156 (декабрь 1958) «Bulletin critic du livre franeais»^{*} с двумя своими заметками о Докторе и Автобиографии, очень интересными, справедливыми и точными. Мне хотелось бы поблагодарить его от всего сердца. Передайте ему мою искреннюю признательность, если Вам удастся его разыскать.

Его интересовало фантастическое в творчестве Андрея Белого, и он просил написать ему несколько строк. Это тема его научной статьи. Если бы у меня было время, я сказал бы ему примерно следующее.

Я никогда не любил и не понимал (и не верю в ее существование) фантастику, романтику саму по себе, как отдельную область, называемую причудливостью стиля Гофмана, например, или Карло Гоцци. Для меня искусство это наваждение, а художник – одержимый, захваченный действительностью и увлеченный повседневностью, горячее и одухотворенное восприятие которой представляется более фантастичным, чем сказка, именно наличием в ней голой прозы, бытовой, привычной и обыкновенной.

Если можно было бы наделить даром речи дороги, леса, русскую землю второй половины девятнадцатого столетия, – их языком, языком камней, волков и сосен был бы язык Л. Толстого. Если бы зимнее ночное небо большого города, как С. Петербург, покрытое клубами черного и немного фабричного дыма, можно было бы перевести в звуки и значения, – не надо говорить, – Вы сами догадаетесь, – мы бы узнали первые страницы Достоевского.

К1900 году поэтическим, звуковым ключом городской достоверности С. Петербурга (скопления домов и людей, уличного «Критический бюллетень французской книги» (фр.). 554 шума, движения) была поэзия Блока, а для Москвы – проза Андрея Белого. История любви к зимней русской столице, долгий молчаливый роман Блока с большим и таинственным городом, – это не просто существенный момент его биографии. Это ответ всей его жизни на действительность. Душа этого ответа. Существование было плотным, оглушающим и до предела реальным. Надо было отвечать на него восприимчивостью предельного вдохновения. Легендарное и химерическое в его поэзии не было особенностью веры Блока или его убеждений. Необычное рождалось, росло и развивалось, поскольку жизнь превышала привычное. Неправдоподобие возникало вдогонку действительно пережитому.

Таковы же элементы сверхъестественного и мифологического (или космического) в молодой прозе Белого, в его «Симфониях», «Серебряном голубе», «Петербурге» и даже «Котике Ле-таеве». Они были необходимы для изображения действительно-го хаоса Москвы, какой мы ее видели тогда, в годы раннего детства моего поколения. Последние его произведения (как, например, «Маски») кажутся мне мертвыми и схематичными (так же, как стихи Маяковского, начиная с «Мистерии Буфф»). Я не люблю такой вычурной прозы, нахожу, что ее невозможно читать, я ее отрицаю. Надо, наконец, оборвать это бесконечное письмо. Прилагаю к нему письмо от испанского издательства. Не найдется ли кто-нибудь у Вас или в издательстве Галлимара, кто мог бы из материальной заинтересованности сделать требуемые сокращения французского текста не по примеру «содержаний» или «дайджестов» г-на Мато⁷, но как ряд отдельных отрывков (наиболее удачных) в естественном порядке, не нарушая развития повествования. Должно быть, делать это, невыносимо скучно, не завидую тому, кто найдет в себе мужество поднять этот груз, но сначала нужно договориться с людьми из Барселоны об оплате.

Только что я получил Ваши милые подарки, книги (скажите Гулю, что его статья обо мне превосходит своей красотой и глубиной все, на что я надеялся и что заслужил⁸), Камю, коробку конфет. Можно я поцелую Вас за это со всей нежностью, на какую способен? Но лучшее, главное – еще впереди – я не читал еще Вашего письма. (Оно оказалось в конверте с Шопеном⁹.)

Я столько хочу Вам сказать! Если бы только я смог довести до конца пьесу, я изнемогаю под растущим бременем вещей и дел, мешающих работе! Все это (духовные связи с целым миром) пришло так поздно!

Этот год, или лучше сказать, зима 1959–1960, судя по отзывам и дискуссиям, протекает под знаком поэзии и стихов, тогда как прошлый год был занят прозой. Я всегда думал, что появление моих стихов в переводе станет моим литературным концом. Но что меня удивляет, в англоязычном мире их принимают с симпатией и снисхождением.

Один наивный индийский писатель, некий Прафулла, просит меня написать предисловие к Квазимодо¹⁰, которого хочет издать, как в прошлом году хотел издавать меня. Я ничего не ответил, но мог бы подкрепить свой отказ тем, что

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris
ничего не знаю о Квазимодо, гораздо меньше, чем он, по-видимому, знает обо мне. Потому что, когда вокруг меня бушевала буря, Квазимодо, нахо-дившийся в кремлевской больнице, несомненно имел какие-то соображения, чтобы написать полстранички против меня в духе «Правды» и «Литературной газеты» и т. д. Мне показали этот ру-гательный отзыв тогда же в ЦК КПСС как так называемое мне-ние всего Запада, которое должно меня обезоружить. Это не сек-рет, об этом можно рассказывать, если будет нужно. Теперь я могу посмеяться: не только я незаслуженно получил Нобелевскую пре-мию, но и Квазимодо тоже. Вы, конечно, догадываетесь о моей большой дружбе и любви к Вам, которую не в силах скрыть мое несчастное письмо и обод-ранный французский. Но не забывайте о своей опасной сопер-нице. Скажите Элен, что я получил ее записку... от полиморф-ного сверчка. Она обещает написать мне длинное письмо. Пусть не делает этого, ни она, ни Вы. У меня есть некоторое представле-ние о Вашей занятости. Я сам нахожусь в подобном положении. Пишите мне очень, очень редко короткие записки только о делах. Жорж укажет Вам адрес Катто. Шопен последует через две-три недели.

Ваш крест и проклятье Б.

Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956-1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Ж. де Пруайяр прислала Пастернаку список более чем 400печа-ток, найденных в русском издании «Доктора Живаго» у фелътринелли, которые она послала для корректур в Мичиганский университет, но они не были приняты С. Д'Анджело, который контролировал американское издание.

2 Муж Жаклин – Даниэль де Пруайяр.

3 Ж. де Пруайяр 20 нояб. 1959 писала Пастернаку о приглашении в Венецию на Международную конференцию, посвященную 50-летию смер-ти Л. Толстого. «Устроители надеются, – писала она, – что Вам позволят приехать с женой, и для этого в список приглашенных включили федина. Доклад может быть на любую тему, или просто воспоминания, например, о поездке в Астапово» (там же. С. 178). Николай Калининкович Гудзий – профессор Московского университета, семинар которого по Л. Толстому Ж. де Пруайяр посетила осенью 1956 г. В письме 17 янв. 1960 Пастернак рассказывал Ж. де Пруайяр о разговорах вокруг этой конференции среди советских специалистов: «Кроме Родионова (очень милый человек, друг или муж вдовы Пришвина), который тоже не сможет приехать в Ве-нецию, – все остальные странно ведут себя в этом случае, демонстрируя советскую мораль. Бесконечно повторяемая нелепость в силу привычки в конце концов приобретает мнимую видимость смысла. – "Юбилей Т<олстого> в Венеции? Как так? Возможно ли, чтобы кто-нибудь принял в нем участие? Это же внучка Т<олстого>, Т<атьяна> А<льбертини>!" (Как будто это имя отъявленного разбойника или известной развратницы!) В возмещение передайте г-же А<льбертини> мое восхищение. Предполо-жение, что она могла слышать мое имя или как-то осведомлена о моем существовании, переполняет меня естественной и протистельной гор-достью» (там же. С. 182).

4 Тяжесть разрыва дружеских отношений равно тяготила и федина и Пастернака, который с радостью рассказывал К. Чуковскому 23 апр. 1958 г., «что встретился на дорожке у дома с фединым – и пожал руку – и что в самом деле! начать разбирать, этак никому руку подавать невозможно!» (Воспоминания. С. 278). федин принимал участие в организации лечения во время последней болезни Пастернака, хлопотал у главного врача лит-фондовской поликлиники о присылке необходимой аппаратуры (там же. С. 261). По свидетельству лечащего врача, Пастернак с нетерпением ожи-дал федина, чтобы перед смертью проститься с ним (там же. С. 676), но родные федина оберегали его от известий о тяжелом состоянии Пастер-нака и скрыли от него факт его смерти.

5 Ж. де Пруайяр на торжественном заседании в честь дружбы между университетами Пуатье и Марбурга познакомилась с тремя профессора-ми, один из которых делал доклад о русских в Марбурге от Ломоносова до Пастернака.

6 Жак Катто – студент коллежа Сен-Клу, писал работу о фантасти-ческом у Гоголя, Достоевского и Белого.

7 Бельгийский инженер-электрик Анри Мато регулярно пересылал Пастернаку вырезки из бельгийских газет на самые разные темы; сохра-нились 32 таких письма Пастернаку. Весной 1959 г. он сообщал, что хочет выпустить сокращенного Живаго и уже писал по этому поводу Галлимару, который направил его к Ж. де Пруайяр.

8 В числе полученных подарков упоминается статья Романа Гуля «По-беда Пастернака», опубликованная в «Новом журнале», 1958, № 55.

9 Ж. де Пруайяр послала Пастернаку свой перевод статьи о Шо-пене.

10 Сохранились несколько писем с разными предложениями от Прафуллы Чандра Даса, издавшего «Доктора Живаго» в Индии на языке ориа. Переписка завязалась благодаря посредничеству И. Эренбурга. Просьба индийского издателя об отзыве Пастернака на

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori вручение Нобе-левской премии итальянскому поэту Сальваторе Квазимодо осталась не-выполненной. Статья Квазимодо по поводу присуждения Пастернаку Нобелевской премии вызвала, по словам Ж. де Пруайяр, презрение к ее автору тем, что, не зная условий советской реальности, в которых живет Пастернак, нельзя представить себе последствий исключения его из Со-юза писателей. Вкус к мелодраме заставляет хотеть, чтобы Пастернака со-слали в Сибирь, и вызывает разочарование, что он живет у себя дома и получает много денег из разных издательств, как это было бы здесь («Но-вый мир», 1992, № 1. С. 182).

1643. Е. Д. РОМАНОВОЙ

23 декабря 1959, Переделкино

23 дек. 1959

Сердечно благодарю Вас, дорогая Елена Дмитриевна, за Ваши чудесные размышления о романе1. При любой степени скром-ности Вы не можете не знать, как богат мыслями и прекрасно на-писан Ваш разбор. Дороже всего мне Ваше знание того, на чем Гоголь с ума сошел или чем измучился: того, чем может быть на-стоящая художественная проза, какое это волшебное искусство, на границе алхимии. Пока живы были русские богатыри-писате-ли, и русское читающее общество сохраняло чутье прозы, ее пре-лести и ее тайн. Теперь это совершенно утрачено, и мне удиви-тельно было встретить в Вас признаки этого понимания не по от-ношению к себе, а в виде общих и незатронутых задатков Вашего вкуса. «Veai comme la prose»* – говорил Карамзин о настоящей поэзии, может быть, о молодой пушкинской, когда желал похва-лить ее2.

* «Прекрасно, как проза» (фр.). 558

Я обрываю письмо не вследствие скудости чувства, а потому, что я совершенно не знаю досуга под тяжестью наваливающихся дел, работ, забот и иностранной переписки, на какую-то долю ко-торой я отвечаю по тем же побуждениям, как Вам, то есть когда отвечать заставляют не лица, писавшие мне, не правила вежливо-сти, не наперед предрешенная и естественная признательность, но сами письма, одухотворенные, содержательные, вызывающие восторг и удивление.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Борис Пастернак. Доктор Живаго. Избранные письма. – Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по машин, копии, предоставленной адресатом. Елена Дмитриевна Романова – литературовед и библиограф, в дни травли Пастернака в связи с присуждением Нобелевской премии послала ему письмо: «У меня не теперь возникло желание писать Вам... но меня всегда удерживала какая-то неловкость... Теперь же в эти дни, я наоборот, чувствую долг и обязанность писать Вам, быть с Вами, хоть чем-то про-явить себя на Вашей стороне» (Материалы ГМГЛ. С. 39).

1 Е. Романова прислала Пастернаку свою статью о «Докторе Жива-го». Ее центральной темой стали три женщины Юрия Живаго. Антонина Цюмекко – олицетворение уклада, внутреннего порядка и преемственности жизни, не ее вина, что ее достоинства ставятся под вопрос историческими катаклизмами, но она ждет, как Пенелопа и сама Россия, нормализации и очеловечивания жизни. Лариса Антипова – силой страсти сродни рево-люционной стихии, она помогает герою вынести боль одиночества и отыс-кать новый поэтический язык, соответствующий времени. Марина Щапо-ва – дочь дворника, не сопоставимая по человеческим меркам с предыду-щими, но в своей отзывчивости и внутреннем благородстве – прибежище героя в последнем унижении и страдании. «Смягчи последней лаской жен-скою / Мне горечь рокового часа» («Август»). (Благодарим Е. Б. Рашков-ского за восстановление по памяти текста статьи Романовой, теперь не-доступной нам.)

2 Имеется в виду статья П. А. Вяземского «Стихотворения Карамзи-на», в которой он писал: «Помню, как он однажды вошел в мою комнату и застал меня за чтением Бюргеровой баллады: "Des Pfarrers Tochter" ("Дочь священника". – нем.). Он взял у меня книгу из рук и напал на куплет <...> Прочитав это, сказал он: вот как надобно писать стихи. Можно подумать, что он держался известного выражения: "C'est beau comme de la prose". Он требовал, чтобы все сказано было в обрз и с буквальной точностью» (П. А. Вяземский. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., «Художественная литература», 1982, С. 220). По предположению М. И. Шапира, Пастернак запомнил эти слова по книге Ю. Н. Тынянова «Архаисты и новаторы», где он соотносит отзыв Карамзина с XXV строфой «Евгения Онегина» («Пушкин и его современники». М., «Художественная литература», 1968).

1644. М. А. МАРКОВОЙ

25 декабря 1959, Переделкино

25 дек. 1959

Дорогая Машура, я писем от тебя не получал. Желаю тебе выздороветь поскорее, у меня два-три раза случался плексит, один раз длившийся полтора года, я носил руку на перевязи и научился писать левой рукой. Я знаю, какая это жестокая, мучительная бо-лезнь. Хотя ты действительно ни о чем другом не заикаешься, я опять pošлю тебе немного денег, но это будет не раньше середи-ны или конца

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
февраля1. Я страшно занят, но по-другому эта жизнь сложиться не могла. Итак, еще
раз, выздоравливай поскорее.

Твой Боря

Впервые. – Автограф (собр. А. В. Курсина).

1 М. А. Маркова не дожидая до этого времени, в начале января Пастернак получил от ее дочери Людмилы Ивановны Марковой известие о смерти матери и 11 янв. 1960 писал ей: «Страшно огорчен известием о смерти Вашей мамы, дорогая Милочка (как Вас – Людмила или Милица Ивановна?). Также не знал, как сформулировать Ваш адрес. Сколько болезненней на нее бедную перед концом свалилось. Наверное, ничего нельзя было изменить и нечем было помочь. Последних писем ее я действительно не получал, а то бы написал ей. Ведь я ей отвечал по мере возможности, как Вы, наверное, знаете. Меня не оставляла надежда, что она как-нибудь вывернется из этих испытаний и я когда-нибудь ее увижу. Но этому не суждено было сбыться, – что делать. Желаю Вам поскорее оправиться и прийти в себя от этого удара. Ваш Б. Пастернак» (там же).

1645. Е. М. ТРЕТЬЯКОВОЙ

6 января 1960, Переделкино

6 янв. 1960

Свою благодарность за Ваше письмо, милая Евгения Михайловна, шлю и выражаю Вам по случайности в старый сочельник и, по-видимому, в день Вашего ангела1. Вы меня тронули сообщением о людях, для которых моя жизнь не пропала без пользы. Но их так немного. Не утешайте меня. Отечественной судьбы моей никогда не поправить, да я этого и не жажду. Так прирожденно чужды и непонятны мне эти средние горожане, которым так понравилось, что от них ничего не требуется, кроме бесплодного послушания, ничего нового, неслыханного, неоткрытого, никакого риска и страдания. Бог с ними, нам не по дороге.

Ваша сестра Нат<алья> Мих<айловна>, если ей случалось на это наткаться, наверно больше знает обо мне, чем Вы и я. И ведь дело тут не в тщеславии, не в количестве изданий или в признании, а в живой душевной связи с миром, которая может быть движущей, производительной, перекрестно обогащающей и от которой я не откажусь, хоть бы это мне стоило жизни. Жив ли Ваш младший брат? Помните, он присутствовал в комнате на Ильинке (что это было такое? Что-то вроде гостиницы или общежития)2.

Мне страшно некогда сейчас. Может случиться, что я не сразу отвечу Вам или Нине Михайловне, если Вы мне когда-нибудь еще напишете. Но в Вас и <в н>ей я ценю и наверное угадываю два свежих, внутренне независимых, никакой устроенностью или служебной удачей не испорченных существования и, в этом смысле, что-то близкое. Кланяйтесь ей.

Впервые: Борис Пастернак. Доктор Живаго. Избранные письма. – Автограф.

Евгения Михайловна Третьякова – сестра поэта С. М. Третьякова.

1 6 января (24 декабря по ст. стилю) – Рождественский сочельник и день преподобномученицы Евгении.

2 Пастернак вспоминает свое посещение семейства Третьяковых в 1910-х гг. О живущей в Париже сестре Наталье и брате Вячеславе см. письмо No 1637.

1646. В. ФОСТИ

8 января 1960, Переделкино

8 января 1960

Дорогая моя Вера Фости, было бы бессмысленно с моей стороны отвечать Вам по-французски на Ваше, дышащее такой добротой и естественностью, глубокое драгоценное русское письмо. Благодарю Вас за чудесные стихи.

Se pas, dont vous ecrivez: «Fais un pas, un seul u ma rencontre*1, – se pas-la j'ai fait deja. Je vais faire un autre, et c'est la-dessus que je me tourmente tant depuis peu\

Примирения, которого Вы мне желаете, наверное, никогда не будет, и оно невозможно2. Это брак поневоле, в котором взаимное отчуждение только будет возрастать. Но это меня давно перестало трогать, я разучился замечать эту подробность существования.

Источник моего страдания другой. Это то недовольство собой, которое преследовало уже столько до меня и меня самого в молодости и еще недавно и которое заставляет до сумасшествия кромсать и переделывать написанное за каждую новую значительной работой3. А моя ответственность перед собой, перед Вами только возросла после всего случившегося, после сочувствия и доверия, которое мне так тепло высказало столько людей везде на свете.

Вы меня спрашиваете о пьесе. О ее содержании и будущей судьбе еще рано говорить, да и некоторые сведения уже проскользнули в западную печать слишком преждевременно4. Но это о ней я говорю, когда жалуясь выше на то, как медленно продвигается вперед работа и в какое отчаяние зачастую приводит меня рукопись мертвую скукой черногого текста.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris Шаг, о котором Вы пишете: «Сделай шаг, единственный мне навстречу», – этот шаг я уже сделал. Я сделаю и следующий, и именно поэтому я так терзаю себя с не-давнего времени (фр.).

Благодарю Вас за Ваши лестное внимание, за статью и выс-тупления. Чем больше я об этом узнаю, тем мне совестнее, что Ваше признание меня обогнало и оставило далеко позади, что у меня не хватает сил, решительности и умения рвануться вперед и новою намеченной работой поравняться с Вами и оправдать Ваши добрые слова и мысли. Скажите Mr Mathot, чтобы он про-стил мне мое молчание. Я чудовищно занят множеством посто-роннего и мешающего моей работе. Я горячо и сердечно благо-дарю его за присылку вырезок из «Le Soir» с удивительными, ве-ликолепными статьями о Чехове Andre Maurois. Но в конверте оказались только главы IV и V. Если он вложил и предшествую-щие, то они выпали на почте из лопнувшего конверта и пропа-ли. Очень глубокое понимание Чехова, страшно близкое мне. Скажите Mathot, что он – прелесть и что я не заслуживаю его дружбы5. Ваш Б. Пастернак

Впервые: Диалог писателей. – Автограф (собр. адресата). Печатает-ся по ксерокопии, присланной Верой Фости Л. Л. Слейтер.

Вера Фости – писательница и поэтесса русского происхождения. Автор трех опубликованных романов; в газ. «Le Soir» она вела рубрику русской литературы, читала лекции. Переводчица поэзии Пастернака. Сохранились три письма от нее, последнее, полное тревоги за его здо-ровье, пришло уже после его смерти. Первое письмо В. Фости послала 30 янв. 1959 г., сопроводив своей статьей «Настоящий Пастернак» (Revue generate beige. 1959. Janv.). Пастернак ответил ей: «Дорогая мадам Фос-ти, приношу Вам свои благодарности и восхищение Вашим письмом и прекрасной статьей, которой Вы великодушно и выше всякой меры оказали мне честь. Кроме лестных слов и преувеличений, эта статья об-наруживает такое понимание и такую способность видеть и живопи-сать целые исторические главы, жизни и судьбы большими широкими картинами, одаренными великолепной целостностью и захватывающим содержанием, что я склоняюсь перед силой Вашего таланта почти так же, как обычно склоняюсь перед духом самой жизни. Я хотел бы Вам сказать еще много и в особенности пожелать всего самого хорошего, что только можно себе представить, но обрываю письмо, опасаясь, что затягивая его, подвергаю его опасности остаться неоконченным и не-отправленным. Я не подписываю его, чтобы оно более надежно дошло до Вас» (там же. С. 547).

1 Цитата взята из стих. Веры Фости, обращенного к Пастернаку («Роиг Boris Pasternak»), которое было приложено к ее письму 20 дек. 1959. Фости благодарила Пастернака за своевременно полученный ответ, но, щадя его время и боясь повредить ему, не решилась тогда же написать ему.

2 Фости писала, что надеется на примирение Пастернака с Союзом писателей.

3 «Вы мне пишете, что очень страдаете от недовольства собой, – от-вечала В. Фости в письме 23 мая 1960, которое Пастернак уже не успел получить. – Все большие создатели рвались, как Вы, все дальше и выше. Но не знаю, понимаете ли Вы – и думаю, что если бы Вы это полностью осознали, то Ваше страданье успокоилось бы – насколько важно и вели-ко то, что Вы дали человечеству» (там же. С. 549).

4 Фости писала Пастернаку, что на следующей неделе в газ. «Le Soir» выйдет ее небольшая статья о Пастернаке, о его работе «над драмой о крепостных и над переводом с испанского». Она спрашивала также о названии драмы и о том, будет ли она напечатана и где ее будут играть (там же).

5 «Старик из Анвера, – писал Пастернак 8 апр. 1959 ж. де Пруай-яр, – господин Анри Мато держит меня в курсе жизни всей Бельгии. Очень трогательно получать от него письма почти каждый день. И так ли велик мой грех, что я отвечаю ему лишь на каждое пятнадцатое? <...> (он инже-нер-электрик, ему 83 года)... Это человек неограниченного досуга и неис-тощимой энергии» («Новый мир», 1992, № 1. С. 163). В данном случае Мато прислал пять глав биографии Чехова («La vie, Tart et la philosophic d'Anton Tchekov»), написанной Андре Моруа (опубликованы со 2 по 7 дек. 1959 в газ. «Le Soir»). Вероятно, поэтому, главы 1–3, на отсутствие которых жа-луется Пастернак, пришли позднее.

1647. Б. В. БАЖАНОВУ

11 января 1960, Переделкино

Пянв. 1960

Вы – молодец, дорогой Борис Васильевич, что так думаете и пишете! Не бойтесь за меня. Никогда ни от чего мне не придется отречься, никогда никакого посредника между мною и веч-ностью того или другого рода не будет в моем кругу, хотя, конеч-но, многие вызывались!1

Я здоров и сердечно благодарю Вас за внимание. Очень хочу написать новую вещь, в прозе, драматическую. Занят ею, когда позволяют обстоятельства. Мешает большая, частью увлекатель-ная, заграничная переписка.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Очень, очень тронут. От души Вам всего лучшего.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф

1 О Б. В. Бажанове см. письмо № 1596. В январе 1960 г. до него дошли слухи, «что Бор. Пастернак болен, скорбит об истории с "Д-м Жи-ваго", признает себя виновным». Бажанов написал ему, убеждая его «не делать этого!», потому что читатели восхищаются его стойкостью.

1648. А. ЧАКРАВАРТИ

12 января 1960, Переделкино

12 января 1960

Дорогой м-р Чакраварти,

Вы осыпали меня знаками своего расположения, письмами и подарками¹.

Пожалуйста, приезжайте к нам в Переделкино в любой из под-ходящих для Вас дней, к двум или трем часам. Если этот пред-полагаемый день придется на воскресенье (14/н или 21/11), позвольте просить Вас о любезности пообедать с нами. И нельзя ли было бы заблаговременно известить меня телеграммой о вы-бранном Вами дне?

(Между прочим, я думаю, что среди духовных мыслителей нашего времени близким мне окажется Пьер Тейяр де Шарден. Разве мы не говорили с Вами о нем? Его книги стоят у меня на полке². Я уже чувствую какую-то склонность к нему и общее пред-ставление, но еще не было времени для основательного чтения.)

Самое главное и высокое – это реально и независимо про-житая жизнь, полностью воплотившаяся в сосредоточенность надолго остающихся открытий, в редкостной и зримой новизне науки и искусства, выражающей вечную, длящуюся века новизну самой жизни, – каждой жизни, – повсюду и всегда.

Эта личная, современная, не обусловленная правилами геро-ическая черта отличает облик г-на Неру³, что для меня самое дра-гоценное и – не боюсь показаться нескромным – родственное (или конгениальное?). Говорить о его понимании духовного как более реального, чем личная причуда или милость, стало общим местом*. И это те же черты, которые характеризуют божественные имена нашей литературы – Пушкина и Чехова.

Неужели я с теми, кто признает высшую необходимость доб-ра, умения примирять разные мнения, единства людей в общей любви к Богу и взаимопонимания, ведущего к миру? Все это са-моочевидные и повелительные истины... Такие люди, как Л. Тол-стой или Ганди, Ром. Роллан или Альб. Швейцер, – выше меня на голову⁵.

Эта фигура истинно поэтической жизни, что выражено в его книгах, например, в том, что он говорит о вивека-нанде (простите, если я искажаю написание этого име-ни⁴). (Прим. Б. Пастернака.)

Я не люблю общих и неопределенных, пустых нравоучений. Реальные дела милосердия кое-что значат для меня, но дела ге-ния – для меня всё.

Меня растрогали Ваши строчки из Тагора (о жизни и флейте) в новогодней открыткеб.

Ваш Б. Пастернак

Письмо не перечитываю. Оно полно ошибок, но Вы навер-ное уловите смысл в темноте.

Впервые: «Teihard Review and Journal of Creative Evolution*. London, 1986. v. 21, № 3 (отрывки). – «Вопросы философии», 1990, № 8. – Авто-граф по-англ. (собр. адресата).

Амиия Чакраварти – бенгальский поэт и публицист, секретарь Ра-биндраната Тагора, профессор Бостонского университета. Сохранились три письма Пастернака к нему, частично публиковавшиеся в журн. «Christian Century* (Чикаго) и «Indian Literature* (Дели).

1 В числе подарков была книга: Rabindranath Tagore. Fireflies. The Macmillan Co, 1957, с надписью: «Boris Pasternak with warm regards. Amiya Chakravarty, 1959» («Борису Пастернаку с теплыми чувствами»). Чакраварти приезжал в Переделкино 28 дек. 1959 г.; по его словам, Пастернак говорил с ним о близости смерти, ожидание которой он не мог бы вынести, если бы «не открыл для себя Иисуса Христа. ...Он пришел ко мне» (там же. С. 160).

2 Книги французского религиозного философа Тейяра де Шардена были подарены Пастернаку Ж. де Пруайяр: «Le phenomene humain». Paris, Seuil, 1955 («Феномен человека») и «Le Milieu Divin». Paris, Seil, 1957 («Божественная Среда») с надписью: «"Sic deus dilexit mundium" pour ceux qui aiment le monde. A Tun de seux la. Jacqueline. Paris. 1959» («"Так Бог воз-любил мир" во имя тех, кто любит мир. Одному из них»).

3 Пастернак знал, что прямое обращение Джавахарлала Неру к Хру-щеву остановило травлю, развязанную после присуждения ему Нобелев-ской премии. В письме к Чакраварти 15 сент. 1959 Пастернак писал: «Я кланяюсь ему в ноги в знак своей огромной благодарности» (там же. С. 163). Вскоре Пастернак получил от Неру надписанную им фотографию.

4 Свами Вивекананда – индийский религиозный деятель, на учение которого опирался Ганди в освободительном движении Индии. Дж. Неру в книге «Открытие Индии» (М., 1955) многократно ссылается на него.

5 Эти слова продолжают разговор с Чакраварти и отказ Пастернака подписываться под «самоочевидными истинами»; об этом же он писал Ж. де Пруайяр 17 янв. 1960: «Меня посетил один профессор индийской философии из Бостона. У меня не хватило сил отказать ему в автографах для разных лиц, – банальностях, написанных почти под его диктовку, например, что весь мир должен объединиться в любви к Богу или что я питаю желание посетить когда-нибудь Индию и т. д. Внезапно я взбунтовался против гипнотизирующего действия общих мест. "Я полная противоположность тому, что вы заставляете меня писать. Я не моралист, не при-миритель, не филантроп, может быть, я даже безнравственный и не гуман-ный человек. Дела милосердия много значат для меня, но дела гения больше, если не все", – сказал я ему на своем плохом английском. Я это рассказываю Вам, чтобы отметить, что из всех современных теологов-мо-ралистов, вроде Альб. Швейцера, например, из всех этих прекрасных душ (действительно прекрасных), самый значительный, близкий и родной для меня – Пьер Тейяр де Шарден, чьи книги я получил от Вас больше года тому назад» («Новый мир», 1992, № 1. С. 182).

6 В своей рождественской открытке Чакраварти цитировал слова Ра-биндраната Тагора из поэмы «Гитанджали» (№ 7): «Позволь мне сделать свою жизнь простой и прямой, как тростниковая флейта, чтобы Ты на-полнил ее Твоей музыкой» (там же. С. 161).

1649. Т.-С. ЭЛИОТУ

14 января 1960, Переделкино

14 января 1960

Дорогой господин Элиот,

Несмотря на то, что я многих просил передать Вам благодар-ность, многолетнее восхищение и просьбу простить мне времен-ное молчание¹, пока не будет окончен черновик пьесы и я не по-зволю себе взяться за большое письмо к Вам, – предмет чистой радости для меня и чести, – несмотря на то, что кто-то из них дол-жен был рассказать Вам о моих чувствах и передать извинения, – я не найду покоя, пока в нескольких словах сам не выскажу свою любовь, уважение и дружеские чувства. Необоснованные сближения, которые иногда делались меж-ду Вашим искусством и моими слабыми ранними опытами, были для меня неизменно лестны, хотя в их основе лежала ошибка. Бо-юсь, что эти сближения удивляли Вас, чтобы не сказать – шоки-ровали и раздражали.

Наш век не был обделен новыми крупными писателями, поэта-ми и художниками. Но гораздо значительнее то, что Вы оказались способны и согласились стать выражением эпохи, ее определяю-щей сущности и особой новизны быстро бегущего времени.

Вот, например, Т. Манн – величайший голос Германии и Европы на рубеже веков, – он один удостоился чести понять и передать очарование недавнего прошлого, воздать благодарность озарениям девятнадцатого столетия и попроситься с ним. Он бли-же всех подошел к тому, чтобы приветствовать изменения и ново-введения нашего времени, чтобы обличить, оплакать и заклеить его преступления, судить и оправдать его. Надо следовать его нрав-ственным положениям, его окрыленной и возвышенной мысли.

Но его искусство не покоряет меня. В нем нет сконцентриро-ванного воплощения поражающей новизны реальной жизни и осязаемой сути того, что было пережито и увидено, выстрадано и преодолено. Он слишком облегчал себе писание книг. Из пяти или более подходящих прилагательных в своем тексте он ни разу не пожертвовал четырьмя и не вычеркнул их, чтобы оставить един-ственное – необходимое. Мука отбора и сокращений была не обя-зательной для него. Его романы по большей части, на мой скром-ный взгляд, лишь расцвеченные статьи и очерки, публикации дневников и заметок значительной личности.

В нем было достаточно глубины и чувства, чтобы, к примеру, распознать гений Рих. Вагнера, божественную сущность этого высокого прошлого, так же, как это распознал Обри Бердслей. Потому что Р. Вагнер> действительно был одной из главных со-ставляющих того времени, основанием, почвой и химическим эле-ментом нашего (моего и Вашего) детского подражания божествен-ной тайне железных дорог, поездов, путешествий, разнообразия языков и больших городов, проникновения в недавно появившу-юся особую сущность природы в современном городском окру-жении. Вагнер несомненно был бессмертной основой скрытого замысла и громким отзвуком всех этих перемещающихся жизней, скорых поездов и открытий.

Но почему ничего подобного Вагнеру нет в самом Т. Манне, ничего от того осязаемого волшебства или алхимии, когда произ-ведение искусства кажется не рассуждением о жизни или ее опи-санием, а случайно выломанным куском самой плотности бытия, формообразующей сути существования.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
и как естественно было найти на поверхности Ваших стихов
Frisch weht der wind Der Heimat zu. Mein irisch kind woweilestdu?-*2
которые несет вдаль поток современного поэтического вдохнове-ния, подобный
настоящей большой реке, увлекающей в своем те-чении всевозможные предметы –
приметы времени.

Дует свежий ветер в сторону моей родины. Где ты, мой ирландский мальчик? (нем.)
Не теряйте времени на ответ мне. Я попытаюсь узнать, дошло ли до Вас мое письмо,
не беспокоя Вас. Скажите г-ну Ст. Спендеру (по отношению к которому мой долг и
смущение также велики, как перед Вами), пусть до того, как отдавать в печать мою
статью о Шопене, он покажет ее г-же Жаклин де Пруайяр, Rue Fresnel, Paris XVI. В
феврале к ней вернется рукопись ее французского перевода. Думаю, что к этому
времени я его просмотрю. Во всяком случае скажите ему, что в русском тексте есть
ошибки. Я ошибочно сум-мировал номера этюдов обеих нотных тетрадей (из ор. 10 и
ор. 25). Поэтому у меня получилась неверная нумерация и то, что я назы-ваю
восемнадцатым этюдом (12+6) в действительности шестой этюд второй тетради
(по-моему, ор. 25, если я правильно помню)3.

Не сердитесь на длинное и пустое письмо и на дерзость пи-сать Вам по-английски.
Но по-французски или по-немецки у меня вышло бы не лучше.

Смешная и смущающая невнятица моих стихов по-англий-ски (если Вы или кто-нибудь
еще имели несчастье увидеть их) должна была удивить Вас и Спендера и стать
испытанием Вашего терпения. Несправедливо винить переводчиков в этой неудаче.
Смешение стиля – мой собственный случай, это неудачное след-ствие не какого-то
внешнего воздействия, но внутренней чуткости и податливости влиянию великих и
потаенных исторических сил.

2>. Пастернак, преданно и с почтительным восхищением.

Смерть Альбера Камю – глубокая утрата для меня. Как я на-деялся когда-нибудь
встретиться и познакомиться с ним!4

Впервые: газ. «Quarto», № 61980, May. – Автограф по-англ. (собр. адресата).

1 Т.-С. Элиот через Ст. Спендера послал Пастернаку слова приветия и свои книги:
«The elder statesman*», «Poems», «Four Quartets*», ^Collected poems*, страницы
которых содержат пометы Пастернака.

2 Песня матроса, открывающая оперу Вагнера «Тристан и Изольда».

3 Ст. Спендер предполагал опубликовать статью о Шопене в своем журнале
«Епсопег». Ж. де Пруайяр перевела эту статью на французский, причем исправила
нумерацию этюдов Шопена, считая авторскую оши-бочной. Но в действительности
сквозная нумерация, которую Ж. де Пруайяр считала обязательной, применяется
наравне с делением на две тетради, по 12 этюдов в каждой, как у Пастернака.

4 Ж. де Пруайяр 8 янв. 1960 сообщила Пастернаку о смерти А. Камю в автомобильной
катастрофе: «...Бедный Камю, он ненавидел быструю езду и всегда ездил из деревни
в Париж на поезде». Она выразила соболезнова-ние его вдове от имени Пастернака.
17 янв. Пастернак отвечал ей: «Пишу на грани слез. Спасибо за все. За то, что Вы
тактично позаботились упомя-нуть меня в письме с соболезнованиями г-же Камю.
Спасибо, мой милый ангел. Это очень тяжелая потеря для меня, крушение одной из
самых свет-лых надежд. Я мечтал, что когда-нибудь смогу познакомиться с ним в
Париже» («Новый мир», 1992, № 1. С. 182).

1650. Л. Л. СЛЕЙТЕР

24 января 1960, Переделкино

24 янв. 1960

Моя дорогая, я думаю, что Жорж1 должен был тебе написать о своих частых приездах
в соседнюю деревню, о своей жизни там в течение дней и недель, нашей встрече с
ним у О. В. И<винской>, которая снимает комнату в той же деревне. Они с Ириной
боль-шие друзья. Мне кажется, что он сделал или скоро сделает ей пред-ложение.
Вот ее фотография на участке около этого дома.

Ш<ура> привез ламперсов к нам2. Они очень милые люди. Из твоих карточек
замечательна та, где вы с Н<ива> у тебя в гос-тиной, а также четверо твоих детей
за чаем на П<ьяццале> Ромо.

Знаешь ли ты, как после того, что вышли переводы Кайдена и Риви, я в письмах
Курту Вольфу и самому Кайдену косвенно расхваливал твои?3

Но самое важное то, чтобы я продвигался в работе быстрее, чем сейчас, чтобы мог
ее когда-нибудь довести до конца. Она про-двигается так безнадежно медленно!
Неисправимая беда в том, что помехи так соблазнительны: приятны льстящие
самолюбью пись-ма, глубокие совместные обсуждения бездонных и неохватных, как
мир, вопросов и тому подобное. Но у меня в рукописи уже по-явился росток
реальности, и нет ничего в мире, что могло бы на-долго удержать меня от того,
чтобы росло и прибавлялось начало этого задуманного существования. Изо всех сил
я буду помогать ему. Все остальное в порядке. Привет и благодарность за твои
ми-лые подарки от всех, кто их получил.

Не ищите (ты, Ж<оня> и Ф<едя>) причин моему молчанию и пишите мне всякий раз,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori как будет время.

Не упоминай о фотографии, когда будешь отвечать по моему домашнему адресу. Я забочусь о том, чтобы в доме были мир и со-гласие, и ты об этом не беспокойся. Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф по-англ. (Pasternak Trust, Oxford).

1 По просьбе Пастернака, Жорж Нива 7 янв. написал большое пись-мо Л. Л. Слейтер о его работе над пьесой, встречах с ним в гостях у О. Ивин-ской и о своей жизни в Переделкине.

2 Друзья Л. Л. Слейтер, приезжавшие в Москву с письмом и фотогра-фиями ее путешествия в Италию с детьми.

3 В письмах № 1639, 1640 Пастернак противопоставлял водянистость и неопределенность переводов Кайдена силе лирического порыва, пере-данного Лидией Слейтер, сохранившей ритм и рифму его стихов.

1651. Н. ТАБИДЗЕ

24 января 1960, Переделкино

24 янв. 1960

Дорогая Нина, послезавтра Ваши именины¹. Мы Вас поздра-вили телеграммой. Я хотел Вам написать до Вашего письма. Сей-час его привез из города Леня. Оно нас расстроило и огорчило глав-ным образом тем, что Вы опять слегли, потому что все остальное не только глупости, но и сами Вы прекрасно знаете, что это со-вершенные бредни. Зачем Вы пугаете меня тем, что даже если Вы приедете в Москву, Вы не будете нас беспокоить? Вам кажется, что моя жизнь слишком проста, и Вы решили, что усложнить ее надо также и Вам, чтобы она стала интереснее? Плохо то, что Вы опять слегли и это очень грустно. У Зины было много предположений приехать к Вам, то с Леной, то еще с кем-нибудь, например с Линой Ивановной Прокофьевой². Но эти планы каждый раз менялись и отменялись, отчасти из-за Лени-ных занятий и экзаменов, отчасти из нежелания Вас затруднить и растревожить во время Вашей болезни.

Но главное, повторяю, очень печально, что Вы опять забеле-ли. Требуется ли напоминать, что помимо общих доводов, по ко-торым лучше не болеть, а быть здоровой, и помимо Ваших семей-ных причин, по которым Вам болеть нельзя, Вам надо еще потому поскорее выздороветь и бодрее взглянуть на вещи, что Вы еще долго будете дороги и нужны лично нам³.

Очень жалко, что Этери⁴ не догадалась просто приехать к нам в Переделкино. Вы знаете, как непостоянна наша связь между го-родом и дачей. О чем-нибудь узнаешь, когда это уже поздно и люди уехали. Я однажды обещал, и повторяю. Если бы кто-нибудь из нас, Зина или Леня собрались к Вам, я за несколько дней до их отъезда приготовил бы переводы для Георгия Николаевича⁵.

Теперь я Вам скажу что-то, и Вы решите: ах, значит было все-таки что-то, и как я была права в своем письме, об охлаждении и прочем и прочем. Видит Бог, Вы будете в этом случае слепы и не-справедливы ко мнеб.

Я Вас хотел просить совершенно забыть о существовании О<льги> В<севолодовны> (это так нетрудно!) и не только не заво-дить разговоров о ней, но и не поддерживать их, а сейчас же откло-нять, когда их с Вами заводят другие. Это прежде всего нужно в от-ношении Зины и ее покоя, так как всякое возобновление этой темы бередит ее печаль. Но кроме того Вы неосторожны и в отношении самой себя. В обществе Вас (и может быть даже не Вы сами) мечут громы и молнии по адресу О. В., а потом эти же люди, приехав в Москву, прямо едут к ней и привозят эти громы и молнии к О. В. и клеветуют на Вас, чтобы завоевать ее дружбу и заискивают перед ней.

Очень больно, – но для меня не такое уже горе, я с этим про-живу, что, кроме людей очень тесно и подробно посвященных в обстоятельства последних двух-трех лет, никто из друзей и близ-ких собственно не понимает, что во мне главное, и чем я живу и для чего существую. Это оттого, что времени, которое мы по при-вычке продолжаем считать нашим, современным, давно нет. Оно кончилось, его оторвало, как льдину от берега и унесло в море со всеми привычками и учреждениями и знакомыми.

Но вернемся к моей просьбе. Как Вы ни осторожны, надо быть еще осторожнее. Если Вы желаете мне добра и хотите быть моим другом, если Вы любите Зину, исключите это имя, которого ведь я не навязываю ни Вам, ни кому-нибудь еще, совершенно из своего словаря.

Нам послали замечательную телеграмму Гудиашвили. Чем она была вызвана? Что они узнали?⁷

Ваш Б.

Впервые: «Дружба народов», 1966, № 7. – Автограф (ГМГЛ, №021914, 24).

127 января по новому стилю – день святой равноапостольной Нины, просветительницы Грузии.

2 Л. И. Прокофьева – первая жена композитора Сергея Прокофьева.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

3 Через некоторое время после письма Пастернак послал Н. Табидзе телеграмму:

«Беспокоимся телеграфируйте здоровье Переделкино. Целуем. Боря».

4 Этери Какабадзе – жена художника Давида Какабадзе, приезжала в Москву.

5 в 1959–1960 гг. Пастернак перевел 8 новых стих. Георгия Леонидзе.

6 Размолвка была полностью забыта, когда через несколько месяцев Пастернак заболел. Н. Табидзе, несмотря на собственные недомогания, сразу же приехала в Переделкино и самоотверженно ухаживала за ним. Она вспо-минала, какой нежностью были окрашены их последние разговоры.

7 На следующий день Пастернак спрашивал об этой телеграмме Чу-куртму Гудиашвили: «Почему папа и мама наговорили мне в телеграмме столько трогательного и лестного? Что случилось у Вас дома или что они узнали? Если у Вас есть время, сделайте мне большую услугу, сходите к Нине Александровне Табидзе, но не раскрывайте ей, что Вы это делаете по моей просьбе. Узнайте, как ее здоровье. Пусть Ал. Ник. (Андриадзе. – Е. И, М. Р.) скажет Вам правду, что с ней. Потом заведите разговор, вот на какую тему. Нина Ал. вообразила, что я раздружился с ней, что по какой-то причине я стал к ней относиться хуже и холоднее. Это невозможно, этого никогда не будет. Если со своей точки зрения она и вправде этого опасать-ся, то есть, если сознает, что своим косвенным вмешательством в некото-рые стороны моей жизни, в которые она не должна была бы вмешиваться (потому что не имеет о них понятия), она затрудняет мои обстоятельства, и без того не всегда простые, то все равно она меня может быть очень огор-чит, очень повредит мне, но меня против себя не восстановит. Меня печалит ее предположение, о котором она мне пишет, будто я отказался от своей долгой и постоянной преданности ей и благодарности за ее долгую друж-бу. Надо избавить ее от этой ложной мысли. Зачем она думает, что моя жизнь не удалась и мою судьбу следовало бы исправить с помощью ее и некоторых старых знакомых» («Литературная Грузия», 1980, № 2. С. 39).

1652. М. К. БАРАНОВИЧ

25 января 1960, Переделкино

25 янв. 1960

Дорогая Марина Казимировна, поздравляю Вас с рождением внука¹. Как Вы растрогали меня присылкой этих строк о «Фаусте» из моего письма к Вам². Разумеется, я не только забыл их и не уз-нал, не оживил в памяти, прочитав в Вашей выдержке, но не пом-ню обстоятельств их написания. Спасибо за поддержку, за внуше-ние веры, что когда-то думалось и говорилось что-то путное.

Вот опять я падаю духом и хочу невозможного и мучаюсь, как двенадцать или тринадцать лет тому назад, когда Вы были свиде-тельница и участницей этих мучений. Но опять надо устоять и всего добиться. Обнимаю Вас.

Ваш Б. И

Впервые: Собр. соч. Т. 5. – Автограф (Hoover Institution Archives* Stanford).

1 Константин Поливанов.

2 «Вчера в первый день Рождества у меня родился внук, – писала Баранович 29 дек. 1959. – Сегодня мне захотелось прочитать Ваше пись-мо, в котором Вы поздравляли нас с рождением Маришки, которой уже седьмой год и которое я давно хотела частично переписать, потому что оно в основном посвящено Фаусту – Вы в те дни – июль-август 1953 – кончали переделку своего перевода» (Переписка Б. Пастернака с М. Ба-ранович. С. 77). Имеется в виду письмо № 1231.

1653. Г. Г. СУПЕРФИНУ

27 января 1960, Переделкино

27 янв. 1960

Благодарю Вас, Гарик Суперфин, Вы написали мне милое, полное непосредственности, живое письмо¹ (хотя и очень неров-ным почерком, который надо выровнять и улучшить).

Желаю Вам, чтобы в более важных случаях жизни Вы находи-ли такое же полное и соответственное выражение своим чувствам и мыслям, и они приводили бы Вас к такой же удаче, как со мною.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф.

Габриэль Гаврилович Суперфин – студент, впоследствии историк литературы, диссидент, в настоящее время живет в Германии.

1 Письмо было написано под впечатлением встречи с Пастернаком в Переделкине, во время которой Пастернак надписал ему машин, перво-нач. варианта стих. «Упрек не успел потускнеть...» (1931): «Гарика Супер-фину на память о встрече. Б. Пастернак. 17 янв. 1960». В оконч. тексте первая строка: «Еще не умолкнул упрек...».

1654. Л. Л. СЛЕЙТЕР

7–5 февраля 1960, Переделкино

1 февраля 1960

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

Наконец-то я увидел августовский номер Encounter'a с твоим письмом «Пастернак» и Уилсон» и порадовался ему¹. К. Вольф прислал мне вырезку. Дорогая моя, ты, как всегда, чудо одаренности. Я боялся, что в споре с Уилсоном ты будешь не-достаточно вежлива. Но прости мне напрасные опасения: твои доказательства – образец вежливости и изящества.

Я недавно писал тебе. Надеюсь, ты получила это письмо². Ничего нового нет.

Соотношение между ненужным и неизбежным, с одной стороны, и желательным и недостижимым, – с другой, остается прежним.

Твой преданный и восхищенный Б.

Пятница, 5 февр.

Шура только что принес то, что мне прислал твой Хеллмер Ашмор³. Запомни на будущее: если тебе нужно послать мне какое-то письмо, какое тебе хочется, посылай просто обыкновенной по-чтой; или же те, кто берутся его доставить, сами должны передать его в руки адресату. Через вторые руки, по-моему, не следует. Ст. Спендер⁴ должно быть серьезно разочаровался во мне. Американские переводы показали ему, Т.-С. Элиоту и другим, что я оказался не тем, чего они ожидали. Кроме того, его и Т.-С. Эл. должно быть обидело, что я никак не откликнулся на посланные мне собрания их стихотворений, а только кратко их поблагодарил. Но даже если бы я, нарушив распорядок дня, пожертвовал бы го-дом своих занятий, то и тогда мне не хватило бы времени для тако-го неохватного чтения. Они оба замечательные и неподдельные поэты. Все-таки я недавно написал Т.-С. Эл. Любить Шопена из-давна считалось признаком дурного вкуса или непонимания.⁵ Не-мецкие Золотые книги музыки в начале века даже не упоминали его среди великих композиторов. Но Ст. Сп. хвалил мою статью в одном из писем и я узнал, что она появится в мартовском номере⁴.

Пожалуйста, успокой Ашмора, чтобы он не волновался. Он прочел в News Chronicle, что я кончил свою пьесу. Он читал об этом как раз в то время, когда я был вынужден прервать работу и тратить недели за неделями на удовлетворение определенных до-говором выдуманных, но, так сказать, необходимых и важных, тре-бований перевести одну рифмованную поэму, от чего я не сумел отделаться. Но, имей в виду еще одну вещь. Бели, как я продол-жаю надеяться, я закончу писать пьесу, Фельтринелли немедленно захватит центр и периферию всех вопросов перевода, из-дания и постановки, будет бегать и сам распространять пьесу повсюду, подчиняя все только себе одному. Никому другому, даже какой-нибудь воображаемой компании (да и как ее создать?) не-возможно управляться ни с таким количеством отношений во всем мире, ни по отдельности в частностях и деталях⁵. Но как справиться с жизнью, личной судьбой и временем, чтобы полностью отдаться работе и принадлежать только ей, без помех. Эта невозможность – мое постоянно углубляющееся лишение. Желание написать пьесу (и я этого добьюсь) – это снова та горячая и страстная тяга к великому, к тому великому, что одушевляло роман и завоевало мне симпатии и понимание Т. Мертона, Эд. Уилсона и других.

Шлю свою любовь и дружеские чувства, обнимаю и желаю здоровья и долголетия всем вам, Жоне и Феде.

Ваш бедный Б.

Пожалуйста, как можно скорее извести меня открыткой, не теряя времени, о получении письма. Здесь во время гастролей Гамбургского театра в Москве были сделаны (и опубликованы в немецких газетах) прекрасные фотографии. Я вкладываю тебе одну с Зиной и Леной, которые хорошо вышлиб.

Впервые: Письма к родителям и сестрам. – Автограф по-англ. (Pasternak Trust, Oxford).

¹ Имеется в виду ответ Л. Слейтер на статью Э. Уилсона «Legend and Symbol in Dr Zhivago», напечатанный в журн. «Encounter» в августе 1959 г.

² Письмо № 1650.

³ Описка, надо: Безил Ашмор, театральный режиссер. В своем письме он выражал желание поставить пьесу Пастернака по переводу, который ему должна была сделать Л. Слейтер. В связи с этим литературный агент из Нью-Йорка Курт Хеллмер просил авторские права на пьесу с тем, что-бы Лидия перевела ее на английский. Все эти просьбы возникли в результате заметки в шведской газете «News Chronicle», в которой извещалось о подготовке спектакля по тексту «Слепой красавицы».

⁴ Речь идет о предполагаемой публикации статьи о Шопене, которая, несмотря на обещания Спендера, не была опубликована в «Encounter». Лидия писала брату 22 нояб. 1959, что Шопена тут не полагается «ценить» – «"можно" (и даже "нужно") любить только Моцарта и Баха» (там же. Кн. П. С. 313).

⁵ Пастернак готов был уступить фельтринелли в его споре с Ж. де Пру-айяр и подписать новый договор на все свои прошлые и будущие произведе-ния, но был остановлен его требованием датировать договор 1956 г., что ста-вило под удар все сделанное Ж. де Пруайяр за три года. Об этом Пастернак писал ей подробно 17 янв. 1960, сопровождая письмом к фельтринелли 20 янв., посланном ей для ознакомления.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Отправка письма Пастернака к Фельтри-нелли была остановлена О. В. Ивинской, которая считала, что Пастернак «вместо того, чтобы прояснить происходящее, только собьет всех с толку», и сама взялась урегулировать эти отношения («Континент», 2001, № 108. С. 265).

6 Лидия писала, что видела в газете фотографию, сделанную 13 дек. 1959 г. на спектакле «Фауст», игравшемся в Москве гамбургским театром, где брат выглядит очень молодо, «никак не старше 36 лет» (Письма к ро-дителям и сестрам. Кн. И. С. 318).

1655. В. БРОНЕВСКОМУ

2 февраля 1960, Переделкино

2 февр. 1960

Дорогой, дорогой мой Броневский,

ведь Вы большой, настоящий поэт. Как могу я поверить, чтобы Вам было важно и необходимо, чтобы я перевел несколько Ваших стихотворений, как это в категорической и неотступной форме представляет Марк Семенович Живов.

К концу жизни у меня сложилось некоторое имя. Мне стыд-но и я рву на себе волосы, что эта известность поддержана таким малым количеством, таким недостатком оригинально написан-ного, что она мало заслужена и слабо оправдана. Отчего это? От-того, что полжизни и чьей – моей отдано на переводы!!

Если этого не видят здешние товарищи, то они ведь вообще ничего не видят. Я понимаю их и их прощаю. Что с них требовать. Они дышат искусственной, зараженной предрассудками атмосфе-рой, но ведь у Вас бывали периоды передышки и просветления.

Для меня предмет гордости, что Вы и Тувим переводили меня. Но разве я на этом настаивал. Меня неудачно переводят в Англии и Америке. Но разве это мне не безразлично? Была мысль во фран-ции, чтобы во главе поэтической обработки моих переведенных вещей стал Rene Char. Я не поддержал ее, чтобы его не беспокоить и потому, что все это неважно. Почему не выражаю я желания, чтобы меня переводили T. S. Eliot или St. Spender, хотя они меня знают.

Я уверен, что эта настойчивость исходит не от Вас. Повлияй-те в этом отношении на Живова, чтобы он уgomонился. Меня не-которые продолжают считать поэтом только из сорокалетней косности, потому что здесь вообще отвыкли от мысли, что на све-те бывают перемены. А для меня давно то, что называли поэзией, перестало составлять прежнюю исчерпывающую ценность.

И я не понимаю многих, добывающихся моих переводов, в частности друзей и близких покойного Незвала, именем которых мне навязали один из труднейших его текстов, наверное превос-ходный только однажды, в оригинале, но темный, ускользающий и не терпящий, не выдерживающий повторения в переводе1.

Обнимаю Вас Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (собр. В. М. Живова) Письмо было передано М. С. Живову и осталось неотосланным.

Владислав Броневский – польский революционный поэт, в 1939– 1942 гг. жил в Москве, переводил стихи Пастернака. Пастернак перевел одно его стих. «Я и стихи», вошедшее в сб.: В. Броневский. Избранное. М., 1961.

1 Имеется в виду поэма В. Незвала «Сигнал времени», над переводом которой Пастернак работал в январе 1960 г.

1656. Ж. де ПРУАЙЯР

6 февраля 1960, Переделкино

6 февраля 1960

Жаклин, дорогой мой друг, даже если Ваше письмо от 30 ян-варя относится к тому времени, когда мои длинные объяснения еще не попались Вам на глаза1 и, следовательно, Вам еще пред-стоит бесконечное чтение тяжелых страниц, то не будем об этом.

Все успокоилось. Вопрос временно отложен. Ничего не будет под-писано. Как мне обещали, Вас успокоит письмо от О<льги>, ко-торого я даже не видал2.

Мои похвальные слова Вашему Шопену3, вероятно, потеря-ли для Вас всякое значение. Вы принимаете их за лесть, хотя и искреннюю, но пустую. Но как бы мне хотелось, чтобы они дош-ли до Вашего сердца! Читая Ваш перевод и примечания, я живо почувствовал перед собой всю красоту Вашей души! Я даже забыл, что имел сам какое-то отношение к статье.

У меня еще не было возможности прочесть последние пись-ма Элен, Ваше и Даниэля4. Я их прочту немного спустя. (Даже Вы, бедная, изнемогающая под грузом бесчисленных забот и всякого рода неприятностей, от которых я все время хочу Вас освободить и чего Вы не понимаете, – даже Вы не в состоянии нарисовать себе Бедлам моей жизни скрывающегося преступника во всех смыслах, от самого интимного до самого отвлеченного и всеоб-щего5.)

Прилагаемую фотографию сделал прошлым летом один лю-битель. Он показал мне ее совсем недавно. По-моему, это один из лучших моих снимков. Если нужно,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
пользуйтесь им, как Вам угодно. Хотите, воспроизведите его.

Передайте Элен и Даниэлю мою горячую благодарность за взятый на себя труд. Моя преданность, как Вам хорошо известно, всегда с Вами.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres a mes amies francaises. 1956–1960. Paris, Gallimard, 1994. – Автограф по-фр. (собр. адресата).

1 Имеются в виду письма по поводу нового договора с фельтринелли (см. коммент. 5 к письму № 1654). Первой реакцией на известие о новом договоре с фельтринелли было письмо Ж. де Пруайяр 22 янв. 1960, в котором она сообщала, что согласие подписать этот договор есть отказ ей в доверии, и просила дать ей освобождение от ее прав. В письме 30 дек. 1959 к Пастернаку она благодарила Элен Пельтье, написавшую, что желание Пастернака дать свободу Жаклин оборачивается ее полной зависимостью от фельтринелли и его неблагоприятных махинаций (там же. С. 185–186).

2 О. Ивинская в письме 5 февр. 1960 к Ж. де Пруайяр просила ее не посылать письма Пастернака к фельтринелли, потому что недавно писала ему сама и сообщала, что договор в таком виде подписан не будет, «и, следовательно у Ф. не будет прав на будущее, и его деятельность пока ограничится романом» («Континент», 2001, № 108. С. 266).

3 Пастернак просмотрел перевод Ж. де Пруайяр статьи о Шопене и отослал назад со своими замечаниями и комплиментами (факсимиле пометок воспроизведено в докторской диссертации Ж. де Пруайяр «De Gogol a Soljenitsyn» (Universitee de Bordeaux III. 1985).

4 Имеется в виду письмо Э. Пельтье 23 янв. и приложенное к письму Ж. де Пруайяр 22 янв. юридические пояснения ее мужа, адвоката, по поводу грозящих его жене в случае подписания договора задним числом судебных преследований со стороны фельтринелли. «Я понимаю Вашу усталость от настойчивости фельтринелли, моя жена не предоставила ему полных прав, которых он добивался силой и криком с 1959 года, ей не хотелось рисковать Вашим творчеством, которым будут торговать без какой бы то ни было возможности вмешаться в поступки всемогущего издателя», – писал он («Новый мир», 1992, № 1. С. 186).

5 Из писем Жоржа Нива к Жаклин де Пруайяр вырисовывается картина регулярных вызовов О. В. Ивинской в КГБ то по поводу ее сына Мити, то по поводу знакомства ее дочери Ирины с Жоржем Нива и ее переписки с ним и Гердом Руге. Ивинской показали целую связку задержанных писем к Ирине из-за границы и велели «следить за дочерью». «На вас с Б. Л. махнули рукой, – сказали ей. – Вы старики, но она – молодая девушка» (там же. С. 184).

1657. В. А. ЯНКОВУ

7 февраля 1960, Переделкино

7 февр. 1960

Милый Вадим Александрович (?), сердечно благодарю Вас за письмо, которое я только что получил, и за все, что Вы мне в нем рассказали¹. Мне неоднократно упоминают о Бердяеве в письмах из-за границы. Я сейчас совершенно лишен возможности читать что-нибудь по недостатку времени². Но и заниматься новой работой, писанием пьесы, которую я начал истекшим летом, мне редко удается. Так загроможден я, частью перепиской, частью же исполнением чаще всего совершенно ненужных стихотворных переводов, которые мне навязывают и достают.

Благодарю Вас еще раз и желаю Вам всего лучшего.

Ваш Б. Пастернак Впервые. – Автограф (собр. адресата).

Вадим Анатольевич Янков – студент механико-математического факультета МГУ; в 1956 г. был исключен из университета за протест против подавления восстания в Венгрии. В своем первом письме Пастернаку 26 нояб. 1958 он спрашивал о связи гимнов Франциска Ассизского и названия книги «Сестра моя жизнь»; 29 июня 1959 получил от Пастернака написанную ему фотографию.

1 Пастернак отвечает на письмо Янкова, посланное 6 февр. 1960, в котором тот писал о своем первом знакомстве с поэзией Пастернака в 1957 г., когда он находился «между бунтом и прозябанием».

2 Янков выражал свое восхищение пониманием творчества как «самоотдачи» и спрашивал о Н. А. Бердяеве, близость к философии которого он увидел в романе «Доктор Живаго».

1658. Т. МЕРТОНУ

7 февраля 1960, Переделкино

7 февраля 1960

Мой высокоуважаемый, дорогой Мертон, тб kf|p\)\ujLia \)jLiexepov osvatvdxuojLiaI (5ьf t&%шш\ Бесконечно благодарю Вас, что Вы снабдили меня таким неисчерпаемо замечательным чтением на ближайшее время¹. Я снова обретею себя после этого длинного и еще продолжающегося периода писания писем, надоевших забот,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
бесконечных стихотворных переводов, бесполезной потере времени и постоянных
самообвинений из-за невозможности продолжать начатую, многократно прерываемую и
почти недосыгаемую новую рукопись.

Еще более благодарю Вас, что Вы простили мне долгое молчание, трусость и лень,
которые лежат в основе этого печального состояния ума, находясь в котором,
смертельно перегруженный и постоянно страдающий от недостатка отдыха и времени,
я гибну в вынужденной непродуктивности, худшей, чем полная бездеятельность.
Но я подымусь, Вы это увидите, в конце концов я возьму себя в руки и неожиданно
заслужу и вновь обрету Ваше чудесное доверие и снисходительность.

Горячо любящий Вас Б. Пастернак

Не пишите мне, не смущайте меня своей безграничной щедростью. Следующая попытка
возобновить переписку будет исходить от меня.

Впервые: Boris Pasternak. Thomas Merton. Six letters. Lexington, 1973. –
Автограф по-англ. (The Abbey of our Lady of Gethsemani, Kentucky).

1 Т. Мертон писал Пастернаку 23 окт. 1958 о недавно прочитанном «Докторе
Живаго», сопоставляя его со «Смыслом любви» В. С. Соловьева, и благодарил за
добрые слова по поводу его поэмы «Прометей». В письме 15 дек. 1958, написанном в
поддержку пережитых Пастернаком испытаний в связи с Нобелевской премией, он
сообщал о своем письме к

По возможности скоро отвечаю на ваше письмо (греч.).

А. А. Суркову, в котором писал, что советская Россия должна гордиться «великой
книгой» Пастернака (там же. Р. 16). Мертон послал Пастернаку свою
автобиографическую повесть в форме дневников-медитаций «The Sign of Jonas»
(«Знамение Ионы»), Harcourt Brace and Co. NY, 1953, с надписью: «Борису
Пастернаку – пусть это будет общение между двумя нашими молчаниями и нашими
одиночествами. Надеюсь, что какая-нибудь страница этой книги может Вас
заинтересовать. В Господе Иисусе Христе Г.М»

1659. К. ТЕНСУ

9 февраля 1960, Переделкино

9 февраля 1960,

Милый, милый мой Тенс,

я благодарю Вас и обнимаю. Прошло всего два или три года, как я лежал в
больнице, радовался Вашему письму и имел возможность по-человечески и
обстоятельно ответить Вам, ощутимо и признательно пойти навстречу Вашим
чувствам. А теперь я вспоминаю об этом так, как будто это было Бог знает как
давно, так сказать, в первой половине жизни, накануне вечности. Настолько
счастливые события последних двух лет все отодвинули вдаль и все перекрыли.
Ничто не изменилось в наших дружеских отношениях, лишь только то, что я стою у
порога новой работы или, вернее сказать, – нового замысла, осуществить который
почти невозможно, перед лицом этой ежедневной волнующей благо-склонности всего
мира, – этого сладкого расточительно-развращающего искушения переписки.
Представьте себе, дорогой друг, – в то время, когда в самом конце жизни у меня
вновь пробудилась возможность сказать что-то значительное, обжигающее душу, и
потребность в этом так сильна и неотвязна, что уже настала необходимость это
сделать, – вместо этого, как Вы видите, я вынужденно занимаюсь праздным и
тоскливым словоблудием.

И так, как сказано, я обнимаю Вас.

Лучшие пожелания и доказательства преданности всем Вашим, близким и любимым.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: «Новый журнал», № 209. Нью-Йорк, 1997. – Автограф по-нем. (собр. К.
Гинзбурга, США).

Письмо написано в ответ на сообщение К. Тенса о том, что на полученные от
фельтринелли деньги он с женой поехал ее лечить в санаторий. «Ваша помощь
сделала нам возможным пройти это лечение без лишений», – писал он 15 сент. 1959
(там же. С. 111).

1660. Э. А. РАЙЦЫН

9 февраля 1960, Переделкино

9 февр. 1960

Благодарю Вас, дорогая Эстер Александровна. По счастью, кажется, мне удастся в
этом году предать день моего рождения забвению. Кроме того, я восстановлю его
прежнюю дату, т. е. не десятого, а одиннадцатого февраля. Я родился 29 января
по старому стилю. К этому надо прибавлять 13 дней. Получается 11-е.

Это одно из смелых новшеств нашего глубоко несмелого времени, что стали
прибавлять не ту поправку, которая принята в настоящее время, а ту разницу,
которая существовала между календарями в эпоху совершившегося события. Но,
например, в Западногерманской газете я прочел сегодня: В. Pasternak wird am 11
Februar siebzig Jahre alt*.

Благодарю Вас и желаю Вам всего лучшего.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Ваш Б. Пастернак Впервые. – Автограф (собр. Б. Г. Райцына).

1 Э. А. Райцын ежегодно поздравляла Пастернака с днем рождения и присылала ему к этому дню пирог (см. письмо № 1021). Путаница с исчислением дней по новому и старому стилю приводила к тому, что день памяти Ефрема Сирина и день смерти Пушкина отмечался 10 февраля (29 января по-старому), а день рождения Б. К. Зайцева и Пастернака – 11-го.

1661. Б. К. ЗАЙЦЕВУ

11 февраля 1960, Переделкино

и февр. 1960

Дорогой Борис Константинович, поздравляю Вас с днем рождения и крепко, крепко обнимаю. М. А. Кристенсен¹ просил я передать мои приветы Вере Алексеевне, Наталии Борисовне и всем Вашим. Несколько мгновений была перед моими глазами газетная вырезка с отзывом Г. Адамовича об альманахе «Воздушные Пути»². Рецензия начинается с упоминания Вас, Вашей молоджавости и сожаления, что рецензент Вас на страницах альманаха не встретил. Все эти нежности по Вашему адресу всем сердцем разделяю.

Но альманаха (хотя он есть здесь), равно как и Граней³ и некоторых статей Гуля, Франка⁴ и других, не читал и почти не видел. Все это, подобно Юности и Жуковскому⁵ (прочитанным), по-

* Пастернаку исполняется 70 лет 11 февраля (нем.). 582 дает в жадные и дорогие мне руки одной героини-приятельницы, которой порядком за меня в жизни достается и досталось в самом прямом смысле «слова и дела»⁶.

Борис Константинович, если бы Вы только знали, как я люблю Вас! Сегодня, кроме этого поздравительного привета, ничего не скажу Вам. Но Вам, лично Вам хочется мне сейчас свято и клятвенно пообещать и связать себя этой клятвой, что с завтрашнего дня все будет отложено в сторону, ничего нельзя будет узнать, работа закипит и сдвинется с мертвой точки.

В частых мыслях о Вас, преданный Вам

2>. Пастернак

Впервые: Cahiers du Monde Russe et Sovietique. 1-2. vol. xv. 1974. Janvier – juin. – Автограф (Бахметьевский архив, Columbia University).

1 Мария Александровна Кристенсен – писательница. «На днях получили мы из Осло письмо от Машуры, племянницы Веры, – писал Зайцев 5 февр. 1960, – она была теперь в Москве и у Вас была, передает Ваш привет нам. Спасибо сердечное. Хочу (и получу, конечно) от нее подробное описание путешествия к Вам. Видимо, с Ниной Бруни? ... Их обеих мы знали в Москве детьми... Машура была прелестная девочка и очень красивая» (Борис Зайцев. Собр. соч. письма 1923-1971. Т. 11, доп. М., 2001. С. 185). Нина Константиновна Бруни – дочь К. Д. Бальмонта, жена художника Л. А. Бруни.

2 Георгий Викторович Адамович – поэт, критик, переводчик. Первый выпуск альманаха «Воздушные пути» (Нью-Йорк, 1960) был посвящен Б. Л. Пастернаку «по случаю исполняющегося в 1960 году его семидесятилетия». В него вошли «Поэма без героя» А. Ахматовой, статьи Г. Адамовича, В. Вейдле, Г. Струве, Л. Шестова, Ф. Стегуна. Часть статей была посвящена творчеству Пастернака.

3 Журн. «Грани» издавался в Германии на русском языке, в нескольких номерах публиковались новые стихи Пастернака (1957, кн. 34-35; кн. 36; 1958, кн. 40).

4 Роман Гуль. Победа Пастернака («Новый журнал», 1958, № 55). Виктор Франк. Реализм четырех измерений («Мосты», 1959, № 2).

5 Сочинения Б. Зайцева, присланные Пастернаку.

6 Имеется в виду О. В. Ивинская.

1662. Н. С. САРМАКЕШЕВОЙ

12 февраля 1960, Переделкино

12 февр. 1960

Дорогая Наташа Сармакешева, знаете ли Вы, что Вы мне написали чудесное письмо и что сами Вы – прелесть? Я от души желаю Вам всего лучшего, счастья во всем и удачи. Благодарю Вас за все, что Вы мне сказали. Если бы Вы были тут и позволили мне, я бы Вас просто расцеловал за Ваш ум и доброту.

Ваш Б. Пастернак

Но большей частью я бываю ужасно занят. Легко могло стать-ся, что я бы Вам не ответил.

Но это не означало бы ничего дурного. Никогда не надо делать печальных заключений из неизвестных обстоятельств.

Впервые. – Автограф (собр. адресата).

Наталья Семеновна Сармакешева (в замужестве Янкова) – учащаяся ПТУ, письмо послано в Ростов-на-Дону.

В своем письме Сармакешева выражала восхищение творчеством Пастернака и его стойкой позицией во время гонений осени 1958 г. Вы-сказывала ему поддержку и

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
пожелания мужества.

1663. Г. и Б. БЕРМАН-ФИШЕРАМ
16–17 февраля 1960, Переделкино
16 февр. 1960

Дорогие господин и госпожа Фишер, сегодня получил «Ког-да разгуляется»¹. Я вне себя от радости. Спасибо, спасибо. По-звольте вас обоих обнять. И как обычно, это застало меня в ужас-ной суматохе и спешке. Завтра утром я должен ехать в город, кое-что купить, и кроме того для соседнего дома Ивановых (он напи-сал «Бронепоезд» и очень красочные рассказы в пору нашего экспрессионизма в начале революции).

Итак, купить подарки для дома Ивановых, очень милых лю-дей, отмечающих завтра семейный праздник² – у нас далеко не простая задача. Поэтому мне придется встать в шесть часов. –

Итак, это уже позади, – поездка в город и покупки, но не праз-дник, который еще предстоит вечером. Я вернулся из города и во-зобновляю письмо. Вы не находите, что Кайль гениален? Я плавал в слезах, читая его. Это я, попавший в достойные руки мастера. Кайль послал мне первую главу Евгения Онегина³. Я прочел две-три строфы из его перевода людям, которые почти не знают не-мецкого. Я их спросил, – что это. Они мгновенно угадали произве-дение по ходу изложения, по излому синтаксиса, по музыке построе-ния фразы. Всякое суждение о «Когда разгуляется» будет суждением обо мне: в оригинале это не лучше и не по-иному: главное – суть схвачена и передана по-царски. Все, что он делает, отвечает приро-де его дарования и потому это блестяще и верно. Так нужно перево-дить. Я догадываюсь, что у него созрело вначале и что он убрал, так жив и естествен ход и возникновение работы. Это обеспечивает ему такое высокое понимание смысла и содержания оригинального текста у меня, в Шекспировских сонетах и перед лицом Пушкина, какое только могут дать дар стихосложения и знание языка. Он при-зван, чтобы схватить, овладеть и продолжить жизнь оригинала. Потому что остановить ход поэтического произведения (стреми-тельно разворачивающегося утверждения), значит убить его.

То, что суждение о Кайле будет суждением обо мне, имеет так-же и отрицательный оттенок. Он так убедителен в своей близости к содержанию и верен смыслу, что, если предположить, что мой путь ошибочен, он гораздо полнее обнажает суть дела, чем это делаю я.

Провести четкую границу между жизнью и искусством – это душа творчества, качество вкуса, эстетическая заповедь. Очень высоко и эмоционально значительно она была проведена у сим-волистов, постэкспрессионистские течения своим искусством прокопали эту межу еще глубже и в другом направлении. Первая половина моей деятельности была сильно подчинена этому ощущению «инобытия» искусства. Но все это было очень красиво сделано до нас, теми, кто начинал, когда это размежевание еще основывалось на открытиях и прозрениях, было серьезным и дра-матичным. Но затем это стало чересчур манерным. Неповторимое и мятежное начало создало собственных преемников и продол-жателей, становясь подчас бедным и ничтожным, как, например, детские выходы дадаистов⁴.

Незадолго до войны и в особенности в послевоенное время во мне росло непреодолимое влечение опрокинуть все эти эсте-тические упражнения и привычки. Это я сделал в романе. В прозе этот удар не так чувствителен. В стихах это яснее и прозрачнее. Как Вы думаете, не слишком ли далеко это зашло? Не стала ли эта жизнеутверждающая простота пустой, прозаической и банальной? Перевод, чтобы стать живым не может остановиться на той же точ-ке, где останавливается оригинал. Местами тон дружеской непри-нужденности в переводе возрастает, тогда как в оригинале сдер-живается или вовсе отсутствует.

Но Кайль в этом не виноват. Инале это не могло и не должно быть.

Напишите, пожалуйста, Кайлю, как велико мое восхищение. Я не знаю, когда найду время сделать это сам. Напишите мне, пожалуйста, откровенно, что Вы думаете о такой поэзии.

Я просил Вольфов, чтобы они купили и послали книгу не-скольким лицам⁵. Я забыл еще два адреса. Я хотел бы, чтобы кни-га была послана:

1) Госпоже Элизабет фон Шуленбург, Bonn-Endenich, Am Burggraben 18.

2) Проф. Ивару Иваску, 905, Greenvale Avenue Northfield, Minnesota, USA.

С бесконечно умноженной благодарностью

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Brigitte B. Fischer. Sie schreiben mir oder was aus meinem Poesiealbum wurde. Zurich, 1978 (с купюрами). – Автограф по-нем. (Lilly Library Indiana University).

1 Boris Pasternak. Wenn es aufklart. Gedichte 1956–1959. S. Fischer. 1960.

2 Сохранился пригласительный билет на совместный день рождения супругов Ивановых (60 и 65 лет): « Уважаемые Зинаида Николаевна, Борис Леонидович, Леонид

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakborisborisovich! Тамара Владимировна и Всеволод Вячеславович Ивановы имеют честь просить вас на ужин по случаю своего 125-летия, имеющий быть 17 февраля сего года в 8 часов вечера по адресу: Переделкино, ул. Павленко. Форма одежды и настроение – необыкновенные» (Тамара Иванова. Мои современники, какими я их знала. М., 1987. С. 423).

3 Alexander Puschkin. Eugen Onegin. S. Fischer Verlag, 1955. Übersetzung von R.-D. Keil.

4 Литературно-художественное течение дадаизм (1916–1922) в своей приверженности иррационализму и антиэстетизму отрицало социальную направленность искусства.

5 В письме к Вольфу 7 февр. 1960 Пастернак перечислил имена и адреса 10 своих корреспондентов, которым просил послать книги «Когда разгуляется» («Звезда», 2005, № 3. С. 164).

1664. Р.-Д. КАЙЛЮ

21 февраля 1960, Переделкино

21 февраля 1960

Милый мой Кайль, мою радость и удивление не измерить! Тем, с которыми я завожу разговор о Вас, я в качестве примера образцового перевода читаю строфу: Так некогда Шопен вложил... – Конечно, Вы догадываетесь, – в полонезы¹. Вот что значит понимать суть поэзии, всякой великой поэзии и самому быть поэтом, уметь отличать то, что жизненно важно в поэтических произведениях, которые в первую очередь не жесткие юридические документы, а изменяющиеся творческие достижения.

Как меня всегда раздражали и сколько крови мне испортили при работе над переводами из Шекспира и Гёте требования глупой убийственной буквальной точности, стремление сохранить Этюды, не замечая, что в слове Wunderwesen и рифме Polonaisen* гораздо яснее найден нерв живого сходства, чем с помощью четырёхстрочной беспомощной и бессмысленной хромоты иноязычных, тяжелых для стихосложения «Этюд».

Что мне Вам сказать?

Ваша огромная, выдающаяся удача опасна для меня. Перед блеском, сиянием, полнотой, музыкой, благородством и неуловимой прелестью Ваших книг меня забудут, так как все это Ваша заслуга. С другой стороны, я думаю, что Вы (за единичными, очень редкими случаями во Франции и еще меньше в Англии) станете в полном смысле слова единственным на свете, не только в Германии, а повсюду, где знают по-немецки, чтобы действительно сделать меня известным.

Все хорошее, что я Вам раньше писал, ни в малой степени не стоит того впечатления, которое я испытал при первом беглом чтении этой книги.

Если Вы увидите что-либо стоящее и интересное среди откликов и обсуждений, пошлите мне, пожалуйста, вырезку.

Не кажется ли Вам целесообразным (для нас обоих) послать книгу (от Вас) Ст. Спендеру или Т. С. Элиоту? Не утруждайте себя тем, чтобы для этого посылать мне сюда экземпляр. Я получил шесть книг от издательства. Но если я их pošлю отсюда, они пропадут в дороге.

Я писал Фишеру, что прошу послать книги разным людям. Пошлите, пожалуйста, экземпляр моей сестре: г-же Л. Элиот Слейтер, 20 Park Town, Oxford. <...> 2

Ваш Евгений Онегин так же блестящ, как все, что Вы делаете. Люди, не знающие немецкого, узнавали оригинал по звучанию Вашего перевода³.

Берегите свое здоровье. Вас еще многое ждет впереди.

Привет Вашим любимым и близким.

Ваш Б. Пастернак

Впервые: Raissa Orłowa. Lew Kopelew. Boris Pasternak. Stuttgart, 1986 (купюра публикатора). – Автограф по-нем. (собр. адресата).

живое чудо и полонезы (нем.).

1 Речь идет о стих. «Во всем мне хочется дойти...», где в строфе: «Так некогда Шопен вложил / Живое чудо / фольварков, парков, рощ, могил / В свои этюды».

Кайль, подчиняясь рифме, заменил «этюды» – «полонезами».

2 Возможно, публикатор выпустил еще какие-нибудь адреса и имена лиц, которым Пастернак хотел послать книги.

3 См. об этом в письме № 1663.

1665. В. Д. ПРИШВИНОЙ

9 апреля 1960, Переделкино

Дорогая, дорогая Валерия Дмитриевна, во Мхате все изменилось, у меня нет повода ехать до Пасхи¹ в город, а мне не хочется откладывать возвращение долга и возобновленного выражения моей постоянной признательности Вам также и по этому случаю².

Снова и снова благодарю Вас.

По-моему, все стихотворения из «Доктора Живаго» Вы знаете или они даже у Вас есть, а также и большинство из отдела «Когда разгуляется» наверное Вам известны.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris
Рад буду, если что-нибудь Вам доставит удовольствие. Но не ставьте меня об этом
в известность. Вообще, относитесь к этой тетрадке, которую остав-ляю Вам
навсегда, как бы это выразиться, как к ни к чему не обя-зывающему средству
временного проведения, о существовании которого можете позабыть.
Сердечный привет Вам и Николаю Сергеевичу.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (Музей М. М. Пришвина в Дунине).

Датируется по отметке В. Д. Пришвиной, сделанной на расписке в получении 3000
руб., которую Пастернак дал ей. См. коммент. 1 к письму № 1558.

1 Пасха была 17 апреля. Во МХАТе в апреле 1960 г. были поставлены «Братья
Карамазовы», и Ливанов играл Дмитрия Карамазова.

2 После скандала с Нобелевской премией Пастернак вынужден был обратиться к В. Д.
Пришвиной с просьбой ссудить его деньгами и 27 дек. выдал ей расписку с просьбой
к близким, в случае, если он сам не сможет «по каким-либо причинам», через год
вернуть занятую у нее сумму. По тому, что он задержал почти на полгода
возвращение долга, можно судить о его денежных затруднениях, а также о том, что
в начале апреля он уже чувствовал себя настолько плохо, что не посмел более
задерживать воз-вращение долга. В те же дни он вернул 5000, взятые год назад у
К. И. Чу-ковского (Воспоминания. С. 280). О приступах аритмии см. в письме №
1666.

1666. ж. де ПРУАЙЯР

12 апреля 1960, Переделкино

12 апреля 1960 Дорогой мой ангел,

Вчера вечером мне было предъявлено Ваше письмо к Жоржу от 25 марта 1960. Какая
тоска, что все эти истории никак не могут кончиться!1

Переписываю текст, отменяющий доверенность2, делая это против воли и с горечью,
которую Вы легко почувствуете, если только не хотите заподозрить меня в
неискренности.

Но это не единственный документ, который будет Вам послан с этим письмом. Вам
будет послана также русская версия Вашего французского письма от 0<льги> к
Ф<ельтринелли>3.

За Вами остается возможность из двух вариантов выбрать тот, который Вы захотите,
так же, как я всегда давал Вам неограни-ченную свободу (и наивно полагал, что
этого добился).

Долгий приступ сердцебиения и неровного пульса. Это ме-шает мне так писать, как
хочется.

О С<обрании> с<очинений>4. Я всегда сопротивлялся этому не из опасений
п<оли>тических. Как бы ни была велика здешняя враждебность ко мне, моя иная
борьба, борьба с самим собой го-раздо суровой. Я думаю, что Вы согласитесь со
мною: лишь очень малая часть из большинства моих вещей спасется при крайне
тре-бовательном отборе. Даже то, что при этом останется, надо пере-делать и
улучшить.

Но раз все уж так идет, было бы бессмысленно (и невозмож-но) сопротивляться,
спорить и доказывать. Смолчим по послови-це: молчание – знак согласия. Останемся
в стороне.

Нужно ли в этом случае скрывать имена Г. П. Стр<уве> и Филип<ова>? Не думаю.

Жаль, что И. Б<ерлин> отказался на-писать предисловие. Я был бы счастлив, если
бы согласились Вы, при условии, что Вам этого захочется и у Вас будет время. Я
ни-чуть не настаиваю5.

Деньги могут и должны остаться в А<мерике> (или лучше сказать, за границей, у
Вас, например). Если Вы не против, а Ф<ельтринел>ли найдет возможность сохранить
и эти суммы под своим покровительством, дай ему Бог, я не возражаю6.

Вы первая, кому я доверил план, касающийся Д'Анд<желло>

и этой сотни, о которой идет речь. Я доверил ему эту сотню с ус-ловием, что он
попросит на это разрешение и уведомит Вас и Ф-ли7. Возможно, что он назовет меня
«il mio mandante»* в огра-ниченном смысле и в пределах этой суммы.

Пульс у меня выравнивается, благодаря разговору с Вами я постепенно
успокаиваюсь, спасибо Вам.

Даже Вы не можете в достаточной мере понять, насколько ничтожны все, касающиеся
меня вопросы и как важно единствен-ное – моя нынешняя работа, ее состояние, ее
будущее.

Я всегда отдаю себе отчет в своей дружбе к Вам и никогда не теряю этого чувства.
Но все время забываю, насколько Вас люб-лю, и вспоминаю всякий раз, когда читаю
Ваши удрученные ду-шераздирающие письма друга, которого подвергают пыткам.

Б.

Конечно, нужно сохранить: Кто она? Царевна? Дочь земли? Княжна?8

Впервые: «Новый мир», 1992, № 1. – Boris Pasternak. Lettres й mes amies
françaises. 1956–1960. Paris, Gallinard, 1994. – Автограф (собр. адресата).

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori

1 Потрясенная известиями о новом договоре, который ставил ее деятельность за три года под угрозу судебных преследований со стороны фельетринел-ли, и отступлением Пастернака под напором его требований, Ж. де Пруайяр написала Жоржу Нива, чтобы он передал Пастернаку ее письмо и вопросы.

2 Ж. де Пруайяр просила Пастернака об освобождении ее от возло-женной на нее доверенности и прислала ему форму отказа («Decharge»), которую он должен был подписать: «Я, нижеподписавшийся Б. Пастернак, заявляю, что г-жа Жаклин де Пруайяр, мое доверенное лицо, проживаю-щая по адресу: 21 rue Fresnel a Paris 16-eme, прекрасно и верно выполнила поручения, которые я ей доверил, и отдала мне полный отчет в этом и во всех суммах, которые расходовала в соответствии с этой доверенностью. Теперь я полностью освобождаю ее и от этих денег и от всего, что она мог-ла предпринять в соответствии с этой доверенностью. Москва, 12 апреля 1960. Б. Пастернак (там же. С. 188).

3 Ж. де Пруайяр 4 марта 1960 отправила Ивинской проект письма, которое та хотела послать от своего имени фельетринелли с тем, чтобы определить сферы деятельности обеих сторон и обезопасить их от конф-ликтов. С учетом ее проекта была выработана некоторая версия, которая должна была примирить несогласных.

4 Ж. де Пруайяр писала Пастернаку о намерении Мичиганского университета издать трехтомное собрание его сочинений (в добавление к своим доверителям (ши.)). 590 недавно вышедшему «Доктору Живаго»). Зная отношение Пастернака к своему раннему творчеству, она предупредила, что издание все равно не-избежно, потому что опубликованные в разное время его произведения не находятся под юридической защитой.

5 Было предложение не упоминать имена составителей собрания Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, чтобы избежать обвинений в эмигрант-ской инициативе издания. Предисловие предложили написать Исайте Бер-лину, но он решительно отказался. По желанию Пастернака оно было на-писано Ж. де Пруайяр. Сочинения Бориса Пастернака вышли в 1961 г. (Ann Arbor, University of Michigan Press) и оставались единственным собранием до изданного в 1989-1992 гг. пятитомника (М., «Художественная литера-тура»).

6 Ж. де Пруайяр после смерти Пастернака отослала все деньги за те издания, которые она организовывала, фельетринелли.

7 О предложении С. Д'Анджело пересылать Пастернаку его гонора-ры в русском эквиваленте Пастернак писал еще весной 1959 г. в письме № 1590. Пастернак предполагал воспользоваться этим «на самый худой конец»; 6 апр. 1959 он послал Ж. де Пруайяр рекомендацию Д'Анджело и просьбу: «Дорогая сударыня, мой друг Серджо Д'Анджело (Rome, Via Pietro d'Assisi, 11), которого я Вам представляю этой запиской, предла-гает мне материальную помощь в случае крайней необходимости и без-выходной ситуации, к которой я, кажется, приближаюсь, и обещает уча-стие ввиду некоторой неопределенности моего положения, все еще не-разрешимого. С этой целью он просит меня предоставить ему право пользоваться моими вкладами. Я написал ему, что у меня есть доверен-ное лицо, и это Вы, что я облек Вас полной и неограниченной властью и именно к Вам он должен обращаться со своими добрыми намерениями и предупредительностью по отношению ко мне, если его планы выпол-нимы. Пожалуйста, ознакомьтесь с ними. Если он может их надежно и без особой опасности выполнить, и если я не настолько истощил вклад своими предыдущими просьбами, что эта уже неисполнима, откройте ему счет, ввиду моей благодарности и полного доверия, на большую сумму, ну скажем, в 100.000 долларов (кроме его собственных десяти тысяч по списку моих подарков). Пусть он черпает из него деньги для осторож-ных посылок мне, не стесняясь отчетами и подробными сообщениями, поскольку мне известна его неукоснительная честность и понятна вели-чайшая трудность такой помощи» («Новый мир», 1992, № 1. С. 162). Вес-ной 1959 г. ввиду обещаний Поликарпова выплатить задержанные гоно-рары за опубликованные работы, Пастернак отменил свое намерение, те-перь, по желанию Ивинской, которому в силу своих грустных предчув-ствий Пастернак не мог противостоять, Д'Анджело предъявил Ж. де Пруайяр эту бумагу. (Об этом писала Ивинская в письме Ж. де Пруай-яр.) Требования Д'Анджело напугали Ж. де Пруайяр и подтолкнули ее на отчаянное письмо, переданное через Ж. Нива. Испуг ее имел полные основания, – способ, которым Д'Анджело впоследствии расплачивался с Ивинской по этим ссудам, был незаконным и повлек за собой арест Ивинской и ее дочери в августе 1960 г.

8 Ж. де Пруайяр спрашивала о верном тексте стих. «Сказка» из тет-ради живаго. Бе смутил вариант, записанный Н. В. Банниковым на полях корректуры сб. 1956 г. против строки: «Кто она? Царевна?»: «Спя-щая царевна?». Полученную от Пастернака корректуру с его правкой и замечаниями она передала Г. П. Струве для Мичиганского собр. сочи-нений.

1667. Е. А. КРАШЕНИННИКОВОЙ
14 апреля 1960, Переделкино

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
14 апр. 1960

Дорогая моя Катюша, ласковая фамильярность, которую я себе позволяю в обращении, вызвана впечатлением от Вашей рукописи. Я не знал, что Вы мне оставляете произведение повествовательное, я думал это будет некоторого рода рассуждение¹. Я был очень приятно поражен живостью и достоинствами начала, очень порадовался Вашему умению определять разные ступени и значения деятельной духовной сосредоточенности. Я застрял на последней трети рукописи, и опять у меня будет период, когда я не смогу ее дочитать. Оставьте мне ее до середины мая² и тогда позвоните в городе Ирочке Емельяновой³. Я ей скажу, чтобы она дала Вам тем временем очень хорошие стихи русской писательницы*, издававшейся за морем под именем монахини Марии, взгляните на них³. Можно мне поцеловать Вас?

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф.

1 На обложке тетради, полученной Пастернаком от Крашенинниковой, его рукой написано: «Проза Кати». Это повесть, в которой Крашенинникова сделала попытку рассказать о путях своего внутреннего развития и тех людей, встречи с которыми на разных этапах жизни оказали на нее влияние.

2 Не дожидаясь назначенного времени, Е. А. Крашенинникова приехала в Переделкино 2 мая 1960 г. и узнала, что Пастернак тяжело заболел. Он просил ее принять у него исповедь и позаботиться от том, чтобы его отпели по-церковному. Она передала исповедь о Николаю Голубцову, который «проникновенно, глубоко, милосердно говорил о Борисе Леонидовиче. <...> Я только дивилась на любовь, действующую в силе», – вспо-

* Она кончила жизнь подвигом самопожертвования в одном из немецких концлагерей во Франции (Ра-венсбрюк). (Прим. Б. Пастернака.)

минала Крашенинникова эту встречу («Новый мир», 1997, № 1. С. 211). «Так делали в лагерях», – объясняла она. Пастернака отпел на дому о. Иосиф, будущий схиигумен Исайя.

3 Ж. де Пруайяр в марте 1960 г. прислала Пастернаку через Жоржа Нива несколько книг и журналов, среди которых был сб. стихов Е. Кузьминой-Караваевой, знакомой Пастернаку по ее ранним стих., печатавшимся в сб. «Руконог» (1914) и «Весеннем салоне поэтов» (1918) по соседству с публикациями его собственных стихов.

Установить, какой именно сборник был послан Пастернаку, не удалось. Возможно, это была книга, составленная Г. А. Раевским: Мать Мария. Стихи. Париж, 1949, включившая 89 стих, и предисловие Г. А. Раевского (Оцуа) о жизни и мученической кончине Елизаветы Юрьевны Скобцовой (Кузьминой-Караваевой), принявшей монашеский постриг с именем Мария. В мае 2004 г. мать Мария была канонизирована Вселенской православной церковью.

1668. З. М. ПЕКАРСКОЙ

20 апреля 1960, Переделкино

20 апреля 1960

Глубокоуважаемая Зоря Моисеевна,

я страшно виноват перед Вами и издательством. Надо расторгнуть мой договор на Выпянского и заказать перевод кому-нибудь другому.

Разумеется, я должен был предупредить об этом раньше. Но я не терял надежды, что весной, в мае, я найду время принятаться за работу, и в этом случае я действительно осилил бы ее с небольшим опозданием в несколько недель. В этом отношении я обманул. Моя собственная, самостоятельная работа не в таком состоянии, чтобы я мог прервать ее сейчас. Слишком заметная часть жизни, целые десятилетия, ушли у меня на переводы, в ущерб более серьезным задачам, которыми не следовало, как теперь оказывается, жертвовать.

Ольга Всеволодовна, любезно вызвавшаяся, несмотря на не вполне заживший перелом ноги, лично отвезти Вам письмо, дополнит его своими собственными замечаниями и соображениями. Она же вернет Вам неиспользованный подстрочник.

Очень прошу Вас, извините меня.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Автограф (РГАЛИ, ф. 379, без шифра). Письмо осталось неотосланным.

З. М. Пекарская (Гольдина) – редактор изд-ва «Искусство». Год назад она принимала участие в предоставлении Пастернаку перевода «Стойкого принца» Кальдерона.

1669. Н. М. ТРЕТЬЯКОВОЙ

20 апреля 1960, Переделкино

20 апр. 1960

Дорогая Нина Михайловна, большое Вам спасибо за поздравление и вырезку¹. Вы знаете, Ваш телефон в каком-то смысле от меня заговоренный. Я очень много раз звонил Вам потом, и все с такой же неудачей, – никто не подходил на звонки к аппарату.

Не ревните меня к записке к Вашей сестре, которую я прошу Вас переслать ей и

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
которая пройдет через Ваши руки². Я полон к Вам тех же самых чувств, как к ней,
но ведь она, бедняжка, на чужбине (чего, по правде сказать, я не считаю
несчастьем). Во всяком случае я когда-нибудь заполучу Вас к телефону, а ее нет.
И в кои веки я напишу ей, а Вам скорей.

Не знаю как Вам выразить мою беспредельную преданность и добрые пожелания.

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Печатается по фотокопии (РГАЛИ, ф. 2886, оп. 1, ед. хр. 218).

1 Н. М. Третьякова поздравляла Пастернака с Пасхой и пересыла-ла ему вырезку из
французских газет с некрологом Ф. Мориака Альберу Камю.

² См. письмо № 1670.

1670. Нат. М. ТРЕТЬЯКОВОЙ

20 апреля 1960, Переделкино

20 апр. 1960

Христос Воскресе, дорогая Наталья Михайловна!! Я наверное надеялся зайти к Нине
Михайловне за некрологом о Камю, но она не вытерпела и прислала его мне
сейчас на Пасху. Когда она сообщает о Вас что-нибудь: Наташа то, или Наташа се,
то хотя у меня есть знакомые с этим именем и разными отчествами, я сразу вижу
Вас и мне кажется, что так зовут только Вас одну и что это имя, в начертании
Вашей сестры, само уже заключает в себе лю-бующийся взгляд и ласку.

Мориак очень хорошо написал о Камю. Сам он, Мориак, писатель в более прямом и
обыкновенном смысле, чем Камю и упомянутый им Сартр, и в этом отношении ближе
мне, я сам того же порядка. Камю был поразительной личностью, отчасти высо-кой и
идеальной. Меня связали с ним случившиеся со мной про-исшествия и общность
издательства Gallimard, которое он вдох-новлял и где он работал. Он почтил меня
однажды незаслуженно лестным письмом, я тоже писал ему еще в тот период, когда я
ре-шался писать за границу одни открытки¹. Его смерть большая по-теря, я сохраняю
верность его памяти.

Благодарю Вас за те милые слова, которые Вы написали как-то обо мне Нине
Михайловне. Я очень верю в свою новую работу, но побочные надобности часто меня
от нее отвлекают. Однако на этот раз вот только допишу письмо Вам, милой и
драгоценной, и завтра с утра, даю Вам слово, примусь за «Слепую красавицу».

Ваш Б. Пастернак

Впервые. – Печатается по ксерокопии с автографа. Местонахожде-ние автографа
неизвестно.

1 Пастернак получил письмо А. Камю 9 июня 1958 и ответил ему дву-мя открытками №
1517, 1532.

1671. О. В. ИВИНСКОЙ

25 апреля 1960, Переделкино

Понед<ельник> 25 апр. 60

Лялечка родная, сегодня вечером будет доктор¹. Мне не легче в тех положениях,
где можно ждать боли и где она наступает. Если появится Шевочка² и ему нужно
будет или захочется повидать меня, то в то воскресенье, когда он у тебя будет,
пусть со всем тем, что он захочет передать, и после того как он будет знать твои
ре-шения и мнения, пройдет ко мне на дачу и попросит пропустить его одного ко
мне [наверх в комнату]. Его проводят и оставят од-ного со мною. К записке
прилагаю род «пропуска» ему. Если же не будет ничего важного, можно от этого
посещения воздержат-ся до моего выздоровления.

Понедельник 25 вечером

Был врач, ты уже верно знаешь, нашел повышенное давление, расшатанное состояние
нервов, сердечное расстройство, которым и приписывает эти адские боли в левой
части спины. Мне трудно себе представить, чтобы такая, прочно засевшая, как
посторон-нее тело, как заноза, постоянная боль сводилась только к явлени-ям
очень, правда, очень переутомленного и запущенного сердца.

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Емельяновой).

Факсимиле: Каталог Кристи. С. 60, 71.

1 Доктор А. В. Самсонов, врач-терапевт из поликлиники Литфонда, приезжал к
Пастернаку по настоянию Зинаиды Николаевны. Он устано-вил, что болезнь началась
недели две тому назад, но Пастернак ни за что не хотел обращаться к врачу и
скрывал боли. Он позволил себе лечь толь-ко 23 апреля, переписав 4-ю картину
своей пьесы, и послал Ивинской за-писку: «Олюша, потерпи, я полежу эти дни. Не
пугайся, если я не смогу прийти сегодня вечером, а может быть, и в следующие дни
к телефону. Видно надо вылежаться. Крепко целую. Все обойдется» (там же. С. 406;
Каталог Кристи. С. 69). Боли в спине врач объяснял невралгией, рекомен-довал
растирания и гимнастику.

² Хайнц Шewe – корреспондент газеты «Die Welt», состоявший в пере-писке с
фельтринелли и передававший известия от него. Он часто наве-щал О. Ивинскую и
ухаживал за ее дочерью, стал другом дома.

1672. О. В. ИВИНСКОЙ

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
27 апреля 1960, Переделкино

Утро, среда.

Я переселился вниз, чтобы не ходить по лестнице, и все время лежу. Позавчера вечером, в воскресенье, преодолевая мучительную боль, я еще был в состоянии добрести до конторы и позвонить тебе. Сегодня ни за какие золотые горы и даже по приказу врача я бы не мог простоять на ногах или просидеть больше 5 минут. Пишу тебе лежа. Придется, если это не кончится раньше как-нибудь по-другому, вычеркнуть (мне кажется) самое меньшее две недели нашей жизни. Работай, пиши что-нибудь свое. Это тебя успокоит. Давай держать связь по средам через Костю Богатырева, а по воскресеньям через Кому Иванова¹. Пока не предпринимай ничего решительного для свидания. Волны переполоха, которые бы это подняло, коснулись бы меня, и сейчас, при моем состоянии сердца, это бы меня убило. Зина² по своей глупости не догадалась бы пощадить меня. Я уже зондировал в этом отношении почву.

Если бы в «Искусстве» назрели какие-нибудь деньги, пусть переводят на мою сберкнижку. Данные спиши с моей доверенности на счет «Фауста», где они указаны². Меня очень интересует то правдивое и здоровое, что вы (ты, Ира, Кома, Костя) думаете о недоработанной половине пьесы³.

Можешь не возвращать ее мне, но и не переписывай. Там так много неестественной болтовни, которая ждет устранения или переделки.

Если ты себя почувствуешь в обстановке этого нового осложнения особо обойденной и несчастной, опомнись и вспомни: все, все главное, все, что составляет значение жизни только в твоих руках. Будь же мужественна и терпелива.

Сообщи Шкеевке адрес Ренаты⁴. Я его прилагаю на отдельном листке. Пусть он ей напишет, что я болезненно (т. е. с мучительными болями) и, по-видимому длительно заболел. Чтобы она от меня не ждала письма, а обращалась к нему (пусть он ей даст для этой цели свой адрес) со справками о моем здоровье. В экстренно нужных случаях пусть он заходит ко мне. Ты знаешь, как я хорошо к нему отношусь. Очень трудно писать, да и приходится второпях. Без конца тебя обнимаю и целую. Не огорчайся. Мы и не такое преодолевали.

Твой Б.

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Емельяновой). факсимиле: Каталог Кристи. С. 60. Датируется по содержанию.

¹ На обратной стороне конверта с запиской к Ивановым Пастернак приписал: «Просьба, чтобы Кома зашел ко мне в субботу или воскресенье в 1-ю половину дня от 12 до 2-х» (Воспоминания. С. 260).

² В издательстве «Искусство» готовился том Кальдерона, в котором шел перевод Пастернака «Стойкого принца»; в 3-й том собр. соч. Шекспира разрешили включить две трагедии в переводе Пастернака.

³ Переписанная рукопись «Слепой красавицы» была послана Ивинской через Вяч. Вс. Иванова, Пастернак еще надеялся заняться переработкой этой части и потому просил ее не перепечатывать. О. В. Ивинская знала эту часть и писала Ж. де Пруайяр о ней: «Я – счастливница, слушала пролог и несколько картин. Могу Вам сказать – это очень хорошо, жанр – а я так этого боялась – его не стеснил, талант его блещет во всю силу, простите за банальные слова – но лучше не подыщешь. Меня можете не по-дозревать в предвзятом мнении и пристрастии, я очень боялась пьесы, а после слушанья – я верю в нее и конечно все наши помыслы должны быть только о покое для него – чтобы он мог продолжать свою работу» («Новый мир», 1992, № 1. С. 188–189).

⁴ Р. Швейцер приезжала к Пастернаку 15–20 апреля и собиралась вернуться в июне. 1673. О. В. ИВИНСКОЙ

30 апреля 1960, Переделкино

30 апр. Суббота.

Лялюшенька дорогая, подумай, какая напасть! У меня есть надежда, что сегодня придет Кома, я что-нибудь узнаю о тебе, о твоём здоровье. Как твоя нога?¹ Моя болезнь сейчас в полном разгаре. Я страшно ослаб. Отзывы сердца на любое ничтожное движение ужасно болезненны и мгновенны. Единственно, что доступно сравнительно без боли, это лежать плашмя на спине. Но поведение окружающих таково, что они, по-видимому, верят в мое выздоровление. Я не вижу паники кругом. Но все очень, очень больно. Лялечка моя милая, всю жизнь я доставляю тебе огорчения! Эта болезнь тоже кажется мне карой Божьей за то, что я был слишком ласков с Ренатой. Олюша радость моя, займи себя какой-нибудь работой. Начни описывать свою жизнь, скупой, художественно законченно, как для издания. Это отвлечет тебя. Целую тебя без конца, тебя и твоих.

Если потребуется какой-нибудь решительный шаг и надо будет перешагнуть все сложившиеся препятствия, ты об этом своевременно узнаешь. Пишу тебе, тоже нарушая предписание врача, который запретил мне волноваться.

Твой Б.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Емельяновой).
Факсимиле: Каталог Кристи. С. 72.

1 О. Ивинская повредила себе ногу. Вяч. Иванов принес записку от нее, в ответ на которую Пастернак тут же написал: «Золотая моя прелесть, твое письмо как подарок, как драгоценность. Оно одно способно излечить, окрылить и вдунуть в меня жизнь. Но у меня очень частые и продолжительные перебои по всякому поводу и без всяких причин. Это одно может довести до отчаянья. Спасибо за все. Крепко целую тебя, ангел мой. Б.» (там же. С. 408. Каталог Кристи. С. 73).

1674. О. В. ИВИНСКОЙ
5 мая 1960, Переделкино
четверг 5 мая

Олюша родная, меня удивили твои вчерашние фантазии на-счет санатория. Все это совершенный и немного безжалостный бред. У меня не хватает сил побриться, выпадает бритва из рук от приступов лопаточной боли и простые отправления организма задерживаются и прерываются по той же причине, и вдруг в таком состоянии, когда для рентгеновского просвечивания меня нельзя перевезти в город, меня надо переволакивать куда-то в подмосковный санаторий, и собственно из-за чего? Оттого что у тебя, как ты боишься, неостановится терпения, пока я выздоровею, все восстановится и жизнь потечет по-прежнему? Какое счастье, что на это можно надеяться, что это представляется вероятным!! Еще день или два назад в этом позволительно было сомневаться. Из того что это не смертельно, что это нервно-мышечное воспаление¹ ведь еще не следует, что это игра моего воображения или вздор и «литература». Пока в силах человеческих было преодолевать эту боль, я ей сопротивлялся, ради встреч с тобой, ради жизни, ради работы. Но потом это стало невыносимо, невозможно. Я не понимаю, чем ты взволнована. Объективные показания (кардиограммы и пр.) позволяют думать, что я выздоровею². Мне уже немного лучше. Все, что у меня или во мне было лучшего, я сообщаю или пересылаю тебе: рукопись пьесы, теперь диплом³. Все нам помогают так охотно. Неужели нельзя перенести этой короткой разлуки и если она даже заключает некоторую жертву, неужели этой жертвы нельзя принести? Я пишу тебе все время со страшными перебоями, которые начались с первых строк письма. Я верю, что от этого не умру, но требуется ли это? Если бы я был действительно при смерти, я бы настоял на том, чтобы тебя вызвали ко мне. Но какое счастье, что, оказывается, этого не надо. То обстоятельство, что все, по-видимому, может быть восстановлено, кажется мне каким-то незаслуженным, сказочным, невероятным!!!
Что слышно насчет фаустовских денег? Правда ли, что предвидятся деньги в «Искусстве» (за Шекспира)⁴. Познакомилась ли ты с Евг. Мих. Морозовой?⁵ Прошейте, пожалуйста, тетрадь с пьесой. Как бы при чтении не разоряли выпадающие страницы.

Крепко обнимаю тебя и умоляю успокоиться.

Прерываю, очень усилилось сердцебиение.

Впервые: Ивинская. В плену времени. – Автограф (собр. И. И. Емельяновой).
Факсимиле: Каталог Кристи. С. 73. Машин, копии писем Пастернака Ивинской 1959–1960 гг. (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 598).

1 Такой диагноз был поставлен доктором Самсоновым (см. коммент. 1 к письму № 1671).

2 Кардиограмма была доставлена в поликлинику только 9 мая, доктор Е. Б. Нечаев констатировал свежий инфаркт миокарда и мерцательную аритмию. Эти показания были следствием разрастающихся метастазов рака легкого.

3 Пьеса была послана Ивинской 27 апреля через Вяч. Вс. Иванова, теперь Пастернак пересылал ей полученный к 70-летию диплом почетного члена Американской академии искусства и литературы («Agapecan Academy of Arts and Letters, National Institute of Arts and Letters in recognition of creative achievement in the arts Boris Pasternak was elected to honorary membership. New York. February, MCMLX»). См. Материалы ГМГЛ. С. 87.

4 Имеются в виду переиздание «Фауста» в Гослитиздате и 3-й том собр. соч. Шекспира в «Искусстве», которые вышли в 1960 г.

5 Вдова М. М. Морозова Е. М. Буромская.

1675. Ф. А. СТЕПУНУ

6 мая 1960, Переделкино

6 мая 1960

Дорогой мой Федор Августович, только на днях, более чем с годичным запозданием, прочел Вашу статью в N<eue> Rundschau¹. Сколько души и понимания Вы мне подарили!

Страшно горжусь Вашим признанием и такой одухотворенной захватывающей поддержкой.

Пишу Вам лежа в постели. Я захворал надолго чем-то если даже и не угрожающе опасным, то крайне болезненным. У меня невыносимые нервно-мышечные боли в левом

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori плече, груди и ло-патке, на которые всеми муками и видами своих уклонений отзы-вается и сердце. Сообщите это, пожалуйста, тем общим знакомым, которые со мною в переписке, – пусть их не обижает мое мол-чание. Если Бог даст, я выздоровею, я вернусь к Вашей статье и напишу Вам полнее. Болезнь застала меня в разгаре новой работы. Я только что перед этим справился с половиной задуманной пьесы. Наверное книгой «Wenn es aufklart»* я также повредил изда-тельству как был ему полезен предшествующим романом. Обна-ружившаяся благодаря талантливым и точным переводам Кеи'я старомодность и обычность этой поэзии должна была оттолкнуть и расхолодить современного западного читателя. Прерываю это письмо против воли: очень больно писать. Обнимаю Вас, Федор Августович, милый, дорогой. Привет Вашей милой, замечательной супруге. Не очень весело мне.
Ваш Б. Пастернак

*

Когда разгуляется (нем). 600

Впервые: «Быть знаменитым некрасиво...». Пастернаковские чтения. Вып. 1. М., 1992. – Автограф (Yale University, New Haven).

1 Fedor Stepun. Boris Leonidovitsch Pasternak. «Die Neue Rundschau», 1959, Jg. 70. В этой статье Степун разбирает глубокую «внутреннюю связь Пастернака» с символизмом и видит в этом отличие «Доктора Живаго» от традиционной формы западноевропейского и русского романа. «Отсут-ствие пластичности», некоторую «расплывчатость» образов главных дей-ствующих лиц и случайность их встреч Степун объясняет поэтикой сим-волистской прозы, которая дает Пастернаку «возможность окрылить свое повествование глубоко своеобразными, лично пережитыми раздумьями о судьбах мира, о трагедии человеческой жизни, о природе и назначении искусства». Он отчетливо увидел в романе, как «в планетарном размахе большевизма, в сверхчеловеческой активности партии, в ее мессианском утопизме, в том шуме и хаосе, которыми большевизм наполнил мир, Пас-тернак услышал голос смерти и увидел немое лицо человека, скорбящего о поругании самого дорогого, чем Создатель наградил человека, – о по-ругании его богоподобия, в котором коренится мистерия личности» («Ли-тературное обозрение», 1990, № 2. С. 70, 71).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

К VII–X томам писем*

Абашели Александр Виссарионович (Чочия; 1884–1954), грузинский поэт 679, 1313, 1422

Абашидзе Ираклий Виссарионович (1909–1992), грузинский поэт 690, 696, 726, 1340

Абхаидзе Шалва (1894–1968), грузин-ский поэт и литературовед, вхо-дивший в группу «Голубые роги» 997

Аванцо Николай Осипович (f1900), владелец магазинов художе-ственных материалов и принад-лежностей 152

Авдеев Арсений Дмитриевич (1901–1966), актер, театровед 868, 926, 928, 935, 943

Авдеев Валерий Дмитриевич (1908–1981), биолог 926, 928, 935, 943, 1050, 1064, 1128, 1129, 1266

Авдеев Дмитрий Дмитриевич (1879–1952), врач 868, 926, 928, 935, 1050, 1128, 1266

Авдеева Нина Гавриловна, жена Д. Д. Авдеева 926, 928, 935

Аверин Борис Иванович, историк ли-тературы; муж О. И. Александ-ровой 1105

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925), писатель-сатирик 238

Авинова Мария Юрьевна (Новосиль-цева; 1882–1975), жена историка и философа Н. Н.

Авинова, рас-стрелянного в 1937; переводчица английской литературы, после 1945 в США, издательница аль-манаха «У золотых ворот» (1957, Сан-Франциско) 829, 856

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943), один из лидеров эсеров, министр внутренних дел Временного правительства 170

Адалис Аделина Ефимовна (Ефрон; 1900–1969), писательница, по-этесса 191

Адамович Георгий Викторович (1892–1972), поэт, критик 1661

Адан Адольф Шарль (1803–1856), французский композитор 977

*Ссылки даны на порядковые номера писем. Полужирным шрифтом выделены номера писем ад-ресатов Б. Пастернака. Курсивом – номера писем, в комментариях к которым упоминаются указанные име-на (в цитатах из Пастернака).

Адельсон Абрам Вениаминович, хи-мик; сосед по квартире на Вол-хонке 197, 235, 337

Адельсон Стелла Самойловна (Фриш-ман; 1901–1988), стенографист-ка; соседка по квартире 197, 241, 292, 320, 322, 335, 339, 340, 434, 452, 528, 568, 574, 707, 715, 753, 782, 1083

Адик, Адя, см. А. Г. Нейгауз

Азеф Евно Фишелевич (1869–1918), руководитель Боевой органи-зации партии эсеров, осведо-митель Департамента полиции 303

Айзенман Ольга Александровна (Бари; 1879–1954), художница, ученица Л. О.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Пастернака; дочь А. В. Бари 10, 12, 415, 429, 491, 511, 630, 639, 651, 763, 874,
1068
Айзенман Семен Борисович (1879– 1953), юрист; муж О. А. Бари 8,11,415, 763
Акимов Николай Павлович (1901–1968), художник, главный ре-жиссер Ленинградского
театра Комедии 944, 1391
Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), публицист, поэт, общественный деятель 357,
361, 1441
Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860), публицист, историк 128, 357, 361
Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859), прозаик; отец И. С. и К. С. Аксаковых;
владелец усадь-бы Абрамцево 357, 361
Аксенов Иван Александрович (1884–1935), историк литературы, поэт, искусствовед,
переводчик 141, 142, 146, 151, 156, 159, 183
Александрова Ольга Ивановна (f1963), инженер 884,1103,1105
Алексеев Александр Александрович (1901–1982), художник; жил в Париже 1588
Алексидзе Мариджан (Мариам Ткема-ладзе-Алексидзе; 1890–1978), грузинская
поэтесса и драматург 814, 818, 997
Алексиева-Месхиева Варвара Влади-мировна (1875–г1942), актриса 224
Алигер Маргарита Иосифовна (1915– 1992), поэтесса, мемуаристка 1373
Алкей (кон. VII – 1-я пол. VI в. до н. э.), древнегреческий поэт-ли-рик 570
Алпатов Михаил Владимирович (1902–1986), историк искусства 1248,
1251,1277,1284,1308
Алпатова Софья Тимофеевна, жена М.В.Алпатова 1248, 1251, 1277, 1284, 1308
Альберта Рафаэль (1902–1999), испан-ский поэт 1055
Альбертини Татьяна Михайловна (Су-хотина; 1905–1996), дочь Т. Л. и М. С.
Сухотиных, внучка Л. Н. Толстого; автор воспоми-наний 1642
Альтман Моисей Семенович (1896–1987), филолог, специалист по античной литературе
232
Альтман Натан Исаевич (1889–1970), художник 1267, 1270, 1275
Алянский Самуил Миронович (1891–1974), заведующий «Издатель-ства писателей в
Ленинграде», автор книги «Встречи с Александром Блоком» (1972) 612, 619,624,
625,631, 1202
Амари, см. М. О. Цетлин
Амиель Анри Фредерик (1821–1881), швейцарский писатель, фило-соф, автор
знаменитого дневни-ка 184
Амирэджиби Родам, жена М. А. Свет-лова 1476
Ананиашвили Элизбар Георгиевич (1912–2000), физик и перевод-чик грузинской и
американской поэзии 984, 993,1313,1422, 1452
Анастасьев Виктор Феликсович (Блу-менфельд; 1888–1938), инженер; сын Ф. М.
Блуменфельда; в 1933 арестован 669, 676, 736
Андерсен Ганс (Ханс) Кристиан (1805–1875), датский писатель 152, 334,1316
Анджапаридзе Верико (1900–1987), грузинская актриса 937, 984
Андреас Саломе Лу (1861–1937), не-мецкая писательница; близкий друг Р.-М. Рильке
484, 1365
Андреев Вадим Леонидович (1902– 1976), писатель; сын Л. Н. Анд-реева 405, 1455,
1470
Андреев Константин Алексеевич (1848–1921), профессор матема-тики 48
Андреев Леонид Николаевич (1871–1919), писатель 1538
Андреева Анна Ильинична (Денисе-вич; 1883–1948), вторая жена Л. Н. Андреева 405
Андреева Ольга Викторовна (Чернова; 1903–1979), жена В. Л. Андреева 1455, 1470
Андриадзе Алексей Николаевич (1920–1985), врач; муж Танит Та-бидзе
1123,1124,1143,1153,1159, 1161,1176,1199,1210,1222,1585, 1632, 1651
Андриадзе Гиви (Николай) Алексее-вич, врач; внук Тициана Табидзе 922, 937, 1123,
1124, 1143, 1153, 1159,1161,1176,1199,1210,1222, 1409, 1585, 1632
Андроникашвили-Пильняк Борис Бо-рисович (1934–1996), писатель 1111
Андроникашвили Кира Георгиевна
(1909–1960), актриса; третья
жена Б. А. Пильняка 806, 807,
818, 1024,1111 Андроникашвили Элевтер Луарсабо-
вич (1911–1990), физик 676 Андроников Ираклий Луарсабович
(1908–1990), литературовед 791 Андроникова Вивиана Абелевна
(Робинзон; 1910–1995), актриса;
жена И. Л. Андроникова 793 Анисимов Юлиан Павлович (1889–
1940), поэт, художник, ученик
А Матисса, переводчик 62,75,79, 82, 83, 90, 93, 120, 232, 283, 333
Анненков Юрий Павлович (1889– 1974), художник 729
Анненский Иннокентий Федорович (1855–1909), поэт 69, 260, 274, 492,494, 676,
1043, 1192
Анов Николай Иванович (Иванов; 1891–1980), главный редактор журнала «Красная

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
новъ» 616

Анреп Василий Константинович фон (1852–1927), член партии «17 октября», фабрикант–фармаколог, профессор судебной медицины 116, 126
Антик Владимир Морицевич (1882– 1972), владелец книгоиздательства «Полезь», инициатор «Уни–версальной серии» дешевых изданий 112, 154
Антокольский Павел Григорьевич (1896–1978), поэт 232, 330, 442, 445, 448, 456, 465, 531, 727, 892, 893, 959, 966, 968, 975, 1453
Антонова Полина Николаевна, бух–галтер Гослитиздата 912, 916
Антоновская Анна Арнольдовна (1885–1967), автор исторических романов 683
Аплетин Михаил Яковлевич (1885–1981), литературный критик, председатель Иностранной ко–миссии Союза писателей 1366
Аполлинер Гийом (1880–1918), французский поэт 1098
Аптекарь Валериан Борисович, со–трудник Коммунистической Академии 560, 567
Апухтин Алексей Николаевич (1840– 1893), поэт 676
Арагон Луи (1897–1982), французский поэт и прозаик, общественный деятель 1472, 1473, 1505
Ардов Виктор Ефимович (1900–1976), писатель 801, 1052
Аристова Анна Ивановна (1886–1963), художница, ученица Л. О. Пастернака 429, 493, 496
Арним Беттина фон (1785–1859), немецкая писательница 405
Арнольд Вера Степановна (Житкова; 1877 – после 1952), сестра Б. С. Житкова 946
Арсенишвили Алексей Ильич (Али; 1892–1939), литературный критик 690
Архангельский Владимир Александрович (1895–1958), инженер–аэродинамик, пианист, ученик Г. Г. Нейгауза; был репрессирован 601, 606, 609
Асатиани Гурам (1928–1982), литературный критик 984, 1153, 1174
Асатиани Леван (1900–1955), литературовед; отец Г. Асатиани 984, 1153
Асатиани Тина Калистратовна, мать Г. Асатиани 984, 1153, 1585
Асеев Николай Николаевич (1889–1963), поэт 70, 74, 77, 83, 86, 88, 90–92, 95, 129–131, 135, 146, 150, 151, 156, 160–163, 193, 194, 203, 204, 206, 207, 209, 221–224, 232, 249, 254, 256–258, 260, 271, 277, 278, 280, 281, 283, 288, 305, 308, 310, 314, 315, 316, 326, 327, 347, 348, 352, 353, 356, 358, 368, 372, 384, 392, 398, 399, 400, 405, 406, 413, 422, 434, 437, 439, 492–495, 500, 522, 637, 664, 853, 866, 870–872, 878, 887, 907, 908, 913, 915, 919, 933, 935, 975, 1050, 1064, 1215, 1289, 1296, 1306
Асеева Ксения Михайловна (Синякова; 1893–1985), жена Н. Н. Асеева 151, 203, 232, 271, 399, 434, 637, 908, 1289, 1296
Асилов Степан Алексеевич, исполняющий обязанности директора Закгиза 620
Асквит Герберт Генри (1852–1928), граф Оксфорд и Асквит, премьер–министр Великобритании (1908–1916) 139
Асмус Ариадна Борисовна (1921–2005), математик; вторая жена В. Ф. Асмуса 1070, 1218
Асмус Валентин Фердинандович (1894–1975), историк философии 563, 576, 578, 581, 594–596, 601, 606, 607, 609, 613, 627, 639, 806, 817, 853, 861, 863, 872, 874, 896, 899, 900, 902–904, 911, 927, 929, 931, 941, 950, 983, 1000, 1007, 1206, 1218, 1416, 1624, 1626
Асмус Ирина Сергеевна (1893–1946), первая жена В. Ф. Асмуса 542, 563, 576, 578, 581, 594–596, 601, 604, 606–609, 613, 627, 639, 853, 861, 863, 872, 874, 896, 899, 900, 902–904, 911, 927, 929, 931, 941, 950, 983, 1000, 1007, 1019, 1218
Асмус Мария Валентиновна (1927–1999), дочь И. С. Асмус от первого брака 904
Астангов Михаил Федорович (1900–1965), актер 797
Афиногенов Александр Николаевич (1904–1941), драматург; убит ос–колком бомбы 842, 853, 861, 869, 1003, 1456
Афиногенова Антонина Васильевна, мать А. Н. Афиногенова 869
Афиногенова Евгения Бернгардовна (Дженни; 1905–1948), жена А. Н. Афиногенова; погибла во время пожара на пароходе 853, 861, 869, 1003, 1068
Афиногенова Светлана Александровна, дочь А. Н. Афиногенова 869
Ахматова Анна Андреевна (1889–1966), поэт 193, 194, 197, 221, 260, 277, 281, 283, 286, 294, 297, 300, 302, 319, 372, 374, 402, 439, 460, 476, 481, 485, 486, 492, 494, 497, 575, 645, 653, 654, 667, 681, 743, 746, 801, 807, 820, 826, 859, 869, 871, 893, 911, 918, 949, 997, 998, 1002, 1003, 1008, 1012, 1023, 1032, 1052, 1054, 1056, 1058, 1060, 1063, 1093, 1123, 1153, 1159, 1188, 1268, 1274, 1299, 1304, 1315, 1396, 1462, 1514, 1641
Ашмор Безил, английский театраль–ный режиссер 1654
Ашукин Николай Сергеевич (1890–1972), историк литературы, критик, поэт 618
Бабаев Эдуард Григорьевич (1927–1996), поэт и историк литературы 985
Бабель Исаак Эммануилович (1894– 1940; расстрелян), писатель 337, 411, 489, 1287
Багратиони–Грузинский Петре (Тезик; 1920–1984), грузинский поэт 641
Багрицкий Эдуард Георгиевич (1895– 1934), поэт 577, 1419

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Баевский Вадим Соломонович (р. 1929), литературовед, профес-сор русской
литературы 1403
Бажан Николай (Микола) Платонович (1904-1983), украинский поэт и общественный
деятель 972, 1040
Бажанов Борис Васильевич, библиоте-карь 1596, 1647
Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788- 1824), английский поэт 69, 194, 287, 297, 770,
778, 779, 932, 1055, 1087, 1538
Балакирев Милий Алексеевич (1836/ 37-1910), композитор 1260
Баландер Абрам Осипович, детский врач; муж племянницы Р. И. Пастернак Розы
Баландер-Метельниковой 226, 231, 397
Балашов Сергей Михайлович (1903- 1989), артист эстрады и чтец-дек-ламатор 721,
966
Балтрушайтис Георгий Юрьевич (1903-1988), французский ис-кусствовед; сын Ю. К.
Балтрушайтиса 85-87, 98, 136, 431
Балтрушайтис Мария Ивановна (Оло-вянишникова; 1878-1948), жена Ю. К.
Балтрушайтиса 85, 91, 96, 97
Балтрушайтис Юрий (Юргис) Казимирович (1873-1944), русский и литовский поэт,
дипломат 85-88, 96, 97, по, 431, 572, 1175
Бальзак Оноре де (1799-1850), фран-цузский писатель 57, 74, 81, 410, 431
Бальмонт Константин Дмитриевич (1867-1942), поэт 492, 494, 608, 923
Банников Николай Васильевич (1918-1996), редактор Гослитиздата
1368, 1370, 1373, 1378, 1412, 1433, 1441, 1510
Баранов Петр Иванович (1892-1933), начальник Военно-Воздушных Сил Красной Армии
590
Баранович (Поливанова) Анастасия Александровна, переводчик; дочь М. К. Баранович
1037, 1203, 1294, 1331, 1339, 1352, 1378, 1400
Баранович Марина Казимировна (1901-1975), переводчик, маши-нистка 1037, 1061,
1068, 1070, 1076, 1203, 1206, 1214, 1231, 1235, 1292, 1294, 1331, 1336, 1339,
1341, 1347, 1352, 1365, 1378, 1389, 1400, 1411, 1455, 1495, 1635, 1652
Бараташвили Николай (Николоз) (1817-1845), грузинский поэт 948, 959, 960, 966,
968, 969, 983, 989, 993, 994, 998, 1006, 1034, 1055, 1086, 1159, 1186, 1188, 1190,
1191, 1210, 1249, 1458
Баратынская Екатерина Ивановна (1852-1921), писательница и пе-дагог 97
Баратынская Настасья Львовна (1804-1860), жена Е. А. Баратынского 76
Баратынский Евгений Абрамович (1800-1844), поэт 76, 95, 162, 307, 349, 1461
Барбаросса, см. Фридрих I Барбаросса
Барбе д'Оревильи Жюль Амеде (1808- 1889), французский писатель 162
Бари Александр Вениаминович (1847- 1913), инженер 8
Бари Анна Александровна, см. А. А. Са-мойлова
Бари Виктор Александрович, сын А. В. Бари, как подданный
США, участвовал в Первой ми-ровой войне 10, 11 Бари Георгий Александрович (Юра;
1896-1973), ветеринар; сын А. В. Бари; как подданный США, участвовал в Первой
мировой войне 10
Бари Евгения Александровна (Нерсесо-ва; 1881-1967), художница; дочь А. В. Бари 8
Бари Л. А., см. Л. А. Воскресенская
Бари Мария Александровна (1889-1978), дочь А. В. Бари 11
Бари О. А., см. О. А. Айзенман
Бари, семья 160, 335
Баркова Анна Александровна (1901-1976), поэтесса; была репресси-рована 810, 819
Бартнев Петр Юрьевич, редактор журнала «Русский архив», внук основателя журнала
П. И. Барте-нева 72, 76
Барто Агния Львовна (1906-1981), по-этесса 899
Баталов Алексей Владимирович (р. 1928), киноактер и режиссер 1274
Бауков Александр Васильевич, слуша-тель Литинститута 898
Бауман Николай Эрнестович (1873-1905), деятель российского рево-люционного
движения 1593
Бауманн Макс (1917-1999), немецкий композитор, автор оперы «Элик-сир Дьявола»
1614
Баура (Боура) Сесил Морис (1897-1971), английский филолог 976, 979-981, 1002,
1003, 1012, 1083, 1098, 1383, 1394, 1396
Бах Алексей Николаевич (1857-1946), биохимик, академик АН СССР (1929) 133, 491
Бах Иоганн Себастьян (1685-1750), немецкий композитор 33, 56, 468, 604, 1241,
1260, 1603, 1614
Бах Лидия Алексеевна (1894-1975), журналист, историк; дочь А. Н. Баха 653
Бахтин Михаил Михайлович (1895-1975), теоретик искусства 475
Бацер Давид Миронович (1905-1987), инженер-экономист, муж Е. А. Но-виковой; был
арестован 572
Башкиров-Верин Борис Николаевич (1891-?), поэт; друг И. Северя-нина, Н. С.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Гумилева; с 1920-х в Эстонии и Германии, потом в США 184
Башкирцева Мария Константиновна (1860-1884), художница, автор «Дневника» 232
Бебе, см. Ревекка Высоцкая
Бебутов Гарегин Владимирович (1903-1987), редактор, литератор 621, 692, 696,
696, 710, 745, 1271, 1412, 1414, 1422, 1445, 1450, 1452, 1453, 1502, 1522, 1561
Бедия Эрнест (Ермолай) Александрович (1890-1938), нарком просвещения Абхазской
АССР 688
Бедный Демьян (Ефим Алексеевич Придворов; 1883-1945), поэт 388, 492-494
Бекер-Модерзон Паула (1876-1907), немецкая художница; подруга Клары Рильке 1346
Беккер Кете, владелица бензоколонки в Марбурге 1601, 1602
Бекман-Щербина Елена Александровна (Каменцева; 1881-1951), ученица А. Н.
Скрябина, одна из первых исполнительниц его произведений 277
Беликов Иван Александрович (1908-?), поэт, историк литературы 587
Белый Андрей (Борис Николаевич Бугаев; 1880-1934), поэт-символист 67, 138,
150, 151, 156, 165, 178, 183, 191, 195, 196, 209, 220, 232, 247, 297, 307, 352,
388, 389, 399, 405, 439, 442, 457, 524, 531, 569, 572, 598, 608, 616, 640, 658,
688, 693, 695, 696, 719, 721, 722, 936, 939, 982, 1192, 1397, 1433, 1531, 1642
Бёме Якоб (1575-1624), немецкий философ-мистик 120
Бенатов Леонардо Михайлович (Левон Бунятян-Бунатян; 1899-1972), французский
художник 230
Бендицкий Семен Соломонович (1908-1993), пианист, ученик Г. Г. Нейгауза по
Тифлисской консерватории 854
Берггольц Ольга Федоровна (1910-1975), поэт 1008, 1023, 1069, 1074
Бердслей (Бердсли) Обри (1872-1898), английский художник 69, 1649
Бердяев Николай Александрович (1874-1948), религиозный философ, публицист; в
1922 выслан; умер во Франции 1657
Берестов Валентин Дмитриевич (1928-1998), поэт 1519
Берия Лаврентий Павлович (1899-1953; расстрелян), в 1938-1945 нарком внутренних
дел, член Политбюро ЦК КПСС (с 1946) 788, 790, 803, 804, 805
Беркович Эсфирь, двоюродная сестра Е. В. Пастернак 493
Берлин Алина (Бродская; в первом браке Ганцбург, баронесса), жена И. Берлина
1405
Берлин Исая (1909-1997), английский философ и историк 980,
1002, 1003, 1083, 1383, 1396, 1404, 1405, 1564, 1666
Берман-Фишер Готфрид, с 1939 владелец издательства S. Fischer Verlag 1497,
1504, 1527, 1544, 1547, 1590, 1601, 1602, 1610, 1614, 1663, 1664
Берсенева Иван Николаевич (Павлович; 1889-1951), режиссер и актер,
художественный руководитель МХАТ 2-го (с 1928); муж С. В. Гиацинтовой 1153
Бертран Алоизиус (1807-1841), французский писатель 203, 209
Бескин Осип Мартынович (1892-1969), литературный критик, директор Госиздата 315
Бетмай-Гольвег Теобальд (1856-1921), германский рейхсканцлер и прусский
министр-президент (в 1909-1917) 139
Бетховен Людвиг ван (1770-1827), немецкий композитор 12, 316, 405, 561, 574,
606, 1028, 1153, 1235, 1241, 1260, 1614
Бехер Иоганнес Роберт (1891-1958), немецкий поэт, общественный деятель
274, 319, 813, 1055, 1472, 1473
Билибин Иван Яковлевич (1876-1942), театральный художник; с 1922 по 1936 жил за
границей 202
Биск Александр Акимович (1883-1973), переводчик 1491
Благинина Елена Александровна (1903-1989), поэтесса 925, 1473
Блейк (Блек) Уильям (1757-1827), английский поэт 330, 770
Блок Александр Александрович (1880-1921), поэт 67, 93, 188, 194, 280, 288, 294,
297, 360, 362, 364, 378, 382, 399, 403, 442, 494, 496, 576, 596, 601, 611, 668,
672, 753, 767, 807, 870, 936, 938, 939, 954, 975, 976, 979, 980, 982, 985, 986,
1012, 1025, 1038, 1039, 1043, 1046, 1050, 1093, 1098, 1175, 1192, 1297,
1303, 1305, 1344, 1386, 1397, 1424, 1433, 1438, 1443, 1470, 1471, 1505,
1519, 1544, 1568, 1595, 1623, 1642
Блок Любовь Дмитриевна (Менделеева; 1881-1939), актриса; жена А. А. Блока 1397
Блохин Николай Николаевич (1912-1993), хирург-онколог, академик АН СССР (с
1979) 1427
Блуменфельд В. Ф., см. В. Ф. Анастасьев
Блуменфельд Наталья Феликсовна (Туся; 1884-1960), дочь Ф. М. Bluменфельда 703,
705, 720, 721, 737, 806, 840, 850, 888, 899, 903, 1287
Блуменфельд Ольга Феликсовна (1887-1946), дочь Ф. М. Bluменфельда 806, 840, 850,
888
Блуменфельд Феликс Михайлович (1863-1931), композитор, дирижер; брат матери Г.
Г. Нейгауза 1386
Боборыкин Петр Дмитриевич (1836-1921), писатель 164, 425

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Бобров Мар Сергеевич, математик; сын С. П. Боброва 120
Бобров Сергей Павлович (1889-1971), поэт 70,72, 74, 75, 76, 77, 83, 86,
88, 90, 91, 92, 93, 95, 120, 121, 127, 129-131, 133, 135, 137, 138, 140, 141, 142,
144-146, 150, 151, 152, 153, 156, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 165, 173, 185,
187, 191, 198, 204, 206, 207, 209, 210, 212, 228, 263, 271, 283, 309, 437,
492-494, 594, 596, 655, 830, 919, 961, 1140, 1148, 1192
Боброва Мария Ивановна, первая жена С. П. Боброва 88, 93, 120, 127, 129, 135,
137, 142, 150, 156, 165, 212
Богатырев Константин Петрович (1925-1976), германист, пере-водчик 1261, 1480,
1672
Богатырев Петр Григорьевич (1893- 1971), этнограф, фольклорист, литературовед
1261
Богданов Петр Алексеевич (1882-1939), председатель ВСНХ (1921-1925) 198
Богданова Татьяна Ивановна, маши-нистка 1331, 1341, 1455
Богословская Мария Павловна (1902- 1975), переводчик; третья жена С. П. Боброва
655, 830, 919, 1140, 1148
Богословский Николай Вениамино-вич (1904-1961), историк лите-ратуры 1042
Бодаревский (Бондаревский) Николай корнилиевич (18 50-1921), художник 644
Бодлер Шарль (1821-1867), француз-ский поэт 69, 1532
Божидар, см. Б. П. Гордеев
Божилев Божидар (р. 1923), болгар-ский писатель 1402
Боков Виктор Федорович (1914-?), поэт 897
Бокшанская Ольга Сергеевна (Ню-ренберг; 1891-1948), секретарь В. И.
Немировича-Данченко 851, 910
Большаков Дмитрий, сын Лидии Ари-старховны Большаковой, сестры К. А. Большакова
644, 647
Большаков Константин Аристархович (1895-1938; расстрелян), поэт, прозаик 120,
127, 132, 644, 647
Боровик Эммануил Исаакович, специалист по бенгальской по-эзии 1363
Боровский Александр Кириллович (1889-1968), пианист и педагог; с 1920 в
эмиграции 638
Бородин Александр Порфирьевич (1833-1887), композитор 14
Бострем Георгий Эдуардович (1884- 1977), художник и иконописец 1291
Бочков Виктор Михайлович (1900- 1981), начальник Особого отде-ла НКВД 805
Боянус Семен Карлович (1872-1952), профессор кельтской и англий-ской филологии,
шекспировед, автор русско-англ. и англо-русск. словарей 907, 909
Браз Осип Эммануилович (1873- 1936), художник; в 1920-х жил в Париже 477, 480
Браинина Берта Яковлевна (1902- 1984), литературный критик 887, 907, 909
Брамс Иоганнес (1833-1897), немец-кий композитор 574, 1499, 1603, 1614, 1633
Брандуков Анатолий Андреевич (1856-1930), виолончелист, ди-рижер, композитор 568
Браун Алек (1900-1962), английский писатель, поэт, переводчике рус-ского языка
932, 1594
Браун Энтони, английский журналист, корреспондент «Daily Mail» 1588
Браунинг Роберт (1812-1889), англий-ский поэт 330
Брехт Бертольт (1898-1956), немецкий писатель, режиссер 1366
Брик Лили Юрьевна (1891-1978), жена О. М. Брика, подруга В. В. Маяковского 203,
204, 206, 222, 224, 232, 258, 326, 327, 358, 492, 1272
Брик Осип Максимович (1888-1945), критик, драматург, идеолог ЛЕФа
130, 203, 204, 222, 224, 232, 258, 326, 327
Броневский Владислав (1897-1962), польский поэт 415, 1655
Бруни Иван Львович (1920-1995), художник 1225
Бруни Нина Георгиевна (Рещикова; 1927-1999), переводчица; жена И. Л. Бруни,
внучка А. И. Угри-мова 1225, 1464
Брут Марк Юний (85-42 до н. э.), убийца Цезаря 20
Брюсов Валерий Яковлевич (1873-1924), поэт 67, 86, 88, 90, 94, 95, 135, 181,
191, 192, 196, 197, 198, 245, 260, 280, 283, 288, 297, 299,
418, 492, 494, 505, 608, 1083, 1306, 7557, 1433
Брюсова Жанна (Иоанна) Матвеевна (Рунт; 1876-1966), жена В. Я. Брюсова 297
Бубнов Андрей Сергеевич (1884-1938; расстрелян), партийный деятель, с 1929
нарком просвещения РСФСР 613
Бугаева Клавдия Николаевна (Василь-ева; 1886-1970), жена Андрея Белого 572, 616,
695, 716, 721, 722, 936, 1037, 1038, 1214, 1635, 1636
Буданцев Сергей Федорович (1896-1938; расстрелян), писатель 178, 183, 186, 191,
198, 203, 204, 231, 315, 434, 445
Буданцева Вера Васильевна (Ильина; 1894-1966), поэтесса, детская писательница;
жена С. Ф. Бу-данцева 186, 198, 203, 204, 231, 434
Будберг Мария Игнатьевна (Закревс-
кая; 1892-1974), переводчик;

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
гражданская жена Максима
Горького 381, 392, 405, 413, 425,
609, 615, 1452 Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–
1940), писатель, драматург 754, 758 Булгакова Елена Сергеевна (Ню-
ренберг; 1893–1970), жена
М. А. Булгакова 754 Бунин Иван Алексеевич (1870–1953),
поэт, прозаик 195, 335, 358, 395,
678, 954, 1302 Бурденко Николай Нилович (1876–
1946), хирург 315 Буридан Иоанн (ок. 1300 – ок. 1358),
французский философ–схоласт
310
Бурков Иван Семенович (1905–1985), учитель литературы, поэт 951, 982, 1044, 1342
Буромская Евгения Михайловна, театровед; жена М. М. Морозова 889, 1674
Бухарин Николай Иванович (1888– 1938; расстрелян), партийный деятель 658, 705,
712, 750, 751, 761
Бухштаб Борис Яковлевич (1904–1985), литературовед 464
Буше Андре дю (1924–2001), французский поэт, прозаик, журналист 1494,
1515–1518, 1521, 1543
Буше-Жолас Тина дю, жена А. дю Буше 1513, 7575–1517, 1521, 1543
Бялик Хаим Нахман (1873–1934), еврейский поэт 208
Бялыницкий-Бируля Витольд Каэтанович (1872–1957), художник 742
Ваганов Константин Константинович (1899–1934), поэт, прозаик 378, 494
Вагнер Рихард (1813–1883), немецкий композитор 111, 195, 231, 312,
316, 576, 665, 710, 764, 1241, 1416, 1499, 1603, 1614, 1628, 1649
Вадецкий Борис Александрович (1907–1962), писатель 917
Важа Пшавела (Лука Разикашвили; 1861–1915), грузинский поэт 677, 679, 696, 701,
710–713, 716, 727, 745, 746, 942, 973, 989, 993, 998, 1045, 1249, 1309, 1445
Вайль (вейль) Герман (1885–1955), немецкий математик и философ 189
Валери Поль (1871–1945), французский поэт 286, 310, 362, 755, 932, 976
Вальтер, см. Вальтер Филипп
Вальтер Рейнхольд фон, немецкий славист и переводчик 1544
Ван Гог Винсент (1853–1890), голландский художник 235
Ван Дейк (ван Дик) Антонис (1599–1641), фламандский художник 10
Васильев Павел Николаевич (1910– 1937; расстрелян), поэт 670, 1232
Васильев Петр Афанасьевич (1907–1944; погиб на войне), юрист, журналист 934, 953
Васильев Сергей Александрович (1911–1975), поэт 900
Васильева Нина (Антонина) Исааковна, жена П. А. Васильева 953
Васильчикова Екатерина Павловна (1906–1994), художница, реставратор,
иконописец; была арестована в 1928 и вскоре освобождена; за полгода до смерти
приняла схиму под именем Елизаветы 433
Ватагин Василий Алексеевич (1883/ 84–1969), скульптор, художник–график 246, 336
Ватагин Марк Германович (Вайнштейн; р. 1933), переводчик 1351
Вачнадзе Нато Георгиевна (Андрони-кашвили; 1904–1953), актриса 984, 997, 998,
1024, 1111, 1159
Вебер Карл Мария фон (1786–1826), немецкий композитор и дирижер 1614
Вейерштрасс Карл Теодор Вильгельм (1815–1897), немецкий математик 47
Вейнберг Петр Исаевич (1831–1908), поэт, переводчик, историк литературы 1338
Вейнерт Эрих (1890–1953), немецкий поэт 755
Веласкес Диего (1599–1660), испанский художник 450, 770, 775
Венецианов Алексей Гаврилович (1780–1847), художник 1308
Венкстерн Наталья Алексеевна (1893–1957), драматург, автор пьес и инсценировок
по произведениям Ч. Диккенса 1109, 1133
Венус Георгий Давидович (1897–1939; умер в тюрьме), реэмигрант, автор книги
стихов «Полустанок» (Берлин, 1925), романа «Война и люди» (Москва, 1926);
арестован (в 1934) 725
Вербицкая Анастасия Алексеевна (1861–1928), писательница 135
Вергилий Марон Публий (70–19 до н. э.), римский поэт, персонаж «Божественной
комедии» Данте 19
Верейский Георгий Семенович (1886–1962), художник, график 1421
Вересаев Викентий Викентьевич (Смидович; 1867–1945), прозаик, поэт, переводчик
754, 784
Верлен Поль Мари (1844–1896), французский поэт 45, 50, 51, 93, 407, 554, 767,
770, 822, 956, 966, 1055, 1098, 1424, 1535
Вермель Самуил Матвеевич (1892–1972), поэт, издатель, режиссер 129–131, 133,
137, 150, 152
Вермель Филипп Матвеевич (1899–1938; расстрелян), поэт и переводчик; брат С. М.
Вермеля 130
Верн Жюль (1828–1905), французский писатель 657

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Верфель Франц (1890–1945), немецкий поэт, прозаик 359
Верхарн Эмиль (1855–1916), бельгийский поэт 143, 191, 297, 308, 772, 1098, 1593
Верховский Юрий Никандрович (1878–1956), поэт, историк поэзии пушкинской поры, переводчик 300, 994, 995, 998, 999
Веснина Наталья Михайловна (Багриновская; 1891–198?), жена архитектора В. А. Веснина 1020
Вивекананда Свами (1863–1902), индийский мыслитель-гуманист, религиозный реформатор и общественный деятель 1648
Викер Э., учительница французского языка 1472, 1474
Виленкин Виталий Яковлевич (1911–1997), театровед, мемуарист 851, 910, 945
Виллалонга Хосе Луис, испанский писатель 1567
Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941), германский император и прусский король (1888–1918) 97
Вильдрак Шарль (Мессаже; 1882–1971), французский писатель 457, 459, 460
Вильсон Томас Вудро (1856–1924), президент США (1913–1921), инициатор вступления США в Первую мировую войну 149
Вильям Алексей Рудольфович, библиограф, сын арестованного в 1937 брата А. Н., Н. Н., М. Н. и И. Н. Вильямов 863
Вильям Анна Николаевна (Кудряшова; 1908–1999), преподаватель немецкого языка 453, 737, 898, 920
Вильям Анна Федоровна (Берг; 1873–1958), мать сестер и братьев Вильямов 226, 721, 737, 874, 940
Вильям Ирина Николаевна (1898–1987), архитектор; жена А. Л. Пастернака 208, 211, 224, 226, 252, 269, 271, 279, 302, 309, 314, 332, 342, 343, 440, 442, 450, 453, 462, 488, 490, 491, 537, 551, 559, 589, 592, 598, 617, 629, 630, 632, 636, 643, 644, 653, 673, 707, 711, 728, 732, 762, 775, 776, 782, 847, 863, 866, 874, 900, 980, 1000, 1002, 1003, 1008, 1033, 1043, 1069, 1124, 1149, 1288, 1290, 1326, 1408
Вильям Маргарита Николаевна (Рита; 1903–1981), художник по куклам 201, 252, 364, 453, 488, 721, 854, 898, 920
Вильям Мария Николаевна (1927–1994), инженер-оптик; дочь Н. Н. Вильям-Вильмонта 1290
Вильям-Вильмонт Николай Николаевич (1901–1986), историк литературы 197, 198, 200, 203, 204, 211, 216, 217, 218, 224, 228, 252, 288, 307, 333, 338, 359, 414, 434, 439, 442, 457, 504, 559, 563, 630, 742, 817, 853, 874, 1068, 1088, 1096, 1174, 1257, 1368, 1487
Вильямы, семья 197, 241, 252, 370
Вильявин Юрий Григорьевич, адресат писем Б. Пастернака 1279, 1401, 1457
Виноград Валериан Александрович (1898–1974), инженер; брат Е. А. Виноград 53, 168–170
Виноград Владимир Александрович (1895–1942), брат Е. А. Виноград 19, 53
Виноград Елена Александровна (Дороднова; 1896–1987), двоюродная сестра А. Л. Штиха 19, 53, 87, 154, 157, 166, 167, 169, 172, 215, 287, 288
Виноградов Анатолий Корнелиевич (1888–1946), писатель, директор Библиотеки им. Ленина 1051
Виноградов Георгий Семенович (1886–1945), профессор Иркутского университета, специалист по детскому фольклору 513
Виноградов Дмитрий Александрович (1944–2004), литератор; сын О. В. Ивинской 1577
Виноградов-Мамонт Николай Глебович (1893–1967), драматург, исторический романист 811
Винсент Ф., английский аристократ 10, 13
Винсент Сибилла (1899–?), дочь Ф. Винсента 13, 764
Виташевская Мария Николаевна (1901–1986), журналист; в 1920-е работала в ЦК РАБИС, с 1950 в восточной редакции Гослитиздата 1309, 1363, 1367, 1379
Витязев П. (Седенко Ферапонт Иванович; 1886–1938), историк, библиограф, директор издательства «Колос» 523
Вишневский Александр Леонидович (Вишневецкий; 1861–1943), актер МХАТ 62, 511, 721
Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951), драматург 1029
Вишняк Абрам Григорьевич (1895–1943), владелец издательства «Ге-Ликон» в Берлине 203, 209, 212, 531
Владыкин Григорий Иванович, директор Гослитиздата 1433, 1437, 1492
Вогау Андрей Борисович (1921–1985), сын Б. А. Пильняка и М. А. Соколовой-Вогау 469
Вознесенский Андрей Андреевич (р. 1932), поэт 1105, 1421, 1487
Волин Борис Михайлович (Фрадкин; 1886–1957), партийный деятель, член редколлегии «Правды» (с 1918), начальник Главлита (1931–1935), 1-й заместитель наркома просвещения РСФСР 186, 761
Волкова Мария Андреевна (Маруся; 1896–1966), няня Л. Пастернака

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
840, 845, 849, 850, 853, 899, 929, 1288
Волошин Максимилиан Александрович (1877–1932), поэт, художник 232, 281, 301,
302, 372, 740, 775
Волошина Мария Степановна (1887– 1976), жена М. А. Волошина 1227, 1233
Вольтер (Франсуа Мари Аруэ; 1694–1778), французский философ, писатель,
энциклопедист 1266
Вольф Курт (1887–1963), немецкий издатель; с 1933 – во Франции, затем в США
1500, 1533, 1537, 1547, 1548, 1549, 1601, 1602, 1613, 1617, 1624,
1625, 1631, 1639, 1650, 1654, 1663
Вольф Элен, владелица издательства
Harcourt Brace Jovanovich, NY;
жена К. Вольфа 1549, 1602, 1613,
1617, 1639, 1663
Волынский Марк Семенович, физик
1250
Воронский Александр Константинович (1884–1937; расстрелян), критик, публицист
198, 398, 590
Воробьева Ирина Владимировна, редактор Детгиза 1058
Воронцова Любовь Андреевна, переводчик с венгерского 1375
Воротынцева Нина Павловна (†1930), жена Н. Н. Вильям-Вильмонта 434, 439, 453,
457
Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969), государственный и партийный деятель 708
Воскресенская Лидия Александровна (Бари; 1885–1982), искусствовед, библиотекарь;
дочь А. В. Бари 1557, 1586, 1638
Воскресенская Наталия Александровна (1918–1963), дочь Л. А. Воскресенской 1638
Воскресенская Ника Александровна (1915–1991), геолог; дочь Л. А. Воскресенской
1638
Врангель Людмила Сергеевна (Елпатьевская; 1877–1969), дочь писателя С. Я.
Елпатьевского 740
Врубель Михаил Александрович (1856–1910), художник 136, 152, 361, 1142
Вулф Вирджиния (1882–1941), английская писательница 1396, 1405
Вьюрков Александр Иванович (1885– 1956), автор рассказов и очерков о старой
Москве 821
Выгодский Давид Исаакович (1893– 1943), переводчик и литературный критик; в
1938 был арестован 722
Вырубова Анна Александровна (1884– 1964), фрейлина императрицы Александры
Федоровны 425, 431
Высоцкая Елена Давыдовна (1894– 1920), художница 17, 29, 38, 51, 52, 62
Высоцкая Ида Давыдовна (Фельдцер; 1890–1976), дочь мецената Д. В. Высоцкого
17, 26, 27, 33, 36,
37, 38, 44, 50–52, 61, 62, 99, 112, 122, 458, 542
Высоцкая Рашель Давыдовна (Решка) 718
Высоцкая Ревекка Давыдовна (Бебе)
38, 158, 321, 718
Высоцкий Давид Васильевич (1860–?), чаеоторговец и меценат 10
Выспанский Станислав (1869–1907), польский поэт 886, 1668
Габричевский Александр Георгиевич (1891–1968), искусствовед 806
Габричевская Наталья Алексеевна (Северцова; 1901–1970), художница 806
Гавронская Анна Осиповна 47
Гавронская Евгения, жена А. О. Гавронского 17, 25, 28, 31, 32, 35
Гавронская Мария Васильевна, сестра Д. В. Высоцкого, мать Александра, Анны,
Дмитрия и Ильи Гавронских, двоюродных братьев и сестры Иды Высоцкой 56
Гавронский Александр Осипович (1888–1958), кинорежиссер 17, 19, 25, 27, 28, 31,
32, 35, 47, 63
Гавронский Дмитрий Осипович (1883–1949), философ, ученик Гюгено 47, 51, 57, 58
Гаген-Торн Нина Ивановна (1901– 1986), этнограф, писательница, автор
воспоминаний; была дважды арестована 1311
Гайдн Франц Йозеф (1732–1809), австрийский композитор 1614
Галлимар Гастон (1881–1975), французский издатель 1410, 1413,
1440, 1455, 1459, 1466, 1467, 1474, 1483, 1486, 1496, 1497, 1507, 1621, 1642, 1670
Гамсун Кнут (Педерсен; 1859–1952), норвежский писатель 184, 567, 1302
Ганди Махатма (Мохандас Карамчанд Ганди; 1869–1948), один из лидеров индийского
национально-освободительного движения и его идеолог 1648
Гандольфи Надежда Игнатьевна (Калынь; 1881–1946), певица, педагог 737
Ганон (Анон) Шарль Луи (1819–1900), французский пианист и педагог, автор
сборника по методике обучения игре на фортепьяно 110
Гапон Георгий (1870–1906), священник, агент охраны 261, 285, 294, 302
Гаприндашвили Валериан (1888–1941), грузинский поэт и переводчик 641, 679, 690,
696, 701, 723, 745, 832, 966, 968, 993

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Гардинер Сэмюэл Росон (1829–1902), английский историк, автор трудов по истории
Англии XVII в. 137
Гаркави Владимир Осипович (1846– 1911), адвокат; друг Л. О. Пастернака, отец Н.
В. Угримовой 3
Гарнак Адольф (Harnack; 1851–1930), немецкий богослов и историк христианства 411
Гаррик (Гарик), см. Г. Г. Нейгауз
Гарритано Джузеппе, итальянский журналист, сотрудник издательства фельетринелли
1591
Гарритано Джульетта, жена Г. Джузеппе 1541
Гарсиа Лорка Федерико (1898–1936), испанский поэт 1098
Гартман Николай (1882–1950), немецкий философ, ученик Г. Когена 47, 53, 57
Гауптман Герхарт (1862–1946), немецкий писатель 644
Гауф Вильгельм (1802–1827), немецкий писатель-романтик 152
Ге Николай Николаевич (1831–1894), художник 355, 785
Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ 278, 280, 283
Гейм Георг (1887–1912), немецкий поэт 274
Гейне Генрих (1797–1856), немецкий поэт 316, 630, 676
Гейнсборо Томас (1727–1788), английский художник 770
Гейрингер Стефан (Степка), племянник Ф. К. Пастернака; жил в Бразилии 980
Гельдерлин Фридрих (1770–1843), немецкий поэт 316, 359
Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд (1821–1894), немецкий физиолог, автор трудов
по физиологии слуха и зрения 12
Гендель Георг Фридрих (1685–1759), немецкий композитор и органист 33
Геникес Евгения (Женя), Мария (Маруся) и Тася (Таисия), внучатые племянницы Л.
О. Пастернака 30, 429, 574, 724, 782
Геникес Софья Иосифовна (Шапиро; 1866–1941), племянница Л. О. Пастернака 30,
528, 548, 552, 568, 574, 581, 591, 782, 838
Георге Стефан (1868–1933), немецкий поэт 418, 1601, 1602
Георгий Александрович (1871–1899), великий князь 1562
Герасимов Михаил Прокофьевич (1889–1939), поэт 294, 300
Гербарт Иоганн Фридрих (1776–1841), немецкий философ 53
Гербель Николай Васильевич (1827– 1883), поэт, переводчик, издатель 909
Гервег Георг (1817–1875), немецкий поэт 249
Геренштейн Эстер (Тони Кассирер), жена философа Кассирера и автор воспоминаний
1622
Герстен Абрам Самойлович, двоюродный брат Р. И. Пастернак 30
Герцен Александр Иванович (1812–
1870), писатель и общественный деятель 1299, 1624
Герцык Аделаида Казимировна (1874–1925), поэтесса, прозаик, переводчица
философской и искусствоведческой литературы 531, 532
Гершензон Михаил Осипович (1869– 1925), историк литературы и философ 411, 672
Герштейн Эмма Григорьевна (1903– 2002), историк литературы, мемуарист 539
Гёте Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий поэт 52, 54, 97, 99, 200, 270, 299, 316,
333, 337, 360, 367, 372, 442, 492, 505, 516, 718, 784, 954, 1025, 1028, 1048,
1063–1069, 1071, 1073, 1074, 1081, 1083–1090, 1092, 1093, 1095, 1096, 1098, 1099,
1101, 1104, 1105, 1108, 1110, 1113, 1114, 1124–1127, изо,
1133–1135, 1137, 1139, 1143, 1146–1148, 1151, 1165, 1166, 1170, 1172, 1174,
1177, 1181, 1183, 1184, 1186, 1192, 1197, 1200, 1210, 1222, 1225,
1228–1233, 1235, 1236, 1238, 1239, 1240, 1248, 1252, 1255–1258, 1260,
1261, 1263–1266, 1269, 1272, 1273, 1276, 1277, 1285, 1293, 1294, 1300,
1334, 1338, 1346, 1347, 1350, 1359, 1365, 1368, 1383, 1396, 1429, 1454,
1470, 1477, 1494, 1504–1506, 1508, 1509, 1511, 1512, 1516, 1526, 1527,
1536, 1543, 1545, 1565, 1585, 1587, 1593, 1595, 1609, 1614, 1615, 1617,
1619, 1625, 1627, 1632, 1652, 1664, 1672, 1674
Гиацинтова Софья Владимировна (1895–1982), актриса; жена И. Н. Берсенева 783,
1153
Гидаш Антал (1899–1980), венгерский поэт 1030
Гинзбург (Гинцбург) Илья Яковлевич (1859–1939), скульптор, автор портретов
русских писателей и художников. Известен его портрет работы Л. О. Пастернака
(1905) 10
Гита (Гитта), см. Г. В. Лурье Гитлер Адольф (1889–1945) 1621 Гладков Александр
Константинович
(1912–1976), драматург 870, 873,
908
Гладков Федор Васильевич (1883– 1958), прозаик 315, 439, 607, 689
Глебов Анатолий Глебович (Котельников; 1899–1964), драматург 902
Глиэр Рейнгольд Морицевич (1874– 1956), композитор, педагог 46, 121
Глумов Александр Николаевич (1901– 1976), писатель, чтец, музыковед 948, 990,
Страница 303

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
1606
Глюк Кристоф Виллибальд (1714– 1787), немецкий композитор 782
Гнедов Василиск (Василий Иванович; 1890–1978), поэт 95
Гнесин Михаил фабианович (1883–1957), композитор 574
Гнесина Елена фабиановна (1874– 1967), пианистка и педагог 537,574
Гоген Поль (1848–1903), французский художник 814
Гогоберидзе Жанго (1905–1937; рас-стрелян), грузинский поэт-футу-рист 717, 723,
991
Гоголева Елена Николаевна (1900– 1994), актриса 1357
Гоголь Николай Васильевич (1809– 1852), писатель 40, 89, 149, 255, 333, 389,
418, 431, 721, 939, 1127, 1181,1187,1235,1243,1270,1275, 1333, 1388, 1643
Годдис (Ходдис) Якоб ван (Ганс Давид-сон; 1887–1942), немецкий
поэт-экспрессионист 274
Гозиасон Екатерина Леоновна, внуч-ка старшей сестры Л. О. Пастер-нака Е. О.
Якобсон 2, 5
Гозиасон Елизавета Леоновна (Якобсон; f1925), племянница Л. О. Пастер-нака, дочь
Е. О. Якобсон 269,541
Гозиасон Карл Яковлевич, знакомый Фрейденов 243
Гозиасон Леон Яковлевич (*f 1918; расстрелян), первый муж Е. Л. Якобсон 541
Гозиасоны, семья 184
Гойя Франсиско Хосе де (1746–1828), испанский художник 812, 814
Голкрофт (Halkroft), сотрудница ан-глийского посольства 1002, 1003
Головенченко Федор Михайлович (1899–1963), литературовед, ди-ректор Гослитиздата
995, 1032, 1058
Голосовкер Яков Эммануилович (1890–1967), филолог, перевод-чик, философ 961, 962
Голубенцев Николай Александрович (1900–1978), чтец-декламатор 939, 990, 1317,
1320, 1341, 1344
Гольденвейзер Александр Борисович (1875–1961), пианист, профессор Московской
консерватории 33
Гольдингер Екатерина Васильевна (1881–1973), художница, искус-ствовед, ученица
Л. О. Пастерна-ка 211, 429
Гольцев Виктор Викторович (1901– 1955), литературный критик, ре-дактор 466,
683–685, 688, 690, 696, 701, 702, 703, 708, 726, 727, 759, 760, 774, 777, 798,
815–817, 883,922,969,999,1006,1013,1348
Гольцева Юлия Сергеевна († 1985), жена В. В. Гольцева 685,703,708, 815, 816, 969
Гомер (VII в. до н. э.), древнегреческий поэт 5, 181,525,758, 784
Гомолицкая Татьяна Сергеевна (1913– 1995), библиограф и историк
за-падноевропейской литературы; дочь О. С. Третьяковой 1637
Гонта Мария Павловна (1904–1995), сценарист; жена Д. В. Петровско-го 222, 231,
232, 271,466, 504,887
Гончаров Андрей Дмитриевич (1903– 1979), художник-график 1225,1536
Гончаров Иван Александрович (1812– 1891), писатель 311
Гончаров Олег, геолог 1571
Гончарова Наталия Сергеевна (1881–1962), художница; в 1915 уехала во Францию
516, 531, 729
Гора Йозеф (1891–1945), чешский поэт 744, 932
Гораций (Квинт Гораций Флакк; 65–8 до н. э.), римский поэт 962
Горбатов Борис Леонтьевич (1908–1954), прозаик 1029
Горбачев Игорь Олегович (1927–2003), актер, с 1954 в Ленинградском театре драмы
им. Пушкина 1243
Горбов Дмитрий Александрович (1894–1967), литературовед и ре-дактор Гослитиздата
412, 864, 880, 886
Горбовец Зиновий Исаакович (1897– 1976), художник-график, автор портрета Б.
Пастернака 673
Горбунков Митрофан Петрович (1888–1964), искусствовед 223
Горбунов Иван Федорович (1831–1895), актер Малого, потом Александрийского
театра, мас-тер устных рассказов из народно-го быта 889
Горде Мишель, французский журна-лист 1416
Гордеев Богдан Петрович (Божидар, 1894–1914), поэт 108, 127, 137
Гордеев Дмитрий Петрович (1889–1968), историк искусств 108
Гордон Габриель (Гаврила) Осипович (1885–1938), философ 53
Горелый Бенджамин, французский славист и переводчик 1470,1503
Горнунг Анастасия Васильевна (Пет-рово-Соловово; 1897–1956), дет-ская
писательница; жена Л. В. Горнунга 1057, 1059, 1076
Горнунг Лев Владимирович (1901– 1993), фотограф, мемуарист 300, 335, 485, 1057,
1058, 1059,1076
Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867–1941), лингвист, литературовед 497
Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967), поэт 196

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Горький Максим (Алексей Максимо-вич Пешков; 1868-1936), писа-тель 103, 182, 185,
209, 224, 245,
247, 350, 361, 379, 381, 382, 386, 387, 388, 389, 392, 393, 395, 398, 400-403,
404, 405, 406, 412, 413, 421, 425, 430, 432, 434, 435, 463, 465, 477, 531, 549,
552-555, 558, 561, 571, 599, 601, 609, 611, 613, 615, 622, 623, 664, 665, 667,
669, 677, 689, 697, 708, 709, 711, 740, 755, 871, 874, 889, 896, 980, 1093,
1117, 1281, 1306, 1351, 1375, 1398, 1452, 1628
Гофман Виктор Викторович (1884- 1911; покончил с собой), поэт 74
Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776-1822), немецкий писатель 74, 86, 231, 891, 1603,
1642
Гоцци Карло (1720-1806), итальян-ский драматург 889, 1642
Грабарь Игорь Эммануилович (1871- 1960), художник, искусствовед 957, 980
Грачева А. И., переводчица 1569
Гребешкова Анна Семеновна, редак-тор Детгиза 1164, 1189
Греггер Анна Робертовна (1897-1986), пианистка; жена В. Ф. Анастась-ева 668, 806,
840, 888
Грёгер Вольфганг Е., немецкий поэт и переводчик 265, 932
Гржебин Зиновий Исаевич (1869-1929), художник, издатель 191, 192, 335
Гржимали Иван Войцехович (1844- 1915), скрипач 568
Грибоедов Александр Сергеевич (1795-1829), писатель 277, 406, 418, 431, 1333,
1519
Григ Эдвард (1843-1907), норвежский композитор 1241
Григорьев Аполлон Александрович (1822-1864), поэт и критик 875, 892, 954, 1443
Гримм, братья: Якоб (1785-1863) и Вильгельм (1786-1859), немец-кие филологи 52
Грин (Гриневский) Александр Степа-нович (1880-1932), писатель 1129, 1228
Грин Джон Ричард (1837-1883), ан-глийский историк, автор «Исто-рии английского
народа» в 4 т. (1877-1880) 137, 141
Гринберг Захарий Григорьевич (1889- 1949), работник Наркомпроса 207
Гришавили Иосиф (Мамулашвили; 1889-1965), грузинский поэт и историк литературы
679, 696, 726, 942, 997
Громов Михаил Петрович (1927-1990), филолог, специалист по творчеству А. П.
Чехова 1046, 1087, 1420
Тройский Иван Михайлович (1894- 1985), литературный критик, редактор 645
Гроссман Василий Семенович (1905- 1964), писатель 875, 1202, 1204
Гроссман-Губер Ольга Михайловна, жена В. С. Гроссмана 899
Груздев Илья Александрович (1892- 1960), писатель, литературный критик 255, 257,
268, 272, 275, 278, 281, 582, 588, 599, 601, 612
Грузинская Тамара Александровна, мать поэта Петре Багратиони-Грузинского 641
Губарев Борис Кириллович (1913- 1983), преподаватель литературы в Донецкой
области; в 1953 был арестован 1039, 1049, 1067, 1125, 1151, 1254
Гудзий Николай Калининкович (1887-1965), литературовед, ака-демик АН Украины
(1945) 1642
Гудзь (Шаламова) Галина Игнатьевна (1910-1986), жена В. Т. Шаламо-ва 1192, 1193,
1219, 1297, 1345, 1353
Гудиашвили Ладос (Владимир Давидо-вич; 1896-1983), художник 688,
696, 745, 973, 984, 989, 1024, 1040, 1414, 1585, 1587, 1651
Гудиашвили Нина Иосифовна, жена Ладос Гудиашвили 973, 1015, 1024, 1040, 1585, 1587,
1651
Гудиашвили Чукуртма, балерина; дочь Ладос Гудиашвили 1580, 1585, 1587, 1599, 1651
Гуль Роман Борисович (1896-1986), писатель 1642, 1661
Гуляшки Андрей (1914- 1995), болгар-ский писатель, главный редактор журнала
«Пламя» 1402
Гумилев Лев Николаевич (1912-1992), этнограф; сын А. А. Ахматовой и Н. С.
Гумилева; был трижды аре-стован 743, 746, 807
Гумилев Николай Степанович (1886-1921; расстрелян), поэт 196, 278, 280, 283,
288, 297, 335, 522, 1299, 1303
Гундольф Фридрих (1880-1931), не-мецкий поэт, профессор Гейдель-бергского
университета, историк литературы 333, 337, 338
Гуперт Гуго (Hupert Hugo), немецкий переводчик с русского языка 932
Гурамишвили Давид (1705-1792), гру-зинский поэт 1340
Гурьев Дмитрий Николаевич (1751- 1825), министр финансов; сла-вился своим
гурманством 342
Гутенберг Иоганн (ок. 1399-1468), не-мецкий изобретатель книгопеча-тания 103
Гюго Виктор Мари (1802-1885), фран-цузский поэт и прозаик 137, 152, 196, 212, 954
Дайлис Генриетта Абрамовна (Ета Гер-стен), дочь двоюродного брата Р. И.
Пастернак 375, 1349
Дальцев Зиновий Григорьевич (1884- 1963), театральный деятель, заме-ститель
председателя Всероссий-ского театрального общества 867

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Данин Даниил Семенович (Плотке; 1914–2000), литературный критик, писатель 933
Д'Анджело Серджо, итальянский журналист 1430, 1431, 1459, 1466, 1469, 1590, 1591, 1666
Данте Алигьери (1265–1321), итальянский поэт 19, 187, 238, 417, 418, 796, 1595
Деборд-вальмор Марселин (1786– 1859), французская поэтесса, автор романа «Мастерская художника» (1833) 194, 287, 298
Девивер Жан, бельгийский корреспондент Б. Пастернака; служащий туристической конторы 1559
Дедециус Карл, немецкий славист и переводчик 1604
Дейч Александр Иосифович (1893– 1972), историк литературы, германист, переводчик 1096
Деман Альбер, профессор Брюссельского университета 1593
Демокрит (ок. 470 или 460 до н. э. – ?), древнегреческий философ 198
Денисова Надежда Дмитриевна (Ша-рыгина), художница; подруга Ж. Пастернак 353
Державин Владимир Васильевич (1908–1975), переводчик 1453
Державин Гаврила Романович (1743– 1816), поэт 601, 672
Джавахишвили Михаил Саввич (Ада-мишвили; 1880–1937; расстрелян), прозаик 641
Джапаридзе Медея Валериановна (1923–1994), актриса 1599
Джеймс (Джемс) Генри (1843–1916), американский писатель 1623
Джемс Ричард, английский священник и ученый XVII в. 1329
Джине Джеймс Хопвуд (1877–1946), английский астрофизик, автор книг «Вселенная вокруг нас» (1932), «Движение миров» (1933) 737
Джованович Миловой, югославский писатель, переводчик 1459, 1467
Джойс Джеймс (1882–1941), ирландский писатель 247, 253, 650, 1483, 1529
Джонсон Бенджамин (Бен) (1572–1637), английский драматург 240, 241, 243, 254, 266, 770, 932
Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926), политический деятель 308
Диденко Валерий Валентинович (1928–1955), поэт 1361
Диккенс Чарлз (1812–1870), английский писатель 68, 184, 195, 201, 203, 230, 253, 283, 383, 526, 639, 718, 753, 853, 1009, 1011, 1603, 1623
Димитрий Ростовский (Даниил Саввич Туптало; 1651–1709), митрополит Ростовский с 1701, проповедник; автор духовных драм и мистерий, составитель Четьих-Миней; канонизирован 1291
Димитров Георгий (1882–1949), председатель Совета министров Болгарии, деятель международного коммунистического движения 697
Динамов Сергей Сергеевич (1901– 1939; расстрелян), литературный критик, ответственный редактор «Литературной газеты» (1930– 1933) 655
Дирак Поль Адриен Морис (1903–1984), английский физик, один из создателей квантовой механики; лауреат Нобелевской премии (1933) 737
Дмитриев Николай Федорович (Коля; 1933–1949), художник 1103, 1105
Дмитриев Федор Иванович, отец Н. Ф. Дмитриева 1105
Дмитриева Наталия Николаевна, мать Н. Ф. Дмитриева 1105
Добровейн Исай Александрович (Зайка; 1891–1953), пианист и дирижер 17, 19, 21, 25, 28, 33, 35, 148
Добролюбов Александр Михайлович (1876–1945?), поэт, создатель религиозного учения и группы «добролюбовцев» 784
Долидзе Мери (Виктор Исидорович) (1890–1933), композитор 1599
Долматовский Евгений Аронович (1915–1994), поэт 496, 875
Донн Джон (1572–1631), английский поэт 1605
Дорлиак Нина Львовна (1908–1998), певица; жена С. Т. Рихтера 1102, 1176, 1414, 1421
Дос Пассос Джон (1896–1970), американский писатель 650
Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), писатель 25, 195, 209, 277, 383, 386, 389, 572, 713, 753, 820, 1009, 1011, 1025, 1093, 1111, 1192, 1442, 1603, 1623, 1642
Дурова Анастасия Борисовна (1907– 1999), преподавательница русского языка во французском колледже 1619, 1621
Дурылин Сергей Николаевич (1877– 1954), историк литературы 18, 19, 21, 23, 26, 62, 71, 93, 513, 534, 586, 595, 601, 602, 669, 718, 945, 949, 954, 955, 967, 979, 986, 996, 1112, 1177, 1344, 1546
Дюамель Жорж (1884–1966), французский поэт 350, 357, 954, 1567
Дюгид Джулиан, английский путешественник, автор книги «Человек-тигр. Одиссея дружбы» 650
Дюма Александр (Дюма-сын; 1824– 1895), французский писатель и драматург 1333
Дюшен Люи (1843–1922), французский философ, духовный писатель, автор книги «Истоки христианства» 187

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Дюшен И., ответственный редактор в Детгизе 890
Евгений, друг Б. Пастернака и его адресат 27
Евдокимов Иван Васильевич (1887– 1941), писатель, историк народ-ного искусства
640, 852
Евклид (III в. до н. э.), древнегрече-ский математик 47
Евтушенко Евгений Александрович (р. 1933), поэт 1476, 1519
Ежов Иван Степанович (18817–1938?; расстрелян), составитель антоло-гии русской
поэзии XX в. (1925) 294
Екатерина II Великая (1729–1796), русская императрица (с 1762) 231, 1593
Елизавета I Тюдор (1533–1603), англ-ийская королева (с 1558) 1338 Ельницкий Л.
А., адресат 1424 Елютин Вячеслав Петрович (1907– 1993), министр высшего и
сред-него образования (1959–1985) 1376
Емельяников Сергей Павлович (1*1992), издательский работник, заведующий
иностранной редак-цией Гослитиздата 1363
Емельянова Ирина Ивановна (р. 1938), переводчик; дочь О. В. Ивин-ской
1234, 1384, 1427, 1451, 1498, 1541, 1573, 1574, 1633, 1636, 1650, 1667, 1672
Ермилов Владимир Владимирович (1904–1965), литературный кри-тик, один из
руководителей РАППа, главный редактор «Ли-тературной газеты» (1946–1950) 1294,
1303
Ерофеев Александр Сергеевич (1887–1949), литератор; муж В. К. Звя-гинцевой 1038
Есенин Сергей Александрович (1895–1925), поэт 196, 260, 270, 272, 273, 277, 280,
295, 297, 302, 359, 375, 378, 405, 414, 420, 496, 520, 576, 676, 742, 837, 921,
938, 982, 1021, 1025, 1036, 1046, 1050, 1093, 1118, 1192, 1232, 1305, 1329, 1344, 1385,
1443, 1453
Ефрем Сирий (IV в.), византийский поэт и учитель церкви; канони-зирован 1396
Жадовская Юлия Валериановна (1824–1883), русская писатель-ница и поэтесса 129
Жанго, см. Гогоберидзе
Жанна д'Арк (ок. 1412–1431), народ-ная героиня Франции; в 1920 канонизирована
243, 762
Жаров Александр Алексеевич (1904– 1984), поэт 664, 709, 1073
Жгенти Бесо (Виссарион; 1903–1978), журналист 676, 677, 679, 966, 998, 999, 1013,
1014, 1024, 1026, 1034, 1370
Живов Марк Семенович (1893–1962), журналист, историк и перевод-чик польской
литературы 761, 877, 1485, 1624, 1655
Живова Евгения Семеновна, секре-тарь С. Я. Маршака 809, 829
Жид Анд ре (1869–1951), французский писатель 755
Жильбер Жан (1879–1942), немецкий композитор и дирижер 212
Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971), историк литерату-ры 1374
Жоня, см. Ж. Л. Пастернак
Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), поэт 672, 712, 713,
1584, 1608, 1609, 1615, 1629, 1661
Жуковский Даниил Дмитриевич (1909–1939), поэт 531
Журавлев Дмитрий Николаевич (1900–1991), актер, чтец 1018,
1153, 1176, 1188, 1196, 1197, 1200, 1238, 1241, 1267, 1320, 1336
Журавлева Валентина Павловна, жена Д. Н. Журавлева 1018, 1176, 1188, 1197,
1200, 1238, 1241
Заболоцкая Екатерина Васильевна (Клыкова; 1906–1997), жена Н. А. Заболоцкого
1234
Заболоцкий Николай Алексеевич (1903–1958), поэт 674, 1234, 1249, 1453
Завадская Вера Александровна (ок. 1895–1930), соученица м. И. Цве-таевой по
гимназии 531, 532
Завадская Нина Всеволодовна, первая жена К. Г. Локса 80, 84, 216
Завадская Мария Михайловна, редак-тор Гослитиздата 1094
Завадский Юрий Александрович (1894–1977), режиссер, актер, педагог 977
Зайка, см. И. А. Добровейн
Зайцев Борис Константинович (1881–1972), прозаик, переводчик; с 1922 в эмиграции
193, 207, 209, 457, 1584, 1595, 1608, 1609, 1615, 1629, 1661
Зайцев Петр Никанорович (1889–1971), издательский работник 175, 192, 284, 478,
688
Зайцева Вера Алексеевна (Орешнико-ва; 1877–1965), жена Б. К. Зай-цева 1584,
1615, 1629, 1661
Зайчиков Василий Федорович (1888– 1947), актер 418
Закревская, см. М. И. Будберг
Замойский Август, польский скульп-тор; муж Элен Пельтье 1496, 1528, 1600, 1607,
1613
Замошкин Николай Иванович (1896– 1960), литературный критик 451
Замятин Евгений Иванович (1884– 1937), писатель; с 1932 за грани-цей 192, 337,
460, 508, 582, 613, 729

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Замятина Людмила Николаевна (1883–1965), жена Е. И. Зайцева 729
Збарская Евгения Борисовна (Пе-рельман), вторая жена Б. И. Збарского 477, 491,
751
Збарская Ольга Тимофеевна, жена Я. И. Збарского 171
Збарская Фанни Николаевна (Зиль-берман; 1884–1971), микробиолог; первая жена Б.
И. Збарского 109–111, 114, 116, 126, 128, 134, 139, 145, 147–149, 152, 171
Збарский Борис Ильич (1885–1954), биохимик, академик АМН (1944) 109–111,
113–116, 118–121, 123, 126, 128, 129, 132–136, 138, 139, 143, 145, 147–149, 151,
152, 198, 236, 241, 313, 336–339, 370, 409,
415, 484, 491, 651, 653, 742, 747, 748, 751, 755–757, 762
Збарский Илья Борисович (Элик; р. 1913), биохимик; сын Б. И. и Ф. Н. Збарских ПЗ,
152, 491
Збарский Яков Ильич (|1918; убит на Гражданской войне), брат Б. И. Збарского 126,
171
Звягинцева Вера Клавдиевна (Ерофеева; 1894–1972), поэтесса, переводчик 513,
595, 669, 708, 1017, 1038
Зданевич Илья Михайлович (Ильезд; 1894–1975), поэт, теоретик аван-гарда 88
Зданевич Кирилл Михайлович (1892– 1969), художник 1476
Зелинский Корнелий Люцианович (1896–1970), критик, один из организаторов группы
«Литературный центр конструктивистов» 288, 290, 294, 299, 307, 308, 310, 333,
338, 347, 580, 648, 655, 949, 986, 1093, 1432, 1481
Зелинский Фаддей Францевич (1859–1944), историк античной литературы и
искусства, переводчик 914
Зенкевич Михаил Александрович (1891–1973), поэт, переводчик 796, 899, 1173
Зибер Карл, муж дочери Р.-М. Рильке, Рут; издатель переписки Рильке 1365
Зибер-Рильке Рут (†1972), дочь Р.-М. Рильке 1365
Зимель Александр Иванович (1890–1970), исследователь южноамериканских джунглей
650
Зинкова Елена Осиповна (Иосифовна), жена Б. К. Губарева 1125, 1254, 1321
Зискинд А., секретарь коллегии Наркомата почт и телеграфа 209
Златкин Марк Израилевич, директор издательства «Заря Востока»
1412, 1422, 1452, 1460, 1522, 1555
Зозуля Ефим Давидович (1891–1941), писатель-сатирик, один из руководителей
журнала «Огонек» 276
Зонов Аркадий Павлович (1875–1922), режиссер, театральный педагог 87
Зоценко Михаил Михайлович (1894– 1958), прозаик 933, 935, 1315, 1450, 1471, 1585
Зубакин Борис Михайлович (1894–1937), поэт, археолог 361, 381, 386, 388,
389, 400, 405, 1200
Зубатов Сергей Васильевич (1864–1917), жандармский полковник, создатель системы
политическо-го сыска 261
Ибсен Генрик (1828–1906), норвежский драматург 143, 629, 783, 1538, 1602
Иван IV Грозный (1530–1584), первый русский царь (с 1547) 479, 826, 877
Иванов Александр Андреевич (1806–1858), художник 333, 1248
Иванов Всеволод Вячеславович (1895–1963), прозаик 209, 463, 489, 492, 613, 697,
785, 843, 853, 855, 869, 871, 874, 874, 877, 893, 898, 904, 911, 926, 929, 1176, 1202,
1242, 1325, 1329, 1390, 1435, 1456, 1471, 1478, 1626, 1663
Иванов Вячеслав Всеволодович (р. 1929), филолог, академик; сын Вс. Вяч. Иванова
871, 874, 877, 1294, 1326, 1329, 1331, 1519, 1672, 1673
Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949), поэт; с 1924 жил в Италии 67, 87, 96, 97,
135, 165, 232, 494, 672, 1397, 1407
Иванов Дмитрий Вячеславович (Жан Невсель; 1912–2004), французский журналист;
сын В. И. Иванова 1407, 1409, 1416, 1423
Иванов Михаил Всеволодович (1927–2000), художник 871, 874, 877, 911
Иванова Вера Константиновна (Шварсалон; 1890–1920), жена В. И. Иванова 87, 97
Иванова Тамара Владимировна (1900– 1995), переводчица; жена
Вс. Вяч. Иванова, мать Михаила, Татьяны и Вячеслава 843, 869, 871, 874, 877,
893, 898, 904, 911, 1176, 1202, 1242, 1325, 1329, 1390,
1391, 1414, 1435, 1456, 1471, 1478, 1626, 1663
Иванова Татьяна Всеволодовна, филолог 854, 871, 874, 877
Иванов-Козельский Митрофан Трофимович (1850–1898), актер русского
провинциального театра 1029
Иваск Ивар, немецкий поэт, профессор университета Оклахома, США; корреспондент
Б. Пастернака 1635, 1663
Иваск Юрий Павлович (1907–1986), поэт, философ, литературный критик, историк
литературы 1635
Ивинская Ольга Всеволодовна (1912– 1985), переводчица; подруга Б. Пастернака;
была дважды арестована 1030, 1069, 1097, 1098, 1101, 1105–1107, 1113, 1114, 1119,
1124, 1126, 1133, 1161, 1162, 1169, 1234, 1240, 1313, 1314, 1331, 1336,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
1362,1363,1367,1373,1378,1379, 1380, 1384, 1400, 1411,
1425-1428,1429,1431,1432,1435,1445, 1450,1451,1453,1455, 1465,1485,
1486,1487,1492,1493,1495,1496, 1498,1510,1515,1518,1521,1530,
1536,1541,1548,1551,1552,1561, 1567, 1571, 1573-1579, 1586,
1588,1589,1591,1600,1612,1613, 1617-1619,1627,1629,1631,1636,
1650,1651,1656,1661,1666,1668, 1671-1674
Ивнев Рюрик (Михаил Александрович Ковалев; 1891-1981), поэт 88,95, 120, 175,
993, 998
Игнатова Наталия Ильинична (1900-1957), редактор в издательстве АН СССР; дочь
издателя и жур-налиста И. Н. Игнатова 613,1133
Игнатъев Иван Васильевич (Казан-ский; 1892-1914), поэт 95
Игуменов Константин Николаевич (1873-1948), пианист 574
Избаш Анна Петровна, сестра П. П. Шмидта 309
Извольская Елена Александровна (1897-1975), переводчица, рели-гиозная
писательница, в конце жизни монахиня 310, 313, 355, 932, 1365
Измайлов Александр Алексеевич (1873-1921), литературный кри-тик, поэт, прозаик
118
Ийеш Дюла (Дьюла) (1902-1983), вен-герский поэт 1375, 1381, 1398, 1513
Ильин Николай Николаевич (Нилли; 1886-1944), писатель, публи-цист; в 1917
организовал в Сим-бирске «Дом народного творче-ства» 526, 533, 546, 585
Ильинский Игорь Владимирович (1901-1987), актер 418
Ина, см. И. Н. Вильям
Инбер Вера Михайловна (1890-1972), поэт 673, 1074
Индида, см. А. О. Пастернак
Ионов Илья Ионович (1887-1942), за-ведующий Петроградским отде-лением Госиздата
254, 257
Иордане (Йордане) Якоб (1593-1678), фламандский живописец 241
Ипполитов-Иванов Михаил Михай-лович (1859-1935), композитор, дирижер, педагог 44
Исаковский Михаил Васильевич (1900-1973), поэт 975, 1192
Истрати Панаит (1884-1935), румын-ский писатель 469
Итс (Йитс) Уильям (1865-1939), ир-ландский поэт, драматург и кри-тик 976
Каблуков Сергей Платонович (1881- 1919), преподаватель математи-ки, секретарь
Религиозно-фило-софского общества 160
Каверин Вениамин Александрович (Зильбер; 1902-1989), прозаик 460, 526,
779,1196,1373
Каверина Лидия Николаевна, жена В. А. Каверина, сестра Ю. Н. Ты-нянова 1196
Казакевич Эммануил Генрихович (1913-1962), писатель 1358, 1371, 1372, 1391
Казанский Борис Васильевич (1889- 1962), историк литературы, пуш-кинист и
переводчик 909, 929
Казарновский Юрий Алексеевич (1904-1956?), поэт, автор сбор-ника «Стихи» (1936);
был аресто-ван 976, 985
Казин Василий Васильевич (1898-1981), поэт 232, 258, 277, 899
Казмичев Михаил Матвеевич (1897- 1960), поэт и переводчик 654
Кайден Юджин Марк, американский славист и переводчик 1521,1538, 1564,1594,1631,
1639,1640,1650
Кайль Рольф-Дитрих, немецкий поэт и переводчик 1601, 1602, 1610, 1611, 1614,
1663,1664, 1675
Какабадзе Этери Николаевна, жена Давида Какабадзе 1585,1599,1651
Каладзе Карло Рожденович (1904-1988), грузинский поэт и драма-тург 679, 703,
726,745
Калигула (12-41; убит преторианца-ми), римский император 199
Калинин Михаил Иванович (1875- 1946), политический деятель 610, 611,736
Калинина Валентина Васильевна, ак-триса МХАТ 1133
Кальдерон де ла Барка Педро (1600- 1681), испанский драматург 1614, 1631-1633
Калькройт Вольф фон, граф, поэт-ди-летант 483
Камен (Самен) Генри, английский славист и переводчик 1564
Каменев Лев Борисович (Розенфельд; 1883-1936; расстрелян), полити-ческий деятель
201, 224
Камю Альбер (1913-1960), француз-ский писатель; лауреат Нобелев-ской премии
(1957) 1515, 1516, 1517,1518,1521,1531,1532,1543, 1552, 1597, 1642, 1649, 1670
Канский Ростислав Борисович (1906-1948), востоковед 402
Кант Иммануил (1724-1804), немец-кий философ 41, 42, 47, 48, 57-59, 77, 362
Капабланка Хосе Рауль (1888-1942), кубинский шахматист, гросс-мейстер, чемпион
мира (1921- 1927) 724
Капица Анна Алексеевна (1903-1996), жена П. Л. Капицы 1626
Капица Петр Леонидович (1894-1984), физик, академик АН СССР (1939); лауреат
Нобелевс-кой премии (1978) 737, 1626
Карамзин Николай Михайлович (1766-1826), историк, писатель 1643

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Карл VI Безумный (1368–1422), фран-цузский король (с 1380) 762
Карл VII (1403–1461), французский король (с 1422) 762
Карпов Владимир Львович (1907– 1986), химик, один из создателей радиационной
химии полиме-ров; сын Л. Я. Карпова 136, 138, 142, 143, 152, 165, 174
Карпов Лев Яковлевич (1879–1921), химик и общественный деятель, член ЦК РСДРП,
основатель физико-химического института, носящего его имя 126, 136, 138, 139,
149, 151, 152, 162, 174, 241
Карпов Юрий Львович (р. 1912), спе-циалист в области эксперимен-тальной
аэродинамики; сын Л. Я. Карпова 152
Карпова Анна Самойловна, жена Л.Я.Карпова 145, 151, 152, 162, 174
Карсавин Лев Платонович (1882– 1952), религиозный философ 403 Касаткин Алексей
Иванович, суфлер 27
Кассиль Лев Абрамович (1905–1970), писатель 869
Кассирер Эрнст (1874–1945), немец-кий философ 56, 1622
Кастальская Наталия Александровна, балерина; дочь композитора А. Д. Кастальского
1219
Катаев Валентин Петрович (1897– 1986), писатель 258, 434, 836, 962, 1514, 1516,
1517
Катков Георгий Михайлович (1903–1985), профессор Оксфордского университета 1083,
1383, 1394, 1396, 1399, 1404
Катто Жак, французский славист 1642
Кауфман Берта Самойловна (f1930), мать Р. И. Пастернак 8–12, 30, 33, 315, 328,
338, 339, 375, 377, 480, 490, 498, 510, 511, 517, 527, 542, 548, 552, 764
Кауфман Варвара Григорьевна, жена О. И. Кауфмана 331, 490, 1084
Кауфман Осип (Иосиф) Исидорович (1870–1940), уездный врач в Каси-мове; брат Р.
И. Пастернак 110, 122, 330, 469, 483, 490, 747, 838, 1084
Кafka Франц (1883–1924), австрий-ский писатель 1517, 1529
Качалов Василий Иванович (Шверу-бович; 1875–1948), актер, с 1900 во МХАТе
945, 949
Каширина Зинаида Владимировна, художница; сестра Т. В. Ивано-вой 871, 904
Каширина Мария Потаповна, мать З. В. Кашириной и Т. В. Ивано-вой 871, 1202
Кашкин Иван Александрович (1899– 1963), историк англо-американ-ской литературы,
переводчик 780, 977
Квазимодо Сальваторе (1901–1968), итальянский поэт 1642
Кедрин Дмитрий Борисович (1907– 1945), поэт 1045
Келлер Готфрид (1819–1890), швей-царский писатель 65, 187, 1200, 1346, 1603
Келлерман Мери (f 1926), жена писа-теля Бернгарда Келлермана (1879–1951),
приятельница Р. Н. Ломоносовой 350
Келси Мери, деятельница квакерско-го благотворительного движения 518, 519, 583
Кенеман Федор Федорович (1873– 1937), пианист 537
Керенский Александр Федорович (1881–1970), политический дея-тель 192
Кин Виктор Павлович (Суровикин; 1903–1937; расстрелян), писа-тель, корреспондент
ТАСС в Итали и Франции 760
Киппенберг Антон (1874–1950), изда-тель инзель-ферлаг 1365
Киреева Мария Эдуардовна, лифтер, домработница Пастернаков
1034, 1052, 1053, 1056, 1058, 1291, 1341, 1353, 1384, 1481
Кириллов Владимир Тимофеевич (1890–1943), поэт; был арестован 294, 300
Кирке гор (Кьеркегор) Серен (1813–
1855), датский философ 1628 Кирпотин Валерий Яковлевич (1898–
1990), литературный критик 690 Кирсанов Семен Исаакович (1906–
1972), поэт 326, 492, 494, 539, 913 Киссин Самуил Викторович (Муни;
1885–1916; покончил с собой),
поэт 74
Ките Джон (1795–1821), английский поэт 82, 283, 753, 770, 932, 1055
Клабунд (Альфред Геншке; 1890–1928), немецкий поэт-экспери-менталист, переводчик
китай-ской поэзии 1641
Клдиашвили Серго (1893–1983), грузин-ский писатель 972, 973, 984, 1174
Клейст Генрих (1777–1811), немецкий писатель 85–87, 100–103, 198, 254, 837, 956,
1055
Клибанов Александр Ильич (1910– 1994), историк, исследователь русского
сектантства 1305, 1364
Клиберн (Клайберн) Харви ла ван (Ван) (р. 1934), американский пианист 1499, 1510
Клодель Поль (1868–1955), француз-ский поэт-драматург, эссеист 1567
Клыкова Наталия Александровна, ис-торик театра; дочь Н. А. Венк-стерн 1109, 1131
Клюев Николай Алексеевич (1887– 1937), поэт 272, 662
Ключевский Василий Осипович (1841–1911), историк 48
Книппер Лев Константинович (1898– 1974), композитор 673
Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1869–1959), актриса, жена А. П. Чехова 673

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Кобяков Дмитрий Юрьевич (1894– 1977), поэт; вернулся в СССР 365,408
Ковальчик Евгения Ивановна (1907– 1953), редактор «Литературной газеты» 885,
890, 892, 954
Коган Надежда Александровна (Нол-ле; 1888–1966), жена П. С. Кога-на 305, 376
Коган Петр Семенович (1872–1932), историк литературы 217,312,359
Коган Фанни Петровна, заведующая детским домом в Чистополе 865
Коген Герман (1842–1918), глава Мар-бургской школы философии 39,
41–43,45–49,51–54, 56–67,289, 333, 513, 542, 1622
Козаков Михаил Эммануилович (1897–1954), писатель; муж З. А. Никитиной 1165,
1179
Козинцев Григорий Михайлович (1905–1973), кинорежиссер 1154, 1243, 1244, 1267,
1268, 1269, 1270, 1272, 1275
Козьма Прутков, коллективный псев-доним и сатирический образ, со-зданный в
1850–1860-е группой писателей: А. К. Толстым и бра-тьями Алексеем, Александром и
Владимиром Жемчужниковыми 678, 954
Коллинз Уильям, английский издатель
1440,1459,1466–1468,1484,1497,
1500, 1547, 1564, 1590 колосов Марк Борисович (1904–
1989), писатель 690 колриджСэмюэл Тейлор (1772–1834),
английский поэт и литературный
критик 753, 770 колчак Александр Васильевич (1873–
1920), военачальник, полярный
исследователь, адмирал (1918)
392
Кольцов Михаил Ефимович (Фрид-лянд; 1898–1938; расстрелян), писатель, журналист,
сотрудник «Правды», редактор журнала «Огонек» 305
Комиссарова Ирина Алексеевна (1901–1976),женаС. Н. Дурьли-на 954, 955, 967, 986,
996, 1112, 1344, 1546
Комиссарова Мария Ивановна (1904–1994), поэтесса, перевод-чик 652
Коммиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910), актриса, создатель-ница театра
(1904) 418
Компаниец Василий Георгиевич, глав-ный редактор Детгиза 1096
Кон Эстер (1875–1965), американская знакомая Р. Н. Ломоносовой 519
Коневской Иван Иванович (Ореус; 1877–1901), поэт 162
Коновалов Сергей Александрович (1899–1982), английский сла-вист-историк 1383
Конрад Джозеф (Юзеф Теодор Конрад Коженевский; 1857–1924), англ-ийский писатель
247, 253, 417, 766, 1117, 1120, 1228, 1232
Консовский Алексей Анатольевич (1912–1991), актер 1020
Кончаловская Зинаида Ивановна (Иловайская; 1874–1955), жена Д. П. Кончаловского
505, 507, 509, 510
Кончаловская Наталья Дмитриевна, дочь Д. П. Кончаловского 508
Кончаловская Ольга Васильевна (Сурикова), жена художника П. П. Кончаловского 602
Кончаловский Дмитрий Петрович (1878–1952), историк 505,509–511
Кончаловский Петр Петрович (1838–1914), издатель; отец Дмитрия и Петра 510
Кончаловский Петр Петрович (1876–1956), художник 230, 285
Коонен Алиса Георгиевна (1889– 1974), актриса, в 1914–1949 в Камерном театре;
жена А. Я. Та-ирова 894
Коринт Ловис (1858–1925), немецкий художник-импрессионист 289, 411,644
Корнеев Борис Иванович (1896–1958), журналист, поэт и переводчик, директор
издательства «Заккни-га» 688, 692, 696, 701, 745, 973
Корнеева Серафима Васильевна, жена Б. И. Корнеева 688, 745
Корнейчук Александр Евдокимович (1905–1972), украинский драма-тург 1376
Корнилов Борис Петрович (1907–1938; расстрелян), поэт 996
Косарев Евгений Александрович (1919–?), дипломат 1432
Костко Мария Николаевна, мать О. В. Ивинской 1162,1169,1206, 1207, 1234, 1428,
1627
Котов Анатолий Константинович (1909–1956), директор Гослитиз-дата
1094,1095,1099,1104,1173, 1207, 1300, 1358
Коутс Алберт (1882–1953), английский дирижер и композитор, часто
га-стролировавший в Москве 598
Коцюбинский Михаил Михайлович (1864–1913), украинский писа-тель 1094
Кочетков Александр Сергеевич (1900–1953), поэт и переводчик 1037, 1124, 1214
Коэн (Cohen J. M.), английский сла-вист и переводчик 980
К. Р. (великий князь Константин Кон-стантинович Романов; 1858–1915), поэт
796,811
Кравченко Анатолий Никифорович (Яр-Кравченко; 1911–1983), ху-дожник 663, 668,
1316
Красиньский Зигмунт (1812–1859), польский поэт 1624

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Крафт Константин Федорович (1868– 1919), скульптор 71
Крашенинникова Екатерина Александровна (1918–1997), библиограф и историк
церкви, сотрудница Музея им. А. Н. Скрябина 949, 955, 1020, 1057,
1112, 1291, 1384, 1536, 1616, 1667
Крестинский Николай Николаевич (1883–1938), политический деятель, полпред в
Германии (с 1921) 253
Крѣз (595–546 до н. э.), последний царь Лидии 120
Кривицкий Александр Юльевич (1910–1986), зам. главного редактора журнала «Новый
мир» 1011, 1030, 1373, 1385
Кривополенова Мария Дмитриевна (1843–1924), народная сказительница из
Пинежского уезда Архангельской губернии 479
Кривцова Александра Владимировна (1*1956), переводчица с английского; жена Е.
Л. Ланна 302, 836
Кристенсен Мария Александровна (Полиевктова, во втором браке Краг; 1895–1981),
племянница В. А. Зайцевой; жила в Осло 1661
Кроммелинк Фернан (1888–1970), бельгийский драматург 418
Кронеберг Андрей Иванович (1815– 1855), переводчик У. Шекспира, И.–В. Гёте, Г.
Гейне, Ч. Диккенса, А. Дюма-отца и др. 792, 796, 811
Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921), князь, теоретик анархизма 954
Кротков Владимир Александрович (1880–1939), художник-график 692
Кротков Юрий Владимирович, журна-лист, автор автобиографических записок и романа
«Нобелевская премия»; в 1965 уехал в США 922, 931, 937, 1253
Крученых Алексей Елисеевич (1886– 1968), поэт, собиратель рукописей 315, 353,
492, 495, 570, 692, 693, 872, 875, 906, 907, 909, 912, 913, 915, 955,
956, 972, 974, 1057, 1064, изо, 1296
Крылов Иван Андреевич (1769–1844), поэт, баснописец, прозаик 90, 627
Крэг (Крейг) Генри Эдуард Гордон (1872–1966), английский режиссер 726
Крючков Петр Петрович (1889–1938; расстрелян), секретарь М. Горького 545, 549,
554, 599, 611, 615, 623, 664
Ксенофонт (ок. 430–355 или 354 до н. э.), древнегреческий писатель и историк 5
Кудашева Мария Павловна (Майя Кювилье; 1895–1987), поэтесса, жена Р. Роллана
232, 316, 531, 555, 557, 562, 569, 571, 740
Кузин Борис Сергеевич (1903–1973), биолог; был арестован 1043
Кузмин Михаил Алексеевич (1875– 1936), поэт 193, 196, 209, 240, 247, 402, 460, 539,
796
Кузько Петр Авдиевич (1881–1969), издательский работник 181, 810
Кузьмина Елена Петровна (1897– 1979), домашняя работница 699, 711, 728, 845,
847–850, 852, 853, 856, 857, 859, 860, 863, 866, 874, 896, 898–900, 917
Кузьмина-Караваева Елизавета Юрьевна (Пиленко, во втором браке Скобцева;
1891–1945; погибла в концлагере), поэтесса, прозаик, публицист; с 1919 в
эмиграции.
В постриге мать Мария (канонизирована в 2004) 1667
Кулиев Кайсын (1917–1985), балкарский поэт 1016, 1036, 1041, 1045,
1048, 1074, 1077, 1110, 1113, 1120, 1126, 1172, 1183, 1213, 1232, 1257
Кун Агнесса (1915–1990), переводчица с венгерского; жена А. Гидаша 1068
Кунин Иосиф Филиппович (1901–1996), музыковед 244, 1598
Кунина Евгения Филипповна (1898– 1997), поэтесса и переводчик 330, 1598
Курбский Андрей Михайлович (1528– 1583), князь, автор переписки с Иваном Грозным
877
Кусевицкий Сергей Александрович (1874–1951), контрабасист, дирижер 405, 1003
Кусиков Александр Борисович (Куси-кян; 1896–1977), поэт 198, 307, 308, 492
Куфтин Борис Алексеевич (1892– 1953), археолог, этнограф 973, 993, 1080
Куфтина Серафима Васильевна (1899–
1953), жена Б. А. Куфтина 973,
984, 993 Кучерова Э. Р., адресат 1442 Кушнер Борис Анисимович (1888–
1937; расстрелян), писатель 87–
90, 120, 130, 143, 1080 Кюи Цезарь Антонович (1835–1918),
композитор 14
Лавренев Борис Андреевич (1891– 1959), писатель 779
Лавут Павел Ильич (1899–1979), организатор авторских вечеров 990
Ладъжников Иван Павлович (1874– 1945), владелец русского издательства в Берлине
335
Лазебникова-Маркиш Эстер Ефимовна, жена Переца Маркиша 1355
Лакснесс Хадльдоур Кильян (1902–1998), исландский писатель 1561
Ланн Евгений Львович (Лозман; 1896– 1956), поэт, переводчик 232, 302, 836, 904
Ланц Генрих Эрнестович (1886–1945), философ, ученик Г. Когена; эмигрировал в США
64, 67
Лапшов Владимир Иванович, второй муж Клары Маргулиус 517, 644, 950, 1069, 1071,
Страница 312

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
1098

Лапшова Клара (Клавдия) Исидоровна (Кауфман, в первом браке
Мар-гулиус-Маргальская; 1869-1949), певица; сестра Р. И. Пас-тернак
375,377,511,517,548,552, 644, 651, 747, 782, 822, 838, 950, 1069, 1071, 1098,
1581

Ларионов Михаил Федорович (1881-1964), художник 88, 729

Ларсон Карл (1853-1919), шведский художник 357

Ласкер Эммануэль (1868-1941), немец-кий шахматист, гроссмейстер, чемпион мира
(1894-1921) 724

Лафорг Жюль (1860-1887), француз-ский поэт 1505

Лахути Абулькасим (Гасем; 1887- 1957), персидский революцио-нер и поэт; писал на
языке фар-си 852, 857

Лебедев Владимир Васильевич (1891-1967), художник-график 330,758

Лебедева Сарра Дмитриевна (Дармо-латова; 1892-1967), скульптор 575, 597, 700

Лебедеенко Александр Гервасьевич (1892-1975), писатель, редактор 525

Левин Владимир Львович (1903-1938; расстрелян), дипломат; сын Л. Г. Левина 632

Левин Лев Григорьевич (1870-1938; рас-стрелян), врач, консультант

ле-чебно-санаторного управления Кремля 12,35,91,94, из, 124,152,

224,237,314,335,468,632,647,653

Левин Федор Маркович (1901-1972), литературный критик, редактор 727

Левины, семья Л. Г. Левина 124, 160, 198, 241

Левинтон Ахилл Григорьевич (1913-1971), историк литературы, гер-манист,
переводчик 1374, 1382, 1501

Левит Теодор Маркович (1902-1942), литературный критик 183, 186

Левитан Исаак Ильич (1860-1900), художник 1626

Левитин Евгений Семенович (1930- 1999), историк искусств, автор комментариев к
тому Б. Пастер-нака «Стихотворения и поэмы» (Л., 1965) 1331, 1365

Легар Ференц (Франц; 1870-1948), венгерский композитор, дири-жер 212

Лежнев Абрам Захарович (1893-1937), литературный критик 333

Лежнев Исай Григорьевич (Альтшу-лер; 1891-1955), журналист, главный редактор
журнала «Рос-сия» 234, 308

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646-1716), немецкий философ 47,49, 52-54, 445, 829,
1622

Лейбович Лев Соломонович (Ларский; 1883-1950), писатель 333

Лейбович Татьяна Николаевна (Зиль-берман; 1887-1964), врач; сест-ра Ф. Н.
Збарской 333

Лейбович Сарра Львовна (1902-2004), редактор, переводчик, историк литературы 333

Лейтейзен Цецилия Гавриловна, жур-налистка 758, 761

Лейтес Александр Михайлович (1899- 1976), литературный критик 903

Ленау Николаус (Франц Нимбш фон Штреленау; 1802-1850), авст-рийский поэт 200

Ленин Владимир Ильич (1870-1924) 247, 248, 254, 261, 297,432, 677

Лентулов Аристарх Васильевич (1882- 1943), художник 130

Леонидзе Георгий Николаевич (Гогла; 1899-1966), поэт 641, 679, 688,

701, 717, 745, 752, 768, 798, 814, 823, 836, 931, 942, 966, 970, 973, 983, 984,
989, 993, 997, 998, 1006, 1014,1017,1040,1101,1123,1124,

1157,1159,1160,1167,1168,1186, 1188,1190, 1191,1194,1195,1198,

1210,1222,1237,1239,1332,1340, 1347,1348,1409,1416,1422,1452, 1561, 1632, 1651

Леонидзе Евфимия Александровна (1898-1973), жена поэта 688,716,

942,966,970,973,984,1040,1157, 1160,1167,1168,1184,1186,1188,

1190,1191,1194,1195,1198,1210, 1237,1239,1240,1332,1340,1362, 1416,1417, 1422,
1632

Леонидзе Нестан (Песо), дочь Е. А. и Г. Н. Леонидзе 688, 997, 1168,

1190,1191,1194,1195,1198,1210, 1416, 1632

Леонидзе Соломон, советник и канц-лер при царе Грузии Ираклии II 1006

Леонидзе Тина, младшая дочь Е. А. и Г. Н. Леонидзе 688, 1157, 1168, 1191, 1416

Леонидов Леонид Миронович (Воль-фензон; 1873-1941), актер, с 1903вМХТ795

Леонидов Олег Леонидович (1893-1951), писатель, критик, кино-сценарист 1062

Леонов Леонид Максимович (1899- 1994), писатель 463,489,742,749, 752, 758, 814,
823, 848-850, 852, 854-856, 866, 870, 871, 874, 877, 878, 896,919, 1192, 1237,
1388

Леонова Татьяна Михайловна (Сабаш-никова; 1903-1979), жена Л. М. Леонова 878,
1237

Леонтьев Константин Николаевич (1831-1891), писатель, публи-цист, литературный
критик 45, 395

Лерберг Шарль ван (1861-1907), бель-гийский поэт 76

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814-1841), поэт 194,292,312,505,601,

770, 951, 1142, 1276, 1281, 1443, 1445, 1461, 1538, 1623 Лешетицкий Теодор

(1830-1915), польский пианист, педагог 115, 302, 783

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
либерман макс (1847–1935), немецкий художник-экспрессионист 51,644
либерман Семен Петрович, поэт, со-трудник издательства И. П. Ла-дыжникова 262,
265, 265, 335
ливанов Борис Николаевич (1904–1972), актер, с 1924 во МХАТе 851, 945, 1123,
1143, 1144, 1159, 1176, 1182,1194,1198,1239,1272,1294, 1406,1414,1417,
1421,1478,1626
ливанова Евгения Казимировна (1911–1978), жена Б. Н.ливанова 851, 945, 1143,
1144, 1159, 1176,1182, 1194,1198,1239,1272,1294,1354, 1406,1414, 1421,1432,
1478, 1626
лившиц Елена Семеновна, гимнази-ческая подруга О. М. Фрейден-берг, врач 22
лившиц Исаак Григорьевич (1896–1970), египтолог 428
лида, см. Л. Л. Пастернак
лидерт Н. Ф., владелец книжного ма-газина на Петровке 87, 96, 112
лидин Владимир Германович (1894–1979), писатель 209,1388
лидина Мария Александровна (1899– 1970), жена В. Г. Лидина 1388
линдберг Чарлз (1902–1974), амери-канский летчик; 20–21 мая 1927 совершил первый
беспосадоч-ный перелет из Нью-Йорка в Париж 367
линдсей (Линдси) Джек (1900–1990), английский писатель и критик 1594
лист Ференц (1811–1886), венгерский композитор, пианист 590, 606
ли Тай-По (Ли Бо; 701–762), китай-ский поэт 1641
литовский Осаф Семенович (1892– 1971), писатель, издательский деятель 205, 206,
209
лихареv Борис Михайлович (1906– 1962), поэт, прозаик, главный редактор журнала
«Ленинград» , 959, 1008
лихтенштейн Альфред (1889–1914), немецкий поэт 274
ло Гатто Этторе (1890–1983), итальян-ский литературовед, переводчик 1369, 1377,
1386
лозинский Михаил Леонидович (1886–1955), поэт и переводчик 783, 796, 811, 881,
887, 952, 966, 1032
локс Константин Григорьевич (1889–1956), историк литературы 45,69, 73, 74, 82,
83, 95, 129–131, 135, 137, 138, 151, 152, 153, 155, 158, 161, 162, 163, 203,
204, 206, 211, 216, 470, 872,1178, 1598
локс Михаил Григорьевич (1894–1960?), музыкант; брат К. Г. Лок-са, жил в
Бразилии 1598
ломоносoв Михаил Васильевич (1711–1765), ученый, поэт 70, 1311
ломоносoв Юрий Владимирович (1876–1952), инженер паровозо-строения, глава
Стокгольмской ж.-д. миссии; в 1927 остался за границей 341, 350, 357, 366, 390,
396, 425, 430, 476, 487, 518, 550, 622, 731, 734, 754, 773
ломоносoв Юрий Юрьевич (Чуб; 1908–1959), инженер; сын Ю. В.Ломоносoва 341, 350,
357, 366, 390, 396, 425, 430, 476, 487, 550, 565, 573, 603, 635, 650, 731, 734,
735, 754, 773
ломоносoва Раиса Николаевна (1888–1973), литератор; жена Ю. В. Ло-моносoва 264,
266, 306, 314, 318, 325, 335, 338, 341, 342, 345, 350, 353, 356, 357, 366, 390,
396, 423, 424, 425, 427, 430, 435, 446, 476, 485, 487, 492, 493, 498, 501, 518,
519, 531, 542, 543, 550, 565, 573, 579, 583, 603, 615, 622, 630, 635, 650, 681,
712, 713, 725, 728, 731,
732, 734, 735, 741, 753, 754, 755, 766, 770, 773, 980, 1003, 1083, 1530
ломоносoва Софья Александровна (Антонович; 1879–?), первая жена Ю. В. Ломоносoва
622
лонгфелло Генри Водсворт (1807–1882), американский поэт 442
лопырева Елена Александровна (1904–1982), историк литерату-ры, фольклорист 1343,
1350
лордкипанидзе Константин Алексан-дрович (1904–1986), грузинский писатель,
главный редактор жур-нала «Литературная Грузия 679, 1445, 1452, 1476,1512
лорка, см. Гарсиа Лорка
лосев Алексей Федорович (1893–1988), философ; был арестован 121
лузанов Донат Матвеевич (1898–1944), актер и чтец 939
лузанова Евдокия Николаевна, ре-жиссер; жена Д. М. Лузанова 939
лукницкий Павел Николаевич (1900–1973), биограф Н. С. Гумилева и А А Ахматовой
273, 277, 486
луконин Михаил Кузьмич (1918–1976), поэт 1093
луначарская-Розенель Наталия Алек-сандровна (Сац; 1900–1962), акт-риса; жена А
В. Луначарского 600
луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), нарком просвеще-ния 197, 201, 243,
250, 273, 392, 397, 409, 411, 583, 600, 606, 623, 633, 665, 747
лундберг Евгений Германович (1887–1965), писатель, журналист 99, 100, 110–113,
115, 118–120, 151, 155, 173,212,919, 1176
лундберг-Гогоберидзе Елена Давидов-на, жена Е. Г. лундберга 919, 1176, 1186,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori 1188

Лунц Лев Натанович (1901–1924), писатель 492, 494
Луппол Иван Капитонович (1896–1940; расстрелян), философ, директор Института мировой ли-тературы им. М. Горького (1935– 1940) 871
Лурье Александра Николаевна (1870– 1928), мать Е. В. Пастернак, А. В. Минц, Г. В. и С. В. Лурье 189, 222, 224, 225, 231, 233, 251, 315, 317, 322, 328, 330–333, 335, 338, 340, 342, 343, 345, 364, 436, 458, 459, 1621
Лурье Вера Иосифовна (1901–1998), поэтесса, автор книги «Стихот-ворения. Poems* (Берлин, 1987); жила в Германии 209
Лурье Владимир Александрович, отец Е. В. Пастернак, А. В. Минц, Г. В. и С. В. Лурье 335, 436, 806, 1621
Лурье Гитта (Гера) Владимировна (1897–1975), сестра Е. В. Пастер-нак 229, 231, 233, 234, 237, 328, 333, 337, 338, 342, 364, 436, 459, 597
Лурье Зиновий Давыдович (1887– 1938), врач пульмонолог; двою-родный брат Е. В. Пастернак 338
Лурье Семен Владимирович (1895– 1960), брат Е. В. Пастернак 233, 314, 328, 333, 335, 338, 364, 496, 553, 630, 643, 806, 1621
Лутовинов Юрий Крисанфович (1887– 1924), профсоюзный деятель, член «рабочей оппозиции» 241
Лухтин Дал мат Александрович (1885–1942), литератор, издатель 195
Львов-Рогачевский Василий Львович (1879–1930), литературный кри-тик 270
Лысогорский Ондра (Эрвин Гой; 1905–1990), ляхский поэт 925, 1055
Любимов Николай Михайлович (1912–1993), переводчик 1441
Любимов Юрий Петрович (р. 1917), режиссер и актер 1407
Людвиг Бенционовна, см. Л. Б. Фриш-ман
Люксембург Роза (1871–1919), один из руководителей и теоретиков ле-ворадикального течения в гер-манской социал-демократии 249
Лютер Мартин (1483–1546), деятель Реформации 198
Лясковский Дмитрий Владимирович, инженер; родственник Нейгау-зов 773, 775
Магницкий Леонтий Филиппович (1669–1739), автор первого рус-ского руководства «Арифмети-ка...» (1703) 20
Майский Иван Михайлович (1884– 1975), дипломат, литератор, по-сол в Великобритании (1932– 1943) 950, 980
Макашин Сергей Александрович (1906–1989), литературовед, один из редакторов «Литератур-ного наследия» 1392
Маклаков Василий Алексеевич (1869– 1957), один из лидеров кадетов, адвокат 152
Макмиллан Гаролд (1894–1986), пре-мьер-министр Великобритании (1957–1963) 1583
Маколей (Маколи) Томас Бабингтон (1800–1859), английский исто-рик и политический деятель 722, 766, 769, 770
Максимов Дмитрий Евгеньевич (1904–1987), историк литерату-ры 1397, 1461
Малевич Олег Михайлович, славист; корреспондент Б. Пастернака 1361
Малеева Варвара Павловна, знакомая Б. Пастернака 1219
Малиновский Иван, датский славист и переводчик «Доктора Живаго» 1540, 1541, 1627
Малларме Стефан (1842–1898), фран-цузский поэт-символист 883
Малышкин Александр Георгиевич (1892–1938), писатель 604
Малышкина Мария Павловна, жена чтеца С. М. Балашова 966
Мальро Андре (1901–1976), француз-ский писатель, общественный деятель 751, 755
Малютин Сергей Васильевич (1859–1937), художник 361, 718
Малявин Филипп Андреевич (1869– 1940), художник; с 1922 в эмиг-рации 120
Мамаева Нина Васильевна (1923–2001), актриса, с 1946 в ленин-градском ТЮЗе, с 1954 в Ленин-градском театре драмы им. Пуш-кина 1275
Мамонтов Савва Иванович (1841–1918), промышленник и меценат. В 1870–1890 его подмосковное имение Абрамцево стало цент-ром художественной жизни 361
Мандельштам Надежда Яковлевна (Хазина; 1899–1980), мемуарист; жена О. Э. Мандельштама 240, 245, 254, 256, 263, 455, 497, 722, 765, 918, 976, 985
Мандельштам Осип Эмильевич (1891– 1938; умер в лагере), поэт 195, 240, 245, 249, 254, 255, 256, 260, 263, 278, 281, 310, 455, 460, 497, 500, 722, 765, 918, 976, 985, 1043, 1299
Мане Эдуар (1832–1883), француз-ский художник 755
Манн Генрих (1871–1950), немецкий писатель 755
Манн Клаус (1906–1949), немецкий писатель; сын Т. Манна 755
Манн Томас (1875–1955), немецкий писатель 755, 1614, 1649
Мансурова Мария Федоровна (1895– 1976), сестра Д. Ф. Самарина 1438
Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929), экономист, член Го-сударственной думы, член ЦК партии кадетов, в 1917 министр просвещения Временного пра-вительства 149
Маргвелашвили Гия (Георгий Георги-евич) (1927–1990), переводчик и исследователь грузинской по-эзии 1190, 1195, 1416, 1422, 1582, 1585, 1599

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Маргулиус Александр Лазаревич, ин-женер-путеец; первый муж сест-ры Р. И.
Пастернак Клары 21
Маринетти Филиппо Томмазо (1876-1944), итальянский писатель, глава и теоретик
футуризма 86
Мария Стюарт (1542-1587), шотланд-ская королева (в 1542) 133, 137, 141, 148,
152, 154, 755, 568, 932, 1436, 1587
Маркиш Перец (1895-1952; расстре-лян), еврейский поэт и прозаик; писал на идиш;
член Еврейского антифашистского комитета 1355
Маркиш Симон (1929-2003), фило-лог-классик, профессор славис-тики Женевского
университета, занимался иудаикой; сын Пере-ца Маркиша 1355
Марков Павел Александрович (1897- 1980), историк театра, режиссер 1338
Маркова Людмила Ивановна, врач, дочь М. А Марковой 1475, 1570, 1644
Маркова Мария Александровна (Ма-шура; 1893-1960), актриса; дочь Клары Маргулиус,
двоюродная сестра Б. Пастернака 375, 822, 950, 1069, 1071, 1212, 1229, 1255,
1283, 1326, 1327, 1330, 1393, 1475, 1525, 1554, 1570, 1581, 1644
Маркс Карл (1818-1883), обществен-ный деятель, основоположник марксизма
254, 278, 280, 361, 758, 761, 1432
Марр Николай Яковлевич (1864/65- 1934), востоковед и лингвист, академик АН СССР
(1925) 243, 250, 251, 289
Мартинез Луи, французский славист, один из переводчиков «Доктора Живаго» 1413,
1446, 1483, 1486, 1534
Мартынов Леонид Николаевич (1905-
1980), поэт 1355, 1453 Маршак Самуил Яковлевич (1887-
1964), поэт, переводчик 258, 330,
809, 829, 848, 877, 881, 1032, 1267,
1273
Маршак София Михайловна, жена С. Я. Маршака 809
Масленникова Зоя Афанасьевна (р. 1923), скульптор, мемуарист 119, 1234, 1626
Мато Анри, бельгийский инженер-электрик 1642, 1646
Матусовский Михаил Львович (1915- 1990), поэт, редактор издатель-ства «Советский
писатель» 1072
Матюшенко Афанасий Николаевич (1879-1907), один из руководи-телей восстания на
броненосце «Потемкин» (1905) 303
Махнова Рахиль Исааковна (1890- 1973), доктор-терапевт; участник Первой мировой
войны; врач Кремлевской больницы, потом в санатории Академии наук в Бол-шеве
1221
Маццини (Мадзини) Джузеппе (1805- 1872), итальянский революцио-нер и
политический деятель 1624
Машавили (Мирцхулава Алио; 1903-1971), грузинский поэт 679, 726, 1445
Маширов-Самобытник Алексей Ива-нович (1884-1943), поэт 494
Маяковская Ольга Владимировна (1890-1949), сестра поэта 895
Маяковский Владимир Владимирович (1893-1930), поэт 85, 90, 92, 95, 120, 127,
132, 137, 144, 145, 150, 151, 156, 160-162, 165, 181, 191, 194, 199, 203, 204,
206, 207, 209, 217, 222, 232, 254, 258, 260, 270, 273, 277, 280, 281, 288, 289,
297, 307, 308, 313, 316, 326, 327, 337, 347, 348, 352, 353, 356, 358, 359, 368,
372, 384, 388, 399, 406, 414, 418, 422, 439, 465, 478, 481, 492, 496, 516, 524,
543, 544, 547, 555,
563, 569, 570, 572, 576, 607, 613, 641, 746, 768, 807, 837, 889, 921,
938, 939, 975, 980-982, 986, 1021, 1025, 1043, 1046, 1050, 1081, 1093,
1098, 1111, 1118, 1130, 1192, 1211, 1215, 1218, 1249, 1281, 1305, 1306,
1329, 1333, 1351, 1373, 1385, 1412, 1419, 1453, 1519, 1528, 1538, 1593, 1604, 1642
Медведев Павел Николаевич (1891- 1938), историк литературы, ре-дактор 467, 470,
471, 473, 475, 509, 512, 515, 521, 525, 536
Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874-1940; расстрелян), режис-сер 418, 431, 436,
442, 476, 481, 485, 496, 516, 517, 524, 574, 580, 721, 726, 749, 751, 758, 782,
794, 796, 871, 952, 1333
Мейн Мария Александровна (1868- 1906), пианистка; мать М. И. Цветаевой 302, 1542
Мендельсон (Мендельзон) Эрих (1887-1953), немецкий архитек-тор 289
Мёрике Эдуард (1804-1875), немец-кий писатель-романтик 195
Мериме Проспер (1803-1870), фран-цузский писатель 425, 1590
Мертон Томас (1915-1968), американ-ский религиозный писатель, мо-нах 1545, 1549,
1552, 1654, 1658
Метерлинк Морис (1862-1949), бель-гийский поэт и драматург 99, 491, 1538
Метнер Эмилий Карлович (1872-1936), философ, музыкальный критик 71, 97
Меунаргия Нина Иоаникиевна, зна-комая Н. А Табидзе 1287
Мехлис Лев Захарович (1889-1953), политический деятель, главный редактор
«Правды» 750
Мечников Илья Ильич (1845-1916), биолог и патолог; лауреат Нобе-левской премии

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori (1908) 57
Мешков Николай Михайлович (1885– 1947), поэт 83
Мещеряков Николай Леонидович (1865–1942), публицист, член-корреспондент АН СССР (1939), зав. Госиздатом 232
Микадзе Раиса Константиновна (1903–1995), скульптор; была арестована 970,1142, 1153, 1585
Микадзе-Калатошивили Джина Ар-чиловна, археолог; младшая дочь Р. К. Микадзе 1585
Микеланджело Буонарроти (1475–1564), итальянский скульптор, архитектор, художник, поэт 70, 287, 1235, 1601, 1602, 1614
Мильман Валентина Ароновна (1900–1968), секретарь Дома печати 205
Мильман Марк Владимирович (1910–1996), композитор и пианист 598
Минский Николай Максимович (Виленкин; 1855–1937), поэт; прозаик, драматург, религиозный философ, один из зачинателей русского символизма 944
Минц Абрам Бенедиктович (Хиля; 1894–1970), юрист 222, 224, 231, 329, 335
Минц Анна Владимировна (Нюня Лу-рье; 1894–1957), сестра Е. В. Пастернак 229, 233, 337, 898, 904
Мирский, см. Святополк-Мирский
Митропольский Арсений Иванович (Несмелов; 1889–1945), поэт, жил в Харбине 233
Михайлова Валерия Константиновна, литературный секретарь К. А. Федина 1435
Михоэлс Соломон Михайлович (Во-вси; 1890–1948; убит), актер, режиссер, педагог; член Антифа-шистского комитета 1355
Мицишвили Иламаз, сын Н. Мицишвили 1599
Мицишвили Марина Николаевна, дочь Н. Мицишвили 1585, 1599
Мицишвили Николо (1894–1937; рас-стрелян), грузинский поэт 641, 679, 687, 690, 692, 696, 697, 745, 781
Мицишвили Тамара, вдова Н. Мицишвили 1599
Мишле Жюль (1798–1874), французский историк 297, 762, 766, 769, 770
Мишо Анри (1899–1984), французский поэт 1506
Могилевский Александр Яковлевич (1885–1955), скрипач и педагог; уехал в Париж, потом в Японию 653
Модерзон, см. Паула Бекер-Модерзон
Молотов Вячеслав Михайлович (Скрябин; 1890–1986), государственный деятель 946, 963
Мольер (Жан Батист Поклен; 1622–1673), французский драматург 49, 243
Монина Варвара Александровна (1894–1943), поэтесса; вторая жена С. Боброва, мать его двоих дочерей 1185
Мопассан Ги де (1850–1893), французский писатель 20, 65, 634, 1605, 1623
Моравиа Альберто (Пинкерле; 1907–1990), итальянский писатель 1529, 1548
Мориак Франсуа (1885–1970), французский писатель; лауреат Нобелевской премии (1952) 1561, 1670
Морозов Михаил Михайлович (1897–1952), историк английской литературы, шекспировед, переводчик 867, 881, 886, 889, 890, 892, 979, 986, 1035, 1058, 1153, 1197
Морозова Маргарита Кирилловна (Мамонтова; 1873–1958), директор Музыкального общества; мать М. М. Морозова 1463
Морозовы – Савва Васильевич (1770–1862), Савва Тимофеевич (1862–1905), Викул Елисеевич (1829–1894), основатели и владельцы Никольской мануфактуры 1503
Моруа Андре (Эмиль Эрзог; 1885–1967), французский писатель 1646
Мотовилова Софья Николаевна (1881–1966), литератор, мемуаристка 1418, 1434
Моцарт Вольфганг Амадей (1756–1791), немецкий композитор 33, 56, 111, 574, 604, 682, 980, 1241, 1614
Мочалова Ольга Алексеевна (1898– 1978), поэтесса 1185
Мозэм Уильям Сомерсет (1874–1965), английский писатель 1616
Музиль Роберт (1880–1942), австрийский писатель 1483
Муни, см. С. В. Киссин
Муравина Нинель (Нина Скорбина; р. 1925), литературовед; живет в Париже 1042, 1066, 1079, 1086, 1091, 1119, 1150, 1175, 1211
Муратова Евгения Владимировна (1884–1981), редактор журнала «Красная новь» 616
Мусоргский Модест Петрович (1839– 1881), композитор 14
Мутон (Muton de Gruyter), владелец издательства, специализирующегося на выпуске книг по филологии (сначала в Гааге) 1496, 1521, 1528, 1529
Мясников Александр Сергеевич (р. 1913), литературовед, редактор Гослитиздата 886, 994, 995
Набоков Владимир Владимирович (Сирин; 1899–1977), писатель 1083
Навои (Нузамаддин Мир) Алишер (1441–1501), узбекский поэт, мыслитель, государственный деятель 1055
Надирадзе Колау (1895–1990), грузинский поэт 641, 679, 696
Надо (Nadeau) Морис, издатель ежемесячного журнала «Les Lettres nouvelles»

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
1410, 1455
Надсон Семен Яковлевич (1862–1887), поэт 676
Назым Хикмет Ран (1902–1963), турецкий писатель и общественный деятель 1152
Найто Тамидзи, японский дипломат и журналист 222
Наппельбаум Ида Моисеевна (Фроман; 1900–1992), поэтесса, участница студии
«Звучащая раковина», фотограф 441, 506, 556
Наппельбаум Моисей Соломонович (1869–1958), мастер фотоискусства 338, 654, 693
Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский император (1804– 1814 и в 1815) 97,
347, 391, 525, 698, 1624
Нарский Алексей Владимирович, поэт 658
Наторп Пауль (1854–1924), немецкий философ, один из главных пред-ставителей
марбургской школы 41,43, 52, 58, 1218
Наумова Анна Осиповна, главный ре-дактор Детгиза 881,885,886,889, 890, 892
Неандер Борис Николаевич (1893–1931), журналист; вернулся в СССР (1930) 544
Незвал Витезслав (1900–1958), чеш-ский поэт 744,1375, 1381, 1655
Нейберг Карл (1877–1956), немецкий биохимик 342
Нейгауз Адриан Генрихович (1925–1945), сын З. Н. Пастернак 594, 596, 598, 600,
604, 606, 607, 611, 617, 629, 630, 634–636, 638, 639, 641, 644, 647, 651, 673,
675, 682, 683, 684, 689, 690–692, 696, 703, 705, 711, 719–721, 724, 737, 756,
757, 797, 806, 812, 815, 816, 820, 822, 823, 832–835, 840А-ш, 845, 847, 848,
850, 854, 855, 861, 865, 870, 871, 874, 877, 878, 891, 893, 896, 898–900,
902–904, 911, 919, 922, 926, 929, 931, 938, 941, 950, 960,963,976, 980, 1218
Нейгауз Галина Сергеевна (Яржемб-ская; 1927–1998), жена С. Г. Ней-гауза
1014,1033,1058,1124,1144, 1159,1167,1168,1200,1286,1290, 1332
Нейгауз Генрих Густавович (Гарри; 1888–1964), пианист, профессор Московской
консерватории (с 1922); первый муж З. Н. Пас-тернак (1919–1931) 468,516,537,
554, 562, 563, 568, 569, 574, 576, 578, 579, 581, 583, 590, 591, 594–598, 601,
605–609, 613, 614, 627, 630, 636, 639, 651, 655, 665, 673, 684, 694, 703, 705,
719–721, 737, 738, 775, 788, 813, 817, 840, 845–850, 853, 854, 861, 863, 865,
866, 870, 871, 896, 903, 911, 919, 922, 948, 1024, 1052, 1080, 1123, 1127,
1176,1200,1240,1246,1251,1274, 1388,1406,1414,1463,1478,1522, 1626
Нейгауз Густав Вильгельмович (1846– 1938), преподаватель музыки в
Екатеринославе; отец Г. Г. Ней-гауза 608,630,644,651, 673, 775
Нейгауз Марина Станиславовна (р. 1952), дочь С. Г. и Г. С. Нейгаузов
1189,1191,1200,1286,1388, 1396
Нейгауз Милица Генриховна (р. 1929), математик; дочь Г. Г. и М. С. Нейгаузов
849, 1198
Нейгауз Милица Сергеевна (Бородки-на; 1888–1962), жена Г. Г. Нейга-уза (с 1933)
601, 840, 846–850, 853, 861, 874, 899, 900, 903, 948,
1176,1240,1251,1406,1414,1463, 1478
Нейгауз Ольга Михайловна (Блумен-фельд; 1859–1937), мать Г. Г. Нейгауза 608,
630, 644, 651, 673
Нейгауз Станислав Генрихович (1927– 1980), пианист, профессор Мос-ковской
консерватории (с 1975) 598, 601, 605, 608, 611, 629, 630, 634–636, 638, 639,
644, 647, 651, 673, 675, 682, 683, 684, 689, 690–692, 696, 703, 705, 711,
719–721, 724, 737, 756, 757, 797, 816, 822,
823, 840–843, 847–850, 853–856, 858, 860–862, 865, 870, 871, 874, 877, 878, 893,
896, 899–903, 911, 917, 919–922, 926, 929, 931, 941, 946, 960, 970, 980, 1003,
1014, 1033,1058,1098,1099,1123,1124, 1127,1143–1145,1153,1158,1159,
1167,1168,1198,1200,1286,1290, 1332, 1396, 1460, 1484, 1488
Нейштадт Владимир Ильич (1898– 1959), поэт и переводчик, исто-рик литературы 866
Неклюдова Ольга Сергеевна (1909– 1989), писательница 1371
Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877/1878), поэт 446
Некрасова Татьяна Михайловна, исто-рик литературы, сотрудни-ца Му-зея им. Л. Н.
Толстого 1301,1320
Неменова-Лунц Мария Соломоновна (1878–1954), пианистка, учени-ца А. Н. Скрябина
537
Немзер Семен Аронович (р. 1923), ин-женер-теплоэнергетик 1118
Немирович-Данченко Василий Ива-нович (1848/49–1936), писатель; с 1921 г. в
эмиграции; брат В. И. Немировича-Данченко 897
Немирович-Данченко Владимир Ива-нович (1858–1943), режиссер и писатель 541, 754,
794, 795, 899, 905,908, 910,914,918,952, 980
Нерадов (Шатуновский) Георгий Бори-сович; 1882–1972), редактор Госиздата,
журналист 363
Нерсесов Александр Нерсесович (1877–1953), юрист; директор института Восточных
языков, директор фундаментальной биб-лиотеки МГУ; муж Е. А. Бари 8
Неру Джавахарлал (1889–1964), премь-ер-министр и министр ино-странных дел Индии
(с 1947) 1648

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Неруда Пабло (Нефтали Рикардо Рейес Басоальто; 1904–1973), чилийский поэт,
общественный деятель 1152
Несмелов, см. А. И. Митропольский
Несмеянов Александр Николаевич (1899–1980), химик-органик, академик (1943) и
президент (1951–1961) АН СССР 1435
Нестеров Михаил Васильевич (1862– 1942), художник 718
Нива Жорж (р. 1935), французский славист 1498, 1536, 1541, 1633, 1636, 1642,
1650, 1666
Низан Поль (1905–1940), французский писатель, журналист 932
Никитин Николай Николаевич (1895– 1963), писатель, входил в группу «Серрапионовы
братья» 337, 434, 834, 959
Никитина Зоя Александровна (1902– 1973), редактор в «Издательстве писателей в
Ленинграде» 652, 654, 668, 674, 1138, 1141, 1145, 1163, 1165, 1179, 1391
Никиш Артур (1855–1922), венгерский дирижер 25, 707, 1003
Николай II (1868–1918), русский император (1894–1917) 1562
Никольский Валентин Михайлович (1923–1988), художник 1319
Никулин Лев Вениаминович (1891–1967), писатель 690
Ницше Фридрих (1844–1900), немецкий философ и писатель 57, 288,
313, 431, 713, 1121, 1533, 1625, 1628
Ноакровский Станислав Владиславович (1867–1928), архитектор-художник 1084
Нобиле Умберто (1885–1978), итальянский дирижаблестроитель; руководил
экспедицией к Северному полюсу (1928). В 1932–1936 работал в СССР 448
Новалис (Фридрих фон Харденберг; 1772–1801), немецкий поэт и философ 320
Новиков Иван Алексеевич (1877– 1959), писатель 572
Новикова Елена Андреевна (1904– 1991), племянница И. А. Новикова 572
Новицкий Константин Петрович, профессор литературного факультета Университета
658
Номикос Орест Александрович (1912– 1985), поэт, автор стихотворного сборника
«Блаженство отчаяния» (Одесса, 2001), горный инженер; в 1945 арестован 706
Оболенский Дмитрий Дмитриевич (1918–2001), профессор славистики в Оксфордском
университете 1383
Оболенский Сергей Алексеевич, главный инженер конструкторского бюро 1303, 1342
Оборин Лев Николаевич (1907–1974), пианист, педагог 531
Обрадович Сергей Александрович (1892–1956), поэт 369, 925
О. В., см. О. В. Ивинская
Овалов Лев Сергеевич (Шаповалов; 1905–1997), писатель, автор детективных
романов 852
Овидий Публий Назон (43 до н. э. – ок. 18 н. э.), римский поэт 5
Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920), историк литературы 297
Огнева Елена Александровна (Неусыхина; 1925–1985), поэтесса, искусствовед,
иконописец 1630
Озаровская Ольга Эрастовна (1874– 1933), фольклорист 478, 479
Окен Лоренц (Оккенфус; 1779–1851), немецкий философ; друг Гёте 320
Окуджава Ольга († 1941; расстреляна), первая жена Галактиона Табидзе 1634
Окутюрье Мишель (р. 1933), французский славист, профессор Сорбонны 1410, 1413,
1440, 1446, 1447, 1448, 1467, 1470, 1483, 1486, 1503, 1515, 1521, 1534, 1539, 1567, 1568,
1588, 1607, 1613, 1618
Олеша Юрий Карлович (1899–1960), писатель 434
Олимпов Константин Константинович (Фофанов; 1889–1940), поэт-эгофутурист; сын
К. Фофанова 88
Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), востоковед 251
Ольдридж Айра (1804–1867), английский актер; в 1858 приезжал в Россию 718
Ольшевская Нина Антоновна (1908–1991), актриса, режиссер; жена В. Е. Ардова 801,
1052, 1274
Омар Хайям (ок. 1048 – после 1122), персидский поэт, математик и философ 1110,
1232
Орлов Борис Григорьевич (1922– 1964), поэт 1074, 1172
Орлов Владимир Николаевич (1908– 1985), литературовед 426
Орлов-Давыдов Василий Петрович (1809–1882), граф, общественный деятель и
публицист 136
Орлова-Дукельская Генриетта Петровна (Лунц; 1885–1950), пианистка и педагог
152, 527
Орловская Елена Дмитриевна (1900– 1984), журналистка и переводчица с
киргизского 1016, 1036, 1041, 1045, 1048, 1070, 1074, 1075,
1077, 1110, 1113, 1120, 1126, 1172, 1183, 1213, 1232, 1257
Орловская Ирина Сергеевна, редактор 703
Островский Александр Николаевич (1823–1886), драматург по, 897
Остроухое Илья Семенович (1858– 1929), художник, коллекционер 742

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Охлопков Николай Павлович (1900– 1967), режиссер и актер 904,935, 1334, 1338
Паветти, см. П. Д. Эттингер Павленко Петр Андреевич (1899–
1951), писатель 686,688,808,812,
854, 869, 874
Павлович Надежда Александровна (1895–1980), поэтесса, переводчица 178
Паганини Никколо (1782–1840), итальянский скрипач и композитор 1603
Панферов Федор Иванович (1896– 1960), писатель 849, 889, 1493, 1529, 1530, 1536
Парен Брис (1897–1971), французский философ и писатель 1410, 1507,
1513,1518,1521,1523,1529,1531, 1534, 1535, 1597, 1600, 1605
Парен Наталия Георгиевна (Челпано-ва; 1900–1958), жена Б. Парена 1518
Парнах Валентин Яковлевич (Парнох; 1891–1951), поэт; брат С. Я. Парнока 196
Парнок София Яковлевна (Парнох; 1885–1932), поэт; сестра В. Я. Парнаха 196, 305
Паскаль Блез (1623–1662), французский философ, писатель, математик и физик 678
Паскаль Пьер (1890–1983), французский славист, профессор Сорбонны 1329
Пастернак Александр Леонидович (1893–1982), архитектор 8,10,11, 33, 41, 47, 48,
52, 54, 56, 58, 64, 73, 85, 86,91,94, 97, 98, 109, по, 112–114, 118, 121,
123–126, 133, 148, 151, 152, 158, 160, 164, 171, 176, 179, 184, 187, 194, 197,
198, 201, 204, 208, 209, 211, 216, 220, 222–227, 235, 236, 241, 247, 252, 253,
260, 267, 269, 273, 279, 282, 289, 293, 302, 309, 313, 321, 328, 332, 336, 338,
342, 343, 345, 361, 365, 368, 370, 409, 410, 414, 428, 429, 440, 450, 453, 462,
488, 490, 491, 498, 504, 517, 528, 537, 542, 551, 558, 561, 574, 581, 589, 592,
595, 597, 606, 609, 611, 617, 618, 620, 622, 630, 632, 633, 636, 638, 644, 653,
665, 673, 675, 697, 700, 707, 709, 711, 714, 718, 721, 724,
728, 730, 739, 742, 747, 748, 750, 751, 753, 755, 756, 762, 764, 771, 775, 782,
783, 786, 787, 812, 838, 847, 849, 861, 862, 863, 866, 872, 874, 887, 889, 891,
898–902, 907, 917, 918, 922, 929, 931, 940, 948, 980, 1000, 1002, 1003, 1008,
1033, 1069,1124,1144,1194,1288,1290, 1326,1330,1383,1404,1408,1536, 1541, 1617,
1640, 1650, 1654
Пастернак Александр Осипович (Ин-дия; 1860–1928), брат Л. О. Пастернака
10,11,122,502,630,785
Пастернак Аленушка (Элен Рамзи; р. 1928), дочь Жозефины Пастернак 394, 458,
468, 469, 505, 527, 538, 540, 541, 568, 620, 630, 632, 689, 700, 707, 714, 724,
739, 751, 775, 783, 941,980, 1003, 1468
Пастернак Альберт (Алеша; 1887–1935, погиб в нацистском лагере), брат Ф. К.
Пастернака 338, 980
Пастернак Анна Федоровна, дочь Ф. А. Пастернака, внучка А. Л. Пастернака 1286
Пастернак Евгений Борисович (р. 1923), инженер, биограф Б. Пастернака и его сын
219, 222–227, 229, 231, 236–238, 241, 243, 244, 248, 252, 253, 260, 268, 271,
274, 279, 282, 283, 288, 289, 298, 299, 301–303, 313–315, 317, 318, 320–322,
323, 324, 328–338, 339, 340, 342, 343, 345, 348, 353–355, 357, 361, 362, 364,
366, 370, 375, 376, 396, 397, 402, 424, 428–431, 434–445, 446, 449, 450, 452,
458, 462, 480, 488, 490, 491, 493, 496, 498, 501, 504–506, 509, 511, 517, 524,
537, 541, 542, 548–554, 558, 561, 564, 565, 568, 574, 575, 578, 581, 584, 591,
597, 599, 606, 607, 617, 618, 620, 622, 623, 626–630, 632, 633, 635–639, 642,
643, 644, 647, 651, 653, 657, 673, 675, 678, 681, 689, 696, 699, 700, 704, 707,
710, 711, 714, 719, 721, 722,
724, 728, 734, 739, 747, 753–757, 764, 769–771, 773, 775, 779, 783, 785, 806,
822, 827, 829, 833, 835, 838–840, 842, 845, 847, 850, 852, 855, 856, 857, 859,
860, 861, 862, 866, 870, 874, 878, 893, 896, 898, 899, 901,904, 911, 913, 915,
917, 919,929,931,960,970,1000,1003, 1033,1068,1069,1083,1098,1127, 1134, 1144,
1149, 1201, 1227, 1259, 1262, 1281, 1294, 1316, 1326,1339,1360,1416,1428,1444,
1617, 1621 Пастернак Евгения Владимировна (Лурье; 1898–1965), художница, первая
жена Б. Пастернака 188, 189, 197, 198, 200, 201, 203, 204, 207, 208, 210–212,
215, 219, 220, 222–227, 229–237, 238–243, 245–248, 250–253, 260, 262, 266, 268,
273, 274, 279, 282, 283, 287, 288, 298, 299, 301–304, 306, 309, 312–315,317–
325,328–343,345, 348, 353–357, 361–364, 366, 370, 383, 392, 394, 396, 397, 402,
409, 410, 413, 414, 416, 417, 423–425, 427,428,430,431,434–440,441–444, 446,
447, 449, 450, 452, 453, 458, 459–462, 469, 474, 476, 477, 480, 485–487, 488,
490, 491, 493, 496,498, 501–505, 509, 511, 516–519, 531, 535, 537, 541, 542,
548–554, 558–561, 564, 565, 567, 568, 571, 573–576, 578, 579, 581–584, 589, 590,
591, 594–599, 601, 603, 605–607, 609–611, 614, 615, 617, 618,620,622, 623,
626–630,632–639, 642–644, 647, 650, 651, 653, 657, 665, 673, 676, 681, 689, 690,
699, 700, 704, 707, 711, 712, 714, 715, 722–724, 726, 728, 730, 732–735, 741,
742, 745, 747, 751, 753–759, 762–764, 766, 769–771, 773, 775, 782, 783, 785,
787, 803, 806, 833, 835, 838, 840, 845, 847–850, 852, 853, 855–857, 859–862,
866, 869–871, 874, 877, 878, 891, 893, 896,898,901,904, 911, 915, 917–
919, 929, 931,960,970, 980,1003, 1069,1083,1098,1127,1134,1144,
1201,1227,1259,1262,1281,1316, 1360, 1416, 1621, 1637

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Пастернак Елена Владимировна (Вальтер; р. 1936), филолог; жена Е. Б. Пастернака
1416, 1444, 1468, 1617
Пастернак Жозефина Леонидовна (Жоня; 1900–1993), сестра Б. Пастернака 9, 10, 13,
32–34, 43, 47, 49, 61, 62, 85, 86, 98, 109, 110, 112, 121, 123–126, 143, 148,
152, 154, 158, 160, 164, 176, 184, 187, 190, 206, 220, 224, 227, 230, 235, 241,
247, 252, 253, 260, 265, 267, 268, 271, 274, 279, 282, 286, 289, 292, 302, 313,
314, 320, 321, 323, 324, 325, 330, 333–335, 337, 340, 342, 343, 345, 353, 354,
362, 364, 368, 370, 371, 375–377, 385, 394, 397, 410, 411, 425, 428, 458, 468,
469, 480, 484, 505, 510, 527, 529, 535, 537, 538, 540, 541, 542, 549, 552, 553,
555, 558, 561, 574, 576, 581, 591, 597, 617, 620, 630, 632, 633, 634, 653, 657,
673, 675, 681, 697, 700, 707, 711, 714, 715, 716, 718, 724, 729, 730, 733, 734,
739, 747, 748, 751, 753, 755, 757, 762, 764, 771, 775, 777, 783, 785, 794, 795,
812, 820, 831, 833, 838, 874, 898, 902, 929, 930, 941, 950, 980, 981, 1003,
1083, 1283, 1349, 1383, 1394, 1404, 1408, 1468, 1472, 1474, 1498, 1499, 1505, 1536, 1541,
1548, 1564, 1591, 1617, 1650, 1654
Пастернак Зинаида Николаевна (Ере-меева, в первом браке Нейгауз; 1896–1966),
вторая жена Б. Пастернака 562, 563, 568, 575–579,
581, 583, 589–598, 600, 601, 604–611, 613, 614, 617, 620, 626, 627, 629, 630, 632,
634–639, 641, 644, 645, 647, 651–655, 660, 661, 665, 673, 675, 676, 678, 680,
682–684, 686–689, 691–693, 696, 697, 699, 700, 702–705, 707–709, 711, 716,
719–724, 728, 729, 732, 733–739, 741, 745, 754–759, 768–771, 773, 775, 777, 783,
785, 787, 793, 797, 806, 807, 812–814, 816, 818, 820,
822–826, 831–835, 838–843, 845–850, 852–858, 860–863, 865, 871, 874, 875, 877, 878,
882, 888, 891, 893, 896, 899–904, 908, 911, 912, 917, 919–922, 926, 927, 929,
931, 938–942, 944, 946, 948, 950, 959, 960, 969, 970, 976, 980, 983–985, 992,
997, 1000, 1002, 1003, 1007, 1008, 1012, 1014, 1015, 1019, 1024, 1031, 1033, 1034,
1052–1054, 1056, 1058, 1064, 1065, 1068, 1069, 1076, 1083, 1089, 1098, 1099, 1101,
1123, 1124, 1131, 1134, 1140–1145, 1148, 1149, 1153, 1157–1159, 1163,
1165, 1167, 1168, 1174, 1176, 1178, 1179, 1182, 1184, 1186, 1188, 1191,
1192, 1194, 1195, 1198, 1199, 1201, 1205–1208, 1210–1219, 1221,
1222, 1225, 1226, 1237, 1240, 1246, 1247, 1251, 1255, 1264, 1266, 1269, 1278, 1286–1288,
1290, 1294–1296, 1298, 1302, 1314, 1316, 1317, 1320, 1330, 1332, 1360, 1370, 1383,
1388, 1396, 1406, 1411, 1412, 1414, 1416, 1417, 1421, 1431, 1432, 1445,
1450, 1453, 1456, 1458, 1460, 1465, 1484, 1489, 1499, 1548, 1567, 1574,
1582, 1583, 1588, 1606, 1617, 1626, 1627, 1631, 1632, 1639, 1651, 1654, 1672
Пастернак Карл Евгеньевич (?–1915), двоюродный брат Л. О. Пастернака 10, 11, 22,
568
Пастернак Леонид Борисович (1938–1976), физик; сын Б. Пастернака 771, 773, 775,
777, 783, 787, 797, 806, 812, 815, 816, 822, 823, 825–827, 829, 831, 833, 835,
838–843, 845, 847–850, 852–856, 858–862, 865, 870, 871, 874, 877, 878, 891, 893,
896, 899–904, 911, 917, 919–922, 926, 929, 931, 940–942, 946, 950, 960, 970, 973,
980, 983, 993, 997, 1000, 1003, 1008, 1014, 1015,
1021, 1024, 1026, 1027, 1033, 1052, 1053, 1056, 1058, 1068–1070, 1076,
1083, 1124, 1127, 1143, 1144, 1149, 1153, 1158, 1159, 1167, 1168, 1176,
1184, 1191, 1194, 1198, 1210, 1221, 1237, 1246, 1286–1288, 1290, 1332,
1340, 1351, 1360, 1370, 1376, 1383, 1414, 1416, 1421, 1450, 1453, 1460,
1484, 1499, 1522, 1548, 1598, 1617, 1651, 1654 Пастернак леонид Осипович (1862–1945),
художник; отец Б. Пастернака, 7, 8–11, 12–14, 33, 34, 39–42, 43, 46, 47, 49,
51, 52, 56, 58, 61, 62, 65–68, 74, 85, 86, 91, 94, 97, 98, 109, по, 111,
113–116, 118, 119, 121, 122, 123, 124–126, 128, 133, 134, 136, 139, 141, 142,
143, 147–149, 151, 152, 158, 160, 164, 173, 176, 180, 184, 187, 190, 194, 201,
206, 208, 210, 211, 220, 224, 227, 235, 241, 246, 247, 251–253, 260, 262, 265,
270, 271, 274, 282, 285, 286, 289, 291, 292, 293, 295, 296, 298, 299, 302, 308,
313, 314, 315, 321, 324, 328–330, 332–336, 338, 339, 340, 342, 343, 355, 362,
364, 370, 371, 375, 385, 392, 394, 397, 400, 402, 406, 409, 410, 411, 415, 420,
424, 428, 429, 438, 462, 469, 477, 480, 482–484, 490, 498, 502, 505, 509–511,
517, 527, 528, 529, 535, 537, 540, 541, 548, 549, 551, 552, 558, 561, 568, 574,
575, 576, 581, 583, 591, 595, 597, 606, 607, 609–611, 614, 617, 620, 630, 632,
633, 634, 636, 638, 644, 647, 651, 653, 657, 665, 671, 673, 675, 678, 681, 688,
689, 692, 697, 700, 707, 711, 714, 715, 718, 724, 726, 729, 730, 733, 734, 737,
738, 739, 740, 742, 747, 748, 750, 751, 753, 755–757, 758, 762, 764, 769, 770,
771, 773, 775–777, 782, 783, 785–787, 794, 795, 799, 800, 806, 820, 831, 838,
859, 866, 869, 874, 898, 901, 902–904, 910, 911, 917, 920, 921, 929, 930, 941,
949–952,
957, 960, 963, 976, 978, 980, 1003, 1021, 1081, 1084, 1098, 1121, 1122, изо,
1159, 1181, 1247, 1262, 1330, 1349, 1365, 1383, 1393, 1394, 1438,
1490, 1498, 1499, 1526, 1528, 1541, 1546, 1548, 1562, 1564, 1570, 1594, 1597, 1626
Пастернак Лидия Леонидовна (Слей-тер; 1902–1989), биохимик; сес-тра Б.

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Пастернака 9, 10, 30, 32-34, 43, 49, 61, 85, 86, 109, 112, 113, 115, 119, 121, 123-126,
143, 148, 152, 160, 164, 176, 180, 184, 187, 190, 220, 235, 241, 247, 252, 253,
260, 282, 285, 292, 293, 295, 302, 314, 320, 321, 324, 325, 328, 332-335, 337,
339, 342, 343, 362, 364, 371, 375, 376, 394, 397, 410, 420, 424, 429, 462, 468,
469, 477, 480, 483, 484, 505, 510, 527, 529, 535, 537, 538, 540-542, 553, 558,
574, 620, 630, 632-634, 638, 653, 673, 673, 680, 681, 689, 700, 707, 711, 714,
715, 718, 730, 739, 747, 748, 753, 754, 757, 762, 764, 770, 771, 775, 777, 782,
783, 785, 786, 787, 794, 812, 820, 831, 838, 901, 902, 929, 930, 941, 950, 971,
980, 981, 1002, 1003, 1083, 1283, 1349, 1383, 1394, 1396, 1399, 1404, 1405,
1408, 1440, 1446, 1465, 1468, 1472, 1474, 1484, 1490, 1498, 1499, 1505,
1529, 1530, 1536, 1541, 1548, 1556, 1564, 1583, 1591, 1594, 1617,
1633, 1639, 1640, 1650, 1654, 1664
Пастернак Осип Александрович (1907-?), художник прикладно-го искусства;
племянник Л. О. Пастернака 502
Пастернак Петр Евгеньевич (р. 1957), художник; сын Е. В. и Е. Б. Пастернаков
1444, 1468, 1617
Пастернак Розалия Исидоровна (Кауфман; 1867-1939), пианистка; мать Б.
Пастернака 7, 8-11, 12, 13, 20, 30, 32, 33, 34, 39-42, 43, 46, 48, 49, 56, 58,
65, 74, 85, 86, 91, 94, 97, 98, 109, по, 111-116,
118, 119, 121, 122, 123-126, 133, 134, 135, 136, 139, 142, 143, 147-149, 151, 152,
160, 164, 173, 180, 181, 184, 187, 190, 201, 208, 210, . 211, 220, 224, 231,
235, 241, 246, 247, 252, 253, 260, 265, 270, 271, 279, 282, 286, 289, 291, 293,
302, 314, 315, 321, 329, 333-335, 337, 338, 339, 340, 342, 343, 362, 364, 368,
370, 371, 375, 394, 396, 397, 400, 409-411, 424, 428, 429, 452, 458, 462, 469,
477, 480, 482-484, 490, 493, 498, 502, 509, 510, 511, 517, 527, 528, 529, 535,
537, 541, 542, 548, 552, 558, 561, 568, 574, 581, 595, 597, 617, 620, 630, 632,
633, 636, 643, 644, 647, 651, 653, 657, 665, 673, 675, 678, 681, 689, 697, 700,
707, 711, 714, 715, 718, 724, 726, 729, 730, 733, 734, 737, 738, 748, 740, 742,
747, 748, 750, 751, 753, 755-757, 758, 762, 764, 769, 770, 771, 775-777, 782,
783, 785-787, 795, 833, 980, изо, 1262, 1349, 1394, 1499, 1542, 1546
Пастернак (Кудинова) Розалия Константиновна, биолог; жена Ф. А. Пастернака 1290
Пастернак Федор Александрович (1927-2004), океанолог; сын А. Л. Пастернака 450,
453, 462, 490, 491, 537, 540, 542, 574, 636, 653, 673, 675, 700, 714, 724, 762,
775, 863, 866, 874, 900, 1069, 1149, 1408, 1536
Пастернак Федор (Фридрих) Карлович (1880-1976), банковский деятель; муж Ж. Л.
Пастернак, сын К. Е. Пастернака 9, 10, 13, 21, 22, 43, 44, 74, 91, 97, 110, 119,
121, 184, 210, 220, 241, 252, 253, 267, 269, 274, 279, 282, 289, 313, 321, 323,
324, 333, 334, 335-338, 340, 342, 345, 362, 364, 377, 383, 385, 394, 410, 458,
468, 469, 480, 505, 510, 527, 535, 538, 540, 541, 555, 620, 630, 632, 634, 647,
653, 671, 678, 689, 697, 700, 707, 714, 724,
729, 730, 733, 734, 739, 747, 748, 751, 755, 757, 775, 783, 785, 929, 941, 950,
980, 981, 1003, 1083, 1383, 1394, 1404, 1408, 1468, 1472,
1474, 1484, 1498, 1499, 1536, 1617, 1650, 1654
Пастернак Чарльз Александр (р. 1930), биохимик; сын Жозефины Пастернак
540, 541, 568, 620, 630, 632, 689, 697, 700, 707, 714, 724, 739, 751,
775, 783, 941, 980, 1003, 1468, 1617
Пастернак Эна, дочь Альберта Пастернака 980
Паустовский Константин Георгиевич (1892-1968), прозаик 847-850, 852, 1040,
1371, 1372, 1454, 1482, 1558
Пеги Шарль (1873-1914), французский поэт и публицист 1567
Пейн Роберт, английский славист, переводчик 981, 1004
Пекарская (Гольдина) Зоря Моисеевна, редактор издательства «Искусство» 916,
1668
Пельтье-Замойская Элен, французская славистка, одна из переводчиц «Доктора
Живаго» 1387, 1396, 1410, 1411, 1413, 1423, 1440, 1446, 1455, 1467, 1468, 1470, 1478,
1483, 1484, 1486, 1496, 1515, 1521, 1528, 1529, 1533, 1534, 1535, 1539,
1556, 1568, 1588, 1597, 1600, 1605, 1607, 1613, 1618, 1627, 1642, 1656
Пепа, см. Б. И. Збарский
Перлин Евгений Исаакович, историк, профессор Киевского университета 594
Перлина (Гершуни) Раиса Григорьевна, невестка Е. И. Перлина 613
Пермяк Евгений Андреевич (1902-1982), писатель 1355
Перовская Софья Львовна (1853-1881; казнена), член «Земли и воли», организатор и
участница покушений на Александра II 520, 526
Перцов Виктор Осипович (1898-1983), литературовед, исследователь жизни и
творчества В. Маяковского 310, 361, 807 Песталоцци Иоганн Генрих (Pestalozzi;
1746-1827), швейцарский педагог 358
Петефи Шандор (1823-1849), венгерский поэт 1028, 1030, 1033, 1034,
1045, 1046, 1050, 1055, 1068, 1071, 1096, 1099, 1105, 1113, 1125, 1127, 1151, 1153, 1375,
Страница 322

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
1383
Петников Григорий Николаевич (1894–1977), поэт, переводчик, издатель 137,
176,183, 278
Петр I Великий (1672–1725), русский царь (с 1682; правил с 1689) 192, 241,519,
520, 605, 826
Петрарка Франческо (1304–1374), итальянский поэт 1595, 1615
Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (1878–1939), художник 668
Петровская-Силлова Ольга Георгиевна (1902–1988), литератор; жена В. А. Силлова
466, 541, 722
Петровский Дмитрий Васильевич (1892–1955), поэт, прозаик 137, 176, 177, 181,
183, 224, 231, 232, 240, 271, 284, 315, 325, 330, 332
Петровых Мария Сергеевна (1908–1979), поэт 886, 893, 895, 897, 1037, 1214, 1355
Пешкова Екатерина Павловна (Вол-жина; 1876–1965), общественная деятельница;
работала в Полити-ческом Красном кресте; первая жена М. Горького 382, 432, 433,
599, 725
Пикассо Пабло (Руис-и-Пикассо; 1881–1973), французский худож-ник 159
Пильняк Борис Андреевич (Воган; 1894–1938; расстрелян), писатель
182,192,195,196,337,457,460,469, 489,497,498,500,508,524,532,578,
579,581,582,583,590,595,645,673, 689,695,749, 752,758,806,1287
Пиотровский Адриан Иванович (1898–1938; умер в тюрьме), ис-торик театра,
переводчик 245
Писарев Дмитрий Иванович (1840– 1868), критик, публицист 1519
Писемский Алексей Феофилактович (1821–1881), прозаик, драматург 820, 926
Платов Федор Федорович (1895–1967), художник, поэт и литера-турный критик 120
Платон (428/427 - 348/347 до н. э.), древнегреческий философ 18,42, 47, 57, 80,
208, 286, 288, 310, 761, 1218, 1248, 1519
Платонов Андрей Платонович (1899– 1951), писатель 497, 807
По Эдгар Аллан (1809–1949), амери-канский писатель 28,69, 74,283, 753, 1355
Погодин Николай Федорович (Стука-лов; 1900–1962), драматург 834,
848,871,877,920–922,931,1056, 1058, 1176, 1202, 1626
Погодина Анна Никандровна (1901–1968), жена Н. Ф. Погодина 871, 931, 1056, 1058,
1123, 1124, 1198, 1202, 1626
Поздняков Николай Степанович (1879–1941), балетмейстер Боль-шого театра 724
Познер Владимир Соломонович (1905–1992), французский пи-сатель, журналист;
выходец из России; с 1922 в эмиграции 425, 455, 489, 492, 493, 494, 514, 584,
932
Покровский Михаил Николаевич (1868–1932), историк 242, 243, 251, 261
Полевой Ксенофонт Алексеевич
(1801–1867), писатель, критик,
журналист 1543
Поленов Василий Дмитриевич (1844–
1927), художник 361, 511, 1542
Поленова Наталия Васильевна (Якун-
чикова), жена В. Д. Поленова 511
Поливанов Константин Михайлович
(1904–1983), доктор технических
наук 1144,1203,1231,1294,1331,
1339
Поливанов Константин Михайлович (р. 1960), филолог, преподава-тель,
исследователь творчества Б. Пастернака 1652
Поливанов Михаил Константинович (1930–1992), физик 1144, 1203, 1231,1294,
1331,1339,1360, 1378
Поливанова Маргарита Густавовна (Шпет; 1908–1989), жена К. М. Поливанова, дочь
Г. Г. Шпета 1144,1203,1231,1294, 1331
Поливанова Марина Михайловна (р. 1953), психолог 1378
Поликарпов Дмитрий Алексеевич (1905–1965), зав. Отделом куль-туры ЦК КПСС 936,
938, 1450, 1454,1551,1552,1562,1573,1589
Полонский Вячеслав Павлович (IV-син; 1886–1932), литературный критик 185, 205,
206, 207, 209, 344, 347, 359, 371, 373, 440, 449, 451, 493, 496, 564, 597, 618
Полонская К. А, см. К. А. Эгон-Бес-сер
Поляков Лазарь Соломонович (1842– 1914), банковский магнат, фи-нансировавший
строительство железных дорог; Л. О. Пастернак сделал с него портрет 125
Поляков Сергей Александрович (1874–1948), математик и пере-водчик, владелец
издательства «Скорпион» 572
Полякова Софья Викторовна (1914–1994), филолог-классик и визан-тинист 929
Попов Алексей Дмитриевич (1892–1961), главный режиссер театра Красной Армии (в
1935–1958) 873
Попов Гавриил Николаевич (1904–
1972), композитор 646
Попов Кирилл Николаевич, химик
1572
Попова Вера Александровна (1882– 1974?), художница и скульптор 1605

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Поповский Александр Данилович
(1897–1982), писатель 902
Поссе Константин Александрович
(1847–1928), математик 47
Поступальский Игорь Стефанович
(1907–1990), литератор 522,
975
Потемкин Владимир Петрович (1874– 1946), политический деятель, полпред во
Франции, с 1940 нар-ком просвещения РСФСР 729, 730, 895
Правдина Елена Алексеевна, жена А. Г. Правдина, зам. наркома пу-тей сообщения
РСФСР (в 1924–1925) 266, 306
Прафулла Чандра Дас, индийский издатель на языке ориа 1642
Приблудный Иван (Обчаренко Яков Петрович; 1905–1937; расстре-лян), поэт 412
Пристли Джон Бойнтон (1894–1984), английский писатель 1547, 1548, 1552
Пришвин Михаил Михайлович (1873– 1954), писатель 1260, 1319, 1488, 1642
Пришвина Валерия Дмитриевна (Лиорко; 1899–1979), жена М. М. Пришвина 1260, 1315,
1319, 1322, 1323, 1324, 1488, 1558, 1642, 1665
Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955), политический дея-тель, в 1917 министр
Временно-го правительства; в 1922 выслан за границу 169
Прокофьев Сергей Сергеевич (1891–1953), композитор, пианист и дирижер 516, 517,
531, 726, 826, 956, 977, 1102
Прокофьева Лина Ивановна (1897–1989), певица; первая жена С. С. Прокофьева 787,
1651
Прокофьева Мира Александровна (Мендельсон; 1915–1968), по-этесса и либреттист;
вторая жена С. С. Прокофьева 1102
Протасова Александра Андреевна (1795–1828), жена поэта
А. Ф. Воейкова, племянница
В. А. Жуковского 1608
Протасова Мария Андреевна (Мойер;
1793–1823), племянница В. А. Жуковского, героиня мно-гих его произведений 1608
Пруайяр Даниэль де, адвокат, муж Ж. де Пруайяр 1448, 1529, 1605, 1642, 1656
Пруайяр де Белькур Жаклин де, фран-цузская славистка, профессор университета
Бордо 1396, 1409, 1410, 1413, 1414, 1423, 1440, 1446, 1448, 1455, 1467, 1470, 1470, 1477,
1483, 1486, 1496, 7575, 1516, 1518, 1521, 1528, 1529, 1533, 1534, 1535, 1539, 1540,
7547, 1556, 1567, 1568, 1588, 1590, 1591, 1593, 1597, 1600,
1603, 1605, 1607, 1608, 1613, 1615, 1617, 1618, 1619, 1620, 1621,
1627, 1631, 1641, 1642, 1649, 1656, 1666
Пруст Марсель (1871–1922), француз-ский писатель 194, 247, 248, 253, 420, 425,
555, 559, 561, 695, 739, 954, 980, 1517, 1529, 754?, 1549, 1573, 1574, 1577,
1578
Прутская Клавдия Андреевна, почита-тельница Б. Пастернака 1566
Прянишников П. К., владелец книж-ного магазина и издатель 951
Пузиков Александр Иванович (1911–1996), главный редактор изда-тельства
«Художественная лите-ратура» 1035, 1368, 1415, 1429, 1431, 1432, 1437, 1492
Пунин Николай Николаевич (1888–1953; погиб в лагере), искусство-вед; гражданский
муж А. Ахма-товой 283, 300, 645, 743, 746
Пуриц Мария Львовна (?–1974), вдо-ва адвоката С. Н. Пурица 595
Пуриц Константин Николаевич (1870–1920), врач 30, 57
Пуришкевич Владимир Митрофано-вич (1870–1920), один из лидеров
«Союза русского народа» и «Со-юза Михаила Архангела», край-не правых во 2–4-й
Государ-ственных думах 97
Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), поэт
74, 127, 162, 192, 195, 231, 241, 287, 297–299, 307, 360, 378, 391, 403, 406, 465,
525, 532, 567, 601, 640, 646, 674, 681, 712, 713, 718, 726, 728, 753, 754, 764,
770, 775, 807, 954, 1035, 1043, 1098, 1123, изо, 1142, 1215, 1238,
1267, 1276, 1305, 1351, 1396, 1442, 1458, 1471, 1519, 1521, 1538, 1544,
1564, 1595, 1626, 1643, 1648, 1663, 1664
Пуцин Иван Иванович (1798–1859), декабрист; лицейский друг А. С. Пушкина 1123
Пушибышевский Станислав (1868– 1927), польский писатель, попу-лярный в начале ХХ
в. в России 12
Рабле Франсуа (1494–1553), француз-ский писатель 891
Равдель Ефим Владимирович, худож-ник, директор ВХУТЕМАСа 197, 198
Радек Карл Бернгардович (Собельсон; 1885–1939; расстрелян), публи-цист, деятель
международного социал-демократического дви-жения 253, 308, 552
Радищев Александр Николаевич (1749–1802), мыслитель, писа-тель 241
Радлов Сергей Эрнестович (1892–1958), режиссер, в 1920–1922 руководитель Театра
народной комедии (Петроград), с 1939 Те-атра им. Ленсовета 693, 889
Радлова Анна Дмитриевна (Дармола-това; 1891–1949; погибла в лаге-ре) поэтесса,
переводчик; жена С. Э. Радлова 539, 575, 693, 783, 795, 796, 811, 881, 892
Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630–1671), донской казак, предводи-тель
крестьянской войны (1670–1671) 11
Разумова Елена Павловна (1887–1971), врач-терапевт ЦЕКУБУ 434, 437

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Райт-Ковалева Рита Яковлевна (1898–1988), переводчик 204
Райх Зинаида Николаевна (1894–1939; убита), актриса; жена В. Э. Мей-ерхольда
418, 431, 442, 476, 481, 485, 496, 516, 517, 524, 721, 726, 751, 794
Райцын Эсфирь (Эстер) Александровна, экономист 1021, 1660
Раковский Г. Н., автор книги «Конец белых» 465
Раковский Христиан Георгиевич (Станчев; 1873–1941; расстрелян), политический
деятель, дипломат, в 1925–1927 полпред во Франции 288, 290, 308
Ралей (Рэли) Уолтер (ок. 1552–1618), английский политический деятель, поэт,
драматург, историк 1245
Рамо Жан Филипп (1683–1764), французский композитор 782
Раскольников Федор Федорович (Ильин; 1892–1939), политический деятель,
дипломат, журналист 541
Распутин Григорий Ефимович (Новых; 1864 или 1865–1916; убит), крестьянин
Тобольской губернии, имевший большое влияние на императорскую семью 653
Рассел Бертран (1872–1970), английский философ, логик, математик, социолог,
общественный деятель 1633
Рафаэль Санти (1483–1520), итальянский живописец и архитектор 1284
Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1943), композитор, пианист, дирижер 14,
33, 458
Рачинский Григорий Алексеевич
(1859–1939), историк литературы, переводчик 297
Рашке Герман, студент кафедры теологии в 1912 в Марбурге 52
Ребер Куно, немецкий поэт 1614
Реглер Густав (1898–1963), немецкий писатель 755
Резвая-Рейнбот Зинаида Григорьевна (1867–1947), жена С. Т. Морозова по, 111,
113, 114, 118, 121, 126
Резников Даниил Георгиевич (1904–1970), французский журналист 1396, 1455, 1470,
1518
Резникова Наталия Викторовна (Чернова; 1903–1992), писательница и переводчица
русской литературы на французский язык; жена Д. Г. Резникова 1455, 1470, 1507,
1518
Рейнолдс Джон Гамильтон (1794– 1852), английский поэт, автор книги стихов «Сады
Флоренции» 82
Рейснер Лариса Михайловна (1895–1926), писательница; участница Гражданской войны
297
Ремарк Эрих Мария (1908–1970), немецкий писатель 638, 1561
Рембо Артюр (1854–1891), французский поэт 283, 689
Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669), голландский художник 10, 66, 775, 1605
Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957; умер в эмиграции), писатель 301, 1455,
1470, 1477, 1507, 1518
Ренн Чарлз (Карл) Лесли (1895–1969), с 1946 по 1963 профессор английской
литературы Оксфордского университета; занимался славянской лингвистикой 949,
979, 981
Ренье Анри Франсуа Жозеф де (1864– 1936), французский писатель 232
Репин Илья Ефимович (1844–1930), художник 869
Рёскин Джон (1819–1900), английский писатель, историк, теоретик искусства 12,
79, 954
Решикова Вера Александровна (Угримова; 1902–2002), переводчица; дочь А. И. и Н.
В. Угримовых 1225, 1464
Риви Джордж (1907–1976) английский поэт, переводчик Н. В. Гоголя, И. С.
Тургенева и Б. Л. Пастернака, автор работ по истории русской литературы 576,
584, 649, 656, 666, 924, 932, 1631, 1639, 1640, 1650
Риг Леонтий Ефимович (1890–1916), гимназический друг Б. Пастернака, военный
врач 1–6
Рид Герберт (1893–1968), английский поэт, искусствовед и критик 954, 980, 981
Рикардо Давид (1772–1823), английский экономист 74
Рикман Джон (1891–1951), английский психиатр 735, 741, 754
Рильке Клара (Вестгоф; 1878–1954), немецкий скульптор; жена Р.-М. Рильке 482,
483, 1346
Рильке Райнер Мария (1875–1926), австрийский поэт 43, 152, 193, 194, 262, 267,
270, 274, 286–289, 291, 292, 295, 298, 299, 305–307, 309, 311–313, 316, 326,
338, 345, 347–349, 352, 355, 358, 362, 364, 367, 368, 371–373, 390–392, 405, 408,
412, 414, 415, 424, 431, 442, 462, 468, 470, 477, 480, 482, 492, 504–506, 513,
516, 531, 554, 569, 591, 634, 641, 644, 665, 695, 716, 738, 740, 748, 753, 770,
783, 813, 950, 954, 976, 980, 1081, 1082, изо, 1232, 1262, 1365, 1416, 1491,
1505, 1549, 1568, 1601, 1602, 1635
Риман Хуго (1849–1919), немецкий теоретик музыки, автор «Музыкального словаря»
(1882) 12

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844-1908), композитор 14
Рипеллино Анджело Мария, итальянский славист и переводчик 1369, 1377, 1386, 1468
Рихтер Вера Владимировна (1922-1987), школьная учительница 1306
Рихтер Святослав Теофилович (1915- 1997), пианист 847, 1176, 1414, 1421
Риццио Мортон Джеймс Дуглас (1516-1581), граф, фаворит Ма-рии Стюарт, регент при шотландском короле Иакове VI, будущем Иакове I Английском 1624
Робакидзе Григорий (Григол Титович; 1884-1963), грузинский поэт; жил в Германии 608, 641
Рогов Владимир Владимирович (1930-2000), поэт, переводчик 1245
Роговин Александр Викторович, актер; муж Н. К. Фединой 1031, 1356, 1478
Роден Огюст (1840-1917), французский скульптор 1232, 1497
Роджерс Мириам, американская писательница 1560
Родзевич Константин Болеславович (1895-1988), участник Гражданской войны; окончил в Праге юридический факультет Карлова университета; с 1926 жил во Франции. Герой Цветаевских «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца» 372, 384, 385
Родионов Константин Сергеевич, литератор; брат Н. С. Родионова 1319
Родионов Николай Сергеевич (1886- 1960), исследователь Л. Н. Толстого 1121, 1438, 1488, 1558, 1642, 1665
Родичев Федор Измаилович (1853-1932), земский деятель, юрист, один из лидеров кадетов; в марте-апреле 1917 министр Временного правительства по делам Финляндии 149
Родов Семен Абрамович (1893-1968), поэт, переводчик, литературный критик 494
Рожанский Иван Дмитриевич (1913- 1994), физик, специалист по истории науки 837
Рождественский Всеволод Александрович (1895-1977), поэт 419, 594
Розанов Иван Никанорович (1874-1959), историк русской литературы 413, 531
Розенфельд Владимир Юлиевич, сын друзей Л. О. Пастернака 40
Розенфельд Розалия Александровна (Гедульт), жена Ю. С. Розенфельда, приятельница Р. И. Пастернак 498, 622, 627
Розенфельд Эрнст, племянник Ю. С. Розенфельда 328, 330, 332, 337, 339, 364, 410
Розенфельд Юлиус Сергеевич (f1926), юрист, муж Р. А. Розенфельд 40, 184
Розенфельды, друзья семьи Пастернаков 40, 184
Роллан Ромен (1866-1944), французский писатель 232, 350, 417, 442, 459, 528, 529, 531, 532, 555, 557, 558, 561, 562, 565, 571, 573, 574, 583, 601, 607, 629, 630, 714, 716, 737, 740, 755, 980, 1648
Романова Елена Дмитриевна (Огородникова; 1923-1975), историк литературы и библиограф 1557, 1643
Ромашов Борис Сергеевич (1895-1958), драматург, публицист, литературный критик 1131, 1456
Ромашова Александра Александровна, жена Б. С. Ромашова 1131, 1456, 1520
Ромм Александр Ильич (1898-1943), поэт, литературный критик, переводчик 431
Ромм Яков Максимович, музыкант-любитель 289
Ромней (Ромни) Джордж (1734-1802), английский художник 770
Ростан Эдмон (1868-1918), французский поэт и драматург 1005
Рубенс Питер Пауль (1577-1640), фламандский художник 10
Рубинштейн Антон Григорьевич (1829-1894), пианист, композитор и дирижер 247, 302, 568, 1542
Рубинштейн Сергей Леонидович (1889-1960), психолог, ученик Г. Когена 51, 58
Рублев - Андрей Рублев (ок. 1360- ок. 1430), иконописец, канонизирован 1638
Руге Герд (р. 1933), сотрудник немецкого радиовещания и газеты «Die Zeit» 1500, 1544, 1547, 1562, 1567, 1588, 1590, 1613
Рудаков Георгий Васильевич, издававшийся поэт 1395
Руднева (Васильчикова) Татьяна Павловна, сестра художницы Е. П. Васильчиковой 433
Рукавишников Иван Сергеевич (1877-1930), поэт, близкий символистам 954
Руофф Зельма Федоровна (1897-1978), биолог; в 1930-х приехала в Россию из Германии; была арестована 1025, 1346, 1365, 1497
Руссо Жан Жак (1712-1778), французский писатель и философ 954
Руставели Шота, грузинский поэт XII в. 712, 713
Руссиян Татьяна Владимировна, инженер-конструктор; первая жена Е. Б. Пастернака 1201, 1227, 1259
Рыков Алексей Иванович (1881-1938; расстрелян), политический деятель 198, 658
Рыльский Максим Фадеевич (1895-1964), украинский поэт, общественный деятель 1055, 1312
Рябинина Александра Петровна (1897-1977), редактор отдела национальных литератур Гослитиздата 708, 969, 1094, 1097, 1123, 1240, 1249, 1309, 1313, 1380
Рязский Борис Всеволодович, военный прокурор 1333
Саади (между 1203 и 1210-1292), персидский писатель и мыслитель 1110

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Сабашникова Маргарита Васильевна (Волошина; 1882–1973), художница; первая жена
М. А. Волошина 352
Савич Овадий Герцович (1896–1967), писатель, переводчик 209, 335, 345, 384, 480,
597, 729
Саводник Владимир Федорович (1874– 1944), историк литерату-ры 765
Садовской Борис Александрович (1881–1952), поэт, исторический романист 470
Садофьев Илья Иванович (1889– 1965), поэт 257, 258
Саконская Нина Павловна (Антонина Грушман; 1896–1951), детская писательница 887
Сакс Ганс (1494–1576), немецкий поэт, мастерзингер 198, 770, 837, 1055, 1374,
1382, 1501, 1612
Сакулин Павел Никитич (1868–1930), историк и теоретик литературы 297, 312, 672
Салливан Эдвард (Sullivan; 1869–1933), английский художник 754
Саломон Ефросинья Ивановна (Нови-кова; 1903–1971), жена И. Э. Са-ломона, дочь
управляющего чае-торговой фирмы Бостанжоло; была арестована 224,409, 628
Саломон Иоанн Эдуардович (Буб-чик; 1901–1937; расстрелян), сын компаньона фирмы
«Вогау и Ко»; в 1910-е ученик Б. Пас-тернака; участник Первой ми-ровой войны;
заместитель ди-ректора Физико-химического института им. Карпова 69, 224, 628
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфо-вич (1826–1889), писатель 180
Самарин Дмитрий Федорович (1890– 1920), приятель Б. Пастернака по Московскому
университету 1438, 1593
Самойлов Александр Александрович (Аля; 1902–1977), инженер-стро-итель; с 1920-х
в США 8–11,14
Самойлов Александр Филиппович (1867–1930), физиолог, один из основоположников
электрофи-зиологии в России, в 1901 пред-седатель музыкального кружка,
профессор Казанского, потом Московского университета 12, 14,16
Самойлов Лев Александрович (Лева; 1902–1988), инженер; с 1920-х в США 8–11, 14
Самойлова Анна Александровна (Бари; 1876–1948), директор-Казанской гимназии,
педагог-методист; жена А. Ф. Самойлова 14
Санников Григорий Александрович (1899–1969), поэт 706
Сармакешева Наталья Семеновна (Янкова), киномонтажница; ад-ресат Б. Пастернака
1662
Сартр Жан Поль (1905–1980), фран-цузский писатель, философ 1670
Сати Эрик (1866–1925), французский композитор 248
Сафо (Сапфо; VII–VI вв. до н. э.), древнегреческая поэтесса 570, 1012
Сафонов Василий Ильич (1852–1918), пианист, дирижер 537
Сахновский Василий Григорьевич (1886–1945), режиссер, педагог, театровед 241,
851, 910, 980
Саянов Виссарион Михайлович (1903–1959), поэт 507, 536, 545, 959,1001, 1008
Сварог Василий Семенович (1883– 1946), художник 604, 618
Светлов Михаил Аркадьевич (1903– 1964), поэт-349, 758
Свифт Джонатан (1667–1745), англий-ский писатель 572
Святополк-Мирский Дмитрий Петро-вич (1890–1939; погиб в лагере), литературный
критик 280, 306,
307, 312, 313, 326, 347–349, 352, 355, 358, 361, 365, 367, 374, 376, 387, 391,
392, 401–403, 405, 407, 409, 456, 492, 518, 519, 531, 532, 547, 554, 565, 569,
645, 726, 745, 4 932
Северянин Игорь (Игорь Васильевич Лотарев; 1887–1941) поэт 69,238, 297,492,494,
807
Сейфуллина Лидия Николаевна (1889–1954), писательница 869
Селан Пауль (Ангель; 1920–1970), ав-стрийский поэт 1614
Селивановский Алексей Павлович (1900–1938; расстрелян), веду-щий литературный
критик нача-ла 1930-х, ответственный редак-тор «Литературной газеты» 648
Сельвинская Берта Яковлевна (1898–1980), жена И. Л. Сельвинского 719, 899, 900,
1100, 1202, 1414, 1416,1417
Сельвинский Илья (Карл) Львович (1899–1968), поэт 280, 290, 308, 349, 368, 465,
514, 525, 719, 723, 736, 933, 935, 975, 1032, 1100, 1202, 1417
Семашко Николай Александрович (1874–1949), врач, с 1918 нарком здравоохранения
РСФСР 337
Сен-Симон Клод Анри де Рувруа (1760–1825), граф, французский мыслитель 1419
Сент-Экзюпери Антуан де (1900–1944), французский писатель, летчик 1586
Серафимович Александр Серафимо-вич (Попов; 1863–1949), писа-тель 181
Сервантес Сааведра Мигель де (1547–1616), испанский писатель 112, 857, 1601
Сергеев-Ценский Сергей Николаевич (1875–1958), писатель 640
Сергей Александрович (1857–1905), великий князь, сын императора Александра II
1562
Сергеенко Петр Алексеевич (1854–
1930), литератор, последователь Л. Толстого 429 Серов Валентин Александрович
(1865–1911), художник 350, 724, 785, 978

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Серов Юрий Валентинович (1894–1929), актер; сын художника, умер в Париже 136,
511, 775
Серова Наталия Валентиновна (1908–1950), дочь В. А Серова; жила в Париже 424
Серова Ольга Валентиновна (1890–1946), дочь В. А. Серова 350, 424, 511, 1019
Серова Ольга Федоровна (Трубникова; 1864–1927), жена В. А Серова 424
Сетницкая Елена Николаевна (Берковская; 1923–1998), историк искусств 1057
Сетницкая Ольга Николаевна (1916–1987), историк, сотрудница Музея им. А. Н.
Скрябина 949, 955, 1020, 1057, 1291
Сибелиус Ян (1865–1957), финский композитор 1083
Силлов Владимир Александрович (1902–1930; расстрелян), литератор 259, 466, 539,
541, 722
Силлов Олег Владимирович (1925–1997), историк; сын В. А. Силлова и О. Г.
Петровской 466, 541, 722
Симонов Евгений Рубенович (1925–1994), режиссер и актер 1337, 1407, 1421
Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915–1979), поэт и прозаик 926, 975,
1011, 1029, 1030, 1090, 1303, 1383
Симонов Рубен Николаевич (1899–1968), режиссер и актер 806, 1337, 1354, 1407,
1421
Симонова-Берсенева Елена Михайловна (Поливанова; +1955), актриса; жена Р. Н.
Симонова 1337, 1354
Синезубов Николай Владимирович (1891–1948), художник-график;
автор портрета А. А Блока; участник журнала «Маковец» 219, 490
Синявский Андрей Донатович (1925–2001), историк литературы, писатель
1387, 1441, 1489
Синякова Вера Михайловна (Гехт; 1895–1973) 95, 259, 484, 870
Синякова Зинаида Михайловна (Мамонова; 1886–1942), певица 95, 259, 484, 870
Синякова Мария Михайловна (Уречина, 1890–1984), художница 259
Синякова Надежда Михайловна (Пичета; 1889–1975), пианистка, певица 122, 125, 309,
637
Синяковы, сестры 95, 259, 484, 870
Скарлатти Доменико (1685–1757), итальянский композитор 606
Скворцова Елена Дмитриевна (Самойло; 1908–1984), геолог 1231
Скосырев Петр Григорьевич (1900–1960), писатель, критик, с 1946 член правления
Союза писателей 886, 1036
Скотт Беатрис, английская славистка и переводчица 981, 1004
Скрябин Александр Николаевич (1871/72–1915), композитор 14, 25, 33, 86, 115,
268, 277, 286, 289, 641, 697, 719, 726, 939, 944, 1121, 1159, 1171, 1241, 1386,
1438, 1488
Скрябин Владимир Николаевич (1886–1916?; убит в Первой мировой войне), сводный
брат композитора 634
Скрябина Вера Ивановна (Исакович; 1875–1920), первая жена А. Н. Скрябина 795
Скрябина Е. А, см. Е. А Софроницкая
Скрябина Мария Александровна (Татарина; 1901–1989), актриса; дочь А. Н.
Скрябина 944
Скрябина-Шлецер Татьяна Федоровна (1883–1922), вторая жена А. Н. Скрябина 194,
445
Славянский Ювенал Митрофанович (1887–1937; расстрелян), художник, руководитель
объединения «Всекохудожник» 747, 762
Слащев Яков Александрович (1885/86–1929), военный деятель; в Гражданскую войну
командующий корпуса деникинской и врангелевской армий; с 1921 служил в
Красной Армии 431, 465
Слейтер Гилберт, профессор Оксфордского университета; отец Элиота Слейтера 762,
787
Слейтер Лиза (Анна Пастернак-Слейтер; р. 1945), профессор Оксфордского
университета; дочь Лидии Пастернак-Слейтер 980, 1083, 1408, 1468, 1650
Слейтер Майкл (р. 1936), математик; сын Лидии Пастернак-Слейтер 762, 770, 775,
941, 971, 980, 1003, 1408, 1468, 1498, 1650
Слейтер Николас (р. 1938), врач; сын Лидии Пастернак-Слейтер 775, 941, 971, 980,
1003, 1083, 1408, 1468, 1498, 1650
Слейтер Роза (Катрин Оппенгейнер; р. 1938), психиатр; дочь Лидии
Пастернак-Слейтер 831, 838, 941, 971, 980, 1003, 1083, 1408, 1468, 1650
Слейтер Элиот, психиатр; муж Л. Л. Пастернак 739, 753, 762, 770, 812, 941, 971
Словацкий Юлиуш (1809–1849), польский поэт 850, 864, 869–872, 874, 877, 878, 880,
882, 886, 891, 896, 1055, 1518, 1556, 1561, 1578, 1624
Слонимский Михаил Леонидович (1897–1972), писатель 508
Слуцкий Борис Абрамович (1919–1986), поэт 1519
Смайлс Сэмюэл (1816–1903), английский философ-моралист 151
Смирнов Александр Александрович (1883–1962), историк западной литературы

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
1019,1033,1058,1138
Смирнов Володя (1941–1955), сын И. И. Халтурина и В. В. Смирновой 868
Смирнов Геннадий Александрович, директор Литфонда 850, 874
Смирнов Николай Павлович (1898–1978), писатель и литературный критик 1315, 1322,
1323, 1324, 1558
Смирнова Вера Васильевна (1898– 1977), литературный критик, автор книг о
детской литературе 595, 596, 604, 606, 610, 630, 840, 848, 853, 854, 868
Смирнова Елена Васильевна, сестра В. В. Смирновой 595,596,604,606
Смышляев Валентин Сергеевич (1891–1936), актер, педагог, ре-жиссер 531
Смышляева Ольга Федоровна (Пу-шечникова; 1890–1962; во вто-ром браке
Жолтовская), первая жена В. С. Смышляева 531
Собинов Леонид Витальевич (1872– 1934), оперный певец 62, 653
Соболь Андрей (Юлий Михайлович; 1888–1926; покончил с собой), писатель 310
Сока Сусанна (?–1959; погибла в авиа-катастрофе), уругвайская поэтес-са,
издательница журнала в Мон-тевидео 1404,1405,1410,1446,1468
Соколова Мария Алексеевна (1887– 1959), врач; первая жена Б. А. Пильняка 469
Соколова Наталья Борисовна (р. 1918), дочь Б. А. Пильняка и М. А. Соколовой 469
Соколовский Александр Александрович (1925–1979), поэт, детский писатель 887
Соколовский Александр Лукич (1837–1915), переводчик Шекспира, Гёте; лауреат
Пушкинской пре-мии 811, 892
Соллогуб Наталия Борисовна, дочь Б. К. Зайцева 1595, 1609, 1615, 1629, 1661
Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), религиозный философ, поэт 1142
Сологуб Федор Кузьмич (Тетерников; 1863–1927), поэт 67, 86, 156, 260
Солодовников Александр Васильевич (1904–1990), театровед, директор МХАТа 1443
Сомов Константин Андреевич (1869– 1939), художник 954
Сорокин Григорий Эммануилович (1898–1954), поэт, прозаик, уча-стник «Вольфилы»,
в 1932–1934 заведующий «Издательства писателей в Ленинграде»; был арестован
648,652,654,659,660, 663, 667–669, 672, 674, 680, 684, 691, 693
Сорокин Тихон Иванович, историк и искусствовед 316, 693
Сорокина Нина Николаевна (Бажено-ва; 1898–1979), жена Г. Э. Соро-кина 693
Сосинская Ариадна Викторовна (Чер-нова; 1908–1974), автор крити-ческих статей,
переводчик; жена В. Б. Сосинского 1328, 1455, 1470, 1504
Сосинский Владимир (Бронислав) Брониславович (1900–1987), ли-тератор 1328, 1455,
1470, 1504
Сослани Шалва (1902–1941; погиб на войне), писатель 616
Софокл (ок. 496–406 до н. э.), древне-греческий поэт-драматург 19,1132
Софроницкая Елена Александровна (Скрябина; 1900–1990), пианис-тка, дочь А. Н.
Скрябина, жена
В. В. Софроницкого 795, 1054, 1058, 1188, 1463
Софроницкий Владимир Владимиро-вич (1901–1961), пианист 795, 956
Спасская Вероника Сергеевна (р. 1933), дочь С. Д. Спасского 670, 709, 727
Спасская-Каплун Софья Гитмановна (1901–1962), скульптор; жена
С. Д. Спасского; была арестова-на 403, 463, 563, 578, 670, 691, 709, 727, 779
Спасский Евгений Дмитриевич (1900–1985), художник 983, 987, 1014
Спасский Сергей Дмитриевич (1898–1956), поэт и прозаик 403, 463, 563, 572, 578,
580, 645, 646, 654, 668, 670, 691, 693, 709, 727, 779, 836, 891, 966, 987, 1014,
1018, 1060,1063,1065,1153,1309,1453
Спендер Стефен (1909–1995), англий-ский поэт, издатель 1603, 1619,
1621,1623,1627,1633,1639,1649, 1654, 1655, 1664
Спенсер Эдмунд (ок. 1552–1599), ан-глийский поэт 770
Ставский Владимир Петрович (Кир-пичников; 1900–1943; погиб на фронте), писатель,
с 1936 гене-ральный секретарь Союза писа-телей 869
Сталин Иосиф Виссарионович (1878– 1953) 700,743,746,804,805,826, 920, 931, 963,
1219, 1220, 1222, 1454, 1528, 1562
Станиславский Константин Сергее-вич (Алексеев; 1863–1938), ре-жиссер, актер
247,418, 754
Станицын Виктор Яковлевич (1897– 1976), актер и режиссер 1414, 1415, 1417
Станевич Вера Оскаровна (Анисимо-ва; 1890–1967), поэтесса и пере-водчик 62, 82,
83, 232, 333,936
Старостин Анатолий Васильевич (1918–1981), редактор Гослитиз-дата 1421, 1450,
1453, 1476
Старцев Абель Исаакович (Старцев-куин; р. 1909), литературовед, переводчик 923
Стасик, Лялик, см. С. Г. Нейгауз
Стендаль (Анри Мари Бейль; 1783– 1842), французский писатель 391, 1140, 1148,
1351
Стенич Валентин Осипович (Смета-нич; 1898–1938; расстрелян), поэт и переводчик
650, 668, 670
Степанов Николай Леонидович (1902–1972), критик, литерату-ровед 970

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Степанова Ангелина Осиповна (Иосифовна) (1905–2000), актриса МХАТ; жена А. А
Фадеева 897, 965, 1093, 1099, 1417
Степун Федор Августович (1884–1965), писатель и философ 19,
1455, 1470, 1477, 1494, 1504, 1508, 1516, 1527, 1536, 1543, 1584, 1675
Стерн Лоренс (1713–1768), английский писатель 1601
Стефанович Людмила Владимировна (1904–1989), машинистка; сестра Н. В.
Стефановича 1180, 1335, 1341
Стефанович Николай Владимирович (1911–1979), поэт, актер, переводчик 1180,
1335, 1341
Стеценко Елизавета Михайловна (Гирей, в первом браке Лопухина; 1873–1961),
фрейлина императорского двора, учительница французского языка 501, 504, 505,
548, 551, 562, 597, 613, 636, 638, 642–644, 673, 699, 700, 711, 728, 755, 756,
758, 775, 829, 856, 859, 898, 900
Стеценко Ипполит Васильевич (1887–1969), кавалерийский полковник, бухгалтер; муж
Е. М. Лопухиной–Стеценко 829, 856, 898
Стецкий Алексей Иванович (1896–1938; расстрелян), политический деятель 709
Столица Любовь Никитична (1884–1934), поэтесса и драматург; после 1917 за
границей 532
Столяров Михаил Павлович (1888–1937; расстрелян), поэт и философ 138, 162
Столярова Вера Николаевна, жена М. П. Столярова 138, 162, 436
Стравинский Игорь Федорович (1882–1971), композитор, дирижер 1386, 1516, 1526,
1543, 1628
Страда Витторио (р. 1934), итальянский славист, профессор университета в
Венеции 1418
Страхов Николай Николаевич (1828–1896), литературный критик, публицист 875,
1441
Стриндберг Юхан Август (1849–1912), шведский писатель 208, 1175
Струве Василий Васильевич (1889–1965), историк Востока, египтолог 459
Струве Глеб Петрович (1898–1985), журналист, литературовед, поэт; сын П. Б.
Струве 1666
Струве Петр Бернгардович (1870–1944), философ, экономист; с 1907 фактический
руководитель журнала «Русская мысль», с 1920-х в эмиграции 407
Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912), издатель, публицист 112
Суворовы – Таисия Георгиевна, пианистка, и Александр Николаевич, ее муж 601
Сувчинский Петр Петрович (Шелига; 1892–1985), граф, музыковед, основатель
журнала «Музыкальный современник» (1915); с 1920 за границей 374, 391, 401,
403, 405, 407, 412, 414, 456, 516, 531, 554, 569, 1470, 1477, 1483, 1494, 1504,
1505, 1506, 1508, 1515, 1516, 1517, 1523, 1526, 1531, 1533, 1543, 1584, 1625,
1628
Суинберн (Свинберн) Алджернон Чарлз (1837–1909), английский поэт 45, 133–139,
141, 142, 147, 149, 151, 152, 155, 156, 194, 283, 338, 418, 753, 770, 780, 923,
932, 1245
Сулоага-и-Сабалета Игнасио (1870–1945), испанский художник 812
Суперфин Габриэль Гаврилович (р. 1943), литературовед, историк 1653
Суриков Василий Иванович (1848–1916), художник 602
Суриц Яков Захарович (1882–1952), с 1934 полпред в Германии, после 1937 во
Франции 762, 764
Сурков Алексей Александрович (1899–1983), поэт 737, 975, 1192, 1304, 1449, 1450,
1526, 1528
Сурков Евгений Данилович (1915–1988), литературный критик, в 1940-х редактор
Главреперткома и сотрудник «Правды», в 1950-х завлит МХАТ 1033, 1334, 1338
Суханов Н. (Гиммер Николай Николаевич; 1882–1940), экономист, публицист, член
партии эсэров, с 1917 социал-демократ, автор «Записок о революции» 100, 101,
102–107
Суцкевер Авраам (р. 1914), еврейский поэт 1526, 1528
Табидзе Галактион (1892–1959), грузинский поэт 679, 745, 1634
Табидзе Нина Александровна (1900–1964), жена Тициана Табидзе 641, 676, 684,
688, 716, 717, 723, 738, 752, 759, 768, 777, 788–791, 793, 797, 803–807, 812,
814, 818, 820, 823–825, 827, 832, 834, 835, 853, 855, 922, 931, 937, 942, 952,
960, 966, 969, 970, 973, 983, 984, 989, 993, 997, 1013, 1014, 1015, 1024, 1026,
1033, 1034, 1040, 1080, 1089, 1097, 1099, 1101, 1110, 1111, 1123, 1124, 1142, 1143,
1147, 1153, 1159, 1160, 1161, 1167, 1168, 1170, 1172, 1174, 1176, 1184, 1191,
1195, 1198, 1199, 1210, 1211, 1222, 1235, 1237, 1239, 1240, 1246, 1247,
1253, 1278, 1286, 1287, 1300, 1314, 1332, 1340, 1347, 1348, 1362,
1370, 1380, 1409, 1412, 1414, 1416, 1417, 1421, 1426, 1445, 1449, 1450,
1452, 1453, 1458, 1460, 1476, 1501, 1510, 1522, 1573, 1574, 1577, 1582, 1585, 1617, 1632,
1634, 1651
Табидзе Танит (Нита Андриадзе; р. 1922), дочь Тициана Табидзе 641, 688, 717,
Страница 330

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
723, 738, 752, 759, 777, 788-791, 793, 797, 812, 814, 818, 823-825, 827, 834,
855, 922, 931,
937, 960, 970, 983, 997, 1014, 1015, 1024, 1026, 1034, 1123, 1124, 1143,
1147, 1153, 1159, 1161, 1176, 1198, 1199, 1210, 1222, 1247, 1476, 1577, 1585, 1632
Табидзе Тициан (1895-1937; расстрелян), грузинский поэт 616, 618, 641, 676,
677, 679, 683, 684, 686, 688, 689, 696, 697, 712, 716, 717, 722, 723, 724, 726,
727, 738, 745, 752, 759, 760, 768, 777, 781, 788-790, 793, 797, 803-805, 812,
818, 820, 823-825, 827, 834, 835, 855, 870, 937, 970, 983, 984, 987, 989, 993,
1014, 1099, 1101, 1110, 1159, 1161, 1171, 1198, 1199, 1222, 1246,
1253, 1278, 1287, 1340, 1347, 1362, 1421, 1433, 1453, 1458, 1460, 1501, 1585, 1634
Тагер Евгений Борисович (1906-1984), историк литературы 946, 999, 1057, 1092,
1416, 1479, 1489
Тагер Елена Ефимовна (1909-1981), искусствовед; жена Е. Б. Тагера 946, 999,
1057, 1092, 1416, 1479, 1489
Тагер Елена Михайловна (1895-1964), писательница и переводчик 539, 601, 663
Тагор Рабиндранат (1861-1941), индийский поэт 187, 209, 561, 562,
1232, 1367, 1373, 1465, 1505, 1512, 1609, 1648
Таиров Александр Яковлевич (1885-1959), режиссер, организатор (1914) и
руководитель Камерно-го театра 894
Талов Марк Владимирович (1892-1969), поэт и переводчик с романских языков 883
Тарасенков Анатолий Кузьмич (1909-1956), литературный критик 578, 580, 745,
1072, 1093, 1094
Тарасова Алла Константиновна (1898-1973), актриса, с 1924 во МХАТе
1417, 1436, 1443
Татаринова М. А, см. М. А. Скрябина
Татьяна Матвеевна, в 1950-е домработница Пастернаков 1288, 1414, 1421, 1632
Твалтвадзе Фатима Антоновна (1897-1973), переводчик 1111, 1143,
1159, 1184, 1186, 1190, 1191, 1195, 1198, 1348
Твардовский Александр Трифонович (1910-1971), поэт 975, 1032, 1192
Тейяр де Шарден Пьер (1881-1955), французский палеонтолог, философ, теолог 1648
Тенс Карл (1914-1999), основатель музея фауста в Книттлингене
1508, 1509, 1511, 1527, 1541, 1567, 1619, 1620, 1627, 1659
Теофраст (Тиртам; 372-287 до н. э.), древнегреческий философ и
естествоиспытатель 839
Тик Людвиг (1773-1853), немецкий писатель 889
Тиссэ Эдуард Казимирович (1897-1961), кинооператор 416
Тихонов Николай Семенович (1896-1979), поэт 221, 232, 255-257, 258, 278, 319, 330,
368, 378, 402, 460, 497, 499, 500, 520, 526, 648, 680, 683, 684, 688, 689, 690,
703, 705, 710, 727, 745, 765, 767, 779, 836, 935, 936, 938, 959, 975, 976, 1348,
1453
Тихонов (Серебров) Александр Николаевич (1880-1956), писатель, мемуарист 239,
254, 315, 851
Тихонова Мария Константиновна (Неслуховская; 1892-1975), жена Н. С. Тихонова
232, 378, 460, 500, 520, 690, 767
Толстая Софья Андреевна (Берс; 1844-1919), жена Л. Н. Толстого 742
Толстая-Есенина Софья Андреевна (1900-1975), писательница, директор
Толстовского музея 742, 759, 806, 807
Толстой Алексей Константинович (1817-1875), поэт, романист, драматург 152, 877,
1396
Толстой Алексей Николаевич (1882/83-1945), писатель 196, 307, 434,
497, 519, 520, 613, 807, 826, 851, 877, 1397
Толстой Лев Николаевич (1828-1910), граф, писатель 152, 181, 194, 215, 238, 247,
287, 355, 387, 388, 391, - 399, 410, 442, 525, 541, 558, 607, 630, 644, 695,
718, 721, 726, 739, 770, 795, 869, 874, 889, 892, 920, 939, 949, 954, 979, 1009,
1029, 1032, 1039, 1066, 1111, 1121, 1122, 1192, 1200, 1237, 1238, 1240, 1375,
1424, 1438, 1443, 1473, 1488, 1515, 1519, 1538, 1548, 1567, 1578, 1594,
1602, 1605, 1608, 1623, 1642, 1648
Тольятти Пальмиро (1893-1964), генеральный секретарь итальянской компартии (с
1926) 1450
Томашевская Раиса Романовна, жена Б. В. Томашевского 413, 414
Томашевский Борис Борисович (1909-1974), историк западно-европейской литературы
1501, 1612
Томашевский Борис Викторович (1890-1957), литературовед 412, 413
Томсон Джозеф Джон (1856-1940), английский физик, директор Ка-вендишской
лаборатории (1884-1919), иностранный член-корреспондент Петербургской АН
(1913); лауреат Нобелевской премии (1906) 1106
Тренев Константин Андреевич (1876-1945), драматург 802, 850, 866, 870, 874,
878, 896, 907, 919-921, 927, 931

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Тренева Лариса Ивановна, жена К. А. Тренева 850, 853, 854, 878, 927, 931,
1286,1288, 1290
Тренева Наталья Константиновна (Павленко; 1914–1980), переводчица; жена П. А.
Павленко, дочь К. А. Тренева 900, 902, 903
Третьяков Вячеслав Михайлович (1898–1920; погиб в Гражданскую войну), брат С.
М. Третьякова 1634, 1637,1645
Третьяков Сергей Михайлович (1892–1937; погиб в заключении), поэт, драматург,
один из теоретиков ЛЕФа 203, 295, 310,1634
Третьякова Евгения Михайловна (1904–?), сестра С. М. Третьякова 1645
Третьякова Наталья Михайловна (1894–?), сестра С. М. Третьякова 1645, 1669,1670
Третьякова Нина Михайловна (1900–?), сестра С. М. Третьякова, актриса; жила в
Париже 1634, 1637, 1645,1669, 1670
Третьякова Ольга Викторовна (1895– 1973), жена С. М. Третьякова; была арестована
222, 1637
Триоле Эльза (1896–1970), французская писательница; жена Л. Арагона
302,492,494,1528,1529
Троцкий Лев Давидович (Бронштейн; 1879–1940; убит), политический и
государственный деятель 196, 201, 261, 432, 1093
Трояновская Анна Ивановна (1885–1977), педагог-вокалист и художница, ученица
Серова и Матисса 517, 598
Трубецкой Николай Сергеевич (1890– 1938), языковед, один из теоретиков
Пражского лингвистического кружка; знакомый Б. Пастернака по университету; сын
С. Н.Трубецкого 511
Трубецкой Сергей Николаевич (1862– 1905), князь, философ, профессор и первый
выборный ректор Московского университета 511,785
Трунина Мария Егоровна (Маруся Колючая), няня в доме Вс. В. Иванова 877
Трухачев Андрей Борисович (1912–1993), сын А. И. Цветаевой 1051
Тувим Юлиан (1894–1953), польский поэт 1655
Тугендхольд Яков Александрович (1882–1928), историк искусства и художественный
критик 411
Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), писатель 97, 782, 949, 1394
Тучинская Ирина Ивановна (Софроничская; р. 1920), сотрудница Музея им. А. Н.
Скрябина 949, 955
Тынянов Юрий Николаевич (1894–
1943), писатель, литературовед
460, 500, 646 Тычина Павел Григорьевич (1891 –
1967), украинский поэт 1055,
1094
Тютчев Федор Иванович (1803–1873), поэт 93, 127, 200, 243, 297, 357, 361, 372,
532, 1281, 1441, 1470
Уайльд Оскар (Фингал О Флаэрти Уилс; 1854–1900), английский писатель 181, 259,
264, 313, 518
Угримов Александр Александрович (1906–1981), инженер и переводчик; вернулся из
эмиграции; был арестован 1464
Угримов Александр Иванович (1874–1974), председатель сельско-хозяйственного
общества, член Комитета помощи голодающим (1921); в 1922 выслан за границу,
вернулся в 1947, после 1960 в Москве 1225, 1464
Угримова Надежда Владимировна (Гаркави; 1874–1961), жена А. И. Угримова; брала
уроки рисования у Л. О. Пастернака 1225,1464
Уилсон Эдмунд (1895–1959), американо-канадский историк литературы и критик 1602, 1605,
1619, 1623, 1639, 1654
Уитмен Уолт (1819–1892), американский поэт 274
Уланова Галина Сергеевна (1910–1996), балерина 977
Улина Зинаида Капитоновна, секретарь в Союзе писателей 1062
Уолси (Вулси) Томас (ок. 1473–1530), канцлер при английском короле Генрихе
VIII13
Уордроп Марджори (1869–1909), английская писательница, переводчик поэмы Шота
Руставели «Витязь в тигровой шкуре» 712
Уразова Екатерина Михайловна (1907–1990), журналист; с 1938 по 1943 работала
зав. редакцией «журнала «Огонек», с 1944 референт Отдела выставок ВОКСа 956
Уречин Арсений Моисеевич (1898– 1942), художник 254, 259
Урушадзе Венера Георгиевна, профессор Тбилисского университета 1013, 1014, 1040
Усиевич Елена Феликсовна (1893– 1968), литературный критик и общественный
деятель 844
Усов Дмитрий Сергеевич (1896–1943), поэт, историк литературы, переводчик 294
Устинов Василий Иванович († 1928), сосед по квартире Пастернаков 197, 211, 224,
241, 246, 336–338, 420
Устинов Георгий Феофанович (1888– 1932), журналист 272, 273, 277

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Устинова Елизавета Ивановна (f1924), жена В. И. Устинова 197, 211, 241, 246
Устинова Прасковья Петровна (Паша), домработница Устинов-вых 197, 211, 223, 241,
337, 338, 437, 440, 443, 444, 488, 490, 491, 504, 592, 597, 665, 689, 699, 719,
721, 775
Утенков Юрий, сотрудник экспертной конторы «Международная кни-га» 1486
Ушаков Николай Николаевич (1899–
1973), поэт 608, 610 Уэллс Герберт Джордж (1866–1946),
английский писатель 195, 232
Фаворский Владимир Андреевич (1886– 1964), художник-график 659, 672, 880
Фадеев Александр Александрович (1901–1956), писатель 788, 818, 820, 834, 846,
853, 863, 895, 897, 900, 902–904, 921, 927, 935, 964, 965,
1029, 1032, 1093, 1095, 1099, 1131, 1220, 1454
Фалковский Г. И., сотрудник Комите-та по делам искусств 872, 876
Фальк Роберт Рафаилович (1886–1958), художник 336, 338
Федецкий Земовит (р. 1923), польский писатель 1372, 1386
Федин Константин Александрович (1892–1977), писатель 255, 263, 278, 434, 435,
454, 460, 461, 463, 489, 661, 667, 689, 724, 749, 754, 758, 785, 807, 834, 844,
845, 847–850, 852–856, 866, 870–872, 874, 878, 896, 900, 907, 919, 926, 935,
964, 1007, 1031, 1040, 1100, 1175, 1198, 1202, 1205, 1226, 1239, 1242, 1287, 1288, 1318,
1325, 1356, 1359, 1372, 1390, 1406, 1435, 1449, 1471, 1478, 1524, 1642
Федина Дора Сергеевна (t 1953), жена К. А. Федина 807, 878, 964, 1031, 1100, 1202,
1205, 1226
Федина Нина Константиновна, дочь К. А. Федина 1031, 1356, 1435, 1478
Федорченко София Захаровна (1880– 1959), детская писательница-ро-манистка 330
Фейнберг Самуил Евгеньевич (1890–1962), пианист и композитор 33
Фейхтвангер Пауль, банкир; брат Л. Фейхтвангера 333, 335, 603
Фельтринелли Джанджакомо (1926– 1971), итальянский издатель, по-литический
экстремист 1369, 1377, 1383, 1386, 1398, 1410, 1413, 1415, 1430, 1439, 1440, 1450, 1451,
1454, 1455, 1459, 1466, 1469, 1474, 1483, 1486, 1513, 1521, 1527, 1528,
1533, 1539, 1541, 1547, 1549, 1567, 1588, 1590, 1593, 1600, 1613,
1617–1619, 1621, 1624, 1627, 1631, 1654, 1666
Фет Афанасий Афанасьевич (Шен-шин; 1820–1892), поэт 74, 403, 492, 505, 570,
640, 1083, 1441
Фидий (нач. V в. – ок. 432–431 до н. э.), древнегреческий скульп-тор 181
Филипп Вальтер (1902–1985), инже-нер; сын М. Л. и М. Д. Филиппов 69, 109, 121,
124, 484, 538, 1563
Филипп Маргарита Леопольдовна (1865–1953), жена М. Д. Филип-па 109, 151
Филипп Морис Дмитриевич, коммер-сант и коллекционер 101, 109, 151
Филиппы, семья ПО, 113, 279
Филиппов Борис Андреевич (Флис-тинский; 1905–1991), писатель, поэт,
литературовед 1666
Филоненко Мария Николаевна, жена А. М. Фрейденберга; была арес-тована 239, 776,
1098
Филонов Павел Николаевич (1883– 1941), художник и теоретик ис-кусства, один из
лидеров русско-го авангарда первой половины XX в. 353
Фишер Луис, американский журна-лист; с 1922 по 1939 часто бывал в Москве 755
Фишер Бригитте, владелица издатель-ства С. Фишер Ферлаг; жена Г. Берман-Фишера
1544, 1601, 1602, 1614, 1617, 1663, 1664
Флобер Постав (1821–1880), француз-ский писатель 65, 162, 194, 753, 1535, 1602,
1605, 1623
Флор Сало (Саломон Михайлович; 1908–1983), чешский шахматист 724
Фолкнер Уильям (1897–1962), амери-канский писатель 1483, 1517, 1537
Фолян Паруйр Меликсетович, глав-ный редактор Закгиза, сцена-рист, автор
учебников русского языка для армянских школ 692, 696, 701, 710
Фома Аквинский (1225 или 1226–1274), философ и теолог 288
Фонтенуа Жан (1899–1945), француз-ский журналист, коммунист 260
Форд Джон (1586–ок.1640), англий-ский драматург 135, 141, 142
Форш Ольга Дмитриевна (1873–1961), прозаик 333, 346, 425, 460
Фости Вера, бельгийская писательни-ца и поэтесса 1646
Франк Виктор Семенович (1909–1972), журналист; сын С. Л. Франка; жил в Англии
1661
Франк Семен Людвигович (1877–1950), философ; в 1922 выслан за границу 118
Франк-Каменецкий Израиль Григорь-евич (1880–1937), филолог, вос-токовед 758, 783
Франц Фердинанд (1863–1914), авст-рийский эрцгерцог 88
Фрезер Джеймс Джордж (1854–1941), английский этнограф, исследо-ватель истории
религии 239
Фрейд Зигмунд (1856–1939), австрий-ский врач-психиатр, основопо-ложник
психоанализа 319, 570

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Фрейденоберг Александр Михайлович (Михайлов; 1884–1938; расстрелян), инженер
190, 238, 239, 243, 375, 675, 758, 776, 782, 783, 794, 822, 1027, 1106
Фрейденоберг Анна Осиповна (1860– 1944), сестра Л. О. Пастернака, жена М. Ф.
Фрейденоберга, мать А. М. и О. М. Фрейденобергов 20, 22, 55, 81, 97, 190, 238, 239,
241–244, 248, 251, 253, 304, 335, 339, 343, 370, 374, 375, 377, 402, 428, 429,
436, 459, 472, 488, 503, 551, 560, 567, 575, 630, 636, 644, 653, 671, 678, 725,
732–734, 739, 747, 758, 762, 776, 782, 783, 794, 799, 822, 826, 831, 833, 835,
838, 839, 859–862, 874, 891, 929, 930, 940, 1098
Фрейденоберг Михаил Филиппович (1856–1920), изобретатель и журналист 21, 57, 81,
238, 375, 1106
Фрейденоберг Ольга Михайловна (1890–1955), филолог–классик, профессор
Ленинградского университета 15, 20–23, 53, 54, 55,
57, 59, 60, 62, 68, 81, 176, 190, 225, 238, 239, 241, 242–244, 248, 250, 251, 289, 304,
325, 343, 374, 375, 377, 402, 428, 458, 459, 464, 472, 488, 490, 491, 503, 527,
535, 551, 560, 567, 575, 630, 636, 644, 645, 675, 678, 689, 725, 733, 734, 747,
755, 758, 761, 762, 776, 782, 783, 794, 799, 800, 822, 826, 831, 833, 835, 839,
859, 860, 861, 862, 874, 891, 909, 929, 930, 940, 941, 950, 957, 971, 988, 992,
1000, 1008, 1009, 1012, 1019, 1023, 1027, 1028, 1033, 1069, 1071, 1081, 1083,
1098, 1106, 1149, 1194, 1212, 1229, 1255, 1256, 1258, 1269, 1270, 1272, 1273,
1283, 1285, 1289, 1302, 1326, 1327, 1383, 1393, 1475, 1499
Фрейдлих Бруно Артурович (1909–2002), актер, с 1948 в Ленинградском театре
драмы им. Пушкина 1270, 1275
Фреландт Карл Иванович, автор учебников физики; владелец фабрики
бромосеребряных фотопластинок и
Фреми Жерар, французский пианист 1496, 1534, 1600
Фридрих I Барбаросса (ок. 1125–1190), император «Священной Римской империи» (с
1155) 162
Фришман Стела, см. С. С. Адельсон
Фришман Людвиг Бенционовна (1880–1976), жена С. С. Фришмана 279, 338, 340,
504, 505, 728
Фришман Самуил Соломонович, сосед по квартире 198
Фришманы, соседи по квартире 187, 197, 201, 211, 253, 324, 328, 340, 342, 665,
719
Фроман Михаил Александрович (1891–1940), поэт и переводчик 277, 360, 441, 506,
556
Фу, посол гомиьндановского Китая
(в 1940–е) 1641
Фурцева Екатерина Алексеевна (1910–
1974), министр культуры СССР
(с 1960) 1550
Хайям, см. Омар Хайям
Халтурин Иван Игнатьевич (1902– 1969), историк литературы; муж В. В. Смирновой
843, 848, 853, 854
Харазова Лили (Елена) Георгиевна (1903–1927), поэтесса, писала по-немецки; жена
А. И. Ромма 348, 349, 431
Харари Маня (1908–1969), английская переводчица «Доктора Живаго» 1452, 1564
Харди Томас (1840–1928), английский писатель 247
Харрис Джон, английский школьный учитель; корреспондент Б. Пастернака 1549,
1567, 1605, 1619, 1627
Хафиз (Гафиз) Ширази Шамседдин (ок. 1325–1389 или 1390), персидский поэт 57
Хемингуэй Эрнест (1899–1961), американский писатель 977, 978, 1302, 1342, 1483,
1537, 1552, 1561
Херасков Михаил Матвеевич (1733–1807), поэт и драматург 5
Хесин Григорий Борисович (1899–1983), директор Управления по охране авторских
прав 866, 875, 876, 882, 885, 890, 892, 899, 900, 902, 905, 910, 912, 915,
916, 1561
Хилков Михаил Иванович (1843–1909), князь, министр путей сообщения, член
Государственного Совета 110
Хиндемит Пауль (1895–1963), немецкий композитор, дирижер 468
Хитарова Софья Моссесовна (Моисеевна), редактор Гослитиздата 942, 969, 1240
Хлебников Велимир (Виктор Влади-мирович; 1885–1922), поэт 95, 120, 137, 183, 499,
674, 722, 939
Хмара Василий Васильевич (1895– 1947), писатель, заместитель секретаря парткома
Союза писателей 900, 902
Ходасевич Анна Ивановна (Чулкова; 1887–1964), вторая жена В. Ф. Ходасевича 297
Ходасевич Валентина Михайловна (1894–1970), художница; племянница В. Ф.
Ходасевича 1176, 1194
Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939), поэт 196, 209, 245, 247, 283, 297,
299, 303, 327, 351, 372, 389, 413, 420, 442, 465, 492, 494, 514, 532, 1176

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Холлар (Голлар) Вацлав (1607–1677), чешский художник 295
Холодковский Николай Александрович (1858–1921), зоолог и поэт-переводчик,
член-корреспондент Петербургской АН (1909) 1543
Хохлов Яков Федорович, сотрудник Литфонда и директор интерната в Чистополе 878,
887, 913, 915
Храпченко Михаил Борисович (1904– 1980), историк литературы, пред-седатель
Комитета по делам ис-кусств при Совете Министров 850, 851, 864, 872, 876, 879,
880, 895, 905, 915, 917, 920, 947, 979, 1010, 1029
Хрущев Никита Сергеевич (1894–1971), государственный деятель 1450, 1493, 1565
Цвейг Стефан (1881–1942), австрий-ский писатель 477, 629
Цветаева Анастасия Ивановна (1894– 1993), писательница; была арес-тована
232,260,262,270,273,283, 294, 297, 301, 303, 309, 325, 348, 349, 361, 368, 371,
372, 374, 376,
378, 380–382, 384–386, 388, 389, 391, 392, 400, 405, 408, 412, 421, 431, 439,
448, 451, 531, 547, 569, 579,607, 713, 740,952,974,1051,
1084,1085,1099,1108,1115,1117, 1120,1122,1126,1128,1129,1135,
1136,1137,1155,1156,1170,1181, 1197, 1200, 1209, 1216, 1228, 1233, 1263, 1264,
1265, 1282, 1292,1298, 1331,1462,1542
Цветаева Марина Ивановна (1892–1941), поэт 193,194,195,199,202, 209, 213–215,
219, 224, 225, 228, 232, 260, 262, 270, 272, 273, 277, 278, 280, 283, 286, 290,
294, 295, 297–303, 305–313, 316, 317, 319, 325–327, 330, 338, 344, 345,347–349,
351, 352, 355, 358, 361, 364, 365,367,368,371,372, 374,376–378,380–385,387–389,
391–393, 400–402, 405, 407, 408, 412–414, 416, 417, 420, 421, 423, 425, 430,
431, 435, 439, 442, 445, 448, 456, 465, 476, 485, 492, 497, 516, 518, 524, 531,
532, 544, 547, 554, 565, 566, 569, 573, 579, 583, 606, 607, 622, 627, 630, 694,
695, 697, 698, 713, 729, 738, 740, 755, 806, 808, 813, 817, 853, 854, 857, 887,
908, 950, 952, 954, 955, 974, 980, 986, 1021,1050,1064,1070,1077,1081,
1082,1099, изо, 1139,1155,1171, 1181,1192,1208,1215,1217,1231,
1258,1262,1289,1293,1296,1331, 1365,1433,1462,1470,1504,1542, 1546, 1635
Цветеремиш Пьетро (1923–1993), итальянский славист и перевод-чик «Доктора
Живаго» 1440
Цезарь Гай Юлий (102 или 100 – 44 до н. э.), римский диктатор, полко-водец 770
Цекки (Zecchi) Карло (1903–1984), итальянский пианист и дирижер 1624
Целиковская Людмила Васильевна (1919–1992), актриса, с 1941 в Театре им. Евг.
Вахтангова 1407
Церетели Акакий Ростомович (1840–1915), грузинский поэт 797, 798, 998,1190,
1191, 1195, 1422,1445
Церетели Георгий Васильевич (1904– 1973), востоковед, академик 1123
Цетлин (Амари) Михаил Осипович (1882–1945), поэт и издатель 249, 288, 352
Цех Пауль (1881–1946), немецкий поэт 274
Цорн Андерс Леонард (1860–1920), шведский живописец, график и скульптор 357
Цюрупа Александр Дмитриевич (1870–1928), политический де-ятель, с 1918 нарком
продо-вольствия РСФСР, в 1922–1923 заместитель председателя Совнаркома 201
Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856), мыслитель и публицист 1519
Чавчавадзе Тамара (1896–1968), грузинская актриса 997
Чагин Петр Иванович (1898–1967), главный редактор Гослитиздата (в 1940–х)
850,864, 872, 875, 879, 880, 882, 886, 895, 904–906, 912, 916, 920, 941, 949,
954, 958, 964, 965, 986, 1032, 1159, 1176, 1215
Чагина Мария Антоновна (1898– 1984), жена П. И. Чагина 882, 912, 916, 958, 1159,
1176, 1215, 1320
Чадсон Наталия Васильевна, балери-на; жена Н. Р. Эрдмана 1052
Чайковский Петр Ильич (1840–1893), композитор 14, 718, 1241, 1443, 1499, 1603
Чакраварти Амиа, секретарь Дж. Неру, профессор Бостонского универ-ситета 1648
Чаренц Егише (Согомонян; 1897–1937; расстрелян), армянский поэт 1055, 1271, 1287
Чарская Лидия Алексеевна (Чурилова; 1875–1937), писательница 499
Чаттерджи Брамана Сунити Кумар (1890–1977), секретарь и био-граф Р. Тагора,
профессор Лон-донского университета 1505, 1609
Челпанов Георгий Иванович (1862– 1936), психолог и логик, историк философии,
профессор Москов-ского университета, основатель и директор Московского
психо-логического института (1912– 1923) 24
Чепайтис Вергилиус, литовский поэт 1541
Черкасов Николай Константинович . (1903–1966), актер театра и кино 1272
Черни Леон, шведский скульптор 1631 Черняк Елизавета Борисовна (Тубина;
1899–1971), пианистка; жена
Я. З. Черняка 205, 216, 261, 336,
474, 559,1310 Черняк Наталья Яковлевна (1924–
1997), дочь Я. З. Черняка 261,
559, 1310

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Черняк Яков Захарович (1898-1955), историк литературы 205, 216, 261, 328, 333,
373, 411, 415, 424, 465, 474, 559, 1310
Чехов Антон Павлович (1860-1904), писатель 110, 143, 145, 149, 165, 689, 711,
767, 770, 889, 949, 979, 1008, 1016, 1039, 1046, 1050, 1051,
1155, 1237, 1238, 1538, 1594, 1595, 1623, 1646, 1648
Чехов Михаил Александрович (1891- 1955), актер, режиссер 277, 418
Чечельницкая Гитель Яковлевна, филолог и физик, преподаватель Саратовского
университета 950, 957, 988
Чижевский Дмитрий Иванович (1894- 1977), историк философии и эти-ки 1605,
1607, 1608, 1609
Чиковани Мария Николаевна (Мари-ко; 1909-1968), жена Симона Чи-ковани
774, 781, 942, 966, 969, 972, 973, 984, 991, 993, 998, 999, 1006,
1013, 1015, 1024, 1026, 1040, 1101, 1159-1161, 1167, 1176, 1188, 1191,
1198, 1210, 1239, 1340, 1370, 1452
Чиковани Симон (1903-1966), грузин-ский поэт 677, 679, 690, 696, 726, 727, 745,
774, 781, 798, 814, 942, 948, 958, 960, 966, 968, 969, 972, 973, 983, 984, 989,
991, 993, 997, 998, 999, 1006, 1013, 1014, 1015, 1024, 1040, 1101, 1123, 1124, 1159,
1160, 1161, 1167, 1166, 1188, 1191, 1198, 1210, 1222, 1234, 1239, 1240,
1246, 1249, 1340, 1347, 1348, 1370, 1409, 1416, 1445, 1450, 1452, 1458, 1460, 1476, 1561
Чилая Сергей Евстафьевич (р. 1912), грузинский писатель и критик 1340
Чичинадзе Константин Арчилович (1891-1960), грузинский поэт и переводчик 942,
1186
Чосер Джефри (13407-1400), англий-ский поэт 722
Чуковская Елена Цезаревна (Люша; р. 1931), химик; дочь Л. К. Чуковс-кой,
составитель книг деда и ма-тери 778
Чуковская Лидия Корнеевна (1907-1996), писательница 778, 779, 869, 871, 874,
878, 893, 911, 1299, 1331, 1351
Чуковская Марина Николаевна (1905-1993), переводчица; жена Н. К. Чуковского 652,
779
Чуковская Мария Борисовна (1880-1955), жена К. И. Чуковского 869, 871
Чуковский Борис Корнеевич (1910-1941; погиб на войне), инженер 869
Чуковский Корней Иванович (Нико-лай Васильевич Корнейчуков; 1882-1969),
писатель, критик 195, 197, 258-260, 264, 306, 314, 392, 402, 419, 425, 446, 518,
531, 691, 705, 779, 796, 811, 848, 869, 871, 874, 878, 881, 893, 911, 1246,
1299, 1351, 1514
Чуковский Николай Корнеевич (1904-1965), писатель, перевод-чик 195, 255, 419,
539, 650, 691, 779, 869
Чулков Георгий Иванович (1879-1939), поэт, прозаик, литератур-ный критик 645
Шагинян Мариэтта Сергеевна (1888-1982), писательница 705, 749, 758
Шаламов Варлам Тихонович (1907-1982), поэт и прозаик 1192, 1193,
1219, 1252, 1280, 1297, 1345, 1353
Шамиль (1799-1871), 3-й имам Даге-стана и Чечни (1834-1859) 673
Шамурин Евгений Иванович (1889-1962), книговед, доктор педаго-гических наук 294
Шаншиашвили Мария Иосифовна, жена С. Шаншиашвили 1158-1160
Шаншиашвили Сандро (1888-1979), грузинский писатель 641, 679, 688, 690, 1158,
1159, 1160
Шапиро Розалия Осиповна (Пас-тернак; 1845?-1930), сестра Л. О. Пастернака 574,
575, 785
Шапирштейн, см. Я. Е. Эльсберг
Шар Рене (1907-1988), французский поэт 1494, 1505, 1515-1517, 1518, 1521, 1543,
1655
Шассерио Теодор (1819-1856), фран-цузский художник 1588
Шаховской Дмитрий Александрович (1902-1989), архиепископ Сан-Францисский Иоанн,
поэт 313
Шацкий Моисей Иосифович, врач; адресат Б. Пастернака; живет в Израиле 1419
Швандт Рудольф, студент кафедры философии в 1912 в Марбурге 52
Шварц Антон Исаакович (1896-1954), мастер художественного слова 1092
Швейцер Альберт (1875-1965), немец-кий мыслитель, протестантский теолог и
миссионер, врач, музы-кант; лауреат Нобелевской пре-мии (1952) 1560, 1648
Швейцер Ренате, немецкая писатель-ница 1511, 1523, 1533, 1567, 1603, 1614, 1641,
1672, 1673
Шеве Хайнц, немецкий журналист, корреспондент газеты «Die welt» 1613, 1671, 1672
Шевченко Тарас Григорьевич (1814-1861), поэт и художник 718, 846, 959, 966, 969,
1055, 1099, 1312
Шекспир Уильям (1564-1616), анг-лийский драматург и поэт 112, из, 118, 119, 123,
124, 130, 163, 195, 199, 200, 230, 243, 246, 248, 277, 297, 299, 367, 418, 500,
574, 726, 783, 787, 792, 794-797, 799, 809, 822, 823, 826, 829-832, 834, 837,
838, 846, 850-852, 857, 861, 864, 866, 869-872, 874-876, 878-881, 885, 886,

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
889-892, 894, 896, 898-900, 902-919, 921-924, 926, 929, 930, 932-935, 938, 939,
941, 943-946, 949-952, 954, 958, 959, 962-967, 969, 970, 974, 976, 979-981, 985,
986, 999-1004, 1006, 1008, 1010, 1012-1014, 1016, 1019, 1023-1025, 1028, 1029,
1032-1036, 1042, 1043, 1051, 1052, 1055, 1056, 1058, 1064, 1069, 1087,
1093-1096, 1098, 1105, 1108, 1113, 1118, 1120, 1125, 1127, 1133-1135,
1137, 1138, 1141, 1143, 1151, 1153, 1154, 1163-1165, 1170, 1173, 1184,
1189, 1194, 1200, 1210, 1222, 1243, 1244, 1246, 1267, 1268, 1270, 1272,
1275, 1276, 1283, 1331, 1337, 1338, 1347, 1352, 1358, 1365, 1383, 1442,
1492, 1545, 1549, 1555, 1565, 1585, 1601, 1602, 1609, 1614, 1632, 1663, 1664, 1674
Шелли Перси Биши (1792-1822), англ-ийский поэт 45, 209, 923, 932, 1055, 1355,
1518
Шенгелая Николай Михайлович (1903-1943), кинорежиссер 1111
Шенгели Георгий Аркадьевич (1894- 1956), поэт, переводчик 772
Шенфельд Курт, студент кафедры есте-ствознания в 1912 в Марбурге 52
Шенье Андре Мари (1762-1794), французский поэт 391
Шервинский Сергей Васильевич (1892- 1991), поэт, переводчик 1132
Шершеневич Вадим Габриэлевич (1893-1942), поэт и переводчик 83, 120, 127
Шестаков Николай Яковлевич (1894-1974), детский писатель 705, 719
Шестакова Надежда Владимировна, жена Н. Я. Шестакова 719
Шестов Лев Исаакович (Шварцман; 1866-1938), философ и религи-озный писатель 133,
347
Шибанов Павел Петрович (1864-1935), букинист-антиквар, автор мемуаров «Полвека с
книгой и ее друзьями» 38
Шиллер Иоганн Фридрих (1759- 1805), немецкий поэт и драма-тург 288, 1331, 1335,
1338, 1342, 1345, 1358, 1382, 1411, 1414-1417, 1421, 1423, 1429, 1437, 1443, 1448, 1450,
1454, 1458, 1518, 1587, 1624
Шимановский Кароль (1882-1937), польский композитор; двоюрод-ный брат Г. Г.
Нейгауза 651
Шиманский Стефан (1920-1950?), англ-ийский литературный критик
932, 980, 981, 1002, 1003, 1004, 1083
Шингарев Семен Михайлович, фото-граф 1057
Ширкевич Зинаида Митрофановна (1888-1977), подруга Е. Я. Эф-рон 1107, 1108,
1135, 1238
Шитова Вера Васильевна (1927-2002), кинокритик 1152
Шишков Александр Семенович (1754-1841), государственный деятель, адмирал,
филолог, лите-ратор 1338
Шкапская Мария Михайловна (1891- 1952), поэтесса 255, 277
Шкапский Глеб Орестович (1891-1962), инженер; муж М. М. Шкап-ской 891
Шкловский Виктор Борисович (1893- 1984), писатель 209, 254, 330, 985, 1215
Шлегель Август Вильгельм (1767-1845), немецкий поэт и историк литературы 1631
Шмидт Василий Владимирович (1886-1938), политический дея-тель 241
Шмидт Лидия (Лили), жена В. В. Шмидта 241
Шмидт Петр Петрович (1867-1906; расстрелян), лейтенант Черно-морского флота,
руководитель Севастопольского восстания (1905) 270, 306, 350, 1171
Шолохов Михаил Александрович (1905-1984), писатель, лауреат Нобелевской премии
(1965) 1288, 1302
Шопен Фредерик (1810-1949), польский композитор 33, 40, 316,
606, 607, 641, 682, 795, 955, 956, 980, 1098, 1241, 1352, 1470, 1499, 1587, 1603, 1614,
1619, 1627, 1633, 1639, 1640, 1642, 1649, 1654, 1656, 1664
Шор Александр Соломонович, музы-кант и настройщик; брат виолон-челиста Д. С.
Шора 537, 574
Шостакович Дмитрий Дмитриевич (1906-1975), композитор 754, 758, 902, 956, 1047
Шоу Джордж Бернард (1856-1950), английский драматург 1175
Шпет Густав Густавович (1879-1937; расстрелян), философ, профес-сор Московского
университета 613, 1468
Штих Александр Львович (1890-1962), экономист 7, 19, 31, 32, 34, 50, 53, 55, 57, 59,
62-67, 75, 78, 79, 87, 89, 90, 91, 93, 96, 99, 117, 139, 154, 157, 172, 179, 198,
201
Штих Анна Львовна (Розова; 1887- 1957), пианистка 32, 34, 53, 64, 65, 67, 75,
87, 139, 157
Штих Лев Семенович (1863-1930), врач, отоларинголог 7, 548
Штих Берта Соломоновна (Залманова; 1865-1942), жена Л. С. Штиха 7, 548, 700
Штих Михаил Львович (1898-1979), скрипач, журналист 34, 53, 230, 231, 333, 595
Шторм Георгий Петрович (1898-1978), писатель 670
Штраух Максим Максимович (1900- 1974), актер, с 1932 в московском Театре
Революции 911
Штрук Герман (1874-1944), немецкий художник-график 10, 13
Шуберт Франц (1797-1828), компози-тор 111, 574, 1470, 1499, 1548, 1614

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakbori
Шувалов Иван Иванович (1727-1797), государственный деятель, кура-тор Московского
университета, президент Академии художеств 1311
Шуман Клара (Вик; 1819-1896), пианистка; жена композитора 1499
Шуман Роберт (1810-1856), немецкий композитор 568, 606, 607, 1241, 1499, 1603,
1614
Шуплецов Борис Савельевич, редак-тор отдела западной литературы в Гослитиздате
1487
Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874-1952), поэтесса и перевод-чик 425,1005
Щербаков Александр Сергеевич (1901-1945), политический дея-тель, первый
секретарь Союза писателей (1934-1936) 721, 729, 732, 738,920,927,938, 963
Щербиновская Елизавета Ивановна, мать жены Б. А. Пильняка 469, 590, 595
Щербиновская Ольга Сергеевна (1891-1975), актриса Малого театра; вторая жена Б.
А. Пиль-няка 337,469, 589, 590, 595, 598
Щипачев Степан Петрович (1898/99-1979), поэт 875
Эгиз Александра Андреевна, знакомая Л. О. Пастернака 517
Эглит Роберт Андреевич (1893-1938; расстрелян), зам. начальника
горно-геологического управле-ния Главсевморпути 184
Эгон-Бессер Кира Александровна, жена В. П. Полонского 440, 449, 493,496, 564,
597, 604, 618, 627
Эйгес Иосиф Романович (1887-1953), историк литературы, сотрудник Государственной
академии худо-жественных наук и Литературно-го музея 672
Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898-1948), режиссер и теоре-тик кино 416, 826
Эйнауди Джулио, итальянский изда-тель в Турине 1468
Эйнем Фердинанд Теодор, основатель паровой фабрики «Шоколада, конфет и чайных
печений» 19, 220
Эйнштейн Альберт (1879-1955), фи-зик; лауреат Нобелевской пре-мии (1921)
189,411,644, 737
Эйхенбаум Борис Михайлович (1886-1959), литературовед 508, 672, 1212
Эйхенгольц Марк Давидович (1889- 1953), литературовед 829
Эккерман Иоганн Петер (1792-1854), личный секретарь И.-В. Гё-те 215
Экстер Александра Александровна (1884-1949), художница 130,150
Элек Питер, английский издатель 1594, 1633
Элиава Шалва (1883-1937; расстре-лян), политический деятель 726
Элиот Томас Стернз (1885-1965), анг-лийский поэт 547, 1098, 1639, 1649, 1654,
1655, 1664
Эльсберг Яков Ефимович (Шапир-штейн; 1901-1972), литератур-ный критик 191
Энгель Ада Юльевна (Рогинская; 1901-1970), художница 224, 806
Энгель Антонина Константиновна, жена Ю. Д. Энгеля 12, 21, 428, 429
Энгель Вера Юльевна (Добрушина), дочь Ю. Д. Энгеля 224
Энгель Юлий Дмитриевич (1868-1927) композитор и музыкаль-ный критик, с 1920-х
жил в Па-лестине 12,21,94, по, 118
Энгели,семья9, по, 114,116,118,123, 152
Энгельс Фридрих (1820-1895), мысли-тель и общественный деятель 280
Энгр Жан Огюст Доминик (1780-1867), французский живописец и рисовальщик 1588
Эрдман Николай Робертович (1900-1970), драматург, поэт 1052
Эренберг Владимир Георгиевич (1875- 1923), композитор и дирижер 1146, 1147
Эренбург Илья Григорьевич (1891-1967), писатель и журналист 194, 197, 209, 224,
232, 270, 280, 283, 288, 297, 299, 302, 307-309, 315, 316, 326, 336, 345, 384,
416, 666, 689, 705, 729, 875, 877, 913, 917, 1259, 1342, 1471
Эренбург-Козинцева Любовь Михай-ловна (1900-1970), художница 302, 480, 729, 1275
Эрлих Вольф Иосифович (1902-1944), писатель 277, 375, 378, 520, 526, 533
Эстерлинг Андерс (1884-?), шведский поэт, секретарь Нобелевского комитета 1550
Эсхил (ок. 525-456 до н. э.), древне-греческий поэт 45, 297, 298,418
Эттингер Павел давидович (1866-1948), художественный критик и коллекционер 5,
12, 13, 110, 152, 160, 335, 415, 429, 462, 630, 633, 651,673,724,
747,763,783,799,874
Эули Сандро (Куридзе; 1890-1965), грузинский поэт 726
Эфрон Ариадна Сергеевна (1912-1975), переводчица; дочь
М. Цветаевой; была арестовна 299, 307, 327, 371, 376-378, 384, 524, 713, 729,
740, 1050, 1064, 1070, 1073, 1075, 1077, 1082, 1084, 1099, 1107, 1108,
1114-1116,1117,1120,1122,1130,1135, 1137, 1139, 1146, 1154, 1155, 1166, 1170,
1171, 1181, 1187, 1197,1200,1204,1208,1211,1217, 1223, 1228, 1230, 1236, 1263,
1264,1276,1289,1293,1295,1331, 1336, 1378, 1431, 1432
Эфрон Георгий Сергеевич (1925-1944; убит на войне), сын М. Цветае-вой 260, 299,
307, 327, 347, 348, 372, 374, 376-378, 384, 392, 524, 531, 698, 713, 806, 853
Эфрон Елизавета Яковлевна (1885- 1976), преподаватель художе-ственного чтения,
режиссер; старшая сестра С. Я. Эфрона 713, 1107,1108, изо, 1135,1137,1154, 1156,
1197, 1238, 1276, 1336

ое собрание сочинений в одиннадцати томах. Том 10. Письма. Борис Леонидович Пастернак pasternakboris

Эфрон Сергей Яковлевич (1893–1941; расстрелян), журналист 302, 307, 309, 327, 371, 376, 378, 387, 388, 400, 401, 405, 407, 408, 412–414, 416, 417, 420, 425, 431, 442, 448, 456, 465, 492, 516, 524, 531, 532, 544, 547, 554, 566, 569, 713, 729, 740

Эфрос Абрам Маркович (Росциус; 1888 –1954), литературный критик 152, 459

Ювенал Децим Юний (ок. 60– ок. 127), римский поэт–сатирик 762 Юдина Мария Вениаминовна (1899–1970), пианистка 468, 574–576, 721, 828, 929, 1020, 1022, 1088, 1125, 1251, 1260, 1307 Юлия Бенционовна, сестра Л. Б. Фришман, соседка Б. Пастернака по квартире 223, 315, 342, 502, 505, 597

Юнович Минна Марковна (?–1976), ответственный секретарь журнала «Октябрь» 969

Юренева Вера Леонидовна (1876–1962), актриса 792 Юрин Юрий Петрович (1894–1954), поэт 690

Юркун Юрий Иванович (1895–1938), прозаик 193

Юткевич Сергей Иосифович (1904– 1985), режиссер и теоретик кино, постановщик пьес В. Маяковского в Театре Сатиры 944

Юрсен Жювеналь дез (Juvenal des Ursins; 1388–1473), автор «Хроники Карла VI» 762

Юшкевич Семен Соломонович (1868–1927), писатель; с 1920 жил во Франции 152

Явич Август Ефимович (1900–1979), писатель 900 Языков Николай Михайлович (1803–1846/47), поэт 95, 141, 162, 307 Якобсен Енс Петер (1847–1885), датский писатель 20, 65, 194, 1346 Якобсон Леон (f 1925), муж сестры Л. О. Пастернака Екатерины

Осиповны 269 Якобсон Роман Осипович (1896–1982), филолог, лингвист 744 Якобсон Соломон (Серж) Леонович, племянник Л. Пастернака; жил в Берлине 238, 269 Якобсон Эльза, жена С. Л. Якобсона 269

Якобсон Яков Леонович, племянник Л. Пастернака; жил в Берлине 238, 762

Янков Вадим Анатольевич, математик и философ, профессор РГУ 1657

Яржембская Зинаида Михайловна, мать Г. С. Нейгауз 1290

Ярошенко Николай Александрович (1846–1898), художник–переводчик 141

Ярцев Георгий Алексеевич, директор издательства «Советский писатель» 938, 989, 1054, 1055

Яструн Мечислав (1903–1983), польский поэт, прозаик, переводчик 1485

Яшвили Медея, дочь Паоло Яшвили 641, 752, 768, 1585, 1599

Яшвили Паоло (1895–1937; застрелен), грузинский поэт 572, 595, 608, 610, 614, 616, 618, 641, 676, 677, 679, 683–686, 688, 689, 697, 705, 712, 717, 722–724, 726, 738, 745, 752, 759, 760, 777, 790, 823, 834, 883, 989, 993, 1171, 1199, 1278, 1348, 1433, 1445, 1450, 1453

Яшвили Тамара Георгиевна (Серебрякова; 1904–1986), жена П. Яшвили 572, 641, 684, 768, 777

Яценко Александр Семенович (1877– 1934), писатель и издатель 207

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://pasternakboris.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!